

FEDERAL AGENCY OF SCIENTIFIC ORGANIZATIONS
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF SIBERIAN BRANCH OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**THE PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY,
ETHNOGRAPHY, ANTHROPOLOGY OF SIBERIA
AND CROSS-BORDER REGIONS**

Volume XXI
(2015)

NOVOSIBIRSK
Institute of Archaeology and Ethnography Press
2015

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

Том XXI
(2015)

НОВОСИБИРСК
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2015

Издание основано в 1995 году

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия

академик *А.П. Деревянко* (главный редактор), академик *В.И. Молодин* (зам. главного редактора),
д-р ист. наук *М.В. Шульков* (зам. главного редактора),
канд. ист. наук *О.И. Новикова* (ответственный секретарь),
д-р ист. наук *А.В. Бауло*, канд. ист. наук *А.Е. Гришин*, д-р ист. наук *Е.И. Деревянко*,
д-р ист. наук *С.П. Нестеров*

Рецензенты

д-р ист. наук *С.А. Васильев*, д-р ист. наук *А.А. Тишкин*, д-р ист. наук *Н.А. Томилов*

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. –
П781 Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. – Т. XXI. – 620 с.

Очередной том ежегодника «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий» содержит статьи, в которых представлены результаты новейших исследований по основным направлениям деятельности Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Среди авторов – известные и молодые ученые из российских и зарубежных академических и университетских научных центров.

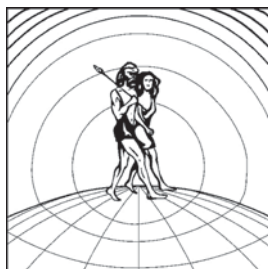
Издание рассчитано на специалистов в области археологии, этнографии, антропологии.

ББК 63.4+63.5

The Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Cross-Border Regions. –
Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Press, 2015. – Vol. XXI. – 620 p.

The instalment of the annals “The Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Cross-Border Regions” contain the articles, which was presented the results of the most recent research on the main areas in the activity of Institute Archaeology and Ethnography Siberian Branch RAS. The authors are the whether internationally known or young researchers from Russian and foreign academic and university scientific centers.

The issue is count on the archaeologists, ethnographers, anthropologists.

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

А.К. Агаджанян^{1, 2}, М.Б. Козликин¹, М.В. Шуньков¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН

E-mail: aagadj@paleo.ru

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО МЕЛКИМ ПОЗВОНОЧНЫМ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕИ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

Новые материалы по ископаемым позвоночным из восточной галереи Денисовой пещеры позволяют говорить о нескольких палеогеографических этапах развития природной среды в долине Ануя на протяжении среднего и верхнего плейстоцена. Период накопления слоя 17.1 характеризуется благоприятной климатической обстановкой. Однако затем наступило сильное, но кратковременное похолодание. Формирование слоев 15 и 14 проходило в условиях умеренно теплого и влажного климата. Слой 13 накапливался в условиях прохладного климата и периодического промерзания почвы. Слой 12.3 отражает очередное потепление в условиях повышенной влажности. Интервал накопления слоев 12.2 и 12.1 соответствует некоторому похолоданию климата при сохранении благоприятных условий для лесной растительности. Слой 11.4 соответствует очередному потеплению и наиболее благоприятным природным условиям. Слой 11.3 отражает переходный этап от теплых и благоприятных условий к холодным. Слои 11.2 и 11.1 соответствуют холодному этапу верхнего плейстоцена. Вместе с тем в эпоху накопления слоя 11.1 произошло незначительное смягчение природной обстановки.

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова пещера, плейстоцен, мелкие позвоночные, палеогеографические этапы.

A.K. Agadjanian^{1, 2}, M.B. Kozlikin¹, M.V. Shunkov¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²A.A. Borisiak Paleontological Institute RAS

E-mail: aagadj@paleo.ru

THE NEW DATA ON SMALL VERTEBRATE FAUNA FROM EASTERN GALLERY OF DENISOVA CAVE

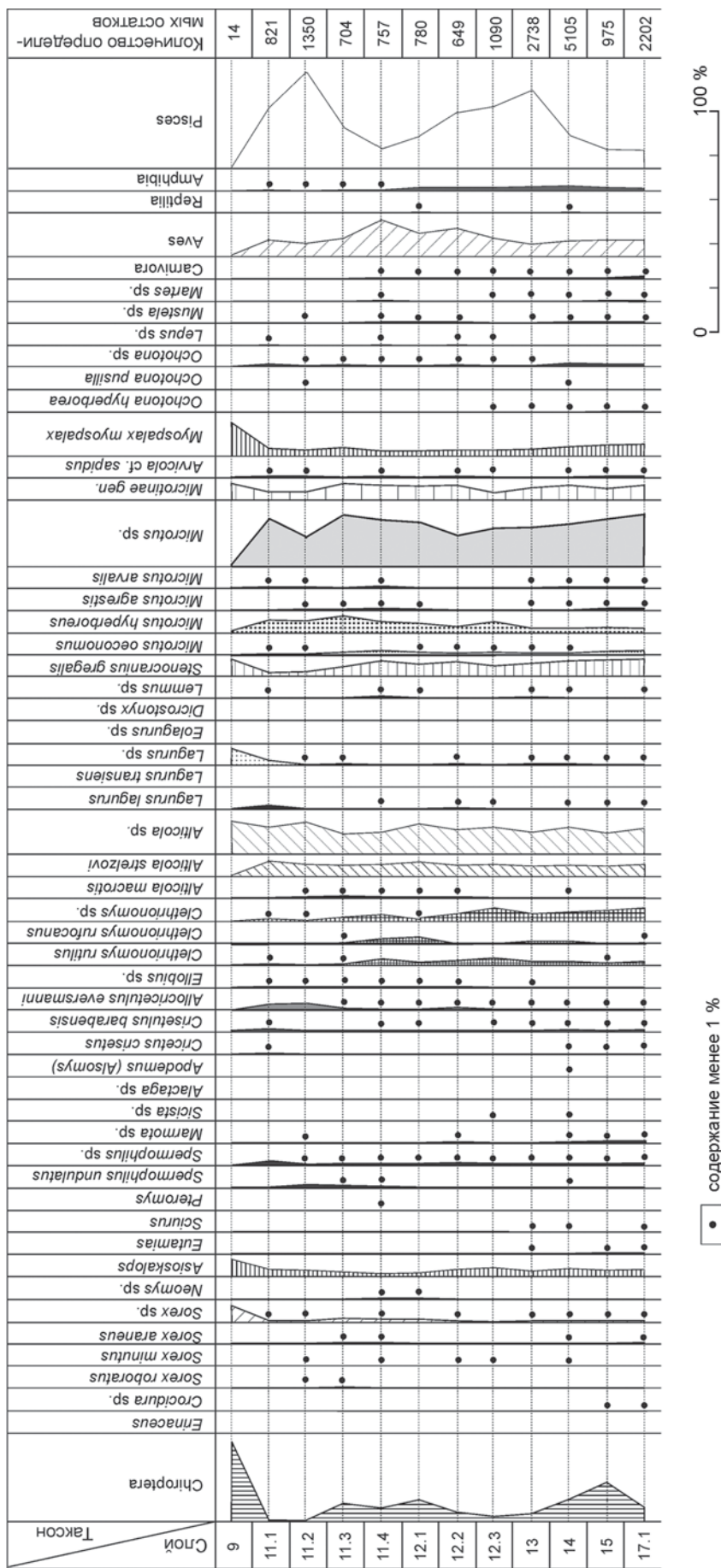
The new vertebrate fauna materials from the Eastern gallery of Denisova Cave suppose a few paleogeographic stages in environmental development in the Anui River valley during the Middle and Upper Pleistocene. The period when layer 17.1 accumulated is characterized by prolific climatic circumstance. Then there was a short cold snap. The layers 15 and 14 have formed under the warm and humid climatic conditions. Layer 13 have accumulated under the cool climatic conditions with recurrent soil freezing. Layer 12.3 reflects the further climate warming under the high humid conditions. An interval of layer 12.2, 12.1 accumulation is relevant to some climatic cold snap as long as conservation of prolific conditions for forest vegetation. The layer 11.4 corresponds to further climate warming and the most prolific environmental conditions. The layer 11.3 reflects the transitional stage from warm and prolific conditions to cold. The layer 11.2 and 11.1 formed during the cold stage of Upper Pleistocene. At the same time, when the layer 11.1 have accumulated, the environment became slightly softer.

Keywords: Mountain Altai, Denisova Cave, Pleistocene, small vertebrate fauna, paleogeographic stages.

Новые материалы по ископаемым позвоночным из восточной галереи Денисовой пещеры позволяют реконструировать динамику сообществ мелких позвоночных, прежде всего млекопитающих, в долине Ануя на протяжении второй половины среднего и в верхнем плейстоцене (см. рисунок).

Древнейший этап осадконакопления в восточной галерее зафиксирован в слое 17. Палеонтологический материал из его верхней части (слой 17.1) свидетельствует о существовании в этот период значительных массивов лесов, как светлохвойных, так и темнохвойных. Большие площади занимали

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Общий состав мелких позвоночных из плейстоценовых отложений восточной галереи Денисовой пещеры.

высокотравные луга и скальные биотопы с разреженным травостоем. Под покровом темнохвойной тайги существовали ассоциации зеленых мхов. Судя по составу фауны, природные условия в это время были достаточно благоприятными. Вместе с тем следы осаждения карбонатов на костном материале из верхней части осадка свидетельствуют о кратковременном, но существенном понижении температуры в период его накопления.

В сообществе мелких позвоночных из слоя 15 происходит незначительное падение доли лесных и скальных полевок. Немного снижается численность серых полевок и цокора. Существенно возрастает количество летучих мышей. Наиболее примечательной особенностью является морфология зубов водяной полевки. Она имеет признаки, характерные для *Arvicola mosbachensis*, типичного представителя фауны лихвинского межледниковья первой половины среднего плейстоцена. Эта водяная полевка не идентична типовой популяции из Мосбаха или стратотипа лихвина. По сравнению с ними она эволюционно более продвинутая. Вместе с тем она не идентична также *Arvicola sapidus* из верхнеплейстоценовых отложений миккулинского времени, т.к. выглядит более архаичной. Вероятно, она занимает промежуточное положение между ними. Дальнейшее накопление материала и анализ морфологии этой полевки позволит уточнить ее таксономический статус и эволюционное положение.

В период накопления слоя 14 немного нарастает численность лесных полевок *Clethrionomys*, что указывает на некоторое увеличение таежных массивов. Судя по находке лесной мыши *Apodemus (Alsomys)*, в составе растительности присутствуют элементы широколиственной флоры. Расширилась площадь скальных и луговых биотопов. Увеличение в тафоценозе слоя костей рыб и лягушек свидетельствует о повышении водного баланса речной сети. Наличие относительно большого количества ящериц предполагает высокие летние температуры.

Эпоха формирования слоя 13 отмечена падением численности летучих мышей, землероек, крота, лесных полевок и плоскочерепной полевки. Снижается количество серой полевки, цокора, пищи. При этом в составе тафоценоза резко возрастает доля рыб, что, возможно, отражает изменение гидрологического режима, появление в русле Ануя заводей и перекатов. Присутствие древесных беличьих указывает на существование лесных массивов, а наличие *Clethrionomys rufocanus* и *Lemmus* предполагает, что часть из них составляли ельники-зеленомошники.

Время накопления слоя 12.3, судя по снижению численности рыб в составе тафоценоза, отмечено изменением гидрологического режи-

ма Ануя, некоторым сокращением его водного баланса, что, возможно, было связано с начинающимся похолоданием. До минимума снижается количество рукокрылых. Заметно уменьшается численность серых полевок, цокора и других обитателей луговых биотопов. Заметный рост количества лесных полевок отражает увеличение площадей лесных массивов. При этом наличие степной пеструшки предполагает существование степных биотопов.

Для тафоценоза слоя 12.2 характерно небольшое увеличение численности рукокрылых и землероек. Вместе с тем сокращается количество костных остатков крота, а также рыб. При общем падении численности серых полевок возрастает количество узкочерепной полевки. Сохраняет относительно высокую численность цокор. Продолжает нарастать доля скальных полевок и степной пеструшки, что свидетельствует об аридизации климата.

В период накопления слоя 12.1 возрастает количество летучих мышей и землероек. Увеличивается и достигает своего максимума численность скальных полевок и степной пеструшки, растет количество серых полевок. В то же время сокращается до минимума численность цокора, снижается доля лесных полевок, хомячков, птиц. Эти данные свидетельствуют о некоторой деградации лесной растительности и увеличении площади скальных биотопов.

Материалы из слоя 11.4 указывают на существенное изменение гидрологического режима Ануя, следствием которого стало значительное сокращение количества рыб в тафоценозе пещеры. В это время увеличилась численность лесных полевок *Clethrionomys*, отмечено появление летяги, что указывает на расширение лесных массивов. При этом присутствие *C. rufocanus* и серого лемминга *Lemmus* sp. свидетельствует о расширении участков как светлохвойной, так и темнохвойной тайги. В целом, количество серых полевок достигает одного из своих максимумов, т.е. происходит увеличение площади лугов. Максимальна также численность полевки-экономки, что свидетельствует о расширении пойменных биотопов, осоково-злакового разнотравья. В то же время сокращается численность крота и цокора, что указывает на глубокое промерзание почвенного покрова. С этого рубежа начинает сокращаться популяция лягушек и увеличиваться количество северосибирской полевки.

Для эпохи накопления слоя 11.3 характерен рост численности летучих мышей, северосибирской полевки, рыб. Возрастает также количество суслика, цокора и крота, что отражает, видимо, увеличение высоты снегового покрова в зимний период. Вместе с тем уменьшение числа полевок рода *Clethrionomys* и небольшое увеличение доли степных пеструшек

свидетельствуют о сокращении лесных массивов и расширении степных биотопов.

В тафоценозе слоя 11.2 сохраняет высокую численность *Alticola*, продолжает расти доля крота, своего максимума достигает число хомячка Эверсмманна. При этом заметно сокращается количество цокора, до минимума снижается доля *Chiroptera* и лесных полевок *Clethrionomys*. В состав сообщества входят сурок и суслик, что означает распространение злаковых степей с разомкнутым травостоем. В этом слое зафиксировано максимальное количество костей рыб, свидетельствующее, видимо, о восстановлении гидрологического режима в долине Ануя. Однако при этом нельзя исключать и другие причины – например, резкое сокращение пищевой базы мышеядных хищников. В это время происходит двукратное снижение численности серых полевок, более чем в пять раз по отношению к максимуму уменьшается доля узкочерепной полевки и более чем в три раза – пашенной полевки *Microtus agrestis*. Такое сокращение кормовой базы могло привести к сдвигу рациона хищников от мышинной диеты к рыбной. В любом случае, такая перестройка была следствием нарушения кормовых цепей, что, в свою очередь, явилось отражением изменений биоты, ландшафта, климата, связанных, скорее всего, с существенным похолоданием.

В составе микротериофауны из слоя 11.1 заметно возрастает доля серых полевок и степных пеструшек, немного увеличивается количество лесных полевок, сохраняется высокая численность суслика и хомячка Эверсмманна, а число скальных полевок слегка снижается. Эти данные свидетельствуют о широком распространении ландшафтов сухих степей с господством злакового разнотравья. В то же время рост численности *Clethrionomys* указывает на некоторое смягчение климатической обстановки.

Из отложений слоя 9 получено небольшое количество фаунистического материала, не достаточное для статистически достоверных выводов. Отрывочные данные демонстрируют резкий скачок численности летучих мышей, землероек, крота, степных пеструшек и узкочерепной полевки. Эти сведения, возможно, отражают серьезные ландшафтно-климатические изменения в конце верхнего плейстоцена.

В целом палеонтологическая летопись отложений в восточной галерее пещеры позволяет говорить о нескольких палеогеографических этапах развития природной среды в долине Ануя на протяжении среднего и верхнего плейстоцена.

Период накопления слоя 17.1 характеризуется благоприятной климатической обстановкой. Однако затем наступило сильное, но кратковременное похолодание, отразившееся на сохранности остеологического материала: на поверхности костей образовалась карбонатная корочка. Формирование слоев 15 и 14 проходило в условиях умеренно теплого и влажного климата. Слой 13 накапливался в условиях прохладного климата и периодического промерзания почвы. Слой 12.3 отражает очередное потепление в условиях повышенной влажности. Интервал накопления слоев 12.2 и 12.1 соответствует некоторому похолоданию климата при сохранении благоприятных условий для лесной растительности. Слой 11.4 соответствует очередному потеплению и наиболее благоприятным природным условиям за все время накопления отложений разреза. Слой 11.3 отражает переходный этап от теплых и благоприятных условий к холодным. Слои 11.2 и 11.1 соответствуют холодному этапу верхнего плейстоцена. Вместе с тем в эпоху накопления слоя 11.1 произошло незначительное смягчение природной обстановки.

Е.В. Акимова^{1, 2}, В.М. Харевич¹, Д.С. Елистратов³,
Н.А. Чашина², А.А. Чебыкин²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

³Сибирский федеральный университет

E-mail: elaki2008@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ РУБЕЖА ПЛЕЙСТОЦЕНА-ГОЛОЦЕНА В СЕВЕРНОЙ ЗОНЕ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА*

Летом 2015 г. были проведены археологические исследования в северной зоне Красноярского водохранилища (Балахтинский р-н Красноярского края) с целью дальнейшего изучения памятников рубежа плейстоцена–голоцена, открытых в 2014 г. На стоянках Бюза II и Троицкая выполнены шурфы и небольшие по площади раскопы, позволившие получить археологический материал *in situ*. Археологический материал в культурном слое идентичен материалу, экспонированному на поверхность береговой отмели.

Стратиграфическое положение обоих памятников позволяет датировать культурный слой Бюзы II началом голоцена, Троицкой – концом плейстоцена. На данный момент в бассейне среднего Енисея не известны индустрии раннеголоценового возраста, типологически близкие материалам Бюзы II. Археологический комплекс стоянки Троицкой находит аналогии в памятниках кокоревоархейской археологической культуры.

Оценивая сегодняшнее состояние памятников с учетом уклона современной дневной поверхности, высоты первичного и ширины вторичного береговых уступов, можно предполагать, что дальнейшие исследования возможны только на местонахождениях Бюза II, Троицкая и Черемушки II. При этом Черемушки I и III как стоянки уже разрушены, и в настоящее время происходит перенос экспонированного ранее материала с поверхности вторичного уступа на прибрежную полосу с последующих замывом и погребением в глине.

Результаты работ этого года в зоне Красноярского водохранилища еще раз показывают, что все памятники среднеенисейского палеолита могут быть уничтожены в ближайшие годы. Объекты с культурным слоем *in situ*, сохранившиеся к нашему времени, представляют лишь тыловые, периферийные участки поселений.

Ключевые слова: Красноярское водохранилище, поздний палеолит, ранний голоцен, береговая абразия, каменная индустрия.

E.V. Akimova^{1, 2}, V.M. Kharevich¹, D.S. Elistratov³,
N.A. Chaschina², A.A. Chebykin²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²V.S. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University

³Siberian Federal University

E-mail: elaki2008@yandex.ru

STUDY OF THE SITES DATED TO PLEISTOCENE-HOLOCENE BOUNDARY IN THE NORTHERN AREA OF KRASNOYARSK WATER RESERVOIR

In the summer of 2015, the continuing archaeological study was conducted on the sites dated to Pleistocene-Holocene boundary and found in 2014 in the Northern area of Krasnoyarsk water reservoir (Balakhtinskiy district of Krasnoyarsk region). The test pits and small excavation areas were laid out at the Byuza II and Troitskaya sites and gave the material *in situ*. Archaeological material from the cultural layer is identic to the surface artifacts from the shoreline overwash.

The stratigraphic situation of the both sites allows dating the cultural layers of Byuza II and Troitskaya sites to Early Holocene and Final Pleistocene respectively. The typologically closed to Byuza II Early Holocene industries is unknown for Middle Yenisei river basin at this moment. Archaeological complex of Troitskaya site has the analogies among the sites of Kokorevo archaeological culture.

Evaluation of their current condition including the incline of the modern surface, the elevation of the primary cliff and width of the secondary cliff allows proposing that some perspectives of the further research can be realized at the

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Byuza II, Troitskaya and Cheremushki II sites only. Cheremushki I and II sites are destroy already. At this moment previously exposed material moves from the surface of the secondary cliff to riverside area that supposes the further blurring and depositing into the clay.

The investigation of the area of Krasnoyarsk water reservoir this year demonstrates that all Middle Yenisei Paleolithic sites can be destroyed in the nearest time. The extant objects with cultural layer in situ represent just the inner marginal areas of the ancient settlements.

Keywords: Krasnoyarsk water reservoir, Late Paleolithic, Early Holocene, coast erosion, stone industry.

В 2015 г. отрядом ИАЭТ СО РАН были продолжены археологические исследования финально-плейстоценовых и раннеголоценовых памятников в северной зоне Красноярского водохранилища.

Левый берег Красноярского водохранилища. Нижнее течение р. Бюзы

На исследуемом участке ширина долины Енисея, прорезающего Красноярский кряж Восточного Саяна, не превышает 1,5 км. Долины малых притоков Енисея (Бирюса, Бюза, Езагаш и др.) – узкие, зажаты в размываемых скальных берегах.

Стоянка Бюза II открыта в 2014 г. [Харевич и др., 2014]. Памятник расположен в 50 км выше плотины Красноярской ГЭС по левому берегу залива Бюза, в 600 м выше его современного устья или около 1 км выше затопленного устья самой р. Бюзы. Культурный слой прослежен вдоль первичного берегового уступа, густо заросшего смешанным лесом, и на участке пологого склона с частично размываемым современным дерновым слоем, что соответствует максимальному (243 м) уровню подъема воды в Красноярском водохранилище.

Основными задачами работ было подтверждение однослойности памятника и выявление участков, перспективных для дальнейшего изучения. В шурфе 2014 г., углубленном до 2,7 м, были вскрыты раннеголоценовые, поздне- и среднесартанские отложения. Культурный слой залегал на глубине 0,5–0,7 м в верхней и средней частях слоя коричневатого-бурого суглинка. Распространение этого же культурного слоя было выявлено в шурфе и траншее, выполненных вдоль кромки берегового уступа. Шурф, заложенный в 11 м от берегового уступа, археологического материала не дал.

В составе коллекции, полученной из культурного слоя (65 экз.), преобладают мелкие отщепы, осколки и фрагменты пластин. В единичных экземплярах найдены плоский скребок подтреугольной формы с выпуклым рабочим краем (см. рисунок, 1), заготовки орудий на пластине и обломке изделия (см. рисунок, 4), фрагмент орудия на пластине с ретушью по обоим краям (см. рисунок, 2), резец на фрагменте широкой пластины (см. рисунок, 3).

В составе коллекции подъемного материала (170 экз.) – крупный клиновидный нуклеус, серия

долотовидных орудий на сколах и плоских гальках, обломки скребловидных орудий.

Таким образом, работы 2015 г. подтвердили наличие на памятнике только одного культурного слоя. Глубина залегания материала соответствует уровню размыва берегового уступа водохранилищем, находки экспонированы на уровень геологического горизонта, непосредственно подстилающего культурный слой. Видимо, культурный слой сохранился только вдоль кромки берегового уступа, на его наиболее выступающей, мысовой части. Стратиграфическое положение культурного слоя и типологическая характеристика каменного инвентаря позволяют предварительно датировать стоянку ранним голоценом.

Местонахождение Бюза I расположено в 100 м выше по течению р. Бюзы. У кромки воды собран немногочисленный археологический материал (12 экз.): заготовка скребла на узкой гальке, остроконечник с противлежащей альтернативной ретушью по обоим краям, крупный галечный нуклеус.

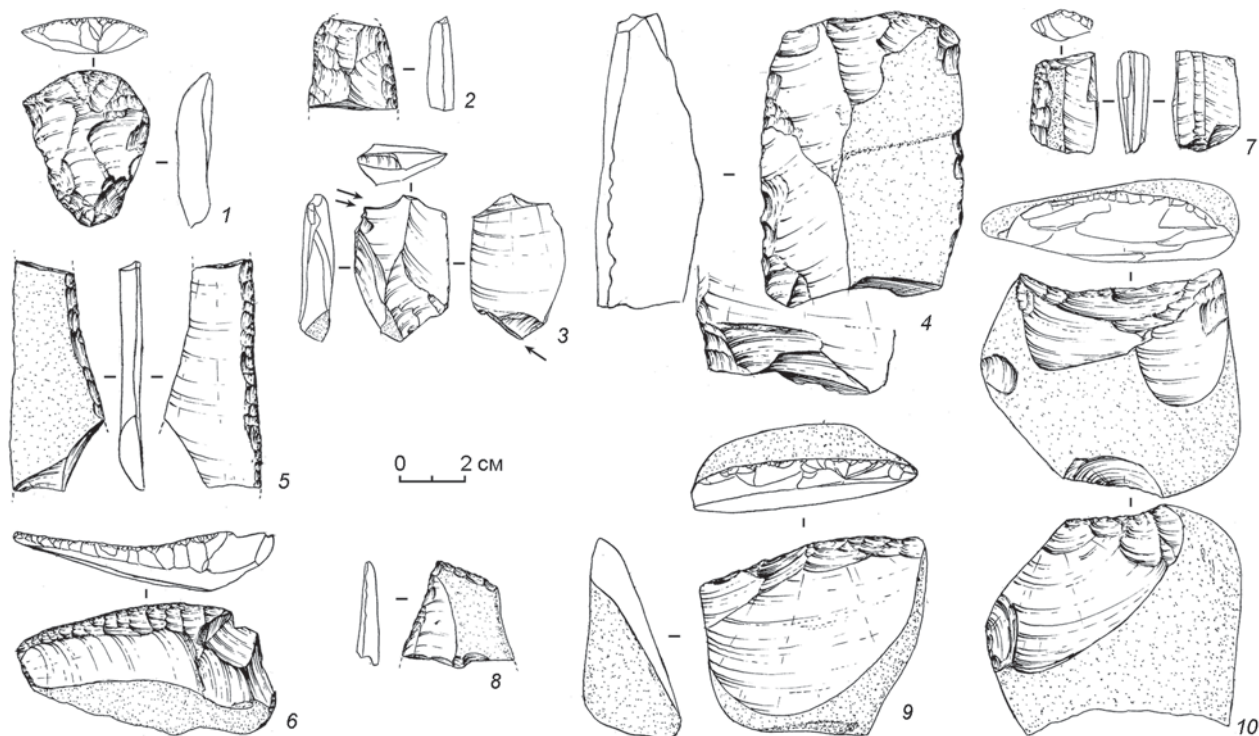
На сегодняшний день невозможно ответить на вопрос о связи этих двух объектов между собой. Допустим вариант единого крупного поселения с выносом части экспонированного археологического комплекса в периферийную зону.

Правый берег Красноярского водохранилища. Черемушкинский археологический район

Исследуемый участок относится к северной части Енисейско-Чулымской котловины – зоне наибольшего разрушения и образования высоких абразионных уступов (до 10 м), простирающихся вдоль обоих берегов Енисея. На сегодняшний день здесь известно только четыре объекта, сосредоточенных на участке протяженностью около 3 км непосредственно выше залива Черемушки.

Стоянка Троицкая. Первым пункт в устье Пашкина ключа отметил Н.Ф. Лисицын [2000] в 1990 г., в 2014 г. стоянка открыта нами вторично и получила название Троицкая [Акимова и др., 2014].

Стоянка расположена в 1 км выше устья залива Черемушки, на левом приустьевом участке берега небольшого залива. Ширина водохранилища здесь

Каменный инвентарь стоянок Бюза II (1–4) и Троицкая (5–10).

1 – скребок; 2, 5, 8 – фрагменты орудий на пластинах; 3 – резец; 4 – заготовка орудия; 6, 9 – скребла; 7 – микронуклеус; 10 – скребловидное орудие.

достигает 8 км, что обеспечивает высокую интенсивность прибойно-волновой деятельности.

На первичном береговом уступе выполнен разрез глубиной 5,7 м, в котором выявлены отложения от голоцена до финала каргинского времени, включая реперный для среднего Енисея каргинский педоседимент.

В 2014 г. культурный слой был обнаружен в двух врезках общей площадью 5 м² на глубине 60–70 см, в кровле слоя серо-желтой пылеватой супеси. Целью работ 2015 г. явилось получение информативной коллекции артефактов *in situ*, уточнение количества культурных слоев и определение дальнейших перспектив исследования памятника.

Раскоп 1 (9 м²) был прирезан к шурфу-врезке 1 (2014 г.). Артефакты залегают с разбросом по вертикали в пределах 10–20 см. В простирации слоя прослеживается уклон в северо-восточном направлении – в сторону древнего лога, в настоящее время ставшего заливом водохранилища.

Непосредственно в культурном слое было получено 514 предметов, и более 500 (чешуйки и фрагменты микропластин) – в промывке. В составе коллекции – клиновидный микронуклеус (см. рисунок, 7), три скребла на сколах и плоской гальке (см. рисунок, 6, 9), обломки крупных орудий на пластинах с ретушью, в том числе альтернативной (см. рисунок, 5, 8), скребловидное орудие

с вогнутым краем на гальке (см. рисунок, 10), обломок концевой скребка. Фаунистическая коллекция невыразительна: преобладают неопределимые фрагменты трубчатых костей плохой сохранности (до 1 тыс. ед.), найдены часть челюсти и кости конечностей (фрагменты берцовой и лучевой, пяточная и заплюсневая кости) северного оленя.

Ниже вторичного берегового уступа, на береговой отмели было собрано более 200 предметов, в числе которых нуклеусы, скребки, скребла, резцы.

Таким образом, на стоянке Троицкая достоверно зафиксирован один культурный слой. Его стратиграфическое положение позволяет датировать его финальнокаргинским временем. Этому же слою принадлежало абсолютное большинство артефактов, полученных с поверхности береговой отмели. Все наиболее характерные для подъемного комплекса типы изделий, такие как клиновидные нуклеусы, концевые и скребки на отщепках, дорсальные скребла, изделия с резцовым сколом, пластины с ретушью, микропластины и крупные пластины, найдены в культурном слое. По типологическому облику материалы культурного слоя и подъемных сборов наиболее близки индустриям кокоревской археологической культуры [Абрамова, 1979].

Второй культурный слой в разрезе не зафиксирован. В разрезе на глубине 5 м, в слое пере-слаивающихся гумусированных суглинков (каргинский педоседимент) найден обломок пястной

кости носорога с возможными следами погрызов некрупными животными.

О гипотетической возможности наличия более древних артефактов в подъемных сборах могут свидетельствовать фаунистические остатки мамонта, носорога, бизона, лошади со следами раскалывания, видовой состав которых и лучшая степень сохранности не позволяют относить их к финально-сартанскому слою. Однако в подъемных сборах отсутствуют предметы, безусловно не соответствующие облику кокоревских индустрий, в том числе кареноидные скребки, листовидные бифасы и пластины с многорядной крутой ретушью, стратиграфически связанные с каргинским педоседиментом и являющиеся реперными для начального периода позднего палеолита Енисея.

Местонахождение Черемушки I. Сборы немногочисленного археологического материала проведены в 2014 г. [Харевич и др., 2014]. Местонахождение (группа местонахождений?) расположено на левом приустьевом участке берега залива Черемушки. Единичные предметы (11 экз.) собраны вдоль вторичного абразионного уступа на береговой отмели. В коллекции – крупные концевые скребки, остроконечное орудие на широкой пластине.

Местонахождение Черемушки II. Впервые открыто Н.Ф. Лисицыным [2000] в 1990 г., вторично обследовано в 2014 г. [Харевич и др., 2014]. Расположенное в глубине залива Черемушки, оно, возможно, не подвергалось столь разрушительному воздействию абразионных процессов, как стоянка Троицкая. На береговой отмели, ниже вторичного абразионного уступа, собраны около 150 предметов из камня, в числе которых многочисленные сколы, пластины, скребки, скребла, нуклеусы, здесь же найдены фрагменты костей лошади, бизона, северного оленя.

Местонахождение Черемушки III. Открыто нами в 2014 г. [Харевич и др., 2014]. Расположено в 1 км выше стоянки Троицкой, на левом приустьевом участке берега безымянного залива. Немногочисленный материал (25 экз.) получен на береговой отмели ниже вторичного абразионного уступа. Здесь найдены заготовки крупных галечных нуклеусов и небольшого нуклеуса с негативами пластинчатых снятий, крупное скребло-унифас, массивные ретушированные отщепы.

В отличие от стоянки Троицкой, где ширина площадки вторичного абразионного уступа не превышает 5–8 м, на Черемушках I–III этот показатель достигает 30–50 м. Вероятно, что Черемушки I и III как стоянки уже разрушены, и в настоящее время происходит перенос экспонированного ранее материала с поверхности вторичного уступа на прибрежную полосу с последующим замывом и погребением в глине. На Черемушках II, учи-

тывая направление склона, культурный слой мог сохраниться в средней части площадки вторичного уступа. На Троицкой разрушение культуросодержащей толщи происходит в настоящее время, в результате чего материал фиксируется в двух позициях: на осыпи у подножия первичного берегового уступа и ниже вторичного уступа – на постоянно обновляемой береговой отмели.

Результаты работ 2015 г. в зоне Красноярского водохранилища еще раз убедительно показывают, что существует реальная угроза полного уничтожения памятников среднеенисейского палеолита в ближайшие годы. Объекты, частично сохранившиеся к нашему времени, представляют собой тыловые, периферийные участки поселений. В связи с этим необходимо активизировать усилия по поиску и изучению наиболее информативных памятников в зоне Красноярского водохранилища.

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 200 с.

Акимов Е.В., Харевич В.М., Орешников И.А., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Гурулев Д.А. Новые памятники рубежа плейстоцена–голоцена в северной зоне Красноярского водохранилища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 7–10.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2000. – 230 с. – (Тр. ИИМК РАН; т. II).

Харевич В.М., Акимов Е.В., Орешников И.А., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Гурулев Д.А., Кукса Е.Н. Разведочные работы в северной зоне Красноярского водохранилища // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 91–96.

References

Abramova Z.A. Paleolit Eniseja. Kokorevskaja kul'tura. Novosibirsk: Nauka, 1979. 200 pp. (In Russ.).

Akimov E.V., Harevich V.M., Oreshnikov I.A., Stasjuk I.V., Tomilova E.A., Gurulev D.A. Novye pamjatniki rubezha plejstocena–golocena v severnoj zone Krasnojarskogo vodohranilishha // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. 20. Pp. 7–10. (In Russ.).

Harevich V.M., Akimov E.V., Oreshnikov I.A., Stasjuk I.V., Tomilova E.A., Gurulev D.A., Kuksa E.N. Razvedochnye raboty v severnoj zone Krasnojarskogo vodohranilishha // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. 20. Pp. 91–96. (In Russ.).

Lisicyn N.F. Pozdnij paleolit Chulymo-Enisejskogo mezhdurech'ja. St. Peterburg: Peterburg. vostokovedenie, 2000. 230 pp. (Tr. IIMK RAN; vol. II). (In Russ.).

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ ВЕРХНЕГО КОМПЛЕКСА АРТЕФАКТОВ С МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ РУБАС-1 (по материалам раскопок в 2015 году)

В статье представлены данные о стратиграфии раскопа 5 на местонахождении Рубас-1 (Дагестан) и технико-типологическая характеристика археологических материалов, полученных при работах в 2015 г. На основании обобщенных данных проводится анализ каменной индустрии. Материалы раскопа 5 с учетом коллекций 2006–2014 гг. позволяют выделить две группы ассамбляжей, соответствующих археологическим уровням 1–3 и 4–8. Коллекции этих уровней имеют определенные различия между собой как в технике первичного расщепления, так и в орудийных наборах. Каменную индустрию группы нижних уровней (4–8) характеризует присутствие развитой леваллуазской техники, наряду с которой применялось простое параллельное расщепление с одно- и двуплощадочных ядрищ. В орудийном наборе преобладают скребла. В комплексе артефактов верхних уровней (1–3) ядрища и сколы леваллуа отсутствуют, резко падает процент фасетированных ударных площадок у сколов. Орудийный набор может быть охарактеризован только с учетом материалов раскопок прошлых лет, которые показывают значительное увеличение количества и разнообразие верхнепалеолитических типов орудий, в основном скребков и резцов, а также присутствие долотовидных и тронкированных изделий. Общей отличительной особенностью индустрии является наличие большого количества обломков и осколков и частое использование их в качестве основ для орудий. По совокупности признаков индустрия археологических уровней 4–8 соответствует финальным стадиям среднего палеолита, а уровни 1–3 могут маркировать начало процесса перехода к верхнему палеолиту.

Ключевые слова: палеолит, археологический уровень, каменная индустрия, орудийный набор, Дагестан.

STONE INDUSTRY OF THE UPPER ARTIFICIAL COMPLEX FROM THE RUBAS-1 SITE (based on the excavated materials of 2015)

The article presents the new data for stratigraphy of the excavation area 5 and technological typological analysis of the archaeological materials which were got during the excavation of the Rubas-1 site in 2015. Stone industry was analysed on the ground of the generalize data. Taking to account the collections of the 2006–2014 the materials of excavation area 5 give the opportunity to mark out two groups of assemblages according with archaeological levels 1–3 and 4–8. These collections have the special differences as in primary flaking technique well as in the tool assemblages. The developed Levallois technique used with the parallel unidirectional or bidirectional core reduction marks the stone industry of the group from the lower levels (4–8). The scrapers dominate in the tool assemblage. Cores and Levallois spalls are absent in the artificial complex of upper level, the percent of the faceted striking platform slumps. It is possible to characterize a tool assemblage in the light of materials excavated during the last years. They demonstrate the dramatic increase and Upper Paleolithic tool type variability, scrapers and burins mainly, and the presence of chisel-like and truncated tools. The common differential peculiarity of the entire industry is a great number of chips and debris and their employing as the blanks. Proceeding from the general estimation of industry from the archaeological levels 4–8 it is possible to conclude that this archaeological complex corresponds to Terminal Middle Paleolithic stages according to set of attribute. Levels 1–3 can mark the Initial stage of transition to Upper Paleolithic.

Keywords: Paleolithic, archaeological level, stone industry, tool assemblage, Dagestan.

Местонахождение Рубас-1 расположено на правом берегу р. Рубас, в 3 км выше по течению от с. Чулат (Табасаранский р-н Республики Дагестан). Памятник находится в теле крупного оползня блочного типа, в настоящее время имеющего вид протяженного террасовидного уступа высотой ок. 25–30 м над урезом воды, с ровной столообразной поверхностью и крутыми склонами. Географические координаты памятника – 41° 53' 21'' с.ш., 48° 07' 35'' в.д.; высота над ур.м. – 270 м.

В ходе работ на памятнике получен сводный разрез четвертичных отложений мощностью до 18 м, с которым связано три комплекса археологических материалов, относящихся к разным этапам палеолитического времени. Самый молодой в культурно-хронологическом плане комплекс находок, приуроченный к верхней части разреза, изучался в 2006–2007 гг. серией из пяти шурфов общей площадью 20 м², перекрывающих участок около 1 тыс. м². Всего в ходе этих работ были обнаружены 1 295 экз. каменных артефактов, в том числе 1 221 экз. залегающих в стратифицированном положении. Наиболее полно литология изученного участка представлена в стратиграфическом разрезе шурфа 1 (площадь 12 м²), где было выделено 10 основных литологических подразделений. Археологический материал из всех шурфов связан с пачкой слоев 2–9 и в основном залегал в гравийно-щебнисто-галечных горизонтах. Всего в ходе работ во вскрытой толще максимальное число уровней локализации артефактов (археологических уровней – а.у.) выделено в шурфе 1 – семь, и они связаны со слоями 2, 3, 6–9 [Деревянко и др., 2012, с. 106–121]. Анализ стратиграфии остальных шурфов позволил найти прямые соответствия между литологическими телами, вскрытыми в них и в шурфе 1, а также скоррелировать уровни залегания археологического материала на всех объектах. В 2014 г. в 3 м к северо-западу от западного угла шурфа 5 был заложен раскоп 4 (в общей нумерации раскопанных участков памятника) площадью 16 м² (4 × 4 м). Толща рыхлых отложений вскрывалась по всей площади раскопа на глубину до 6 м. В ходе работ выделено пять основных литологических слоев, содержащих пять археологических уровней – 1, 3, 4–6, при этом материал трех нижних археологических уровней рассматривался единым блоком. Общая коллекция стратифицированного археологического материала, полученного из раскопа 4, насчитывает 79 экз. каменных артефактов [Аноikin, Борисов, 2014].

В 2015 г. в 2 м к востоку от восточного угла шурфа 1 был заложен раскоп 5 площадью 45 м² (5 × 9 м). Толща рыхлых отложений вскрыта

по всей площади раскопа на глубину до 5 м. В ходе работ выделено 10 основных литологических слоев, которые по ряду характеристик можно объединить в три пачки.

Пачка 1 (сл. 1). Серо-коричневая супесь с включениями мелкого щебня и гальки – современный почвенный горизонт. Мощность – до 0,2 м.

Пачка 2 (сл. 2–9). Мощная толща сложного генезиса, составленная преимущественно светлым серо-коричневым лессовидным суглинком с алевритом. Внутри пачка отложений субаэрального образования содержит горизонты коллювиально-пролювиально-делювиального происхождения в виде гравийно-дресвяных, галечно-щебнистых отложений со светло-коричневым песчаным заполнителем. Местами толща разбита гравитационными трещинами отрыва. Мощность – до 4 м. В слоях зафиксировано семь уровней залегания археологического материала палеолитического облика.

Пачка 3 (сл. 10). Тонкослойчатый песок с прослоями и линзами светло-серого алеврита, который подстилают гравийно-галечниковые отложения аллювиального происхождения. Вскрытая мощность – до 1 м.

В целом стратиграфическая ситуация, выявленная на раскопе 5, совпадает с таковой на расположенном рядом шурфе 1. Основные отличия связаны с индивидуальной мощностью литологических тел, составляющих пачку слоев 2–9. Кроме того, слои 6–8 (по стратиграфической колонке шурфа 1), составленные в основном галечно-щебнистым материалом, сливаются на отдельных участках в юго-западной части раскопа 5 в единый мощный горизонт обломочника с суглинисто-песчаными прослоями, которые не выдержаны по простиранию и мощности. На данном участке границы между слоями носят в значительной мере условный характер. Возможно, выявленная ситуация связана с наличием в этой части раскопа мощной гравитационной трещины, заполненной в основном обломочным материалом. Также следует отметить, что в отличие от шурфа 1 на раскопе 5 не зафиксирован а.у. 3, а.у. 7 имеет значительную мощность и распространение, а ниже него выявлен ранее не фиксировавшийся а.у. 8, представленный незначительным по количеству, но выразительным археологическим материалом.

Общая коллекция стратифицированного археологического материала, полученного в ходе работ 2015 г. из раскопа 5, насчитывает 113 экз. каменных артефактов, которые распределяются следующим образом.

Археологический уровень 1. Всего – 15 экз., в том числе пластины – 3, пластинчатые отще-

пы – 2, отщепы – 2, обломки, осколки – 8. Орудийных форм нет.

Археологический уровень 2. Всего – 21 экз., в том числе пластинчатые отщепы – 1, отщепы – 12; технические сколы – 2, обломки, осколки – 6. Орудийный набор представлен шиповидным изделием со срединным расположением рабочего элемента.

Археологический уровень 4. Всего – 26 экз., в том числе нуклевидные формы – 2, пластины – 5, отщепы – 13, технические сколы – 1, сколы леваллуа – 1, обломки, осколки – 3, чешуйки – 1.

Группа нуклевидных изделий представлена нуклевидными обломками.

В орудийный набор входят пять предметов: удлинённый мустьерский остроконечник на леваллуазском сколе (см. рисунок, 5); три скребла – продольное с вентральным утончением (см. рисунок, 7) и два поперечных, все с дорсальной обработкой ретушью; нож с обушком-обломом; отщеп с ретушью.

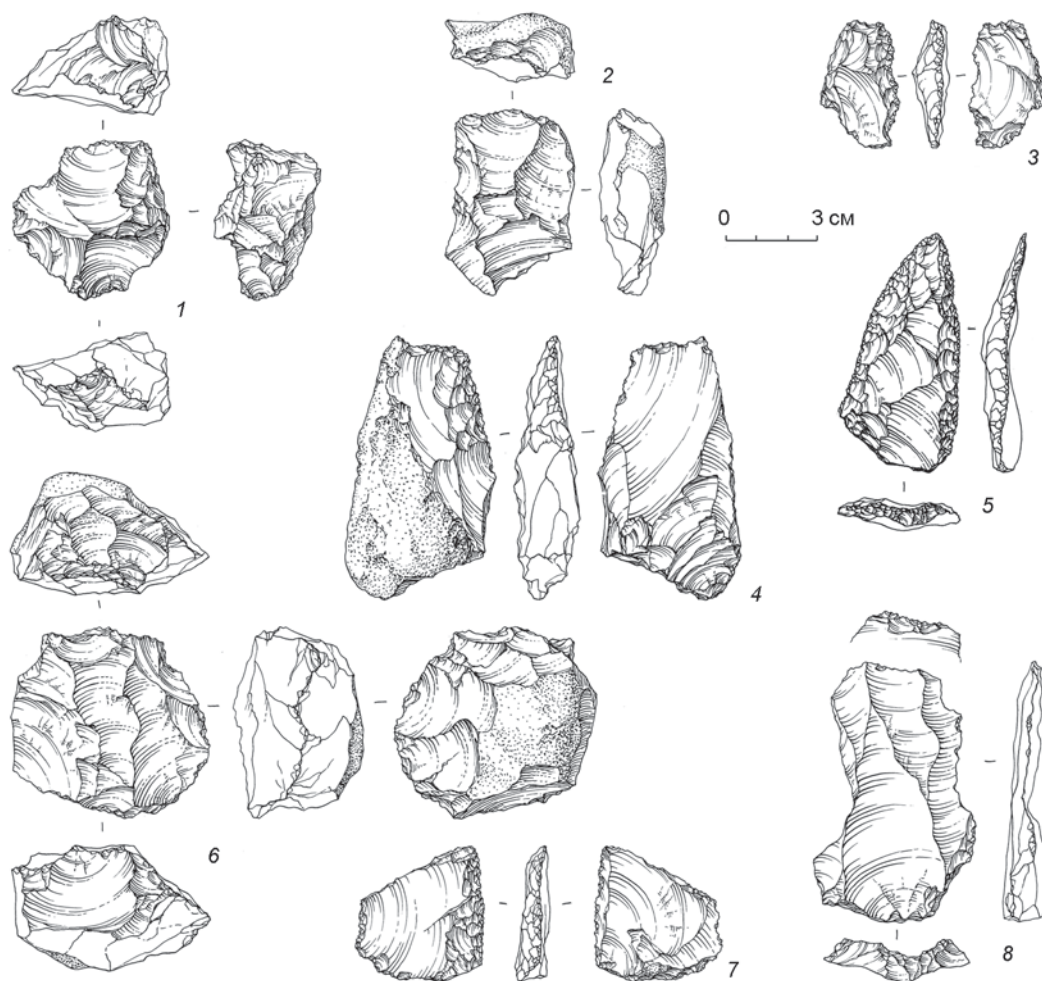
Археологический уровень 5. Всего – 32 экз., в том числе нуклевидные формы – 6, пластинчатые отщепы – 3, отщепы – 13, технические сколы – 1, обломки, осколки – 8, чешуйки – 1.

Группа нуклевидных изделий представлена тремя нуклевидными обломками и тремя ядрищами. Среди типологически выраженных нуклеусов определены следующие категории:

– одноплощадочный монофронтальный параллельного принципа скалывания, истощен (см. рисунок, 2);

– двуплощадочный монофронтальный параллельного принципа скалывания, с противоположащим расположением площадок, истощен (см. рисунок, 1);

– трехплощадочный бифронтальный параллельного принципа скалывания, с двумя противоположащими ударными площадками; третья площадка оформлена на левой латерали, с нее произведено два поперечных снятия по контрфронту ядрища (см. рисунок, 6).

Каменные артефакты из раскопа 5 на местонахождении Рубас-1 (художник А.В. Абдульманова).

1, 2, 6 – нуклеусы; 3 – выемчатое орудие; 4, 7 – скребла; 5 – мустьерский остроконечник; 8 – скол леваллуа.

1–4, 6 – археологический уровень 5; 5, 7 – археологический уровень 4; 8 – археологический уровень 8.

В орудийный набор входят три предмета: два продольных скребла (одно с вентральным утончением (см. *рисунок, 4*), второе с зубчатой ретушью, выполнено на небольшом плоском обломке (см. *рисунок, 3*)) и обломок с ретушью.

Археологический уровень 6. Всего – 5 экз., в том числе отщепы – 4, сколы леваллуа – 1. Орудийных форм нет.

Археологический уровень 7. Всего – 10 экз., в том числе пластины – 1, пластинчатые отщепы – 2, отщепы – 5, обломки, осколки – 2.

Орудийные формы представлены двумя отщепами с ретушью.

Археологический уровень 8. Всего – 4 экз., в том числе отщепы – 2, технические сколы – 1, сколы леваллуа – 1 (см. *рисунок, 8*). Орудийных форм нет.

Анализ материалов раскопа 5 с учетом общих данных по верхнему комплексу артефактов местонахождения Рубас-1 (коллекция 2006–2014 гг.) позволил выделить две группы ассамбляжей, соответствующих археологическим уровням 1–3 и 4–8. Коллекции этих уровней имеют определенные различия между собой как в технике первичного расщепления, так и в орудийных наборах. Кроме того, эти группы, скорее всего, были разделены значительным хронологическим интервалом, что маркирует залегающая между ними пачка стерильных в археологическом плане отложений (слои 4 и 5), четче всего представленная на шурфе 1, где ее мощность составляет более 1 м. Каменную индустрию нижних уровней (4–8) характеризует присутствие развитой леваллуазской техники, наряду с которой применялось простое параллельное расщепление с одно- и двуплощадочных ядрищ. В орудийном наборе преобладают скребла. В комплексе артефактов верхних уровней (1–3) ядрища и сколы леваллуа отсутствуют, резко падает процент фасетированных ударных площадок у сколов. Орудийный набор может быть охарактеризован только с учетом материалов раскопок прошлых лет, которые показывают значительное увеличение количества и разнообразие верхнепалеолитических типов орудий, в основном скребков и резцов, а также присутствие долотовидных и тронкированных изделий [Деревянко и др., 2012]. Общей отличительной особенностью индустрии является наличие большого количества обломков и осколков, а также частое использование их в качестве основ для орудий. Это, как и небольшая размерность реализованных сколов, может объясняться особенностями местного кремня, который имеет много внутренних дефектов.

Таким образом, мы можем заключить, что индустрия археологических уровней 4–8 по совокупности признаков с большой долей вероятности соответствует финальным стадиям среднего палеолита, тогда как уровни 1–3 могут маркировать начало процесса перехода к верхнему палеолиту.

Вместе с тем отсутствие данных абсолютной хронологии не позволяет определить точные временные рамки существования верхнего комплекса артефактов Рубас-1. По совокупности естественно-научных, в первую очередь геологических, данных отложения сл. 2–9 можно относить к позднему неоплейстоцену. Однако прямые аналогии этим индустриям находятся в материалах расположенной в том же районе многослойной стоянки Тинит-1, имеющей возраст 35–50 тыс. л.н. [Анойкин и др., 2013]. Оба памятника имеют схожие условия осадконакопления и строение разрезов, что также может свидетельствовать о синхронности их формирования.

Список литературы

Анойкин А.А., Борисов М.А. Каменная индустрия рубежа среднего–верхнего палеолита с местонахождения Рубас-1 (Приморский Дагестан): новые данные // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 11–14.

Анойкин А.А., Славинский В.С., Рудая Н.А., Рыбалко А.Г. Новые данные об индустриях рубежа среднего–верхнего палеолита на территории Дагестана // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2 (54). – С. 26–39.

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 232 с.

References

Anoikin A.A., Borisov M.A. Kamennaya industriya rubezha srednego–verhnego paleolita s mestonahozhdeniya Rubas-1 (Primorskij Dagestan): novye dannye // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. 20. Pp. 11–14. (In Russ.).

Anoikin A.A., Slavinskij V.S., Rudaya N.A., Rybalko A.G. Novye dannye ob industriyah rubezha srednego–verhnego paleolita na territorii Dagestana // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2013. No. 2 (54). Pp. 26–39. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Amirhanov H.A., Zenin V.N., Anoikin A.A., Rybalko A.G. Problemy paleolita Dagestana. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2012. 232 pp. (In Russ.).

О МЕТОДЕ СЫРЬЕВЫХ ЕДИНИЦ*

В статье кратко представлены данные о мировом опыте применения метода сырьевых единиц, также называемого методом сырьевых групп, в контексте исследований палеолитических комплексов. Данный подход предполагает вычленение из широкого технологического контекста индустрии продуктов расщепления отдельных блоков сырья посредством группирования артефактов с идентичными комбинациями макроскопически определяемых петрографических признаков – цвета, текстуры, характеристик сколовой поверхности и др. Название метода происходит от английских словосочетаний raw material unit и raw material group, которые обозначают совокупность продуктов расщепления одной отдельности сырья. В научных работах имеют место несколько направлений исследований археологических комплексов, в рамках которых метод сырьевых единиц находит свое применение. В первую очередь, это исследование структуры культурных отложений и их тафономии; метод сырьевых единиц в данном случае применяется с 70–80 гг. XX в. В рамках второго направления на основе исследования сырьевых единиц производится реконструкция chaîne opératoire в узком и широком смысле – транспортировка сырья с места добычи на стоянку, схемы трансформации отдельностей сырья на площади стоянки, эвакуация заготовок со стоянки. Принято считать, что основателем второго направления, именуемого сейчас В. Вайсмюллер, применивший данный подход в середине 90-х гг. XX в. к материалам памятника Сессельфелсгрот в Южной Германии.

Ключевые слова: петрографические признаки артефактов, метод сырьевых единиц, анализ структуры культурных отложений, chaîne opératoire, трансформационный анализ.

N.E. Belousova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: consacrer@yandex.ru

ABOUT THE METHOD OF RAW MATERIAL UNITS

This article briefly summarized the experience in application of method of raw material units or also referred to as method of raw material group as a part of Paleolithic complex study. This approach is aimed to divide the lithics, knapped from the separate raw material blocks, using the clustering of artifacts with identic patterns of macroscopically determined petrographic attributes – the color, texture, specifics of flake surface and etc. – among the broad technological context of entire industry. The name of method comes from the English word combinations – «raw material unit» and «raw material group», which mean the lithic assemblage knapped from the one raw material joint. In scientific papers, there are the few directions in study of archaeological complexes, in the terms of which the method of raw material units finds the use. Primarily, it includes the study of the cultural deposit structure and their taphonomy; for that matter method of raw material units applies since 70–80th of XX century. In the terms of second direction, the chaîne opératoire narrowly and generally reconstructs basing on the raw material unit study – raw material transportation from the outcrops to the site, schemes how raw material joints were transformed in the site area, blank evacuation from the site. It is commonly supposed that W. Weissmüller, the German researcher was the founder of the second direction – so-called transformational analysis in European historiographic tradition. He applied this approach to materials from Sesselfelsgrötte site of the Southern Germany in the middle of 1990th.

Keywords: petrographic attributes of artifacts, method of raw material units, analysis of cultural deposit structure, chaîne opératoire, transformational analysis.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

В качестве инструмента реконструкции узкого технологического контекста, или так называемых абсолютных технологических взаимосвязей, как правило, используют метод ремонта; реконструкциям, основанным на данном подходе, свойственны детальность и исчерпывающая достоверность. Однако помимо метода ремонта существует иной инструмент, позволяющий восстановить связь между каменными артефактами, реализованными в процессе утилизации одной отдельности, – порой его называют *second order refit* [Petraglia, 1992] или *ремонт второго порядка*. В современной североамериканской традиции данная процедура известна как *minimum analytical nodule analysis (MANA)* или *анализ минимального рассчитанного количества отдельных сырьевых единиц* [Larson, Kornfeld, 1997; Bruce, 2001]. Во франкоязычных европейских исследованиях для обозначения подхода используют термин *méthode des rapprochements* [Tsanova, 2008, p. 65], который можно перевести на русский язык как *метод установления связи*. Согласно англоязычной европейской традиции, его можно назвать *методом сырьевых групп* или *сырьевых единиц*. Термины происходят от английских словосочетаний *raw material group* [Tsanova, 2008], *raw material unit* (сокращенно *RMU*) [Schäffer, 1990; Weissmüller, 1995; Uthmeier, 2004], которыми обозначается совокупность продуктов расщепления одной отдельности. Метод сырьевых единиц (далее – метод СЕ) предполагает вычленение из широкого технологического контекста индустрии продуктов расщепления отдельных блоков сырья (отдельностей) посредством группирования артефактов с идентичными комбинациями макроскопически определяемых петрографических признаков – цвета, текстуры, характеристик сколовой поверхности и др.

Означенный подход в настоящее время не включен в арсенал методов, широко применяемых в рамках исследования археологических комплексов. Особенно это касается отечественной историографии. Данный факт связывается автором статьи, прежде всего, с недостаточной концептуализацией представлений в данной области и отсутствием исследований, обобщающих достаточно богатый опыт работы на основе метода СЕ. Дополнительные ограничения на внедрение метода в научные исследования накладывает тот факт, что широкому его применению должна предшествовать долгая подготовительная работа, связанная с определением степени вариабельности петрографических характеристик типов каменного сырья, расщепляемых на конкретной стоянке, и доказательством достоверности осу-

ществляемой сортировки. На настоящий момент сформирован исчерпывающий перечень критериев оценки достоверности данных метода СЕ [Uthmeier, 2004] – петрографические, планиграфические и технологические; схема выработана на основе исследования индустрий, базирующихся на кремневом сырье, однако актуальна практически для любой индустрии.

В научных работах имеют место несколько направлений исследований археологических комплексов, в рамках которых метод СЕ находит свое применение; они полностью соответствуют тем областям, к которым применим метод ремонта. В первую очередь, это исследование структуры культурных отложений и их тафономии. Процедуры применения данных метода СЕ и метода ремонта здесь абсолютно аналогичны и взаимосвязаны; в их основе лежат базовые принципы тафономического подхода, разработанного в 70-х гг. XX в. Планиграфические реконструкции в каждом случае основаны, во-первых, на выявлении между каменными артефактами индустрии абсолютных технологических взаимосвязей, во-вторых – на исследовании характера распределения последних в пространстве культурных отложений стоянки. Один из первых известных опытов использования взаимосвязей между элементами сырьевых групп как эквивалентов связей аппликативных относится к исследованиям стоянки Гайсенклёстерле в Южной Германии [Hahn, 1988]. Сортировка кремневого материала по отдельностям и исследование локализации связей в пространстве позволили верифицировать представления о динамике заселения стоянки, дифференцировать материалы отдельных уровней обитания, изучить влияние постдепозиционных процессов на отложения. В последующем аналогичные вопросы решались в процессе исследования культурных отложений палеолитических стоянок Франции (Восточный Каминад), Испании (Абри Романи), Болгарии (Темната), Крымского п-ва (Кабази II, Буран-Кая III, Киик-Коба), Ирана (Варвази), России (Ануй-3, Усть-Каракол-1, Кара-Бом), Монголии (Чихэн), США (Хэлл-Гап, Таока Уолкер) и др.

Вторая область исследований, в которой применим метод СЕ, – это реконструкция *chaîne opératoire* в узком и широком смысле: от транспортировки сырья с места добычи на стоянку и утилизации отдельностей сырья в ее пределах до эвакуации заготовок со стоянки. В рамках данного направления, основываясь параллельно на методах технологического анализа и планиграфии, возможно реконструировать схемы трансформации отдельных блоков сырья, а также осуществить исследование пространственно-временной

«фрагментации» выявленных производственных цепочек расщепления камня. Современный опыт подобных исследований базируется почти исключительно на каменных индустриях, где основным технологическим трендом являлось изготовление бифасиальных орудий.

Согласно европейской историографической традиции, область использования данных метода СЕ для реконструкции стратегий утилизации каменного сырья чаще всего именуется трансформационным анализом. Принято считать, что у истоков формирования трансформационного анализа как научного подхода в том виде, в котором он применяется в европейских исследованиях сейчас, стоит немецкий ученый В. Вайсмюллер [Uthmeier, 2004]. Эта идея впервые была проверена ученым на среднепалеолитических леваллуазских индустриях пещерной стоянки Сесселфелс-грот (Германия) [Weissmüller, 1995]. Принимая во внимание различные возможные виды преобразования отдельностей, В. Вайсмюллером было выявлено несколько классов трансформации; согласно выявленным классам реконструировались трансформационные последовательности. Подход, который применил В. Вайсмюллер, был адаптирован и наиболее активно применялся в процессе исследования материалов группы палеолитических комплексов Крымского п-ва – микокских комплексов грота Буран-Кая III [Uthmeier, 2004], грота Киик-Коба [Demidenko, Uthmeier, 2013], а также микокских и мустьерских индустрий отдельных культурных горизонтов стоянки Кабази II [Kabazi II..., 2005, 2006].

Североамериканская школа трансформационного анализа в целом не уступает европейской. Согласно данным Э. Кнелла [Knell, 2012], применение подхода здесь фиксируется уже с 90-х гг. XX в. и связано с материалами палеоиндейских комплексов [Larson, Kornfeld, 1997]. Американские исследователи, как и европейские, были сосредоточены на моделировании процессов импорта, экспорта и использования на стоянке сырья, орудий и др.; моделировался «поток» каменного сырья и орудий к стоянке, на ней и через нее. Процедура анализа в исследованиях североамериканских археологов отличается от тех алгоритмов, которые использовали В. Вайсмюллер и его последователи. В качестве примера можно привести работы Э. Кнелла [Knell, 2012], посвященные материалам палеоиндейской стоянки Хелл Гэп (Северная Америка). Основным инструментом анализа в данном случае являлись пять универсальных сценариев преобразования отдельности – производственные и транспортные сценарии, согласно которым группировались сырьевые единицы.

В отечественной историографии автору известно мало примеров использования метода СЕ в рамках исследования технологий обработки каменного сырья; одним из таких редких примеров являются исследования индустрий на стоянке Зарайск В (Россия), где основным технологическим трендом являлось производство пластин [Лев, Еськова, 2012].

В заключение отметим, что использование сырьевых единиц, в зависимости от исходных данных, целей и известного опыта, может приобретать достаточно разнообразные формы. У метода много имен; как и метод ремонтажа, он внедрялся совершенно независимо на разных континентах и в разных научных школах – североамериканской, европейской (немецкой) и др. При значимом различии процедур анализа и способов визуализации полученных данных базовые алгоритмы работы с данными метода СЕ везде идентичны – сортировка, исследование абсолютных технологических взаимосвязей как планиграфических связей и/или реконструкция последовательностей трансформации отдельностей в пределах стоянки, оценка полноты узкого технологического контекста и использование полученных данных для реконструкции процессов импорта и экспорта.

Список литературы

- Лев С.Ю., Еськова Д.К.** Кремневые скопления как элемент структуры стоянки Зарайск В // КСИА. – 2012. – Вып. 227. – С. 83–93.
- Bruce K.L.** All Rocks are Not Alike // Southeastern Archaeology. – 2001. – Vol. 20. – P. 78–92.
- Demidenko Y.E., Uthmeier Th.** Kiik-Koba Grotto, Micoquian layer IV Re-analyses: an overview // Kiik-Koba Grotto, Crimea (Ukraine): Re-analysis of a key site of the Crimean Micoquian. – Rahden: Leidorf, 2013. – 182 S. – (Kölner Studien zur Prähistorischen Archäologie; Bd. 3).
- Hahn J.** Die Geißenklösterle-Höhle im Aichtal bei Blaubeuren I. Fundhorizontbildung und Besiedlung im Mittelpaläolithikum und Aurignacien. – Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 1988. – 250 S. – (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg; Bd. 26).
- Kabazi II:** Last Interglacial Occupation. Environment & Subsistence. Palaeolithic Sites of Crimea. – Simferopol; Cologne: Shlyakh, 2005. – Vol. 1. – 312 p.
- Kabazi II:** The 70000 Years since the Last Interglacial. The Palaeolithic Sites of Crimea. – Simferopol; Cologne: Shlyakh, 2006. – Vol. 2. – 453 p.
- Knell E.J.** Minimum Analytical Nodules and Late Paleoindian Cody Complex Lithic Technological Organization at Hell Gap, Wyoming // Plains Anthropologist. – 2012. – Vol. 57. – P. 325–351.
- Larson M.L., Kornfeld M.** Chipped Stone Nodules: Theory, Method, and Examples // Lithic Technology. – 1997. – Vol. 22. – P. 4–18.

Petraglia M.D. Stone artefact refitting et formation process at the abri Dufaure, an upper Palaeolithic site in south-west France // *BAR Internat. Ser.* – 1992. – Vol. 578. – P. 163–178.

Schäfer J. Conjoining Artefacts and Consideration of Raw-Material: Their Application at the Middle Palaeolithic Site of the Schweinskopf-Karmelenberg // *The Big Puzzle.* – Bonn: *Studies in Modern Archaeology*, 1990. – P. 83–100.

Tsanova T. Les débuts du paléolithique supérieur dans l'est des Balkans. Réflexion à partir de l'étude taphonomique et techno-économique des ensembles lithiques de Bacho Kiro (couche 11), Temnata (couches VI et 4) et Kozarnika (niveau VII) // *BAR Internat. Ser.* – 2008. – Vol. 1752. – 326 p.

Uthmeier Th. Transformation Analysis and the Reconstruction of On-Site and Off-Site Activities: Methodological Remarks // *The Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of Eastern Crimea.* – Liège: ERAUL, 2004. – P. 175–191. – (The Paleolithic of Crimea; vol. III).

Weissmüller W. Die Silexartefakte der Unteren Schichten der Sesselfelsgrötte. Ein Beitrag zum Problem des Moustérien // Saarbrücken: Saarbrücker Druckerei und Verlag, 1995. – 559 S. – (Quartär-Bibliothek; Bd. 6).

References

Bruce K.L. All Rocks are Not Alike // *Southeastern Archaeology*. 2001. Vol. 20. Pp. 78–92.

Demidenko Y.E., Uthmeier Th. Kiik-Koba Grotto, Micoquian layer IV Re-analyses: an overview // Kiik-Koba Grotto, Crimea (Ukraine): Re-analysis of a key site of the Crimean Micoquian. Rahden: Leidorf, 2013. 182 S. (Kölner Studien zur Prähistorischen Archäologie; Bd. 3).

Hahn J. Die Geißenklösterle-Höhle im Aichtal bei Blaubeuren I. Fundhorizontbildung und Besiedlung im Mittelpaläolithikum und Aurignacien. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag, 1988. 250 S. (Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg; Bd. 26).

Kabazi II: Last Interglacial Occupation. Environment & Subsistence. Palaeolithic Sites of Crimea. Simferopol; Cologne: Shlyakh, 2005. Vol. 1. 312 pp.

Kabazi II: The 70000 Years since the Last Interglacial. The Palaeolithic Sites of Crimea. Simferopol; Cologne: Shlyakh, 2006. Vol. 2. 453 pp.

Knell E.J. Minimum Analytical Nodules and Late Paleoindian Cody Complex Lithic Technological Organization at Hell Gap, Wyoming // *Plains Anthropologist*. 2012. Vol. 57. Pp. 325–351.

Larson M.L., Kornfeld M. Chipped Stone Nodules: Theory, Method, and Examples // *Lithic Technology*. 1997. Vol. 22. Pp. 4–18.

Lev S.Ju., Es'kova D.K. Kremnevye skopleniya kak element struktury stojanki Zarajsk B // *KSIA*. 2012. Iss. 227. Pp. 83–93. (In Russ.).

Petraglia M.D. Stone artefact refitting et formation process at the abri Dufaure, an upper Palaeolithic site in south-west France // *BAR Internat. Ser.* 1992. Vol. 578. Pp. 163–178.

Schäfer J. Conjoining Artefacts and Consideration of Raw-Material: Their Application at the Middle Palaeolithic Site of the Schweinskopf-Karmelenberg // *The Big Puzzle.* Bonn: *Studies in Modern Archaeology*, 1990. Pp. 83–100.

Tsanova T. Les débuts du paléolithique supérieur dans l'est des Balkans. Réflexion à partir de l'étude taphonomique et techno-économique des ensembles lithiques de Bacho Kiro (couche 11), Temnata (couches VI et 4) et Kozarnika (niveau VII) // *BAR Internat. Ser.* 2008. Vol. 1752. 326 pp.

Uthmeier Th. Transformation Analysis and the Reconstruction of On-Site and Off-Site Activities: Methodological Remarks // *The Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic of Eastern Crimea.* Liège: ERAUL, 2004. Pp. 175–191. (The Paleolithic of Crimea; vol. III).

Weissmüller W. Die Silexartefakte der Unteren Schichten der Sesselfelsgrötte. Ein Beitrag zum Problem des Moustérien // Saarbrücken: Saarbrücker Druckerei und Verlag, 1995. 559 S. (Quartär-Bibliothek; Bd. 6).

В.В. Бобров^{1, 2, 3}, А.Г. Марочкин², А.Ю. Юракова^{2, 3}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Институт экологии человека СО РАН

³Кемеровский государственный университет

E-mail: comcon@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ И ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ НЕОЛИТА НА ПАМЯТНИКЕ АВТОДРОМ-1 В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ В 2015 ГОДУ*

В статье подведены итоги исследований, проведенных Кузбасским археологическим отрядом на поселении Автодром-1 на северо-западе Барабинской лесостепи в 2015 г. Дана морфологическая характеристика жилища № 8, а также приведены суммарные показатели и общая характеристика связанного с ним предметного комплекса. На основании морфологической и орнаментальной специфики керамической посуды из заполнения жилищного котлована предложена его датировка неолитическим временем. Обозначены отличия исследованного строения от других неолитических жилищ поселения Автодром-1, выраженные в подквадратной форме и в отсутствии земляных нар. Дана предварительная характеристика материалам из кургана № 1, определены его специфические черты: ограничение погребального пространства рвами, перекрытие захоронений земляной насыпью, длительное и многоэтапное использование общей могильной ямы, обряд погребения в вытянутом положении на спине, ориентация погребенных головой на северо-восток, практика вторичных захоронений с частичным нарушением анатомического порядка, немногочисленность помещаемого в могилу инвентаря, его формирование из украшений и предметов орудийного набора. На основе анализа фрагментов керамической посуды из курганной насыпи и рвов, костяных украшений, а также каменных и костяных орудий из сопроводительного набора предложено отнести захоронения к периоду позднего неолита. Обозначены типологически близкие рассматриваемому погребально-му комплексу черты в морфологии сооружений и обряде неолитических могильников Протока и Венгерово-2а, также расположенных на северо-западе Барабинской лесостепи. По аналогии с этими памятниками курган № 1 поселения Автодром-1 предварительно датирован V тыс. до н.э.

Ключевые слова: поселение Автодром-1, жилище, погребальный комплекс, периодизация, неолит, Барабинская лесостепь.

V.V. Bobrov^{1, 2, 3}, A.G. Marochkin², A.Yu. Yurakova^{2, 3}

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Institute of Human Ecology SB RAS

³Kemerovo State University

E-mail: comcon@yandex.ru

NEOLITHIC SETTLEMENT AND BURIAL COMPLEX RESEARCH AT THE AVTODROM-1 SITE OF BARABA FOREST-STEPPE IN 2015

We present here the results of study Avtodrom-1 settlement, realized by Kuzbass archeological team in the northwest of the Baraba forest-steppe in 2015. We introduce the morphological characteristics of the dwelling №8, and provide a summarized data and general characteristics of the associated artificial complex. This object is dated to Neolithic time, based on morphological and ornamental features of pottery from filling the pit dwelling.

We marked the variation of the studied structure from the other Neolithic dwellings at the Avtodrom-1, which are evident as subsquare form and absence of the ground plank bed. Also, the article presents the preliminary characteristics of barrow №1 and defines its specific traits: burial space was limited by trenches; burial graves were covered by mound, the common burial pit was used stepwise and durably; the burial rite includes the stretched position on the back; decedent

*Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 14-06-00041.

was oriented headlong to north-east; the secondary burials with a partial disturbance of anatomical order; placed in the grave equipment was scarcity and came to ornaments and tool assemblage. Authors offer to relate these burial ground to Late Neolithic period. This attribution bases on the analysis of fragments of pottery from the barrow bank and trenches, bone ornaments, as well as stone and bone tools from the accompanying assemblage. We marked the typologically similar features in the constructive morphology and customs of the Protoka-1 and Vengerovo-2A the Neolithic burial grounds, located in north western part of Baraba forest-steppe. On the analogy of these sites, the barrow № 1 from the Avtodrom-1 is preliminary dated to 5th millennium BC.

Keywords: Avtodrom-1 settlement, dwelling, burial complex, periodization, Neolithic, Baraba forest-steppe.

В 2015 г. Кузбасским археологическим отрядом (рук. – д-р ист. наук, проф. В.В. Бобров) были продолжены раскопки на поселении Автодром-1 в окрестностях с. Венгерово Венгеровского р-на Новосибирской обл. (северо-запад Барабинской лесостепи). В ходе работ вскрыто 205 м², получены свыше 500 находок, исследованы остатки жилища № 8, а также кургана № 1, обнаруженного на памятнике в 2014 г. Полученные данные характеризуют планиграфию и стратиграфическое соотношение жилищных и погребальных комплексов (рис. 1, 1).

Во избежание пространных повторений в тексте обозначим предварительную группировку полученной керамики.

Группа 1 – фрагменты плоскодонных профилированных сосудов преимущественно с накольчатой орнаментацией. Это наиболее ранний неолитический комплекс, связанный с большинством жилищ поселения Автодром-1 (рис. 1, 2–4).

Группа 2а – фрагменты посуды, орнаментированной сочетанием горизонтальных рядов треугольных наколов и округлых ямок, предварительно датируемой периодом позднего неолита (рис. 1, 5, 7, 10–12, 14–17).

Группа 2б – фрагменты посуды с различными вариациями гребенчато-ямочного орнамента, предварительно датируемой периодом позднего неолита (рис. 1, 6, 8, 9, 13, 18).

Группа 3 – посуда с орнаментацией фигурным штампом и жемчужинами, характерная для новочекинской культуры раннего железного века.

Находки за пределами жилищ и кургана. Находки из слоя гумусированной супеси включали 35 фрагментов керамической посуды. Из них большая часть плохой сохранности, но 14 фрагментов соотносятся с комплексом новочекинской культуры раннего железного века. Предметы каменной индустрии единичны: одна пластина и семь округлых скребков.

В слое белого песка обнаружена керамика группы 1 – 8 фрагментов; 43 фрагмента из группы 2а; один фрагмент из группы 3; 25 фрагмента керамики плохой сохранности. Также в слое обнаружены: необработанная галька – 1 экз.; желваки и нуклеу-

сы – 2; отщепы – 59; пластины – 15; скребки – 12; каменная проколка – 1 экз.

Жилище № 8 представлено остатками котлована подквадратной формы, размерами 5 × 5 м, глубиной от уровня материка до 0,52 м. Котлован ориентирован углами по линиям СЗ – ЮВ, ЮЗ – СВ. Керамика из заполнения и прилегающей площади включает 17 фрагментов из группы 1; 28 фрагментов из группы 2; 40 фрагментов плохой сохранности.

Предметы каменной индустрии из заполнения жилища и сопредельных с ним участков представлены куском необработанного сырья, нуклеусом, 43 отщепами, 8 пластинами, 15 скребками и заготовкой шлифованного орудия.

Находки говорят о возможном неолитическом возрасте жилищ, но подквадратная форма и отсутствие земляных нар отличают его от других неолитических строений памятника Автодром-1.

Курган № 1 обнаружен в 2014 г. при раскопках неолитического жилища № 9, восточная часть которого была повреждена курганными рвами. В 2015 г. курган исследован полностью.

Важным элементом описываемого погребального комплекса являются рвы дугообразной формы, один из которых опоясывает курган с западной и северной стороны, а другой ограждает его юго-восточную сторону. Разрывы между рвами образуют симметрию по оси ЮЗ – СВ. Глубина рвов относительно материка варьирует от 0,2 м до 0,45 м, а заполнение состоит из супеси белого цвета с обильными включениями гумуса. Находки из рвов представлены 5 фрагментами керамики группы 2а, фрагментом из группы 2б, 9 фрагментами керамики плохой сохранности, 8 отщепами.

Курган состоит из невысокой насыпи, расположенной в непосредственной близости от западин жилищ № 8 и 9. В ходе инструментальной съемки выявлено, что курган имел округлую форму, диаметр до 8 м и высоту относительно материка до 0,4 м. Погребенная почва не зафиксирована, и за пределами могильной ямы желто-коричневая супесь насыпи смыкается с «материковым» слоем темно-красного суглинка.

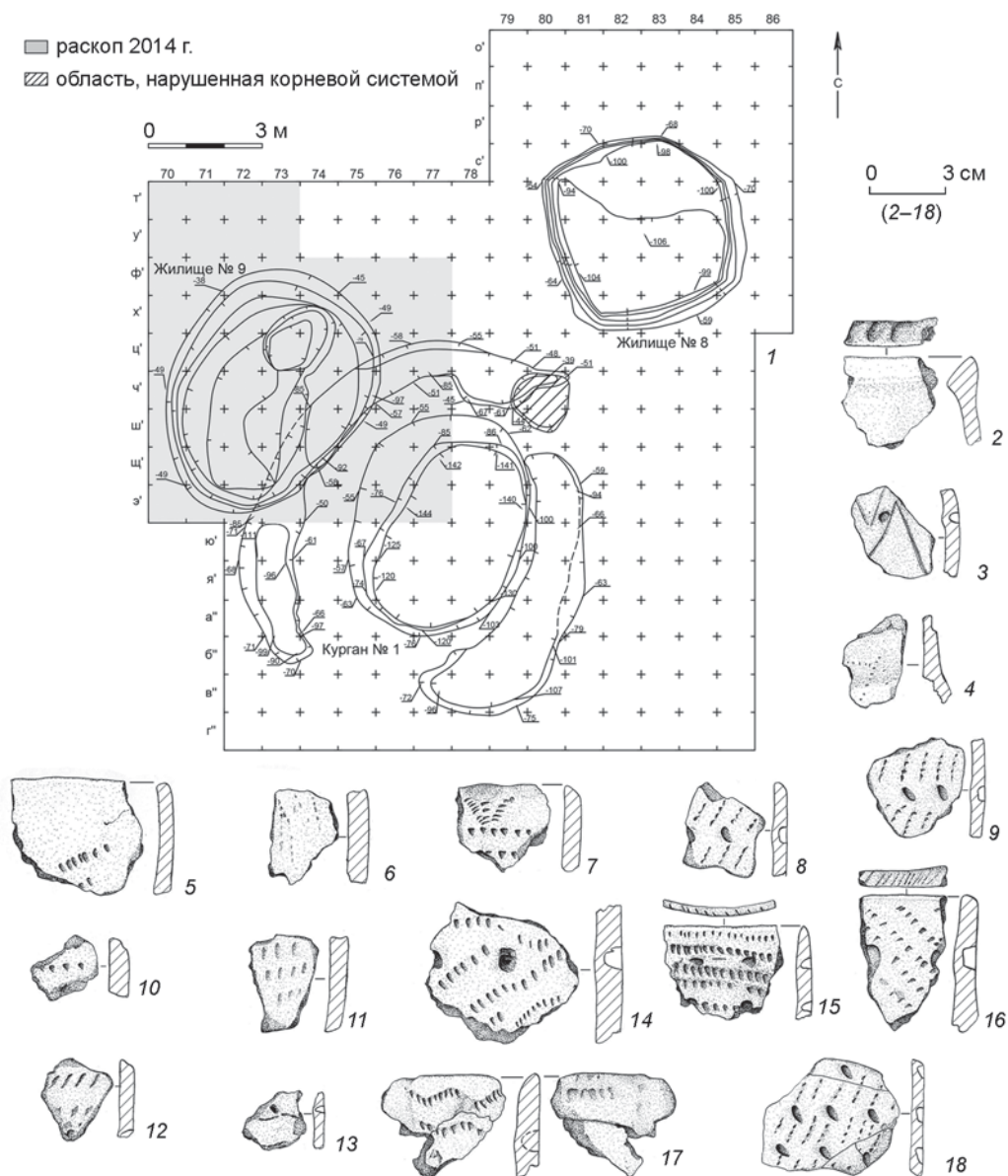

Рис. 1. План раскопа 2014, 2015 гг. с выявленными объектами (1) и керамика из материалов 2015 г.
 2–4 – группа 1; 5, 7, 10–12, 14–17 – группа 2а; 6, 8, 9, 13, 18 – группа 2б.
 2, 3, 7–9, 14 – фрагменты из курганный насыпи; 4, 5 – из слоя белого песка; 6, 10–13 – из заполнения жилищного котлована № 8;
 15–18 – из заполнения курганного рва.

В верхнем горизонте насыпи найдены три фрагмента новочекинской посуды и бронзовое шило. Эти вещи не связаны собственно с погребальным комплексом, а маркируют деятельность населения эпохи раннего железа.

В нижних горизонтах насыпи обнаружены разрозненные кости человека и немногочисленные артефакты, связанные с нижележащими погребениями. Среди них 8 фрагментов керамики группы 1, 11 фрагментов из группы 2а, 2 фрагмента из группы 2б, 38 фрагментов керамики плохой сохранности, 16 отщепов, 8 пластин, 4 скребка, каменный абразив, украшение из кварцита овал-

ной формы, костяной наконечник стрелы ромбовидной формы, костяная пластина неизвестного назначения, 4 подвески из резцов марала и клыков мелких хищников, резец бобра без признаков подработки.

Под насыпью находилась большая овальная яма, ориентированная по оси ЮЮЗ – ССВ. Размеры ямы 6 × 5 м при глубине относительно материка до 0,9 м. Восточная и южная стенки крутые, западная и северная – с пологим уступом. Отметим, что по форме эта яма напоминает котлованы полуземлянок, типичных для неолитических поселений Венгерского археологического микрорайона.

Заполнение сверху идентично насыпи, а в нижних горизонтах представлено плотной супесью серо-желтого цвета. В яме на различной глубине зафиксированы четыре скопления человеческих костей, которые условно можно обозначить как отдельные погребения, формирующие три яруса.

Первый ярус образуют группа захоронений № 1 и погребение № 2, залегающие на глубине 10–20 см от уровня материка, а также расположенные к северу от них скопление рыбьих костей и чешуи, челюсть мелкого хищника и фрагмент керамики плохой сохранности.

Группа захоронений № 1 включает в себя компактно расположенные в западной части ямы кости как минимум от четырех индивидуумов. В этой группе основное значение имело захоронение взрослого человека, скорее всего женщины. Она погребена в вытянутом положении на спине и ориентирована головой на ССВ. В анатомическом порядке находились позвоночник, ребра,

кости правой руки, кисть которой была положена на область таза, правое крыло таза и кости правой ноги, включая мелкие кости стоп. Череп отсутствовал, на его месте располагались положенные параллельно друг другу фрагменты сломанной пополам большой берцовой кости взрослого человека. Кости левой руки и ноги отсутствуют, за исключением нескольких мелких костей стопы. Левое крыло таза смещено вниз и перекрыто скоплением костей. Оно включало длинные кости, нижнюю челюсть и позвонки, вероятно, еще одного взрослого человека, длинные кости и фрагменты черепа как минимум двух детей. Это скопление располагалось слева от основного погребенного, при этом некоторые длинные кости были направлены верхними эпифизами на юг. В зоне шеи и груди основного погребенного обнаружены две подвески из резцов марала, у правой руки в области таза – изделие из клыка животного. В скоплении костей обнаружены небольшой кусочек охры и костяная основа однолезвийного вкладышевого ножа. Вероятнее всего, они входили в сопроводительный набор основного захоронения и располагались у левого тазового крыла.

Погребение № 2 зафиксировано в 1 м к востоку от погребения № 1. Судя по сохранившимся в анатомическом порядке костям ног, взрослый человек был погребен в вытянутом положении на спине, головой на ССЗ. Левая бедренная и берцовая кости находились в сочленении, параллельно им лежала бедренная кость правой ноги. Верхняя часть скелета разрушена и представлена скоплением разрозненных костей. В районе груди обнаружены фрагмент трубчатой кости птицы и подвеска из клыка мелкого хищника, а в районе правого бедра – каменное острие, выполненное на пластине.

Второй ярус образует *погребение № 3*, расположенное ниже группы захоронений № 1, на глубине 50–60 см от уровня материка. Оно представлено скоплением мелких костей, фрагментов таза и черепа взрослого человека, залегающих без анатомического порядка. С западной стороны скопления лежала нижняя челюсть небольшого хищника.

Третий, самый нижний, ярус образован *погребением № 4*, расположенным на том же планиграфическом участке, что и захоронения № 1 и 3, но на глубине 70–80 см от уровня материка. Скелет взрослого мужчины лежал в вытянутом положении на спине, головой на СВ (рис. 2). Вся верхняя часть скелета, вплоть до тазовых костей, находилась в полном анатомическом порядке. Непосредственно у таза, на месте бедренных костей, располагались кости обеих стоп в анатомическом порядке. Длинные кости ног отсутствовали,

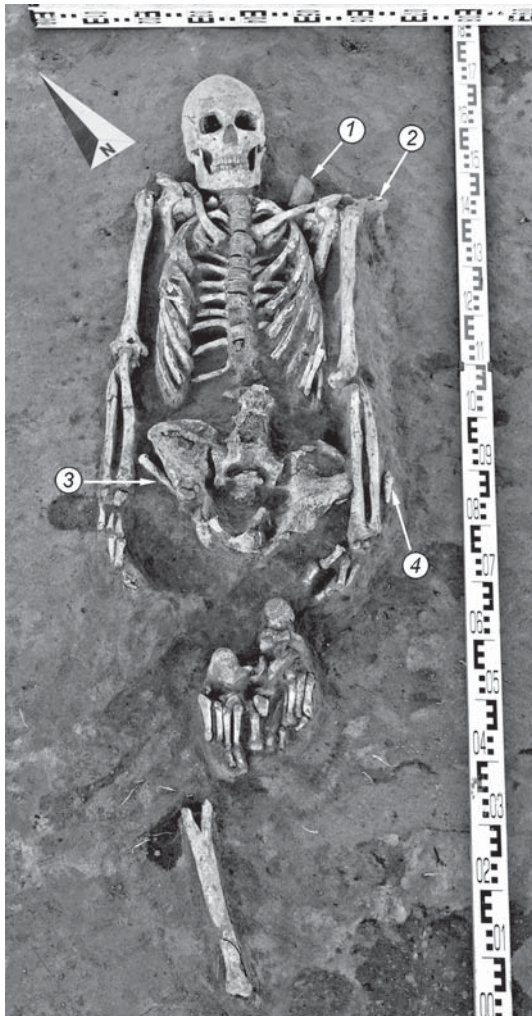

Рис. 2. Погребение № 4, курган № 1.

1 – каменное тесло; 2 – клык хищника; 3 – костяная проколка; 4 – костяной наконечник стрелы.

за исключением правой большой берцовой кости, лежавшей в «нормальном» состоянии. Слева от черепа, над ключицей помещено небольшое шлифованное тесло, у левого плеча – клык крупного хищника, у правого крыла таза и частично под ним – проколка из грифельной кости, у локтя левой руки – костяной биконический наконечник стрелы шигирского типа.

Наличие в сопроводительном наборе украшений из зубов животных, каменных орудий и наконечника шигирского типа позволяет предварительно датировать курган периодом позднего неолита. Не противоречит этой датировке морфология и орнамент связанной с комплексом керамики группы 2. По специфике погребальных сооружений и обряда рассматриваемый комплекс близок поздненеолитическим могильникам Северо-Западной Барабы – Протока и Венгерово-2а [Полосмак, Чикишева, Балуева, 1989]. Керамика группы 2 также близка посуде из рвов могильника Венгерово-2а. Опираясь на абсолютную хронологию этих памятников, время формирования комплекса можно отнести к V тыс. до н.э. [Молодин, 2001; Молодин и др., 2014].

Морфологические особенности жилища № 8 ставят вопрос о культурно-хронологической дифференциации жилых сооружений поселения Автодром-1. Данная задача требует разработки типологии предметного комплекса и тщательного анализа планиграфии и стратиграфии предметов.

Открытие в Барабе еще одного могильника неолитического времени существенно дополняет знания о погребальной практике раннеголоценового населения Западно-Сибирской лесостепи. Обнаруженный комплекс также важен для решения проблем хронологии и культурогенеза с учетом

его поздней позиции относительно неолитического жилища № 9 (см. рис. 1, 1). Уникальная хроностратиграфическая ситуация в совокупности с применением естественно-научных методов датирования открывает принципиально новые возможности для периодизации неолита юга Западной Сибири.

Список литературы

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 127 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Пилипенко А.С., Трапезов Р.О. Неолитический погребальный комплекс Венгерово-2а в Западной Барабе: результаты междисциплинарных исследований // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. I. – С. 302–306.

Полосмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. – 101 с.

References

Molodin V.I. Pamjatnik Sopka-2 na reke Omi (kul'turno-hronologicheskij analiz pogrebal'nyh kompleksov epohi neolita i rannego metalla). Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2001. Vol. 1. 127 pp. (In Russ.).

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Nesterova M.S., Pilipenko A.S., Trapezov R.O. Neoliticheskij pogrebal'nyj kompleks Vengerovo-2a v Zapadnoj Barabe: rezul'taty mezhdisciplinarnyh issledovanij // Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo sjezda v Kazani. Kazan': Otechestvo, 2014. Vol. 1. Pp. 302–306. (In Russ.).

Polos'mak N.V., Chikisheva T.A., Balueva T.S. Neoliticheskie mogil'niki Severnoj Baraby. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1989. 101 pp. (In Russ.).

Н.С. Болиховская^{1, 2}, М.Б. Козликин¹, М.В. Шуньков¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: nbolikh@geogr.msu.ru

ПАЛИНОСТРАТИГРАФИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРИРОДНЫХ ОБСТАНОВОК ВО ВРЕМЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВЕРХНЕЙ ЧАСТИ ПЛЕЙСТОЦЕНОВОЙ ТОЛЩИ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ*

В работе представлены предварительные результаты спорово-пыльцевого анализа образцов из отложений литологических слоев 9 и 11, формирующих верхнюю часть плейстоценовой толщи в восточной галерее Денисовой пещеры на Алтае. В период накопления слоев 9 и 11 в окружающую пещеру ландшафтах доминировали в основном открытые горно-степные и горно-лесостепные ассоциации, прошедшие несколько фаз развития. Относительно кратковременными были фазы господства лесных формаций. Изменения природной обстановки были обусловлены, главным образом, сменами этапов межстадиальных (иногда близких к межледниковым) климатических условий относительно кратковременными интервалами похолодания и иссушения или похолодания и увлажнения климата, соответствующими стадиям стратиграфической шкалы верхнего плейстоцена. Показано также, что границы палино- и климатостратиграфических подразделений часто не совпадают с литостратиграфическими, что обусловлено спецификой осадконакопления и постседиментационных преобразований пещерных отложений, а также длительностью их формирования и происходившими в этот период глобальными климатическими колебаниями.

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова пещера, плейстоцен, палеогеография, палинология, природная среда, растительные формации.

N.S. Bolikhovskaya^{1, 2}, M.B. Kozlikin¹, M.V. Shunkov¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²M.V. Lomonosov Moscow State University

E-mail: nbolikh@geogr.msu.ru

PLALYNOSTRATIGRAPHY AND PRELIMINARY RECONSTRUCTION OF ENVIRONMENTAL CONDITIONS IN FORMING THE UPPER PART OF PLEISTOCENE SECTION IN EASTERN GALLERY OF DENISOVA CAVE

We present here the preliminary sporo-pollen analysis result of samples from lithological layers 9 and 11, formed the upper layer of Pleistocene section in the Eastern gallery of Denisova Cave in Altai. When layers 9 and 11 accumulated, the open mountain-steppe and mountain-forest-steppe association, which had been over a few developmental phases, dominated the landscape, surrounding cave. The phases when forest formation prevailed was relatively short. The changes in environmental conditions arose from shifts between interstadial climate stages (sometimes close to interglacial) and relatively short cold and dry or cold and wet periods, which were relevant to stadials of Upper Pleistocene stratigraphic scale. As is shown, often the boundaries of palyno- and climate-stratigraphic units do not coincide with lithostratigraphic. It arise from specifics of sedimentation and post-sedimentological transformation of the cave deposits, continuance of their forming and global climatic fluctuation in that period.

Keywords: Mountain Altai, Denisova Cave, Pleistocene, paleogeography, palynology, environment, plant formation.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Особенности растительности и климата верхнего плейстоцена в бассейне верхнего течения р. Ануй были установлены ранее на основании спорово-пыльцевых данных из разрезов в пещерах Денисова (центральный зал, предвходовая площадка) и Каминная, а также многослойных палеолитических стоянок открытого типа Усть-Каракол-1 и Ануй-2 [Природная среда..., 2003; Деревянко и др., 2000]. В ходе дальнейших исследований Денисовой пещеры, в ее восточной галерее была зафиксирована иная стратиграфическая ситуация по сравнению с опорным разрезом в центральном зале. Для получения детальной палинологической характеристики нового разреза из всех подразделений плейстоценовой толщи восточной галереи было отобрано 139 образцов. Выделение палиноморф проведено в лаборатории географического факультета МГУ по технологии модифицированной версии сепарационной методики [Болиховская, 1995]. В настоящее время выполнен анализ 22 проб из толщи слоев 9–11 (9.1–9.3 и 11.1–11.4), формирующей верхнюю часть плейстоценовых отложений галереи. Палинологическая запись образцов отражает сложную палиностратиграфию этих литологических подразделений.

Образование осадка нижней части слоя 11.4 происходило в более теплых климатических условиях, чем современные. В это время в окрестностях пещеры преобладали долинныя вязово-ольховые леса (*Ulmus pumila*, *Alnus glutinosa*) с обильным подлеском из лещины обыкновенной *Corylus avellana* и хвойно-березовые лесные формации горных склонов (*Betula pendula*, *Pinus sylvestris*). В травяном покрове преобладали папоротники семейства Polypodiaceae и злаки, заметную роль играли гроздовник, хвощ и др.

Завершилось формирование отложений слоя 11.4 в период похолодания, сопровождавшегося исчезновением широколиственных древесных пород, ольхи и березы, и, возможно, сокращением площади пойменных лесов. В эту фазу на склонах долины распространялись лесные сообщества из лиственницы и кедра сибирского *Pinus sibirica*, а в приречных древостоях преобладали ивняки. В травяно-кустарничковом покрове доминировали злаки, полынь *Artemisia* subgen. *Euartemisia*, астровые, лилейные и луковые.

Начальному этапу седиментации слоя 11.3 отвечает фаза последующего потепления, приведшая к развитию межстадиальных степей, возможно, лесостепей. В составе пойменных лесов доминировали ивовые и ольхово-вязовые древостои, а на самых сухих и теплых участках долины произрастал дуб. В травяно-кустарничковом покрове лесных ценозов заметную роль играли

верескоцветные, осоки и злаки, в прибрежных биотопах произрастали частуховые. На участках степной и лугово-степной растительности преобладали злаково-разнотравные сообщества с богатым разнотравьем – Asteraceae, Geraniaceae, Ranunculaceae, Brassicaceae, Polygonaceae, Gentianaceae, Scrophulariaceae, Boraginaceae, Valerianaceae, Polemoniaceae, Fabaceae и др.

С этой фазы в большинстве спорово-пыльцевых спектров из толщи слоев 11–9 отмечена пыльца прибрежно-водных и водных растений. В этой группе преобладает пыльца семейства частуховых Alismataceae, встречены остатки рдеста, растущего в озерах, старицах и заводях рек.

Спорово-пыльцевой спектр из средней части слоя 11.3 отражает фазу значительного иссушения и, возможно, относительной криоаридизации климата, развития перигляциальных сухостепных ландшафтов. На этом уровне сокращается количество пыльцы деревьев и спор. Исчезает пыльца ольхи и широколиственных пород, присутствует незначительное количество пыльцы ели сибирской и ивы, споры представлены несколькими зернами Bryales. В составе травяно-кустарничковых растений преобладает пыльца полыни (до 48 %) и других Asteraceae, злаков, верескоцветных, Chenopodiaceae, Caryophyllaceae, Saxifragaceae, Lamiaceae. В горных районах большинство представителей родов последних трех семейств растет на сухих каменистых или глинистых склонах.

Кровля слоя 11.3 формировалась в условиях климата прохладного и более влажного, чем в предшествовавшую фазу. В это время в долине преобладали перигляциальные елово-кедровые редколесья и злаково-разнотравные степи. В растительном покрове степных и лугово-степных ценозов эдификаторами наряду со злаками выступали астровые. Значительное участие и разнообразие имели и другие представители разнотравья – Polygonaceae, Apiaceae, Ranunculaceae, в т.ч. *Thalictrum*, Dipsacaceae, Scrophulariaceae, Lamiaceae, Valerianaceae, Cichoriaceae, Fabaceae, Alliaceae, Campanulaceae, Geraniaceae и др. Древесно-кустарниковую растительность поймы представляли ивняки и заросли смородины, в травяно-кустарничковом ярусе заметную роль играли верескоцветные, злаки и осоки, а в прибрежно-водных ассоциациях доминировали частуховые.

Спектры из слоя 11.2, формировавшегося в открытых перигляциальных горно-степных ландшафтах, по большинству показателей имеют схожие характеристики. В группе травяно-кустарничковых растений преобладает пыльца злаков, астровых, многочисленных и разнообразных представителей разнотравья. Перигляциальную природу

ду ландшафтов подчеркивает также совместное нахождение пыльцы верескоцветных и эфедры, реже – пыльцы эулофии туркестанской *Eulophia turkestanica* (Litv.) Schlechter. В малочисленной группе древесных пород присутствуют единичные пыльцевые зерна ивы, сосны обыкновенной и сибирской кедровидной, облепихи *Hippophaë* sp., жимолости *Lonicera* sp. и других кустарников. Споры, по сравнению с древесной группой, имеют в спектре большее процентное содержание и принадлежат зеленым мхам Bryales и папоротникам семейства Polypodiaceae.

Судя по составу и процентным соотношениям таксонов в группе пыльцы трав и кустарников в спектрах из слоя 11.1, площади распространения и облик растительного покрова степных и лугово-степных ассоциаций оставались прежними на протяжении большей части накопления слоя. Вместе с тем данные из нижней части слоя показывают увеличение вверх по разрезу количества пыльцы деревьев и кустарников, достигшего максимального значения в спектре из средней части слоя. Формирование этих отложений происходило в теплых межстадиальных климатических условиях, возможно, близких межледниковым. На склонах и террасовых уровнях долины в составе лесных участков доминировали широколиственные леса из дуба черешчатого, ясеня и липы с подлеском из лещины обыкновенной, а также березовые колки.

В спектрах из верхней части слоя 11.1, формировавшейся в засушливом климате, единичная пыльца древесно-кустарниковых растений принадлежит иве, жимолости и крыжовниковым. Максимум иссушения климата, близкого к его аридизации, выражен в спектре из кровли слоя, в котором преобладает пыльца полыни, других Asteraceae и Cichoriaceae.

Для времени формирования толщи слоя 9 реконструированы три фазы развития растительности и климата. Накоплению отложений слоя 9.3 отвечает фаза относительно холодного климата и господства еловых лесов (*Picea obovata*) с примесью кедра сибирского. Седimentация осадка в верхней части слоя 9.2 происходила в условиях сурового криоаридного климата. В это время в окрестностях пещеры были широко развиты перигляциальные тундро-степи. Основу растительности составляли ольховник, береза кустарниковая, верескоцветные, эфедра, полыни и злаки. Слой 9.1 формировался в период распространения перигляциальных лесостепей, когда на склонах долины господствовали пихтово-кедрово-еловые леса, а на открытых участках – разнотравно-злаковые и полынно-маревые группировки.

Таким образом, границы палино- и климатостратиграфических подразделений часто не совпадают с литостратиграфическими рубежами. Это обстоятельство обусловлено спецификой осадконакопления и постседиментационными преобразованиями пещерных отложений, а также длительным периодом их формирования и происходившими в это время глобальными изменениями климата. Климатические флуктуации сопровождались, в свою очередь, относительно быстрыми трансформациями зональных растительных сообществ, характеризующихся на северо-западе Алтая значительным эколого-фитоценотическим разнообразием [Болиховская, Шуньков, 2014].

Список литературы

Болиховская Н.С. Эволюция лессово-почвенной формации Северной Евразии. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1995. – 270 с.

Болиховская Н.С., Шуньков М.В. Палеогеографические особенности развития растительности и климата Северо-Западного Алтая в плейстоцене // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 2 (58). – С. 2–17.

Деревянко А.П., Болиховская Н.С., Маркин С.В., Соболев В.М. Палеогеография финала плейстоцена среднегорной зоны Северо-Западного Алтая // Проблемы реконструкции климата и природной среды голоцена и плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Вып. 2. – С. 154–161.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Аношкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

References

Bolihovskaja N.S. Evolucija ljossovo-pochvennoj formacii Severnoj Evrazii. Moscow: Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1995. 270 pp. (In Russ.).

Bolihovskaja N.S., Shun'kov M.V. Paleogeograficheskie osobennosti razvitiya rastitel'nosti i klimata Severo-Zapadnogo Altaja v plejstocene // Arheologija, etnografija i antropologija Evrazii. 2014. No. 2 (58). Pp. 2–17. (In Russ.).

Derevjanko A.P., Bolihovskaja N.S., Markin S.V., Sobolev V.M. Paleogeografija finala plejstocena srednegornoj zony Severo-Zapadnogo Altaja // Problemy rekonstrukcii klimata i prirodnoj sredy golocena i plejstocena Sibiri. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2000. Iss. 2. Pp. 154–161. (In Russ.).

Prirodnaja sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaja / A.P. Derevjanko, M.V. Shun'kov, A.K. Agadzhanjan, G.F. Baryshnikov, E.M. Malaeva, V.A. Ul'janov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anojkin. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2003. 448 pp. (In Russ.).

С.К. Васильев, Е.П. Рыбин, Т.И. Нохрина

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: nohrina@archaeology.nsc.ru

ФАУНИСТИЧЕСКИЕ ОСТАТКИ ИЗ ОТЛОЖЕНИЙ ПЕЩЕРЫ БИЙКА-1 И ГРОТА БИЙКА-2 (ГОРНЫЙ АЛТАЙ) И ИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ*

Археологические объекты Бийка-1, -2 расположены на правом склоне долины р. Бийка – правого притока р. Катунь. Для кровли литологического слоя 3 пещеры Бийка-1 получена ^{14}C -дата $23\,480 \pm 300$ л.н. (Bln 4980), для контакта слоев 3 и 4 – $37\,000 \pm 1\,000$ (Bln 4981). В слое 5 обнаружен малочисленный комплекс, который предположительно может быть отнесен к денисовскому варианту среднего палеолита. Слой 4 содержал индустрию, соответствующую кара-бомовскому варианту начального верхнего палеолита. Каменные артефакты из 3-го литологического слоя могут быть отнесены к финалу раннего верхнего палеолита или к средней стадии верхнего палеолита. Слой 2 содержал верхнепалеолитическую индустрию сартанского времени. Слой 1, а также частично переработанный антропогенными интрузиями верх слоя 2 характеризуются комплексами эпохи голоцена. Фауна из плейстоценовых горизонтов обеих карстовых полостей имеет отчетливо выраженный горно-степной характер. Из млекопитающих степного ландшафта характерны остатки суслика, сайгака, зайца-толая, степного хорька и плейстоценового ослы (?). Горные формы представлены сибирским горным козлом, архаром и байкальским яком. Присутствие костей крота и водяной полевки, занесенных, видимо, с погадками хищных птиц, свидетельствует о наличии лесных участков, возможно в виде приречной растительности. Голоценовые по степени сохранности кости обнаружены в 1-м горизонте в обеих карстовых полостях, но более полно они представлены в Бийке-1, где кроме грызунов отмечены остатки козули, лошади и собаки.

Ключевые слова: Горный Алтай, пещерный комплекс, фаунистические остатки, ^{14}C -даты.

S.K. Vasiliev, E.P. Rybin, T.I. Nokhrina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: nohrina@archaeology.nsc.ru

FAUNAL REMAINS FROM DEPOSITS OF BIYKA-1 AND BIYKA-2 CAVES (MOUNTAIN ALTAI) AND THEIR ARCHAEOLOGICAL CONTEXT

Biyka-1, -2 the archaeological sites in the carstic caverns are situated at the right slope of the Biyka river valley, the right tributary of the Katun` river (Russian Altai). For the Biyka-1 cave were obtained two uncalibrated ^{14}C determinations: $23\,480 \pm 300$ л.н. (Bln 4980) from the upper part of lithological layer 3 and $37\,000 \pm 1\,000$ (Bln 4981) from the contact of the layers 3 and 4. The small lithic assemblage obtained in layer 5 presumably can be attributed to the Denisovian variant of the Middle Paleolithic. The layer 4 contained the industry associated with Kara-Bom variant of the Initial Upper Paleolithic. The stone artifacts from the lithological layer 3 can be related to the terminal Early Upper Paleolithic or Middle stage of the Upper Paleolithic. The layer 2 included the Upper Paleolithic industry of the Sartan (MIS-2) time. The Holocene complexes characterize the layer 1 and the upper part of the layer 2, partially disturbed by anthropogenic intrusions. The fauna from the Pleistocene horizons of the Biyka-1, -2 sites has the well-defined mountain-steppe characteristics. The steppe mammals are presented by the remains of the gopher, saiga antelope, tolai hare, steppe polecat and Pleistocene ass (?). Siberian ibex, argali and Baikalian yak represent the mountain species. The bones of the mole and bank vole, probably introduced together with rangles of carnivorous birds, speak for the presence of the forest areas perhaps in the form of riverine vegetation. The bones, whose condition of preservation points at the Holocene time, were found in the horizon 1 in the both caverns, but they are more completely presented in the Biyka-1 cave, where the roe, equus and canine remains were determined along with the rodent remains.

Keywords: Mountain Altai, cave complex, faunal remains, ^{14}C dates.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Археологические объекты в карстовых полостях Бийка-1, -2 расположены на правом склоне долины р. Бийка – правого притока р. Катунь, впадающего в нее в 8 км выше пос. Еланда (Чемальский р-н Республики Алтай) [Петрин и др., 1995, с. 80–85; Бийкинский пещерный комплекс, 1998]. Высота карстовых полостей относительно русла р. Бийка – от 15 до 70 м, а ближайших водоразделов, находящихся выше по течению, до 700 м, ниже по течению – до 540 м. Ширина долины р. Бийка в районе полостей – от 90 до 140 м, но часто она заметно сужается, и в этих местах р. Бийка образует небольшие водопады. Долина сложена осадками двух-трех уровней пойменных террас. Максимальная высота аллювиальных отложений слабо наклоненных террас относительно русла не превышает 5–8 м. Часто мощные, селеподобные выбросы логов создают довольно высокие террасоподобные наклоненные площадки. При этом флювиальная и эрозионная деятельность

р. Бийка не справляется с поступающим материалом «ложкового» аллювия. В этом случае русло Бийки огибает эти образования, высота которых достигает иногда до 10–15 м.

Современные рельефообразующие процессы преимущественно эрозионные, за исключением процессов обвально-осыпного и склонового характера, формирующие обвально-осыпные накопления на склонах и у их подножий.

Раскопочные работы в пещерах Бийка-1, -2 в общей сложности дали ок. 1,2 тыс. остатков ископаемой фауны (табл. 1, 2).

Пещера Бийка-1. Вход в пещеру ориентирован на юг. Общая длина пещеры, пригодной для прохождения, – 45 м, длина всех ходов – 76 м. Ширина входа по капельной линии – 6,7 м, высота – ок. 4 м.

В процессе изучения было выделено пять литологических слоев: слой 1 (перегнивший навоз, растительная труха); слой 2 (суглинок, суглино-су-

Таблица 1. Видовой состав ископаемой фауны из пещеры Бийка-1

Вид	Слой				Вне слоя	Всего костей
	1	2	3	4		
<i>Talpa altaica</i>						
<i>Sorex</i> sp.						
<i>Chiroptera</i> sp.					1	1
<i>Microtus</i> sp..		1			1	2
<i>Arvicola terrestris</i>						
<i>Marmota baibacina</i>		1	2	2		5
<i>Citellus</i> sp.	1	21	16	17	1	56
<i>Lepus tolai</i>			1	1	2	4
<i>Ochotona</i> sp.	1					1
<i>V. vulpes</i>	1	2			1	4
<i>Putorius eversmanni</i>						
<i>Crocota spelaea</i>			1	1		2
<i>Canis lupus</i>			1	3	1	5
<i>Canis familiaris</i>	1					1
<i>Saiga</i> sp.		8	7	20	4	39
<i>Ovis-Capra</i>	7	6	5	13	11	42
<i>Capra sibirica</i>					1	1
<i>Ovis ammon</i>						
<i>Cervus elaphus</i>				1	3	4
<i>Capreolus pygargus</i>	4		2		11	17
<i>Bos-Bison</i>		3		2		5
<i>Poephagus baicalensis</i>						
<i>Coelodonta antiquitatis</i>			2			2
<i>Equus</i> sp.	1	3	2	7	4	15
<i>Equus</i> cf. <i>Hydrotinus</i>						
<i>Aves</i>	1	1	1			3
Неопределимые обломки	3	38	43	122	49	255
<i>Всего</i>						463

Таблица 2. Видовой состав ископаемой фауны из грота Бийка-2

Вид	Горизонт													Вне слоя	Всего костей
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13		
<i>Talpa altaica</i>		1							1						2
<i>Sorex</i> sp.														2	2
<i>Chiroptera</i> sp.										1				1	2
<i>Microtus</i> sp.	3	1	7	1		3	1		3			1		12	32
<i>Arvicola terrestris</i>			1							1					2
<i>Marmota baibacina</i>	1				3	1		1		4		1		4	15
<i>Citellus</i> sp.	4	5	8	7	10	8	6	6	2	9	8	8		56	137
<i>Lepus tolai</i>				2	2	1		5	1		2	1		6	20
<i>Ochotona</i> sp.							1							1	2
<i>V. vulpes</i>			1		2				3			1		3	10
<i>Putorius eversmanni</i>														5	5
<i>Crocuta spelaea</i>					1	1	1			3		1		43	50
<i>Canis lupus</i>				1							1		1	10	13
<i>Canis familiaris</i>															
<i>Saiga</i> sp.			1	1	1	2	4	1	5	7	2	1		87	112
<i>Ovis-Capra</i>	1		2				5		1	1	2	3	1	82	98
<i>Capra sibirica</i>								1	1	1				2	5
<i>Ovis ammon</i>					1										1
<i>Cervus elaphus</i>														1	1
<i>Capreolus pygargs</i>															
<i>Bos-Bison</i>										1				5	6
<i>Poephagus baicalensis</i>														3	3
<i>Coelodonta antiquitatis</i>														2	2
<i>Equus</i> sp.							1		2	1	2			24	30
<i>Equus</i> cf. <i>Hydnyntinus</i>											1				1
<i>Aves</i>	3		10		3	3	1	1	2	1	2	1		20	47
Неопределимые обломки	13		1	4	2	1	3	1		1	1	2		111	140
<i>Всего</i>															738

песь легкая, пылеватая светло-серого и серого цвета, гумусированная); слой 3 (суглинок светло-серый, слабо гумусированный, включающий дресву, щебень и обломки известняка); слой 4 (суглинок серовато-коричневый, светлый, легкий, комковатый); слой 5 (суглинок светло-коричневый, легкий, комковатый). Все слои содержали археологический материал. Для кровли литологического слоя 3 в берлинской лаборатории была получена ^{14}C -дата $23\,480 \pm 300$ л.н. (Bln 4980), для контакта слоев 3 и 4 – $37\,000 \pm 1\,000$ (Bln 4981).

В слое 5 был обнаружен относительно малочисленный комплекс, состоящий в основном из аморфных отщепов. Культурно-диагностические черты представлены тронкированно-фасетированным изделием и плоскостным нуклеусом для снятия пластин, этот комплекс с определенной осторожностью может быть отнесен к денисовскому варианту среднего палеолита. Литологический слой 4 содержал индустрию, включающую крупные пластины с бипродольной огранкой, леваллуазские отщепы и подтреугольные сколы, а также скребла. По сумме признаков данный комплекс соответствует кара-бумовскому варианту начального верхнего палеолита. В слое 3 представлена индустрия, характеризующаяся наличием довольно большого количества пластин и пластинок, скребел и ножей с чешуйчатой ретушью. Вероятно, каменные артефакты из этого литологического подразделения могут быть отнесены к финалу раннего верхнего палеолита или средней стадии верхнего палеолита. Слой 2 содержал верхнепалеолитическую индустрию сартанского времени, здесь широко представлены пластинки и микропластинки, удлиненные грациальные пластины, подпризматический крупный нуклеус для снятия пластинок, скребки. Слой 1, а также частично переработанный антропогенными интрузиями верх слоя 2 характеризуются комплексами эпохи голоцена, в составе которых выделяется костяной вкладышевый кинжал.

В каждом из пяти литологических слоев отмечено до четырех отдельных горизонтов взятия. На первоначальном этапе обработки коллекции ископаемой фауны эти слои учитывались, но впоследствии, ввиду малочисленности и однородности костного материала, слои были сведены в горизонты. В графу «вне слоя» попал материал из шурфов, зачисток стенок и траншей.

Грот Бийка-2 расположен в 12–15 м к юго-востоку от пещеры Бийка-1, вход экспонирован на юг [Грот Бийка II..., 1998]. Длина грота 5,6 м, наибольшая ширина – ок. 5 м. Высота арки по капельной линии – ок. 3 м. Общую высоту грота определить трудно.

Максимальный перепад высот в гроте составляет с юга на север приблизительно 99 см (от –80 до +10), а с запада на восток – 23 см (от –39 до –62). Максимальный перепад высот в раскопе с юга на север –216 см (от –206 до +10), с запада на восток – 49 см (от –157 до –206). Судя по зачищенным стенкам шурфа, верхняя часть толщи отложений перемешана под воздействием природных факторов.

Культурные комплексы грота крайне малочисленны, их количественный состав не превышает нескольких десятков экземпляров каменных артефактов. Однако наличие нескольких весьма ярких изделий позволяет предположить, что культурная последовательность грота Бийка-2, если не принимать во внимание отсутствие здесь среднепалеолитического комплекса, полностью аналогична картине, реконструируемой нами для пещеры Бийка-1.

Около 65 % костных остатков имели поквадратную привязку с указанием глубин (от +16 до –200 см), но без указания горизонта, что послужило причиной для отнесения всего этого материала, наряду с костями из шурфов и зачисток, также к графе «вне слоя».

В общей сложности из Бийки-1 и -2 определены остатки как минимум 17 и 21 вида млекопитающих соответственно, а также 50 костей птиц.

Практически весь имеющийся костный материал до крайней степени фрагментарен. Судя по сохранности костей, их распад на фрагменты происходил не только в результате деятельности человека и крупных хищников, но и впоследствии, под воздействием выветривания. Осколки костей, очевидно долго не перекрываемые осадком, продолжали распадаться и расслаиваться по возникающим трещинам. Так, например, в Бийке-2 имеются два обломка трубчатых костей крупных копытных с глубины 160 и 90 см, расслоившиеся один на 10, а другой на 65 мелких частей. Зубы лошадей и бизона (яка) также почти целиком представлены распавшимися обломками. Лишь у более мелких млекопитающих – горного козла, сайгака, гиены и волка – более-менее целыми сохранилась незначительная часть зубов.

Материалы из Бийки-2 отличаются чуть лучшей сохранностью, точнее большим числом определяемых фрагментов. Из 738 костных остатков определяемыми здесь оказались 600 (81 %), тогда как в Бийке-1 определено лишь 208 из 463 фрагментов костей (45 %).

Фрагментированность костей не позволила установить точную видовую принадлежность значительной части фаунистических остатков. По этой причине в одну строку *Ovis-Capra* были объединены остатки сибирского горного козла и архара. Достоверно определено лишь несколько случайно

сохранившихся костей: целый метатарз горного козла, захоронившийся в вертикальном положении на глубине 140–155 см (кв. Б-8, Бийка-2), несколько целых зубов из верхней и нижней челюстей этого животного, зуб верхней челюсти архара.

Значительная часть мелких фрагментов расщепившихся зубов отнесены к *Saiga* sp. условно, исходя из их размеров.

К байкальскому яку отнесены целая 2-я фаланга с глубины –165 см (кв. А-7, Бийка-2) и два дистальных суставных блока передней метаподии из этой же пещеры (кв. А-5, глубина –134 см).

Шерстистый носорог и марал представлены одним-двумя незначительными осколками зубной эмали.

Среди сравнительно немногочисленных остатков лошади, преимущественно представленных обломками зубов, из 11 горизонта имеется часть 1-й фаланги какого-то более мелкого представителя рода *Equus* – плейстоценового осла или кулана.

Сохранность костного материала не позволяет установить минимальное количество особей, и цифры, приведенные в табл. 1, 2, отражают лишь число фрагментов костей по каждому из видов.

Присутствие многочисленных остатков грызунов и птиц во всех горизонтах объясняется, вероятно, в большей степени деятельностью хищных птиц, а также гибелью в норах сусликов, полевок и сурков.

Голоценовые по степени сохранности кости обнаружены в 1-м горизонте в обеих карстовых полостях, но более полно они представлены в Бийке-1, где кроме грызунов отмечены остатки косули, лошади и собаки.

Индустрии данных пещерных объектов позволяют предположить существование здесь довольно представительной и полной культурной последовательности верхнего плейстоцена и раннего голоцена. Судя по полученным данным, фауна из плейстоценовых горизонтов Бийки-1, -2 имеет отчетливо выраженный горно-степной характер, сохраняет свою стабильность во всех стратиграфических подразделениях. Из млекопитающих степного ландшафта характерны остатки суслика, сайгака, зайца-толая, степного хоря и плейстоценового осла (?). Горные формы представлены сибирским горным козлом, архаром и байкальским яком. Присутствие костей крота и водяной полевки, занесенных, видимо, с погадками хищных птиц, свидетельствует о наличии лесных участков, хотя бы в виде приречной растительности.

Список литературы

Бийкинский пещерный комплекс // Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачева, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.Н. Феденева, И.Ф. Форорова, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 148–156.

Грот Бийка II: результаты геологических, палеопедологических и археологических исследований // Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Глинский, М.И. Дергачева, Т.А. Дупал, С.А. Ефремов, А.Н. Зенин, А.И. Кривошапкин, О.А. Куликов, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, С.В. Николаев, Т.И. Нохрина, В.Т. Петрин, А.А. Поздняков, С.М. Попова, Е.П. Рыбин, Ю.Г. Симонов, И.Н. Феденева, Л.М. Чевалков, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Гл. 6. – С. 239–258.

Петрин В.Т., Николаев С.В., Усачева И.В., Нохрина Т.И., Феденева И.Н. Исследования пещерного комплекса на р. Бийка (правобережье р. Катунь, Горный Алтай) // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 80–85.

References

Bijkinskij peshhernyj kompleks // Arheologija, geologija i paleogeografija plejstocena i golocena Gornogo Altaja / A.P. Derevjanko, A.K. Agadzhanjan, G.F. Baryshnikov, M.I. Dergacheva, T.A. Dupal, E.M. Malaeva, S.V. Markin, V.I. Molodin, S.V. Nikolaev, L.A. Orlova, V.T. Petrin, A.V. Postnov, V.A. Ul'janov, I.N. Fedeneva, I.F. Foronova, M.V. Shun'kov. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 1998. Pp. 148–156. (In Russ.).

Grot Bijka II: rezul'taty geologicheskikh, paleopedologicheskikh i arheologicheskikh issledovanij // Problemy paleojekologii, geologii i arheologii paleolita Altaja / A.P. Derevjanko, S.V. Glinskij, M.I. Dergacheva, T.A. Dupal, S.A. Efremov, A.N. Zenin, A.I. Krivoshapkin, O.A. Kulikov, E.M. Malaeva, S.V. Markin, S.V. Nikolaev, T.I. Nohrina, V.T. Petrin, A.A. Pozdnjakov, S.M. Popova, E.P. Rybin, Ju.G. Simonov, I.N. Fedeneva, L.M. Chevalkov, M.V. Shun'kov. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 1998. Chap. 6. Pp. 239–258. (In Russ.).

Petrin V.T., Nikolaev S.V., Usacheva I.V., Nohrina T.I., Fedeneva I.N. Issledovanija peshhernogo kompleksa na r. Bijka (pravoberezh'e r. Katun', Gornyj Altaj) // Obzrenie rezul'tatov polevyh i laboratornyh issledovanij arheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1993 godu. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 1995. Pp. 80–85. (In Russ.).

С.К. Васильев^{1, 2}, М.А. Середнёв², К.И. Милютин²,
И.Ю. Слюсаренко^{1, 2}, М.Б. Козликин¹, А.М. Чеха¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирский государственный университет

E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

СБОРЫ ПАЛЕОТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА НА РЕКЕ ЧУМЫШ (АЛТАЙСКИЙ КРАЙ) И НА РЕКЕ ОБЬ В РАЙОНЕ ПОСЕЛКА БИБИХА (НОВОСИБИРСКАЯ ОБЛАСТЬ) В 2015 ГОДУ

На пляжах и отмелях р. Чумыш (Алтайский край) в 2015 г. было собрано либо учтено 2,3 тыс. остатков мегафауны. Общий объем остеологической коллекции с Чумыша, собранной в 2011–2015 гг., приближается к 7 тыс. костных остатков, принадлежащих 23 видам крупных млекопитающих. Переотложенные фаунистические остатки происходят главным образом из оснований разрезов второй надпойменной террасы. Их возраст – вторая половина позднего плейстоцена, каргинское время. Незначительное количество костей относится к первой половине позднего, а также к среднему и раннему плейстоцену. Преобладают кости бизона (44,4 %), лошади (21 %). Число остатков оленей в сумме составляет 9,8 %, хищников – 1,7 %. Значительный интерес представляет находка первой фаланги верблюда Кноблоха в районе г. Заринска. Это вторая находка его остатков за последние 100 лет на Предальтайской равнине. Она отражает эпизодические проникновения *Camelus knoblochi* далеко к северу от основной, степной, части ареала. Крупное местонахождение переотложенных костных остатков обнаружено на отмели р. Оби в районе пос. Бибиха (Новосибирская обл.). В 2015 г. здесь было собрано более 950 костей от 13 видов крупных млекопитающих. Остатки геологически разновременны, однако большая их часть по комплексу признаков может быть отнесена к среднему плейстоцену. Главным указанием на это служат размеры и пропорции метаподий лошади и абсолютные размеры костей бизона. Бибиха является пятым пунктом на территории юга Западной Сибири, где были обнаружены остатки зоргелии (*Soergelia* cf. *elisabethae*). Териофауна каргинского времени с Чумыша и среднеплейстоценового возраста из Бибихи, судя по их составу, существовали в условиях господства лесостепных ландшафтов.

Ключевые слова: Чумыш, Бибиха, крупные млекопитающие, костные остатки, верблюд Кноблоха, зоргелия.

S.K. Vasiliev^{1, 2}, M.A. Serednyov², K.I. Milyutin²,
I.Yu. Slyusarenko^{1, 2}, M.B. Kozlikin¹, A.M. Chekha¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State University

E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

COLLECTING OF THE THERIOFAUNAL MATERIALS AT THE RIVERS CHUMYSH (ALTAI REGION) AND OB NEAR BIBIKHA VILLAGE (NOVOSIBIRSK REGION) IN 2015

2,3 k magafaunal remains have been collected or registered on the beaches and sand banks of the Chumysh river (Altai region) in 2015. The total amount of the osteological assemblage, collected at the Chumysh in 2011–2015, is close to 7 k of the bone remains related to 23 large mammal species. Redeposited faunal remains specifically hail from the lowermost parts in the cross-sections of the second terrace above the flood-plain. They are dated to the first half of Late and Middle-Early Pleistocene. The bison (44,4 %) and equine (21 %) bones are predominated. The number of deer and carnivore remains add up to 9,8 % and 1,7 % respectively. The first phalanx of camel *Knoblochi* found near Zarinsk town is of substantial interest. It is the second finding of his remains at the Prealtaian plain for the last century. This finding reflects that *Camelus knoblochi* episodically spread far northward from his home steppe areal. The significant occurrence

with redeposited bone remains was discovered at the sand bank of the Ob River near Bibikha village (Novosibirsk region). More than 950 bones of 13 species of large mammals were collected here in 2015. The remains have the asynchronous geological age, but the most of them can be related to the Middle Pleistocene on the ground of the range of attributes. The measurements and ratio rating of the equine metapodias and full measurements of the bison bones specifically indicate it. Bibikha is the fifth occurrence at the south part of Western Siberia, where *soergelia* (*Soergelia* cf. *elisabethae*) remains were found. As it can be seen according to species composition the theriofauna of Karginsky time from Chumysh river and Middle Pleistocene from Bibikha, respectively, existed in predominant steppe landscape.

Keywords: Chumysh, Bibikha, large mammals, bone remains, camel *Knoblochi*, *soergelia*.

Сплавы и сбор костей крупных млекопитающих по р. Чумыш (на участке между поселками Мартыново и Кытманово) неоднократно предпринимались одним из авторов с 1991 г. Тотальный учет и сбор всех остатков мегафауны, обнаруженных на пляжах, отмелях и перекатах Чумыша, осуществляется с 2011 г. [Лобачёв Ю.В., Васильев, Орлова, 2012; Васильев, Лобачёв Ю.В., Лобачёв А.Ю., 2014]. В сентябре 2013 г. состоялась поездка на Чумыш в район г. Заринска, в которой приняли участие С.К. Васильев, М.Б. Козликин, А.М. Чеха. В ходе поездки на семи пляжах было собрано 267 костей крупных млекопитающих.

В августе 2015 г. был обследован наиболее богатый находками участок между поселками Мартыново и Кытманово. В ходе этой поездки собрано или учтено 1 620 костей. В сентябре сплав продолжился в районе г. Заринска – от пос. Дмитро-Титово до пос. Среднекрасилово. Указанный отрезок Чумыша оказался менее богатым на остатки мегафауны: зафиксировано всего ок. 700 костей. В районе Заринска река представляет собой череду длинных и широких плесов. Песчано-галечные пляжи и отмели, а также участки перекатов встречаются здесь значительно реже, чем между Мартыново и Кытманово. Наблюдаются некоторые различия в составе фоновых видов териофауны на двух обозначенных участках реки. Так, в районе Заринска возрастает число костей лошади (до 27,1 % против 20 % в районе Мартыново–Кытманово) при одновременном сокращении числа остатков бизона, гигантского оленя, мамонта и шерстистого носорога (см. таблицу). Это связано, скорее всего, с различиями в гидродинамическом режиме на двух исследованных отрезках Чумыша. В районе г. Заринска из-за общего ослабления течения складываются менее благоприятные условия для выноса на пляжи (в период весеннего паводка) крупных и тяжелых костей бизона, носорога, мамонта или гигантского оленя. В этой связи здесь возрастает процент костей видов среднего размерного класса (таких как лошади).

На пройденных участках Чумыша кости млекопитающих вымываются преимущественно из песчано-галечной толщи, залегающей в основании

второй надпойменной террасы, формирование которой происходило в каргинское время [Панычев, 1979]. Радиоуглеродные датировки костей, собранных на пляжах, укладываются в интервал 31,6–44,5 тыс. л.н. [Васильев, Лобачёв Ю.В., Лобачёв А.Ю., 2014]. Наряду с находками каргинского возраста, составляющих основную массу, отмечено незначительное число остатков, которые по степени сохранности либо по своим морфометрическим признакам могут быть отнесены к первой половине позднего плейстоцена (казанцевское время), а также к раннему и среднему плейстоцену. Таковы, например, немногочисленные находки костей носорога Мерка или роговые штанги лося, переходные по длине между средне- и позднеплейстоценовыми формами. Фауна с участием *Stephanorhinus kirchbergensis* и *A. cf. alces* известна, например, из отложений казанцевского времени Красного Яра под Новосибирском.

В 10 км выше г. Заринска (53°40' с.ш., 84°00' в.д.) на отмели неожиданно была обнаружена первая фаланга верблюда (см. рисунок). Кость позднеплейстоценового типа сохранности, без повреждений и следов окатывания. Длина фаланги (очевидно, передней) – 117 мм, ширина/поперечник верхнего, нижнего эпифизов и диафиза 56,2/42,0, 48,3/33,6 и 28,3/26,6 мм соответственно. Размеры кости существенно крупнее, чем у дикой или домашней формы *Camelus bactrianus* [Хавесон, 1954], что позволяет отнести ее к верблюду Кноблоха. В среднем и позднем плейстоцене *Camelus knoblochi* был распространен от Приазовья, Нижнего Поволжья и Казахстана до Забайкалья и Северо-Западного Китая [Titov, 2008]. Известна находка целого осевого черепа верблюда Кноблоха позднеплейстоценового возраста, сделанная на р. Оби в 60 км южнее г. Барнаула в начале 1900-х гг. [Буйновский, Хавесон, 1953]. Расстояние от места находки указанного черепа до г. Заринска – ок. 140 км в северо-восточном направлении.

Существует мнение, что в отличие от современного *Camelus bactrianus* верблюд Кноблоха в гораздо меньшей степени был связан с пустынными или полупустынными ландшафтами. Его экологический оптимум находился, очевидно,

**Видовой состав и количество костных остатков млекопитающих на пляжах р. Чумыш
и на отмели р. Оби в районе пос. Бибиха**

Таксоны	р. Чумыш (2011–2015) Мартыново– Кытманово		р. Чумыш (2013, 2015), район г. Заринска		р. Чумыш (2011–2015) Мартыново– Заринск		пос. Бибиха (2015)	
	экз.	%	экз.	%	экз.	%	экз.	%
<i>Lepus tanaiticus</i>	3	0,05	1	0,10	4	0,06	–	–
<i>Castor fiber</i>	7	0,11	3	0,31	10	0,14	–	–
<i>Cuon alpinus</i>	1	0,02	–	–	1	0,01	–	–
<i>V. vulpes</i>	1	0,02	1	0,10	2	0,03	–	–
<i>Canis lupus</i>	7	0,11	1	0,10	8	0,12	1	0,11
<i>Ursus arctos</i>	24	0,40	3	0,31	27	0,39	2	0,21
<i>Ursus savini</i>	21	0,35	5	0,52	26	0,37	2	0,21
<i>C. crocuta spelaea</i>	4	0,07	1	0,10	5	0,07	–	–
<i>Panthera leo spelaea</i>	45	0,75	1	0,10	46	0,66	4	0,42
<i>Mammuthus primigenius</i>	608	10,15	79	8,21	687	9,88	50	5,26
<i>Equus ex. gr. gallicus</i>	1 201	20,04	261	27,13	1 462	21,02	233	24,50
<i>E. (Sussemionus) ovodovi</i>	5	0,08	–	–	5	0,07	–	–
<i>Stephanorhinus kirchbergensis</i>	15	0,25	2	0,21	17	0,25	–	–
<i>Coelodonta antiquitatis</i>	587	9,80	90	9,36	677	9,73	68	7,15
<i>Camelus knoblochi</i>	–	–	1	0,10	1	0,01	–	–
<i>Megaloceros giganteus</i>	203	3,39	22	2,29	225	3,24	35	3,68
<i>Cervus elaphus sibiricus</i>	278	4,64	45	4,68	323	4,64	27	2,84
<i>Alces cf. alces</i>	108	1,80	17	1,77	125	1,80	15	1,58
<i>Capreolus pygargus</i>	2	0,03	–	–	2	0,03	–	–
<i>Rangifer tarandus</i>	6	0,10	1	0,10	7	0,10	2	0,21
<i>Bos primigenius</i>	1	0,02	–	–	1	0,01	–	–
<i>Bison priscus</i>	2 865	47,81	427	44,39	3 292	47,33	510	53,63
<i>Saiga borealis</i>	1	0,02	1	0,10	2	0,03	–	–
<i>Soergelia cf. elisabethae</i>	–	–	–	–	–	–	1	0,11
<i>Итого</i>	5 993	100,00	962	100,00	6 955	100,00	951	100,00

Остатки мегафауны с р. Чумыш (1–9)
и с р. Оби в районе пос. Бибиха (10).

1, 2 – нижние челюсти; 3–5 – локтевые кости;
6 – лучевая кость; 7 – лопатка; 8 – нижний конец
плечевой кости; 9 – первая фаланга; 10 – нижний
конец пястной кости.

1–6 – *Panthera leo spelaea*; 7, 8 – *C. crocuta
spelaea*; 9 – *Camelus knoblochi*; 10 – *Soergelia cf.
elisabethae*.

в пределах степной зоны [Titov, 2008]. Единственная (из почти 7 тыс. остатков) фаланга верблюда с р. Чумыш свидетельствует о том, что изредка этот зверь мог проникать также и в лесостепную зону. Соотношение фоновых видов показывает, что териофауна каргинского времени с р. Чумыш обитала в условиях господства лесостепных ландшафтов. По числу остатков бизон более чем вдвое (47,3 и 21,0 %) превосходит лошадь, олени имеют второстепенное значение (9,8 % в сумме). Доля хищников (1,7 %) в ориктоценозе Чумыша близка к таковой в естественных биоценозах.

Крупное местонахождение переотложенных остатков плейстоценовой мегафауны было открыто К.И. Милютиним в районе пос. Бибиха в сентябре 2015 г. Оно находится на правом берегу р. Оби в 40 км ниже Новосибирска (55° 19' с.ш., 82° 51' в.д.). Обширная костеносная отмель шириной по фронту до 150 м и длиной более 300 м выходит из-под уреза воды в осеннюю межень. Песчано-галечная толща насыщена огромным количеством замкнутых костей крупных млекопитающих. Наиболее крупные из них встречаются в верхней по течению, головной части пляжа. Как и в любом другом вторичном аллювиальном местонахождении, здесь присутствуют геологически разновозрастные остатки. Около 10 % сильно минерализованных, окатанных и фрагментарных костей могут быть отнесены к раннему плейстоцену. К этой группе сохранности принадлежит, например, ряд астргалов, центральнокубовидных и пяточных костей мелкого раннеплейстоценового *Cervus cf. elaphus*. Единичные светлоокрашенные и сравнительно слабоминерализованные кости происходят, очевидно, из суглинков позднеплейстоценового возраста. Основная часть собранного материала по комплексу признаков происходит, вероятнее всего, из среднеплейстоценовых отложений. Кости этой группы имеют типичную аллювиальную сохранность. Цвет варьирует от темно-кофейного до почти черного. Нередки следы погрызов хищниками или травления поверхности корнями растений. Кости достаточно сильно минерализованы, заметно сильнее, чем кости из казанцевского руслового аллювия 6-го слоя Красного Яра, расположенного в 15 км выше по течению. Большинство костей слабо окатаны или почти не окатаны. Многочисленны целые кости или их крупные фрагменты, принадлежащие бизону, лошади, шерстистому носорогу. Количество мелких элементов скелета, таких как фаланги, кости запястья и заплюсны, напротив, относительно невелико. Это объясняется, несомненно, гидродинамическими особенностями речного потока на данном участке. В весеннее-летний паводок, когда в основном и происходит размыв и транс-

портировка костных остатков, большинство более мелких костей уносятся дальше вниз по течению. С другой стороны, сила течения в паводок явно недостаточна для перемещения крупных трубчатых костей мамонта, черепов бизона, носорога; все подобные элементы скелета представлены лишь сравнительно небольшими фрагментами. Кости в значительном количестве встречаются также и на подводной части отмели, отлого погружающейся в сторону русла реки. Источник поступления костей до конца не известен. Возможно, они вымываются из основания яра, расположенного на 2–3 км выше по течению. Не исключено также, что кости моет откуда-то из среднеплейстоценовой аллювиальной толщи, вскрытой современной речной эрозией на одном из участков русла, ниже меженного уреза воды.

Среднеплейстоценовый возраст основной массы находок основан, главным образом, на анализе костей лошади и бизона. По размерам и пропорциям пястных и плюсневых костей лошадь из Бибихи наиболее сходна со среднеплейстоценовой *Equus ex. gr. mosbachensis-germanicus* [Форонова, 1990]. Сопоставимые промеры костей бизона из Бибихи в средних значениях на 2,1 % превосходят соответствующие показатели костей бизона казанцевского времени из Красного Яра. Самые крупные представители *Bison priscus* обитали на юге Западной Сибири именно в среднем плейстоцене.

За три поездки на отмели было собрано или учтено более 950 костей крупных млекопитающих, принадлежащих к 13 видам (см. таблицу). В целом, без разделения на группы сохранности (что не всегда представляется возможным), в ориктоценозе преобладают остатки бизона (53,6 %) и лошади (24,5 %). Остатки оленей составляют в сумме 8,3 %, хищников – 1 %. Состав среднеплейстоценовой териофауны свидетельствует о том, что в период ее существования на водоразделах господствовали лесостепные ландшафты.

Наиболее значимой из находок является нижняя треть пястной кости зоргелии. Кость раннеплейстоценового типа сохранности, незначительно окатана. Ширина/поперечник нижнего конца – 57,3/30,5 мм, что укладывается в пределы изменчивости *Soergelia cf. elisabethae* из Тараданово (49 – М 54,64 – 57,8 мм, n = 5/30,3 – М 30,63 – 31 мм, n = 3 [Васильев, 2010]). Бибиха является пятым пунктом на территории Западной Сибири, где были обнаружены остатки зоргелии.

Благодарности. Авторы выражают признательность Ф.И. Жимулёву за помощь в сборе материала на р. Чумыш, М.М. Черепанову и А.Н. Залуцкому – за организацию поездки в пос. Бибиха.

Список литературы

Буйновский Н.А., Хавесон Я.И. Первая находка черепа плейстоценового верблюда в Сибири // Бюлл. комисс. по изуч. четвертичного периода. – 1953. – № 19. – С. 79–81.

Васильев С.К. Остатки зоргелии (*Soergelia* sp.) в позднем плейстоцене Предалтайской равнины // Эволюция жизни на Земле: мат-лы IV Междунар. симп., 10–12 нояб. 2010 г. – Томск: ТМЛ-Пресс, 2010. – С. 537–541.

Васильев С.К., Лобачёв Ю.В., Лобачёв А.Ю. Новые данные по местонахождениям позднелепесточной мегафауны на реках Чумыш и Чик (Алтайский край и Новосибирская область) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 15–18.

Лобачёв Ю.В., Васильев С.К., Орлова Л.А. Позднелепесточная териофауна с р. Чумыш (Алтайский край) и новые данные по местонахождению на реке Чик (Новосибирская область) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 106–110.

Панычев В.А. Радиоуглеродная хронология аллювиальных отложений Предалтайской равнины. – Новосибирск: Наука, 1979. – 102 с.

Форонова И.В. Ископаемые лошади Кузнецкой котловины. – Новосибирск: Изд-во ИГиГ СО АН СССР, 1990. – 131 с.

Хавесон Я.И. Третичные верблюды Восточного полушария (род *Paracamelus*) // Тр. ПИН АН СССР. – 1954. – Т. 47. – С. 100–161.

Titov V.V. Habitat conditions for *Camelus knoblochi* and factors in its extinction // Quaternary Internat. – 2008. – N 179. – P. 120–125.

References

Bujnovskij N.A., Haveson Ja.I. Pervaja nahodka cherepa plejstocenovogo verbljuda v Sibiri // Bjull. komiss. po izuch. chetvertichnogo perioda. 1953. No. 19. Pp. 79–81. (In Russ.).

Foronova I.V. Iskopaemye loshadi Kuzneckoj kotloviny. Novosibirsk: Izd-vo IGiG SO AN SSSR, 1990. 131 pp. (In Russ.).

Haveson Ja.I. Tretichnye verbljudy Vostochnogo polusharija (rod *Paracamelus*) // Tr. PIN AN SSSR. 1954. Vol. 47. Pp. 100–161. (In Russ.).

Lobachjov Ju.V., Vasil'ev S.K., Orlova L.A. Pozdneplejstocenovaja teriofauna s r. Chumysh (Altajskij kraj) i novye dannye po mestonahozhdeniju na reke Chik (Novosibirskaja oblast') // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: mat-ly Itogovoj sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2012. Vol. 18. Pp. 106–110. (In Russ.).

Panychev V.A. Radiouglerodnaja hronologija alljuvial'nyh otlozhenij Predaltajskoj ravniny. Novosibirsk: Nauka, 1979. 102 pp. (In Russ.).

Titov V.V. Habitat conditions for *Camelus knoblochi* and factors in its extinction // Quaternary International. 2008. No. 179. Pp. 120–125.

Vasil'ev S.K. Ostatki zorgelii (*Soergelia* sp.) v pozdnem plejstocene Predaltajskoj ravniny // Evolucija zhizni na Zemle: mat-ly IV Mezhdunar. simp., 10–12 nojab. 2010 g. Tomsk: TML-Press, 2010. Pp. 537–541. (In Russ.).

Vasil'ev S.K., Lobachjov Ju.V., Lobachjov A.Ju. Novye dannye po mestonahozhdenijam pozdneplejstocenovoj megafauny na rekah Chumysh i Chik (Altajskij kraj i Novosibirskaja oblast') // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. 20. Pp. 15–18. (In Russ.).

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ УКРАШЕНИЙ ИЗ СКОРЛУПЫ ЯИЦ СТРАУСА И КАМНЯ (по материалам пещеры Чихэн, Монголия)*

В раннеголоценовых отложениях полихронного археологического объекта в гроте Чихэн кроме изделий из камня, костяных орудий найдены украшения – бусины, сделанные из скорлупы яиц страуса, и подвеска из серпентина-антигорита. Микроскопический анализ поверхности бусин и подвески показал достаточную сохранность изделий и их доступность для трасологического анализа. Набор инструментов, применявшихся в работе с бусинами и подвеской из камня, состоял из лучкового сверла, развертки для развальцовки отверстий, скобеля, мелкозернистого абразива с твердой поверхностью и полирующего эластичного материала. Характерной особенностью можно считать ювелирность, относительную тщательность при изготовлении бусин, размер которых является минимально возможным при использовании скорлупы яиц страуса. Производство бус и других украшений могло практиковаться в качестве декоративного направления уже с начала верхнего палеолита. Похожая технология изготовления подвесок из скорлупы яиц страуса зафиксирована на верхнепалеолитической стоянке Подзвонкая (Забайкалье). В настоящее время нет удовлетворительного объяснения сходству в технологии изготовления бусин/подвесок из скорлупы яиц страуса. Этому препятствуют, во-первых, значительный хронологический разрыв между данными технологиями: изделия со стоянки Подзвонкая относятся к ранней поре верхнего палеолита, а бусины из грота Чихэн – к эппалеолиту (?) (подтверждено датой $10\,060 \pm 50$ (AA-79775), полученной прямым AMS ^{14}C -датированием фрагмента скорлупы яйца страуса и бусины из нее); во-вторых, малочисленность данных, проанализированных с единых позиций. В нашем распоряжении только два репера – начало традиции обработки скорлупы яиц страуса и ее окончание.

Ключевые слова: Монголия, бусины из скорлупы яиц страуса и камня, технология, трасология.

P.V. Volkov^{1, 2}, S.A. Gladyshev¹, T.I. Nokhrina^{1, 2}

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State University

E-mail: nohrina@archaeology.nsc.ru

PROCESSING TECHNOLOGY OF THE OSTRICH EGGSHELL AND STONE ORNAMENTS (materials from Chikhen Cave, Mongolia)

In the Holocene sediments of the polychronous archaeological object in the Chikhen cave the ornaments were found – the beads made of ostrich eggshell and serpentine-antigorite pendant together with lithics and bone tools. Microscopic analysis of their surfaces showed the ample preservation and their availability in term of the use wear analysis. Tool kit for the treatment of beads and stone pendant included fiddle perforator, reamer for bore flaring, scraper-knife, fine abrasive with hard surface and polishing elastic agent. The jewellery, accuracy are the specific feature of the bead production, their size is the smallest possible for ostrich egg shell treatment. Beads and other ornaments can be produced as part of ornamental activity since Initial Upper Paleolithic. The similar processing technique of beads made of ostrich eggshell was fixed at the Podzvonkaya the Upper Paleolithic site (Transbaikali). At this moment, there is not satisfactory explanation why the technology of eggshell bead/pendant production was the similar. Foremost, the great chronological gap divides these technologies. Podzvonkaya site relates to Early stage of Upper Paleolithic. The beads from Chikhen cave correlates with Epipaleolithic (?) (^{14}C -AMS date $10\,060 \pm 50$ (AA-79775) obtained on fragment of ostrich eggshell and bead confirms it). Secondly, the scanty data were analyzed in the ground of the unified position. We have only two reference points: the origin and termination of the ostrich eggshell treatment.

Keywords: Mongolia, stone and ostrich eggshell beads, technology, use wear analysis.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-04-00070.

Полихронный археологический объект в гроте Чихэн-Агуй (в первой публикации – Чихэн-Хувэр) расположен на территории сомона Баян-Ундер (Баянхонгорский аймак), в невысоком кряже, протянувшемся с юга на север ($44^{\circ} 46' 22,3''$ с.ш., $99^{\circ} 04' 08,7''$ в.д., высота над ур. океана $1\,970 \pm 60$ м) [Деревянко и др., 1989]. Грот имеет длину 9,5 м, ширину ок. 5 м и высоту 2 м. Вход ориентирован на юго-восток, внутренняя полость и предвходовая площадка хорошо освещаются на протяжении большей части дня. Пол пещеры полого наклонен к выходу. Недалеко (в полукилометре) под скалами известняков у подножия делювиального шлейфа находится источник пресной воды, переходящий в ручей.

Описание и интерпретация археологического материала и стратиграфических разрезов грота опубликованы в ряде изданий [Археологические исследования..., 1998; 2000; Derevianko et al., 2003; 2008]. По образцам угля из древних кострищ грота получена представительная серия радиоуглеродных дат, большинство из которых приходится на интервал от $7\,850 \pm 110$ до $11\,545 \pm 75$ л.н. [Derevianko et al., 2008, p. 10]. Прямым AMS ^{14}C -датированием фрагмента скорлупы яйца страу-

са и бусины получена дата $10\,060 \pm 50$ (AA-79775) [Kurochkin et al., 2010, tabl. 1].

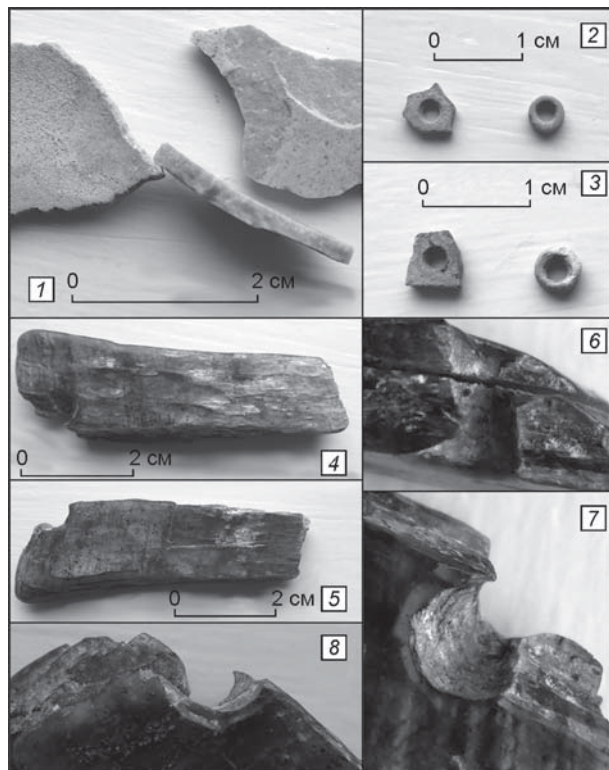
Археологический материал происходит из двух культурных горизонтов: верхнего – раннеголоценового, нижнего – плейстоценового. Кроме изделий из камня, в раннеголоценовых отложениях грота найдены костяные орудия, деревянный предмет, бифас из нефрита, украшения – бусы, сделанные из скорлупы яиц страуса, и подвеска из серпентина-антигорита.

Анализ каменного инвентаря из раннеголоценовых отложений грота Чихэн позволяет вполне аргументированно интерпретировать археологический объект в рамках охотничье-промысловой версии. Однако скопление бусин в предвходовой части грота, остатки столба в центре полости, основы вкладышевых орудий у очагов, заготовка бифаса из нефрита, обломок подвески из серпентина-антигорита однозначно вписываются в круг изделий, связанных с престижными технологиями, и могут быть связаны с ритуальным эпизодом (эпизодами) [Derevianko et al., 2008].

Микроскопический анализ поверхности бусин и подвески из камня показал достаточную сохранность изделий и их доступность для трасологического анализа. Изучение совокупности следов обработки и использования предметов позволило вывести заключения о наборе использовавшихся при их изготовлении инструментов, технических приемов и о характере использования готовых изделий.

Бусины из скорлупы яиц страуса (см. рисунок, 1). Изделия (19 экз.) двух видов – круглые и многоугольные. У круглых предметов внешний диаметр колеблется в пределах 4,0–4,8 мм, внутренний – ок. 2 мм. Бусины многоугольной формы имеют несколько большие размеры. Их внешний диаметр – от 5,2 до 5,6 мм, внутренний – ок. 1,8 мм. На начальном этапе изготовления бусин производилось одностороннее сверление (с развальцовкой канала с противоположной стороны заготовки) и ее фрагментация изломом вокруг точки перфорации (см. рисунок, 2, 3). На втором этапе обработка производилась на абразиве, с помощью которого изделию придавалась округлая в плане форма. Завершалось изготовление полировкой бусин на мягкой, эластичной поверхности (вероятно коже). Следов долговременного использования (ношения бусин) не выявлено.

Подвеска из серпентина-антигорита с вкраплениями магнетита (см. рисунок, 4, 5). Минерал относится к подклассу слоистых силикатов. Предмет сломан. Сохранившаяся изогнутая часть имеет размеры $60,2 \times 17,3 \times 7,3$ мм и прямоугольную форму. Поверхность зашлифована и заполирована

Бусины из скорлупы яиц страуса и подвеска из камня из раннеголоценовых отложений грота Чихэн.

1 – фрагменты скорлупы яиц страуса; 2, 3 – заготовки и готовые бусины; 4, 5 – подвеска из серпентина-антигорита; 6 – следы сверления на подвеске; 7 – следы развальцовки на краю канала сверления у подвески; 8 – следы утилизации на подвеске.

на. Продольная и поперечная грани изделия заглажены. На сохранившемся конце расположено сквозное отверстие, просверленное с двух сторон. С одной стороны наружный диаметр отверстия 5,5 мм, внутренний – 2,6 мм; с другой стороны – 7,1 и 3,1 мм соответственно. По всей видимости, во время сверления произошло расслоение серпентина. В связи с этим сверление было продолжено с другой стороны. Внутри отверстия сохранились остатки вещества розового цвета (возможно зола, смешанная с прокалом).

Изделие имеет достаточно хорошую сохранность для технологического анализа. На длинной грани прослеживаются следы формообразующей обработки скобелем. Сверление отверстия произведено инструментом с рабочим оборотом менее 180° и последующей развальцовкой с противоположной стороны (см. *рисунок, 6, 7*). На краях канала сверления прослежена характерная заглаженность, свидетельствующая о ношении изделия в качестве подвески на шнуре из эластичного органического материала (см. *рисунок, 8*).

Набор инструментов, применявшихся в работе с бусинами и подвеской из камня, состоял из лучкового сверла, развертки для развальцовки отверстий, скобеля, мелкозернистого абразива с твердой поверхностью и полирующего эластичного материала. В качестве характерной особенности следует отметить ювелирность, относительную тщательность при изготовлении бусин, размер которых можно считать минимально возможным при использовании столь хрупкого материала, как скорлупа яиц страуса.

Как показывает анализ археологических материалов по другим районам Монголии и Забайкалья, производство бус и других украшений могло практиковаться в качестве декоративного направления уже с начала верхнего палеолита (см., напр.: [Лбова, Волков, 2007; Ташак, 2002]). Похожая технология изготовления подвесок из скорлупы яиц страуса зафиксирована В.И. Ташаком [2002] на верхнепалеолитической стоянке Подзвонка (Забайкалье). Исследователь, проанализировав коллекцию из 22 предметов, предложил следующую технологическую цепочку. Первая (?) операция – образование отверстия у будущей подвески – проводилась при помощи сверления всегда с одной стороны. После образования сквозного отверстия его края с противоположной стороны подрабатывались выкрашиванием. Таким же образом отверстие расширялось (развальцовка канала). Вторая (?) операция – придание формы будущей подвеске. Вероятно, заданная форма прочерчивалась на поверхности скорлупы. Далее прорисованный контур углублялся при помощи резца.

После этого излишки сырья отламывались по прорезанной границе. Третья (?) операция – обработка края подвесок, а также края некоторых отверстий – проводилась при помощи шлифования, позволявшего придать поверхностям ребер заданную форму. Проходила в два этапа: на первом края обрабатывались крупнозернистым абразивным материалом, о чем свидетельствуют борозды от абразивного инструмента; на втором – производилось собственно шлифование.

В заключение отметим, что в настоящее время нет удовлетворительного объяснения сходству в технологии изготовления бусин/подвесок из скорлупы яиц страуса. Этому препятствуют, во-первых, значительный хронологический разрыв между данными технологиями: стоянка Подзвонка относится к ранней поре верхнего палеолита, тогда как предметы из грота Чихэн – к эппипалеолиту (?) (раннему голоцену); во-вторых, малочисленность данных, проанализированных с единых позиций. В нашем распоряжении только два репера – начало традиции обработки скорлупы яиц страуса и ее окончание.

Список литературы

Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1996 году / А.П. Деревянко, Д. Олсен, Д. Цэвээндорж и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 343 с.

Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1997–1998 годах / А.П. Деревянко, Д. Олсен, Д. Цэвээндорж и др. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 383 с.

Деревянко А.П., Дорж Д., Ларичев В.Е., Петрин В.Т. Археологические исследования в Монголии в 1988 г. // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. – 1989. – Вып. 2. – С. 26–34.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Гладышев С.А., Нохрина Т.И., Табарев А.В. Новое прочтение археологического контекста пещеры Чихэн (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2 (34). – С. 2–12.

Лбова Л.В., Волков П.В. Технологии изготовления предметов изобразительной деятельности в комплексах начальной поры верхнего палеолита в Забайкалье // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул: Азбука, 2007. – С. 40–43. – (Тр. САИПИ; вып. 3).

Ташак В.И. Обработка скорлупы яиц страусов в верхнем палеолите Забайкалья // История и культура востока Азии: мат-лы междунар. науч. конф. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 159–164.

Derevianko A.P., Gladyshev S.A., Nohrina T.I., Olsen J.W. The Mongolian Early Holocene: Excavations

at Chikhen Agui Rockshelter in Gobi Altai // The Review of Archaeology. – 2003. – Vol. 24, N 2. – P. 50–56.

Kurochkin E.N., Kuzmin Ya.V., Antoshchenko-Olnev I.V., Zabelin V.I., Krivonogov S.K., Nohrina T.I., Lbova L.V., Burr G.S., Cruz R.J. The timing of ostrich existence in Central Asia: AMS ^{14}C age of eggshells from Mongolia and southern Siberia (a pilot study) // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research B. – 2010. – Vol. 268. – P. 1091–1093.

References

Arheologicheskie issledovanija Rossijsko-mongol'sko-amerikanskoj ekspedicii v Mongolii v 1996 godu / A.P. Derevjanko, D. Olsen, D. Cevjejendorzh et al. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 1998. 343 pp. (In Russ.).

Arheologicheskie issledovanija Rossijsko-mongol'sko-amerikanskoj ekspedicii v Mongolii v 1997–1998 godah / A.P. Derevjanko, D. Olsen, D. Cevjejendorzh et al. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2000. 383 pp. (In Russ.).

Derevjanko A.P., Dorzh D., Larichev V.E., Petrin V.T. Arheologicheskie issledovanija v Mongolii v 1988 g. // Izv. Sib. otd-nija AN SSSR. Ser. istorii, filologii i filosofii. 1989. Iss. 2. Pp. 26–34. (In Russ.).

Derevianko A.P., Gladyshev S.A., Nohrina T.I., Olsen J.W. The Mongolian Early Holocene: Excavations at Chikhen Agui Rockshelter in Gobi Altai // The Review of Archaeology. 2003. Vol. 24, No. 2. Pp. 50–56.

Derevianko A.P., Olsen J.W., Tseveendorj D., Gladyshev S.A., Nohrina T.I., Tabarev A.V. New Insights into the Archaeological Record at Chikhen Agui Rockshelter (Mongolia) // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2008. Vol. 34, Iss. 2. Pp. 2–12.

Kurochkin E.N., Kuzmin Ya.V., Antoshchenko-Olnev I.V., Zabelin V.I., Krivonogov S.K., Nohrina T.I., Lbova L.V., Burr G.S., Cruz R.J. The timing of ostrich existence in Central Asia: AMS ^{14}C age of eggshells from Mongolia and southern Siberia (a pilot study) // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research B. 2010. Vol. 268. Pp. 1091–1093.

Lbova L.V., Volkov P.V. Tehnologii izgotovlenija predmetov izobrazitel'noj dejatel'nosti v kompleksah nachal'noj pory verhnego paleolita v Zabajkal'e // Kamennaja skul'ptura i melkaja plastika drevnih i srednevekovyh narodov Evrazii. Barnaul: Azbuka, 2007. Pp. 40–43. (Tr. SAIPI; iss. 3). (In Russ.).

Tashak V.I. Obrabotka skorlupy jaic strausov v verhnem paleolite Zabajkal'ja // Istorija i kul'tura vostoka Azii: mat-ly mezhdunar. nauch. konf. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2002. Vol. 2. Pp. 159–164. (In Russ.).

Е.А. Гирченко

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕХНИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КЕРАМИКИ КНР*

В неолите Китая выделяются три основных скачка в развитии технологий гончарного производства – на раннем, среднем и позднем этапах. В данном исследовании с опорой на основные показатели технико-типологического анализа предложена краткая характеристика керамического материала Центрального, Северо-Западного, Северо-Восточного, Восточного, Юго-Восточного и Южного Китая.

В раннем неолите основным видом исходного сырья являлась среднепластичная глина с высоким содержанием песка. На втором этапе раннего неолита в южных культурах отмечено появление изделий из белой глины с искусственными примесями угля или зерен риса. В раннем и среднем неолите зафиксировано четыре способа формования сосуда: из целого куска глины, спирально-жгутовым налепом, лоскутным налепом или на форме-основе. Средний неолит является периодом расцвета расписной керамики Китая. Гончарный круг быстрого вращения появляется только в среднем и позднем неолите. Тогда же отмечено появление комбинированных приемов – использование разных типов формования при изготовлении одного сосуда. Например, тулово треножника формовалось на гончарном круге, а ножки – при помощи форм-моделей. В позднем неолите развитие технологий позволяет получать черную тонкостенную керамику, изготовленную из отмученной однородной глины высокой пластичности. Низкая температура обжига была характерна для Китая довольно длительное время, на раннем этапе зафиксирован окислительный обжиг на открытом огне, в позднее время – восстановительный. Наибольшие изменения в технологиях наметились именно в позднем неолите, являющем собой наиболее прогрессивный скачок в развитии древнего гончарства Китая.

Ключевые слова: Древний Китай, неолит, эволюция технологий, гончарное производство.

E.A. Girchenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

TECHNICAL TYPOLOGICAL ANALYSIS OF NEOLITHIC CERAMICS FROM PRC: SOME OF RESULTS

Researches divide three technological jumps in pottery during the Neolithic: at the early, middle and late stages. This study proposes the brief description of ceramics from Northwestern, Northeastern, Eastern, Southeastern and Southern China, based on the main attributes of technical typological analysis. Stiff high-sand clay was the main type of raw material in Early Neolithic. Second stage of Early Neolithic was marked by items made of white clay with non-natural inclusions of coal or rice grains in southern cultures during the second stage of Early Neolithic. Three molding processes is fixed in Early and Middle Neolithic: from the entire lump of clay, by spiral-braidlike sticking on or on the form-basis. Middle Paleolithic is the golden age of painted glazed ceramics. Pottery spin wheel have appeared in the Middle and Late Neolithic. By the same time it was registered the appearance of combined modes in the use of various molding processes in the single vessel. For example, the body of tripod-vessel was formed on the pottery wheel, but legs were made by applying form-models. The Late Neolithic technological development rang up black thick-walled pottery, made of washed homogenous high-plasticity clay. Low-temperature open-fire baking is peculiar to China for a long time. Early stage is characterized by open-fire oxidizing burning, as well as late stage by reducing firing.

The most significant technological changes had emerged of all Late Paleolithic – the time of the most progressive technological jump in ancient pottery development in China.

Keywords: Ancient China, Neolithic, technological evolution, pottery.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Керамические изделия составляют самый объемный раздел материальной культуры эпохи неолита. Именно в Китае, Японии и на Дальнем Востоке России зафиксированы наиболее ранние свидетельства регулярного использования глиняной посуды. На данный момент на территории Китая открыто более тридцати различных неолитических культур и общностей. Исследование представляет собой обзор технологий гончарного производства Центрального, Северо-Западного, Северо-Восточного, Восточного, Юго-Восточного и Южного Китая в неолите. Традиции периферийных территорий сознательно не затрагиваются. В качестве методологической основы использовались работы А.А. Бобринского [1978] и Ю.Б. Цетлина [2012].

Существенные изменения в технологическом развитии керамического производства позволяют выделить в неолите три основных хронологических этапа: ранний (10 000–5 000 лет до н.э.), средний (5 000–3 000 лет до н.э.) и поздний (3 000–2 000 лет до н.э.).

Процесс изготовления любого сосуда складывается из последовательного решения нескольких технологических задач, включающих в себя отбор исходного сырья, его добычу, обработку, составление формовочной массы, формование сосуда, механическую обработку поверхности, высушивание, обжиг, в отдельных случаях – декорирование и конструирование служебных частей [Бобринский, 1978, с. 14]. В работе прослежены доступные для исследования стадии на примере некоторых неолитических материалов Китая (см. таблицу).

Особенности технологии гончарного производства в раннем неолите. Первый и второй этапы. Первый этап (10 000–7 500 лет до н.э.). Репрезентативными для этого периода являются памятники Наньчжуантоу (уезд Сюйшуй, пров. Хэбэй), нижний слой памятника Сяньжэньдун (уезд Ваньнянь, пров. Цзянси), нижний слой памятника Цзэнпьянь (близ г. Гуйлинь, пров. Гуанси). Керамика данного этапа немногочисленна и фрагментарна. Для него характерна глина средней пластичности с содержанием песка. Кроме разнокалиберных песчаных включений естественного происхождения при микроскопическом обзоре встречаются фрагменты слюды, кварца, полевого шпата, известняка [Хэбэй Сюйшуй сянь..., 1992, с. 961–970]. Сосуды формовались путем выдавливания из одного комка формовочной массы. Толщина стенок варьировалась, внутри они не заглаживались, характеризуются визуально очевидными неровностями. Температура обжига низкая, очевидно, что сосуды подвергались очень короткому термическому воздействию на открытом огне,

что делало их рыхлыми, неоднородными по цвету, с пятнами темно-бурого и черного оттенка.

Второй этап (7 500–5 000 лет до н.э.). Репрезентативными для этого этапа развития технологий являются культуры *пэнтоушань*, *цзаоши* нижнего слоя, *чэнбэйси*, *цышань*, *пэйлиган*, *дадивань*, *синьлунва*, *хоули*, ранний этап *бэйсинь*.

На севере Китая, как правило, выбиралась глина средней пластичности с высоким содержанием песка. На юге же данный этап характеризуется появлением изделий из белой глины. Химический анализ белой керамики культуры *чэнбэйси* показал, что в качестве исходного сырья бралась глина средней пластичности с высоким содержанием магния (заталькованная глина) [Ли Вэньцзе, 1996, с. 82]. В формовочной массе помимо естественных примесей песка встречались органические включения искусственного происхождения (зерна риса). В культурах *пэнтоушань*, нижнего слоя *цзаоши*, *чэнбэйси* также иногда встречаются частицы угля.

Выделяются несколько способов формования сосуда: из целого куска глины, спирально-жгутовым налепом или лоскутным налепом, также зафиксировано использование формы-основы. На этом этапе отмечено появление незначительного количества расписной керамики. Формование (вытягивание) из целого куска глины встречается редко, это, как правило, очень маленькие по размерам сосуды. Возможно, такой способ использовался для создания начина. Способ формования сосуда лоскутным налепом особенно хорошо представлен в культурах *пэнтоушань*, нижнего слоя *цзаоши* и *чэнбэйси*, также в первом слое памятника Чжэньцзяньин (уезд Фаншань городского округа Пекин). Спирально-жгутовой налеп, наиболее распространенный способ, характерен для культур *цышань*, *пэйлиган*, *дадивань*, *хоули*, *синьлунва* и *бэйсинь*. Использование формы-основы встречается только в культуре *дадивань*. На этом этапе расписная керамика зафиксирована в культурах *дадивань* и *цзаоши* нижнего слоя.

Обжиг проводился при низкой температуре, сосуды характеризуются неравномерностью цвета. Большая часть северных находок буро-коричневого цвета ввиду сильной ожелезненности глин.

Особенности керамического производства среднего неолита Китая. К среднему неолиту относятся культуры *бэйсинь* позднего периода, *хэмуду*, *шичжаоцунь* первого периода, *яньшао*, *давэнькоу*, *даси*, *мацзябан*, *сунцзэ*, *чжаобаоугоу*, *хуншань*, ранний период культуры *мазяяо* (типы *шилинся*, *мацзяяо*).

В качестве исходного сырья выбиралась глина средней пластичности. На данном этапе в южных культурах возрастает доля белой керамики

Традиции гончарства неолита Китая*

Датировки лет до н.э.	Периоды		Культуры										
			северные				южные						
			Ганьсу, Цинхай	Средней Хуанхэ		Шаньдун	Ляонин, Хэбэй	Средней Янцзы	Чжэцзян				
9 000	Ранний неолит	Ранний этап		Наньчжуантоу									
8 000													
7 000													
6 000	Поздний этап		Дадивань		Хоули	Синьлунва	Нижний слой Сяньжэньдун						
5 000			Пэйлиган						Цышань	Бэйсинь	Чжаобаогоу	Чэнбэйси	Пэнтоу- шань
4 000			Шичжаоцунь (1-й пер.)						Хуншань				
3 000	Средний неолит		Яншао		Давэнькоу	Сяохэянь	Даси						
			Мацзяяо	Мяодигоу (2-й пер.)					Луншань (Шаньдун)	Цюйцзялин			
			Нижний слой Чаншань								Луншань (Средняя Хуанхэ)	Шицзяхэ	
	Поздний неолит	Цицзя											

*Наньчжуантоу и Сяньжэньдун не являются отдельными культурами, это названия памятников, а первый период Шичжаоцунь относится к культуре нижнего слоя *бэйшоулин*.

(в первую очередь в культуре *даси*). Химический анализ белой керамики *даси* и *мацзябан* показал наличие двух типов исходного сырья: с высоким содержанием алюминия (каолиновая глина) и с содержанием магния (заталькованная глина) [Ли Вэньцзе, 1996, с. 83]. В культурах *хэмуду* и *даси* в тесте встречаются фрагменты угля и зерна риса. В культурах *даси*, *мацзябан* и *сунцзэ* велико содержание фрагментов раковин (как двустворчатых, так и спиральных).

В культуре *хэмуду* преобладает жгутовой способ, но на позднем этапе первого периода зафиксировано и применение метода лоскутного налепа. В других культурах встречается только жгутовой способ формования сосуда. Поворотный круг (деревянная подставка, приводимая в движение

руками) был изобретен в Китае в конце V тыс. до н.э. [Кравцова, 2010, с. 248] и зафиксирован только на среднем этапе существования культуры *давэнькоу*, на позднем этапе культуры *даси*, позднем этапе культуры *сунцзэ*. Расписная керамика достигает своего расцвета в культурах *янишао*, *давэнькоу*, *даси*, *хуншань*, *мацзяяо* раннего периода. В некоторых случаях сосуд корректировался на гончарном круге, что позволяло получать довольно пропорциональные изделия с равномерной толщиной стенок.

В технологии обжига сосудов происходят большие изменения: с появлением специальных печей повышается и температура обжига (по меньшей мере до 1 000 °C), керамика характеризуется более длительным нахождением в обжигательном устрой-

стве, соответственно повышается и прочность сосудов, цвет становится более однородным. На севере ввиду большой ожелезненности местных глин превалирует красная керамика, на юге встречается желтоватая, серая и черная.

Особенности технологии гончарного производства в позднем неолите. К позднему неолиту Китая относятся культуры *мацзяо* позднего периода (типы *баньшань* и *магуан*), нижнего слоя *чаншань*, *цицзя*, *мяодигоу* второго периода, *луншань* Средней Хуанхэ, *луншань* территории современной пров. Шаньдун, *цюйцзялин*, *шицзяхэ*, *лянчжу*, *сяохэянь*.

В культуре *луншань* пров. Шаньдун черная тонкостенная керамика изготовлена из отмученной однородной глины высокой пластичности. Редко встречается белая керамика (каолиновая глина). Сосуды вытягивались из комка глины на гончарном круге быстрого вращения, а ножки треножников (например, в культурах *луншань* Средней Хуанхэ или *мяодигоу* второго периода) делались с помощью формы-основы. Для культуры *мацзяо* (поздний период) в это время характерна высокая доля расписной керамики.

Гончарный круг быстрого вращения появился предположительно в конце IV – начале III тыс. до н.э. в культурах Южного и Юго-Восточного Китая [Кравцова, 2010, с. 248]. К середине III тыс. до н.э. он уже прочно утвердился в гончарном деле культур *лянчжу*, *шицзяхэ*, *цюйцзялин*, *луншань* Средней Хуанхэ, *луншань* пров. Шаньдун. Это первый случай такого повсеместного использования гончарного круга, что говорит о начале нового этапа в гончарном производстве, оказавшего большое влияние на последующие технологии. Примером является тонкостенная черная керамика культуры *луншань* пров. Шаньдун, в которой толщина стенок достигает всего 0,3 мм.

Жгутовой способ формирования сосудов характерен для позднего периода культуры *мацзяо*, нижнего слоя культуры *чаншань*, культур *цицзя* и *сяохэянь*. Технология производства расписной керамики на позднем этапе культур *мацзяо* и *цюйцзялин* достигает высокого уровня (тип *баньшань*). В других культурах позднего неолита такая керамика редка, что характеризует некоторый упадок производства этого типа изделий.

Восстановительная среда создавалась путем увеличения концентрации окиси углерода и спо-

собствовала изменению цвета сосуда. В раннем и среднем неолите при открытом обжиге концентрация окиси углерода составляла 0,17–0,63. В позднем неолите после освоения технологии восстановительного обжига керамика стала серой или черной (или черной блестящей, как в культуре *луншань*), что получалось в результате обжига в условиях недостатка кислорода и избытка окиси углерода. Например, в культуре *шицзяхэ* (памятник Гуаньмяошань) ее содержание достигает 20,19, что говорит о том, что именно в позднем неолите технология совершила огромный скачок [Ли Вэньцзе, 1996, с. 85].

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Кравцова М.Е. Керамика // Духовная культура Китая. – М.: Вост. лит., 2010. – Т. 6. – С. 246–261.

Ли Вэньцзе. Чжунго гудай чжитао гунъи дэ фэньци хэ лэйсин [Хронология и типология технологий древнего гончарства Китая] // Цзыжань кэсюэ ши яньцзю [Исследования истории естественных наук]. – 1996. – Т. 15, № 1. – С. 80–91 (на кит. яз.).

Хэбэй Сюйшуй сянь Наньчжуантоу ичжи шицзюэ цзяньбао [Краткий отчет о пробных раскопках памятника Наньчжуантоу в уезде Сюйшуй провинции Хэбэй] // Каогу. – 1992. – № 11. – С. 961–970 (на кит. яз.).

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: Изд-во ИА РАН, 2012. – 379 с.

References

Bobrinsky A.A. Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya. M.: Nauka, 1978. 272 pp. (In Russ.).

Hebei Xushui xian Nanzhuangtou yizhi shijue jianbao [Short summary of trial excavations on Nanzhuangtou site in Xushui county of Hebei province] // Kaogu. 1992. No. 11. Pp. 961–970. (In Chin.).

Kravtsova M. E. Keramika // Dukhovnaya kultura Kitaya. M.: Vost. lit., 2010. Vol. 6. Pp. 246–261. (In Russ.).

Li Wenjie. Zhongguo gudai zhitaogongyi de fenqi he leixing [Chronology and types of technology in ancient pottery of China] // Ziran kexue shi yanjiu [The Investigations of History of Natural Science]. 1996. Vol. 15, No. 1. Pp. 80–91. (In Chin.).

Tsetlin Yu. B. Drevnyaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kulturnogo podkhoda. M.: Izd-vo IA RAN, 2012. 379 pp. (In Russ.).

А.П. Деревянко^{1, 2}, Л. Булатович³, В.А. Ульянов⁴,
К.К. Павленок^{1, 2, 5}, М.Б. Козликин^{1, 2}, А.В. Кандыба^{1, 2},
А.А. Анойкин^{1, 5}, Г. Чулович³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Алтайский государственный университет

³Центр археологических исследований Черногории

⁴Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

⁵Новосибирский государственный университет

E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

СТРАТИГРАФИЯ ОТЛОЖЕНИЙ СКАЛЬНОГО НАВЕСА БИОЧЕ (ЧЕРНОГОРИЯ)*

Раскопки в 2010–2015 гг. непо потревоженной части отложений в глубине скального навеса Биоче выявили сложный характер их формирования. В стратиграфическом разрезе выделено четыре основных литологических слоя. Слой 1 включает четыре подслоя легкого суглинка коричневого или черного цвета. Подслои отличаются неравномерной насыщенностью щебнистым материалом, степенью гумусированности и цементированности карбонатами. Маркирующим кровлю слоя 2 признаком является интенсивное развитие вторичной карбонатной цементации. Сам слой включает несколько подслоев супесей и песков разнозернистых серых и серо-коричневых. Ниже по разрезу фиксируется пачка суглинков тяжелых красновато-коричневых, обильно насыщенных сильно трещиноватыми дресвой и щебнем в верхней части и включающих единичные глыбы в нижней части (слой 3). В основании залегают суглинки тяжелые красно-коричневые (слой 4), обломочный материал в которых встречается в виде дресвы, среднего и крупного изометричного щебня, мелких глыб. Последние либо отмечаются спорадически, либо формируют субгоризонтальные горизонты. Радиоуглеродное датирование образцов кости и угля из прослоев 1.2 и 1.4 показало, что накопление слоя 1 происходило в диапазоне от 32 до 40 тыс. л.н. Предыдущие исследователи стоянки отнесли отложение всей пачки слоев 1, 2 ко второй половине OIS 3. Однако литологические характеристики слоев позволяют предположить, что заполнение навеса культурными отложениями представляло собой длительный процесс в различных условиях осадконакопления, а хронологический диапазон формирования слоев 1, 2, возможно, был более широким.

Ключевые слова: стратиграфия, литологический слой, радиоуглеродное датирование, условия осадконакопления.

A.P. Derevianko^{1, 2}, L. Bulatovich³, V.A. Ulianov⁴,
K.K. Pavlenok^{1, 2, 5}, M.B. Kozlikin^{1, 2}, A.V. Kandyba^{1, 2},
A.A. Anoykin^{1, 5}, G. Chulovich³

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Altai State University

³Centre of Archaeological Research of Montenegro

⁴M.V. Lomonosov Moscow State University

⁵Novosibirsk State University

E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

SEDIMENT STRATIGRAPHY OF BIOCHE ROCKSHELTER (MONTENEGRO)

The covered deposits were excavated in the depth of Bioche rockshelter in 2010–2015 and results pointed at complex character of their formation. Four basic lithological layers were divide in stratigraphic profile. Layer 1 includes the four sublayers of brown or black light loam. The sublayers outstand with the erratic intension of grit, the grade of high humus

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-31-01200.

content and carbonate consolidation. The intensive development of secondary carbonization is the marker-attribute of layer 2. Layer includes a few sublayers of sandy loam and inequigranular grey and greyish brown sands. Down of the cross-section there is a unit of the reddish brown heavy clay loam with high percent of much fractured debris and grit in the upper part and intrusion of the few blocks in the lower part (layer 3). The reddish brown heavy clay loam embeds in basal complex (layer 4) and includes detrital material in the form of debris, medium and large monometrical grit, and small blocks. Last-named occurs sporadically or forms the subhorizontal horizons. Radiocarbon dating of the charcoal and bone samples from the 1.2 and 1.4 sublayers indicated that layer 1 had accumulated during the period from 32 to 40 ka. The previous researchers of this site dated the entire unit of layers 1, 2 to second half of OIS 3. But lithological specifics of the layers evidences that rockshelter filled by cultural deposits under the different depositional conditions during a long time, and chronological range when layers 1, 2 had formed was more broad.

Keywords: stratigraphy, lithological layer, radiocarbon dating, depositional conditions.

Комплексные исследования 2010–2015 гг. на стоянке Биоче (Черногория) проводились в основном в глубине навеса, где отложения лучше сохранились. По окончании работ на памятнике был проведен анализ литологических подразделений. Его результаты позволили отказаться от ряда

служебных наименований слоев, использовавшихся ранее [Деревянко и др., 2010; 2011; Деревянко, Павленок, Кандыба, 2014], и представить окончательный вариант стратиграфии.

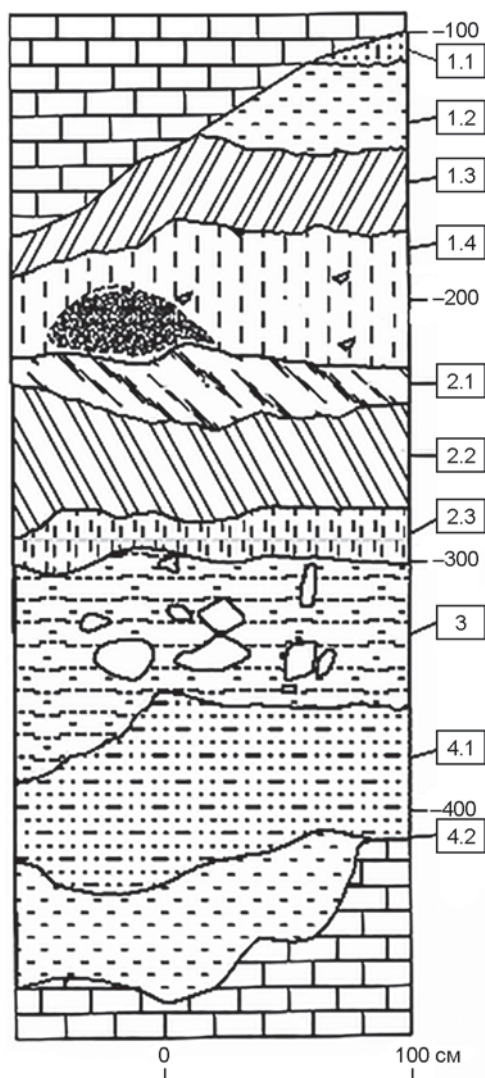
В результате работ 2010–2015 гг. на стоянке в разрезе протяженностью более 5 м было выделено четыре основных слоя (см. рисунок).

В отложениях слоя 1 были выявлены четыре подслоя.

Подслой 1.1. Суглинок средний одресвяненный и опесчаненный насыщенного коричневого цвета с красноватым оттенком. На участках примыкания к скальному своду на глубину 10–15 см от кровли прочно сцементирован карбонатами. Включения единичны, присутствуют мелкий щебень и дресва. Нижняя граница неровная, инволюционного типа, местами нерезкая (в виде постепенного перехода). Мощность в среднем составляет 10–15 см.

Подслой 1.2. Суглинок легкий коричнево-черный сильно гумусированный. Содержание обломочного материала составляет около 30 % проективной площади. Он представлен мелким слабоуплощенным щебнем с единичными включениями среднего; ориентирован в слое преимущественно субгоризонтально. Нижняя граница субгоризонтальная, нечеткая, в виде зоны постепенного перехода. Мощность подслоя в центральной части разреза достигает 40 см, но по мере продвижения к тыловой северо-западной стенке все более редуцируется в разрезе, пока не исчезает вовсе.

Подслой 1.3. Щебнисто-дресвянистая толща с легкосуглинистым заполнителем, темно-коричневого с красным оттенком цвета, сцементированная карбонатами. Проективная площадь щебнистого материала составляет 40–50 %, в отдельных гнездах в верхней части слоя – до 60–70 %, где заполнитель приобретает поровый характер. Нижняя граница постепенная, по заполнителю не резкая, но достаточно четкая, местами подчеркивается ра-

4.2 номера слоев
-400 нивелировочные отметки

Стратиграфический разрез плейстоценовых отложений скального навеса Биоче.

зубоженным мелкоглыбово-щебнистым горизонтом. Мощность подслоя варьирует от 30 до 60 см (в среднем 35–45 см), падая вглубь навеса в соответствии с понижением скального свода.

Подслой 1.4. Суглинок легкий сильно гумусированный насыщенного коричнево-черного цвета, в верхней части слоя со слабым красноватым оттенком. Неравномерно обогащен разнообразным щебнем в прикровельной и приподошвенной частях, преимущественно мелким, в средней части – крупным. Содержание обломочного материала в прикровельной части подслоя составляет около 30 % проективной площади, в средней возрастает до 40–50 %, в приподошвенной – падает до 10 %. Нижняя граница подслоя, как правило, четкая, но не резкая, проводится по массовому появлению щебнистых включений, состоящих из сапролитизированного травертина. Мощность подслоя варьирует от 20 до 70 см в соответствии с неровностью верхней границы и в среднем составляет 35–40 см.

Радиоуглеродное датирование образцов кости и угля из подслоев 1.2 и 1.4 показало, что накопление слоя 1 происходило в диапазоне от 32 до 40 тыс. л.н. [Деревянко, Павленок, Кандыба, 2014].

В слое 2 выделено три подслоя.

Подслой 2.1 представляет собой горизонт мелкощебнисто-дресвянистой отмоксти с супесчаным заполнителем порового типа. Цвет заполнителя серый в прикровельной части и коричневатого-серый в подошвенной. Маркирующим подслоем признаком является интенсивное развитие вторичной карбонатной цементации, сапролитизированной до состояния брекчии и приуроченной преимущественно к нижней части подслоя. Нижняя граница, как правило, неровная, волнистая, проводится по подошве горизонта карбонатной цементации. Мощность подслоя варьирует на разных участках раскопа от 5–7 до 25 см, в среднем составляя 10 см.

Подслой 2.2 представлен супесями и песками разнозернистыми, сероцветными и серо-коричневыми, слабо оглиненными. Неравномерно, но в целом обильно (до 20–30 % проективной площади) горизонт насыщен мелкощебнистым материалом. В верхней части подслоя отложения местами испытывали сильную карбонатную цементацию на глубину от 20–25 см до тонких горизонтов (1–3 см) и отдельных очагов. Нижняя граница подслоя субгоризонтальная, условно выделяется по изменению оттенка заполнителя. На тыльной стенке раскопа граница подчеркивается щебнистым прослоем. Мощность подслоя изменяется от 25 до 50 см, составляя в среднем по разрезу 30–35 см.

Подслой 2.3 сложен супесями преимущественно сероцветными мелкозернистыми, в прикровель-

ной части существенно (до 40–50 % проективной площади) обогащенными мелкощебнисто-дресвянистым материалом. В приподошвенной части подслоя заполнитель становится легкосуглинистым. В глубине навеса распространена очаговая цементация осадка. Нижняя граница подслоя неровная, резкая, подчеркивается по изменению цвета и механического состава заполнителя. Мощность подслоя значительно изменяется на разных участках раскопа от 5–10 до 40 см, составляя в среднем по разрезу 20–30 см.

Слой 3 представлен суглинком тяжелым красновато-коричневым, обильно насыщенным сильно трещиноватыми дресвой и щебнем в верхней части и включающим единичные глыбы в нижней части. Проективная площадь обломочного материала составляет от 30 до 40 %. Мелкий щебнистый материал характеризуется хаотичностью ориентировки, крупный щебень и мелкие глыбы залегают согласно простиранию слоя. Нижняя граница слоя неровная, карманообразная и инволюционно-затечная. Четко выделяется по цвету заполнителя и значительному уменьшению количества обломочного материала. Мощность слоя на разных участках раскопа варьирует от 15 до 90 см в соответствии с неровностью границ и в среднем составляет около 40 см.

Слой 4 подразделяется на два подслоя.

Подслой 4.1. Суглинки тяжелые красно-коричневые, глинистые в верхней и средней части и существенно алевроитистые в приподошвенной. Обломочный материал встречается спорадически в основном в виде среднего и крупного изометричного щебня, который залегают, как правило, в виде гнездовидных скоплений. На приближенном к капельной линии участке в средней и нижней частях слоя щебень формирует разубоженные прослои. На контакте с подслоем 4.2 наблюдается горизонт обогащения мелкоглыбовым материалом. Глыбы залегают субгоризонтально, согласно простиранию подслоя. Нижняя граница неровная, волнисто-линзовидная. Мощность подслоя не выдержана по разрезу. В центральной части навеса ее показатели достигают 50–60 см. По мере продвижения вглубь подслоя проявляет тенденцию к выклиниванию и прослеживается лишь по редким нечетко ограниченными прослоями желто-коричневого оттенка.

Подслой 4.2. Суглинки тяжелые красно-коричневые, плотные, пластичные, в центральной части навеса с включениями дресвы и мелкого щебня известнякового состава. Обломочный материал представлен в основном фрагментами предельно выветрелых внутрипещерных натечных корочек и конкреций известнякового состава. Спорадически

встречаются мелкие глыбы сероцветных коренных известняков. Некоторые из них являются выступами коренного цоколя. Ориентировка обломков в подслое, как правило, хаотическая, за исключением прикровельной части, где сильно уплощенные отдельности залегают субгоризонтально. Мощность подслоя постепенно падает с 50 до 30 см по мере продвижения вглубь навеса.

Анализ стратиграфии стоянки позволяет сделать предварительный вывод: заполнение навеса культурными отложениями представляло собой длительный процесс в различных условиях осадконакопления.

С моментом вскрытия карстовой полости, когда навес стал доступен для обживания древним человеком, а ведущую роль в динамике формирования рыхлых отложений стали играть ландшафтно-климатические колебания, связаны отложения слоя 3. В генетическом отношении слой представляет собой осадок подслоя 4.1, испытавший интенсивное механическое разрушение в сухом или слабоувлажненном состоянии грунта, сопровождавшееся существенным поступлением обломочного материала в субэзральных условиях.

Резкие отличия строения и вещественного состава слоя 2 от толщи подстилающих отложений свидетельствуют о формировании его в принципиально иных условиях и, возможно, на протяжении нескольких различных палеогеографических этапов. Сильная опесчаненность осадка и наличие разубоженных щебнистых отмоствок предполагает интенсивный вынос глинисто-алевритистых фракций водными потоками с неустойчивым гидрологическим режимом. Важным феноменом является наличие мощной карбонатной цементации отложений слоя 2, наиболее сильно проявившейся в прикровельной части слоя. Очевидно, она отражает переход к существенно более сухим и теплым климатическим условиям в ходе финальных стадий формирования слоя 2, способствующим интенсивному развитию карбонатных новообразований.

Отложения слоя 1 характеризуются очень высоким содержанием неразложившегося органического детрита. Это говорит о принципиально иных условиях формирования слоя и, предположительно, о длительности седиментационного перерыва между слоем 1 и нижележащими осадками.

Полученные нами результаты позволяют предположить, что хронологический диапазон формирования слоев 1, 2 был более широким по сравнению с результатами наблюдений пре-

дыдущих исследователей стоянки [Đuričić, 2006], относивших отложение этих слоев ко второй половине OIS 3.

Список литературы

Деревянко А.П., Булатович Л., Бакович М., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Кандыба А.В. Исследование скального навеса Биоче (Черногория) в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 34–40.

Деревянко А.П., Булатович Л., Цыбанков А.А., Ульянов В.А., Кандыба А.В., Кривошапкин А.И., Бакович М. Исследования скального навеса Биоче (Черногория) в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 52–57.

Деревянко А.П., Павленок К.К., Кандыба А.В. Финальное мустье Восточной Адриатики: каменная индустрия стоянки Биоче // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. I. – С. 56–58.

Đuričić L. A contribution to research on Bioče Mousterian // J. of the Serbian Archaeological Society. – 2006. – Vol. 22. – P. 179–196.

References

Derevianko A.P., Bulatovich L., Cybankov A.A., Ul'janov V.A., Kandyba A.V., Krivoschapkin A.I., Bakovich M. Issledovanija skal'nogo navesa Bioče (Chernogorija) v 2010 godu // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: mat-ly Itogovoj sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo IAET SORAN, 2010. Vol. 16. Pp. 52–57. (In Russ.).

Derevjancko A.P., Bulatovich L., Bakovich M., Cybankov A.A., Ul'janov V.A., Kandyba A.V. Issledovanie skal'nogo navesa Bioče (Chernogorija) v 2011 godu // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: mat-ly Itogovoj sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2011. Vol. 17. Pp. 34–40. (In Russ.).

Derevjancko A.P., Pavlenok K.K., Kandyba A.V. Final'noe must'e Vostochnoj Adriatiki: kamennaja industrija stojanki Bioče // Tr. IV (XX) Vseros. arheol. sjezda v Kazani. Kazan': Otechestvo, 2014. Vol. 1. Pp. 56–58. (In Russ.).

Đuričić L. A contribution to research on Bioče Mousterian // Journal of the Serbian Archaeological Society. 2006. Vol. 22. Pp. 179–196.

**А.П. Деревянко¹, К.К. Павленок¹, С.В. Шнайдер¹, М. Кот²,
К. Шимчак³, М. Крайцарж⁴, С.Ю. Лазарев⁵,
А. Раджабов⁶, М. Хужаназаров⁶**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Факультет искусств Варшавского университета

³Институт археологии Варшавского университета

⁴Институт геологии Польской академии наук

⁵Томский государственный университет

⁶Институт археологии АН РУз

E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

НОВЫЙ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ЗАПАДНОМ ТЯНЬ-ШАНЕ

До недавнего времени на территории Западного Тянь-Шаня только пластинчатые комплексы оби-рахматской культурной традиции обеспечивали весь объем информации о культурном наполнении среднего палеолита и времени перехода к верхнему палеолиту. В ходе реализации совместного проекта Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия), Института археологии Варшавского университета (Польша) и Института археологии АН РУз (Самарканд, Узбекистан) были проведены раскопки на памятнике Каттасай-1 (2013–2015 гг.). Данные исследования позволили установить, что в период потепления, видимо, соответствующий OIS 3, древнее население обживало среднегорный пояс Чаткальского хребта.

Геохимический, гранулометрический и микроморфологический анализы отложений памятника, а также определение видового состава малакофауны показали, что климат в этот период был близок к современному. Результаты технологического и типологического анализов коллекции каменных артефактов говорят о том, что утилизация каменного сырья основывалась на расщеплении плоскостных ядрищ с целью получения уплощенных снятий предопределенной формы. Орудийный комплекс лучше всего иллюстрируют мустьерское острие, продольное скребло и сколы с нерегулярной ретушью. Весь набор имеющихся данных позволил определить функциональный тип памятника как стоянку-мастерскую. Вероятнее всего, на данном участке реализовывались трудовые операции по производству сколов-заготовок для орудий, которые впоследствии уносились с памятника. Проведенные исследования позволяют говорить о новом адаптационном варианте освоения древним человеком предгорий Западного Тянь-Шаня. Он отличен от оби-рахматской культурной традиции и демонстрирует сходство с памятниками мустьерской группы, не представленными ранее на этой территории.

Ключевые слова: средний палеолит, Западный Тянь-Шань, функциональный тип, техника леваллуа, адаптация.

**A.P. Derevianko¹, K.K. Pavlenok¹, S.V. Shnaider¹, M. Kot²,
C. Szymczak³, M. Krajcarz⁴, S.Yu. Lazarev⁵,
A. Radzhabov⁶, M. Khuzhanazarov⁶**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Faculty of "Artes Liberales", University of Warsaw

³Institute of Archaeology, University of Warsaw

⁴Institute of Geology, Polish Academy of Sciences

⁵Tomsk State University

⁶Institute of Archaeology, Academy of Sciences, Republic of Uzbekistan

E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

A NEW VARIANT OF MIDDLE PALEOLITHIC INDUSTRY IN THE WESTERN TIAN SHAN

Until quite recently, only laminar complexes of Obi-Rakhmat cultural tradition provide information on cultural content of Middle Paleolithic and Middle to Upper Paleolithic transition at the territory of Western Tian Shan. The Katta Sai site

(2013–2015) was excavated in collaboration of Institute archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia), Institute of Archaeology, University of Warsaw (Poland) and Institute of Archaeology of AS RUz (Samarkand, Uzbekistan). This investigation allows determining that ancient people have occupied the mid-mountain zone of Chatkal ridge during the warm spells, obviously correlated with OIS 4. As grain size measurement, geochemical and micromorphological analyses of sediments well as species composition of malakofauna shows that in this period climate was close to modern conditions. Technological and typological analyses of lithic collection define that stone raw material utilization base oneself on the flat-faced core flaking for production of the flattened flakes of predesignate form. The Mousterian point, single side-scraper and flakes with irregular retouch is the best illustrations of the tool assemblage. The all data array gives an opportunity to determine the functional type of this occurrence as a camp-workshop. The odds are that in this area the tool blanks had been produced for further transportation from the site. The provided investigations suggest a new adaptational variant of ancient human occupation in the foothills of the Western Tien Shan. It stands out from the Obi-Rakhmat cultural tradition and resemble the Mousterian sites, which had not presented at this territory before.

Keywords: Middle Paleolithic, Western Tien Shan, functional type, Levallois technique, adaptation.

Последние открытия в палеолитоведении и физической антропологии позволяют рассматривать западную часть Центральной Азии как регион, через который происходило заселение азиатской части Евразии представителями миграционных волн древнего человека [Деревянко, 2011]. В связи с этим на процессы эволюционного развития местных палеолитических культур неоднократно накладывались эпизоды прямой или опосредованной культурной интервенции с соседних территорий [Кривошапкин, 2012]. Это обстоятельство обусловило мозаичность каменных индустрий среднего палеолита. В последних исследованиях отчетливо прослеживается стремление к отказу от его фациального деления, но сохраняется разделение на два индустриальных варианта: мустьерский (тешик-ташский) и пластинчатый (оби-рахматский) [Там же].

До недавнего времени только памятники оби-рахматской традиции обеспечивали весь объем информации о культурном наполнении среднего палеолита и времени перехода к верхнему палеолиту на территории Западного Тянь-Шаня. Междисциплинарные исследования стоянки Каттасай-1, проводившиеся в 2013–2015 гг. в рамках российско-польско-узбекского проекта, позволили засвидетельствовать новый адаптационный вариант освоения древним человеком этой территории.

Памятник Каттасай-1 (41° 06' 49.7" N, 70° 05' 28.2" E, абсолютная высота 1 320 м) находится в средне- и высокогорном поясе юго-восточных отрогов Чаткальского хребта и приурочен к западному склону удлинённого холма на месте слияния двух небольших рек – Катта-Сая и Ду-кент-Сая. Высота от современной речной долины составляет около 150 м (рис. 1). В ходе работ на стоянке была вскрыта площадь в 33 м². В стратиграфической колонке памятника выделяются пять литологических слоев (1–5), сформированных, главным образом, за счет делювиального привноса [Деревянко и др., 2014]. В прослоях 4b

и 4с была зафиксирована одна смещенная по склону, но не переотложенная и гомогенная в археологическом отношении концентрация каменных изделий, о чем, кроме прочего, говорят и несколько десятков ремонтжей артефактов [Kot et al., 2014] (рис. 2).

Отложения стоянки были подвергнуты геохимическому, гранулометрическому и микроморфологическому анализам, результаты которых позволили существенно продвинуться вперед в реконструкции процессов формирования культуросодержащей толщи на стоянке [Krajcarz et al., 2015]. Было установлено, что археологические материалы изначально залегают непосредственно на поверхности слоя 5, представленного в разрезе красновато-коричневой алевритовой супесью. Генетически этот слой может быть интерпретирован как эолово-делювиальный, однако в его пределах, вероятно, присутствуют остатки палеопочвенных горизонтов, сформировавшихся в период теплого и влажного климата. Он сменился холодным и сухим периодом, во время которого возросла активность делювиальных процессов и снизилась степень задернованности склонов. В результате этого произошел смыв артефактов с верхних участков склона с образованием небольшого временного водотока, с деятельностью которого связано накопление коричневатой-серой алевритовой супеси (сл. 3, 4). Таким образом, археологический материал из прослоев 4b и 4с был выявлен во вторичном залегании на дне древнего водотока. Формирование отложений верхней части разреза (сл. 1, 2) связано с периодом теплого и влажного климата, о чем свидетельствуют геохимические признаки почвообразования. Эти слои, видимо, следует соотносить с голоценовым временем [Деревянко и др., 2014].

Отсутствие более ранних или поздних примесей в каменной индустрии доказано с помощью нескольких взаимопроверяемых методов – ремонтжа, технологического и типологического анализа ар-

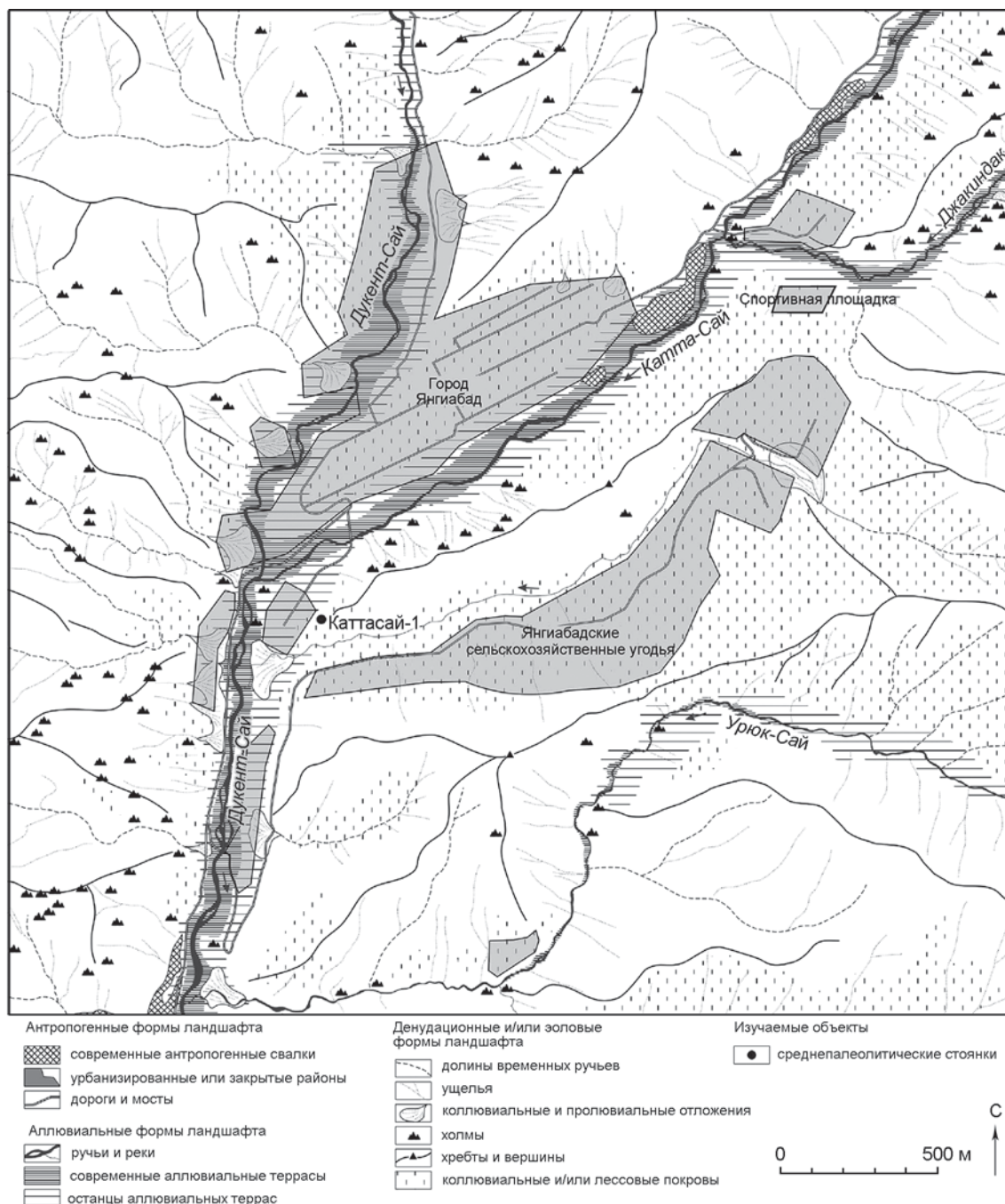

Рис. 1. Геоморфологический план местности в районе стоянки Каттасай-1.

тефактов. Это позволило определить функциональный тип стоянки Каттасай-1 и реконструировать технологию камнеобработки, использовавшуюся ее обитателями. Важно отметить, что в окрестностях стоянки выходы кремня отсутствуют, и в качестве подолочных выступают вязкие эффузивные и метаморфические породы, что, видимо, оказало существенное влияние на выбор стратегий утилизации каменных ресурсов. В качестве сырья использовались гальки, происходящие, главным образом, из близлежащего речного ущелья. Практически 40 % кол-

лекции составляют сколы удаления галечной корки и изначального оформления нуклеуса, что указывает на использование изученного участка в качестве стоянки-мастерской. При этом в каменной индустрии хорошо проиллюстрированы все стадии каменного производства от выбора сырья до изготовления орудий. В первичном расщеплении преобладает технология плоскостного раскалывания, нацеленная на изготовление уплощенных отщепов, остриев и пластин. Ее характерными особенностями являются четкое разграничение ударной пло-

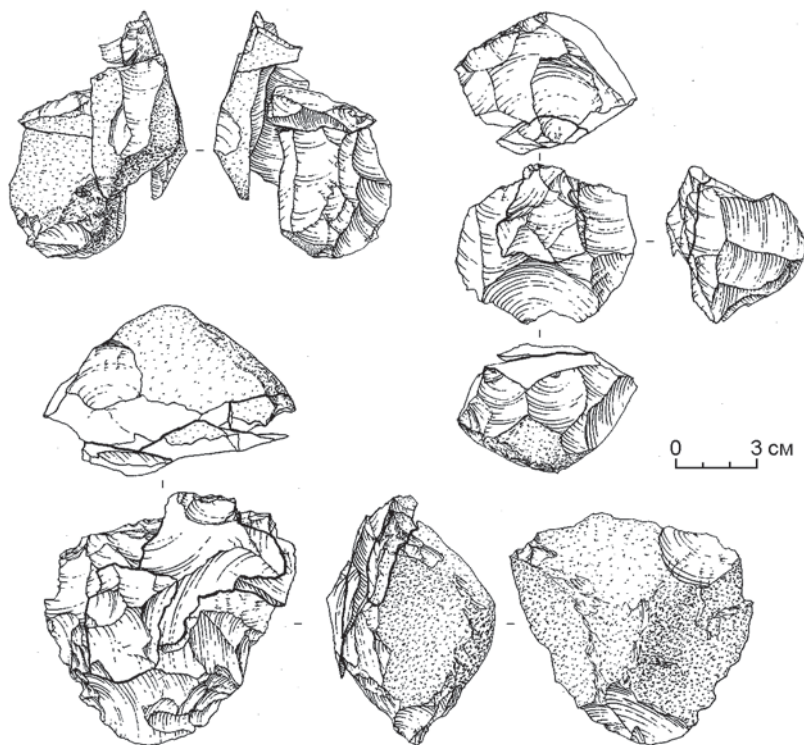

Рис. 2. Ремонтажи каменных изделий из коллекции памятника Каттасай.

щадки и фронта скалывания нуклеусов, подготовка протяженных площадок при использовании ограниченного участка при расщеплении, сознательное зауживание рабочих поверхностей до начала их утилизации [Kot et al., 2014] (рис. 2). Таким образом, главной чертой применявшейся технологии является изначальное предопределение морфологии целевого снятия за счет подготовки определенного рельефа и формы рабочей поверхности нуклеуса, а также «рисунка» ребер не ней. В целом применявшаяся технологическая процедура необъемного раскалывания демонстрирует значительные сходства с леваллуазской технологией. Отличает ее редкое использование фасетажа площадок, но это можно объяснить значительной твердостью используемого сырья.

На основе определения видового состава малакофауны со стоянки Каттасай-1 удалось получить уникальные данные по палеоэкологии региона в период ее обживания [Krajcarz et al., 2015]. В составе малакофауны представлены четыре вида моллюсков: *Fruticicola lantzi*, *Pseudonapaeus sogdianus*, *Laevozebrinus eremita*, *Vallonia asiatica*. Все они надежно ассоциируются с горными районами. Первые два вида были обнаружены в одном слое с каменными артефактами, и, таким образом, они с высокой вероятностью маркируют эпизод присутствия древнего человека в изучаемом районе. Оба этих вида существуют в современной окружаю-

щей среде в окрестностях стоянки, на основании чего можно сделать вывод о сходстве современных климатических и экологических условий с теми, в которых проживал палеолитический человек. Данная территория, видимо, обживалась носителями среднепалеолитических традиций камнеобработки в период потепления, который, предположительно, соотносится с MIS 3. Этому не противоречит и единственная U/Th-дата – 38 305±1 016/–1 009 л.н., полученная в ходе совместного датирования нескольких образцов моллюсков из слоев 4b и 4c Каттасай-1 [Krajcarz et al., 2015]. Однако важно учитывать чрезвычайно высокий уровень присутствия современного урана в районе исследований, за счет чего дата может быть очень сильно омоложенной.

Таким образом, в результате проведенных междисциплинарных исследований был определен но-

вый вариант адаптации древнего человека в среднепалеолитическое время на территории Западного Тянь-Шаня. Каменное производство базировалось на утилизации локальных эффузивных и метаморфических пород в рамках технологии плоскостного расщепления, приближенной к леваллуазской. Орудийный набор представлен мустьерским остроконечником, продольным скреблом и сколами с ретушью. Эти характеристики указывают на то, что каменная индустрия Каттасай-1 может принадлежать мустьерскому (тешик-ташскому) индустриальному варианту среднего палеолита запада Центральной Азии [Кривошапкин, 2012], который ранее не был представлен на этой территории.

Благодарности. Коллектив авторов выражает искреннюю признательность ведущему художнику ИАЭТ СО РАН Н.В. Вавилиной за подготовку иллюстраций.

Список литературы

Деревянко А.П. Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту. Сценарий второй: переход от среднего к верхнему палеолиту в материковой части Восточной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 1 (45). – С. 2–27.

Деревянко А.П., Лазарев С.Ю., Павленок К.К., Шнайдер С.В., Шимчак К., Кот М., Раджабов А., Хужиназаров М. Уточнение стратиграфической ситуации на палеолитической стоянке Каттасай (Таш-

кентская область, Узбекистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 32–35.

Кривошапкин А.И. Оби-рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2012. – 38 с.

Kot M., Pavlenok K., Radzhabov A., Sneider S., Szymczak K. Katta Sai: a Palaeolithic site in the Tian Shan piedmont, Uzbekistan, Central Asia // *Antiquity*. – 2014. – URL: <http://journal.antiquity.ac.uk/projgall/456>.

Krajcarz M., Kot M., Pavlenok K., Fedorowicz S., Krajcarz M., Lazarev S., Mroczek P., Radzhabov A., Shnaider S., Szymanek M., Szymczak K. Middle Paleolithic sites of Katta Sai in western Tian Shan piedmont, Central Asiatic loess zone: Geoarchaeological investigation of the site formation and the integrity of the lithic assemblages // *Quaternary Internat.* – 2015. (in press).

References

Derevyanko A.P. Tri scenarija perehoda ot srednego k verhnemu paleolitu. Scenarij vtoroj: perehod ot srednego k verhnemu paleolitu v materikovej chasti Vostochnoj

Azii // *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2011. No. 1 (45). Pp. 2–27. (In Russ.).

Derevyanko A.P., Lazarev S.Yu., Pavlenok K.K., Shnayder S.V., Shimchak K., Kot M., Radzhabov A., Huzhinazarov M. Utochnenie stratigraficheskoy situacii na paleoliticheskoy stoyanke Kattasay (Tashkentskaya oblast', Uzbekistan) // *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territoriy*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. 20. Pp. 32–35. (In Russ.).

Kot M., Pavlenok K., Radzhabov A., Sneider S., Szymczak K. Katta Sai: a Palaeolithic site in the Tian Shan piedmont, Uzbekistan, Central Asia // *Antiquity*. 2014. URL: <http://journal.antiquity.ac.uk/projgall/456>.

Krajcarz M., Kot M., Pavlenok K., Fedorowicz S., Krajcarz M., Lazarev S., Mroczek P., Radzhabov A., Shnaider S., Szymanek M., Szymczak K. Middle Paleolithic sites of Katta Sai in western Tian Shan piedmont, Central Asiatic loess zone: Geoarchaeological investigation of the site formation and the integrity of the lithic assemblages // *Quaternary International*. 2015. (In press).

Krivoschapkin A.I. Obi-rahmatskiy variant perehoda ot srednego k verhnemu paleolitu: avtoref. dis. ... d-ra. ist. nauk. Novosibirsk, 2012. 38 pp. (In Russ.).

А.П. Деревянко¹, А.Г. Рыбалко¹, А.Ю. Девятова²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Институт нефтегазовой геологии и геофизики СО РАН

E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ (по материалам памятника Дарвагчай-залив-4)

В статье представлены предварительные результаты, полученные в ходе полевых исследований раннепалеолитического культурно-хронологического комплекса памятника Дарвагчай-залив-4. В 2014, 2015 гг. на памятнике были проведены стационарные археологические исследования, общая площадь раскопов составила 47 м². Была получена немногочисленная, но яркая коллекция каменных артефактов, приуроченных к двум литологическим телам (слои 3 и 5), которая свидетельствует о наличии полного набора каменных изделий, характерного для полноценных раннепалеолитических каменных индустрий. Центральное место в статье занимают описание и анализ стратиграфического разреза и коллекций каменных изделий раннепалеолитического комплекса стоянки Дарвагчай-залив-4. На основе стратиграфических и планиграфических данных, а также степени сохранности поверхности артефактов делается заключение, что обнаруженные каменные изделия были перемещены на минимальное расстояние в постседиментационный период. По формальным признакам оба галечных комплекса не отличаются друг от друга. На основе косвенных показателей – типов и форм орудий, приемов расщепления и вторичной обработки, стратиграфического положения – индустрию этих комплексов следует рассматривать в совокупности. Раннепалеолитический комплекс памятника Дарвагчай-залив-4 характеризуется, в первую очередь, слабой типологической выраженностью и неустойчивостью нуклеидных и орудийных форм. Морфологически выраженные нуклеусы единичны. Для получения заготовок широко использовался прием дробления. Количество функциональных типов среди орудийных форм невелико, это в основном скребловидные, шиповидные, выемчатые и комбинированные изделия. Памятник Дарвагчай-залив-4 является перспективным в плане исследования раннепалеолитических индустрий региона для определения времени их появления и места в ряду других комплексов раннего палеолита Кавказа.

Ключевые слова: Дагестан, каменные индустрии, ранний и средний палеолит, плейстоцен, морские трансгрессии.

A.P. Derevianko¹, A.G. Rybalko¹, A.Yu. Devyatova²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²A.A. Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS

E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

THE LOWER PALEOLITHIC INVESTIGATION IN WESTERN CASPIAN REGION (materials of Darvagchai-zaliv-4 site)

The article presents the preliminary results, available from the field research of the Lower Paleolithic cultural chronological complex of the Darvagchai-zaliv-4 site. The stationary archaeological research was realized in 2014–2015, the entire excavated area totals 47 m². Obtained stone collection is small in number quantity, but very illustrative, and includes the artifacts confined to two lithological masses (layers 3 and 5) and evidences the presence of complete lithic assemblage, common to full-fledged Lower Paleolithic stone industries. The description and analysis of stratigraphic profile and stone tool collection of the Lower Paleolithic complex from the Darvagchai-zaliv-4 site lie at the centre of this article. Based on stratigraphic and spatial data along with criterion of artifact surface preservation it is possible to conclude that found stone tools have been moved over a minimal distance in post-sedimentological period. On technicalities, the both pebble complexes are not differ from each other. The industry of these complexes have to be considered as a whole

that results from proxy indicators: tool types and shapes, techniques of flaking and secondary treatment, stratigraphic position. The slight typological formalization and high variability of core and tool forms characterize the Lower Paleolithic complex of Darvagchai-zaliv-4 site. Morphologically complete cores are very rare. Smashing was widely used for blank production. The number of functional tool types are not numerous and presented by scraper-like, spicular, notched and combination tools. Darvagchai-zaliv-4 site is perspective as for further research of Lower Paleolithic industries in this region well as for determining when they appeared and what place they took up among the other Lower Paleolithic complexes of the Caucasus.

Keywords: Dagestan, stone industry, Lower and Middle Paleolithic, Pleistocene, marine transgression.

Местонахождение Дарвагчай-залив-4 обнаружено в 2010 г. сотрудниками Кавказского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН в ходе рекогносцировочного обследования правого берега р. Дарвагчай в районе Геджухского водохранилища (Дербентский р-н Республики Дагестан).

Стоянка расположена у небольшого залива Геджухского водохранилища, на склоне высокого (ок. 20 м) останца третьей древнекаспийской террасы, образованного серией морских осадков, перекрытых сверху рыхлыми отложениями в виде супесей и суглинков. Памятник ориентирован в северо-западном направлении, географические координаты – 42° 08' 06" с.ш., 48° 01' 44" в.д.; высота над ур.м. ~125 м [Рыбалко, 2014а, с. 74].

В 2014, 2015 гг. на памятнике были проведены стационарные археологические исследования, площадь раскопов составила 32 и 15 м² соответственно. Была получена коллекция каменных артефактов общей численностью 242 экз., приуроченных к двум литологическим телам (слои 3 и 5) [Там же, с. 76]. Наиболее полно отложения представлены на северо-восточной и юго-восточной стенках раскопа, где имеют и максимальную мощность, достигающую ~6 м. Всего выделено шесть геологических горизонтов (описание дается сверху вниз).

Слой 1. Серо-коричневый опесчаненый суглинок, рыхлый, пылеватый (в сухом состоянии). Генезис отложений субаэральный (элювиально-делювиальный). Мощность – до 1,5 м.

Слой 2. Темно-коричневый тяжелый суглинок, карбонатизированный. В подошве имеются тонкие (1–7 см) линзы разнородного коричневого песка. Генезис отложений субаэральный (преобладание склоновых и эоловых процессов. Мощность – до 1,5 м.

Слой 3. Гравийно-галечные отложения с примесью валунов и глыб. В заполнителе – дресва, глинистый песок, суглинки. В подошве слоя встречаются линзы серых алевроитов с пятнами ожелезнения, окатанные обломки ракушняка. Гальки и валуны залегают под разным углом. Сортировка обломков практически отсутствует и наблюдается локально, в нижней части слоя. Генезис отложений

сложный, с преобладанием пролювиально-делювиальных процессов. Мощность – до 2 м. Слой содержит палеолитические артефакты.

Слой 4. Прибрежно-морские пески, светло-серые, в кровле – желтые, косослоистые с раковинным детритом, с включениями редкой гальки. Мощность – до 0,45 м.

Слой 5. Гравийно-галечные отложения. В заполнителе –разнородный светло-серый песок с включением раковин морских моллюсков. Обломки хорошо окатаны, залегают субгоризонтально. Отложения, по-видимому, сформированы при абразии горного аллювия и последующего его переноса в прибрежной зоне пляжа (средняя глубина – до 2 м). Мощность слоя – до 0,4 м. Слой содержит палеолитические артефакты.

Слой 6. Горизонтально-слоистые серые пески с горизонтальными прослоями детритусового песчаника. Включают многочисленные раковины морских моллюсков хорошей сохранности. Для сцементированных прослоев песчаника характерна текстура ряби волнения по оси С – Ю. Мощность слоя – до 1,5 м.

Анализируя полученный разрез местонахождения Дарвагчай-залив-4 можно выделить две пачки отложений со специфическими чертами седиментогенеза. Пачка 1 (слои 1 и 2) образована преимущественно в субаэральных условиях. Вероятное время формирования – поздний неоплейстоцен – голоцен. Пачка 2 (слои 3–6) сформировалась в субаэральных и субаквальных условиях (на глубинах от 0 до 2 м, т.е. в пляжной и переходной зонах) типичного морского побережья. Время формирования средний–ранний неоплейстоцен (хазарское и бакинское время). Более обоснованно определить относительный возраст культуросодержащих слоев памятника помогут палеонтологические данные, в основном анализ малакофауны.

В качестве исходного сырья использовались гальки и отдельные породы в виде разнообразных обломков и плиток песчаника, известняка и кремня, которые являются непосредственной составляющей данного слоя. Все эти породы весьма разнообразны по своим поделочным свойствам. Технологические особенности каждого вида сырья

в значительной мере определяли типы производимых орудий. Так, все макроизделия изготовлены из песчаника и известняка. Анализ коллекции археологического материала показал, что доминирующим сырьем на памятнике является кремь (не менее 80 % от общего количества артефактов) [Рыбалко, 2014б, с. 130]. Кремь темно-серого цвета, встречается в основном в виде небольших галек или обломков диаметром до 10 см. Данное сырье плохого качества, трещиноватое, не дающее правильного раковистого излома при скалывании. Поверхность артефактов в основном средне и слабо окатанная. Также следует отметить наличие в коллекции небольшого количества неокатанных артефактов, у которых полностью отсутствуют следы соударений, образующиеся на каменных предметах при переносе их водным потоком.

Общее количество находок на памятнике составляет 242 артефакта.

Коллекция слоя 3 насчитывает 183 предмета, различающихся по степени сохранности поверхности, – от среднеокатанных изделий, составляющих основную часть артефактов, до слабо- и практически не окатанных экземпляров.

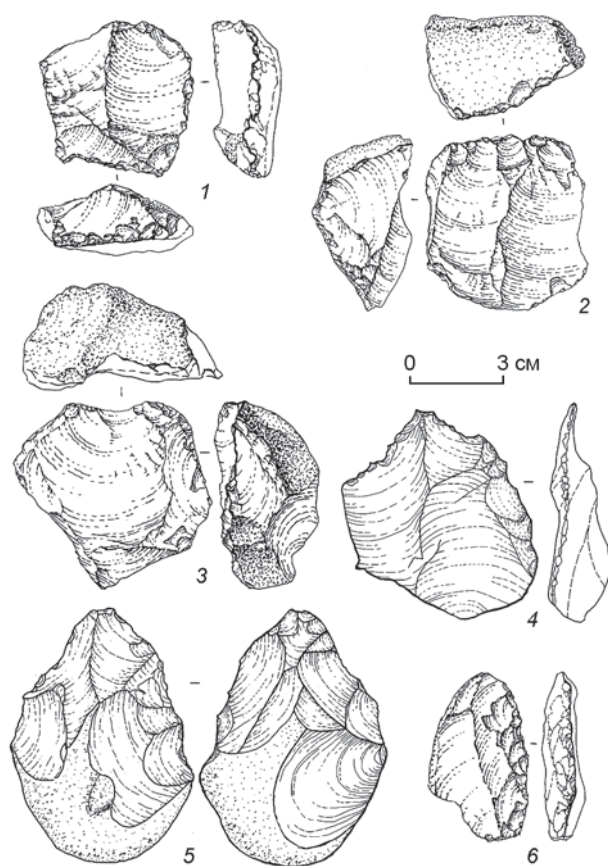

Рис. 1. Каменный инвентарь. Дарвагчай-залив-4.
1–3 – нуклеусы; 4 – комбинированное орудие; 5 – рубило;
6 – скребло.

Нуклевидные формы насчитывают 13 предметов, в том числе 4 нуклевидных обломка и 9 нуклеусов, большинство из которых относятся к простейшим формам одноплощадочных монофронтальных ядрищ, имеющих минимальную предварительную подготовку фронта и ударной площадки (рис. 1, 1–3). Основную часть продуктов первичного расщепления также составляют сколы (115 экз.), значительная часть которых в той или иной степени сохраняет желвачную корку. Среди остаточных ударных площадок большинство составляют гладкие и естественные, встречаются также грубофасетированные и двухгранные. Основная часть сколов укороченные, имеют средний размер и смещение оси заготовки относительно направления снятия. Обломки, доля которых ок. 25 %, по размеру в основном не превышают 5 см.

Категория орудий насчитывает 43 предмета, большинство из которых выполнены на сколах, а также на обломках и гальках. К орудиям отнесены бифас – 1 экз., унифас – 1 экз., скребла – 8 экз. (рис. 1, 6), атипичные скребки – 2 экз., комбинированные – 2 экз. (рис. 1, 4), шиповидные – 5 экз., выемчатые – 10 экз., отщепы с ретушью – 9 экз., обломки с ретушью – 5 экз. Наиболее яркими изделиями являются бифас и унифас. Первое орудие – крупных размеров (20,5 см), среднеокатанное, имеет симметричную двояковыпуклую миндалевидную форму и линзовидное сечение, обработано по всему периметру. Второе изделие – крупных размеров (11 см), удлиненной формы, одна сторона оформлена сколами, другая сторона и пятая часть – галечные (рис. 2, 2). Среди скребел преобладают однолезвийные обушковые формы, одно может быть отнесено к конвергентным разновидностям. Среди выемчатых встречаются как клетонские разновидности анкошей, так и ретушное оформление. Шиповидные изделия также все оформлены двумя сопряженными выемками.

Коллекция артефактов, полученная из слоя 5, насчитывает 59 предметов, имеющих среднюю или слабую степень окатанности поверхности. Нуклевидные формы насчитывают 6 предметов, в т.ч. 3 нуклевидных обломка и 3 нуклеуса, которые относятся к простейшим формам одноплощадочных монофронтальных ядрищ. Основную часть продуктов первичного расщепления составляют сколы (28 экз.), значительная часть которых в той или иной степени сохраняет желвачную корку. Среди остаточных ударных площадок преобладают гладкие и естественные. В единичных случаях отмечены фасетированные и двухгранные. Основная часть сколов – укороченные, имеют средние

и крупные размеры. Обломки (23 экз.) по размеру в основном не превышают 5 см.

Категория орудий насчитывает 19 предметов, большинство которых выполнено на сколах, а также на гальках и обломках. К орудиям отнесены бифас – 1 экз., чоппер – 1 экз., скребла – 4 экз., атипичные скребки – 2 экз., выемчатые – 3 экз., комбинированные – 2 экз., отщепы с ретушью – 6 экз.

Наиболее яркими изделиями являются бифас и чоппер. Первое орудие – средних размеров (7,5 см), подтреугольной формы. Широкие плоскости подготовлены сколами, одна боковая грань и острие дополнительно оформлены средней ретушью, массивная пятка – галечная (см. рис. 1, 5). Чоппер выполнен на плоской гальке крупных размеров (14,5 см). Поперечный край оформлен сколами, на лезвии видны «забитости» – возможно, следы утилизации (рис. 2, 1).

По формальным признакам два галечных комплекса не отличаются друг от друга. На основе косвенных показателей – типов и форм орудий, приемов расщепления и вторичной обработки, наличия рубил в обоих слоях, стратиграфического положения – индустрию этих комплексов следует рассматривать в совокупности.

Раннепалеолитический комплекс памятника Дарвагчай-залив-4 характеризуется, в первую очередь, слабой типологической выраженностью и неустойчивостью нуклевидных и орудийных форм. Значительное количество изделий представлено в виде обломков и осколков с элементами вторичной обработки. Сколы имеют массивные укороченные пропорции, преимущественно естественную ударную площадку и ярковыраженный ударный бугорок. Дорсальные поверхности сколов в большинстве случаев частично или полностью покрыты галечной коркой. Морфологически выраженных нуклеусов единицы. Для получения заготовок также широко использовался прием дробления. Последнее может быть связано как с примитивной техникой обработки камня, так и с использованием каменного сырья (в основном кремня), имеющего многочисленные внутренние дефекты. Количество функциональных типов среди орудийных форм невелико. Это в основном скребловидные, шиповидные, выемчатые и комбинированные изделия.

Подытоживая вышесказанное, стоит отметить, что территория Западного Прикаспия, несомненно, является зоной распространения раннепалеолитических индустрий с бифасиально обработанными орудиями. В то же время бифасы классических типов, имеющие сплошную обработку поверхности,

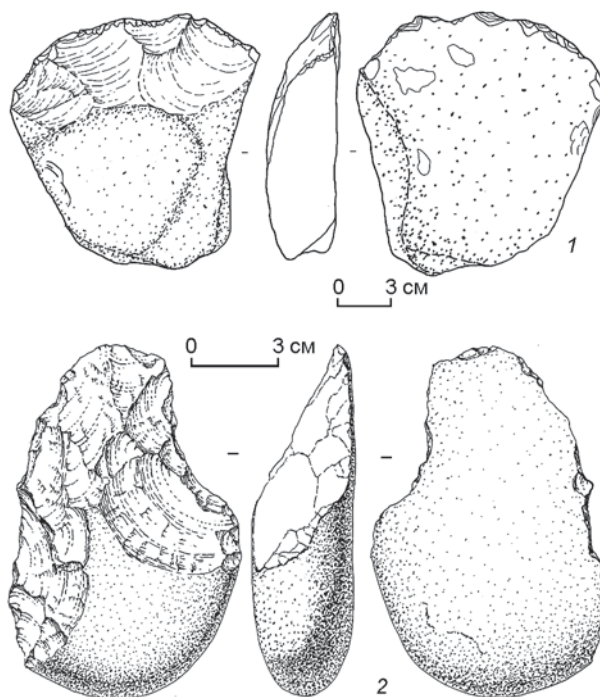

Рис. 2. Каменный инвентарь. Дарвагчай-залив-4.

1 – чоппер; 2 – унифас.

здесь немногочисленны, преобладают т.н. частичные бифасы [Рыбалко, 2014б, с. 132]. Технологические особенности сырья, а также чрезвычайное разнообразие форм исходных заготовок обусловили большое разнообразие морфологических форм и, соответственно, низкую стандартизацию указанных орудий.

Список литературы

Рыбалко А.Г. Геохронологические исследования стоянки Дарвагчай-залив-1 в Республике Дагестан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014а. – Т. XX. – С. 73–76.

Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Западного Прикаспия (новые данные) // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда. – Казань: Отечество, 2014б. – Т. I. – С. 128–132.

References

Rybalko A.G. Geohronologicheskie issledovaniya stojanki Darvagchaj-zaliv-1 v Respublike Dagestan // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014a. Vol. 20. Pp. 73–76. (In Russ.).

Rybalko A.G. Rannij paleolit Zapadnogo Prikaspija (novye dannye) // Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo sjezda. Kazan': Otechestvo, 2014b. Vol. 1. Pp. 128–132. (In Russ.).

А.П. Деревянко¹, Ж.К. Таймагамбетов², А.А. Анойкин¹,
А.Г. Рыбалко¹, А.А. Дудко¹, А.А. Присекайло¹, А.В. Кандыба¹,
К.К. Павленок¹, В.М. Харевиц¹, Г.Т. Исаков³, Т.Б. Мамиров²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Национальный музей Республики Казахстан

³Казахский национальный университет

E-mail: anui1@yandex.ru

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ В 2015 ГОДУ НА БЕРЕГОВЫХ ЛИНИЯХ ДРЕВНИХ ОЗЕР В ПАВЛОДАРСКОЙ ОБЛАСТИ (СЕВЕРНЫЙ КАЗАХСТАН)

В ходе работ совместной экспедиции ИАЭТ СО РАН и Национального музея Республики Казахстан на территории Павлодарской обл. была обследована местность около г. Экибастуза. Работы велись на двух участках: к югу от города до гор Баянаул и к востоку – до с. Калкаман. Местность находится в северной части Казахского мелкосопочника и представляет собой волнистую равнину с многочисленными небольшими горько-солеными озерами. Учитывая специфику расположения в данном районе археологических объектов, обнаруженных предшествующими исследователями, основное внимание было уделено береговым линиям озер. Всего в районе г. Экибастуза в ходе разведочных маршрутов обследованы берега более десятка озер. В районе трех озер – Ангрен, Кудайколь и Карасор – были выявлены местонахождения с поверхностным залеганием археологического материала. Здесь зафиксировано шесть пунктов поверхностного залегания артефактов, при этом стратифицированных археологических объектов не обнаружено. При обследовании береговых участков оз. Ангрен выявлено два пункта залегания артефактов – Ангрен-1, -2, всего собрано 82 артефакта, в основном продукты первичного расщепления – ядрища и сколы. Оба местонахождения приурочены к выходам кремневого сырья и могут трактоваться как мастерские. При осмотре северного берега оз. Кудайколь было открыто местонахождение Кудайколь-б. В коллекции (34 предмета) продукты первичного расщепления, концевые скребки и наконечники. Еще одно местонахождение располагается на береговой линии оз. Карасор, где на трех пунктах было собрано 96 каменных изделий, среди которых ядрища, сколы, скребки, наконечники, бифасы. Археологический материал позволяет предварительно датировать все найденные местонахождения финальным палеолитом – неолитом.

Ключевые слова: Казахстан, разведочные работы, палеолит, неолит, местонахождение, поверхностное залегание.

A.P. Derevianko¹, Zh.K. Taymagambetov², A.A. Anoykin¹,
A.G. Rybalko¹, A.A. Dudko¹, A.A. Prisekaylo¹, A.V. Kandyba¹,
K.K. Pavlenok¹, V.M. Kharevich¹, G.T. Isakov³, T.B. Mamirov²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²National Museum of the Republic of Kazakhstan

³Kazakh National University

E-mail: anui1@yandex.ru

THE PRELIMINARY RESULTS OF 2015 SURVEY CAMPAIGN AT THE COASTLINE OF THE ANCIENT LAKES IN PAVLODAR REGION (NORTHERN KAZAKHSTAN)

Organized by IAET SB RAS and National Museum of the Republic of Kazakhstan the common expedition explored the area near Ekibastuz town at the territory of Pavlodar Region. Two areas were included in the investigation: south of town to Bayanaul Mountains and eastward to Kalkaman village. This area is undulating plain with numerous small bitter and salty lakes, located in north part of Kazakh hummocky topography. Present study counted the specific geomorphological

position of the previously obtained archaeological objects and focused on the lake coastlines. Expedition found the surface sites near three lakes – Angren, Kudaikol and Karasor. We fixed six surface sites here, but no one stratified archaeological object was obtained. In studies of the coastal area near Angren lake two artifact concentrations were found - Angren-1 and-2. Expedition collected 82 artifacts here, mainly included the products of primary knapping – cores and flakes. Both occurrences are confined to flint outcrops and can be determined as the workshops. The Kudaikol-6 location was revealed on the view of the northern coast at the Kudaikol lake. The products of the primary knapping, single end-scrapers and points (34 items) present in the collection. One more occurrence is situated on the coastline of Karasor lake, where three localities gave 96 lithics, including the cores, flakes, end-scrapers, points and bifaces. The character of the archaeological material permits to date all found sites to Final Paleolithic – Neolithic.

Keywords: Kazakhstan, survey, Paleolithic, Neolithic, occurrence, surface position.

В полевом сезоне 2015 г. совместной экспедицией Института археологии и этнографии СО РАН и Национального музея Республики Казахстан проведена археологическая разведка на территории Восточно-Казахстанской, Павлодарской,

Акмолинской и Северо-Казахстанской областей Республики Казахстан (рис. 1).

В ходе работ на территории Павлодарской обл. обследовалась местность вокруг г. Экибастуза, работы были сосредоточены на двух участках: к югу

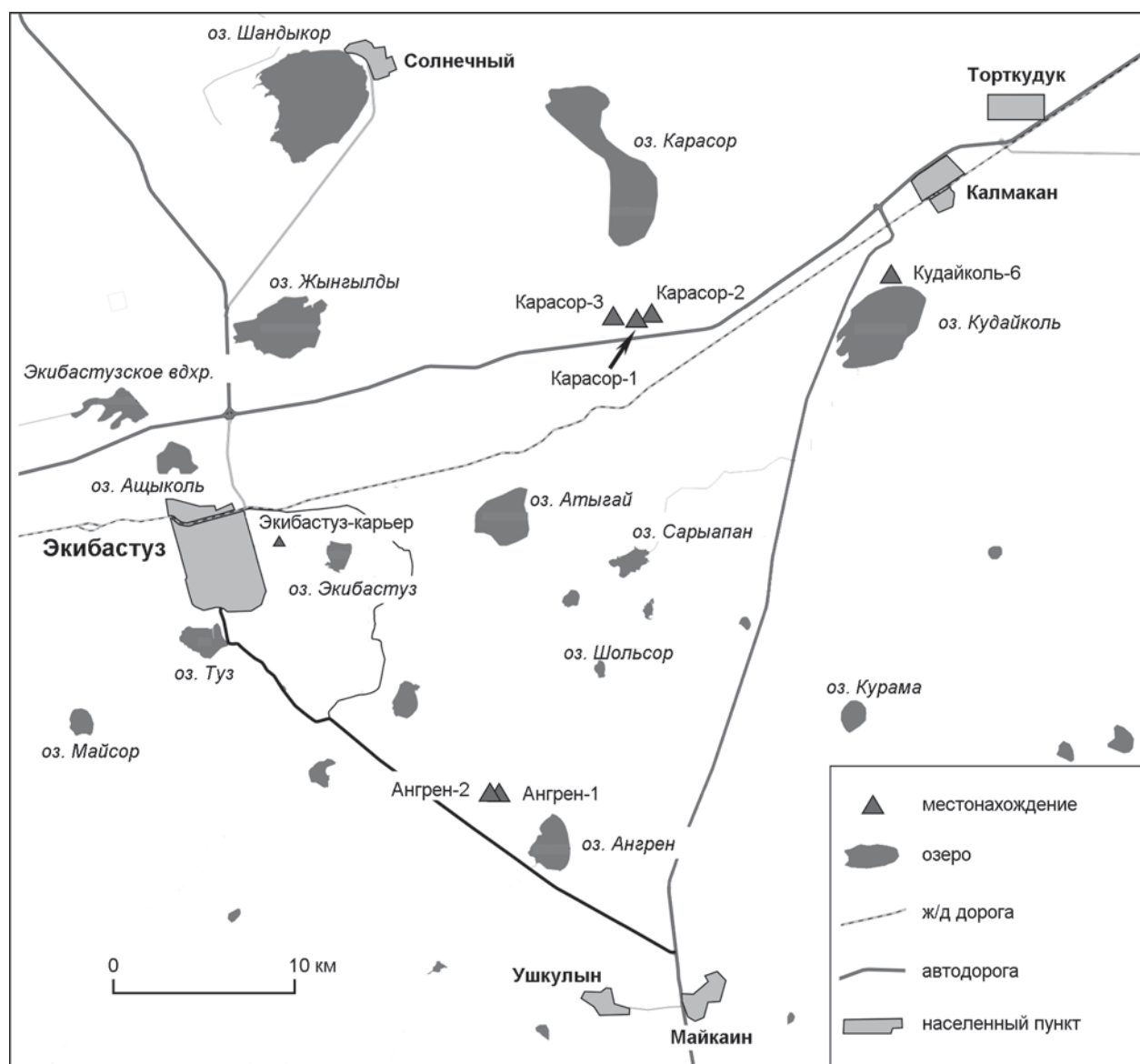

Рис. 1. Карта-схема археологических памятников, выявленных разведкой в 2015 г. на территории Экибастузского р-на Павлодарской обл. Казахстана.

от города до гор Баянаул и к востоку – до с. Калкаман. Эта местность находится в северной части Казахского мелкосопочника и представляет собой волнистую равнину, на которой расположены многочисленные небольшие горько-соленые озера. Учитывая специфику локализации археологических объектов, обнаруженных в данном районе предшествующими исследователями [Волошин, 1990; Чалая, 1972], основное внимание было уделено береговым линиям озер. Всего в районе г. Экибастуза в ходе разведочных маршрутов обследовано более десятка озер. В районе трех из них – Ангрен, Кудайколь и Карасор – выявлены местонахождения с поверхностным залеганием археологического материала. Всего зафиксировано шесть пунктов поверхностного залегания артефактов, при этом стратифицированных археологических объектов не обнаружено. Как правило, предметы фиксируются на горизонтальных и субгоризонтальных прибрежных площадках, расположенных на довольно большой высоте (более 10 м) от современного уреза воды, что, вероятно, связано с усыханием озер в позднем голоцене. В некоторых случаях местонахождения привязаны к выходам сырья (кремнь и кремненые породы), включенным в гранитные породы, фиксируемые по берегам озер.

В 60-х гг. XX в. в районе оз. Ангрен М.Н. Клапчуком была открыта стоянка Ангренсор-2, в дальнейшем памятник был исследован двумя траншеями В.С. Волошиным. Общая численность

коллекции, полученной в ходе раскопок в 1985 г., составила 1 088 предметов. Все изделия выполнены из яшмы, это ядрища, широкие отщепы с выраженными ударными бугорками, рубиловидное орудие, резцы-проколки, скребки, фрагменты листовидных наконечников дротиков, два скобеля. По мнению В.С. Волошина, каменные изделия обнаруживают сходство с инвентарем сибирских верхнепалеолитических стоянок [Таймагамбетов, Ожерельев, 2009]. В 2015 г. при обследовании экспедицией береговых участков оз. Ангрен было выявлено два новых пункта залегания артефактов – Ангрен-1, -2.

Местонахождение Ангрен-1 (N 51° 34' 52,6", E 075° 36' 40,8", абсолютная высота 244–246 м) расположено в 2,5 км к северо-западу от современного уреза воды оз. Ангрен, на пологом юго-восточном склоне горы Кансаладыр. В коллекции (33 экз.) представлены заготовка нуклеуса, нуклевидный обломок, продольно-краевой скол, сколы подправки ударной площадки (2 экз.), отщепы (21 экз.), обломки (5 экз.) и концевой скребок из кремня (рис. 2, 1), а также заготовка орудия из кварцита.

Местонахождение Ангрен-2 (N 51° 33' 46,4", E 75° 36' 20,7", абсолютная высота 244–245 м) расположено в 200 м к западу от памятника Ангрен-1 и имеет такую же геоморфологическую позицию. В состав коллекции (49 экз.) входят нуклевидные обломки (2 экз.), пластины (2 экз.), отщепы (34 экз.), пластинчатый отщеп, облом-

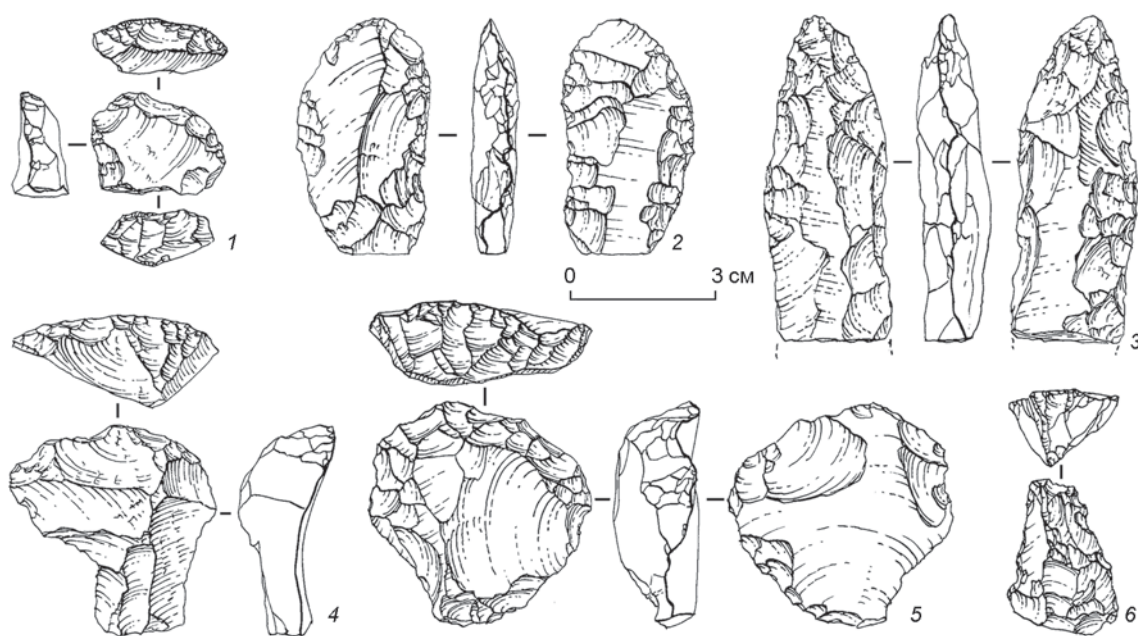

Рис. 2. Каменный инвентарь с местонахождений Ангрен, Кудайколь и Карасор.

1 – Ангрен-1; 2, 3 – Кудайколь-6; 4–6 – Карасор-1.

1, 2, 5, 6 – концевые скребки; 3 – наконечник; 4 – заготовка наконечника.

ки (4 экз.), сколы подправки ударной площадки (2 экз.) и фрагменты орудий (4 экз.), выполненные на кремне.

На месте работ 2015 г. не было обнаружено следов раскопок В.С. Волошина, а состав инвентаря и сырьевая составляющая коллекции значительно отличаются от материалов стоянки Ангренсор-2, что позволяет предполагать самостоятельный статус объектов Ангрен-1, -2. Обе точки сбора материалов приурочены к выходам кремневого сырья и могут трактоваться как мастерские, чему не противоречит состав коллекции. Памятники можно предварительно датировать периодом финального палеолита – неолита, что близко культурно-хронологическому определению материалов стоянки Ангренсор-2.

Также в исследуемом районе в ходе работ совместной Российско-казахстанской экспедиции 1998–2001 гг. на западном берегу оз. Кудайколь было выявлено пять пунктов нахождения подъемного археологического материала [Каменный век..., 2003, с. 10–14]. Материалы пунктов Кудайколь-1, -2 датируются этапом верхнего палеолита, а коллекциям пунктов Кудайколь-3–5 авторы не дают четкого культурно-хронологического определения. В 2015 г. при осмотре северного берега озера открыто местонахождение Кудайколь-6 (N 51° 54' 11,8", E 75° 58' 32,2", абсолютная высота 118–124 м). Артефакты локализовались на небольшой возвышенности (терраса?) рядом с мелким водотоком в 1,3 км к северу от водоема, рядом с с. Калкаман. Концентрация археологического материала незначительна. В коллекции (34 экз.) присутствуют дисковидный нуклеус, нуклевидный обломок, пластины (6 экз.), пластинчатый отщеп, отщепы (16 экз.), продольно-краевые сколы (2 экз.), концевые скребки (2 экз.; рис. 2, 2), наконечник (рис. 2, 3) и заготовка наконечника, двусторонне обработанное орудие, обломки орудий (2 экз.). Артефакты выполнены на кварците (79,4 %) и кремне (20,6 %). Предварительная датировка – финальный палеолит – неолит.

Еще одно местонахождение располагается на береговой линии оз. Карасор, на участке между автодорогой Павлодар – Экибастуз и каналом Иртыш – Караганда, в 30 км на северо-восток от г. Экибастуза. Здесь на трех пунктах были произведены сборы подъемного археологического материала. Артефакты залегали на сохранившихся участках древних террас озера, большей частью уничтоженных в результате строительства канала Иртыш – Караганда при выравнивании поверхности и создании защитных дамб между дорогой и каналом.

Пункт Карасор-1 (N 51° 52' 07,4", E 75° 45' 40,4", абсолютная высота 154 м) расположен в 4 км к югу от оз. Карасор, в 50 м от канала Иртыш – Караганда. К памятнику ведет технологическая дорога, съезд на 93 км от Павлодара по трассе А17. Археологический материал зафиксирован на поверхности и, скорее всего, связан с песчаной толщей, венчающей разрез, что позволяет рассматривать его как «условно стратифицированный». Концентрация археологического материала небольшая, всего было зафиксировано 42 предмета. Продукты первичного расщепления включают клиновидный нуклеус, отщепы (22 экз.), обломки (2 экз.). Орудийный набор представлен топором с перехватом и заготовкой топора, скреблами (3 экз.), заготовками наконечников (3 экз.; рис. 2, 4), скребками на отщепах (4 экз.; рис. 2, 5, 6), фрагментами орудий (2 экз.) и сколом с ретушью. Большая часть изделий изготовлена из кварцита (35 экз.), остальные – из кремня.

Пункт Карасор-2 (N 51° 52' 15,1", E 75° 46' 15,6", абсолютная высота 142–143 м) расположен в 0,7 км к востоку от пункта Карасор-1. Концентрация археологического материала небольшая, всего собрано 50 предметов. Продукты первичного расщепления включают клиновидный и радиальный нуклеусы, нуклевидный обломок, пластины (3 экз.), отщепы (23 экз.), обломки (5 экз.). Изделия со вторичной обработкой представлены фрагментами бифасов (3 экз.), угловым и концевым скребками на отщепах, скреблами (2 экз.), унифасом, остроконечником, пластиной с ретушью, отщепом с ретушью, обломками с ретушью (3 экз.), заготовками наконечников (2 экз.). Все артефакты выполнены на кварците (92 %) и кремне (8 %).

Пункт Карасор-3 (N 51° 52' 08,3", E 75° 44' 16,3", абсолютная высота 143 м) расположен в 1,6 км к западу от памятника Карасор-1. Памятник представлен единичными находками из современного отвала, переработавшего отложения древней террасы. Небольшая коллекция (3 экз.) включает нуклеус для отщепов, небольшой скол, тесло с перехватом и концевой скребок на отщепе. Все изделия выполнены из кварцита.

По предварительной оценке, весь полученный на местонахождении Карасор материал можно датировать периодом финального палеолита – неолита.

В ходе археологической разведки 2015 г. в районе г. Экибастуза на береговых участках древних озер обнаружено три новых местонахождения с поверхностным залеганием артефактов. Весь материал представлен изделиями из камня,

ни одного фрагмента керамики зафиксировано не было. Анализ расположения материала и его технико-типологический состав позволяет предварительно датировать все комплексы периодом финального палеолита – неолита.

Список литературы

Волошин В.С. Отчет о работе Целиноградской археологической экспедиции в 1989 году (рукопись). Целиноград, 1990. 61 с. // Целиноград. обл. ист.-краевед. музей.

Каменный век Казахстана: Исследования Российской-казахстанской археологической экспедиции в Казахстане (1998–2001) / А.П. Деревянко, В.Т. Петрин, А.Н. Зенин, Ж.К. Таймагамбетов, С.А. Гладышев, А.А. Цыбанков, В.С. Славинский. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 184 с.

Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В. Поздне-палеолитические памятники Казахстана. – Алматы: Казак университети, 2009. – 256 с.

Чалая Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области Пеньки-1, -2 // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1972. – С. 163–181.

References

Chalaja L.A. Ozernye stojanki Pavlodarskoj oblasti Pen'ki-1, -2 // Poiski i raskopki v Kazahstane. Alma-Ata: Nauka, 1972. Pp. 163–181.

Kamennyj vek Kazahstana: Issledovanija Rossijsko-kazahstanskoy arheologicheskoy ekspedicii v Kazahstane (1998–2001) / A.P. Derevjanko, V.T. Petrin, A.N. Zenin, Zh.K. Tajmagambetov, S.A. Gladyshev, A.A. Cybankov, V.S. Slavinskij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2003. 184 pp.

Tajmagambetov Zh.K., Ozherel'ev D.V. Pozdnepaleoliticheskie pamjatniki Kazahstana. Almaty: Kazak universiteti, 2009. 256 pp.

Voloshin V.S. Otchet o rabote Celinogradskoj arheologicheskoy jekspedicii v 1989 godu (manuscript). Celinograd, 1990. 61 pp. // Celinograd. obl. ist.-kraeved. muzej.

**А.П. Деревянко¹, Ж.К. Таймагамбетов², А.Г. Рыбалко¹,
А.А. Анойкин¹, К.К. Павленок¹, В.М. Харевич¹, А.А. Дудко¹,
А.В. Кандыба¹, А.А. Присекайло¹, Г.Т. Исаков³, Т.Б. Мамиров²**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Национальный музей Республики Казахстан

³Казахский национальный университет

E-mail: anui1@yandex.ru

РАЗВЕДОЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СРЕДНЕМ ТЕЧЕНИИ РЕКИ ШИДЕРТЫ (ПАВЛОДАРСКАЯ ОБЛАСТЬ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН)

В статье отражены результаты разведочных исследований, полученные в ходе работы совместной экспедиции ИАЭТ СО РАН и Национального музея Республики Казахстан. В начале июня 2015 г. экспедиция работала на территории Экибастузского р-на (Павлодарская обл.) в среднем течении р. Шидерты. В непосредственной близости от русла реки расположено большое количество мелких соленых озер с заболоченными берегами. При обследовании района особое внимание уделялось наиболее высоким участкам, расположенным поблизости от озер. В ходе работ было обнаружено несколько местонахождений с поверхностным залеганием артефактов, на основе технико-типологических данных предварительно отнесенных к разным периодам каменного века в большом культурно-хронологическом интервале от среднего палеолита до неолита. Наиболее интересными и перспективными в плане дальнейших исследований объектами с высокой концентрацией археологического материала являются местонахождения Сарыкамыс-1, -2 и Бозшаколь-1. В коллекциях этих памятников представлены левадуазские, торцовые и клиновидные нуклеусы, скребки, проколки, бифасиально обработанные изделия и т.д. Данные местонахождения обладают всеми чертами, характерными для мастерских, расположенных рядом с выходами сырья или непосредственно на них: обилием отходов производства в виде отщепов и обломков, большим числом нуклеусов, а также малочисленным и невыразительным орудийным набором. Отмечены некоторые закономерности в расположении этих археологических памятников: основным условием их локализации является наличие выходов пригодного для системного расщепления сырья, расположенных на высоких, относительно ровных площадках.

Ключевые слова: Казахстан, палеолит, неолит, каменное сырье, мастерская, первичное расщепление, орудийный набор.

**A.P. Derevianko¹, Zh.K. Taymagambetov², A.G. Rybalko¹,
A.A. Anoykin¹, K.K. Pavlenok¹, V.M. Kharevich¹, A.A. Dudko¹,
A.V. Kandyba¹, A.A. Prisekaylo¹, G.T. Isakov³, T.B. Mamirov²**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²National Museum of the Republic of Kazakhstan

³Kazakh National University

E-mail: anui1@yandex.ru

THE EXPLORATION ON THE MIDDLE SHIDERTY RIVER (PAVLODAR REGION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN)

We present here the results of survey, organized by common expedition of IAET SB RAS and National Museum of the Republic of Kazakhstan. The expedition worked at the territory of Ekibastuz district (Pavlodar Region) in the Middle Shiderty River in early June of 2015. Numerous small salty lakes with swamped coasts are nigh unto riverbed. In studies of district, special focus was on the highest areas, situated near the lakes. In the course of the works, the expedition found a few surface sites. Technico-typological analysis of this collection permit to preliminary relate it to different stages of Stone Age, to wide chronocultural range from Middle Paleolithic to Neolithic. Sarykamys-1, -2 and Bozshakol-1 are the most interesting and perspective for further research objects with the high concentration of the archaeological material. Their collections include the

Levallois, narrow-faced and wedge-shaped cores, end-scrapers, borers, bifacial artifacts and others. These occurrences have the all features, common to workshops near or on the raw material outcrops. It is such features as predominance of debitage in the form of flakes and shatters, great number of the cores, and few in numbers and characterless tool assemblage. Positions of these sites demonstrate some consistent patterns: the key element for their localization is the presence of the outcrops with usable lithic raw material for system knapping, which are situated in the elevated and relatively flat grounds.

Keywords: Kazakhstan, Paleolithic, Neolithic, lithic raw material, workshop, primary knapping, tool assemblage.

В мае–июне 2015 г. совместной экспедицией Института археологии и этнографии СО РАН и Национального музея Республики Казахстан были проведены полномасштабные разведочные исследования на территории Северного и Северо-Восточного Казахстана. В начале июня экспедиция работала на территории Экибастузского р-на (Павлодарская обл.) в среднем течении р. Шидерты. Долина реки имеет низкую пойму и мандрирующее русло. В непосредственной близости от реки расположено большое количество мелких озер с заболоченными берегами. В ходе работ обнаружено несколько местонахождений, материал которых был предварительно отнесен к разным периодам каменного века в большом культурно-хронологическом интервале от среднего палеолита до неолита.

На первом этапе работы проводились на левом берегу р. Шидерты в нескольких километрах южнее одноименного населенного пункта. Были обследованы наиболее высокие места (высокая пойма и первая надпойменная терраса (?)) в районе трех озер, самое крупное из которых называется Сарыкамыс. В результате проведенных рекогносцировочных исследований юго-восточнее озера обнаружено три пункта с поверхностным залеганием каменных артефактов. Площадки удалены друг от друга на 200–400 м и разделены локальными понижениями рельефа.

Местонахождение Сарыкамыс-1 расположено в 600 м от озера в юго-восточном направлении (N 51° 35' 37,7", E 74° 45' 55,9", абсолютная высота 254 м). Данный пункт получил условное название

«мастерская» из-за большого количества нуклевидных изделий в коллекции. Высокая концентрация артефактов была зафиксирована на небольшой площади, в колее проселочной дороги, пересекающей местонахождение с запада на восток. Глубина колеи 0,2–0,4 м. Мощность рыхлых отложений, представленных серо-коричневым суглинком с большим количеством дресвы и обломков мелких и средних размеров, составляет ок. 0,5 м.

Археологическая коллекция стоянки Сарыкамыс-1 насчитывает 77 артефактов. В ней представлены следующие категории каменных изделий: нуклевидные формы – 9, пластина – 1, отщепы – 36, технические сколы – 5, обломки – 26. Орудийный набор состоит из 20 предметов. Категория нуклевидных изделий включает в себя четыре нуклевидных обломка, заготовку, а также пять типологически выраженных нуклеусов, среди которых торцовые – 2 (рис. 1, 1), призматические конусовидные – 2 и клиновидный. Все технические сколы являются сколами подправки ударных площадок. Продукты первичного расщепления представлены пластиной, отщепами (36 экз.) и обломками (26 экз.). Огранка дорсалов у сколов преимущественно ортогональная и бипродольная, определяемые остаточные ударные площадки в большинстве случаев гладкие и естественные. В орудийный набор входят скребки – 5 (угловые и продольные), проколки – 2, обломки с ретушью – 3, а также неопределимые заготовки – 3, обломки изделий – 6.

Местонахождение Сарыкамыс-2 расположено в 300 м к востоку от первого пункта (N 51° 35' 38,3", E 74° 46' 06,4", абсолютная вы-

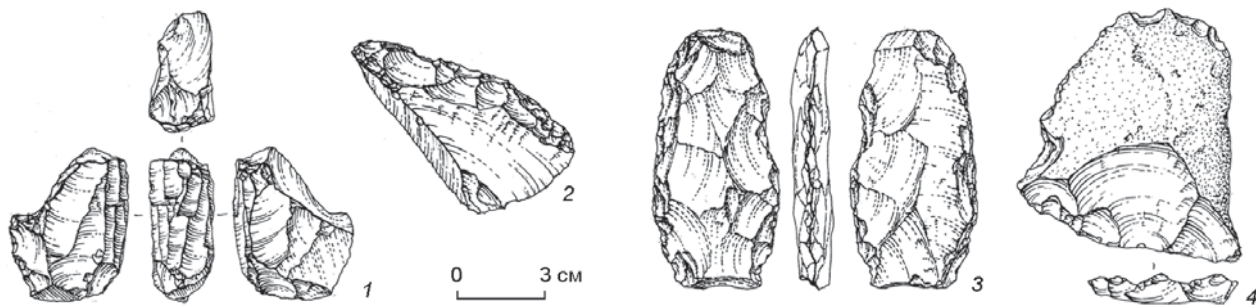

Рис. 1. Каменный инвентарь с местонахождений в среднем течении р. Шидерты.

1 – Сарыкамыс-1; 2, 4 – Бозшаколь-1; 3 – Бозсагор-2.

1 – нуклеус; 2 – скребло; 3 – бифас; 4 – отщеп с ретушью.

сота 255 м). Археологическая коллекция насчитывает 71 артефакт и состоит из обломка нуклеуса, пластин – 9, отщепов – 52, технических сколов – 3, обломков – 6. Орудийный набор состоит из девяти предметов. Огранка дорсальных у сколов ортогональная и бипроходная, определяемые остаточные ударные площадки в основном гладкие и естественные. Орудийный набор включает скребки – 2 (концевой и боковой), проколку, резец, отщепы с ретушью – 4, обломок с ретушью.

Местонахождение Сарыкамыс-3 расположено в 400 м далее на восток (N 51° 35' 38,0", E 74° 46' 15,9", абсолютная высота 254 м). Памятник находится непосредственно на выходах сырья, которое представлено в виде небольших обломков кремневой породы серо-зеленого цвета. При обследовании площадки были обнаружены единичные находки, представленные четырьмя отщепами, техническим сколом и обломком.

Все три пункта определенным образом дополняют друг друга. Каменный инвентарь местонахождений Сарыкамыс-1 и -2 обладает всеми чертами, характерными для мастерских, расположенных рядом с выходами сырья: обилием отходов производства в виде отщепов и обломков, большим числом нуклеусов, а также малочисленным и невыразительным орудийным набором. Артефакты данного комплекса, по всей вероятности, претерпели минимальное перемещение в постседиментационный период. Высокая концентрация и условно стратифицированное залегание археологического материала свидетельствуют о возможности стационарных раскопок на местонахождении. Предполагаемый возраст комплекса – финальный палеолит – неолит.

Недалеко от вышеозначенных местонахождений (600–800 м), к западу от оз. Контай, вдоль дороги обнаружена точка локализации артефактов в виде единичных предметов, представленных скребком из кварцитопесчаника и отщепами из кремня. Концентрация крайне низкая, предполагается два одновременных комплекса в рамках финала палеолита – неолита.

На втором этапе работы проводились вверх по течению р. Шидерты, северо-западнее одноименного населенного пункта. Левый берег реки (очень низкий, озера отсутствуют) после беглого осмотра был признан малоперспективным, и дальнейшее обследование велось только по правому берегу. Как и на первом этапе, особое внимание уделялось наиболее высоким участкам, расположенным в непосредственной близости от озер.

Так, в процессе осмотра небольших возвышенностей (высокая пойма?) на восточном берегу оз. Бозшасор обнаружено две точки залегания ар-

хеологического материала – отдельные артефакты (в основном отщепы) в месте выхода кремневого сырья низкого качества и одиночная находка бифаса (рис. 1, 3). Координаты пункта Бозшасор-1 – N 51° 47' 45,0", E 74° 31' 12,5", абсолютная высота 244 м, Бозшасор-2 – N 51° 48' 53,2", E 74° 19' 17,3", абсолютная высота 247. Предполагаемый возраст находок не выходит за рамки позднего палеолита – неолита.

Дальнейшие работы были перенесены в район оз. Бозшаколь, южнее которого находится медный рудник и горно-обогажительный комбинат (охранная зона). По устному сообщению Т.Б. Мамирова, сотрудника Национального музея Республики Казахстан, данная территория обследовалась в 2005–2007 гг. при строительстве медного рудника. В результате тех работ в районе сопки, расположенных к северу от озера, было зафиксировано до шести площадок с каменными изделиями (полученные археологические материалы не опубликованы). В ходе исследований 2015 г., проведенных на месте «выдувов» – плоских площадок, лишенных растительности, расположенных, как правило, на вершине возвышенностей (склоны сопки пологие, рыхлый чехол минимальной толщины), зафиксированы выходы сырья, пригодного для системного расщепления (кварцитопесчаник, кремневые породы разных расцветок, эффузивы). На данных площадках были обнаружены несколько участков поверхностного залегания каменных артефактов, имеющих разную степень концентрации. Стоит отметить некоторые закономерности в расположении этих археологических материалов. Основным условием является наличие выходов пригодного сырья, расположенного на достаточно высоких, относительно ровных площадках, а также наличие более высоких возвышенностей, прикрывающих эти площадки с северной стороны. Координаты местонахождения Бозшаколь-1 – N 51° 49' 54,9", E 74° 20' 14,1", абсолютная высота 244 м.

Археологическая коллекция местонахождения Бозшаколь-1 насчитывает 32 артефакта. В ней представлены следующие категории каменных изделий: нуклеус, нуклеидные обломки – 3, отщепы – 22, технические сколы – 6. Орудийный набор состоит из трех предметов. Наиболее ярким и характерным элементом, могущим служить маркером для определения возраста коллекции, является леваллуазский компонент. Это леваллуазский нуклеус крупных размеров, широкие плоскости которого подготовлены центростремительными сколами, а на одной стороне виден негатив целевого снятия в виде крупного отщепа (рис. 2, 2) и крупный, массивный технический

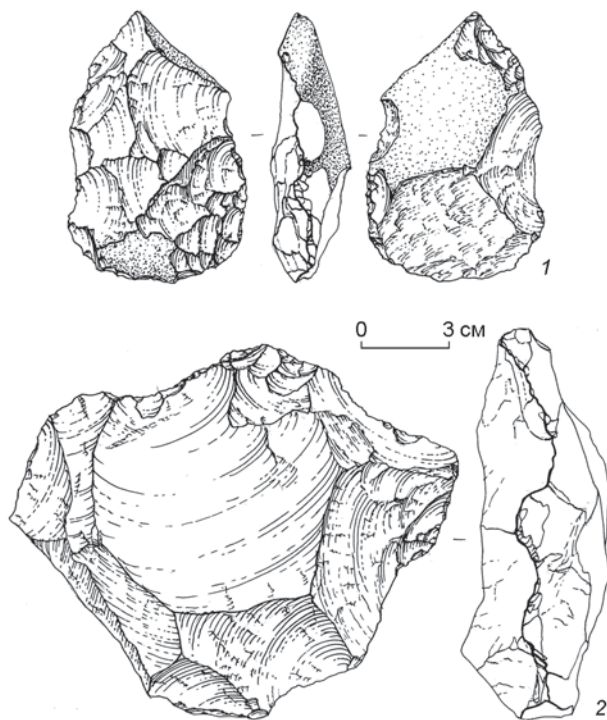

Рис. 2. Каменный инвентарь с местонахождения Бозшаколь-1.
1 – бифас; 2 – нуклеус.

скол подправки плоскости скалывания леваллуазского нуклеуса.

Орудийный набор состоит из скребла, выполненного на крупном, массивном отщепе (один продольный край изделия тщательно оформлен

лицевой ступенчатой крутой и полукрутой чешуйчатой ретушью, а противоположный край представляет собой гладкий обушок; см. рис. 1, 2), ретушированного крупного вторичного отщепе с фасетированной ударной площадкой (см. рис. 1, 4) и бифасиально обработанной заготовки орудия (рис. 2, 1).

Культурно-хронологическую позицию обнаруженных артефактов можно определить только на основе их технико-типологических характеристик. Наличие леваллуазской техники расщепления камня наглядно свидетельствует о среднепалеолитическом возрасте основной части каменных изделий. В то же время, т.к. артефакты экспонированы на поверхности, нельзя однозначно утверждать, что в коллекции стоянки Бозшаколь-1 не присутствуют более поздние элементы. Наиболее вероятный возраст памятника находится в рамках среднего–верхнего палеолита.

Таким образом, в ходе разведочных исследований в долине р. Шидерты было обнаружено несколько новых археологических памятников. Полученные коллекции каменных артефактов, на основе технико-типологических данных, предварительно отнесены к разным периодам каменного века в интервале от среднего палеолита до неолита. Наиболее интересными (с высокой концентрацией археологических материалов) и перспективными в плане дальнейших исследований объектами являются местонахождения Сарыкамыс-1, -2 и Бозшаколь-1.

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, М.Б. Козликин, А.М. Чеха

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: kmb777@yandex.ru

ХАРАКТЕР ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ: РАСКОПКИ В 2015 ГОДУ

В 2015 г. изучение плейстоценовой толщи Денисовой пещеры было продолжено в восточной галерее. На небольшой площади были вскрыты отложения литологических слоев 9–17 до скального основания. Слои 11 и 12 имеют более дробное членение на литологические горизонты: 11.1–11.4 и 12.1–12.3 соответственно. Археологические материалы были обнаружены почти во всех стратиграфических подразделениях за исключением слоев 10 и 17. На основе данных технико-типологического анализа каменной индустрии, стратиграфической ситуации и результатов абсолютного датирования в культурно-хронологической колонке плейстоценовых отложений восточной галереи можно выделить четыре основных этапа заселения пещеры палеолитическим человеком. Наиболее древний археологический комплекс, соотносимый с ранней стадией среднего палеолита, происходит из литологических слоев 15 и 14. Индустрия этого периода характеризуется утилизацией ядрищ в радиальной системе и преобладанием зубчато-выемчатого компонента в орудийном наборе. Дальнейшее развитие среднепалеолитических индустрий отражают материалы из отложений слоев 13, 12 и нижней части слоя 11, демонстрирующие использование параллельного плоскостного и левауазского расщепления, а также преобладание различных типов скребел в орудийном наборе. При этом материалы из нижней части слоя 11 представляют заключительную стадию среднего палеолита или, возможно, переходное к верхнему палеолиту время. Каменная индустрия и набор украшений из верхней части слоя 11 соотносятся с начальной стадией верхнего палеолита. Заключительный этап палеолитического времени представлен материалами с развитой микропластинчатой технологией из отложений слоя 9.

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова пещера, плейстоцен, палеолит, каменная индустрия.

A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, M.B. Kozlikin, A.M. Chekha

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: kmb777@yandex.ru

CHARACTERISTICS OF THE PALEOLITHIC COMPLEXES FROM DENISOVA CAVE (RECORDS OF 2015)

The Pleistocene strata study of Denisova Cave was continued in Eastern Gallery in 2015. The sediments of lithological layers 9–17 were uncovered over a small area. The layers 11 and 12 are divided into more partitive lithological horizons: 11.1–11.4 and 12.1–12.3 respectively. Archaeological material was found in the all stratigraphic divisions, excluding layer 10 and 17.

In terms on the data of technological typological analysis of the lithic industry, stratigraphic situation and absolute dating four main occupational episodes are identified in cultural chronological sequence of Pleistocene deposits in the eastern gallery of the cave. Associated with Early Middle Paleolithic the most ancient archaeological complex originates from the lithological layers 15 and 14. This industry is characterized by centripetal core utilization and predominance of the notch-denticulate component in the tool assemblage. The material from the deposits of the layers 13, 12 and lower part of the layer 11 demonstrate the further development of the Middle Paleolithic industries. They present the use of parallel flat-faced and Levallois flaking and predominance of the different types of scrapers in the tool assemblage. Moreover, the material from the lower part of layer 11 presents the Terminal stage of Middle Paleolithic and perhaps Middle to Upper Paleolithic transition. The lithic industry and adornment assemblage from the upper part of layer 11 are relevant to Initial Upper Paleolithic. Materials with developed microblade technology from the deposits of layer 9 present the Final Paleolithic stage.

Keywords: Mountain Altai, Denisova Cave, Pleistocene, Paleolithic, lithic industry.

В полевом сезоне 2015 г. исследование плейстоценовой толщи Денисовой пещеры было продолжено в восточной галерее (сектор VI). На площади квадратов Ж-2, Ж-3 в дальней части галереи были изучены отложения литологических слоев 9–17. По ряду признаков слои 11 и 12 были разделены на стратиграфические горизонты 11.1–11.4 и 12.1–12.3 соответственно.

Археологические материалы обнаружены почти во всех стратиграфических подразделениях за исключением слоев 10 и 17. Наиболее древний материальный комплекс, соотносимый с ранней стадией среднего палеолита, происходит из отложений слоев 15 и 14, в пределах которых было обнаружено 1 089 каменных артефактов.

Нуклевидные формы (0,9 %) включают четыре нуклеуса, четыре нуклевидных обломка и два нуклевидных отщепе. Типологически выраженные нуклеусы представлены радиальными монофронтальными (2 экз.; рис. 1, 1) и бифронтальными (2 экз.) ядрищами, оформленными на крупных гальках или валунах. Расщепление осуществлялось без подготовки ребра.

Индустрия сколов (44,2 %) представлена 481 отщепом. Большинство сколов составляют укороченные и короткие формы с гладкой или ес-

тественной остаточной ударной площадкой, с продольной однонаправленной, реже ортогональной дорсальной огранкой. Распространены сколы, сохраняющие естественную поверхность.

Более половины (54,0 %) индустрии составляют отходы производства, включающие 439 обломков и осколков и 149 чешуек.

Орудия насчитывают 10 экз., что составляет 0,9 % от общего количества предметов индустрии.

Скребла представлены двумя экземплярами – продольным выпуклым (рис. 1, 2), подготовленным на крупном коротком отщепе дорсальной крутой чешуйчатой ретушью, и поперечным выпуклым (рис. 2, 18), оформленным на крупном укороченном отщепе дорсальной отвесной ретушью.

Шиповидное орудие выполнено на крупном коротком отщепе. Рабочий элемент изделия оформлен дорсальной сильномодифицирующей ретушью.

Зубчатые орудия – 2 экз. (рис. 2, 19), оформлены на крупных коротких отщепах. Продольное выпуклое лезвие изделий обработано вентральной крупнофасеточной ретушью.

Выемчатое продольное орудие выполнено на крупном укороченном отщепе. Анкош оформлен дорсальной крутой сильномодифицирующей ретушью.

В число изделий с вторичной обработкой входят также два отщепа с эпизодической ретушью и два фрагмента орудий.

Дальнейшее развитие среднепалеолитических индустрий демонстрируют материалы из слоев 13–11.3, в пределах которых обнаружено 1 587 каменных артефактов.

Нуклевидные формы (0,9 %) включают четыре нуклеуса и десять нуклевидных обломков. Три нуклеуса представляют собой двуплощадочные монофронтальные параллельные плоскостные ядрища со встречным скалыванием. На двух изделиях ударные площадки прямые, без оформления. Фронт несет негативы коротких снятий среднего и мелкого размера. Ударные площадки третьего нуклеуса скошены к контрфронту, тщательно оформлены ретушью. Фронт, переходящий с широкой плоскости на одну из боковых сторон ядрища, несет негативы крупных удлиненных снятий (см. рис. 1, 5). Последний нуклеус – радиальный монофронтальный, расщепление осуществлялось без подготовки ребра. Заготовками для ядрищ служили крупные гальки и валуны.

Сколы (53,4 %) представлены отщепами и пластинами – 827 и 20 экз. соответственно. Для отщепов характерна гладкая или естественная, реже фасетированная или двугранная остаточная ударная площадка и продольная одно- или бинаправленная дорсальная огранка. Большинство отщепов

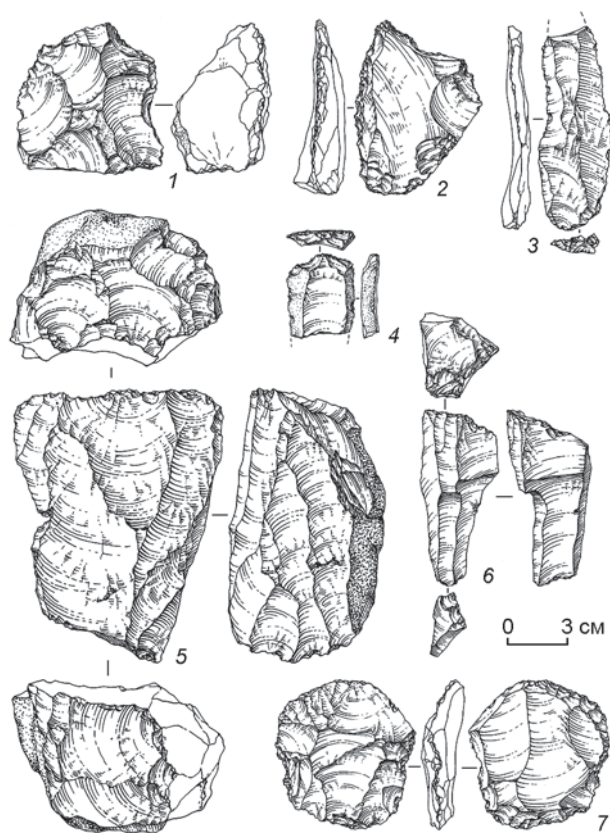

Рис. 1. Каменный инвентарь из палеолитических слоев восточной галереи Денисовой пещеры.

короткие, менее распространены укороченные или удлиненные формы. Пластины имеют гладкую или фасетированную площадку и продольную одно- или бинаправленную огранку.

Отходы производства (514 обломков и осколков, 167 чешуек) составляют 42,9 % от индустрии.

Орудийный набор насчитывает 45 экз. (2,8 %).

Сколы леваллуа представлены остриями – 6 экз. (рис. 2, 8, 14, 17, 20), пластинами – 8 экз. (см. рис. 1, 3), отщепом.

Мустьерские остроконечники представлены двумя экземплярами. Оформлены на леваллуазских заготовках крутой субпараллельной сильно-модифицирующей ретушью (рис. 2, 12, 13).

Скребла насчитывают 6 экз. Два продольных орудия в одном случае с прямым, в другом – с выпуклым лезвием выполнены на крупных удлиненных отщепах. Рабочий край подготовлен вентральной крутой чешуйчатой среднемодифицирующей ретушью. Диагональное прямое скребло оформлено дорсальной полукрутой чешуйчатой среднемодифицирующей ретушью на продольном фрагменте крупного отщепа. Поверхность фрагментации служила обушком. Поперечные выпуклые скреб-

ла – 2 экз., оформлены на крупных укороченных отщепах дорсальной пологой или крутой чешуйчатой среднемодифицирующей ретушью. Одно скребло имеет поперечное прямое лезвие, скошенное относительно длинной оси заготовки. Рабочий край орудия обработан вентральной полукрутой среднемодифицирующей ретушью; остаточная ударная площадка и бугорок заготовки стесаны (рис. 2, 15).

Ножей в коллекции 4 экз., в т.ч. с естественным обушком – 2 экз. (рис. 2, 16), с обушком-гранью и обушком-обломом.

Среди зубчатых орудий выделено два изделия с продольным прямым лезвием, оформленных на крупном коротком отщепе и леваллуазском сколе (рис. 2, 1) с помощью дорсальной крутой чешуйчатой среднемодифицирующей ретуши. Два орудия с поперечным выпуклым лезвием изготовлены на крупных коротких отщепах. Ретушь дорсальная, полукрутая, чешуйчатая, среднемодифицирующая.

Выемчатое продольное орудие выполнено на крупном коротком отщепе. Анкош подготовлен вентральной крутой сильномодифицирующей ретушью.

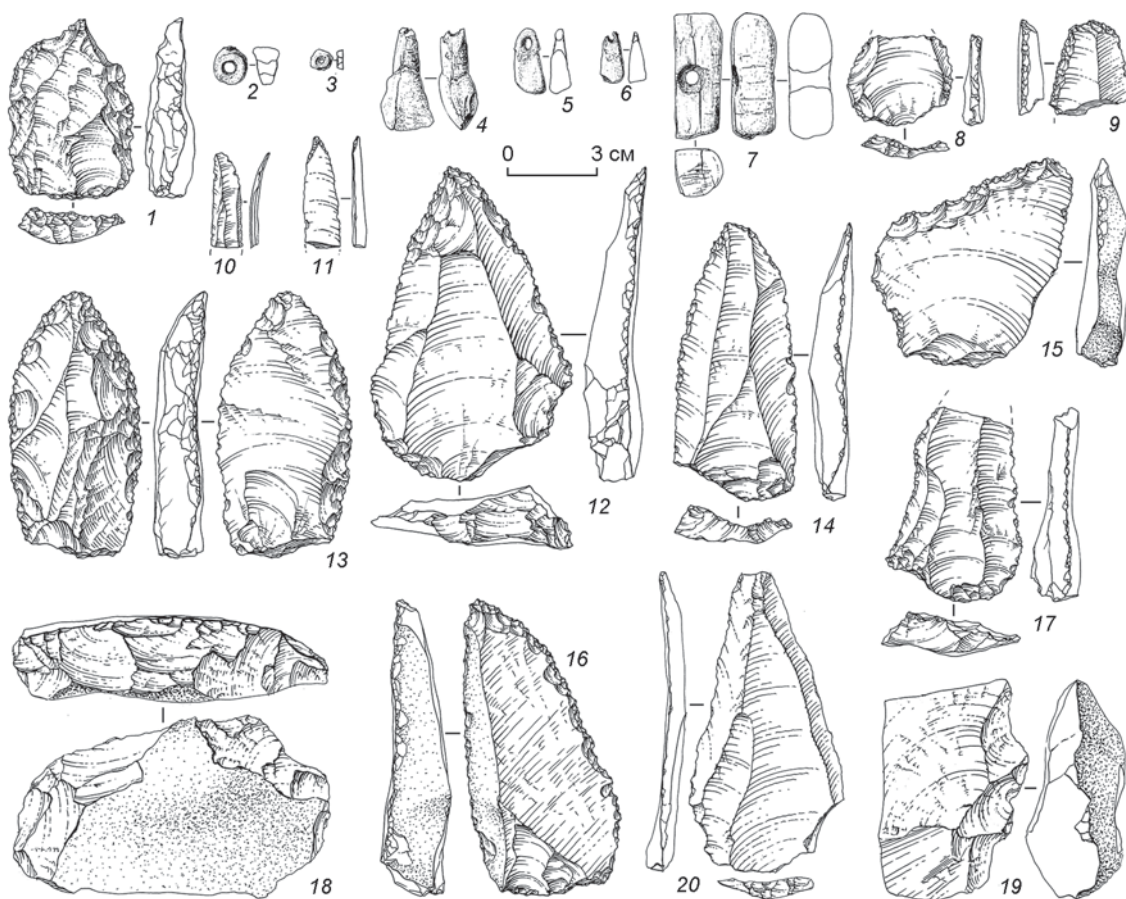

Рис. 2. Украшения (2–7) и каменный инвентарь (1, 8–20) из палеолитических слоев восточной галереи Денисовой пещеры.

Дополняют коллекцию изделий с вторичной обработкой две пластины и 12 отщепов с эпизодической ретушью.

Каменная индустрия из горизонтов 11.2 и 11.1, насчитывающая 452 экз., соотносится с начальной стадией верхнего палеолита.

Нуклевидные формы (0,9 %) представлены нуклеусом и тремя нуклевидными обломками. Истощенное ядрище с двумя тщательно ретушированными выпуклыми ударными площадками и негативами встречных снятий на фронте демонстрирует леваллуазский метод расщепления (см. рис. 1, 7).

Сколы (49,6 %) включают 218 отщепов и шесть пластин. Отщепы преимущественно короткие и удлиненные, с гладкой остаточной ударной площадкой и продольной одно- или бинаправленной дорсальной огранкой. Пластины имеют гладкую или фасетированную площадку и продольную одно- или бинаправленную огранку.

На долю отходов производства (138 обломков и осколков, 71 чешуйка) приходится 46,2 %.

Изделия с вторичной обработкой насчитывают 15 экз. (3,3 %).

Сколы леваллуа представлены острием и двумя пластинами.

Скребла – продольное выпуклое и поперечное выпуклое – оформлены на коротком и укороченном отщепе крупного размера. Рабочий край изделий подготовлен дорсальной крутой или полукрутой субпараллельной среднемодифицирующей ретушью.

Концевые скребки на пластинах – 2 экз. (см. рис. 1, 4), оформлены дорсальной крутой и отвесной субпараллельной сильно модифицирующей ретушью.

Микроострие на пластинке представлено одним экземпляром (рис. 2, 11).

Помимо формальных орудий в коллекции присутствуют две пластины и четыре отщепы с эпизодической ретушью, а также два фрагмента орудий.

Каменную индустрию сопровождает серия украшений – две бусины из кальцита (рис. 2, 2, 3), три подвески из зубов животных (рис. 2, 4–6) и фрагмент крупной прямоугольной подвески, выполненной из бивня мамонта (рис. 2, 7).

Заключительный этап палеолитического времени представлен материалами из слоя 9. Коллекция каменных артефактов насчитывает 100 экз.: нуклеус и нуклевидный обломок, 67 отщепов, шесть пластин, три пластинки, микропластина, 16 обломков и осколков, пять орудий.

Нуклеус представлен торцовым двуплощадочным ядрищем, оформленным на обломке. Ударные площадки скошенные, подготовлены ретушью. Фронт несет негативы встречных пластинчатых снятий (см. рис. 1, 6).

Отщепы в большинстве случаев удлиненные, с гладкой ударной площадкой и продольной однонаправленной дорсальной огранкой. Для пластин, пластинок (рис. 2, 10) и микропластин характерна гладкая или линейная площадка и правильная параллельная огранка. Значительный перебор карниза, невыраженный ударный бугорок, изогнутый профиль и ярко выраженный «lip» указывают на использование для получения пластинчатых заготовок мягкого отбойника из органического материала и, возможно, отжима.

Среди орудий представлены скребла – 2 экз.: угловатое на крупном коротком отщепе и продольное прямое на крупном удлиненном сколе, оформленные дорсальной крутой чешуйчатой среднемодифицирующей ретушью. Ретушированная пластина представлена дистальным фрагментом (рис. 2, 9). Отщепы с эпизодической ретушью насчитывают два экземпляра.

Таким образом, учитывая данные технико-типологического анализа каменной индустрии, стратиграфическую ситуацию и предварительные результаты абсолютного датирования, в культурно-хронологической колонке плейстоценовых отложений восточной галереи можно выделить четыре основных этапа заселения пещеры палеолитическим человеком. Индустрии из слоев 15 и 14, соотносимые с ранним средним палеолитом, характеризуются исключительно радиальным расщеплением, направленным на получение коротких и укороченных заготовок. Основу орудийного набора составляют зубчато-выемчатые формы и скребла. Дальнейшее развитие среднепалеолитических индустрий отражают материалы из отложений слоев 13, 12 и нижней части слоя 11. В этом комплексе доминирует параллельное плоскостное расщепление. В орудийном наборе преобладают изделия леваллуа и различные типы скребел, при этом достаточно высоким остается удельный вес зубчато-выемчатого компонента. Отмеченные ранее в материалах нижней части слоя 11 яркие образцы верхнепалеолитических орудий, возможно, отражают переходный характер этой индустрии. Начальный верхний палеолит представлен материалами из верхних горизонтов слоя 11. Каменная индустрия демонстрирует сочетание средне- и верхнепалеолитических форм в сопровождении набора костяных и каменных украшений. Возраст индустрии этого комплекса ок. 50 тыс. лет: ^{14}C (AMS)-дата по кости из горизонта 11.2 – $50\,300 \pm 2\,200$ л.н. (OxA-V-2359-16). Отложения слоя 9, сформировавшиеся после длительного седиментационного перерыва, содержат индустрию заключительного этапа палеолитического времени с мелко- и микропластинчатым производством.

А.П. Деревянко¹, М.В. Шуньков¹, Ж.К. Таймагамбетов²,
А.А. Анойкин¹, А.Г. Рыбалко¹, А.А. Дудко¹, А.В. Кандыба¹,
К.К. Павленок¹, А.А. Присекайло¹, В.М. Харевиш¹,
Г.Т. Искаков³, Т.Б. Мамиров²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Национальный музей Республики Казахстан

³Казахский национальный университет

E-mail: anui1@yandex.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА В 2015 ГОДУ*

В 2015 г. совместной Российско-казахстанской экспедицией ИАЭТ СО РАН и Национального музея Республики Казахстан были проведены масштабные разведочные работы на территории Восточно-Казахстанской, Павлодарской, Акмолинской и Северо-Казахстанской областей. Основными районами исследований являлись восточный берег Бухтарминского водохранилища, среднее течение рек Иртыш и Ишим. Общая протяженность маршрута – более 8,5 тыс. км. На Бухтарминском водохранилище обследован участок восточного берега между селами Алтайка и Курчум, а также долина р. Бухтармы от устьевой части до верхнего течения. Наиболее древний комплекс артефактов обнаружен на местонахождении Курчум (нижний–верхний палеолит). В береговой зоне верхнего и среднего течения р. Иртыш от плотины Бухтарминского водохранилища до с. Железинка открыто несколько местонахождений с неолитическим материалом. В районе г. Экибастуза обследованы берега многочисленных соленых озер, а также долина р. Шидерты. Выявлено более 10 местонахождений каменного века (средний палеолит – неолит). При осмотре угольных карьеров в черте старой городской застройки обнаружено местонахождение с высокой концентрацией артефактов, определенное как мастерская на выходах сырья (средний–верхний палеолит). Работы в долине р. Ишим включали рекогносцировочные исследования у с. Аршалы (Вишневка) и маршрут вниз по течению реки: Аршалы – Астана – Державинск – Петропавловск.

Ключевые слова: Северный Казахстан, разведочные работы, палеолит, неолит, местонахождение, поверхностные сборы.

A.P. Derevianko¹, M.V. Shunkov¹, Zh.K. Taymagambetov²,
A.A. Anoykin¹, A.G. Rybalko¹, A.A. Dudko¹, A.V. Kandyba¹,
K.K. Pavlenok¹, A.A. Prisekaylo¹, V.M. Kharevich¹,
G.T. Iskakov³, T.B. Mamirov²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²National Museum of the Republic of Kazakhstan

³Kazakh National University

E-mail: anui1@yandex.ru

ARCHAEOLOGICAL SURVEY AT THE TERRITORY OF NORTHERN KAZAKHSTAN IN 2015

The common Russian Kazakh expedition of IAET SB RAS and National Museum of the Republic of Kazakhstan organized the widespread survey at the territory of East Kazakh, Pavlodar, Akmolinsk and North Kazakh Regions. As the eastern coast of Bukhtarma reservoir well as Upper and Middle Irtysh and Ishim Rivers were the priority investigated areas. All the way numbers 8500 km. In studies of Bukhtarma reservoir the expedition explored as the area of the eastern coast between Altaika and Kurchum villages well as Bukhtarma River valley from the outfall to upper river. The most ancient artificial complex was found at the Kurchum occurrence (Lower – Upper Paleolithic). A few Neolithic occurrences were discovered in the coastal area of Upper and Middle Irtysh River, from the Bukhtarma storage dam to Zhelezinka village. Team investigated as the coast of numerous salty lakes near Ekibastuz town well as Shiderty River valley and obtained

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

more than 10 Paleolithic localities (Middle Paleolithic – Neolithic). The exploration in Ishim River Valley included the survey near Arshaly village (Vishnevka) and itinerary down the river: Arshaly – Astana – Derzhavinsk – Petropavlovsk. The new archaeological objects were not fixed. This survey permitted to discover a few tens of the new Paleolithic occurrences with mainly exposed archaeological materials and outline the most perspective areas for the further research.

Keywords: Northern Kazakhstan, survey, Paleolithic, Neolithic, occurrence, surface position.

В июне 2015 г. совместной Российско-казахстанской экспедицией Института археологии и этнографии СО РАН и Национального музея Республики Казахстан были проведены разведочные работы на территории Восточно-Казахстанской, Павлодарской, Акмолинской и Северо-Казахстанской областей. Основными районами исследований являлись восточный берег Бухтарминского водохранилища, а также верхнее и среднее течение рек Иртыш и Ишим. Общая протяженность маршрута – более 8,5 тыс. км (см. рисунок). В ходе работ обнаружено ок. 30 местонахождений, преимущественно с поверхностным залеганием археологического материала, относящегося к разным этапам каменного века.

На Бухтарминском водохранилище обследован участок восточного берега между селами Алтайка и Курчум, а также долина р. Бухтармы от устьевой части до верхнего течения в районе сел Урьль и Рахмановские Ключи. Наиболее древний комплекс артефактов обнаружен на местонахождении Курчум, расположенном в 9 км севернее одноименного села. Разновременный материал, датированный в диапазоне нижний–верхний палеолит, собран на двух возвышенных участках правобережного склона водохранилища.

Работы на восточном побережье севернее Курчума показали, что относительно ровные и приподнятые над водохранилищем террасовидные поверхности встречаются между селами Коктерас и Свинчатка. При этом они сильно задернованы, покрыты зарослями кустарника и высокой травой, без обнажений склоновых поверхностей. Около с. Свинчатка в урочище Лотошное (N 49° 07' 10", E 84° 20' 23") найден скол со стесанной ударной площадкой. К югу от с. Свинчатка лога становятся уже, их борта круче, площадки, соответствующие плейстоценовым террасам, отсутствуют. В некоторых широких логах отмечены отдельные курганы и курганные группы. В 10 км юго-западнее Свинчатки горы становятся более отвесными, встречается много гранитных останцов с минимальным растительным покровом и тонким плащом рыхлых отложений. Далее на юг рельеф выполаживается, горы отходят от береговой линии; преобладают широкие пологие долины с небольшими поднятиями и невысокими холмами, террасовых уровней нет.

Западнее сел Коктерас и Большенарынское обнаружено несколько площадок с поверхностным залеганием каменных артефактов неолитического облика – местонахождения Кременюха-1–5

Карта-схема маршрута разведочных работ.

(N 49° 12' 21", E 84° 23' 56"). В коллекции (93 экз.) представлены клиновидные и конусовидные нуклеусы, скребки, сколы. В направлении с. Алтайка берега водохранилища представляют собой пологие склоны, заросшие травой и кустарником, без признаков террасовидных уступов, или подходящие к воде каменные гряды с крутыми склонами и тонким чехлом рыхлых отложений. Скальные выходы сложены гранитами и сланцами. Артефактов или каменного сырья, подходящего для расщепления, не обнаружено.

Разведочный маршрут по долине верхнего течения р. Бухтармы показал, что на этом участке долина узкая, с высокими террасовидными уступами, сложенными галечно-песчаными отложениями, покрытыми тонким чехлом суглинков. Горы сложены гранитами и сланцами с неглубокими нишами без рыхлых отложений или с вертикальными расщелинами. В расширении долины в окрестностях с. Аксу на вершине террасовидного останца, на участке с координатами N 49° 12' 12,7", E 84° 23' 33,7", в промоине покровных суглинков найдены отщеп и пластина.

Долина р. Иртыш в среднем течении была обследована от плотины Бухтарминского водохранилища до с. Железинка. На участке от Усть-Каменогорска до Павлодара цоколь высоких террас Иртыша выполняют, как правило, выходы сланца. На скальном основании залегают красочные плиоценовые (?) глины (до 10 м), иногда перекрытые пачкой (до 1 м) сероцветных глин, возможно, плейстоценового возраста. Средняя часть разреза сложена неслоистой несортированной галечно-песчанной толщей (до 3 м). Выше залегают песчаная толща (до 10 м), иногда слоистая в нижней части, перекрытая маломощной почвой. На отдельных участках пески и галечно-песчаные отложения залегают непосредственно на сланцевом цоколе. Высота террасовых уровней зависит, как правило, от мощности песчаной толщи. Верхняя часть отложений имеет, скорее всего, голоценовый возраст. Это предположение подтверждают находки неолитического облика, обнаруженные в кровле песчаных отложений левого берега Иртыша, около г. Курчатова (N 50° 37' 42,3", E 78° 52' 08,0"). В коллекции (52 экз.) представлены призматические нуклеусы, скребки и сколы.

Ниже г. Павлодара обследован только правый, высокий берег Иртыша на участке от с. Береговое до с. Железинка. На отдельных участках террасовые уровни достигают высоты 30 м и имеют сходное, описанное выше, строение разрезов. Необходимо отметить, что все палеолитические находки в среднем течении Иртыша обнаружены на речных косах при низком уровне воды.

Восточнее г. Экибастуза, на северном берегу оз. Кудайколь обнаружен пункт поверхностного залегания археологического материала (N 51° 54' 11,8", E 75° 58' 32,2"). В коллекции (34 экз.) представлены дисковидный нуклеус, скребки, наконечники, сколы. Наиболее вероятный возраст – верхний палеолит – неолит. Хронологически близкий материал зафиксирован также в экспонированном состоянии в трех пунктах на южном берегу оз. Карасор и в двух пунктах на северном берегу оз. Ангренсор, расположенного южнее Экибастуза. Кроме того, обследованы побережья озер около г. Баянаул и местность вокруг одноименного горного массива с многочисленными останцами выходов гранитов. Склоны останцов крутые, покрыты маломощным чехлом рыхлых отложений. Узкие долины с высокими бортами заполнены грубообломочным материалом гранитных пород. Террасовые уровни не прослежены. Сырья, пригодного для системного расщепления, не обнаружено.

При осмотре угольных карьеров в черте старой городской застройки г. Экибастуза обнаружено местонахождение артефактов, которое можно классифицировать как мастерскую на выходах сырья (N 51° 44' 8,9", E 75° 23' 30,0"). Палеолитические изделия и обломки каменного сырья зафиксированы в толще лессовидных бурых суглинков мощностью до 1,5 м. В собранной коллекции представлены призматические и торцовые нуклеусы, скребла, двусторонне обработанные орудия, сколы.

Западнее г. Экибастуза, в долине р. Шидерты обнаружено около десяти пунктов локализации палеолитических и неолитических материалов, в т.ч. мастерская на выходах сырья.

Рекогносцировочные исследования в долине р. Ишим включали осмотр группы палеолитических местонахождений Вишневка у с. Аршалы, а также маршрут вниз по течению реки: Аршалы – Астана – Державинск – Есиль – Сергеевка – Петропавловск. На участке Астана – Атбасар берега в основном низкие, пологие. Между городами Атбасар и Державинск высота береговой бровки над уровнем реки достигает 40–50 м, отдельные выходы горных пород представлены гранитоидами и сланцами, пригодное для расщепления каменное сырье отсутствует. На участке Державинск – Петропавловск между г. Есиль и с. Сергеевка оба берега представлены высокими террасовыми уровнями с чехлом рыхлых отложений, однако при их осмотре археологический материал не обнаружен.

В целом в результате разведочных работ на севере Казахстана обнаружено несколько десятков новых местонахождений каменного века и намечены наиболее перспективные участки для дальнейших исследований.

А.Ю. Казанский

Институт археологии и этнографии СО РАН
Геологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова
E-mail: kazansky_alex@mail.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ОБОСНОВАНИЮ ВОЗРАСТА СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА СТОЯНКИ ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ-1 (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ ДАГЕСТАН)*

Статья посвящена предварительным результатам междисциплинарного изучения местонахождения Дарвагчай-залив-1 (Юго-Восточный Дагестан). В 2011–2014 гг. культурно-хронологический комплекс памятника был исследован на площади 87 м². Полученный стратиграфический разрез представлен субэриальными покровными отложениями в виде разнообразных супесей и суглинков. Генезис отложений эоловый и биогенный, при незначительном участии делювиальных процессов. Археологические материалы связаны со слоем 3 (палеопочва), в котором обнаружена немногочисленная, но выразительная коллекция каменных артефактов. Каменный инвентарь характеризуется леваллуазской техникой расщепления и типичным среднепалеолитическим орудийным набором. Технично-типологические особенности каменной индустрии с ярко выраженными леваллуазскими чертами позволяют говорить о специфическом облике среднего палеолита Юго-Восточного Дагестана. Возраст индустрии определяется комплексом археологических и стратиграфических данных. Принимая во внимание облик индустрии, можно определить временной диапазон ее существования началом верхнего неоплейстоцена. Образование столь мощного почвенного горизонта (до 1,5 м) должно быть связано с теплыми и одновременно влажными условиями, которые были характерны для рисс-вюрмского межледниковья. Проведенные в 2014 г. палеомагнитные исследования разреза позволяют предполагать, что формирование погребенной палеопочвы (слой 3) проходило во время палеомагнитной эпохи Брюнес, возможно эпизода Блейк. Общая информация, полученная методами естественных наук, с высокой долей вероятности свидетельствует, что археологический материал, зафиксированный в слое 3, накапливался в хронологическом интервале 70–130 тыс. л.н. (стадия MIS 5).

Ключевые слова: Дагестан, каменные индустрии, палеомагнитный анализ, палеопочва, плейстоцен, морские трансгрессии.

A.Yu. Kazanskiy

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Faculty of Geology of M.V. Lomonosov Moscow State University
E-mail: kazansky_alex@mail.ru

THE NEW DATA ON CHRONOLOGY SUPPORT OF MIDDLE PALEOLITHIC COMPLEX FROM DARVAGCHAI-ZALIV-1 SITE (SOUTH EASTERN DAGESTAN)

The article is devoted to preliminary results of multidisciplinary study at the Darvagchai-zaliv-1 site (South Eastern Dagestan). This cultural chronological complex was investigated 87 m² in area during 2011–2014. The result stratigraphic profile represents the subaerial covering deposits in the form of various sandy and clay loams. Sediment genesis is Aeolian and biogenic with slight impact of diluvial processes. This archaeological complex are associated with layer 3 (paleosoil), where small in number quantity, but very illustrative collection was found. Levallois technique and typical Middle Paleolithic tool kit characterize the lithic assemblage. The technico-typological specifics of the stone industry with discernable Levallois traits suggest the peculiar character of Middle Paleolithic in the South Eastern Dagestan.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

The complex archaeological and stratigraphic data determine the age of industry. The industrial character allows determining her lifetime as the Initial Upper Paleolithic. The sedimentation of the heavy soil horizon (within the limits of 1,5 m) has to be associated with warm and wet conditions, which characterized the Riss-Wurm interglaciation. This fossil paleosoil (layer 3) formed during the paleomagnetic chron Brunhes, possibly Blake episode, as conducted in 2014 the paleomagnetic study of cross-section supposes. The common multidisciplinary data likely evidence that archaeological materials accumulated in the layer 3 during 70–130 ka (MIS 5).

Keywords: Dagestan, stone industries, paleomagnetic analysis, paleosoil, Pleistocene, sea-level transgression.

Стоянка Дарвагчай-залив-1 была открыта в 2007 г. в ходе разведочных археологических изысканий, проводившихся Кавказским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН, при обследовании береговых обнажений на правом берегу Геджухского водохранилища (Дербентский р-н Республики Дагестан) [Деревянко и др., 2012].

Памятник (координаты: 42° 07' 36.7" с.ш., 48° 01' 51.2" в.д.) расположен на крутом юго-западном склоне останца третьей древнекаспийской террасы. Верхняя часть террасы имеет неровную поверхность, абсолютная высота колеблется в пределах 150–167 м. Высота склона в районе памятника от уреза водохранилища составляет ~40 м. В районе местонахождения на берегах водохранилища к настоящему времени обнаружено несколько пунктов с палеолитическими артефактами. Все они связаны с крутыми береговыми склонами и обнажениями, в которых снизу вверх прослеживаются прибрежно-морские и континентальные осадки [Рыбалко, 2014].

В 2009 г. на памятнике Дарвагчай-залив-1 проводились рекогносцировочные исследования, в ходе которых на склоне террасы была заложена серия шурфов. Анализ полученных разрезов и геологическое описание района позволили выделить три большие пачки разновозрастных отложений. Нижняя часть террасы образована в результате трансгрессий Каспийского моря. Здесь отчетливо фиксируются прибрежно-морские осадки в виде слоистых глин и алевроитов акчагыльского возраста (N_2^{ak}), на которых залегают бакинские слои (Q_1b), представленные детритовыми песками и монолитными пластами ракушняка-известняка. Среднюю часть террасы занимают галечно-гравийные отложения пролювиально-делювиального генезиса. Последний, самый верхний, пласт представлен субэральными покровными отложениями в виде супесей и суглинков. Процесс седиментации здесь завершился после образования современного рельефа местности [Там же].

Стационарные раскопки на памятнике проводились с 2010 по 2015 г. включительно. Наиболее интересный комплекс находок, представленный изделиями среднего палеолита, локализованный в верхней части террасовидного уступа, изучался

в 2011–2014 гг. Общая площадь раскопа составила 87 м². В процессе исследований была вскрыта толща плейстоценовых отложений на глубину до 3,5 м от дневной поверхности [Там же]. Ниже приводится краткое описание разреза (сверху вниз).

Слой 1А. Серо-коричневый лессовидный легкий суглинок с неоднородной, комковатой текстурой. Техногенная толща (пашня). Мощность – 0,3–0,4 м.

Слой 1Б. Светло-коричневый лессовидный суглинок с неоднородной текстурой. По-видимому, изменен в ходе хозяйственной деятельности человека (выравнивание поверхности террасы). Мощность – 0,3–0,4 м.

Слой 2. Лессовидный серо-коричневый суглинок. Плотный, умеренно пористый. Генезис олово-делювиальный. Текстура слоя пятнистая из-за карбонатизированных пятен. Мощность – 0,60–0,85 м.

Слой 3. Буро-коричневый гумусированный тяжелый суглинок (погребенная почва). По всему слою отмечаются многочисленные кротовины разнообразных форм и размеров, заполненные вышележащим серо-коричневым суглинком. Мощность – 0,8–1,5 м.

Слой 4. Плотный желтовато-коричневый тяжелый суглинок. Верхняя часть слоя (первые 20–25 см) имеет светло-бурый оттенок (контактная зона). Генезис делювиально-оловый. Отмечаются многочисленные карбонатные стяжения. Видимая мощность слоя – 0,4 м.

Археологические материалы связаны со слоем 3 (палеопочва). Анализ планиграфии каменных изделий, наряду с данными стратиграфии, показывает, что артефакты залегают *in situ* и претерпели минимальные пространственные перемещения в постседиментационный период [Там же].

До последнего времени обоснование возраста слоя 3 базировалась на совокупности геологических и археологических данных [Деревянко и др., 2012]. В 2014 г. на местонахождении были проведены петромагнитные и палеомагнитные исследования. Для этого в северо-западном углу раскопа был заложен шурф 1,5 × 1,5 м, максимальная глубина вскрытых отложений составила 8 м. Из западной стенки шурфа в интервале 150–790 см

были взяты образцы-кубики с ребром 2 см. Шаг отбора составлял 10 см со сгущением до 5 см в интервале 230–340 см. Всего коллекция насчитывает 76 образцов. Для всех образцов в лаборатории Палеомагнитного центра ИНГГ СО РАН был выполнен следующий комплекс петромагнитных и палеомагнитных исследований.

1. Измерение величины магнитной восприимчивости (K) и ее частотной зависимости ($FD\%$) на двухчастотном измерителе Bartington MS-2.

2. Измерение гистерезисных параметров по индуктивной и остаточной намагниченности на коэрцитивном спектрометре J-meter. Использовались следующие параметры: остаточная намагниченность насыщения (J_{rs}), остаточная коэрцитивная сила B_{cr} , намагниченность насыщения после исключения парамагнитной составляющей (J_s), парамагнитная (K_{par}) и ферромагнитная (K_{fer}) составляющие магнитной восприимчивости, коэрцитивная сила после исключения парамагнитной составляющей (B_c), суперпарамагнитная восприимчивость в поле 8 мТ (K_{sp}), показатель магнитной жесткости ($S = J_{rs}(-300\text{ мТ})/J_{rs}(700\text{ мТ})$), относительный размер магнитного зерна (K_{fer}/J_{rs}).

По всем скалярным характеристикам и параметрам магнитного гистерезиса погребенная почва местонахождения Дарвагчай-залив-1 резко отличается от вмещающих ее лессовидных суглинков. Суглинки характеризуются относительно низкой концентрацией ферромагнитного материала ($K < 50 \cdot 10^{-5}$ СИ), отсутствием мелких суперпарамагнитных (< 0.03 мкм) частиц, повышенной магнитной жесткостью ($0.84 < S < 0.94$) и относительно пониженным содержанием парамагнитных ($K_{par} < 8 \cdot 10^{-8}$ м³/кг) минералов. Погребенная почва, напротив, содержит большое количество парамагнитных ($K_{par} > 8 \cdot 10^{-8}$ м³/кг) и ферромагнитных ($K > 100 \cdot 10^{-5}$ СИ) частиц с низкой магнитной жесткостью ($S = 1$). Значения $FD\%$ от 6,5 до 10,2 % в ископаемой свидетельствуют о том, что магнитная фракция в этих отложениях представлена смесью суперпарамагнитных и более крупных зерен, при этом концентрация СП частиц при значениях $FD\% \sim 10\%$ может составлять 75 % от всей магнитной фракции [Dearing, 1999].

Такое поведение магнитных характеристик типично для большинства лессово-почвенных разрезов Китая и отвечает т.н. китайской или педогенной модели формирования магнитных свойств лессово-почвенных серий. Согласно этой модели, магнитные частицы в лессах имеют преимущественно оловое происхождение и не подвергались вторичным изменениям. Напротив, в ископаемых почвах широко развиты вторичные (био- и гео-

химические) процессы, приводившие к новообразованию суперпарамагнитных частиц магнетита. Следует отметить, что абсолютные значения магнитной восприимчивости в лессовидных суглинках и ископаемой почве весьма близки к таковым для большинства разрезов Китайского лессового плато [Evans, Heller, 2003], что является дополнительным свидетельством в пользу близости формирования их магнитных свойств. Сходство магнитных характеристик лессово-почвенных отложений местонахождения Дарвагчай-залив-1 с таковыми Китайского лессового плато позволяет предполагать и близкие закономерности в формировании ископаемых почв в этих регионах.

Частотная зависимость магнитной восприимчивости является косвенным показателем степени развития ископаемых почв, высокие значения $FD\% \sim 10\%$ соответствуют наиболее развитым почвам [Guo et al., 2000]. Подобные значения характерны для почвы S1 Китайского лессового плато и Бердской почвы Западной Сибири [Матасова, Казанский, Зыкина, 2003], по возрасту отвечающих стадии 5 кислородно-изотопной шкалы (MIS). Для всех остальных ископаемых почв неоплейстоцена этот показатель существенно ниже. Таким образом, на основании поведения петромагнитных параметров ископаемую почву местонахождения Дарвагчай-залив-1 следует считать наиболее развитой, а время ее формирования предполагать соответствующим стадии MIS 5 (возможно подстадии 5e).

Предложенная интерпретация не противоречит и имеющимся геологическим данным. Палеопочвенные серии в неоплейстоценовых лессовых отложениях Юго-Восточного Дагестана, состоящие из двух-трех ископаемых почв, известны вдоль периферии Кусарской равнины и сопредельных возвышенностей [Идрисов, 2014б]. Средняя (вторая) палеопочва синхронна по времени формирования Брянской палеопочве Восточно-Европейской равнины, поскольку имеет радиоуглеродную дату порядка 35 тыс. лет [Он же, 2014а]. Возраст нижней (третьей) погребенной почвы на восточном склоне Келегского плато – более 45 тыс. лет (открытая дата) [Он же, 2014б]. Приведенные возрастные оценки однозначно допускают существование древних ископаемых почв в Юго-Восточном Дагестане, формировавшихся ранее стадии MIS 3, что хорошо соответствует описанным выше результатам.

Таким образом, общая информация, полученная методами естественных наук, позволяет предполагать, что археологический материал, зафиксированный в слое 3, накапливался в хронологическом интервале 70–130 тыс. лет (стадия MIS 5).

Список литературы

Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Аношкин А.А., Рыбалко А.Г. Проблемы палеолита Дагестана. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 292 с.

Идрисов И.А. Особенности географического распространения палеопочв Дагестана // Тр. Ин-та геологии Дагестанского научного центра РАН. – 2014а. – Вып. 63: Почвы аридных территорий и проблемы охраны их биологического разнообразия. – С. 85–88.

Идрисов И.А. Распространение лессовых пород в Юго-Восточном Дагестане // Молодой ученый. – 2014б. – № 12. – С. 391–396.

Матасова Г.Г., Казанский А.Ю., Зыкина В.С. Наложение «алжаскинской» и «китайской» моделей записи палеоклимата в магнитных свойствах отложений верхнего и среднего неоплейстоцена на юге Западной Сибири // Геология и геофизика. – 2003. – Т. 44, № 7. – С. 638–665.

Рыбалко А.Г. Геохронологические исследования стоянки Дарвагчай-залив-1 в Республике Дагестан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 73–76.

Dearing J.A. Environmental magnetic susceptibility using the Bartington MS2 System. – Kenilworth: Chi Publishing, 1999. – 52 p.

Evans M.E., Heller F. Environmental Magnetism. – N.Y.: Academic Press, 2003. – 299 p.

Guo Z., Biscaye P., Wei L., Chen X., Peng S., Liu T. Summer monsoon variations over the last 1.2 Ma over the weathering loess-soil sequences in China // Geophysical research letters. – 2000. – Vol. 27, N 12. – P. 1751–1754.

References

Dearing J.A. Environmental magnetic susceptibility using the Bartington MS2 System. Kenilworth: Chi Publishing, 1999. 52 pp.

Derevjanko A.P., Amirhanov H.A., Zenin V.N., Anojkin A.A., Rybalko A.G. Problemy paleolita Dagestana. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2012. 292 pp. (In Russ.).

Evans M.E., Heller F. Environmental Magnetism. New York: Academic Press, 2003. 299 pp.

Guo Z., Biscaye P., Wei L., Chen X., Peng S., Liu T. Summer monsoon variations over the last 1.2 Ma over the weathering loess-soil sequences in China // Geophysical research letters. 2000. Vol. 27, No. 12. Pp. 1751–1754.

Idrisov I.A. Osobennosti geograficheskogo rasprostraneniya paleopochv Dagestana // Trudy Instituta geologii Dagestanskogo nauchnogo centra RAN. 2014a. Iss. 63: Pochvy aridnykh territorij i problemy ohrany ih biologicheskogo raznoobrazija. Pp. 85–88. (In Russ.).

Idrisov I.A. Rasprostranenie ljossovyyh porod v Jugo-Vostochnom Dagestane // Molodoj uchenyj. 2014b. No. 12. Pp. 391–396. (In Russ.).

Matasova G.G., Kazanskij A.Ju., Zykina V.S. Nalozhenie “aljaskinskoj” i “kitajskoj” modelej zapisi paleoklimata v magnitnyh svojstvah otlozhenij verhnego i srednego neoplejstocena na juge Zapadnoj Sibiri // Geologija i geofizika. 2003. Vol. 44, No. 7. Pp. 638–665. (In Russ.).

Rybalko A.G. Geohronologicheskie issledovanija stojanki Darvagchaj-zaliv-1 v Respublike Dagestan // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. 20. Pp. 73–76. (In Russ.).

**А.В. Кандыба¹, С.Е. Григорьев², А.Н. Тихонов³, П.А. Никольский⁴,
Т.Ф. Обаде⁵, М.Ю. Чепрасов², В.С. Макаров², Г.П. Новгородов²**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Северо-Восточный федеральный университет

³Зоологический институт РАН

⁴Геологический институт РАН

⁵Институт зоологии АН Молдовы

E-mail: arhkandyba@gmail.com

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ОСТРОВЕ БОЛЬШОЙ ЛЯХОВСКИЙ (РОССИЙСКАЯ ВОСТОЧНАЯ АРКТИКА)

Изучение процесса формирования человека современного типа на территории Евразийской ойкумены всегда оставалось актуальной задачей. В рамках данной проблемы изучение эпохи позднего неоплейстоцена – раннего голоцена транзитных областей, таких как Западная Берингия, является приоритетным направлением современного палеолитоведения. Но, несмотря на интенсивные исследования, продолжающиеся последние сто лет, изученные стратифицированные памятники данного геологического рубежа сосредоточены в основном в материковой части Северо-Восточной Азии. До недавнего времени островная часть данного региона оставалась наименее изученной. Стоянки Жохово на о-ве Жохова и Чертов Овраг на о-ве Врангеля являлись единственными свидетельствами пребывания древнего человека на островах российской Арктики. Изучение Ляховских островов до недавнего времени носило лишь естественно-научный характер. Поэтому обнаружение новых местонахождений Зимовье-1, -2, расположенных в бассейне р. Зимовье на южном побережье о-ва Большой Ляховский, говорит в пользу вероятного позднеплейстоценового освоения данной территории. Собранный коллекция фаунистических остатков из данного района характерна для позднего неоплейстоцена Северо-Восточной Азии. Объекты поздненеоплейстоценового каменного века соотносятся с этапами первоначального расселения палеопопуляций, исследования которых позволяют приблизиться к решению проблемы появления и развития человека современного физического типа. Это дает возможность не только реконструировать культурно-исторический процесс на данной территории в неоплейстоцене, но и решить проблемы, касающиеся содержания и корректировки границ культурно-хронологических эпох палеолита на Новосибирских островах и в Западной Берингии в целом.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, поздний неоплейстоцен, остров Большой Ляховский, р. Зимовье.

**A.V. Kandyba¹, S.E. Grigoriev², A.N. Tikhonov³, P.A. Nikolskiy⁴,
T.F. Obade⁵, M.Yu. Cheprasov², V.S. Makarov², G.P. Novgorodov²**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²North Eastern Federal University

³Institute of Zoology RAS

⁴Institute of Geology RAS

⁵Institute of Zoology AS of Moldova

E-mail: arhkandyba@gmail.com

FIELD RESEARCH ON THE BOLSHOY LYAKHOVSKIY ISLAND (EASTERN RUSSIAN ARCTIC REGION)

The study how the modern human formed at the Eurasian oecumene is always actual for Stone Age History. As a part of this problem the investigation of Late Pleistocene – Early Holocene epoch at the transitional territories such as Western Beringia is the priority direction in modern Paleolithic science. This region was being studied intensively during the last century, but the found stratified sites of this geological boundary are mainly located in inland of the North Eastern Asia. Until quite recently, the islands were poorly explored in this region. Zhokhovo site on the homonymous

island and Chertov Ovrage on the Wrangel Island were the single evidences that ancient human inhabited the islands of Russian Arctic Region. Until recently, Lyakhovskiy Islands explored with natural-science methods only. The new occurrences Zimovie-1 and -2 were found out in the Zimovie river basin on the Southern coast of Bolshoy Lyakhovskiy Island. It can be the evidence of Late Pleistocene human colonization in this territory. Collected faunal remains are common with Late Neo-Pleistocene of North Eastern Asia. The target Late Neo-Pleistocene Paleolithic objects are relevant to primal settlement of the paleopopulations. Their investigations will contribute to solution of the problem when modern human appeared and how he developed. It lets to reconstruct the cultural historical process at this territory in Neo-Pleistocene, determine the content of chronocultural Paleolithic epochs and correct their boundaries on the Novosibirsk Islands and Western Beringia.

Keywords: North Eastern Asia, Late Neo-Pleistocene, Bolshoy Lyakhovskiy Island, Zimovie River.

Первоначальное заселение древним человеком Арктического Севера в период позднего неоплейстоцена считалось маловероятным в силу суровости климата, труднодоступности пищевых ресурсов и их ограниченности. И если на материке обнаружение Янской стоянки позволило отодвинуть границу заселения до 29 тыс. л.н., в пределы каргинского интерстадиала [Pitulko et al., 2004], то территория островов Северного Ледовитого океана, как долгое время считалось, была освоена только в голоценовое время. Обнаружение и изучение стоянки Жохово на о-ве Жохова [Питулько, 1998] и стоянки Чертов Овраг на о-ве Врангеля [Герасимов, Гирия, Тихонов, 2003] лишь подтверждало появление древнего человека в островной зоне Западной Берингии позднее 10 тыс. л.н. В то же время остается возможным обнаружение более ранних свидетельств присутствия древних популяций на Новосибирских островах, тем более что до голоценового потепления они являлись частью материковой суши [Гаврилов, Романовский, Хуббертен, 2006]. Это и было одной из целей экспедиции «Северная Ойкумена», организованной Русским географическим обществом на о-в Большой Ляховский в августе–сентябре 2015 г.

Остров Большой Ляховский находится на восточной границе моря Лаптевых между $E 139^{\circ} 90'' - 143^{\circ} 30'$ и $N 73^{\circ} 10' - 75^{\circ} 55'$. В данный период был изучен район р. Зимовье. Детальному изучению подверглись первые террасы бассейна, поскольку они являются образованиями верхнего ледового комплекса позднего неоплейстоцена [Kuznetsova, Kuzmina, 2000]. Данное определение геологического возраста конкретного района согласуется с последними данными, полученными по результатам изучения термоцирков южного побережья о-ва Большой Ляховский [Wetterich et al., 2014].

Район р. Зимовье представляет собой местность с преобладанием злако-ивкомоховых и полигональных мохово-разнотравных тундр на суглинках увалистой равнины в сочетании

с термокарстовыми комплексами на невысоких водоразделах. В местах таяния ископаемого льда грунт оседает, тундровая дернина обваливается или сползает и образуются бугры-байджарахи, в развалах которых на глубину сезонной протайки (от 0,3 до 0,7 м) можно обнаружить фаунистические остатки и археологические свидетельства присутствия древнего человека. Байджарахами являются небольшие конусообразные возвышения, образующиеся на месте грунтовых столбов в результате деградации полигонально-жильных льдов. В силу продолжающейся активной термоденудации происходит разрушение рельефа острова, особенно в приморской его части. Чуть менее активно термоденудационные процессы действуют по долинам рек и ручьев, на относительно ровных тундровых площадях вдали от водотоков развиваются термокарстовые процессы. Все это в той или иной степени способствует обнаружению палеонтологических остатков так называемой мамонтовой фауны.

В результате подъемных сборов в окрестностях и по берегам долины р. Зимовье получены образцы следующих видов млекопитающих: *Mammuthus primigenius* (Мамонт шерстистый), поздняя форма; *Coelodonta antiquitatis* (Носорог шерстистый); *Equus caballus* (Лошадь); *Bison priscus* (Бизон степной); *Bison* sp. (Бизон, точнее неопр.); *Rangifer tarandus* (Северный олень); *Ovibos moschatus* (Овцебык); *Alces* sp. (Лось, точнее неопр.); *Canis lupus* (Волк); *Alopex lagopus* (Песец); *Lepus tanaiticus* (Донской заяц); *Carnivora* gen. (Хищное, точнее неопр.); *Dicrostonyx torquatus* (Копытный лемминг); *Dicrostonyx henseli-torquatus* (Копытный лемминг); *Dicrostonyx henseli* (Копытный лемминг); *Lemmus sibiricus* (Обский (Сибирский) лемминг); *Leporidae* gen. (Зайцеобразное, точнее неопр.). Данный видовой состав характерен для обитателей позднего неоплейстоцена Сибирской Арктики.

Наряду с палеонтологическими изысканиями проводились археологические разведки района р. Зимовье. В первую очередь внимание уделялось высоким берегам террас с активной развивающейся

ся системой байджарахов, поскольку глубина сезонного таяния грунта данных природно-рельефных образований наиболее высока (до 0,5–0,7 м), кроме того, они подвержены последующему высыханию и разделению на столбчатые отдельные высоты до 2,0–2,5 м, что также облегчает возможное обнаружение археологических объектов. Поймы реки и ее притоков осматривались лишь на предмет обнаружения подъемного материала. Таким образом, была исследована территория площадью 40 км².

Местонахождение Зимовье-1 (N 73° 20' 17,89", E 141° 24' 30,89") расположено на правом берегу безымянного притока р. Зимовье, на высоте 5 м над уровнем ручья и представляет собой развал байджараха, ослабленного сезонной солифлюкцией. Обнаружено скопление костей мамонта (предположительно одной особи), включающих в себя позвонки шейного, грудного, поясничного и хвостового отделов, плюсневые и пястные кости, лопатку. Отмечается отсутствие трубчатых костей. Имеется плечевая кость лошади без эпифизов. В данном местонахождении был обнаружен острогал длиной 35 см, изготовленный из ребра мамонта и синхронный по сохранности всему костяку. Также на месте обнаружено ребро мамонта со следами погрызов хищников.

Местонахождение Зимовье-2 (N 73° 21' 30,00", E 141° 21' 43,15") находится также на правом берегу безымянного притока р. Зимовье, на высоте 11 м над уровнем ручья, в 2,65 км от первого местонахождения. Скопление костей приурочено к развалам трех байджарахов и расположено на площади 50 м². Обнаружены позвонок хвостового отдела, один зуб, щепа бивня и несколько ребер мамонта. Одно из ребер несет следы искусственной диагональной фрагментации.

Данные местонахождения приурочены к высоким террасам, предположительно, каргинского интерстадиала и все они относятся к только начавшим образовываться байджарахам, что исключает вероятность их возможного переотложения. Полученные свидетельства говорят в пользу того, что данная территория могла посещаться древними популяциями в досартанское время. Косвенные подтверждения этому – обнаруженные скопления мамонтовой фауны без явных следов (порезов), нанесенных человеком, являющиеся результатом, вероятно, искусственной сепарации. Так, например, на развале одного байджараха высотой до 0,5 м на площади 4 м² было обнаружено девять нижних челюстей и несколько обломков черепов мамонтов.

До настоящего времени на Ляховских островах не проводилось ни одного специализированного

археологического изыскания. Результаты исследования сравнительно небольшого участка района р. Зимовье продемонстрировали перспективность подобных работ, но в то же время их высокую трудоемкость. Сложность полевых раскопочных работ в условиях Сибирской Арктики, в том числе и на Новосибирских островах, уже отмечалась в литературе [Питулько, 2007; 2008], и результаты проведенных в этом году изысканий лишь подтверждают правоту авторов данных работ. Следует также отметить, что активные термоденудационные процессы, происходящие на Новосибирских островах, хоть и относительно облегчают поисковую работу, в то же время фактически уничтожают свидетельства пребывания древнего человека в арктическом пространстве.

Благодарности. Авторы признательны И. Слепцову и другим жителям Усть-Янского улуса за неоценимую помощь и содействие в организации полевых исследований.

Список литературы

Гаврилов А.В., Романовский Н.Н., Хуббертен Х.-В. Палеогеографический сценарий послеледниковой трансгрессии на шельфе моря Лаптевых // Криосфера Земли. – 2006. – Т. X, № 1. – С. 39–50.

Герасимов Д.В., Гиря Е.Ю., Тихонов А.Н. Поселение Чертов Овраг на острове Врангеля: вопросы культурной атрибуции и перспективы исследования // Естественная история Российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. – М.: Геос, 2003. – С. 85–88.

Питулько В.В. Жоховская стоянка. – СПб.: Дм. Буланин, 1998. – 185 с.

Питулько В.В. Основы методики раскопок памятников каменного века в условиях многолетнемерзлых отложений // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 3 (31). – С. 29–38.

Питулько В.В. Основные сценарии раскопочных работ в условиях многолетнемерзлых отложений (по опыту работ на Жоховской и Янской стоянках, Северная Якутия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 2 (34). – С. 26–33.

Kuznetsova T., Kuzmina S. Paleontological research at the southern coast of Bolshoy Lyakhovsky Island // Berichte zur Polarforschung. – 2000. – N 354: Russian-German Cooperation 2000: The Expedition LENA 1999. – P. 151–161.

Pitulko V.V., Nikolsky P.A., Giryа E.Y., Basilyan A.E., Tumskoy V.E., Koulakov S.A., Astakhov S.N., Pavlova E.Y., Anisimov M.A. The Yana RHS site: humans in the Arctic before the Last Glaciation // Science. – 2004. – Vol. 303. – P. 52–56.

Wetterich S., Tumskoy V., Rudaya N., Andreev A., Opel T., Meyer H., Schirrmeister L., Hüls M. Ice Complex formation in arctic East Siberia during the MIS3 Interstadial // Quaternary Sci. Rev. – 2014. – Vol. 84. – P. 39–55.

References

- Gavrilov A.V., Romanovskij N.N., Hubberten H.-V.** Paleogeograficheskiy scenariy poslednikovoy transgressii na shel'fe morja Laptevyyh // Kriosfera Zemli. 2006. Vol. 10, No. 1. Pp. 39–50. (In Russ.).
- Gerasimov D.V., Girja E.Ju., Tihonov A.N.** Poselenie Chertov Ovrage na ostrove Vrangelya: voprosy kul'turnoy atribucii i perspektivy issledovaniya // Estestvennaya istoriya Rossijskoj Vostochnoj Arktiki v plejstocene i golocene. M.: Geos, 2003. Pp. 85–88. (In Russ.).
- Kuznetsova T., Kuzmina S.** Paleontological research at the southern coast of Bolshoy Lyakhovsky Island // Berichte zur Polarforschung. 2000. No. 354: Russian-German Cooperation 2000: The Expedition LENA 1999. Pp. 151–161.
- Pitul'ko V.V.** Zhohovskaja stojanka. St. Peterburg: Dm. Bulanin, 1998. 185 pp. (In Russ.).
- Pitul'ko V.V.** Osnovy metodiki raskopok pamjatnikov kamennogo veka v uslovijah mnogoletnemerzlykh otlozhenij // Arheologija, etnografija i antropologija Evrazii. 2007. No. 3 (31). Pp. 29–38. (In Russ.).
- Pitul'ko V.V.** Osnovnye scenarii raskopochnykh rabot v uslovijah mnogoletnemerzlykh otlozhenij (po opytu rabot na Zhohovskoj i Janskoj stojankah, Severnaja Jakutija) // Arheologija, etnografija i antropologija Evrazii. 2008. No. 2 (34). Pp. 26–33. (In Russ.).
- Pitulko V.V., Nikolsky P.A., Girya E.Y., Basilyan A.E., Tumskoy V.E., Koulakov S.A., Astakhov S.N., Pavlova E.Y., Anisimov M.A.** The Yana RHS site: humans in the Arctic before the Last Glaciation // Science. 2004. Vol. 303. Pp. 52–56.
- Wetterich S., Tumskoy V., Rudaya N., Andreev A., Opel T., Meyer H., Schirrmeister L., Hüls M.** Ice Complex formation in arctic East Siberia during the MIS3 Interstadial // Quaternary Sci. Rev. 2014. Vol. 84. Pp. 39–55.

А.В. Кандыба, А.Г. РыбалкоИнститут археологии и этнографии СО РАН
E-mail: arhkandyba@gmail.com

НОВЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ДАРВАГЧАЙ-КАРЬЕР-2 (РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН)

Статья посвящена результатам исследований подъемных среднепалеолитических комплексов нового памятника Дарвагчай-карьер-2. Комплексы данного памятника относятся к финальному этапу среднего палеолита и дополняют фактический материал по указанному культурно-хронологическому диапазону на территории Северо-Восточного Кавказа. Каменный инвентарь характеризуется леваллуазской техникой расщепления и типичным среднепалеолитическим орудийным набором. Преобладают изделия средних размеров, артефакты изготовлены из однообразного сырья и в единой технической традиции, имеют одинаковую степень сохранности поверхности. Данные технико-типологические характеристики позволяют соотносить этот материал со стратифицированными комплексами финального среднего палеолита Дарвагчай-залив-1. Несмотря на значительное количество известных среднепалеолитических памятников на Кавказе и большое технико-типологическое разнообразие внутри их групп, прямых аналогий между ними и среднепалеолитическими материалами долины Геджухского водохранилища в настоящее время проследить не представляется возможным. Это может быть связано как с неполной представленностью дагестанских индустрий, состоящих из немногочисленных материалов, так и с имевшимся в то время культурным разнообразием, которое не исключает возможности существования на данной территории оригинальной среднепалеолитической культуры. Техничко-типологические особенности каменной индустрии с ярко выраженными леваллуазскими чертами позволяют говорить о специфическом облике палеолита приморского Дагестана. Исследования средней поры среднего палеолита помогают приблизиться к решению проблемы появления и развития человека современного физического типа. Это дает возможность не только реконструировать культурно-исторический процесс на данной территории в неоплейстоцене, но и решить проблемы, касающиеся содержания и корректировки границ культурно-хронологических эпох палеолита Кавказа и Арало-Каспийского бассейна в целом.

Ключевые слова: Северо-Восточный Кавказ, средний палеолит, леваллуазское расщепление, неоплейстоцен.

A.V. Kandyba, A.G. RybalkoInstitute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: arhkandyba@gmail.com

A NEW MIDDLE PALEOLITHIC OBJECT DARVAGCHAI-KARIER-2 (THE REPUBLIC OF DAGESTAN)

We present here the research results of Middle Paleolithic surface complexes from the new Darvagchai-karier-2 site. These materials are related to Final Middle Paleolithic and supplement the factual material of this cultural and chronological range at the territory of North Eastern Caucasus. The Lavallois knapping technique and typical Middle Paleolithic tool assemblage characterize the lithic material. Medium size artifacts predominate; they were made of homogenous raw material, have the similar rate of surface preservation and were knapped in a single technical tradition. These techno-typological characteristics permit to compare this material to make it possible to know stratified complexes of the Final Middle Paleolithic Darvagchay-Bay-1 site. According to the available data, we can not find the direct analogies between Middle Paleolithic material from the Gedzhukhske reservoir and well-known Middle Paleolithic sites in the Caucasus, in spite of their significant number and technical and typological diversity within their groups. It can be associated with a partial representation of the Dagestan industries and with the cultural diversity at that time, which does not exclude the existence of the specific Middle Paleolithic culture in this territory. We suppose the specific Paleolithic character of Seaside Dagestan, according to technical and typological features of stone industry with strongly marked Levallois traits. This study, associated with middle stage of the Middle Paleolithic, permit to come closer to problem solution how the modern human appeared and developed. It will give an opportunity to reconstruct the cultural historical process in this territory during the Neo-Pleistocene, and correct the boundaries between cultural and historical Paleolithic stages in the Caucasus and the Aral-Caspian basin.

Keywords: North Eastern Caucasus, Middle Paleolithic, Lavallois technology, Neo-Pleistocene.

Археологический памятник Дарвагчай-карьер-2 расположен на правом берегу р. Дарвагчай, в 0,5 км на восток от плотины Геджухского водохранилища, в 50 м к юго-востоку от уже известного местонахождения Дарвагчай-карьер [Рыбалко, 2014]. Каменные артефакты залежали на верхней части террасы, которая имеет неровную распаханную поверхность. Место расположения стоянки соответствует переходу от предгорий (абсолютная высота 120–270 м) к равнинной части территории Западного Прикаспия, естественная граница между которыми проходит по третьей древнекаспийской террасе, имеющей бакинский возраст [Голубятников, 1937].

Археологический материал был сконцентрирован на небольшой площадке размером ок. 500 м². В состав коллекции не были включены обломки и осколки, а также желваки и гальки с сомнительными сколами. В целом материалы данной коллекции составляют примерно 90 % от всех экспонированных на поверхности предметов. В качестве сырья для изготовления артефактов использовался кремень, а также окремненные песчаники и известняки в виде окатанных желваков, галек и их обломков [Рыбалко, Кандыба, 2014; Кандыба, Рыбалко, 2015].

Коллекция состоит из 171 артефакта: нуклевидных изделий, сколов и одного ретушера.

Набор нуклевидных изделий насчитывает 62 экз., из них три нуклевидных обломка и одна колотая галька.

Наиболее ярко представлена группа леваллуазских ядрищ в количестве 17 экз. Первый предмет крупных размеров округлой формы с тщательно оформленной мелкими сколами выпуклой ударной площадкой демонстрирует начальную стадию расщепления. Еще один предмет также относится к начальной стадии скалывания, но в данном случае расщепление было прекращено после оформления фронта скалывания. Нуклеус овальной формы демонстрирует начальную стадию расщепления, заключающуюся в бифасиальном оформлении предполагаемых латералей путем снятия коротких средних и мелких сколов на 1/2 периметра предполагаемых плоского фронта скалывания и выпуклого контрфронта (рис. 1, 1). Тринадцать нуклеусов округлой формы демонстрируют финальную стадию расщепления (рис. 1, 4, 5). К этой группе

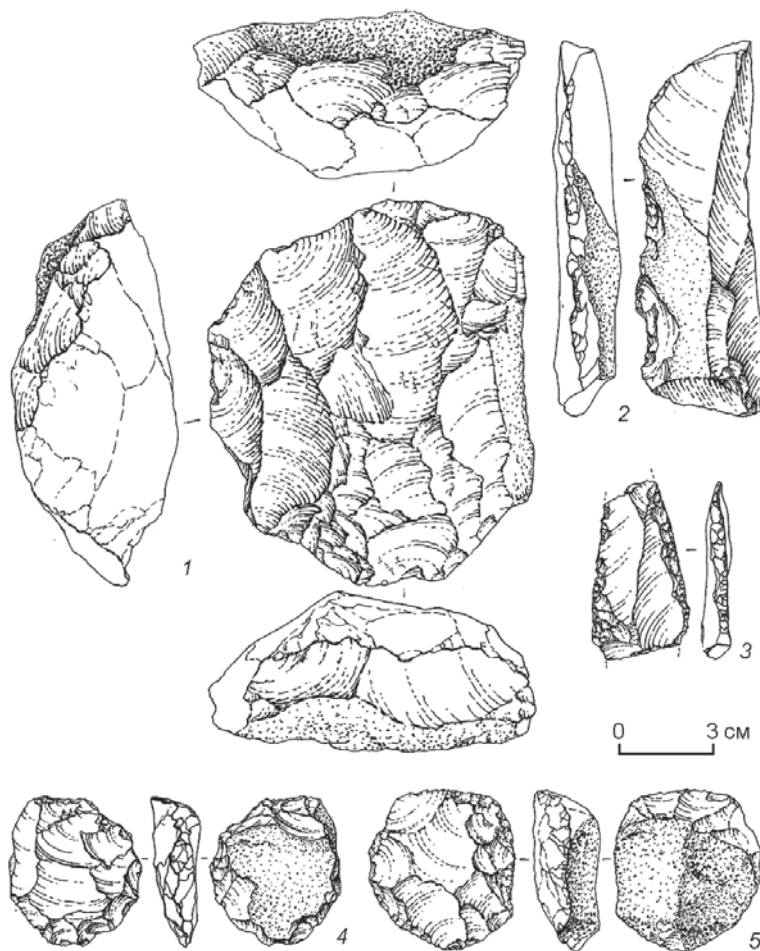

Рис. 1. Каменный инвентарь памятника Дарвагчай-карьер-2.

примыкает еще один нуклеус, сходный по оформлению, но непреднамеренно фрагментированный путем удаления большей части площади фронта скалывания.

Группа нуклеусов параллельного принципа расщепления насчитывает 21 предмет. Два массивных крупных нуклеуса подтреугольной формы с естественными слегка скошенными ударными площадками демонстрируют начальную стадию расщепления. Отличительной чертой четырех крупных, подтреугольной формы, нуклеусов с гладкими прямыми ударными площадками является одна из латералей, оформленная в виде ребра. Два крупных предмета подпрямоугольной формы со скошенными ударными площадками представляют вариант поперечной ориентации параллельного скалывания (рис. 2, 2). Три предмета подтреугольной формы имеют слегка скошенные ударные площадки, образованные несколькими снятиями. Еще один нуклеус параллельного принципа расщепления представляет собой предмет неправильной четырехугольной формы, расщеп-

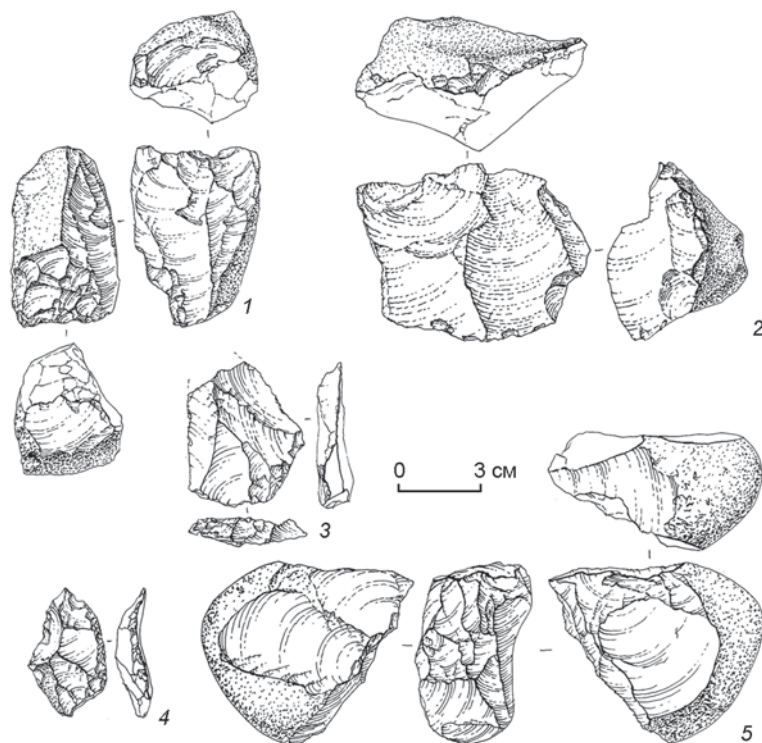

Рис. 2. Каменный инвентарь памятника Дарвагчай-карьер-2.

ление которого велось без предварительной подготовки. Шесть истощенных нуклеусов иллюстрируют параллельное расщепление.

Группа из четырех ядрищ простого принципа расщепления демонстрирует одноплощадочный бифронтальный вариант скалывания. После прекращения производства снятий с основного рабочего фронта дальнейшая утилизация нуклеуса с той же ударной площадки переносилась на одну из латералей. Еще на двух нуклеусах, которые можно назвать двухплощадочными бифронтальными, перенос фронта скалывания на торец сопровождался организацией новой ударной площадки на противоположном крае (рис. 2, 1).

Интересен вариант двухплощадочного бифронтального нуклеуса с перекрестным расположением фронтов скалывания (рис. 2, 5). Первоначально многочисленными мелкими сколами была оформлена слегка скошенная ударная площадка, с которой были проведены несколько снятий. После этого на одной из латералей была организована одним сколом скошенная ударная площадка. Расщепление продолжилось на плоскости, противоположной предыдущему фронту скалывания.

Группа из трех односторонних ядрищ радиального принципа расщепления неправильной округлой формы представляет финальную стадию расщепления. Особняком стоит группа радиальных ядрищ овальной формы из четырех предметов. Дан-

ные изделия, вероятно, являются заготовками леваллуазских нуклеусов.

Четыре предмета средних размеров представляют собой нуклеусы бессистемного скалывания.

В коллекции присутствует обломок нуклеуса, вероятно леваллуазского, и два отбойника, представленных гальками средних размеров со следами забитостей на поперечных краях.

Индустрия сколов насчитывает 108 экз. Первичных сколов в коллекции восемь, из них шесть – укороченные средних размеров с гладкой и естественной остаточными площадками в равных пропорциях. Один скол средних размеров обладает удлиненными пропорциями, гладкой остаточной ударной площадкой с обратной редукцией. Последний предмет – крупных размеров, обладает удлиненными пропорциями, гладкой остаточной ударной площадкой. Отщепов в индустрии – 88. Крупных предметов – 9, из них коротких – 3, удлиненных – 4, укороченных – 2. Огранка дорсала

в основном параллельная однонаправленная. Определимые остаточные ударные площадки представлены фасетированной, гладкими (4) и естественными (2). Отщепов средних размеров – 54 экз., из них удлиненных – 13, с гладкими остаточными ударными площадками и в основном с параллельной однонаправленной огранкой дорсала. Коротких предметов – 38, у них огранка дорсальной поверхности в подавляющем большинстве параллельная однонаправленная (28); конвергентная и радиальная огранки представлены в равных количествах – по пять предметов. Среди типов определимых остаточных ударных площадок преобладают гладкие (21), велика доля фасетированных (9). Средних отщепов укороченных пропорций – три предмета с параллельной однонаправленной огранкой дорсала. Определимые остаточные ударные площадки представлены гладким и естественным типами в единственном числе. Мелких отщепов – 25 экз., практически все они – коротких пропорций, с параллельной однонаправленной огранкой дорсала и гладкой остаточной ударной площадкой.

В коллекции также присутствуют пластины в количестве 7 экз. Три пластины крупных размеров обладают гладкой остаточной ударной площадкой и параллельной однонаправленной огранкой дорсала. Остальные пластины – средних размеров, также с гладкой остаточной ударной

площадкой, но огранка дорсала во всех случаях параллельная бинаправленная.

Технические сколы насчитывают 5 экз., из них 3 – продольно-краевые, и единичными экземплярами представлены удаленная дуга скалывания и удаленный продольный фронт скалывания нуклеуса.

Орудийный набор состоит из 7 предметов, из них леваллуазских сколов – 2 экз. (рис. 2, 3). Нож-скребло оформлен на крупной пластине (см. рис. 1, 2). Следующее орудие представлено медиальной частью пластины, предположительно является мустьерским остроконечником (см. рис. 1, 3). Выемчатое орудие оформлено на укороченном отщепе средних пропорций. Отщеп с эпизодической ретушью создан на короткой мелкой фрагментированной заготовке. Последнее орудие отнесено к типу комбинированных, оно сочетает элементы скребка и проколки, создано на среднем удлиненном отщепе (рис. 2, 4).

Коллекция предметов, собранная на верхней, распаханной, части древнекаспийской террасы, позволяет сделать ряд следующих предварительных заключений [Кандыба, Рыбалко, 2015; Рыбалко, 2014]. Преобладают изделия средних размеров, артефакты выполнены из однообразного сырья, имеют одинаковую степень сохранности поверхности и изготовлены в единой технической традиции. Обращает на себя внимание значительное количество нуклеусов. Индустрия комплекса Дарвагчай-карьер-2 демонстрирует явное преобладание леваллуазской техники расщепления, что подтверждается наличием большого числа леваллуазских нуклеусов и леваллуазских отщепов, а также достаточно весомым количеством фасетированных площадок в индустрии сколов. Нуклеусы параллельного принципа расщепления, составляющие значительную группу, в большинстве своем также направлены на производство отщепов. В пользу среднепалеолитического облика индустрии говорит также присутствие в орудийном наборе ножа-скребла и медиального фрагмента мустьерского удлиненного остроконечника. Облик данной индустрии в целом позволяет предварительно рассматривать ее в рамках финальной стадии среднего палеолита [Кандыба, Рыбалко, 2015].

В качестве ближайшего аналога данной каменной индустрии можно рассматривать культурно-хронологический комплекс 1 памятника Дарвагчай-залив-1 [Рыбалко, Кандыба, 2014]. Помимо сходных геолого-геоморфологических условий и близкого расстояния между памятниками, обнаруживается полное сходство в каменном инвентаре. В группе нуклевидных изделий доминируют леваллуазские и простые параллельные нуклеусы.

Первичное расщепление в первую очередь ориентировано на производство отщепов. Пластинчатые заготовки единичны. В орудийном наборе присутствуют леваллуазские сколы, скребла и остроконечники. Также отмечается полное отсутствие верхнепалеолитических форм.

В процессе дальнейших исследований вполне вероятной представляется возможность обнаружения артефактов в стратифицированном состоянии [Рыбалко, 2014], что позволит в полном объеме составить культурно-хронологическую характеристику каменной индустрии стоянки Дарвагчай-карьер-2 для более точного определения ее места в среднепалеолитической летописи на территории Северо-Восточного Кавказа.

Список литературы

Голубятников В.Д. Морские и речные террасы Дагестана // Тр. Сов. секции Междунар. ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. – М., 1937. – Вып. III. – С. 30–52.

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Новые данные о среднем палеолите Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-карьер-2) // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: История, политология. – 2015. – № 4/1 (88). – С. 138–143.

Рыбалко А.Г. Геохронологические исследования стоянки Дарвагчай-залив-1 в Республике Дагестан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 73–75.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Полевые исследования памятника Дарвагчай-залив-1 в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 76–79.

References

Golubjatnikov V.D. Morskie i rechnye terrasy Dagestana // Trudy Sov. sekcii Mezhdunar. asociacii po izucheniju chetvertichnogo perioda Evropy. Moscow, 1937. Iss. III. Pp. 30–52. (In Russ.).

Kandyba A.V., Rybalko A.G. Novye dannye o srednem paleolite Dagestana (po materialam pamjatnika Darvagchaj-kar'er-2) // Izvestija Alt. gos. un-ta. Ser.: Istorija, politologija. 2015. No. 4/1 (88). Pp. 138–143. (In Russ.).

Rybalko A.G. Geohronologicheskie issledovanija stojanki Darvagchaj-zaliv-1 v Respublike Dagestan // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. 20. Pp. 73–75. (In Russ.).

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Polevyje issledovanija pamjatnika Darvagchaj-zaliv-1 v 2014 godu // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. 20. Pp. 76–79. (In Russ.).

А.В. Кандыба¹, С.Е. Федоров², А.И. Дмитриев², К.И. Протодияконов²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Северо-Восточный федеральный университет

E-mail: arhkandyba@gmail.com

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ СЫАЛАХ – НОВЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ ПОЗДНЕГО НЕОПЛЕЙСТОЦЕНА СИБИРСКОЙ АРКТИКИ

На территории Северо-Восточной Азии были получены археологические и геохронологические данные, свидетельствующие о появлении и существовании древнего человека в течение последних 29 тыс. лет. Однако эти данные очень фрагментарны в силу географической локализации и климатических особенностей арктической криолитозоны. Обнаружение нового местонахождения Сылах позволяет не только определить границы распространения и обитания древних популяций, но и подойти к проблемам адаптационных стратегий первобытного человека, связанных с охотой, разделкой туш и, возможно, domestикацией животных. Последнее подкрепляется обнаружением двух мумифицированных щенков древнего хищника, возможно собаки. Предварительное определение полученных материалов и соотнесение их с геоморфологической картиной местонахождения позволяют сделать заключение о одновременности всего изучаемого комплекса. Ориентировочный возраст данного местонахождения – 12,5 тыс. лет, что соотносится с финалом сартанского криохрона и началом голоценового оптимума. Относительная изолированность данного региона позволяет предположить, что здесь без каких-либо существенных влияний извне эволюционировал и сам человек, и его каменные и костяные индустрии. Заселение Яно-Индигирской низменности древним человеком, как и на всем Арктическом Севере, корректировалось климатом. Изменения, повлекшие за собой значимую культурную трансформацию, происходили уже в рамках сложившихся общностей людей современного типа и местных технологических традиций, возможно янской культуры. Это позволяет не только реконструировать культурно-исторический процесс на данной территории в неоплейстоцене, но и решить проблемы, касающиеся содержания и корректировки границ культурно-хронологических эпох палеолита и неолита Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, поздний неоплейстоцен, мамонт, местонахождение Сылах.

A.V. Kandyba¹, S.E. Fedorov², A.I. Dmitriev², K.I. Protodiakonov²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²North Eastern Federal University

E-mail: arhkandyba@gmail.com

A NEW LATE NEO-PLEISTOCENE ARCHAEOLOGICAL OBJECT SYALAKH SITE IN THE RUSSIAN ARCTIC REGION

Geochronological and archaeological evidences for the emergence and existence of ancient man in the last 29 kya were obtained at the territory of North Eastern Asia. These data is fragmentary by courtesy of geographical localization and specific climate in Arctic cryolithic zone. The found occurrence Syalakh will permit to determine the area of distribution and habitat of ancient populations, and outline the problem of adaptation strategies of ancient human such as hunting, butchering and the probable domestication of animals. It is supported by the find of two mummified whelp of ancient predator, the dog probably. Preliminary determination of the obtained materials and their correlation with the geomorphological position of the occurrence allow concluding that studied complex is simultaneous.

Approximate age of this site is 12,5 ka, that is relevant to Final Sartan cryochron the Early Holocene optimum. The relative isolation of the region suggests that human evaluated here together with his stone and bone industries without significant outside influence. The climate corrected the human occupation of the Yana-Indigirka lowlands as well as the

entire Arctic North. The changes, led the significant cultural transformation, have happened in conditions of developed modern human societies and local technological traditions, perhaps, Yana culture.

It permits to reconstruct the cultural-historical process at this territory in the Neo-Pleistocene, and solve the problems associated with the content and adjustment of the boundaries between chronocultural periods of the Paleolithic and Neolithic in North Eastern Asia.

Keywords: North Eastern Asia, Late Neo-Pleistocene, mammoth, Syalakh occurrence.

Первоначальное проникновение человека на территорию Западной Берингии и ее освоение – одна из наименее изученных проблем современного палеолитоведения, обусловленная как спецификой природно-климатических условий, так и фрагментарной изученностью территории, также предопределенной географическими особенностями Северо-Восточной Азии. Одним из наименее изученных регионов является Яно-Индибирская низменность, до недавнего времени считавшаяся очень слабо освоенной в позднем неоплейстоцене. Самым ранним проявлением человеческой активности считалась стоянка Берелех с возрастом 13 тыс. лет [Верещагин, Мочанов, 1972]. С открытием Янской стоянки хронологический рубеж проникновения древнего человека был отодвинут до периода каргинского интерстадиала – 28–29 тыс. л.н. [Pitulko et al., 2004; Питулько, Павлова, 2010]. Одновременно встает вопрос об интенсивности освоения древним человеком данного региона. Открытие новых археологических местонахождений Озеро Никита и Урез-22 в бассейне р. Максунуха позволяет расширить ареал древних популяций выше 71° с.ш. на рубеже позднего неоплейстоцена – голоцена [Павлова, Питулько, 2015]. Специфические условия Сибирской Арктики осложняют обнаружение новых местонахождений, и поэтому каждый новый открытый объект имеет большое значение.

Яно-Индибирская низменность расположена на северо-востоке Сибири. Простирается на 600 км вдоль побережья морей Лаптевых и Восточно-Сибирского, от губы Буор-Хаяна на западе и до р. Индибирки на востоке, имея ширину до 300 км. Сложена морскими, речными и озерными отложениями с большим содержанием ископаемого льда. Представляет собой плоскую заболоченную равнину с абсолютными отметками 30–80 м, над которой возвышаются отдельные кряжи, сложенные коренными породами, высотой до 558 м. Многочисленны термокарстовые западины (аласы) с озерами, бугры пучения, полигональные грунты; по берегам рек, морей и озер – бугры-байджарахи. Вдоль побережья – мохово-лишайниковая и кустарничковая тундра; на юге по долинам рек проникают редкостойные лиственничные леса.

Местонахождение Сылах (N 71° 00' 27,75'', E 139° 53' 20,01'') расположено в Усть-Янском улусе (р-не) Республики Саха (Якутия). Данный объект представляет собой обнажение водно-эрозивной террасы восточного берега старичного озера, приуроченного к бассейну р. Сылах. Склон данной террасы сложен, завален осыпью и задернован. Сезонная термоденудация относится только к верхней части террасы и проявляется в незначительной солифлюкции. После удаления (насколько возможно) покровного солифлюкционного шлейфа страти-графия отложений выглядит следующим образом.

Слой 1. Серо-желтая слоистая супесь, местами включающая тонкие (0,02–0,05 м) прослойки голубоватых алевритов и торфяников, более характерных для нижней пачки слоя. Кровля задернована современной тундровой растительностью. Мощность – 1,0–1,2 м.

Слой 2. Буро-коричневая древесная торфянистая войлокообразная масса, содержащая остатки корневищ, веток, трав. Мощность – 1,5–1,9 м.

Слой 3. Серо-сизый супесчаный оклеенный алеврит тонкой слоистости. Мощность – 0,6–1,1 м.

Слой 4. Торфяная бурая древесная масса с включениями корневищ, веток, трав. Характерен алевритовый заполнитель. Мощность – 0,3–0,4 м.

Слой 5. Серо-сизый супесчаный оклеенный алеврит тонкой слоистости. Видимая мощность – до 2,5 м.

Начиная со второго слоя распространяются криоструктуры эпигенетического характера, представляющие собой темно-серые льды с прослоями алеврито-супесчаного материала и морозобойными трещинами, заполненными повторно-жильным льдом.

Образование данной террасы относится к позднему неоплейстоцену, является результатом термокарста по ледовому комплексу; терраса сложена озерно-болотными оторфованными пылеватыми супесями и торфом с древесными остатками. Верхняя пачка отложений представлена сильнольдистыми синкриогенными отложениями ледового комплекса, включающими мощные полигонально-жильные льды.

На месте обнаружены 90 целых и фрагментированных костей мамонта (возможно, две особи

Mammuthus primigenius): зубы, фрагменты черепа, ребер, пястные и плюсневые кости конечностей, позвонки грудного и шейного отделов. Для костей характерны сильная фоссилизация, инсоляция и отложение вивианита на поверхности. Часть костного материала находилась в экспонированном состоянии вследствие сезонного-талого и солифлюкционного воздействия на склон террасы. Все остатки и фрагменты костей происходят из контактной зоны слоев 2 и 3.

Помимо естественной фрагментации костей, обусловленной седиментационными и криогенными процессами, отмечаются также следы преднамеренной фрагментации нескольких предметов. По-видимому, это следы разделки туши мамонта. Проксимальная часть плечевой кости отделена путем диагонального рассечения. Диагональное рассечение также отделило два фрагмента ребра от остальной части кости. Для ребер характерна продольная фрагментация в результате естественного рассыхания. На одной из пястных костей отмечены следы воздействия огня.

Необходимо отметить, что данное местонахождение стало известным в результате обнаружения в 2011 г. мумифицированной тушки хищника вместе с разбитым черепом мамонта [Fedorov et al., 2014]. Проведенное радиоуглеродное датирование данной мумии ($12\,460 \pm 50$ лет (GRA-52435)) позволяет предположить позднеплейстоценовый возраст находок. Несомненным подтверждением относительной синхронности находок является обнаружение другой мумифицированной тушки хищника, по морфологическим признакам сходной с предыдущей. По результатам предварительного визуального осмотра можно говорить об обнаружении ранней формы собак (*Canis Familiaris*).

На данный момент сложно отнести местонахождение Сылах к какой-либо традиции в культурном разнообразии региона в силу малочисленности интерпретируемого материала. Географически объект попадает в ареал так называемой янской культуры [Питулько, 2010]. Следы намеренного фрагментирования (разделки) костных остатков мамонта (ребер, плечевой кости и, возможно, черепа) сближают данный памятник с ранее обнаруженными объектами Янской стоянки [Pitulko, Nikolskiy, 2012; Nikolskiy, Pitulko, 2013] в адаптационных стратегиях древнего человека при сходных климатических условиях – в ходе интергляциального потепления [Pitul'ko et al., 2007]. Но в то же время говорить о преемственности археологических культур в данном регионе

преждевременно, как и о влиянии дюктайской культуры на древнее население Яно-Индибирской низменности из долины р. Алдан.

Благодарности. Авторы признательны Ю.С. Горохову, М.Н. Константинову и другим жителям Усть-Янского улуса за неоценимую помощь и содействие в организации полевых исследований.

Список литературы

Верещагин Н.К., Мочанов Ю.А. Самые северные в мире следы верхнего палеолита // Сов. археология. – 1972. – № 3. – С. 332–336.

Павлова Е.Ю., Питулько В.В. Палеографические события позднеледникового–голоцена на севере Яно-Индибирской низменности в свете изучения новых археологических объектов // Актуальные проблемы палеогеографии и стратиграфии плейстоцена: мат-лы Всерос. науч. конф. «Марковские чтения 2015 года», посвящ. 110-летию со дня рождения академика К.К. Маркова. – М.: Географ. фак. Моск. гос. ун-та, 2015. – С. 149–151.

Питулько В.В. Расселение и адаптация древнего человека на северо-востоке Азии в позднем неоплейстоцене // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 38–46.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. – СПб.: Наука, 2010. – 264 с.

Fedorov S., Garmaeva D., Luginov N., Grigoriev S., Savvinov G., Vasilev S., Kirikov K., Allentoft M., Tikhonov A. Tomographic study and 3D-reconstruction of mummified Pleistocene dog from North-Eastern Siberia // Sci. annals of the School of Geology, Aristotle univ. of Thessaloniki. – 2014. – Spec. Vol. 102: Abstract Book of the VIth Internat. Conf. on Mammoths and their Relatives. – P. 53.

Nikolskiy P.A., Pitulko V.V. Evidence from the Yana Palaeolithic site, Arctic Siberia, yields clues to the riddle of mammoth hunting // J. of Archaeological Science. – 2013. – Vol. 40, Iss. 12. – P. 4189–4197.

Pitulko V.V., Nikolskiy P.A. The extinction of the woolly mammoth and the archaeological record in North-Eastern Asia // World Archaeology. – 2012. – Vol. 44 (1). – P. 21–42.

Pitulko V.V., Nikolskiy P.A., Giryа E.Y., Basilyan A.E., Tumskoy V.E., Koulakov S.A., Astakhov S.N., Pavlova E.Y., Anisimov M.A. The Yana RHS site: humans in the Arctic before the Last Glaciation // Science. – 2004. – Vol. 303. – P. 52–56.

Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu., Kuz'mina S.A., Nikol'skii P.A., Basilyan A.E., Tumskoi V.E., Anisimov M.A. Natural-climatic changes in the Yana-Indigirka Lowland during the terminal Kargino time and habitat of late Paleolithic man in northern part of East Siberia // Doklady Earth Sciences. – 2007. – Vol. 417 (8). – P. 1256–1260.

References

- Fedorov S., Garmaeva D., Luginov N., Grigoriev S., Savvinov G., Vasilev S., Kirikov K., Allentoft M., Tikhonov A.** Tomographic study and 3D-reconstruction of mummified Pleistocene dog from North-Eastern Siberia // *Sci. annals of the School of Geology, Aristotle univ. of Thessaloniki*. 2014. Spec. Vol. 102: Abstract Book of the VIth Internat. Conf. on Mammoths and their Relatives. Pp. 53.
- Nikolskiy P.A., Pitulko V.V.** Evidence from the Yana Palaeolithic site, Arctic Siberia, yields clues to the riddle of mammoth hunting // *Journal of Archaeological Science*. 2013. Vol. 40, Iss. 12. Pp. 4189–4197.
- Pavlova E.Ju., Pitul'ko V.V.** Paleograficheskie sobytija pozdnelednikov'ja-golocena na severe Jano-Indigirskoj nizmennosti v svete izuchenija novyh arheologicheskikh ob'ektov // *Aktual'nye problemy paleogeografii i stratigrafii plejstocena: mat-ly Vseros. nauch. konf. «Markovskie chtenija 2015 goda», posvjashh. 110-letiju so dnja rozhdenija akademika K.K. Markova*. Moscow: Geograf. fak. Mosk. gos. un-ta, 2015. Pp. 149–151. (In Russ.).
- Pitul'ko V.V.** Rasselenie i adaptacija drevnego cheloveka na severo-vostoke Azii v pozdnem neoplejstocene // *Adaptacija narodov i kul'tur k izmenenijam prirodnoj sredy, social'nym i tehnogennym transformacijam*. Moscow: ROSSPEN, 2010. Pp. 38–46. (In Russ.).
- Pitulko V.V., Nikolskiy P.A.** The extinction of the woolly mammoth and the archaeological record in North-Eastern Asia // *World Archaeology*. 2012. Vol. 44 (1). Pp. 21–42.
- Pitulko V.V., Nikolsky P.A., Girya E.Y., Basilyan A.E., Tumskoy V.E., Koulakov S.A., Astakhov S.N., Pavlova E.Y., Anisimov M.A.** The Yana RHS site: humans in the Arctic before the Last Glaciation // *Science*. 2004. Vol. 303. Pp. 52–56.
- Pitul'ko V.V., Pavlova E.Ju.** Geoarheologija i radiouglerodnaja hronologija kamennogo veka Severo-Vostochnoj Azii. St. Peterburg: Nauka, 2010. 264 pp. (In Russ.).
- Pitul'ko V.V., Pavlova E.Yu., Kuz'mina S.A., Nikol'skii P.A., Basilyan A.E., Tumskoi V.E., Anisimov M.A.** Natural-climatic changes in the Yana-Indigirka Lowland during the terminal Kargino time and habitat of late Paleolithicman in northern part of East Siberia // *Doklady Earth Sciences*. 2007. Vol. 417 (8). Pp. 1256–1260.
- Vereshhagin N.K., Mochanov Ju.A.** Samye severnye v mire sledy verhnego paleolita // *Sovjetskaja arheologija*. 1972. No. 3. Pp. 332–336. (In Russ.).

А.И. Кривошапкин¹, Б. Виола², К.А. Колобова¹,
Т. Чаргынов³, Д. Бакчиев³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Университет Торонто, Канада

³Киргизский национальный университет

E-mail: krivoshapkin@mail.ru

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕЩЕРЫ СЕЛЬУНГУР (КЫРГЫЗСТАН)*

Вопросы первоначального заселения Евразии древним человеком в последнее время вновь находятся в фокусе научных интересов, поскольку результаты исследований последнего десятилетия позволили пересмотреть как хронологию, так и культурную специфику археологических объектов, относившихся к раннему палеолиту. Кроме лессовых стоянок Афгано-Таджикской депрессии наиболее известными раннепалеолитическими памятниками региона считались многослойные стоянки Кульбулак и пещера Сельунгур. В результате работ 1960–1970-х гг. наиболее древние культурные отложения Кульбулака были определены технико-типологически как ашельские, а хронологически – как равные или более древние, чем палеомагнитная граница Брюнес-Матуяма (780–800 тыс. л.н.). Проведенные в последнее десятилетие исследования опровергли данную интерпретацию в плане культурного и хронологического определения нижней пачки отложений; было доказано, что данная индустрия относится к переходному этапу от среднего к верхнему палеолиту. Материалы пещеры Сельунгур основным исследователем памятника У. Исламовым хронологически датировались 1,5 млн л.н., а культурно относились к олдувайским индустриям. Возобновление исследования пещеры Сельунгур показало, что данный многослойный археологический объект содержит разновременный материал, относящийся преимущественно к среднепалеолитической эпохе. Учитывая новые данные, можно сказать, что индустрия Сельунгура резко отличается от известных среднепалеолитических комплексов региона. Таким образом, предварительные результаты исследований, возобновленных в пещере Сельунгур в 2015 г., позволяют, с одной стороны, говорить о более сложной картине формирования среднего палеолита в регионе, а с другой – усомниться в раннепалеолитической интерпретации артефактов данного объекта.

Ключевые слова: ранний палеолит, средний палеолит, Центральная Азия, неандертальцы, хронология, стратиграфия.

A.I. Krivoshapkin¹, B. Viola², K.A. Kolobova¹,
T. Chargynov³, D. Bakchiev³

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²University of Toronto, Canada

³Kyrgyz National University

E-mail: krivoshapkin@mail.ru

THE RENEWED RESEARCH OF THE SEL-UNGUR CAVE (KYRGYZSTAN)

The initial human occupation of Eurasia revolves around the scientific interests in these latter days, because the research results, received for the last ten years, permitted to revise as chronology well as cultural specifics of archaeological objects, which had been related to Lower Paleolithic. Excluding the loess sites in Afghan-Tadjik depression the most known Lower Paleolithic occurrences were the Kulbulak site and Selungur Cave. In result of 1960–1970 excavation campaigns, the most ancient cultural deposits were technico-typologically determined as the Acheulian and chronologically synchronous or more ancient by the side of paleomagnetic boundary Brunhes-Matuyama (780–800 ka).

*Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 15-36-20820 мол_а_вед.

Conducted in the last decade, studies have disposed of this interpretation both in terms of cultural and chronological of the lower sedimentological unit. Recent research proved that the industry is related to the Middle to Upper Paleolithic transition. U. Islamov the principal researcher of this site chronologically determined the Selungur materials at 1.5 ma. BP and culturally related it to Olduvai industries. The renewed research in the Selungur Cave shew that this archaeological object contained the asynchronous material, related to Middle Paleolithic mainly. Basing on the new data it can be supposed that preliminary results of 2015 excavation campaign permit to purpose the more complicated formation of Middle Paleolithic in this region on the one hand and to stumble at the interpretation of the materials from this object as the Lower Paleolithic on the other.

Keywords: Lower Paleolithic, Middle Paleolithic, Central Asia, Neanderthals, chronology, stratigraphy.

Учитывая значительный объем данных по среднему палеолиту региона, более ранние этапы каменного века Центральной Азии выглядят менее изученными. На настоящий момент наиболее глубоко исследованные раннепалеолитические стоянки в регионе располагаются на территории Афгано-Таджикской депрессии и включены в лессово-почвенные формации [Shackleton et al., 1995].

К нижнепалеолитическим индустриям региона целым рядом исследователей были отнесены и комплексы пещеры Сельунгур из долины р. Сох (Ферганская долина). Крупная пещера (ширина – 34 м, высота – 25 м, длина – 120 м) расположена в окрестностях г. Айдаркен (Республика Кыргызстан) на абсолютной высоте 1 900 м. Памятник был открыт в 1955 г. А.П. Окладниковым и П.Т. Коноплей. В ходе последующих планомерных исследований, проводившихся в период с 1980 по 1988 гг. под руководством У.И. Исламова, в различных частях пещеры было заложено 10 раскопов. Исследователем было выявлено до 30 литологических слоев максимальной общей мощностью до 8 м, включавших в себя археологические горизонты (слои), количество которых варьировало от 2 до 13. Согласно мнению У.И. Исламова, культурные горизонты всех раскопов можно объединить в пять пачек, которые он назвал «культурными слоями», и все отнес к раннему палеолиту. Комплекс был интерпретирован как ашельский, поскольку в орудийном наборе исследователями было определено присутствие кливеров и ручных рубил [Исламов, Крахмаль, 1995].

Что касается возраста культурных отложений памятника, то стоит отметить предпочтение на протяжении долгого времени ранней датировки памятника. Авторы [Там же] интерпретировали пещерные отложения в рамках нижнеплейстоценового сохского комплекса, в качестве подтверждения данной интерпретации называлась неопубликованная дата в 1,4 млн. л.н., полученная Ar/Ar-методом (У.И. Исламов, 2004, личное сообщение).

Наряду с каменными орудиями и фаунистическими остатками в пещере был найден и палео-

антропологический материал: фрагменты черепной крышки, фрагмент плечевой кости и шесть зубов, обнаруженные в культурном слое 3 раскопа № 5. А.А. Зубовым, выполнившим детальное морфологическое исследование зубов, был сделан вывод об их принадлежности одной из разновидностей азиатских эректусов. Анализ фрагмента плечевой кости, проведенный В.М. Харитоновым, позволил также говорить о большей архаичности сельунгурского человека по сравнению с тешикташским неандертальцем [Исламов, Зубов, Харитонов, 1988; Зубов, 2009]. Относительно подобной (эректоидной) интерпретации антропологических материалов из пещеры Сельунгур в настоящее время высказаны определенные сомнения. Предложена альтернативная точка зрения, согласно которой морфологические характеристики зубов указывают на их принадлежность не человеку, а оленю и пещерному медведю, а плечевая кость по морфологическим характеристикам все же соответствует вариативности неандертальских параметров [Viola, Krivoshepin, 2014].

Что же касается технико-типологического, а соответственно, и хронологического определения каменных индустрий пещеры Сельунгур, то и здесь целым рядом исследователей выражено скептическое отношение к ранним определениям [Davis, Ranov, 1999]. Учитывая единственную опубликованную абсолютную датировку верхней части культурных отложений в 126 ± 5 тыс. л.н. [Vishnyatsky, 1999], полученную торий-урановым методом, а также то, что повторный анализ остатков микрофауны не выявил нижнеплейстоценовых компонентов [Markova, 2013], время заселения памятника может быть отнесено лишь к самому концу среднего плейстоцена.

Таким образом, на современном этапе исследований каменного века Центральной Азии крайне актуальным было признано возобновление археологических работ на памятнике Сельунгур. Полноценное изучение памятника было начато в 2015 г. силами международной Киргизско-российско-германской экспедиции. Полевые исследования были сосредоточены на изучении культуросодержащих

отложений, представленных в привходовой (внутренней) части пещеры (раскоп № 8 У.И. Исламова), а также на изучении травертиновых образований памятника.

В привходовой части пещеры (раскоп № 8) на небольшой площади (ок. 2 м²) в 2015 г. изучались культурные отложения, определявшиеся предыдущими исследователями как культурный слой 3. Общее количество обнаруженных каменных артефактов – 1 873 экз., практически половине из них составили обломки, осколки и чешуйки (928 экз.). Первичное расщепление представлено немногочисленными нуклеидными изделиями (5 экз.), техническими сколами (42 экз.), отщепами (888 экз.), преимущественно некрупных размеров, единичными пластинами (5 экз.) и пластинками (5 экз.). Типологически определимые нуклеусы относятся к радиальной системе расщепления, целью которой являлось получение небольших массивных отщепов с гладких ударных площадок. Обращает на себя внимание тщательнейшая подработка карнизов при отсутствии любых следов дополнительного оформления площадок скалывания. Анализ дорсальных поверхностей сколов также свидетельствует о значительном преобладании радиального или продольно-поперечного расщепления, а остаточные ударные площадки относятся практически исключительно к типу гладких массивных. Орудийный набор (132 экз.) составляет 28,5 % от типологически значимой коллекции (без обломков, отщепов менее 2 см

и чешуек) и представлен скреблами различных модификаций (57 экз.), зубчатыми и выемчатыми орудиями (22 экз.), мустьерскими стамесками (7 экз.), тейяжскими остриями (5 экз.; рис. 1, 1–4), боковыми скребками (по Исламову) или скреблышками (*raclettes* – Ф. Борд) (5 экз.; рис. 2, 1–3), перфораторами (4 экз.), долотовидными изделиями (2 экз.), одиночным мелким бифасиально обработанным изделием (близким к микокским плоско-выпуклым формам; см. рис. 1, 5) и сколами с эпизодической нерегулярной (преимущественно утилизационной) ретушью (29 экз.).

Обращает на себя внимание доминирование среди скребел поперечных форм. При этом в половине случаев рабочее лезвие оформлялось классически, т.е. дорсально по дистальному краю широкой массивной в сечении короткой заготовки. В небольшом количестве (2 экз.) присутствуют скребла с лезвием, оформленным на дорсальном фазе остаточной ударной площадки (*racloirs sur talon, platform scrapers*) (см. рис. 1, 7). Судя по рисункам, орудия данной категории ошибочно определялись ранее как «острия куинсон» [Исламов, Крахмаль, 1995]. К поперечным скреблам нами отнесены и формы, у которых оформлялись два рабочих лезвия в дистальной и проксимальной частях широкой заготовки. При этом обработка лезвий в половине случаев была монофасиальной, а у других 5 экз. – альтернативной. В последней группе скребел есть ряд изделий, у которых обработанные края (дистал и проксимал заготовки)

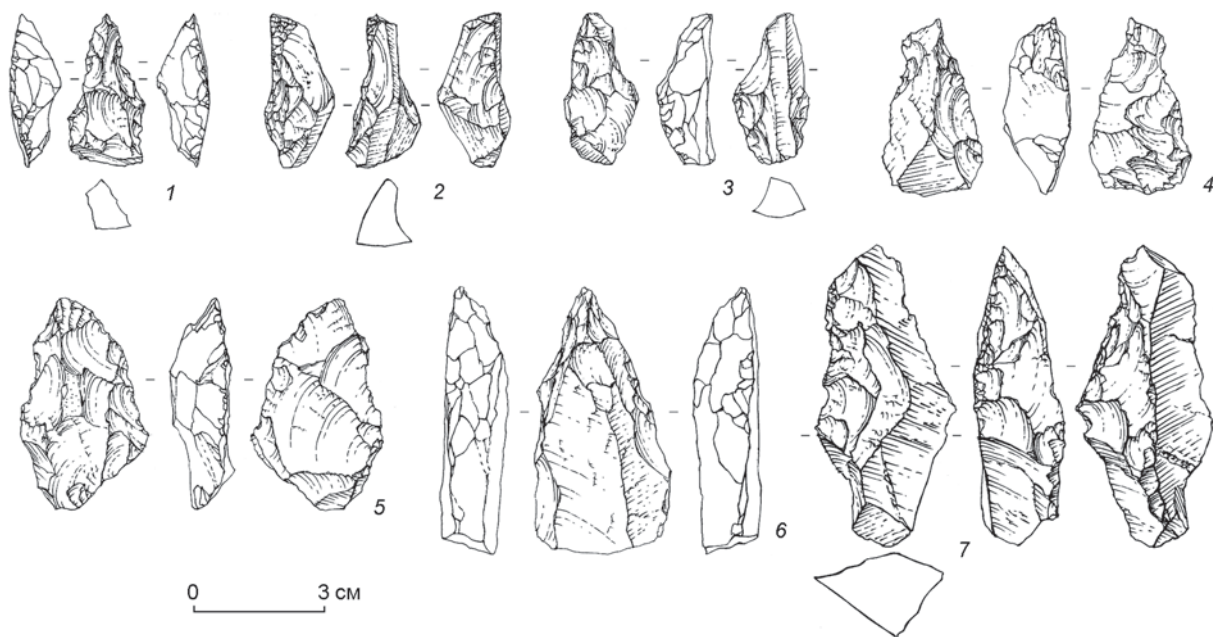

Рис. 1. Каменные орудия из пещеры Сельунгур.

1–4 – тейяжские острия; 5 – бифас; 6 – конвергентное скребло; 7 – скребло с лезвием на дорсальном фазе остаточной ударной площадки.

не параллельны друг другу, а смыкаются под острым углом (конвергентно; рис. 2, 4), что приводит к внешнему сходству с микокскими рубильцами (как и указано в тип-листе У. Исламова [Там же]).

Другой весомой частью коллекции скребел являются тщательно обработанные малых размеров скребла высокой формы (11 экз.; рис. 2, 5, 6).

Продольные скребла занимают второе по значению место и представлены как одиночными формами, так и двойными, причем в последнем случае преимущественно в разновидности с альтернативным оформлением рабочих краев (рис. 2, 7).

Единичным экземпляром представлено конвергентное скребло, выполненное на массивной удлиненной пластине. Дистальное окончание в профиле круто-ступенчатое, что не позволяет отнести его к категории мустьерских остроконечников (рис. 1, б).

Интересно полное отсутствие каких-либо признаков леваллуазской технологии и/или хотя бы минимальной подправки ударных площадок нуклеусов. Другим характерным признаком индустрии является явная ориентация на производство мелких укороченных массивных и широких сколов, что, основываясь на первичном петрографическом анализе сырьевой базы индустрии (достаточно разнообразной: от высококачественных кремней до трещиноватых кварцев), не может быть объяснено ограничениями, накладываемыми характеристиками каменного сырья (доступность, размер, качество), а, скорее, является культурнозначимым признаком. Таким образом, имея явно не раннепалеолитический (тем более не ашельский), а среднепалеолитический облик, индустрия Сельунгура резко отличается от известных среднепалеолитических комплексов региона, проявляя, возможно, большую схожесть с раннемикокскими комплексами Восточной Европы. Бесспорно, при отсутствии в настоящее время достоверных определений абсолютного возраста культурных отложений памятника и более полной коллекции каменных артефактов данное предположение скорее стоит рассматривать лишь в плане обозначения сложившейся интерпретационной проблемы, чем реальной аналогии. Тем не менее предварительные результаты исследований, возобновленных в пещере Сельунгур в 2015 г., уже сейчас позволяют говорить о сложной картине формирования среднего палеолита в регионе, с од-

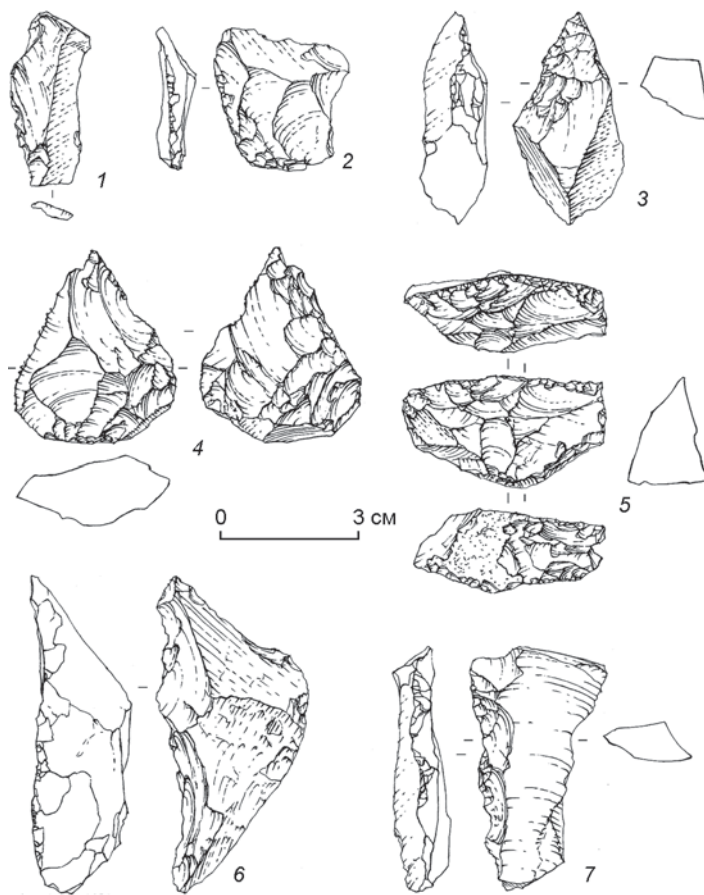

Рис. 2. Каменные орудия из пещеры Сельунгур.
1–3 – боковые скребки; 4 – рубильце; 5, 6 – скребла высокой формы;
7 – двойное продольное альтернативное скребло.

ной стороны, а с другой – позволяют усомниться в однозначной раннепалеолитической (ашельской) интерпретации артефактов данного многослойного археологического объекта.

Список литературы

- Зубов А.А.** Еще раз о зубах из пещеры Сельунгур // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 2 (38). – С. 135–143.
- Исламов У.И., Зубов А.А., Харитонов В.** Палеолитическая стоянка Сель-Унгур в Ферганской долине // Вопр. антропологии. – 1988. – № 80. – С. 38–49.
- Исламов У.И., Крахмаль К.А.** Палеоэкология и следы древнего человека в Центральной Азии. – Ташкент: ФАН, 1995. – 220 с.
- Davis R., Ranov V.** Recent work on the Paleolithic of Central Asia // Evolutionary Anthropology. – 1999. – N 8. – P. 186–193.
- Markova A.** Small mammals from Acheulean cave site Sel'-ungur // Neogene to Quaternary Geological Evolution of Mediterranean, Paratethys and Black Sea. – Istanbul, 2013. – P. 261.

Shackleton N.J., Dodonov A.Z., Gavin A.E., Kukla J., Ranov V.A., Zhou L.P. Accumulation rate of loess in Tadjikistan and China: relationship with global ice volume cycles // *Quaternary Proceedings*. – 1995. – N 4. – P. 1–6.

Viola B., Krivoshepin A. Sel'ungur – Middle Pleistocene hominins in Central Asia? // *Cultural developments in the Eurasian Paleolithic and the origin of anatomically modern humans: Proc. of the Internat. Symposium*. – Novosibirsk: Publ. Dept. of the Inst. of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2014. – P. 172–178.

Vishnyatsky L.B. The Palaeolithic of Central Asia // *J. of World Prehistory*. – 1999. – N 13. – P. 69–122.

References

Davis R., Ranov V. Recent work on the Paleolithic of Central Asia // *Evolutionary Anthropology*. 1999. No. 8. Pp. 186–193.

Islamov U.I., Krahmal' K.A. Paleojekologija i sledy drevnego cheloveka v Central'noj Azii. Tashkent: FAN, 1995. 220 pp. (In Russ.).

Islamov U.I., Zubov A.A., Haritonov V. Paleoliticheskaja stojanka Sel'-Ungur v Ferganskoj doline // *Voprosy antropologii*. 1988. No. 80. Pp. 38–49. (In Russ.).

Markova A. Small mammals from Acheulean cave site Sel'-ungur // *Neogene to Quaternary Geological Evolution of Mediterranean, Paratethys and Black Sea*. Istanbul, 2013. P. 261.

Shackleton N.J., Dodonov A.Z., Gavin A.E., Kukla J., Ranov V.A., Zhou L.P. Accumulation rate of loess in Tadjikistan and China: relationship with global ice volume cycles // *Quaternary Proceedings*. 1995. No. 4. Pp. 1–6.

Viola B., Krivoshepin A. Sel'ungur – Middle Pleistocene hominins in Central Asia? // *Cultural developments in the Eurasian Paleolithic and the origin of anatomically modern humans: Proceedings of the International Symposium*. Novosibirsk: Publ. Dept. of the Inst. of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2014. Pp. 172–178.

Vishnyatsky L.B. The Palaeolithic of Central Asia // *Journal of World Prehistory*. 1999. No. 13. Pp. 69–122.

Zubov A.A. Seliungur teeth revisited // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2009. Vol. 37, Iss. 2. Pp. 135–143.

А.И. Кривошапкин, К.А. Колобова, А.В. Шалагина, Н.А. Рудая

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: krivoshapkin@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА ВЕРХНЕЙ ПАЧКИ ОТЛОЖЕНИЙ ПЕЩЕРЫ СТРАШНОЙ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В 2015 ГОДУ*

Последние исследования в области палеогенетики и новые находки ранних останков человека современного антропологического облика все больше увеличивают интерес к изучению культурных комплексов рубежа раннего и среднего палеолита, связанных с разными представителями гоминид. На территории Горного Алтая наиболее ранние останки человека современного типа были найдены в пещере Страшной, расположенной в Северо-Западном Алтае в среднем течении р. Иня. В полевом сезоне 2015 г. Чарышским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН были продолжены исследования данного памятника с целью уточнения условий залегания археологических и фаунистических материалов. В ходе работ была изучена верхняя пачка отложений пещеры – литологические слои 1–4. В рамках полевых исследований получена археологическая коллекция численностью 1 597 артефактов, накоплен значительный палеонтологический материал, взяты образцы отложений для проведения палинологического анализа. Археологическая коллекция, происходящая из голоценовых отложений слоев 1, 2, связана с эпохой ранней бронзы и более поздними этапами заселения пещеры. В позднелепистоценовых слоях 3, 4, по всей видимости, присутствуют комплексы, связанные с несколькими эпизодами посещения стоянки носителями различных культурных традиций верхнего палеолита региона. Помимо археологических находок в отложениях слоя 3_{1A}, горизонт II была обнаружена ногтевая фаланга человека, комплексное изучение которой позволит прояснить существующие представления о носителях каменной индустрии стоянки.

Ключевые слова: Горный Алтай, палеолит, человек современного типа, орудийный набор, корреляция.

A.I. Krivoshapkin, K.A. Kolobova, A.V. Shalagina, N.A. Rudaya

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: krivoshapkin@mail.ru

CHARACTERISTICS OF THE UPPER UNIT FROM STRASHNAYA CAVE DEPOSITS: MATERIALS OF THE 2015 EXCAVATION CAMPAIGN

Recent study in paleogenetics and new finds of early modern human remains heighten the interest in the investigation of the Middle – Upper Paleolithic boundary cultural complexes, associated with different representatives of the hominids. On the territory of the Altai Mountains, the earliest modern human remains were obtained in a Strashnaya cave, located in North-Western Altai at the Middle Inya River. The 2015 excavation campaign the Charysh Paleolithic team of IAET SB RAS continued to study this site. Expedition had a goal to specify the conditions of faunal and archaeological material bedding.

In the course of the investigation we had studied the upper unit of cave deposits – lithological layers 1–4. As part of the field research team collected the archaeological material, numbering 1,597 artifacts, accumulated the significant paleontological material, sampled the soil for palynological analysis. The archaeological collection from the Holocene deposits of layers 1–2, is associated with the Early Bronze Age and later stages of occupation. In addition to archaeological finds a human ungual phalanx was found in layer 3_{1A}, horizon 2. The multi-method research of this bone will permit to make the present concept of the stone industry bearers clear.

Keywords: Mountain Altai, Paleolithic, modern human, tool assemblage, correlation.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Вопросы первоначального заселения Евразии и происхождения человека современного антропологического типа на сегодняшний день занимают ведущее место в палеолитоведении. Особый интерес исследователей связан с территорией Северной Азии и особенно Российского Алтая. Благодаря новым исследованиям в области палеогенетики удалось установить факт сосуществования в Алтайском регионе на рубеже среднего и верхнего палеолита нескольких подвидов человека (денисовцы, неандертальцы, человек современного типа) [Viola et al., 2011]. Однако, если комплексы, связанные с денисовским и неандертальским населением на сегодняшний день достаточно подробно изучаются, вопросы появления и адаптации к локальным условиям человека современного типа остаются пока малоисследованными. Решению данной проблемы способствует изучение материалов многослойного палеолитического памятника – пещеры Страшной, расположенной в Северо-Западном Алтае в среднем течении р. Иня, где были обнаружены наиболее древние для Южной Сибири на сегодняшний день останки человека современного фи-

зического облика. В связи с этим для расширения эмпирической базы исследования в полевом сезоне 2015 г. Чарышским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН было продолжено изучение верхней пачки отложений пещеры.

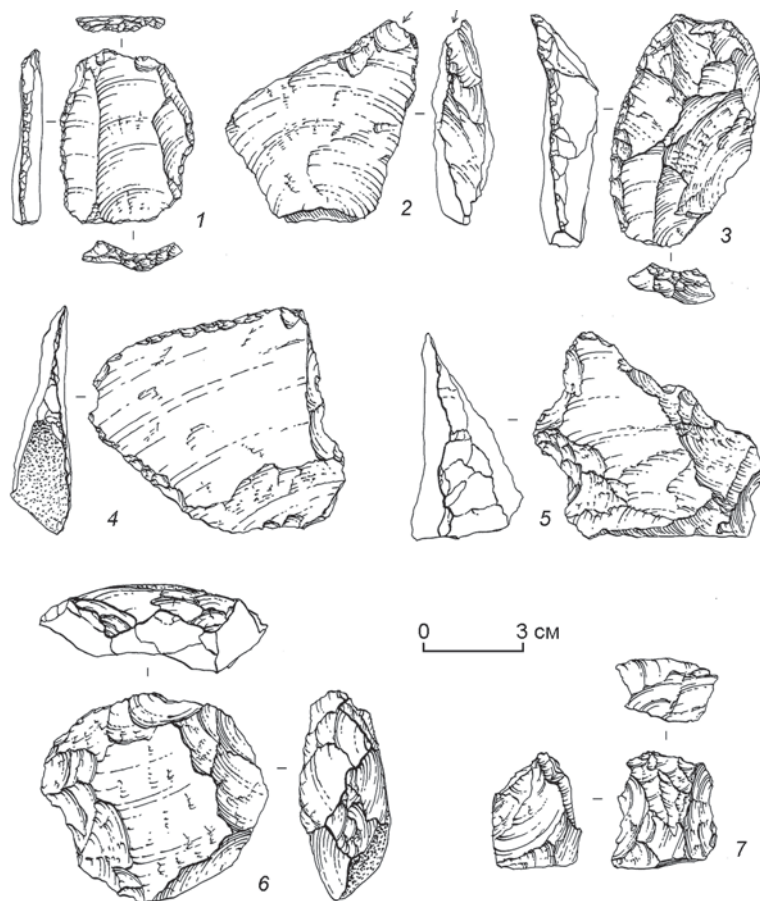
Отложения слоев 1, 2, вскрытые на площади 4 м², отнесены к голоценовой эпохе. Немногочисленная археологическая коллекция, происходящая из этих слоев, связана с бронзовым веком и более поздними этапами заселения пещеры. Наиболее яркие элементы (фрагменты орнаментированной керамики, просверленные фаланги косули) происходят из 2-го археологического слоя, отнесенного к афанасьевской культуре ранней бронзы, где обнаружен и антропологический материал – плечевая кость и фаланги конечностей (6 шт.).

Коллекция плейстоценового слоя 3₁A крайне немногочисленна: в горизонте I насчитывается 14 экз., в горизонте II – 36. Орудийный набор горизонта II представлен тронкированно-фасетированным изделием с ретушью по двум продольным краям (см. рисунок, 1), зубчато-выемчатым орудием (см. рисунок, 5) и отщепом с краевой эпизодической ретушью утилизации. Имеется подпризматический одноплощадочный нуклеус

из кварца (см. рисунок, 7). Кроме этого в отложениях были найдены предметы декоративного искусства: костяная бусина и просверленная фаланга, которая, вероятно, служила составной частью украшения.

В отложениях слоя 3₁B было обнаружено 99 артефактов. Половина имеющихся сколов сохранила от 10 до 90 % галечной поверхности. Среди них представлена одна пластинка. Присутствует технический скол подправки ударной площадки – «полутаблетка». Орудийный набор составляют продольное слабовыпуклое скребло со ступенчатой ретушью (см. рисунок, 3), выемчатое орудие и два скола с нерегулярной ретушью.

Коллекция нижележащего слоя 3₂ насчитывает 118 экз. Нуклевидные изделия представлены леваллуазским нуклеусом на начальной стадии утилизации (см. рисунок, 6); так называемым нуклеусом «от ребра», у которого пересечение фронта расщепления и ударной площадки образует крутое ребро. Среди технических сколов присутствуют скол подправки дуги скалывания и несколько краевых сколов. В орудийном наборе преоблада-

Каменные артефакты из верхней пачки отложений пещеры Страшной.

ют сколы с ретушью (пластины и отщепы), также представлено продольное одностороннее скребло с чешуйчатой ретушью, два ножа (см. *рисунок, 4*), выемчатое орудие и одноплощадочное тронкированно-фасетированное изделие.

Самый многочисленный археологический материал был получен при разборе слоя 4₁ – 441 экз. Индустрия сколов этого слоя в большей степени представлена отщепами, но присутствуют и несколько пластин и пластинок. В орудийном наборе имеются два зубчато-выемчатых орудия, резец (см. *рисунок, 2*), массивный отщеп с несколькими выемками и следами уплощения в дистальной части, а также несколько сколов со следами утилизации. Нуклеидные изделия представлены поперечным плоскостным бипродольным нуклеусом с естественным контрфронтom, предназначенным для производства отщепов. Одна гладкая, сильноскошенная площадка ядрища несет следы подправки мелкими снятиями, вторая сохраняет галечную поверхность. Латерали нуклеуса несут негативы последовательных снятий на фронт и контрфронт. Также присутствует нуклеус «от ребра» и два нуклеидных изделия на массивных сколах.

Коллекция слоя 4₂ насчитывает 238 артефактов, однако большую ее часть (80 %) составляют отходы производства. К орудийному набору относятся выемчатое орудие и отщеп с ретушью.

В целом археологическая коллекция, собранная в результате работ 2015 г., подтверждает предположение о том, что в верхнепалеолитических отложениях пещеры Страшной представлено несколько культурно-хронологических эпизодов заселения памятника [Кривошапкин, Зенин, Шалагина, 2014]. Истоки одного из культурных компонентов связаны с индустрией среднего палеолита. Он представлен дисковидным и леваллуазским отщеповым расщеплением, преобладанием в орудийном наборе скребел и зубчато-выемчатых форм. Другой комплекс соотносится с носителями кара-бомовской ранневерхнепалеолитической традиции (пластинчатое расщепление). И еще один эпизод посещения пещеры связан с развитым этапом верхнего палеолита и представлен мелкопластинчатым расщеплением и костяным инвентарем.

Помимо археологических материалов при разборе отложений горизонта II слоя 3₁A была обнаружена ногтевая фаланга человека. Это не первая антропологическая находка для данного памятника. Наиболее информативный материал происходит из слоя 3₁A предвходовой части пещеры, где было обнаружено восемь зубов, принадлежащих одному индивиду 7–9 лет. Интересно, что

метрические показатели зубов выходят за пределы показателей как современных *Homo sapiens*, так и верхнепалеолитических и, более того, находятся на верхнем пределе распределения размеров зубов неандертальцев. Морфологически же зубы из пещеры Страшной в большей степени соотносятся с зубами человека современного типа, причем на них фиксируются некоторые характерные особенности, свойственные только коренным жителям Америки [Viola, 2009]. Для интерпретации антропологического материала, полученного в 2015 г., необходимо дождаться результатов специального анализа. Предварительное определение, выполненное Б. Виолой, относит данную фалангу к человеку современного облика.

Как показывают многолетние исследования палеонтологического материала пещеры Страшной, существенных изменений в составе плейстоценовой териофауны не происходило. Лишь в каргинско-сартанском слое 3, как индикатор похолодания, появляются немногочисленные остатки северного оленя [Васильев, Зенин, 2009]. В целом, судя по остаткам палеофауны, на фоне открытых степных пространств существовали более или менее крупные лесные участки, приуроченные к долинам рек и горным ущельям.

Подобную палеоэкологическую ситуацию подтверждают и результаты предварительного палинологического анализа. По сравнению с голоценовыми отложениями, которые характеризуются преобладанием пыльцы семейства сложноцветных, присутствием сосновых и спор папоротников, концентрация пыльцы и спор в литологическом слое 3 резко падает. Доля древесных элементов сокращается, исчезают папоротники, сложноцветные растения продолжают доминировать. Вероятно, климат в период аккумуляции изученных ископаемых слоев отличался от современного в сторону меньшего увлажнения и преобладания в регионе травянистой растительности. Или же палиноспектры отражают локальную растительность, которая произрастала непосредственно вокруг пещеры. Однако этот вопрос требует дальнейшего изучения поверхностных проб с разных участков пещеры.

Учитывая расположение памятника, характер орудийного набора, а также характеристику палеонтологических остатков, которые в значительной мере сформировались в результате деятельности хищников, можно сделать вывод о том, что в период накопления верхней пачки отложений пещера не была постоянным местом обитания древнего человека, а, скорее, служила кратковременным охотничьим убежищем различным древним коллективам. В связи с этим

и фиксируется некоторое смещение культурных элементов в рамках литологических подразделений. Однако для более конкретных выводов и выделения археологических комплексов необходимо проведение дополнительных планиграфических и стратиграфических исследований всей накопленной коллекции артефактов.

Благодарности. Коллектив авторов выражает признательность ведущему художнику ИАЭТ СО РАН Н.В. Вавилиной за подготовку иллюстраций.

Список литературы

Васильев С.К., Зенин А.Н. Фаунистические остатки из пещеры Страшная (Северо-Западный Алтай) по материалам раскопок в 1988–2008 годах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 56–62.

Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Шалагина А.В. Результаты полевых исследований пещеры Страшная в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 54–56.

Viola B. New Hominid Remains from Central Asia and Siberia: the Easternmost Neanderthals?: PhD Thesis. – Wien, 2009. – 233 p.

Viola B., Markin S.V., Zenin A., Shunkov M.V., Derevianko A.P. Late pleistocene hominins from the Altai mountains, Russia // Characteristic Features of the Middle to Upper Paleolithic Transition in Eurasia. – Novosibirsk: Publ. Dep. of the Inst. of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2011. – P. 207–213.

References

Krivoshapkin A.I., Zenin V.N., Shalagina A.V. Rezul'taty polevyh issledovanij peshhery Strashnaja v 2014 godu // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. 20. Pp. 54–56. (In Russ.).

Vasil'ev S.K., Zenin A.N. Faunisticheskie ostatki iz peshhery Strashnaja (Severo-Zapadnyj Altaj) po materialam raskopok v 1988–2008 godah // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: mat-ly Itogovoj sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2009. T. 15. Pp. 56–62. (In Russ.).

Viola B. New Hominid Remains from Central Asia and Siberia: the Easternmost Neanderthals? PhD Thesis. Wien, 2009. 233 pp.

Viola B., Markin S.V., Zenin A., Shunkov M.V., Derevianko A.P. Late pleistocene hominins from the Altai mountains, Russia // Characteristic Features of the Middle to Upper Paleolithic Transition in Eurasia. Novosibirsk: Publ. Dep. of the Inst. of Archaeology and Ethnography SB RAS, 2011. Pp. 207–213.

Л.В. Лбова^{1, 2}, В.С. Панов¹, В.Н. Зенин¹, А.В. Барков²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирский государственный университет

E-mail: lbovapnr5@gmail.com

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАДИОУГЛЕРОДНОМ ВОЗРАСТЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ МАЛАЯ СЫЯ*

Проблема определения возраста археологических комплексов, имеющих сложную тафономию, является непростой и актуальной задачей палеолитоведения. Большинство объектов раннего этапа верхнего палеолита в Сибири расположены в условиях предгорных склонов, культуровмещающие отложения характеризуются сложным генезисом, и зачастую даты, полученные при абсолютном датировании, имеют большой разброс. Не является исключением и один из интересных объектов Южной Сибири – местонахождение Малая Сыя.

В результате раскопок 1975–1981 гг. были получены радиоуглеродные даты, не позволяющие однозначно решать проблемы хроностратиграфической позиции верхнепалеолитического комплекса. В настоящей статье представлены результаты абсолютного датирования образцов, отобранных в 2013 г. из культуросодержащих отложений Малой Сый. В статье предлагается обсуждение новых радиоуглеродных дат, полученных в лаборатории AMS Университета Аризоны (г. Тусон, США). Новые результаты дали устойчивую серию датировок, позволяющих более уверенно высказаться о возрасте памятника. Проводится корреляция новых данных с известными датировками, и учитываются мнения, высказанные ранее относительно климатостратиграфических характеристик культуровмещающих отложений. Новые материалы подтверждают точку зрения, согласно которой данный комплекс рассматривается в контексте культур раннего этапа верхнего палеолита Южной Сибири.

Ключевые слова: верхний палеолит, Малая Сыя, хронология, радиоуглеродное датирование.

L.V. Lbova^{1, 2}, V.S. Panov¹, V.N. Zenin¹, A.V. Barkov²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State University

E-mail: lbovapnr5@gmail.com

THE NEW DATA FOR THE RADIOCARBON AGE OF THE MALAYA SYYA SITE

Malaya Syya the Upper Paleolithic site is situated in the Southern Siberia, at the joint of the eastern Kuznetsky Ala Tau foothills and Minusinsk hollow. The site is in Chulym river basin and confined to Middle Bely Uys river. The occurrence belong to western slope of the ravine dissecting the left side of river valley. The position of the site is 54°24'1.96" N, 89°26'34.64" E in his central point. The primary archaeological investigation of this site was provided in 1974–1975, team of IHPP SB RAS realized the stationary excavations at the site in 1975–1981 and 1992, 2000. Team of IAET SB RAS renewed the archaeological field research here in 2013. As a result the excavations of 1975–1981 allowed getting the radiocarbon dates which didn't decide the problem associated to chronostratigraphic position of the Upper Paleolithic complex. This article presents the absolute dating results of the samples from the sediments with cultural remains. It offers to discuss the new radiocarbon dates received in AMS lab of the University of Arizona (Tucson, Arizona, USA). The new results gave the stable series of dates and opportunity to determine the chronology of the site more steadily. The new dates are compared with published dates according to stated opinions about climate-stratigraphic specifics of the culture-contained sediments. The new materials confirm the point of view, which considers this complex in the context of the Early Upper Paleolithic cultures in the Southern Siberia.

Keywords: Upper Paleolithic, Malaya Syya, chronology, radiocarbon dating.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Введение

Верхнепалеолитическое местонахождение Малая Сыя расположено в Южной Сибири, на стыке восточных предгорий Кузнецкого Алатау с территорией Минусинской котловины. Памятник относится к бассейну р. Чулым и приурочен к среднему течению р. Белый Июс. Местонахождение расположено на западном склоне лога, расчленяющего левый борт долины реки. Координаты центральной точки памятника – 54° 24' 1,96" с.ш., 89° 26' 34,64" в.д.

Первые археологические работы на памятнике проводились в 1974–1975 гг., стационарно памятник исследовал отряд ИИФиФ СО РАН в 1975–1981, затем в 1992 и 2000 гг. В 2013 г. археологические полевые работы были возобновлены отрядом ИАЭТ СО РАН. Культуросодержащие отложения на местонахождении Малая Сыя распространены на значительной площади за пределами разрушенной карьером и изученной ранее части памятника; данная площадь перспективна для раскопок.

Разведочными работами в 2013 г. была вскрытая толща четвертичных напластований, представленная исключительно отложениями склонового ряда, на участках распространения культурных остатков стоянки. Характер отложений на данном этапе их изучения не позволяет выделить отдельные комплексы (горизонты?) памятника, заставляет с крайней осторожностью подходить к проблеме выделения отдельных объектов.

На данный момент затруднительно разделить археологический материал на три разновременных комплекса, как это предлагали Ю.П. Холушкин и В.Е. Ларичев [Холушкин, 2009; Лбова и др., 2013]. Абсолютные даты, полученные в ходе исследований памятника в 1970-х гг., имеют довольно большой разброс, что вызвало дискуссию о возрасте культурных остатков [Лисицын, 2000; Холушкин, 2009; Кузьмин и др., 2011].

Материалы и методы исследования

Полученные ранее результаты датирования различного материала представлены в табл. 1.

Разброс дат в настоящее время может объясняться разными причинами. Информация о месте отбора образцов в 1970–2000 гг. в полевой документации отсутствуют. Коррелируются даты позиций 1 и 2, а также 3 и 4, при этом следует отметить, что последние получены в различных лабораториях. Обсуждаемые ниже материалы для датирования были отобраны в ходе разведочных работ в 2013 г. из культуросодержащего горизонта [Лбова и др., 2013].

В пробоподготовке образцов для датирования были использованы стандартные методики обработки костных материалов АВА и древесного угля АВОх [Brock et al., 2010]. В качестве критерия чистоты коллагена был использован общепринятый параметр [Van Klinken, 1999] – атомное отношение углерод/азот (C/N ratio). В общем случае коллаген считается пригодным для датирования, если атомное отношение углерода к азоту лежит в диапазоне 2,9–3,5. Большие значения указывают на загрязнение коллагена углеродсодержащими примесями, меньшие значения говорят о значительной деструкции белка.

Навески образцов костной ткани (по 550–600 мг) были подготовлены по стандартной методике АВА, включающей в себя обработку 0,5М раствором HCl, 0,1М раствором NaOH и последующую желатинизацию в 0,5М растворе HCl. Образец угля обрабатывался растворами 0,5М HCl, 0,1М гидроксида натрия и 0,5М раствором HCl для удаления гуминовых кислот; дополнительно была проведена процедура окисления примесей раствором гипохлорита натрия в слабокислой среде. Приготовление растворов и отмывание между стадиями обработки проводилось исключительно с использованием воды особой чистоты (система Sartorius Arium pro VF, Германия).

Таблица 1. Радиоуглеродные датировки памятника Малая Сыя*

№ п.п	¹⁴ C-дата, л.н.	Лабораторный код	Характер образца
1	34 500 ± 450	СОАН-1286	Кость
2	33 060 ± 300	СОАН-1287	Кость
3	29 600 ± 595	СОАН-4354	Уголь
4	29 450 ± 420	АА-8876	Кость
5	25 250 ± 1 200	ЛЕ-4918	Кость
6	20 370 ± 340 или 20 300 ± 350**	СОАН-1124	Уголь
7	17 840 ± 280	СОАН-4355	Уголь

*По: [Кузьмин и др., 2011].

**В разных публикациях указаны разные даты с одним и тем же лабораторным кодом.

Высушенные при температуре 60 °С образцы были проанализированы на элементном анализаторе (Euro EA 3028 HT, Италия). Найденные значения для всех образцов коллагена $C/N = 3,1-3,3 \pm \pm 0,1$ ($n=4$). Навески коллагена по 17,0 мг сожгли независимо в непрерывном потоке гелия, углекислый газ из потока выделили криогенно с помощью жидкого азота. Углекислоту конвертировали в графит на железном катализаторе и запрессовали в мишень для ускорительного масс-спектрометра.

Навески графита по 50–70 мкг ($n=2$) были проанализированы в тандеме из газового изотопного масс-спектрометра IRMS Delta V Advantage и элементного анализатора Flash 2000 HT (Германия) в режиме непрерывного потока. Найденные значения изотопов углерода были использованы для поправки к радиоуглеродному возрасту [Stuiver, Polach, 1977]. Образцы графита были переданы для измерений в лабораторию AMS Университета Аризоны (г. Тусон, США). Новые значения радиоуглеродного возраста приведены в табл. 2.

Обсуждение

Своеобразие геоморфологической позиции и солифлюкционные процессы способствовали разрушению культуросодержащего слоя. Археологические материалы включены в желтовато-бурые неслоистые суглинки, пористые с вертикальной отдельностью и дериватами ископаемой почвы, представленные темными, бурыми лентами и пятнами. В слое имеются включения черных, палевых, желтоватых, серых суглинков в виде линз. Присутствуют следы ожелезнения, карбонатные примазки. Отдельные артефакты встречаются в нижележащем горизонте суглинка желтовато-бурого цвета, часть материала отмечена в зонах деформаций, вызванных, скорее всего, тектоническими процессами. Отмечаются две генерации морозобойных трещин, прорывающих и деформирующих слои. По нашему мнению, общая стратиграфическая ситуация и предварительный анализ отложений позволяют отнести культуросодержащую пачку к каргинско-

му времени (впоследствии разрушена сартанским солифлюкцией) и определить время формирования литологического слоя с культурными остатками в диапазоне 40–45 – 23–25 тыс. л.н.

Данные спорово-пыльцевого анализа говорят о существовании культурного слоя стоянки в условиях холодных злаково-полынных степей и обезлесения гор, что связывается с эпохой сартанского оледенения [Сафарова, 1985]. Исследования, проведенные Г.Ф. Ямских, показывают, что наиболее «теплым» (очевидно, каргинским) спектром характеризуются отложения, подстилающие и перекрывающие культурный слой [Лисицын, 2000].

Возраст памятника, по мнению В.Е. Ларичева, находится в рамках малохетского потепления (35–33 тыс. л.н.). С.М. Цейтлин в 1978 г. определил культуровмещающие отложения каргинским временем. В дальнейшем В.Е. Ларичев и Ю.П. Холушкин предложили концепцию, согласно которой формирование четвертичных напластований отражает процесс неоднократного заселения территории в период малохетского потепления вплоть до наступления сартанского похолодания. Основным аргументом в пользу этой гипотезы выступали радиоуглеродные датировки для горизонтов культурного слоя: $34\ 500 \pm 450$ и $17\ 840 \pm 280$ л.н. [Холушкин, 2009].

Н.Ф. Лисицын предложил отнести памятник к концу липовско-новоселовского потепления каргинского интерстадиала, либо к началу сартанского оледенения. Выводы основаны на комплексных исследованиях стратиграфии памятника и корреляции с разработанной обобщающей схемой периодизации палеолита Чулымо-Енисейского междуречья. По его наблюдениям, последовательность четвертичных напластований памятника соотносится со стратиграфией стоянок высоких террас Енисея, отмечаются широкие параллели в индустриях между памятниками Малая Сыя и Сабаниха, которая имеет радиоуглеродные датировки в пределах 26–23 тыс. л.н. Н.Ф. Лисицын [2000] предлагает датировать культурный слой памятника Малая Сыя в пределах 27–23 тыс. л.н.

Таблица 2. Данные радиоуглеродного датирования (AMS) в 2014 г.

Входящий шифр	Тип образца	$\delta C13$ гр. ‰ VPDB	Радиоуглеродный возраст, г.	Ошибка измерения, г.	Лабораторный код	
Образец № 11	Кость	–22.4	29 700	320	AA104019	S1302
Образец № 10	Кость	–20.4	28 840	290	AA104020	S1303
Образец № 6	Кость	–21.0	32 640	470	AA104021	S1304
Образец № 5	Кость	–20.7	29 860	330	AA104022	S1305
Образец № 8	Кость	–21.2	31 380	400	AA104023	S1306
Образец № 4	Уголь	–24.9	33 900	550	AA104024	S1307

Каменная индустрия археологического комплекса Малой Сии имеет ярко выраженный верхнепалеолитический облик. Первичное расщепление направлено на получение пластинчатых заготовок с параллельных моно- и бифронтальных нуклеусов. Орудийный набор представлен преимущественно орудиями на пластинах: концевыми скребками, комбинированными орудиями (скребок-остроконечник), остроконечниками, выемчатыми орудиями; единичны резцы. Распространены острия на отщепах, проколки, галечные орудия. Коллекция артефактов из кости и рога демонстрирует стандартный набор инвентаря для верхнепалеолитических памятников, в который входят тесла, наконечники, шилья, ложила. Предметы персональной орнаментации из серпентина демонстрируют единые технологические принципы и монокультурность в их изготовлении. В целом можно охарактеризовать индустрию Малой Сии как близкую к кругу памятников начальной поры верхнего палеолита Южной Сибири.

Заключение

Данные естественных наук допускают существование культурного слоя в различных климатостратиграфических условиях, но новые радиоуглеродные даты аргументированно соотносят комплекс с каргинским временем в диапазоне 29–34 тыс. л.н. При этом большинство дат, как ранее опубликованных, так и новых, – в пределах 29–30 тыс. л.н.

Список литературы

Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Зенин В.Н., Лбова Л.В., Деметьев В.Н. Радиоуглеродное датирование палеолита Сибири и Дальнего Востока России: мат-лы к каталогу ^{14}C -дат (по состоянию на конец 2010 г.) // STRATUM plus. Культурная антропология и археология. – 2011. – № 1. – С. 171–202.

Лбова Л.В., Барков А.В., Харевич В.М., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Кукса Е.Н. Позднепалеолитическое местонахождение Малая Сяя: итоги полевых исследований 2013 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 104–109.

Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2000. – 230 с.

Сафарова С.А. Природная среда обитания людей в палеолите в Минусинской котловине (по дан-

ным спорово-пыльцевому анализу) // КСИА. – 1985. – Вып. 181. – С. 98–102.

Холушкин Ю.П. Поселение Малая Сяя – ранний этап верхнего палеолита Сибири (к проблеме начала становления культур *Homo sapiens* в Северной Азии) // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. – Красноярск: Город, 2009. – С. 137–145.

Brock F., Higham T., Ditchfield P., Bronk Ramsey C. Current Pretreatment Methods for AMS Radiocarbon Dating at the Oxford Radiocarbon Accelerator Unit (ORAU) // Radiocarbon. – 2010. – Vol. 52, N 1. – P. 103–112.

Stuiver M., Polach H.A. Discussion: Reporting of ^{14}C Data // Radiocarbon. – 1977. – Vol. 19 (3). – P. 355–363.

Van Klinken G.J. Bone Collagen Quality Indicators for Palaeodietary and Radiocarbon Measurements // J. of Archaeological Science. – 1999. – Vol. 26. – P. 687–695.

References

Brock F., Higham T., Ditchfield P., Bronk Ramsey C. Current Pretreatment Methods for AMS Radiocarbon Dating at the Oxford Radiocarbon Accelerator Unit (ORAU) // Radiocarbon. 2010. Vol. 52, No. 1. Pp. 103–112.

Holjushkin Ju.P. Poselenie Malaja Syja – rannij etap verhnego paleolita Sibiri (k probleme nachala stanovlenija kul'tur *Homo sapiens* v Severnoj Azii) // Astroarheologija – estestvenno-nauchnyj instrument poznaniya protonauk i astral'nyh religij zhrechestva drevnih kul'tur Hakasii. Krasnojarsk: Gorod, 2009. Pp. 137–145. (In Russ.).

Kuz'min Ja.V., Orlova L.A., Zenin V.N., Lbova L.V., Dement'ev V.N. Radiouglerodnoe datirovanie paleolita Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii: mat-ly k katalogu ^{14}C -dat (po sostojaniju na konec 2010 g.) // STRATUM plus. Kul'turnaja antropologija i arheologija. 2011. No. 1. Pp. 171–202. (In Russ.).

Lbova L.V., Barkov A.V., Harevich V.M., Stasjuk I.V., Tomilova E.A., Kuksa E.N. Pozdnepaleoliticheskoe mestonahozhdenie Malaja Syja: itogi polevyh issledovanij 2013 g. // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: mat-ly Itogovoj sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2013. Vol. 19. Pp. 104–109. (In Russ.).

Lisicyn N.F. Pozdnij paleolit Chulymo-Enisejskogo mezhdurech'ja. St. Peterburg: Peterburg. vostokovedenie, 2000. 230 pp. (In Russ.).

Safarova S.A. Prirodnaja sreda obitanija ljudej v paleolite v Minusinskoj kotlovine (po dannym sporovopyl'cevoego analiza) // KSIA. 1985. Iss. 181. Pp. 98–102. (In Russ.).

Stuiver M., Polach H.A. Discussion: Reporting of ^{14}C Data // Radiocarbon. 1977. Vol. 19 (3). Pp. 355–363.

Van Klinken G.J. Bone Collagen Quality Indicators for Palaeodietary and Radiocarbon Measurements // Journal of Archaeological Science. 1999. Vol. 26. Pp. 687–695.

В.Е. Медведев¹, И.В. Филатова^{1, 2}¹Институт археологии и этнографии СО РАН²Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет

E-mail: Medvedev@archaeology.nsc.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА НЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПОСЕЛЕНИЙ У СЕЛА КАЗАКЕВИЧЕВО (по материалам исследований в 1959–1960 годах)*

В статье на основе открытий второй половины XX – начала XXI в. на нижнем Амуре по-новому интерпретированы комплексы поселений эпохи неолита, найденные и исследованные ранее в районе с. Казакевичево. Изучение материалов коллекции, полученных в результате разведывательных работ 1959 и 1960 гг., показало наличие в ней неолитических артефактов (в первую очередь керамики) всех известных к настоящему времени культур, а также ряда культурно-хронологических типов. Морфотипологический анализ каменного инвентаря позволил соотнести его с осиповской, мариинской, малышевской, кондонской и вознесенской культурами, а также с финально-неолитическим комплексом. Культурно-хронологический анализ керамики определил ее принадлежность к вышеперечисленным культурам, к «петропавловскому» и «бойсманскому» типам. Исследованным источникам дана современная оценка. Осиповская керамика подразделена на две группы, одна из которых более архаична. Мариинская соотнесена с поздним этапом развития на основе сравнения с материалами с о-ва Сучу. В составе малышевской выделены ранний и развитый комплексы. Керамика «бойсманского» типа коррелируется со вторым и четвертым этапами развития приморской культуры, а также с материалами со стоянки Амурзет (средний Амур). Для каждой группы керамического комплекса выявлены аналогии с другими нижеамурскими памятниками. Накопленные знания позволили не только определить район с. Казакевичево как «транзитную» зону, где происходили культурные контакты неолитического населения сопредельных территорий Приамурья и Приуссурия, но и расширить представление об ареалах носителей мариинской культуры и позднего этапа вознесенской.

Ключевые слова: Приамурье, Казакевичево, неолит, археологические культуры, культурно-хронологические типы, артефакты, «транзит».

V.E. Medvedev¹, I.V. Filatova^{1, 2}¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS²Amur State University of Humanities and Pedagogy

E-mail: Medvedev@archaeology.nsc.ru

THE CURRENT FOCUS ON THE NEOLITHIC COMPLEXES FROM THE SETTLEMENTS NEAR KAZAKEVICHEVO VILLAGE (1959–1960 excavation campaign)

The new data, obtained in the Lower Amur River in the second half of 20 – early 21 centuries, gave an opportunity to revise interpretation of Neolithic settlement complexes, previously found near Kazakevichevo village. Collection was obtained during the surveys of 1959 and 1960 and contain the Neolithic artifacts, pottery foremost, remains of all well-known cultures and range of cultural-chronological types. According to morpho-typological analysis, lithic artifacts are compared with Osipovo, Mariinsk, Malyshevo, Kondon and Voznesenovo cultures and Final Neolithic complex also. The cultural chronological analysis determined that pottery is related to cultures mentioned above and “Petrovavlovsk” and “Boisman” types.

Cultural and chronological analysis of the pottery has determined that it belongs to the above cultures, to “Peter and Paul” and “Boisman” types. We give a modern estimate to studied materials. Osipovo ceramics divided into two groups, one of them is more archaic. Mariinsk is correlated with the later development stages in comparison with materials

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

from Suchu. We marked out early and developed complex within a Malyshevo. Ceramic "Boisman" type correlates with second and fourth development stages in Primorsky culture and materials from Amurzet site (Middle Amur). Each ceramic complex has the analogies with the other Lower Amur sites. These data permit to determine the area near Kazakevichevo village as the transitional zone, where Neolithic population from the Amur and Ussuri Regions contacted. The home areas of Mariinsk and Voznesenovo culture were considered deeply.

Keywords: Amur Region, Kazakevichevo, Neolithic, archaeological cultures, cultural chronological types, artefacts, "transit".

Разновременные поселения, открытые и исследованные в 1959–1960 гг. экспедицией А.П. Окладникова в районе с. Казакевичево на правом берегу протоки Амурской, неподалеку от впадения в нее р. Уссури, располагались на террасах высотой 5–7 м. Неолитические материалы из шурфов и подъемных сборов показали, что они в основном связаны с темным гумусированным слоем, перекрывавшим лессовидную глину. Некоторые результаты изучения памятников были опубликованы; специальную статью им посвятил В.Е. Ларичев* [Окладников, Деревянко, 1973, с. 113–114; Ларичев, 1961]. Исследователи пришли к выводу о разновременности и разнородности находок эпохи неолита. В.Е. Ларичев выделил три комплекса в составе так называемой нижнеуссурийской неолитической культуры. Первый, охарактеризованный только на основе каменных изделий, по его мнению, был генетически связан с осиповской традицией. Второй включал материалы с «элементами северной культуры». Третий комплекс, судя по описанию включенных в него артефактов, в настоящее время коррелируется с малышевской и вознесенской культурами [Ларичев, 1961, с. 266–268].

Наш анализ материалов из Казакевичево подтвердил точку зрения исследователей о разновременном и разнородном характере неолитических материалов, однако число комплексов, с которыми они могут быть связаны, значительно больше и древнее обозначенных ранее.

Самые ранние неолитические артефакты коллекции – изделия из камня и, как выяснилось сейчас, фрагменты керамики (рис. 1, 1–10) – относятся к осиповской культуре начального неолита. Каменные орудия представлены типичными для осиповцев бифасами: алевролитовыми остроконечником и крупным вкладышем, срединным обломком остроконечника из яшмы. Предметы оформлены уплощающей двусторонней и приострающей краевой ретушью.

Осиповская керамика типологически подразделяется на две группы. Первая группа обломков

(венчик с частью стенки, две стенки и донце) выглядит более архаичной. Венчик толстостенного сосуда, на внешней поверхности которого видны следы от выгоревших стеблей травы, на внутренней – от вдавлений пальцев, был украшен налепными валиками, слегка рассеченными подовальными вдавлениями. Один фрагмент стенки практически идентичен венчику: вероятно, это также обломок от верхней части сосуда. Еще одна стенка и донце по своим характеристикам сходны с вышеописанными фрагментами. Вторая группа: венчик от тонкостенного сосуда со сквозным отверстием и подпрямоугольными оттисками по обрезу устья, один обломок стенки от крупного сосуда-ситулы и другой – от менее массивного изделия того же типа. На всех фрагментах с обеих сторон прочерчены параллельные желобки.

Следующий по времени комплекс (рис. 1, 11–26) – изделия из камня (13 экз.) и керамика (30 экз.) – связан с мариинской культурой раннего неолита. Каменный инвентарь представлен нуклеусами (6 экз.), сколом, двумя отщепами, в том числе пластинчатым, и обломком ножевидной пластинки. Форма ядрищ близка к подтрапецевидной; четыре из них из окремнелого туфа, еще одно – из яшмы. Есть также три орудия на ножевидных пластинах кремнистой породы, подправленных приострающей ретушью.

Мариинская керамика – фрагменты верхних частей (10 экз.), венчиков (15 экз.) и стенок (6 экз.) от разных сосудов бочонковидной и горшковидной формы, декорированные оттисками 4-, 5- и 7-, реже 2- и 3-зубчатой «гребенки». Практически вся керамика с характерным отгибом венчиков наружу, слегка выделенной горловиной и плечиками, но есть также и прямые венчики. Обрезы устьев уплощены или скруглены. Мариинская керамика из Казакевичево аналогична материалам Петропавловки-Острова и Амурского Санатория и выглядит менее архаичной по сравнению с находками с о-ва Сучу.

Этап раннего неолита представлен также двумя фрагментами керамики малышевской культуры (ранний комплекс) (рис. 1, 27). Оба – обломки верхних частей от сосудов типа ситулы. Кромка и внешний бортик венчиков декорированы овальными оттисками. Аналогичные черепки зафиксиро-

*В публикации В.Е. Ларичева протока Амурская ошибочно названа р. Уссури; к сожалению, в работе отсутствуют иллюстрации.

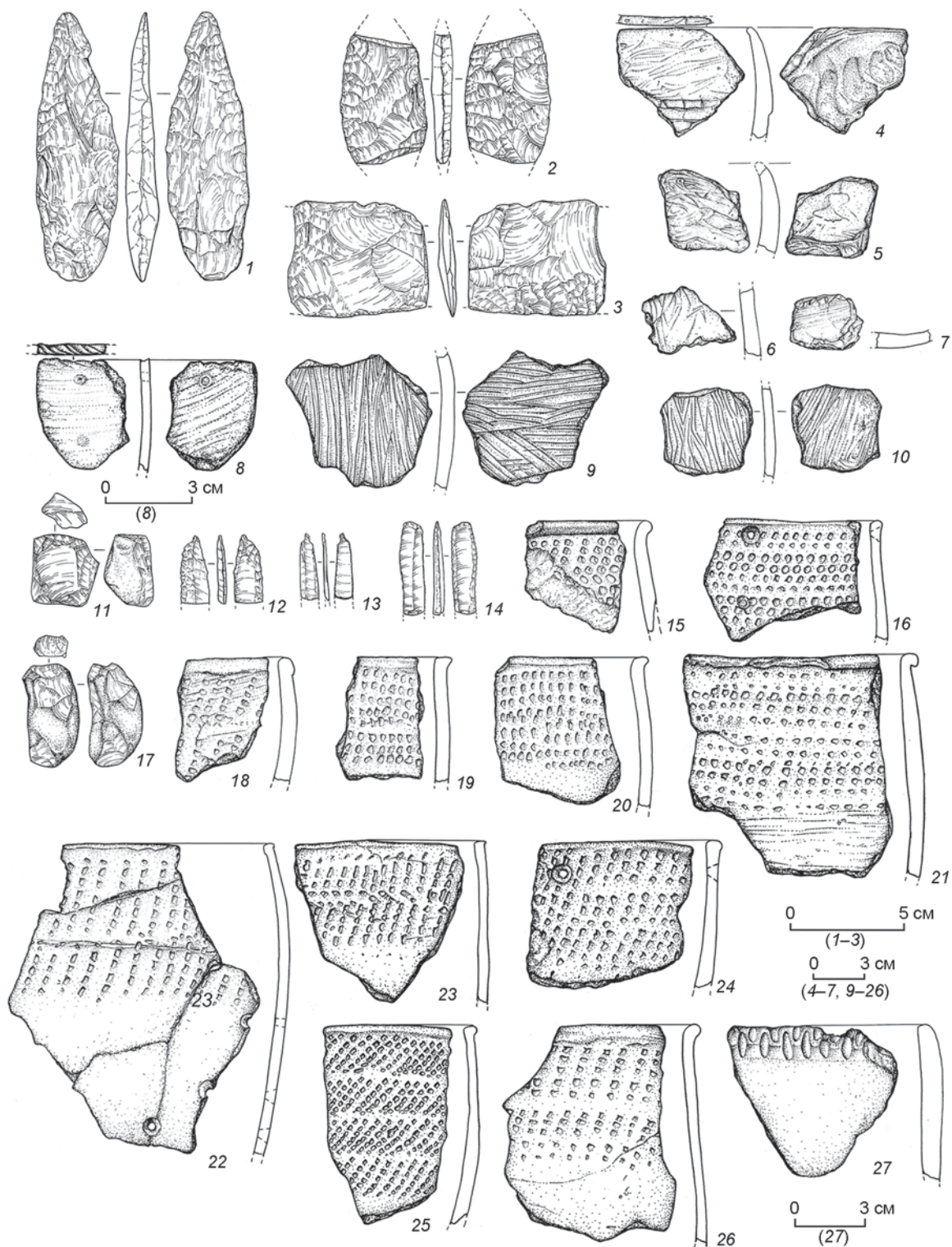

Рис. 1. Изделия из камня (1-3, 11-14, 17) и керамика (4-10, 15, 16, 18-27) начального и раннего неолита. Поселения у с. Казакевичево.

1-10 – осиповская культура; 11-26 – марининская культура; 27 – малышевская культура (ранний комплекс).

рованы в материалах Малышево-1, Петропавловка-Остров, Амурский Санаторий.

С этапом среднего неолита можно связать изделия из камня (рис. 2, 1-5, 7-10) и немногочисленную керамику малышевской (рис. 2, 6, 11) и кон-

донской (рис. 2, 12-15) культур. Каменные орудия (19 экз.) и их обломки (3 экз.) из кремня, яшмы, халцедона, кварца, алевролита – бифасы. Представлены выемчатые (6 экз.) и черешковые (2 экз.) наконечники стрел, ножи (два целых и три об-

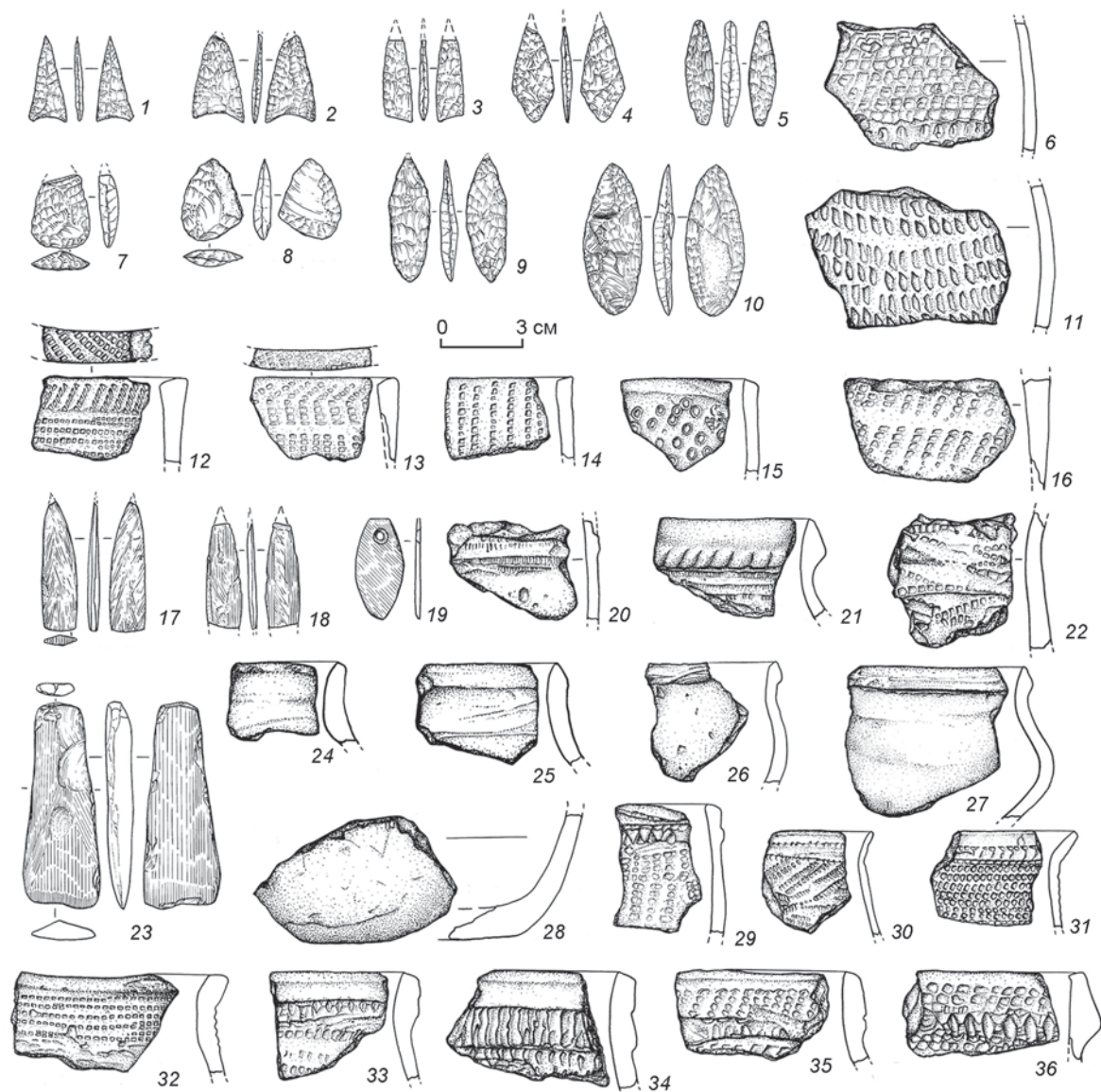

Рис. 2. Изделия из камня (1–5, 7–10, 17–19, 23) и керамика (6, 11–16, 20–22, 24–36) среднего, позднего и финального неолита. Поселения у с. Казакевичево. Художник Ю.В. Табарева.

1–11 – малышевская культура; 12–15 – кондонская культура; 16 – петропавловский культурно-хронологический тип; 17–23 – вознесенская культура; 24–28 – финальнонеолитический культурно-хронологический тип; 29–31, 33–36 – «бойсманский» культурно-хронологический тип; 32 – фрагмент верхней части сосуда с признаками «гибридизации».

ломка), проколки (2 экз.), вкладыш. Есть также концевые скребки (3 экз.), подработанные ретушью. Малышевская керамика – это типичные для развитого комплекса культуры обломки стенок (8 экз.) с оттисками 2-, 4- и 5-зубчатой «гребенки» (анalogии – Гася, Вознесенское, Сучу).

Кондонская керамика (шесть венчиков и пять стенок) также относится к развитому этапу. Три венчика – от сосудов одного типа. У них прямой венчик со скошенным внутрь обрезом устья, украшенным оттисками «гребенки». Тем же штампом декорирован и внешний бортик венчика, но ниже ориентированные вертикально или горизонтально вдавления нанесены уже другим гре-

бенчатым штампом. Еще один венчик украшен круглыми оттисками, оставленными, вероятно, вдавлениями поллой палочки.

Поздний и финальный этапы неолита характеризуются изделиями из камня (рис. 2, 17–19, 23), керамикой вознесенской культуры (рис. 2, 20–22) и финальнонеолитического комплекса (рис. 2, 24–28). Каменные изделия – наконечники стрел ланцетовидной формы с прямым (2 экз.) и выемчатым (1 экз.) основанием и их обломки (3 экз.), подвеска листовидной формы с просверленным отверстием, тесло и стамеска – выполнены шлифовкой и заточкой преимущественно из алевролита, реже – из кремнистой породы.

Вознесеновская керамика – два венчика и две стенки. Венчики с утолщенными наlepным ва- ликом внешними бортиками, декорированными удлинёнными насечками или оттисками зубчато- го колесика. Обе стенки украшены вертикальным зигзагом в разной технике. Фрагменты стенок ти- пичны для развитого этапа существования куль- туры (Вознесенское, Кондон-Почта), венчиков (в тесте – примесь органики) – для позднего (Ма- лышево-1, Сучу, Кольчём-2, -3).

Финальнонеолитическая керамика – верхняя и две нижние части, три венчика и три стенки от небольших размеров хорошо профилированных сосудов горшковидной формы. Ее отличительная особенность – утолщение внешнего бортика вен- чика подтреугольным наlepом и стенки без орна- мента (анalogии – Сучу, Богородское-4).

Помимо комплексов, коррелирующихся с ар- хеологическими культурами Нижнего Приамурья, в коллекции из Казакевичёво присутствует также керамика двух культурно-хронологических типов. Венчик и три стенки принадлежат к петропавлов- скому типу (рис. 2, 16). Это черепки с довольно обильной примесью песка и дресвы, декориро- ванные оттисками 4- и 5-зубчатого гребенчатого штампа. Девять венчиков и стенка (рис. 2, 29–36), возможно, связаны с приморской бойсманской культурой. Типологически эта керамика может быть разделена на две группы. В первой прослежи- ваются признаки второго, во второй – четвертого этапа развития бойсманской культуры [Морева, 2003]. У еще одного фрагмента венчика на сохра- нившейся части плечика видны оттиски веревки. Не меньше аналогий этой керамике можно про- следовать в материалах Амурзетской неолитической стоянки на среднем Амуре, вероятно, более ран- ней, чем бойсманские памятники [Медведев, 2009, рис. 21; 22, 1–8].

Таким образом, современные представления о нижнеамурском неолите, основывающиеся на от- крытиях последней четверти XX – начала XXI в., дают возможность переосмыслить источники, по- лученные в результате исследования поселений у с. Казакевичёво более полувека назад. Новые данные подтвердили мнение первых исследовате- лей о р. Уссури, как об одной из «дорог» древнос- ти. Количество выделенных культур и комплексов неолитической эпохи свидетельствует в пользу того, что район на стыке Уссури и Амура может быть определен как одна из «транзитных» зон, где происходили постоянные культурные кон- такты неолитического населения сопредельных территорий Приамурья и Приморья.

Не менее важным представляется значитель- ное расширение ареалов носителей недавно вы-

деленной мариинской культуры, а также позднего этапа вознесеновской. Увеличение территории, занимаемой мариинской культурой, еще раз сви- детельствует о ее мощном потенциале развития и соответствующей культурной традиции.

В заключение можно констатировать, что про- веденный анализ неолитических комплексов по- селений у с. Казакевичёво не только в известной степени подтвердил уже сказанное ранее, но и обо- значил актуальность изучения амурского и в це- лом южнодальневосточного неолита.

Список литературы

Ларичев В.Е. Неолитические поселения в низовьях р. Уссури (с. Казакевичёво) // *Вопр. истории Сибири и Дальнего Востока.* – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1961. – С. 255–268.

Медведев В.Е. Двухслойный памятник Амурзет и некоторые вопросы археологии Приамурья // *Куль- турная хронология и другие проблемы в исследова- ниях древностей востока Азии.* – Хабаровск: ХККМ, 2009. – С. 199–228.

Морева О.Л. Относительная периодизация керами- ческих комплексов бойсманской археологической куль- туры памятника Бойсмана-2 // *Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: мат-лы Междунар. конф. «Из века в век», посвящ. 95-летию со дня рождения акад. А.П. Окладникова и 50-летию Дальневост. археол. экспедиции РАН.* Вла- дивосток, 11–25 сент. 2003 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 172–175.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое про- шлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Дальне- вост. кн. изд-во, 1973. – 440 с.

References

Larichev V.E. Neoliticheskie poseleniya v nizov'yakh r. Ussuri (s. Kazakevichevo) // *Vopr. istorii Sibiri i Dal'nego Vostoka.* Novosibirsk: Izd-vo SO AN SSSR, 1961. Pp. 255–268. (In Russ.).

Medvedev V.E. Dvukhslojnyj pamyatnik Amurzet i nekotorye voprosy arkheologii Priamur'ya // *Kul'turnaya khronologiya i drugie problemy v issledovaniyakh drevnostej vostoka Azii.* Khabarovsk: KhKMM, 2009. Pp. 199–228. (In Russ.).

Moreva O.L. Otnositel'naya periodizatsiya kerami- cheskikh kompleksov bojsmanskoj arkheologicheskoy kul'tury pamyatnika Bojsmana-2 // *Problemy arkheologii i paleoehkologii Severnoj, Vostochnoj i Tsentral'noj Azii: mat-ly Mezhdunar. konf. «Iz veka v vek», posvyashh. 95-letiyu so dnya rozhdenija akademika A.P. Okladnikova i 50-letiyu Dal'nevostochnoj arkheologicheskoy ehkspedit- sii RAN.* Vladivostok, 11–25 sent. 2003 g. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2003. Pp. 172–175. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Derevyanko A.P. Dalekoe prosh- loe Primor'ya i Priamur'ya. Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo, 1973. 440 pp. (In Russ.).

В.Е. Медведев¹, Ю.Б. Цетлин²¹Институт археологии и этнографии СО РАН²Институт археологии РАН

E-mail: Medvedev@archaeology.nsc.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РАННЕМ ГОНЧАРСТВЕ В МАЛЫШЕВСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА*

В статье представлены результаты исследования с позиций историко-культурного подхода керамики малышевской культуры, долгое время считавшейся самой ранней на нижнем Амуре. Обломки сосудов подвергнуты технико-технологическому, морфологическому и термическому анализу. Изучены материалы наиболее ранних памятников данной культуры (Малышево-1, Амурский Санаторий и Шереметьево) с целью выделения начальных традиций малышевских гончаров, проведения их сравнительного анализа с традициями гончарства в осиповской и мариинской культурах, а также характеристики процесса сложения этих традиций в рамках самой малышевской культуры. Установлено, что среди сосудов рассматриваемой культуры преобладали изделия с четырехчастной естественной структурой (губа + предплечье + тулово + дно) и диаметром венчика 26–30 см. В качестве исходного пластичного сырья гончары чаще применяли среднеожезженную и среднепластичную глину. Почти все сосуды изготовлены из глины с естественной примесью мелкого окатанного песка и бурого железняка. Использовались три рецепта формовочных масс на основе глины, дресвы, шамота и специального органического раствора. Сосуды изготовлены лоскутным налепом по кольцевой траектории, преимущественно на форме-основе, реже в форме-емкости; обработка поверхностей производилась заглаживанием кожей. Наиболее распространенным способом термической обработки был низкотемпературный обжиг в восстановительной среде с последующим обвариванием изделий. Определены две основные сферы использования посуды в быту – «холодная» и «горячая». Выделенные гончарные традиции подразделяются на субстратные (наиболее устойчивые) и приспособительные (менее устойчивые) при смешении разных групп населения. В сложении состава носителей малышевской культуры могли принимать участие носители мариинской культуры, но они не были единственными. В малышевской гончарной традиции прослеживается влияние других местных неолитических обитателей, возможно финальноосиповских.

Ключевые слова: Приамурье, ранний неолит, малышевская культура, керамика, гончарные традиции, анализ.

V.E. Medvedev¹, Yu.B. Tsetlin²¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS²Institute of Archaeology RAS

E-mail: Medvedev@archaeology.nsc.ru

A NEW DATA ON THE EARLY POTTERY OF THE MALYSHEVO NEOLITHIC CULTURE IN THE FAR EAST

We present here the results of a pottery study, provided with historical and cultural approach. These ceramics considered as the earliest Malyshevo in the Lower Amur. We conducted technico-typological, morphological and thermal analyses for the fragments of vessels. We studied the material from the earliest Malyshevo sites with the views to divide the initial traditions of Malyshevo potters; compare them with pottery traditions of Osipovo and Mariinsk culture; develop their emergence in Malyshevo culture.

It was found that the items with a four-part a natural structure (lip + forearm + body + bottom) and diameter of 26–30 cm predominated. Potters used the medium iron and medium ball clay as the ball raw material. Most of vessels were made of sand-tempered clay or with natural impurity of ironstone. Potters applied three recipes of moulding compound: based on clay, debris, chamotte and special organic solution. Vessels were produced with strip gluing along circular trajectory and using of form-base, rarer form-container. Surface was treated by leather floating. The most common method

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 15-06-00246.

of heat treatment was the low-temperature reducing firing with further scalding. We defined two main areas of everyday application of the pottery - the "cold" and "hot".

Dedicated pottery tradition divided into substrate (most stable) and adaptive (less stable) during the integration of different population groups. The bearers of Mariinsk culture could participate in forming of Malyshevo population, but they were not the only ones. We see in Malyshevo pottery tradition the influence of the other local Neolithic inhabitants, perhaps, Final Osipovo.

Keywords: Amur Region, Early Neolithic, Malyshevo culture, ceramics, pottery tradition, analysis.

Малышевская культура была выделена А.П. Окладниковым в 1960-х гг. и квалифицирована как ранний этап неолита нижнего Амура [Окладников, 1972, с. 21–22; Окладников, Деревянко, 1973, с. 109–127]. Первоначально эту культуру исследователи датировали V–IV тыс. до н.э. [Окладников, Деревянко, 1973, с. 113]. Позже на основе данных радиоуглеродного анализа ее функционирование было определено в пределах второй половины VII – рубежа IV–III тыс. до н.э. [Медведев, 2007]. В настоящее время в составе культуры известно несколько локально-хронологических групп памятников, ранней из которых считается группа, расположенная в юго-западной части Нижнего Приамурья.

Керамика этой культуры (ее формы, орнамент и технология изготовления) уже становилась объектом исследования [Деревянко, Медведев, 2002, с. 57–59; Медведев, Филатова, 2014, с. 45–61].

По инициативе В.Е. Медведева в лаборатории «История керамики» Института археологии РАН с позиций историко-культурного подхода [Бобринский, 1978; 1999] было начато изучение керамики данной культуры с целью: 1) выделить ранние культурные традиции малышевских гончаров; 2) провести их сравнительный анализ с традициями гончаров осиповской и мариинской культур; 3) исследовать процесс сложения гончарства самой малышевской культуры. В статье приводятся краткие итоги этой работы.

Исследовались обломки керамики с трех памятников – Малышево-1 (от 33 сосудов), Амурский Санаторий (от пяти сосудов) и Шереметьево (от пяти сосудов). В общей сложности технико-технологическому, морфологическому и термическому анализам были подвергнуты обломки от 43 разных сосудов (см. рисунок).

Исследование включало определение: 1) размера сосудов, 2) естественной структуры форм, 3) вида сырья и естественных примесей, 4) состава формовочной массы, 5) приемов конструирования сосудов, 6) приемов механической обработки поверхности, 7) режимов и температуры обжига

сосудов и послеобжиговой обработки, 8) орнаментальных традиций, 9) сферы использования сосудов [Цетлин, 2012].

Размер сосудов. В изученных материалах наиболее широко представлены сосуды с диаметром венчика 26–30 см (10 экз.), 21–25 см и >30 см (по 6 экз.).

Естественная структура форм сосудов. Преобладали сосуды с четырехчастной естественной структурой «губа + предплечье + тулово + дно» – 18 экз. Реже использовались более простые и более сложные по структуре сосуды.

Исходное пластичное сырье. Гончары наиболее часто применяли среднежелезненную (34 сосуда) и среднепластичную глину (32 сосуда). Реже использовались глины высокой и слабой железности и высокой и низкой пластичности. Почти все сосуды (41) изготовлены из глины с естественной примесью мелкого окатанного песка и бурого железняка, но добыча сырья производилась как минимум из пяти разных залежей.

Формовочная масса. Глина использовалась во влажном состоянии. Отмечены три рецепта формовочных масс: глина + дресва + органический раствор (28 сосудов), глина + шамот + органический раствор (10 сосудов) и смешанный рецепт – глина + дресва + шамот + органический раствор (4 сосуда). Концентрация дресвы в основном 1:5–1:6, а шамота 1:5.

Конструирование. Все сосуды изготовлены лоскутным налепом по кольцевой траектории, преимущественно на форме-основе (12 сосудов), реже в форме-емкости (4 сосуда). Нужная форма изделия придавалась путем выбивания колотушкой и выдавливания.

Образцы керамики малышевской культуры.

1, 2 – Малышево; 3 – Шереметьево.

Обработка поверхностей производилась заглаживанием кожей (около 30 сосудов). Иногда на поверхностях сосудов фиксируется слабая бытовая залощенность.

Термическая обработка. Наиболее распространенным был длительный низкотемпературный обжиг в восстановительной среде с последующим обвариванием изделий (26 сосудов). Реже он завершался короткой выдержкой сосудов в окислительной среде при температурах каления.

Орнаментация наносилась на торец венчика (зафиксировано девять мотивов орнамента – ряды вертикальных отпечатков гладкого штампа и гребенчатого штампа с наклоном вправо) и на внешнюю поверхность верхней части сосуда (отмечены 10 мотивов, наиболее массовыми были мотив из рядов гребенчатого штампа с наклоном вправо, из гребенчатых вертикальных оттисков и из нескольких рядов горизонтальных ромбических отпечатков).

Сфера использования сосудов. Выделены две основных сферы использования посуды в быту – «холодная» (26 сосудов) и «горячая» (16 сосудов).

Таким образом, носители малышевской культуры использовали для своих нужд достаточно крупные сосуды с разной по сложности естественной структурой.

Выявленные гончарные традиции разделяются на субстратные (наиболее устойчивые) и приспособительные (менее устойчивые) при смешении разных групп древнего населения [Бобринский, 1978].

Субстратные традиции представлены использованием лоскутного налёпа на форме-основе и реже в форме-емкости с последующим выбиванием стенок колотушкой. Среди способов придания сосудам прочности и водонепроницаемости доминантной традицией являлся длительный обжиг в восстановительной среде, иногда с короткой выдержкой в окислительной среде и обвариванием; рецессивная традиция была связана с неполным обжигом в окислительной среде. Отмеченная двойственность субстратных традиций свидетельствуют о сложении малышевского населения на основе двух различных культурных групп.

Приспособительные традиции указывают на то, что на изученных поселениях работало несколько гончаров, использовавших среднежелезную и среднепластичную влажную глину, которую добывали в разных залежах. Анализ формовочных масс керамики позволил выделить две несмешанных традиции (на основе дресвы и шамота) и смешанную традицию (сочетание в одном рецепте и дресвы, и шамота). При этом,

во-первых, традиция использования дресвы была доминирующей, а шамота – рецессивной, во-вторых, сам процесс смешения их носителей находился еще в начальной стадии. Орнаментальные традиции также отличаются заметным разнообразием. К доминирующей традиции относится мотив из наклонных вправо гребенчатых отпечатков, а к рецессивной – мотивы из вертикальных гребенчатых, горизонтальных ромбических, вертикальных гладких и ямчатых отпечатков.

Все эти факты свидетельствуют о значительной культурной неоднородности гончарных традиций и малышевского населения в целом. Оно сложилось на основе двух культурных групп населения: одной более массовой (доминантной), другой – менее массовой (рецессивной), которые контактировали и смешивались друг с другом. Ранний этап малышевской культуры как раз отражает начало этих процессов.

Теперь обратимся к вопросу о возможных связях носителей малышевской культуры с носителями осиповской и мариинской культур.

Осиповская культура. Сосуды плоскодонные, четырехчастные (губа + предплечье + тулово + дно), применялись для приготовления горячей пищи (57 %) и для хранения продуктов (43 %). Использовалось только природное илистое сырье, в которое в 60 % случаев вводился органический раствор. Сосуды конструировались лоскутным налёпом на формах-основах (58 %) или в формах-емкостях (42 %). Поверхность подвергалась бороздчатому заглаживанию травой или штампом. Изделия подвергались длительному низкотемпературному обжигу (74 %), который иногда дополнялся короткой выдержкой в окислительной среде (24 %). Только половина сосудов имела гребенчатый или ямчатый орнамент.

Мариинская культура. Сосуды плоскодонные, более разнообразные по естественной структуре: губа + тулово + дно (22 %), губа + предплечье + тулово + дно (56 %), губа + щека + предплечье + тулово + дно (20 %); использовались для приготовления горячей пищи (62 %) и для хранения продуктов (38 %). Изготавливались из ожелезненной глины в основном высокой пластичности, с добавлением шамота и органического раствора. Свыше 70 % сосудов сконструированы лоскутным налёпом на формах-основах. Поверхность заглаживалась гладким твердым орудием и/или мягкой кожей. Сосуды подвергались длительному низкотемпературному обжигу (60 %) иногда с короткой выдержкой в окислительной среде (40 %). Все сосуды покрыты разнообразным, главным образом гребенчатым, орнаментом.

Сравнительный анализ гончарных традиций носителей осиповской, мариинской и малышевской культур позволяет выделить как общие, так и специфические для каждой культуры традиции. В частности, к общим, скорее всего эпохального характера, относятся традиции использования лоскутного налёпа. В остальном традиции гончаров мариинской и малышевской культур достаточно близки. Это проявляется в широком использовании аналогичного глинистого сырья, формовочной массы с добавкой шамота и специального органического раствора, в лепке сосудов на формах-основах, заглаживании поверхности сосудов мягкой кожей, использовании сходных режимов термической обработки изделий, развитием декорирования поверхностей сосудов. В то же время в традициях гончаров малышевской культуры намечается большее разнообразие в рецептах формовочной массы, режимах обжига и особенно в декоре сосудов.

Все это позволяет заключить, что в сложении состава носителей малышевской культуры могли принимать участие носители мариинской культуры, но они не были единственными. Отмеченное разнообразие малышевских гончарных традиций указывает на явное присутствие еще одной группы местного неолитического населения, возможно финальноосиповской.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. – М.: Наука, 1978. – 272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 1999. – С. 5–109.

Деревянко А.П., Медведев В.Е. К тридцатилетию начала стационарных исследований на острове Сучу (некоторые итоги) // История и культура Востока Азии: мат-лы Междунар. науч. конф. (Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 53–66.

Медведев В.Е. О хронологии малышевской культуры: новые радиоуглеродные даты для поселения Гася // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы годовой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Но-

восибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 130–135.

Медведев В.Е., Филатова И.В. Керамика эпохи неолита Нижнего Приамурья (орнаментальный аспект). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 168 с.

Окладников А.П. Отчет о раскопках древнего поселения у с. Вознесенского на Амуре, 1966 г. // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1972. – Ч. 1. – С. 3–35.

Окладников А.П., Деревянко А.П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. – Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1973. – 440 с.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2012. – 384 с.

References

Bobrinskij A.A. Goncharstvo Vostochnoj Evropy. Istochniki i metody izuchenija. Moscow: Nauka, 1978. 272 pp. (In Russ.).

Bobrinskij A.A. Goncharnaja tehnologija kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izuchenija // Aktual'nye problemy izuchenija drevnego goncharstva. Samara: Samar. gos. ped. un-t, 1999. Pp. 5–109. (In Russ.).

Cetlin Ju.B. Drevnjaja keramika. Teorija i metody istoriko-kul'turnogo podhoda. Moscow: IA RAN, 2012. 384 pp. (In Russ.).

Derevjanko A.P., Medvedev V.E. K tridcatiletiju nachala stacionarnyh issledovanij na ostrove Suchu (nekotorye itogi) // Istorija i kul'tura Vostoka Azii: mat-ly Mezhdunar. nauch. konf. (Novosibirsk, 9–11 dekabnja 2002 g.). Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2002. Vol. 2. Pp. 53–66. (In Russ.).

Medvedev V.E. O hronologii malyshevskoj kul'tury: novye radiouglerodnye daty dlja poselenija Gasja // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: mat-ly godovoj sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2007. Vol. 13. Pp. 130–135. (In Russ.).

Medvedev V.E., Filatova I.V. Keramika epohi neolita Nizhnego Priamur'ja (ornamental'nyj aspekt). Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. 168 pp. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Otchet o raskopkah drevnego poselenija u s. Voznesenskogo na Amure, 1966 g. // Materialy po arheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka. Novosibirsk, 1972. Pt. 1. Pp. 3–35. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Derevjanko A.P. Dalekoe proshloe Primor'ja i Priamur'ja. Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo, 1973. 440 pp. (In Russ.).

В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, М.С. Нестерова, Д.А. Ненахов

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: msnesterova@gmail.com

**ОТКРЫТИЕ ГРУНТОВЫХ ПОГРЕБЕНИЙ
НЕОЛИТИЧЕСКОГО МОГИЛЬНИКА ВЕНГЕРОВО-2А
В БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ
(археолого-геофизические исследования)***

В статье анализируются результаты археолого-геофизического исследования неолитического могильника Венгерovo-2А (Венгеровский р-н Новосибирской обл.) в 2015 г. Представлена планиграфическая и стратиграфическая характеристика обнаруженных с помощью геофизического мониторинга грунтовых погребений и сопутствующих им ям. Погребение № 2 представляло собой вытянутую овальную яму, на дне которой обнаружены in situ кости стоп взрослого индивида, а также отдельные разрозненные кости без анатомического порядка. Погребение № 3 было совершено на уровне материка, над вытянутой глубокой ямой с прокалом, заполнение которой аналогично заполнению изученных ранее на памятнике рвов погребально-ритуальных комплексов. Вторичное захоронение представлено бедренными, левой большой берцовой и локтевой костями взрослого индивида. Расположение костей в обоих захоронениях позволяет предположить, что первоначально погребенные были уложены вытянуто на спине головой на северо-восток. Погребальный инвентарь представлен каменными отщепами и ножевидными пластинами, а также фрагментом трубчатой кости с орнаментом (игольник?) и имеет широкие аналогии в неолитических могильниках Прииртышья и Верхнего Приобья. Рядом с могилами было обнаружено несколько фрагментов керамики с упрощенной горизонтально-волнистой орнаментацией, выполненной в отступающе-накольчатой технике и относящейся к артынской неолитической культуре. Ориентация захоронений, положение погребенных, характерный сопроводительный инвентарь, расположение могил на краю террасы позволяют синхронизировать данные погребения с изученными ранее на памятнике погребально-ритуальными комплексами и датировать их эпохой неолита. Погребальный обряд и сопроводительный инвентарь изученных на могильнике грунтовых захоронений в целом характерен для известных на сегодняшний день погребальных комплексов лесостепного Прииртышья, однако их отличает сочетание с коллективными погребально-ритуальными конструкциями, сгруппированными под земляными насыпями.

Ключевые слова: неолит, погребально-ритуальный комплекс, могильник Венгерovo-2А, Барабинская лесостепь.

V.I. Molodin, L.N. Mylnikova, M.S. Nesterova, D.A. Nenakhov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: msnesterova@gmail.com

**THE DISCOVERY OF GROUND GRAVES
AT THE NEOLITHIC BURIAL COMPLEX VENGEROVO-2A
IN BARABA FOREST-STEPPE
(archaeological and geophysical research)**

We analyze here the results of archaeological and geophysical studies of the Neolithic burial complex Vengerovo-2A (Vengerovo district, Novosibirsk region) in 2015. We present the planigraphic and stratigraphic characteristics, detected by geophysical monitoring of the ground burials and accompanying burial pits. Burial №2 was the elongated oval pit. At its bottom were found in situ foot bones of adult individual, as well as some scattered bones without anatomical order. Burial № 3 leveled the natural soil over the elongated deep pit with hearth place. The filling of this pit is similar to the previously studied trenches of the burial-ritual complexes in this site. Secondary burial is represented by thigh, left shin and cubit bones

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

of the adult individual. Position of bones in both burials suggests that the buried were originally laid on their back stretched his headlong to NE. The burial assemblage consist of stone flakes, and knife blades, and an ornamented fragment of the tubular bone (pincushion?) and is similar to Neolithic burial complexes of Irtysh region and Upper Ob Region. Near the graves we found a few fragments of pottery with a simplified horizontal-wavy ornamentation made in retreat-stroke technique and related to Artynsky Neolithic culture. Orientation of the graves, position of the buried, typical accompanying equipment, situation of the graves at the edge of the terrace permit to synchronize these burials with previously studied burial-ritual complexes at this site and date them to the Neolithic time. The burial ceremony and the accompanying assemblage from the studied ground graves at this burial complex is generally typical of known burial complexes in the steppe Irtysh region, but they are distinguished by a combination of a collective burial and ritual constructions, grouped under the mounds.

Keywords: Neolithic, burial-ritual complex, burial ground Vengerovo-2A, Baraba forest-steppe.

Могильники эпохи неолита в Западной Сибири пока изучены слабо, поэтому открытие и исследование даже единичного погребального комплекса имеет крайне важное научное значение. Предлагаемый читателю материал не является исключением.

Могильник Венгерово-2А расположен на краю второй надпойменной террасы левого берега р. Тартас в Венгеровском р-не Новосибирской обл. Он был обнаружен в 2011 г. результате исследования поселения кротовской культуры, стратиграфически перекрывающего некоторые неолитические захоронения. В 2012, 2013 гг. было изучено два погребально-ритуальных комплекса и одиночное грунтовое захоронение, датированные концом VI – началом V тыс. до н.э. [Молодин и др., 2011; 2012; 2013].

В 2015 г. планомерные поиски неолитических погребальных комплексов были продолжены. Ввиду практически полного отсутствия на поверхности террасы визуальных признаков расположения могил, для их обнаружения была проведена геомагнитная съемка на предмет выявления характерных аномалий. В 30 м к северо-западу по краю террасы от погребально-ритуального комплекса № 2 было зафиксировано две таких аномалии, над которыми и был заложен раскоп площадью 39 м². В результате обнаружены две грунтовые могилы и несколько ям. Учитывая научную значимость данного материала, несмотря на его малочисленность, нам представляется необходимой его исчерпывающая публикация, тем более что раскопки полностью подтвердили результаты геофизического мониторинга.

Объект № 1 (погр. № 2 согласно сквозной нумерации грунтовых погребений могильника Венгерово-2А) представлял собой вытянутую овальную яму размерами 1,85 × 0,65 м, глубиной до 0,35 м, ориентированную по линии ССВ – ЮЮЗ (рис. 1, а, б). Стенки ямы отвесные, дно ровное. В юго-западной части продольные стенки нарушены, вероятно, глубокой лесозащитной полосой, что фиксируется в стратиграфическом профиле раскопа. Захоронение было потревожено еще в древности.

In situ сохранились частично только кости стоп (пяточные, плюсневые кости, несколько фаланг) взрослого человека. Судя по их расположению, погребенный лежал вытянуто на спине головой на СВ. В центральной части могилы обнаружено скопление костей, по-видимому, этого же индивида, лежащих без анатомического порядка; среди них зафиксированы несколько позвонков, ключица, фрагмент лопатки, несколько фаланг и зуб. В заполнении ямы найдены отщеп и фрагмент пластины (рис. 2, 1, 2).

Объект № 2 (погр. № 3) был обнаружен на уровне материка, над ямой, в 3 м от погр. № 2. Он представлял собой вторичное парциальное захоронение, также нарушенное противопожарной лесозащитной полосой (см. рис. 1, 3). *In situ* сохранились бедренные кости, правые большая берцовая и локтевая кости, а также фаланги левой кисти, судя по расположению которых погребенный был уложен вытянуто на спине головой на ССВ. Между эпифизами бедренных костей в районе таза был обнаружен фрагмент трубчатой кости (игольник?) (рис. 2, 10).

Яма, в верхней части которой был расположен скелет, представляла собой вытянутое углубление неправильной формы, размерами 3,2 × 1,5 м, глубиной до 0,6 м, ориентированное по линии В – З (см. рис. 1, 1). Заполнение ее неоднородно, в верхней части фиксируется линза мешаной пестрой темно-серо-желтой супеси, ее подстилает линза более темной супеси. В западной части зафиксирован довольно мощный прокол с углистыми линзами. Нижняя часть заполнения представлена мешаной плотной желто-серой мелкодисперсной супесью. В заполнении ямы обнаружено три пластины и отщеп (рис. 2, 3–6). По своей планиграфии и конструктивным особенностям яма, в которой было совершено данное захоронение, напоминала часть рва, зафиксированного при изучении двух первых конструкций неолитического могильника, особенно второго сооружения, где в аналогичном сегменте рва было совершено вторичное захоронение [Молодин и др., 2013].

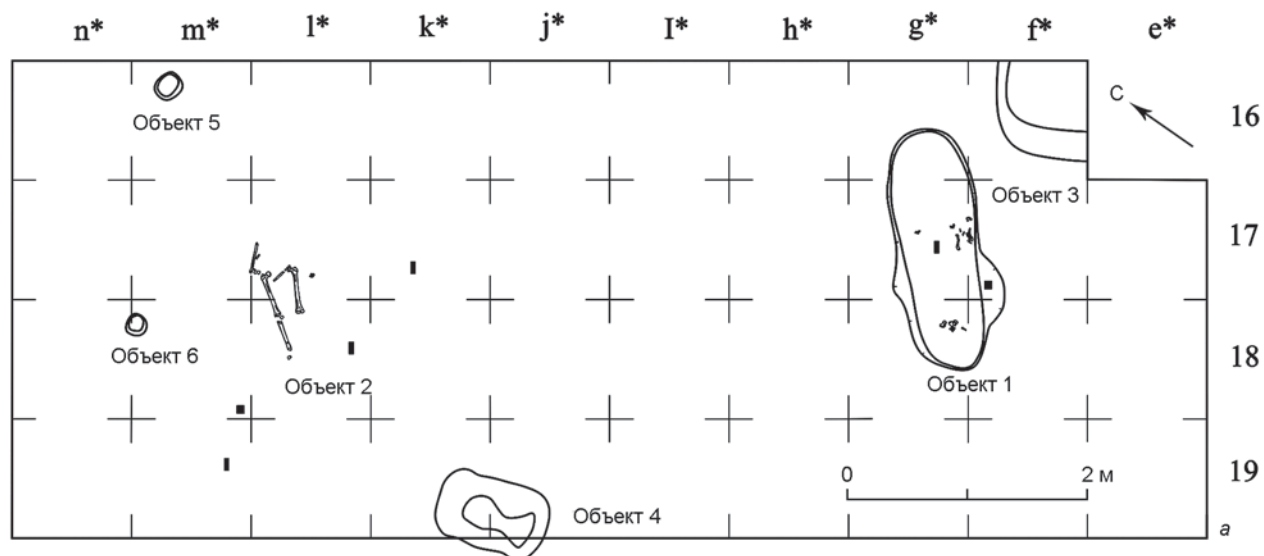
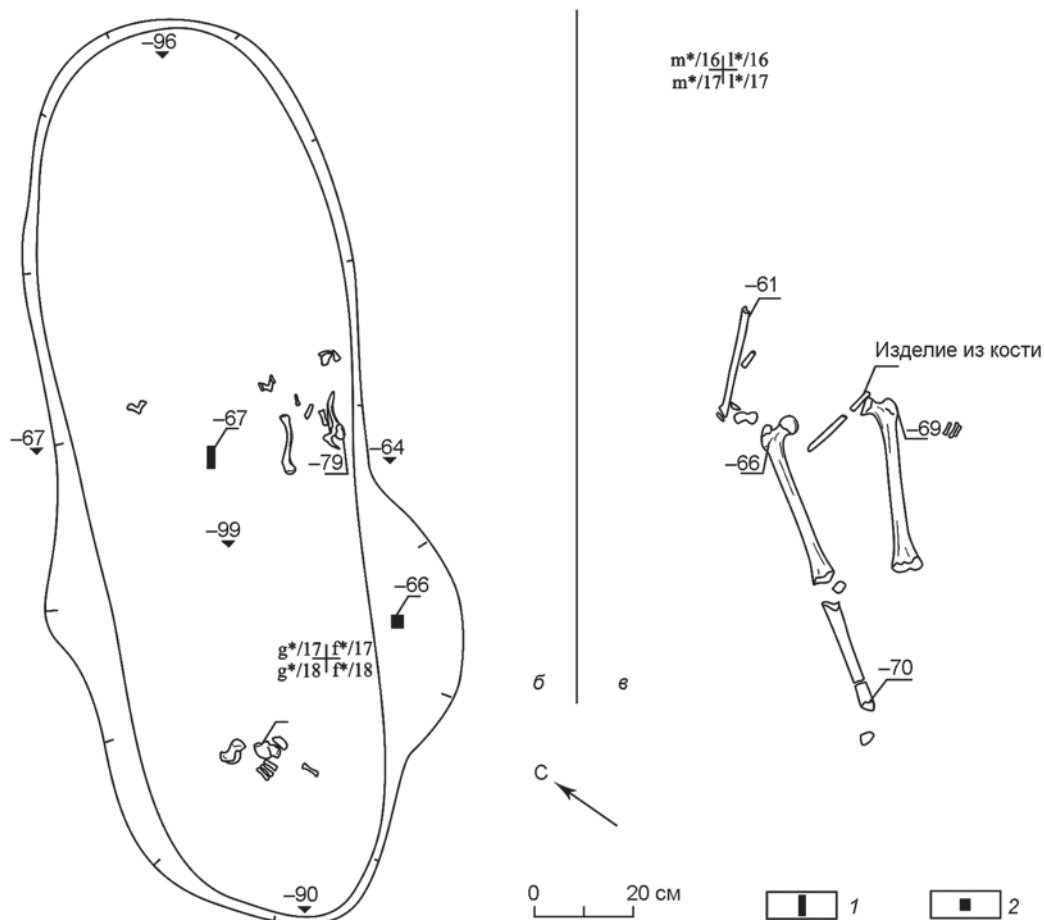

Рис. 1. Венгерово-2А.

а – план раскопа 2015 г.; б – погр. № 2; в – погр. № 3.
1 – пластина; 2 – отщеп.

С северо-западной стороны от объекта № 2, на расстоянии ок. 1 м, обнаружены две округлые ямки диаметром до 0,2 м. Еще одна небольшая округлая яма размерами 1,0 × 0,6 м обнаружена с юго-восточной стороны от объекта № 2 (см. рис. 1, 1).

Семантически оба захоронения выглядят как единый комплекс, что позволяет предложить суммарную характеристику его инвентаря.

Каменный инвентарь представлен отщепами случайной формы (2 экз.) и медиальным (1 экз.), дистальным (1 экз.) и проксимальными (2 экз.)

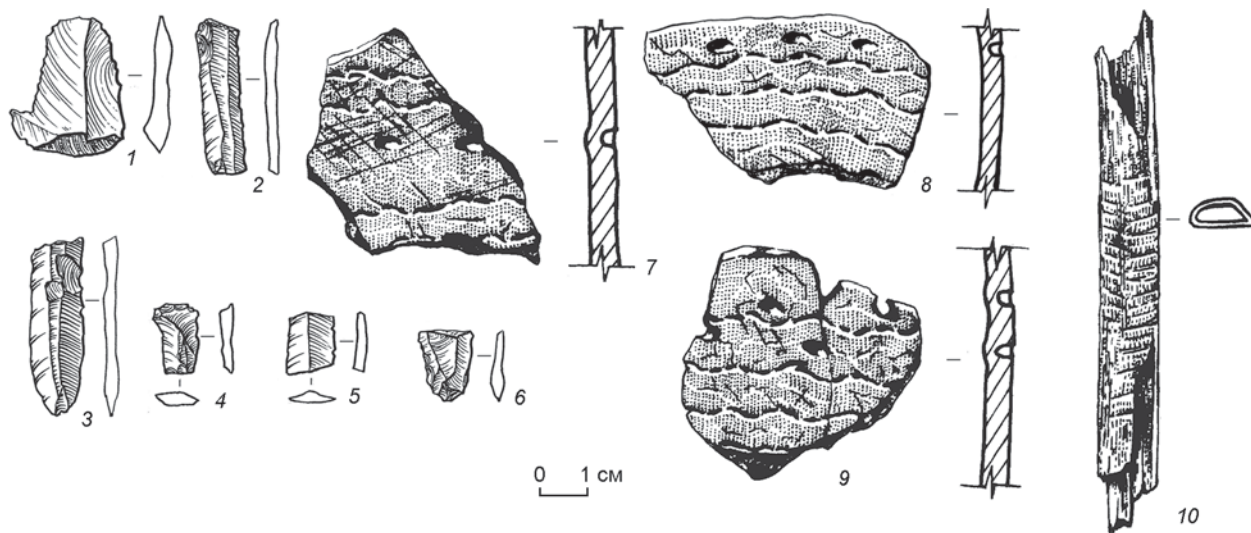

Рис. 2. Сопроводительный инвентарь. Венгерово-2А.

1, 2 – объект № 1; 3–6, 10 – объект № 2; 7–9 – фрагменты керамики из заполнения.
1–6 – камень; 7–9 – керамика; 10 – кость.

фрагментами ножевидных пластин. Ширина их варьирует от 0,8 до 1,2 см. Фиксируется мелкая краевая дорсальная ретушь. Подобный состав погребального инвентаря в целом характерен для неолитических погребений Барабы [Молодин, 2001, с. 21] и сопредельных территорий (см., напр.: [Марочкин, 2014, с. 17–23]).

Костяной инвентарь представлен фрагментом трубчатой кости с частыми параллельными насечками на одной из сторон (рис. 2, 10). Подобные изделия нередко встречаются в неолитических могилах и идентифицируются как игольники. В погр. № 8 могильника Усть-Иша такой предмет находился среди деталей колчана [Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000, с. 28], а игольник из погр. № 8 могильника Солонцы-5 был украшен поперечными желобками, формирующими т.н. гофрированный орнамент [Кунгурова, 2005, рис. 38]. Аналогично украшенный игольник был обнаружен в одном из погребений могильника Новоалтайск-Развилка [Кирюшин, Волков, 2006].

На площади раскопа в нижних слоях было обнаружено несколько фрагментов керамики, орнаментированных отступающе-накольчатymi оттисками, формирующими «волну» (рис. 2, 7–9). Аналогичная керамика была обнаружена и в заполнении погребально-ритуальных комплексов № 1, 2 [Молодин и др., 2014], а также на расположенном недалеко от могильника неолитическом поселении Автодром-2, относящемся к артынской неолитической культуре [Бобров, Марочкин, 2011].

В верхней, нарушенной лесозащитными и лесопосадочными полосами, части раскопа обнаружен

плоскодонный баночный сосуд, культурно-хронологическая интерпретация которого затруднена и требует специального анализа.

Таким образом, помимо крупных погребально-ритуальных комплексов с коллективными захоронениями, окруженных рвами, на площади памятника фиксируются и одиночные грунтовые погребения, совершенные в вытянутых овальных ямах, приуроченные к комплексам с конструкциями или расположенные в непосредственной близости от них. Положение погребенных, сопроводительный инвентарь, представленный каменными орудиями, обнаружение в окружающем слое фрагментов керамики с упрощенной горизонтально-волнистой орнаментацией, расположение на краю террасы позволяют синхронизировать эти комплексы и датировать их эпохой неолита.

Погребальная практика и инвентарь в целом характерны для известных на сегодняшний день погребальных комплексов лесостепного Прииртышья [Молодин, 2000], однако их отличает сочетание с коллективными усыпальницами, сгруппированными, вероятно, под земляными конструкциями, напоминающими курганы.

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Артынская культура // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. I. – С. 106–108.

Кирюшин К.Ю., Волков П.В. Периодизация погребения № 2 грунтового могильника Новоалтайск-Развилка // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар, 2006. – Вып. 2. – С. 44–49.

Киришин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. – 117 с.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. – Барнаул: Изд-во БЮИ МВД России, 2005. – 128 с.

Марочкин А.Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2014. – 33 с.

Молодин В.И. Неолитические могильники Барабы: проблемы хронологии и культурной принадлежности // Исторический ежегодник, 1999. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2000. – С. 134–139.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. – 127 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Борzych К.А., Марочкин А.Г. Исследование поселения кротовской культуры Венгерово-2 и открытие неолитического могильника Венгерово-2А // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 199–205.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ефремова Н.С., Ковыршина Ю.Н., Борzych К.А. Особенности погребально-ритуальных комплексов неолитического могильника Венгерово-2А // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 124–129.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Орлова Л.А. Уникальный погребально-ритуальный комплекс эпохи неолита в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 117–122.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Пилипенко А.С., Трапезов Р.О. Неолитический погребальный комплекс Венгерово-2А в Западной Барабе (результаты междисциплинарных исследований) // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. I. – С. 302–306.

References

Bobrov V.V., Marochkin A.G. Artynskaja kul'tura // Trudy III (XIX) Vserossijskogo arheologičeskogo s'ezda.

St. Peterburg; Moscow; Velikij Novgorod, 2011. T. 1. Pp. 106–108. (In Russ.).

Kirjushin K.Ju., Volkov P.V. Periodizacija pogrebenija No. 2 gruntovogo mogil'nika Novoaltajsk-Razvilka // Izuchenie pamjatnikov arheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ja. Pavlodar, 2006. Iss. 2. Pp. 44–49. (In Russ.).

Kirjushin Ju.F., Kungurova N.Ju., Kadikov B.H. Drevnejšie mogil'niki severnyh predgorij Altaja. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2000. 117 pp. (In Russ.).

Kungurova N.Ju. Mogil'nik Soloncy-5. Kul'tura pogrebennyh neolita Altaja. Barnaul: Izd-vo BJuI MVD Rossii, 2005. 128 pp. (In Russ.).

Marochkin A.G. Pogrebal'naja praktika naselenija Verhnego Priob'ja v periody neolita i eneolita (istorija izuchenija, strukturnyj analiz i tipologija, problemy kul'turno-hronologičeskoj interpretacii): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kemerovo, 2014. 33 pp. (In Russ.).

Molodin V.I. Neoliticheskie mogil'niki Baraby: problemy hronologii i kul'turnoj prinadležhnosti // Istoricheskiy ezhegodnik, 1999. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2000. Pp. 134–139. (In Russ.).

Molodin V.I. Pamjatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2001. T. 1: Kul'turno-hronologičeskij analiz pogrebal'nyh kompleksov epohi neolita i rannego metalla. 127 pp. (In Russ.).

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Nesterova M.S., Borzych K.A., Marochkin A.G. Issledovanie poselenija krotovskoj kul'tury Vengerovo-2 i otkrytie neoliticheskogo mogil'nika Vengerovo-2A // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: mat-ly Itogovoj sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2011. Vol. 17. Pp. 199–205. (In Russ.).

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Nesterova M.S., Efremova N.S., Kovyrshina Ju.N., Borzych K.A. Osobennosti pogrebal'no-ritual'nyh kompleksov neoliticheskogo mogil'nika Vengerovo-2A // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: mat-ly Itogovoj sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2013. Vol. 19. Pp. 124–129. (In Russ.).

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Nesterova M.S., Orlova L.A. Unikal'nyj pogrebal'no-ritual'nyj kompleks epohi neolita v Barabinskoj lesostepi // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: mat-ly Itogovoj sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2012. Vol. 18. Pp. 117–122. (In Russ.).

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Nesterova M.S., Pilipenko A.S., Trapezov R.O. Neoliticheskiy pogrebal'nyj kompleks Vengerovo-2A v Zapadnoj Barabe (rezul'taty mezhdisciplinarnykh issledovanij) // Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologičeskogo s'ezda v Kazani. Kazan': Otechestvo, 2014. Vol. 1. Pp. 302–306. (In Russ.).

А.Г. Новиков^{1, 2}, Х. МакКензи³, О.И. Горюнова^{1, 2}, А. Ливерс⁴

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Иркутский государственный университет

³Университет Грант МакЭван, Эдмонтон, Канада

⁴Университет Саскачеван, Саскатун, Канада

E-mail: as122@yandex.ru

РОССИЙСКО-КАНАДСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПРИОЛЬХОНЬЕ (западное побережье озера Байкал)

Работа посвящена краткому обзору полевых исследований могильников эпохи неолита в Приольхонье (западное побережье оз. Байкал), проведенных в 2015 г. совместно специалистами-археологами из Иркутского государственного университета и Университета Грант МакЭван (г. Эдмонтон, Канада). Раскопки проведены на археологических объектах Будун IV (на о-ве Ольхон) и Бурлюк IV (в Куркутском заливе Малого моря оз. Байкал). Наибольший интерес представляет погребение, вскрытое на мысе Будун. Здесь исследовано коллективное ярусное погребение, включающее останки семи человек. Судя по характерным особенностям погребальной практики (форма и конструкция надмогильных сооружений, трупопомещение покойных в могильной яме вытянуто на спине, их ориентация головой на север, наличие берестяного покрытия и следов воздействия огня, разведенного непосредственно в могиле, типичный набор сопроводительного инвентаря), эти комплексы соотносятся с позднесеровской культурой позднего неолита региона. Выявлены некоторые особенности в виде трупоположения одного покойного на боку с согнутыми ногами (могильник Будун IV, костяк 1 – нижний ярус) и облицовки стенок могильной ямы камнями (Бурлюк IV, погр. 3 и 4). Наличие в одной могиле покойных, помещенных в соответствии с разными традициями (вытянуто на спине и на боку с согнутыми ногами), позволяет говорить о существовании этих традиций в одном хронологическом срезе. Многообразие погребальных практик, выявленных в позднем неолите Приольхонья, дает возможность предположить наличие более сложных этнических процессов, протекавших на этой территории в древности. В настоящее время все отобранные образцы переданы для аналитических исследований естественно-научными методами.

Ключевые слова: Прибайкалье, Приольхонье, оз. Байкал, могильники, поздний неолит, позднесеровская культура.

A.G. Novikov^{1, 2}, H. MacKenzie³, O.I. Goryunova^{1, 2}, A. Livers⁴

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Irkutsk State University

³Grant MacEwan University, Edmonton, Canada

⁴University of Saskatchewan, Saskatoon, Canada

E-mail: as122@yandex.ru

RUSSIAN CANADIAN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN OLKHON REGION (Western Coast of Baikal Lake)

The article is devoted to a brief review of epy field studies the the Neolithic burials in Olkhon region (the western coast of the Baikal Lake), conducted in the collaboration of archaeologists from the Irkutsk State University and the Grant MacEwan University (Edmonton, Canada). We excavated Budun 4 (Olkhon Island) and Burlyuk 4 (Kurut Bay in Lesser Sea of the Baikal Lake) the archaeological sites. The most interest focuses on the burial uncovered at the Budun cape. Here we investigated the collective stepped burial, included the remains of seven people. The complexes correlate to Late Serovo culture of the Late Neolithic in the region, according to the attribute of the burial practices: shape and construction of grave structures; decedent, laid on his back stretched his headlong to north, the presence of the birch bark cover and traces of fire, made in grave, the typical, accompanying equipment). We educed some features in the

form of dead body sidelong position with bent legs (Budun 4 burial, the skeleton 1, the lower step) and the wall stone covering in the burial pit (Burlyuk 4, burial № 3 and 4). The presence of two different tradition in dead body position (stretched on the back and sidelong with bent legs) into one grave, supposes that they exist synchronously. The diversity of burial practices, identified in the Late Neolithic of Olkhon region, makes it possible to purpose the existence of more complicated ethnic processes, which have happened at this territory in ancient time. All selected samples will be analyzed by natural-scientific methods.

Keywords: *Cis-Baikal, Olkhon region, Baikal Lake, burial grounds, Late Neolithic, Late Serovo culture.*

Сотрудничество российских и канадских археологов началось в 1997 г. (договор о сотрудничестве между Иркутским государственным университетом и Университетом Альберты, г. Эдмонтон, Канада). Основные исследования были направлены на вскрытие и комплексное изучение крупных могильников неолита и бронзового века Прибайкалья (Хужир-Нугэ XIV, Курма XI и Шаманка II). Результатом явилась публикация серии коллективных монографий [Новиков, Вебер, Горюнова, 2010; Горюнова, Вебер, Новиков, 2012; Khuzhir-Nuge XIV..., 2007; 2008; Kurma XI..., 2012]. Работы Российско-канадской археологической экспедиции 2015 г. проведены в рамках Договора о сотрудничестве между Иркутским государственным университетом и Университетом Грант МакЭван, г. Эдмонтон, Канада. Их целью являлось на изучение небольших могильников эпохи неолита – бронзового века Прибайкалья. Объектами исследования были могильники Будун IV и Бурлюк IV, расположенные в Приольхонье (западное побережье оз. Байкал, по административному делению это Ольхонский р-н Иркутской обл.).

Могильник Будун IV находится в юго-западной части одноименного мыса, на северо-западном побережье о-ва Ольхон, в 12,5 км к северо-востоку от пос. Хужир. Объект обнаружен и частично исследован отрядом экспедиции Института общественных наук БНЦ СО АН СССР в 1986 г. [Дашибалов, 1987, с. 105]. Вскрыты два погребения, отнесенные к неолиту. В 2014 г. отрядом Российско-канадской экспедиции был проведен осмотр современного состояния объекта. В результате в районе вскрытых неолитических погребений (ниже по склону) зафиксирована одна надмогильная кладка. В 2015 г. тем же отрядом проведены раскопки обнаруженного сооружения.

Кладка – овальная, кольцевая. Состояла из крупных плит (от 20 до 60 см), уложенных плотно друг к другу, в 2-3 слоя. Более крупные из них размещались по окружности сооружения. Размеры кладки – 4,80 × 3,80 м. Ориентация большей стороной по линии север – юг. В центре сооружения – свободное от камней пространство. Его размеры – 1,10 × 0,60 м; ориентация большей стороной по линии ССВ – ЮЮЗ. По внутренней окружности отмечено проседание плит в могиль-

ную яму. В оконтуренном камнями пространстве зафиксированы золистая почва, жженные мелкие кости и фрагменты бересты.

Погребение коллективное, ярусное. Отмечены останки от 7 костяков, расположенных в два яруса. В верхнем ярусе находились погребенные № 2, 5 и 3 (слева направо). Вероятно, сверху они покрывались пластами бересты, крупные куски которой зафиксированы в районе костяков № 3 и 5. Здесь же отмечены угольки, золистые пятна и жженные кости.

Костяк № 2 (возраст покойного 13–16 лет) обожжен частично (пострадала левая сторона). Судя по сохранившимся костям, его трупоположение вытянутое, на спине, головой на ССЗ. Правая рука согнута в локте под углом 90° и лежала на поясе. От левой руки фрагментарно сохранились плечевая кость и несколько обгорелых фаланг. Нижняя часть скелета представлена фрагментом правой подвздошной кости и раздробленной верхней частью правой бедренной кости. От левой ноги сохранились мелкие жженные кости, расположенные в анатомическом порядке. Археологический материал представлен шлифованным ножом из сланца, зафиксированным слева у пояса погребенного.

Костяк № 5 (покойного старше 20 лет) располагался между погребенными № 2 и 3. Он наиболее сильно пострадал от действия огня, разведенного непосредственно в могильной яме (практически полностью сгорел). Обнаружены обожженные фрагменты черепа с нижней челюстью, правой плечевой и локтевой костей, несколько ребер и огромное количество раздробленных мелких костей от ног погребенного. Судя по сохранившимся костям, трупоположение покойного вытянутое на спине, головой на север (с небольшим отклонением к северо-западу). Археологический материал обнаружен в районе остатков черепа (справа). Он представлен шлифованным теслом из зеленого нефрита и двумя каменными рыбками налимообразной формы. Второе шлифованное тесло из зеленого нефрита зафиксировано в районе предполагаемого пояса (справа).

Костяк № 3 (возраст покойного – 20–30 лет) – плохой сохранности. Практически все уцелевшие кости обожжены. Череп полностью разрушен. Частично уцелели жженные обломки плечевой

и локтевой костей правой руки, первый позвонок и первое ребро. Левая рука не затронута огнем, но сильно раздроблена. Она располагалась в анатомическом порядке, в вытянутом положении. Под ней (в районе запястья) обнаружена нижняя челюсть (она не обожжена). Кости ног сильно обожжены и раздроблены. Сохранились обе бедренные, большая и малая берцовые кости левой ноги. Их положение – вытянутое. Судя по оставшимся костям, можно предполагать, что трупоположение покойного – вытянутое, на спине, головой на ССЗ. Археологический материал представлен обломком призматической пластинки, обнаруженным справа от фрагментов черепа.

Нижний ярус погребения представлен костяками № 1, № 6 и 7, № 4, которые действию огня не подвергались. Костяки находились в трех несколько углубленных в скальную породу ямах, расстояние между которыми 0,22 и 0,40 м соответственно.

Костяк № 1 (вероятно, мужчина 40–45 лет) частично перекрыт костяком № 2 из верхнего яруса. Трупоположение погребенного – на левом боку, с согнутыми в коленях ногами. Ориентация – головой на север. Положение костей левой руки – вытянутое вдоль туловища. Правая рука согнута в локте под углом 135°. Археологический материал представлен острием из грифельной кости, обнаруженным возле черепа погребенного (перед лицевой его частью).

Под останками погребенного № 5 обнаружены два костяка (взрослый и ребенок – № 6 и 7), лежащие в одной углубленной яме. Костяк № 6 (вероятно, женщина 45–50 лет) располагался на спине, в вытянутом положении. Корпус покойного на-

ходился в полуобороте в левую сторону (правое плечо выше левого). Ориентация головой на север. Кости левой руки располагались в вытянутом положении. Правая рука согнута в локте под углом 90°. Между бедренными костями зафиксированы 3 подвески из клыков благородного оленя.

На правом боку взрослого погребенного располагался костяк № 7 (ребенок 9–15 месяцев). Его трупоположение – вытянутое, на спине, головой на ССЗ.

Костяк № 4 (возраст покойного 16–17 лет) частично перекрыт костяком № 3 верхнего яруса. Его положение – вытянутое, на спине, головой на ССЗ. Руки согнуты в локтях и уложены на пояс. На левой подвздошной кости найден шлифованный нож из зеленого нефрита.

Могильник *Бурлюк IV* находился на южном склоне горы в основании мыса Бурлюк (северо-западное побережье Куркутского залива Малого моря оз. Байкал), в 3,5 км к северо-востоку от пос. Сахюртэ (МРС). Могильник выявлен и частично раскопан (вскрыта одна кладка) отрядом Иркутской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1959 г. [Грязнов, Максименков, 1992]. В 2015 г. на объекте раскопано 4 искусственных сооружения. Все кладки – кольцевые, состоящие из плит, уложенных плотно друг к другу в несколько слоев. Кладки № 1 и 4 – округлые, диаметром 4 м и 3 м соответственно. Сооружения № 2 и 3 – овальные, размерами 3,6 × 2,1 и 4,8 × 4,5 м. Могильные ямы зафиксированы в двух сооружениях – № 3 и 4 (рис. 1, 2). Их размеры 1,2–1,3 × 0,8–1,0 м; ориентировка большей стороной по линии СЗ–З–ЮВ–В. Стенки могил облицованы плитами. Глубина ям

Рис. 1. Надмогильное сооружение погр. № 3 (вид с юга). Бурлюк IV.

Рис. 2. Облицовка могильной ямы погр. № 4 (вид с юга).
Бурлюк IV.

0,4–0,5 м. Захоронения полностью разрушены. Зафиксированы несколько мелких неопределимых костей, отщепы, призматические пластины и фрагменты гладкостенной керамики. Искусственные сооружения № 1 и 2, видимо, представляли собой ритуальные кладки.

В целом исследованные в 2015 г. комплексы погребений на объектах Будун IV и Бурлюк IV по характерным особенностям погребальной практики сопоставимы с позднесеровской группой захоронений Приольхонья, датированных радиоуглеродным методом в пределах 4,8–4,3 тыс. л.н., что соответствует 5,6–4,7 кал. тыс. л.н. [Новиков, Горюнова, 2012]. Необычным представляется трупоположение костяка № 1 из нижнего яруса погребения Будун IV – на боку, с согнутыми ногами. Подобное размещение покойного отмечено только в погребении № 27 того же могильника [Дашибалов, 1987]. Наличие в одной могиле следов разных традиций помещения покойных позволяет говорить об их существовании в одном хронологическом срезе. Многообразие погребальных практик, выявленных в позднем неолите Приольхонья, свидетельствует о более сложных этнических процессах, протекавших на этой территории в древности.

Список литературы

Горюнова О.И., Вебер А.В., Новиков А.Г. Погребальные комплексы неолита и бронзового века Приольхонья: могильник Курма XI. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2012. – 271 с.

Грязнов М.П., Максименков Г.А. Задачи и итоги работ Иркутской экспедиции // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1992. – С. 5–13.

Дашибалов Б.Б. Отчет о полевых археологических исследованиях 1986 г.: Раскопки средневековых могильников на побережье Малого моря в Ольхонском районе Иркутской обл. // Архив ИА АН СССР, 1987. – Р. 1. – № 11661. – 192 с.

Новиков А.Г., Вебер А.В., Горюнова О.И. Погребальные комплексы бронзового века Прибайкалья: могильник Хужир-Нугэ XIV. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 296 с.

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Неолитические погребения Приольхонья (оз. Байкал): периодизация и хронология // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – Вып. 3, ч. 1. – С. 80–89.

Khuzhir-Nuge XIV, a Middle-Holocene hunter-gatherer cemetery on Lake Baikal, Siberia: osteological materials / ed. by Weber A.W., Katzenberg M.A., Goriunova O.I. – Edmonton: CCI Press, 2007. – 313 p.

Khuzhir-Nuge XIV, a Middle-Holocene hunter-gatherer cemetery on Lake Baikal, Siberia: archaeological materials / ed. by Weber A.W., Goriunova O.I., McKenzie H.G. – Edmonton: CCI Press, 2008. – 475 p.

Kurma XI, a Middle Holocene hunter-gatherer cemetery on Lake Baikal, Siberia: Archaeological and Osteological Materials / ed. by Weber A.W., Goriunova O.I., McKenzie H.G., Lieverse A.R. – Edmonton: CCI Press, 2012. – 276 p.

References

Dashibalov B.B. Otchet o polevykh arkheologicheskikh issledovaniyakh 1986 goda: Raskopki srednevekovykh mogilnikov na poberezhyy Malogo morya v Olkhonskom rayone Irkutskoy obl. // Arhiv IA AN SSSR, 1987. P. 1, No. 11661. 192 pp. (In Russ.).

Goryunova O.I., Weber A.W., Novikov A.G. Pogrebalnye komplekсы neolita i bronzovogo veka Priolkh'onya: mogilnik Kurma XI. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 2012, 271 pp. (In Russ.).

Gryaznov M.P., Maksimenkov G.A. Zadachi i itogi rabot Irkutskoi ekspeditsii // Drevnosti Baikala. Irkutsk: Izd-vo Irkut. gos. un-ta, 1992. Pp. 5–13. (In Russ.).

Khuzhir-Nuge XIV, a Middle-Holocene hunter-gatherer cemetery on Lake Baikal, Siberia: osteological materials / ed. by Weber A.W., Katzenberg M.A., Goriunova O.I. Edmonton: CCI Press, 2007. 313 pp.

Khuzhir-Nuge XIV, a Middle-Holocene hunter-gatherer cemetery on Lake Baikal, Siberia: archaeological materials / ed. by Weber A.W., Goriunova O.I., McKenzie H.G. Edmonton: CCI Press, 2008. 475 pp.

Kurma XI, a Middle Holocene hunter-gatherer cemetery on Lake Baikal, Siberia: archaeological and osteological materials / ed. by Weber A.W., Goriunova O.I., McKenzie H.G., Lieverse A.R. Edmonton: CCI Press, 2012. 276 pp.

Novikov A.G., Goryunova O.I. Neoliticheskie pogrebeniya Priolkhon'ya (oz. Байкал): periodizatsiya i khronologiya // Drevnie kultury Mongolii i Baikalskoy Sibiri. Ulan-Bator: Mong. State Univ. Publ., 2012. Vol. 3, Pt. 1. Pp. 80–89. (In Russ.).

Novikov A.G., Weber A.W., Goryunova O.I. Pogrebalnye komplekсы bronzovogo veka Pribaikal'ya: mogilnik Khuzhir-Nuge XIV. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2010. 296 pp. (In Russ.).

НОВЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В ДОЛИНАХ РЕК ОСА И ОБУСА (ИРКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ)

В статье представлены материалы, полученные в результате работ в Осинском р-не Иркутской обл. в 2014, 2015 гг. Обнаружено восемь палеолитических комплексов в долинах рек Оса и Обуса. Выявлены как стратифицированные комплексы, так и ансамбли экспонированных артефактов на поверхности «гор» и на техногенных пляжах Осинского залива Братского водохранилища. К стратифицированным комплексам относятся Нижний Горхон, Кутанка-2, Енисей. На местонахождении Нижний Горхон в позднесартанском комплексе зафиксирован один скол, а в солифлюцированной пачке раннесартанского возраста зафиксировано 25 артефактов. В стратификации на местонахождении Кутанка-2 вскрыто два уровня археологического материала в отложениях среднесартанского возраста. В устье р. Енисей в позднекаргинских отложениях зафиксировано скребло на сколе декорткации. К экспонированным комплексам относятся Майск, Удуктай, Кутанка-1, Каха, Орлок, Верхний Горхон. На западном склоне горы Удуктай обнаружен ансамбль коррадированных артефактов палеолитического облика – нуклеус, отщепы. На площади местонахождения Верхний Горхон у тылового шва террасовидной поверхности зафиксированы экспонированные коррадированные артефакты. В стратификации материал выявить не удалось. В шурфах на объекте Верхний Горхон зафиксированы артефакты голоценового возраста, а в отложениях верхнего неоплейстоцена – позвонок благородного оленя. Кутанка-1 – это комплекс экспонированных артефактов на поверхности левого борта долины р. Кутанка. Каха – объект, зафиксированный на правом борту долины р. Каха, в приустьевой части. Местонахождение Майск зафиксировано на террасовидной поверхности правого борта долины руч. Абрамовка. Орлок – комплекс артефактов, экспонированных на поверхности техногенного пляжа. В стратиграфии археологический материал выявить не удалось. Установлено, что в основном неоплейстоценовые археологические объекты Ангара-Осинского геоархеологического района по геоморфологическим позициям приурочены к высоким долинным и водораздельным поверхностям.

Ключевые слова: палеолит, неоплейстоцен, Южное Приангарье, Осинский р-н, местонахождение, стратифицированные комплексы, экспонированные артефакты.

V.M. Novoseltseva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: novlm@mail.ru

NEW PALEOLITHIC COMPLEXES IN THE OSA AND OBUSA RIVER VALLEYS (IRKUTSK REGION)

We present here the results of our work in the Osa district of Irkutsk region in 2014–2015 years. We found 8 Paleolithic complexes in the Osa and Obusa river valleys and identify as the stratified complexes and well as the artifact concentrations exposed on the surface of “mountains” and anthropogenic beaches on the Osa gulf of the Bratsk reservoir. Nizhny Gorkhon, Kutanka-2, Yenisei sites are the stratified complexes. The Late Sartan complex of Nizhny Gorkhon site contained the only one flake, but solifluction unit of the Early Sartan age included 25 artifacts. We uncovered two levels of archaeological materials in Middle Sartan deposits at the Kutanka-2 site. The scraper on the decortical flake was found in the Late Karginky deposits in the Yenisei River outfall. Maisk, Uduktai, Kutanka-1, Orlok, Verkhny Gorkhon sited are the occurrences with the exposed material. The assemblage of Paleolithic artifacts with the wind carving on their surfaces, included the cores and flakes, was collected on the western slope of the Uduktai mountain. We fixed the exposed wind-carved artifacts near the backing commissure of the bench at the Verkhny Gorkhon occurrence, but no stratified materials. The test pits gave the Holocene artifacts and red deer vertebra in the Upper Neo-Pleistocene deposits at the Verkhny Gorkhon. Kutanka-1 is the occurrences with the exposed material on the left valley slope of Kutanka River. We fixed the Kakha occurrence on the right valley slope of the homonymous river, in her

outfall. The Maisk site was discovered at the bench of right valley slope on the Abramovka spring. Orlok is the artificial complex, exposed on the surface of the anthropogenic beach. There was not stratified material. We suppose that Neo-Pleistocene objects of the Anagara-Osa geoarchaeological area are confined to elevated valley surface or divides.

Keywords: Paleolithic, Neo-Pleistocene, Southern Angara region, Osa district, occurrence, stratified complexes, exposed material.

Ангаро-Осинский геоархеологический район представлен кайнозойской тектонической субширотной депрессией линейного типа в зоне пересечения локальных разломов – Приангарского северо-северо-западного направления и Обусинского северо-восточного направления. Обрамляющий рельеф – расчлененное плато с абсолютными отметками до 600 м в южной части территории и до 750 м в восточной и северо-восточной частях. Образование современного рельефа тесно связано со структурно-тектоническими особенностями строения территории, направлением трещиноватости и литологическим составом слагающих пород [Логачев, Ломоносова, Климанова, 1964].

Археологические исследования района насчитывают более чем столетнюю историю, но изначально были приурочены в основном к берегам р. Ангары. Это было связано с затоплением ложа водохранилища Братской ГЭС. Именно в зоне затопления ложа по берегам р. Ангары и в устье р. Оса в середине XX в. были проведены масштабные работы силами Братской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР под руководством А.П. Окладникова. В 1957 г. произошло открытие первого достоверного местонахождения палеолита в урочище Красный Яр на правом берегу р. Ангары в 3 км ниже впадения р. Оса. В 1957–1959 гг. в рамках работы Ленинградской экспедиции раскопки многослойной стоянки проводила З.А. Абрамова [1978, с. 7].

С 1970 г., когда окончательно было затоплено ложе Братского водохранилища и стал происходить размыв его берегов, начались открытия и исследования не только палеолитических объектов (хотя палеолитическая тематика была определяющей), но и объектов палеометалла, средневековья и Нового времени. Основные известные палеолитические комплексы географически приурочены к устью долины р. Оса. Множество объектов было зафиксировано по правому берегу р. Ангары (ныне Братское водохранилище) и по южному берегу Осинского залива [Медведев, Бердников, Федоренко, 1991].

В 2014–2015 гг. отрядом Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН были проведены комплексные геоархеологиче-

ские исследования по долинам рек Оса и Обуса, от истока до берегов Осинского залива. Во время экспедиционных работ открыто и обследовано 11 объектов широкого хронологического диапазона, но основной акцент делался на объекты неоплейстоценового возраста [Новосельцева, Ощепкова, 2015, с. 345]. Открыто и обследовано восемь палеолитических комплексов в долинах рек Оса и Обуса (см. рисунок).

Верхний Горхон. Объект выявлен в 2014 г. на левом приустьевом мысу руч. Верхний Горхон. Археологический материал зафиксирован у тылового шва террасовидной поверхности, образование которой связано с литолого-структурными особенностями залегания коренных пород. Уступы таких поверхностей, как правило, являются литологическими ступенями [Логачев, Ломоносова, Климанова, 1964]. Коррадированный археологический материал был зафиксирован на поверхности, в дальнейшем были трассированы шурфы. Один из них – на бровке террасовидной поверхности, в этом шурфе был выявлен только голоценовый комплекс. Шурфы, заложенные на участке обнаружения экспонированного археологического материала, не выявили артефактов в стратиграфии. Однако на глубине 2 м, предположительно в позднекаргинских–раннесартанских отложениях, была зафиксирована кость плейстоценового возраста – грудной позвонок благородного оленя *Cervus elaphus* (определение А.М. Клементьева).

О возрасте ансамбля экспонированных материалов, прежде всего, говорит наличие ветровой корразии на поверхности кварцитовых артефактов, зафиксированных на отметках 20–25 м над уровнем р. Обуса (423–428 м над ур.м.). Данная геоморфологическая позиция для комплекса коррадированных артефактов не характерна, поскольку большинство известных ансамблей района приурочены к водораздельной поверхности Лено-Ангарского плато [Медведев, 2001, с. 267].

Нижний Горхон. В 2014 г. был зафиксирован подъемный археологический материал в обнажении террасовидного уступа по правому борту долины Обусы, на левом приустьевом мысу руч. Верхний Горхон, на относительных отметках 10–12 м (412–417 м над ур.м.). В 2015 г. была выполнена

врезка в береговом обнажении на глубину до 9,5 м. В результате обнаружен отщеп в отложениях Sr4 на глубине 0,3 м. На глубине 9,3 м выявлен комплекс археологических артефактов из кварцита. Артефакты зафиксированы компактным и пятном и представлены продуктами дебитаж – сколами, отщепами. Предположительный возраст комплекса определен как позднекаргинский–раннесартанский. В пачке отложений среднесартанского возраста зафиксирован фрагмент тазовой кости ископаемой лошади *Equus* sp. (определение А.М. Клементьева). Вскрытые отложения представлены субазральным комплексом делювиально-денудационного шлейфа.

Кутанка. В районе дер. Кутанка зафиксировано два палеолитических комплекса. Кутанка-1 – ансамбль экспонированных артефактов, обнаруженный на поверхности склона северной экспозиции на левом борту долины р. Кутанка, левостороннего притока р. Обусы, на отметках 25–30 м над уровнем реки (433–438 м над ур.м.). Комплекс артефактов представлен единичными сколами.

Кутанка-2 – комплекс артефактов (нуклеусы, унифасы, сколы), экспонированных на пляже на правом приустьевом мысу залива Кутанка.

На площади местонахождения Кутанка-2 в 2015 г. трассирована сеть шурфов, в результате артефакты зафиксированы в двух стратиграфических позициях в отложениях сартанского возраста. В связи с этим об однородности комплекса на пляже мы не можем говорить однозначно. Геоморфологически поверхность является конусом выноса долины р. Кутанка с абсолютными отметками 402–406 м над ур.м. Единичные стратифицированные артефакты представлены продуктами дебитаж.

Орлок. Местонахождение открыто А.А. Поповым в 2011 г. Им собран подъемный материал палеолитического облика на пляже Осинского залива, на левом приустьевом мысу р. Орлок. В 2015 г. напротив пятна концентрации экспонированных артефактов была заложена врезка. Археологический материал в стратификации не зафиксирован, но в обнаружена кость – фрагмент диафиза плечевой кости бизона *Bison priscus* (определение А.М. Клементьева).

Новые палеолитические комплексы в долинах рек Оса и Обуса (по результатам работ в 2014, 2015 гг.).

1 – Верхний Горхон; 2 – Нижний Горхон; 3 – Кутанка-2; 4 – Кутанка-1; 5 – Орлок; 6 – Каха; 7 – Енисей; 8 – Удуктай.

Каха. На склоне восточной экспозиции правого борта долины р. Каха, на приустьевом участке долины, на относительных отметках 30–40 м (435–445 м над ур.м.), обнаружены фрагмент кости шерстистого носорога и нуклеус, оформленный на гальке, с радиальной подработкой фронта и субпараллельными снятиями по фронту.

Енисей. В 2014 г. при работах в долине р. Оса, на левом приустьевом мысу р. Енисей, при осмотре дорожного карьера, в палеопочве предположительно каргинского возраста зафиксировано продольное скребло, выполненное на сколе декортикации. Карьер заложен на относительных отметках 8–12 м от уровня р. Осы (458–462 м над ур.м.).

Удуктай. На вершине горы Удуктай, с западной стороны, на отметках 180–210 м над уровнем р. Оса (570–600 м над ур.м.) зафиксированы

каменные коррадированные артефакты: нуклеус однофронтальный, выполненный на кварцевой гальке; скол подработки фронта нуклеуса; отщепы. Данный объект является типичным ансамблем экспонированных материалов на поверхности Лено-Ангарского плато.

Майск. Объект располагается на правом борту долины руч. Абрамовка, в 260 м на юго-запад от его впадения в р. Оса, на территории дер. Майская. Распространение подъемного материала зафиксировано на террасовидной поверхности западной экспозиции, на отметках 410–416 м над ур.м., 6–12 м над уровнем р. Оса. Археологический комплекс представлен однофронтальным нуклеусом, оформленным на кварцевой гальке, и несколькими сколами.

Поскольку большинство из известных объектов Ангаро-Осинского георхеологического района попали в зону затопления водами Братского водохранилища и ныне либо затоплены, либо интенсивно размываются, попытки систематизировать знания по геоморфологическим позициям затруднены. Изучение объектов на высоких отметках склонов долин и водораздельных поверхностей рек Ангара, Оса и Обуса даст возможность выхода на принципиально новый уровень анализа и интерпретации данных по георхеологии, геоморфологии и геологии четвертичных отложений данного георхеологического района.

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолитическое поселение Красный Яр на Ангаре (верхний комплекс) // Древние культуры Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 7–34.

Логачев Н.А., Ломоносова Т.К., Климанова В.М. Кайнозойские отложения Иркутского амфитеатра. – М.: Наука, 1964. – 165 с.

Медведев Г.И. О геостратиграфии ансамблей эолово-коррадированных артефактов Байкальской Сибири //

Современные проблемы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 267–272.

Медведев Г.И., Бердников М.А., Федоренко А.Б. Некоторые аспекты изучения докерамических местонахождений Ангаро-Осинского района (Южное Приангарье) // Палеоэтнологические исследования на юге Средней Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1991. – С. 5–14.

Новосельцева В.М., Ощепкова Е.Б. К проблеме геоморфологического картирования археологических комплексов долин рек Оса и Обуса // Фундаментальные проблемы квартара, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: мат-лы IX Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода (Иркутск, 15–20 сент. 2015 г.). – Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2015. – С. 345–347.

References

Abramova Z.A. Paleoliticheskoe poselenie Krasnyj Jar na Angare (verhnij kompleks) // Drevnie kul'tury Priangar'ja. Novosibirsk: Nauka, 1978. Pp. 7–34. (In Russ.).

Logachev N.A., Lomonosova T.K., Klimanova V.M. Kajnozoijskie otlozhenija Irkutskogo amfiteatra. Moscow: Nauka, 1964. 165 pp. (In Russ.).

Medvedev G.I. O geostratigrafii ansamblej eolovo-korradirovannyh artefaktov Bajkal'skoj Sibiri // Sovremennye problemy Evrazijskogo paleolitovedenija. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2001. Pp. 267–272. (In Russ.).

Medvedev G.I., Berdnikov M.A., Fedorenko A.B. Nekotorye aspekty izuchenija dokeramicheskikh mestonahozhdenij Angaro-Osinskogo rajona (Juzhnoe Priangar'e) // Paleoetnologicheskie issledovanija na juge Srednej Sibiri. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1991. Pp. 5–14. (In Russ.).

Novosel'ceva V.M., Oshhepkova E.B. K probleme geomorfologicheskogo kartirovanija arheologicheskikh kompleksov dolin rek Osa i Obusa // Fundamental'nye problemy kvartera, itogi izuchenija i osnovnye napravlenija dal'nejshih issledovanij: mat-ly IX Vserossijskogo soveshhanija po izucheniju chetvertichnogo perioda (Irkutsk, 15–20 sent. 2015). Irkutsk: Izd-vo Instituta geografii im. V.B. Sochavy SO RAN, 2015. Pp. 345–347. (In Russ.).

Т.И. Нохрина¹, Д.В. Смычагина², Л.В. Лбова^{1, 2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирский государственный университет

E-mail: nohrina@archaeology.nsc.ru

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МОДЕЛЕЙ КУЛЬТУРНЫХ ГОРИЗОНТОВ ПЕЩЕРЫ БИЙКА-1 (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)*

Изучение пещерных комплексов требует особой методики планиграфических и планиметрических исследований в силу специфики тафономии пещерных отложений. Археологический объект Бийка-1 расположен на правом склоне долины р. Бийка – правого притока р. Катунь. Исследование памятника проводилось в 1993, 1994 гг. Культурные слои в пещере имеют ряд нарушений, в том числе антропогенного характера. Каменные индустрии позволяют предположить существование здесь представительной и полной культурной последовательности эпохи позднего плейстоцена и раннего голоцена. На основе выводов о постседиментационных процессах в условиях пещеры, степени изменения культурного слоя, сделанных посредством составления пространственных моделей четырех горизонтов залегания артефактов, предлагается определение эпизодов посещения пещеры человеком и организации пространства. Планиграфический анализ дает дополнительные возможности при оценке системы организации жилого пространства и ее сохранности. Одним из эффективных инструментов планиграфического анализа является метод построения пространственных моделей. Такие модели позволяют проследить распределение культурных остатков в трехмерном измерении. Пространственные модели культурных горизонтов памятника Бийка-1 были сформированы на основе данных полевой документации 1993, 1994 гг. с использованием программы Surfer. Построенные модели культурных горизонтов 1–4 комплекса Бийка-1 показали, что культурные остатки не образуют выраженного рисунка распределения находок, приуроченного к четким планиграфическим структурам. Тем не менее общая характеристика распространения материала в отложениях отчетливо демонстрирует различие в стратегии эксплуатации пещеры.

Ключевые слова: Горный Алтай, пещера, культурный горизонт, пространственная модель.

T.I. Nokhrina¹, D.V. Smychagina², L.V. Lbova^{1, 2}

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State University

E-mail: nohrina@archaeology.nsc.ru

THE SPATIAL MODELING OF THE CULTURAL HORIZONS FROM BIYKA-1 CAVE (MOUNTAIN ALTAI)

The study of cave complexes need the special planigraphic and planimetric methods in virtue of cave deposit taphonomy. The archaeological object Biyka-1 is located in right valley slope of homonymous river, the right tributary of Katun River. Site was studied in 1993–1994. The cultural layers have a disturbance, including anthropogenic. The Character of stone industries supposed the representative and complete cultural sequence in Late Pleistocene and Early Holocene. The occupation episodes and spatial organization can be determined in terms of post-sedimentological process under the cave condition, rate of cultural layer change through the spatial modeling of four horizons with bedding artifacts. The planigraphic analysis give the additional opportunities to estimate the system of living space and her preservation. The method of spatial modeling is the one of the effective planigraphic instruments. Such models permit to retrace the cultural remain distribution in 3D measurement. The spatial models of the Biyka-1 cultural horizons were formed by Surfer software on the ground of 1993–1994 field data. The models, created for cultural horizons 1–4 of Biyka-1 material complex, shew that cultural remains did not form the concentrations in clear planigraphic structures. But, the general characteristics of the material distribution clearly demonstrate the differences in exploitation strategies of cave inhabitants.

Keywords: Mountain Altai, cave, cultural horizon, spatial model.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Введение

Археологический объект Бийка-1 расположен в 8 км выше пос. Еланда (Чемальский р-н Республики Алтай) на правом склоне долины р. Бийка – правого притока р. Катунь. Вход пещеры ориентирован на юг. Часть пещеры, пригодная для прохождения, имеет длину 45 м, длина всех ходов – 76 м. Ширина входа по капельной линии – 6,7 м, высота – ок. 4 м. Исследования комплекса проводились в привходовой зоне на площади 68 м².

В стратиграфическом разрезе, по данным В.Т. Петрина, выделены пять литологических слоев [Бийкинский пещерный комплекс, 1998, с. 150]. По совокупности данных, культурный горизонт 1 (слой 1 и частично переработанный антропогенными интрузиями верх литологического слоя 2) характеризуется комплексом эпохи голоцена. Культурный горизонт 2 с характерной индустрией классической стадии верхнего палеолита включен в литологический слой 3. Каменные артефакты могут быть отнесены к финалу раннего верхнего палеолита или средней стадии верхнего палеолита. Для кровли литологического слоя 3 была получена ¹⁴C-дата 23 480 ± 300 л.н. (Bln 4980), а для зоны контакта слоев 3 и 4 – 37 000 ± 1 000 (Bln 4981). Горизонт 3 (литологический слой 4) содержит индустрию, соответствующую карбомуловскому варианту начальной поры верхнего палеолита Сибири. Культурный горизонт 4 (в литологическом слое 5) представляет малочисленный комплекс с аморфными отщепами, который был отнесен к среднему палеолиту [Петрин и др., 1995; Бийкинский пещерный комплекс, 1998; Васильев, Рыбин, Нохрина, 2015, см. статью в настоящем сборнике].

Методы и материалы

В отечественной литературе известны различные направления использования планиграфических методов исследования: определение длительности обитания на стоянке, синхронности объектов, изучение микростратиграфии, микрофациальный анализ (Н.Б. Леонова), круговое моделирование жилищно-хозяйственного комплекса (И.И. Разгильдеева), комплексное изучение культурного слоя (Е.А. Виноградова, В.И. Беляева), исследование структуры и принципов организации поселения, взаимоотношений объектов в пределах стоянки (Е.В. Булочникова, В.Я. Сергин, Е.А. Виноградова и др.). Планиграфические методы используются в комплексе с ремонтажем, трасологическими исследованиями, а также с комплексом

естественно-научных методов для палеоэкологических реконструкций.

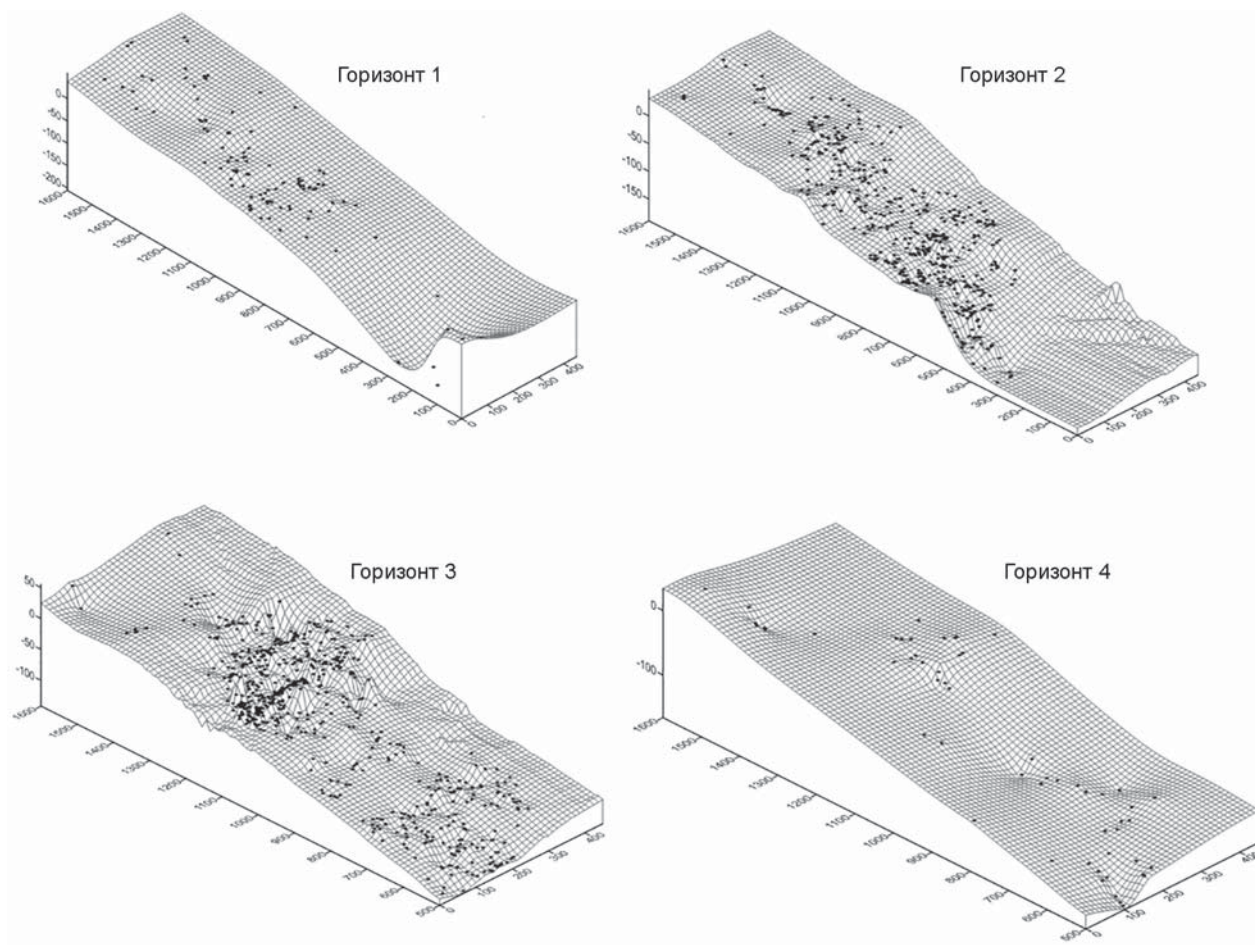
В зарубежной историографии наряду с классическими планиграфическими исследованиями А. Леруа-Гурана, М. Брезийона и их последователей широкое развитие получило привлечение для пространственного анализа данных этноархеологии (Л. Бинфорд, Д. Йеллен, Н. Петерсон, Й. Ходдер и др.). Другим активно развивающимся направлением является использование статистических методов пространственного анализа (К.Л. Квам, Й. Ходдер, К. Ортон, К.Р. Шварц, Я. Джонсон и др.).

Пространственная модель памятника формировалась на основе данных полевой документации (планы раскопов, описи) с использованием программы Surfer (см. рисунок). Нами был проанализирован участок площадью 55 м², построены модели залегания артефактов по четырем горизонтам, которыми исследовался памятник. Стерильная прослойка между горизонтами отсутствует, что в целом характерно для пещерных комплексов. Находки не образуют четко выраженной поверхности залегания. На всей изучаемой поверхности высота находок на одном квадратном метре варьирует минимум на 20 см.

Через центр пещеры была пробита продольная осевая линия, разделяющая пещеру на западную и восточную половины. Поверхность предвходовой и освещенной частей пещеры была размечена на участки размером 1 × 1 м. Разметка велась от центральной продольной осевой линии. Участки с запада на восток были обозначены буквами русского алфавита, а с юга на север – арабскими цифрами. Вскрытие отложений было сосредоточено в восточной половине пещеры. Перепад высот поверхности раскопа составляет с севера на юг 267 см (линия Д), с запада на восток – 60 см (линия З). Находки более 10 мм в диаметре получали индивидуальный номер, у них измерялась глубина (относительно условного «ноля»), ориентация относительно сторон света и угол наклона. Полевая документация велась в масштабе 1:10 см.

Перепад высот с севера на юг очень значителен (2,3 м), однако наклон поверхности неравномерен, отчетливо выделяется два участка: промежуток линии 1–9 и линии 9–16. На первом из них перепад высот составляет 1,5 м (угол склона равен 10°), на втором перепад высот составил 0,8 м (угол склона – 6°). С востока на запад уклон менее значителен и практически равномерен на всей площади раскопа (ок. 30 см на 4 м, угол наклона равен 4°).

Горизонты находок 1 и 4 слабо насыщены артефактами (100 экз. в горизонте 1; 94 экз. в гори-

Пространственные модели культурных горизонтов памятника Бийка-1.

зонте 4). В горизонте 1 встречается керамика. В горизонте 2 зафиксировано 590 находок, абсолютное большинство которых составляют каменные артефакты. Скопления артефактов отмечены на участках (далее уч.) Е-6, -7, -8, Д-7, -8, Ж-11, -12, -14, Д-5. Таким образом, скопления артефактов в горизонте 2 совпадают с направлением склона: с севера на юг, с небольшим поворотом к юго-западу. На участке Д-6 распределение находок ограничено с западной стороны несколькими крупными глыбами, вследствие чего скопление образует дугу.

Наиболее насыщен находками горизонт 3, в котором на рассматриваемой площади было зафиксировано 610 находок, преимущественно каменных артефактов с небольшой долей находок кости. Наибольшая концентрация находок в слое 3 наблюдается на уч. Е-12, Ж-12, -13, Е-11. Здесь каменные артефакты образуют две практически ровных параллельных полосы с запада на восток на стыке линий 11/12 и 12/13. По всей видимости, такое распределение продиктовано уклоном с востока на запад (30 см на 4 м), по которому находки могли переместиться от стенок бли-

же к центру галереи, где размыв отложений идет наиболее интенсивно. Распределение фаунистических остатков не совпадает с распределением каменных артефактов. Фаунистические остатки в основном концентрируются в южной части раскопа (уч. 3-6, Д-8). Скопление находок выявлено также на уч. Е-6, что позволяет провести аналогию с распределением находок в горизонте.

Дискуссия

Отложения привходовой и внутренней частей пещеры в разной степени испытывают влияние внешних факторов и, соответственно, имеют неодинаковую сохранность. Неоднородно и поперечное строение осадочных слоев пещер: срединные участки (особенно в галерейных пещерах) более подвержены водным размывам, пристенные же части сохраняют остатки более древних осадков.

При наложении планов двух горизонтов находок (горизонты 2 и 3) обнаружилось идентичное распределение каменных артефактов в сочетании с обломками костей на уч. Е-6. Нивелировочные

отметки этих находок укладываются в промежуток 20 см, т.е. очевидно внедрение материалов горизонта 2 в нижележащий.

В раскопе было зафиксировано кострище и 20 прокалов. В горизонте 1 зафиксировано кострище. Прокалы горизонта 2 (12 объектов) занимали большую площадь раскопа, однако их нет на участке кв. Д/2–6, Е/6. В горизонте 3 отмечено восемь прокалов; уменьшилось количество очагов и изменилось их расположение. В восточной и северо-восточной частях раскопа их практически нет. Таким образом, пространственное распределение кострищ и прокалов на планах не совпадает и явно характеризует разновременные, очевидно кратковременные, эпизоды пребывания людей. Отмечается, что распределение культурных остатков и следов огня не образует пространственных и планиграфических структур. Наличие большого количества очагов/прокалов в предвходовой части пещер и гротов часто встречается при исследовании объектов в карстовых полостях на разных территориях [Деревянко, Молодин, 1994, с. 126–136; Derevianko et al., 2003].

Заключение

Предлагаемые пространственные модели подтверждают наличие четырех разновременных комплексов на местонахождении Бийка-1, выделенных по технико-морфологическим характеристикам. Планиграфические структуры на данном участке практически не выражены. Наиболее интенсивная эксплуатация пещеры отмечается в течение верхнего палеолита (горизонты 2 и 3), эпизодическое присутствие человека отмечено для горизонтов 1 и 4.

Список литературы

Бийкинский пещерный комплекс // Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Ба-

рышников, М.И. Дергачева, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.Н. Феденева, И.Ф. Форонова, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 148–156.

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма, 1994. – Ч. 1. – 262 с.

Петрин В.Т., Николаев С.В., Усачева И.В., Нохрина Т.И., Феденева И.Н. Исследования пещерного комплекса на р. Бийка (правобережье р. Катунь, Горный Алтай) // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 80–85.

Derevianko A.P., Gladyshev S.A., Nohrina T.I., Olsen J.W. The Mongolian Early Holocene: Excavations at Chikhen Agui Rockshelter in Gobi Altai // The Review of Archaeology. – 2003. – Vol. 24, N. 2 (Spec. Iss.). – P. 50–56.

References

Bijkinskij peshhernyj kompleks // Arheologija, geologija i paleogeografija plejstocena i golocena Gornogo Altaja / A.P. Derevjanko, A.K. Agadzhanjan, G.F. Baryshnikov, M.I. Dergacheva, T.A. Dupal, E.M. Malaeva, S.V. Markin, V.I. Molodin, S.V. Nikolaev, L.A. Orlova, V.T. Petrin, A.V. Postnov, V.A. Ul'janov, I.N. Fedeneva, I.F. Foronova, M.V. Shun'kov. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 1998. Pp. 148–156. (In Russ.).

Derevianko A.P., Gladyshev S.A., Nohrina T.I., Olsen J.W. The Mongolian Early Holocene: Excavations at Chikhen Agui Rockshelter in Gobi Altai // The Review of Archaeology. 2003. Vol. 24, No. 2 (Spec. Iss.). Pp. 50–56.

Derevjanko A.P., Molodin V.I. Denisova peshhera. Novosibirsk: Nauka. Sib. izd. firma, 1994. Pt. 1. 262 pp. (In Russ.).

Petrin V.T., Nikolaev S.V., Usacheva I.V., Nohrina T.I., Fedeneva I.N. Issledovanija peshhernogo kompleksa na r. Bijka (pravoberezh'e r. Katun', Gornyj Altaj) // Obozrenie rezul'tatov polevyh i laboratornyh issledovanij arheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1993 godu. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 1995. Pp. 80–85. (In Russ.).

Н.Д. Оводов

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: ndovodov@mail.ru

КОГДА И ПОЧЕМУ В СИБИРИ ПОЯВИЛСЯ СОВРЕМЕННЫЙ ЗАЯЦ-БЕЛЯК?

В заметке речь пойдет о двух представителях семейства зайцевых (*Leporidae*) – донском и зайце-беляке. Остатки зайцев часто встречаются в слоях палеолитических и более поздних стоянок человека. Удалось понять причину эволюционного перехода плейстоценового донского зайца (*Lepus tanaiticus*) в современного зайца-беляка (*Lepus timidus*) на сибирских материалах. Эволюционный тренд хорошо отражается в изменении морфологии резцов. Постепенность реального процесса укорочения радиуса резцов удалось проследить на массовом остеологическом материале, полученном в ходе раскопок нижних слоев рыхлых отложений пещеры Еленева в окрестностях г. Красноярска. Временной отрезок зафиксирован 49 радиоуглеродными датами в пределах от 13 665 до 1 050 лет. Предполагается, что будущим *Lepus timidus* в ходе полезных мутаций удалось уменьшить радиусы резцов и превратить их в «кусачки» для эффективного питания ветками и корой и таким образом покинуть «травоядную нишу», характерную для вымершего донского зайца. Донской заяц был описан 40 лет назад по материалам из слоев Костёнковских палеолитических стоянок. К финалу позднего плейстоцена ареал донского зайца занимал, по-видимому, значительную часть северной половины бывшего СССР, биотопически соседствуя в западных районах с зайцем-русаком. Автор отстаивает точку зрения о возможности эволюционного перехода *L. tanaiticus* – *L. timidus*.

Ключевые слова: Сибирь, зайцы позднего антропогена, эволюция и морфология.

N.D. Ovodov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: ndovodov@mail.ru

WHEN AND WHY DID THE MODERN WHITE HARE APPEAR IN SIBERIA?

We present here the information about two representatives of leporine family (*Leporidae*) – Don and white hares. The hare remains are common in the deposits of Paleolithic and later human settlements. Siberian materials helped to explain why the Pleistocene Don hare evolved to modern white hare (*Lepus timidus*). The morphological changes of incisor teeth obviously reflect the evolutionary trend.

We followed along the massive osteological material obtained in the lower layers of Eleneva Cave deposits near Krasnoyarsk how the radius of incisor teeth reduced gradually. The time span was fixed by 49th radiocarbon dates range from 13665 to 1050 years. It is expected that the future *Lepus timidus* were able to reduce the radius of incisor teeth in the course of beneficial mutation and mould into a sort of piers for effective twig and bark diet. In such a manner they left the “herbivorous niche”, typical of extinct Don hare. Don hare was described source the Kostenki Paleolithic sites on the banks of Don River 40 years ago. By the final of Late Pleistocene the areal of Don hare included the significant part of northern half in what was then the USSR. He was the biotopical neighbor of the brown hare in the western territories. Author espouses view of the possible evolutionary transition *L. tanaiticus* – *L. timidus*.

Keywords: Siberia, hares of Late Anthropogenic, evolution, morphology.

Образование нового вида представляет основной, или элементарный, момент эволюционного процесса.

А.А. Борисяк [1947]

Проблема процесса видообразования вызывает, наверное, наибольший интерес у биологов, в частности у палеотериологов. Общие принципы и кон-

кретные примеры ее решения приведены в работах Д.Г. Симпсона [1948], В.О. Ковалевского [1956], А.В. Яблокова [1966], И.И. Шмальгаузена [1968],

Э. Майра [1974], Н.В. Тимофеева-Ресовского, Н.Н. Воронцова, А.В. Яблокова [1969], С.С. Шварца [1980], Н.Н. Воронцова [2005]. По словам Эрнста Майра [1968, с. 35], «...в природе можно найти много популяций, которые прошли лишь часть пути, ведущего к статусу вида. Если бы от всех популяций сохранялись ископаемые остатки, то наличие промежуточных популяций между сменяющимися друг друга видами было бы нормальной ситуацией в палеонтологии. На самом же деле пробелы в палеонтологической летописи так многочисленны, что лишь в очень немногих случаях удастся восстановить все звенья цепи и получить непрерывную линию, связывающую хорошие виды».

Что можно сказать относительно зайцев в свете выраженной Э. Майром мысли? В свое время известный палеотериолог, мой бывший учитель, проф. Н.К. Верещагин, касаясь проблемы происхождения современного зайца-беляка, безответно задал вопрос: «Спрашивается, однако, где же был в это время (финал плейстоцена. – **Н.О.**) предок зайца трусливого? Ведь со времени существования донского зайца прошло всего 10–12 тыс. лет» [1977, с. 12–13]. Теперь, кажется, можно дать ответ.

Донской заяц (*Lepus tanaiticus* Gureev) – для науки «молодой» вид, его остатки описал 40 лет назад А.А. Гуреев [1964] по материалам из слоев Костёнковских палеолитических стоянок, расположенных на берегах р. Дон. Ко времени позднего плейстоцена ареал донского зайца занимал, по-видимому, значительную часть северной половины бывшего СССР, биотопически соседствуя в западных районах с зайцем-русаком. Существенный вклад в изучение этого вида, обитавшего на территории Сибири, внес А.О. Аверьянов [1995а]. Касаясь вопроса появления современных арктических зайцев (*Lepus timidus*) Евразии, этот автор категорично пишет, что они «не мог-

ли происходить от *L. tanaiticus*» [Он же, 1995б, с. 595]. Для решения этой проблемы желательно и необходимо иметь достаточно многочисленный хронологически выстроенный материал от позднелейстоценового времени до современности и по-возможности с ограниченной территории.

Материалом для настоящего сообщения послужили остатки донских зайцев из палеолитических стоянок Лиственка, Караульный Бык и Афонтова Гора III, расположенных в окрестностях г. Красноярска (коллекции Красноярского краеведческого музея и Красноярского государственного педагогического университета). Голоценовые кости зайца-беляка собраны мной за 30 лет в пещерах Алтая, по югу Средней и Восточной Сибири.

Сравнение скелетных элементов плейстоценового донского зайца и голоценового беляка (см. таблицу) показывает, что за редчайшим исключением последний проигрывает донскому зайцу в массивности туловища (конечностей) и головы, что отмечал в своих работах и А.О. Аверьянов. Находясь в меньшей «весовой категории», голоценовый беляк легче передвигался по снегу и, соответственно, был более проворен, спасаясь от хищников. Особо заметны различия в размерах и форме черепных элементов обоих зайцев. В частности, это относится к внешнему радиусу кривизны резцов, на что раньше зоологи не обращали внимания.

По мнению первоописателя донского зайца А.А. Гуреева [1964, с. 188], «крупные размеры угловой лопасти нижней челюсти указывают на значительное развитие жевательных мышц, а высокие коронки коренных зубов и короткая, круто изогнутая вверх резцовая часть нижней челюсти позволяют предположить, что *пищей этому виду служили преимущественно грубые корма, особенно в зимнее время*» (выделено мной. – **Н.О.**).

Различия в размерах костей скелета донского зайца и современного беляка, мм

Наименование промера	n	Донской заяц	n	Голоценовый беляк
1	2	3	4	5
Череп				
Диастема верхней челюсти (по Огневу)	3	25,30–26,77–28,00	18	22,70–25,70–27,60
Диастема нижней челюсти	78	19,00–22,49–25,20	37	18,50–20,35–22,30
Длина верхнего ряда зубов	30	13,80–18,22–20,00	32	15,00–18,22–19,80
Длина нижнего ряда зубов	66	19,40–20,53–22,10	71	17,90–19,41–21,90
Высота перед Р/3	78	13,50–16,00–18,80	37	11,70–13,32–14,30
Высота после М/1	61	16,90–18,33–21,00	35	15,00–17,55–19,40
Внешний радиус верхнего резца	19	15,00–19,37–22,00	12	10,00–11,04–12,00
Внешний радиус нижнего резца	42	27,00–34,48–44,00	26	14,00–16,46–22,00
Длина Р/3	107	4,00–4,44–5,20	37	3,80–4,09–4,60

1	2	3	4	5
Лопатка				
Длина шейки	123	6,70–7,67–8,70	77	5,60–6,86–7,90
Длина суставной впадины	100	13,00–14,49–16,40	73	11,30–12,92–14,40
Поперечник суставной впадины	101	10,90–11,98–13,00	75	9,70–10,96–12,40
Плечо				
Полная длина	4	106,30–110,30	90	90,90–102,49–111,50
Ширина проксимального эпифиза	27	15,30–16,08–17,10	99	12,50–14,72–18,20
Ширина диафиза	100	5,30–6,08–7,40	144	4,40–5,59–7,50
Ширина дистального эпифиза	69	12,00–12,94–14,10	147	10,10–11,74–13,30
Поперечник проксимального эпифиза	27	20,10–20,98–22,10	104	16,50–18,58–20,30
Наименьший поперечник диафиза	85	5,40–6,15–8,60	139	4,80–5,91–8,10
Поперечник дистального эпифиза	67	8,50–9,44–10,70	143	7,50–8,61–10,50
Луч				
Длина	24	100,20–107,86–115,00	56	99,00–108,41–117,80
Ширина проксимального эпифиза	100	8,00–9,15–10,00	79	7,30–8,45–9,30
Ширина диафиза	113	5,70–6,01–8,60	88	5,00–6,00–6,90
Ширина дистального эпифиза	63	8,20–10,39–11,40	88	6,90–9,26–11,10
Поперечник проксимального эпифиза	103	5,40–6,17–8,20	66	5,00–5,72–6,50
Поперечник диафиза	115	3,10–3,74–4,80	89	2,80–3,68–4,40
Поперечник дистального эпифиза	63	5,30–6,28–7,00	64	4,80–5,77–6,50
Таз				
Длина кости	32	86,50–95,34–101,00	52	79,50–89,23–99,00
Длина запирающего отверстия	64	19,90–21,64–24,50	71	17,80–20,23–22,30
Ширина запирающего отверстия	9	15,80–16,14–16,50	57	12,30–14,36–16,50
Диаметр вертлужной впадины	169	11,30–12,62–13,70	107	9,40–11,21–12,40
Высота шейки <i>os ilii</i>	180	10,00–11,07–12,00	107	8,40–10,35–11,90
Бедро				
Полная длина	1	114,3	68	113,7–127,65–139,2
Ширина проксимального эпифиза	33	24,50–26,78–29,20	104	20,80–24,15–26,70
Ширина диафиза	79	7,20–9,54–10,90	131	7,10–8,74–10,70
Ширина дистального эпифиза	45	9,70–20,15–21,40	128	16,70–19,11–20,90
Передне-задний диаметр головки	67	9,70–10,53–11,40	115	8,40–9,67–10,90
Поперечник диафиза	77	6,30–7,89–9,40	132	6,70–7,29–8,60
Голень				
Ширина верхнего эпифиза	33	19,40–20,58–22,50	104	17,10–19,25–21,40
Ширина диафиза наименьшая	83	6,30–7,43–8,90	129	6,30–7,45–9,00
Ширина нижнего эпифиза	104	12,50–14,03–15,80	121	10,40–13,31–15,30
Поперечник верхнего эпифиза	37	20,40–21,77–24,30	107	16,80–19,58–22,00
Поперечник диафиза наименьший	67	5,60–6,27–7,80	130	5,20–6,68–8,50
Поперечник дистального эпифиза	73	8,70–10,13–10,80	120	6,60–9,31–10,70
Пятка				
Длина пяточной кости	116	30,70–32,61–35,00	19	27,30–32,17–34,70

Однако, учитывая пологий радиус резцов, легче и правильной представить донского зайца, питающегося не только летом, но и зимой в значительной мере травянистой растительностью. Именно эти анатомическая и этологическая особенности донских зайцев, по-видимому, явились на фоне перестройки состава фауны основной причиной вымирания рассматриваемого вида.

Многим, очевидно, не только по литературе известно, что даже в малоснежных районах скотоводы выгоняют на пастбища овец вместе с табуном тебенюющих лошадей. Аналогичную картину не сложно перенести в эпоху позднего плейстоцена Северной Азии, когда популяции растительноядных млекопитающих – мамонтов, диких лошадей, носорогов, бизонов – разгребали снег в поисках жухлой травы и низких кустарничков, давая зайцам возможность кормиться травой. С гибелью «мамонтовой фауны», совпавшей по времени с полным вымиранием донского зайца, выжили те «наследники», будущие твердые *Lepus timidus*, которым в силу полезных мутаций удалось укоротить радиусы резцов, превратив их в «кусачки» для эффективного питания ветками и корой. О том же свидетельствует уменьшенная площадь жевательной поверхности щечных зубов у голоценовых беляков. Процесс совершенствования резцового аппарата позволил белякам, обитающим нынче на территории Байкало-Ленского заповедника, подгрызать и валить деревца с диаметром ствола до 4,5 см [Мельников, 2003]. К сожалению, зоологи отловили этих «инакодействующих» прогрессивных животных, оборвав зарождающуюся ниточку эволюционного процесса.

Постепенность процесса укорочения радиуса резцов удалось проследить на материалах раскопок нижних слоев рыхлых отложений пещеры Еленева (окрестности г. Красноярска), обеспеченных 49 радиоуглеродными датами в пределах от 13 665 до 1 050 лет [Оводов, Мартынович, Орлова, 2003]. Интересно проверить, насколько четко изменение радиуса резцов донских зайцев, коррелирующее по времени с вымиранием плейстоценовой мегафауны на среднем Енисее, будет проявляться в других регионах. Думаю, отнюдь не всегда картина будет столь же стройная, как на памятниках в окрестностях г. Красноярска. В частности, остатки донского зайца обнаружены мной в мезолитическом культурном слое стоянки Усть-Шилка-2 (раскопки П.В. Мандрыки), расположенной на берегу Енисея в 200 км к северу от г. Красноярска. Фаунистический материал этой стоянки имеет яркий голоценовый облик [Мандрыка, Оводов, 2005].

Список литературы

- Аверьянов А.О.** Позднеплейстоценовый заяц *Lepus tanaiticus* (Lagomorpha, Leporidae) Сибири // Исследования по плейстоценовым и современным млекопитающим. – СПб.: Наука, 1995а. – С. 121–162. – (Тр. Зоол. ин-та РАН; т. 203).
- Аверьянов А.О.** Происхождение современных арктических зайцев // Первое международное мамонтовое совещание: тез. докл. – СПб., 1995б.
- Борисяк А.А.** Основные проблемы эволюционной палеонтологии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 78 с.
- Верещагин Н.К.** Некоторые проблемы истории формирования териофаун // Фауна и флора антропогена северо-востока Сибири. – Л.: Наука, 1977. – С. 6–17. – (Тр. Зоол. ин-та АН СССР; т. 63).
- Воронцов Н.Н.** Постепенное или внезапное видообразование // *Воронцов Н.Н.* Эволюция. Видообразование. Система органического мира. – М.: Наука, 2005. – С. 198–211.
- Гуреев А.А.** Фауна СССР. Млекопитающие. Зайцеобразные (Lagomorpha). – М.; Л.: Наука, 1964. – 276 с. – (Тр. Зоол. ин-та АН СССР; т. III, вып. 10).
- Ковалевский В.О.** Об *Anchiterium aurelianense* Cuv. и о палеонтологической истории лошадей // *Ковалевский В.О.* Собр. науч. тр. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. II. – С. 7–144.
- Майр Э.** Зоологический вид и эволюция. – М.: Мир, 1968. – 597 с.
- Майр Э.** Популяции, виды и эволюция. – М.: Мир, 1974. – 460 с.
- Мандрыка П.В., Оводов Н.Д.** Археология и фауна мезолитического комплекса Усть-Шилка-2 на среднем Енисее // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. 1. – С. 157–162.
- Мельников Ю.И.** Особенности зимнего кормового поведения зайца-беляка на фазе пика численности // Тр. Гос. природного заповедника «Байкало-Ленский». – Иркутск, 2003. – Вып. 3. – С. 124–125.
- Оводов Н.Д., Мартынович Н.В., Орлова Л.А.** Зайцы в меню древних сибиряков // Экология древних и современных обществ. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – Вып. 2. – С. 151–154.
- Симпсон Д.Г.** Темпы и формы эволюции. – М.: Изд-во иностранной лит., 1948. – 358 с.
- Тимофеев-Ресовский Н.В., Воронцов Н.Н., Яблоков А.В.** Краткий очерк теории эволюции. – М.: Наука, 1969. – 407 с.
- Шмальгаузен И.И.** Факторы эволюции. – М.: Наука, 1968. – 451 с.
- Шварц С.С.** Экологические закономерности эволюции. – М.: Наука, 1980. – 278 с.
- Яблоков А.В.** Изменчивость млекопитающих. – М.: Наука, 1966. – 363 с.

References

- Aver'janov A.O.** Pozdneplejstocenovyj zajac *Lepus tanaiticus* (Lagomorpha, Leporidae) Sibiri // Issledovanie po plejstocenovym i sovremennym mlekopitajushhim. St. Peterburg: Nauka, 1995a. Pp. 121–162. (Tr. Zool. in-ta RAN; t. 203). (In Russ.).
- Aver'janov A.O.** Proishozhdenie sovremennyh arkticheskikh zajcev // Pervoe mezhdunarodnoe mamontovoe soveshhanie: tez. dokl. St. Peterburg, 1995b. (In Russ.).
- Borisjak A.A.** Osnovnye problemy evoljucionnoj paleontologii. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1947. 78 pp. (In Russ.).
- Gureev A.A.** Fauna SSSR. Mlekopitajushhie. Zajceobraznye (*Lagomorpha*). Moscow; Leningrad: Nauka, 1964. 276 pp. (Tr. Zool. in-ta AN SSSR; Vol. III, Iss. 10). (In Russ.).
- Jablokov A.V.** Izmenchivost' mlekopitajushhih. Moscow: Nauka, 1966. 363 pp. (In Russ.).
- Kovalevskij V.O.** Ob *Anchiterium aurelianense* Cuv. i o paleontologicheskoj istorii loshadej // *Kovalevskij V.O.* Sobr. nauch. tr. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1956. Vol. 2. Pp. 7–144. (In Russ.).
- Majr E.** Zoologicheskij vid i evoljucija. Moscow: Mir, 1968. 597 pp. (In Russ.).
- Majr E.** Populjacija, vidy i evoljucija. Moscow: Mir, 1974. 460 pp. (In Russ.).
- Mandryka P.V., Ovodov N.D.** Arheologija i fauna mezoliticheskogo kompleksa Ust'-Shilka-2 na srednem Enisee // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: mat-ly Itogovoj sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2005. Vol. XI, pt. 1. Pp. 157–162. (In Russ.).
- Mel'nikov Ju.I.** Osobennosti zimnego kormovogo povedenija zajca-beljaka na faze pika chislennosti // Tr. Gos. prirodnogo zapovednika "Bajkalo-Lenskij". Irkutsk, 2003. Iss. 3. Pp. 124–125. (In Russ.).
- Ovodov N.D., Martynovich N.V., Orlova L.A.** Zajcy v menju drevnih sibirjakov // Ekologija drevnih i sovremennyh obshhestv. Tjumen': Izd-vo IPOS SO RAN, 2003. Iss. 2. Pp. 151–154. (In Russ.).
- Shmal'gauzen I.I.** Faktory evoljucii. Moscow: Nauka, 1968. 451 pp. (In Russ.).
- Shvarc S.S.** Ekologicheskie zakonomernosti evoljucii. Moscow: Nauka, 1980. 278 pp. (In Russ.).
- Simpson D.G.** Tempy i formy evoljucii. Moscow: Izd-vo inostrannoju lit., 1948. 358 pp. (In Russ.).
- Timofeev-Resovskij N.V., Voroncov N.N., Jablokov A.V.** Kratkij ocherk teorii evoljucii. Moscow: Nauka, 1969. 407 pp. (In Russ.).
- Vereshagin N.K.** Nekotorye problemy istorii formirovanija teriofauna // Fauna i flora antropogena severovostoka Sibiri. Leningrad: Nauka, 1977. Pp. 6–17. (Tr. Zool. in-ta AN SSSR; vol. 63). (In Russ.).
- Voroncov N.N.** Postepennoe ili vnezapnoe vidoobrazovanie // *Voroncov N.N.* Evoljucija. Vidoobrazovanie. Sistema organicheskogo mira. Moscow: Nauka, 2005. Pp. 198–211. (In Russ.).

Н.Д. Ововодов¹, А.М. Клементьев², Н.В. Мартынович³¹Институт археологии и этнографии СО РАН²Институт земной коры СО РАН³Музей Мирового океана

E-mail: ndovodov@mail.ru

ПЕРВАЯ НАХОДКА КАНАДСКОЙ РЕЧНОЙ ВЫДРЫ В ПЛЕЙСТОЦЕНЕ СИБИРИ

В 2011 г. под г. Красноярском в долине р. Базаиха спелеологами была открыта новая пещера Белый Город, названная по цвету включающего карстовую полость скального массива. Первый осмотр неприметной снаружи полости принес несколько десятков крупных костей плейстоценовой сохранности и артефакт – бронзовый кинжал тагарской эпохи. Были определены характерные для Сибири виды плейстоценовых млекопитающих: шерстистый носорог, бизон, пещерные лев и гиена, медведи, волки, россомаха. Сам пещерный тафоценоз представляется уникальным: достаточно обычные в долине Енисея, по берегам Красноярского водохранилища виды в карстовых полостях под г. Красноярском встречаются редко. В научной литературе известна ныне утраченная пещера, найденная в 1893 г. П.С. Проскуряковым на Торгашином хребте у г. Красноярск, с костями пещерной гиены, носорога, мамонта и копытных. Однако поистине палеонтологическим и зоогеографическим открытием оказалась находка в пещере Белый Город канадской речной выдры (*Lontra canadensis*), представленной костями от не менее четырех особей, погибших естественной смертью. Видовое определение по фотографии бакулюма сделал Г.Ф. Барышников. Половая косточка (бакулюм) канадской речной выдры заметно отличается от таковой речной выдры (*Lutra lutra*) не только формой, но и более крупными размерами. Происхождение канадской выдры связывают с Юго-Восточной Азией. Таким образом, было получено еще одно наглядное свидетельство палеомиграции наземных позвоночных через Берингийский перешеек, которая, вероятно, произошла в плиоцен–раннеплейстоценовое время. В статье приведены морфометрические данные остеологической коллекции по канадской речной выдре из пещеры Белый Город.

Ключевые слова: Берингия, Средняя Сибирь, пещера, выдры, плейстоцен.

N.D. Ovodov¹, A.M. Klementiev², N.V. Martynovich³¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS²Institute of the Earth Crust SB RAS³Museum of World Ocean

E-mail: ndovodov@mail.ru

THE FIRST FIND OF CANADIAN OTTER IN PLEISTOCENE OF SIBERIA

Krasnoyarsk speleologists discovered Belyi Gorod a new cave near Krasnoyarsk in 2011. The cave got such name by virtue of the white rock mass included the cavern. The first survey of the cavern, imperceptible from outside, gave the several dozen of large bone with Pleistocene preservation and artifact in the form of a Tagar bronze dagger. The typical of Siberia the Pleistocene mammal species were identified: the woolly rhinoceros, bison, cave lion and hyena, bear, wolf, wolverine. Cave taphocoenosis seems unique: the common in the Yenisei River valley and coasts of Krasnoyarsk reservoir species are scarce in caverns near Krasnoyarsk. The scientific literature refers to subsequently lost cave, discovered by P.S. Proskuryakov in Torgashinsky ridge near Krasnoyarsk in 1893. There were the bones of cave hyena, rhinoceros, mammoth and ungulates. But, the find of Canadian otter from the Belyi Gorod cave was the real paleontological and zoogeographical discovery. The remains presented by bones from no less than four individuals, died naturally. G.F. Baryshnikov identified the species by the photo of baculum. The Os penis (baculum) of Canadian otter significantly differ from otter's (*Lutra Lutra*) by shape and larger size. The origin of Canadian otter is associated with South Eastern Asia. It is one more evidence that land vertebrata migrated across the Bering land bridge, perhaps, in Pliocene – Early Pleistocene time. We present here the morphometric data of the osteological collection, consisted of Canadian otter remains and obtained in Belyi Gorod cave.

Keywords: Beringia, Central Siberia, cave, otters, Pleistocene.

Берингия – особое понятие в плане палеогеографии, в историческом контексте включала сухопутный Берингийский перешеек, неоднократно соединявший Евразию и Северную Америку в единый суперконтинент. По некоторым данным ширина Берингийского пролива в настоящее время составляет ок. 80 км при глубине 30–35 м. В отдельные периоды плиоцен–плейстоцена пролив благодаря регрессии океана и тектонике превращался в сухопутный перешеек, соединяющий северо-восточную оконечность Сибири и Аляску (см., напр.: [Хопкинс, 1976]). Это обстоятельство позволяло в условиях сходного климата совершать миграции представителям фауны и флоры в обоих направлениях. Существует мнение, что и человеческие племена в те отдаленные времена могли совершать подобные перемещения, хотя, по мнению Ю.А. Мочанова [1976, с. 551], «берингийские миграции человека... пока еще очень слабо документированы археологическими памятниками как в Америке, так и в Азии».

Развернутую картину заметного фаунистического и флористического сходства участков материков по обе стороны пролива не только в современности, но и в более древние времена дал орнитолог, в прошлом многолетний директор Красноярского краеведческого музея А.Я. Тугаринов. Он предположил, что к началу квартера на территории Берингии, или Берингии, сложился комплекс форм в виде остатков автохтонной, более древней фауны, а также вселенцев из южных степных участков Азии. Он также предположил, что эта территория в четвертичную эпоху не испытала воздействия мощного оледенения, что дало возможность как для фаунистического обмена, так и для развития специфической арктической фауны [Тугаринов, 1934]. Позднее наши исследователи и американские специалисты обогатили представления Тугаринова новыми фактами, примерами реальных материковых контактов Азии с Америкой [Шер, 1976; Хопкинс, 1976; Воронцов, Ляпунова, 2005].

Сенсационной палеофаунистической находкой для Северной Азии оказалась находка костных остатков канадской выдры в пещере Белый Город близ г. Красноярска. Принадлежность костей именно к этому виду определил по фотографии бакулюма (*os penis*) Г.Ф. Барышников (ЗИН РАН). Длина косточки из пещеры (90,5 мм) значительно превышает таковую у рецетной сибирской выдры (60 мм), – это один из признаков родового различия видов.

Бакулюм канадской выдры впервые был подробно описан Фрилеем, который для выборки мичиганских взрослых выдр указывает средний размер кости 94,92 мм при отклонениях от 106,4 до 87,7 мм [Friley, 1949]. В настоящее время строение половых косточек мустелид достаточно хорошо изучено, их

аллометрический анализ используется для филогенетических построений [Baryshnikov, Bininda-Emonds, Abramov, 2003]. На рисунке приведены фотографии бакулюма рецетной речной выдры (2) и находки из пещеры Белый город (1), а также приведена (с изменениями) иллюстрация с рисунками половых косточек *Lutra lutra* (3) и *Lontra canadensis* (4) из монографии Ван Зилья де Джонга, который, опираясь на особенности строения черепа и скелета, поддерживал разделение *Lutra* и *Lontra* на родовом уровне [Zyll de Jong, 1972].

Пещера Белый Город была открыта красноярскими спелеологами в 2011 г. Она находится 16 км юго-восточнее пос. Верхняя Базаиха Березовского р-на Красноярского края. Полость располагается в таежной обстановке на крутом склоне массива светлого известняка (отсюда название) правого борта долины руч. Свищев, примерно в 300 м от его впадения в р. Базаиха. Пещера горизонтальная, имеет два малоприметных узких входа и три грота, связанных тесными проходами. Протяженность открытых к настоящему времени ходов около 160 м [Плющ, 2011; Привалихин и др., 2013].

Первооткрыватели пещеры обнаружили артефакт – бронзовый кинжал тагарского времени и большое скопление костей крупных плейстоценовых млекопитающих: льва пещерного; носорога; нескольких видов медведей, включая малого

Фото бакулюмов канадской выдры из пещеры Белый Город (1) и рецетной речной выдры (2). Рисунки половых косточек речной (3) и канадской (4) выдр из монографии Ван Зилья де Джонга [Zyll de Jong, 1972].

Размеры некоторых костей рецентной выдры и плейстоценовой выдры из пещеры Белый Город, мм

Наименование промера	Белый Город, плейстоцен	Речная выдра рецентная
Плечевые кости	n = 6	n = 2
Полная длина	71,0; 71,4; 75,7; 79,0; 74; 71,8	82,7; 77,1
Ширина верхнего эпифиза	18,0; 19,6; 21,6; 20,3; 21; 20,4	18,4; 16,9
Поперечник верхнего эпифиза	19,1; 20,8; 21,2; 22,4; - ; 20,7	19,5; 18,0
Ширина диафиза	6,9; 7,0; 7,5; 8,0; 7,4; 7,6	6,1; 6,2
Поперечник диафиза	9,8; 10,8; 12,0; 13,0; 11,4; 10,4	10,9; 9,8
Ширина нижнего эпифиза	24,0; 23,8; 27,6; 28,5; 24,7; 26	24,9; 23,7
Бедренные кости	n = 4	n = 2
Полная длина	79,4; 68,6; 66,4; 64,7	82,2; 77,7
Ширина верхнего эпифиза	24,4; 22,4; 21,5; 19,4	22,9; 22,3
Поперечник суставной головки	12,5; 10,9; 11,3; 9,7	10,6; 10,5
Ширина диафиза	9,2; 8,1; 7,5; 7,4	8,4; 7,2
Поперечник диафиза	8,0; 7,2; 7,3; 6,4	6,7; 6,1
Ширина нижнего эпифиза	23,1; 20,1; - ; 18,5	22,5; 18,7

пещерного и гималайского; волков – красного, серого, субтильного; гиены пещерной; росوماхи; а также остатки полевок. Из голоценовых костей птиц были определены глухарь и тетерев, из плейстоценовых – белая куропатка.

К настоящему времени в пещере Белый Город обнаружено 6 плечевых, 2 локтевых, 7 бедренных, 2 больших берцовых и 2 (один неполный) бакулюма канадской выдры. Кости принадлежат минимум четырем взрослым животным, погибшим естественной смертью, о чем свидетельствует отсутствие следов погрызов другими хищниками. Поверхность костей глянцевая, черно-бурого цвета. Размеры некоторых костей приведены в *таблице*.

Представители подсемейства *Lutrinae* появились впервые в Северной Америке в плиоцене и имеют, вероятно, евразийское происхождение. Проникновение в Северную Америку, по-видимому, произошло в период Канзасского оледенения, чему способствовало существования Берингийского сухопутного моста [Zyll de Jong, 1972]. Североамериканские речные выдры найдены в ирвингтонских (средний плейстоцен) отложениях в Port Kennedy, пещерах Cumberland, и карстовых колодцах Leisey Shell [Anderson, 1984; Kurten, Anderson, 1980]. Плейстоцен–голоценовые остатки этих выдр известны из пещер острова Принца Уэльского, крупнейшего острова архипелага Александра в юго-восточной части Аляски. Предполагается, что этот вид имел здесь долгую историю и пережил последний ледниковый максимум [Heaton, Grady, 2003]. Канадская выдра в историческое время была распространена практически по всей территории Северной Америки, в настоящее время ее ареал из-за воздействия человека значительно сократился [Boyle, 2006]. Современные исследования показали склонность канадской выдры к заселению небольших полостей

в период рождения и вскармливания детенышей [Gorman et al., 2006].

На территории бывшего Советского Союза, по данным «Каталога млекопитающих СССР» [1981], наличие ископаемых костей речной выдры не отмечено. За пределами России остатки выдр рода *Lutra* хорошо известны из плиоцена, средне- и верхнеплейстоценовых местонахождений Европы (Нидерланды, Англия, Мальта, Сицилия, Сардиния), в том числе связанных с карстом [Wellemsen, 1992].

Благодарности. Авторы выражают благодарность П.В. Ощепкову, А.Ю. Олейникову, А.В. Подболоцкому, А.М. Хританкову, И.Н. Лысанскому, А.Г. Филиппову и И.К. Гаврилову, способствовавшим сбору ископаемого и рецентного материала по выдрам, литературных источников, а также фотофиксации фоссилий и рецентных материалов. Особую признательность авторы выражают Г.Ф. Барышникову.

Список литературы

Воронцов Н.Н., Ляпунова Е.А. Теоретические основы использования генетических методов в палеобиогеографических реконструкциях // *Воронцов Н.Н. Избр. тр. Эволюция. Видообразование. Система органического мира.* – М.: Наука, 2005. – С. 179–197.

Каталог млекопитающих СССР. – Л.: Наука, 1981. – 456 с.

Мочанов А.М. Палеолит Сибири (некоторые итоги изучения) // Берингия в кайнозое: мат-лы Всесоюз. симп. «Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозое». – Владивосток, 1976. – С. 540–565.

Плюш И.В. Предварительные результаты исследования одной из пещер Верхне-Базаихского участка // *Спелеология и спелеостология: мат-лы II Междунар. науч. заочной конф.* – Набережные Челны, 2011. – С. 68–69.

Привалихин В.И., Ощепков П.В., Подболоцкий А.В., Оводов Н.Д. Находки археологических ар-

тефактов и костей животных в пещерах верхнего течения реки Базаихи и ее притоков // Археологические исследования древностей нижней Ангары и ее притоков. – Красноярск: КККМ, 2013. – С. 29–41.

Тугаринов А.Я. Опыт истории арктической фауны Евразии // Тр. II Междунар. конф. ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. – 1934. – Вып. V. – С. 55–65.

Хопкинс Д.М. История уровня моря в Берингии за последние 250 000 лет // Берингия в кайнозое: мат-лы Всесоюз. симп. «Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозое». – Владивосток, 1976. – С. 9–27.

Шеп А.В. Роль Берингийской суши в формировании фауны млекопитающих Голарктики в позднем кайнозое // Берингия в кайнозое: мат-лы Всесоюз. симп. «Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозое». – Владивосток, 1976. – С. 227–241.

Anderson E. Review of the small carnivores of North America during the last 3.5 million years // Special publications of the Carnegie Museum of Natural History. – 1984. – Vol. 8. – P. 257–266.

Baryshnikov G.F., Bininda-Emonds O.R.P., Abramov A. Morphological variability and evolution of the baculum (os penis) in Mustelidae (Carnivora) // J. of Mammology. – 2003. – Vol. 84 (2). – P. 673–690.

Boyle S. North American River Otter (*Lontra canadensis*): a technical conservation assessment // USDA Forest Service, Rocky Mountain Region. – 2006. – URL: <http://www.fs.usda.gov/detail/>

Friley C.E.Jr. Age determination by use of the baculum, in the River otter *L. c. canadensis* Shreber // J. Mammal. – 1949. – Vol. 30. – P. 102–110.

Gorman T.A., Erb J.D., McMillan B.R., Martyn D.J., Homiack J.A. Site Characteristics of River Otter (*Lontra canadensis*) Natal Dens in Minnesota // American Midland Naturalist. – 2006. – Vol. 156, Iss. 1. – P. 109–117.

Heaton T.H., Grady F. The Late Wisconsin vertebrate history of Prince of Wales Island, Southeast Alaska // Ice Age Cave Faunas of North America. – Indiana Univ. Press, 2003. – Chap. 2. – P. 17–53.

Kurten B., Anderson E. Pleistocene mammals of North America. – N.Y.: Columbia Univ. Press, 1980. – 442 p.

Wellemsen G.F. A revision of the Pliocene and Quaternary Lutrinæ from Europe // Scripta Geol. – 1992. – Vol. 101. – P. 1–115.

Zyll de Jong CG. van. A systematic review of the nearctic and neotropical river otters (Genus *Lutra*, Mustelidae, Carnivora) // Life Sci. Contribution, Royal Ontario Museum. – 1972. – Vol. 80. – P. 1–104.

References

Anderson E. Review of the small carnivores of North America during the last 3.5 million years // Special publications of the Carnegie Museum of Natural History. 1984. Vol. 8. Pp. 257–266.

Baryshnikov G.F., Bininda-Emonds O.R.P., Abramov A. Morphological variability and evolution of the baculum (os penis) in Mustelidae (Carnivora) // Journal of Mammology. 2003. Vol. 84 (2). Pp. 673–690.

Boyle S. North American River Otter (*Lontra canadensis*): a technical conservation assessment // USDA Forest Service, Rocky Mountain Region. 2006. URL: <http://www.fs.usda.gov/detail/>

Friley C.E.Jr. Age determination by use of the baculum, in the River otter *L. c. canadensis* Shreber // Journal Mammal. 1949. Vol. 30. Pp. 102–110.

Gorman T.A., Erb J.D., McMillan B.R., Martyn D.J., Homiack J.A. Site Characteristics of River Otter (*Lontra canadensis*) Natal Dens in Minnesota // American Midland Naturalist. 2006. Vol. 156, Iss. 1. P. 109–117.

Heaton T.H., Grady F. The Late Wisconsin vertebrate history of Prince of Wales Island, Southeast Alaska // Ice Age Cave Faunas of North America. Indiana Univ. Press, 2003. Chap. 2. Pp. 17–53.

Hopkins D.M. Istorija urovnja morja v Beringii za poslednje 250 000 let // Beringija v kajnozoe: mat-ly Vsesojuz. simp. «Beringijskaja susha i ejo znachenie dlja razvitija golarkticheskikh flor i faun v kajnozoe». Vladivostok, 1976. Pp. 9–27. (In Russ.).

Katalog mlekopitajushhih SSSR. Leningrad: Nauka, 1981. 456 pp. (In Russ.).

Kurten B., Anderson E. Pleistocene mammals of North America. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1980. 442 pp.

Mochanov A.M. Paleolit Sibiri (nekotorye itogi izucheniya) // Beringija v kajnozoe: mat-ly Vsesojuz. simp. «Beringijskaja susha i ejo znachenie dlja razvitija golarkticheskikh flor i faun v kajnozoe». Vladivostok, 1976. Pp. 540–565. (In Russ.).

Pljushh I.V. Predvaritel'nye rezul'taty issledovanija odnoj iz peshher Verhne-Bazaihskego uchastka // Speleologija i speleostologija: mat-ly II Mezhdunar. nauch. zaochnoj konf. Naberezhnye Chelny, 2011. Pp. 68–69. (In Russ.).

Privalihin V.I., Oshhepkov P.V., Podbolockij A.V., Ovodov N.D. Nahodki arheologicheskikh artefaktov i kostej zhivotnyh v peshherah verhnego techeniya reki Bazaihi i ee pritokov // Arheologicheskie issledovanija drevnostej nizhnjej Angary i ee pritokov. Krasnojarsk: KKKM, 2013. Pp. 29–41. (In Russ.).

Sher A.V. Rol' Beringijskoj sushi v formirovanii fauny mlekopitajushhih Golarktiki v pozdnem kajnozoe // Beringija v kajnozoe: mat-ly Vsesojuz. simp. «Beringijskaja susha i ejo znachenie dlja razvitija golarkticheskikh flor i faun v kajnozoe». Vladivostok, 1976. Pp. 227–241. (In Russ.).

Tugarinov A.Ja. Opyt istorii arkticheskoy fauny Evrazii // Tr. II mezhdunar. konf. asociacii po izucheniju chetvertichnogo perioda Evropy. 1934. Iss. 5. Pp. 55–65. (In Russ.).

Voroncov N.N., Ljapunova E.A. Teoreticheskie osnovy ispol'zovanija geneticheskikh metodov v paleobiogeograficheskikh rekonstrukcijah // Voroncov N.N. Izbr. tr. Evoljucija. Vidobrazovanie. Sistema organicheskogo mira. Moscow: Nauka, 2005. Pp. 179–197. (In Russ.).

Wellemsen G.F. A revision of the Pliocene and Quaternary Lutrinæ from Europe // Scripta Geol. 1992. Vol. 101. Pp. 1–115.

Zyll de Jong CG. van. A systematic review of the nearctic and neotropical river otters (Genus *Lutra*, Mustelidae, Carnivora) // Life Sci. Contribution, Royal Ontario Museum. 1972. Vol. 80. Pp. 1–104.

К.К. Павленок¹, Г.Д. Павленок¹, С.Ю. Лазарев², С.В. Шнайдер¹, А. Раджабов³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Томский государственный университет

³Институт археологии АН РУз

E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КАМЕННОМ ВЕКЕ УЗБЕКИСТАНА. СТОЯНКА-МАСТЕРСКАЯ ГЫШТСАЙ-1 В ДОЛИНЕ РЕКИ АХАНГАРАН

Бассейн р. Ахангаран являлся одним из наиболее комфортных мест для проживания палеолитического человека на территории современного Узбекистана. Представительная группа объектов каменного века расположена на юго-восточном склоне Чаткальского хребта. На правом берегу р. Тагсай у выходов кремня расположена стоянка-мастерская Гыштсай-1. В коллекции, полученной в результате поверхностных сборов в 1962 г., было выделено два комплекса – верхнепалеолитический и неолитический. Также были обнаружены единичные мустьерские формы. В 2013 г. было засвидетельствовано присутствие палеолитических артефактов в погребенном состоянии, а в 2015 г. на стоянке произведена рекогносцировочная зачистка. Анализ стратиграфии показал, что в разрезе Гыштсай-1 (сл. 1–4) отражены процессы физико-химического выветривания палеогеновых известняков с дальнейшим сносом склоновыми процессами. В строении слоя 2 принимает участие коричневая супесь, аккумулятивная в качестве лессового покрова. Отсутствие денудационных перерывов говорит об относительной непродолжительности периода накопления отложений. Предварительно они были отнесены к плейстоцену, более точный возраст укажет датирование грунта из прослая 2.2. Каменные артефакты распределены в разрезе достаточно равномерно. Их ориентация в слое повторяет картину, свойственную для близлежащих объектов с перемещенными материальными ансамблями. Вопреки прежней оценке, характер каменной индустрии Гыштсай-1 позволяет предварительно отнести стоянку к финальным этапам каменного века. Возраст материалов может быть предварительно определен как не древнее 35–30 тыс. л.н., и дальнейшие исследования объекта помогут сузить этот интервал.

Ключевые слова: палеолит, Узбекистан, плейстоцен, стоянка-мастерская, стратиграфия, каменная индустрия.

K.K. Pavlenok¹, G.D. Pavlenok¹, S.Yu. Lazarev², S.V. Shnaider¹, A. Radzhabov³

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Tomsk State University

³Institute of Archaeology, Academy of Sciences, Republic of Uzbekistan

E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

THE NEW DATA ON STONE AGE OF UZBEKISTAN: THE GYSHTSAI-1 WORKSHOP-CAMP IN THE AKHANGARAN RIVER VALLEY

Akhangaran River basin is one of the most comfortable places to Paleolithic human inhabitation at the territory of modern Uzbekistan. A representative group of the Stone Age objects is located in the south eastern slope of the Chatkal Ridge. On the right bank of the river. The workshop-camp Gyshtsay-1 is situated on the right bank of the Tashsai River near the flint outcrops. The surface material were collected in 1962. As a result, researchers divided two complexes in this assemblage: Upper Paleolithic and Neolithic. In addition, the singular Mousterian forms were found. The presence of buried Paleolithic artifacts was fixed in 2013, and the exploratory cleaning was realized at the site in 2015. Analysis of stratigraphy showed that in the context of Gyshtsay-1 (cl. 1–4) reflects the processes of physical and chemical weathering Paleogene limestones with further demolition of slope processes. The stratigraphic analysis shew that Gyshtsay-1 profile reflects the processes of physicochemical weathering of Paleogene limestone with his further removing by slope processes. The brown sandy loam, accumulated as a loess cover, participates in structure of the layer 2. The denudation hiatuses is

absent that suppose the relative impermanence of the deposit accumulation. Previously, they were related to the Pleistocene, the dating of sediments from sublayer 2.2 will give the more exact age Stone artifacts are distributed in the cross-section equally. Their position in the layer repeats the typical situation of nearby objects with displaced materials. Contrary to previous estimates, the character of the Gyshtsaya-1 stone industry purpose to relate the site to Final stages of the Stone Age. Age of materials can be preliminary determined as young as 35–30 kyr, and further research of this object will help to reduce this range.

Keywords: Paleolithic, Uzbekistan, Pleistocene, workshop-camp, stratigraphy, stone industry.

Интенсивные археологические исследования, проводившиеся с 60-х гг. XX в. до настоящего времени, позволяют утверждать, что одним из наиболее комфортных мест для проживания палеолитического человека на территории современного Узбекистана являлся бассейн р. Ахангаран [Новые исследования..., 1995; Павленок и др., 2013]. Группа палеолитических объектов – преимущественно стоянок-мастерских с экспонированным материалом (Кызыл-Алма-1, -4; Гыштсай-1, -2; Шиванбай-1, -2; Яккабог, Саглам) – была обнаружена в 1962 г. на пологом юго-восточном склоне Чаткальского хребта, обрамляющем долину Ахангарана по правому борту [Касымов, Ростовцев, 1969; Касымов, Кабиров, Омонжулов, 1977]. Стоянки чаще приурочены к содержащим кремь выходам палео-

геновых и меловых пород в тех местах, где они прорезаны горными ручьями (саями).

Стоянка-мастерская Гыштсай-1 расположена у выходов пород на правом берегу р. Ташсай (местное население использует наименование Гыштсай) в 2 км к северо-западу от г. Ангрена (рис. 1). Превышение над уровнем р. Ташсай составляет 40–45 м ($h = 1\ 080$ м). Здесь выходы скальных пород образуют двухскатный продолговатый холм. На его склонах сотрудниками отряда О.М. Ростовцева в 1962 г. были обнаружены каменные изделия (67 экз.), которые по технике обработки и степени сохранности поверхности были разделены на два комплекса: верхнепалеолитический (призматические нуклеусы, скребки и отщепы с зубчатой ретушью) и неолитический (скобель с тщатель-

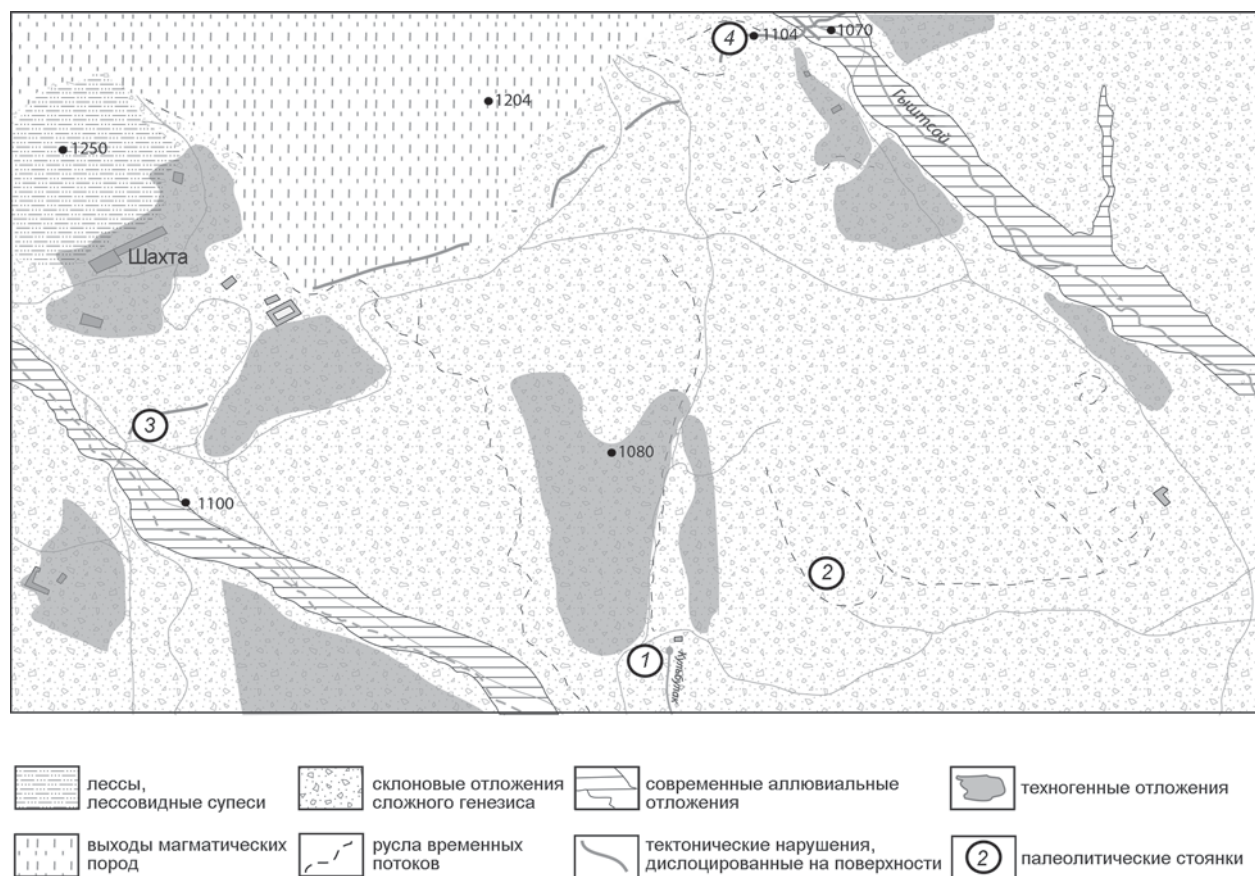

Рис. 1. Геоморфологическая ситуация в окрестностях стоянки Гыштсай-1.

1 – Кульбулак; 2 – Яккабог; 3 – Кызыл-Алма-2; 4 – Гыштсай-1.

но обработанной выемкой, скребки на обломках пластинок). Также, по указанию исследователей, среди находок встречались единичные предметы мустьерского облика (дисковидные нуклеусы и обломки пластин) [Касымов, Ростовцев, 1969]. Раскопочных работ на стоянке не производилось.

В ходе археологической разведки 2013 г. сотрудниками Среднеазиатского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН был произведен осмотр территории памятника, в т.ч. частично сохранившейся стенки геологической выработки, прорезавшей верхнюю часть холма с запада на восток. Тогда же был засвидетельствован факт присутствия палеолитических артефактов в погребенном состоянии. Для уточнения стратиграфического строения толщи, а также характера распределения в ней археологического материала в 2015 г. на стоянке была произведена рекогносцировочная зачистка шири-

ной 1,5 м. Общая мощность отложений составила 1,8 м (рис. 2, а). Описание разреза (сверху вниз) было произведено С.Ю. Лазаревым.

Слой 1. Техногенные отложения, представленные светло-серым микститом, состоящим из светло-серой супеси, обломков известняка и единичных андезит-порфиров. Текстура рыхлая. Слой является отвалом геологической выработки и распространен крайне ограниченно и неравномерно. Подошва слоя четкая, ровная. Истинная мощность – 0,4 м.

Слой 2. Состоит из двух прослоев. Прослой 2.1. Коричневая, темно-серая супесь – современный почвенный горизонт. Текстура рыхлая, нарушена биотурбациями насекомых и разбита корнями современных растений. Содержит редкие щебни известкового состава. Подошва слоя четкая, ровная. Истинная мощность – 0,05 м.

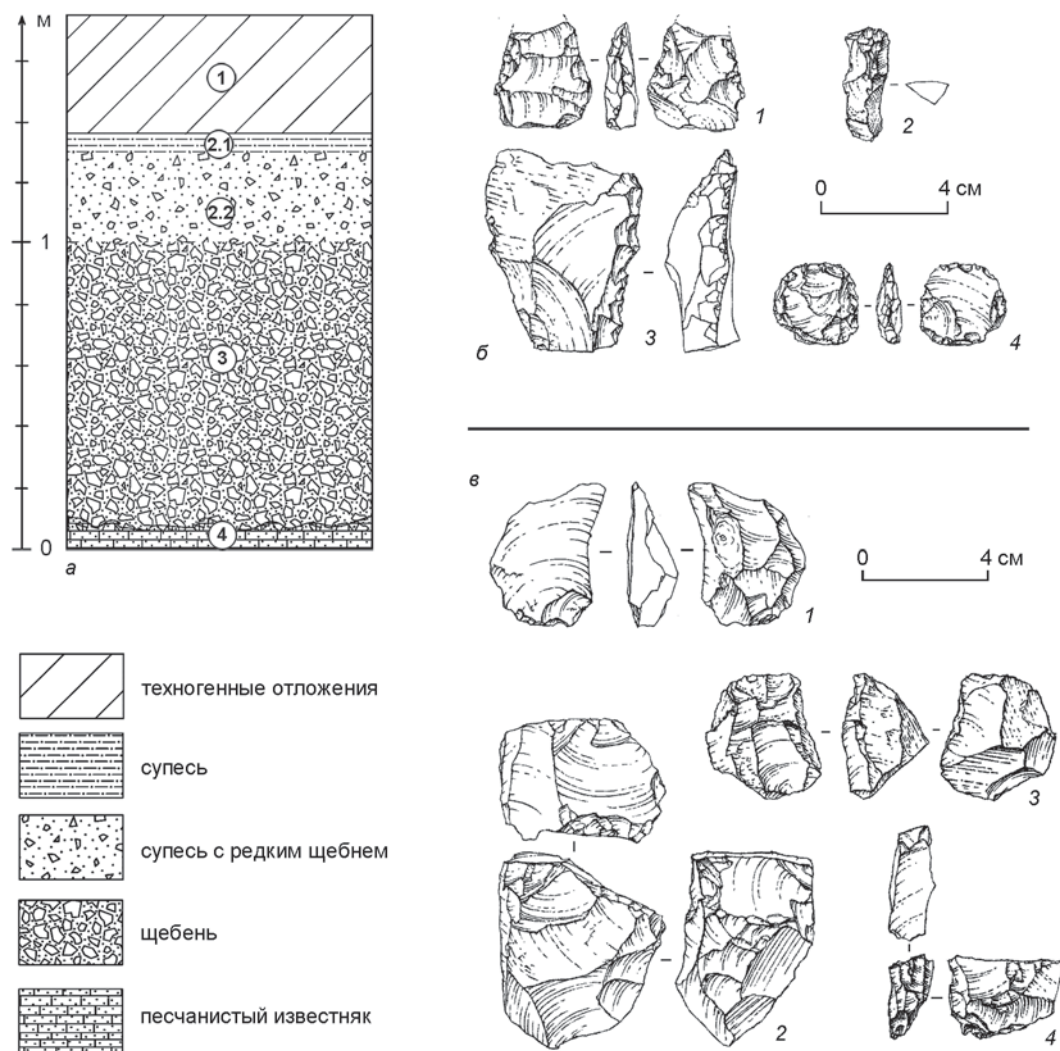

Рис. 2. Стоянка Гыштсай-1.

а – стратиграфическая колонка памятника; б – каменные изделия из слоя 1: 1 – фрагмент наконечника, 2 – реберчатая пластина, 3 – скребло, 4 – долотовидное орудие; в – каменные изделия из слоя 3: 1 – отщеп с вентральной подтеской, 2 – продольный нуклеус, 3 – бипродольный нуклеус, 4 – торцовый нуклеус со сходящимися латералиями.

Прослой 2.2. Коричневато-серая супесь с включениями щебней и единичных блоков песчанистого известняка. Текстура плотная. Щебни (5–6 см) обломки (до 10 × 15 × 20 см) в прослое распространены неравномерно. Также отмечаются трещины усыхания, берущие начало в кровле. Подошва слоя нечеткая, но ясная. Из отложений прослая взят образец грунта на TL-датирование. Истинная мощность прослая – 0,3 м. Таким образом, истинная мощность всего слоя 2 – 0,35 м.

Слой 3. Светло-серый белесый щебень. Текстура плотная. Каркас представлен белым известковым мелкозернистым песчаником. Матрикс представлен светло-серой карбонатной супесью, а также неконсолидированным карбонатом кальция. Обломки распространены в слое неравномерно, с тенденцией к увеличению их числа от кровли к подошве. Подошва слоя четкая, неровная, эрозионная. Истинная мощность – 0,9 м.

Слой 4. Коренные породы, представленные белым песчанистым известняком с прожилками кремня. Видимая мощность слоя – более 0,1 м.

Можно сделать заключение, что в разрезе Гытсая-1 отражены процессы продолжительного физико-химического выветривания палеогеновых известняков с дальнейшим сносом склоновыми процессами. В строении слоя 2 также принимает участие коричневатая супесь, аккумулятивная, вероятно, в качестве лессового покрова и также переработанная в дальнейшем склоновыми процессами. Отсутствие денудационных перерывов свидетельствуют в пользу относительной непродолжительности периода накопления отложений.

Археологический материал распределен в разрезе достаточно равномерно и демонстрирует высокую плотность во всех слоях. Хаотичная ориентация находок в слое, присутствие патинизированных и окатанных форм, наряду с изделиями без подобных следов, повторяет картину, свойственную для близлежащих объектов с перемещенными материальными ансамблями [Колобова и др., 2010]. Учитывая близость технико-типологических показателей каменных индустрий из разных слоев, в рамках данной статьи можно кратко охарактеризовать индустрию стоянки в целом.

Коллекция насчитывает 707 изделий (см. таблицу). Набор нуклеусов (из слоев 1 и 3) характерен для участка, где проходила первичная сортировка и отбраковка сырья. Значительный удельный вес имеют нуклевидные обломки, на которых фиксируются неудачные попытки инициации расщепления. Все они оставлены из-за дефектов породы. Ряд нуклеусов демонстрируют один-два пробных скола. Морфология типологически определимых

нуклеусов, а также технических снятий позволяет сделать некоторые выводы о технологических навыках обитателей стоянки. Им были доступны однонаправленное (рис. 2, в, 2) и встречное параллельное плоскостное расщепление (рис. 2, в, 3), торцовое однонаправленное (рис. 2, в, 4) и радиальное раскалывание, а также, видимо, объемное раскалывание с использованием техники направляющего ребра (рис. 2, б, 2). Периодически использовались латеральные сколы для коррекции формы нуклеуса, также фиксируется прием приострения основания торцового нуклеуса для микропластин.

Индустрия сколов-заготовок слоев 1–3 насчитывает 284 экз. (см. таблицу). Среди них предсказуемо доминируют отщепы, что объясняется функциональной ориентацией объекта (стоянка-мастерская на выходах сырья). Как отщеповые, так и пластинчатые заготовки чаще обладают подпрямоугольными очертаниями. В основной своей массе они были получены путем продольного и конвергентного скалывания, реже – ортогонального и радиального. Ударные площадки, как правило, готовились единственным сколом, однако присутствует стабильный процент сколов с дву- и многогранными площадками. Достаточно показательным признаком выступила редукция рабочей кромки. Среди средних отщепов она присутствует в пределах от 1/5 до 1/3 части изделий, а в категории удлинённых сколов ее наличие фиксируется на каждом втором изделии. На крупных и мелких отщепах редукция почти не встречается. Это позволяет говорить о направленности расщепления на получение пластин и отщепов размерами 30–50 мм, а также пластинок, что в целом соответствует метрическим показателям заготовок орудий.

Типологически выраженные орудия из слоев 1 и 3 Гытсая-1 представлены дорсальным продольным прямым скреблом (рис. 2, б, 3), долотовидным двулезвийным (рис. 2, б, 4) и зубчато-выемчатым изделиями, фрагментом наконечника (рис. 2, б, 1) и концевым скребком с выпуклым рабочим краем. Все они выполнены на отщепах или технических сколах с пропорциями отщепов. Неформальные орудия представлены одной пластиной и шестью отщепами с нерегулярной ретушью. Пластина и три отщепа обработаны дорсальной ретушью, одно изделие – вентральной ретушью и одно – вентральной подтеской (рис. 2, б, 2). Наконечник обработан покрывающей двусторонней ретушью, не имеющей распространения в палеолите региона. Возможно, в данном случае речь идет о более поздней примеси, не соответствующей общему контексту индустрии.

Состав каменной индустрии стоянки Гыштсай-1

Каменные изделия	Слой 1	Слой 2	Слой 3
Нуклевидные формы			
Продольные	0	0	3
Бипродольные	0	0	1
Поперечные	1	0	0
Торцовые	0	0	1
Торцовые со сходящимися латералиями	0	0	1
Радиальные	0	0	1
Бессистемные	0	0	1
Заготовка объемного нуклеуса	1	0	0
Нуклевидные обломки	2	3	4
<i>Всего</i>	4	3	12
Сколы			
Пластины	19	3	8
Пластинки	5	1	0
Отщепы			
крупные	7	3	15
средние	59	4	83
мелкие	46	11	20
Технические			
первичные	8	0	13
вторичные	15	3	21
подправка площадки	1	0	1
краевые	5	2	17
реберчатые	1	0	1
полурберчатые	3	1	2
<i>Всего</i>	169	28	181
Орудия			
Наконечник (фрагмент)	1	0	0
Скребло	1	0	0
Долотовидное двулезвийное	1	0	0
Скребок концевой	0	0	1
Отщеп с вентральной подтеской	0	0	1
Зубчато-выемчатое	0	0	1
Пластина с ретушью	1	0	0
Отщепы с ретушью	0	0	5
<i>Всего</i>	4	0	8
Отходы производства			
Фрагменты отщепов	104	29	110
Обломки/осколки	28	9	18
<i>Всего</i>	132	38	128
<i>Итого</i>	309	69	329

Суммируя данные по стратиграфии Гыштсай-1 и наблюдения по его каменной индустрии, можно прийти к следующим выводам.

1. В результате работ 2015 г. на стоянке выявлено присутствие археологического материала

в отложениях предположительно плейстоценового возраста. Более точный возраст, возможно, укажет датирование образца грунта из прослоя 2.2, но, согласно принятому сейчас описанию строения Ангренской впадины [Абдуллаев, 1985],

голоценовые отложения представлены в этой местности только современной аллювиальной пачкой.

2. Вопреки прежней оценке, характер каменной индустрии позволяет предварительно отнести стоянку к финальным этапам каменного века. Присутствие архаичного компонента в старых коллекциях (зубчато-выемчатые формы), видимо, следует связывать с механическим повреждением краев артефактов, экспонированных на дневную поверхность. В пользу поздней хронологической позиции Гыштская-1 свидетельствует использование редукции рабочей кромки при скалывании пластинчатых и мелкопластинчатых заготовок. На другой стратифицированной верхнепалеолитической стоянке-мастерской в этой местности – Кызыл-Алма-2 (ранний этап развития кульбулакской культуры, 35–30 тыс. л.н.) использование этого приема не зафиксировано [Колобова и др., 2010; 2013]. В настоящий момент возраст материалов Гыштская-1 может быть предварительно определен как не древнее 35–30 тыс. л.н., а дальнейшие исследования объекта помогут сузить этот интервал.

Список литературы

Абдуллаев Ш.Х. Морфоструктура Ангренской впадины. – Ташкент: Фан, 1985. – 117 с.

Касымов М., Кабиров Дж., Омонжулов Т. Новые памятники в бассейне Ахангарана // АО 1976 года. – М.: Наука, 1977. – С. 527–528.

Касымов М.Р., Ростовцев О.М. Мастерские каменного века в долине р. Ангрен // История материальной культуры Узбекистана. – 1969. – Вып. 8. – С. 21–27.

Колобова К.А., Павленок К.К., Фляс Д., Кривошапкин А.И. Стоянка Кызыл-Алма-2 – новый памятник эпохи верхнего палеолита Западного Тянь-Шаня // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2010. – Т. 9, вып. 5: Археология и этнография. – С. 111–123.

Колобова К.А., Фляс Д., Деревянко А.П., Павленок К.К., Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 2. – С. 2–25.

Новые исследования палеолита в Ахангароне (Узбекистан) / Н.К. Анисюткин, У.И. Исламов, К.А. Крахмаль, Б. Сайфулаев, Н.О. Хушваков. – СПб., 1995. – 40 с. – (Археол. изыскания; вып. 28).

Павленок К.К., Шнайдер С.В., Павленок Г.Д., Колобова К.А. Палеолит Северо-Западного Тянь-Шаня в свете новейших открытий // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – Вып. 2. – С. 92–96.

References

Abdullaev Sh.H. Morfostruktura Angrenskoj vpadiny. Tashkent: Fan, 1985. 117 pp. (In Russ.).

Kasymov M., Kabirov Dzh., Omonzhulov T. Novye pamjatniki v bassejne Ahangarana // Arheologicheskie otkrytija 1976 goda. M.: Nauka, 1977. Pp. 527–528. (In Russ.).

Kasymov M.R., Rostovcev O.M. Masterskie kamenogo veka v doline r. Angren // Istorija materialnoj kultury Uzbekistana. 1969. Iss. 8. Pp. 21–27. (In Russ.).

Kolobova K.A., Fljas D., Derevjanko A.P., Pavlenok K.K., Islamov U.I., Krivoschapkin A.I. Kul'bulakskaja melkoplastinchataja tradicija v verhnem paleolite Central'noj Azii // Arheologija, etnografija i antropologija Evrazii. 2013. No. 2. Pp. 2–25. (In Russ.).

Kolobova K.A., Pavlenok K.K., Fljas D., Krivoschapkin A.I. Stojanka Kyzyl-Alma-2 – novyj pamjatnik epohi verhnego paleolita Zapadnogo Tjan'-Shanja // Vestnik Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istorija, filologija. 2010. Vol. 9, Iss. 5: Arheologija i etnografija. Pp. 111–123. (In Russ.).

Novye issledovanija paleolita v Ahangarone (Uzbekistan) / N.K. Anisjutkin, U.I. Islamov, K.A. Krahmal', B. Sajfulaev, N.O. Hushvakov. St. Peterburg, 1995. 40 pp. (Arheologicheskie izyskanija; Iss. 28). (In Russ.).

Pavlenok K.K., Shnajder S.V., Pavlenok G.D., Kolobova K.A. Paleolit Severo-Zapadnogo Tjan'-Shanja v svete novejsih otkrytij // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2013. Iss. 2. Pp. 92–96. (In Russ.).

А.Г. Рыбалко¹, А.Ю. Девятова^{2, 3}¹Институт археологии и этнографии СО РАН²Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН³Новосибирский государственный университет

E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

КОРРЕЛЯЦИЯ СТРАТИГРАФИЧЕСКИХ РАЗРЕЗОВ ПАМЯТНИКА ДАРВАГЧАЙ-ЗАЛИВ-1 ПО ГЕОХИМИЧЕСКИМ ДАННЫМ

В статье представлены предварительные результаты, полученные в ходе полевых и лабораторных исследований среднепалеолитических культурно-хронологических комплексов памятника Дарвагчай-залив-1. В районе местонахождения Дарвагчай-залив-1, на берегах Геджухского водохранилища, к настоящему времени обнаружены несколько пунктов с палеолитическими артефактами. Все они связаны с крутыми береговыми склонами и обнажениями, в которых снизу вверх прослеживаются прибрежно-морские и континентальные осадки. Исследуемый останец третьей древнекаспийской террасы имеет очень сложное геологическое строение. При его образовании и в постседиментационный период происходил ряд геологических процессов, которые в значительной мере осложнили хронологическое сопоставление полученных стратиграфических разрезов и коллекций каменных артефактов. Как известно, условия осадконакопления напрямую отражаются на микрокомпонентном составе отложений. Поэтому можно считать, что в одних и тех же условиях распределение микроэлементов будет схожим. Целью исследования было сопоставление стратиграфического разреза раскопа 2 (основного), расположенного на вершине останца древнекаспийской террасы, со стратиграфическим разрезом раскопа 1, находящегося у ее подножья, и выяснить, происходили ли процессы осадконакопления в этих частях террасы одновременно или в разное время. Для этого был изучен микроэлементный состав геологических отложений и проведена статистическая корреляция верхнего и нижнего разрезов по геохимическим данным. Исследование широкого круга элементов позволило установить геохимические взаимосвязи между стратиграфическими разрезами двух раскопов и сделать выводы о характере выноса и накопления элементов. В целом породы, слагающие верхнюю и нижнюю части памятника, весьма однородны по химическому составу. Статистический корреляционный анализ геохимических данных показал, что по микроэлементному составу разрезы совпадают на 80 %. Коэффициенты корреляции, вычисленные послойно, показывают, что в обоих разрезах осадконакопление происходило в схожих условиях.

Ключевые слова: Дагестан, каменные индустрии, ранний и средний палеолит, микроэлементный состав, корреляция.

A.G. Rybalko¹, A.Yu. Devyatova^{2, 3}¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS²A.A. Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS³Novosibirsk State University

E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

CORRELATION ON GEOCHEMICAL EVIDENCE OF THE STRATIGRAPHIC PROFILES AT THE DARVAGCHAI-ZALIV-1 SITE

We present here the preliminary results of field and lab research, provided in cultural chronological Middle Paleolithic complexes of Darvagchai-zaliv-1 site. A few Paleolithic occurrences is located in area near Darvagchai-zaliv-1, on the coasts of Gedzhukhscoe reservoir. All of them are confined to stiff coastal slopes and bank cutting with seaside-marine and continental sediments up-section. The studied outlier of third Paleo-Caspian terrace has the complicated geology aspects. When it had been formed as well as during the post-sedimentological period the range of geological processes have happened. They significantly complicated the chronological comparison between obtained stratigraphic profiles and lithic collections respectively. The sedimentological conditions directly reflect on micro-component deposit composition and we can purpose that microelement distribution will be similar in similar conditions. The research was aimed to compare stratigraphic cross-section of pit 1, which is situated in the top of Paleo-Caspian terrace outlier, and stratigraphic cross-

section of pit 2, which is situated in its bottom. Also, we purposed to explore how the sedimentation developed in this parts of terrace: did they are synchronous or not. We studied the microelement composition of these geological deposits and correlated the upper and lower profiles on geochemical evidence. Wide range of studied elements permitted to educe the geochemical correlation between stratigraphic profiles of both pits and make some conclusions about the character of element transportation and accumulation. The massive material formed the upper and lower part of the site, has the homogenous chemical composition. The stratigraphic correlation of geochemical data shew that profiles match with so-and-so 80 % agreement according their microelement composition. The correlation parameters evaluated layer-by-layer show that sedimentation accumulated in the similar conditions in the both profiles.

Keywords: Dagestan, stone industries, Lower and Middle Paleolithic, microelement composition, correlation.

Стоянка Дарвагчай-залив-1 была открыта в 2007 г. в ходе разведочных археологических изысканий, проводившихся Кавказским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН на правом берегу Геджухского водохранилища (Дербентский р-н Республики Дагестан).

Памятник (координаты: 42° 07' 36,7" с.ш., 48° 01' 51,2" в.д.) расположен на крутом юго-западном склоне останца третьей древнекаспийской террасы. Верхняя часть террасы имеет неровную, распаханную поверхность, абсолютная высота колеблется в пределах 150–167 м. Высота склона от уреза водохранилища в районе памятника составляет ок. 40 м. В нижней части террасы, на высоте 11–14 м от уреза, прослеживается прерывистая линия глыб монолитного органогенного известняка (ракушняк), переходящих далее в структурный уступ высотой до 4–5 м [Рыбалко, 2014]. Раскоп 1 расположен у подножия склона трассы, а раскоп 2 – на вершине. В разрезе каждого раскопа было выделено по пять слоев [Там же].

Разрез раскопа № 1. Слой 1. Дерна нет, современная почва отсутствует. Слой представлен светло-коричневым легким суглинком с примесью дресвы, мелкого щебня, гравия и хорошо окатанных галек. Состав обломков: известковистый и кремнистый мелкозернистый песчаник и алевролит. Плоские гальки и щебень ориентированы параллельно склону. Мощность слоя – 0,20–0,25 м. Подошва слоя нечеткая, слабоволнистая, падает параллельно современному склону, что указывает на преобладание делювиального процесса осадконакопления.

Слой 2а. Коричневый суглинок с большим содержанием обломочного материала – дресвы, щебня, средние и хорошо окатанных галек. Встречаются плоские глыбы ракушняка (до 0,8 м). Плоский щебень, галька и глыбы преимущественно ориентированы параллельно склону. В толще слоя много мелких карбонатных стяжек. Мощность – 0,3–0,5 м. Подошва слоя четкая, неровная. Генезис склоновый.

Слой 2б. Аналог слоя 2а. Отличается значительным осветлением и минерализацией заполнителя, прослеживается в виде большой линзы мощностью до 110 см. Ориентировка обломков отсутствует. В подошве слоя крупных обломков

значительно больше (особенно глыб ракушняка). Отложения с явным перерывом (размывом) перекрывают нижележащие.

Слой 3. Тонкозернистый желтовато-серый песок мощностью до 0,55 м. Непосредственно на поверхности слоя залегают очень крупные глыбы и плиты ракушняка, что, по всей видимости, связано с мощным тектоническим процессом. В подошве залегают хорошо окатанные валуны эллипсоидных и уплощенных форм (до 0,4 м). Подошва слоя четкая, не всегда ровная: видны промоины в нижележащих отложениях.

Слой 4. Зеленовато-коричневый алевроит с большим содержанием солей Ca и Na. Текстура пятнистая, видимая мощность слоя – до 1,3 м.

Каменные изделия среднепалеолитического облика обнаружены в слоях 1, 2а и 2б [Там же, с. 74].

Разрез раскопа № 2. Слой 1а. Сero-коричневый лессовидный легкий суглинок с неоднородной, комковатой текстурой. Техногенная толща (пашня). Мощность – 0,3–0,4 м.

Слой 1б. Светло-коричневый лессовидный суглинок с неоднородной текстурой. По-видимому, изменен в ходе хозяйственной деятельности человека (выравнивание поверхности террасы). Мощность – 0,3–0,4 м.

Слой 2. Лессовидный сero-коричневый суглинок. Плотный, умеренно пористый. Генезис эолово-делювиальный. Текстура слоя пятнистая из-за карбонатизированных пятен. В средней части и в подошве слоя встречаются немногочисленные ходы землеройных животных. Мощность – 0,60–0,85 м.

Слой 3. Буро-коричневый гумусированный тяжелый суглинок (погребенная почва). Текстура слоя пятнистая. Нижняя часть горизонта имеет более темный черно-бурый оттенок. По всему слою отмечаются многочисленные кротовины разнообразной формы и размеров, заполненные вышележащим сero-коричневым суглинком. Мощность – 0,8–1,5 м.

Слой 4. Плотный тяжелый желтовато-коричневый суглинок. Верхняя часть слоя (первые 20–25 см) имеет светло-бурый оттенок (контактная зона). Генезис делювиально-эоловый. Текстура пятнистая. Видимая мощность – 0,4 м.

Для сопоставления разрезов на вершине террасы с отложениями у ее подножия был проведен корреляционный анализ микроэлементного состава слоев. Для этого из стратиграфического разреза раскопа 2, находящегося на вершине холма, и разреза раскопа 1, располагающегося у подножия, были отобраны образцы грунта из трех слоев для каждого разреза. Из каждого слоя было взято по одной пробе. Выбор слоев был не случайным: в каждом из разрезов присутствуют культурные слои (раскоп 2, слой 3 и раскоп 1, слои 1, 2а, 2б). Пробы отбирались непосредственно из самих культурных слоев, а также из выше- и нижележащих горизонтов.

Микроэлементный состав проб изучался методом рентгенофлуоресцентного анализа с синхротронным излучением (РФА-СИ). Рентгенофлуоресцентный элементный анализ проводился согласно инструкциям на станции элементного анализа VEP-3 (Институт ядерной физики СО РАН).

Для нахождения геохимических взаимосвязей были проведены корреляционные исследования. Взаимная связь двух случайных величин называется

корреляцией; корреляционный анализ позволяет определить наличие такой связи, оценить, насколько эта связь существенна. Коэффициент корреляции (r_{xy}) – это математическая мера корреляции двух величин, он показывает силу и направление связи между переменными. Его значения находятся в диапазоне от -1 до $+1$. Положительное значение коэффициента говорит о прямой зависимости. Отрицательное – показывает существование обратной зависимости. Значение коэффициента корреляции, близкое к нулевому, свидетельствует о том, что связи не существует. Рассчитывается коэффициент по следующей формуле:

$$r_{xy} = \frac{\overline{xy} - \overline{x}\overline{y}}{\sigma_x \cdot \sigma_y},$$

где x, y – сравнимые величины, $\sigma_x = \sqrt{\overline{x^2} - \overline{x}^2}$, $\sigma_y = \sqrt{\overline{y^2} - \overline{y}^2}$.

Геохимические исследования микроэлементного состава проб показали, что в целом разрезы очень близки по составу (табл. 1).

Таблица 1. Усредненный геохимический состав разрезов 1 и 2*

Химический элемент	Раскоп 2				Раскоп 1			
	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение	Статистическое отклонение	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение	Статистическое отклонение
K	1,8	1,7	1,9	0,1	1,4	0,83	1,7	0,5
Ca	5,6	1,2	11	5,1	16,3	14	18	2
Ti	0,4	0,31	0,47	0,1	0,3	0,24	0,27	0,02
Mn	0,1	0,051	0,067	0,01	0,1	0,054	0,1	0,04
Fe	3,1	2,7	3,6	0,5	3	2	4,24	1,2
V	71	58	88	15	45	27	55	16
Cr	60	49	72	11	36,5	20	55	17
Ni	46	43,4	47	2,1	38	22	49	14
Cu	29	27	32	2,6	20	12	26	7
Zn	69	61	78	8,6	47	26	61	18
Ga	12,8	11,2	14,3	1,6	7,4	5,2	8,9	2
Ge	1,7	1,5	2	0,3	1,9	1,7	2,2	0,3
Br	5,4	1,7	11	5,2	5,3	0,76	11	5,4
Rb	82	71	94	11	41	25	51	14
Sr	220	161	256	51	479	276	839	313
Y	25	24	26	1	18	11	23	7
Zr	203	157	235	41	126	71	167	49
Nb	12	10	14	2,0	6,4	4	8	2,2
Mo	3	2	4	1,4	4,8	4	6	1,5
As	10	10	11	0,2	15	13	16	1,7
Pb	15	13	16	1,5	11,2	6,7	16	4,4
Th	8,5	6,9	11	2,3	5,5	4,9	5,9	0,5
U	1,8	1,3	2,1	0,4	0,3	0	0,9	0,5

*Концентрации K, Ca, Ti, Mn, Fe приведены в процентах, концентрации остальных элементов – в граммах.

Разрез раскопа 2 по химическому составу более однороден, т.е. разброс концентраций элементов (стандартное отклонение) небольшой. Концентрации химических элементов во втором разрезе в значительной мере варьирует (табл. 1). Это связано с тем, что нижний слой второго разреза длительное время находился в контакте с водой, он периодически подмывался, и часть микроэлементов в растворимых формах выносилась из слоя.

Что же касается сопоставления самих разрезов, об их взаимосвязи может свидетельствовать содержание кальция и стронция. Это подвижные химические элементы, которые к тому же имеют геохимическое родство. Их концентрации в верхнем разрезе на порядок меньше, чем в нижнем. То есть во время осадконакопления эти элементы вместе с атмосферными осадками сносились вниз по склону, где переотлагались в виде своих нерастворимых форм. А галлий и ниобий, традиционно инертные элементы, сносились лишь частично, преимущественно с обломками минералов и осадочных пород, поэтому мы наблюдаем их высокие концентрации (на порядок выше) в верхнем разрезе.

Расчет коэффициентов корреляции показал, что по средним значениям разрезы соотносятся достаточно хорошо. Коэффициент корреляции в данном случае составил 0,8, т.е. поведение элементов совпадает на 80 %. Также разрезы сравнивались послойно (табл. 2). Из табл. 2 видно, что и послойно разрезы хорошо коррелируются друг с другом. Для некоторых слоев значения коэффициента корреляции достигают 0,97–0,99. Особенно хорошо соотносятся слои 2 и 4 из верхнего разреза со слоями 1 и 2а из нижнего разреза. Сила корреляционных связей ослабевает только для нижнего слоя второго разреза (слой 2б), поскольку, как уже говорилось выше, он подвергался гидрогеологическим изменениям. Но в большей степени он соответствует слою 4 из верхнего разреза.

Вычисленные коэффициенты корреляции показывают, что делювиальные процессы (раскоп 1) происходили одновременно с процессом осадконакопления (раскоп 2). Культурный слой из раскопа 1 (слой 2а) весьма схож по геохимическим показателям с культурным слоем из раскопа 2 (слой 3). Что же касается вышележащих слоев (раскоп 1, слой 1; раскоп 2, слой 2), их коэффициент корреляции составил 0,97. Таким образом, они совпадают на 97 %. Нижележащие слои (раскоп 1, слой 2б; раскоп 2, слой 4) схожи на 84 %. В табл. 2 серым

Таблица 2. Коэффициенты корреляции, рассчитанные послойно для разрезов 1 и 2

Раскоп 2	Раскоп 1		
	Слой 1	Слой 2а	Слой 2б
Слой 2	0,97	0,93	0,74
Слой 3	0,87	0,80	0,52
Слой 4	0,99	0,98	0,84

обозначены ячейки, содержащие значения с максимальной вероятностью соответствия слоев.

Проведенные исследования дали следующие результаты. Предложена и апробирована методология комплексного геохимического исследования памятника. Исследование широкого круга элементов, впервые проведенное для археологического памятника Дарвагчай залив-1, позволило установить геохимические взаимосвязи между стратиграфическими разрезами двух раскопов и сделать выводы о характере выноса и накопления элементов. В целом породы, слагающие верхнюю и нижнюю часть памятника, весьма однородны по химическому составу. Различия найдены для Ca, Sr, подвижных элементов, которые легко выносились из верхней части террасы и накапливались в нижней. Инертные Ga и Nb, наоборот, выносились из системы очень слабо и накапливались преимущественно в верхней части террасы. Статистический корреляционный анализ геохимических данных показал, что по микроэлементному составу разрезы совпадают на 80 %. Коэффициенты корреляции, вычисленные послойно, говорят о том, что в обоих разрезах осадконакопление происходило в схожих условиях в одном хронологическом интервале.

Список литературы

Рыбалко А.Г. Геохронологические исследования стоянки Дарвагчай-залив-1 в Республике Дагестан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 73–76.

References

Rybalko A.G. Geohronologicheskie issledovaniya stojanki Darvagchaj-zaliv-1 v Respublike Dagestan // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. 20. Pp. 73–76. (In Russ.)

Е.П. Рыбин¹, Н. Звинс², Б. Гунчинсүрэн³, А.М. Хаценович¹, В.М. Харевич¹,
Ц. Болорбат³, А.А. Анойкин¹, Д. Одсүрэн³, Г.Д. Павленок¹, Р.А. Шелепаев⁴

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Калифорнийский университет, Дэвис, США

³Институт истории и археологии АН Монголии

⁴Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН

E-mail: rybep@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЯ МНОГОСЛОЙНОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ ТОЛБОР-21 (СЕВЕРНАЯ МОНГОЛИЯ)*

Памятник Толбор-21 расположен на западном борту долины р. Их-Тулберийн-Гол (правый приток р. Селенги, Северная Монголия) на высоте 1 089 м над ур.м. Объект имеет юго-восточную экспозицию, находится на пологом подгорном шлейфе. Первоначальная шурфовка, произведенная в 2011 г., выявила присутствие в склоновых отложениях палеолитических комплексов. Были получены два AMS ¹⁴C-определения: 44 640 ± 690 л.н. (MAMS-14933) из шурфа 1 (глубина ок. 150 см) и 39 240 ± 360 л.н. (MAMS-14936) из шурфа 2 (глубина ок. 115 см). В 2014 г. с целью уточнения стратиграфии была заложена разведочная траншея. В 2015 г. исследования были продолжены, к западу от траншеи был разбит раскоп и вскрыты отложения глубиной до 310 см. Было установлено, что стратиграфия Толбора-21 включает лессовидные отложения с прослоями гравия и песков, в определенной степени подверженных воздействию солифлюкционных процессов. Было выделено пять литологических слоев, сформированных субаэральными и склоновыми процессами. Также было выявлено шесть археологических горизонтов. Небольшой комплекс (восемь артефактов) из нижнего горизонта 6 не содержал культурно-диагностических предметов. Комплекс горизонта 5 (45 артефактов) предварительно, на основе присутствия проколки и острия на пластине, отнесен к ранней стадии верхнего палеолита. Горизонт 4 (691 артефакт) и горизонт 3 (863 артефакта) расположены в литологическом слое 3, предварительно соотносимом с хронологическим определением в 39 тыс. л.н. Эти комплексы подпадают под определение раннего верхнего палеолита, они характеризуются преобладанием однонаправленного расщепления подпризматических ядрищ, ориентированного на получение пластин, пластинок и микропластин. Петрографический анализ каменного сырья позволил выявить предпочтительные материалы для изготовления орудий. В отложениях горизонта 4 было найдено украшение – бусина, изготовленная из скорлупы яйца страуса. Немногочисленные комплексы горизонтов 2 и 1 относятся к позднему верхнему палеолиту и раннему голоцену.

Ключевые слова: палеолит, Монголия, стратиграфия, каменная технология, украшения.

E.P. Rybin¹, N. Zwyns², B. Gunchinsuren³, A.M. Khatsenovich¹, V.M. Kharevich¹,
Ts. Bolorbat³, A.A. Anoikin¹, D. Odsuren³, G.D. Pavlenok¹, R.A. Shelepaev⁴

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²University of California, Davis, USA

³Institute of History and Archaeology MAS

⁴V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS

E-mail: rybep@yandex.ru

THE INVESTIGATIONS OF TOLBOR 21 MULTILAYERED PALEOLITHIC SITE (NORTHERN MONGOLIA)

The site of Tolbor 21 (49°15'47"N., 102° 57'28" E) is located on the west bank of the Ikh-Tulberiin-gol river (right side tributary of Selenga River, North-Central Mongolia) at 1 089 m a.s.l. It is exposed to the South-East along a gentle-slope

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ № 14-06-00163А, 15-36-20820 мол_а_вед, а также проекта РГНФ № 14-31-01004 а1.

hill side. It was discovered and tested in 2011. This initial test revealed the presence of preserved Paleolithic assemblages. Two ^{14}C -AMS dates were obtained on bone samples from the test pits: $44,640 \pm 690$ (MAMS-14933) from Pit 1 (ca. 150 cm below modern surface) and $39,240 \pm 360$ (MAMS-14936) from Pit 2 (ca. 115 cm below modern surface). Primary outcrops of raw material (silicified argillites and rhyolites) were identified near the site (ca. 100 m). In 2014, a third test pit of 4×1 m was opened to document the stratigraphy. In 2015 the investigation of site was resumed. Nearby the test pit of 2014 were opened the excavation pit of 4×2 m. A 3.1 m high section was exposed along the slope. The Tolbor-21 section comprises a packet of fine grained loess-like sediments and bedded gravels and sands, much of which is affected by solifluction, subdivided here into 5 stratigraphic units, this section formed through a combination of aeolian and slope processes, along with pedogenesis. As result of analysis of artifacts distribution 6 cultural horizons were recognized. The small assemblage ($n=8$) of lowermost cultural horizon 6 lacks the diagnostic artifacts. Horizon 5 artifacts ($n=45$) are tentatively assigned to the early stages of the UP by the occurrence of tool types such as borer and retouched point on blade. Horizon 4 ($n=691$) and 3 ($n=863$) situated in lithological layer 3 would roughly correspond to the radiocarbon determinations of 39 ka uncal BP. These assemblages fit to regional definition of Early Upper Paleolithic. They characterize the domination of unidirectional reduction of subprismatic cores and production of blade and bladelets and sporadic microblades. Along with stone artifacts in the horizon 4 was founded ostrich shell bead. The assemblages of horizons 2 and 1 are identified as Late Upper Paleolithic/Early Holocene.

Keywords: Paleolithic, Mongolia, stratigraphy, lithic technology, adornments.

В 2015 г. были продолжены раскопки многослойной палеолитической стоянки Толбор-21, расположенной на правом притоке р. Селенга – р. Их-Тулберийн-Гол в Булганском аймаке на севере Монголии.

Памятник Толбор-21 ($49^{\circ} 15' 47''$ с.ш., $102^{\circ} 57' 28''$ в.д.) находится на пологом склоне делювиально-пролювиальном генезиса. Высота над уровнем моря составляет 1 089 м., перепад высот между урезом р. Толбор и уровнем стоянки – 40 м, расстояние до реки составляет около полукилометра. В непосредственной близости от стоянки расположены выходы метаморфизованных осадочных пород, качество которых позволяло использовать их для изготовления артефактов. В 2011 г. А.В. Табаревым было заложено два разведочных шурфа, расположенных в 30 м друг от друга. В результате работ было установлено, что шурфы характеризуются схожей стратиграфической ситуацией; был выявлен уровень основной концентрации материала на глубине 150–200 см, и обнаружены единичные находки, залегающие выше [Табарев и др., 2012, с. 29]; также были получены радиоуглеродные определения в пределах 39–45 тыс. л.н.

В 2014 г. с целью уточнения стратиграфии и определения исследовательского потенциала объекта была заложена траншея площадью 4×1 м, ориентированная длинной осью по линии СЗ – ЮВ. Траншея была расположена между разведочными шурфами 2011 г. При раскопках выделено шесть литологических слоев; мощность вскрытых отложений составила 2,5 м. Было выявлено четыре культурных горизонта, из которых три верхних были отнесены к различным этапам верхнего палеолита, а нижний, на основе предварительной оценки стратиграфической позиции и облика артефактов, – к более древнему периоду.

В 2015 г. к западной стороне разведочной траншеи 2014 г. был прирезан раскоп площадью 8 м².

В разрезе местонахождения Толбор-21 было выделено шесть литологических слоев общей мощностью до 310 см (рис. 1).

Слой 1 (0–40 см). Почва каштанового цвета. Основание слоя, содержащее материалы культурного горизонта 1, в генетическом отношении аналогично вышележащим седиментам, однако имеет белесый цвет и сцементированную структуру, образовавшуюся в результате вторичной карбонатизации.

Слой 2 (40–85 см). Светло-желтые лессовидные супеси и слабоокатанный мелкий гравий. Включает в себя находки археологического горизонта 2.

Слой 3 (85–140 см). Ламинарные солифлюцированные лессовидные отложения, сформированные прослойками алевроитов, суглинков и песков с включением гравия толщиной от 1 до 10 см. Генезис этих отложений связан с медленно протекавшими склоновыми эрозионными процессами. В верхней части слоя расположен археологический горизонт 3, в нижней – горизонт 4. На одном из участков прослеживается сближение этих горизонтов, связанное с солифлюкционным «карманом».

Слой 4 (140–280 см). Лессовидные супесчаные солифлюцированные отложения, включающие в себя обломки и щебень. В верхней части слоя фиксируется археологический горизонт 5, в нижней – археологический горизонт 6.

Слой 5 (280–310 см – видимая мощность). Ламинарный слой, сложенный переслаивающимися светло-коричневыми и белыми слоями лессовидных седиментов, песка и гравия.

Отложения Толбора-21 сформированы в результате сочетания эоловых и склоновых процессов и под некоторым воздействием последующих

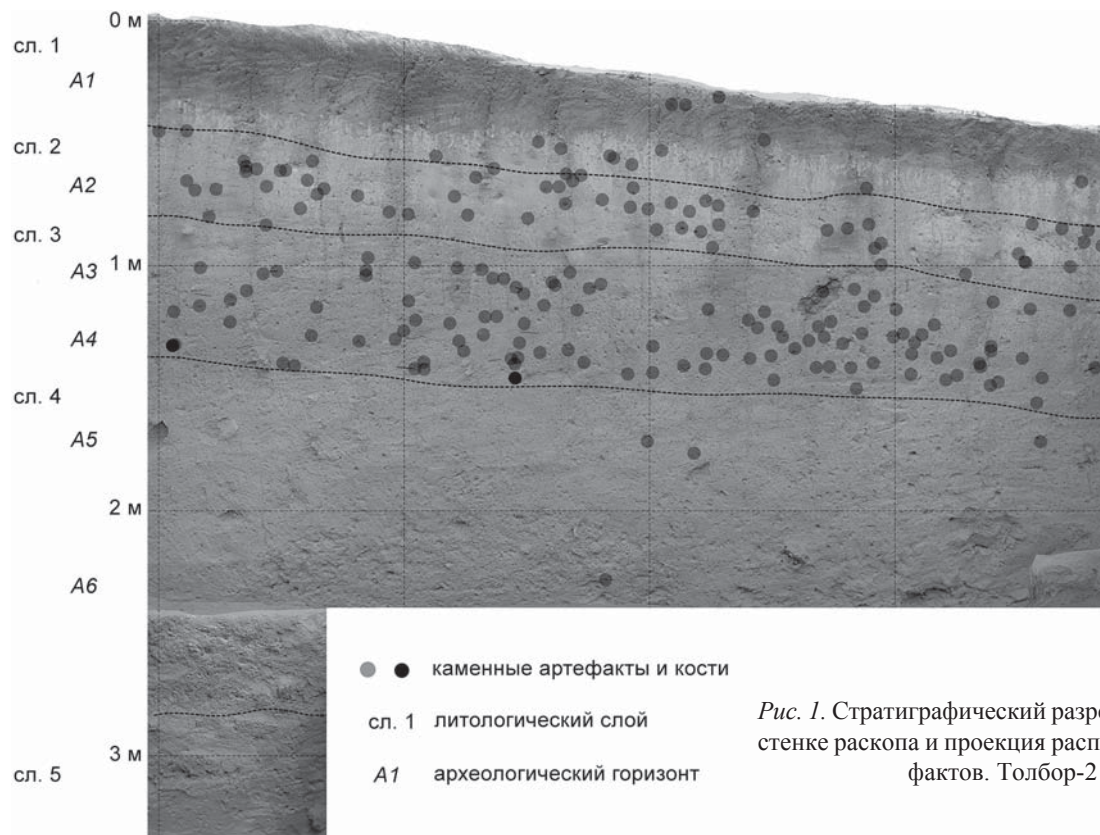

Рис. 1. Стратиграфический разрез по восточной стенке раскопа и проекция расположения артефактов. Толбор-21.

солифлюкционных процессов. Однако между большинством археологических горизонтов выделяются седименты, не содержащие артефактов, прослеживаются компактные уровни залегания артефактов. Не столь явно это можно проследить в случае с горизонтами 3 и 4, наиболее насыщенными артефактами. Границы этих культурных подразделений в результате воздействия солифлюкции оказываются сближенными. Вместе с тем зоны основной концентрации артефактов различимы, в горизонте 4 читается уровень залегания крупных нуклеусов, локализованных как в горизонтальном, так и вертикальном распространении.

Технико-типологическому анализу с помощью атрибутивного метода были подвергнуты коллекции археологических горизонтов 3–6.

В составе коллекции самого нижнего горизонта 6 было обнаружено восемь артефактов. На поверхности артефактов прослеживаются следы легкой матовой патины. Исходя из седиментологических особенностей включающих их отложений, нельзя исключать возможность перемещения предметов с верхних гипсометрических уровней. В малочисленной коллекции горизонта 6 отсутствуют культурно-диагностические формы артефактов.

Коллекция горизонта 5 включает в себя 45 артефактов. Она также невелика, однако состав сколов и наличие двух диагностических типов орудий – проколки на тронкированной пластине

(1 экз.; рис. 2, 4) и дистального окончания симметричного ретушированного острия на пластине (?) (1 экз.; рис. 2, 10), а также стратиграфическое положение позволяют отнести данный комплекс к ранним этапам верхнего палеолита.

В индустрию археологического горизонта 4 входит 691 каменный артефакт. Среди них: нуклевидные формы – 14 экз., пластины – 60, пластинки – 34, микропластины – 8, пластинчатые отщепы – 7, отщепы – 258, технические сколы – 13 (рис. 2, 13), чешуйки – 241, осколки и обломки – 28, орудия – 28 экз. Нуклевидные изделия: преформы – 6 экз., плоскостной одноплощадочный нуклеус для снятия пластин (рис. 2, 18) и различные варианты подпризматических одно- и двуплощадочных нуклеусов для снятия пластин, в том числе характерные для ранних этапов верхнего палеолита нуклеусы с дополнительным фронтом на торце – 6 экз. (рис. 2, 9, 17), а также радиальный нуклеус – 1 экз. Орудийный набор включает в себя выразительные формы выпуклых скребел – 4 экз. (рис. 2, 7, 15), скребок – 1 (рис. 2, 11), зубчатые выемчатые орудия – 2, зубчатое орудие – 1, ретушированные пластины – 10 (рис. 2, 12, 19), ретушированную пластинку – 1, ретушированные отщепы – 4, симметричное острие на пластине – 1, проколки – 2, шиповидные орудия – 2 экз.

Кроме изделий из камня было найдено четыре кости. Яркой находкой является бусина из скор-

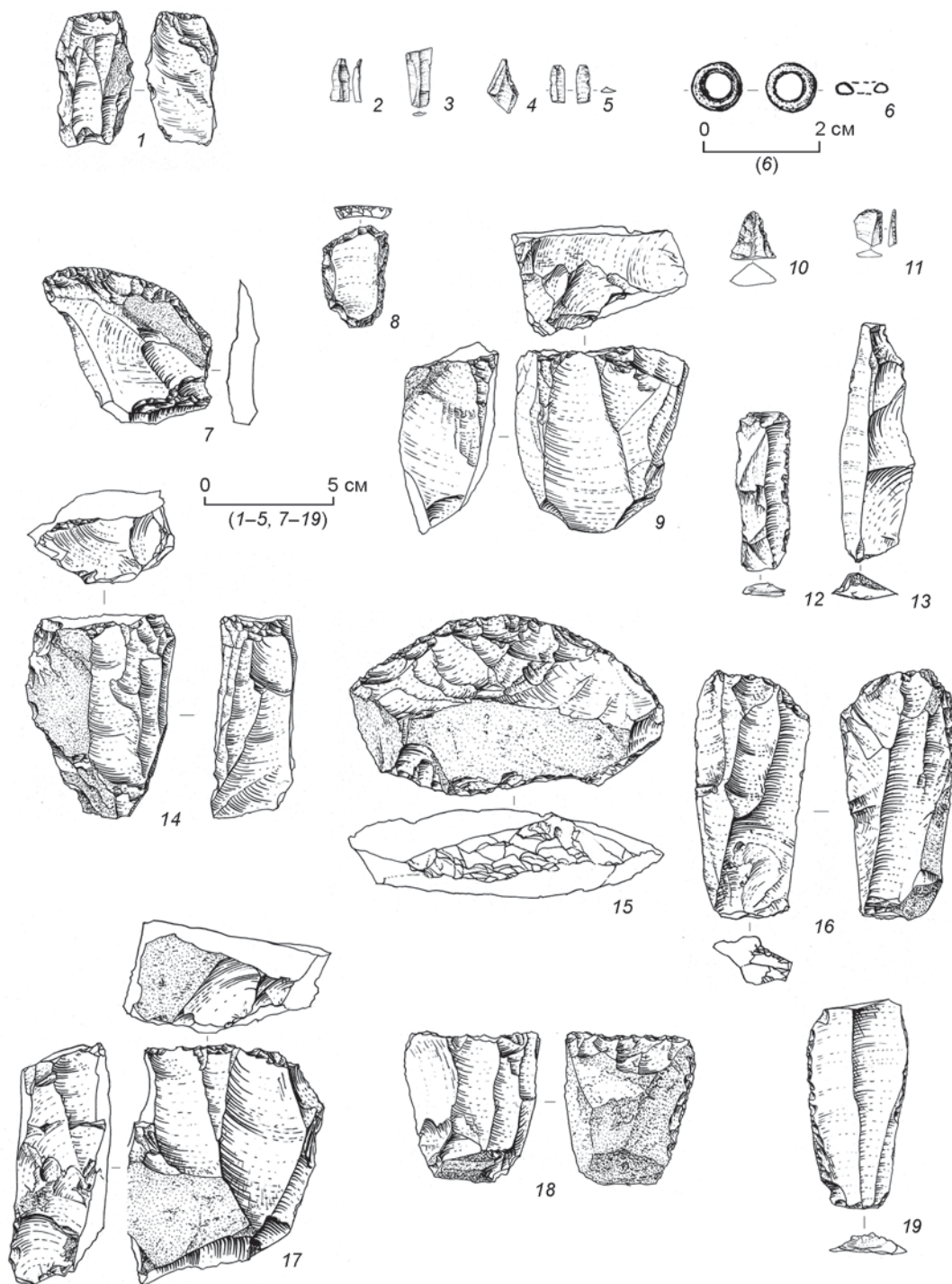

Рис. 2. Артефакты из отложений стоянки Толбор-21 (художник М.Е. Медовикова).

1-3, 5, 8, 14, 16 – археологический горизонт 3; 4, 6, 7, 9, 11-13, 15, 17-19 – археологический горизонт 4; 10 – археологический горизонт 5.

лупы яйца страуса (рис. 2, 6). Возможно, изготовление бус происходило непосредственно на этом месте, т.к. здесь было найдено четыре необработанных фрагмента скорлупы.

При раскопках археологического горизонта 3 было обнаружено 863 каменных артефакта. Среди них: нуклевидные формы – 13 экз., пластины – 69 (рис. 2, 3), пластинки – 49 (рис. 2, 2),

микропластины – 8, пластинчатые отщепы – 6, отщепы – 340, технические сколы – 12, чешуйки – 308, осколки и обломки – 44, орудия – 14 экз. Нуклевидные изделия: преформы – 7 экз., плоскостной двуплощадочный бифронтальный нуклеус для снятия пластин – 1 (рис. 2, 16), торцовый нуклеус для снятия пластинок – 1, подпризматические одноплощадочные нуклеусы для снятия пластин с до-

полнительным фронтом на торце – 2 (рис. 2, 14), радиальный нуклеус – 1, фрагментированный нуклеус – 1 экз. Орудия: скребки – 2 экз. (рис. 2, 8), выемчатое орудие – 1, струг – 1, ретушированные пластины – 6, ретушированная микропластина – 1 (рис. 2, 5), ретушированные отщепы – 2, долотовидное орудие – 1 экз. (рис. 2, 1).

Немногочисленные коллекции из горизонтов 2 и 1 относятся к позднему верхнему палеолиту и раннему голоцену.

Индустрии горизонтов 3 и 4 демонстрируют заметную технологическую и типологическую близость. Доля пластин среди сколов (исключая чешуйки, осколки и обломки) в комплексе горизонта 3 составляет 28,3 %, в горизонте 4 – 28,4 %; в составе пластинчатых форм доля пластинок и микропластин в горизонте 4 составляет 37 %, в горизонте 4 – 41,1 %, что является одним из самых высоких значений в индустриях долины Толбора. Вместе с тем существуют и определенные различия, например: пластины горизонта 3 более грацильные, для горизонта 4 характерны крупные широкие пластины. Характер дорсальных поверхностей также демонстрирует схожесть схем редукции нуклеусов. В коллекции горизонта 3 лишь у 14,2 % сколов дорсалы имеют бипродольную огранку, однонаправленная засвидетельствована у 72,1 % сколов; в горизонте 4 бипродольную огранку имеют 16 % сколов, однонаправленную – 57,7 %. Двугранные и фасетированные площадки в горизонтах 3 и 4 насчитывают соответственно 14,3 и 14,2 % от общего количества площадок. Весьма интересную картину показывает распределение артефактов согласно типу сырья, из которого они были изготовлены. Всего было выделено 12 разновидностей преимущественно осадочных метаморфизованных пород, служивших сырьем для изготовления артефактов. Среди них наиболее массовыми были две разновидности сырья. Первая – это силицит микрокристаллический (размер зерен 0,005–0,010 мм), в разной степени кальцитизированный, лейкоксенизированный и сульфатизированный. Текстура пород преимущественно массивная. В 3-м горизонте 61,5 % артефактов было изготовлено из этого сырья, в горизонте 4 – 36,6 %. Второй массовой и наиболее

качественной разновидностью сырья были силициты тонко-микрокристаллические (размер зерен 0,005–0,050 мм), в разной степени кальцитизированные, лейкоксенизированные. Текстура преимущественно слоистая субгоризонтальная. В 3-м горизонте 27,4 % артефактов было изготовлено из этой породы, в горизонте 4 – 24,1 %. Однако в каждом горизонте из этого сырья было изготовлено лишь по одной преформе. Очевидно, как и следует из состава коллекции, на данном месте осуществлялась первичная отделка нуклеусов, большая часть которых (особенно из второй разновидности сырья) уносилась за пределы рабочей площадки.

Если предположить, что соотнесение даты в $39\,240 \pm 360$ л.н. (MAMS-14936) с отложениями литологического слоя 3 по нынешней классификации было корректно, то композиция и основные характеристики индустрии горизонтов 3 и 4 выглядят весьма необычными для данного возраста. Облик данных комплексов больше соответствует не начальному этапу верхнего палеолита, представленного в долине комплексами слоев 5 и 6 Толбора-4 и слоя 7b Толбора-16, а развитым этапам раннего верхнего палеолита. Не исключено, что обнаруженные комплексы соответствуют одному из наиболее ранних хронологических этапов формирования традиции раннего верхнего палеолита.

Список литературы

Табарев А.В., Гунчинсүрэн Б., Гиллам Дж.К., Гладышев С.А., Доганджич Т., Звинс Н., Болорбат Ц., Одсүрэн Д. Комплекс памятников каменного века в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол, Северная Монголия (разведочные работы с использованием ГИС-технологий в 2011 г.) // Археологийн судлал. – 2012. – Т. XXXII. – С. 26–43.

References

Tabarev A.V., Gunchinsurjen B., Gillam Dzh.K., Gladyshev S.A., Dogandzhich T., Zvyns N., Bolorbat C., Odsurjen D. Kompleks pamjatnikov kamennogo veka v doline r. Ih-Tulbjerijn-Gol, Severnaja Mongolija (razvedochnye raboty s ispol'zovaniem GIS-tehnologij v 2011 g.) // Arheologijn Sudlal. 2012. Vol. 32. Pp. 26–43. (In Russ.).

В.А. Ульянов^{1, 2}, М.Б. Козликин¹, М.В. Шуньков¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: shunkov77@gmail.com

СТРОЕНИЕ РАЗРЕЗА ПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛЕРЕЕ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ

(по данным раскопок в 2015 году)*

В 2015 г. раскопки в Денисовой пещере были продолжены в наиболее удаленной от входа юго-восточной части восточной галереи. В результате работ уточнено стратиграфическое строение разреза, выявлены изменения в вещественном составе выделенных ранее стратиграфических подразделений и составлено их литологическое описание. Определены особенности залегания отдельных слоев, установлен факт изменения характера проявления постседиментационных деформаций осадка в разрезе, свидетельствующий, видимо, об изменении региональных климатических условий. Толща заполняющих галерею осадков в седиментационно-литологическом отношении сформирована тремя пачками, разделенными хорошо выраженными перерывами в осадконакоплении. Верхняя пачка (слой 9 и вышележащие отложения голоцена) образована легкими лессовидными суглинками с линзами и единичными включениями дресвы и мелкого щебня. Для этих суглинков, прежде всего для голоценовых отложений, характерна высокая насыщенность органическим веществом, обеспечившая интенсивное химическое преобразование подстилающего осадка. Средняя пачка (слои 11–16) представлена линзовидно-слоистым глыбово-щебнистым материалом с пестроцветным легкосуглинистым заполнителем. Ее формирование происходило после вскрытия карстовой полости в обстановке интенсивного биогео-антропогенного воздействия на фоне резко усилившегося влияния региональных климатических факторов. Нижняя пачка (слой 17) выполнена суглинистыми и тяжелосуглинистыми отложениями охристо-желтого цвета с обильными включениями известнякового щебня, глыб и выщелоченных натечных образований. Генетически она представляет собой переотложенный материал, характерный для закрытых карстовых полостей (пещерная «терра росса»). Накопление этого материала соответствует наиболее древнему этапу заполнения пещеры, когда полость была еще закрыта для внешних воздействий.

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова пещера, плейстоцен, стратиграфия, литологический слой, условия осадконакопления.

V.A. Ulianov^{1, 2}, M.B. Kozlikin¹, M.V. Shunkov¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²M.V. Lomonosov Moscow State University

E-mail: shunkov77@gmail.com

STRATIGRAPHIC PROFILE OF THE PLEISTOCENE DEPOSITS IN THE EASTERN GALLERY OF DENISOVA CAVE (2015 excavation campaign)

Field research of 2015 continued to study the outermost part of the Eastern gallery in Denisova Cave. We specified the stratigraphic sequence, educed the changes to the material compositions in previously marked out stratigraphic units and described their lithological content. Expedition determined as special aspects of separate layer structures well as the fact that post-sedimentological deformation of deposition had changed and had presented in other ways. The last fact probably evidences that regional climatic condition had changed. Three units, divided by clear-cut non-depositional hiatuses, form the sedimentological section, which filled the cave gallery. The upper unit (layer 9 and overlying Holocene deposits) is formed by light loess loam with lenses and single inclusion of debris and stone chips. These clay loams, especially Holocene deposits, are characterized by high organic content, which was the key for intensive chemotransfiguration of underlying deposit. The middle unit (layers 11–16) is presented by lensoid laminated block-chip material with mottled

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

clay loam joining material. It formed after the opening-up the cavern under condition of intensive biogenic-anthropogenic impact against the spurted influence of regional climatic factors. The lower unit (layer 17) consists of ochreish yellow clay loam and heavy clay loam deposits with high inclusion of lime-rock particles, blocks and leached dripstones. Genetically it is the redeposited material, typical of the closed cavern (cave "terra rossa"). Accumulation of this material is relevant to the most ancient stage of cave filling, when the cavern was closed for environments.

Keywords: Mountain Altai, Denisova Cave, Pleistocene, stratigraphy, lithological layer, deposition environment.

Раскопочные работы в 2015 г. в восточной галерее Денисовой пещеры позволили проследить новые особенности строения разреза и седиментогенеза плейстоценовых отложений в дополнение к ранее опубликованным данным [Деревянко и др., 2012; Ульянов, Шуньков, 2013] и уточнить схему стратиграфического расчленения разреза. Сверху вниз в разрезе по юго-восточной стенке выделена следующая последовательность осадков (см. рисунок).

Слой 9. Суглинок легкий, пылеватый, буровато-коричневый, с черными сажистыми прослоями, на 90 % площади поврежден ходами землероев. Отличается от нижележащих отложений полной некарбонатностью, отсутствием известнякового щебня и фрагментов костей. Нижняя граница слоя четкая, волнистая, проведена по переходу к щебнистым отложениям. Мощность слоя – 0,2–0,3 м.

Слой 10. Прослеживается по отдельным фрагментам Fe-Mn корочек на поверхности разрозненных щебнистых включений в кровле грубо-обломочной пачки отложений слоя 11. Сильно разрушен биогенно-антропогенной деятельностью и не формирует монолитного горизонта железомарганцевой цементации.

Слой 11 включает четыре стратиграфических подразделения.

11.1. Суглинок легкий, сильно одресвяненный и опесчаненный, активно реагирующий с HCl. Обильно (до 40 % проективной площади) насыщен хаотически ориентированным мелким щебнем изометричной и нормальной формы, с острыми ребрами и слабо развитой реактивной каймой. Как стратотип сохранился в виде фрагментов на пристенных участках. В осевой части разреза нарушен интенсивной биогенно-антропогенной деятельностью. Нижняя граница неровная, клиновидно-затечная, деформированная постседиментационными просадками подстилающих отложений.

11.2. Подразделение представлено двумя генерациями осадка. Отдельные фрагменты более молодой генерации сохранилась в пристенных частях разреза в виде суглинков легких, коричневых, с красноватым оттенком, с механически несвязанной крупнозернистой структурой. Обильно (до 50 % проективной площади) насыщены обломочным материалом мелкой и средней размерности, изометричной и нормальной формы и обломка-

ми костей с красновато-охристой поверхностью. Относительно древняя генерация представлена щебнистым горизонтом с легкосуглинистым светло-коричневым заполнителем, переходящим в приподошвенной части в красновато-коричневый заполнитель. Структура зернистая, переходящая в хаотически ориентированную, чешуйчатую. В средне- и крупнощебнистой фракции преобладают обломки уплощенной и таблитчатой формы. Ориентировка обломков в верхней и средней частях слоя хаотическая, в приподошвенной – согласно падению нижней границы к коренной стенке.

11.3. Суглинки легкие, коричневатые и темно-коричневые, насыщенные в осевой части разреза ржаво-охристым копролитовым детритом. Отмечены включения прочных обломков костей с красновато-охристой поверхностью. Нижняя граница подчеркнута мощной (до 0,1 м) линзой осадка интенсивно черного цвета, обильно насыщенной мелким щебнем (более 50–60 % проективной площади), залегающей с общим уклоном ок. 30–35° к северо-восточной стенке галереи.

11.4. Щебнистая линза с сероцветным легкосуглинистым заполнителем порового типа, протяженностью ок. 1 м и мощностью от 0,05 до 0,35 м. Щебень средний, с острыми ребрами и почти неразвитой реактивной каймой. Ориентировка щебнистых включений в кровле – согласно простиранию верхней границы, в средней и приподошвенной части – хаотическая. Заполнитель светлого серо-коричневого цвета, зернистой и мелкозернистой структуры. Отмечены включения обломков костей серого цвета, хорошей сохранности. Нижняя граница неровная, волнистая, в виде полосы постепенного цветового перехода по заполнителю.

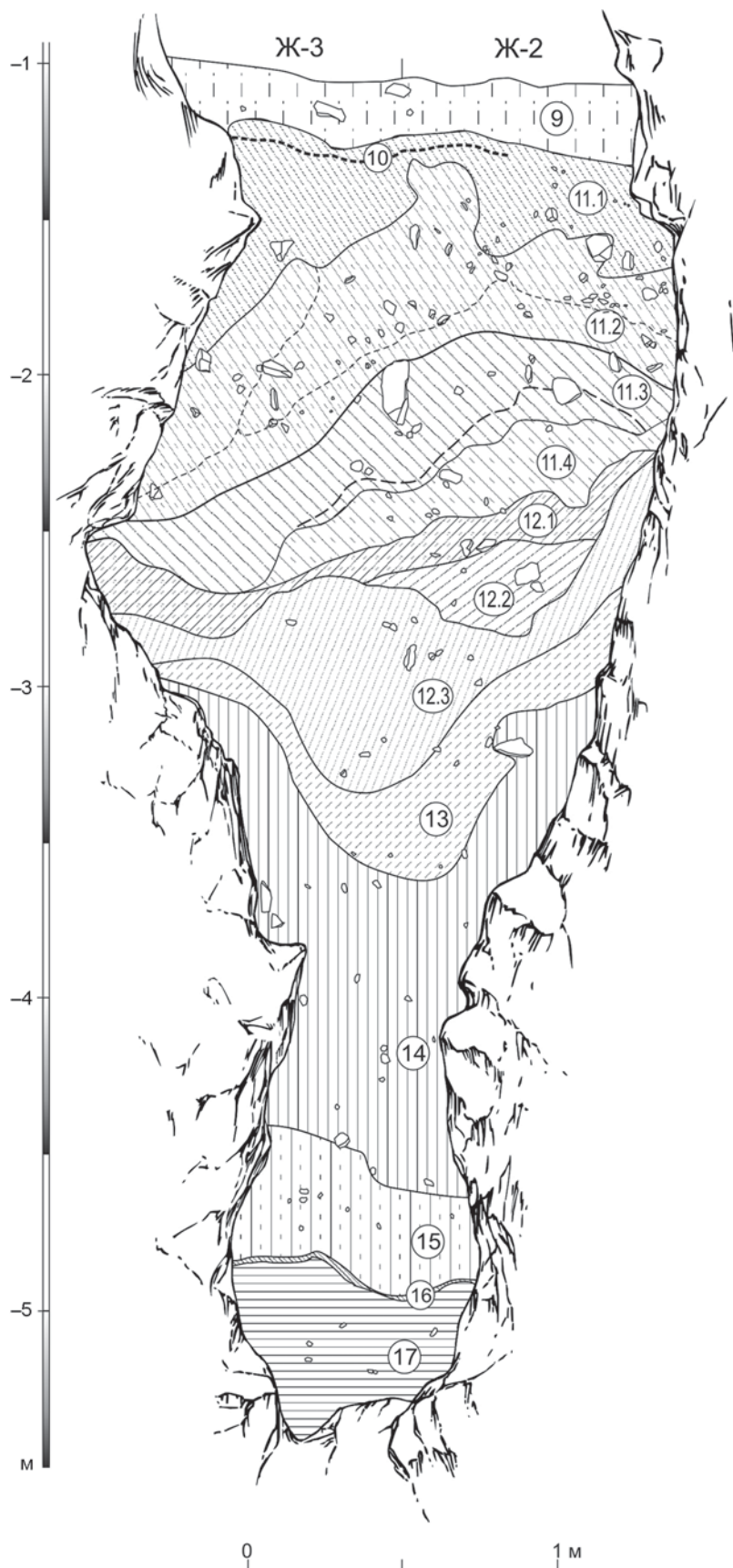
Слой 12 состоит из трех стратиграфических подразделений.

12.1. Суглинки темно-коричневые и темно-серые с коричневым оттенком, со слабо выраженными тиксотропными свойствами. Обильно (до 50 % проективной площади) насыщены среднещебнистым обломочным материалом. Обломки с хорошо заглаженными вершинами и ребрами и с плохо развитой белесой реактивной каймой. Нижняя граница четкая, резкая, пологоволнистая, залегает со слабым уклоном к северо-западной стенке. Мощность – от 0,05 м в северной части до 0,25 м в южной части разреза.

12.2. Суглинки коричневые с красноватым оттенком, обильно (до 50 % проективной площади) насыщенные хаотически ориентированным обломочным материалом со слабо заглаженными ребрами и с тонкой белесой реактивной каймой. Отмечены многочисленные включения мелких непрочных фрагментов копролитов коричнево-охристого цвета и мелких обломков красновато-коричневых костей. Представлен сильно редуцированным, четко ограниченным линзовидным телом (протяженностью 0,7 м и мощностью 0,3 м), вложенным в переуглубление в кровле подстилающих отложений.

12.3. Суглинок средний, светло-коричневый, с сероватым оттенком в подошве, слабо опесчаненный, с выраженными тиксотропными свойствами, пластичный во влажном состоянии. Структура непрочная, мелко- и среднезернистая. Отличается существенно меньшим содержанием обломочного материала (ок. 30 % проективной площади) преимущественно мелко- и среднещебнистой размерности. Обломки изометричной или нормальной формы, со слабо заглаженными ребрами и хорошо развитой белесой реактивной каймой. Во включениях отмечены многочисленные фрагменты ярко-охристого костного детрита и светлых красновато-палевых копролитов. Встречен обломок красноцветного (гематитизированного в результате обжига) известняка мелкощебнистой размерности. Нижняя граница резкая, проведена по изменению оттенка заполнителя, подчеркнута отдельными включениями крупного щебня таблитчатой формы, круто (под углом 45°) падает к осевой линии галереи. Мощность достигает 0,5–0,6 м.

Слой 13. Суглинок легкий, опесчаненный, светло-коричневого цвета с ярко-охристым оттенком, обусловленным многочисленными включениями обломков копролитов, разложившихся до состояния порошкообразного детри-

Стратиграфический разрез плейстоценовых отложений по юго-восточной стенке в восточной галерее Денисовой пещеры.

та, а также мелких обломков костей, поступивших из разрушившихся копролитов. Во включениях отмечены обломки известняка мелкощебнистой размерности, некоторые из них полностью выветрены до состояния белесой муки. Нижняя граница четкая, резкая, со слабо выраженными деформациями просадочного генезиса, подчеркнута отмокшей из деформированных, растертых в порошок охристых копролитов. Мощность слоя – 0,3 м.

Слой 14. Суглинок средний, темно-коричневый, опесчаненный и одресвяненный, с линзовидными включениями в кровле суглинка черно-коричневого. Умеренно (до 20–25 % проективной площади) обогащен щебнистым материалом с заглаженными ребрами и хорошо развитой реактивной каймой. Некоторые обломки полностью выветрены. Кровля слоя маркирована четко ограниченной линзой интенсивно отмененного коричнево-черного суглинка, обильно (до 40 % проективной площади) насыщенного включениями мелко- и среднеразмерного хаотически ориентированного изометричного щебня с хорошо развитой реактивной каймой. Фрагменты коричнево-черного суглинка, облегающие коренные стенки, подчеркивают синклинальный характер заполнения галереи осадками слоев 13 и 14 и позволяют оценить амплитуду просадочных деформаций в створе разреза не менее 0,5–0,6 м по вертикали. Нижняя граница слоя условная, инволюционно-затечная. Мощность слоя достигает 0,9 м.

Слой 15. Суглинок легкий, опесчаненный и одресвяненный, черно-коричневый, насыщенный включениями раздробленных копролитов и обломков костей палевого и охристого цвета. Структура мелкозернистая и пылеватая, текстура нечетко выраженная, линзовидно-слоистая, сильно деформированная постседиментационными просадками. Щебень преимущественно мелкий, изометричный, его содержание достигает 15–20 % проективной площади. Нижняя граница резкая, четкая, инволюционно деформированная. Мощность слоя – 0,30–0,35 м.

Слой 16. Супесь темно-коричневая, рыхлая, пылеватая, пачкающая во влажном состоянии водной вытяжкой насыщенного темно-коричневого цвета. Не реагирует с HCl. Залегает в виде сильно деформированного горизонта редуцированной мощностью до 0,01 м.

Слой 17 в разрезе 2015 г. представлен только верхней частью.

17.1. Суглинки средние, алевроитистые, коричнево-желтого цвета, плотные, пластичные. Структура разнозернистая, текстура нечетко выраженная, линзовидно-слоистая, сильно деформированная инволюционно-просадочными процессами. Умеренно (до 25–30 % проективной площади) насыще-

ны обломками выветрелого известнякового щебня с развитой белесой реактивной каймой. Фрагмент кровли слоя мощностью 0,3–0,4 м залегает на скальном основании, скорее всего, на выступе одного из ригелей, разделяющих колодцеобразные карстовые переуглубления в днище галереи.

Таким образом, в разрезе 2015 г. выявлены изменения в вещественном составе, особенностях залегания и характере постседиментационных деформаций выделенных ранее стратиграфических подразделений. В отложениях слоев 17.1–12.3 наибольшие амплитуды просадочных деформаций соответствуют осевой линии галереи, ее заполнение происходит по типу синклинальной складки. В слоях 12.1–11.1 наибольшие амплитуды просадок смещены к восточному углу разреза, к зоне отрицательного пристена северо-восточной стенки галереи. В настоящее время трудно однозначно определить, связано это явление с локальными особенностями рельефа коренных стенок и скального ложа галереи или это следствие изменения климатических условий в период формирования верхней пачки плейстоценовых отложений.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Ульянов В.А., Козликин М.Б., Чеха А.М. Исследование отложений среднего палеолита в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 78–82.

Ульянов В.А., Шуньков М.В. Некоторые особенности седиментогенеза плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 159–162.

References

Derevjanko A.P., Shun'kov M.V., Ul'janov V.A., Kozlikin M.B., Cheha A.M. Issledovanie otlozhenij srednego paleolita v vostochnoj galeree Denisovoj peshery // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: mat-ly Itogovoj sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2012. Vol. 18. Pp. 78–82. (In Russ.).

Ul'janov V.A., Shun'kov M.V. Nekotorye osobennosti sedimentogeneza plejstocenovykh otlozhenij v vostochnoj galeree Denisovoj peshery // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: mat-ly Itogovoj sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2013. Vol. 19. Pp. 159–162. (In Russ.).

А.М. Хаценович, Е.П. Рыбин

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: ada1985@yandex.ru

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ В ПОЗДНЕМ ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ МОНГОЛИИ*

Многослойная стоянка Харганын-Гол-5 расположена в Северной Монголии, на берегу одноименной реки, правого притока р. Селенги. Долина реки отделена от Толборского археологического микрорайона невысоким хребтом Чагтагын-Нуруу. В долине р. Толбор отмечена наибольшая в Монголии концентрация стоянок. На протяжении 12 км долины известно 38 палеолитических местонахождений. Эти объекты представляют последовательность культурного развития на протяжении большей части верхнего палеолита – раннеголоценовых культурных комплексов. В наиболее ранних объектах (ок. 41–35 тыс. л.н.) представлена бипродольная параллельная технология расщепления начального верхнего палеолита, нацеленная на производство крупных пластин; ок. 35 тыс. л.н. эта традиция сменяется комплексами раннего верхнего палеолита, где доминирует однонаправленное расщепление, резко увеличивается доля отщепов и проявляются тенденции к мелко/микропластинчатому расщеплению. Наиболее поздние комплексы этого периода имеют возраст ок. 26 тыс. л.н., после чего фиксируется перерыв в заселении протяженностью ок. 10 тыс. лет, оканчивающийся появлением типичных для Южной Сибири комплексов позднего палеолита с развитым микропластинчатым расщеплением.

Археологический контекст памятника Харганын-Гол-5 представляет собой последовательность из семи культурных горизонтов, составляющих хронологическую колонку от терминальной стадии среднего палеолита до финального верхнего палеолита. В отложениях этого памятника, с его среднепалеолитической основой, сильными левалуазскими чертами в технологии комплексов начального палеолита и своеобразной индустрией горизонта 4, представлена иная, нежели на памятниках Толборского микрорайона, последовательность развития. Здесь присутствуют орудия на пластинах и пластинках, которые можно интерпретировать как геометрические изделия.

Ключевые слова: Монголия, верхний палеолит, культурный набор, мелкопластинчатая индустрия, геометризация, микролиты.

A.M. Khatsenovich, E.P. Rybin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: ada1985@yandex.ru

THE GEOMETRIC TOOLS IN THE LATE UPPER PALEOLITHIC OF MONGOLIA

Kharganyin Gol 5 the multilayer site is situated in the Northern Mongolia on the bank of homonymous river the right tributary of Selenga River. The low ridge Chagtagyn Nuruu isolates this river valley from the Tolbor Basin archaeological area. Tolbor river valley contains the highest concentration of the sites. 38 Paleolithic occurrences are known in the valley over 12 km. These objects presents the sequence of cultural development for the most part of Upper Paleolithic and Early Holocene cultural complexes. The earliest objects (~ 41,000–35,000 BP) include the Initial Upper Paleolithic bidirectional parallel knapping technology, aimed to large blade production; ~ 35,000 BP this tradition gave way to Early Upper Paleolithic complexes with predominance of unidirectional reduction, heavy increase of the flakes and trendlike small /microblade flaking. The latest complexes of this period was dated to ~26,000 BP, after that the hiatus in the occupation lasted for 10,000 years and terminated by the appearance of the typical for Southern Siberia the Late Paleolithic complex with developed microblade flaking.

The archaeological context of the Kharganyin Gol 5 site is the sequence of 7 cultural horizons, which compose the chronological scheme from Terminal stage of Middle Paleolithic to Final Upper Paleolithic. This site has a Middle

*Исследование выполнено в рамках проектов РФФИ № 15-36-20820 мол_а_вед и РГНФ № 14-31-01004 а1.

Paleolithic basis, technology with obvious Levallois traits in Initial Upper Paleolithic complex and peculiar industry from horizon 4, and his deposits contain the different then sites of Tolbor Basin area sequence of development. Here there are blade and bladelete tools, which can be interpreted as the geometric components.

Keywords: Mongolia, Upper Paleolithic, cultural assemblage, small blade industry, geometrization, microliths.

Территория Монголии, находящейся в центре Азиатского континента, является естественным перекрестком путей передвижения человеческих популяций, соединяющих западную и восточную часть Евразии. Полученный широкий спектр данных позволил предположить сосуществование интрузивных индустрий начального этапа верхнего палеолита с локальными финальносреднепалеолитическими комплексами. На стоянках Толбор-4, -15, -16 были выявлены одни из самых ранних пластинчатых индустрий начального верхнего палеолита не только в Монголии, но и во всей Центральной Азии, датирующиеся возрастом 35–41 тыс. л.н. При этом в комплексах полностью отсутствует леваллуазский компонент. В то же время технология расщепления на памятнике Харганын-Гол-5 в финально-среднепалеолитических комплексах горизонтов 7 и 6 отличается присутствием леваллуазских сколов и крупных пластин с бипродольной огранкой, при доминировании отщеповой технологии раскалывания. Малочисленный орудийный ассамбляж включает скребла, в т.ч. на леваллуазских сколах, ретушированные пластины, резцы, атипичный леваллуазский остроконечник, зубчатое изделие. В горизонте 5, относящемся ко времени начального этапа верхнего палеолита, техника расщепления характеризуется получением пластин в плоскостной системе параллельного способа скалывания, наличием леваллуазских нуклеусов и мелких подпризматических ядрищ для пластинок. Орудийный набор включает леваллуазские сколы, пластинки с притупленным краем, различные варианты скребков, струги и скобели.

Основу редуccionной технологии в слое 4 составляют торцовые, плоскостные и подпризматические нуклеусы с параллельным встречным или однонаправленным способом скалывания, предназначенные для получения отщепов, мелких пластин и пластинок (см. рисунок, 1, 2). В комплексе происходит резкое изменение в выборе сколов-заготовок для орудий, выразившееся в предпочтении мелких пластин и пластинок, по сравнению с нижележащим горизонтом 5: с 3 до 15 % и с 12,5 до 17,0 % соответственно. В коллекции горизонта представлены типы, возникшие в раннем верхнем палеолите: резцы-нуклеусы на пластинчатых заготовках (см. рисунок, 3), симметричное острие с ретушью (см. рисунок, 4), орудия с поперечной

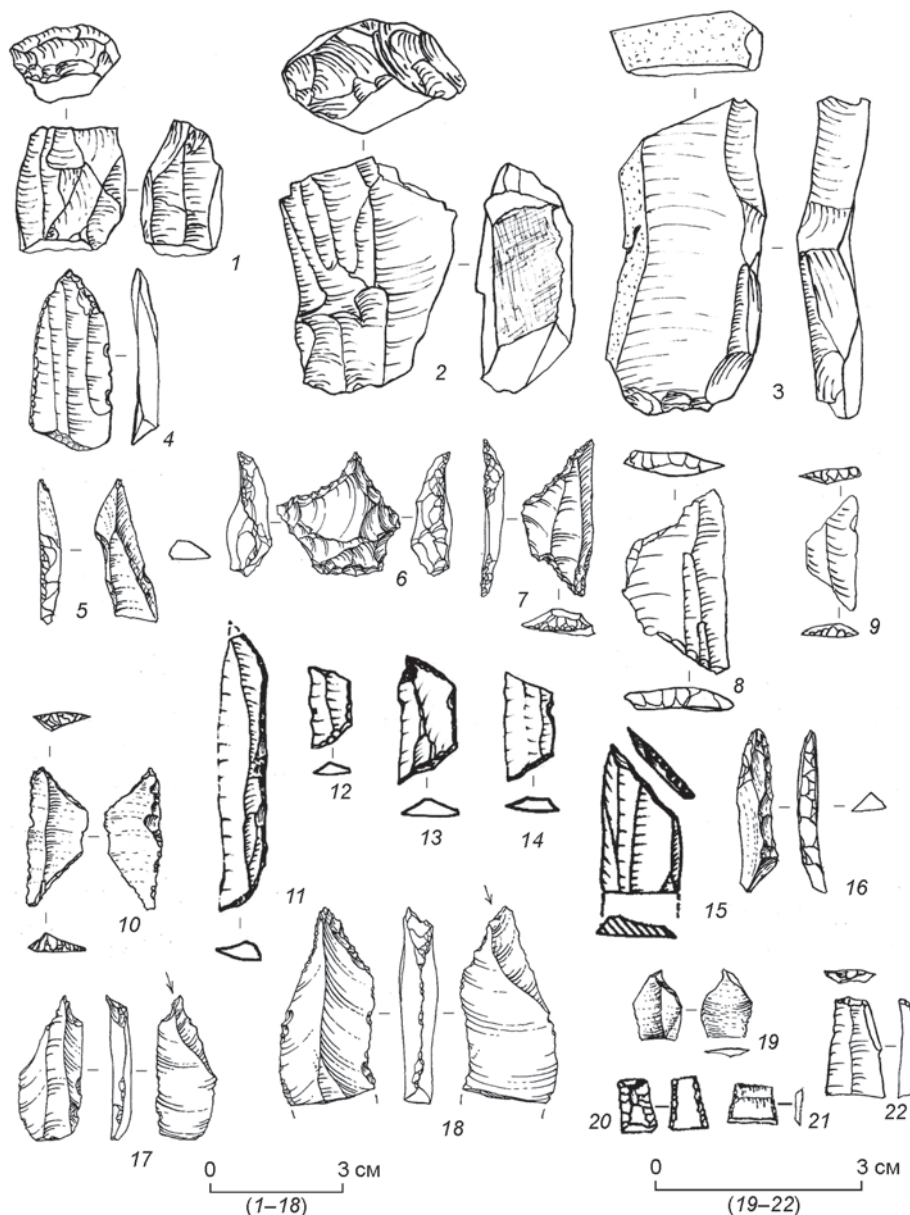
вентральной подтеской проксимального/дистального окончания.

Первичное расщепление горизонта 3 характеризуется наличием как плоскостного, так и призматического расщепления, с небольшой долей участия микротехники, в частности клиновидных нуклеусов. Орудийный набор содержит скребла, долотовидные изделия, проколки. Облик горизонта 3 Харганын-Гол-5, имеющего радиоуглеродную дату ок. 13 тыс. л.н., в некоторых его аспектах может быть соотнесен со студенческой культурой Забайкалья.

Наиболее своеобразно во всей этой последовательности выглядит ансамбль горизонта 4, чей комплекс не имеет синхронных аналогий на территории Монголии, Забайкалья и Южной Сибири. Коллекция горизонта составляет 1 411 экз., из них типологически определимых, участвующих в атрибутивном анализе предметов – 630 экз., среди них 8,4 % занимают нуклеусы, 57,3 % – отщепы, 23 % – пластины, 9,5 % – пластинки и 1,6 % – микропластины. Изделия с вторичной обработкой занимают 10,47 %.

В целом инвентарь комплекса горизонта 4 выглядит более грацильным, размеры изделий заметно уменьшаются по сравнению с нижележащими слоями, орудия обладают заданной морфологией, достигаемой посредством преднамеренной фрагментации и, в меньшей степени, поперечным усечением (см. рисунок, 5, 6).

Необычно выглядят изделия, которые можно отнести к геометрическим формам. Это морфологически определяемые как трапеции диагонально битронкированные пластины и пластинки (см. рисунок, 7–10). В горизонте 4 их насчитывается 4 экз. Заготовками для них служили мелкие пластины и пластинки в равном количестве. Для них характерен прямой профиль и подтреугольное поперечное сечение различной высоты, лишь один предмет имеет трапециевидное сечение. Морфометрические показатели изделий, за исключением одного, наиболее крупного, предмета, весьма схожи (см. таблицу); пропорции орудий (соотношение длины и ширины) стремятся к значению 2:1. Показатели толщины предметов варьируют незначительно, невзирая на размер и тип заготовок, поскольку данный тип орудия, как и геометрические микролиты, вероятно, не держался в руках, а оснащался рукоятью [Muheisen, Wada,

Каменные изделия.

1–10, 16–19, 22 – ассамбляж горизонта 4 стоянки Харганын-Гол-5; 11–14 – микролиты памятника Каранех IV (по: [Muheisen, Wada, 1995]); 15 – диагонально тронкированная пластина с памятника Нахаль-Орен (по: [Bar-Yosef, 1970]); 20, 21 – микролиты из грота Чихэн (по: [Деревянко, Гладышев, Нохрина, 2004]).

Метрические показатели диагонально битронкированных изделий

№ на рисунке	Тип заготовки	Длина, мм	Ширина, мм	Толщина, мм
7	пластина	35	16	4
8	пластина	42	22	5
9	пластинка	26	11	3
10	пластинка	32	12	4

1995]. На продольных краях трех орудий зафиксирована ретушь или отдельные сколы утилизации (см. рисунок, 7, 9, 10), которые могли появиться в процессе использования предмета в местах давления на него рукояти.

Изготовление этих орудий подразумевало использование двух приемов вторичной обработки: ретуширование и преднамеренную фрагментацию, которую всегда сложно доказать технологически, однако пропорции предметов, близкие

к соотношению длины и ширины 2:1, косвенно подтверждают это. Для всех изделий характерно нанесение параллельной или субпараллельной ретуши притупления (см. *рисунок, 7, 10*), вообще характерной для комплекса, и использовавшейся, кроме того, для изготовления пластинок и остриев с притупленным краем (см. *рисунок, 16*). У описываемых орудий она занимала всю плоскость фрагментации. Ретушь отвесная, под отрицательным углом по отношению к дорсальной поверхности, за исключением одного предмета, чьи противолежащие рабочие края выполнены под острым и тупым углами. Одно изделие (см. *рисунок, 7*) имеет дополнительную неутилизационную ретушь, нанесенную на длинный продольный край в месте пересечения его с обработанным поперечным краем. Скорее всего, этот край предмета вставлялся в паз, тогда как рабочим был противолежащий край, имевший острый угол лезвия.

Следует отметить, что в горизонте 4 присутствуют срединные ретушные резцы, также не находящие аналогий среди синхронных индустрий монгольско-байкальского круга (см. *рисунок, 17, 18*). Они имеют прямые аналоги в горизонте 3 в виде микрорезца, выполненного на пластинке (см. *рисунок, 19*). Также в горизонте 3 сохраняется притупление продольного края заготовок как характерный прием вторичной обработки.

Представленные в гроте Чихэн в Гобийском Алтае геометрические микролиты относятся уже к голоценовому времени. Они представлены двумя типами – трапециями и прямоугольниками [Деревянко, Гладышев, Нохрина, 2004] (см. *рисунок, 20, 21*). Аналогии здесь находят и пластинки с поперечным усечением (или тронкированные пластинки), также обнаруженные в горизонте 4 стоянки Харганын-Гол-5 (см. *рисунок, 22*).

Мелкопластинчатая направленность расщепления, стратиграфическая позиция слоя 4 стоянки Харганын-Гол-5, залегавшего непосредственно над комплексом, имеющим возраст ок. 13 тыс. лет, и в котором прослеживаются аналогии в специфическом типе орудий, а также тот факт, что в горизонте 4 памятника Толбор-16, имеющем радиоуглеродную дату ок. 16 тыс. л.н., также была обнаружена битронкированная пластина-трапеция (устное сообщение Н. Звинса), позволяют определить время формирования комплекса горизонта 4 стоянки Харганын-Гол-5 периодом 20–15 тыс. л.н.

Нам неизвестны другие ближайшие региональные аналоги описанным нами трапециям. На данный момент наибольшее как хронологическое, так и морфологическое соответствие этим орудиям из Центральной Азии может быть найдено в Леванте. В целом предметы этого типа отли-

чают от геометрических микролитов – трапеций эппалеолита Ближнего Востока только несколько большие размеры. В слое 3 среднееппалеолитического памятника Каранех IV протогеометрические микролиты представлены единственным экземпляром скошенной битронкированной пластины-трапеции [Muheisen, Wada, 1995]. Это изделие, длина которого значительно превышает ширину, имеет сходие с трапециями из Харганын-Гол-5 приемы оформления (см. *рисунок, 11*). Орудия из горизонта 4 памятника Харганын-Гол-5 имеют заданные геометрические формы и стоят в типологическом ряду значительно ближе к геометрическим микролитам-трапециям, также представленным на Каранех IV (см. *рисунок, 12–14*). Если обратиться к другим типологическим группам, то следуют обратить внимание на индустрии среднееппалеолитической кебаранской культуры на памятнике Нахаль-Орен в Палестине. В частности, О. Бар-Йосефом выделяются в отдельную группу тронкированные различными способами пластины, в т.ч. диагонально-тронкированные, которые идентичны изделиям из коллекции Харганын-Гол-5, но тронкированию у них подвергался только один край (см. *рисунок, 15*). Бар-Йосеф считает, что их можно было бы отнести к микролитам, если бы не ширина заготовок (более 9 мм) [Bar-Yosef, 1970]. Также с кебаранской культурой соотносится такой предмет из горизонта 4, как острие на пластинке с притупленной спинкой (см. *рисунок, 16*). Кебаранская культура относится ко времени 21–18 тыс. кал. л.н. [Belfer-Cohen, Goring-Morris, 2014], т.е. некалиброванные даты укладываются в промежуток 15–17 тыс. л.н. (OxCal 4.2), а значит, довольно близки к предполагаемому нами времени существования индустрии горизонта 4 памятника Харганын-Гол-5.

Однако крайняя территориальная удаленность предлагаемых нами аналогий не дает достаточных оснований для предположения о генетических связях комплекса горизонта 4 Харганын-Гол-5 с синхронными эппалеолитическими индустриями Ближнего Востока. Вероятно, мы можем предполагать здесь стадиальную близость данных комплексов, это явление уже неоднократно было засвидетельствовано в палеолите Евразии (пример – синхронное появление комплекса начального верхнего палеолита на территории от Центральной Европы до Центральной Азии [Kuhn, Zwyns, 2014]). В то же время нельзя исключить, что этот своеобразный комплекс отражает краткий поселенческий эпизод мигрирующей популяции носителей специфического орудийного набора, чей культурный импульс развивающейся геомет-

ризации не оказал влияния на дальнейшую эволюцию каменных индустрий Монголии. С другой стороны, вполне возможным является и то, что на данный тип орудий, из-за его крайней редкости, в предыдущих исследованиях не обращалось достаточного внимания.

Список литературы

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Нохрина Т.И. Комплекс верхнего культурного горизонта пещеры Чихэн (Монголия, Гобийский Алтай) // Археология и палеоэкология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 283–293.

Bar-Yosef O. The Epi-Paleolithic Cultures of Palestine: PhD dissertation. – Jerusalem, 1970. – 260 p.

Belfer-Cohen A., Goring-Morris N. The Upper Paleolithic and Earlier Epi-Paleolithic of Western Asia (ca. 50–14.5 k calBP) // The Cambridge World Prehistory. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2014. – Vol. 3. – P. 1381–1407.

Kuhn S.L., Zwyns N. Rethinking the initial Upper Paleolithic // Quaternary Internat. – 2014. – Vol. 347. – P. 29–38.

Muheisen M., Wada H. An Analysis of the microliths at Kharaneh IV, phase D, Square A20/37 // Paleorient. – 1995. – Vol. 21, N 1. – P. 75–95.

References

Bar-Yosef O. The Epi-Paleolithic Cultures of Palestine: PhD dissertation. Jerusalem, 1970. 260 pp.

Belfer-Cohen A., Goring-Morris N. The Upper Paleolithic and Earlier Epi-Paleolithic of Western Asia (ca. 50–14.5 k calBP) // The Cambridge World Prehistory. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. Vol. 3. Pp. 1381–1407.

Derevianko A.P., Gladyshev S.A., Nokhrina T.I. Kompleks verhnego kul'turnogo gorizonta peshchery Chihjen (Mongoliya, Gobijskij altaj) // Arheologiya i paleojekologiya Evrazii. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2004. Pp. 283–293. (In Russ.)

Kuhn S.L., Zwyns N. Rethinking the initial Upper Paleolithic // Quaternary International. 2014. Vol. 347. Pp. 29–38.

Muheisen M., Wada H. An Analysis of the microliths at Kharaneh IV, phase D, Square A20/37 // Paleorient. 1995. Vol. 21, No. 1. Pp. 75–95.

А.М. Хаценович¹, Е.П. Рыбин¹, Г.Д. Павленок¹, А.А. Анойкин¹,
В.М. Харевич¹, Б. Гунчинсурэн², Ц. Болорбат²,
Д. Одсурэн², Н.А. Кулик¹, А.Ю. Попов³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Институт истории и археологии АН Монголии

³Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
E-mail: ada1985@yandex.ru

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ МНОГОСЛОЙНОГО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ХАРГАНЫН-ГОЛ-5 В СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ*

В статье представлены результаты заключительного этапа полевых исследований на памятнике Харганын-Гол-5, проводившихся в 2012, 2014, 2015 гг. Культурно-хронологическая последовательность, выявленная на этом памятнике, позволяет заключить, что на территории Северной Монголии на протяжении периода 45–15 тыс. л.н. существовали индустрии, отличные от изученных ранее в Толборском археологическом микрорайоне. Комплексы последнего отличают присутствие сложившегося набора культурных признаков начального этапа верхнего палеолита на основе пластинчатой технологии и ее дальнейшая эволюция. Индустрия горизонтов 7 и 6 стоянки Харганын-Гол-5 имеет финальносреднепалеолитический облик, сочетая в себе леваллуазскую технологию и пластинчатое расщепление, в т.ч. в бипродольной системе. Археологический комплекс горизонта 5 продолжает эту тенденцию, появляются такие маркеры начального этапа верхнего палеолита, как пластинки с притупленной спинкой; верхнепалеолитические типы орудий имеют в ассамбляже больший удельный вес. Комплексы горизонтов 7–5 демонстрируют развитие верхнего палеолита на местной среднепалеолитической основе. Индустрия горизонта 4 представлена ярким ассамбляжем. Основу расщепления в горизонте 4 составляют плоскостные и подпризматические нуклеусы, предназначенные для получения отщепов и пластинок. Пластины получали с плоскостных одноплощадочных монофронтальных ядрищ, а также с торцовых нуклеусов. Присутствует и простое ситуационное расщепление, представленное кубовидным и радиальным ядрищами. Орудийный ассамбляж горизонта 4 отличается высокой вариабельностью. Орудийный набор и техника расщепления горизонта 3 генетически связаны с горизонтом 4, однако их отличает присутствие, пусть и малочисленных, продуктов развитого микрорасщепления.

Ключевые слова: Монголия, палеолит, культурно-хронологическая последовательность, расщепление, орудийный ассамбляж.

A.M. Khatsenovich¹, E.P. Rybin¹, G.D. Pavlenok¹, A.A. Anoykin¹,
V.M. Kharevich¹, B. Gunchinsuren², Ts. Bolorbat²,
D. Odsuren², N.A. Kulik¹, A.Yu. Popov³

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Institute of History and Archaeology MAS

³V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
E-mail: ada1985@yandex.ru

THE FINAL FIELD RESEARCH OF KHARGANYN GOL 5 THE MULTILAYER PALEOLITHIC SITE IN NORTHERN MONGOLIA

The article presents the results of final field research at Kharganyn Gol 5 site, excavated in 2012, 2014–2015. The cultural chronological sequence of this site allows concluding that during 45,000–15,000 there were the industries, which were different from the studied complexes of Tolbor Basin archaeological area in the territory of Northern Mongolia.

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ № 14-06-00163 и РГНФ № 14-31-01004.

The complexes of that area are notable for steady repertoire of Initial Upper Paleolithic cultural attributes on basis of blade technology and her further evolution. The industry of horizon 7–6 from Kharganyn Gol 5 looks like a Middle Paleolithic bundled with Levallois technology and blade flaking, including the bidirectional system. This tendency continues in the archaeological horizon 5 and contains such Initial Upper Paleolithic markers as backed bladelets, and Upper Paleolithic tool types have a more significant specific gravity in this assemblage. The complexes of horizons 7–6 and 5 demonstrate the Upper Paleolithic development on the autochthonous Middle Paleolithic basis. The meaningful assemblage presents the industry of horizon 4. The main direction of flaking is a reduction of flat-faced and subprismatic cores for flakes and bladelets respectively. The blades were flaked as from the flat-faced single-platform cores with one flaking surface well as narrow-faces cores. Simple situational flaking presents in the form of the cubiform and centripetal cores. Tool assemblage of horizon 4 has a high variability. Tool kit and flaking technology of horizon 3 are associated with horizon 4 genetically, but contain the small products of developed microflaking.

Keywords: Mongolia, Paleolithic, cultural chronological sequence, flaking, tool assemblage.

Многослойный объект Харганын-Гол-5 был обнаружен в долине одноименной реки в Северной Монголии в 2012 г. Стоянка приурочена к делювиальному шлейфу, вытянутому с северо-запада на юго-восток на высоте 1 000 м над ур.м. Стратиграфический разрез состоит из семи литологических слоев. Семь культуросодержащих горизонтов соответствуют выделенным литологическим слоям (рис. 1; см. подробнее: [Гладышев и др., 2014]). В отложениях стоянки различимы ходы землероев, а также следы четко фиксируемой средневековой ямы.

В 2015 г., на заключительном этапе раскопок памятника, был заложен раскоп площадью 12 м², общая вскрытая площадь памятника составила 46 м². Если в 2012 г. слои 1 (дерн) и 2 имели значительную концентрацию артефактов, то в 2014 и 2015 гг. по мере продвижения исследуемых участков вниз по шлейфу число находок сократилось до единиц.

Коллекция каменного инвентаря горизонта 3 насчитывает 453 экз. Отходы производства (осколки, обломки, чешуйки и фрагменты сколов) составляет 291 экз. (64 % от коллекции).

Нуклеидные изделия представлены 3 экз. (1 %): один нуклеидный обломок и два типологически выраженных ядрища – типичный клиновидный нуклеус (рис. 2, 1) для получения микропластин и одноплощадочный двуфронтальный смежный нуклеус, направленный на получение пластин и отщепов продольным способом скалывания.

Индустрия сколов насчитывает 138 экз. (30 %), из них всего три отнесено к техническим сколам, 105 – к отщепам, 18 – к пластинам, 13 – к пластинкам и 2 экз. – к микропластинам. Технические снятия малочисленны: по одному экземпляру первичный, естественнокраевой и скол подправки ударной площадки. Все имеют пропорции отщепов среднего размера.

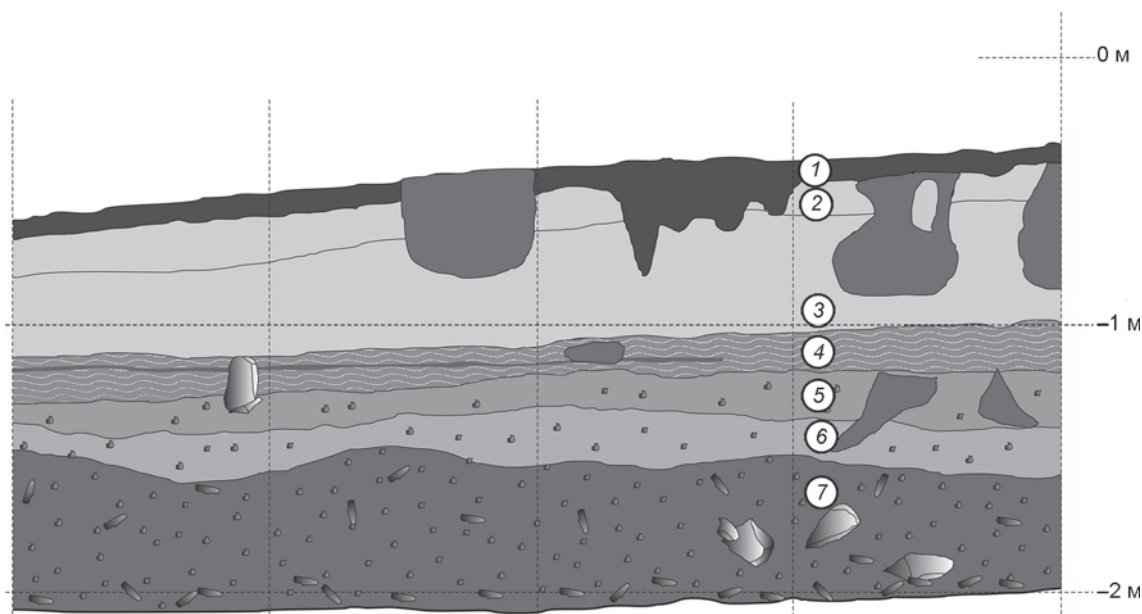

Рис. 1. Стратиграфия памятника Харганын-Гол-5.

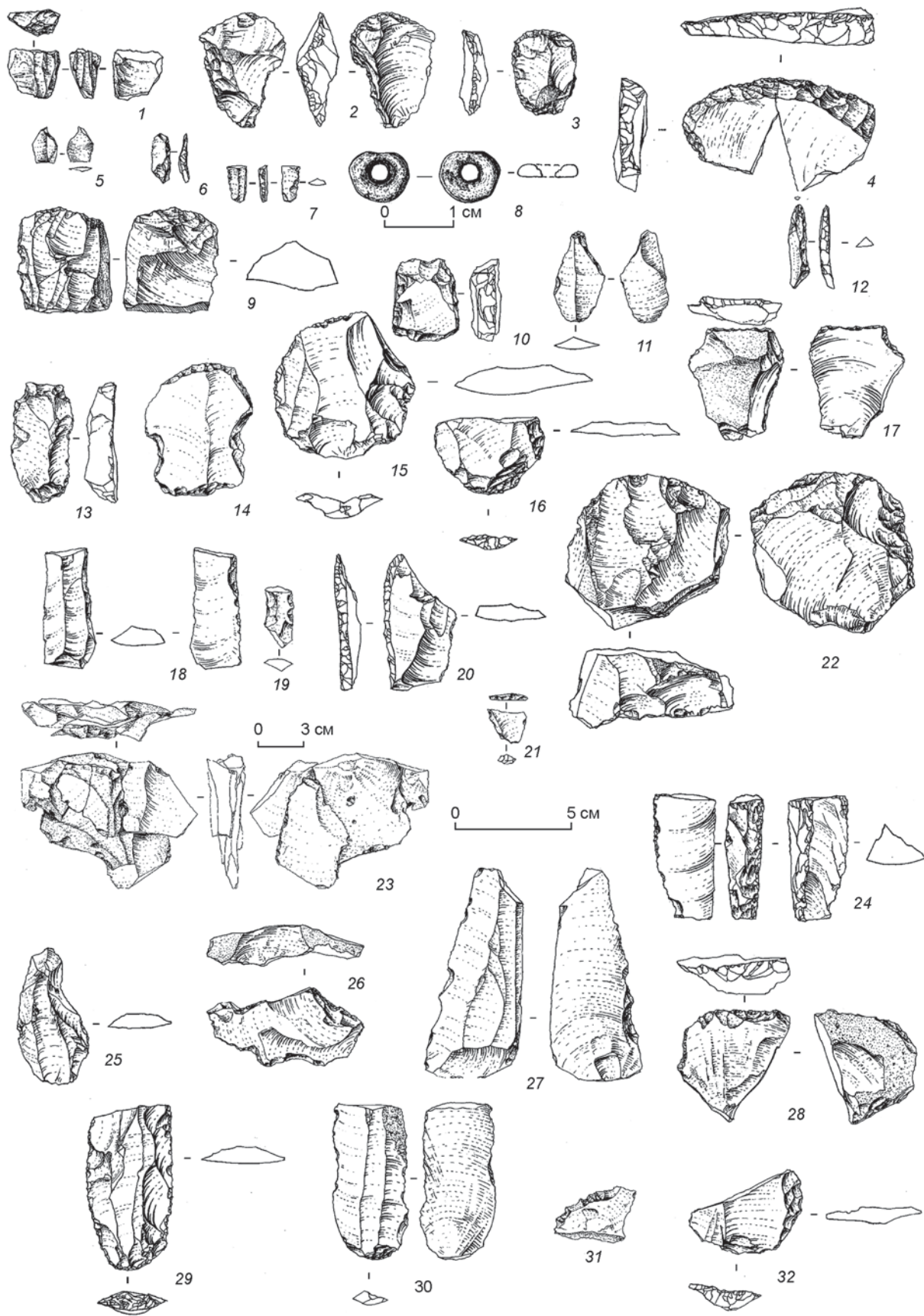

Рис. 2. Каменный инвентарь из комплексов стоянки Харганын-Гол-5 (художник М.Е. Медовикова).
 1–8 – археологический горизонт 3; 9–13 – археологический горизонт 4; 14–21 – археологический горизонт 5; 22–29 – археологический горизонт 6; 30–32 – археологический горизонт 7.

Каменных орудий насчитывается 21 экз. (5 %), из них типологически выраженных (формальных) – 6 экз. и неформальных – 15 экз. Большинство типологически выраженных орудий изготовлены на отщепах: два долотовидных орудия с расположением рабочего элемента по продольному краю (рис. 2, 2), концевой скребок с ретушированным продольным краем (рис. 2, 3), фрагмент дорсального скребла (рис. 2, 4). Два изделия – срединные ретушные резцы на пластине и пластинке (рис. 2, 5). Неформальных орудий – 10 экз., присутствуют три пластинки с притупленным краем (рис. 2, 6, 7). Два орудия представлены обломками. Единственным предметом неутилитарного назначения в горизонте является бусина из скорлупы яйца страуса (рис. 2, 8).

В горизонте 4 было обнаружено 846 предметов, основную часть которых можно отнести к мелким сколам отделки и дебитажу. Нуклевидные изделия представлены двумя категориями: 6 экз. преформ и 12 экз. нуклеусов. Они позволяют определить несколько принципов расщепления. Один из них предусматривал получение заготовок с узкого фронта, к нему относятся преформа нуклеуса-резца, заготовка для ядрища с торцовым принципом скалывания и фрагмент торцового нуклеуса. Нуклеусы подпризматического принципа скалывания (4 экз.) предназначались для получения пластинок и в одном случае – отщепов в однонаправленной или встречной субпараллельной системе. Два призматических нуклеуса также предназначались для получения пластинок. Плоскостные нуклеусы (5 экз.) демонстрируют доминирование однонаправленного и встречного субпараллельного скалывания (рис. 2, 9).

Горизонт 4 отличается достаточно высокой производственной активностью, что подтверждается наличием технических сколов – 33 экз. Половина технических сколов – это краевые снятия, в т.ч. первичные и полупервичные, а также сколы различных способов оживления фронта. Индустрия сколов представлена отщепами – 111 экз., пластинами – 55 экз., пластинками – 31 экз., микропластинами – 5 экз., включая их фрагменты.

Орудийный набор включает 22 изделия, преобладающими типами среди них являются шиповидные (4 экз.). Раскопки 2015 г. позволили количественно увеличить серии орудий, выявленные в предыдущие годы: срединных ретушных резцов – двумя изделиями (рис. 2, 11) и заготовкой для них; геометрических изделий – трапеций на битронкированных пластинах – одним экземпляром. К группе орудий, для оформления которых применялось притупление, относятся 2 экз. пластинок с обработанным краем и острие (рис. 2, 12).

Еще одно острие оформлено с применением вентральной подтески дистального окончания. Характерны для этого горизонта проколки и провертки (3 экз.) (рис. 2, 13), скобели (2 экз.) и комбинированные орудия: скребок высокой формы с шипом и ретушью на 3/4 периметра (рис. 2, 10) и скребок высокой формы с носиком. Неформальные орудия представлены 4 экз. отщепов с ретушью.

Коллекция горизонта 5 составляют 309 экз. Нуклевидные изделия представлены нуклевидным обломком и двумя ядрищами: ортогональным на отщепе и плоскостным одноплощадочным монофронтальным с однонаправленной субпараллельной системой скалывания. Технические сколы занимают существенную часть ассамбляжа и представляют собой декортикационные краевые снятия (50 %), сколы оживления фронта, полуреберчатые и реберчатый сколы.

Орудийный набор состоит из 21 изделия и сочетает в себе леваллуазский компонент в виде леваллуазских отщепов с ретушью (рис. 2, 15, 16) и маркеров начального этапа верхнего палеолита, представленных в коллекции этого года симметричным острием на пластине. В целом инвентарь имеет верхнепалеолитический облик: концевые скребки (2 экз.; рис. 2, 14), шиповидные орудия (2 экз.; рис. 2, 17), пластины с вентральной ретушью (4 экз.; рис. 2, 18, 19). Кроме того, в ассамбляже присутствуют унифасиальные ножи (2 экз.; рис. 2, 20) и проколка (рис. 2, 21). Неформальные орудия представлены орудием с обушком, выемчатым, тронкированной пластиной и ретушированными отщепами (5 экз.).

Коллекция горизонта 6 из раскопок 2015 г. насчитывает 210 экз., из которых 75 предметов – мелкие сколы отделки и дебитаж. Единственный нуклеус среднепалеолитического облика представляет собой ядрище с двумя противолежащими фронтами (рис. 2, 22). С помощью ремонта удалось реконструировать однонаправленную субпараллельную систему раскалывания для получения удлиненных заготовок (рис. 2, 23). Технические сколы (22 экз.) включают краевые полупервичные, реберчатые, полуреберчатые и различные сколы подправки ударной площадки и оживления фронта скалывания (рис. 2, 24, 25). Отдельно выделяются отщепы типа «дебордан» – латеральные краевые сколы, характерные для оформления леваллуазских ядрищ (рис. 2, 26). Индустрия сколов насчитывает 83 экз. отщепов и 29 экз. пластинок (рис. 2, 27). Орудийный набор крайне малочисленный: скребла вентральные – одинарное выпуклое и одинарное прямое (рис. 2, 28), ретушированные пластины (рис. 2, 29), обломок, обработанный сколами, и два отщепа с ретушью,

а также два предмета из верхних слоев, спустившихся по кротовине, – орудие с вентральной подтеской проксимального края и ретушированная пластина с поперечным усечением.

Комплекс горизонта 7 представлен 44 экз. каменных артефактов. Нуклевидные изделия отсутствуют. Индустрия сколов представлена 26 экз. отщепов и 9 экз. пластин (рис. 2, 30). Среди трех технических сколов присутствуют полуреберчатый, скол оживления фронта и отщеп типа «дебордан». Орудийный набор представлен резчиком, зубчатым изделием (рис. 2, 31), фрагментированным скреблом на сколе с фасетированной площадью (рис. 2, 32) и двумя отщепами с ретушью.

Главным итогом трехлетних работ на стоянке Харганын-Гол-5 является открытие своеобразной индустриальной последовательности эпохи палеолита, которая отличается от той, что была выявлена на всех памятниках долины р. Толбор. В палеолите Толбора засвидетельствовано существование моногенетического последовательного развития верхнего палеолита, истоки которого, вероятно, лежат в культуре мигрировавших сюда популяциях алтайского начального верхнего палеолита.

Археологические комплексы горизонтов 7 и 6 стоянки Харганын-Гол-5 носят среднепалеолитический характер. В данном районе впервые фиксируются индустрии этого времени, очевидно, связанные с орхонским вариантом терминальной стадии среднего палеолита.

Также впервые в индустрии начальной стадии верхнего палеолита из горизонта 5 стоянки выявлен сильный и устойчивый леваллуазский компонент, неизвестный в ассамбляжах начального верхнего палеолита Толборской долины. Наряду с леваллуазской технологией здесь присутствуют верхнепалеолитические приемы, получившие в дальнейшем на территории Монголии широкое распространение. На данный момент нельзя уверенно говорить, являются ли особенности этого комплекса результатом контакта двух популяций или итогом развития местных среднепалеолитических индустрий. Следует лишь отметить, что обнаруженный в результате исследований стоянки Харганын-Гол-5 комплекс начального верхнего палеолита представляет собой новый, не известный ранее в Северной Монголии вариант этого культурного трансевразийского феномена.

Комплекс каменных артефактов горизонта 4 также выглядит необычно в контексте финальнокарагинских–раннесартанских индустрий Мон-

голии и соседнего Забайкалья. С одной стороны, в нем отмечается преобладание небольших приматических ядрищ для пластинок и мелких пластин, что сближает этот ассамбляж с мелкопластинчатыми индустриями позднего верхнего палеолита Южной Сибири. С другой стороны, наличие таких специфических орудийных форм, как трапеции и пластины с поперечным усечением, острие с притупленной спинкой, срединные ретушные резцы на пластинах, выделяет этот ассамбляж в круге синхронных региональных объектов. Трапеция была обнаружена на памятнике Толбор-16 в горизонте 4 (устное сообщение Н. Звинса), датирующемся ок. 16 тыс. л.н. Эти культурно-хронологические аналогии, а также несомненные генетические связи горизонта 4 с горизонтом 3 стоянки Харганын-Гол-5, для которого получена некалиброванная дата ок. 13 тыс. л.н., позволяют определить время существования этого комплекса в рамках 20–15 тыс. л.н., тем самым признавая этот комплекс одним из самых ранних в системе позднего верхнего палеолита Монголии. Предполагаемая связь этого ассамбляжа с периодом последнего ледникового максимума требует дальнейшего подтверждения в виде абсолютных датировок и поиска региональных аналогий специфическому индустриальному набору горизонта 4.

Наиболее поздний палеолитический горизонт 3 демонстрирует связь с комплексами селенгинской культуры Забайкалья, выраженную как в общих (расщепление клиновидных нуклеусов), так и в специфических (характерные долотовидные орудия, скребла, бусина из скорлупы страуса) признаках.

Список литературы

Гладышев С.А., Гунчинсүрэн Б., Болорбат Ц., Одсүрэн Д., Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Табаров А.В. Раскопки многослойной палеолитической стоянки Харганын-Гол-5 (Северная Монголия) в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 23–26.

References

Gladyshev S.A., Gunchinsurjen B., Bolorbat C., Odsurjen D., Rybin E.P., Hacenovich A.M., Tabarev A.V. Raskopki mnogoslojnoj paleoliticheskoj stojanki Harganyn-Gol-5 (Severnaja Mongolija) v 2014 godu // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. 20. Pp. 23–26. (In Russ.).

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ УСТЬ-КУТАРЕЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

Новейшие исследования на территории Северного Приангарья позволяют продолжить разработку культурно-хронологической шкалы региона на основе нового круга археологических источников. Одни из наиболее интересных находок были получены при изучении памятников с четким разделением стратиграфических слоев, содержащих материалы эпох неолита и бронзового века, в устье р. Кутарей на левобережье р. Ангары, в среднем ее течении – Устье Реки Кутарей, Сенькин (Синий) Камень, Ручей Поварный, Гора Кутарей (работы А.Н. Савина, А.В. Выборнова 2010, 2011 гг.). Несмотря на то, что комплексное изучение памятников на данной территории началось с 1970-х гг., многие вопросы методики анализа комплексов с «компрессионным» характером отложений, разработки критериев и основных принципов объединения памятников в отдельные микрорайоны, хронологии и периодизации остаются открытыми. Актуальность данной работы определяется тем, что автор совершает попытку объединить указанные памятники в отдельный историко-культурный микрорайон, опираясь на результаты полевых исследований и накопленный методический опыт. Это позволит продолжить процесс исследования на другом методическом уровне, более обоснованно интерпретировать материалы памятников в устье р. Кутарей. Кроме того, следует отметить, что материалы указанных памятников не введены в научный оборот, по ним представлены лишь предварительные сведения. Цель работы – определить дальнейшие перспективы изучения памятников в устье р. Кутарей, обосновать критерии выделения данных памятников в отдельный микрорайон.

Ключевые слова: Северное Приангарье, комплексы неолита – бронзового века, Усть-Кутарейский археологический микрорайон, «компрессионный» характер отложений, культурно-хронологическая шкала.

A.N. Chekha

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

TO THE SINGLING OUT OF UST-KUTAREY ARCHAEOLOGICAL AREA IN NORTHERN ANGARA REGION

The newest investigations at the territory of Northern Angara Region allow continuing the formulation of the chronocultural scale for this region, based on the new sequence of archaeological sources. Some of the most interesting findings were obtained in studies of clearly stratified sites, contained the Neolithic and Bronze Age materials and situated in the outfall of Kutarey River, on the left bank of the Middle Angara River: Kutarey River Outfall, Senkin (Siniy) kamen, Ruchey Povarny, Gora Kutarey (the articles of A.N. Savin, A.V. Vybornov, 2010–2011). While complex study of the sites at this territory dated from 1970th, the most of methodological issues, associated with analysis of complexes with “compressive” character of deposits, development of criteria and main approaches to site unification in the form of isolate archaeological area, and chronology and periodization, are still open. The present study is actual, because the author tries to unite the required sites to isolate historical cultural area. He bases oneself on the results of the field research and gathered methodological experience. It allows continuing the research at the another methodological level and interpreting the materials from the Kutarey River outfall reasonably. These materials do not introduce for scientific use completely, excluding the preliminary results. This study has a goal to determine the further research perspectives and prove the criteria for singling out of these sites to isolate area in the Kutarey River outfall.

Keyword: Northern Angara Region, Neolithic – Bronze Age complexes, Ust-Kutarey archaeological area, “compressive” character of deposits, chronocultural scale.

Бассейн р. Ангары в ее нижнем и среднем течении (включая субширотный отрезок), с боковыми притоками – реками Кежда, Кова, Кода, Кутарей,

Парта, Пашина, Чадобец, Мура, Иркинеева, Каменка и др., относится к Северному Приангарью. Это западная часть Средней Сибири (часть Средне-

сибирского плоскогорья, Енисейского кряжа, Канско-Тасеевской впадины), примыкающая к Западно-Сибирской равнине. Такое положение провинции определяет сложность и разнообразие рельефа, его строение (сильно расчленен). Ландшафты относятся к типу бореальных, резко континентальных [Асеев, 2003, с. 7].

В ситуации концентрации большого числа памятников в Северном Приангарье неизбежно встает проблема их объединения. В настоящее время не разработано универсального определения и методологических оснований концепции археологического микрорайона, хотя это понятие вошло в современную научную литературу и ряд исследователей широко его используют. При разработке такого определения мы опирались на опыт, представленный в работах В.И. Матюшенко [Матюшенко, Щербитова, 2004], С.Ф. Татаурова [2009]. Исследователи подчеркивают, что археологический микрорайон – это реальная, археологизированная форма культуры социума, скопившаяся в ходе адаптации отдельных сообществ, частей социумов, в конкретных условиях природно-географической среды [Матюшенко, Щербитова, 2004, с. 64]. Поэтому налицо необходимость применения территориального подхода, который соединяет не только синхронно существовавшие памятники, но и разные хронологические горизонты существования археологического микрорайона [Татауров, 2004, с. 82; 2009, с. 110]. Учитывая вышесказанное, под археологическим микрорайоном мы понимаем комплекс археологических памятников, сосредоточенных на конкретной территории (которая является экологической микронисшей), в одинаковых геоморфологических условиях, со сходным археологическим материалом.

Так, указанные памятники располагаются в устье р. Кутарей, снизу вверх по течению р. Ангара. Стоянка Устье Реки Кутарей находится на левом берегу р. Ангара в 15 км ниже по течению от с. Кежда, на правом берегу р. Кутарей. Местонахождение Гора Кутарей прилегает к подошве г. Кутарей в 1,5 км ниже устья р. Кутарей по течению р. Ангара. Стоянка Сенькин (Синий) Камень располагается в 1,5 км от устья р. Кутарей выше по течению р. Ангара и прилегает к южной подошве г. Сенькин Камень. Стоянка Ручей Поварный расположена в 625 км от устья р. Ангара, в 9 км ниже по течению от с. Кежда, в 4,5 км выше по течению от г. Сенькин Камень.

На всех памятниках обнаружен каменный (относящийся к эпохе неолита–бронзы, раннего железного века и средневековья) и керамический материал (с четко определяющимися усть-бельской и посольской группами) [Выборнов, 2010, с. 496–497; Цыбанков и др., 2014].

Важная роль в определении археологического микрорайона отводится также геоморфологической характеристике района проводимых исследований. Согласно геологическому описанию, выполненному в полевых условиях и в лабораториях Института геологии и минералогии СО РАН канд. геол.-мин. наук А.В. Котляровым, район работ относится к области сочленения Тунгусской синеклизы и зоны Ангарских складок. Особенности рельефа определяются в равной степени как планом древних структур, пассивно отраженных в его формах, так и молодыми неотектоническими блоковыми структурами. С генетической точки зрения в районе выделяются два типа рельефа: эрозионно-тектонический, денудационно-аккумулятивный и эрозионно-аккумулятивный. Ведущая роль в их формировании принадлежит эрозии при значительном влиянии других процессов денудации: гравитационных, делювиальных, солифлюкционных, пролювиальных и др. Проявление всех действующих сил контролируется величиной неотектонических поднятий (определяющих крутизну склонов), а также основными чертами геологического строения и литологии пород.

Эрозионно-тектонический рельеф характерен для значительной площади работ. Каменный материал представлен темно-серыми долеритами, габбро-долеритами [Савин, 2011, с. 22].

Наиболее перспективным представляется изучение материалов слоя 3 памятника Устье Реки Кутарей (наиболее насыщен артефактами – более 25 тыс. экз.; фиксируются обширные участки, не затронутые техногенными повреждениями). Стратиграфическая ситуация памятника представлена чередованием следующих основных слоев.

Слой 1 – почвенно-растительный горизонт А мощностью от 0,02 до 0,10 м. Насыщен корнями луговой растительности.

Слой 2 – темная гумусированная супесь, равномерно подстилающая стратиграфический слой 1 на всей исследованной площади памятника. Достигает мощности 0,2 м. Нижняя граница слоя нечеткая, волнистая с переходом до 0,07 м. Слой слабо увлажнен, рыхлый, пылеватый, бесструктурный, с неоднородной пятнистой текстурой. Содержал археологические материалы, фрагменты керамики, изделия из камня. На отдельных участках слой перерезает нижележащие культурные напластования. Относится ко времени существования поселения XX в., на что указывают находки инструментария кузнечного производства, изделия из железа, гончарная керамика.

Слой 3 – светло-желтая слабо увлажненная супесь, мелкодисперсная, пылеватая при высыхании. Граница слоя субгоризонтальная, со слабо

выраженной волнистостью. Мощность достигает 0,43 м. Нижняя граница слоя нечеткая. Содержал археологические материалы эпохи бронзы и раннего железа.

Слой 4 – светло-серая подзолистая супесь, слабо увлажненная, при высыхании пылеватая, приобретает белый цвет. Слой бесструктурный, слабо уплотненный, имеет отчетливые следы профильного вымывания гумусовых кислот, крупные потеки различного цвета, от пепельно-белого до сизого, глубиной до 0,35 м (за исключением нескольких каменных артефактов предположительно палеолитического облика, не содержащих археологических материалов). Является «материковым» основанием раскопа [Там же, с. 23–25].

Археологические комплексы из слоя 3 включают в основном каменную индустрию (технологически неолитическая индустрия не отличается от индустрии бронзового века) и керамику (сопоставима с материалами Прибайкалья, Нижней Ангары; четко фиксируются группы посольской и усть-бельской керамики) [Там же, с. 113]. В дальнейшем информативным представляется анализ материалов памятника Устье Реки Кутарей в сравнении с коллекциями памятников Синий (Сенькин) Камень и Ручей Поварный (они гораздо менее многочисленны – 1 400 артефактов, но содержат показательную коллекцию орудий), а также Гора Кутарей. Это позволит обоснованно интерпретировать материалы памятников микрорайона, более четко определить границы культурного сходства между ними.

Таким образом, геоморфологическое единство памятников в устье р. Кутарей, их локализация и сходный археологический материал позволяют выделить отдельный микрорайон. Выделенные участки с четкими стратиграфическими напластованиями и связанные с ними керамические комплексы этих памятников дают возможность датировать сопутствующие материалы, а в дальнейшем позволяют внести существенный вклад в построение единой хроностратиграфической шкалы для археологии среднего течения Ангары, что делает перспективным дальнейшее изучение данных объектов в контексте проблем хронологии и периодизации Северного Приангарья, атрибуции керамического материала, методических вопросов определения археологического микрорайона.

Список литературы

Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 208 с.

Выборнов А.В. Результаты полевых исследований памятников Северного Приангарья (Кода-4, Сенькин Камень, Гора Кутарей, Ручей Поварный) // Проблемы

археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2010 года. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – Т. XVI. – С. 496–500.

Матющенко В.И., Щербитова О.С. О методологических основаниях концепции археологического микрорайона // Археологические микрорайоны Северной Евразии. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. – С. 64–67.

Савин А.Н. Отчет об археологических раскопках стоянки Устье Реки Кутарей в 2010 г. (Кежемский район Красноярского края): в 6 т. Новосибирск, 2011. Т. I. 175 с. // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Д. 557.

Татауров С.Ф. Некоторые вопросы изучения археологических микрорайонов // Археологические микрорайоны Северной Евразии. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2004. – С. 80–82.

Татауров С.Ф. Проблемы внутренней периодизации и культурной интерпретации материалов в археологических микрорайонах // Археологические микрорайоны Северной Евразии: мат-лы науч. конф. – Омск: Апельсин, 2009. – С. 109–113.

Цыбанков А.А., Постнов А.В., Славинский В.С., Выборнов А.В., Колонцов С.В., Марковский Г.И., Присекайло А.А., Дудко А.А. Богучанская археологическая экспедиция. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 105 с.

References

Aseev I.V. Yugo-Vostochnaya Sibir' v epohu kamnya i metalla. Novosibirsk: Izd-vo IAET, 2003. 208 pp. (In Russ.).

Matyushchenko V.I., Shcherbitova O.S. O metodologicheskikh osnovaniyakh kontseptsii arheologicheskogo mikroraiona // Arkheologicheskie mikroraiony Severnoi Evrazii. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2004. Pp. 64–67. (In Russ.).

Savin A.N. Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh stojanki Ust'e Reki Kutarej 2010 g. (Kezhemskij rajon Krasnojarskogo kraja). Novosibirsk, 2011. Vol. 1. 175 pp. // Arhiv IAET SO RAN. F. 1. D. 557. (In Russ.).

Tataurov S.F. Nekotorye voprosy izuchenija arheologicheskikh mikrorajonov // Arheologicheskie mikrorajony Severnoj Evrazii. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2004. Pp. 80–82. (In Russ.).

Tataurov S.F. Problemy vnutrennej periodizacii i kul'turnoj interpretacii materialov v arheologicheskikh mikrorajonah // Arheologicheskie mikrorajony Severnoj Evrazii: mat-ly nauch. konf. Omsk: Apel'sin, 2009. Pp. 109–113. (In Russ.).

Tsybankov A.A., Postnov A.V., Slavinskij V.S., Vybornov A.V., Kolontsov S.V., Markovskij G.I., Prisekajlo A.A., Dudko A.A. Boguchanskaja arheologicheskaja jekspedicija. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. 105 pp. (In Russ.).

Vybornov A.V. Rezultaty polevyh issledovanij pamyatnikov Severnogo Priangar'ya (Koda-4, Sen'kin Kamen', Gora Kutarei, Rushei Povarnyi) // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: mat-ly Itogovoj sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2010. Vol. 16. Pp. 496–500. (In Russ.).

С.В. Шнайдер^{1, 2, 3}, А. Абдыканова⁴, А.И. Кривошапкин^{1, 2, 3}¹Институт археологии и этнографии СО РАН²Алтайский государственный университет³Новосибирский государственный университет⁴Американский университет Центральной Азии

E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК ПАМЯТНИКА ОБИШИР-5 В 2015 ГОДУ*

До недавнего времени вариабельность комплексов финального плейстоцена – раннего голоцена на территории западной части Центральной Азии объяснялась с позиции сосуществования двух типов индустрий – мезолитических и эпипалеолитических. При этом к мезолиту относились памятники, в орудийном наборе которых представлены геометрические микролиты, к эпипалеолиту – без них. На новом этапе исследований была проведена ревизия материалов ключевых памятников финального плейстоцена – раннего голоцена региона, в результате чего была уточнена атрибуция многих индустрий, пересмотрен генезис ряда мезолитических комплексов. Кроме того, на основании стратиграфических данных и технико-типологических характеристик индустрий была выдвинута гипотеза о том, что эпипалеолитические комплексы моложе мезолитических. С целью уточнения данных построений были возобновлены археологические раскопки в скальном навесе Обишир-5, который является одним из ключевых эпипалеолитических памятников региона. В результате исследований 2015 г. была обнаружена представительная археологическая коллекция, которая характеризуется развитым микропластинчатым расщеплением, а в орудийном наборе – преобладанием микропластин с вентральной ретушью и концевых скребков. Также была отобрана серия образцов для определения абсолютного возраста отложений и для проведения палинологического анализа, что позволит не только определить место обиширских материалов на шкале развития финальноплейстоценовых–раннеголоценовых комплексов региона, но и реконструировать палеоэкологическую ситуацию в данном районе Центральной Азии.

Ключевые слова: мезолит, эпипалеолит, западная часть Центральной Азии, микропластинчатое расщепление, микропластина.

S.V. Shnayder^{1, 2, 3}, A. Abdykanova⁴, A.I. Krivoshapkin^{1, 2, 3}¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS²Altai State University³Novosibirsk State University⁴American University of Central Asia

E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

THE RESULTS OF 2015 EXCAVATION CAMPAIGN AT THE ARCHAEOLOGICAL SITE OBISHIR-5

Until recently, two types of industries, Mesolithic and Epipaleolithic and were the key elements in explanation of Final Pleistocene – Early Holocene complex variability in the western part of Central Asia. The differentiation based on presence of geometric microliths in the tool assemblage: Mesolithic sites contained them, and Epipaleolithic sites did not. A new exploratory phase was marked by revision of materials from the key Final Pleistocene – Early Holocene sites with the result that attribution of many industries were ascertained and genesis of the Mesolithic complex sequence was reconsidered. Besides, based on stratigraphic data and technico-typological characteristics it was supposed that Epipaleolithic complexes are younger than Mesolithic. The excavation at the Obishir-5 rockshelter, the one of the key Epipaleolithic sites in the region, was renewed again for the elaboration of this hypothesis. Expedition obtained the

*Работа выполнена в рамках проектов РФФИ № 15-36-20820 мол_а_вед и РГНФ № 15-31-01000 (а1).

presentable archaeological collection, which is characterized by developed microblade flaking and predominance of the microblades with ventral retouch and single end-scrapers in the tool assemblage. In addition, we provided sampling for absolute dating of the deposits and palynological analysis. It will permit to determine where Obishir material find his place in the development pattern of the Final Pleistocene – Early Holocene complexes, and reconstruct the paleoecological situation in this region of Central Asia.

Keywords: Mesolithic, Epipaleolithic, western part of Central Asia, microblade flaking, microblade.

Памятник Обишир-5 (юг Кыргызстана) является одним из ключевых мезолитических объектов на территории западной части Центральной Азии (рис. 1, 1). Он был обнаружен в 1965 г. археологическим отрядом, возглавляемым У.И. Исламовым. Полевые работы на памятнике проводились в 1966–1967, 1969–1971 гг. и в 1973 г. Исследователем было выделено три насыщенных культурных горизонта, которые он отнес к эпохе мезолита. В каменном инвентаре стоянки исследователь отмечал значительную роль микропластинчатого расщепления, в орудийном ансамбле – доминирование пластинок и микропластин с альтернативной и вентральной ретушью, концевых скребков, а также определял единичные экземпляры сегментов, чопперов и чоппингов. На основе последних категорий орудий У.И. Исламов характеризовал хронологические позиции обиширской индустрии как среднемезолитические (9–8 тыс. л. до н.э.), сопоставляя их с материалами горизонта 2а Туткаула, Ошхоны (Таджикистан), Гар-и-Камарбанда, слоя В Шанидара [Исламов, 1980].

В полевом сезоне 2015 г. были возобновлены археологические раскопки на памятнике Обишир-5 силами российско-кыргызской экспедиции под руководством А.И. Кривошапкина. Основной целью полевых работ являлись уточнение стратиграфической ситуации на памятнике, отбор образцов на абсолютное датирование, палинологический анализ и получение археологической коллекции для сопоставления с материалами, обнаруженными в ходе работ У.И. Исламова.

Общая площадь, вскрытая раскопом 2015 г., составила 4 м². Описание стратиграфии разреза стоянки (составлено С.В. Шнайдер и А.И. Кривошапкиным) представлено сверху вниз (рис. 1, 2).

Слой 0. Супесь сероватая, сильно гумусированная, пылеватая, бесструктурная, литологически однородная, с обломками известняка небольших размеров (дерновый слой). Истинная мощность слоя – 0,2 м.

Слой 1. Серая супесь, пылеватая, структурно не выраженная, обломочный материал отсутствует. В слое встречается большое количество костей, углей, фрагментов керамики предпо-

жительно античного времени; на раскопанном участке выделяются четыре горизонта со следами костров. Истинная мощность слоя колеблется от 0,2 до 0,4 м.

Слой 2. Представляет собой темно-серую гумусированную пылеватую бесструктурную супесь. Слой насыщен обломочным известняком размером от 0,01 до 0,10 м. Находки в слое многочисленны, представлены преимущественно каменными артефактами и ракушками. Истинная мощность слоя колеблется от 0,6 до 0,8 м.

Слой 3. Буровато-серая супесь, пылеватая, бесструктурная. На границе между слоями 2 и 3 многочисленны поноры и крупнообломочный материал. В слое встречаются каменные артефакты и ракушки, кости немногочисленны. Истинная мощность слоя колеблется от 0,6 до 0,9 м.

Слой 4. Представлен плотной светло-коричневой супесью, обломочный материал немногочислен. Каменные артефакты приурочены к верхней части слоя. Истинная мощность составляет 0,2 м.

Слой 5. Светло-коричневая супесь, на некоторых участках отмечается переход в суглинок, обломочный материал отсутствует. Каменные артефакты отсутствуют. Истинная мощность слоя составляет 0,2 м.

Таким образом, мезолитические материалы обнаружены в слоях 2–4.

Коллекция слоя 2 насчитывает 425 экз., ее большую часть составляют отходы производства – 235 экз. (55 %).

Нуклеидных изделий в комплексе насчитывается 13 экз., из них типологически определимых изделий – 12 экз. Нуклеусы плоскостного принципа расщепления представлены продольным ядрищем для отщепов. Торцовый принцип расщепления – торцовыми продольными (3 экз.; рис. 2, 1) и бипродольными нуклеусами для микропластин (2 экз.). Нуклеусы объемного принципа расщепления направлены на получение микропластин и представлены подконусовидной (рис. 2, 2), конусовидными (3 экз.; рис. 2, 3), цилиндрической и подцилиндрическими формами.

Технических сколов имеется 14 экз., среди них представлены сколы латеральной подправ-

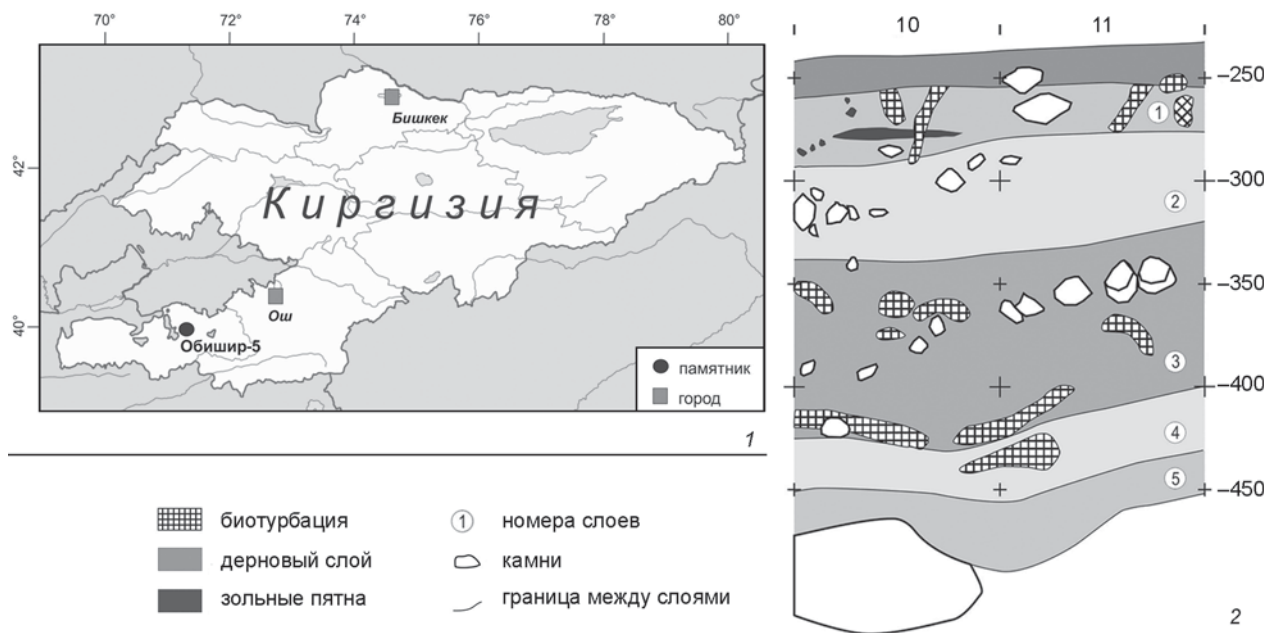

Рис. 1. Карта расположения (1) и стратиграфия (2) памятника Обишир-5.

ки (6 экз.), сколы подправки дуги скалывания (3 экз.), краевые сколы (2 экз.), «таблетка», скол подправки фронта расщепления и терминальной части нуклеуса. Индустрия сколов представлена отщепами – 66 экз., пластинками – 22 экз. и микропластинами – 76 экз.

Орудийный набор представлен 37 экз. Наиболее многочисленной категорией коллекции являются микропластины с вентральной ретушью (16 экз.; рис. 2, 5–8) и концевые скребки (9 экз.). Помимо этого в коллекции выделены проколки (2 экз.; рис. 2, 15), трапеция (рис. 2, 14), поперечное скребло (рис. 2, 18), стамеска, выемчатое орудие, микропластина с ретушью притупления. Также в комплексе представлены микропластины с ретушью утилизации (3 экз.).

Коллекция каменных артефактов слоя 3 насчитывает 564 экз., из них отходы производства составляют 320 экз. (57 %). В индустрии слоя выделено 18 экз. морфологически выраженных ядрищ: продольный нуклеус для пластин, торцовые продольные (3 экз.), подконусовидные (9 экз.), цилиндрические (2 экз.), подцилиндрические (2 экз.) и цилиндрический (рис. 2, 4) нуклеусы для микропластин. Технических сколов в коллекции выделено 30 экз. Наиболее представительной группой технических сколов являются краевые сколы (8 экз.), сколы подправки дуги скалывания (5 экз.) и фронта расщепления (5 экз.). Также в индустрии представлены «таблетки» (3 экз.), «полутаблетки» (3 экз.), полуреберчатые пластины (2 экз.), сколы латеральной подправки (2 экз.) и сколы терминаль-

ной подправки (2 экз.). Индустрия сколов представлена отщепами – 85 экз., пластинчатых заготовок выделяется 111 экз. (из них пластин – 4 экз., пластинок – 18 экз., микропластин – 89 экз.).

Орудийный набор насчитывает 50 экз. Основную часть коллекции составляют микропластины с вентральной ретушью (11 экз.) и концевые скребки (11 экз.; рис. 2, 10–13). Также в индустрии представлены долотовидные орудия (3 экз.), фасеточные резцы (2 экз.), выемчатые орудия (2 экз.), микропластины с притупленным краем (2 экз.; рис. 2, 17), проколка, продольное скребло (рис. 2, 19) и пластина с интенсивной ретушью по обоим продольным краям. В категории сколов с ретушью выделяются отщепы (4 экз.), микропластины (4 экз.; рис. 2, 16), пластины (2 экз.; рис. 2, 9) и пластинка.

В коллекции каменных артефактов из слоя 4 памятника Обишир-5 насчитывается 119 экз., отходы производства составляют 72 экз. (60 %).

В индустрии выделено одно типологически определимое ядрище – бипродольный нуклеус для отщепов. Сколы представлены отщепами (19 экз.), пластинами (2 экз.), пластинками (6 экз.) и микропластинами (16 экз.).

Орудийный набор индустрии насчитывает 8 экз. и представлен проколками (3 экз.), скребками (3 экз.) и микропластинами с ретушью (2 экз.).

В целом можно заключить, что в мезолитических комплексах памятника Обишир-5 первичное расщепление характеризуется торцовыми, конусовидными и цилиндрическими нуклеусами, утилизация которых была направлена на получе-

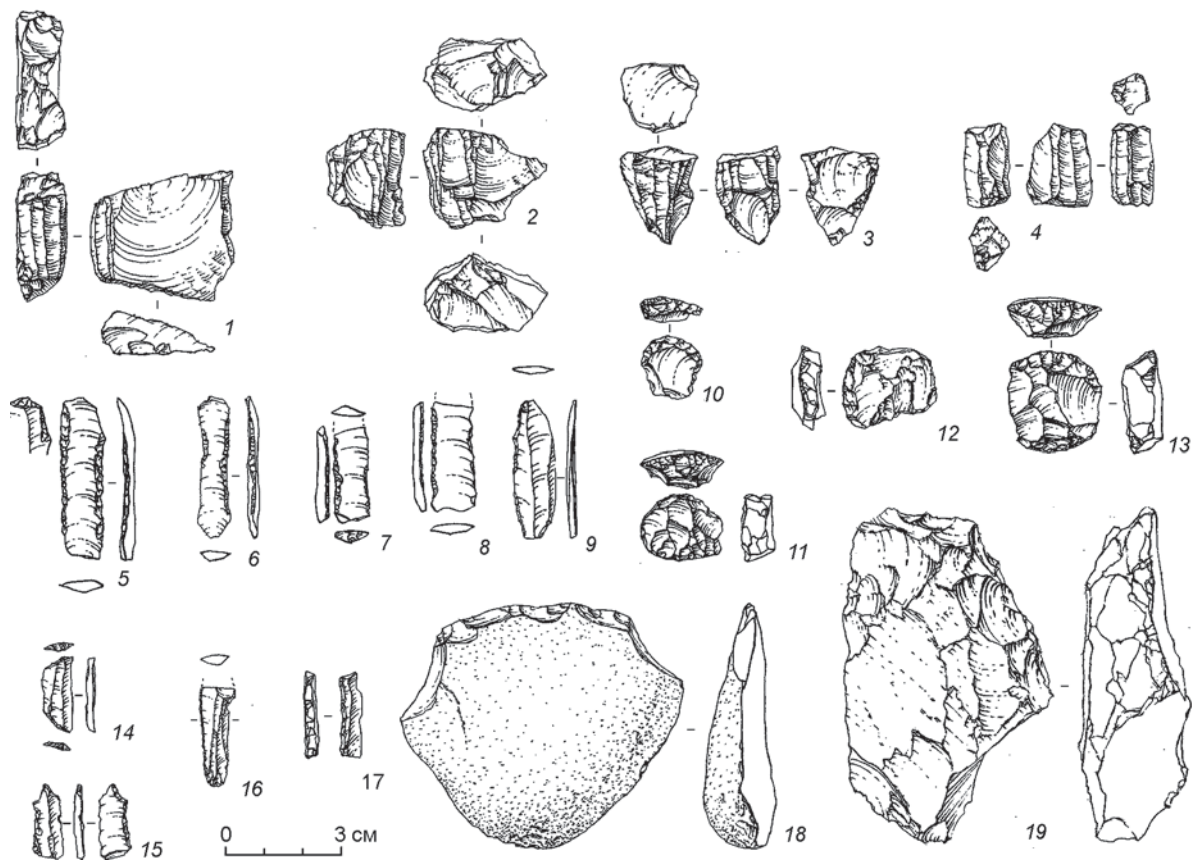

Рис. 2. Каменные артефакты памятника Обишир-5.

1–3 – нуклеусы (слой 2); 4 – нуклеус (слой 3); 5–8 – микропластины с вентральной ретушью (слой 2); 9 – пластина с ретушью (слой 3); 10–13 – скребки (слой 3); 14 – трапеция (слой 2); 15 – проколка (слой 2); 16 – микропластина с ретушью утилизации (слой 3); 17 – микропластина с ретушью притупления (слой 3); 18 – поперечное скребло (слой 2); 19 – продольное скребло (слой 3).

ние микропластин посредством техники отжима. В пользу применения данной техники скола свидетельствуют предварительные результаты атрибутивного изучения коллекции сколов. Единичными экземплярами в коллекции представлены продольные ядрища для пластин и отщепов. В орудийном наборе преобладают микропластины с вентральной ретушью, концевые скребки, также выделяются микропластины с притупленным краем и проколки.

В полевом сезоне 2015 г. было обнаружено несколько изделий, близких по технико-типологическим характеристикам к орудиям, которые ранее У.И. Исламов относил к сегментам. Проведенный сравнительный анализ этих изделий, как из коллекции предыдущих раскопок, так и из коллекции раскопок 2015 г., с материалами горизонта 2а Туткаула показал, что они значительно отличаются друг от друга. Обиширские орудия изготавливались на микропластинах, следы дорсальной отвесной разноразмерной параллельной ретуши, задавшей асимметрию изделиям,

читаются только в дистальной части заготовок. На противоположном крае имеется негатив микрорезцового снятия, которым орудью и придана сегментовидная форма. Тем самым эти изделия по типологическим показателям не являются сегментами. С точки зрения авторов, на данном этапе исследований не прослеживается сходных черт между обиширскими индустриями и горизонтом 2а Туткаула.

Ближайшие технико-типологические аналогии мезолитическим индустриям памятника Обишир-5 усматриваются в комплексах Южного Казахстана – Бугун, Жаначилих-1, -2, -3, Маятас [Коробкова, 1989; Brunet, 2002]. В материалах этих комплексов также широко представлены торцовые, конусовидные и цилиндрические нуклеусы в сочетании с микропластинами с вентральной ретушью и концевыми скребками на отщепах.

Проведение дальнейших полевых исследований, а также абсолютного датирования и палинологического анализа позволит уточнить позицию Обишира-5 на культурно-хронологической шкале

развития мезолита и реконструировать палеоэкологическую ситуацию в данном районе западной части Центральной Азии.

Благодарности. Коллектив авторов выражает искреннюю признательность ведущему художнику ИАЭТ СО РАН Н.В. Вавилиной за подготовку иллюстраций.

Список литературы

Исламов У.И. Обиширская культура. – Ташкент: ФАН, 1980. – 147 с.

Коробкова Г.Ф. Мезолит Средней Азии и Казахстана // Мезолит СССР. – М.: Наука, 1989. – С. 149–174.

Brunet F. Asie Centrale: vers une redéfinition des complexes culturels de la fin du Pléistocène et des débuts de l'Holocène // Paléorient. – 2002. – Vol. 28/2. – P. 9–24.

References

Brunet F. Asie Centrale: vers une redéfinition des complexes culturels de la fin du Pléistocène et des débuts de l'Holocène // Paléorient. 2002. Vol. 28/2. Pp. 9–24.

Islamov U.I. Obishirskaya kul'tura. Tashkent: FAN, 1980. 147 pp. (In Russ.).

Korobkova G.F. Mezolit Sredney Azii i Kazakhstana // Mezolit SSSR. Moscow: Nauka, 1989. Pp. 149–174. (In Russ.).

М.В. Шуньков, Н.Е. Белоусова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: consacrer@yandex.ru

**СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ
КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ
ИЗ СЛОЕВ 8-11 СТОЯНКИ УСТЬ-КАРАКОЛ-1
(по данным планиграфического анализа)***

Статья посвящена исследованию планиграфического и стратиграфического контекстов группы артефактов из коллекции ранних верхнепалеолитических слоев 8–11 стоянки Усть-Каракол-1, обнаруживающих технико-типологическое сходство с материалами среднепалеолитических пластинчато-острийных индустрий кара-бомовского варианта среднего палеолита Горного Алтая. Планиграфический и стратиграфический анализ свидетельствует о том, что накоплению культурных отложений слоев 8–11 предшествовало событие, ставшее причиной «срезания», частичного разрушения и обнажения культурных отложений пачки слоев 12–16 в центральной и нижней по склону частях раскопа. В результате этого процесса артефакты из культурных горизонтов слоев 14–16 оказались в зоне контакта с материалами культурного горизонта слоев 8–11. По этой причине часть артефактов из среднепалеолитических горизонтов была зафиксирована в подошве пачки слоев 8–11. Отдельные артефакты из слоя 14 были вынесены в более поздние отложения в процессе биотурбации. Пространственное распределение каменных артефактов полностью соответствует слабому угловому несогласию, отраженному в стратиграфических профилях отложений стоянки. Дифференциация археологических материалов согласно их принадлежности к «материнским» культурным подразделениям позволит в дальнейшем рассматривать коллекции артефактов из слоев 8–11, 13, 14 и 15, 16 в качестве единых индустрий и даст возможность по-новому взглянуть на характер культурно-генетических связей среднепалеолитических и ранних верхнепалеолитических индустрий стоянки.

Ключевые слова: ранний верхний палеолит, среднепалеолитические пластинчато-острийные индустрии, планиграфический анализ, угловое несогласие, механическое смешение.

M.V. Shunkov, N.E. Belousova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: consacrer@yandex.ru

**MIDDLE PALEOLITHIC COMPONENT
OF THE STONE INDUSTRY
FROM THE LAYERS 8-11 OF UST-KARAKOL SITE
(basing on the spatial analysis)**

This article is devoted to studying of the spatial and stratigraphic background pursued for the groups of the artifacts collecting in the Early Upper Paleolithic layers 8–11 of the Ust-Karakol-1 site. These artifacts bear technical and typological resemblance to material from the Middle Paleolithic blade-point industries related to the Kara-Bom variant of the Middle Paleolithic at the Mountain Altai territory. Spatial and stratigraphic analysis indicate that Early Upper Paleolithic cultural deposits of the layers 8–11 were accumulated after the event, which was a cause of the «cutting», partial destruction and cultural deposit exposure of the layers 12–16 in the central and low areas of the Pit 2 relative to the slope.

In consequence of this process, the artifacts from the cultural horizon of the layers 14 and 15–16 were caught in the contact zone in conjunction with cultural deposits of the layer 8–11. Some of the artifacts of the layer 14 were caught in the later sediments as a result of bioturbation.

The spatial distribution of the stone artifacts conforms fully to slight angular displacement reflected in sedimentary stratigraphic profile. Differentiation of the archaeological materials in compliance with their attribution to «maternal»

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

cultural divisions gives an opportunity to consider the stone artifact collections of the layers 8–11, 13–14 and 15–16 as the single industries and to interpret the character of the cultural genetic interrelations between Middle and Early Upper Paleolithic industries of the Ust-Karakol-1 site from the new perspectives.

Keywords: Early Upper Paleolithic, Middle Paleolithic blade-point industries, spatial analysis, angular displacement, mechanical mixture.

Многослойная палеолитическая стоянка открытого типа Усть-Каракол-1 расположена в нижней части пологого склона северной экспозиции, образующего стрелку при впадении в р. Ануй ее левого притока р. Каракол [Природная среда..., 2003]. Полевые исследования отложений в раскопе 2 проводились в 1993–1997 гг. Общая площадь исследованного участка составила ок. 250 м²; в процессе раскопок была вскрыта толща склоновых отложений общей мощностью до 6,5 м.

Согласно современной концепции развития палеолитических культурных традиций на территории Горного Алтая, археологические материалы из слоев 8–11 относятся к усть-каракольскому индустриальному варианту, существовавшему в начале верхнего палеолита совместно с индустриями кара-бомовского типа [Деревянко, Шуньков, 2004]. Каменная индустрия из слоев 8–11 имеет выразительный ранневерхнепалеолитический облик, вместе с тем она содержит единичные изделия, обнаруживающие технико-типологическое сходство с материалами среднепалеолитических пластинчато-острийных индустрий кара-бомовского варианта среднего палеолита Алтая [Они же, 2002]. К этой группе артефактов относятся бифронтальный нуклеус, выполненный в двуплощадочной ортогональной модификации с конвергентными снятиями, простой и атипичный остроконечники леваллуа, два треугольных скола с фасетированными ударными площадками, фрагмент овального бифаса, два остроконечника (рис. 1, А). Перечисленные изделия зафиксированы преимущественно в слое 11, относительно слабо насыщенном археологическим материалом. Вверх по разрезу их количество уменьшается: изделия соседствуют с призматическими нуклеусами для пластин, торцовыми и призматическими нуклеусами для мелких пластинчатых сколов, концевыми скребками, пластинками с притупленным краем.

В данном контексте особенно важно, что предварительные планиграфические исследования культурных отложений стоянки Усть-Каракол-1, основанные на данных метода ремонтажа, выявили свидетельства частичного смешения археологических материалов раннего верхнего палеолита (слои 8–11) и среднепалеолитических (слои 13–15) [Белюсова, 2012]. В настоящее время для детализации технологических реконструкций и уточнения сценария трансляции среднепалеолитических технологий в верхнепалеолитические индустрии необходимо определить масштабы и причины этого смешения.

На основе данных ремонтажа, метода сырьевых групп и планиграфического анализа артефактов была изучена структура культурных отложений пачки слоев 8–16 (слои 8–11 – 2 257 экз., слой 13 – 34 экз., слой 14 – 72 экз., слой 15 – 60 экз., слой 16 – 35 экз.) и определена стратиграфическая и планиграфическая позиция изделий, составляющих среднепалеолитический компонент в индустрии раннего верхнего палеолита.

Анализ структуры культурных отложений слоев 8–16 позволил выявить три культурных горизонта (рис. 1, Б). Находки наиболее древнего горизонта залегают преимущественно в отложениях слоя 16, частично – в слое 15. Проекция координат находок на продольный профиль раскопа по линии квадратов 11–14 по оси Х показала, что на основной части раскопа 2 культурный горизонт слоев 15, 16 был отделен от более позднего среднепалеолитического горизонта, залегающего в слое 14, прослоем мощностью ок. 0,7 м; на линии квадратов 0–3 по оси Y этот прослой постепенно выклинивается. В целом материалы двух нижних культурных горизонтов формируют отчетливые пространственные структуры, залегающие субгоризонтально, согласно древнему схожему микрорельефу.

Верхний культурный горизонт раннего верхнего палеолита, связанный с отложениями слоев 8–11, формировался в условиях иного микрорельефа, с другим углом наклона (рис. 1, Б). В верхней по склону части раскопа материалы этого культурного подразделения были отделены от нижележащего культурного горизонта слоя 14 прослоем мощностью 1,2 м. Вниз по склону этот прослой постепенно выклинивался, а по линии квадратов 4 по оси Y – уже практически не читался. Ниже линии квадратов 4 по оси Y материалы среднепалеолитического горизонта отсутствовали или были зафиксированы в процессе раскопок как принадлежащие слоям 11 и 9.

Анализ координат залегания каменных изделий среднепалеолитического облика из коллекции слоев 8–11 позволил установить, что все они сосредоточены либо в зоне контакта горизонта слоя 14 и горизонта слоев 8–11, либо тяготеют к первому (рис. 1, Б). Пространственное распределение элементов крупной сырьевой группы слоя 14 (25 экз.) также свидетельствует о том, что четкой границы между разновременными культурными горизонтами в центральной и нижней по склону частях раскопа 2 не существовало (рис. 1, В) – основная

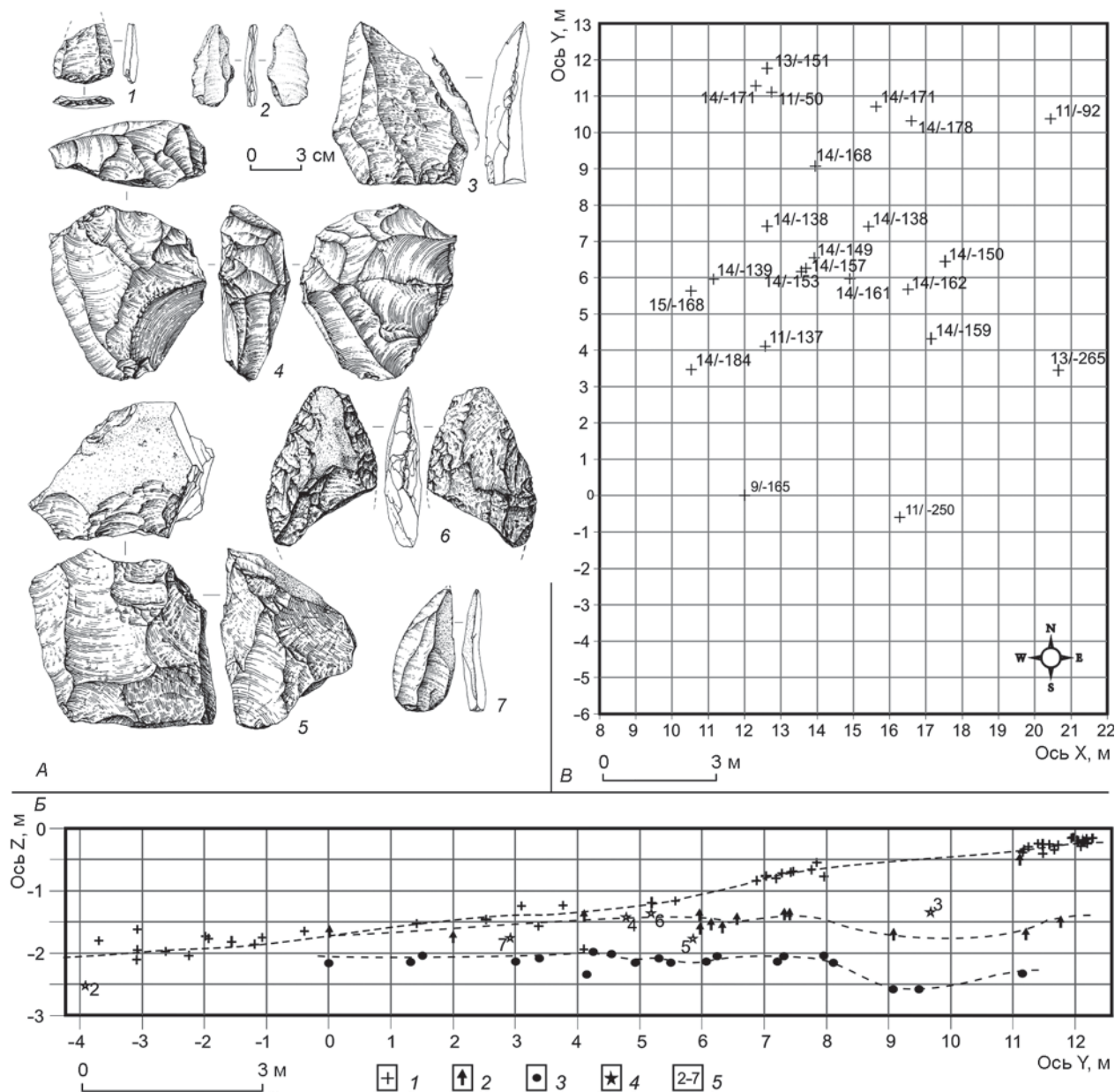

Рис. 1. Усть-Каракол-1.

А – изделия среднепалеолитического облика в индустрии слоев 8–11; 1–5 – слой 11.2; 6, 7 – слой 11.1.

Б – пространственное распределение артефактов среднепалеолитического облика из коллекции слоев 8–11 относительно уровней залегания культурных горизонтов слоев 8–11 и 14–16 (проекция на профиль продольного разреза по линии квадратов 11–14 по оси *X*): 1 – артефакты из культурного горизонта слоев 8–11; 2 – артефакты из культурного горизонта слоя 14; 3 – артефакты из культурного горизонта слоев 15, 16; 4 – артефакты среднепалеолитического облика из слоев 8–11; 5 – номер артефакта на рисунке в части *А*.

В – пространственное распределение продуктов расщепления одной отдельности сырья из культурного горизонта слоя 14 на плане раскопа 2 (указаны слой/нивелировочная отметка).

часть продуктов расщепления этой отдельности была зафиксирована в слое 14 (17 экз.), еще часть – в слое 11 (4 экз.), отдельные артефакты были зафиксированы в слоях 13 (2 экз.), 15 (1 экз.) и 9 (1 экз.). Единичные артефакты отдельности, расположенные в верхней по склону части раскопа 2, были вынесены в более поздние отложения слоя 11, скорее всего, в процессе биотурбации.

Согласно данным стратиграфического анализа [Природная среда..., 2003], а также данным

планиграфии, пространственное залегание выявленных культурных горизонтов полностью соответствует слабому угловому несогласию (не более 30°), характерному для отложений стоянки. Пачка литологических слоев 8–11, выполненная легкими и средними лессовидными суглинками, формировалась после седиментационного перерыва, а ее нижняя граница представляла собой зону послойных сдвигов и перемешивания с подстилающими отложениями слоев 12–14.

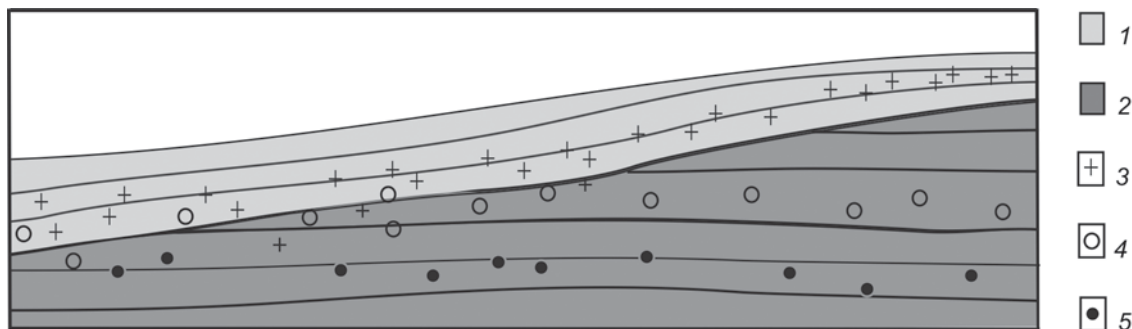

Рис. 2. Схема пространственного распределения артефактов из культурных горизонтов раннего верхнего и среднего палеолита на продольном стратиграфическом профиле раскопа 2 стоянки Усть-Каракол-1.

1 – отложения раннего верхнего палеолита (слои 8–11); 2 – отложения среднего палеолита (слои 12–16); 3 – артефакты из культурного горизонта слоев 8–11; 4 – артефакты из культурного горизонта слоя 14; 5 – артефакты из культурного горизонта слоев 15, 16.

Было отмечено, что вследствие выклинивания слоев 12 и 13 в нижней по склону части раскопа подошва слоя 11 залегала непосредственно на кровле слоя 14. Последовательное выклинивание слоев 12 и 13 было отчетливо выражено на стратиграфическом профиле западной стенки раскопа 1994 г. на линии квадратов 3–6 по оси Y. В этой части раскопа горизонт раннего верхнего палеолита залегал непосредственно на отложениях с культурой среднего палеолита.

Анализ совокупности планиграфических и стратиграфических данных позволяет предположить, что в хронологическом интервале между накоплением литологических слоев 12 и 11 имело место событие, ставшее причиной «срезания», частичного обнажения и разрушения культурных отложений слоя 14, в меньшей степени – слоя 16 по линии квадратов 0–4 по оси Y. В результате этих процессов артефакты из слоя 14 оказались в зоне контакта с более поздними отложениями или были вмещены в них (рис. 2). Это обстоятельство стало причиной того, что часть находок среднепалеолитического горизонта была зафиксирована в подошве пачки слоев 8–11.

Дифференциация археологических материалов по их принадлежности к «материнским» культурным подразделениям позволит в дальнейшем рассматривать коллекции артефактов из слоев 8–11, 13, 14 и 15, 16 в качестве единых индустрий и даст возможность по-новому взглянуть на характер культурно-генетических связей среднепалеолитических и ранних верхнепалеолитических индустрий стоянки Усть-Каракол-1.

Список литературы

Белоусова Н.Е. Стратиграфический и планиграфический контексты материалов ранней стадии верх-

него палеолита стоянки Усть-Каракол-1 (раскоп 1993–1997 годов) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 5: Археология и этнография. – С. 51–61.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 (9). – С. 16–41.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3 (19). – С. 12–40.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Аношкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

References

Belousova N.E. Stratigraphic and planigraphic contexts of materials of the early stage of the upper paleolithic of the Ust'-Karakol-1 site (excavation 1993–1997) // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istorija, filologija. 2012. Vol. 11, Iss. 5: Arheologija i etnografija. Pp. 51–61. (In Russ.).

Derevjanko A.P., Shunkov M.V. Industries with leaf-like bifaces in the middle paleolithic of the Gornogo Altaja // Arheologija, etnografija i antropologija Evrazii. 2002. No. 1 (9). Pp. 16–41. (In Russ.).

Derevjanko A.P., Shunkov M.V. Stanovlenie verhnepaleoliticheskikh tradicij na Altae // Arheologija, etnografija i antropologija Evrazii. 2004. No. 3 (19). Pp. 12–40. (In Russ.).

Prirodnaja sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaja / A.P. Derevjanko, M.V. Shunkov, A.K. Agadzhanjan, G.F. Baryshnikov, E.M. Malaeva, V.A. Uljanov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anojkin. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2003. 448 pp. (In Russ.).

М.В. Шуньков¹, Ж.К. Таймагамбетов², К.К. Павленок¹,
А.А. Аношкин¹, А.Г. Рыбалко¹, В.М. Харевиш¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Национальный музей Республики Казахстан

E-mail: anui1@yandex.ru

СТОЯНКА-МАСТЕРСКАЯ КУРЧУМ - НОВЫЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК НА ЮЖНОМ АЛТАЕ*

Разработка палеолитической проблематики Южного Алтая (Восточный Казахстан) была начата в 1948 г. В этом регионе было обнаружено несколько объектов каменного века, предварительно датированных средним–верхним палеолитом, а немногочисленные находки в пункте Козыбай были условно отнесены к раннему палеолиту. В 2015 г. в западных предгорьях Нарымского хребта, на восточном побережье Бухтарминского водохранилища обнаружено два пункта локализации экспонированных палеолитических артефактов – Курчум-1, -2. Курчум-1 расположен в небольшой подковообразной долине, обрамленной останцами красноцветных отложений. Курчум-2 находится на возвышенных склоновых поверхностях, ближе к выходам скальных пород. Палеолитические изделия залежали на эродированной поверхности охристых и красноцветных глинистых отложений. Охристые отложения соответствуют, скорее всего, усть-убинской свите, верхняя граница которой датируется ок. 1,8 млн л.н., а подстилающие их красноцветы могут относиться к павлодарской или вторушкинской свите плиоцена. Разновременный каменный инвентарь включает кварцитовое рубило и двусторонне обработанные изделия с сильной дефляцией поверхности, что позволяет предполагать присутствие на памятнике остатков раннепалеолитической индустрии.

Ключевые слова: Южный Алтай, плиоцен, плейстоцен, ранний палеолит.

M.V. Shunkov¹, Zh.K. Taymagambetov², K.K. Pavlenok¹,
A.A. Anoskin¹, A.G. Rybalko¹, V.M. Kharevich¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²National Museum of the Republic of Kazakhstan

E-mail: anui1@yandex.ru

KURCHUM WORKSHOP: A NEW PALEOLITHIC SITE AT THE SOUTHERN ALTAI

The Paleolithic problematics of the Southern Altai (Eastern Kazakhstan) was started to develop in 1948. Found in the region Paleolithic objects were dated to Middle – Upper Paleolithic, excluding limited Early Paleolithic findings from the Kozybai locality. Two areas with exposed artifact concentrations were found in the western part of Naryn ridge in 2015 – Kurchum-1 and -2. Kurchum-1 is situated in small U-shape valley, which fronts a Bukhtarma reservoir and rimmed by residual red bed outcrops. Kurchum-2 is located in the high slope surfaces closer to hard rock outcrops. Sequence of the test pits and the cleansing allows determining the three-membered structure of the cross-section. The basal red bed (layer 3) can characterize the Pliocene Pavlodar or Vtorushkinskaya set, and overlying strata (layer 2) – Pliocene Ust-Ubinsk set, the upper boundary of which is dated to 1,8 ma. The recent soil overlays (layer 1). It is fair to assume that included the archaeological material Pleistocene deposits were eroded and artifacts were removed and exposed. The lithics from the both areas are illustrative of workshops at the outcrops. It contains the asynchronous artifacts, including a quartzitic handaxe, the high wind-eroded artifacts with bifacial treatment, that evidence the presence of Lower Paleolithic industries at the site. The further study of the Kurchum will let to define the earlier time when human occupied the Southern Altai.

Keywords: Southern Altai, Pliocene, Pleistocene, Early Paleolithic.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Разнообразие природно-климатических зон Казахстана и особенности локализации палеолитических памятников, а также характер каменных индустрий позволяют выделить несколько крупных культурно-географических областей, в т.ч. горные районы Восточного Казахстана, где проходит граница между Южным и Рудным Алтаем. Южный Алтай состоит из системы субширотных хребтов, простирающихся с востока на запад, – Тарбагатай, Сарым-Сакты, Нарымский и разделяющих их межгорных понижений [Новиков, 2004].

Разработка палеолитической проблематики в регионе началась в 1948 г., когда Г.П. Сосновский обратил внимание на вымывание мамонтовой фауны на берегах р. Бухтармы [1948]. В 1950 г. на правом берегу Бухтармы была открыта стоянка Пещера с находками верхнепалеолитического облика [Черников, 1951]. Раскопочные работы 1952 и 1954 гг. подтвердили палеолитический возраст памятника [Гохман, 1957]. В 1952 г. на правом берегу р. Иртыш возле аула Канай были обнаружены каменные орудия, датированные средним и верхним палеолитом [Черников, 1956]. В 1955–1956 гг. были открыты местонахождения Усть-Нарым, Свинчатка, Больше-Нарымское и Мало-Нарымское. Материалы двух первых местонахождений были датированы верхним палеолитом, а двух других – разделены на верхнепалеолитический и более ранний, архаичный комплексы [Крылова, 1961]. После значительного перерыва, в 1989 г., на берегу р. Колгутты у с. Каратагай было обнаружено местонахождение Козыбай, датированное ранним палеолитом [Таймагамбетов, 1992]. На склоне высокой террасы были собраны изделия с двусторонней обработкой, рубящее орудие и отщепы. В 1998–2001 гг. в рамках работ совместной Российско-казахстанской экспедиции на восточном берегу Бухтарминского водохранилища от с. Большенарымское до с. Алтайка были обнаружены местонахождения Бухтарма-1–5, предва-

рительно датированные средним – началом верхнего палеолита [Деревянко и др., 2003].

В 2015 г. совместная экспедиция Института археологии и этнографии СО РАН и Национального музея Республики Казахстан возобновила работы на территории Южного Алтая. В западных предгорьях Нарымского хребта, на восточном берегу Бухтарминского водохранилища, в 9 км северо-западнее с. Курчум обнаружено местонахождение экспонированных артефактов Курчум. На участке с координатами N 48° 38' 54,3", E 83° 32' 53,2", на абсолютной высоте от 435 до 500 м выявлено два пункта локализации подъемного материала. Первый пункт расположен в небольшой подковообразной долине, обрамленной останцами красноцветных отложений. Дно долины поднято над современным уровнем водохранилища на высоту 70 м. Второй пункт расположен в 0,5 км восточнее первого, на относительно возвышенных склоновых поверхностях, вблизи выходов скальных пород. Наибольшая концентрация палеолитических изделий отмечена вдоль каменистого гребня у выходов сырья. Видимо, пункты Курчум-1, -2 относятся к единому местонахождению палеолитического материала, рассеянного на эродированной поверхности охристых и красноцветных плотных сухих глинистых отложений. Охристые отложения соответствуют, скорее всего, усть-убинской свите (N_2^3), верхняя граница которой датируется ок. 1,8 млн л.н., а подстилающие их красноцветы могут относиться к павлодарской ($N_1^3 - N_2^{3pv}$) или вторушкинской (N_2^{2-3vt}) свите плиоцена [Новиков, 2004].

В ходе рекогносцировочных разведочных работ в двух пунктах местонахождения отбирались, главным образом, типологически выраженные изделия.

Пункт Курчум-1. Всего в коллекции 23 экз., в т.ч. четыре нуклеуса, две пластины, восемь отщепов, три продольно-краевых технических скола и пять орудий. В составе нуклеусов – монофронтальное двуплощадочное ядрище встречного

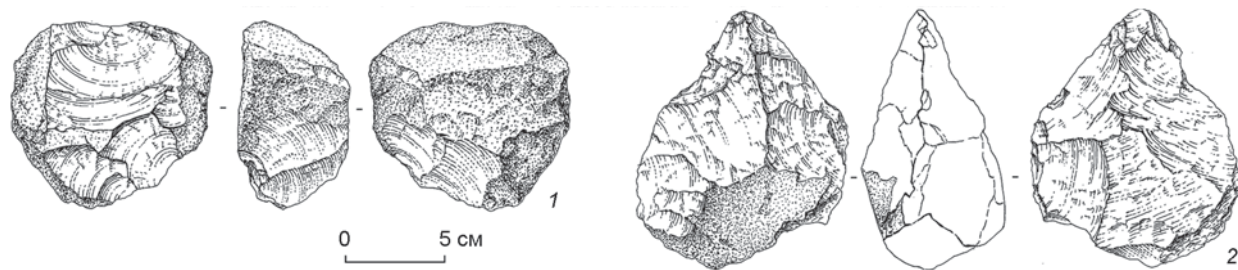

Рис. 1. Каменные артефакты. Местонахождение Курчум-1.
1 – нуклеус; 2 – рубило.

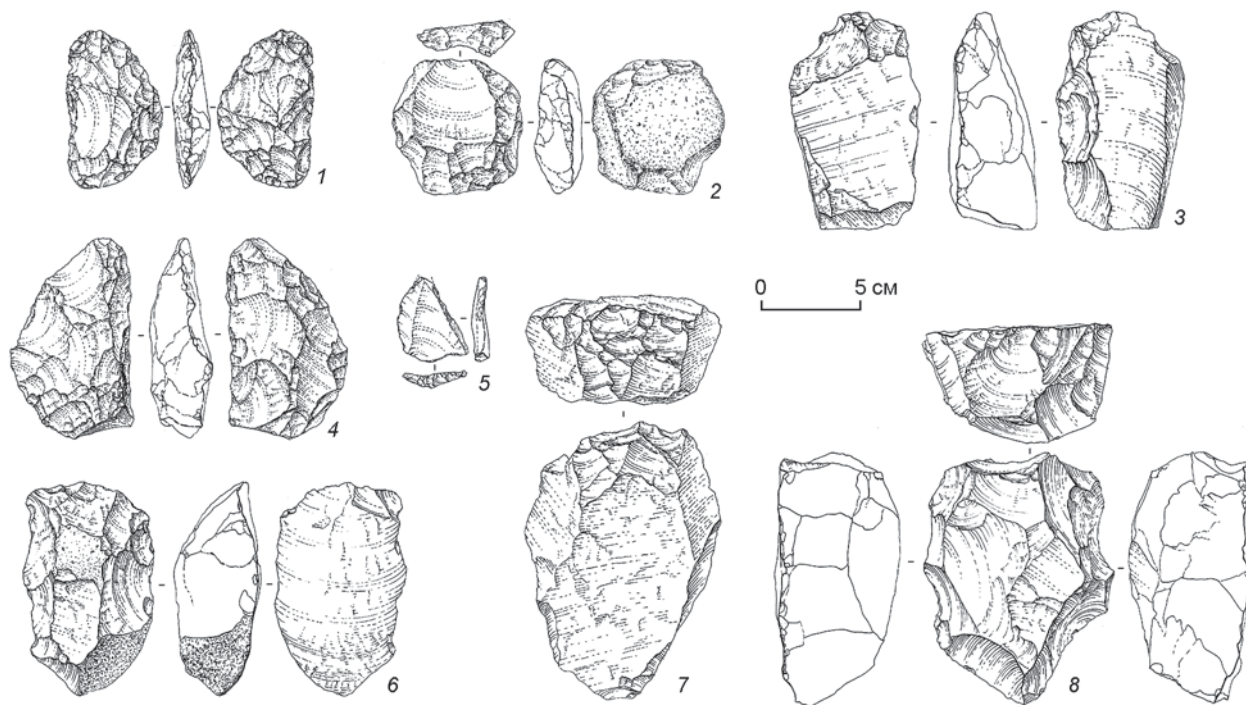

Рис. 2. Каменные артефакты. Местонахождение Курчум-2.

1, 4 – двусторонне обработанные изделия; 2, 7, 8 – нуклеусы; 3, 6 – скребловидные орудия; 5 – леваллуазский остроконечник.

скалывания (рис. 1, 1), бифронтальное двуплощадочное изделие с альтернативной ориентацией фронтов, поперечная монофронтальная одноплощадочная форма и торцовое ядрище для скалывания пластин. Среди орудий – сильно дефлированное кварцитовое рубило подтреугольной формы с массивным галечным основанием (рис. 1, 2) и четыре отщепы с ретушью.

Пункт Курчум-2. Всего собрано 186 экз., в т.ч. 20 нуклеусов, 8 нуклевидных обломков, 5 пластин, 97 отщепов, 24 технических скола (продольно-краевые, скол подправки ударной площадки, полуреберчатая и реберчатая пластины) и 32 орудия. Большинство нуклеусов (11 экз.) представлено монофронтальными ядрищами с неподготовленной ударной площадкой для скалывания коротких отщепов. Четыре изделия имеют удлиненную форму, подготовленные ударные площадки и конвергентные латерали, оформленные поперечной подтеской (рис. 2, 8). Кроме того, в коллекции присутствуют леваллуазский (рис. 2, 2), радиальный и подконусовидный нуклеусы для отщепов, а также торцовые (2 экз.) и ортогональные (2 экз.) ядрища.

В составе орудийного набора преобладают скребловидные изделия (9 экз.) с прямым или выпуклым продольным лезвием (рис. 2, 3, 6) и бифасиальные изделия (8 экз.) сегментовидной (рис. 2, 1, 4) или овальной формы, как правило

сильно дефлированные. Представлены также остроконечник леваллуа (рис. 2, 5), нуклевидный скребок (рис. 2, 7), унифасиальные изделия (3 экз.), шиповидные формы (2 экз.), комбинированное орудие, заготовки орудий (3 экз.) и отщепы с ретушью (4 экз.).

Судя по составу каменного инвентаря, местонахождение Курчум является, скорее всего, стоянкой-мастерской на выходах сырья. Для него характерны обилие отходов производства в виде немодифицированных отщепов или обломков и большое количество нуклевидных форм, выбракованных на ранних стадиях расщепления. Очевидно, что обе коллекции содержат разновременные материалы. Торцовые и продольные нуклеусы для пластин вместе с леваллуазскими формами представляют верхне- и среднепалеолитический компонент, а кварцитовое рубило и бифасиальные изделия с сильно дефлированной поверхностью относятся к более архаичной индустрии.

Список литературы

Гохман И.И. Палеолитическая стоянка «Пещера» на Бухтарме // КСИИМК. – Алма-Ата, 1957. – Вып. 67. – С. 54–58.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Славинский В.С. Каменный век Казахстана: Исследо-

вания Российско-казахстанской экспедиции в Казахстане (1998–2001). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 184 с.

Крылова А.А. Находки каменного века в Восточном Казахстане // Тр. ИИАЭ АН КазССР. – Алма-Ата, 1961. – Т. 12. – С. 87–91.

Новиков И.С. Морфотектоника Алтая. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 2004. – 313 с.

Сосновский Г.П. О поисках палеолита в Казахстане // Изв. АН КазССР. Сер. археологическая. – Алма-Ата, 1948. – Вып. 1. – С. 10–12.

Таймагамбетов Ж.К. Древнейшая стоянка древнего человека в Восточном Казахстане // Маргулановские чтения. – Петропавловск: Петропавловск. пед. ин-т, 1992. – С. 26–27.

Черников С.С. Находка палеолитических стоянок в Восточном Казахстане // Вестн. АН КазССР, 1951. – № 12. – С. 63–70.

Черников С.С. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции // КСИИМК. – Алма-Ата, 1956. – Вып. 64. – С. 43–55.

References

Chernikov S.S. Nahodka paleoliticheskikh stojanok v Vostochnom Kazahstane // Vestnik AN KazSSR, 1951. No. 12. Pp. 63–70. (In Russ.).

Chernikov S.S. O rabotah Vostochno-Kazahstanskoj ekspedicii // Kratkie soobshhenija o dokladah i polevyh issledovanijah IIMK AN SSSR. Alma-Ata, 1956. Vol. 64. Pp. 43–55. (In Russ.).

Derevianko A.P., Petrin V.T., Zenin A.N., Tajmagambetov Zh.K., Gladyshev S.A., Cybankov A.A., Slavinskij V.S. Kamennyj vek Kazahstana: Issledovanija Rossijsko-kazahstanskoj ekspedicii v Kazahstane (1998–2001). Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2003. 184 pp. (In Russ.).

Gohman I.I. Paleoliticheskaja stojanka «Peshhera» na Buhtarme // Kratkie soobshhenija o dokladah i polevyh issledovanijah IIMK AN SSSR. Alma-Ata, 1957. Vol. 67. Pp. 54–58. (In Russ.).

Krylova A.A. Nahodki kamennogo veka v Vostochnom Kazahstane // Trudy IIAE AN KazSSR. Alma-Ata, 1961. Vol. 12. Pp. 87–91. (In Russ.).

Novikov I.S. Morfotektonika Altaja. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, filial “Geo”, 2004. 313 pp. (In Russ.).

Sosnovskij G.P. O poiskah paleolita v Kazahstane // Izvestija AN KazSSR. Serija arheologicheskaja. Alma-Ata, 1948. Vol. 1. Pp. 10–12. (In Russ.).

Tajmagambetov Zh.K. Drevnejshaja stojanka drevnego cheloveka v Vostochnom Kazahstane // Margulanovskie chtenija. Petropavlovsk: Petropavlovsk. ped. in-t, 1992. Pp. 26–27. (In Russ.).

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В.В. Ахметов¹, С.В. Алкин²

¹Новосибирский государственный университет

²Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: alkin-s@yandex.ru

УКРЕПЛЕННОЕ ПОСЕЛЕНИЕ СИВАЧИ В СОСТАВЕ ШИЛКИНСКОЙ СИСТЕМЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДИЩ

Городище Сивачи (Sivachi) обнаружено в Сретенском р-не Забайкальского края в 2013 г. Это – горное укрепленное поселение на краю высокой террасы (ок. 60 м). Система фортификации представлена рвом П-образного типа, который защищает пространство с жилыми и хозяйственными сооружениями с трех сторон. С юга защищено естественным образом крутым обрывом. Сохранность памятника хорошая, однако северный участок фортификационных сооружений уничтожен пашней. На городище имеются 23 неглубокие западины от сооружений типа полуземлянок. Западины имеют подквадратно-овальную или подпрямоугольно-овальную в плане форму. Они организованы в четыре ряда, вытянутые по линии 3–В. В 2014 г. проведены раскопки западины № 1. В западине располагалась постройка полуземляночного типа. Размеры сооружения и найденные артефакты указывают на хозяйственные функции этого сооружения. Обнаружена керамика мохэской археологической культуры. Тип городища, конструкция постройки в углубленном котловане, аналогии с другими археологическими памятниками региона позволяют отнести городище Сивачи к Шилкинской системе городищ эпохи средневековья. Городище Сивачи, так же как и другие горные городища на р. Шилка, расположено на большой высоте. Среди остальных известных городищ оно самое небольшое по занимаемой площади и количеству западин (только 23), тогда как на других обследованных городищах их число колеблется от 41 до 100. На данный момент городище Сивачи – это первое городище Шилкинской системы, которое расположено на пути миграции групп мохэской археологической культуры вверх по течению р. Шилка от места ее впадения в р. Амур.

Ключевые слова: средневековье, Забайкалье, городище Сивачи, Шилкинская система городищ, мохэская археологическая культура.

V.V. Akhmetov¹, S.V. Alkin²

¹Novosibirsk State University

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: alkin-s@yandex.ru

SIVACHI THE FORTIFIED SETTLEMENT IN THE SHILKA SYSTEM OF MEDIEVAL HILLFORTS

Sivachi hillfort was found in the Sretensk district of Transbaikalia in 2013. It is the mountain fortified settlement situated in the marginal of high terrace (about 60 m). Fortification include the П-shaped ditch, which secured the space with living and household buildings on three sides. The cliff naturally secures the southern side. Preservation of the site is fine, but the north area destroyed by tillage. 23 fleet pits of half dugouts present in the hillfort. Pits are subsquare-oval and subrectangular-oval-plan form. They are organized the four rows, pointed along WE axis. We excavated the house pit No. 1 in 2014. There were the construction of half dugout-type. The size of construction and found artifacts indicate that building accomplished the household function. We found ceramics, associated with Mohe archaeological culture. The type of hillfort, building in the deep construction pit, analogies with other regional archaeological sites suppose that hillfort Sivachi related to the Shilka system of medieval hillforts. In the same way as for other mountain hillforts in the Shilka River, Sivachi the fortified settlement is perched. Sivachi is the smallest in area and numbers of house pits (only 23) among the other sites, while the other studied objects contained from 41 to 100 such pits. At this moment the Sivachi hillfort is the first hillfort of Shilka system, situated on the way of migrated groups of Mohe archaeological culture, which followed the Shilka River upward from its confluence with the Amur River.

Keywords: Middle Ages, Transbaikalia, Sivachi hillfort, Shilka hillfort system, Mohe archaeological culture.

Во время разведки в августе 2013 г. при рекогносцировочном осмотре берегов р. Шилка вниз по течению от с. Горбица в местности Верхняя Елань по правому борту левобережного притока Шилки р. Сивачи был обнаружен новый археологический памятник – городище Сивачи. Оно располагается в 6 км от устья р. Ларги вверх по течению р. Шилка.

Инструментальная съемка позволила выявить 23 западины (рис. 1). Площадь памятника составила ок. 2110 м². Городище расположено на краю террасы, которая кончается резким обрывом по направлению к реке. Западины находятся внутри пространства, отгороженного неглубокого профиля рвом. Ров сохранился только в восточной и западной части памятника, а северный его сегмент, вероятно, утрачен в процессе распашки. С юга (со стороны реки) защитное сооружение отсутствует. Остатки фортификации городища Сивачи отчетливо прослеживаются на спутниковых фотографиях данной местности.

С некоторой долей условности можно выделить четыре ряда сооружений, вытянутых по линии З–В: северный ряд – западины № 18, 19, 20, 21, далее ряд западин № 17, 16, 15, 14, 22, затем западины № 6, 5, 8, 9, 10 и ряд из западин № 4, 3, 2. Два последних ряда располагаются близко друг к другу. Западина № 7 находится на западной оконечности памятника между рядами. Отдельно также выделяется группа вытянутых по линии С–Ю западин (№ 11, 12, 13) на восточной оконечности памятника. Самая северная западина № 1 отстоит отдельно. То же можно сказать о западине № 23 у южной оконечности западного сегмента рва.

190

но-хронологической характеристики был заложен раскоп площадью 19 м² (4,4 × 4,3 м). Ввиду необходимости сохранения целостности предполагаемого археологического объекта раскоп был разбит таким образом, чтобы в него оказалась вписанной западина № 1 плюс часть пространства между западинами.

Западина № 1 занимает крайне южное положение в 2 м от обрыва террасы. Имеет подквадратную в плане форму. Размеры по линии С–Ю – 4,3 м, по линии З–В – ок. 4,2 м, глубина – ок. 0,5 м.

Культурный слой залегал на глубине 30–40 см от современной дневной поверхности. В процессе его разбора было установлено, что в западине располагалась постройка полуземляночного типа. Глубина котлована для постройки относительно невелика – ок. 20 см. Остатки несущей конструкции фиксировались лишь в виде отдельных очень плохо сохранившихся обугленных фрагментов плах. На полу в северо-западной части жилища обнаружены остатки сооружения в виде нар. В центре западины располагалось пятно мощного прокала, вокруг которого обнаружены камни со следами воздействия огня. Дно западины представляет собой скальную поверхность. По сути, западина впущена в грунт в зоне дезинтеграции скальной породы, где почвенные напластования, перекрывающие тело скалы, невелики. Каркас жилища, таким образом, был установлен в неглубоком котловане непосредственно на скальную поверхность. Находок в изученной западине немного. В основном это фрагменты керамики, обнаружены также несколько костей животных и каменные отщепы. Отдельно стоит отметить фрагменты сосуда мохэского типа и сопло от металлургической конструкции (рис. 2).

Относительно небольшие размеры постройки, наличие находок, связанных с производственной деятельностью, само расположение западины – все это говорит о том, что в данной западине, скорее всего, находилась хозяйственная постройка.

Конструкция сооружения и находки керамики мохэского типа позволяют сделать вывод о том, что укрепленное поселение Сивачи входит в состав Шилкинской системы городищ.

Городище Сивачи, также как и другие горные городища на р. Шилка, расположено высоко над рекой (относительно уреза воды – ок. 60 м). В настоящее время среди известных городищ этот памятник – самый

небольшой по занимаемой площади и количеству западин. На Сивачах всего 23 западины, тогда как на других обследованных городищах их число колеблется от 41 до 100. Характер использованной фортификации наиболее близок к изученным ранее Чудейскому и Усть-Чёрнинскому горным городищам, которые расположены выше по течению р. Шилка. Это система из рвов и валов П-образной конфигурации, открытая к крутому склону, обращенному к пойме реки [Харченков, 2010].

Городище Сивачи расположено таким образом, что с него открывается вид на урочище Рокинда – широкую пойменную террасу противоположного берега р. Шилка. Именно там, согласно данным экспедиции 1954 г. (со слов местных жителей), находится еще одно городище [Окладников, Ларичев, 1999, с. 14]. Однако на данный момент обнаружить его не удастся. Кроме того, в 6 км выше по течению начинается широкая пойма, привлекательная с точки зрения ведения сельского хозяйства. Здесь как раз расположено современное с. Горбица, а по данным А.Н. Банщикова, в этом районе был «Горбиченский городок» [З.Н., 1915, с. 90]. С места расположения городища Сивачи контролируется поворот р. Шилка на широкую пойму в районе с. Горбица, а также пойма в урочище Рокинда. Вероятно, в том числе с целью контроля и наблюдения за важным участком реки данное городище и было сооружено.

Найденный при раскопках материал, само местоположение, наличие укреплений позволяют включать городище Сивачи в Шилкинскую систему городищ и относить его к рубежу I и II тыс. – времени проникновения мохэских племен на территорию Юго-Восточного Забайкалья. На данный

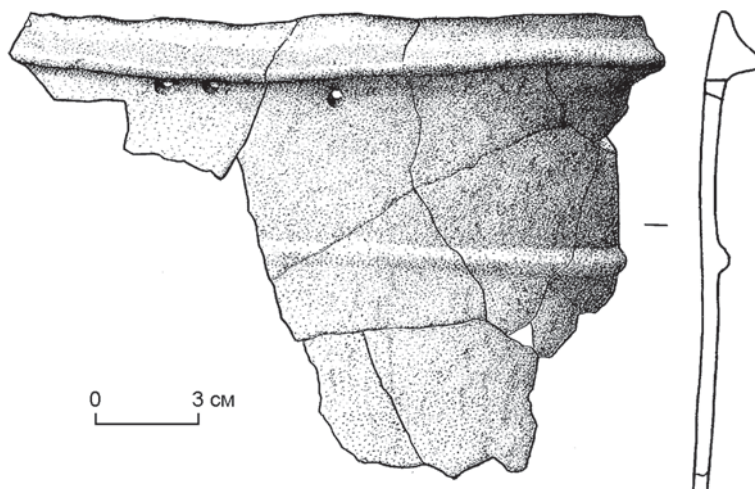

Рис. 2. Сивачи. Западина № 1. Керамика.

момент городище Сивачи – это первое городище Шилкинской системы, которое обнаружено по мере продвижения вверх по течению р. Шилка от места ее впадения в р. Амур. Для установления точной датировки и роли городища Сивачи в мохэской миграции требуется дальнейшее его изучение, равно как и продолжение разведывательных работ в районе с. Горбица и в урочище Рокинда.

Список литературы

Алкин С.В. Миграция мохэ на р. Шилка в Забайкалье: к проблеме ранних контактов прототунгусов и протомонголов // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы III Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 5–9 сент. 2012 г.). – Вып. 3.2. – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – С. 499–504.

З.Н. Древние «городки» // Вестник Азии. – № 35-36. – Харбин, 1915. – С. 89–91.

Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 году // Традиционная культура Востока Азии. – Вып. 2. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 1999. – С. 4–29.

Харченко А.В. Особенности фортификации Шилкинской системы городищ // Евразийское культурное пространство: Археология, этнология, антропология: Материалы докл. V (L) РАЭСК. – Иркутск, 2010. – С. 349–351.

References

Alkin S.V. Migratsiya mokhe na r. Shilka v Zabaykal'ye: k probleme rannikh kontaktov prototungusov i protomongolov // Drevnie kultury Mongolii i Baykalskoy Sibiri: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (Ulan-Bator, 5–9 sent. 2012 g.). Iss. 3.2. Ulan-Bator: Izd-vo Mong. gos. un-ta, 2012. Pp. 499–504. (In Russ.).

Kharchenkov A.V. Osobennosti fortifikatsii Shilkinskoy sistemy gorodishch // Evraziyskoe kul'turnoe prostranstvo: Arkheologiya, etnologiya, antropologiya: Materialy dokl. V (L) RAESK. Irkutsk, 2010. Pp. 349–351. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Larichev V.E. Arkheologicheskie issledovaniya v bassejne Amura v 1954 godu // Traditsionnaya kultura Vostoka Azii. Iss. 2. Blagoveshchensk: Izd-vo AmGU, 1999. Pp. 4–29. (In Russ.).

Z.N. Drevnie «gorodki» // Vestnik Azii. No. 35-36. Harbin, 1915. Pp. 89–91. (In Russ.).

В.В. Бобров^{1, 2}, Н.Н. Моор²¹Институт археологии и этнографии СО РАН²Кемеровский государственный университет

E-mail: archaeology@kemsu.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА ЛОЖКА-6 В 2015 ГОДУ*

В работе приведены результаты археологических исследований на памятнике Ложка-6 в Венгеровском р-не Новосибирской обл. в 2015 г. Работы на памятнике Ложка-6 ведутся с 2010 г. В результате выявлен керамический комплекс, на основании которого можно уверенно датировать данный памятник эпохой поздней бронзы. Авторами были выделены две группы сосудов. В работе представлены результаты анализа керамического комплекса памятника Ложка-6, определены мотивы и их сочетания для различных зон сосудов по их группам. Группа А характеризуется наличием четкой горизонтальной зональности орнаментальной композиции, монотонными орнаментальными поясами, использованием различных техник нанесения орнамента. Преобладающая техника нанесения орнамента – гребенчатый и гладкий штампы. Для керамических сосудов группы Б характерно отсутствие таких поясов, использование в декоре геометрических фигур – меандров, ромбов, выполненных гребенчатым штампом. Эти группы сосудов типичны для поселенческих комплексов андроновидных культур лесостепной зоны Западной Сибири. Количество фрагментов сосудов группы А существенно превышает число фрагментов сосудов группы Б. Каменный инвентарь представлен фрагментом литейной формы, терочником, скребком. В 2015 г. на памятнике продолжено исследование юго-западной части жилища. В заполнении жилища обнаружен развал сосуда. Керамика из заполнения жилища и из внежилищного пространства принадлежит одной культуре. Анализ керамического комплекса памятника Ложка-6 подтверждает принадлежность поселения к пахомовской культуре и позволяет решать проблемы восточного варианта пахомовской культуры, выделенной по погребальным комплексам Барабы.

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, пахомовская культура, постандроновские культуры, Барабинский район, поселение, орнамент.

V.V. Bobrov^{1, 2}, N.N. Moor²¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS²Kemerovo State University

E-mail: archaeology@kemsu.ru

RESEARCH RESULTS OF THE LOZHKA-6 SITE IN 2015

We present here the results of archaeological investigation at the Lozhka-6 site in Vengerovo district of the Novosibirsk region in 2015. The site is investigated since 2010. As a result, we accumulated a ceramic complex, which permit to date the site to the Late Bronze Age with decision. The authors identified two groups of vessels. The article presents the results of the analyzed ceramic complex from the Lozhka-6 site. We deduce the motifs and their combinations for the different vessel zones according to the groups of vessels. Group A is characterized by a clear horizontal zoning of ornamental composition, monotone ornamental fesses, using of various techniques in ornamenting. The predominant technique of ornamenting is comb and glib stamp. Group B is characterized by the absence of such fesses, the use of geometric shapes in the decoration – meanders, rhombs made by comb stamp. Such groups of vessels, according to the technique of ornamentation and cross-frequency of types, characterize the settlement complexes of Andronovo-like culture in the forest-steppe zone of Western Siberia. The number of ceramic fragments from the group A goes beyond the number of fragments from the group B. Lithic assemblage includes the fragment of mould, a pestle, an end-scraper. We continued to study the southwestern part of dwelling in 2015. We found the felt apart vessels in the filling of dwelling. Ceramics from the filling and outside of dwelling associates with single culture. Analysis of epy ceramic complex from the Lozhka-6 site supports the attribution of settlements to Pakhomovo culture and permits to solve the problems of eastern variant of Pakhomovo culture, which was isolated in the Baraba burial complexes.

Keywords: Late Bronze Age, Pakhomovo culture, post-Andronovo cultures, Baraba district, settlement, ornament.

*Работа выполнена в рамках государственного задания № 33.1175.2014/К.

Памятник Ложка-6 расположен в Венгеровском р-не Новосибирской обл., недалеко от с. Венгерово, на берегу оз. Большая Ложка. В 2008 г. памятник был открыт В.В. Бобровым и исследовался на протяжении 2010–2014 гг. [Бобров, Моор, 2011, 2014]. В 2015 г. Кузбасской археологической экспедицией под руководством В.В. Боброва продолжено исследование данного памятника. Вскрыто 98 м² площади памятника. Обнаружены фрагменты керамической посуды (949 экз.), обожженной глины (322 экз.), песчаника (2 экз.), охры (5 экз.). Каменный инвентарь представлен терочником, скребком и фрагментом литейной формы. Помимо этого особую категорию составили малоинформативные находки – фрагменты керамических сосудов (2243 экз.), обожженной глины (1123 экз.), костей животных (5538 экз.).

Керамика эпохи поздней бронзы в материалах поселения Ложка-6 представлена плоскодонными горшками и банками. Мы выделяем две группы этой керамики. На уровне предварительной культурно-хронологической атрибуции памятника отобрано 497 наиболее информативных фрагментов керамической посуды.

Группа А представлена 476 фрагментами (см. рисунок, 1–4). В нанесении орнамента наблюдается четкая горизонтальная зональность, традиционная для керамики поселений эпохи поздней бронзы. Техника нанесения, мотивы и их взаимосочетаемость отличаются большим разнообра-

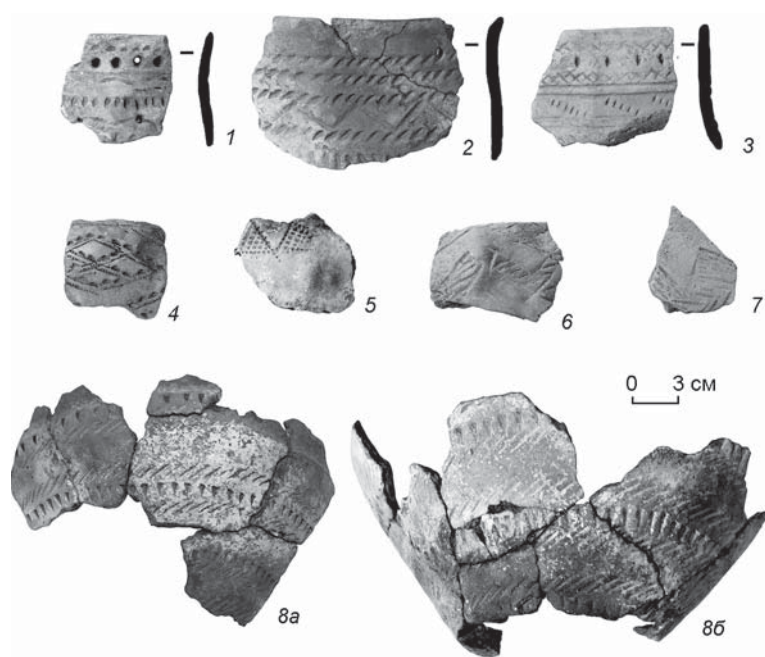
ем. Преобладающая техника нанесения орнамента – гребенчатый и гладкий штампы.

Всего анализу было подвергнуто 78 орнаментированных фрагментов венчиков. В декоре венчиков выделено 13 мотивов. Наклонные оттиски гребенчатого штампа встречаются на 33,3 % фрагментов, ямками украшено 26,3 %, зигзагом – 23, наклонными оттисками гладкого штампа – 16,6, сеткой, выполненной оттисками гладкого штампа, – 11,5, вертикальными оттисками гребенчатого штампа – 10,2, елочкой из оттисков гребенчатого штампа – 8,9, треугольными вдавлениями – 8,9, вертикальными оттисками гладкого штампа – 7,6, гладким штампом каплевидной формы – 7,6, елочкой из оттисков гладкого штампа – 5,1, зубчатым штампом каплевидной формы – 2,25, горизонтальными рядами оттисков гребенчатого штампа – 1,2 % фрагментов венчиков.

Наиболее распространенными сочетаниями мотивов в зоне венчика являются ямки в комбинации с наклонными оттисками гребенчатого (9,9 %) и гладкого штампа (6,4 %), а также с елочкой из оттисков гребенчатого штампа (5,1 %); сетка, выполненная оттисками гладкого штампа, с каплевидными вдавлениями (5,1 %). Значительно реже встречаются каплевидные вдавления в сочетании с наклонными оттисками гладкого или гребенчатого штампа; сетка, выполненная оттисками гладкого штампа, – с наклонным рядом оттисков гребенчатого штампа; вертикальные

оттиски гладкого штампа – с ямочками. Зигзаг обнаружен в сочетании с наклонными оттисками гладкого или гребенчатого штампа, с елочкой из оттисков гладкого штампа. Другие сочетания мотивов единичны. Для выделения зоны венчика зафиксированы следующие разделители: каннелюры (7,6 % фрагментов), валики (3,8 %).

Для анализа тулова отобрано 376 фрагментов керамической посуды. В зоне тулова выделен 21 элемент декора: наклонные оттиски гребенчатого штампа (24,7 %); наклонные оттиски гладкого штампа (20 %); вертикальные оттиски гребенчатого штампа (15,1 %); вертикальные оттиски гладкого штампа (9,8 %); сетка, выполненная оттисками гладкого штампа (3,1 %); сетка, выполненная оттисками гребенчатого штампа (3,4 %); горизонтальные линии, обр-

Керамика эпохи поздней бронзы с поселения Ложка-6.

1–4 – фрагменты керамической посуды группы А; 5–7 – фрагменты керамической посуды группы Б; 8 – керамический сосуд группы А.

(4,5 %); елочка, выполненная оттисками гладкого штампа (3,9 %); елочка, выполненная оттисками гребенчатого штампа (10 %); сквозные ямки (2,9 %); гладкий штамп каплевидной формы (4,5 %); гребенчатый штамп каплевидной формы (2,6 %); ямки (13,8 %); зигзаг, выполненный гладким штампом (2,1 %); наколы (1,8 %); зашпы (0,2 %); растительный орнамент (0,2 %); треугольные вдавления, выполненные гребенчатым штампом (2,9 %); треугольные вдавления, выполненные гладким штампом (1,3 %); прочерченные линии (0,7 %); диагональные оттиски гладкого штампа (0,2 %).

Сочетания мотивов декора отличаются большим разнообразием. Чаще всего на фрагментах керамической посуды обнаруживаются такие сочетания элементов декора, как ямки и наклонные оттиски гребенчатого штампа (6,3 %); наклонные и вертикальные ряды оттисков гребенчатого штампа (3,1 %); ямки и елочка, выполненная оттисками гребенчатого штампа (2,9 %). Реже встречаются следующие сочетания: 1) наклонные ряды оттисков гладкого штампа в сочетании с ямками, сквозными отверстиями, каплевидными вдавлениями, выполненными гладким штампом, наклонными рядами гладкого или гребенчатого штампа, елочкой, выполненной оттисками гладкого штампа, вертикальными оттисками гладкого штампа; 2) вертикальные оттиски гладкого штампа в сочетании с сеткой, выполненной гладким штампом, елочкой из оттисков гладкого штампа, косыми рядами оттисков гребенчатого штампа, сеткой, выполненной оттисками гребенчатого штампа, наколами; 3) вертикальные оттиски гребенчатого штампа в сочетании с елочкой, выполненной оттисками гребенчатого штампа, наклонными рядами оттисков гладкого штампа; 4) сетка, выполненная гребенчатым штампом, в сочетании с ямками, треугольными вдавлениями, выполненными гребенчатым штампом, наклонными рядами гребенчатого штампа, елочкой из оттисков гладкого или гребенчатого штампа, каплевидными вдавлениями, выполненными гладким штампом; 5) сетка, выполненная оттисками гладкого штампа, в сочетании с каплевидными вдавлениями, выполненными гладким штампом, ямками; 6) зигзаг в сочетании с наклонными рядами гребенчатого штампа, елочкой из оттисков гребенчатого штампа; 7) наклонные ряды гребенчатого штампа в сочетании с треугольными вдавлениями, выполненными гребенчатым штампом, елочкой из оттисков гладкого штампа. В качестве разделителей орнаментальных полей зафиксированы каннелюры (4,5 %) и валики (0,5 %).

Всего обнаружено 22 фрагмента донной и придонной частей посуды, восемь из них не имеют декора. В придонной части выявлены 8 мотивов декора: вертикальные оттиски гребенчатого штампа (28 %); наклонные оттиски гребенчатого штампа (28,5 %); вертикальные оттиски гладкого штампа (21 %); ямки (7,1 %); елочка из оттисков гребенчатого штампа (7,1 %); вдавления подтреугольной формы (7,1 %); диагональные оттиски гладкого штампа (7,1 %); наклонные оттиски гладкого штампа (7,1 %). На фрагменте дна одного сосуда зафиксировано сквозное отверстие.

В слое памятника Ложка-6 обнаружен развал плоскодонного сосуда горшковидной формы. Зона тулова украшена чередующимися поясами наклонных и вертикальных оттисков гладкого штампа, придонная часть орнаментирована наклонными рядами оттисков гладкого штампа (см. рисунок, 8).

Фрагменты посуды группы Б представлены 21 фрагментом (18 – от тулова, 4 – от венчиков). Техника нанесения орнамента – оттиски гребенчатого штампа. В декоре тулова выявлены следующие элементы: меандры, ромбы (61 %) и заштрихованные треугольники (39 %). Зона венчика украшена заштрихованными треугольниками в сочетании с треугольными орнаментами (см. рисунок, 5–7). Фрагменты донной и придонной частей посуды группы Б не выявлены.

Из барабинских памятников эпохи поздней бронзы по форме и орнаментации наиболее близка к посуде с исследуемого памятника керамика поселений и могильников Старый Сад и Гришкина Заимка [Молодин, Нескоров, 1992], Лихачевский, Черноозерье II [Генинг, Стефанов, 1991], Пахомовская Пристань I [Евдокимов, Корочкова, 1991] и др.

Продолжено исследование юго-западной части жилища. Исследованная площадь котлована в текущем году составила 68,5 м². Форма котлована неправильная. Керамика из заполнения жилища и из внежилищного пространства принадлежит одной культуре.

Приведенный анализ керамического комплекса подтверждает принадлежность поселения Ложка-6 к пахомовской культуре, как по орнаментальной традиции, так и по количественному соотношению групп керамической посуды. Накопленный материал позволяет решать проблему восточного варианта пахомовской культуры, выделенной по погребальным комплексам Барабы [Молодин, Мыльникова, Гаркуша, Селин, 2015].

Список литературы

Бобров В.В., Моор Н.Н. Результаты археологических исследований на памятнике Ложка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XVII. – Новосибирск, 2011. – С. 139–143.

Бобров В.В., Моор Н.Н. Материалы полевых исследований поселения эпохи поздней бронзы Ложка-6 в 2014 году (Барабинская лесостепь) // Материалы науч. сессии ИЭЧ СО РАН 2014 г. – Кемерово, 2014. – Вып. 6. – С. 127–129.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Могильники андроновидной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск, 1991. – С. 52–60.

Евдокимов В.В., Корочкова О.Н. Поселение Пахомовская Пристань I // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. – Тюмень, 1991. – С. 50–63.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Гаркуша Ю.Н., Селин Д.В. Погребальные комплексы эпохи поздней бронзы восточного варианта пахомовской культуры (памятник Гришкина Заимка, Бараба) // ИАЭАЕ. – 2015. – Т. 43, № 1. – С. 47–60.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения Западно-Сибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения 1990 г. – М.: ИА АН РК, 1992. – Ч. 1. – С. 93–97, 244–246.

References

Bobrov V.V., Moor N.N. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy na pamyatnike Lozhka-6 // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Vol. XVII. Novosibirsk, 2011. Pp. 139–143. (In Russ.).

Bobrov V.V., Moor N.N. Materialy polevykh issledovaniy poseleniya epokhi pozdney bronzy Lozhka-6 v 2014 godu (Barabinskaya lesostep') // Materialy nauchnoy sessii IECh SO RAN 2014 g. Kemerovo, 2014. Iss. 6. Pp. 127–129. (In Russ.).

Evdokimov V.V., Korochkova O.N. Poselenie Pakhomovskaya Pristan' I // Istochniki etnokul'turnoy istorii Zapadnoy Sibiri. Tyumen', 1991. Pp. 50–63. (In Russ.).

Gening V.F., Stefanov V.I. Mogil'niki andronoidnoy kul'turnoy obshchnosti Ishimskoy lesostepi // Drevnie pogrebeniya Ob'-Irtysh'ya. Omsk, 1991. Pp. 52–60. (In Russ.).

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Garkusha Yu.N., Selin D.V. Pogrebal'nye komplekсы epokhi pozdney bronzy vostochnogo varianta pakhomovskoy kul'tury (pamyatnik Grishkina Zaimka, Baraba) // IAEAE. 2015. Vol. 43, No. 1. Pp. 47–60. (In Russ.).

Molodin V.I., Neskrov A.V. O svyazyakh naseleniya Zapadno-Sibirskoy lesostepi i Kazakhstana v epokhu pozdney bronzy // Margulanovskie chteniya 1990 g. M.: IA AN RK, 1992. Part 1. P. 93–97, 244–246. (In Russ.).

Л.А. Бобров¹, А.К. Кушкумбаев², Ю.А. Филиппович³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Евразийский национальный университет, Астана, Республика Казахстан

³Новосибирский государственный университет

E-mail: spsml@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОНСТРУКЦИИ И БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ КОЛЬЧАТЫХ ПАНЦИРЕЙ XVI-XVIII ВЕКОВ

(результаты эксперимента в контексте
междисциплинарных исследований)*

Важным направлением современных археологических исследований является изучение особенностей боевого применения защитного вооружения кочевников Центральной Азии, а также технологий производства доспехов у кочевников и их оседлых соседей. Решение подобных вопросов возможно в рамках профильных междисциплинарных исследований, в том числе основанных на методе предметной научно-исторической реконструкции. В статье проанализирован оригинальный кольчатый панцирь из Акмолинского областного историко-краеведческого музея (АОИКМ, г. Кокшетау, Республика Казахстан). Он сплетен из клепаных и сварных железных колец и скроен в виде «рубашки» с отложным воротником, короткими рукавами, очень глубоким вертикальным нагрудным разрезом с подполком и с парными разрезами на удлиненном подоле. Изучение особенностей конструкции и системы оформления панциря позволило предположить, что он был изготовлен мастерами Средней или Центральной Азии XVI-XVIII вв. На примере доспеха из АОИКМ, а также его предметной научно-исторической реконструкции были изучены технология производства сварных колец, а также некоторые особенности боевого применения центрально-азиатских кольчатых доспехов. Так, в частности, установлено, что граненая поверхность колец объясняется их доработкой (проковкой) после сварки. Осмотр панциря, а также экспериментальные испытания его предметной реконструкции показали высокую эффективность доспеха в качестве защиты от рубящих ударов и стрел, но уязвимость кольчужного полотна перед колющим копеечным ударом.

Ключевые слова: Центральная Азия, защитное вооружение, кольчуги, изготовление сварных колец.

L.A. Bobrov¹, A.K. Kushkumbayev², Yu.A. Filippovich³

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

³Novosibirsk State University

E-mail: spsml@mail.ru

ABOUT SOME DESIGN FEATURES AND COMBAT USE OF THE CENTRAL ASIAN RINGED CARAPACE IN THE 16th-18th CENTURIES (experimental results in the context of interdisciplinary research)

An important direction of the modern archaeological research is to study the features of the combat use of the protective arms of the nomads of Central Asia, as well as the technology of “defensive armor” production of nomads and their sedentary neighbors. Solution of these problems is possible within the profile of interdisciplinary research based, inter

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

alia, on the method of objective scientific and historical reconstruction. The article analyzes the original ringed armor of the Akmola regional historical museum (ARHM, Kokshetau, Kazakhstan). It is woven of riveted and welded iron rings, and tailored as a "shirt" with a collar, short sleeves, very deep vertical cut breastplate with soldering, and with paired slits on the elongated hem. The study of the design features and the design of the shell suggest that the armour was made by masters of Central Asia in the period between the 16th–18th centuries. Having studied the example of the ARHM armor, and also its scientific and objective historical reconstruction we have also studied the technology of production of welded rings, as well as some features of the combat use of the Central Asian ringed armor. Thus, in particular, it is found that the faceted surface of the rings is due to their finalization (forging) after welding. Examination of the shell, as well as experimental testing of its substantive reconstruction, have shown the high efficiency of the armor as protection against strikes and arrows, as well as the vulnerability of the chain-mail fabric against thrusting spear blow.

Keywords: Central Asia, armature, chain mail, production of welded rings.

В последние десятилетия все более широкое признание в научной среде получает междисциплинарный метод научно-исторических реконструкций. Особое значение он приобретает в археологических и оружейведческих исследованиях, посвященных военному делу древних и средневековых народов в целом и военному искусству кочевников Центральной Азии в частности. Выполненные из аутентичных материалов с применением соответствующих производственных технологий реконструированные предметы вооружения становятся объектом различных научных экспериментов, позволяющих уточнить многие спорные вопросы, касающиеся особенностей изготовления и боевого применения традиционных типов доспехов, а также оружия дистанционного и ближнего боя.

Целью настоящей работы является изучение некоторых функциональных свойств кольчатых панцирей центрально-азиатского производства, сплетенных из клепаных и сварных колец. В качестве образца выбран ранее не публиковавшийся доспех из фондов Акмолинского областного историко-краеведческого музея (АОИМК, г. Кокшетау, Республика Казахстан). Рассматриваемый образец отличается хорошей сохранностью, а небольшие разрывы кольчужного полотна не влияют на общую целостность доспеха. Судя по характеру этих повреждений, их появление связано с действием оружия противника, что является важным обстоятельством, позволяющим оценить эффективность кольчатых панцирей как защитного средства, предназначенного для сохранения жизни и здоровья их носителей. Авторы выражают благодарность и искреннюю признательность сотрудникам АОИМК: заместителю директора музея А.С. Кунанбаевой, главному хранителю Г.М. Изановой, научному сотруднику Д.Т. Жакуповой – за возможность ознакомиться с материалами музейных фондов.

Рассматриваемый панцирь скроен в виде «рубахи» с короткими рукавами и подолом, отложным воротником, нагрудным разрезом с подполком, а также двумя вертикальными подольными раз-

резами (см. рисунок). Общая длина панциря – 86,0 см. Ширина (по рукавам) – 113,0 см, в груди – 69,0 см, в талии – 50,0 см, в подоле – 64,0 см. Оригинальными элементами оформления кольчатого доспеха являются очень глубокий (40,0 см) нагрудный разрез с подполком, а также отложной воротник (длина – 22,0 см, ширина – 8,0 см) с подтреугольным вырезом со стороны позвоночника. Передняя часть подола панциря дополнена вертикальным разрезом глубиной 27,0 см. Крестцовый разрез имеет в глубину 21,0 см. Панцирь снабжен короткими рукавами, концы которых срезаны под углом. Длина правого рукава – 23,0 см при ширине 20,0 см. Длина левого рукава – 23,4 см при ширине 21,0 см. Панцирь сплетен из округлых в сечении клепаных и сварных железных колец различного диаметра (при сборке использовано «одинарное» плетение – каждое кольцо соединено с четырьмя соседними). Нагрудная часть доспеха изготовлена из колец диаметром 1,1–1,2 см, подол – 1,0 см, рукава – 0,8–0,9 см. Клепаные кольца соединены как с помощью железного «гвоздя» («кольчужное» плетение), так и при помощи «шипа» («пансырное» плетение), что позволяет отнести рассматриваемый образец к категории комбинированных «кольчужно-пансырных» доспехов.

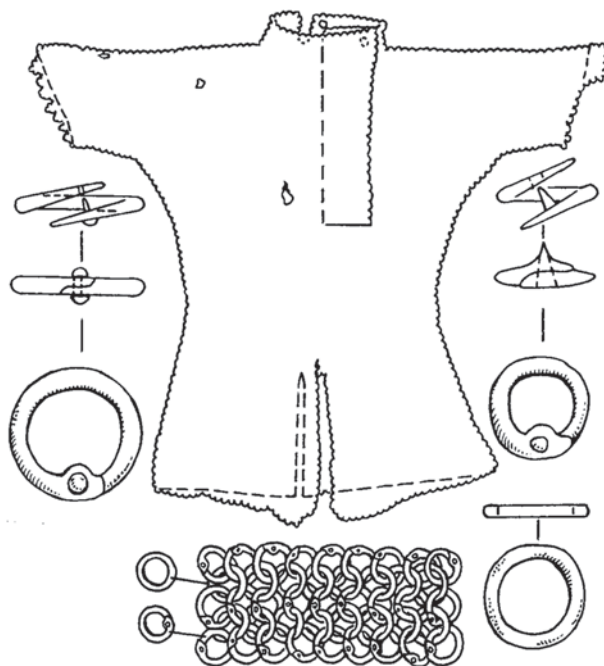
Точный аналог кольчатого панциря подобного типа в настоящее время не установлен. Однако по отдельности все основные элементы его конструкции и системы оформления прослеживаются на азиатских материалах позднего средневековья и раннего Нового времени. Так, например, небольшой размер колец (менее 1 см в диаметре) характерен для центрально- и среднеазиатских кольчуг XVI–XVIII вв. Некоторые джунгарские панцири совмещают в себе как «кольчужные», так и «пансырные» кольца и имеют подтреугольный «хребтовый» вырез на верхней части наспинника [Филиппович, Бобров, 2013]. Встречаются среди материалов серии кольчуги и «пансыри» с отложным воротником. Интересно при этом, что все три кольчатых панциря с отложным воротником, хранящиеся в фондах ЦГМРК (№ 2091, КП № 10 058,

№ 2024), были найдены в пределах относительно небольшого района на территории современного г. Алматы [Ахметжан, 2009, с. 27]. Наиболее близкий по покрою и размерам колец «пансырь» № 10 058 отличается от рассматриваемого образца более коротким нагрудным разрезом. По совокупности признаков панцирь из АОИМК может быть соотнесен с изделиями оружейников Средней или Центральной Азии и датирован XVI–XVIII вв.

Важным направлением изучения рассматриваемого доспеха является его анализ в контексте междисциплинарных исследований. Так, в частности, была изготовлена копия панциря с элементами реконструкции. При этом были учтены качество металла, диаметр проволоки, конструкция и оформление колец, система их соединения между собой и т.д. Реконструированные элементы представлены отдельными кольцами, а также небольшими фрагментами кольчатого полотна, поврежденного (или утерянного) на подлинном образце доспеха. Выполненная реконструкция стала объектом различных научных экспериментов, целью которых было изучить особенности изготовления и боевого применения панцирей подобного типа. Детальному описанию экспериментальных испытаний будет посвящена специальная работа. В настоящей статье приведем их основные результаты, связанные с реконструкцией технологического процесса изготовления сварных колец, а также особенностей боевого применения панциря подобного типа.

Особенностью оформления сварных колец является наличие граней на лицевой поверхности. Выделяются сварные кольца с одной и 5–8 гранями, причем многогранные кольца численно преобладают. Проведенные экспериментальные испытания позволяют объяснить происхождение этих граней результатом доработки (проковки) после сварки. В нашем случае метод кузнечной сварки легко выявляется, так как присутствует несколько десятков колец, на которых отчетливо видно характерное расслоение металла в месте соединения. Многие кольца имеют продольные косые трещины, указывающие место сварочного шва, а некоторые даже слегка либо полностью разомкнуты в этом месте.

При росте воина 155–175 см панцирь прикрывал его плечи и корпус до середины бедра или ниже, а руки – до локтя (при этом вытянутые остроугольные концы рукавов защищали локоть). Нагрудный, хребтовый и подольные разрезы служили для облегчения надевания панциря, а подольные еще и обеспечивали более комфортное пребывание всадника в седле. Благодаря подобному покрою панцирь надевался воином без посторонней

Кольчатый панцирь из собрания АОИМК.

помощи. Нагрудный разрез стягивался и фиксировался кожаным ремешком или крючками, при этом правая пола накрывала левую, образуя двойной слой брони (см. рисунок). Под кольчужой, вероятно, носился халат или стеганный поддоспешник. В кольца отложного воротника могли вставляться кожаные ремешки, которые обеспечивали воротнику вертикальное положение. Подобный жесткий стоячий воротник защищал горло воина от рубяще-режущих сабельных ударов.

На нагрудной поверхности панциря имеется разрушение кольчужного полотна в виде «пробоины» и утери сегмента плетения. При этом кольца вокруг «пробоины» не имеют характерных механических повреждений (отсутствуют погнутости в одной или нескольких плоскостях, а также глубокие рубленые насечки на поверхности). Это позволяет предположить, что повреждения кольчужного полотна не были связаны с действием рубяще-режущего и ударно-рубящего оружия: сабли, палаша, топора и пр. Наиболее вероятно, что «пробоина» была сделана ружейной пулей или узким пером бронебойной пики. Часть колец панциря имеет заметные вмятины, а некоторые и вовсе согнуты пополам и надрублены. Такие повреждения характерны для кольчужных доспехов, испытывавших воздействие со стороны наконечников стрел, имеющих рабочую часть в диапазоне от 0,4 до 1,0 см. Примечательно, что ни одна стрела так и не смогла пробить кольчужное полотно. Экспериментальные испытания предметной реконструкции панциря подтвердили результаты, полученные в ходе изуче-

ния оригинального доспеха. Панцирь подобной конструкции весьма хорошо держит рубящий удар сабли или палаша, а также стрел с небронебойными наконечниками. Главную опасность для кольчатой брони представляет мощный колющий удар пики с узким граненым пером.

Таким образом, комплексный анализ источников позволил соотнести рассматриваемый кольчатый панцирь из АОИМК с изделиями оружейников Средней или Центральной Азии XVI–XVIII вв. Установлено, что граненая поверхность сварных колец объясняется их доработкой (проковкой) после сварки. Результаты экспериментальных испытаний подтвердили эффективность кольчатых панцирей в качестве защиты от стрел и сабельных ударов, но зафиксировали их уязвимость от ружейных пуль, а также колющих ударов пики с узким граненым наконечником.

Список литературы

Ахметжан К.С. Кольчужные доспехи казахов из коллекции ЦГМ РК // Труды Центрального музея. – Алматы: Балалар едебиеті, 2009. – С. 20–32.

Филиппович Ю.А., Бобров Л.А. Кольчужный «жилет» из Горного Алтая // Военное дело средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск.: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 106–113.

References

Akhmetzhan K.S. Kol'chuzhnye dospekhi kazakhov iz kollektsii TsGM RK // Trudy Tsentral'nogo muzeya. Almaty: Balalar edebieti, 2009. Pp. 20–32. (In Russ.).

Filippovich Yu.A., Bobrov L.A. Kol'chuzhnyi «zhilet» iz Gornogo Altaya // Voennoe delo srednevekovykh narodov Yuzhnoy Sibiri i Tsentral'noy Azii. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2013. Pp. 106–113. (In Russ.).

**А.П. Бородовский^{1, 2}, Е.В. Деев^{2, 3}, И.Д. Зольников^{2, 4}, Л. Олещак⁵,
Я.В. Кузьмин⁴, Й. ван дер Плихт⁶, М. Кромпец⁷**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирский государственный университет

³Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН

⁴Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН

⁵Институт археологии Ягеллонского (Краковского) университета, Польша

⁶Центр изотопных исследований Университета Гронингена, Нидерланды

⁷Краковский научно-технический университет, Польша

E-mail: altaicenter2011@gmail.com

АРХЕОЛОГО-ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРАС ГОРНОЙ ДОЛИНЫ НИЖНЕЙ КАТУНИ (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)*

Комплексные археолого-геологические исследования на территории горной долины Нижней Катунь, проведенные международным исследовательским коллективом, открывают новые перспективы для выявления наиболее древних археологических памятников, изучения исторической динамики освоения одних и тех же территорий в различные периоды, а также анализа влияния природных катастроф на развитие различных археологических культур. Особое внимание было уделено нескольким проблемам. Одна из них – выявление и естественно-научное датирование остеологических материалов палеофауны, характерной для горной долины Нижней Катунь в позднем плейстоцене. Другой важной проблемой было выявление и естественно-научное датирование погребальных комплексов эпохи палеометалла со следами древней сейсмоактивности. В ходе этих исследований удалось получить целый ряд результатов. Во-первых, охарактеризовать фаціальную архитектуру слагающих их отложений, а для средних и высоких террас установить, что их цоколь сложен отложениями гигантских гляциальных паводков, последний из которых мог пройти по долине в эпоху МИС-4. Во-вторых, провести широкомасштабное изучение разновременных и разнотипных археологических памятников от каменного века до эпохи железа, а также выявить перспективный палеолитический объект в районе памятника Чултуков Лог-9. В-третьих, впервые для территории горной долины Нижней Катунь выявить следы древних землетрясений с $M \geq 5,5$ –6 в структуре сальджарской толщи и в архитектуре курганов памятника Чултуков Лог-1.

В итоге была выявлена определенная историческая преемственность освоения одних и тех же высоких площадей на правобережье горной долины р. Катунь в различные исторические периоды, значительно отдаленные друг от друга хронологически и явно отличающиеся ландшафтно-климатическими особенностями.

Ключевые слова: террасы, археологические памятники, гляциальные суперпаводки, землетрясения, Катунь, Горный Алтай.

**A.P. Borodovsky^{1, 2}, E.V. Deev^{2, 3}, I.D. Zolnikov^{2, 4}, L. Oleszczak⁵,
Ya.V. Kuzmin⁴, J. Van der Plicht⁶, M. Krompets⁷**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State University

³A.A. Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS

⁴V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS

⁵Institute of Archaeology of Jagiellonian (Crakow) University, Poland

⁶Centre for Isotope Research of University of Groningen, Netherlands

⁷Cracow University of Technology, Poland

E-mail: altaicenter2011@gmail.com

ARCHAEOLOGICAL GEOLOGICAL STUDY OF TERRACE OF LOWER KATUN RIVER MOUNTAIN VALLEY (MOUNTAIN ALTAY)

Conducted by the international research team the integrated archaeological and geological investigations of the Lower Katun Valley offer a new challenge to identify the most ancient archaeological sites, to study the historical

*Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФИ (грант № 13-05-00054_a) и Польского национального центра науки (NCN) (программа PRELUDIUM, грант UMO-2014/13/N/HS3/04630).

dynamics of the same territory development at various times, as well as to analyze the natural disaster effect to development of the different archaeological cultures. Special focus was on the some problems. One of them supposes to reveal and date by the methods of natural sciences the osteological material of paleofaunal inhabitants of Lower Katun mountain valley in the Late Pleistocene. Another one purposes to reveal and date by the methods of natural sciences the burial complexes of Paleomethal time with the evidences of ancient seismic activity. In a course of this investigation, there has been a wave of results. Foremost, it gave the opportunity to describe the facies architecture of deposition forming them, as well as to determine that base of middle and high terraces was formed by depositions of giant glacial floods, the last of them could happened in the valley during the MIS-4. Secondly, it allowed to study asynchronous and diverse archaeological sites from Stone Age to Iron Age in a massive scale, and to define the prospective target near the Chultukov Log-9 site. Thirdly, the evidences of ancient earthquakes with $M \geq 5,5-6$ were educed into the structure of Saldzar formation and into the architecture of barrows from the Chultukov Log-1 site for the first time for this territory.

Keywords: terraces, archaeological sites, glacial super flood, earthquake, Katun River, Mountain Altay.

Археолого-геологические исследования на территории горной долины Нижней Катуни активно ведутся на протяжении последнего времени в рамках сотрудничества различных специалистов из ИАЭТ СО РАН, НГУ, ИНГГ СО РАН и ИГМ СО РАН. Особое внимание в ходе такого изучения было уделено нескольким проблемам. Одна из них – выявление и естественно-научное датирование остеологических материалов палеофауны, характерной для горной долины Нижней Катуни в позднем плейстоцене. Результатами этих исследований стали: 1) изучение отложений, слагающих разновысотные комплексы террас долины; 2) комплексное изучение целого ряда разновременных и разнотипных археологических памятников от каменного века до эпохи железа, расположенных в пределах различных геоморфологических зон, в том числе на площадках террас; 3) выявление на основе палеосейсмологических и археосейсмологических данных признаков древней сейсмичности территории.

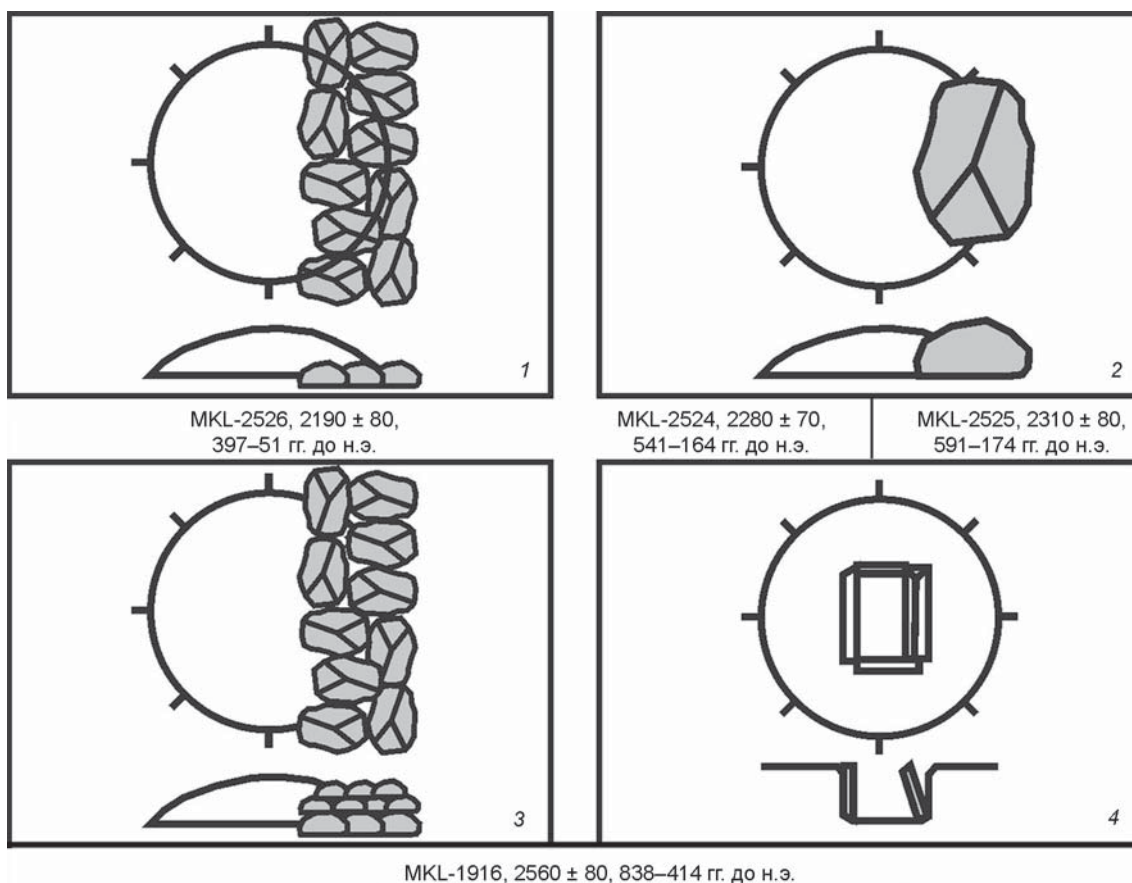
Изучение четвертичных отложений, слагающих террасовые комплексы. Ориентированная в субмеридиональном направлении долина р. Катунь в пределах рассматриваемого участка заложена по Катунскому раздвигу, вдоль которого обособлены три самостоятельных грабена: Чемальский, Усть-Семинский и Манжерокский [Деев, Зольников, Бородовский, Гольцова, 2012]. В пределах тектонических расширений долины в среднем – позднем неоплейстоцене накапливались отложения, слагающие цоколь высоких и средних террас. Цоколь высоких террас представлен среднеплейстоценовой ининской толщей, цоколь средних террас – верхнеплейстоценовой сальджарской толщей. Десятки изученных разрезов долины Нижней Катуни показали, что их фациальная архитектура полностью соответствует структуре этих толщ в районе среднего участка

долин р. Катунь и р. Чуя и они могут быть проинтерпретированы как отложения гляциальных суперпаводков с выделением селевой, пойменной, русловой фаций [Зольников, Мистрюков, 2008; Деев, Зольников, Бородовский, Гольцова, 2012; Зольников, Деев, Назаров, Котлер, 2014]. Необходимо отметить, что в изученных разрезах Нижней Катуни не обнаружено отложений фации вторично-подпрудных озер и скольконибудь существенного распространения отложений оплывневой фации. Завершает разрез четвертичных отложений в грабенах позднеплейстоцен-голоценовый субаэральный комплекс, включающий лессы, эоловые пески, делювиально-пролювиальные шлейфы. В них вложен голоценовый аллювий, формирующий низкие террасы и пойму.

Комплексное изучение разновременных и разнотипных археологических памятников от каменного века до эпохи железа. Все изученные объекты расположены как на высоких и средних террасах Катунского правобережья, так и в пределах низких террас и высокой поймы. Особое внимание в ходе такого изучения было уделено нескольким проблемам. Одна из них – выявление и естественно-научное датирование остеологических материалов палеофауны, характерной для горной долины Нижней Катуни в позднем плейстоцене. Следует подчеркнуть, что указанная территория достаточно богата на такие находки. Ранее неоднократно от с. Майма до с. Манжерок Майминского р-на были зафиксированы случаи обнаружения палеофаунистических останков различных животных (мамонта, северного оленя, бизона), которые, к сожалению, не были надлежащим образом зафиксированы. Тем не менее в 2012 г. при археологическом исследовании поселения майминской археологической культуры Чулту-

ков Лог-9, расположенного на площадке высокой террасы в районе с. Манжерок, на материковом уровне были зафиксированы в непотревоженном состоянии кости конечностей северного оленя. Они залегали в плотном светло-коричневом суглинке, подстилающий мощный (до 1,5 м) культурный слой относится к гунно-сарматскому времени. Особенности расщепления костного материала позволяют с высокой степенью вероятности говорить о наличии явного антропогенного воздействия. ^{14}C -возраст костей определен в более чем 45 000 л.н. (Gr-56940). Такая хронология остеологических материалов и преимущественно антропогенный характер расщепления кости служит веским основанием для выявления в будущем на этой площадке археологического комплекса эпохи каменного века. Основанием для этого является целый ряд факторов. Во-первых, катунское правобережье у с. Манжерок отличается достаточно высокой плотностью археологических памятников позднего палеолита, выявленных академиком А.П. Окладниковым и его учениками еще в конце

70-х гг. прошлого столетия [Бородовский, Бородовская, 2013]. Во-вторых, расположение датированной остеологической находки из Чултукова Лога-9 аналогично Майминскому археологическому комплексу, на территории которого были выявлены позднепалеолитические материалы (Майма II), представленные палеолитическими орудиями [Акимова, Бородовский, Бородовская, Киреев, 2008, с. 9, рис. 35, 1–4]. Этот культурный горизонт был также перекрыт поселенческим слоем гунно-сарматского времени. Такое сходство, в свою очередь, позволяет выявить определенную историческую преемственность освоения одних и тех же высоких площадок на правобережье р. Катунь в различные исторические периоды, значительно отдаленные друг от друга хронологически и явно отличающиеся ландшафтно-климатическими особенностями. ^{14}C -датирование остеологических материалов (2050 ± 80 л.н. (MKL-1912), 1660 ± 80 л.н. (MKL-1911)) из двух хозяйственных ям поселенческого слоя гунно-сарматского времени Чултукова Лога-9 соответствует периоду со 125

Радиуглеродные датировки курганов Чултукова Лога-1 с признаками древней сейсмоактивности:

1 – курган 114, сооруженный на горной осыпи; 2 – курганы 111, 112, деформированные скальными блоками; 3, 4 – курган 109, перекрытый горной осыпью и разрушенной внутримогильной конструкцией.

по 576 г. н.э., когда высокая площадка могла использоваться в определенный сезон или в оборонительных целях.

Столь древняя дата, полученная по костям северного оленя из археологического памятника Чултуков Лог-9, хорошо согласуется с имеющейся у авторов радиоуглеродной датой из основания субэзрального комплекса отложений, перекрывающих относительно маломощный аллювий, залегающий на цоколе средней 30-метровой террасы (сальджарская толща) у с. Дубровка, – более 37200 л.н. (АА-79789). Это позволяет нам соотнести последние гляциальные суперпаводки и формирование сальджарской толщи с четвертой морской изотопной стадией (МИС-4, 57–71 тыс. л.н.) или даже с холодными подстадиями МИС-5 (90–100 тыс. л.н.). Соответственно формирование постсальджарского аллювия и субэзрального комплекса началось с рубежа МИС-3 или МИС-4.

Выявление признаков древней сейсмичности территории с помощью палеосейсмологических и археосейсмологических методов. Изучение разрезов сальджарской толщи в Чемальском и Манжерокском грабенах позволило выявить деформационные структуры (сейсмиты), указывающие на древние землетрясения, которые происходили в пределах северной части Горного Алтая в позднем плейстоцене [Деев, Зольников, Бородовский, Гольцова, 2012]. Основными механизмами формирования сейсмитов являются хрупкая деформация и разжижение рыхлых водонасыщенных грунтов.

Ряд признаков сейсмогенного нарушения конструкций курганов был выявлен в пределах обширного некрополя скифского времени Чултуков Лог-1, расположенного у горного склона на высокой пойме р. Катунь. Из более чем ста каменных курганов свыше трети надмогильных конструкций имеют следы сейсмического воздействия, которые проявляются на нескольких уровнях.

Во-первых, ряд курганов сооружен непосредственно на горной осыпи или крупных скальных блоках (см. рисунок, 1). Во-вторых, часть курганов, находящихся в непосредственной близости от горного склона, перекрыта осыпью (см. рисунок, 3). Некоторые из курганов возведены на крупных скальных блоках, скатившихся с горного склона (см. рисунок, 1). В-третьих, насыпь курганов, находящихся в отдалении от горного склона, деформирована массивными скальными блоками, перекрывающими эти сооружения

(см. рисунок, 2). В-четвертых, в захоронениях этих курганов отмечены однотипные разрушения элементов каменных внутримогильных сооружений (ящиков, перекрытий, обкладок, подбоев) (см. рисунок, 4). В-пятых на ряде курганов с деформациями внутренних конструкций отсутствует деформирующий внешнюю конструкцию коллювиальный материал.

Калиброванные радиоуглеродные датировки костей погребенных из курганов 109 (МКЛ-1916, 2560±80 л.н.), 111 (МКЛ-2524, 2280±70 л.н.), 112 (МКЛ-2525, 2310±80 л.н.), 114 (МКЛ-2526, 2190±80 л.н.) с некоторыми из указанных признаков древней сейсмоактивности укладываются в хронологический интервал с 838 по 51 г. до н. э. При этом следует подчеркнуть, что курганы 111, 112, насыпи которых перекрыты крупными скальными блоками, датируются в более узком интервале 541–164 гг. до н. э. и 591–174 гг. до н. э. Компактность расположения этих одинаково естественно деформированных надмогильных каменных конструкций также дает определенные основания для датировки древней сейсмоактивности в горной долине Нижней Катуни концом второй половины I тыс. до н. э.

В целом полученные данные позволяют говорить о том, что разломы, ограничивающие и оперяющие Катунский раздвиг, проявляют свои сейсмогенерирующие свойства на протяжении длительного временного интервала. Типы сеймогенных деформаций в позднечетвертичных отложениях и деформации курганов позволяют оценить параметры древних землетрясений: минимальные магнитуды $M \geq 5,5$ –6, интенсивность 6–7 баллов. Полученные данные хорошо согласуются с имеющимися сведениями о современной и исторической сейсмичности территории и могут говорить о высоком сейсмическом потенциале долины Нижней Катуни. Последний факт должен быть учтен при проектировании и строительстве объектов топливно-энергетического комплекса и туристической инфраструктуры.

Проведенные археолого-геологические исследования на территории горной долины Нижней Катуни открывают новые перспективы для выявления наиболее древних археологических памятников, изучения исторической динамики освоения одних и тех же территорий в различные периоды, анализа влияния природных катастроф на развитие различных археологических культур.

Список литературы

Акимова Т.А., Бородовский А.П., Бородовская Е.Л., Киреев С.М. Археологические памятники и объекты Майминского района. – Горно-Алтайск, 2008. – 144 с.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины Нижней Катунь в эпоху палеометалла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 220 с.

Деев Е.В., Зольников И.Д., Бородовский А.П., Гольцова С.В. Неотектоника и палеосейсмичность долины Нижней Катунь (Горный Алтай) // Геология и геофизика. – 2012. – Т. 53, № 9. – С. 1154–1168.

Зольников И.Д., Деев Е.В., Назаров Д.В., Котлер С.А. Генезис отложений высоких террас Чуи и Катунь // Геология и минерально-сырьевые ресурсы Сибири. – 2014. – № 1 (17). – С. 30–40.

Зольников И.Д., Мистрюков А.А. Четвертичные отложения и рельеф долин Чуи и Катунь. – Новосибирск: Параллель, 2008. – 184 с.

References

Akimova T.A., Borodovsky A.P., Borodovskaya E.L., Kireev S.M. Arkheologicheskie pamyatniki i ob'ekty Mayminskogo rayona. Gorno-Altaysk, 2008. 144 pp. (In Russ.).

Borodovsky A.P., Borodovskaya E.L. Arkheologicheskie pamyatniki gornoy doliny Nizhney Katuni v epokhu paleometalla. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2013. 220 pp. (In Russ.).

Deev E.V., Zol'nikov I.D., Borodovsky A.P., Gol'tsova S.V. Neotektonika i paleoseysmichnost' doliny Nizhney Katuni (Gorny Altai) // Geologiya i geofizika. 2012. Vol. 53, No. 9. Pp. 1154–1168. (In Russ.).

Zol'nikov I.D., Deev E.V., Nazarov D.V., Kotler S.A. Genezis otlozheniy vysokikh terras Chui i Katuni // Geologiya i mineral'no-syr'evye resursy Sibiri. 2014. No. 1 (17). P. 30–40. (In Russ.).

Zol'nikov I.D., Mistryukov A.A. Chetvertichnye otlozheniya i rel'ef dolin Chui i Katuni. Novosibirsk: Parallel, 2008. 184 pp. (In Russ.).

А.В. Выборнов¹, С.Г. Скобелев^{1, 2}, Ю.С. Худяков^{1, 2}¹Институт археологии и этнографии СО РАН²Новосибирский государственный университет

E-mail: vb.anton@gmail.com

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО МОГИЛЬНИКА НА ГОРЕ УНЮК (ПРАВЫЙ БЕРЕГ ЕНИСЕЯ)

В 2015 г. продолжены полевые исследования курганного могильника на горе Унюк в Краснотуранском р-не Красноярского края. В составе памятника, расположенного у вершин горы, выделяются две курганные группы. В 2014 г. широким раскопом изучены курганы № 1 и 5. Была предложена культурно-хронологическая интерпретация материалов, связываемых с енисейскими кыргызами позднего средневековья и их кыштымами. Исследованный в 2015 г. курган № 3 представлял собой погребение по обряду трупосожжения. В составе погребального инвентаря обнаружено значительное количество металлических изделий. Большая их часть фрагментирована и является мелкими деталями одежды, конского снаряжения, оружия. Особо выделяются части конского снаряжения – удила и ременные накладки. Удила имеют крупные кольца на окончаниях грызел, сравнимые по размерам с трензелями. Накладка султанчика – «месяцевидной» формы, предполагающей ее использование на широком налобном ремне. В целом находки имеют широкие аналогии в погребальных объектах Среднего Енисея, относящихся к монгольскому времени. Тем самым подтверждается датировка могильника в пределах XIII–XVI вв. Полученные материалы соответствуют предложенным ранее типологическим схемам развития отдельных категорий вещей и существенно дополняют корпус источников, происходящих из закрытых комплексов. Исследованные курганы демонстрируют яркие примеры заупокойной обрядности и материальной культуры поздних кочевников Минусинской котловины. С одной стороны, они отражают общие тенденции в оформлении металлических деталей оружия, снаряжения коня и одежды местного населения, в целом организацию и содержание погребальных объектов, а с другой – демонстрируют локальные особенности расположения могильников, их структуры, специфику форм предметов погребального инвентаря.

Ключевые слова: Средний Енисей, гора Унюк, курганы, позднее средневековье.

A.V. Vybornov¹, S.G. Skobelev^{1, 2}, Yu.S. Khudyakov^{1, 2}¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS²Novosibirsk State University

E-mail: vb.anton@gmail.com

NEW MATERIALS OF EXCAVATED LATE MEDIEVAL BURIAL GROUND ON MOUNTAIN UNYUK (RIGHT BANK OF THE YENISEI RIVER)

In 2015, continued field studies described earlier burial mound on the mountain Unyuk in the Krasnoturansk district of Krasnoyarsk region. The barrows are located on the hills of the ridge, stands two burial groups. In 2014, a wide excavation explored barrows No. 1 and 5 was proposed cultural and chronological interpretation of the material, that connecting with late medieval Yenisei Kyrgyz and their Kyshtym. Investigated in 2015 barrow 3 presented by the burial rite of cremation with lots of metal products in the grave goods. Most of them are small and fragmented parts of clothes, horse equipment, weapons. Highlights of the horse harness – belt pads, bits, having analogues in Middle Yenisei the burial objects belonging to the Mongolian time. Detected bits have large rings on terminals link, comparable in size to the bit. The noseband belt plate has “crescent prominent” form, which implies its use on a wide forehead strap. In general, support the broad archaeological items dating burial within the Mongolian time (XIII–XVI centuries). The findings correspond to the previously proposed typological schemes of certain categories of things and greatly supplement the corps of sources from closed complex. The investigated mounds show clear examples of material culture

and burial later nomads Minusinsk depression. On the one hand, they reflect general trends in the design of the metal parts of weapons, horse equipment and clothing of the local population, organization and content of the burial objects. On the other hand, show local features and location of the burial sites of their structure, shape and design of things grave goods.

Keywords: *Middle Yenisei, mountain Unyuk, burial grounds, the late Middle Ages.*

Постановка и решение основных проблем истории позднего средневековья Южной Сибири связаны с поиском и раскопками археологических объектов, их соотносением с фактами и явлениями, известными по письменным источникам. В рамках этого направления на протяжении нескольких лет нами ведутся исследования разнотипных памятников на горе Унюк в Краснотуранском р-не Красноярского края. Гора (хребет) Унюк находится на правом берегу Красноярского водохранилища, по левой стороне Сыдинского залива. На ней расположены два основных типа объектов – позднесредневековый могильник и два крепостных сооружения. В литературе представлены результаты исследований отдельных курганов и интерпретации фортификационных конструкций [Скобелев, Рюмшин, 2015].

Могильник находится в южной части хребта Унюк, на высокой седловине и южной оконечности гребня горы. Состоит из двух групп уплотненных каменных насыпей-выкладок, расположенных на расстоянии около 200 м друг от друга. Насыпи-выкладки выделяются нечетко, границы неясные. Центральные западины аморфные и плохо читаемые. Первая группа – курганы 1, 2 и 5 – расположена на самой высокой, но пологой седловине южной оконечности горы. Курган 1 занимал юго-западную, курган 2 – северо-восточную половину седловины. Расстояние между их краями – 5 м. Диаметр курганов 6–7 м, высота 0,3–0,5 м. Вторая группа – курганы 3 и 4 – расположена на уплотненном участке южного крутого склона горы. Последний курган расположен у вала фортификационного сооружения, имеющего учетное обозначение «Краснотуранск. Крепостное сооружение (Унюк)». Диаметр курганов 5–6 м, высота 0,4–0,5 м. В целом эти объекты по своей конструкции аналогичны курганам первой группы. Могильник целиком находится внутри крепости, о которой известно, что в 1652 г. ее осаждал монгольский Алтын-хан, построивший рядом свой осадный лагерь [Там же].

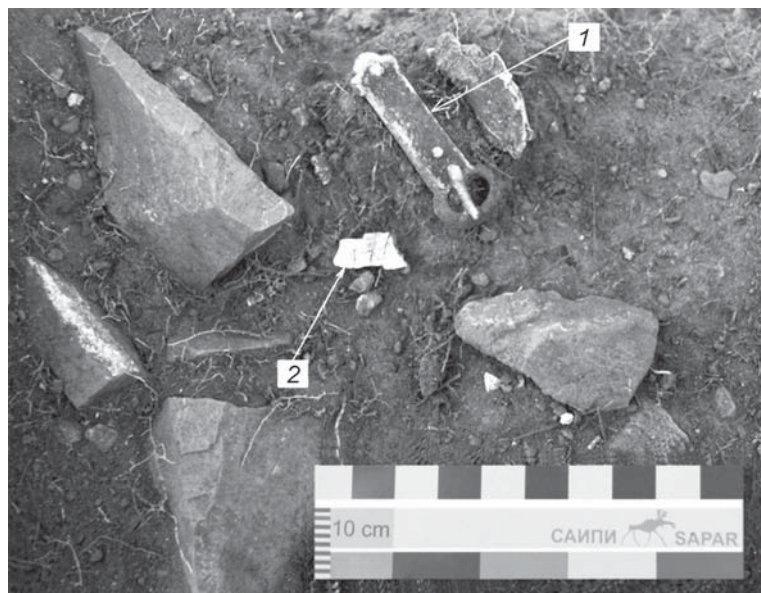
В 2014 г. нами были изучены курганы 1 и 5, содержавшие погребения по обрядам трупосожжения на стороне и трупоположения. Датированы они XIV–XVI вв. В 2015 г. изучен курган 3, располагающийся у скального обрыва южной стороны

хребта и связанный с линией гривы, на которой находится курган 4.

Выкладка кургана слабо выделялась на современной дневной поверхности. Зачистка показала наличие пологой округлой каменной насыпи-выкладки, сложенной из мелких и средних по размеру обломков плит девонского песчаника. При этом в сооружении кладки использованы выходы скального основания. В центре кургана прослеживалась западина округлой формы, подчеркиваемая кольцом плотно уложенных камней. Внешний диаметр своеобразной «крепиды» – ок. 4 м. Внутри кольца и на различном уровне заполнения каменной конструкции встречались фрагменты кальцинированных костей. Сплошное просеивание и проверка грунта металлоискателем позволили обнаружить значительное количество металлических изделий. Абсолютное большинство артефактов железные, в том числе с серебряной аппликацией. Сохранность находок различна. Значительное число фрагментировано, но функциональное назначение предметов в большинстве случаев остается ясным. Часть железных изделий в результате пребывания в погребальном костре имеет окалину. Общее количество предметов превышает число находок из прочих аналогично исследованных погребений данного могильника.

Ясных закономерностей в распределении металлических изделий из состава погребального инвентаря не зафиксировано. Предметы разнесены по площади кургана, не обнаруживая концентрации ни в стратиграфическом, ни в планиграфическом отношении. Очевидно, их принадлежность к определенным элементам снаряжения или одежды была нарушена в погребальном костре.

Выделены следующие категории находок: оружие, детали конского снаряжения, ременные аксессуары, фрагменты изделий неясного назначения, аморфные предметы. Большая часть предметов – фрагменты накладок, гвоздиков, заклепок, стержней, седельных пробоев. Выделяются следующие находки: составная обойма (ножен палаша?); фрагмент небольшого узколезвийного ножа с выделенным упором черена; небольшой черешковый наконечник стрелы с сечением пера в виде вытянутого ромба и упором; фрагменты

Щитковая фигурная пряжка со следами посеребрения лицевой поверхности (1) и фрагмент кальцинированной кости (2). Находки в составе заполнения кургана 3.

ременных накладок с ромбовидными насечками на продольно разделенной лицевой стороне и раздвоенным краем с выделенным оформлением заклепок; щитковая фигурная пряжка с похожим орнаментом и следами посеребрения лицевой стороны, лежавшая рядом с крупным фрагментом кальцинированной кости человека (см. рисунок). Особый интерес представляют редкие элементы конского снаряжения – фрагменты удила и пластины султанчика (без втулки).

Удила представлены одним звеном грызель с разведенным соединительным крюком и кольцом. Изделие подверглось слабому обожжению, и металл заметно корродирован. Отличительная особенность состоит в том, что с другой стороны грызель (в сечении квадратное, слегка округлое) загибается в кольцо сравнительно большого размера (ок. 2 см), напоминающее по форме овал. В него вставлен трензель (в сечении округло-прямоугольный) примерно равного с ним размера. По-видимому, кольцо звена предназначалось для соединения с ремнями оголовья, а кольца трензеля – для повода. Отметим еще одну особенность рассматриваемого предмета: в отличие от большей части известных позднесредневековых удила толщина звеньев одинакова по всей длине и со стороны трензелей они не расплющивались, лишь в месте соединения окончаний крюков звенья уплощены. Аналог известен в кургане 3 могильника Койбалы-I, раскопанном С.Г. Скобелевым. Близкие по форме удила обнаружены

в кургане 6 могильника Самохвал II [Кызласов, 1980, рис. 10].

Разломанная на две части, но археологически целая пластина-накладка султанчика имеет «месяцеобразную» форму, отличающуюся центральным расширением и сужением концов. Длинный внешний край волнообразно оформлен. Поперечный разрез плоский, прямоугольный. Лицевая сторона имеет покрытие, аналогичное другим накладкам из кургана, – мелкоромбический орнамент на продольно разделенной поверхности. Заметны следы серебряной инкрустации. Накладка крепилась на ремень при помощи шести заклепок – по одной по краям и две пары с обеих сторон отверстия для султанной трубки. Шляпки заклепок полусферические. С тыльной стороны они имеют относительно крупные уплощения. Аналогии подобным на-

кладкам неизвестны. Размеры и формы изделия предполагают, что султанчик должен был использоваться на относительно широком ремне. Отсутствие ярко выраженного продольного изгиба позволяет связать его с налобным ремнем. Форма окончаний и орнамента накладки находит аналогии в материалах могильника Оя I, музейных коллекциях [Кызласов, 1983, табл. VI, 20]. Датировки относятся к XIII–XIV вв.

В ходе полевых работ были зафиксированы предметы за пределами раскопа. На современной дневной поверхности, представляющей собой пылеватую слабогумусированную супесь с редким растительным покровом, найдены фрагменты железных пряжек, накладок на ремни, ножа, а также гвоздики, заклепки и другие мелкие предметы или их части. Датировки данных находок располагаются в широких пределах и частично совпадают с периодизацией погребальных объектов могильника XIII–XVI вв.

Таким образом, могильник Унюк представляет интерес как редкий источник по позднесредневековой истории коренного населения Среднего Енисея. Сегодня это одна из самых северных групп погребальных объектов монгольского времени в правобережной части Минусинской котловины (наряду с могильником Чернова). Курганы могильника Унюк отражают планиграфические закономерности распределения погребений XIII–XV вв., сакральный порядок и конструктивные особенности погребальных сооружений,

содержат погребальный инвентарь, представляющий наиболее важные категории материальной культуры. Исследования памятника способствуют определению важнейших черт культуры населения Среднего Енисея. Расположение погребений внутри крепостного сооружения Унюк, по данным письменных источников использовавшегося еще в середине XVII в., представляет особый интерес в плане уточнения важных положений политической истории Южной Сибири времени начала присоединения к Российскому государству.

Список литературы

Кызласов И.Л. Аскизские курганы на горе Самохвал (Хакасия) // Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука, 1980. – С. 135–164.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 128 с.

Скобелев С.Г., Рюмшин М.А. Осадный лагерь Алтын-хана 1652 года на горе Унюк (правый берег Енисея) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2015. – Т. 14, вып. 5: Археология и этнография. – С. 61–70.

References

Kyzlasov I.L. Askizskie kurgany na gore Samokhval (Khakasiya) // Srednevekovye drevnosti evraziyskikh stepey. M.: Nauka, 1980. Pp. 135–164. (In Russ.).

Kyzlasov I.L. Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv. M.: Nauka, 1983. 128 pp. (In Russ.).

Skobelev S.G., Ryumshin M.A. Osadnyi lager' Altynkhana 1652 goda na gore Unyuk (pravyy bereg Eniseya) // Vestn. NGU. Ser.: Istoriya, filologiya. 2015. Vol. 14, Iss. 5: Arkheologiya i etnografiya. Pp. 61–70. (In Russ.).

Ю.В. Герасимов, М.А. КорусенкоИнститут археологии и этнографии СО РАН
E-mail: ngajapti@yandex.ru; otto.link@gmail.com

МОГИЛЬНИК ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ НА ТЕРРИТОРИИ ОМСКА

В настоящей статье представлены некоторые итоги изучения могильника в историческом центре г. Омска. Памятник обнаружен при строительстве здания еще в 1912 г., но с тех пор ни разу не исследовался археологами. В текущем году, в связи с производством на территории строительных работ, такая возможность представилась. Всего были раскопаны четыре захоронения, попавшие в границы территории строительства. Все погребения совершены по обряду ингумации в неглубоких ямах овальных очертаний. В трех могилах кости лежат вытянуто на спине, головой на север или с незначительным отклонением к востоку. В одном случае зафиксированы следы вторичного захоронения. Сопроводительный инвентарь представлен керамикой и бронзовыми предметами. Первая группа находок включает развалы трех керамических сосудов и несколько разрозненных фрагментов. В трех исследованных погребениях керамические сосуды отсутствовали, а в четвертом, имеющем признаки вторичного захоронения, небольшой сосуд был помещен выше уровня засыпки ямы. Остальная керамика собрана на прилегающей территории и, таким образом, может быть соотнесена с могильником лишь контекстуально. По морфологическим характеристикам и особенностям орнаментации можно утверждать принадлежность сосудов к красноозерской культуре переходного периода от бронзового века к железному. Коллекция бронзовых изделий включает две круглые сетчатые бляхи, нож с аркой на кронштейне, иглу и две колокольчикообразные подвески. Перечисленные предметы находят аналоги в памятниках ирменской культуры поздней фазы бронзового века. Полученные материалы позволяют по-новому понять некоторые процессы культурных трансформаций переходного времени от бронзового к раннему железному веку в лесостепном Прииртышье.

Ключевые слова: археологические памятники, могильники, Среднее Прииртышье, ирменская культура, красноозерская культура, бронзовый век, ранний железный век, переходное время.

Yu.V. Gerasimov, M.A. KorusenkoInstitute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: ngajapti@yandex.ru; otto.link@gmail.com

THE FINAL BRONZE AGE BURIAL GROUND AT THE TERRITORY OF OMSK

This article presents research results of burial ground in the historic center of Omsk. The site were discovered during the construction of the building in 1912, but it has never been studied by archaeologists since that time. This year we had the possibility to do this, in consequence of the build construction in this territory. We excavated four burials in total, which were within the boundaries of the building. All the burials present the rites of inhumation in the oval shallow pits. Three burials contained the skeletons, stretched on their back, headlong to the north or slightly to the east. The traces of secondary burial were fixed once. The accompanying equipment contained the ceramics and bronzes. The first group of items includes the felt apart ceramic vessels and a few fragments. Vessels was absent in three studied burials, but forth, which has the attributes of secondary burial, contained the small vessel under the level of pit filling. Other ceramics was collected in the adjacent area and can be correlate with burial ground contextually only. It can purpose according to morphological characteristics and specific ornamentation that vessels associate with Krasnoozersk culture of Bronze to Iron Age transition. Bronze collection includes two round eyeletting plates, knife with arch on the bracket, needle and two bell-shaped pendants. Listed items have the analogies among the Irmen sites of Late Bronze Age. This material permit to re-examine some processes of cultural transformation during the Bronze to Irone Age transition in the forest-steppe Irtysh region.

Keywords: archaeological sites, burial grounds, Middle Irtysh region, Irmen culture, Krasnoozersk culture, Bronze Age, Early Iron Age, transitional time.

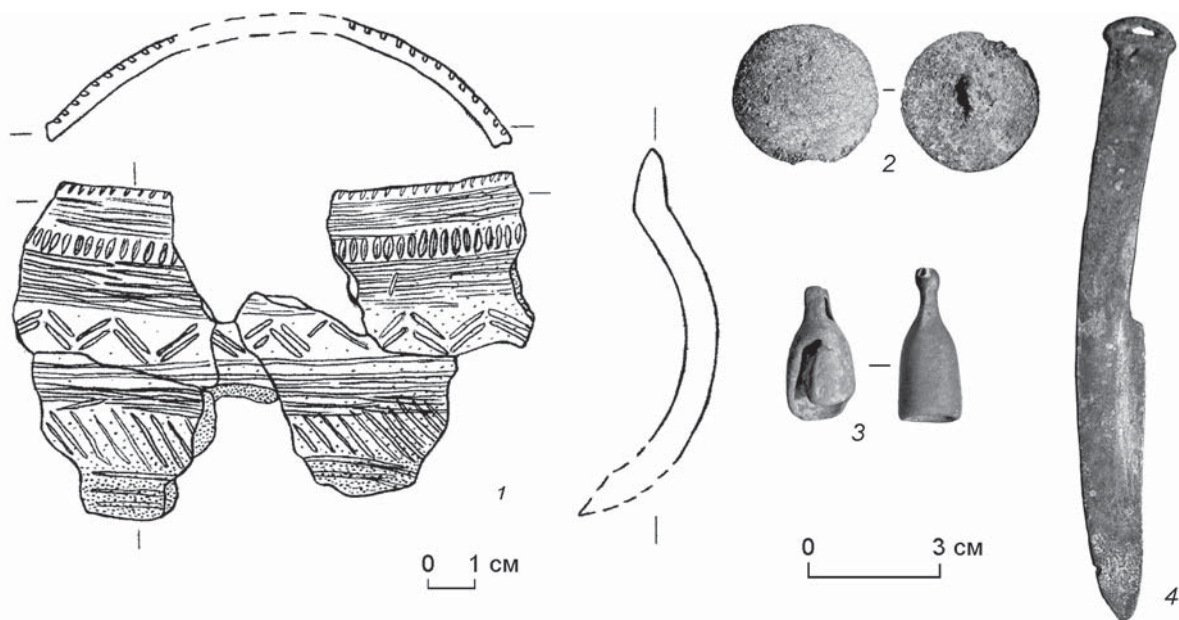
В сентябре–октябре 2015 г. авторами настоящей статьи было осуществлено археологическое наблюдение за выполнением работ по реставрации здания культурного центра «Эрмитаж-Сибирь» и благоустройству прилегающей территории. Для размещения нового выставочного зала Омскому областному музею изобразительного искусства им. М. Врубеля передано историческое здание, расположенное по адресу: ул. Музейная, 4, в историческом центре города. Здание было построено в 1914 г. страховым обществом «Саламандра» на участке по ул. Гасфордовской (ныне – ул. К. Либкнехта), ближе к ул. Шпрингеровской (ныне – ул. Партизанская). В настоящее время здание является памятником культуры и находится под защитой государства. В текущем году строительные работы включали реконструкцию систем водоотведения, что предполагает производство земляных работ. Впрочем, наш интерес определялся не только указанными обстоятельствами.

В 1912 г. при строительстве здания страхового общества «Саламандра» рабочими были обнаружены и переданы в музей Западно-Сибирского отделения РГО археологические находки. А.Ф. Палашенков описал состав коллекции следующим образом: «Бронзовый нож, бляха, наконечник стрелы и пять человеческих черепов». Находка черепов позволила предположить, что при строительстве был обнаружен могильник, датированный по сопроводительному инвентарю II тыс. до н.э. и отнесенный к бронзовому веку [Палашенков, 1960, с. 16]. Позже нож из этой коллекции был

упомянут Н.Л. Членовой как датирующий предмет ирменской культуры [Членова, 1994, с. 15, 42, рис. 1, 6, 7].

Таким образом, существование могильника бронзового века близ здания «Саламандры» предполагалось до проведения археологического обследования. В то же время множество вопросов, связанных с этим памятником, оставалось без ответа. Не была определена его культурно-хронологическая принадлежность, неизвестными оставались погребальный обряд и даже точное место расположения памятника. Дело в том, что здание «Саламандры» имеет два корпуса, один из которых выходит фасадом на ул. Музейную, а второй – на ул. К. Либкнехта, следовательно, находки, упомянутые выше, могли быть собраны на площади около 0,25 га. И наконец, с учетом размеров строительной площадки начала XX в., под сомнение ставился сам факт сохранности памятника. Без решения этих вопросов информация о находках, сделанных при строительстве здания «Саламандры», оставалась бы только историографическим фактом, не имеющим научного значения при решении проблем древнейшей истории региона.

Археологические полевые работы на территории выполнялись в форме археологического наблюдения, что накладывало определенные ограничения на методику и масштабы работ. Территория обследования была приурочена к линиям строительных траншей, одна из которых пролегла вдоль оси ул. Музейной, пересекая горизонталь террасы р. Омь, а вторая располагалась перпендикулярно первой. Всего исследовано четыре погреб-

Могильник Омская крепость II, инвентарь: 1 – склейка сосуда, мог. 2; 2 – бронзовые бляшки, мог. 1; 3 – бронзовые подвески, мог. 2; 4 – бронзовый нож, мог. 1.

бления (судя по костяку, взрослых), совершенных по обряду ингумации.

Могила 1 представляет собой яму вытянутых пропорций, глубиной до 0,2 м от уровня материка, ориентированную по линии север–юг. Южная часть погребения, примерно до уровня колен, разрушена при сооружении траншеи. Костяк лежит вытянуто на спине, головой на север, кисти рук расположены на тазовых костях, череп – на затылочной кости, слегка склонен вправо. Сопроводительный инвентарь представлен двумя круглыми петельчатыми бляхами-нашивками из бронзы (см. рисунок, 2), обнаруженными у правой височной кости, и бронзовым ножом, лежавшим справа от таза (см. рисунок, 4).

Могила 2 выявлена по фрагментам костей человека, выступающим из гумусового слоя погребенной почвы. Захоронение совершено на уровне материка, контуры могильной ямы прослежены по характеру заполнения. Овальная яма имеет размеры 195 × 60 см, ориентацию по линии север–юг с отклонением 5° к востоку. Костяк лежит вытянуто на спине, головой на север, руки вытянуты вдоль тела. Верхняя часть костяка разрушена, кости груди и плечевого пояса лежат в беспорядке, череп – на левой скуле, лицевой частью обращен вниз, к ногам, нижняя челюсть разломана. Сопроводительный инвентарь представлен двумя бронзовыми колокольчиковидными подвесками (см. рисунок, 3), обломком бронзового изделия и развалом небольшого керамического сосуда, обнаруженным при разборке заполнения могилы (см. рисунок, 1).

Могила 3 обнаружена по находкам костей человека при зачистке стенки траншеи. Погребение совершено в яме подпрямоугольных очертаний, размерами 150 × 70 см, ориентированной по линии север–юг, углубленной в материк на 0,15 м. Кости лежат в беспорядке, сопроводительный инвентарь представлен обломком бронзовой пластины и небольшим кусочком оплавленной бронзы.

Могила 4 выявлена при выборке траншеи. Захоронение совершено в подовальной яме, ориентированной по линии запад–северо-запад – восток–юго-восток. Погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на северо-запад, правая рука согнута в локте и уложена на кости таза. Череп разломан, осколки костей разбросаны по пространству могилы. Сопроводительный инвентарь представлен небольшим обломком бронзового изделия.

Кроме того, при вскрытии слоя, содержащего культурные остатки, обнаружены несколько разрозненных фрагментов керамики и два небольших скопления, одно из которых приурочено к могиле 2.

Полученная в результате раскопок коллекция включает фрагменты керамических сосудов и бронзовых предметов. В трех случаях встречены развалы сосудов, которые позволили реконструировать внешний вид изделий. Развал 1, обнаруженный при выборке заполнения могилы 2, содержал фрагменты небольшого горшковидного сосуда (диаметр по венчику – 11 см, высота – 7,5 см) с уплощенным округлым дном. Шейка сосуда скошена внутрь, внешняя поверхность имеет небольшой дугобразный поперечный изгиб, срез венчика прямой, скругленный, по внешнему краю орнаментирован насечками. Орнамент, покрывающий всю поверхность сосуда, демонстрирует четкую горизонтальную зональность. Шейка, плечики, тулово и придонная зона покрыты параллельными прочерченными линиями, переход к плечикам выделен пояском вертикальных насечек, от плечиков к тулову – двойным зигзагом, к придонной части – диагональными линиями, дно сосуда украшено линиями наколов. Развал 2 включает три крупных фрагмента, принадлежащих горшковидному слабопрофилированному сосуду с короткой прямой шейкой и округлым срезом венчика. Переход к плечикам оформлен вытяжным валиком. Орнаментальная схема построена по принципу горизонтальной зональности. Основным элементом являются прочерченные горизонтальные линии, разделенные двойным зигзагом или пояском ямок. Ряды ямок расположены под срезом венчика и у перехода к плечикам. Валик орнаментирован диагональными насечками. Придонная зона не орнаментирована. Описанные сосуды близки к посуде третьей группы, выделенной В.И. Молодиным на материалах барабинских памятников переходного времени от бронзового века к раннему железу [Молодин, 1984, с. 161]. Развал 3 включает фрагменты крупного горшковидного сосуда (диаметр по венчику – 30 см) с короткой прямой шейкой и прямым уплощенным срезом венчика. Шейка орнаментирована диагональной сеткой, образованной насечками, аналогичный орнамент покрывает и срез венчика, плечики – вертикальными защитными с диагональными насечками. Данный сосуд типологически близок к керамике второй группы из памятников Барабы переходного времени [Там же, с. 160].

Бронзовый нож относится к группе 15 минусинских ножей, по Н.Л. Членовой («ножи с аркой на кронштейне»), и по своим морфологическим признакам аналогичен экземпляру, обнаруженному в 1912 г. [Членова, 1994, с. 42, рис. 1, 6]. Ножи такого типа в эпоху поздней бронзы и в переходное время получают широкое распростра-

нение в Сибири, Казахстане и других регионах [Там же, с. 15]. Географически ближайшие аналоги происходят с территории Барабы, из материалов раскопок городища Чича-1 [Молодин, 1984, с. 160, рис. 84, 5]. Интересны бронзовые колокольчико-видные подвески, точных аналогов которым нам пока найти не удалось.

Культурная и хронологическая принадлежность исследованного комплекса может определяться следующими соображениями. Бронзовый нож принадлежит к тому кругу ирменских древностей, бытование которых укладывается в рамки VIII–VII вв. до н. э. [Членова, 1994, с. 15]. В то же время отнесению к ирменской культуре всего комплекса противоречат как черты погребальной обрядности, так и полученная коллекция керамики. Ближайшие географически аналоги сосудам 1, 2 можно обнаружить в материалах расположенного в Омском р-не Омской обл. поселения Новотроицкое I, исследованного А.Я. Труфановым [Герасимов, 2010, с. 95, табл. 17, 1, 2, 19, 3], а также в коллекции, собранной А.И. Герасимовым и И.Е. Скандаковым на территории г. Омска, на ул. Кемеровский спуск [Там же, с. 109]. А.Я. Труфанов относит красноозерский комплекс поселения Новотроицкое к финальному, инберенскому этапу красноозерской культуры, что не противоречит вышеприведенной датировке, но актуализирует северные культурные традиции [Труфанов, 1984, с. 69]. Проявлением последних можно считать и северную ориентацию погребенных вкупе с положением костяков вытянуто на спине [Очерки..., 1994, т. 2, с. 95]. Таким образом, можно полагать, что могильник, получивший название «Омская крепость II», оставлен носителями красноозерской культуры, населявшими лесостепную зону Омского Прииртышья в переходное время от бронзового к раннему железному веку.

Список литературы

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районе новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 103–130.

Герасимов Ю.В. Археологические памятники степного и южного лесостепного Прииртышья в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. – Омск: Издат. дом «Наука», 2010. – 196 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1984. – 185 с.

Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1994. – Т. 2: Мир реальный и потусторонний. – 475 с.

Палашенков А.Ф. Материалы к археологической карте Омска // Изв. Ом. отд. Геогр. о-ва Союза ССР. – Омск: Ом. кн. изд-во, 1960. – Вып. 3. – С. 3–21.

Труфанов А.Я. Материалы к происхождению и развитию красноозерской культуры лесостепного Прииртышья // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1984. – С. 57–77.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М.: Пущинский науч. центр РАН, 1994. – 170 с.

References

Abramova M.B., Stefanov V.I. Krasnoozerskaya kul'tura na Irtyshe // Arkheologicheskie issledovaniya v rayone novostroek Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 1985. Pp. 103–130. (In Russ.).

Chlenova N.L. Pamyatniki konca epokhi bronzy v Zapadnoy Sibiri. M.: Pushchinsky nauch. tsentr RAN, 1994. 170 pp. (In Russ.).

Gerasimov Yu.V. Arkheologicheskie pamyatniki stepnogo i yuzhnogo lesostepnogo Priirtysh'ya v kollektsiyakh Muzeya arkheologii i etnografii Omskogo gosudarstvennogo universiteta im. F.M. Dostoevskogo. – Omsk: Izdat. dom “Nauka”, 2010. 196 pp. (In Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1984. 185 pp. (In Russ.).

Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoy Sibiri. – Tomsk: Izd-vo TGU, 1994. Vol. 2: Mir real'nyi i potustoronniy. 475 pp. (In Russ.).

Palashenkov A.F. Materialy k arkheologicheskoy karte Omska // Izv. Om. otd. Geogr. o-va Soyuzs SSR. Omsk: Om. kn. izd-vo, 1960. Iss. 3. Pp. 3–21. (In Russ.).

Trufanov A.Ya. Materialy k proiskhozhdeniyu i razvitiyu krasnoozerskoy kul'tury lesostepnogo Priirtysh'ya // Problemy etnicheskoy istorii tyurkskikh narodov Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Omsk, 1984. – Pp. 57–77. (In Russ.).

Е.А. Гирченко¹, А.В. Варенов²¹Институт археологии и этнографии СО РАН²Новосибирский государственный университет

E-mail: avvarenov@mail.ru

БРОНЗОВЫЕ «СВЯЩЕННЫЕ АЛТАРИ» И «СВЯТИЛИЩА ДУХОВ» ИЗ ЖЕРТВЕННЫХ ЯМ САНЬСИНДУЯ

Статья посвящена рассмотрению малых форм культовой бронзы, встречаемых в жертвенных ямах на эпонимном памятнике культуры Саньсиндуй, распространенной в пров. Сычуань КНР в последней трети II тыс. до н.э. Так называемые священные алтари и святилища духов могут многое дать для реконструкции некоторых сторон духовной жизни древних обитателей Саньсиндуя. Анализируемый в статье «священный алтарь» (или «алтарь духов») мог являться моделью системы мироздания с трех-, пятичастным делением по вертикали и четырехчастным по горизонтали, где нижний мир представлен в двух слоях хтоническим зооморфным существом–проглотом и попирающими его четырьмя духами-хранителями, скорее всего соотносимыми с четырьмя сторонами света. Средний мир, мир людей – уровень покоящихся на головах «хранителей» четырех «мировых» гор. Верхний мир в рассматриваемой модели, как и нижний, двуслоен: опирающийся на вершины гор «небесный чертог» с коленопреклоненными антропоморфными фигурами, возможно изображающими «духов предков» живых саньсиндуйцев, и витающие над «чертогом» орнитоморфные небесные духи или божества. Бронзовый «небесный чертог» позволяет реконструировать внешний вид саньсиндуйских храмов: квадратные (или прямоугольные) строения под четырехскатной кровлей, с крупными антропоморфными скульптурами. Статуэтка стоящего на коленях человека с сосудом над головой дает возможность уточнить обций вид этих скульптур, создававшихся на деревянной основе и оснащавшихся накладными деталями в виде бронзовых масок и сосудов, найденных в жертвенной яме JK2. Фигурка человека-птицы, размещенная на фронтоне «небесного чертога», помогла понять, как именно применялись крупные плоские бронзовые маскоиды, целая серия которых встречена в JK2. Они дополняли в качестве накладных деталей резные или живописные изображения такого же птичье-человека на стенах реального храма, остатки которого захоронены во второй жертвенной яме.

Ключевые слова: Китай, археология, бронзовый век, культура Саньсиндуй, «священные алтари», «святилища духов».

Е.А. Girchenko¹, A.V. Varenov²¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS²Novosibirsk State University

E-mail: avvarenov@mail.ru

BRONZE “SACRED ALTARS” AND “SPIRIT SANCTUARIES” FROM THE SACRIFICIAL PITS OF SANXINGDUI

This study considers the minor cultic bronzes, found in the sacrificial pits at the eponymous site of the Sanxingdui culture, widespread in the Sichuan province of PRC in the last third of 2nd millennium BC. So-called sacred “altars” and “spirit sanctuaries” can give an information for reconstruction of some spheres in spiritual life of Sanxingdui ancient people. The analyzed “sacred altar” (or “spirit altar”) could be the model of creation system with three-/five-part vertical divisions and four-part horizontal divisions, where the lower world was presented as a bilaminal structure: chthonian zoomorphic beast-overeater and treaded him under foot four spirits-patrons, probably associated with four corners of the Earth. The middle world, world of people, is the level of four “world” peaks, rested heads of “patrons”. The upper world is bilaminal in the same way as for lower world: the “heaven chamber” on the hilltops with anthropomorphic kneeler figurines, probably representative the “spirits of ancestors” of Sanxingdui live people, and the ornithomorphic heaven spirits or deities, floated above the “chamber”. The bronze “heaven chamber” permit to reconstruct the look of Sanxingdui temples – square (or rectangular) constructions under the roof with four sloping surfaces and with the large anthropomorphic sculptures. The small statue of kneeler man with the vessel under his head give an opportunity to make

clear the common traits of such statues, which were created on the wooden base and fitted by plaques in the form of bronze masks and vessels, found in the sacrificial pit JK2. The figurine of the birdman from the attic of "heaven chamber" helped to understand how the large flat bronze maskoids had been used – the series of them had been found in the JK2. They were used as the plaques for the carving or painting images of such birdman on the walls of real temple, remains of which are buried in the second sacrificial pit.

Keywords: China, archaeology, Bronze Age, Sanxingdui culture, "sacred altars", "spirit sanctuaries".

Саньсиндуй – своеобразная культура эпохи развитой бронзы, распространенная на равнине Чуаньси, в окрестностях г. Чэнду, административного центра пров. Сычуань в КНР. Яркую самобытность ей придает наличие крупной бронзовой скульптуры, в том числе большого (высотой свыше 260 см) изваяния стоящего на пьедестале человека, моделей деревьев, антропоморфных голов, масок и маскоидов, найденных в двух жертвенных ямах JK1 и JK2 на эпонимном памятнике [Варенов, Гирченко, 2008]. Приоритетное внимание китайские и зарубежные исследователи (включая и авторов данной статьи) уделяли бронзовым «деревьям духов» и антропоморфным изваяниям – своеобразной «визитной карточке» культуры Саньсиндуй [Варенов, Гирченко, 2012, 2013, 2015a]. Между тем малые формы культовой бронзы оставались как бы в тени, хотя именно они могли многое дать для реконструкции некоторых сторон духовной жизни древних обитателей Саньсиндуя. Наиболее информативны в этом плане не отдельно взятые фигуры, а их композиции, которые китайские археологи называют «священными алтарями» и «святилищами духов» [Саньсиндуй, 1999, с. 227–235]. Их рассмотрению и посвящена данная статья.

«Священный алтарь» [Обр. K2(3):296] сильно поврежден огнем, но основные принципы его конструкции все равно угадываются. Он состоит из четырех частей: подставки с изображением животного, подставки со стоящими людьми, подставки в форме гор и венчающей все шкатулки в виде строения (рис. 1). Самая нижняя часть состоит из полой внутри фигуры существа с большой головой, широко открытым плоским ртом, прямыми ушами, единственным рогом, длинным хвостом и крыльями. На них и опирается круглое основание следующего яруса с четырьмя стоящими фигурами, одетыми в двубортные халаты с короткими рукавами, перевязанные двойным поясом. Головы фигур увенчаны шапками с V-образным вырезом, из середины которого поднимаются плоские антропоморфные личины в причудливых головных уборах. Следующий уровень представлен фигурами в виде четырех гор. На вершины «гор» опирается квадратная шкатулка в виде строения, так называемого «небесного чертога». Вдоль каждой из его стен расположены в ряд пять коленопреклоненных

антропоморфных фигур, по углам крыши – хищные птицы, а на фронтонах – изображения человека-птицы. Сохранившаяся высота – 53,3 см.

Верхняя часть «святилища духов» [Обр. K2(2):143–1] напоминает по форме крышу павильона. Сохранилось три не стыкующихся между собой фрагмента: квадратная платформа наверху, верхний и нижний участки боковой поверхности «крыши». Оба они ажурные, прорезные, нижний участок заполнен изображениями противостоящих драконов, орнамент верхнего участка сохранился очень плохо. Наверху, на квадратной платформе, фигурка коленопреклоненного человека, от которой сохранилась только нижняя половина. Ширина квадратной платформы по низу 6,2 см, по верху 4,4 см, высота 2,7 см, длина «крыши павильона» 17,5 см, общая высота 31 см (рис. 2, 2).

Крыша «святилища духов» [Обр. K2(2):143]. Верх «святилища» четырехугольный в плане, с наклонными стенками, в самом низу переходящими в вертикальный «карниз». По «карнизу» идут квадратные зубчатые выступы, каждый третий длиннее других. На крыше, выше зубчатых выступов, две маленькие петельки. Боковая поверхность крыши делится на два участка: верхний и нижний. Длина крыши 16,5 см, ширина по низу 16,3 см, ширина по верху 8 см, сохранившаяся высота 15,8 см (рис. 2, 5).

Статуя коленопреклоненного человека, стоящего на конусовидном основании и держащего над головой сосуд *цзунь* [Обр. K2(3):48]. На вершине основания человеческая фигурка с длинными изогнутыми бровями, большими глазами, прямым носом, широким ртом, круглыми ушами и голым торсом с выступающими сосками. Человеческая фигурка двумя руками поддерживает над головой круглый сосуд *цзунь*. Диаметр основания по низу 10 см, высота 5,3 см, общая высота 15,6 см (рис. 2, 3).

Коническое основание [Обр. K2(3):55] имеет вид колокола, низ основания с гладкой вертикальной стенкой, боковая поверхность делится на два уровня, между которыми есть ступенчатый переход. На нижнем уровне три вертикальных ребра в виде прорезных ножевидных перьев делят его на три сегмента. Вся поверхность и верхнего, и нижнего уровней целиком покрыта орнаментом. Преобладают спирали, меандры и волнистые ряды

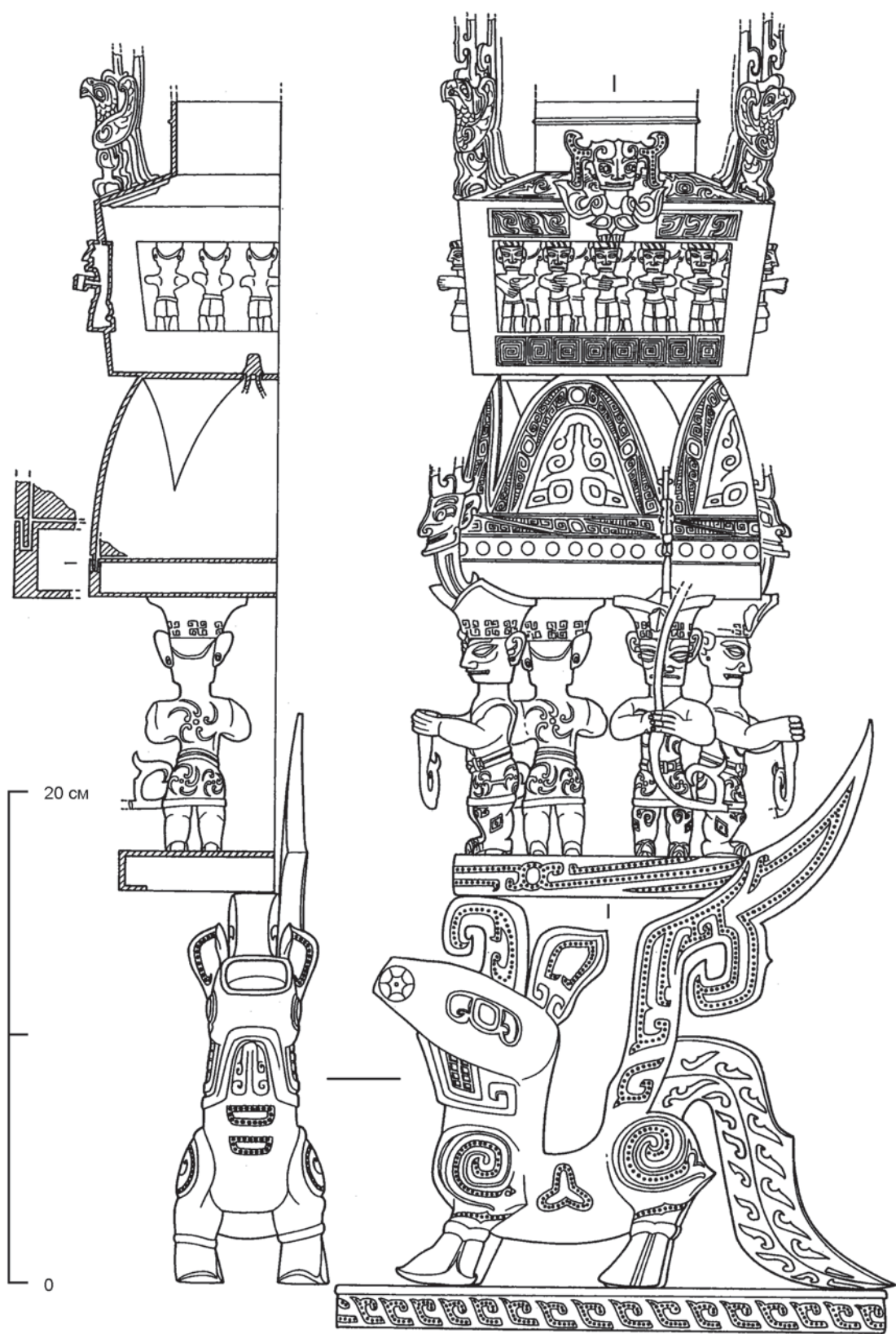

Рис. 1. Бронзовый «священный алтарь» из второй жертвенной ямы Саньсиндуй (по: [Саньсиндуй..., 1999]).

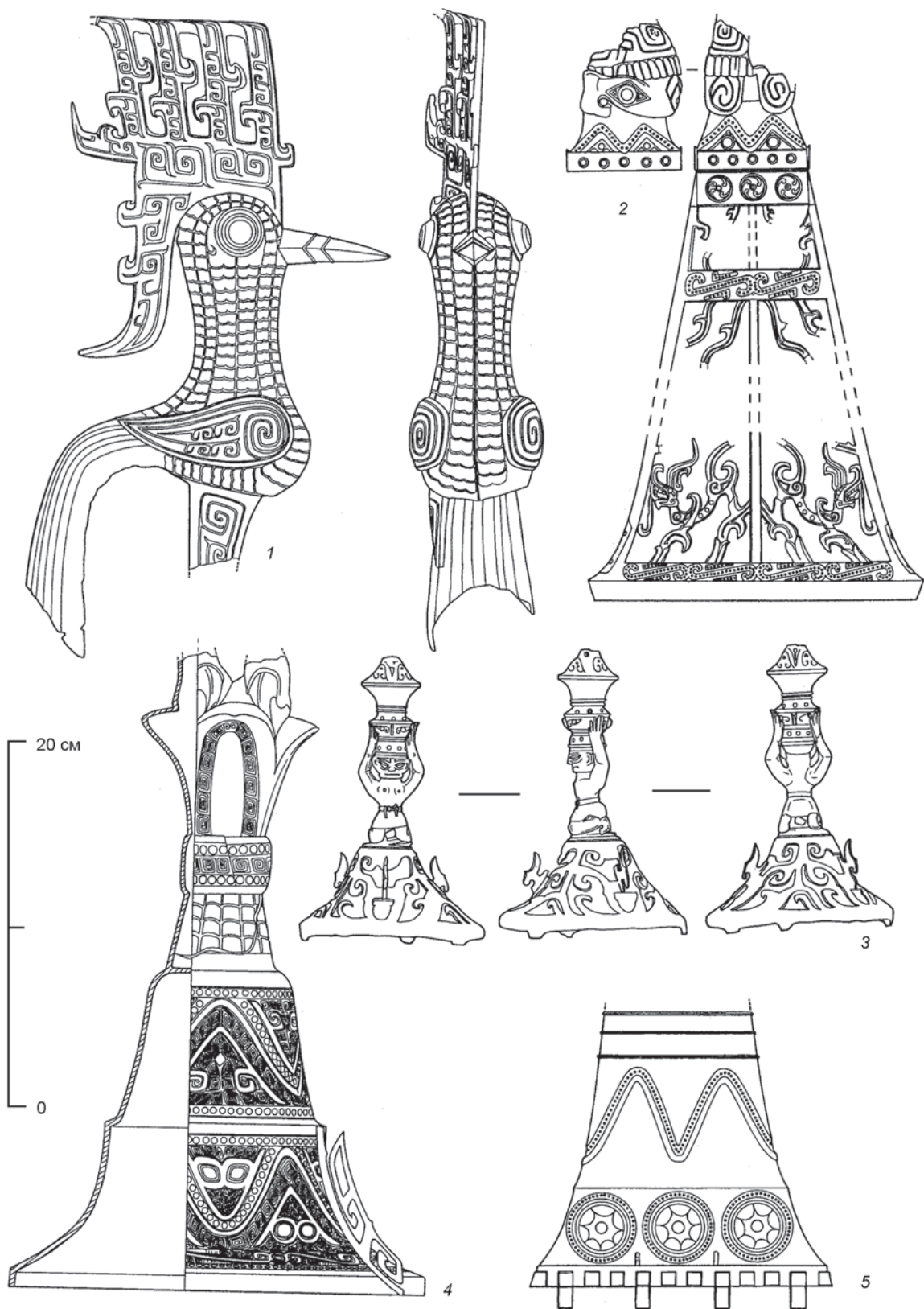

Рис. 2. Бронзовые «святилища духов» из второй жертвенной ямы Саньсиндуй.

1 – птица типа А; 2 – верхняя часть «святилища духов»; 3 – статуя коленопреклоненного человека, стоящего на конусовидном основании и держащего над головой сосуд *изунь*; 4 – коническое основание; 5 – крыша «святилища духов» (по: [Саньсиндуй..., 1999]).

жемчужин. На расположенном в центре цветка плоде – остатки птичьих лап с когтями. Диаметр основания 22,8 см, сохранившаяся высота 34 см (рис. 2, 4).

Птица типа А [Обр. К2(3):193–1] первоначально составляла одно целое с описанным выше коническим основанием [Варенов, Гирченко, 2015б, с. 35–36]. Ширина – 19,2 см, высота – 34 см (рис. 2, 1).

Подводя итоги, отметим, что основания многих «алтарей» и «святилищ духов» покрыты синусоидальными зигзагами, видимо изображающими какие-то горы, скорее всего священные. Макушки всех «священных алтарей» и «святилищ духов» утрачены, но сохранившиеся в верхней части данных изделий обломки позволяют утверждать, что венчали их антропоморфные или орнитоморфные фигуры. Следовательно, святилища и алтари были «камерными» культовыми предметами, которые можно, например, выставить на небольшой столик и возжечь перед ними ароматическую свечу, но сложно использовать в масштабной публичной церемонии.

Что касается интерпретации рассмотренной культовой бронзы из Саньсиндуня, то нам уже приходилось писать, что так называемый священный алтарь (или алтарь духов) может являться моделью системы мироздания с трех-, пятичастным делением по вертикали и четырехчастным по горизонтали, где нижний мир представлен в двух слоях хтоническим зооморфным существом–проглотом, возможно олицетворяющим первобытный хаос, и попирающими его четырьмя духами–хранителями, скорее всего соотносимыми с четырьмя сторонами света (аналог локапал в индуизме) [Варенов, Гирченко, 2009, с. 249–251]. Средний мир, мир людей – уровень покоящихся на головах «хранителей» четырех гор, наверняка «мировых». Верхний мир в рассматриваемой модели, так же как и нижний, двуслоен: опирающийся на вершины гор «небесный чертог» с коленопреклоненными антропоморфными фигурами, возможно изображающими «духов предков» живых саньсиндунцев (аналог скандинавской Вальхаллы), и витающие над «чертогом» орнитоморфные небесные духи или божества.

О почитании духов предков много говорят синхронные Саньсиндуню шанские надписи на гадательных костях из Аньяна. Мы уже высказывали мнение, что бронзовые маски и головы из жертвенных ям Саньсиндуня как раз и изображают духов предков, являясь частью интерьера древних храмов, а именно – бронзовыми деталями деревянных антропоморфных скульптур [Варенов, Гирченко, 2012, с. 18–19; 2013, с. 28–29]. Известно, что хра-

мы, как правило, создаются как более или менее точное земное отражение (модель) небесного мира, как его себе представляют их создатели. Значит, справедлива будет и обратная зависимость. Бронзовый «небесный чертог» позволяет реконструировать возможный внешний вид саньсиндунских храмов: квадратные (или прямоугольные) строения под четырехскатной кровлей, с крупными антропоморфными скульптурами.

Статуэтка стоящего на коленях человека с сосудом над головой дает возможность уточнить общий вид этих скульптур, оснащавшихся накладными деталями в виде бронзовых масок и сосудов, найденных в жертвенной яме JK2 [Варенов, Гирченко, 2014а, с. 35–37]. Фигурка человека-птицы, размещенная на фронте «небесного чертога», что расположен в верхней части «священного алтаря» из Саньсиндуня, помогла понять, как именно применялись крупные плоские бронзовые маскоиды, целая серия которых найдена в JK2. Они дополняли в качестве накладных деталей резные или живописные изображения на стенах реального храма такого же птичеловечка, остатки которого захоронены во второй жертвенной яме [Варенов, Гирченко, 2013, с. 24–26, 29–30].

Стоит отметить, что «священные алтари» и «святилища духов» отсутствуют в более ранней жертвенной яме JK1, а найдены только в более поздней JK2. Зато в JK1 встречен иной вариант «модели мира» с трехчастным вертикальным делением, представленный импортным (или изготовленным по привозным образцам) бронзовым сосудом *цзунь* с рельефными изображениями драконов и тигров, маркировавших соответственно верхний и средний (земной) слои мироздания [Варенов, Гирченко, 2014а, с. 136–137]. А зооморфный код, столь характерный для шанской культуры из района Аньяна, совершенно не типичен для Саньсиндуня.

Список литературы

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Саньсиндунь – новая культура эпохи бронзы из Южного Китая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 151–156.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Культовые бронзы Саньсиндуня и пути их семантической интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 246–251.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые головы из жертвенных ям Саньсиндуня и реконструкция деталей интерьера древних храмов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 4: Востоковедение. – С. 10–19.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые маски, маскоиды и личины из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 4: Востоковедение. – С. 19–30.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые сосуды из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014а. – Т. 13, вып. 4: Востоковедение. – С. 26–39.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Зооморфные изображения в бронзах Саньсиндуя (по материалам изделий из жертвенной ямы № 1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014б. – Т. XX. – С. 134–137.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые деревья из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2015а. – Т. 14, вып. 4: Востоковедение. С. 13–23.

Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые птицы из жертвенных ям Саньсиндуя // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2015б. – Т. 14, вып. 10: Востоковедение. – С. 30–39.

Саньсиндуй цзисы кэн [Жертвенные ямы Саньсиндуя]. – Пекин: Вэньу, 1999. – 628 с. (на кит. яз.).

References

Sanxingdui jìsikēng [Sacrificial Pits of Sanxingdui]. – Beijing: Wenwu Publ., 1999. 628 pp. (In Chin.).

Varenov A.V., Girchenko E.A. Sanxingdui – novaya kultura epokhi bronzы iz Yuzhnogo Kitaya [Sanxingdui – a new Bronze Age Culture from South China] // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2008. Vol. XIV. Pp. 151–156. (In Russ.).

Varenov A.V., Girchenko E.A. Kultovye bronzы Sanxingduya i puti ikh semanticheskoy interpretatsii [Cult Bronzes of Sanxingdui and the Ways of Their Semantic

Interpretation] // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2009. Vol. XV. Pp. 246–251. (In Russ.).

Varenov A.V., Girchenko E.A. Bronzovye golovy iz zhertvennykh yam Sanxingduya i rekonstruktsiya detaley inter'era drevnikh khramov [Bronze Heads from the Sacrificial Pits of Sanxingdui and the Reconstruction of the Interior Details of Ancient Temples] // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya. 2012. Vol. 11, Iss. 4: Vostokovedeniye. Pp. 10–19. (In Russ.).

Varenov A.V., Girchenko E.A. Bronzovye maski, maskoidy i lichiny iz zhertvennykh yam Sanxingduya [Bronze Masks and Maskoids from the Sacrificial Pits of Sanxingdui] // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya. 2013. Vol. 12, Iss. 4: Vostokovedeniye. Pp. 19–30. (In Russ.).

Varenov A.V., Girchenko E.A. Bronzovye sosudy iz zhertvennykh yam Sanxingduya [Bronze Vessels from the Sacrificial Pits of Sanxingdui] // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya. 2014а. Vol. 13, Iss. 4: Vostokovedeniye. Pp. 26–39. (In Russ.).

Varenov A.V., Girchenko E.A. Zoomorfnye izobrazheniya v bronzakh Sanxingduya (po materialam izdeliy iz zhertvennoy yamy No. 1) [Zoomorphic images in Sanxingdui Bronzes (on the basis of items from Sacrificial Pit No. 1)] // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014b. Vol. XX. Pp. 134–137. (In Russ.).

Varenov A.V., Girchenko E.A. Bronzovye derev'ya iz zhertvennykh yam Sanxingduya [Bronze Trees from the Sacrificial Pits of Sanxingdui] // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya. 2015а. Vol. 14, Iss. 4: Vostokovedeniye. Pp. 13–23. (In Russ.).

Varenov A.V., Girchenko E.A. Bronzovye ptitsy iz zhertvennykh yam Sanxingduya [Bronze Birds from the Sacrificial Pits of Sanxingdui] // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya. 2015b. Vol. 14, Iss. 10: Vostokovedeniye. Pp. 30–39. (In Russ.).

КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУРГАНОВ ЭПОХИ КОФУН ЯПОНИИ*

Эпоха кофун (III–VII вв. н.э.) характеризуется формированием на территории Японии (кроме о-вов Рюкю и Окинава) единой погребальной системы курганов-«кофунов», которая представлена двенадцатью основными типами, имеющими различия во внешнем строении насыпи. Четыре типа из двенадцати, а именно «квадратно-круглые» (еще имеющие наименование «курганы в виде замочной скважины»), «квадратно-квадратные», «круглые» и «квадратные», получили наибольшее распространение. Самые крупные курганы, имеющие длину насыпи свыше 200 м и считающиеся погребениями представителей высшей власти Ямато, возводились только квадратно-круглой формы. Максимальный размер квадратно-квадратных курганов не превышает 180 м, к концу эпохи кофун территория их распространения была ограничена районом Идзумо. Круглые курганы получили распространение на всей территории Японии и являются самой многочисленной группой. Возводились они на протяжении всего периода кофун. Квадратные курганы, появившись в среднем периоде, к концу эпохи кофун сменяют квадратно-круглые курганы. Курганы других типов получили меньшее распространение, некоторые из них (например, такие, как «парный круглый», «парный квадратный» и «парный квадратный с квадратной средней частью») встречаются пока только в единственных экземплярах, однако форму кургана не всегда возможно определить до начала раскопок. В поздний период эпохи кофун и период Асука возводились «курганы круглые сверху, квадратные снизу», а также «курганы в форме шестиугольника» и «курганы в форме восьмиугольника». Форма насыпи кургана зависела от социального статуса погребенного, региона и политической ситуации на момент возведения кургана.

Ключевые слова: Япония, период кофун, курганы, классификация, конструкция, археология, естественные методы.

I.S. Gnezdilova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: gnezdilova06@mail.ru

THE BARROWS OF KOFUN EPOCH IN JAPAN: THE CONSTRUCTIVE SPECIFICS

The Kofun epoch (3–7 centuries AD) is characterized by the formation of single burial system of barrows- “kofuns” in Japan (excepting the Ryukyu Islands and Okinawa). This system includes twelve major types, distinct in the external structure of the mound. Four types of the twelve, especially the “round-square” (or so-called “mounds in the form of keyhole”), “square-square”, “round” and “square” had been the most widespread. The largest barrows, with the mounds over 200 m in length and determined as burials of general authorities Yamato representatives, were built with square-round shape only. The maximum size of square-square barrows does not exceed 180 m, area of their distribution was limited by Izumo region by the end of the Kofun epoch. Round barrows spread throughout Japan and are the largest group. They have been constructed during all the Kofun time. The square barrows had appeared in the Middle period and taken the place of square-round barrows by the end of Kofun epoch. Other types of barrows received less common, some of them (for example, such as “twin round”, “twin square” and “twin square with a square central part”) are unique, but it is not always possible to determine the shape of the barrows before excavation. People had built the barrows “round on top and square in lower part” as well as “barrows in the shape of a hexagon” and “barrows in the shape of an octagon” in the later period of the Kofun epoch and Asuka period. Form of barrow mound depended on the social status of the deceased, the region and the political situation by the time of the barrow construction.

Keywords: Japan, Kofun epoch, barrow, classification, construction, archaeology, scientific methods.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Погребения курганного типа начали возводить на территории Японских островов в период яэй. Первые курганы имели множество региональных вариантов по форме насыпи, устройству погребальной камеры, составу погребального инвентаря. К середине III в. на территории Японии (за исключением о-вов Рюкю и Окинава) сформировалась единая погребальная система курганов-«кофунов», которая просуществовала примерно до VII в. Среди кофунов прослеживается однородность во внешнем и внутреннем строении, а также в размещении *ханива* или других предметов на насыпи и т.д. [Imamura, 1996, p. 14]. В системе кофунов различия в устройстве кургана, составе инвентаря несут значимую информацию о социальном статусе погребенного.

По внешнему строению насыпи курганы делят на 12 основных типов (см. рисунок), четыре из которых – «квадратно-круглые», «квадратно-квадратные», «круглые» и «квадратные» – являются наиболее распространенными.

1. Квадратно-круглые курганы (дзэнпо: ко:энфун). Термин «дзэнпо: ко:энфун» имеет значение «курган квадратный спереди, круглый сзади». В англоязычной научной литературе закрепился термин «keyhole-shaped tomb» [Recent Archaeological Discoveries..., 1987, p. 55]: «курган в виде замочной скважины». В русскоязычной литературе это название используется, но также применяется термин «квадратно-круглые курганы», введенный в научный оборот М.В. Воробьевым в монографии «Древняя Япония» [1958, с. 75]. Он более близок к значению японского термина.

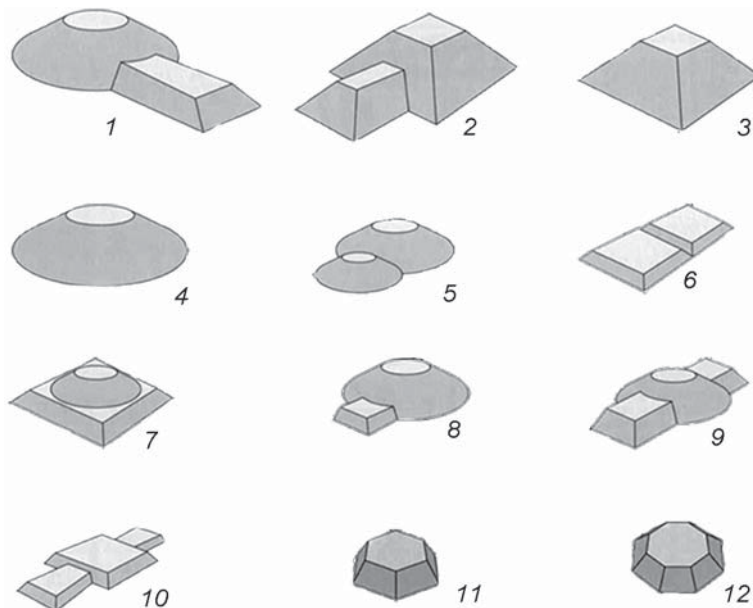
У данного типа курганов к круглой (задней) части примыкает площадка – «передняя часть», прямоугольной либо трапециевидной формы в основании. Погребальная камера и все основные ритуальные предметы расположены, как правило, в круглой части. Встречаются курганы самых разных размеров, от небольших (ок. 10 м общей длины) до гигантских. Самый большой – кофун Дайсэн (район Дайсэнтё, г. Сакаи, преф. Осака), усыпальница императора Нинтоку, общая длина которого 486 м. Все большие курганы с длиной основания более 200 м – только квадратно-круглые [Хиросэ, 2015, с. 64]. Территория распространения курганов данного типа очень обширна: от преф. Иватэ (на севере) до преф. Кагосима (на юге о-ва Кюсю) [Imamura, 1996, p. 194].

Возводили квадратно-круглые курганы на протяжении примерно 300 лет, до начала периода Асука. Курганы начального периода имеют особенности: передняя часть трапециевидной формы; основание трапеции значительно больше вершины (т.е. места соединения двух частей). Задняя (круглая) часть у ранних курганов, как правило, выше передней и предстает в виде высокой пятиступенчатой насыпи. В среднем периоде стали возводить курганы, у которых обе насыпи были примерно одной высоты, передняя часть практически превратилась в прямоугольник и ширина основания передней части сравнялась с диаметром основания круглой. К этому же времени установилась просуществовавшая до конца периода кофун традиция сооружать обе насыпи из трех ступеней [Хиросэ, 2015, с. 66].

Квадратно-круглые курганы – это погребения людей самого высокого социального статуса: императоров Ямато, их родственников, глав кланов и влиятельных людей, приближенных к правительству Ямато [Там же, с. 64].

2. Квадратно-квадратные курганы (дзэнпо: ко:хо:фун). Задняя насыпь кургана имеет в основании форму квадрата. Длина таких курганов не превышает 180 м. На всей территории Японии их число невелико – ок. 500 погребений.

К ранним относятся памятники в районах Тюбу (регион в центральной части о-ва Хонсю), Кинай (южнее региона Тюбу) и Саньин (район вдоль

Типы внешнего строения курганов эпохи кофун.

1 – квадратно-круглые; 2 – квадратно-квадратные; 3 – квадратные; 4 – круглые; 5 – парные круглые; 6 – парные квадратные; 7 – круглые сверху, квадратные снизу; 8 – в форме морского гребешка; 9 – парные квадратные с круглой средней частью; 10 – парный квадратный с квадратной средней частью; 11 – в форме шестиугольника; 12 – в форме восьмиугольника [Хиросэ, 2015, с. 40].

юго-западного побережья о-ва Хонсю, выходящего к Японскому морю). Территория распространения курганов среднего периода (максимальная за весь период кофун) на севере ограничивается современной преф. Фукусима, на юге – северными районами о-ва Кюсю. В конце периода кофун такие курганы продолжали строить только в районе Идзумо (побережье Японского моря, на территории современной преф. Симанэ) [Там же, с. 68].

3. Квадратные курганы (хо:фун). В основании имеют форму квадрата, площадка на вершине насыпи также в форме квадрата, при рассмотрении сбоку курган имеет форму трапеции. Начиная с V в. в районе Кинай часто встречаются такие курганы, сопровождающие императорские усыпальницы. Со второй половины VI в. они постепенно сменяют квадратно-круглые курганы в качестве погребений глав кланов, местных вождей и именно в это время получают наибольшее распространение в районах Кинки и Канто. С наступлением VII в. стали появляться огромные квадратные курганы – погребения императоров и предводителей кланов. Среди исследованных больших квадратных погребений многие принадлежат представителям рода Сога, а также императорам и императрицам, имеющим родство с данным кланом. Это усыпальницы императора Ёмэй (кофун Касугамукаияма), императрицы Суйко (кофун Ямадатакацука) и др. К квадратным курганам относят и кофун Исибутаи, считающийся усыпальницей Сога-но Умако, видного политического деятеля конца VI – начала VII в. Он не имеет земляной насыпи, верхняя часть сложена из мегалитов [Там же, с. 72]. Возможно, на определенном этапе крупные квадратные курганы являлись символом данного рода.

4. Круглые курганы (энфун). Классический тип кургана, в основании имеющий форму круга, насыпь, сужающуюся кверху, и круглую площадку на вершине. Круглые курганы составляют 90 % всех курганов эпохи кофун. Распространены по всей территории Японии. Строились на протяжении всего периода кофун и в период Асука.

На начальных этапах круглые курганы возводились не только как самостоятельные погребения, но и как сопровождающие погребения императоров (в комплексе с квадратно-круглыми и квадратно-квадратными курганами). Наибольшее распространение получили в средний период кофун. К VII в., после прекращения строительства квадратно-круглых курганов, большие круглые курганы (диаметром более 100 м) стали возводиться как погребения императоров в центральных районах и представителей местной элиты в регионах. Таков, например, кофун Марухакаяма, расположенный в группе курганов Сакитама (преф. Сайтама) [Там же, с. 70].

5. Парный (двойной) круглый курган (со:энфун). Внешне выглядит как два соединенных круглых кургана, но внутри устроена единая погребальная камера с двумя саркофагами. На сегодняшний день достоверно известен только один подобный курган – кофун Канаяма (уезд Канан, преф. Осака) [Там же, с. 41].

6. Парный (двойной) квадратный курган (со:хо:фун). Имеет форму двух соединенных квадратных курганов. Исследован один курган данной формы: Футагодзука (уезд Тайси, преф. Осака) [Там же]. Как и двойные круглые курганы, этот тип выделяется как отдельный, поскольку двойная форма создавалась целенаправленно.

7. Курганы круглые сверху, квадратные снизу (дзё:эн кахо:фун). На вершине невысокой трапециевидной насыпи сооружалась круглая насыпь. Насчитывается не более десятка подобных кофун. Встречаются они только на территории о-ва Хонсю и по времени строительства относятся примерно ко второй половине VII в. [Там же].

8. Курганы в форме морского гребешка (хотатейкайгата кофун). Схожи с квадратно-круглыми курганами, но передняя часть короче и ниже круглой насыпи. Названы так из-за сходства внешнего строения с формой моллюска. Встречаются курганы различных размеров, от небольших (ок. 10 м в длину) до значительных (свыше 100 м). Время их появления – V в., когда, как считается, вождям среднего и низшего эшелона власти в регионах было разрешено строить квадратно-круглые курганы. Но для отражения социального статуса погребенного, возможно, была внедрена форма кургана, у которого передняя квадратная часть строилась более короткой [Там же, с. 76].

9. Парные квадратные с круглой средней частью курганы (со:хо:тё:энфун). По обеим сторонам от круглой насыпи сооружались выступы в форме трапеций. Относятся к начальному периоду эпохи кофун. Встречаются в основном на о-ве Сикоку и побережье о-ва Хонсю, выходящем к Харимскому морю [Там же, с. 41]. Наиболее известны курганы Кусяяма (г. Тенри, преф. Нара) и Нэкодзука (г. Такамацу, преф. Кагава, о-в Сикоку).

10. Парный квадратный с квадратной средней частью курган (со:хо:тё:хо:фун). Курганы с двумя трапециевидными насыпями, отходящими от центральной насыпи. Известен только один курган данной формы – Акэаи (г. Цу, преф. Миэ). Форма кургана стала ясна только в результате раскопок [Там же].

11. Курганы в форме шестиугольника (рок-какуфун). В основании имеют форму шестиугольника. Сооружались в период Асука как погребения родственников императора. Изучены три погребения

бения, наиболее известное из которых – курган Марукояма (д. Асука, преф. Нара) [Там же].

12. Курганы в форме восьмиугольника (хак-какүфун). Курганы, имеющие в основании форму восьмиугольника, начали возводить с VII в. Считается, что эта форма возникла под влиянием даосизма, проникавшего из Китая. Пришли на смену квадратно-круглым курганам в качестве погребений императоров. На сегодняшний день открыто 12 погребений, к наиболее известным относятся усыпальница императора Дзёмэй (кофун Даннодзука), совместная усыпальница императора Тэмму и императрицы Дзито (кофун Ногутю:бо), усыпальница императора Момму (кофун Накаояма) и др. [Там же, с. 74].

Классификация курганов позволила выявить иерархию системы погребений, где крупные квадратно-круглые курганы – погребения представителей высшей власти Ямато. Форма и размер погребения зависели от близости усопшего ко двору, его принадлежности к клану, положения во власти, а также от времени строительства кургана.

Список литературы

Воробьев М.В. Древняя Япония. – М.: Изд-во вост. лит., 1958. – 181 с.

Хиросэ К. Тисики дзэро кара но кофун ню:мон. – То:кё:: Гэнто:ся, 2015. – 174 с. (на яп. яз.).

Imamura K. Prehistoric Japan. New Perspectives on Insular East Asia. – Honolulu: University of Hawaii Press, 1996. – 246 p.

Recent Archaeological Discoveries in Japan. – Tokyo: Hinode Printing Co., Ltd, 1987. Pp. 55–71.

References

Hirose K. Chisiki jero kara no kofun nyuomon. Tokyo: Gentosha, 2015. 174 pp. (In Japan.).

Imamura K. Prehistoric Japan. New Perspectives on Insular East Asia. Honolulu: University of Hawaii Press, 1996. 246 pp.

Recent Archaeological Discoveries in Japan. Tokyo: Hinode Printing Co., Ltd, 1987. Pp. 55–71.

Vorob'ev M.V. Drevnyaya Yaponiya. M.: Izd-vo vost. lit., 1958. 181 pp. (In Russ.).

МОХЭ – ТУНГУСЫ

50 лет назад А.П. Окладников определил этническую принадлежность археологических памятников Приамурья, отнес их к племенам мохэ. Подобные памятники потом были раскопаны в Приморье, Китае. Широкие исследования последних 10–15 лет позволили ученым выделить пять локальных вариантов мохэской культуры на российском Дальнем Востоке, а также назвать новую культуру (михайловскую), ранее относимую к мохэской. Бассейн Амура – крупнейшая трансграничная территория. Истоки Амура находятся в Забайкалье, Восточной Монголии и на западном склоне Большого Хингана. На этой территории не могло быть единого этнического комплекса. Примером может служить изучение могильника у горы Шапка. Оставили его племена мохэ, как и Троицкий могильник. Но антропологический тип населения, оставившего могильник у горы Шапка, совсем иной, чем на Троицком могильнике. Он характерен для дальневосточной расы, к которой относятся китайцы, корейцы, японцы. Лингвисты и этнографы советского времени пытались определить, на каком языке говорили мохэсцы (письменного языка у них не было). Языковая и культурная специфика каждого этноса достаточно стабильно сохраняется на протяжении долгого времени. Подробный анализ первого письменного языка (чжурчжэньского) на Дальнем Востоке предпринят в последние пятнадцать лет. Поскольку чжурчжэни являются прямыми потомками мохэсцев, изучение их языка очень важно для археологов, работающих на Амуре и в Приморье. В статье проводится анализ заимствований в чжурчжэньском языке (тюркизмы, монголизмы), позволяющий определить происхождение мохэсцев.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжуры, тунгусы, заимствования, мохэ, шивэй, семантический анализ, тюркизмы.

E.I. Derevianko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

MOHE – TUNGUSES

A.P. Okladnikov determined the ethnicity of archeological sites in Amur Region as related to Mohe tribes 50 years ago. Afterwards such sites were excavated in Maritime Region, China. They were studied extensively for the recent 10–15 years and it permits to deduce five local variants of Mohe culture at the territory of Russian Far East as well as to define a new culture (Mikhailovo), which were earlier related to Mohe. Amur Basin is the largest across boundary area. Amur sources are in the Transbaikial, Eastern Mongolia and on the western slope of the Great Khingan Mountains. It was impossible to form a single ethnic complex at this territory. A burial ground near Shapka Mountain is a good example. Mohe left behind it as well as the Troitsk burial ground. But the anthropological type of population, who left behind the burial ground near Shapka Mountain, differ from population from the Troitsk burial ground. This type is peculiar to Far East race, included Chinese, Koreans, Japanese. Soviet linguists and ethnographers attempted to determine the language of Mohe (they did not have written language). Linguistic and cultural specificity of every ethnos stably preserves for a long time. Detailed analysis of the first written language has been provided for the last 15 years. Whereas Jurchen bearers are the direct descents of Mohe, the study of their language is important for archaeologists, who work in the Amur and Maritime Regions. We present here the analysis of linguistic borrowings in Jurchen (Turcisms and Mongolisms), which allow to determine the Mohe origin.

Keywords: Tungus-Manchurs, Tunguses, borrowings, Mohe, Shiwei, semantic analysis, Turcisms.

Культуру мохэ А.П. Окладников определил более 50 лет назад [1968]. За эти годы открыты сотни археологических памятников, десятки раскопаны. Накоплен большой археологический материал. Рассмотрены материальная, духовная культура мохэ, хозяйство, погребальные обычаи. О ней упоминает каждый, кто занимается археологией Дальнего Востока и Китая. Но научный ин-

терес к ней не ослабевает. Появляются все новые, весьма интересные, работы по различным аспектам изучения мохэской культуры. Однако единой точки зрения на ее происхождение, хронологию и периодизацию нет до сих пор.

Во времена работы А.П. Окладникова не было сравнительного анализа языков – тунгусского и чжурчжэньского. Непосредственными предка-

ми чжурчжэней были мохэ. Поэтому для установления/обоснования каких-то характеристик мохэ мы всегда прибегали к сравнению культур мохэ и чжурчжэней. Обратимся к языковым параллелям и сейчас.

На современном этапе уже нельзя обойтись без сравнительной характеристики языков интересующих нас народов, тем более что языковая и культурная специфика каждого этноса сохраняется достаточно стабильно.

Чжурчжэньский язык является одним из самых древних известных языков тунгусо-маньчжурской языковой семьи. У предков чжурчжэней мохэсцев не было письменного языка. Письменный чжурчжэньский язык существовал с XII по XVI в. Тунгусо-маньчжурская языковая семья относительно молода. Начало миграции носителей диалектов тунгусо-маньчжурского языка относится, по мнению А.В. Певнова, к хуннской эпохе. По всей вероятности, контакты с представителями кочевых культур привели к тому, что в чжурчжэньском языке присутствуют заимствования из монгольского и тюркского языков. А.В. Певнов подробно рассматривает эти заимствования, и детальнее всего тюркизмы, в одной из своих статей [2000].

В чжурчжэньском языке имеются тюркизмы, отсутствующие в маньчжурском и во всех прочих тунгусо-маньчжурских языках. Это свидетельствует о том, что чжурчжэньский язык не является непосредственным предком маньчжурского. Кроме того, контакты с тюрками оставили пусть и не глубокий, но все-таки заметный след в чжурчжэньском языке. Даже при очень малом объеме материала по чжурчжэньскому языку можно с уверенностью говорить о том, что процент заимствований в нем очень высок. В первую очередь это касается лексики, в немалой степени грамматики, в меньшей – фонетики. В грамматике и фонетике почти исключительно монгольское влияние, в лексике же больше всего заимствований неизвестного происхождения. Довольно много слов пришло в чжурчжэньский язык из монгольских, значительно меньше из тюркских языков и совсем мало из корейского [Певнов, 1984, 2000]. Под тюркизмом А.В. Певнов имеет в виду только такое чжурчжэньское слово, которое было заимствовано чжурчжэньским языком из какого-либо тюркского языка. Чжурчжэньское слово может быть тюркским по происхождению и в то же время монгольским по непосредственному источнику заимствования. Поэтому трудно гарантировать, что слова, приведенные в статье А.В. Певнова, являются тюркизмами, возможно, они пришли в чжурчжэньский язык через посредство какого-либо неизвестного, уже не су-

ществующего монгольского языка. «Монголизмы и тюркизмы, характерные лишь для маньчжурского и чжурчжэньского языков, принадлежат к иной эпохе, которую можно назвать эпохой мохэ–шивэй и которая наступила через какое-то не очень длительное время после распада тунгусо-маньчжурской языковой общности, при этом монголизмы эпохи мохэ–шивэй весьма многочисленны, тюркизмы же сравнительно мало» [Певнов, 1984]. Автор приводит в своей статье 30 тюркизмов, но считает надежно доказанными только четыре: *сэ* – говорить, сказать; *али-ру* – принимать, получать; *Уур* – могильный курган, захоронение, гробница, усыпальница; *хаучау-ги* – славный. Он приходит к выводу, что тюркский пласт в чжурчжэньско-маньчжурской (а также только в чжурчжэньской) лексике можно рассматривать как реально существующий.

Взаимодействия современных тунгусо-маньчжурских народов касается Т.Ю. Сем [1986]. Известно, что обряды, связанные с представлениями о жизненной силе человека, смерти, похоронах, являются наиболее консервативными элементами культуры этноса, в которых устойчиво сохраняются архаичные пласты представлений. При картографировании названий мира мертвых у тунгусо-маньчжурских народов отчетливо выявляются три ареала: енисейско-вильейский, маньчжурский и амурский. Исходя из анализа лексем наиболее древним ареалом можно считать амурский. Именно здесь сохраняется лексема «бун» как единственный вариант (или основа) названия «мира мертвых» – у нанайцев, орочей, ороков, ульчей, негидальцев, восточных эвенков [Там же].

Семантический анализ тунгусо-маньчжурского термина *бу*, *буче*, *буне* позволяет реконструировать исходный ареал формирования термина *бун*. Название с основой на *бу* формируется в общетунгусо-маньчжурский период. Дальнейшее развитие термина пошло двумя путями, но по сходной модели: *бун* у тунгусо-маньчжурских народов Сибири и Дальнего Востока и *буче* *гурун* – у собственно маньчжуров [Там же]. Изучение тунгусских языков показало, что тунгусоязычные народы Нижнего Приамурья ближе к собственно тунгусам, чем к маньчжурам [Василевич, 1968, с. 33]. Удгейский язык имеет близость с тюркскими и монгольскими языками. Это заставляет сдвигать прародину тунгусо-маньчжурской семьи в сторону Байкала [Сравнительный словарь..., 1975].

Северный, или тунгусский, пласт не однороден. В нем видны черты более древние и более поздние, что отразилось в культуре и языке [Василевич, 1960]. Приходя в разные периоды с севера, северо-запада, позднее и с северо-востока,

тунгусские племена со специфической таежной культурой расселились на всем Амуре, принеся сюда многие элементы своей материальной и духовной культуры. Г.М. Василевич и А.В. Смоляк утверждают, что для эвенков (чистых тунгусов) характерны лексика, связанная с тайгой, с таежным рельефом, столь важным для охотников-промысловиков, названиями животных, термины для лыж, простейшей сети, некоторых элементов одежды [Василевич, 1960].

Территория Приамурья – между Забайкальем и Тихим океаном – издавна была местом стыка различных культурных традиций, зоной интенсивного этнического смешения. Тунгусы, жившие на Верхнем Амуре, испытали на себе влияние монголоязычных племен. Последние повлияли на образование своеобразных локальных групп амурских эвенков. Время начала этногенеза эвенков вполне согласуется с выводами лингвистов. А.М. Певнов считал, что с момента разделения пратунгусов на северных и южных прошло 1,5 тыс. лет.

Оленные эвенки – выходцы из различных районов Якутии, ставшие основным ядром формирования приамурских эвенков. Они находили удобные места для звериного промысла, спускались со Станового хребта в бассейны Зеи и Буреи, а иногда доходили и до Амура.

Ульчи, жившие на Амуре между устьем р. Горин и протокой оз. Удиль, по мнению Л.И. Шренка, были выходцами со Станового хребта, в прошлом эвенками-оленеводами. Несколько столетий назад они достигли мест своего современного обитания, потеряв оленей. Часть их отделилась и ушла на Сахалин, где и сохраняет оленеводство, это ороки [Шренк, 1883, с. 154]. Общность оленеводческой терминологии может быть объяснена тем, что оленеводство было одной из важных форм их комплексного хозяйства. Необходимо подчеркнуть большую близость нанайского, ульчского и орокского языков.

Однако антрополог В.П. Алексеев говорил: «Этническая история – междисциплинарная наука, но главное здесь все-таки физическая антропология». Изучив серию черепов (60 шт.) из Троицкого могильника, В.П. Алексеев пишет: «Таким образом, в пределах монголоидов мохэ являлись носителями комплекса морфологических признаков байкальской группы популяций, т.е. того же комплекса, который выражен сейчас у тунгусо-маньчжурских народов Амура, эвенов, эвенков и отдельных палеоазиатских народов, например юкагиров» [1980, с. 122].

В байкальском комплексе четыре локальных подтипа: эвено-эвенкийский, катангский, амгунский и нанайский. Мохэ относительно обособлены

от всех названных групп. В наибольшей степени они удалены от орочей и пары юкагиры – эвенки. Ближе всего они к паре ульчи – нанайцы. Это чрезвычайно важно. Мохэ, очевидно, стоят у основания таксономического ствола, ведущего к локальному нижеамурскому комплексу.

Бассейн Амура – крупнейшая трансграничная территория. Истоки Амура находятся в Забайкалье, Восточной Монголии и на западном склоне Большого Хингана. На этой территории не могло существовать единого этнического комплекса. Это доказывает изучение могильника у горы Шапка. Оставили его племена мохэ, как и Троицкий могильник. Но антропологический тип населения, оставившего могильник у горы Шапка, совсем иной, чем на Троицком могильнике. Он характерен для дальневосточной расы, куда входят китайцы, корейцы и японцы [Чикишева, Нестеров, 2000].

Относительно различий в антропологических чертах людей, оставивших Троицкий могильник и могильник Шапка, можно сказать следующее. Это явление не редкое, особенно в средневековом обществе. Да и в более раннее время есть такие примеры. Н.Н. Мамонова, изучавшая древнее население Монголии, пишет: «Антропологический тип населения западных и восточных областей Монголии в эпоху неолита, энеолита и в скифское время резко отличался друг от друга. На востоке расселялись племена, принадлежавшие к монголоидной расе, на западе к европеоидной» [Мамонова, 1979], а А.В. Смоляк замечает, что различное происхождение имели не только роды каждой нижеамурской народности, но и отдельные ветви родов [1984, с. 105]. Так, у нанайцев помимо основного восточно-монголоидного присутствуют черты байкальского типа. И это не удивительно.

Масштабные раскопки памятников мохэ и чжурчжэней в Приамурье и Приморье, этнографические параллели с нынешними народами Амура говорят об этнической общности мохэ, чжурчжэней и современных тунгусских народов Амура.

Список литературы

- Алексеев В.П. Материалы по краниологии мохэ // Палеоантропология Сибири. – М.: Наука, 1980. – С. 106–130.
- Василевич Г.М. К вопросу о классификации тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. – 1960. – № 2. – С. 45–46.
- Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX в.). – Л.: Наука, 1968. – 304 с.
- Мамонова Н.Н. Древнее население Монголии по данным палеоантропологии // III Междунар. конгр. монголоведов. – Улан-Батор, 1979. – Т. III. – С. 204–210.

Окладников А.П. Тунгусо-маньчжурская проблема и археология // История СССР. – 1968. – № 6. – С. 25–42.

Певнов А.М. Глоттохронология и тунгусо-маньчжурская проблема // Археология и этнография народов Дальнего Востока. – Владивосток, 1984. – С. 31–37.

Певнов А.М. Тюркизмы в чжурчжэньском языке // История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова: Сб. ст. – Владивосток: Изд-во ДГУ, 2000. – С. 104–106.

Сем Т.Ю. Соотношение центра и периферии этнического ареала // Этнокультурная динамика в центре и на периферии этнического ареала: Сб. ст. – М.: Рос. акад. наук. Ин-т этнологии и антропологии им. М.Н. Миклухо-Маклая, 1986.

Смоляк А.В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина: Этнический аспект. – М.: Наука, 1984. – 246 с.

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Мат-лы к этимологическому словарю. – Л.: Наука, 1975. – Т. 1. – 672 с.

Чикишева Т.А., Нестеров С.П. Некоторые результаты антропологического исследования могильника Шапка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 458–462.

Шренк Л.И. Об инородцах Амурского края. – СПб., 1883. – Т. 1. – 323 с.

References

Alexeev V.P. Materialy po kraniologii mokhe // Paleoantropologiya Sibiri. M.: Nauka, 1980. Pp. 106–130. (In Russ.).

Chikisheva T.A., Nesterov S.P. Nekotorye rezultaty antropologicheskogo issledovaniya mogilnika Shapka // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2000. Vol. VI. Pp. 458–462. (In Russ.).

Mamonova N.N. Drevnee naselenie Mongolii po dannym paleoantropologii // Mezhdunar. kongr. mongolovedov. Ulan-Bator, 1979. Vol. III. Pp. 204–210. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Tunguso-manchzhurskaya problema i arkheologiya // Istoriya SSSR. 1968. No. 6. Pp. 25–42. (In Russ.).

Pevnov A.M. Glottokhronologiya i tunguso-manchzhurskaya problema // Arkheologiya i etnografiya narodov Dal'nego Vostoka. Vladivostok, 1984. Pp. 31–37. (In Russ.).

Pevnov A.M. Tiurkizmy v chzhurchzhenskome yazyke // Istoriya i arkheologiya Dal'nego Vostoka. K 70-letiyu E.V. Shavkunova. Vladivostok: Izd-vo DGU, 2000. – P. 104–106. (In Russ.).

Sem T.Yu. Sootnoshenie tsentra i periferii etnicheskogo areala // Etnokulturnaya dinamika v tsentre i na periferii etnicheskogo areala. M., 1986. (In Russ.).

Shrenk L.I. Ob inorodtsakh Amurskogo kraia. St. Petersburg, 1883. Vol. 1. 323 pp. (In Russ.).

Smolyak A.V. Traditsionnoe khozyaistvo i materialnaya kultura narodov Nizhnego Priamur'ya i Sakhalina: Etnichesky aspekt. M.: Nauka, 1984. 246 pp. (In Russ.).

Sravnitelny slovar tunguso-manchzhurskikh yazykov: Mat-ly k etimologicheskomu slovari. Leningrad: Nauka, 1975. Vol. 1. 672 pp. (In Russ.).

Vasilevich G.M. K voprosu o klassifikatsii tunguso-manchzhurskikh yazykov // Voprosy yazykoznaniiya. – 1960. No. 2. Pp. 45–46. (In Russ.).

Vasilevich G.M. Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVII – nach. XX v.). Leningrad: Nauka, 2001. 304 pp. (In Russ.).

Н.И. Дроздов, В.И. Макулов

Институт археологии и этнографии СО РАН
Университет Российской академии образования
E-mail: makulov@krasurao.ru

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ ТОРГАЛЫКСКОЙ ВПАДИНЫ В ЮЖНОЙ ТУВЕ

В статье приведены общие предварительные данные по древним наскальным рисункам, обнаруженным на скальных массивах, обрамляющих Торгалыкскую впадину в Южной Туве, а также на горных останцах, находящихся на территории впадины. Рисунки нанесены как на вертикальные, так и на наклонные скальные плоскости, расположенные, как правило, на южных склонах. Практически все рисунки выполнены в технике выбивки, и только отдельные – прочерчиванием. Выделяются сюжеты и композиции, объединяющие группы изображений животных и антропоморфные фигуры. На них отражены сцены охоты, перекочевки животных, особо подчеркнуты такие естественные сцены, как кормление оленухой детеныша. Отмечены отдельные батальные сцены. Наиболее массовыми являются изображения горных баранов, козлов, оленей, которых в общей сложности насчитывается более тысячи. Изображения людей единичны – это всадники на лошадях, пешие лучники, изображенные с луками и колчанами для стрел, фигуры без дополнительной атрибутики. Животные и люди изображены в движении. Рисунки являются разновременными, о чем в первую очередь свидетельствует наложение поздних изображений на более ранние рисунки на отдельных плоскостях.

Часть рисунков и скальных поверхностей, на которых они изображены, подвержены естественно-природным разрушениям, но имеются и следы современных антропогенных воздействий – нанесение надписей и рисунков масляной краской, прочерчиванием и выбивкой рядом и поверх древних рисунков. С целью сохранения информации об изобразительном искусстве древнего населения Тувы, определения культурно-хронологической принадлежности рисунков необходимы их детальное изучение и фиксация.

Ключевые слова: Торгалыкская впадина, р. Торгалык, р. Шалаш, древние наскальные рисунки, писаницы, техника выбивки.

N.I. Drozdov, V.I. Makulov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
University of Russian Academy of Education
E-mail: makulov@krasurao.ru

PETROGLYPHS OF THE TORGALYK DEPRESSION IN SOUTHERN TUVA

We presents here preliminary data on ancient rock carvings, found on the rock formations, which surrounded the Torgalyk depression in South Tuva, as well as on the residual hills at the territory of the depression. Carvings are indented on the vertical and the inclined rock flatnesses, usually located on the southern slopes. Almost all the petroglyphs are made in the embossing technique and only one were carved. Some of the subjects and compositions show up – they combine a group of animalistic images, anthropomorphic figures: hunting scenes, migrations of animals, especially such natural scenes, as doe, feeding her fawn. There are some battle scenes. The most popular carvings are images of mountain sheep, goats, deer, more than thousand in number. Human images are rare: the horsemen, dismount archers with bows and arrow quivers, figures without additional attributes. Animals and people are on the move. Carvings are asynchronous, it is supported by overlapping of the later images on the earlier on some flats. Part of petroglyphs, as well as rock surface where they are, naturally destroy, but it retrace the anthropogenic impact: graffiti made by oil color, embossing and carving on the ancient images or near them. Petroglyphs had to be studied and fixed for the conservation of data on the visual art of ancient Tuva people and determination of cultural and chronological attribution of these carvings.

Keywords: Torgalyk depression, Torgalyk River, Shalash River, ancient rock art, carving, embossing technique.

Древние наскальные рисунки вместе с курганами, каменными стелами с письменами, каменными изваяниями, буддийскими нишами, высеченными в скалах, городищами уйгурского времени были первыми археологическими объектами, с которыми знакомились исследователи Урянхайского края (как в прошлом называли территорию Тувы). На сегодняшний день в Туве известны сотни местонахождений памятников древнего изобразительного искусства [Свод..., 1994].

В процессе геологических и палеогеографических работ в Торгалыкской впадине, в долинах р. Торгалык и ее притока р. Шалаш нами были обнаружены несколько местонахождений древних наскальных рисунков. Рисунки находятся как на скальных поверхностях основного горного массива, так и на горных останцах, расположенных в различных частях котловины на значительном удалении от основного хребта Южного Танну-Ола. Как правило, они приурочены к южным склонам.

Специальные исследования писаниц не проводились, был произведен только общий внешний осмотр с целью определения общего количества рисунков, площади их распространения по скальным поверхностям, общей сохранности для постановки вопроса о детальном обследовании, паспортизации и государственной охране.

В 1,5–2 км восточнее русла р. Торгалык над поверхностью котловины выделяется группа скальных останцов, состоящая из трех горных образований, находящихся на незначительном расстоянии друг от друга. Склоны двух останцов были частично осмотрены, и на них обнаружены наскальные рисунки.

Писаница Гора Торгалык-1. На южных фризах центрального и самого большого скального останца, на различных высотных отметках от подножия до самой вершины выявлены многочисленные плоскости с выбитыми на них рисунками, включающими несколько сотен изображений. Рисунки выбиты на вертикальных, наклонных и нескольких горизонтальных плоскостях. Наиболее массовыми являются изображения горных баранов и оленей. Имеются единичные антропоморфные изображения, солярные знаки и др. На некоторых плоскостях разновременные рисунки перекрывают друг друга. На восточной оконечности южного останца особо выделяются две плоскости с обилием рисунков и сценически объединенными их группами.

Первая плоскость расположена на восточной оконечности скального останца. На относительно ровной вертикальной скальной поверхности методом выбивки нанесены несколько десятков рисунков (рис. 1). Большинство изображений – это

Рис. 1. Писаница Гора Торгалык-1. Плоскость 1.

горные бараны и козлы, олени-самцы и оленухи с оленятами. В центре расположена сцена, на которой оленуха-мать кормит маленького олененка. Также в центре плоскости на переднем плане находится изображение солярного знака в виде круга, разделенного семью внутренними лучами.

Вторая плоскость обнаружена на восточной оконечности скального останца случайно, поскольку была отделена от скалы и лежала на склоне осыпи рисунками вниз. На относительно ровной поверхности плоскости методом выбивки изображена сцена перекочевки оленей в сопровождении оленевода и собаки или охоты на кочующих оленей с собакой (рис. 2). Центральной фигурой является олень-вожак с короной рогов на высоко поднятой голове, гордо шагающий в невозмутимом спокойствии во главе стада. Следом за ним идут подчиненные вожаку олени-самцы с древовидными рогами, за ними важенки с резвящимися оленятами. На переднем плане в нижней части плоскости изображена натуралистическая сцена, на которой пара оленей слилась в «вороватом» половом акте, происходящем в момент, когда вожак отвлекся от присмотра за стадом. Рядом находится человек, явно шагающий вслед за стадом или подгоняющий его. Антропоморфная фигура изображе-

на с непропорционально большой по отношению к телу головой (возможно, в объемном головном уборе или с головой, охваченной руками). В верхнем левом углу позади стада оленей – фигура собаки с опущенным хвостом или волка, преследующего стадо. Все изображения выполнены в динамике и объединены композиционно.

На фризах еще одного останца, расположенного севернее, также имеются многочисленные рисунки, выполненные в технике выбивки, на которых наиболее массовыми являются изображения горных баранов.

У подножия останцов отмечены группы курганов, у некоторых из них на вертикальных камнях ограды также выбиты изображения животных.

Писаница Арыг-Бажи-1. На южных фризах скального останца, расположенного восточнее вышеописанной группы останцов, также на различных высотных отметках от подножия до самой вершины зафиксированы многочисленные плоскости с выбитыми рисунками. Превалирующими по количеству являются изображения горных баранов, козлов, оленей, имеются антропоморфные изображения и др.

Писаница Арыг-Бажи-2. На южных фризах скального останца, расположенного севернее

Рис. 2. Писаница Гора Торгалык-1. Плоскость 2.

Арыг-Бажи-1, на различных высотных отметках от подножия до самой вершины зафиксированы плоскости с выбитыми рисунками. Как и на других писаницах, преобладающими в количественном отношении являются изображения горных баранов и козлов, имеются изображения оленей и др.

Писаница Шалаш-1. На правом берегу р. Шалаш в 6 км к северу–северо-востоку от пос. Торгалык на южных фризах горы на различных высотных отметках от подножия до самой вершины имеются многочисленные плоскости с выбитыми рисунками. Писаница выделяется среди других разнообразием изображений, сюжетных линий и стилей. Преобладают изображения горных баранов и оленей. Но есть и изображения солярных знаков, жилищ, быков, яков, лошадей, хищников (волков), верблюда, повозки или колесницы, жилища, антропоморфные фигуры, в том числе стреляющих лучников с сопутствующей атрибутикой в виде колчанов для стрел, всадников на лошадях и людей, ведущих лошадей под узды, батальные сцены и др. Рисунки нанесены выбивкой, а некоторые изображения выполнены прочерчиванием.

Рядом с горой у ее подножия и в небольшой межгорной долине отмечены отдельные камни и небольшие скальные плоскости, на которых также имеются выбитые рисунки.

Вверх по р. Шалаш в узкой горной долине находится каскад водопадов, образованных скальными уступами, пересекающими русло реки. Здесь на некоторых плоских скальных поверхностях, приближенных к руслу реки, также выявлены отдельные выбитые рисунки. Несколько плоскостей с единичными рисунками были зафиксированы на вертикальных скальных фризах, обрамляющих долину реки в районе верхнего уступа водопада.

Практически на всех писаницах изображения животных выполнены в полный рост, как в статичных позах, так и в движении, некоторые олени – в «парящем галопе» с подогнутыми ногами. Ряд животных-самцов представлен в состоянии крайнего полового возбуждения, затронута тема продолжения рода. Чрезвычайно интересны сцены охоты человека на животных.

Предварительно можно сказать, что рисунки Торгалыкской впадины являются разновременны-

ми, о чем свидетельствует, например, наложение рисунков друг на друга на одной плоскости. Безусловно, все это требует тщательного изучения.

Даже предварительный внешний осмотр рисунков показывает, что многие скальные поверхности, на которых выполнены рисунки, и непосредственно сами рисунки подвержены значительным разрушениям. Многие плоскости частично или полностью покрыты мхами и лишайниками. Имеются современные надписи и рисунки, расположенные рядом и поверх древних, нанесенные масляной краской, выбивкой, прочерчиванием. В этой связи мы уже ставили вопрос о необходимости проведения масштабных работ по изучению писаниц в Туве [Дроздов, Макулов, 2014]. Для сохранения объективной информационной базы необходимы максимальная фиксация рисунков с использованием различных методов, детальное многоплановое (многокомпонентное) их описание (общего местоположения, расположения плоскостей и их соотношения с другими плоскостями, характера скальной поверхности плоскостей, техники нанесения рисунков, определения сохранности и т.д.), точная инструментальная привязка.

Список литературы

Дроздов Н.И., Макулов В.И. Вопросы сохранения археологических объектов на территории Средней Сибири в современных условиях // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы V Междунар. науч. конф. (Кызыл, 15–19 сент. 2014 г.): В 2 ч. / Тув. гос. ун-т; Отв. ред. Е.В. Айыжы, Р.Ш. Харунов. – Кызыл, 2014. – Ч. II. – С. 116–121.

Свод археологических памятников Республики Тыва. – Кызыл, 1994. – 192 с.

References

Drozdov N.I., Makulov V.I. Voprosy sokhraneniya arkheologicheskikh ob'yektov na territorii Sredney Sibiri v sovremennykh usloviyakh // Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri: Materialy V Mezhdunar. nauch. konf. (Kyzyl, 15–19 sent. 2014 g.): In 2 Parts / Tuv. gos. un-t; Eds. E.V. Aiyzhy, R.Sh. Kharunov. Kyzyl, 2014. Part. II. Pp. 116–121. (In Russ.).

Svod arkheologicheskikh pamyatnikov Respubliki Tyva. Kyzyl, 1994. 192 pp. (In Russ.).

С.В. Жилич^{1, 3}, Н.А. Рудая^{1, 2, 4, 6}, Л.Б. Назарова^{5, 6},
О.В. Палагушкина⁵, С.К. Кривоногов^{2, 3}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирский государственный университет

³Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН

⁴Казанский (Приволжский) федеральный университет

⁵Потсдамский университет, ФРГ

⁶Алтайский государственный университет

E-mail: snezhy@yandex.ru

ИЗМЕНЕНИЯ ОЗЕРА ЧАНЫ И ОКРУЖАЮЩИХ ЛАНДШАФТОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ ГОЛОЦЕНА*

Оз. Чаны – одно из самых больших в России, его расположение в узкой полосе смены трех природных зон делает его уникальным природным архивом изменения природных обстановок. Известно, что за два века наблюдений площадь озера менялась от 15 до 1,5 тыс. км² и что существуют режимы колебания уровня воды каждые 30–40 лет. Время появления Чанов связывают с окончанием ледникового периода ок. 12 тыс. л.н., а раннеголоценовые озерные отложения отсутствуют из-за пересыхания в оптимум голоцена и эрозии. Но детальная история происхождения и развития озера не известна. Нами проведено комплексное исследование керн донных отложений оз. Чаны (Ярковский плес) методами радиоуглеродного датирования, седиментологического, палинологического, хирономидного и диатомового анализов. Это позволило наиболее полно реконструировать этапы развития озера, условия осадко-накопления, развитие ландшафтов и изменения климата. Установлено, что Ярковский плес оз. Чаны образовался сначала как неглубокий болотистый олиготрофный водоем ок. 10 тыс. л.н. Приблизительно 3,6 тыс. л.н. произошла смена условий: озеро превратилось в мелководный, слабосоленый, эвтрофный водоем с большим количеством макрофитов. В интервале 3,6–3,4 тыс. л.н. вокруг озера произрастал сосновый лес; климат, вероятно, был чуть холоднее современного. Начиная с 3,4 тыс. л.н. распространились березовые колки. После 2 тыс. л.н. озеро стало глубже. В период 1–0,5 тыс. л.н. в регионе была распространена лесостепь с крупными массивами березовых колков, озеро оставалось неглубоким, эвтрофным, слабосоленым. После 0,5 тыс. л.н. увеличилась глубина и соленость озера, климат стал холоднее, а вокруг озера распространились степенные луга, отражающие современное остепнение.

Ключевые слова: озеро Чаны, донные отложения, палинологический анализ, диатомовый анализ, хирономидный анализ.

S.V. Zhilich^{1, 3}, N.A. Rudaya^{1, 2, 4, 6}, L.B. Nazarova^{5, 6},
O.V. Palagushkina⁵, S.K. Krivonogov^{2, 3}

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State University

³V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS

⁴Kazan Federal University

⁵University of Potsdam, Germany

⁶Altai State University

E-mail: snezhy@yandex.ru

CHANGES IN CHANY LAKE AND SURROUNDING LANDSCAPE IN THE SECOND HALF OF HOLOCENE

Chany Lake is one of the most large in Russia. It is situated in the narrow area where three natural zones shifted. Consequently, it is the unique natural record of changes in environmental conditions. The square of the lake has

*Седиментологический анализ выполнен по гранту РФФИ № 15-05-00678, палинологический, диатомовый и хирономидный анализ – по гранту РФФИ № 15-05-04918.

changes from 15,000 to 1,500 km² for the two centuries of observations. Mode of water level fluctuation stays within every 30–40 years. The time, when Chany lake appeared, associates with the end of glacial period around 12,000 years ago, and Early Holocene deposits are absent in consequence of drying up in Holocene optimum and erosion. But detailed history of lake origin and development is unknown. We carried out the complex study of the drill sample of Chany Lake bed deposits (Yarkovo stretch) by such methods as radiocarbon dating, sedimentological analysis, palynological, chironomid and diatomic analysis. It allow to reconstruct the stages of lake development, depositional condition, landscape development and climatic changes more completely. It was established that Yarkovo stretch had originated as the shallow boggy oligotrophic basin around 10,000 ya. But conditions had changed around 3,600 ya: the lake had become the shallow light-salted eutrophic water body with high percentage of macrophytes. During the 3,600–3,400 ya, the lake was surrounded by pine forest; climate was slightly cooler then modern. The birch outliers have spread since 3,400 ya. After 2,000 ya, the lake became deeper. The forest-steppe with extensive birch outliers have spread and lake have been shallow, eutrophic, light-salted in the period of 1,000–500 ya. But after 500 ya the depth and salinity had increased, the climate had become cooler, the steppe meadows have spread around the lake, reflected the modern steppefication.

Keywords: Chany Lake, bed deposits, palynological analysis, diatomic analysis, chironomid analysis.

Чановская озерная система занимает центральную часть Барабинской равнины в южной части Обь-Иртышского междуречья Западной Сибири. В регионе на протяжении 300 км с севера на юг наблюдается смена природных зон и ландшафтов: тайги и верховых болот в Васюганье, лесостепей, гривного и озерного рельефа в Барабе и увалистых степей в Кулунде. Разнообразие зональных, геоморфологических, климатических и биологических факторов делает озера Чановской системы ценными природными архивами, хранящими информацию о развитии самого озера и об изменениях природных обстановок вокруг него.

Чаны – крупнейшее озеро Западно-Сибирской равнины и самое большое бессточное озеро России. Оно состоит из нескольких частей: Казанцевско-Таганского, Чиняхинского, Ярковского, Юдинского плесов и оз. Малые Чаны, соединенного с ним протокой. Средняя глубина оз. Чаны – ок. 2 м, максимальная – 6 м. Питание озера происходит за счет атмосферных осадков, собираемых в основном двумя реками – Каргат и Чулым. Площадь озера в последние 50 лет находится в пределах 1,5–2 тыс. км², но, по представлениям предшествующих исследователей, сильно варьировала в прошлом. В конце XVIII – начале XIX в. Чаны предположительно занимали площадь 10–15 тыс. км² [Шнитников, 1982]. Колебания водного режима Чанов каждые 30–40 лет проходят две фазы (многоводную и маловодную) и зависят от режима атмосферных засух. Время появления Чанов связывают с окончанием ледникового периода и формированием постледниковых ландшафтов ок. 12 тыс. л.н., а отсутствие раннеголоценовых озерных отложений объясняется предположением, что озеро пересыхало в оптимум голоцена и более ранние осадки под-

верглись эрозии [Орлова, 1990]. Современная растительность соответствует лесостепной зоне, доминируют остепненные луга и луговые степи с вкраплением осиново-березовых колков [Королук, Киприянова, 2005]. Современный климат резко континентальный, средние температуры июля 18,3 °С, января –19,7 °С, годовой уровень осадков – ок. 400 мм.

Керн донных отложений оз. Чаны (Ярковский плес) получен в 2008 г. и исследован комплексом методов: радиоуглеродное датирование (KIGAM, Корея; Beta Analytic Inc., США), седиментологический (ИГМ СО РАН), палинологический (ИАЭТ СО РАН), хирономидный (Потсдамский университет, ФРГ) и диатомовый (Казанский федеральный университет) анализы. Это позволило наиболее полно реконструировать этапы развития озера, условия осадконакопления, развитие ландшафтов и изменения климата.

Седиментологический анализ включал определение влажности осадков и содержания водорастворимых солей и карбонатов (растворением образцов в соляной кислоте); оценку количества органического вещества (прокаливанием при 450 °С) и песчаной фракции (отмучиванием в воде).

Визуально и по соотношению компонентов выделено три слоя разного происхождения.

Слой I (325–275 см). Подстилающие лессовидные суглинки с довольно высоким содержанием карбонатов (20 % от сухого веса) и малым содержанием органики (10 %).

Слой II (275–200 см). Озерный суглинок черноватого цвета. В основании слоя пик карбонатов (до 75 %), затем до конца слоя содержание карбонатов примерно соответствует их концентрации в подстилающих лессах, незначительно повышаясь. Содержание органического вещества остается низким.

Слой III (200–0 см). Озерный суглинок серого цвета. В слое наблюдается тренд к повышению содержания карбонатов от 20 до 40 % и органического вещества от 10 до 20 %. В нижней части слоя (200–145 см) – высокая опесчаненность и видны раковины остракод. В интервале 80–60 см резкое повышение карбонатности, до 60 %.

Содержание песка в осадках сильно варьирует и отражает динамику водной среды – интенсивность поставки крупного терригенного материала, вымываемого из лессовидных суглинков, что может интерпретироваться как изменения площади водной поверхности и уровня озера. В лессовидных суглинках среднее содержание песка – ок. 10 %; в слое II – ок. 15 %; в нижней части слоя III – около 30 % и сильно варьирует; в верхней части слоя III – менее 5 %. Таким образом, слой II формировался в водоеме средней водности (уровень ниже, чем сейчас), низ слоя III в интервале 200–145 см – в мелководном водоеме, а верх слоя III – в глубоководном водоеме, таком, как сейчас.

Возраст отложений определен по шести радиоуглеродным датам, калиброванным в Calib 7.1. Наиболее древняя дата с глубины 223 см указывает на возраст 5,8 тыс. л.н., а построенная возрастная модель позволяет предполагать возраст оз. Чаны не менее 10 тыс. лет. Нижняя граница слоя III имеет возраст 3,6 тыс. л.н.

Палинологический, хирономидный и диатомовый анализы выполнены для слоя III (0–200 см) и характеризуют временной интервал 0–3,6 тыс. л.н.

Палинологическим методом исследовано 65 образцов. Обработка проводилась по методике для озерных отложений; готовые препараты изучались под микроскопом с увеличением $\times 400$. Результаты представлены на спорово-пыльцевой диаграмме (рис. 1). Выделены четыре палинозоны (PZ).

PZI (200–186 см; 3,6–3,4 тыс. л.н.). Преобладает древесная пыльца с доминированием сосен, пыльца березы отсутствует. Среди травянистых преобладают маревые и астровые.

PZII (186–102 см; 3,4–0,95 тыс. л.н.). Доля травянистых увеличивается, среди древесных преобладает сосна обыкновенная, появляется пыльца березы, доля пыльцы кедра значительно снижается. Среди трав увеличиваются доли полыни, злаков, осок.

PZIII (102–30 см; 0,95–0,5 тыс. л.н.). В этой зоне резко увеличивается доля пыльцы березы и сокращается доля сосны, практически исчезают кедр, ель и пихта. Среди травянистых резко увеличиваются доли полыни, злаков, разнотравья.

PZIV (30–0 см; 0,5–0 тыс. л.н.). Доминируют травы, а доля пыльцы березы уменьшается. Возрастает количество маревых и полыни.

На хирономидный анализ отобрано 17 образцов, пробоподготовка проводилась по стандартным методикам. Определено всего 26 таксонов. Методом главных компонент выделены две зоны (HZ).

HZI (196–95 см; 3,5–0,9 тыс. л.н.). Высокое разнообразие хирономидной фауны, характер-

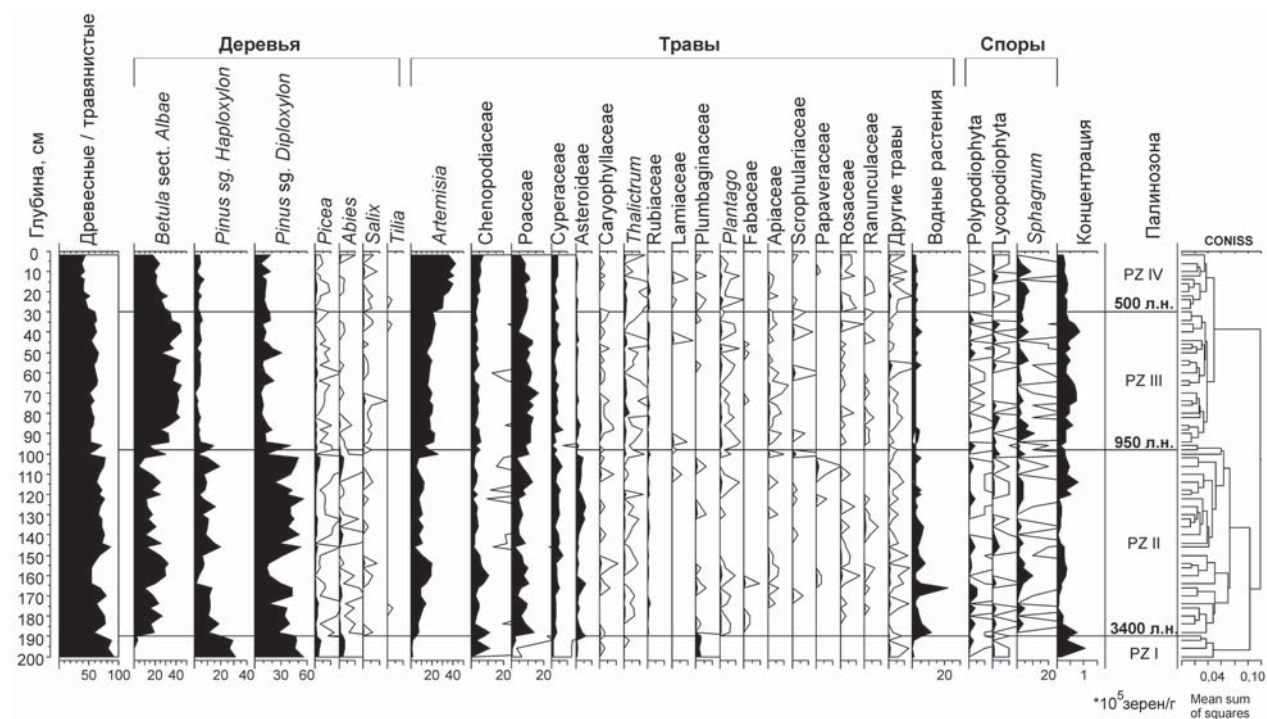

Рис. 1. Упрощенная спорово-пыльцевая диаграмма отложений Ярковского плеса оз. Чаны.

ное в основном для теплых эвтрофных условий литоральной зоны с крупными водными растениями. На глубине 130 см обнаружено большое количество *Psectrocladius flavus*-type, таксона связываемого с литоральной зоной и водными растениями, а также с условиями повышенной кислотности. К концу зоны увеличивается содержание таксонов, характерных для умеренных температурных условий.

NZII (95–0 см; 0.9–0 тыс. л.н.). Для зоны характерно меньшее обилие таксонов. Обнаруженные таксоны в основном связывают с глубоководной областью теплого и эвтрофного озера. К середине зоны увеличивается содержание таксона *Cladotanytarsus mancus*-type, толерантного к кислой и солоноватой воде, но к концу зоны оно уменьшается. В верхних слоях керна (6 см) обнаружен *Chironomus anthracinus*-type, который имеет более низкий температурный оптимум и может свидетельствовать о некотором похолодании климата.

На диатомовый анализ отобрано 35 проб донных отложений; пробоподготовка проводилась методом водяной бани. Постоянные препараты готовились с использованием высокопреломляющей смолы Naphrax и изучались с помощью светового микроскопа в иммерсионной среде. Подсчет створок проводился по параллельным трансектам до

300 шт. Определено 27 таксонов диатомей. В интервале 130–0 см количество видов изменяется от 1 до 11, а в интервале глубин 200–130 см диатомовые водоросли отсутствуют.

Анализ видового состава и представленности диатомовых по горизонтам исследования позволяет выделить две стратиграфические зоны (DZ).

DZI (130–40 см; 1.6–0.6 тыс. л.н.) отражает начальные стадии развития мелководного водоема с более низкими значениями минерализации по сравнению с современностью. В пределах зоны четко прослеживаются два периода обводнения – в пробе с глубин 112–122 см и на глубине 78 см, которые сопровождалась монодоминированием индифферентного к солености бентосного вида *Campylodiscus chypeus*. Снижение минерализации в результате обводнения становилось толчком для последующего увеличения числа видов, индифферентных к солености.

DZII (40–0 см; 0.6–0 тыс. л.н.) свойственно большее число галофильных и мезогалобных планктонных и планктонно-бентосных видов, что отражает увеличение солености и глубины озера. Обобщенная реконструкция по палинологическим, хирономидным и диатомовым данным представлена на рис. 2.

Таким образом, нами была реконструирована история развития Ярковского плеса оз. Чаны

Рис. 2. Изменения оз. Чаны и окружающих его ландшафтов во второй половине голоцена, реконструированные палинологическим, хирономидным и диатомовым методами.

по комплексу седиментологических и палеонтологических методов. Ярковский плес образовался как неглубокий, болотистый водоем ок. 10 тыс. л. н. Условия осадконакопления в озере не менялись до 3.6 тыс. л.н., после этого озеро вступило с глубоководную фазу своего развития. В мелководный этап существования Ярковского плеса этот водоем был слабосоленым, заросшим большим количеством водных растений-макрофитов. В глубоководный этап озеро стало более соленым, увеличилось содержание органического вещества. В начале глубоководного периода (3.6–3.4 тыс. л. н.) вокруг озера произрастал хвойный лес из сосны, кедра и пихты. Пыльцевые и хирономидные сообщества дают возможность предположить сухой и холодный климат, вероятно чуть холоднее современного. После 3.4 тыс. л.н. в регионе распространяются березовые колки, роль хвойных ослабевает; вероятно, граница зоны тайги отступает к северу. После 2 тыс. л.н. гидрологический режим Ярковского плеса не был постоянным, так как зафиксированы периоды обводнения (1.4 и 0.8 тыс. л.н.) и период низкого уровня воды (ок. 1 тыс. л.н.). В период 1–0.5 тыс. л.н. в районе озера доминировала лесостепная растительность с крупными массивами березовых колков. И только в последние 500 лет

в растительности вокруг озера стали преобладать степные элементы, уменьшилось количество березы; по-видимому, климат становился суше и холоднее, а граница южной степи продвинулась на север.

Список литературы

Королюк А. Ю., Киприянова Л. М. Растительные сообщества Центральной Барабы (район озера Чаны) // Сиб. экол. журн. – 2005. – Т. 12, № 2. – С. 193–200.

Орлова Л. А. Голоцен Барабы. Стратиграфия и радиоуглеродная хронология. – Новосибирск: Наука, 1990. – 128 с.

Шнитников А.В. История бассейна в эпоху позднего голоцена и историческое время // Пульсирующее озеро Чаны. – Л.: Наука, 1982. – С. 25–33.

References

Korolyuk A.Yu., Kipriyanova L.M. Rastitel'nye soobshchestva Tsentral'noy Baraby (rayon ozera Chany) // Sib. ekol. zhurn. 2005. T. 12, No. 2. Pp. 193–200. (In Russ.).

Orlova L.A. Golotsen Baraby. Stratigrafiya i radiouglerodnaya khronologiya. Novosibirsk: Nauka, 1990. 128 pp. (In Russ.).

Shnitnikov A.V. Istoriya basseyna v epokhu pozdnego golotsena i istoricheskoe vremya // Pul'siruyushchee ozero Chany. L.: Nauka, 1982. Pp. 25–33. (In Russ.).

А.П. Забияко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Амурский государственный университет
E-mail: sciencia@yandex.ru

ОЛЕНЬ-СОЛНЦЕ НА ПЕТРОГЛИФАХ СЯНЛУШАНЬ*

Статья основана на результатах полевых исследований 2012–2014 гг. в Северо-Восточном Китае. Петроглифы Северо-Восточного Китая тесно вплетены в историко-культурный контекст развития региона и выступают важным источником реконструкции образа жизни и культуры. Петроглифы Дунбэя близко связаны с наскальными изображениями Монголии, Забайкалья, Приамурья и Кореи. Одним из наиболее характерных в наскальных изображениях Евразии является образ оленя. Это одна из основных тем публикаций А.П. Окладникова, который находил локальные модификации Оленя Золотые Рога не только на скалах Евразии, но и на «оленных камнях» Забайкалья и Тувы. В Северо-Восточном Китае изображения оленя были открыты на петроглифах горы Сянлушань. Идейная доминанта петроглифов Сянлушань задана образами копытных животных – оленя и козла. Особого внимания заслуживают образы скачущих оленей с кругами на рогах. Круги – это символическое изображение солнца, которое небесный олень несет на рогах. Образ небесного оленя-солнца широко распространен в древних религиозно-мифологических традициях. Наряду с другими символами солнца – кругами, крестами – изображения космического оленя или лося, зверя-солнца, нередко встречаются на наскальных рисунках Евразии. Именно как символы зооморфного солнца трактуются такие изображения на Каменных островах Ангары, на скалах в Монголии, на каменных массивах Томи, в других регионах. Выбитые на вершине горы Сянлушань олени с дисками на рогах являются локальным вариантом образа оленя-солнца – зооморфного божества или небесного спутника бога-солнца. Изучение петроглифов Дунбэя является необходимым этапом комплексного изучения наскальных изображений северо-востока Евразии, а также истории и культуры этой части Евразийского континента.

Ключевые слова: петроглифы, Северо-Восточный Китай, Восточная Азия, культуры, религии, этносы, солнечный культ.

A.P. Zabiako

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Amur State University
E-mail: sciencia@yandex.ru

SUN-DEER IN THE XIANLUSHAN PETROGLYPHS

This study based on field research in North-Eastern China in 2012–2014. Petroglyphs of Northeast China are closely involved into the historical and cultural context of the regional development and are an important source for reconstruction of the lifestyle and culture. Dongbei petroglyphs closely associated with the petroglyphs of Mongolia, Transbaikial, Amur Region and Korea. One of the most common images of Eurasian rock is the image of the deer. The image of the deer is one of the main themes in the publications of A.P. Okladnikov who found local modifications of the Deer Golden Horn not only on the rocks of Eurasia, but also on the “deer stones” in the Transbaikial and Tuva. In Northeast China the image of a deer was discovered among the petroglyphs is from the Xianlushan Mountain. The ideological dominance of Xianlushan petroglyphs is predetermined by images of ungulates – deer and goat. The images of galloping deer with circles on the horns deserves the special attention. Circles are the symbolic image of the sun, which rested on the horns of heaven deer. The image of the heaven sun-deer is widespread in ancient religious and mythological traditions. The image of space deer or moose, animal-sun, is not rare in the Eurasian petroglyphs along with other sun symbols – circles and crosses. Such images are interpreted as the symbols of zoomorphic suns on the Stone Islands of the Angara River, rocks in Mongolia, rock masses of the Tom River and other regions. Embossed on the top of Xianlushan Mountain the deer with disks on the horns are the local variant of the sun-deer image – zoomorphic deity or heaven satellite of the sun-god. The study of Dongbei petroglyphs is the necessary stage of the rock art research in North-East Eurasia and history and culture of this Eurasian part.

Keywords: petroglyphs, Northeastern China, Eastern Asia, culture, religion, ethnos, solar cult.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-00308).

Гора Сянлушань находится в районе Няньпяоцзюй, на расстоянии ок. 60 км к западу от г. Хулудао, пров. Ляонин (Северо-Восточный Китай). Почти на самой вершине горы стоят несколько высоких каменных столбов. Издали они похожи на курительные палочки, установленные в ритуальном сосуде для воскурения благовоний. Из-за своеобразных очертаний гора получила название «курительница». В сознании верующих китайцев она окружена ореолом религиозного почитания – считается, что там обитают духи и что Сянлушань связана с божественным миром. На вершине горы установлен шест с ритуальными лентами, рядом с которым сооружено несколько небольших алтарей в виде выложенных из камней оград с керамическими сосудами в центре.

На юго-восточной стороне вершины находятся плоскости с петроглифами. Географические координаты плоскостей по GPS – 41°08'9676 с.ш. 120°59'283 в.д., высота над уровнем моря – 500,6 м. Наскальные рисунки были обнаружены местными краеведами в 2008 г. В августе 2013 г. плоскости с рисунками были исследованы автором статьи и Ван Цзяньлинем, аспирантом, научным сотрудником лаборатории археологии и антропологии АмГУ. Основные результаты частично опубликованы [Забияко, Ван Цзяньлин, 2015]. В китайских и иных зарубежных научных публикациях сведения об этих петроглифах отсутствуют.

Наскальные изображения Сянлушань выполнены преимущественно в технике выбивки. Ширина борозд колеблется от 2 до 10 мм, глубина – ок. 1 мм. Отдельные рисунки и композиции находятся на высоте 1–1,7 м от земли. Общая протяженность скальной стенки с рисунками – ок. 30 м. Всего на этом участке каменной поверхности расположено несколько композиций, которые условно можно объединить в четыре группы (плоскости).

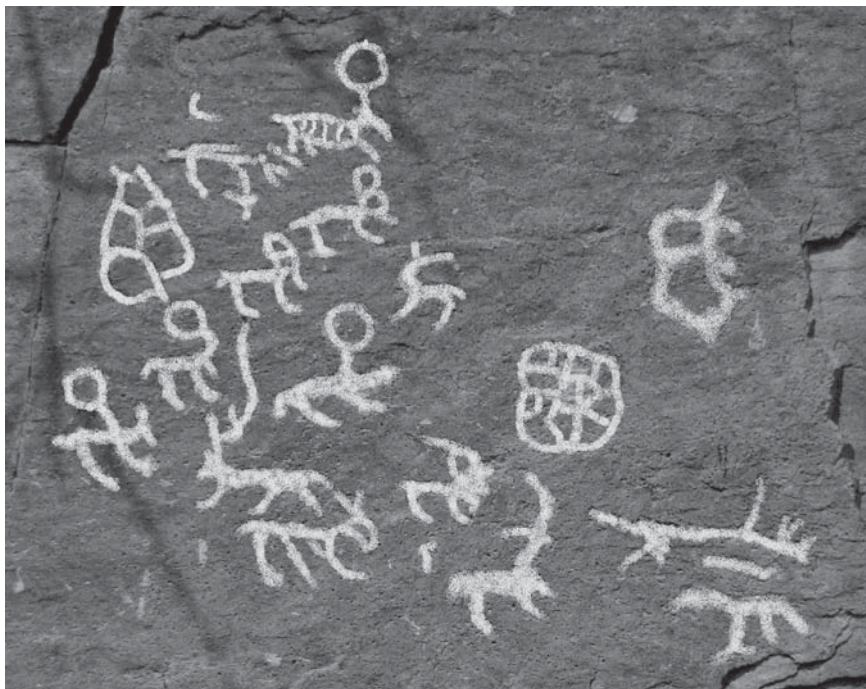
Рядом со плоскостями 1 и 2 хорошо заметны следы недавних шурфов, которые фактически остались брошенными в виде ям до 40 см в глубину и разбросанной по краям земли. В шурфах и вокруг встречаются многочисленные фрагменты керамики, от ранней лепной до поздней станковой. Наиболее многочисленные образцы керамики относятся к эпохе средневековья и более поздним периодам. В своем большинстве керамические черепки являются, очевидно, обломками сосудов, которые использовались в ритуальных целях. Артефакты из камня представлены многочисленными отщепами, скребком и долотовидным орудием неолитического облика. Собранный подъемный материал не позволяет надежно датировать наскальные изображения, однако он свидетельст-

вует, что уже в неолитическую эпоху вершина горы привлекала людей и служила им временным пристанищем. Возможно, уже в эту эпоху она становится местом отправления ритуалов.

Наскальные рисунки Сянлушань были созданы как часть формирующегося религиозного культа. Судя по степени сохранности, стилистике и технике исполнения, большинство петроглифов были нанесены приблизительно в один период времени. Сопоставление наскальных изображений Сянлушань с петроглифами прилегающих территорий, подъемный материал допускают их датировку временем позднего неолита, энеолита и бронзы. Не исключено, что отдельные изображения (например, черепахи) могли появиться в период раннего железного века или даже в средневековье.

В данной публикации мы остановимся на изображениях с плоскости 2. Она находится на расстоянии 60 см вправо от плоскости 1, крайней слева в общей композиции плоскостей. Размеры плоскости 2 – 60 × 90 см. На рисунках в условной манере изображены несколько рогатых животных – предположительно олени и козлы, а также схожие с оленями зооморфные фигуры с кругами на рогах. Одна из таких зооморфных фигур с кругом (верхняя) выбита по контуру с нанесением поперечных линий на корпусе, которые могут либо обозначать окраску животного, либо демонстрировать особую манеру изображения – так называемый скелетный стиль. Зооморфные образы переданы в экспрессивной манере – ноги животных изогнуты в стремительном движении. Часть фигур представляет собой криволинейные контуры, разделенные внутри пересекающимися линиями. Возможно, они изображают сети или лабиринты. Некоторые рисунки плоскости 2 относятся к абстрактным знакам, смысл которых не поддается однозначной интерпретации. Круг с отростком (кольцо с выступом) может быть изображением тамги. Несколько изображений деформированы или частично утрачены под действием природных факторов, что затрудняет реконструкцию их облика и семантики.

Очевидно, что наскальные изображения Сянлушань – не изолят. Несомненно, они обладают особенностями, обусловленными местной культурной традицией или индивидуальностью художественного дарования создававших их мастеров. Однако в целом петроглифы Сянлушань с точки зрения стилистики и семантики образов, техники их создания хорошо согласуются с петроглифами прилегающих с востока и запада территорий. Восточнее – в Корее и на Нижнем Амуре, р. Уссури – известны петроглифы со сходными зооморф-

Сянлушань. Плоскость 2. Изображения зооморфных фигур.

ными образами. Олень с поперечными полосами на корпусе с плоскости 2 близок по стилю изображения не только к некоторым корейским образам, но и к нижнеамурским. «В свою очередь олень с поперечными полосами на Шереметьевской скале – родной брат лосей и оленей с Каменных островов на Ангаре и с писаной скалы у деревни Чуру на Лене, в далекой Якутии» [Окладников, 1989, с. 122]. К западу от Сянлушань простирается огромный мир петроглифов Монголии, Забайкалья и прилегающих к ним горно-степных территорий. Некоторые фигуры оленей и козлов Сянлушань аналогичны многочисленным образам копытных животных, выбитых на камнях Центральной и Северной Азии.

Идейная доминанта петроглифов Сянлушань задана образами копытных животных – оленя и козла. Несомненно, что в прошлом эти животные в большом количестве обитали здесь на заросших густым кустарником склонах гор и в долинах, до сих пор сохранивших местами лесной покров. Возможно, образы оленей и козлов были связаны с охотничьей магией и являлись визуализацией духов – хозяев животного мира. Отсутствие фигур охотников и сцен охоты может ставить под сомнение такую трактовку, хотя полностью ей не противоречит. Образы оленей и козлов могут быть связаны с космологическими религиозно-мифологическими представлениями, выступая в качестве символов небесных светил или спутников небесных духов (богов). В социальном аспекте религи-

озно-мифологических воззрений образы оленей и козлов могут представлять тотемных предков или символизировать родовое, племенное единение. Все эти варианты символических значений образов оленей и козлов выявлены и описаны на материалах исследований наскальных изображений Центральной и Северо-Восточной Азии.

Особого внимания заслуживают образы скачущих оленей с кругами на рогах. Круги – это символическое изображение солнца, которое небесный олень несет на рогах. Образ небесного оленя-солнца широко распространен в древних религиозно-мифологических традициях. «Олень, а несколько позже лошадь как символы солнца, как животные, посвященные солнечному божеству, играли большую роль в солярных культах многих народов степей Европы и Азии в I тысячелетии до н.э. Однако культ солнечного божества все же более древний. В Северной Азии и в Европе символы солнца встречаются уже в неолитических рисунках писаниц» [Окладников, Мартынов, 1972, с. 225]. Наряду с другими символами солнца – кругами, крестами – изображения космического оленя или лося, зверя-солнца, нередко встречаются на наскальных рисунках Евразии. Именно как символы зооморфного солнца трактуются такие изображения на Каменных островах Ангары, на скалах в Монголии, на каменных массивах Томи, в других регионах.

Олень-солнце – главный герой публикаций А.П. Окладникова, который находил локальные

модификации Оленя Золотые Рога не только на скалах Евразии, но и на «оленных камнях» Забайкалья и Тувы. «На оленных камнях животные тоже являются солнечными символами. Мало того, что они летят по воздуху, они еще снабжены символами солнца – кругами, изображенными сверху, перед мордами животных. Олени летят ввысь, как будто следуя за солнечным диском» [Там же]. Ярким примером такого символизма является в трактовке А.П. Окладникова композиция, выбитая на Иволгинской плите, стеле. В статье «Оленный камень с реки Иволги» он обратил внимание на круги, диски, которые выбиты над головами оленей, а также на то, что «на лицевой стороне нашего камня круг вырастает прямо и непосредственно из рогов оленя и, кроме того, стержень, на котором он изображен, напоминает боковую ручку зеркала, какие обычны в древностях нашего Причерноморья» [Окладников, 1954, с. 115]. В последующих публикациях А.П. Окладников развил интерпретацию круга как зеркала в сторону солярной символики: «Сияющее зеркало издавна служило в мифологии различных древних народов двойником и символом солнечного диска. В свою очередь еще в каменном веке солнце представлялось в образе живого космического существа, оленя с сияющими нестерпимым блеском золотыми рогами, пробегающего за день весь небосклон, от востока до запада. И именно поэтому, чтобы не было никаких сомнений, художник бронзового века высек на плите

не просто оленя, а оленя с солнечным диском над рогами – Оленя Золотые Рога» [Окладников, 1989, с. 132].

Выбитые на вершине горы Сянлушань олени с дисками на рогах являются локальным вариантом образа оленя-солнца – зооморфного божества или небесного спутника бога-солнца.

Список литературы

Забияко А.П., Ван Цзяньлинь. Наскальные изображения Северо-Восточного Китая. – Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2015. – 310 с.

Окладников А.П. Оленный камень с реки Иволги // СА. – 1954. – Т. XIX. – С. 207–220.

Окладников А.П. Олень Золотые Рога: Рассказы об охоте за наскальными рисунками. – Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1989. – 208 с.

Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища томских писаниц. – М.: Искусство, 1972. – 257 с.

References

Okladnikov A.P. Olennyyi kamen' s reki Ivolgi // SA. 1954. Vol. XIX. Pp. 207–220. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Olen' Zoloty Roga: Rasskazy ob okhote za naskal'nyimi risunkami. Khabarovsk: Khabar. kn. izd-vo, 1989. 208 pp. (In Russ.).

Okladnikov A.P., Martynov A.I. Sokrovishcha tom-skikh pisanits. M.: Iskusstvo, 1972. 257 pp. (In Russ.).

Zabiyako A.P., Van Tszyan'lin'. Naskal'nye izobrazheniya Severo-Vostochnogo Kitaya. Blagoveshchensk: Amur. gos. un-t, 2015. 310 pp. (In Russ.).

Д.А. Иванова, А.В. Табаров, Ю.В. Табарева

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: nightliro@bk.ru

КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИЛИЩ КУЛЬТУРЫ ДЗЁМОН: ОТ ХОККАЙДО ДО ОКИНАВЫ*

Детальный анализ особенностей жилищных конструкций культуры дзёмон, существовавшей на островах Японского архипелага в период 13800 – 2300 л.н., свидетельствует об исключительно высоком уровне и гибкости технологий, адаптированных к условиям различных климатических поясов (умеренного, субтропического, тропического) и хозяйственной специализации поселений охотников-собирателей и рыболовов. В качестве примера приводятся модельные реконструкции жилищ на памятниках Онума (Хоккайдо), Мидзуко (Хонсю), Уэнохара (Кюсю) и Накабару (Окинава), относящихся к периодам раннего, среднего и позднего дзёмона, а также определяется круг их тихоокеанских параллелей.

Одной из главных проблем для исследователей стала специфика сохранности органических материалов на территории Японского архипелага. С одной стороны, в настоящее время из 90 531 памятника более чем на 50 тыс. выявлены следы жилищных конструкций, а с другой – практически полное разрушение органики (основного строительного материала) в кислотных почвах оставляет археологам лишь котлованы и минимум информации для детальной реконструкции стен, кровли и внутреннего убранства. Большое количество парков и музеев на территории о-вов Хоккайдо, Хонсю, Кюсю и Окинава, в которых представлены модели возможных вариантов конструкций (миниатюрные или крупноразмерные), дает общее представление об особенностях жилищ культуры дзёмон. Однако все они носят скорее этнографический, чем археологический, характер. Таким образом, детальные, основанные на данных, полученных во время полевых работ, реконструкции единичны.

В настоящей работе авторы приводят примеры нескольких реконструкций, выполненных на основе публикаций, посещения археологических парков и консультаций с японскими специалистами.

Ключевые слова: Японский архипелаг, дзёмон, жилища, конструкция, каркас, очаг, кровля.

D.A. Ivanova, A.V. Tabarev, Yu.V. Tabareva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: nightliro@bk.ru

THE CONSTRUCTIVE FEATURES OF JOMON DWELLINGS: FROM HOKKAIDO TO OKINAWA

We analyzed in detail the dwelling constructions of Jomon culture, which was spread on the Japanese archipelago in the period of 13,800–2,300 ya. It shew the exceptional level and flexibility of technologies, adapted to the conditions of different climatic zones (Variable, Subtropical, Tropical) and economically specialized settlements of hunter-gatherers and specialized fishers. As an example, we consider the simulative reconstruction of the dwellings from the Onuma (Hokkaido), Midzuko (Honshu), Uanohara (Kyushu) and Nakabaru (Okinawa) the Early, Middle and Late Jomon sites and determine the range of their Pacific analogies. One of the main aspects in this range of problems is the preservation of organic material at the territory of Japanese archipelago. On the one hand, the dwelling constructions were obtained at the 50,000 sites from 90,531. On the contrary, almost complete organic matter (the main construction material) breakdown in the acidic soil remains only construction pits and minimal information for the detailed reconstruction of the walls, roofs and interior space. The numerous parks and museums on the Hokkaido, Honshu, Kyushu and Okinawa islands contain the various variants of constructions (small or large) and adumbrate the features of the Jomon dwellings. However, all of them are ethnographic, rather than archaeological. Consequently, detailed and based on field data reconstructions are singular. We present here the examples of a few reconstructions, which were created on the ground of publications, data from archaeological parks and consultations with Japanese specialists.

Keywords: Japanese archipelago, Jomon, dwellings, construction, carcass, hearth, roof.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-01-00017.

На территории Японского архипелага известен 90 531 памятник одного из важнейших эпизодов древней истории – эпохи дзёмон (13 800–2 300 л.н.)*. Несмотря на дискуссию относительно возможности применения термина «культура» для столь длительного периода и существенные локальные различия в облике археологического материала, в японо- и англоязычной специальной литературе по-прежнему сохраняется и широко используется термин «культура дзёмон» и ведется изучение «элементов культуры дзёмон»**.

В фокусе нашего исследовательского проекта один из самых сложных элементов – жилища, их эволюция, конструктивные особенности, композиция и планировка поселенческих комплексов, дальневосточные и тихоокеанские аналогии и параллели [Иванова, 2015; Соловьева, Соловьев, 2014; Табарев, Табарева, Иванова, 2015]. С одной стороны, насчитывается более 50 тыс. памятников и поселений, на которых выявлены следы жилищ, а с другой – практически полное разрушение органики (основного строительного материала) в кислотных почвах оставляет археологам лишь котлованы и минимум информации для детальной реконструкции стен, кровли и внутреннего убранства. Практически в каждой префектуре есть по несколько музеев и археологических парков, в которых экспонируются миниатюрные и полно-размерные модели жилищ, однако в подавляющем большинстве случаев их внешний вид реконструируется на основании весьма общих этнографических аналогий из самых разных частей света. Детальные реконструкции единичны.

Есть своя специфика и в японских публикациях (статьях, отчетах о раскопках, музейных буклетах) – как правило, в них очень подробно рассматривается материал конкретного памятника или группы памятников в пределах небольшого района и крайне редко производятся обобщения на уровне префектуры, острова или архипелага в целом.

Англоязычных работ, посвященных особенностям дзёмонского домостроительства, немного. Отметим статьи Д. Марингера «Жилища древней Японии» [Maringer, 1980] и Х. Ватанабэ «Систематическая классификация жилищ с котлованом» [Watanabe, 1981]. Марингер длительное время (1952–1959 гг.) работал в Японии и имел возможность познакомиться практически со всеми доступными на тот момент археологическими мате-

риалами. В его статье есть описания жилищ разных периодов культур дзёмон, яёй и кофун. Для самого раннего периода (прото-дзёмона), по мнению Д. Марингера, характерны достаточно простые жилища с неглубоким котлованом округлых, реже прямоугольных очертаний с серией из 4–5 ямок от опорных столбов по периметру и конической кровлей, покрытой корой, листьями или дерном. Очаги в жилищах присутствуют редко. Уже в раннем дзёмоне жилища становятся сложнее – увеличивается (до 16–40) количество опорных столбов по периметру, преобладает прямоугольная форма котлована, позволяющая удлинять конструкцию по мере увеличения числа проживающих. В жилищах присутствуют очаги с обкладкой в виде камней или без нее. Буквально в двух словах Д. Марингер описывает жилища среднего дзёмона («их форма варьируется от округлой до подпрямоугольной»), а для позднего дзёмона отмечает как наличие жилищ с котлованом, так и широкое распространение наземных жилищ. Последнее он объясняет не более комфортным климатом, а развитием технологий домостроительства, позволяющих создавать более легкие, безопасные и хорошо проветриваемые конструкции.

В свою очередь, Х. Ватанабэ опирался на обширную информацию из публикаций российских, японских, а также североамериканских этнографов и археологов и разработал дробную классификацию типов жилищ (в том числе и по культуре дзёмон) в зависимости от особенностей конструкции (наземная или углубленная, с опорным столбом или без), покрытия (земля, органика) и расположения входа (через стенку или через крышу). При этом важно отметить, что в классификации Х. Ватанабэ фигурируют в основном жилища северной части Тихоокеанского бассейна и умеренного пояса, сооружаемые с учетом холодных и ветреных сезонов.

Японский архипелаг расположен примерно между 25 и 45° с.ш. Таким образом, к районам умеренного климатического пояса относятся лишь о-в Хоккайдо и северная часть Хонсю, основная же часть о-ва Хонсю, о-ва Сикоку и Кюсю, а также северная часть Рюккю лежат в субтропиках, а Окинава и соседние с ней мелкие островки многими специалистами рассматриваются уже как часть тропического пояса.

В настоящей работе мы приводим примеры нескольких реконструкций, выполненных на основе публикаций, посещения археологических парков и консультаций с японскими специалистами.

Характерным типом жилищ для среднего дзёмона на Хоккайдо может служить жилище на памятнике Онума (см. рисунок, 1). В его основании – кот-

*По данным Министерства культуры и образования Японии за 2013 г.

**Аргументация сторон по поводу терминологии изложена в целом ряде работ. Рекомендуем, например, книгу Ю. Хабу [Habu, 2004, P. 7–16].

Жилищные конструкции культуры дзёмон:

1 – памятник Онума, средний дзёмон, о-в Хоккайдо; 2 – памятник Мидзуко, средний дзёмон, о-в Хонсю; 3 – памятник Уэнохара, ранний дзёмон, о-в Кюсю; 4 – памятник Накабару, поздний дзёмон, о-в Икей, Окинава. Графические реконструкции Ю.В. Табаревой.

лован глубиной 50 см прямоугольных очертаний 5 × 2,5 м. Каркас, формирующий двускатную кровлю, состоит из 25–28 наклонных жердей, перекрытых соломой и дерном. В центре – следы очажной конструкции, что предполагает наличие дымохода, скорее всего над выходом из жилища.

Несколько иной вариант жилища для периодов раннего–среднего дзёмона представлен на памятнике Мидзуко (преф. Сайтама) на о-ве Хонсю (см. рисунок, 2). Округлый в плане котлован диаметром 4–4,5 м и глубиной не более 40 см накрывается легким каркасом из 8–10 наклонных жердей, опирающихся на 4 поперечные балки. Высота реконструированного жилища – не более 3 м. Очаги находятся вне помещений.

Следы наиболее ранних жилищных конструкций, свидетельствующих о формировании полуседлого и оседлого образа жизни обитателей Японского архипелага, зафиксированы археологами в южной части о-ва Кюсю. Речь идет о целой группе стоянок начального и раннего дзёмона (14 000–8 000 л.н.): Соджияма, Какоинохара, Шикасегашира, Хигаши Куротсучида, Маебару, Окуноита, Какурияма и Уэнохара [Pearson, 2010].

В частности, для памятника Уэнохара (ранний дзёмон) реконструируется достаточно специфическая модель жилища. В отличие от описанных выше для Хоккайдо и Хонсю каркасно-столбовых конструкций с опорными столбами, расположенными внутри строения, ямки от опорных столбов жилищ памятника Уэнохара были расположены снаружи по кругу. Таким образом, при отсутствии центрального, несущего, столба наземная часть конструкции, скорее всего, имела форму купола (см. рисунок, 3). Этому мог способствовать и основной материал каркаса – бамбук. Очагов внутри таких жилищ не найдено. Этот тип строения находит многочисленные аналогии в древних и традиционных культурах тропической и субтропической частей Тихоокеанского бассейна, от Филиппин до побережья Перу и Эквадора [Табарев, Табарева, Иванова, 2015].

До недавнего времени в японской и англоязычной литературе преобладало мнение о существенных отличиях ранне- и среднеголоценовых комплексов на Окинаве и Рюккю от культуры дзёмон на основной территории архипелага. Использовался даже альтернативный термин – «Период раковинных куч». Однако в настоящий момент эта позиция серьезно корректируется – согласно детальному анализу керамики [Ito, 2003, 2010], отличия проявляются лишь на самом раннем этапе, а затем, наоборот, как минимум семь общих керамических стилей присутствуют в археологических комплексах от юга Кюсю (преф. Кагосима)

до Окинавы. Облик жилищ поздних этапов дзёмона на Окинаве хорошо иллюстрируют жилища памятника Накабару (2500–2300 л.н.) (см. рисунок, 4). Они сооружались над неглубокими (40–45 см) котлованами прямоугольных очертаний (2 × 3 м). Нижняя часть стенок выполнялась из камней, кровля конической формы на каркасе из жердей, покрытых соломой и листьями, высота от пола – не более 2–2,5 м. Очаги (как и на Кюсю) в жилищах отсутствуют, зато фиксируются погребения под полом.

Приведенные данные красноречиво свидетельствуют о том, что исследовательская парадигма не может быть прямолинейной (например, конструкции развиваются от простых к более сложным или южные конструкции легче северных и т.п.). На облик дзёмонских жилищ влияло большое количество факторов – климат, характер поселения, размеры нуклеарной семьи, доступность строительного материала, а также культурная традиция.

Список литературы

Иванова Д.А. В круге жизни: концентрическая система поселений среднего дзёмона // Научная конференция «XIX Сергеевские чтения»: Сб. тез. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2015. – С. 10.

Соловьева Е.А., Соловьев А.И. Особенности поселенческих комплексов эпохи дзёмон в Японии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 276–279.

Табарев А.В., Табарева Ю.В., Иванова Д.А. В поисках формы: опыт реконструкции древнейших жилищ культуры дзёмон (по материалам памятника Уэнохара-4, Кюсю) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – Т. 22, № 2. – С. 57–60.

Habu J. Ancient Jomon of Japan. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. – 332 p.

Ito S. The Position of the Ryukyu Jomon Culture in the Asia-Pacific Region // Indo-Pacific Association Bull. – 2003. – Vol. 23. – P. 63–66.

Ito S. Hito wa itsu dono yō ni Ryūkyū rettō ni teichaku shita no ka? Ryūkyū Jōmon bunka no danzoku mondai [When and how did people adapt to the Ryukyu Islands?] // Kōkogaku Jānaru. – 2010. – No. 597. – P. 6–8.

Maringer J. Dwellings in Ancient Japan: Shapes and Cultural Context // Asian Folklore Studies. – 1980. – Vol. 39. – P. 115–123.

Pearson R. Jomon Hot Spot: Increasing Sedentism in Southwestern Japan in the Incipient Jomon (14,000–9,250 cal. BC) and Earliest Jomon (9,250–5,300 cal. BC) Periods // World Archaeology. – 2010. – No. 38(2). – P. 239–258.

Watanabe H. Systematic Classification of Pit Dwellings: Habitation Ecology of Food Gatherers // Bull. of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures. Hokkaido University. – 1981. – Vol. 14. – P. 1–108.

References

Habu J. *Ancient Jomon of Japan*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. 332 pp.

Ito S. The Position of the Ryukyu Jomon Culture in the Asia-Pacific Region // *Indo-Pacific Association Bull.* – 2003. Vol. 23. Pp. 63–66.

Ito S. Hito wa itsu dono yō ni Ryūkyū rettō ni teichaku shita no ka? Ryūkyū Jōmon bunka no danzoku mondai [When and how did people adapt to the Ryukyu Islands?] // *Kōkogaku Jānaru*. 2010. No. 597. Pp. 6–8. (In Japan.).

Ivanova D.A. V krughe zhizni: kontsentricheskaya sistema poseleniy srednego dzyomona // *Nauchnaya konferentsiya “XIX Sergeevskie chteniya”*. Sb. tez. M.: Izd-vo Mosk. gos. un-ta im. M.V. Lomonosova, 2015. Pp. 10. (In Russ.).

Maringer J. Dwellings in Ancient Japan: Shapes and Cultural Context // *Asian Folklore Studies*. 1980. Vol. 39. Pp. 115–123.

Pearson R. Jomon Hot Spot: Increasing Sedentism in Southwestern Japan in the Incipient Jomon (14,000–9,250 cal. BC) and Earliest Jomon (9,250–5,300 cal. BC) Periods // *World Archaeology*. 2010. No. 38(2). Pp. 239–258.

Solov’eva E.A., Solov’ev A.I. Osobennosti poselencheskikh kompleksov epokhi dzyomon v Yaponii // *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel’nykh territoriy*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. XX. Pp. 276–279. (In Russ.).

Tabarev A.V., Tabareva Yu.V., Ivanova D.A. V poiskakh formy: opyt rekonstruktsii drevneyshikh zhilishch kul’tury dzyomon (po materialam pamyatnika Uenokhara-4, Kyusyu) // *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. – 2015. Vol. 22, No. 2. Pp. 57–60. (In Russ.).

Watanabe H. Systematic Classification of Pit Dwellings: Habitation Ecology of Food Gatherers // *Bull. of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures*. Hokkaido University. 1981. Vol. 14. Pp. 1–108.

А.В. Кениг^{1, 2}, Е.А. Зайцева³¹Институт археологии и этнографии СО РАН²Сургутский государственный университет³АУ ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия»

E-mail: zaiceva-e@yandex.ru

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ МОГИЛЬНИКА ГОРНОПРАВДИНСКИЙ В ПОЛЕВОМ СЕЗОНЕ 2015 ГОДА*

В статье представлены предварительные итоги археологических раскопок могильника Горноправдинский в 2015 г. Могильник Горноправдинский расположен на правом берегу р. Иртыш в пос. Горноправдинск Ханты-Мансийского р-на Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Могильник является старым кладбищем с. Филинского, которое в конце XIX в. было административным центром Денищиковской вол. Тобольского округа. В настоящее время могильник находится в аварийном состоянии из-за осыпания берега р. Иртыш. Впервые археологические раскопки на памятнике были проведены в 2007 г. Площадь раскопок в 2015 г. составила 210 м². В ходе работ было вскрыто 36 могильных ям и изучено более 40 захоронений. В 10 могильных ямах располагалось от 2 до 4 захоронений. Большая часть захоронений была совершена в деревянных колодах. Антропологический материал, полученный в ходе раскопок, очень плохой сохранности. По половозрастному признаку изученные в 2015 г. захоронения представлены 9 мужскими и 23 женскими. Инвентарь включает коллекцию нательных крестов, кожаную обувь, одежду – штаны из сукна, фрагменты халата, пояса, платки и носки. Проведенные работы позволили расширить круг источников по материальной культуре русского старожильского населения севера Западной Сибири в XVIII–XIX вв. Впервые были изучены погребения в деревянных колодах, крышки которых накрыты в несколько слоев берестой.

Ключевые слова: Западная Сибирь, археология, раскопки, могильник Горноправдинский, погребальный обряд.

A.V. Kenig^{1, 2}, E.A. Zaitseva²¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS²Surgut State University³AI KhMAD – Yugra “Center of Cultural Heritage Conservation”

E-mail: zaiceva-e@yandex.ru

RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL STUDY AT THE GORNOPRAVDINSK BURIAL GROUND IN 2015 FIELD SEASON

Article presents the preliminary results of archaeological excavation at the Gornopravdinsk burial ground in 2015. Gornopravdinsk burial ground is situated in the right bank of Irtysh River in the township of Gornopravdinsk, Khanty-Mansiysk district of Khanty-Mansiysk Autonomous District – Yugra. The object is the old cemetery of the Philinskoe village, which was the provincial capital of Denshchikovskaya volost of Tobolsk district in the late 19 century. At present time the burial ground are in disrepair in consequence of the caving-in of Irtysh River bank. First, site was excavated in 2007. The excavated area amounted to 210 m² in 2015. In the course of investigation it was uncovered 36 burial pits and more than 40 graves. Ten burial pits contained from 2 to 4 graves. Most of them is the wooden coffin graves. Excavated anthropological material did not preserve fine. On the basis of sex and age, the found burials represent 9 male and 23 female graves. The equipment includes crosses worn next to the skin, leather footwear, and clothes – cloth trousers, fragments of the wrapper, belts, wraps and socks. The conducted work permitted to enlarge range of sources of the material culture of Russian old-timers who lived in the North of Western Siberia in 18–19 centuries. The lids of the wooden coffin were covered by multilayer birch bark. Such graves were studied for the first time.

Keywords: Western Siberia, archaeology, excavation, Gornopravdinsk burial ground, burial rite.

В полевом сезоне 2015 г. авторами данной статьи были продолжены археологические раскопки могильника Горноправдинский. В исследованиях

принимали участие специалисты по реставрации археологических артефактов – О.Л. Швец (Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Но-

*Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-11-86602.

восибирск), дендрохронологии – канд. ист. наук, З.Ю. Жарников, В.В. Баринов (Институт леса им. В. Н. Сукачева СО РАН, г. Красноярск), а также аспирантка М.О. Сидорова (Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск), врач судебно-медицинской экспертизы В.В. Зарубин (БУ ХМАО–Югры «Бюро судебно-медицинской экспертизы») и студенты первого курса Сургутского государственного университета.

Тема погребальной обрядности русского старожильческого населения Западной Сибири является одной из наиболее слабо раскрытых в сибирской науке [Татаурова, 2010]. А если говорить о территории севера Западной Сибири, то материалы исследований могильника Горноправдинский служат сегодня единственным источником, представляющим погребальную обрядность русского населения в XVIII–XIX вв. Цель настоящей статьи состоит во введении в научный оборот новых данных по погребальной обрядности населения Нижнего Иртыша XVIII–XIX вв.

В административном отношении могильник расположен в исторической части пос. Горноправдинск Ханты-Мансийского р-на Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, на правом берегу р. Иртыш. По описаниям Г.Ф. Миллера, в 1740 г. на исследуемой территории располагался Филинский погост, здесь было 14 ямщицких дворов и церковь Вознесения Господня, построенная для остяков из юрт Филинских [История Сибири..., 1996, с. 268]. В конце XIX в. с. Филинское являлось административным центром Денщиковской вол. Тобольского округа [История..., 2012, с. 95–96].

Памятник был выявлен в 2005 г., когда в результате обрушения коренного берега р. Иртыш обнажилось несколько захоронений в деревянных колодах [Зайцева, Кениг, 2007]. Определить границы памятника в настоящее время не представляется возможным. Каких-либо ландшафтных признаков могильника на поверхности не фиксируется. Более того, на территории памятника располагается жилая застройка пос. Горноправдинск. И несмотря на то что берег Иртыша активно обрушается, подходя вплотную к домам, местные жители не спешат их покидать. По рассказам старожилов, еще в 70–80-е гг. прошлого столетия по берегу, который к настоящему времени уже обвалился, проходили две улицы и стояли два ряда домов. О том, что берег активно разрушался еще в период функционирования кладбища (вторая половина XIX в.), мы узнали из чертежного плана с. Филинского, датированного 1878 г. В нем есть указание на необходимость переноса сельского кладбища в связи с активным осыпанием берега р. Иртыш [ГАТО в г. Тобольске, ф. 154, оп. 21]. Исходя из этого можно предположить, что боль-

шая часть могильника уже утрачена и мы имеем дело с его периферией. Интересно еще и то, что жители домов, которые стоят на месте бывшего кладбища, ничего не знали о его существовании.

В ходе трех полевых сезонов (2007, 2008 и 2012 гг.) на памятнике были проведены археологические раскопки, общая площадь которых составила 268 м² [Зайцева, 2008, 2009; Кениг, Зайцева, 2012]. Обнаружено 30 погребений, из которых 26 исследованы полностью, а 4 законсервированы (погр. № 16, 18–20).

В 2015 г. раскоп был заложен в южной части, свободной от современной жилой застройки. Общая площадь его составила 210 м². Раскоп был разбит на три сектора, прирезанных к раскопу 2012 г. с целью доисследования выявленных ранее и законсервированных погребений, а также изучения южной части памятника.

По поверхности памятника, на которой был разбит раскоп, в настоящее время проходит грунтовая дорога, поэтому вскрывать верхний слой лопатами было крайне сложно. После снятия верхнего слоя на глубине 20–30 см от дневной поверхности в планиграфии было зафиксировано 36 могильных пятен подпрямоугольной, подквадратной и овальной формы. Большая часть погребений была ориентирована по оси ВСВ–ЗЮЗ. В десяти из зафиксированных на поверхности могильных ям располагалось несколько захоронений, количество которых варьирует от двух до четырех. В большинстве случаев это погребения женщин с детьми.

Глубина могильных ям составляла в среднем от 150 до 221 см от современной поверхности. Однако обращает на себя внимание погребение № 33, в котором захоронение фиксировалось на глубине 110 см от дневной поверхности и содержало останки трех умерших, которые располагались друг над другом. Дно могильной ямы фиксировалось на глубине 158 см.

подавляющее большинство захоронений совершено в деревянных долбленых колодах – «домовинах». В силу плохой сохранности древесины на данных участках раскопок гробы по большей части фиксировались только по наличию кованых гвоздей, поэтому определить их форму и размеры не представляется возможным. Отличительной особенностью раскопок 2015 г. является обнаружение захоронений в деревянных колодах, которые были накрыты листьями бересты в несколько слоев. Было обнаружено пять таких погребений, которые располагались в смежных квадратах одного сектора. Листья бересты находились на верхней крышке колоды по всему периметру, края их были подогнуты под крышку. Возможно, благодаря этому сохранность данных колод лучше, чем всех остальных, обнаруженных в полевом сезоне 2015 г.

Антропологический материал, полученный в ходе раскопок, плохой сохранности. Тем не менее удалось установить, что изученные в 2015 г. захоронения представлены 9 мужскими и 23 женскими. В остальных случаях половую принадлежность погребенных определить не удалось. Костяки в захоронениях расположены анатомически правильно, трупоположение на спине, ноги вытянуты, руки согнуты в локтевых суставах. В детских погребениях костные останки практически не сохранились. Кроме этого зафиксированы женские скальпы с прическами.

Инвентарь, обнаруженный в погребениях, разнообразен. Самую большую категорию находок представляют нательные кресты. Их коллекция насчитывает 55 экз. В одном погребении обнаружен медальон. Вторая по количеству группа находок – это кожаная обувь (сапоги, чирки, обувь для детей). В одном случае найдены кожаные детские ботиночки с застежкой. Третью группу находок составляет одежда из ткани. Она представлена такими изделиями, как штаны из сукна, халат, платки и детали головного убора (?).

Таким образом, исследования 2015 г. существенно дополнили коллекцию предметов материальной культуры русского старожильского населения севера Западной Сибири XVIII–XIX вв. Впервые были обнаружены деревянные колоды, покрытые слоем бересты. Этот факт фиксирует существенные особенности в погребальной практике русского населения Сибири. Подобных захоронений не встречалось в предыдущих раскопах. По материалам Л.В. Татауровой, из 261 исследованного ею захоронения на могильнике Изюк-1 в Среднем Прииртышье только в одном случае зафиксирована береста. Как предполагает сама Л.В. Татаурова, возможно, это была колода из березы [2010, с. 85]. В целом введение в научный оборот материалов раскопок могильника Горноправдинский 2015 г. позволит расширить наши представления о погребальной практике населения Нижнего Прииртышья.

Список литературы

ГАТО в г. Тобольске. Ф.154. Оп. 21. Д. 963.

Зайцева Е.А. Противоаварийные работы на могильнике Горноправдинский в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в полевом сезоне 2007 года (предварительные результаты) // Сохранение археологического наследия в условиях интенсивного хозяйственного освоения: опыт, проблемы, решения: Сб. докл. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – С. 51–58.

Зайцева Е.А. Противоаварийные археологические раскопки на могильнике Горноправдинский в полевом сезоне 2008 г. (предварительные результаты) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошло-

го. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2009. – Вып. 7. – С. 302–307.

Зайцева Е.А., Кениг А.В. Археологическая разведка в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2005 году // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2007. – Вып. 4. – С. 167–177.

История населенных пунктов Югры: Краткий научно-популярный справочник / Сост. Е.А. Зайцева, В.П. Ключева, С.Н. Щербич. – Ханты-Мансийск; М.: Перо, 2012. – 176 с.

История Сибири: Первоисточники. – Новосибирск, 1996. – Вып. VI: Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – 310 с.

Кениг А.В., Зайцева Е.А. Результаты археологических исследований могильника Горноправдинский в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 445–447.

Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк-1. – Омск, 2010. – 283 с.

References

GA TO v g. Tobol'ske. F.154. Op. 21. D. 963. (In Russ.).

Istoriya naseleennykh punktov Yugry: Kratkiy nauchno-populyarny spravochnik / Sost. E.A. Zaytseva, V.P. Klyueva, S.N. Shcherbich. Khanty-Mansiysk; M.: Pero, 2012. 176 pp. (In Russ.).

Istoriya Sibiri: Pervoistochniki. Novosibirsk, 1996. Iss. VI: Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera. 310 pp. (In Russ.).

Kenig A.V., Zaytseva E.A. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy mogil'nika Gornopravdinskiy v 2012 godu // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2012. Vol. XVIII. Pp. 445–447. (In Russ.).

Tataurova L.V. Pogrebal'ny obryad russkikh Srednego Priirtysh'ya XVII–XIX vv. po materialam kompleksa Izjuk-1. Omsk, 2010. 283 pp. (In Russ.).

Zaytseva E.A. Protivoavariynye raboty na mogil'nike Gornopravdinskiy v Khanty-Mansiyskom rayone Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry v polevom sezone 2007 goda (predvaritel'nye rezul'taty) // Sokhranenie arkheologicheskogo naslediya v usloviyakh intensivnogo khozyaystvennogo osvoeniya: opyt, problemy, resheniya: Sb. dokl. Khanty-Mansiysk: Poligrafist, 2008. Pp. 51–58. (In Russ.).

Zaytseva E.A. Protivoavariynye arkheologicheskie raskopki na mogil'nike Gornopravdinskiy v polevom sezone 2008 g. (predvaritel'nye rezul'taty) // Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo. Ekaterinburg; Khanty-Mansiysk, 2009. Iss. 7. Pp. 302–307. (In Russ.).

Zaytseva E.A., Kenig A.V. Arkheologicheskaya razvedka v Khanty-Mansiyskom rayone Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry v 2005 godu // Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo. Ekaterinburg; Khanty-Mansiysk, 2007. Iss. 4. Pp. 167–177. (In Russ.).

К.Ю. Кирюшин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Алтайский государственный университет
E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

РАННЯЯ КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ БОЙНИХА-1 (проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности)

Эпоха неолита до сих пор остается наименее изученным периодом в древней истории Барнаульско-Бийского Приобья. Поэтому каждый новый памятник неолита существенно расширяет источниковую базу по этому периоду в древней истории региона. Поселенческие и погребальные памятники эпохи энеолита Барнаульско-Бийского Приобья исследованы гораздо лучше, но дискуссионными остаются вопросы их культурной принадлежности.

Поселение Бойниха-1 относится к числу вновь выявленных объектов археологического наследия. В результате обследований памятника собраны коллекции каменных артефактов и керамики, относящиеся к археологическим периодам от неолита до эпохи средневековья. Наибольший интерес представляет ранняя группа посуды.

Керамика поселения Бойниха-1 сильно различается, что, по-видимому, связано с ее хронологией и культурной принадлежностью. У различных групп керамики прослеживаются аналогии, уходящие в разных направлениях: у энеолитической – на запад, у предположительно неолитической – на север и северо-восток.

Несмотря на отличия, керамический комплекс памятника имеет общие черты. В стенках всех сосудов в той или иной степени фиксируются следы органики. Сходство наблюдается в разных элементах: широкое использование рядов ямок (вертикальных и горизонтальных), выполненных разными орнаментами; декорирование среза венчика; нанесение орнамента поверх отпечатков гребенчатого или веревочного штампа либо шнура. Видимо, черты сходства связаны с расположением памятника в своеобразной контактной зоне, которой на протяжении нескольких тысячелетий от эпохи неолита и до этнографического времени являлось Барнаульско-Бийское Приобье.

Ключевые слова: археология, неолит, энеолит, поселение, керамика, техника орнаментации, комбинированный штамп.

K.Yu. Kiryushin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Altai State University
E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

THE EARLY CERAMICS OF THE BOINIKHA-1 SETTLEMENT (problems of chronology, periodization and cultural attribution)

Neolithic time is the least studied period in ancient history of Barnaul-Biysk Ob Region. Consequently, every new Neolithic site significantly enlarge the data for this period in ancient regional history. Eneolithic settlements and burial sites are studied much deeper in Barnaul-Biysk Ob Region, but the questions of their cultural attribution are still discussed. Boynikha-1 the settlement relates to the number of once more detected objects of archaeological heritage. In consequence of the site exploration, we collected stone artifacts and ceramics, related to the archaeological periods from Neolithic to Middle Ages. The group of early ware kindles our interest. Ceramics from the Boinikha-1 settlement differs widely. It can be associate with its chronology and cultural attribution. The separate ceramic groups find analogies: eneolithic – in the west, probable Neolithic – in the north and northeast. Despite the differences, the ceramic complex of this site has the common features. In the walls of all vessels, in varying degrees, traces of organic are fixed. The walls of all of vessels contained the traces of organics. The similarity can be retraced in some sort of elements: wide use of dimple rows (vertical and horizontal), made by various tools; decoration of rim shear; ornamentation over the comb or rope stamp or over the stamp of twine. Obviously, the similar traits associate with situation of site in the contact zone, which was at the territory of Barnaul-Biysk Ob Region for a several thousands years, from Neolithic to ethnographic time.

Keywords: archaeology, Neolithic, Eneolithic, settlement, ceramics, ornament technique, combined stamp.

В 2013 г. сотрудниками НПЦ «Наследие» и АлтГУ в Первомайском р-не Алтайского края было выявлено поселение эпохи неолита – раннего железного века Бойниха-1 [Кирюшин, Фролов, Редников, 2014]. В 2014 г. отряд АлтГУ провел мониторинг состояния памятника, в ходе которого оказалось, что на площади 60 × 70 м бульдозером снят дерн с культурным слоем мощностью до материка [Кирюшин, Грушин, Ситников, 2015]. В результате обследований памятника собраны коллекции каменных артефактов и керамики, относящиеся к археологическим периодам от неолита до эпохи средневековья. Наибольший интерес представляет ранняя группа посуды.

В собранных коллекциях широко представлена керамика, орнаментированная отпечатками отступающей палочки с элементами накалывания и рядами ямок (рис. 1, 1, 4–6). Ямки чаще всего круглой формы и только однажды нанесены пером птицы (см. рис. 1, 5). В нескольких случаях небольшие фрагменты орнаментированы только отпечатками отступающей палочки (рис. 1, 2, 3), но это может быть связано с их малыми размерами. Орнамент часто нанесен поверх отпечатков «шагающей» гребенки (см. рис. 1, 1, 2), шнура

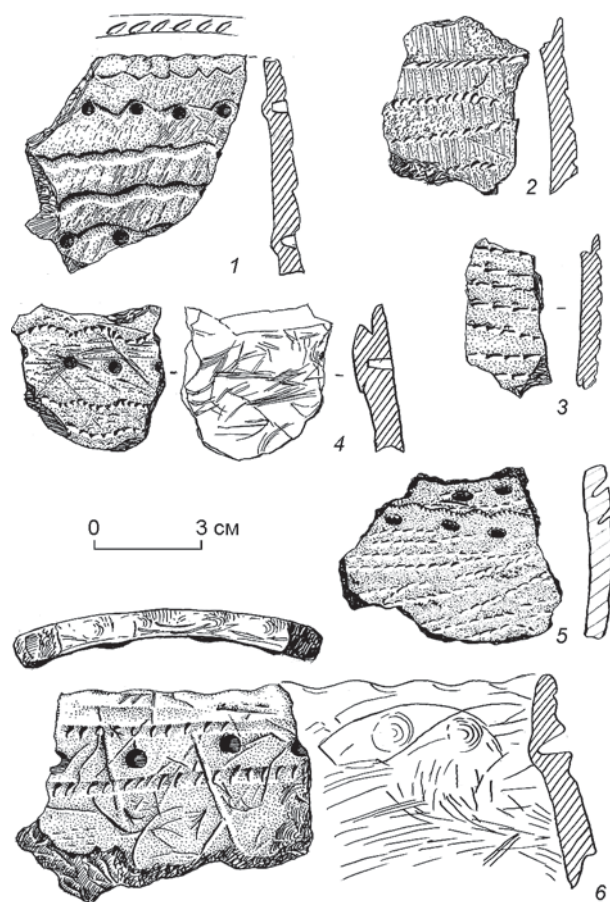

Рис. 1. Керамика поселения Бойниха-1.

или веревочки (см. рис. 1, 5). Срез венчика украшен насечками (см. рис. 1, 1) или вдавлениями (см. рис. 1, 6). В одном случае венчик сосуда поверх рядов отступающей палочки с элементами накалывания декорирован прочерченным орнаментом в виде «сеточки» (см. рис. 1, 6).

Керамика, орнаментированная отпечатками отступающей палочки с элементами накалывания и рядами ямок, находит аналогии в материалах памятников энеолита Северной Кулунды Новоильинка III и Новоильинка VI [Кирюшин, 2014, 2015]. Подобная керамика имеет много общего с посудой «кипринского типа» с территории Верхнего Приобья [Кирюшин, 2002; Молодин, 1985] и материалами поселений Барабы эпохи раннего металла [Молодин, 1985].

В отступающе-накольчатой технике орнаментирован археологически целый сосуд. Восемь фрагментов складываются вместе от венчика до дна. Это небольшой толстостенный сосуд (толщина стенок 0,8–1,1 см) с диаметром венчика 7,5 см и высотой 11 см (рис. 2, 1). У данного сосуда своеобразная форма – максимальное расширение тулова (10,5 см) приходится на нижнюю треть. При декорировании сосуда использована вертикальная орнаментальная схема. Вертикальные ряды ямок чередуются с линиями отпечатков отступающей палочки с элементами накалывания. Все тулово сосуда покрыто горизонтальными и диагональными отпечатками гребенчатого орудия (см. рис. 2, 1). Определения, выполненные М.Ю. Клименко [Кирюшин, Грушин, Ситников, 2015], показали, что ряды вертикальных ямок на сосудах нанесены суставом мелкого млекопитающего размером с суслика (*Spermophilus*). Использование в качестве орнаментов костей птиц и мелких млекопитающих зафиксировано на неолитической керамике поселения Иня-11 в Тогучинском р-не Новосибирской обл. [Зах, 2003].

Значительную группу составляют фрагменты керамики, орнамент внешней поверхности которых выполнен прокатыванием веревочки, намотанной на палочку (комбинированный штамп) (рис. 2, 2–4). В одном случае поверх подобных отпечатков нанесены ряды неглубоких вдавлений полуовальной формы и ряды ямок (см. рис. 2, 3). У значительной части фрагментов отпечатки комбинированного штампа сочетаются с рядами ямок (см. рис. 2, 2–4).

У одного сосуда, декорированного подобным образом, частично реконструируется форма (см. рис. 2, 4). Судя по имеющимся фрагментам (87 экз.), тулово у него немного шире венчика, который отогнут наружу. Отпечатки комбинированного штампа имеются на внутренней поверхности

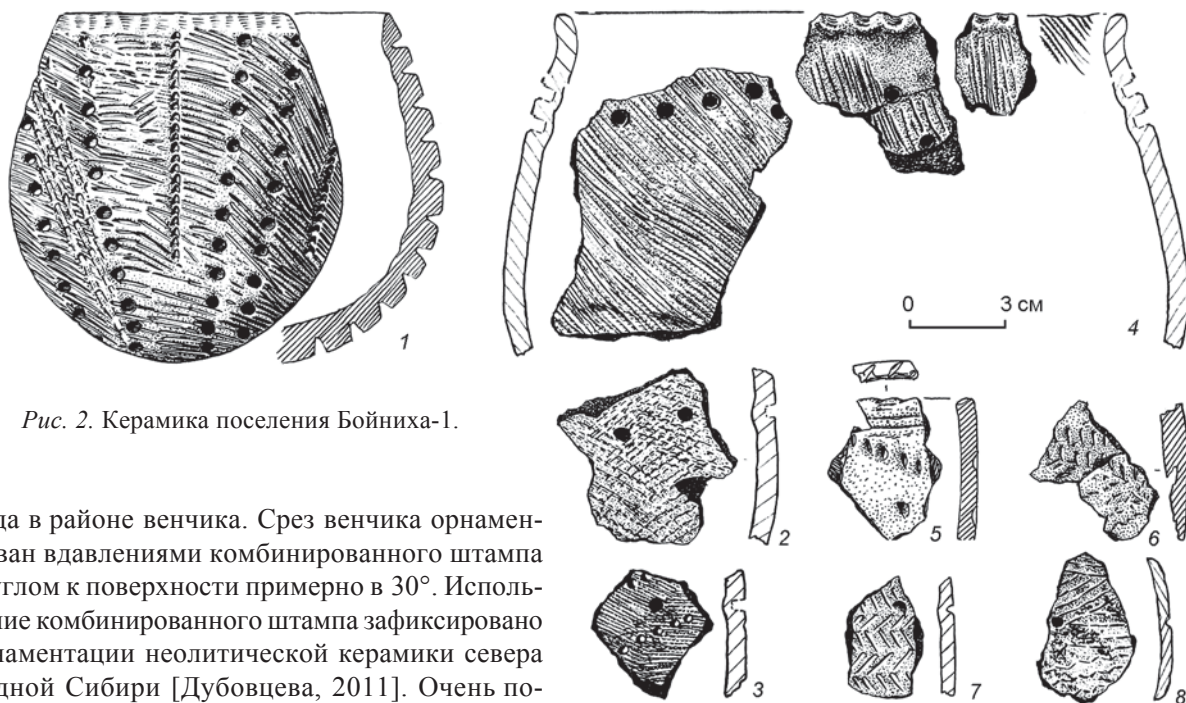

Рис. 2. Керамика поселения Бойниха-1.

сосуда в районе венчика. Срез венчика орнаментирован вдавлениями комбинированного штампа под углом к поверхности примерно в 30° . Использование комбинированного штампа зафиксировано в орнаментации неолитической керамики севера Западной Сибири [Дубовцева, 2011]. Очень похоже, что подобным образом орнаментирована керамика поселения Шипуново в Усть-Пристанском р-не Алтайского края на правобережье р. Обь [Кирюшин, Грушин, Папин, 2003]. Аналоги подобной керамики прослеживаются в материалах посольской культуры на юге Восточной Сибири [Berdnikov, Ulanov, 2015].

В сломках венчика присутствуют следы полого канальчика от выгоревшего шнура или веревочки. Подобный технологический прием фиксируется в материалах поселений Барнаульско-Бийского Приобья Киприно [Комарова, 1956] и Шипуново [Кирюшин, Грушин, Папин, 2003], а также в материалах поселений Иня-3 и Иня-11 в Тогучинском р-не Новосибирской обл. [Зах, 2003, с. 129]. По тулову сосуда проходят два ряда ямок. Ямки глубокие, образуют жемчужины на внутренней поверхности сосуда. Внутри всех ямок имеется своеобразный конус, указывающий на полую форму орнамента. На внешней поверхности сосуда вокруг многих ямок наблюдается специфическое кольцо, указывающее на наличие некоего ограничителя на орнаменте.

Достаточно интересны отдельные фрагменты, которые трудно датировать. Часть фрагментов декорирована только насечками (рис. 2, 5, 6). Три фрагмента керамики орнаментированы образующими ряды елочки вдавлениями палочки, поставленной под углом к поверхности сосуда, и ямками (рис. 2, 7).

Девять фрагментов керамики декорированы прочерченными горизонтальными рядами прямых и волнистых линий, пространство между которыми иногда заполнено диагональными линиями

и рядами ямок (рис. 2, 8). У этой посуды прослеживаются аналогии с неолитической «завьяловской» керамикой лесостепного Обь-Иртышья [Молодин, 1977].

Керамика поселения Бойниха-1, вне всякого сомнения, сильно различается, что, по-видимому, связано с ее хронологией и культурной принадлежностью. У различных групп керамики имеются аналогии, уходящие в разных направлениях: у энеолитической – на запад, у предположительно неолитической – на север и северо-восток. Несмотря на отличия, керамический комплекс памятника обладает общими чертами.

В стенках всех сосудов в той или иной степени фиксируются следы органики. В некоторых случаях это полые канальцы от сгоревших волоса или шерсти, в других – следы, похожие на выгоревшую траву. Следы от волоса животных присутствуют в керамике поселения Тыткескень II в Горном Алтае от раннего до финального неолита [Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Глушков, 2012]. Следы от пуха птиц в стенках сосудов обнаруживаются в материалах памятников эпохи энеолита в Северной Кулунде Новоильинка III и Новоильинка VI.

Сходство прослеживается в разных элементах: широкое использование рядов ямок (вертикальных и горизонтальных), выполненных разными орнаментами; декорирование среза венчика; нанесение орнамента поверх отпечатков гребенчатого или веревочного штампа либо шнура. Видимо, черты сходства связаны с расположением памят-

ника в своеобразной контактной зоне, которой на протяжении нескольких тысячелетий от эпохи неолита и до этнографического времени являлось Барнаульско-Бийское Приобье. К сожалению, похоже, что данный археологический объект потерян для науки [Кирюшин, Грушин, Ситников, 2015] и проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности подобной керамики придется решать на материалах других памятников.

Список литературы

Дубовцева Е.Н. Использование веревки для орнаментации неолитической керамики севера Западной Сибири // Российская археология. – 2011. – № 2. – С. 16–26.

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаира и Приобья. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – 168 с.

Кирюшин К.Ю. Поселение эпохи энеолита Новоильинка VI (по материалам исследований 2014 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 168–171.

Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – № 1 (61). – С. 25–36.

Кирюшин К.Ю., Грушин С.П., Ситников С.М. Обследование поселения Бойниха-1 в 2014 году // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – Вып. XXI. – С. 116–124.

Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Глушков И.Г. Использование волоса животных в гончарной традиции неолитических комплексов поселения Тыткескен-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4 (52). – С. 41–50.

Кирюшин К.Ю., Фролов Я.В., Редников А.А. Бойниха-1 – памятник неолита и раннего железного века Барнаульского Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – Вып. XX. – С. 112–119.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: АлтГУ, 2002. – 293 с.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Папин Д.В. Материалы эпохи раннего голоцена на юге Верхнего Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 352–354.

Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. – Вып. 64. – М., 1956. – С. 93–103.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Berdnikov I.M., Ulanov I.V. Some aspects of molding technology of posolskaya pottery in the south of Central Siberia // Жур. Сиб. федер. ун-та. Сер.: Гум. науки. – 2015. – Т. 8, № 4. – С. 574–584.

References

Berdnikov I.M., Ulanov I.V. Some aspects of molding technology of posolskaya pottery in the south of Central Siberia // Zhurn. Sib. federal. un-ta. Ser.: Gum. nauki. 2015. Vol. 8, No. 4. Pp. 574–584.

Dubovtseva E.N. Ispol'zovanie veryovki dlya ornamentalsii neoliticheskoy keramiki severa Zapadnoy Sibiri // Rossiyskaya arkheologiya. 2011. No. 2. Pp. 16–26. (In Russ.).

Kiryushin K.Yu. Poselenie epokhi eneolita Novoil'inka VI (po materialam issledovaniy 2014 goda) // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. XX. Pp. 168–171. (In Russ.).

Kiryushin K.Yu. Morfologo-ornamental'nye grupy keramiki s poseleniya epokhi eneolita Novoil'inka III v Severnoy Kulunde // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. No. 1 (61). 2015. Pp. 25–36. (In Russ.).

Kiryushin K.Yu., Frolov Ya.V., Rednikov A.A. Boynikha-1 – pamyatnik neolita i rannego zheleznogo veka Barnaul'skogo Priob'ya // Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2014. Iss. XX. Pp. 112–119. (In Russ.).

Kiryushin K.Yu., Grushin S.P., Sitnikov S.M. Obsledovanie poseleniya Boynikha-1 v 2014 godu // Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2015. Iss. XXI. Pp. 116–124. (In Russ.).

Kiryushin K.Yu., Kiryushin Yu.F., Glushkov I.G. Ispol'zovanie volosa zhivotnykh v goncharnoy traditsii neoliticheskikh kompleksov poseleniya Tytkesken'-2 // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2012. No. 4 (52). Pp. 41–50. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F. Eneolit i rannaya bronza yuga Zapadnoy Sibiri. Barnaul, 2002. 293 pp. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Grushin S.P., Papin D.V. Materialy epokhi rannego golotsena na yuge Verkhnego Priob'ya // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2003. Vol. IX, Part I. Pp. 352–354. (In Russ.).

Komarova M.N. Neolit Vekhrnego Priob'ya // KSIIMK. – M., 1956. Iss. 64. Pp. 93–103. (In Russ.).

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya. Novosibirsk: Nauka, 1977. 174 pp. (In Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985. 200 pp. (In Russ.).

Zakh V.A. Epokha neolita i rannego metalla lesostepnogo Prislalair'ya i Priob'ya. Tyumen': Izd-vo IPOS SO RAN, 2003. 168 pp. (In Russ.).

К.Ю. Кирюшин^{1, 2}, С.М. Ситников², О.Н. Шабанова³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Алтайский государственный университет

³МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 40 им. В.В. Токарева», г. Бийск

E-mail: kirill-kirushin@mais.ru

МАТЕРИАЛЫ ВТОРОГО ГОРИЗОНТА ЖИЛИЩА № 2 ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА VI (предварительные итоги исследования)*

Эпоха энеолита относится к числу наименее изученных периодов в древнейшей истории Северной Кулунды. Одна из проблем в изучении поселенческих комплексов неолита и энеолита юга Западной Сибири связана с характером имеющихся в нашем распоряжении источников. На территории Кулундинской степи в пределах Алтайского края поселенческие комплексы неолита и энеолита представлены памятниками с культурным слоем, разрушенным в результате водной или ветровой эрозии. Археологические коллекции с них представлены сборами с поверхности или со дна водоемов. В результате механического смешения разновременных артефактов комплексы неолита и энеолита невозможно отделить друг от друга и от материалов более ранних и более поздних эпох.

Ситуация понемногу меняется к лучшему в последние годы. Так, на территории Северной Кулунды были выявлены поселения эпохи энеолита Новоильинка III и Новоильинка VI.

Поселение Новоильинка VI является стратифицированным памятником, на котором выделяются два горизонта: 1 – периода, когда котлован жилища использовался как место, куда выбрасывали мусор и пищевые отходы (финальный энеолит); 2 – периода функционирования жилища (ранний–развитый энеолит).

В хозяйственных ямах второго горизонта жилища № 2 обнаружены «приклады» – наборы каменных, костяных орудий и керамические сосуды, скорее всего преднамеренно оставленные древним населением. В археологическом материале находят отражение следы ежегодных передвижений скотоводческого населения Кулундинской степи. Предметы были преднамеренно оставлены древним населением, так как оно уходило в район, где сырье для изготовления каменных орудий имелось в избытке.

Ключевые слова: археология, энеолит, поселение, планиграфия, стратиграфия, керамика, каменные артефакты.

K.Yu. Kiryushin^{1, 2}, S.M. Sitnikov², O.N. Shabanova³

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Altai State University

³V.V. Tokarev Secondary General School No. 40, Biysk

E-mail: kirill-kirushin@mais.ru

MATERIALS FROM THE SECOND HORIZON OF THE DWELLING No. 2 AT THE NOVOIL'INKA VI SETTLEMENT (preliminary results)

Neolithic time is the one of the least studied periods in ancient history of Northern Kulunda. One of the problems in the study of Neolithic and Eneolithic settlement complexes in the South Western Siberia is associated with the character of sources we have at hand. On the territory of the steppe Kulunda within Altai Territory the Neolithic and Eneolithic settlement complexes are presented by sites, where cultural layers were destroyed by water or Aeolian erosion. Archaeological assemblages from these sites are surface or bed collections. In consequence of mechanical mixing of asynchronous artifacts it is impossible to separate the Neolithic and Eneolithic complexes from each other and from the materials of earlier and

*Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ (постановление № 220, грант получен ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»).

later periods. The situation is slowly changing for the better in recent years. Archaeologists identified Novoil'inka III the Eneolithic settlement and Novoil'inka VI. Novoil'inka VI settlement is a stratified site with two horizons: 1 – the period, when the dwelling pit was used as a place for garbage and food waste (final Eneolithic); 2 – the period, when the dwelling was used as a living space (Early – Developed Eneolithic). The utility pits from the second horizon in the dwelling No. 2 contained a kits of stone and bone tools and ceramic vessels. Probably, the ancient population deliberately left it. The archaeological material reflects the annual movement of stock-raising population in Kulunda steppe. The ancient people deliberately left these items, because they have moved to the area abundant by the lithic raw material for flaking.

Keywords: archaeology, Eneolithic, settlement, planigraphy, stratigraphy, ceramics, lithic artifacts.

Поселение Новоильинка VI находится в Хабаровском р-не Алтайского края. В 2014 г. на поселении исследовано 96 м². В площадь раскопа практически полностью попало долговременное жилище эпохи энеолита (№ 1). Хорошо выделяются два горизонта: 1 – периода, когда котлован жилища использовался как место, куда выбрасывали мусор и пищевые отходы (финальный энеолит); 2 – периода функционирования жилища (ранний–развитый энеолит). В площадь раскопа попали части еще двух жилищ: № 2 в восточной части раскопа и № 3 в южной. Жилище № 2, скорее всего, синхронно жилищу № 1 и относится к эпохе финального энеолита, а № 3 – к более позднему времени: финальный энеолит – ранняя бронза. В северо-восточной части раскопа выявлено пятно, которое может оказаться частью четвертого жилища. Между жилищами № 1, 2 и 3 обнаружены следы каких-то легких наземных конструкций, которые могут датироваться более ранним временем. Можно констатировать, что поселение Новоильинка VI является сложным археологическим объектом, который пока не имеет аналогов на территории Кулундинской степи в пределах Алтайского края.

Для первого горизонта жилища № 1 получены две радиоуглеродные даты: 4290±95 л.н. (СОАН-9042) и 4320±100 л.н. (СОАН-9043).

Находки костей животных (более 30 000) позволяют уверенно говорить о производящем характере экономики населения памятника [Гайдученко, Кирюшин, 2014]. В материалах первого горизонта обнаружено несколько десятков тысяч артефактов (изделия из камня и кости, керамика). Основную массу артефактов образуют обломки глиняной посуды и каменных изделий, а также отходы каменной индустрии (мелкие отщепы и осколки). Каменные чешуйки размерами менее 1 × 1 см составляют около половины всех находок первого горизонта.

В 2014 г. в раскоп попала небольшая часть жилища № 2 (ок. 12 м²). Эта часть была исследована полностью до материка. В процессе полевых работ выявлены элементы конструкции жилищ – столбовые ямки (рис. 1). Выбрано заполнение жилища № 2 – второй горизонт, связанный с периодом его функционирования. К сожалению,

исследования не были закончены и раскоп был законсервирован.

Несмотря на небольшую вскрытую площадь жилища № 2 (см. рис. 1), можно уверенно говорить о научном потенциале этого объекта. Если первый горизонт поселения Новоильинка VI действительно содержит бытовой мусор, то второй горизонт жилища № 2 демонстрирует несколько иную картину. В хозяйственных ямах обнаружены «приклады» – наборы каменных, костяных орудий и керамические сосуды, скорее всего преднамеренно оставленные древним населением. Наиболее показателен набор артефактов, обнаруженных в одной из хозяйственных ям жилища № 2 (объект № 5) (рис. 2).

Каменные артефакты представлены орудиями (5 экз.) и одним мелким отщепом.

Каменный топорик (?) сделан из дацитового порфира (все определения пород камня выполнены С.Г. Платоновой), с выпуклым рабочим краем (рис. 2, 1). Изделие имеет 8 см в длину, максимальную ширину в районе лезвия 7 см и толщину 1,4 см.

К индивидуальным изделиям относится пестлощито (рис. 2, 2) из дацитового порфира. Орудие продолговатой вытянутой формы, имеющей в сечении вид неправильного четырехугольника. Рабочая поверхность находится на торце изделия. Она практически идеально ровная, имеет следы сработанности, характерные для абразивов. Рабочая поверхность оформлена по периметру серией вертикальных сколов.

Скребок концевой из риолитового порфира (рис. 2, 3) выполнен на удлиненном отщепе среднего размера.

Обломок дисковидного скребла выполнен из плитки полимиктового песчаника желто-буровато-серого цвета, мелкозернистой структуры (рис. 2, 4). Изделие имеет 11,7 см в длину, максимальную ширину 8 см и максимальную толщину 0,8 см.

Крупный наконечник стрелы (6,4 см в длину, до 3,1 см в ширину и до 0,8 см толщиной) сделан из риолитового порфира (рис. 2, 5). Наконечник неправильной пятиугольной формы (немного асимметричный) оформлен бифасиальной покрывающей разнофасеточной ретушью.

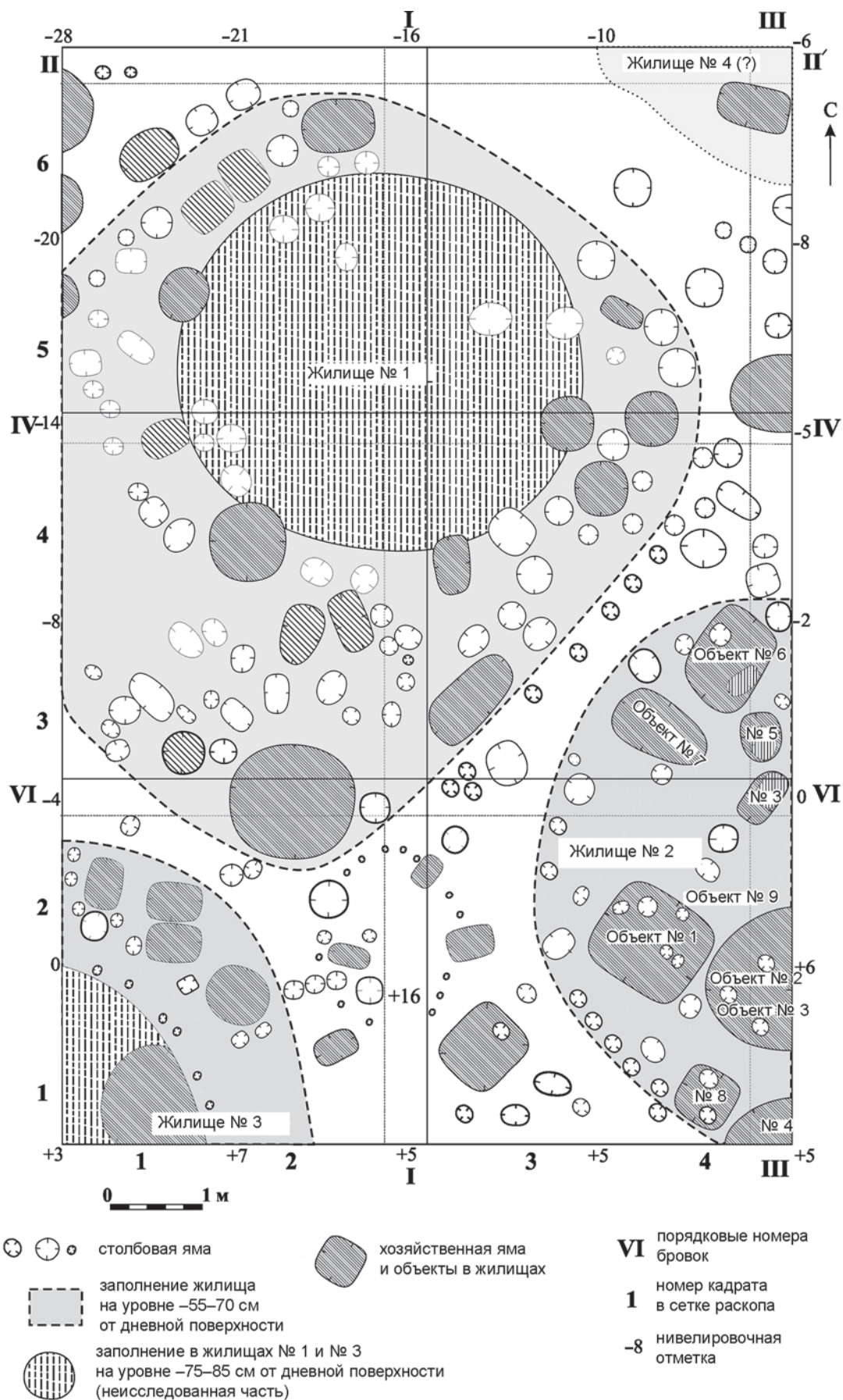

Рис. 1. Поселение Новоилінка VI. План второго горизонта.

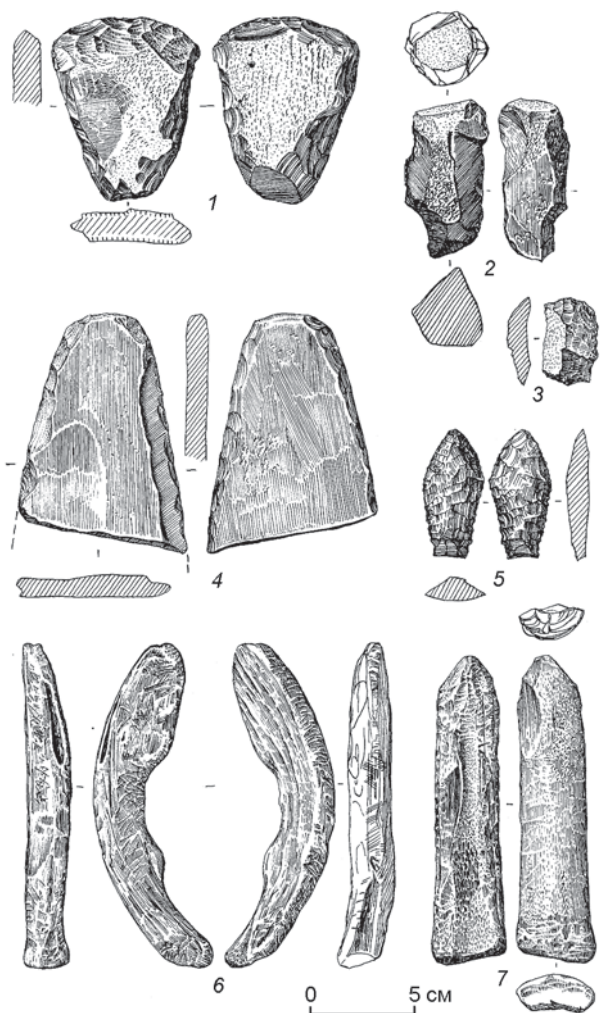

Рис. 2. Поселение Новоильинка VI. Жилище № 2. Горизонт 2. Объект № 5: 1–5 – камень; 6, 7 кость.

Очень интересно изделие для обработки кожи, сделанное из нижней челюсти лошади, – трепало (рис. 2, 6). Рабочее лезвие дугообразной формы, сильно сработанное. Отдельные выступающие части заглажены и даже имеют легкий блеск.

Не менее интересно костяное острие или «копьевидное орудие» (рис. 2, 7). Орудие выполнено из обломка верхней части стенки диафиза плюсневой кости лошади (определение Л.Л. Гайдученко). Боковые грани и рабочая кромка изделия оформлены серией поперечных сколов.

Все каменные изделия довольно массивные, крупные. В Северной Кулунде отсутствуют выходы камня, необходимого для изготовления орудий. Весь камень принесен людьми из других регионов. Сложно представить, чтобы энеолитическое население выбросило подобные изделия. На памятниках неолита и энеолита Степного Алтая наблюдается иная картина – сломанные каменные изделия шли в переработку, они переиспользовались неоднократно. В условиях дефицита каменного сырья

процесс утилизации изделий приводил к появлению миниатюрных форм скребков, наконечников стрел и других орудий. Подобная картина наблюдается в материалах первого горизонта поселения Новоильинка VI, где микроскребки размерами менее 1×1 см и миниатюрные наконечники стрел размерами не более 1 см в длину составляют значительную долю орудийного набора.

Видимо, в археологическом материале находят отражение следы ежегодных передвижений скотоводческого населения Кулундинской степи. Можно предположить, что осенью предметы были преднамеренно оставлены древним населением, так как оно уходило в район, где сырьё для изготовления каменных орудий было в избытке.

В настоящее время проводятся исследования с целью определения регионов, из которых каменное сырьё поступало на территорию Северной Кулунды. Предварительно можно говорить о том, что источники сырья находились в Рудном Алтае или (что более вероятно) в Павлодарском Приртышье на территории современного Казахстана. В пользу последнего предположения свидетельствует расположение памятника – в долине р. Бурла.

Бурла берет свое начало в 25 км к западу от р. Оби в Приобском Увале. Верховья лежат среди целого ряда мелких озер. Протекает через ряд озер – Малое Топольное, Песчаное, Хомутное, Кабанье и другие – и впадает в Большое Топольное [Галахов, Губарев, Назаров, 2010].

Как отмечают исследователи, развитие сельского хозяйства и промышленности в XVIII–XX вв. привело к тому, что Алтайский край стал одной из территорий России, преобразенных в результате деятельности человека [Силантьева, 2008]. Эти преобразования привели к изменению ландшафта Кулунды. Это связано с регулированием стока в бассейне р. Бурлы, которое проводилось с начала 1930-х по 1990-е гг. [Галахов, Губарев, Назаров, 2010]. На оз. Топольное (М. Топольное), Песчаное, Хорошее, Бол. Топольное были построены земляные плотины на входе и выходе р. Бурлы, чтобы поднять уровень воды. Со временем вода размывала берега. Озера заросли камышом и стали превращаться в болота. Оз. Малое и Большое Ажбулат на территории современного Казахстана, которые входили в систему р. Бурла и находились ниже по течению, пересохла, и сейчас на их месте пастбища [Там же].

В конце XIX в. Кулундинская степь отличалась мощным растительным покровом, который был утерян в XX в. в результате распашки и непродуманной хозяйственной деятельности в советский период [Силантьева, 2008].

Можно предположить, что в эпоху энеолита скотоводческое население Кулундинской степи с наступлением тепла передвигалось от Иртыша к Оби, а осенью в обратном направлении. При этом в силу специфических условий режима увлажнения Кулундинской степи (увлажнение распределяется по территории Кулунды зонально, изменяясь не только по широте, но и по долготе, в основном с запада на восток) сезонные перекочки могли быть не «меридиональными» (с юга на север), а смещены в направлении с юго-запада на северо-восток, тем более что это направление совпадает с течением р. Бурла. Долина этой реки являлась пространством, комфортным для передвижения скотоводов со стадами. В условиях Кулундинской степи с большим количеством озер с соленой и щелочной водой близость пресной воды могла быть важным фактором, привлекающим древнее население.

Список литературы

Гайдученко Л.Л., Кирюшин К.Ю. Новые остеозоологические материалы из раскопок энеолитического поселения Новоильинка VI в Кулунде // Маргулановские чтения-2014: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 110-летию акад. А.Х. Маргулана. – Алматы; Павлодар: ЭКО, 2014. – С. 421–427.

Галахов В.П., Губарев М.С., Назаров А.Н. Водный баланс бессточных озерно-речных систем Обь-Иртышского междуречья (в пределах Алтайского края). – Барнаул: Изд-во Барнаул. гос. пед. ун-та, 2010. – 112 с.

Камбалов Н. Природа и природные богатства Алтайского края. – Барнаул, 1952. – 171 с.

Кирюшин К.Ю. Поселение эпохи энеолита Новоильинка VI (по материалам исследований 2014 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сиби-

ри и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 168–171.

Кирюшин К.Ю., Ситников С.М., Семибратов В.П., Гельмелъ Ю.И. Поселение Новоильинка III – памятник энеолита Кулунды // Труды III (XIX) Всероссий. археол. съезда. – Т. I. – СПб.; Вел. Новгород, 2011.

Силантьева М.М. Основные тенденции и роль антропогенного фактора в развитии растительного покрова в голоцене на территории Алтайского края // Проблемы региональной экологии. – 2008. – № 1. – С. 143–151.

References

Galakhov V.P., Gubarev M.S., Nazarov A.N. Vodnyi balans besstochnykh ozero-rechnykh sistem Ob'-Irtyshskogo mezhdurech'ya (v predelakh Altayskogo kraja). Barnaul: Izd-vo Barnaul. gos. ped. un-ta, 2010. 112 pp. (In Russ.).

Gayduchenko L.L., Kiryushin K.Yu. Novye osteozoologicheskie materialy iz raskopok eneoliticheskogo poseleniya Novoil'inka VI v Kulunde // Margulanovskie chteniya-2014: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 110-letiyu akad. A.K. Margulana. Almaty; Pavlodar: EKO, 2014. Pp. 421–427. (In Russ.).

Kambalov N. Priroda i prirodnye bogatstva Altayskogo kraja. Barnaul, 1952. 171 pp. (In Russ.).

Kiryushin K.Yu. Poselenie epokhi eneolita Novoil'inka VI (po materialam issledovaniy 2014 goda) // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. – Vol. XX. Pp. 168–171. (In Russ.).

Kiryushin K.Yu., Sitnikov S.M., Semibratov V.P., Gel'mel' Yu.I. Poselenie Novoil'inka III – pamyatnik eneolita Kulundy // Trudy III (XIX) Vseros. arkheol. s'ezda. Vol. I. St. Petersburg; Vel. Novgorod, 2011. (In Russ.).

Silant'eva M.M. Osnovnye tendentsii i rol' antropogennogo faktora v razvitii rastitel'nogo pokrova v golotsene na territorii Altayskogo kraja // Problemy regional'noy ekologii. 2008. No. 1. Pp. 143–151. (In Russ.).

Ю.Ф. Кирюшин¹, К.Ю. Кирюшин^{1, 2}, С.Г. Платонова³, А.П. Иванов²

¹Алтайский государственный университет

²Институт археологии и этнографии СО РАН

³Институт водных и экологических проблем СО РАН

E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

ПЕТРОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ И ЭКСПРЕСС-АНАЛИЗ ЭЛЕМЕНТНОГО СОСТАВА КАМЕННЫХ АРТЕФАКТОВ ПОСЕЛЕНИЯ НОВОИЛЬИНКА VI (предварительные итоги исследования)*

До недавнего времени памятники эпохи энеолита на территории Кулунды были неизвестны. Поэтому каждый новый памятник этого времени существенно расширяет источниковую базу по этому периоду в древней истории Алтая. В 2013 г. в Хабаровском р-не Алтайского края выявлен новый памятник эпохи энеолита – поселение Новоильинка VI. В 2014 г. на поселении Новоильинка VI исследовано жилище эпохи энеолита. Полученные археологические коллекции насчитывают десятки тысяч артефактов.

В процессе лабораторного изучения археологических коллекций перед исследователями ставилась задача определения регионов, откуда каменное сырье поступало на территорию Северной Кулунды. Для решения этой задачи была сделана выборка артефактов (орудия и отходы каменной индустрии). Петрографическое описание этой коллекции показало, что при изготовлении артефактов использовались прочные магматические, осадочные и метаморфические породы (редко кварц). В большинстве своем это породы из терригенно-вулканогенной толщи, как правило кремнистые разновидности (для осадочных пород), микрокварциты и вулканыты, которые, по макроописанию, встречаются как на северо-западных склонах Алтая (Алтайский край, Казахстан), так и на Казахском мелкосопочнике.

Проведенные исследования были дополнены экспресс-анализом элементного состава образцов, который производился рентген-флуоресцентным методом. Исследования выполнены с помощью рентгенофлуоресцентного анализатора «Х-Арт М», предназначенного для экспресс-анализа элементного состава. Экспресс-анализ элементного состава образцов позволил получить дополнительную информацию о содержании в породах редкоземельных элементов: Ga, Rb, Zr и др. Проведенные работы позволяют надеяться, что при продолжении исследований можно будет привязать образцы пород к конкретным выходам камня и более точно определить источники поступления каменного сырья на территорию Северной Кулунды.

Ключевые слова: археология, петрография, энеолит, каменные артефакты, рентген-флуоресцентный метод.

Yu.F. Kiryushin¹, K.Yu. Kiryushin^{1, 2}, S.G. Platonova³, A.P. Ivanov²

¹Altai State University

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

³Institute of Water and Environmental Problems SB RAS

E-mail: kirill-kirushin@mail.ru

LITHIC ARTIFACTS FROM NOVOIL'INKA VI SETTLEMENT: PETROGRAPHIC DESCRIPTION AND EXPRESS ANALYSIS OF ELEMENTAL COMPOSITION (preliminary results)

Until recently, the Eneolithic sites were unknown at the territory of Kulunda. Consequently, every new Neolithic site significantly enlarge the data for this period in ancient history of Altai. Novoil'inka VI settlement the new Eneolithic

*Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ (постановление № 220, грант получен ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор № 14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»).

site was obtained in the Khabarsky district of Altai Territory in 2013. The Eneolithic dwelling was investigated in the Novoiljinka settlement during the 2014 excavation campaign. Archaeological collection numbers tens of thousands artifacts. Process of laboratory study gave the researchers a task to determine what regions were the sources of lithic raw material passed to Northern Kulunda. The artifact selection (tools and products of lithic industry) was picked out to solve this task. The petrographic analysis showed that robust magmatics, sedimentary and metamorphic rocks (rarely quartz) were used for artifact production. Most of them is measures from terrigenous-volcanic rock mass. Generally, it is siliceous phases (for sedimentary rocks), microquartzite and extrusive rock, which can be met as on the north-western slopes of Altai (Altai Territory, Kazakhstan), well as in the Kazakh hummocky topography, according to petrographic macrodescription. Express analysis of elemental composition added the conducted work and carried out by X-Ray fluorescence method. Research were provide with "X-Ray fluorescence Analyser X-Art M", which are intended for express analysis of elemental composition. It permitted to get an additional information that rocks contained the rare earth metals: Ga, Rb, Zr and others. This research purposes that further study will give an opportunity to associate the samples with concrete lithic outcrops and clear determine the sources of raw materials passed out to Kulunda

Keywords: archaeology, petrography, Eneolithic, lithic artifacts, X-Ray fluorescence method.

В 2013 г. в Хабаровском р-не Алтайского края выявлен новый памятник эпохи энеолита – поселение Новоильинка VI [Киришин, 2013]. В 2014 г. на поселении Новоильинка VI исследовано жилище эпохи энеолита. В площадь раскопа попали части еще двух жилищ. Межжилищное пространство насыщено различными объектами (хозяйственными ямами, столбовыми ямками и т.д.). Археологические коллекции, полученные в 2014 г., насчитывают десятки тысяч артефактов [Киришин, 2014].

Одна из задач, стоящих перед исследователями в процессе лабораторного изучения археологических коллекций, заключается в определении регионов, откуда каменное сырье поступало на территорию Северной Кулунды. Для решения этой задачи была произведена выборка из 81 артефакта (орудия и отходы каменной индустрии), большая часть которой представлена материалами первого горизонта жилища № 1 (72 экз.), единично представлены артефакты из второго горизонта жилища № 1 (4 экз.) и второго горизонта жилища № 2 (5 экз.). Петрографическое описание этой коллекции выполнено С.Г. Платоновой.

Магматические породы представлены глубинными и вулканическими разновидностями кислого состава (см. таблицу).

Магматические глубинные породы представлены *гранитом* биотитовым светло-серого розоватого цвета средне-, крупнокристаллической структуры, массивной текстуры. Источником представленных образцов могут быть аллювиальные отложения, так как некоторые образцы имеют полуокатанный облик. Большой размер зерен определяет их использование в качестве песты (№ 46).

Вулканические породы (см. таблицу), условно объединяющие собственно вулканические и жильные породы кислого и среднего состава, широко представлены в изделиях и артефактах пос. Новоильинка VI. Это определяется, с одной стороны, относительной близостью источника каменного материала, так как подобные породы

широко представлены в коренных выходах Рудного Алтая и Казахского мелкосопочника, с другой же – физико-механическими свойствами: высокой прочностью (основная масса вулканитов представлена в разной степени девитрифицированным и измененным в зоне гипергенеза вулканическим стеклом), а также декоративными качествами. Они использовались для изготовления наконечников дротика (№ 1) и крупных стрел (№ 37), скребков (№ 5), скребел (№ 16), мотыги (№ 4), песты-лощила (№ 6), отщепов (№ 54). Наиболее часто из вулканических пород встречаются риолитовый порфир (6 образцов) и близкий к нему по свойствам дацитовый порфир (6 образцов).

Риолитовый порфир (см. таблицу) (вулканическая или жильная порода кислого состава) – светло-серого цвета, порфировой структуры. Порфировые вкрапленники представлены идиоморфными зернами пепельно-серого кварца (от 5–7 до 20–25 % от основной массы, размером от 0,5 до 1,0–3,0 мм), реже лейстами светло-серого альбита (1–3 %, размером до 1,0 мм). Основная масса афанитовой структуры. Текстура массивная. При наличии трещин по ним отмечаются примазки рыжих охр гидроксидов железа, а также черных гипергенных минералов (гидроокислов марганца).

Дацитовый и дацит-андезитовый порфир (см. таблицу) (вулканическая или жильная порода кислого состава) – темно-серого цвета, порфировой структуры. Порфировые вкрапленники представлены розоватым калиевым полевым шпатом (от 5–7 до 10 %, размером от 1,0 до 1,5 мм), кварцем темно-серого цвета (от 1 до 5–7 % от основной массы, размером до 0,5–1,5 мм). Основная масса афанитовой структуры. Текстура массивная, в отдельных образцах рассланцованная. Наличие плоскостей сланцеватости в отдельных образцах позволяло при изготовлении изделий использовать в качестве заготовок естественные отдельности. Поверхность выветривания имеет более светлый тон, на отдельных образцах отмечены не совсем

Химический состав каменных артефактов поселения Новоильинка VI

Породы	№ образцов	Химический состав каменных артефактов поселения Новоильинка VI	Всего, шт.
1	2	3	4
Магматические глубинные породы			4
<i>Гранит</i>			4
	46	Si, S, K, Ca, Ti, Fe, Zn, Cu, Ga, Rb, Zr	
	69	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Ni, Zn, Cu, Sr	
	77	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Zn, Cu, Rb, Sr	
	81	Si, P, S, K, Ca, Ti, Mn, Fe, Zn, Cu, As	
Магматические вулканические и жильные породы			13
<i>Риолитовый порфир</i>			6
	1	Si, S, Ca, Ti, Cr, Mn, Fe, Ni, Zn, Cu, Zr	
	5	Si, S, K, Ca, Ti, V, Fe, Ni, Zn, Cu, Ga, Zr	
	26	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Zn, Cu, Rb, Sr	
	37	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Zn, Cu, As, Zr	
	54	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Ni, Zn, Cu, Sr, Zr	
	57	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Ni, Cu, Zr	
<i>Дацитовый порфир</i>			6
	4, 16	Si, S, K, Ca, Ti, Mn, Fe, Zn, Cu, Rb, Sr	
	6	Si, S, K, Ca, Ti, Mn, Fe, Zn, Cu, Sr, Y	
	7	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Ni, Zn, Cu, Rb, Zr	
	38	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Zn, Cu, Sr	
	76	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Mn, Fe, Ni, Zn, Cu, Sr	
<i>Дацит-андезитовый порфирит</i>			1
	80	Si, S, K, Ca, Ti, Mn, Fe, Zn, Cu, Rb, Sr	
Осадочные породы			19
<i>Песчаник зеленый</i>			3
	19, 79	Si, S, K, Ca, Ti, Mn, Fe, Zn, Cu, Sr	
	61	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Zn, Cu, Sr	
<i>Песчаник серый</i>			4
	3, 39	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Zn, Cu, Sr	
	71, 72	Si, S, K, Ca, Ti, Mn, Fe, Zn, Cu, Sr	
<i>Песчаник крупнозернистый</i>			1
	27	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Zn, Cu	
<i>Алеврит</i>			11
	2	Si, S, K, Ca, Ti, Mn, Fe, Zn, Cu, Rb, Sr	
	15	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Zn, Cu, As	
	17, 20	Si, S, K, Ca, Ti, Mn, Fe, Zn, Cu, Sr	
	28	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Zn, Cu, Sr	
	34	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Mn, Fe, Ni, Zn, Cu, Rb, Sr	
	45	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Mn, Fe, Ni, Zn, Cu, Sr	
	55, 78	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Zn, Cu, Sr	
	56, 70	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Zn, Cu, Rb, Sr, Zr	

1	2	3	4
Кремнистые породы различного генезиса			45
<i>Кремни</i>			23
	9	Si, Cr, Fe, Zn, Cu	
	10	Si, S, Ca, Cr, Fe, Zn, Cu	
	11, 12, 13, 24	Si, S, Ca, Cr, Fe, Ni, Zn, Cu	
	21, 31	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Zn, Cu, Sr	
	25, 43, 52	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Zn, Cu	
	36, 41, 47, 48, 59, 60, 67	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Ni, Zn, Cu, Sr	
	51	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Ni, Zn, Cu, As, Sr	
	68	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Ni, Zn, Cu	
	73	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Mn, Fe, Ni, Zn, Cu	
	74, 75	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Mn, Fe, Ni, Zn, Cu, Sr	
<i>Микрокварциты</i>			14
	8	Si, Cr, Fe, Zn, Cu	
	18, 22, 29	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Ni, Zn, Cu, Sr	
	23, 30, 33, 44, 50, 62, 63	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Ni, Zn, Cu	
	49	Si, Ti, Cr, Fe, Zn, Cu	
	53	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Ni, Zn, Cu, As, Zr	
	58	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Ni, Zn, Cu, Sr, Zr	
<i>Кварц халцедоновидный</i>			8
	14	Si, S, Cr, Fe, Ni, Zn, Cu	
	32	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Ni, Zn, Cu, Sr	
	35, 40, 42	Si, S, K, Ca, Ti, Cr, Fe, Ni, Zn, Cu	
	64, 65	Si, S, Cr, Fe, Ni	
	66	Si, S, Ti, Cr, Fe, Ni, Zn, Cu	
Всего			81

отчетливо оформленные дендриты черных гидроксидов марганца.

Зафиксированы единичные вкрапленники псевдоморфоз лимонита по пириту кубической формы или пустоты выщелачивания по ним. Наличие последних свидетельствует о приуроченности каменного материала к разломным зонам и может помочь по геохимическим характеристикам точно установить источник взятых для изготовления артефактов образцов.

Осадочные породы (см. таблицу) составляют значительную долю от всех образцов.

Песчаники и алевролиты использовались для изготовления скребла (№ 3, 71, 72, 79), скреблишка (№ 39), скребка (№ 15, 55), рубящего орудия (№ 20, 28, 61), абразива (№ 27, 70).

Песчаники (см. таблицу) – полимиктовые, темно-зеленовато-серого цвета, тонкомелкозернистой до средне-, крупнозернистой структуры, от слоис-

той до массивной текстуры. Отмечен туфопесчаник красновато-бурого серого цвета (№ 72). Порода часто рассланцована. В единичных образцах отмечены тонкие трещины, заполненные кварцем (мощностью до 1 мм). На поверхности выветривания – примазки глинистых частиц черного цвета (№ 79). Для изготовления изделий использовались выколки по сланцеватости или по плитчатой отдельности. Некоторые образцы взяты из аллювия (№ 27, 61 – полуокатанная галька).

Алевролиты и аргиллиты (см. таблицу) – темно-сероватого и зеленовато-темно-сероватого цвета, слоистой текстуры, с неровным изломом. Преобладают кремнистые разновидности. Иногда разбиты тонкими трещинками, по которым развиты кальцитовая корочка (№ 28) или кварц (№ 15). По физико-механическим свойствам алевролиты сходны с песчаниками, кремнистые разновидности – с микрокварцитами.

Кремнистые породы различного генезиса (см. таблицу) представлены кремнями, микрокварцитами и кварцем, различия между которыми определяются не столько физико-механическими свойствами (прочностью, твердостью), сколько генезисом, который, впрочем, тоже должен быть уточнен при анализе петрохимии и микроописании. Представление о генезисе необходимо для определения источника каменного материала.

Кремни (см. таблицу). Цвет их изменяется в зависимости от примеси глинистых частиц от светло-бурого (охристо-светло-бурого) и темно-бурого (в глинистых разновидностях) до темно-серого. Темно-бурые разновидности содержат в качестве примеси глинистые частицы, не просвечивают в тонких сколах и используются для изготовления скребков (№ 43, 51, 52, 60) и бусин (№ 10, 11, 12, 13). Темно-серые разновидности – более «чистые», просвечивают в тонких сколах, чаще использовались для изготовления наконечников стрел (№ 24, 25, 31, 36, 41, 47), а также скребков (№ 59, 67, 74, 75). Структура скрытозернистая. Излом от раковистого (в темно-серых разновидностях) до неровного (в бурых). Текстура массивная, реже микропятнистая и полосчатая. Полосчатость определяется наличием полос красно-бурого цвета. Иногда на фоне общей массы отмечены тонкие трещины, заполненные кремнеземом и черными гидроксидами марганца, придающие изделию декоративность. На поверхности выветривания развивается тонкая зонка, обогащенная красно-бурыми гидроокислами железа.

Микрокварциты (см. таблицу) использовались при изготовлении наконечников стрел (№ 24, 25, 29, 30), резцов (№ 49), нуклеусов (№ 22).

Микрокварциты характеризуются более широкой цветовой гаммой, определяемой различными примесями, что, впрочем, не сказывается на их физико-механических свойствах. Цвет желтовато-светло-серый, желтовато-светло-бурый, зеленовато-серый, темно-бурый, красный (яшмоид), белый. Структура скрытокристаллическая, образует четкую плитчатую отдельность, неровный излом. Светлые и серые разновидности просвечивают в тонких сколах. Иногда пронизаны тонкими дендритообразными трещинками, заполненными черным кремнистым материалом. На поверхности выветривания тонкая зонка (1 мм) более светлого тона.

Кварц (см. таблицу) (до халцедоновидного) – от белого до серого цвета разных оттенков с раковистым изломом, в тонких сколах прозрачен. Использовался для изготовления наконечников стрел.

Проведенные исследования позволяют сделать следующие предварительные выводы.

При изготовлении артефактов использовались прочные магматические, осадочные и метаморфиче-

ские породы (редко кварц), в большинстве своем из терригенно-вулканогенной толщи. Это, как правило, кремнистые разновидности (для осадочных пород), микрокварциты и вулканыты, которые, по макроописанию, встречаются как на северо-западных склонах Алтая (Алтайский край, Казахстан), так и на Казахском мелкосопочнике.

Проведенные исследования были дополнены экспресс-анализом элементного состава образцов, который производился рентген-флюоресцентным методом (аналитик – А.П. Иванов). Исследования выполнены с помощью рентгенофлюоресцентного анализатора «Х-Арт М», предназначенного для экспресс-анализа элементного состава. Содержащее информацию о количестве элементов в материале характерное излучение, возникающее при облучении образца рентгеновской трубкой, попадает на кремниевый диффузионно-дрейфовый детектор SDD, охлаждаемый термоэлектрическим холодильником. В ходе измерений данные сохраняются в памяти спектрометра, а затем передаются на персональный компьютер, на котором используется программное обеспечение Х-Арт Аналит.

Экспресс-анализ элементного состава образцов позволил получить дополнительную информацию о содержании в породах редкоземельных элементов: Ga, Rb, Zr и др. (см. таблицу). Все образцы гранитов, порфиоров и дацит-андезитовых порфиритов оказались различными по химическому составу (см. таблицу). Песчаники зеленые и серые по химическому составу разделились на две подгруппы, алевролиты – на восемь, кремни – на десять, микрокварциты – на шесть, кварцы халцедоновидные – на пять (см. таблицу).

Проведенные работы позволяют надеяться, что при продолжении исследований можно будет привязать образцы пород к конкретным выходам камня и более точно определить источники поступления каменного сырья на территорию Северной Кулунды.

Список литературы

Кирюшин К.Ю. Поселение эпохи энеолита Новоильинка VI (по материалам исследований 2014 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 168–171.

References

Kiryushin K.Yu. Poselenie epokhi eneolita Novoil'inka VI (po materialam issledovaniy 2014 goda) // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. XX. Pp. 168–171.

Ю.Ф. Кирюшин^{1, 2}, Д.В. Папин^{1, 2}, А.А. Редников²,
А.С. Федорук², Я.В. Фролов²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Алтайский государственный университет

E-mail: papindv@mail.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СТЕПНОМ АЛТАЕ В 2015 ГОДУ

Статья посвящена введению в научный оборот новых данных о результатах раскопок поселения эпохи поздней бронзы Бурла III в 2015 г. За весь период раскопок (2013 – 2015 гг.) на территории поселка авторами полностью или частично исследованы четыре сооружения жилищно-хозяйственного назначения, что позволило выйти на уровень понимания конструкции сооружений. Установлено, что используемый древними строителями тип сооружений широко представлен на позднебронзовых памятниках. Традиции домостроительства жителей поселка находят широкие аналогии в кругу синхронных памятников сопредельных территорий эпохи поздней бронзы (ирменские, позднеирменские сооружения Новосибирского Приобья и Барабы и саргаринско-алексеевские конструкции Казахстана). Делается вывод о том, что поселение Бурла III – это стационарный поселок с развитой архитектурно-планировочной структурой. Указывается, что кроме серии изделий из бронзы, камня и глины, которые находят прямые аналогии в позднебронзовых комплексах Средней Азии и Казахстана, юго-западное направление связей демонстрируют особенности архитектурной организации поселка. Основу керамической коллекции составляют сосуды, изготовленные на гончарном круге. Кроме жилой зоны раскопки проводились на производственном участке памятника. Выявлен комплекс, связанный с керамическим производством на поселении. Он документируется находками глиняных формовочных масс, керамического шлака, теплотехнического сооружения, предназначенного для обжига глиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге. В целом эти данные, наряду с другими, подчеркивают тот факт, что поселение Бурла III демонстрирует устойчивый южный вектор связей со средой земледельческого населения Средней Азии в эпоху поздней бронзы.

Ключевые слова: Степной Алтай, эпоха поздней бронзы, керамика, гончарное производство, Бурла III.

Yu.F. Kiryushin^{1, 2}, D.V. Papin^{1, 2}, A.A. Rednikov²,
A.S. Fedoruk², Ya.V. Frolov²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Altai State University

E-mail: papindv@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL INVESTIGATION IN THE STEPPE ALTAI IN 2015

An article introduces the new data for excavation of Burla III settlement of the Late Bronze Age in 2015 into scientific use. For the whole period of the excavation (2013 – 2015), authors completely or partly investigated four constructions of living-household function at the territory of township that allowed to move to a interpretative level. It has been established that the type of construction used by ancient builders is widely presented at the sites of Late Bronze Age. The traditions of house building find the extensive association with range of Late Bronze Age synchronous site from the cross-border regions (Irmen, Late Irmen constructions of the Novosibirsk Ob Region and Baraba, and Sargarino-Alekseevo construction of Kazakhstan). It can be concluded that Burla III settlement is steady state township with developed architectural and planned structure. We indicate that specificity of architectural organization demonstrates the connections with southwest, apart from series of bronzes, stone and pottery items, directly associated with Late Bronze age complexes of Central Asia and Kazakhstan. The core of ceramic collection is vessels, made on pottery wheel. Besides the living space, we excavated the production area at the site and, subsequently, educed the complex, associated with pottery production. It is illustrated by the findings of clay moulding compounds, ceramic slag, heating construction for the baking of pottery vessels, made on the pottery wheel. In general, these data among others underline the fact that Burla III settlement show the stable direction of connections with agricultural people of Central Asia in the Late Bronze Age.

Keywords: Steppe Altai, Late Bronze Age, ceramics, pottery production, Burla III site.

В 2015 г. сотрудниками Алтайского государственного университета и Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири были продолжены исследования поселения эпохи поздней бронзы Бурла III. В настоящее время на памятнике обследовано более 1100 м². Из них В.С. Удодовым было раскопано около 600 м², изучены остатки трех жилищ площадью 33–42 м² и мощное кострище за их пределами [Удодов, 1994]. Авторами в полевые сезоны 2013–2015 гг. было вскрыто 556 м², за три года полностью раскопаны одно жилище двухкамерного типа (сооружение № 1) и ряд объектов хозяйственного назначения, а также частично исследованы еще три сооружения (№ 2–4). Предварительные результаты исследований 2013–2014 гг. уже публиковались нами ранее [Кирюшин, Папин, Федорук и др., 2013; Кирюшин, Папин, Федорук, Редников, 2014; Кирюшин, Папин, Редников и др., 2014; Федорук, Папин, Редников, 2015]. Целью данной статьи является введение в научный оборот результатов, полученных в 2015 г.

Поскольку в предыдущие периоды исследований было установлено, что на объекте выделяются жилой и производственный участки, в нынешнем сезоне было принято решение о ведении работ на двух раскопах.

Раскопом № 1 было продолжено изучение сооружения № 2 в южном направлении, а также прилегающего к нему участка памятника. В результате удалось выявить и исследовать южный край сооружения № 2, а также раскопать ранее неизвестное сооружение № 4. Сооружение № 2 было заполнено светло-серой супесью и отчетливо выделялось при зачистке по уровню материковой поверхности. Длинной осью сооружение ориентировано по линии северо-запад – юго-восток, и большая часть конструкции уходит в раскоп В.С. Удодова 1980-х гг. Общая раскопанная нами площадь сооружения составляет около 28 м². Оно заглублено в материк на 0,1–0,2 м. Внутри котлована, преимущественно вдоль стенок, обнаружены 18 столбовых ямок и одна хозяйственная яма. Стенки преимущественно вертикальные, поверхность пола ровная, по внутреннему периметру котлована присутствует канавкообразное углубление вдоль стенок, связывающее большинство столбовых ямок. Сооружение № 4 выявлено в 1,4 м к юго-востоку от южной стенки сооружения № 2. Очевидно, оно относится к типу двухкамерных конструкций полуземляночного типа. Общая изученная площадь конструкции составляет около 19 м², конструкция ориентирована по линии юго-запад – северо-восток, фиксировалась при зачистке по уровню материка. Заполнение котлована состояло из светло-се-

рой супеси. Стенки котлована, преимущественно вертикальные, заглублены в материк на 0,1–0,15 м. Дно ровное, однако в южном углу камеры котлован заметно мельче, зафиксировано 11 ямок различной формы и глубины. Аналогии подобным конструкциям хорошо известны в памятниках эпохи бронзы региона, в частности в саргаринско-алексеевских сооружениях (камера № 2 сооружения № 1 поселения Рублево VI (Южная Кулунда) и жилищ № 1, 3 поселения Жарково III (Центральная Кулунда) [Папин, Федорук, Шамшин и др., 2014; Папин, Федорук, Черных, Бирюков, 2014; Папин, 2015].

Раскоп № 2 (100 м²) расположен в 17 м к северо-западу от основного участка, в лесополосе, на склоне террасы и был размечен на предполагаемой производственной площадке. Визуально на поверхности какие-либо сооружения не выделялись, но в процессе работ было выявлено несколько объектов. На уровне 0,5–0,6 м от современной дневной поверхности был обнаружен прокол. В процессе выборки установлено, что он представляет собой яму подовальной формы на верхнем уровне, а на нижнем – уже подокруглой формы. Глубина в центральной части – 2,16 м от уровня современной дневной поверхности. Заполнение представлено слоями черной, серой, рыжей (прокаленной) супеси, перемешанными слоями. Ближе ко дну заполнение оказалось сильно насыщено крупными фрагментами рыжего, сильно прокаленного суглинка (фрагменты кирпичей или глиняной обмазки либо спекшегося слоя песка со стен объекта, мощность – 0,5 м), ниже подобные «кирпичи» полностью перекрывали дно (мощность 0,2–0,3 м), под ними – прослой черной сажи мощностью до 0,15 м. Вдоль стенок по всему периметру четко прослеживалась серая прослойка оплавленного в процессе использования печи песка. На высоте ок. 1,1 м от дна по периметру фиксируется расширение, заполненное черной или рыжей супесью (воздуходувный канал?). Находки в объекте представлены сильно оплавленным фрагментом (венчиком) круговой керамики (второй фрагмент этого же сосуда был найден в 2013 г. при разборе слоя рыжей супеси), несколькими фрагментами круговой керамики, крупных костей животных и небольшими кусочками шлака. Данный объект интерпретируется нами как теплотехническое сооружение, предназначенное для обжига керамики, изготовленной с помощью поворотного устройства.

Западнее сооружения, на расстоянии в 1,8 м, располагалась яма округлой в плане формы, размерами до 1 × 1,2 м, линзовидного профиля и глубиной в центральной части до 0,3 м. Заполнение представ-

лено слоем рыжей супеси (прокал), а в центральной части – черной сажистой супеси, дно – на отметке 0,93 м от современной дневной поверхности, находки в заполнении отсутствуют.

По всей видимости, с теплотехническим сооружением связана яма, попавшая в плоскость раскопа частично (размеры изученной части – 5,4 × 5 м). Она имеет подовальное сечение, глубина в центральной части достигает отметки 1,02 м от уровня современной дневной поверхности. Заполнение сильно насыщено фрагментами круговой керамики и шлаками, присутствуют отдельные фрагменты костей животных.

Еще один важный комплекс был обнаружен в 3,2 м к востоку от теплотехнического сооружения на уровне древнего горизонта. Он представляет собой слой рыжей прокаленной супеси, насыщенной шлаками и фрагментами обожженной глины (крупные и мелкие кусочки). При разборе данного слоя прослежены остатки четырех сферических емкостей объемом до 3 л, изготовленных из отдельных лоскутиков формовочных масс (определение Н.Ф. Степановой). Вероятно, на данном участке мы имеем дело с рабочим местом гончара, от которого остались емкости для хранения компонентов формовочных масс и которое было засыпано при чистке печи ее заполнением.

Таким образом, вторым раскопом был исследован участок, связанный с гончарным производством. На это указывают находки остатков глиняных формовочных масс, теплотехническое сооружение, предназначавшееся для обжига готовых изделий, многочисленный производственный мусор (керамический шлак, оплавившиеся фрагменты сосудов, фрагменты костей, многочисленные скопления глины, в разной степени обожженные). Особенно важным представляется наблюдение о том, что здесь происходил процесс изготовления посуды на гончарном круге. Собственно, этим фактом и можно объяснить аномально высокую концентрацию данной керамики на поселении Бурла III, подобная ситуация на других памятниках эпохи поздней бронзы неизвестна.

Исходя из особенностей обнаруженных материалов, мы можем предположить, что производство керамики на круге было рассчитано не только на потребности жителей поселка. Многочисленные находки керамического шлака в пределах всей жилой зоны поселения указывают на то, что производственная площадка занимала большую территорию, чем вскрыта вторым раскопом, и связана с краем террасы.

Подводя итог полевому изучению поселения Бурла III, обратим внимание на ряд важных момен-

тов. Несмотря на то что традиция домостроительства демонстрирует устойчивые аналогии среди аналогичных объектов саргаринско-алексеевской и ирменской культур, есть и существенные отличия. В нашем случае сооружения практически примыкают друг к другу, иногда расстояние между стенами составляло менее 1 м, что указывает на иную традицию внутренней организации поселка. Открытие специализированной гончарной площадки свидетельствует о высоком значении данной отрасли в производственной жизни жителей поселка. Все это подчеркивает особый статус поселения Бурла III в ряду синхронных памятников.

Список литературы

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А. Феномен «бурлинского типа памятников» // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. – Барнаул, 2014. – Вып. 1. – С. 47–48.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С., Редников А.А., Федорук О.А. Проблема изучения «бурлинского типа» памятников эпохи поздней бронзы на территории Степного Алтая // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2013. – Т. XVII. – С. 212–215.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Фролов Я.В. Предварительные итоги полевого изучения поселения Бурла III // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2014. – Т. XX. – С. 180–183.

Папин Д.В. Хронология памятников эпохи поздней бронзы степного и лесостепного Алтая // Вестн. Кемер. гос. ун-та. – 2015. – № 2–6 (62). – С. 135–138.

Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Домостроительство эпохи бронзы степной Кулунды (по материалам раскопок поселения Рублево VI) // Маргулановские чтения-2014. – Алматы; Павлодар, 2014. – С. 82–87.

Папин Д.В., Федорук А.С., Черных Д.В., Бирюков Р.Ю. Предварительные результаты электромагнитного изучения поселения Бурла III // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2014. – Вып. XX. – С. 162–164.

Удодов В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1994. – 21 с.

Федорук А.С., Папин Д.В., Редников А.А. Жилищно-хозяйственный комплекс поселения Бурла III // Изв. АлтГУ. – Т. 1, вып. 4 (88). – Барнаул, 2015. – С. 280–284.

References

Fedoruk A.S., Papin D.V., Rednikov A.A. Zhilishchno-khozyaystvennyy kompleks poseleniya Burla III // Izv. AltGU. Vol. 1, Iss. 4 (88). Barnaul, 2015. Pp. 280–284. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S., Rednikov A.A. Fenomen “burlinskogo tipa pamyatnikov” // Mezhdistsiplinarnoe izuchenie arkheologii Zapadnoy Sibiri i Altaya. Barnaul, 2014. Iss. 1. Pp. 47–48. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S., Rednikov A.A., Fedoruk O.A. Problema izucheniya “burlinskogo tipa” pamyatnikov epokhi pozdney bronzy na territorii stepnogo Altaya // Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk, 2013. Vol. XVII. Pp. 212–215. (In Russ.).

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Rednikov A.A., Fedoruk A.S., Frolov Ya.V. Predvaritel'nye itogi polevogo izucheniya poseleniya Burla III // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk, 2014. Vol. XX. Pp. 180–183. (In Russ.).

Papin D.V. Khronologiya pamyatnikov epokhi pozdney bronzy stepnogo i lesostepnogo Altaya // Vestn. Kemer. gos. un-ta. 2015. No. 2–6 (62). Pp. 135–138. (In Russ.).

Papin D.V., Fedoruk A.S., Shamshin A.B. Domo-stroitel'stvo epokhi bronzy Stepnoy Kulundy (po materialam raskopok poseleniya Rublevo VI) // Margulanovskie chteniya-2014. Almaty; Pavlodar, 2014. Pp. 82–87. (In Russ.).

Papin D.V., Fedoruk A.S., Chernykh D.V., Biryukov R.Yu. Predvaritel'nye rezul'taty elektromagnitnogo izucheniya poseleniya Burla III // Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraja. Barnaul, 2014. Iss. XX. Pp. 162–164. (In Russ.).

Udodov V.S. Epokha razvitoy i pozdney bronzy Kulundy: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Barnaul, 1994. 21 pp. (In Russ.).

Л.С. Кобелева¹, И.А. Дураков^{1, 2}, В.И. Молодин¹, М.С. Демахина^{1, 2}¹Институт археологии и этнографии СО РАН²Новосибирский государственный педагогический университет

КОМПЛЕКСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА СЕРГИНО-2 НА р. ОМИ

Публикация содержит информацию о полевых исследованиях расположенного в Барабинской лесостепи городища Сергино-2. В результате проведенных работ выявлены три разновременных культурных слоя, связанных с заселением террасы. Верхний горизонт соотносится с поздним (XVIII–XIX вв.) поселением барабинских татар. На хронологию этих сооружений указывает русская станковая керамика, найденная в их заполнении наряду с татарской. Подобное сочетание керамических комплексов, когда аборигенное население барабинских татар использовало для своих нужд русскую станковую посуду, является своего рода хронологическим индикатором. Второй горизонт, вероятно, датируется XIV–XVII вв. и представляет собой средневековое поселение, включающее три жилища и одну хозяйственную постройку. Наиболее массовые находки, обнаруженные в верхних слоях памятника, – это образцы керамики. Абсолютные аналогии данная посуда имеет с керамикой барабинских татар. Третий горизонт памятника представлен городищем раннего железного века. В результате исследований вскрыта часть его оборонительной системы, включающей два рва и одно жилище, расположенное вне защищенной части городища. В культурном слое раннего железного века наряду с керамикой найдены обломки не менее семи глиняных форм для отливки кельтов, восемь костяных и два бронзовых наконечника стрел. Один из наконечников трехлопастной ракетовидный, со скрытой втулкой так называемого кулайского типа. Такие наконечники были широко распространены в лесной зоне Западной Сибири и Приуралья в V–II вв. до н.э. Сравнительно небольшой керамический комплекс представлен тонкостенной слабоорнаментированной посудой, по-видимому круглодонной. Зона в области горловины декорирована рядами крупных «жемчужин». Таким же образом украшено и тулово. Посуда имеет аналогии с керамикой саргатской культуры, а также с материалами могильника Ростовка, отнесенного В.И. Матющенко к эпохе раннего железа.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Барабинская лесостепь, эпоха средневековья, барабинские татары, ранний железный век, саргатская культура.

L.S. Kobeleva¹, I.A. Durakov^{1, 2}, V.I. Molodin¹, M.S. Demakhina^{1, 2}¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS²Novosibirsk State Pedagogical University

THE COMPLEX STUDY OF THE SERGINO-2 HILLFORT ON THE OM RIVER

The publication contains the information on the field studies Sergino-2 forthill located in the Baraba forest-steppe. In consequence of this work three asynchronous cultural layers were revealed, which are associated with the occupation of terraces. The upper horizon is relevant to the late (18–19 centuries) settling of the Baraba Tatars. To the chronology of these constructions points Russian easel ceramics, found in the single filling together with Tatarian. Such combination of the ceramic complexes is a kind of chronological indicator: it shows that aboriginal Baraba Tatars used Russian easel pottery for their needs. Second horizon is preliminary dated to the 16–17 centuries, and represents a medieval settlement, it included three dwellings and one household building. Ceramics is the most numerous artifacts, found in the upper layers of the site. This pottery is similar to Baraba Tatarian ceramics. The third level contained the hillfort of the Early Iron Age. In consequence of the investigation we uncovered a part of its defensive system, consisting of two ditches and one dwelling located outside of the fortified area. The cultural layer of the Early Iron Age includes minimum 7 fragments of clay moulds for celt casting, 8 bone and 2 bronze arrowheads along with ceramics. One of the arrowheads is three-bladed, rocket-like with a hidden sleeve, of so-called Kulaysky type. Such arrowhead are common among the sites of 5th – 2nd centuries BC in the forest zone of Western Siberia and the Urals. A relatively small ceramic complex is presented by

a thin-walled, slightly ornamented crockery, with round bottom, apparently. The area of the neck was ornamented by rows of large "pearls". Body was decorated in the same way. Crockery is similar to Sargat ceramics as well as to the materials of Rostovka burial ground; V.I. Matyushchenko related it to the Early Iron Age.

Keywords: *Western Siberia, Baraba forest-steppe, Middle Ages, Baraba Tatars, Early Iron Age, Sargat culture.*

Археологический комплекс Сергино-2 находится на краю высокой надпойменной террасы правого берега р. Оми в 2,5 км от с. Сергино Чановского р-на Новосибирской обл. Памятник открыт в 1979 г., в 1987 г. исследовался А.В. Новиковым. В 2011 и 2015 гг. на объекте проводились археолого-геофизические исследования. На основе данных магнитометрической съемки (к настоящему времени ею охвачена площадь в 2400 м²) была составлена геомагнитная карта объекта, что позволило спланировать стратегию его археологического изучения.

В 2015 г. был исследован участок выявленной геодезической съемкой оборонительной системы городища и прилегающей к ней жилой площадки. Исследованная раскопом площадь составила 360 м².

В результате проведенных работ выявлены три разновременных культурных слоя, связанных с заселением террасы. Верхний горизонт соотносится с поздним (XVIII–XIX вв.) поселением барабинских татар. Вскрыты одно жилище и две хозяйственные ямы. На хронологию этих сооружений указывает русская станковая керамика (см. рисунок, 1), найденная в их заполнении наряду с татарской. Подобное сочетание керамических комплексов, когда аборигенное население барабинских татар использовало для своих нужд русскую станковую посуду, является своего рода хронологическим индикатором [Татаурова, 2013].

Жилище представляет собой прямоугольную полуземлянку с канавообразным выходом. Его размеры – 4,6 × 3,6 м. Глубина котлована не превышает 0,5 м; таким образом, последний не перерезает культурного слоя городища и прослеживается в нем только благодаря более светлому заполнению и остаткам деревянного каркаса строения. В жилище найден железный нож (см. рисунок, 2), еще один происходит из расположенной рядом хозяйственной ямы. Подобные изделия встречаются в погребениях XVI–XVII вв. могильника Абрамово-10 [Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, рис. 52, 3, 4]. В связанном с жилищем слое также найдены железное долото и ланцет (см. рисунок, 3), скоба, обломки миниатюрного стеклянного сосуда.

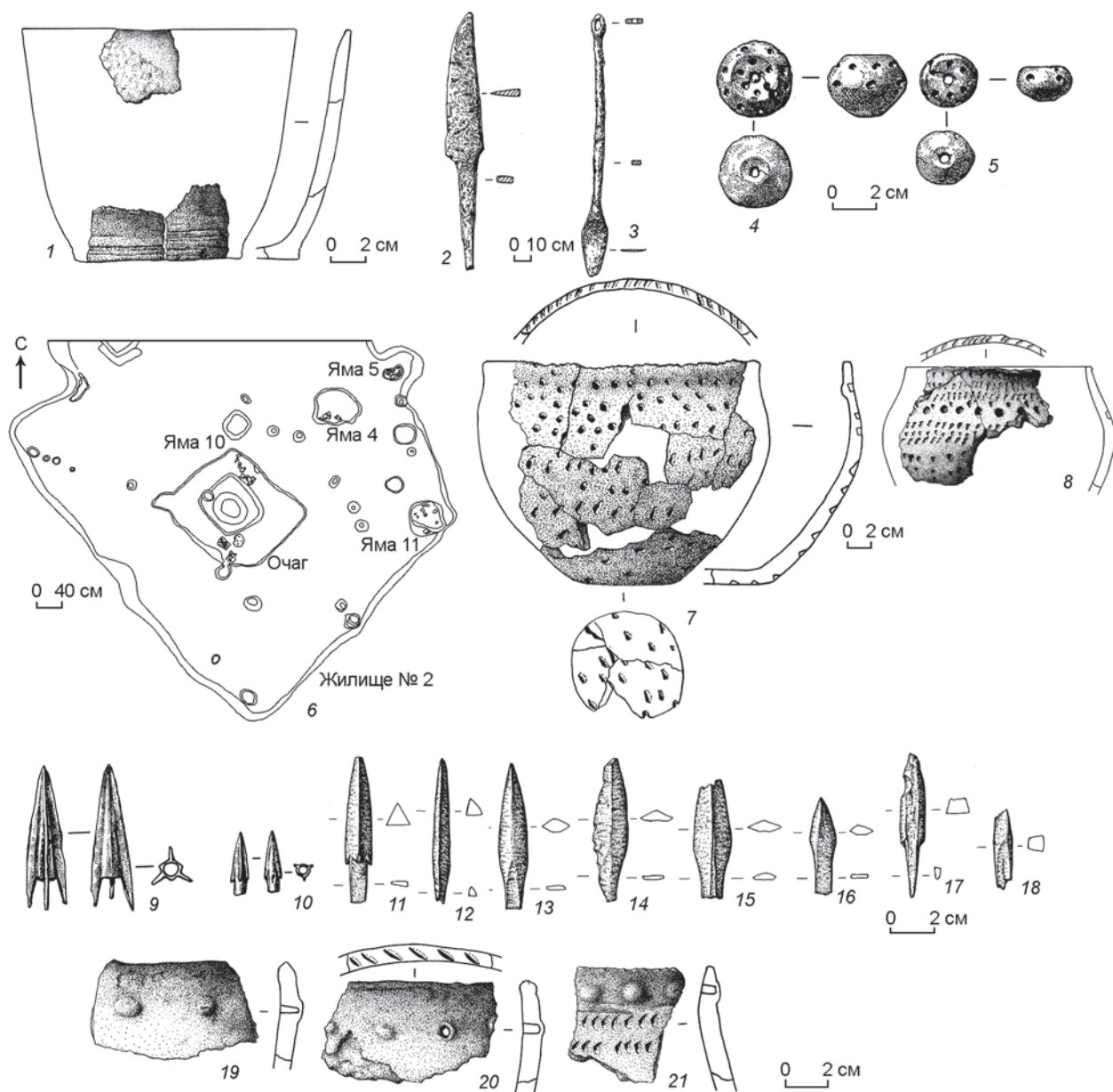
Второй горизонт представляет собой средневековое поселение, включающее три жилища и одну хозяйственную постройку.

Жилище № 2 (см. рисунок, 6) является полуземлянкой подпрямоугольной формы. Размеры выявленного котлована – 6 × 6,4 м, глубина – 0,6 м. В центре жилища расположен очаг в виде прокала, окруженного квадратным углублением.

Жилище № 3 сохранилось частично. Удалось проследить северную и западную стены котлована полуземлянки и часть длинного (1,8 м) коридорообразного выхода. Строение разрушено рекой и ветровой эрозией берега. Реконструируемые размеры жилища – 3,6 × 5,4 м, глубина – 0,1 м. В центральной части прослежен очаг, окруженный квадратным канавообразным углублением. Такие отопительные сооружения, именуемые «чувалами», хорошо известны у барабинских татар и были исследованы В.И. Соболевым на городище Чуланкуль-1 [Там же, с. 114].

Сооружение № 5 частично перекрывало внутренний ров городища. Оно представляет собой небольшую полуземлянку размером 2,2 × 1,8 м и глубиной 0,2 м. Учитывая размеры строения и отсутствие очага, можно предположить, что это сооружение имело чисто хозяйственное назначение.

Наиболее массовыми находками, обнаруженными как во всех сооружениях, так и в культурном слое вне их, являются образцы керамики. При этом зафиксировано несколько раздавленных сосудов, создающих впечатление, что поселение было покинуто в одночасье. Это крупные яйцевидные сосуды с круглым дном и слабо выраженной горловиной (см. рисунок, 7, 8). Вся их поверхность орнаментирована крупными оттисками, нанесенными уголок палочки, верхняя часть сосудов декорирована рядами крупного гребчатого штампа. Абсолютные аналогии данная керамика имеет с посудой барабинских татар, найденной В.И. Соболевым на поселениях и городищах последних [Там же]. Интересной особенностью посуды из Сергино являются ряды круглых ямочных наколов (см. рисунок, 7), которые, наряду с цепочкой таких ямок на горловине, образуют еще один или несколько рядов на тулове. Несмотря на немногочисленность такой посуды, можно, по-видимому, говорить о каких-то контактах обитателей поселка (барабинских татар) с жителями предтаежной зоны Барабы (южными хантами), оставившими памятники кыштовской культуры [Там же, с. 34–37]. Наиболее южные из них – мо-

Городище Сергино-2.
1–5, 7–21 – инвентарь, 6 – план жилища № 2.

гильники и святилища Сопка-2 и Усть-Изес [Молодин, Соловьев, 2012]. Они связаны с Сергино единой водной системой рек Оми и Тартаса, видимо позволявшей осуществлять культурные и брачные контакты.

Кроме того, в большом количестве обнаружены глиняные пряслица (см. рисунок, 4, 5) и поделки из кости. Комплекс принадлежит барабинским татарам и, вероятно, датируется XIV–XVII вв.

Третий горизонт памятника – городище ранне-го железного века. Раскопом 2015 г вскрыта часть оборонительной системы, включающей два рва и одно жилище, расположенное вне защищенной части городища.

Ров № 1 представляет собой канаву шириной 0,9–2,2 м с максимальной глубиной 0,4 м. В заполнении рва найдены восемь костяных и два бронзовых наконечника стрел. Один из них – трехлопастной ракетовидный со скрытой втулкой так называемого кулайского типа (см. рисунок, 9). Такие наконечники широко представлены в лесной зоне Западной Сибири и Приуралья в памятниках V–II вв. до н.э. [Корякова, 1988, с. 61]. В барабинской лесостепи они встречаются в материалах новочекинской культуры [Полосьмак, Молодин, 1981, с. 82, рис. 4, 1–3, 5; Полосьмак, 1987, рис. 60], в Приобье – в памятниках кулайской культуры, датируемых IV–III вв. до н.э.

[Троицкая, 1979, с. 11, 19, табл. 6; Чиндина, 1984, с. 35].

Второй бронзовый наконечник – трехгранный с выступающей втулкой (см. рисунок, 10). По классификации К.Ф. Смирнова, такие наконечники относятся к VI типу и датируются в пределах IV в. до н.э. [Смирнов, 1961, с. 53, табл. IV, 17] В памятниках Западной Сибири они встречаются в материалах IV–III вв. до н.э. [Корякова, 1988, с. 62].

Ров № 2 является внешним обводом оборонительной линии городища. Представляет собой канаву шириной 0,9 – 1,8 м с максимальной глубиной 0,3 м. Датируется найденным в его заполнении двудырчатым роговым псалием. В Западной Сибири подобные псалии известны в материалах саргатской культуры и относятся к IV–III вв. до н.э. [Там же, с. 64].

Жилище № 4 представляет собой подквадратную полуземлянку, сильно поврежденную ямой поселения XVIII–XIX вв. Реконструируемые размеры сооружения – 4,6 × 5,6 м, глубина 0,45 м. На полу котлована прослежен очаг в виде прокала линзовидной формы размерами 0,4 × 0,3 м и мощностью 0,15 м. На прилегающей площадке, на всей глубине залегания культурного слоя, были найдены обломки не менее семи глиняных форм для отливки кельтов. Видимо, очаг жилища использовался в качестве плавильного горна бронзолитейной мастерской. Судя по рабочим камерам литейных форм, все изготавливаемые здесь кельты имели восьмигранное сечение с четко выраженными ребрами жесткости на боковых гранях. Один из них был украшен орнаментом в виде двух опоясывающих кельт горизонтальных валиков, рассеченных вертикальными линиями, так что вся композиция напоминает прямую крупноячеистую сетку. Наиболее близкий орнамент встречается на кельтах ананьинской культуры, однако форма и пропорции изделий, отливавшихся на сергинском городище, сильно отличаются от ананьинских.

Сравнительно небольшой керамический комплекс представлен тонкостенной слабоорнаментированной посудой, по-видимому круглодонной. Зона в области горловины декорирована рядами крупных «жемчужин» (см. рисунок, 19–21). Таким же образом украшено и тулово. Аналогии данному комплексу можно видеть в керамике саргатской культуры [Полосьмак, 1987, рис. 27]. Кроме того, следует указать на еще одну параллель, которую можно провести с керамикой могильника Ростовка, отнесенной В.И. Матюшенко к эпохе раннего железа [Матюшенко, Сеницына, 1988, с. 102–112, 125, рис. 90–92].

Не может остаться без внимания то обстоятельство, что на сравнительно небольшом участке культурного слоя, относящегося к эпохе раннего железа, было найдено столь значительное количество наконечников стрел (см. рисунок, 9–18), при этом два из них бронзовые, боевые. Все эти наконечники принадлежат носителям северного, таежного, и южного, лесостепного, круга культур. Кроме того, изделия сконцентрированы в районе оборонительной системы. Не исключено, что перед нами следы штурма городища, населенного лесостепным населением (саргатцами?), их северными соседями (новочёкинцами?). Примеры сложных отношений между соседями уже встречались при раскопках погребальных комплексов [Полосьмак, Молодин, 1981, с. 79–80; Полосьмак, 1987, с. 67].

Очевидно, что дальнейшее исследование комплекса, относящегося к эпохе раннего железа, может дать исключительно важную информацию для понимания историко-культурных процессов на юге Западной Сибири.

Не менее замечательны и материалы, относящиеся к периоду позднего средневековья, давшие в наше распоряжение уникальную научную информацию.

Список литературы

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск: УрГУ, 1988. – 240 с.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. – М.: Наука, 1974. – 176 с.

Матюшенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. – Томск: ТГУ, 1988. – 132 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 261 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Кыштовская культура: вариативность погребальной практики и обрядов // Вестн. НГУ. Сер.: История, Филология. – 2012. – Т. 11, вып. 3: Археология и этнография. – С. 197–210.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 143 с.

Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Новые находки предметов вооружения раннего железного века из Барабинской лесостепи // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С. 74–86.

Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. № 101. – М.: АН СССР, 1961. – 164 с.

Татаурова Л.В. Русская керамика Сибири: орнамент, технология, семантика // Українська керамологія: Національний науковий щорічник. За рік 2012. Декор глиняних виробів – Опішне: Українське народознавство, 2013. – Кн. VIII, т. 2. – С. 90–98.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 124 с.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. – Томск: ТГУ, 1984. – 255 с.

References

Chindina L.A. Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza. Kulayskaya kul'tura. Tomsk: TGU, 1984. 255 pp. (In Russ.).

Koryakova L.N. Ranniy zheleznyj vek Zaural'ya i Zapadnoy Sibiri (sargatskaya kul'tura). Sverdlovsk: UrGU, 1988. 240 pp. (In Russ.).

Kosarev M.F. Drevnie kul'tury Tomsko-Narymskogo Priob'ya. M.: Nauka, 1974. 176 pp. (In Russ.).

Matyushchenko V.I., Sinitsyna G.V. Mogil'nik u d. Rostovka vblizi Omska. Tomsk: TGU, 1988. 132 pp. (In Russ.).

Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1990. 261 pp. (In Russ.).

Molodin V.I., Solov'ev A.I. Kyshtovskaya kul'tura: variativnost' pogrebal'noy praktiki i obryadov // Vestn. NGU. Ser.: Istoriya, Filologiya. 2012. Vol. 11, Iss. 3: Arkheologiya i etnografiya. Pp. 197–210. (In Russ.).

Polos'mak N.V. Baraba v epokhu rannego zheleza. Novosibirsk: Nauka, 1987. 143 pp. (In Russ.).

Polos'mak N.V., Molodin V.I. Novye nakhodki predmetov vooruzheniya rannego zheleznogo veka iz Barabinskoy lesostepi // Voennoe delo drevnikh plemen Sibiri i Tsentral'noy Azii. Novosibirsk, 1981. Pp. 74–86. (In Russ.).

Smirnov K.F. Vooruzhenie savromatov // MIA. No. 101. M.: AN SSSR, 1961. 164 pp. (In Russ.).

Tataurova L.V. Russkaya keramika Sibiri: ornament, tekhnologiya, semantika // Ukrains'ka keramologiya: Natsional'ny naukovy shchorichnik. Za rik 2012. Dekor glinyanikh virobiv. Opishne: Ukrains'ke narodoznavstvo, 2013. BookVIII, Vol. 2. Pp. 90–98. (In Russ.).

Troitskaya T.N. Kulayskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'ye. Novosibirsk: Nauka, 1979. 124 pp. (In Russ.).

Ю.Н. Ковыршина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

**К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ.
ВКЛАД УЧЕНЫХ В ПОБЕДУ НАД ФАШИЗМОМ.
А.П. ОКЛАДНИКОВ**

Якутия расположена в северо-восточной части Сибири. Это самая большая административно-территориальная единица в мире (3103,2 тыс. км²), регион с высоким уровнем природно-ресурсного экономического потенциала. Советский период истории региона связан с широкомасштабным его освоением. Начало же систематического, последовательного изучения истории Якутии было положено обобщающими монографическими работами А.П. Окладникова. Его основные исследования пришлись на тяжелое для нашей Отчизны время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. К этому времени он уже достаточно известный ученый: кандидат наук, автор ряда открытий в Сибири и Средней Азии. В 1939 г. он получает от Института культуры при СНК ЯАССР приглашение осуществить археологические исследования в долине р. Лены, и в последующие шесть лет его судьба оказывается неразрывно связана с Якутией. Поставленная перед ученым грандиозная задача по написанию истории этого региона была полностью выполнена. Исследования академика А.П. Окладникова по достоинству оценены как государством, так и научным сообществом. Он был удостоен медали «За доблестный труд», получил два ордена «Знак почета», а его концепции продолжают оставаться предметом дискуссий в научном мире до сих пор.

Ключевые слова: А.П. Окладников, 1941–1945 гг., Ленская историко-археологическая экспедиция, Якутия, архив СПбФ АРАН.

Yu.N. Kovyreshina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk State University
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

**TO THE 70th ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY.
THE CONTRIBUTION OF THE SCIENTISTS TO THE VICTORY
OVER FASCISM. A.P. OKLADNIKOV**

Yakutia is located in the north-eastern part of Siberia. It is the largest administrative unit in the world (3103,2 thousands km²), a region with a high level of natural resources and economic potential. The Soviet period of the regional history is associated to its large-scale development. Systematic consistent study of the history of Yakutia started, when A.P. Okladnikov had published his generalizing monographs. His main research fell within the hard times for our Homeland: it was the time of The Great Patriotic War (1941–1945). By that time, he was already prominent scientist: candidate of science, author of a number of discoveries in Siberia and Central Asia. He received an invitation from the Institute of Culture of the CPC YASSR to carry out the archaeological research in the Lena River Valley in 1939, and he inextricably associated his fate with the discovery of Yakutia for the people for the next six years. The task – to write the history of this region – had been completely accomplished. Researches of academician A.P. Okladnikov were appreciated by both the government and the scientific community. He was decorated with the medal “For valiant Labour”, two Badges of Honour, and his concepts are still the subject of discussions in the scientific world.

Keywords: A.P. Okladnikov, 1941–1945, Lena historic-archaeological expedition, Yakutia, archives of SPbB ARAS.

2015 год ознаменован для всего человечества 70-летним юбилеем Великой Победы над фашизмом. Мы, дети и внуки воинов-победителей,

должны сделать все, чтобы сохранить светлую память о людях, ковавших нашу победу на фронте и в тылу. Отдавая должное героям,

сражавшимся в действующей армии, не нужно забывать и о тружениках тыла, без самоотверженного труда которых победа над гитлеровской Германией была бы невозможна. Огромен вклад советских ученых, создававших оружие победы, не менее значима работа ученых-гуманитариев, ведших борьбу на идеологическом фронте [Молодин, 2015a].

Алексей Павлович Окладников к моменту вступления СССР в войну был уже состоявшимся ученым: кандидатом наук (1938 г.), автором потрясающих открытий в Сибири и Средней Азии. В 1940 г. он командирован в Якутск. Перед ученым поставлена задача – написание древней истории Якутии, представлявшей собой в то время «сплошное белое пятно» [Василевский, 1981]. По своим масштабам и значимости для страны важность этого проекта трудно переоценить. Забегая вперед, можно констатировать, что уже в 1945 г. увидели свет первый том «Ленских древностей» [Окладников, 1945б] и обобщающая книга «Далекое прошлое Якутии» [Окладников, 1945а] на якутском языке. В 1946 г. выходит второй том «Ленских древностей» [Окладников, 1946], а в 1949 г. монография «Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству» [Окладников, 1949].

Выдающуюся роль Алексея Павловича в изучении огромных территорий Якутии и Восточной Сибири в целом признают и те, кто его порой критикует [Клейн, 2014, с. 306–321; и др.].

Дочь Алексея Павловича, Елена Алексеевна Окладникова*, рассказывает о начале войны так: «В 1941 г. в июне началась война, а экспедиция в Якутск началась в мае. В разведке их было трое: Вера Дмитриевна (супруга А.П. Окладникова) и матрос шли на лодке вдоль берега Лены; Алексей Павлович – по берегу в поисках древних памятников. Подошли к очередной деревне. Там были все встревожены, в сельсовете очередь из мужчин. Вера Дмитриевна сторожила лодку, мужчины пришли с тяжелой новостью: “Вера, война”. Решили, что Вера Дмитриевна отправится в Якутск, а мужчины идут в сельсовет на мобилизацию. Вскоре они вернулись. Военком, выяснив, что приписаны в Ленинграде, а здесь в экспедиции с предписанием об оказании поддержки, посоветовал отметить и отправиться по заданному маршруту, а по выполнении задачи прибыть в Ленинград и там уже

разбираться. Никто и предположить не мог, что война затянется на четыре года. Экспедиция продолжила свой путь в сторону Ледовитого океана. Осенью вернулись в Якутск, там их и оставили – Ленинград уже был блокадным». А.К. Конопацкий пишет о попытках А.П. Окладникова связаться с Ленинградом и приказе не сворачивать экспедицию, продолжать начатые работы [Конопацкий, 2001, с. 146–148].

Попытка уйти на фронт не увенчалась успехом, и экспедиция продолжила работу. Поздней осенью 1941 г. они вернутся в Якутск, узнают о глубоком прорыве врага на территорию СССР, о блокаде Ленинграда, и им останется только одно: делать то, что умеешь лучше всего, – не зная усталости, изучать «тропы далеких тысячелетий» Якутии, заполняя пробелы на карте истории нашей страны.

Отечественные специалисты высоко оценивают деятельность ученого в период войны. В 1940–1945 гг. А.П. Окладников руководил Ленской историко-археологической экспедицией, основные результаты работ которой подробно освещены в научной литературе [Ларичев, 1968, с. 3–9; 1970, с. 17–18; Деревянко, Молодин, Худяков, 2008, с. 139; Дэвлет, 2008, с. 144; Окладникова, Федосеева, 2009, с. 38–39; Молодин, 2013, с. 92–93; 2015б, с. 283–299; и др.]. В дополнение к сказанному можно отметить некоторые моменты, касающиеся «отправной точки» исследований. О приглашении из Якутска, поступившем А.П. Окладникову в 1939 г., пишет В.Е. Ларичев, справедливо замечая, что «древняя история Якутии писалась не столько чернилами, сколько потом и кровью» [Ларичев, 1958, с. 17–18]. А.П. Деревянко начало «якутской одиссеи» в жизни ученого также датирует этим годом [Деревянко, 1978, с. 11–81].

До настоящего времени выходят в свет работы, анализирующие различные аспекты, поднятые А.П. Окладниковым в трудах о древнейшей истории Якутии. Перечислим лишь некоторые сюжеты: построение схем развития верхнего палеолита на Лене, исследование неолита и бронзового века, изучение наскального искусства, вклад в этнографию, представление о последующих исследованиях в Якутии и пр. [Алексеев, Гемуев, 1998; Маркин, 2008; Кашин, Калинина, 2008; и др.]. Не все концепции, предложенные ученым, оказались непоколебимыми, с накоплением новых источников что-то уточняется, дополняется и даже пересматривается, однако это ни в коей мере не умаляет научного подвига, совершенного исследователем.

*Е.А. Окладникова – доктор исторических наук, профессор. Благодарю Елену Алексеевну за предоставленный материал и разрешение использовать его в работе.

Недавно увидели свет две работы, включающие материалы из личного архива А.П. Окладникова. О.В. Яншина посвятила статью обзору этих источников и их значимости, отметив, что «именно в страшные 1940-е гг. ученый трудился напряженнее всего» [2006]. Е.И. Деревянко и А.Б. Закстельский в очерках об А.П. Окладникове ввели в научный оборот эксклюзивные архивные материалы, в том числе отражающие работу ученого в Якутии [2008]. Это уникальнейшие источники, позволяющие представить, в каких невероятно сложных условиях проходили экспедиции ученого.

Исследования в Якутии послужили основой полевых археологических работ на крайнем Северо-Востоке СССР (в Заполярье, на Колыме) [Деревянко, 1978, с. 11–81; Василевский, 1981; Молодин, 2003; Лебединцев, 2008]. Анализ библиографии ученого позволяет говорить о том, что материалы, полученные в 1939–1945 гг., в научный оборот вводились как в годы войны, так и после, на протяжении десятков лет [Алексей Павлович Окладников..., 1981, с. 60–130].

Сам Алексей Павлович в 1946 г. пишет о работе в Якутии скромно, без эмоций: «Время с мая 1941 г. по февраль 1945 г. было мною полностью проведено в Якутии, причем кроме основной своей исследовательской и преподавательской работы я вел там активную общественную работу: выступал с докладами и лекциями на общеполитические и исторические темы по поручению Булунского РК ВКП(б), Якутского горкома и обкома партии; вел курс истории СССР (до XVIII в.) в вечернем университете марксизма-ленинизма, участвовал в работе научного совета при СНК ЯАССР (как член его), в научно-теоретических конференциях Института языка и литературы, Якутского пединститута, печатал статьи по истории Якутии в областном партийном журнале “По Ленинскому пути”» [СПбФ АРАН, ф. 1099]*.

Труд ученого в военные годы высоко оценен Родиной: «В 1945 г. Алексей Павлович был награжден своим первым орденом “Знак Почета”, в 1946 г. был удостоен медали “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”, а в 1947 г. он получает второй орден “Знак Почета” за развитие науки в Якутии. ... Немного в нашей стране найдется археологов, чей мирный труд в условиях военного времени был отмечен столь высоко» [Молодин, 2009].

*Выражаю благодарность сотрудникам СПбФ АРАН д-ру ист. наук И.В. Тункиной и канд. ист. наук О.В. Яншиной за предоставленную возможность работы с личным архивом академика А.П. Окладникова.

Список литературы

СПбФ АРАН, ф. 1099. Окладников Алексей Павлович. Автобиография. 25.П.1946 г.

Алексеев Н.А., Гемуев И.Н. А.П. Окладников и этнография Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 7–11.

Алексей Павлович Окладников. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. – М.: Наука, 1981. – Вып. 13. – 184 с.

Василевский Р.С. Краткий очерк научной, педагогической и научно-организационной деятельности // Алексей Павлович Окладников. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. – М.: Наука, 1981. – Вып. 13. – С. 10–21.

Деревянко А.П. В поисках Оленя Золотые Рога. – Благовещенск: Хабар. кн. изд-во. Амур. отд-ние, 1978. – 256 с.

Деревянко А.П., Молодин В.И., Худяков Ю.С. Значение научного наследия академика А.П. Окладникова для развития археологии Северной и Центральной Азии // РА. – 2008. – № 4. – С. 137–143.

Деревянко Е.И., Закстельский А.Б. Тропой далеких тысячелетий. Страницы из жизни археолога и путешественника. – Новосибирск: Инфолио, 2008. – 200 с.

Дэвлет М.А. К столетию Алексея Павловича Окладникова. Первые встречи // РА. – 2008. – № 4. – С. 144–149.

Кашин В.А., Калинин В.В. Северная специфика позднего неолита Якутии // Окно в неведомый мир. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 144–149.

Клейн Л.С. История российской археологии: учения, школы и личности. Археологи советской эпохи. – СПб.: Евразия, 2014. – Т. 2. – 640 с.

Конопацкий А.К. Прошлое великий следопыт: Академик А.П. Окладников. Страницы биографии. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 2001. – 492 с.

Ларичев В.Е. А.П. Окладников – исследователь древних культур Азии (к 50-летию со дня рождения). – Иркутск, 1958. – 68 с.

Ларичев В.Е. Библиография научных трудов по археологии и истории чл.-кор. АН СССР А.П. Окладникова. – Новосибирск, 1968. – 53 с.

Ларичев В.Е. Сорок лет среди сибирских древностей. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970. – 239 с.

Лебединцев А.И. Колымская экспедиция А.П. Окладникова и основные результаты археологических исследований в Северном Приохотье и Приколымье // Окно в неведомый мир. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 52–56.

Маркин С.В. А.П. Окладников и становление палеолитоведения Северной и Центральной Азии // Окно в неведомый мир. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 57–62.

Молодин В.И. Освоение русскими Сибири в трудах академика Окладникова // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 338–341.

Молодин В.И. Академик Алексей Павлович Окладников (к 100-летию со дня рождения) // Вестник исто-

рии, литературы, искусства. – М.: Собрание, 2009. – Т. VI. – С. 548–560.

Молодин В.И. Академик Окладников – страницы творчества (в честь 105-летнего юбилея). – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2013. – 96 с.

Молодин В.И. Великая Победа // Наука в Сибири. – 2015а. – 7 мая (№ 9). – С. 8–9.

Молодин В.И. Очерки истории сибирской археологии. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2015б. – 311 с.

Окладников А.П. Далекое прошлое Якутии. – Якутск: Якутгосиздат, 1945а. – 144 с.

Окладников А.П. Ленские древности. – Якутск: (Якут. гос. тип.), 1945б. – Вып. 1. – 100 с.

Окладников А.П. Ленские древности. – Якутск: (Якут. гос. тип.), 1946. – Вып. 2. – 185 с.

Окладников А.П. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. – Якутск: Якутгосиздат, 1949. – 439 с.

Окладникова Е.А., Федосеева С.А. Глубины и пространства исторической карты северо-востока Азии // «Homo Eurasicus» у врат искусства. – СПб.: Астерион, 2009. – С. 34–44.

Яншина О.В. Хранить вечно. Первая публикация из личного архива академика А.П. Окладникова // Наука из первых рук. – 2006. – № 5(11). – С. 42–47.

References

SPbF ARAN, F. 1999. Okladnikov Aleksey Pavlovich. Avtobiografiya. 25.II.1946 g. (In Russ.).

Alekseev N.A., Gemuev I.N. A.P. Okladnikov i etnografiya Sibiri // Sibir' v panorame tysyacheletiy. Novosibirsk: IAET SO RAN, 1998. Vol. 2. Pp. 7–11. (In Russ.).

Aleksei Pavlovich Okladnikov. Materialy k biobibliografii uchenykh SSSR. M.: Nauka, 1981. Iss. 13. 184 pp. (In Russ.).

Derevianko A.P. V poiskakh Olenya Zoloty Roga. Blagoveshchensk: Khabar. kn. Izd-vo. Amur. otd-nie, 1978. 256 pp. (In Russ.).

Derevianko A.P., Molodin V.I., Khudyakov Yu.S. Znacheniye nauchnogo naslediya akademika A.P. Okladnikova dlya razvitiya arkheologii Severnoy i Tsentral'noy Azii // RA. 2008. No. 4. Pp. 137–143. (In Russ.).

Derevianko E.I., Zakstel'sky A.B. Tropoy dalekikh tysyacheletiy. Stranitsy iz zhizni arkheologa i puteshestvennika. Novosibirsk: Infolio, 2008. 200 pp. (In Russ.).

Devlet M.A. K stoletiyu Alekseya Pavlovicha Okladnikova. Pervye vstrechi // RA. 2008. No. 4. Pp. 144–149. (In Russ.).

Kashin V.A., Kalinina V.V. Severnaya spetsifika pozdnego neolita Yakutii // Okno v nevedomyi mir. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2008. Pp. 144–149. (In Russ.).

Klein L.S. Istoriya rossiyskoy arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti. Arkheologi sovetskoy epokhi. Spb.: Evraziya, 2014. Vol. 2. 640 pp. (In Russ.).

Konopatsky A.K. Proshlogo velikiy sledopyt: Akademik A.P. Okladnikov. Stranitsy biografii. Novosibirsk: Sib. khronograf, 2001. 492 pp. (In Russ.).

Larichev V.E. A.P. Okladnikov – issledovatel' drevnikh kul'tur Azii (k 50-letiyu so dnya rozhdeniya). Irkutsk, 1958. 68 pp. (In Russ.).

Larichev V.E. Bibliografiya nauchnykh trudov po arkheologii i istorii chl.-kor. AN SSSR A.P. Okladnikova. Novosibirsk, 1968. 53 pp. (In Russ.).

Larichev V.E. Sorok let sredi sibirskikh drevnostey. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1970. 239 pp. (In Russ.).

Lebedintsev A.I. Kolym'skaya ekspeditsiya A.P. Okladnikova i osnovnye rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy v Severnom Priokhot'ye i Prikolym'ye // Okno v nevedomyi mir. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2008. Pp. 52–56. (In Russ.).

Markin S.V. A.P. Okladnikov i stanovlenie paleolitovedeniya Severnoy i Tsentral'noy Azii // Okno v nevedomyi mir. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2008. Pp. 57–62. (In Russ.).

Molodin V.I. Osvoenie russkimi Sibiri v trudakh akademika Okladnikova // Problemy arkheologii i paleoekologii Severnoy, Vostochnoy i Tsentral'noy Azii. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2003. Pp. 338–341. (In Russ.).

Molodin V.I. Akademik Aleksei Pavlovich Okladnikov (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) // Vestnik istorii, literatury, iskusstva. M.: Sobranie, 2009. Vol. VI. Pp. 548–560. (In Russ.).

Molodin V.I. Akademik Okladnikov – stranitsy tvorchestva (v chest' 105-letnego yubileya). Novosibirsk: RITs NGU, 2013. 96 pp. (In Russ.).

Molodin V.I. Velikaya Pobeda // Nauka v Sibiri. 2015a. May 7 (No. 9). Pp. 8–9. (In Russ.).

Molodin V.I. Ocherki istorii sibirskoy arkheologii. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2015b. 311 pp. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Dalekoe proshloe Yakutii. Yakutsk: Yakutgosizdat, 1945a. 144 pp. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Lenskie drevnosti. Yakutsk: (Yakut. gos. tip.), 1945b. Iss. 1. 100 pp. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Lenskie drevnosti. Yakutsk: (Yakut. gos. tip.), 1946. Iss. 2. 185 pp. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Proshloe Yakutii do prisoedineniya k Russkomu gosudarstvu. Yakutsk: Yakutgosizdat, 1949. 439 pp. (In Russ.).

Okladnikova E.A., Fedoseeva S.A. Glubiny i prostranstva istoricheskoy karty severo-vostoka Azii // «Homo Eurasicus» u vrat iskusstva. Spb.: Asterion, 2009. Pp. 34–44. (In Russ.).

Vasilevsky R.S. Kratkiy ocherk nauchnoy, pedagogicheskoy i nauchno-organizatsionnoy deyatel'nosti // Aleksei Pavlovich Okladnikov. Materialy k biobibliografii uchenykh SSSR. M.: Nauka, 1981. Iss. 13. Pp. 10–21. (In Russ.).

Yanshina O.V. Khranit' vечно. Pervaya publikatsiya iz lichnogo arkhiva akademika A.P. Okladnikova // Nauka iz pervykh ruk. 2006. No. 5(11). Pp. 42–47. (In Russ.).

С.А. Комиссаров^{1, 2}, Е.Э. Войтишек²¹Институт археологии и этнографии СО РАН²Новосибирский государственный университет

E-mail: orient@lab.nsu.ru

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАРОДА ТУЦЗЯ

В статье рассматривается проблема происхождения одного из крупных тибето-бирманских этносов – туцзя, в настоящее время проживающего в основном на территории Южного Китая. Этноним «туцзя» представляет собой китайский перевод самоназвания этого этноса, которое означает «местный житель», «абориген». Но не всегда туцзя были местными. Их предки, как и другие тибето-бирманские народы, пришли в южные регионы с севера. Процесс этот был многоступенчатым. Сначала племена ди-цянов, мигрировав на территорию Сычуани и вступив во взаимодействие с представителями австрийских народов, создали государственное образование Ба, на основе которого, в свою очередь, сформировались туцзя. Об этом свидетельствуют как данные палеогенетики, так и некоторые наблюдения над современной этнографией туцзясцев. Так, свайные жилища, в которых они проживают, были впервые созданы древними аустроазиатами, но затем приспособлены тибетцами к условиям жизни в горах. С теми же условиями связана любовь всех тибетских народов к чаю-похлебке, горячему и сытному напитку-блюду. С некогда кочевым характером хозяйства туцзя, как и большинства тибетцев, связаны некоторые из пищевых запретов (на свинину и т. д.).

Северные характеристики в генетическом коде туцзя сочетаются с преимущественно южными, что свидетельствует о сложном, композитном характере этого этноса и созданной им культуры. Сопоставление преимущественно северных характеристик в геноме тибетцев с аналогичными структурами у казахов и монголов позволяет рассматривать этногенез туцзя в контексте более масштабной проблемы взаимодействия предков тибето-бирманских и тюрко-монгольских народов.

Ключевые слова: этногенез, тибето-бирманские народы, австрийская этнолингвистическая группа, туцзя, миграции.

S.A. Komissarov^{1, 2}, E.E. Voytishchek²¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS²Novosibirsk State University

E-mail: orient@lab.nsu.ru

ABOUT THE TUJIA PEOPLE ORIGIN

This study considers the problem of the origin of one of the largest ethnic groups – Tujia, now living mainly in southern China. The ethnonym “Tujia” is a Chinese translation of the ethnic self-name, which means “local inhabitant”, “aboriginal”. Tujia were not local always. Their ancestors came to the southern regions from the north, like the other Tibeto-Burman peoples. It was a multi-stepped process. Primarily the di-chian tribes migrated to the territory of Sichuan and established a state formation Ba in concert with Austric people. This state was the basis of Tujia formation. Paleogenetic data and some observations on contemporary ethnography of Tujia evidence it. Thus, the ancient Austric Asian people firstly constructed the palafittes where Tujia live, and then Tibetans adapted them to life in the mountains. The same situation is in the case of predilection of all the Tibetan people to tea chowder, hot and hearty drink meal. Some of the food taboo, especially pork, associate with nomadic type of Tujia economy. Mostly northern characteristics in the Tujia genetic code combine with predominantly southern, that indicates the complex, composite character of this ethnic group and its culture, respectively. A comparison of the predominantly northern characteristics in the Tibetan people genome with the similar structures of Kazakhs and Mongolians permits to consider the Tujia ethnogenesis in the context of the broader problem – the interaction between ancestors of Tibeto-Burman and Turkic-Mongolian peoples.

Keywords: ethnogenesis, Tibeto-Burman people, Austric ethno-linguistic group, Tujia, migrations.

Народ *туцзя*, язык которого относится к тибето-бирманской группе сино-тибетской языковой семьи, имеет долгую историю. Китайское написание данного этнонима фактически является переводом самоназвания *bifzivkar*, что означает «человек данной местности», «абориген». Согласно переписи 2010 г., численность *туцзя* составляет 8 353 900 чел., из них почти треть проживает в пров. Хунань*. Однако «местными» они были здесь не всегда.

Анализ митохондриальной ДНК показал, что *туцзя*, равно как и родственный им этнос *ицзу*, имеют как преимущественно южные, так и северные генетические характеристики, хотя южные преобладают. Их прямыми предками, судя по историко-географическим данным, были основатели государства Ба (на территории современной пров. Сычуань) – воинственные горцы, почитавшие Белого Тигра. В свою очередь, *басцы* были связаны происхождением с племенами *ди-цянов*, занимавшими современные провинции Цинхай и Ганьсу [Се Сюаньхуа, Ли Хуй, Мао Сяньюнь и др., 2004]. После разгрома государств Ба и Шу циньскими войсками в 316 г. до н. э. часть населения переместилась на восток, заняв горные области на территории современных провинций Хэнань, Хубэй, Гуйчжоу и г. Чунцин. Вплоть до начала XVIII в. эти районы находились под управлением местных вождей, признававших верховную власть китайских императоров. Отряды туземных воинов в качестве самостоятельных подразделений участвовали в походах – например, против т. н. японских пиратов при династии Мин. Это дало начало развитию сравнительно большой диаспоры *туцзя* в прибрежных районах Гуанси, Гуандуна и Фуцзяни. Но в районах своего базового проживания они сравнительно мало соприкасались с внешним миром, что способствовало консервации и сохранению вплоть до наших дней многих элементов традиционной культуры (см.: [Лю Сяюй, Ван Цзюйбао, 1986; Решетов, 1999; Комиссаров, 2013]). В данной статье мы обратимся лишь к некоторым из них, связанным с происхождением и историей развития этноса.

Так, во многих деревнях люди продолжают жить в «домах со свисающими ногами» (*дяоцзяолоу*) – так образно названы высокие сваи, на которые опираются жилища [Чжан Лянгао, 2000]. Дома на сваях – это один из видов строений каркасного типа, находки наиболее ранних из них (ок. 5 тыс. лет до н. э.) сделаны на поселении

культуры хэмуду (пров. Чжэцзян, Восточный Китай), наибольшее распространение они получили в Юго-Восточной Азии («аустрический мир»). Данный вариант использовался многими народами Тибета и Юго-Западного Китая как результат адаптации к гористому рельефу, когда основная часть постройки как бы висит в воздухе, поддерживаемая деревянными столбами. Для рационального использования пространства на нижнем этаже, который образуется благодаря деревянным опорам, устраивают загон для скота, складские помещения. Кроме того, перед главным домом всегда есть ровная площадка, которая может служить для хозяйственных и обрядовых целей [Чжоу Чуанфа, 2007]. Такой способ организации жилой и хозяйственной площади характерен для тибетских народов, причем на самых ранних этапах их формирования (напр., в культуре Кажо).

К общетибетским характеристикам можно отнести и такое специфическое блюдо в составе повседневной пищи *туцзя*, как чай-похлебка. Для его приготовления сначала обжаривают чайный лист на растительном масле, затем заливают его водой и заваривают вместе с имбирем, чесноком, черным перцем, после чего могут добавить хорошо обжаренную крахмальную лапшу, кусочки мяса и соевого творога, арахис, орехи. Для приготовления особо вкусного блюда при жарке растительное масло могут заменить свиным салом. Считается, что получающееся в итоге кушанье (менее всего похожее на напиток) согревает зимой и охлаждает летом, поддерживая организм в нужном тонусе.

Любопытный материал для размышлений дают данные по пищевым запретам. Так, например, в отношении молодых неженатых людей существовало табу на блюда из свиных ножек. Если его нарушить, то юноша никогда не сможет найти себе пару. Женщинам в период лактации запрещалось есть свиную печень – считалось, что это может повредить ребенку, который вырастет слабым и больным. Существовали и табу для детей: блюда, приготовленные из свиных хвостов, куриных лап и куриной крови. *Туцзя* верили, что если дети будут есть свиные хвосты, то в будущей жизни их ждут неприятности, а если съедят куриные лапы, то будут плохо читать и писать («как курица лапой»). Столь выраженное негативное отношение к свинине при относительно развитом свиноводстве показывает, что изначально эта отрасль была неизвестна. Отсутствие свиней в стаде (равно как и кур возле дома) – один из признаков хозяйства кочевников, которыми, очевидно, и являлись предки *туцзя*.

Еще один маркер этногенетического плана мы обнаруживаем в фольклоре *туцзя*, в частнос-

*По данным Нац. стат. бюро КНР. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/excel/A0201.xls> (дата обращения 14.09.2015).

ти в «Песнях со взмахами рук», где излагаются многие древние мифы и легенды – например, о том, как герой Лоюй сбил стрелами лишние солнца. Эта мифологема, свойственная прежде всего тихоокеанским народам (см.: [Комиссаров, 2008]), указывает на направление контактов *туцзя* в древности.

Разумеется, другие области материальной и духовной культуры *туцзя* (традиционная хозяйственная деятельность, одежда и украшения, обряды, игры и т. д.) также содержат сведения о прошлом этого народа. Однако данные эти выражены не столь очевидно; их выявление – задача будущих исследований. На основе уже имеющихся материалов мы можем реконструировать миграцию прототибетских предков *туцзя* с севера на юг, в район Сычуани, где они вступали в контакты с австрийским населением. В результате сформировалась сложная, композитная культура собственно *туцзя*.

Однако насколько далеко на север прослеживаются контакты этого народа? Для определения круга наиболее близких этносов большое значение имеют данные генетических исследований. Но пока они не дают полной картины по всей общности *туцзя*, поскольку большинство обследований проводилось для отдельных локальных групп. Так, для представителей северной ветви *туцзя*, проживающих в пров. Хубэй, выявлена их значительная близость к китайцам (ханьцам) центральных районов, что не удивительно, учитывая более чем 2 000 лет общения между двумя народами; к тому же сопоставления проводились только для 10 этнических групп в пределах современного Китая, не привлекались данные по Центральной Азии [Qiu, Zhang, Zegd et al., 2014]. Эта близость подтверждается для той же группы *туцзя* (из района Уфэн) наблюдениями по другим маркерам; более интересно в данном исследовании, что второй ряд близости образуют *мяо* (языковая семья *мяо-яо*), *шуй* (тай-кадайская языковая семья), а также южные ханьцы и южные *минь* [Zhang Li, Cheng Dangxiao, Tao Ning et. al., 2012]. При сопоставлении митохондриальной ДНК (на гипервариабельном сегменте I) для 108 образцов из четырех этнических групп (*дун*, *гэлао*, *туцзя* и *ицзу*), проживающих на территории пров. Гуйчжоу, выявились особенно близкие отношения между двумя последними, что можно объяснить как происхождением от общих предков, так и частым обменом и смешением генов. У тех и других выявлен набор гаплогрупп и с южным, и с северным преобладанием; для сопоставления аналогичных «северных» характеристик, выделенных у тибетцев, привлека-

лись данные по монголам и казахам [Li Binbin, Zhong Fuguang, Yi Hongsheng et. al., 2007]. Даже такие неполные генетические данные в сочетании с приведенными этнографическими материалами позволяют рассматривать происхождение *туцзя* в контексте масштабной проблемы взаимодействия тибето-бирманских и тюрко-монгольских народов и их внедрения в «австрийский мир».

Список литературы

- Комиссаров С.А.** Мифология Китая в свете библиографии // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2008. – Т. 4, вып. 3: Востоковедение. – С. 129–132.
- Комиссаров С.А.** Обычаи народности туцзя // Институт Конфуция (СПб.; Пекин). – 2013. – № 1. – С. 41–43.
- Решетов А.М.** Туцзя // Народы и религии мира: Энциклопедия. – М.: Большая рос. энциклопедия, 1999. – С. 555.
- Лю Сяюй, Ван Цзюйбао.** Туцзяцзу [Этнос туцзя] // Чжунго дабайкэ цюаньшу: Миньцзу [Большая кит. энциклопедия: Этносы] / Гл. ред. Бао Эрхань. – Пекин; Шанхай: Чжунго дабайкэ цюаньшу чубаньшэ, 1986. – С. 431–434.
- Се Сюаньхуа, Ли Хуй, Мао Сяньюнь, Вэнь Бо, Гао Сун, Цзинь Цзяньчжун, Лу Дажу, Цзинь Ли.** Туцзяцзу юаньлюдэ ичуаньсюэ чутань [Предварительное генетическое изучение происхождения народа туцзя] // Ичуань сюэбао [Вестник генетики]. – 2004. – № 10. – С. 1023–1029.
- Чжан Лянгао.** Туцзяцзу вэньхуа юй дяоцзялоу [Культура народа туцзя и свайные дома] // Хубэй миньцзу сюэюань сюэбао: Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань [Вестн. Академии национальностей пров. Хубэй: Сер. филос. и обществ. наук]. – 2000. – № 1. – С. 1–5.
- Чжоу Чуанфа.** Эси туцзяцзу чуаньтун миньцзюй яньцзю [Исследование традиционных жилищ народа туцзя округа Эси] // Аньхуй нунь кэсюэ [Сельскохозяйств. науки в пров. Аньхой]. – 2007. – Вып. 35. – С. 61–65.
- Li Binbin, Zhong Fuguang, Yi Hongsheng, Wang Xianran, Li Liangfang, Lian Wang, Qi Xiaolan, Wu Lifu.** Genetic polymorphism of mitochondrial DNA in Dong, Gelao, Tujia and Yi ethnic populations from Guizhou, China // Journal of genetics and genomics (Beijing; Orlando, FL). – 2007. – Vol. 34, Iss. 9. – P. 800–810.
- Qiu X.P., Zhang L., Zeng F.Y., Wen Y., Li C., Qiu L.X., Cheng D.X., Wu X.X.** Genetic diversity of HLA-DRB1 alleles in the Tujia population of Wufeng, Hubei Province, China // Genetic and Molecular Research (Online Journal). – 2014. Vol. 13, Iss. 3. – P. 4756–4765. URL: <http://www.hbmy.edu.cn/templet/skyjpk/upload/150907/1509071002346920.pdf> (дата обращения 15.10.2015).
- Zhang Li, Cheng Dangxiao, Tao Ning, Zhao Min, Zhang Fan, Yuan Yulin, Qiu Xiaoping.** Distribution of HLA-A, -B and -DRB1 genes and haplotypes in the Tujia population living in the Wufeng region of Hubei province, China // PLoS ONE (Online Journal). 2012. 7(6): e38774. URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0038774> (дата обращения 15.10.2015).

References

Komissarov S.A. Mifologiya Kitaya v svete bibliografii // Vestn. NGU. Ser.: Istoriya, filologiya, – 2008. Vol. 4, Iss. 3: Vostokovedenie. Pp. 129–132. (In Russ.).

Komissarov S.A. Obychai narodnosti tutszya // Institut Konfutsiya (St. Petersburg; Beijing). 2013. No. 1. Pp. 41–43. (In Russ.).

Li Binbin, Zhong Fuguang, Yi Hongsheng, Wang Xianran, Li Liangfang, Lian Wang, Qi Xiaolan, Wu Lifu. Genetic polymorphism of mitochondrial DNA in Dong, Gelao, Tujia and Yi ethnic populations from Guizhou, China // Journal of genetics and genomics (Beijing; Orlando, FL). 2007. Vol. 34, Iss. 9. Pp. 800–810.

Liu Xiaoyu, Wang Jubao. Tujiazu // Zhongguo dabaike quanshu. Beijing; Shanghai: Zhongguo dabaike quanshu chubanshe. 1986. Pp. 431–434. (In Chin.).

Qiu X.P., Zhang L., Zeng F.Y., Wen Y., Li C., Qiu L.X., Cheng D.X., Wu X.X. Genetic diversity of HLA-DRB1 alleles in the Tujia population of Wufeng, Hubei Province, China // Genetic and Molecular Research (Online Journal). 2014. Vol. 13, Iss. 3. Pp. 4756–4765. URL: [http://www.](http://www.hbmy.edu.cn/templet/skyjpk/upload/150907/1509071002346920.pdf)

[hbmy.edu.cn/templet/skyjpk/upload/150907/1509071002346920.pdf](http://www.hbmy.edu.cn/templet/skyjpk/upload/150907/1509071002346920.pdf).

Reshetov A.M. Tutszya // Narody i religii mira: Entsiklopediya. M.; Bol'shaya Ros. entsiklopediya, 1999. P. 555. (In Russ.).

Xie Xuanhua, Li Hui, Mao Xianyun, Wen Bo, Gao Song, Jin Jianzhong, Lu Daru, Jin Li. Tujiazu yuanliude yichuanxue chutan // Yichuan xuebao. 2004. No. 10. Pp. 1023–1029. (In Chin.).

Zhang Li, Cheng Dangxiao, Tao Ning, Zhao Min, Zhang Fan, Yuan Yulin, Qiu Xiaoping. Distribution of HLA-A, -B and -DRB1 genes and haplotypes in the Tujia population living in the Wufeng region of Hubei province, China // PLoS ONE (Online Journal). 2012. 7(6): e38774. URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0038774>.

Zhang Lianggao. Tujiazu wenhua yu diaojiaolou // Hubei minzu xueyuan xuebao: Zhaxue shehui kexue ban. 2000. No. 1. Pp. 1–5. (In Chin.).

Zhou Chuangfa. Exi tujiazu chuantong minju yanjiu // Anhui nongye kexue. 2007. Iss. 35. Pp. 61–65. (In Chin.).

С.А. Комиссаров^{1, 2}, А.И. Соловьев¹, М.А. Кудинова²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирский государственный университет

E-mail: sergai@mail.ru

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОГРЕБАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ КИТАЯ ЭПОХИ КЛАССИЧЕСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (ДИНАСТИЯ ТАН)*

В статье рассмотрены основные конструктивные особенности 18 погребальных комплексов (мавзолеев), принадлежавших императорам и членам правящего дома династии Тан (618–907). Все некрополи расположены на территории современной пров. Шэньси, КНР. К настоящему времени раскопан только мавзолей Цзинлин, где был захоронен император Ли Сюань (862–888). Большинство гробниц построено по сходному образцу. Могильные конструкции сооружались в южном склоне холма, над могилой возводили курган высотой ок. 20 м. По периметру комплекс окружен стеной, к южным воротам проложены дороги, между которыми располагалась так называемая аллея духов, образованная каменными скульптурами и колоннами. К южной стене примыкал зал для жертвоприношений, неподалеку от которого находился «нижний дворец», где проживали чиновники, несшие службу при мавзолее. Стены внутри гробниц покрывали росписи. Большая часть некрополей ограблена, однако до нас дошли в большом количестве изделия из глазурованной керамики и фарфора: предметы мелкой пластики, керамическая посуда и лампы, а также изделия из железа, бронзы, нефрита и т. д.

Материалы могильных комплексов танских императоров представляют собой ценный источник для изучения не только китайской культуры, но и отдельных аспектов материальной и духовной культуры кочевого населения Северной Азии. Находки последних лет свидетельствуют о влиянии китайской инженерно-технической мысли на формирование комплекса вооружения и конской упряжи, характерного для культуры кочевников. В то же время прослеживается и обратное влияние: отдельные элементы погребальной практики кочевых народов включаются в состав традиционного китайского заупокойного обряда и становятся его неотъемлемой частью.

Ключевые слова: археология Китая, погребальные комплексы, средневековье, династия Тан, кочевники, «аллея духов».

S.A. Komissarov^{1, 2}, A.I. Soloviev¹, M.A. Kudinova²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State University

E-mail: sergai@mail.ru

THE SPECIAL ASPECTS OF THE BURIAL ARCHITECTURE IN CHINA DURING THE HIGH MIDDLE AGE (TANG DYNASTY)

We consider here the main constructive features of 18 burial complexes (mausoleums), belonged to emperors and members of the ruling house of the Tang Dynasty (618–907). All the necropolises are located on the territory of the modern Shaanxi province, PRC. Only the Jinglin mausoleum, where the emperor Li Xuan (862–888) was buried, has been excavated by this moment. Most of the tombs were built in a similar pattern. Grave structures constructed on the southern slope of the hill, barrow with a height of approximately 20 m raised over the grave. The wall surround the complex all round, the roads were cut to the southern gates – the place of so-called “alley of spirits”, formed by stone statues and pillars. Sacrificial hall adjoined the south wall and was off the “lower palace”, where officials served in mausoleum had lived. The paintings covered the walls inside the tombs. Most of necropolises were robbed, however, we have available a large number of items made of glazed ceramics and porcelain: small plastic items, pottery and lamps, as well as artifacts made of iron, bronze, jade, and so on. Materials from the burial complexes of Tang emperors represent the source for the study of Chinese culture, and some aspects of material and spiritual culture of the nomadic populations in Northern Asia. The findings of recent years show that Chinese engineering and technical ideas influenced the formation of a weapon complex and harness, characterizing the nomadic culture. At the same time, there is the opposite impact: the individual elements of the nomadic burial practices were included into traditional Chinese burial custom and became an integral part of it.

Keywords: archaeology of China, burial complexes, Middle Ages, Tang dynasty, nomads, “alley of spirits”.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-01-00477а.

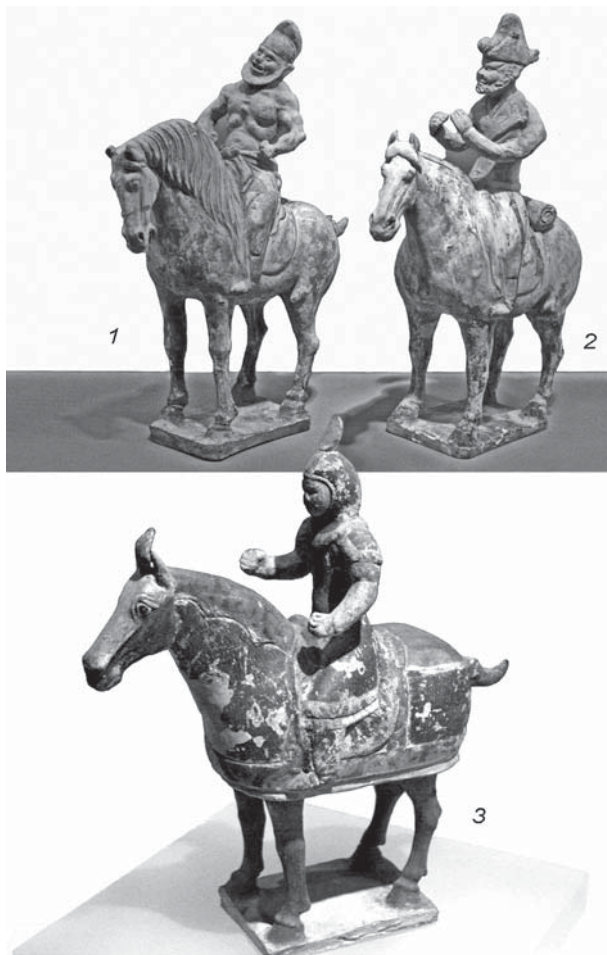
Для изучения характерных особенностей погребальной архитектуры классического средневековья мы обратились к материалам 18 могильных комплексов (мавзолеев) императоров династии Тан (даты захоронений с 635 до 888 г.), расположенных в центральной части современной пров. Шэньси (Китай), вдоль линии длиной ок. 100 км с востока на запад. Начиная с 1953 г. памятники неоднократно осматривались местными археологами, но пока раскопана (в 1995 г.) только одна гробница Цзинлин, где захоронен император Ли Сюань (862–888); также на территории некрополей ведутся активные раскопки могил знати (см.: [Лю Сяньян, 2003; Eckfeld, 2005; История..., 2014, с. 714–716]). Большинство (14) императорских мавзолеев строилось по сходному образцу, в основе которого лежали градостроительные принципы эпохи Суй–Тан. Площадку для могильных конструкций выкапывали в южном склоне невысокого холма и закрывали курганом из трамбованной (для курганов знати – насыпной) земли, высотой ок. 20 м. По периметру его окружали два ряда глинобитных стен, ориентированных по линии север – юг; в одном случае был огорожен весь холм полностью. В южном отрезке стены проделаны трое главных ворот, к которым проложены три дороги, причем между второй и третьей размещена «аллея духов» из монументальных каменных скульптур (сановники, львы, носороги, лошади и всадники, крылатые звери) и колонн (см.: [Комиссаров, Кудинова, Соловьев, 2012]). В мавзолее Чжаолин, где захоронен фактический основатель династии, император Ли Шиминь, северные ворота украшены шестью каменными барельефами, изображающими его боевых коней [Zhou Xiuqin, 2009]. Вообще кони, в том числе и крылатые (символ скорости), занимают заметное место в искусстве эпохи Тан (погребальная пластика, фрески, картины), что отражает возросшую роль всаднической культуры. Следует отметить также большее, чем ранее, использование монументальной каменной скульптуры в оформлении надмогильного пространства танских захоронений. Так, в Чжаолин от северных ворот к площадке-жертвеннику вела дорога, вдоль которой попарно были установлены статуи, изображавшие вассалов империи.

Многочисленные каменные стелы украшены эпитафиями и текстами буддийских сутр, но наиболее знаменита стела без надписи перед курганом императрицы У Цзэтянь (624–705) в мавзолее Цяньлин. Некоторые исследователи полагают, что тем самым заказчица подчеркнула высшую степень своих добродетелей – настолько очевидных, что о них не надо говорить; дру-

гие видят в этом воплощение буддийской идеи о пустотном характере всего сущего (своего рода китайская вариация на извечную тему «The rest is silence»).

Как правило, к внутренней южной стене примыкал зал для жертвоприношений, в юго-западном углу размещался т. н. нижний дворец, в котором проживали чиновники, назначенные на службу при мавзолее. С каждым из мавзолеев связаны десятки (наибольшее количество – 167 идентифицированных) могил императорских родственников и высших чиновников. Уже раскопаны могилы принцессы Юнтай (684–701), принцев Чжанхуай (654–684) и Идэ (682–701), генерала-тюрка Ашина Чжуна (ум. в 675 г.) и др. [Fong, 1991; Бэй Гэньсин, Фань Инфэн, 2004; Лю И, 2010, гл. 5.14]. В них главная (задняя) могильная камера с каменным саркофагом, украшенным резьбой, соединена переходом еще с одной (передней) кирпичной камерой, тоже перекрытой купольной крышей. Они расположены под курганом, к которому ведет наклонный и длинный коридор-дромос, связанный с местом захоронения горизонтальным коридором, проходящим через несколько «гrotто» и «внутренних дворов» (основание для воздушных шахт, выходящих к поверхности) с инвентарем. Стены внутри украшены цветными фресками со сценами придворных церемоний, охоты, военных походов, игры в поло, снаряжения караванов; в качестве новой черты отмечается появление пейзажей [Хуан Чжаньюэ, 1981, с. 536]. Почти все императорские некрополи ограблены, но много вещей сохранилось в нишах. Среди находок преобладают предметы мелкой пластики из глазурованной керамики (в том числе знаменитой трехцветной) и фарфора. Представлены фигуры всадников, воинов, купцов, чиновников, фрейлин, музыкантов, зооморфные изображения (см. рисунок). Найдены разнообразная керамическая посуда (блюда, пиалы, ковши, бокалы), керамические лампы и подставки для кистей, нефритовые подвески, позолоченные украшения сбруи, бронзовые зеркала, железные стремяна.

Изобразительные материалы из мавзолеев использовались отечественными специалистами при изучении проблем, связанных с реконструкцией облика материальной культуры кочевого населения Северной Азии, в частности в связи с проблемами происхождения стремян, эволюции жестких седел, панцирного защитного вооружения коня и всадника [Вайнштейн, 1966; Горелик, 1993]. Вместе с тем эти уникальные находки использовались с позиций традиционного для отечественной исследовательской школы подхода, заключающегося в признании приоритетной роли кочевников

Раскрашенные терракотовые фигурки из танских некрополей. Экспозиция Музея пров. Шэньси (г. Сиань, КНР). Фото А.И. Соловьева.

1 – силовой акробат, фигурка из могилы принцессы Юнтай (684–701); 2 – музыкант, фигурка из могилы принцессы Юнтай (684–701); 3 – латник на лошади с панцирной защитой и бронированной «золотой» маской, фигурка из могилы принца Идэ (682–701).

в сложении и развитии данного жизненно важного для кочевого образа жизни вещевого комплекса, к которому добавляется метательное оружие. Однако последние находки на территории Китая заставляют обратиться к материалам «варварской» периферии с точки зрения воздействия на нее технической мысли древних цивилизаций. Все больше данных указывает, как минимум, на заинтересованность, а нередко и деятельное участие китайской конструкторской и инженерной мысли в появлении стремя, характерного облика жестких каркасных седел, наборной панцирной защиты коня и всадника, лука «хуннского» типа и даже криволинейного клинкового оружия ближнего боя, получивших стремительное признание в скотоводческих обществах, так как местный производственный потенциал был достаточен для их производства и в силу своей

важности для жизнеобеспечения. Благодаря этим сообществам перечисленные инновации в кратчайшие исторические сроки распространились по просторам Евразии.

Не менее важным оказался и «духовный» аспект, который начал проявляться уже в хуннское время, когда многие элитные погребения знати стали производиться по китайскому образцу [Полосьмак, Богданов, Цзвээндорж, 2011, с. 68–72]. Столь же яркие проявления аналогичного импульса в кочевой среде фиксируются в эпоху средневековья. Достаточно указать на погребальный комплекс Кюль-Тегина, строившийся мастерами из Китая, или на материалы погребального комплекса Шорон-Дов, выполненного в соответствии с китайскими нормами, включавшими коридор-дромос, эпитафию на китайском языке, собрание мелкой раскрашенной глиняной пластики [Данилов, 2010], находящее параллели в танском искусстве, а также на находки в Монголии крупных изваяний каменных черепаш – характерного элемента погребальной обрядности элиты восточного соседа, установленных, вероятно, возле захоронений местной знати.

В этом аспекте обращает на себя внимание планиграфия танских некрополей, включавшая «дорогу духов», зал для жертвоприношений, ограды вокруг насыпей, сакральные особенности вмещающего ландшафта. Параллели их основным блокам можно обнаружить у современников из «варварской периферии», которые восприняли статусный и зрелищный аспект культуры юго-восточных соседей, адаптировав его под свои задачи и возможности. Местные элиты в ходе постоянных контактов проникались сознанием могущества и сакральности императорской власти, воплощение которой они начинали воспроизводить в силу доступных им средств, заимствуя престижную атрибутику, формы ее демонстрации, многие элементы обрядовой сферы. Представители скотоводческого мира, подражая собственной элите, устраивали аналогичные погребальные церемонии для лиц своего круга и типологически копировали (в самом упрощенном варианте) структуру мавзолеев Поднебесной. Вместе с тем целый ряд элементов, в том числе связанных с «дорогой духов», как будто не имеет столь глубоких корней в китайской традиции, как это было у северных культур. Поэтому представляется возможным говорить о «культурном маятнике», когда ранее заимствованные в кочевой среде нормы, пройдя цикл адаптации и стереотипизации, вернулись обратно уже на новом уровне.

Таким образом, на примере самых элитных могил династии Тан можно видеть, как отдельные

элементы погребальной практики кочевых народов включаются в состав традиционного китайского заупокойного обряда, становятся его неотъемлемой частью. Одновременно осуществляется и обратный процесс, заслуживающий специального рассмотрения.

Список литературы

Бай Гэньсин, Фань Инфэн. Юнтай гунчжу юй Юнтай гунчжу му [Принцесса Юнтай и могила принцессы Юнтай]. – Сиань: Саньцинъ чубаньшэ, 2004. – 323 с.

Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры // Сов. этнография. – 1966. – № 3. – С. 60–81.

Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и примыкающих к ней территорий в I тыс. н. э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 149–179.

Данилов С.В. Шороон Дов – «земляной бугор» // Наука из первых рук. – 2010. – № 6. – С. 288–299.

История Китая с древнейших времен до начала XXI века / Отв. ред. И.Ф. Попова, М.Е. Кравцова. – М.: Наука – Вост. лит., 2014. – Т. 3. – 991 с.

Комиссаров С.А., Кудинова М.А., Соловьев А.И. О значении «аллеи духов» в ритуальной практике Китая и сопредельных территорий в эпоху древности и средневековья // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 10: Востоковедение. С. 29–40.

Лю И. Чжунго гудай линму [Древние мавзолеи Китая]. – Тяньцзинь: Нанькай дасюэ чубаньшэ, 2010. – 195 с.

Лю Сяньян. Тандай диван линму [Мавзолеи правителей династии Тан]. – Сиань: Саньцинъ чубаньшэ, 2003. – 385 с.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвэендорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. – Новосибирск: Инфолио, 2011. – 184 с.

Хуан Чжаныюэ. Чжунго Сиань, Лоян Хань Тан линмудэ дяоча юй фацзюэ [Изучение и раскопки мавзолеев периода Хань – Тан в районе китайских гг. Сиань и Лоян] // Каогу. – 1981. – № 6. – С. 531–538.

Eckfeld T. Imperial Tombs in Tang China, 618–907: The Politics of Paradise. – London; New York: Routledge-Curzon, 2005. – 164 p.

Fong M.H. Antecedents of Sui–Tang burial practices in Shaanxi // *Artibus Asiae*. – 1991. – Vol. 51, No. 3–4. – P. 147–198.

Zhou Xiuqin. Zhaoling: The Mausoleum of Emperor Tang Taizong / University of Pennsylvania. – Philadelphia, 2009. – 380 p.

References

Bai Genxin, Fan Yingfeng. Yongtai gongzhu yu Yongtai gongzhu mu. Xian: Sanqin chubanshe, 2004. 323 pp. (In Chin.).

Danilov S.V. Shoroon Dov – «zemlyanoy bugor» // *Nauka iz pervykh ruk*. 2010. Vol. 6. Pp. 288–299. (In Russ.).

Eckfeld T. Imperial Tombs in Tang China, 618–907: The Politics of Paradise. London; New York: Routledge-Curzon, 2005. 164 pp.

Fong M.H. Antecedents of Sui–Tang burial practices in Shaanxi // *Artibus Asiae*. 1991. Vol. 51, No. 3–4. Pp. 147–198.

Gorelik M.V. Zashchitnoe vooruzhenie stepnoy zony Evrazii i primykayushchikh k nei territoriy v I tys. n.e. // *Voennoe delo naseleniya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk: Nauka, 1993. Pp. 149–179. (In Russ.).

Huang Zhanyue. Zhongguo Xian, Luoyang Han Tang lingmude diaocha yu fajue // *Kaogu*. 1981. Vol. 6. Pp. 531–538. (In Chin.).

Istoriya Kitaya s drevneishikh vremyon do nachala XXI veka / Eds. I.I. Popova, M.E. Kravtsova. M.: Nauka–Vost. lit., 2014. Vol. 3. 991 pp. (In Russ.).

Komissarov S.A., Kudinova M.A., Soloviev A.I. O znachenii «allei dukhov» v ritual'noy praktike Kitaya i sopredel'nykh territoriy v epokhu drevnosti i srednevekov'ya // *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya*. 2012. Vol. 11, Iss. 10: Vostokovedeniye. Pp. 29–40. (In Russ.).

Liu Xiangyang. Tangdai diwang lingmu. Xian: Sanqin chubanshe, 2003. 385 pp. (In Chin.).

Liu Yi. Zhongguo gudai lingmu. Tianjin: Nankaidaxue chubanshe, 2010. 195 pp. (In Chin.).

Polos'mak N.V., Bogdanov Ye. S., Tseveendorzh D. Dvadsatyi noin-ulinskiy kurgan. Novosibirsk: Infolio, 2011. 184 pp. (In Russ.).

Vainshtein S.I. Nekotorye voprosy istorii drevnetyurkskoy kultury // *Sov. etnografiya*. 1966. Vol. 3. Pp. 60–81. (In Russ.).

Zhou Xiuqin. Zhaoling: The Mausoleum of Emperor Tang Taizong / University of Pennsylvania. Philadelphia, 2009. 380 pp.

Е.П. Крупочкин¹, И.Ю. Слюсаренко²

¹Алтайский государственный университет

²Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: krupochkin@mail.ru; slig1963@yandex.ru

ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ДОЛИНЫ р. ЮСЫТ (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ): ОТРАБОТКА МЕТОДИКИ И ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ*

В статье представлены результаты исследований археологического микрорайона Юстыд (Юго-Восточный Алтай, долина р. Юстыт). Среди многочисленных памятников от эпохи камня до этнографической современности значительная часть объектов принадлежит пазырыкской культуре раннего железного века, что позволяет изучать пространственные аспекты формирования системы расселения пазырыкцев.

Задачи исследования: разработка технологии ГИС-картографирования археологических объектов, а также создание и геоархеологический анализ математико-картографических моделей на базе интеграции археологических, географических, биологических и других данных. Большая роль отведена геоинформационным методам и технологиям как инструментам этой интеграции.

Анализ пространственного положения объектов показал, что одним из главных в системе расселения кочевников являлся фактор сезонности. Принадлежность памятников к весенне-летнему и весенне-осеннему типу подтверждаются ГИС-модели распределения излучаемого тепла и близости к воде, которые практически совпадают. ГИС-анализ выявил также ключевую роль следующих факторов: экспозиция склонов, освещенность, крутизна ската и др. Интегральная ГИС-модель, учитывающая одновременно факторы крутизны и экспозиции, показала наряду с участками южной экспозиции участки пологих склонов северной экспозиции с высокой степенью концентрации памятников. Вероятно, при расположении могильников учитывались более ранний восход Солнца и более поздний его заход.

Временной аспект исследовался с помощью дендрохронологического анализа, который показал период существования пазырыкских памятников на данной территории – ок. 50 лет (вторая половина IV – начало III в. до н.э.).

Таким образом, интегрированный (междисциплинарный) анализ позволяет создавать более корректные пространственно-временные модели расселения древнего человека, отражающие влияние природно-географических и иных факторов.

Ключевые слова: пазырыкская культура, Юго-Восточный Алтай, геоархеологический анализ, математико-картографический метод, природно-географические факторы расселения, дендрохронология.

Е.Р. Krupochkin¹, I.Yu. Slyusarenko²

¹Altai State University

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: krupochkin@mail.ru; slig1963@yandex.ru

GEOARCHAEOLOGICAL ANALYSIS OF THE SITES DATED TO SCYTHIAN TIME FROM THE YUSTYT RIVER VALLEY (SOUTH-EASTERN ALTAI): TESTING OF METHODOLOGY AND FIRST RESULTS

The research object is an archaeological location Yustyd (South-Eastern Altai, Yustyt river valley). Among the numerous sites from the Stone Age up to the ethnographic present, a large part of the objects is related to the Pazyryk culture of the Early Iron Age that allows studying the spatial aspects of the formation of Pazyryk occupation system.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 13-05-00995).

Investigation objectives are: development of the GIS mapping of archaeological sites technology, as well as creating and geoarchaeological analysis of the mathematic-cartographical models based on the integration of archaeological, geographical, biological and other data. A significant part assigns to GIS methods and techniques as a tool of this integration.

According to spatial analysis of objects position the seasonality was the one of the main factor in the occupational system of nomads. Almost conterminous GIS models of distribution of the thermal emission and the distance to water support that the sites pertain to the spring-and-summer and spring-and-autumn types. GIS analysis educed the key role of the next factors in the Pazyryk burial location: slope exposure, solar lighting, slope gradient and others. The integrated GIS model, which takes into account both factors of the gradient and exposure, approved both areas with southern exposure and high concentration of the sites situated in the areas with the slight steep slope of northern exposure. Probably, at the location of the burial grounds the early sunrise and late sunset were taken into account.

Chronological aspect was studied through the tree-ring analysis which determines the time range of Pazyryk sites in this area by 50 years approximately (second half of the IV – early III centuries BC).

Thus, the integrated (interdisciplinary) analysis allows modeling the more correct spatiotemporal schemes of ancient human expansion that reflect the effect of the natural and geographical and other factors.

Keywords: Pazyryk culture, South-Eastern Altai, geoarchaeological analisis, mathematic-cartographical method, natural and geographical factors of expansion, dendrochronology.

В работах, посвященных геоархеологическому анализу древних памятников, неоднократно отмечались проблемы, связанные с отсутствием не только современных археологических карт, но и единой теоретико-методологической основы таких исследований. Использование технологий ГИС-картографирования позволяет осуществлять реконструкции некоторых аспектов жизни древних обществ (территориальная организация, система расселения, особенности использования ландшафта и др.) на качественно ином уровне, поскольку карта как образно-знаковая пространственно-временная модель становится неотъемлемым атрибутом и одним из важных инструментов археологических исследований.

В данной работе совмещены несколько задач: 1) разработка технологии ГИС-картографирования и каталогизации археологических объектов; 2) реализация ГИС-проекта «Археологические памятники Юстыда», 3) создание и геоархеологический анализ математико-картографических моделей факторов расселения кочевников скифской эпохи.

Объект исследований – археологический микрорайон «Юстыд» (Юго-Восточный Алтай, Чуйская впадина, долина р. Юстыт). Его уникальность – в высокой концентрации памятников от эпохи камня до этнографической современности, общим количеством в несколько тысяч, которые представлены различными типами объектов (могильники, культовые сооружения, стелы и изваяния, металлургические и гончарные печи, следы стоянок и др.) и расположены по обоим берегам реки на широких террасах первого и второго порядка. Значительная часть объектов принадлежит пазырыкской культуре раннего железного века, представленной также курганами с мерзлотой [Кубарев, 1991].

Впервые археологическое своеобразие микрорайона было выявлено благодаря исследованиям

В.Д. Кубарева, который выполнил «рекогносцировочные работы по фиксации археологических памятников на правом берегу реки» [Кубарев, 1980, с. 86–89], а также провел раскопки многочисленных курганов пазырыкской культуры и ряда других разновременных памятников [Кубарев, 1991; Кубарев, Журавлева, 1986]. Однако обращение к данному району в последние годы показало наличие нерешенных вопросов. Так, далекой от решения осталась проблема точного описания местоположения (координатная привязка) и картографирования памятников долины. Например, наши исследования, сопровождавшиеся фиксацией всех обнаруженных объектов, выявили их высокую концентрацию как в пойме, так и на террасах левого берега.

Значимость этих моментов подчеркивается тем фактом, что с 2004 г. решением данных вопросов параллельно с авторами статьи занимается группа бельгийских исследователей из Гентского университета под руководством проф. Ж. Буржуа, проводившая работы на правом берегу [Goossens, De Wuef, Bourgeois et al., 2006; Gheyle, 2009; Plets, Gheyle, Verhoeven et al., 2012].

Опыт нескольких последних лет [Слюсаренко, Крупочкин, Быков, 2007; Крупочкин, 2009] показал, что для решения задач поиска, фиксации и анализа археологических памятников необходима сквозная (типовая) технология, ориентированная на ГИС, картографический метод исследования и современный арсенал полевых и камеральных археологических методов. В основе предлагаемой авторами типовой технологии лежат концептуальная схема геоархеологического ГИС-картографирования (рис. 1), которая предполагает разработку предметно-ориентированной археологической ГИС и геоархеологический анализ посредством математико-картографических моделей.

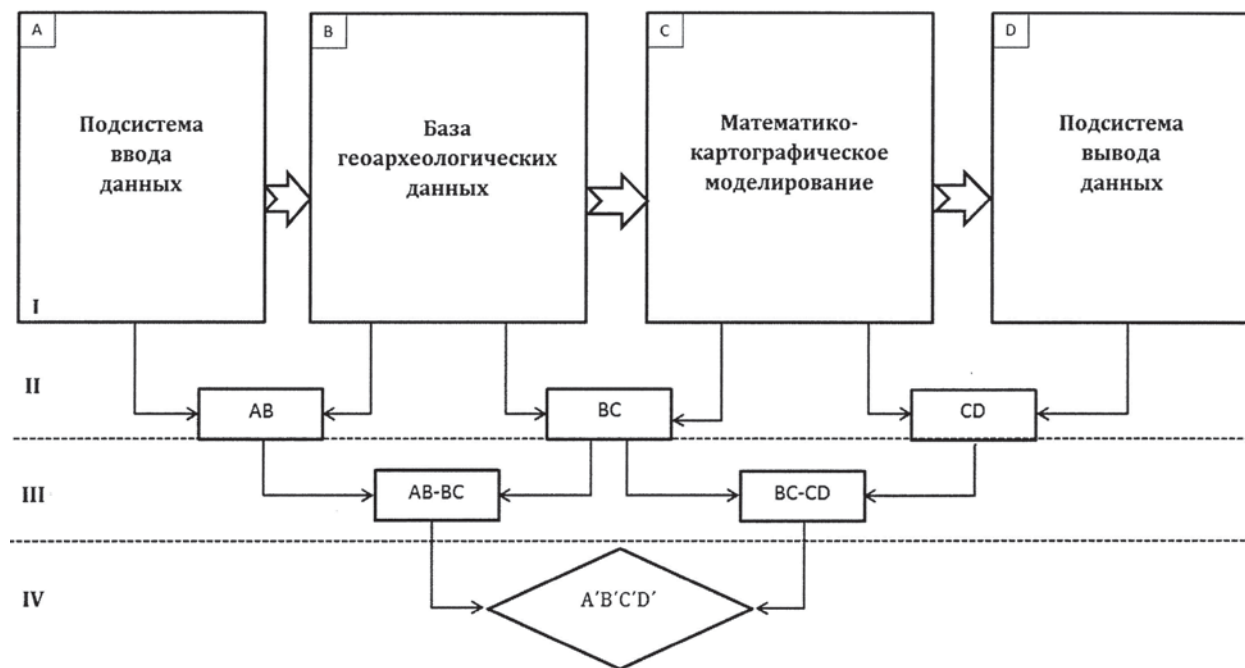

Рис. 1. Концептуальная схема геоинформационного картографирования и геоархеологического анализа памятников археологии.

Реализуемая ГИС включает следующие подсистемы: ввода данных, хранения и обработки геоархеологических данных, математико-картографического моделирования, вывода и визуализации результатов обработки.

Для первых двух блоков ГИС (уровень 1) наряду с данными полевых исследований и инструментальной съемки предлагается использование космических снимков высокого разрешения, а также результатов обработки спутниковых данных, называемых продуктами дистанционного зондирования. Например, можно рекомендовать использование свободно распространяемых данных Landsat (ETM+). Их отличают обзорность и схематичность, удобство при рекогносцировке местности и получении общегеографических сведений о территории.

Особую ценность представляют данные дистанционного зондирования (ДДЗ) высокого пространственного и радиометрического разрешения. Так, на основе многозональных данных QuickBird и Ikonos нам удалось получить интересные результаты в области тематического и морфометрического дешифрирования, где были применены разнообразные алгоритмы поиска, картографирования и детектирования состояния археологических объектов [Крупочкин, 2009]. В дальнейшем примененная методика и авторские программы компьютерной обработки мультиспектральных снимков способствовали обнаружению некоторых

новых объектов, ранее неизвестных (курганные насыпи в Курайской и Чуйской степи).

Наиболее значимым элементом первого уровня является блок математико-картографического моделирования (МКМ). Применительно к задачам геоархеологического анализа суть МКМ сводится к следующим этапам:

- 1) создание математических и информационно-алгоритмических моделей на основе различных источников;
- 2) построение и анализ ГИС-моделей, позволяющих наглядно представить результаты моделирования первого этапа;
- 3) верификация разработанных моделей для решения научно-практических задач.

Анализ пространственного положения объектов показал, что одним из главных в системе расселения кочевников являлся фактор сезонности. Долина р. Юстыт, судя по современным наблюдениям, считается районом летних пастбищ [Кубарев, 1991, с. 18]. Принадлежность пазырыкских памятников к весенне-летнему и весенне-осеннему типу подтверждает пространственная ГИС-модель распределения излучаемого тепла, полученная путем статистической обработки длинных временных серий из архива спутниковых снимков MODIS/Terra по технологии «Foreign Data Wrappers» [Кихтенко, Чубаров, Смирнов, 2014; Крупочкин, 2014]. Оказалось, что долина является своеобразным барьером, «удерживающим»

тепло. Математико-картографическая модель распределения июньских температур приземных слоев воздуха в диапазоне от +2 до +14,5 °С показала границу тепловой зоны в пределах 1,5 км от реки. Характерно, что именно такие границы оказались оптимальными для археологического микрорайона «Юстыд» и при построении в ГИС буферной зоны, отражающей фактор близости памятников к воде (рис. 2). Таким образом, температурный фактор наложился на зону влияния водных объектов до полного совпадения, что объясняет расселение кочевников именно в этих границах.

С учетом общих закономерностей, отмеченных выше, в расположении могильников ключевую роль играют также следующие факторы: экспозиция склонов, освещенность, крутизна ската и др. Интегральная модель теплообеспеченности, разработанная нами путем синтеза моделей гравитации (крутизны) и инсоляции (экспозиции), показала важную роль рельефа в выборе кочевниками наиболее комфортных мест. В большинстве случаев (наиболее показателен правый берег долины) наблюдается высокая концентрация объектов на площадках, обеспечивающих максимальное теплоснабжение. Выбор древними кочевниками

таких участков местности объясняется не только комфортными для проживания условиями, но и более интенсивными вегетационными процессами, поскольку теплообеспеченность оказывает прямое влияние на продуктивность экосистем.

С другой стороны, на участках склонов северной экспозиции (левый берег р. Юстыт) также наблюдается высокая концентрация пазырыкских памятников. Можно предполагать, что выбор мест был ориентирован на более ранний восход Солнца и более поздний его заход, для чего подходили именно такие склоны.

Временной аспект исследовался с помощью дендрохронологического анализа, который показал при количественном преобладании могильников пазырыкской культуры короткий период их существования на данной территории – ок. 50 лет [Слюсаренко, 2011]. Можно говорить о миграции сюда большой группы населения в конце IV в. до н.э., вызванной, видимо, природными и иными обстоятельствами.

Реализация данного ГИС-проекта позволила отработать новый принцип технологической интеграции, в основе которого лежит идея совместного использования междисциплинарных методов на базе геоинформационных систем и технологий.

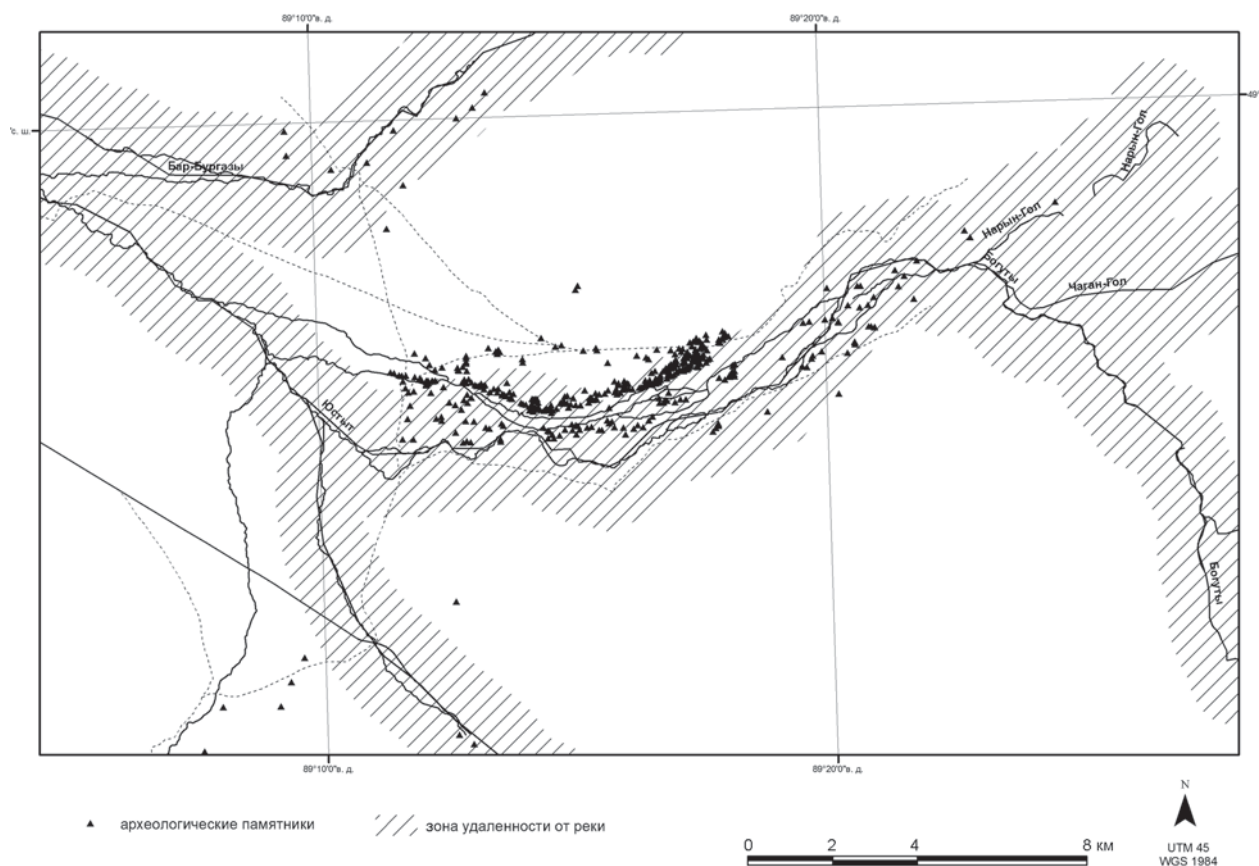

Рис. 2. Карта-схема расположения археологических комплексов Юго-Восточного Алтая (в административных границах Республики Алтай) относительно буферной зоны (1500 м от р. Юстыт).

Развитый аппарат математико-картографического анализа помогает создавать более корректные пространственно-временные модели системы расселения древнего человека, отражающие степень влияния природно-географических факторов. Полученные результаты говорят о важной роли в расселении пазырыкцев таких факторов, как сезонность и рельеф местности.

Список литературы

Кихтенко В.А., Чубаров Д.Л., Смирнов В.В. hVault: технология доступа к архиву спутниковых данных // XII Всерос. отк. конф. «Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса»: Тез. докл. – М.: ИКИ РАН, 2014. – С. 117.

Крупочкин Е.П. Некоторые методические вопросы цифрового картографирования археологических памятников // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3(39). – С. 95–102.

Крупочкин Е.П. Актуальные вопросы использования ГИС и данных дистанционного зондирования в геоархеологии // ИнтерКарто/ИнтерГИС-20: Устойчивое развитие территорий: геoinформационное обеспечение: Материалы междунар. конф. – Белгород: Константа, 2014. – С. 108–116.

Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1980. – С. 69–91.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 101–119.

Слюсаренко И.Ю. Датирование скифских древностей Евразии: Современные тенденции, достижения, проблемы, перспективы // «Terra Scythica»: Материалы междунар. симпоз. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – С. 239–251.

Слюсаренко И.Ю., Крупочкин Е.П., Быков Н.И. Современные подходы к проблеме картографирования археологических памятников (на примере Юстытского археологического микрорайона, Юго-Восточный Алтай) // Погребальные комплексы с мерзлотой в горах Алтая: стратегии и перспективы: Материалы Междунар. конф. ЮНЕСКО. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – С. 110–118.

Gheyle W. Highlands and Steppes. An Analysis of the Changing Archaeological Landscape of the Altai Mountains from the Eneolithic to the Ethnographic Period. – Ghent: Ghent University, 2009. – 380 p.

Goossens R., De Wulf A., Bourgeois J., Gheyle W., Willems T. Satellite imagery and archaeology: the example of CORONA in the Altai Mountains // J. of Archaeol. Sci. – 2006. – No. 33. – P. 745–755.

Plets G., Gheyle W., Verhoeven G., De Reu J., Bourgeois J., Verhegge J., Stichelbaut B. Three-dimensional recording of archaeological remains in the Altai Mountains // Antiquity. – 2012. – Vol. 86, No. 333. – P. 884–897.

References

Gheyle W. Highlands and Steppes. An Analysis of the Changing Archaeological Landscape of the Altai Mountains from the Eneolithic to the Ethnographic Period. Ghent: Ghent University, 2009. 380 pp.

Goossens R., De Wulf A., Bourgeois J., Gheyle W., Willems T. Satellite imagery and archaeology: the example of CORONA in the Altai Mountains // J. of Archaeol. Sci. 2006. No. 33. Pp. 745–755.

Kikhtenko V.A., Chubarov D.L., Smirnov V.V. hVault: tekhnologiya dostupa k arkhivu sputnikovykh dannyykh // XII Vseros. otr. konf. “Sovremennyye problemy distantsionnogo zondirovaniya Zemli iz kosmosa”: Tez. dokl. M.: IKI RAN, 2014. Pp. 117. (In Russ.).

Krupochkin E.P. Nekotorye metodicheskie voprosy tsifrovogo kartografirovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2009. No. 3(39). Pp. 95–102. (In Russ.).

Krupochkin E.P. Aktual'nye voprosy ispol'zovaniya GIS i dannyykh distantsionnogo zondirovaniya v geoarkheologii // InterKarto/InterGIS-20: Ustoychivoe razvitie territoriy: geoinformatsionnoe obespechenie: Materialy mezhdunar. konf. Belgorod: Konstanta, 2014. Pp. 108–116. (In Russ.).

Kubarev V.D. Arkheologicheskie pamyatniki Kosh-Agachskogo rayona (Gorny Altai) // Arkheologicheskii poisk (Severnaya Azia). Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1980. Pp. 69–91. (In Russ.).

Kubarev V.D. Kurgany Yustyda. Novosibirsk: Nauka, 1991. 190 pp. (In Russ.).

Kubarev V.D., Zhuravleva A.D. Keramicheskoe proizvodstvo khunnov Altaia // Paleoekonomika Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 1986. Pp. 101–119. (In Russ.).

Plets G., Gheyle W., Verhoeven G., De Reu J., Bourgeois J., Verhegge J., Stichelbaut B. Three-dimensional recording of archaeological remains in the Altai Mountains // Antiquity. 2012. Vol. 86, No. 333. Pp. 884–897.

Slyusarenko I.Yu. Datirovanie skifskikh drevnostey Evrazii: Sovremennyye tendentsii, dostizheniya, problemy, perspektivy // «Terra Scythica»: Materialy mezhdunar. simp. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2011. Pp. 239–251. (In Russ.).

Slyusarenko I.Yu., Krupochkin E.P., Bykov N.I. Sovremennyye podkhody k probleme kartografirovaniya arkheologicheskikh pamyatnikov (na primere Yustytskogo arkheologicheskogo mikrorayona, Yugo-Vostochny Altai) // Pogrebal'nye komplekсы s merzlotoy v gorakh Altaia: strategii i perspektivy. Materialy Mezhdunar. konf. UNESCO. Gorno-Altaysk: RIO GAGU, 2007. Pp. 110–118. (In Russ.).

ИССЛЕДОВАНИЯ НА КАЛБАК-ТАШЕ II*

В статье рассматриваются результаты работ Чуйского отряда ИАЭТ СО РАН на местонахождении петроглифов Калбак-Таши II в Центральном Алтае в 2015 г. Они явились продолжением предшествующих исследований автора и преследовали целью копирование граффити, а также поиск новых образцов гравированных рисунков.

Большая часть гравировок Калбак-Таши II, созданных в гунно-сарматское время и древнетюркскую эпоху, представляет собой изображения групп пораженных стрелами животных (олений, козлов и др.), перечеркнутые многочисленными линиями. Тезис об отношении подобных гравировок к обрядам охотничьей магии, когда «убитое» изображение животного должно было обеспечить успех в охоте, подтверждается последними наблюдениями. Часть гравировок имеет некоторое число лунок поверх изображения, что может свидетельствовать о том, что по изображению наносились удары каким-то металлическим предметом.

Интересной находкой, сделанной на местонахождении петроглифов Калбак-Таши II, явился олений камень. Он относится к оленным камням т.н. саяно-алтайского типа, на которых не представлены стилизованные изображения оленей, и может быть датирован VII–V вв. до н.э.

Местонахождение петроглифов Калбак-Таши II, в отличие, например, от Калбак-Таши I, занимает большую территорию, делится на несколько довольно удаленных друг от друга участков и включает в себя значительное число других объектов (курганные насыпи, ящики, стелы и др.). По-видимому, эти древние сооружения связаны с петроглифами, а местонахождение Калбак-Таши II можно рассматривать в качестве святилища.

Ключевые слова: граффити, Алтай, Калбак-Таши II, древнетюркская эпоха, бронзовый век, олений камень.

G.V. Kubarev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: gvkubarev@gmail.com

KALBAK TASH 2 INVESTIGATION

We present here the results of Kalbak Tash 2 petroglyphs research provided by the Chuya team of IAET SB RAS in the course of 2015 excavation campaign in Central Altai. It was a continuation of the author's previous studies aimed to coping the graffiti, as well as to search for the new samples of engraved petroglyphs. Most of the Kalbak Tash 2 engravings were being created in the Hun-Sarmatian time and the ancient Turkic epoch. They represent the images of groups of animals (deer, goats, etc.), crossed by numerous lines and thrust through by arrows. The latest observations confirm the thesis that these engravings associated with rites of hunting magic, when "killed" image of the animal delivered success of the hunters. Part of engravings has a number of holes over the image. It can evidences that metal items cut up images. The interesting finding – deer stone – was obtained on the occurrence Kalbak Tash 2 petroglyphs. It belongs to the so-called deer stones of Sayan-Altai type, which does not contain the stylized images of the deer and can been dated to the 7–5 centuries BC. The occurrence of Kalbak Tash 2 petroglyphs, in contrast to, for example, Kalbak-Tash 1, occupies a large area, divided into several sections, relatively distant from each other, and includes a numerous other objects (the mounds, boxes, steles, etc.). Apparently, these ancient constructions are associated with petroglyphs, and Kalbak Tash 2 occurrence can be seen as a sanctuary.

Keywords: graffiti, Altai, Kalbak Tash 2, ancient Tukiic epoch, Bronze Age, deer stone.

В полевом сезоне 2015 г. Чуйский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции СО РАН продолжил исследование местонахождения

петроглифов Калбак-Таш II. Оно явилось продолжением предшествующих работ [Кубарев, 2014] и преследовало целью копирование граффити,

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-50-00036).

практически не предпринимавшееся нашими предшественниками, а также поиск новых образцов гравированных рисунков.

В петроглифах Калбак-Таша II количество граффити значительно превышает число гравированных изображений на уже представленном в публикациях эталонном памятнике Калбак-Таш I [Кубарев, 2011]. Подавляющее большинство гравировок на рассматриваемом петроглифическом пункте представляет сцены охоты на оленей или козлов. Не менее часто животные изображены пораженными стрелами, а охотники при этом отсутствуют. Гравированные изображения гунно-сарматской и древнетюркской эпох зачастую налегают друг на друга, образуя большие композиции. Многие гравировки отличаются большим реализмом, детализацией и хорошей проработкой. Так, например, в раннесредневековой сцене охоты всадника на стадо кабарги все животные изображены очень динамично – в галопе или в прыжке. Распознать в этих животных кабаргу можно достаточно уверенно – это оленевидные животные невысокого роста, без рогов. Уже пораженные стрелами животные стоят либо лежат с вывернутыми наверх ногами. У всадника показаны профиль лица (нос, губы, борода) и широкополая шляпа с загнутыми вверх полями. У коня воспроизведены чепрак с седлом (?), подхвостный ремень, завязанный хвост.

Любопытным представляется изображение другого раннесредневекового всадника. Конь выполнен выбивкой, за исключением гравированных хвоста и повода, тогда как всадник – тонкой гравировкой. Не исключено, что рисунок изображает тяжеловооруженного всадника. Во всяком случае, его корпус зачерчен перпендикулярно пересекающимися линиями. В такой же технике показано и длинное изгибающееся налучье. Именно последний атрибут позволяет относить это изображение к древнетюркской эпохе. Реалистичны изображения раннесредневековых охотников-лучников. Некоторые из них показаны стреляющими с колен, другие – в длиннополой одежде (кафтаны?) с поясом. Стрелок в кафтане изображен с характерным наклоном туловища вперед, держащим в одной руке лук и запасную стрелу.

Мы уже указывали на то, что большая часть гравировок Калбак-Таша II, созданных в гунно-сарматское время и древнетюркскую эпоху, представляет собой реалистичные изображения групп пораженных стрелами животных (оленей, козлов и др.), перечеркнутые многочисленными линиями [Кубарев, 2014, с. 201, рис. 1, 2]. Некоторые из этих стрел приближаются по размерам к реальным образцам. Тезис об отношении подобных

гравировок к обрядам охотничьей магии, когда «убитое» изображение животного должно было обеспечить успех в охоте, как будто подтверждается последними наблюдениями. Часть гравировок имеет некоторое число лунок поверх изображения и рядом с ним (рис. 1). Складывается впечатление, что по изображению наносились удары каким-то металлическим предметом (наконечником стрелы?). Конечно, только трасологическое изучение способно подтвердить или опровергнуть это предположение, но характер углублений свидетельствует о том, что это не попытка выбивки по уже гравированному изображению. Эти одиночные углубления, несомненно искусственные, встречаются только на гравировках или рядом с ними. Они более глубокие в сравнении с другими выбитыми петроглифами, отверстия имеют ромбическую, треугольную или круглую форму. Лунки приходятся на туловище, ноги животного либо имеются в непосредственной близости от него. Олень также показан пораженным стрелой (см. рис. 1). Необходимо отметить, что группа гравировок с подобными лунками расположена на вертикальных или почти вертикальных поверхностях.

Несомненно, большое научное значение имеет найденная нами на местонахождении новая руническая надпись. Она выполнена на вертикальной поверхности вертикальной строкой, насчитывающей 5–6 знаков. Ее публикация с вероятным прочтением и интерпретацией будет предпринята отдельно.

На местонахождении Калбак-Таш II имеются гравировки не только гунно-сарматской и древнетюркской эпох. Наибольший интерес представляет гравированное изображение кошачьего хищника длиной 39 см, которое, видимо, следует датировать скифским временем. У этого тигра (?) тонкая талия, большие когтистые лапы, большой загнутый вверх полосатый хвост, массивные грудь и голова. Шерсть или, возможно, окрас хищника показаны многочисленными параллельными линиями. Наиболее прямые аналогии фигура этого тигра (?) имеет в образцах пазырыкского искусства. Большие размеры изображения кошачьего хищника, гравированная техника и стиль, в котором оно выполнено, выдвигают его в разряд уникальных образов в петроглифах Алтая. Его микалентная копия публиковалась ранее [Кубарев, 2009, рис. 153], нами было осуществлено его копирование различными способами.

Еще одной интересной находкой, сделанной нами на местонахождении петроглифов Калбак-Таш II, явился олений камень (рис. 2). Он был обнаружен на склоне второго пункта петроглифического комплекса, вдали от скальных выходов, но в 25–30 метрах от одного из каменных курганов,

сооруженных на вершине горной гряды. Он выполнен из сланцевой плиты серо-зеленого цвета. Размеры: $81 \times 14\text{--}37 \times 6,7$ см. Верхняя и нижняя части оленного камня имеют характерную подтреугольную и заостренную форму. Только одна из его граней сохранила естественный край камня, остальные имеют следы обработки. На обеих широких сторонах плиты точечной выбивкой воспроизведены широкий пояс и серьги с подвеской (см. рис. 2). Одна из поверхностей плиты в отличие от противоположной имеет солнечный загар. Это свидетельствует о том, что оленный камень был смещен со своего первоначального места еще в древности и пролежал очень длительное время на склоне горной гряды.

Серьги и пояс являются неотъемлемой частью основных изображений на оленных камнях [Кубарев, 1979, с. 42–57; Савинов, 1994, табл. VI и др.]. Оленный камень из Калбак-Таша II относится к оленным камням т.н. саяно-алтайского типа, на которых не представлены стилизованные изображения оленей [Кубарев, 1979, табл. IV, VII; Савинов, 1994, с. 29 и др.]. Он может быть датирован VII–V вв. до н.э. Необходимо отметить, что всего в нескольких километрах от найденного стелуарного памятника расположены Чуйский оленный камень, оленные камни у с. Иня и из долины р. Нижний Инегень [Кубарев, 2009, рис. 177, 2; 179, 183, 184].

Как уже упоминалось, оленный камень был обнаружен в нескольких метрах вниз по склону от насыпи кургана, сложенного крупными плитами и валунами. Сооружение, возможно, является ритуальным, если не содержит погребения прямо под насыпью. Наличие под ним могильной ямы исключено, так как его подстилает скальная поверхность. Относительно сильная задернованность этой невысокой, сложенной в один-два слоя каменной кладки позволяет предположить ее принадлежность к эпохе бронзы или раннему железному веку. Любопытно, что у подножия склона, на котором был обнаружен оленный камень, ранее зафиксирована обломанная (?) стела эпохи бронзы [Кубарев, 2009, рис. 191, 2; 192]. На ней имеются шлифованные полосы, резы и чашечные углубления.

В целом необходимо отметить, что местонахождение петроглифов Калбак-Таш II, в отличие, например, от Калбак-Таша I, занимает большую территорию, делится на несколько довольно удаленных друг от друга участков и включает в себя значительное число других объектов (курганные насыпи, «оградки» из вертикально вкопанных валунов, ящики, стелы). Таким образом, Калбак-Таш II можно рассматривать в качестве свя-

Рис. 1. Изображение пронзенного стрелой оленя, имеющее выбоины-лунки. Калбак-Таш II.

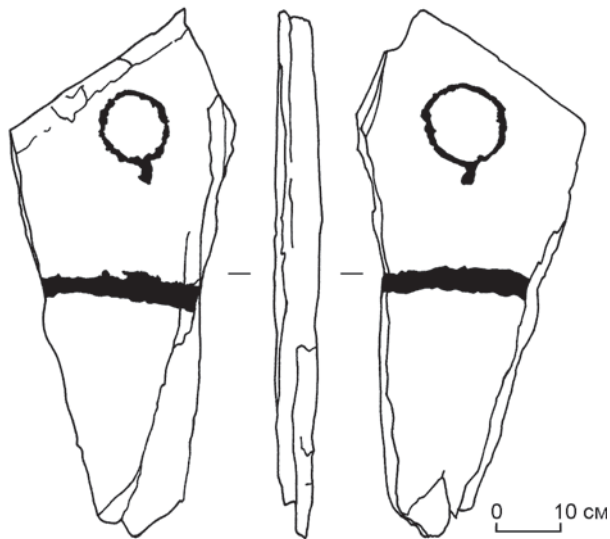

Рис. 2. Оленный камень, найденный на склоне п. 2 местонахождения петроглифов Калбак-Таш II.

тилища, а перечисленные древние сооружения, по-видимому, связаны с петроглифами. Необходимо проведение дальнейших работ по фиксации петроглифов этого уникального местонахождения, исследованию древних культовых сооружений на территории памятника и вводу их в научный оборот.

Список литературы

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 264 с.

Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 444 с.

Кубарев Г.В. Граффити местонахождения петроглифов Калбак-Таш II // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 198–201.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. – 209 с.

References

Kubarev V.D. Drevnie izvayaniya Altaya (olennye kamni). Novosibirsk: Nauka, 1979. 120 pp. (In Russ.).

Kubarev V.D. Pamyatniki karakol'skoy kul'tury Altaya. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2009. 264 pp. (In Russ.).

Kubarev V.D. Petroglify Kalbak-Tasha I (Rossiyskiy Altai). Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2011. 444 pp. (In Russ.).

Kubarev G.V. Graffiti mestonakhzhdeniya petroglifov Kalbak-Tash II // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. XX. Pp. 198–201. (In Russ.).

Savinov D.G. Olennye kamni v kul'ture kochevnikov Evrazii. SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 1994. 209 pp. (In Russ.).

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ И ИДЕОЛОГИИ НА МЕТОДЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА НА ПРИМЕРЕ РАБОТ Н.М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО И М.В. ПЕВЦОВА

В статье рассматривается влияние идеологии и политики на развитие археологии Восточной Азии в эпоху Большой игры, в которой принимали участие Российская, Британская и Китайская империи. За основу берутся экспедиционные отчеты Н.М. Пржевальского и М.В. Певцова, где отмечаются упоминания археологических памятников, после чего выделяются типы этих памятников и анализируется подход к исследованиям. Типы памятников выделяются следующие: клады, поселения, погребения, храмовые комплексы. Подход к исследованиям формировался в соответствии с задачами экспедиций: в первую очередь это составление карт на случай войны с Китаем, во вторую – военная разведка. Большинство археологических объектов рассматривалось исследователями в качестве топографических ориентиров, к которым прилагались истории местных жителей. Эти истории иногда содержали в себе важные разведанные. После освещения более или менее очевидной стороны рассматриваемого вопроса повествование переходит к скрытым политико-идеологическим факторам, объясняющим ситуацию в целом. Обозначить острейшие нюансы русско-китайских отношений второй половины XIX в. в данной статье можно лишь очень кратко, однако даже из приведенного лаконичного обзора следует, что в качестве серьезного исследовательского направления археология Восточной Азии появилась там, где она совершенно не подразумевалась, и причиной ее появления стала такая идеологическая тенденция того времени, как эволюционизм, оправдывающий колониальную политику Российской империи.

Ключевые слова: Пржевальский, Певцов, Восточная Азия, Большая игра.

V.P. Labetsky

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: rinnslaw@gmail.com

IDEOLOGICAL AND POLITICAL INFLUENCE ON THE METHODS OF EAST ASIAN ARCHAEOLOGY IN THE SECOND HALF OF 19 CENTURY: WORKS OF N.M. PRZHEVALSKY AND M.V. PEVTSOV

The article considers the ideological and political influence on the development of East Asian archaeology during the Big Game epoch – event with participation of Russian, British and Chinese Empires. The study rests upon the field reports of N.M. Przhevalsky and M.V. Pevtsov: they noticed the archaeological sites, determined their types and analyzed the research approaches. They deduced such types of sites as caches, settlements, burials, temple complexes. Research approach was being formed in accordance with the tasks of expedition: mapping, in the case of the war with China – in the first place, and intelligence support – in the second place. Researchers considered the most of archaeological objects as the topographic landmarks, accompanied by the story told by local inhabitants. Sometimes these stories included the important intelligence data. When the question under consideration was highlighted in more or less obvious aspect, the story told about the ulterior political and ideological factors, which explained the situation in general. It is possible to briefly mark here only the most topical nuances of Russian-Chinese relations in the second half of the XIX century, but even this brief review shows that East Asian archaeology, as a research area, appeared where it was not implied. The reason of its origin was such ideological trends of that time as evolutionism, racism and social Darwinism, justifying the colonial politics of Russian Empire.

Keywords: Przhevalsky, Pevtsov, Eastern Asia, Big Game.

Свои основные археологические открытия Николай Михайлович Пржевальский и Михаил Васильевич Певцов совершили на территории китайских провинций Внутренняя Монголия, Ганьсу и Синьцзян. То, что можно обозначить в трудах путешественников в качестве результатов археологической разведки, начиналось как разведка военная. Политика и идеология играли в данном случае ключевую роль, создавая основу мотивации исследований. Таким образом, разобравшись в мотивации экспедиций Н.М. Пржевальского и его последователя М.В. Певцова, можно понять причины внимания к определенным типам археологических источников, а также раскрыть основные методологические принципы их изучения и фиксации.

Следует отметить, что М.В. Певцов – фигура соразмерная Н.М. Пржевальскому по статусу, индивидуальности и внутренней силе, однако значительно менее известная. В методологическом плане Певцов продолжает традицию, заложенную Пржевальским, поскольку ему пришлось в буквальном смысле заменить безвременно ушедшего Николая Михайловича. Именно поэтому корректно говорить о нем как о последователе, однако Певцов не теряется в тени своего великого предшественника, а, напротив, резко контрастирует с ним, по крайней мере в личностном плане.

Н.М. Пржевальский задал определенный тон в археологических исследованиях региона. За время четырех азиатских экспедиций Пржевальского были открыты и описаны такие археологические объекты, как древние клады [Пржевальский, 1876, с. 116, 133], развалины городов возрастом от бронзового века до средневековья [Там же, с. 74, 133, 147; Пржевальский, 1888, с. 218, 353, 356, 365–367, 471], храмовый комплекс Цяньфодун (Пещера тысячи будд) [Пржевальский, 1883, с. 100–102], курганы и погребения различных типов [Пржевальский, 1876, с. 139; 1888, с. 121, 367, 382, 410].

Среди археологических находок М.В. Певцова можно отметить сторожевые глиняные башни, на которых в древности зажигали сигнальные огни [Певцов, 1895, с. 63–64], развалины древних глиняных построек и городов [Там же, с. 106, 336–337], огромные скопления керамики [Там же, с. 106–107]. Его работы содержат также некоторые дополнения к легендам, приведенным Н.М. Пржевальским по поводу развалин близ оазисов Хотан [Там же, с. 120–121] и Черчен [Там же, с. 255], лично осмотренных М.В. Певцовым.

Стиль фиксации археологических объектов сформировался у Н.М. Пржевальского в ходе написания отчета о Монгольской экспедиции и не только повторялся в последующих текстах, но также

стал хорошим примером для его учеников. В целом он был принят на вооружение и в отчетах М.В. Певцова. Этот стиль вмещал в себя весьма сжатое, без особых подробностей, описание объекта древности, к которому прилагались рассказы местных жителей, зачастую выражающие их политические предпочтения в мифологических терминах. Иногда описание археологического объекта ограничивалось только легендой или рассказами информаторов.

Почему разведчики-картографы расспрашивали аборигенов о древностях, не проявляя к этим древностям глубокого археологического интереса? Дело в том, что развалины древних городов и другие заметные археологические объекты рассматривались прежде всего в качестве географических ориентиров, со специальными названиями, известными местным жителям [Валиханов, 1984, с. 190]. Такой интерес подразумевает лаконичность описания подобных местных достопримечательностей. Легенды о них обычно представляли некоторый интерес для разведчика помимо топографического, поскольку легенды эти служили маркером политического влияния в регионе.

Вышеуказанные причины интереса к археологии – это то, что лежит на поверхности, но основной причиной были ресурсы. Руководство экспедиций в Петербурге мыслило предельно прагматично, как, впрочем, любые военные и политики. Для того чтобы стали понятны мотивы этих людей, следует выделить несколько общих этапов русско-китайских отношений во второй половине XIX в. В 1856 г. в Китае началось дунганское восстание – одно из самых грозных и кровопролитных восстаний в новой истории страны. В 1871 г. русские «помогли» китайцам отвоевать у восставших Илийский край, забрав его на время себе. За год до этого Н.М. Пржевальский отправился в Монгольскую экспедицию, которая вполне сравнима с военной разведкой, поскольку большая часть ее маршрута проходила по землям, разоренным дунганами. Скорее всего, разведанные Н.М. Пржевальского помогли принять решение о вооруженном вмешательстве в китайские дела. В 1881 г. в Поднебесной оправились от исламистского террора и потребовали Илийский край назад, даже пригрозив России войной. До серьезных столкновений дело не дошло, однако отношения между двумя империями испортились. В секретном донесении Генштабу от 1887 г. полковник Л.Ф. Костенко с горечью вспоминает старые обиды и подводит итог своим невеселым мыслям следующим образом: «Как ни тяжело нашему государству расширять свои владения и присоединять новые земли, тем не менее со стороны Чжунгарии

и Кашгарии нам придется, рано или поздно, осуществить эту тяжелую, но вместе с тем гуманную и славную миссию» [Костенко, 1887, с. 311].

Логично, что после захвата «Русского Туркестана» Россия заглядывалась на Китайский, поэтому Синьцзян, Тибет и Монголия изучались с прагматической точки зрения, как потенциальные колонии. Впрочем, насильственный захват этих земель, вопреки мнению Костенко и других сторонников наступательной политики, так и не состоялся, поскольку он был бы слишком радикальным и затратным актом. Альтернативная политическая программа по отношению к землям Восточной Азии сводилась к усилению русского влияния в регионе и развитию торговых, а также культурных взаимодействий. Тем не менее война не исключалась, поэтому кроме составления карт и топосъемки на случай военных действий русские интересовались богатствами Западного Китая – начиная с древних кладов, «позолоченных идолов», полезных ископаемых и пресной воды и заканчивая сельским хозяйством, промыслами и торговлей. Жители этих земель воспринимались как потенциальные сотрудники или даже будущие подданные (т.е. «людские ресурсы»), поэтому важно было узнать все их предпочтения – от культурных и религиозных до экономических и политических.

На идеологическом уровне подобные колониальные аппетиты оправдывались тем, что всем будет только лучше: азиаты получают новую, цивилизованную жизнь, а Россия в обмен на тяжелейший неблагодарный труд по «окультуриванию» аборигенов – ресурсы, рынок сбыта, новые производства, а также существенные геополитические преимущества [Семенов, 1900, с. 209; Верещагин, 1883, с. 51–52]. Все это подкреплялось такими новейшими идеологическими тенденциями второй половины XIX в., как эволюционизм, расизм и так называемый социальный дарвинизм [Клейн, 2011, с. 316–317]. Необходимо подчеркнуть, что здесь имеется в виду исключительно политико-идеологическая сторона сложных научных гипотез, часть из которых не прошла проверку временем и была опровергнута. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что в их основе лежит идея о том, что по тем или иным причинам – историческим, политическим или биологическим – одна группа людей сильнее и развитее, чем другая. Сильные и развитые люди имеют больше прав на ресурсы, чем те, кто не может этими ресурсами эффективно распорядиться. Военная экспансия с целью поддержания и развития более прогрессивной экономики оправдывается помощью в развитии, оказываемой тем, у кого отбираются земли и сырье.

Фактически речь идет о навязывании ценностей «более развитого общества», характерном для политики колониализма.

Таким сложным и противоречивым образом в калейдоскопе исторической динамики появляются неожиданные исследовательские направления, среди которых можно выделить археологическое изучение пустыни Такла-Макан, бассейна р. Хуанхэ и монгольских степей.

Археологические изыскания Н.М. Пржевальского и М.В. Певцова носили обзорный, экстенсивный характер, преследуя скорее цели военно-политической разведки, чем какие-либо другие, однако вклад этих путешественников в археологию имел огромное значение, поскольку они обозначили новые области и направления исследований, а также общую политико-идеологическую составляющую, соединяющую древнюю историю с современной жизнью.

Список литературы

Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: В 5 т. – Алма-Ата: Гл. ред. Казахской сов. энциклопедии, 1984. – Т. 1. – 432 с.

Верещагин В.В. Очерки, наброски, воспоминания. – СПб.: Тип. м-ва путей сообщ. А. Бенке, 1883. – 155 с.

Клейн Л.С. История археологической мысли: В 2 т. – СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2011. – 688 с.

Костенко Л.Ф. Чжунгария. Военно-статистический очерк Генерального штаба полковника Л.Ф. Костенко // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – СПб.: Воен. тип. в здании Главного штаба, 1887. – Вып. 28. – С. 1–311.

Певцов М.В. Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям внутреннего Китая. – Омск, 1883. – 354 с. – (Зап. Зап.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва).

Певцов М.В. Путешествие по Восточному Туркестану, Кун-Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889 и 1890 годах: Отчет бывшего начальника Тибетской экспедиции М.В. Певцова. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1895. – 423 с.

Певцов М.В. Путешествия по Китаю и Монголии. – М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1951. – 284 с.

Пржевальский Н.М. Монголия и страна тангутов. Трехлетнее путешествие в Восточной Нагорной Азии Н. Пржевальского, подполковника Генерального штаба, действительного члена ИРГО. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1876. – Т. 1. – 383 с.

Пржевальский Н.М. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. Третье путешествие в Центральной Азии Н.М. Пржевальского. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1883. – 476 с.

Пржевальский Н.М. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. Четвертое путешествие в Центральной Азии Н.М. Пржевальского. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1888. – 536 с.

Пржевальский Н.М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор. – М.: ОГИЗ, 1947. – 157 с.

Семенов П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества. 1845–1895. – СПб.: Тип. В. Безобразова, 1896. – Ч. 2. – 980 с.

Семенов П.П. Окраины России. Сибирь, Туркестан, Кавказ и полярная часть Европейской России. – СПб.: Тип. АО «Брокгауз–Ефрон», 1900. – 287 с.

References

Klein L.S. Istoriya arkhеologicheskoy mysli: In 2 Vol. SPb.: Izdat. dom SPbGU, 2011. 688 pp. (In Russ.).

Kostenko L.F. Chzhungariya: Voенno-statisticheskiy ocherk General'nogo shtaba polkovnika L.F. Kostenko // Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. SPb.: Voен. tip. v zdanii Glavnogo shtaba, 1887. Iss. 28. Pp. 1–311. (In Russ.).

Pevtsov M.V. Ocherk puteshestviya po Mongolii i severnym provintsiyam vnutrennego Kitaya. Omsk, 1883. 354 pp. (Zap. Zap.-Sib. otd. Rus. geogr. o-va). (In Russ.).

Pevtsov M.V. Puteshestvie po Vostochnomu Turkestanu, Kun-Lunyu, severnoy okraине Tibetskogo nagor'ya i Chzhungarii v 1889 i 1890 godakh: Otchet byvshego nachal'nika Tibetskoy ekspeditsii M.V. Pevtsova. SPb.: Tip. M. Stasyulevicha, 1895. 423 pp. (In Russ.).

Pevtsov M.V. Puteshestviya po Kitayu i Mongolii. M.: Gos. izd-vo geogr. lit., 1951. 284 pp. (In Russ.).

Przheval'sky N.M. Mongolia i strana tangutov: Trekhletnee puteshestvie v Vostochnoy Nagornoy Azii N. Przheval'skogo, podpolkovnika General'nogo shtaba, deystvitel'nogo chlena IRGO. SPb.: Tip. V.S. Balasheva, 1876. Vol. 1. 383 pp. (In Russ.).

Przheval'sky N.M. Iz Zaysana cherez Hami v Tibet i na verkhov'ya Zheltoy reki: Tret'ye puteshestvie v Tsentral'noy Azii N.M. Przheval'skogo. SPb.: Tip. V.S. Balasheva, 1883. 476 pp. (In Russ.).

Przheval'sky N.M. Ot Kyakhty na istoki Zheltoy reki, issledovanie severnoy okraины Tibeta i put' cherez Lob-Nor po basseynu Tarima: Chetvertoe puteshestvie v Tsentral'noy Azii N.M. Przheval'skogo. SPb.: Tip. V.S. Balasheva, 1888. 536 pp. (In Russ.).

Przheval'sky N.M. Ot Kul'dzhi za Tyan'-Shan' i na Lob-Nor. M.: OGIZ, 1947. 157 pp. (In Russ.).

Semenov P.P. Istoriya poluvekovoy deyatel'nosti Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1845–1895. SPb.: Tip. V. Bezobrazova, 1896. Part 2. 980 pp. (In Russ.).

Semenov P.P. Okraины Rossii. Sibir', Turkestan, Kavkaz i polyarnaya chast' Evropeyskoy Rossii. SPb.: Tip. AO «Brokgauz–Efron», 1900. 287 pp. (In Russ.).

Valikhanov Ch.Ch. Sobranie sochineniy: In 5 Vol. Alma-Ata: Gl. red. Kazakhskoy sov. entsiklopedii, 1984. Vol. 1. 432 pp. (In Russ.).

Vereshchagin V.V. Ocherki, nabroski, vospominaniya. SPb.: Tip. m-va putey soobshch. A. Benke, 1883. 155 pp. (In Russ.).

Ж.В. Марченко^{1, 2}, А.Е. Гришин¹, М.С. Кишкурно²,
Г.И. Галямина³, Л.В. Назарова³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирский государственный университет

³Дом детского творчества «Центральный» г. Новосибирска

E-mail: artem-grishin@mail.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПАМЯТНИКАМ КРОХАЛЁВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА (НОВОСИБИРСКОЕ ПРИОБЬЕ)*

Продолжено исследование разновременных памятников Крохалёвка-5, 11 в крупном археологическом районе Новосибирского Приобья. Работы носят спасательный характер. Изучены 12 погребений разновременных некрополей, средневековое культовое место, участки рвов раннего железного века и эпохи бронзы, слои разновременных поселений.

Наиболее информативными являются четыре практически ненарушенных погребения и культовый комплекс монгольского времени (XIII–XIV вв.), сооруженные в кургане эпохи раннего железа. Обнаружены остатки берестяных изделий: колчана, элементов перекрытия могил и тел погребенных, а также основа «бокки» – редкого в регионе женского головного убора. В могилах найдены остатки украшений из разных материалов, железные предметы одежды и вооружения, орудия труда, деревянная колода, остатки изделий из текстиля. Кроме того, исследовано продолжение некрополей эпохи ранней и развитой бронзы и обнаружена могила эпохи неолита. Керамический материал указывает на возможную принадлежность некрополя ранней бронзы к крохалёвской культуре. Специфика же использования керамического сосуда сходна с реалиями кротовских некрополей. Могила эпохи неолита отнесена к «типологической группе I» погребальных комплексов этого периода в Верхнем Приобье. Погребение нарушено, но содержит разрозненные кости скелетов двух взрослых людей, а также набор каменных предметов: наконечники, нож и тесло.

Необходимо продолжение работ сплошной площадью и применение комплексного подхода, состоящего в сборе широкого спектра проб и образцов для естественно-научного анализа, поскольку каждый год приносит качественно новую информацию для детализации культурно-хронологической шкалы микрорайона.

Ключевые слова: Крохалёвский археологический микрорайон, могильник, поселение, культовое место, Новосибирское Приобье, голоцен.

Zh.V. Marchenko^{1, 2}, A.E. Grishin¹, M.S. Kishkurno²,
G.I. Galyamina³, L.V. Nazarova³

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State University

³Student Activity Center «Central», Novosibirsk

E-mail: artem-grishin@mail.ru

NEW DATA FOR THE SITES OF KROKHALEVO ARCHAEOLOGICAL AREA (NOVOSIBIRSK OB REGION)

We continued to investigate Krokhaevka-5, 11, the asynchronous sites in the large archaeological area of Novosibirsk Ob Region. It is a rescue excavation. We studied 12 burials in asynchronous necropolises, the medieval sanctuary, the parts of Iron Age and Bronze Age ditches, the layers of asynchronous settlements. The most informative objects is four quite complete burials and cultic complex of Mongolian time (13–14 centuries), constructed in the barrow of Early Iron Age. We found

*Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-01-18043.

the remains of birchbark items: quiver, elements of the burial and decedent covering, as well as the base of "bocca" – the female headwear, rare in this region. The graves contained the remains of ornaments, made of different raw material, iron wearables and weapons, tools, wooden coffin, remains of textile products. In addition, we studied the continuation of Early and Developed Bronze Age necropolises and obtained the Neolithic grave. The ceramics pointed at the possible attribution of Early Bronze necropolis to Krokholevo culture. Specificity of ceramic vessel utilization is similar to realities in the Krotovo necropolises. The Neolithic grave was related to "typological group 1" of burial complexes, presented in Upper Ob Region in that period. The grave is disturbed, but contains the separate bones of two adult human skeletons, and tool assemblage: points, knife and adze. It is necessary to continue the excavation by method of the solid square, and to use a complex approach, pronounced in collecting of numerous samples for natural-science analysis, because every year gives the qualitatively new information on the specification of cultural and chronological scale of this area.

Keywords: Krokholevo archaeological area, burial ground, settlement, cultic place, Novosibirsk Ob Region, Holocene.

Объ-Иртышским отрядом ИАЭТ СО РАН было продолжено комплексное исследование разновременных памятников Крохалёвка-5, 11, расположенных в Новосибирском Приобье. Объекты являются частью крупного археологического микрорайона – Крохалёвского, расположенного вдоль западной кромки Кудряшовского бора. Двумя раскопами были вскрыты 182 м² территории памятников. Работы носят спасательный характер, так как участок занят современной усадьбой. Были изучены 12 могил разных эпох, участки рвов раннего железного века и эпохи бронзы, слои разновременных поселений (всего 72 объекта)*.

Наиболее значимыми объектами в этом сезоне являются комплекс средневековых ритуальных сооружений, погребения крохалёвской культуры и неолита. Кратко их охарактеризуем.

Средневековый комплекс монгольского времени состоял из четырех могил (погр. 20, 25–27) и связанного с ними культового сооружения (объект 133). Все они были впущены в курган раннего железного века. Комплексы, за исключением частично нарушенной могилы мужчины, были нетронуты, что для изученных средневековых курганов является редким исключением. Дело в том, что все насыпи курганного могильника имеют по центру следы проникновения в виде воронки. Тем ценнее полученная нынче информация.

Могилы взрослых, мужчины 30–35 лет (погр. 25) и женщины 35–40 лет (погр. 27)**, располагались парой, ближе к центру кургана, а могилы детей (6–7 лет, погр. 20; 3–5 лет, погр. 26) находились

на его периферии. Взрослые были уложены головой на восток–юго-восток, дети – на северо-восток и запад. В верхней части заполнения погребений взрослых, над перекрытием, обнаружены массивные деревянные предметы со следами огня. Все могилы снабжены перекрытием из деревянных несущих элементов, выстланных крупными кусками бересты. В погребениях детей деревянное перекрытие сплошное и набрано из поперечно расположенных плах, а в погребениях взрослых перекрытие не сплошное и образовано 4–7 небольшими бревнами, лежащими на некотором расстоянии друг от друга. Перекрытие сооружалось на расстоянии 0,3–0,5 м от дна. Ямы слабо углублены в подстилающую (материковую) желтую супесь, расширяются ко дну, дно ровное, горизонтальное. Контуры могил взрослых имеют форму, близкую к треугольной (расширение в изголовной части), у погребений детей – прямоугольную с сильно скругленными углами.

Сами останки были закрыты крупными листами бересты со следами обрезки и перфорации по краям. Очевидно, что использовались целые и фрагментированные крупные берестяные изделия. Один ребенок был помещен в деревянную колоду, другой – в берестяной короб с крышкой или перекрытием. На дне всех могил в специальных канавках или без них располагались три деревянные поперечины. На части из них обнаружены следы обработки (обтеска, пазы, отверстие). Умершие уложены на спину, вытянуто, ноги взрослых несколько согнуты в коленях, руки вытянуты вдоль туловища.

В погребении женщины обнаружены остатки берестяной основы «бокки» – редкого в регионе головного убора монгольского времени, каменные и стеклянные (?) бусины, остатки одежды (фрагменты шерстяной и шелковой ткани), бронзовая серьга, детали берестяных и кожаного изделий (рис. 1, 1). В могиле мужчины лежали берестяной колчан на деревянной основе и набор стрел,

*Благодарим д-ра ист. наук А.И. Соловьева за помощь в подготовке и анализе материала, Л.О. Понедельченко и О.Л. Швеца за консервацию и реставрацию находок, Ю.Н. Гаркушу и М.Е. Медовикову за подготовку иллюстраций.

**Антропологические определения выполнены аспирантом М.С. Кишкурно.

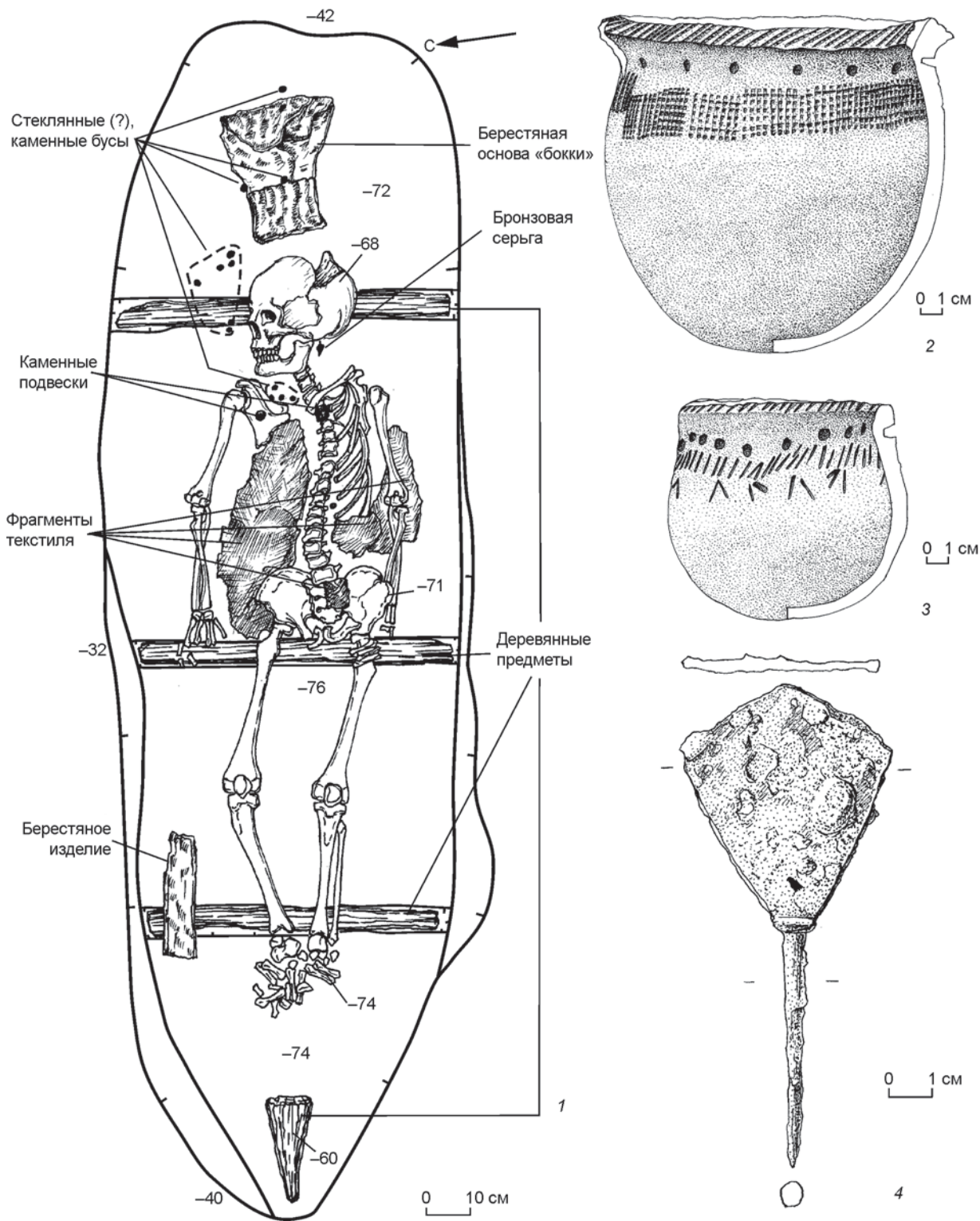

Рис. 1. План-схема погр. 27 по уровню дна (1) и находки из культового комплекса (об. 133) (2–4).
2, 3 – керамические сосуды; 4 – железный наконечник стрелы.

остатки железных предметов (нож, кресало, наконечники стрел, элементы одежды и снаряжения). С младшим из детей был обнаружен бронзовый колокольчик, со вторым ребенком – древки стрел и фрагмент берестяного изделия.

Неотъемлемой частью описанного средневекового комплекса являлись и остатки сгоревшего культового сооружения (объект 133), возведенного в восточной части этого же кургана. Оно представляло собой прямоугольный котлован (1,8 × 2,1 м),

ориентированный по сторонам света и углубленный в материковую супесь примерно так же, как и описанные погребения. В культовом комплексе обнаружены ямки с основаниями сгоревших вертикальных столбов, деревянные обожженные изделия (антропоморфные изображения ?) и фрагменты со следами обработки. На дне сооружения, преимущественно вверх дном, располагались пять керамических сосудов, а также votивные и полноразмерные железные и бронзовые предметы (нож, стамесочка (?), наконечники стрел), каменные бусины, в том числе аналогичные предметам из погр. 27 (рис. 1, 2–4). Нож и наконечник стрелы были воткнуты остриями в основание двух столбов. Еще один наконечник был обнаружен под перевернутым сосудом, а корродированный железный предмет – на дне ямки под столбом. Аргументацию единства погребений и ритуального комплекса, а также их датировку необходимо разрабатывать дальше на основе анализа инвентаря, следов погребально-поминальной практики и радиоуглеродного метода, но период XIII–XIV вв., заявленный для средневекового могильника ранее [Галямина, 1987], в целом подтверждается. Отметим, что северо-восточный сектор кургана остался еще не исследованным и характеристика этого интересного многосоставного средневекового комплекса в дальнейшем может быть дополнена. Объекты монгольского времени пока дифференцируются в регионе сравнительно редко, что делает всю совокупность представленных здесь источников очень значимой для характеристики культуры древнего населения этого периода.

К могильнику эпохи доандроновской бронзы относится погр. 32 (рис. 2, 1). Несмотря на сильную степень нарушения поздними комплексами и лазом, оно дает дополнительные аргументы для крохалёвской атрибуции как самого погребения, так и раннебронзового некрополя в целом. Яма была слабо углублена в материковую супесь. Дно могилы ровное, горизонтальное. Обнаружены остатки потревоженного скелета взрослого мужчины, первоначально уложенного вытянуто на спину, головой на северо-восток. В непотревоженном изголовном участке ямы устьем вниз стоял баночный сосуд, дно которого было пробито точечным сильным ударом (рис. 2, 1, 2). Образовавшиеся при этом фрагменты были положены рядом с сосудом. Изделие полностью орнаментировано рядами насечек. Зоны декора четко выделены. В разных местах тулова нанесены четыре горизонтальных ряда «жемчужин». На дне рядами насечек выполнен крест. Сосуд явно демонстрирует крохалёвскую керамическую традицию (см.: [Молодин, 1977,

с. 69–70; Полосьмак, 1978, с. 37–38]). Сам комплекс расположен в непосредственной близости от ряда могил, крохалёвскую принадлежность которых мы уже предполагали в связи со спецификой керамического сосуда из изголовной части одного из погребений [Гришин, Марченко, Гаркуша и др., 2014, с. 152]*. В то же время особенности использования керамики и ряд других черт ритуальной практики имеют явные параллели в комплексах кротовской культуры [Молодин, 1985, с. 76]. Это может свидетельствовать о сложном характере взаимодействия одио-крохалёвского и кротовского компонентов приобского населения. Поэтому отнесение некрополя периода доандроновской бронзы на изучаемом памятнике к крохалёвской культуре пока остается предварительным.

Обнаружено также неолитическое погребение (№ 33) – случай пока редкий для памятников микрорайона и региона в целом**. В глубокой яме (1,5 м от уровня подстилающей супеси) с овальным вытянутым контуром были найдены кости двух нарушенных скелетов взрослых людей. Очевидно, что один из них (мужчина 35–40 лет, скелет практически полный) был уложен вытянуто на спину, головой на север. Небольшое количество костей другого погребенного залежало разрозненно, преимущественно в верхней части заполнения. На дне и частично в заполнении погребения располагался комплекс каменных орудий: набор наконечников, нож и тесло (рис. 2, 3–5). Данную могилу из-за отсутствия керамики и высокой степени нарушения можно связать только с «типологической группой 1» погребальных комплексов неолита [Марочкин, 2014, с. 18–19].

Результаты исследований этого года подтверждают необходимость продолжения работ сплошной площадью и применения комплексного подхода, состоящего в сборе широкого спектра проб и образцов для естественно-научного анализа. Каждый год исследований приносит качественно новую информацию и для построения культурно-хронологической шкалы микрорайона.

*Сосуды, связанные с погр. 34 могильника Тузовские Бугры-1, определенного исследователями как возможное крохалёвское, имеют меньшее сходство с крохалёвским керамическим типом, отличаясь «отсутствием яркой горизонтальной зональности» [Абдулганеев, Кирюшин, 2002, с. 6] и горизонтальных рядов «жемчужин». Поэтому, на наш взгляд, погребения могильника Крохалёвка-11 более тесно связаны с крохалёвской культурой, чем погребение на Тузовских Буграх-1.

**Одно погребение могильника, уже отнесенное к неолиту Г.И. Галяминой, располагалось на расстоянии 25 м от данного комплекса [1987].

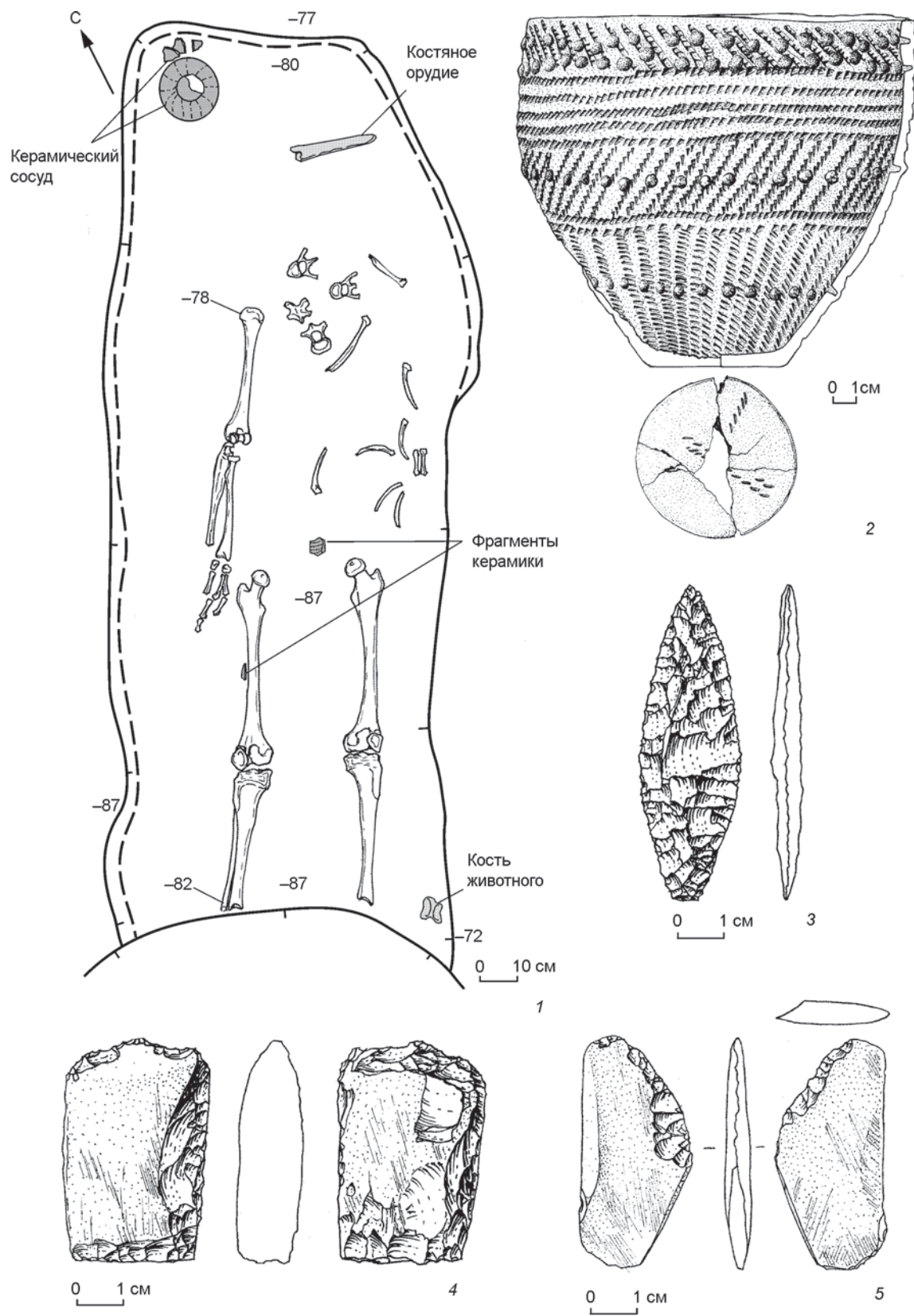

Рис. 2. План-схема погр. 32 (1) и находки из могил 32 (2) и 33 (3–5).
2 – керамический сосуд; 3 – каменный наконечник; 4 – каменное тесло; 5 – каменный нож.

Список литературы

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф. Погребение раннебронзового века из могильника Тузовские Бугры I // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: АлтГУ, 2002. – С. 4–6.

Галямина Г.И. Отчет о работах Коченёвского отряда на памятнике «Курганный могильник Крохалёвка-5» в Коченёвском районе (1987 г.) // Архив ИА РАН, д. 12 429.

Гришин А.Е., Марченко Ж.В., Гаркуша Ю.Н., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Новый этап исследования памятников Крохалёвка-5, 11 (Новосибирское Приобье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 149–153.

Марочкин А.Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2014 – 33 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Полосьмак Н.В. Керамический комплекс поселения Крохалёвка-4 // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 36–46.

References

Abdulganeev M.T., Kiryushin Yu.F. Pogrebenie rannebronzovogo veka iz mogil'nika Tuzovskie Bugry I // Severnaya Evraziya v epokhu bronzy: prostranstvo, vremya, kul'tura. Barnaul: AltGU, 2002. Pp. 4–6. (In Russ.).

Galyamina G.I. Otchet o rabotakh Kochenevskogo otryada na pamyatnike “Kurganniy mogil'nik Krokhal'yovka-5” v Kochenyovskom rayone (1987 g.) // Arkhiv IA RAN, d. 12 429. (In Russ.).

Grishin A.E., Marchenko Zh.V., Garkusha Yu.N., Galyamina G.I., Nazarova L.V. Novyy etap issledovaniya pamyatnikov Krokhal'yovka-5, 11 (Novosibirskoye Priob'ye) // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. XX. Pp. 149–153. (In Russ.).

Marochkin A.G. Pogrebal'naya praktika naseleniya Verkhnego Priob'ya v periody neolita i eneolita (istoriya izucheniya, strukturnyy analiz i tipologiya, problemy kul'turno-khronologicheskoy interpretatsii): Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kemerovo, 2014 – 33 pp. (In Russ.).

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya. Novosibirsk: Nauka, 1977. 174 pp. (In Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk, Nauka, 1985. 200 pp. (In Russ.).

Polos'mak N.V. Keramicheskii kompleks poseleniya Krokhal'yovka-4 // Drevnie kul'tury Altaya i Zapadnoy Sibiri. – Novosibirsk: Nauka, 1978. Pp. 36–46. (In Russ.).

Е.А. МиклашевичИнститут археологии и этнографии СО РАН
E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

НОВЫЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В ГОРНОМ МАССИВЕ ОГЛАХТЫ (ХАКАСИЯ)

В статье дается краткая характеристика крупнейшего комплекса наскального искусства Хакасско-Минусинской котловины в горном массиве Оглахты. Историко-культурная его ценность заключается не только в большом количестве изображений, но и в их многообразии, репрезентативности, наличии как характерных, так и уникальных сюжетов, образов и стилей. Информационный потенциал петроглифов Оглахты огромен, но выявлен лишь в очень небольшой степени. До недавнего времени в данном комплексе насчитывалось 8 отдельных местонахождений, из которых только три были отражены в публикациях сравнительно полно. Автором, документировавшим некоторые из них в 1990-х гг., недавно возобновлены систематические исследования комплекса. Основными задачами являются полная рекогносцировка территории горного массива (очень вероятны не только нахождение новых изображений в известных пунктах, но и обнаружение совершенно новых местонахождений); картографирование; документирование на современном уровне как ранее скопированных плоскостей, так и тех, что еще будут выявлены; систематизация архивных материалов; мониторинг сохранности и фотофиксация петроглифов на затапливаемых береговых скалах. В результате работ 2014–2015 гг. выявлены и документированы не только новые плоскости в ранее исследовавшихся пунктах, но и четыре новых местонахождения: одно (с изображениями оленей, лосей, бизона, диких баранов и дикой лошади, представляющими древнейшее искусство региона) – на береговых скалах и три (с изображениями личин эпохи энеолита – ранней бронзы, животных, антропоморфных фигур и знаков тагарской и тесинской культур, а также средневековья и этнографической современности) – во внутренних логах горного массива.

Ключевые слова: наскальное искусство, Хакасия, Минусинская котловина, Оглахты.

E.A. MiklashevichInstitute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

NEW ROCK ART SITES IN THE MOUNTAINOUS MASSIF OF OGLAKHTY (KHAKASSIA)

An article presents the brief characteristic of the largest rock art complex in the Mountainous massif of Oglakhty in the Khakass-Minusinsk Basin. Its historical and cultural meaning resides in not only numerous images, but also their variability, representability, presence of typical and unique subjects, images and styles. Informational facilities of the Oglakhty petroglyphs are very high, but educed in littleness. Until quite recently, massif included 8 separate occurrences, whereof only three were published quite completely. Recently, the author who had documented some of them in 1990s, renewed the systematic investigation of complex. The main targets are: total recon of mountainous massif (it is possible to find a new images in the known occurrences as well as new, unknown occurrences); mapping; up-to-date record of previously copied flats, as well as that will be educed; systematization of archival records; monitoring of the conservation conditions and photofixation of petroglyphs on the inundable cliffs. In consequence of the 2014–2015 campaign, we educed and recorded not only the new flats in the previously studied occurrences, but also in the four new occurrences. One of them (with images of deer, moose, bison, mouflon and wild horse, which presented the most ancient regional art) is situated in the cliffs, and three (with images of Neolithic – Early Bronze masks, animals, anthropomorphic figures, signs of Tagar and Tesino cultures, Middle Ages and ethnographic present) were in the inner ravines of mountainous massif.

Key words: rock art, Khakassia, Minusinsk basin, Oglakhty.

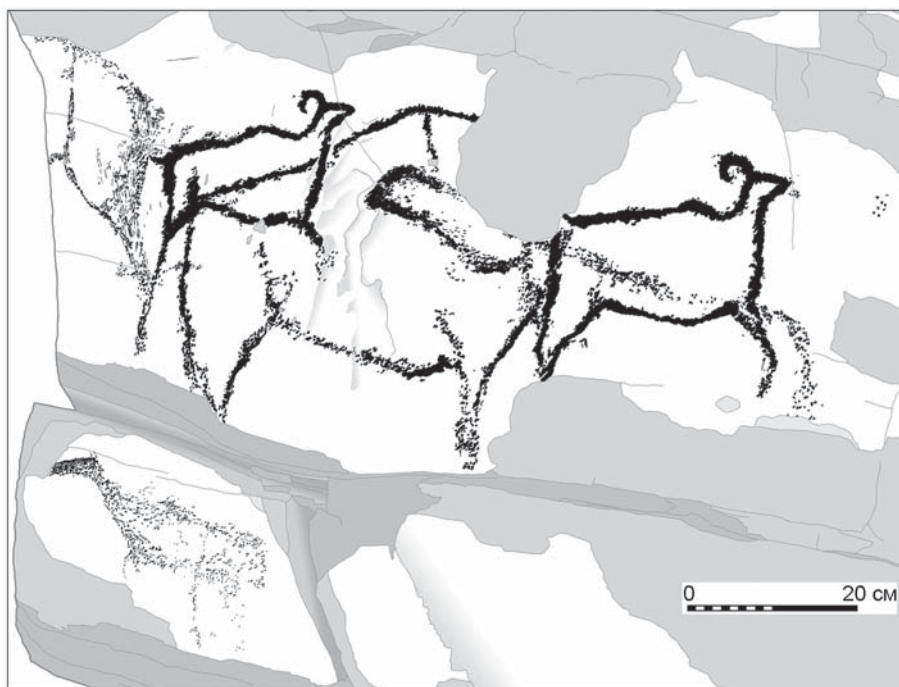
Горный массив Оглахты расположен на левом берегу Енисея (Красноярского водохранилища) ниже устья впадающей в него справа р. Тубы; в административном отношении – в Боградском р-не Республики Хакасия. Основная часть массива входит в Государственный природный заповедник «Хакасский». Оглахты представляет большой научный интерес с точки зрения геологии, географии, биологии и археологии, при этом один из важнейших компонентов, определяющих значимость этой территории, – на скальное искусство. Наибольшим богатством по числу изображений отличается юго-западный склон горы, известной под названием Сорок Зубьев (или Оглахтаг). До затопления водохранилищем еще более многочисленными были рисунки на скалах вдоль берега Енисея. Всего в Оглахты до недавнего времени мы насчитывали 8 местонахождений [Советова, Миклашевич, 1999, с. 50–51]. Все вместе они образуют самый крупный в Хакасско-Минусинской котловине комплекс памятников на скального искусства. Историко-культурная его ценность выражается, конечно, не только в количестве изображений, но и в их многообразии, репрезентативности, наличии как характерных, так и уникальных сюжетов, образов и стилей. Петроглифы Оглахты представляют все известные культурно-хронологические периоды археологии и истории Хакасии, при этом среди них есть такие группы, которые не вписываются в известные рамки. Многие изображения (в первую очередь это касается древнейшего пласта) выполнены на высоком художественном уровне, т.е. представляют и эстетическую ценность.

Изучение оглахтинских петроглифов началось в XIX в. и осуществлялось силами многих исследователей в XX столетии. Опубликованы отдельные изображения и композиции из всех местонахождений; наиболее полно введены в научный оборот Оглахты I, II и III [Sher, Blednova, Smirnov, 1994]. Однако, несмотря на долгую историю изучения памятников на скального искусства в Оглахты, довольно значительную уже проделанную работу по их документированию, большой массив архивных материалов и внушительный ряд публикаций, исследование этого комплекса далеко от завершения. Информационный потенциал оглахтинских петроглифов огромен, но выявлен еще лишь в очень небольшой степени. Основными задачами дальнейших исследований нам представляются полная разведка всей территории горного массива (очень вероятно не только нахождение новых изображений в известных пунктах, но и обнаружение совершенно новых местонахождений); картографирование; документирование на современном

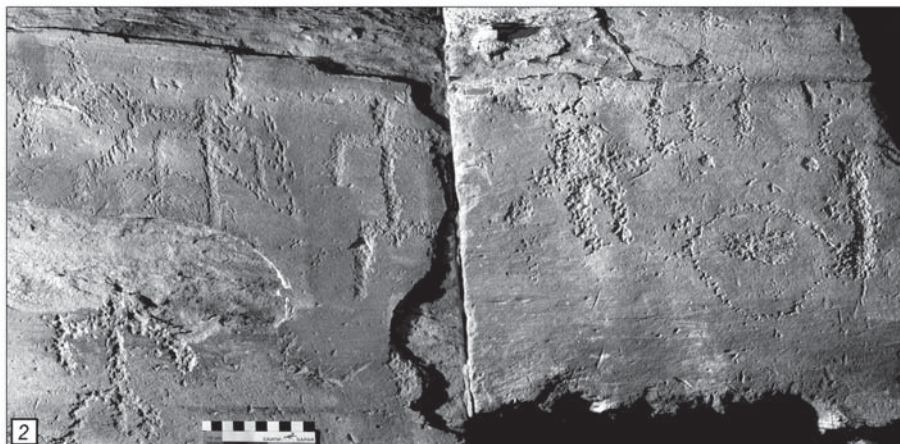
уровне как ранее скопированных плоскостей, так и тех, что еще будут выявлены; систематизация архивных материалов; мониторинг сохранности и фотофиксация петроглифов на затопляемых береговых скалах. Систематическое исследование комплекса Оглахты нами проводилось в 1990-е гг. и возобновлено с 2014 г.

Весной, когда уровень воды в водохранилище бывает довольно низким, мы предприняли обследование береговых скал с целью поиска и локализации сохранившихся изображений на местонахождениях Оглахты I и II. При этом были обнаружены неизвестные ранее петроглифы на участке, который можно отнести к Оглахты II. Но настоящей удачей стало обнаружение нескольких плоскостей на располагающемся выше по течению участке, на котором ранее рисунки никогда и никем не фиксировались. До заполнения водохранилища они находились высоко на скалах и, видимо, с берега их было трудно заметить. Мы обнаружили их при поднявшемся уровне воды, с лодки. Все они относятся к изображениям древнейшего пласта и выполнены в характерном «минусинском» стиле [Шер, 1980, с. 190–193]: это крупные контурные изображения оленей, лосей, диких баранов, бизона (рис. 1, 1) – животных, которые в этом ареале уже не обитают. Летом, при более высоком уровне воды, было обнаружено еще несколько плоскостей на этом же участке, в том числе и такие, которые расположены гораздо выше уровня затопления и довольно хорошо сохранились. Среди них есть изображения, выполненные в другом стиле, но тоже относящиеся к древнейшим петроглифам Минусинской котловины: реалистичные фигуры дикой лошади, лосей, быков, диких баранов (см., напр., рис. 2, 4 в ст. Е.А. Миклашевич и Л.Л. Бове в этом же сборнике). Новое местонахождение условно было обозначено как Оглахты IX [Миклашевич, Бове, Зоткина, 2015].

В 2015 г. к списку местонахождений добавились еще три. Все они зафиксированы во внутренних логах скального массива. Одно из них находится в логу под названием Абрашкин, изгибами протянувшегося почти на 5 км с северо-запада (от северной оконечности горы Сорок Зубьев) на юго-восток (до береговой линии). Северный борт лога представляет собой череду гор, склоны каждой из которых состоят из нескольких ярусов скальных выходов. Упоминание о том, что здесь есть петроглифы, мы нашли в отчете Л.Р. Кызласова, который обнаружил несколько плоскостей в северо-западной части лога и отметил, что в нем «имеется огромное множество

1

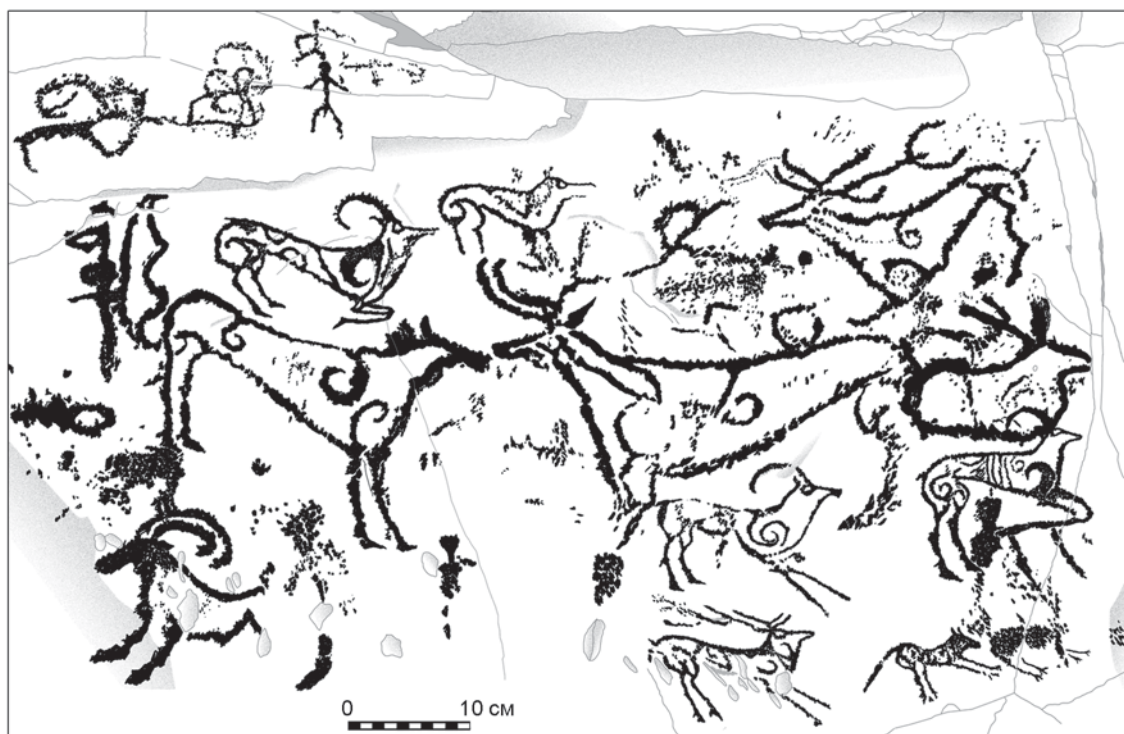
2

Рис. 1. Петроглифы местонахождений Оглахты IX и Оглахты, Моховский лог.

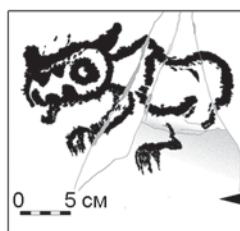
1 – Оглахты IX, прорисовка одной из композиций древнейшего пласта, выявленной на затопленных скалах; 2 – Оглахты, Моховский лог, фотография с изображениями личин (энеолит?), перекрытыми более поздними антропоморфными фигурами.

наскальных рисунков, которые нужно изучать внимательно и стационарно» [Кызласов, 1974, л. 40]. Мы провели обследование этой и прилегающих частей лога, в результате чего выявлено более 20 плоскостей с петроглифами. Среди них есть несколько интересных сцен с изображениями в скифо-сибирском зверином стиле (рис. 2, 1), а также композиции и отдельные фигуры более поздних эпох: лучники, антропоморфные фигуры, верблюды, олени, козлы, лошади, хищники и т.д. Зафиксировано довольно большое количество тамг. Пока удалось обследовать не более трети от общей протяженности лога; разведки и документирование этого местонахождения планируется продолжить.

Другое местонахождение обнаружено в Моховском логу (расположен к северу от Абрашкина, тянется на 1,5 км в широтном направлении). Выходы песчаника также находятся на северном скалистом борту лога. Наибольший интерес среди обнаруженных здесь изображений представляют личины. Три из них расположены на одном фризе, выполнены в технике выбивки, все неоконтуренные, но различаются в деталях оформления глаз: у одной они обведены окружностями, у другой – фигурами каплевидных очертаний, у третьей – несомкнутыми окружностями. Личины таких типов относятся к раннему этапу окуневской культуры, хотя не исключается и более ранний их возраст [Заика, 2014]. К сожалению, сохрани-

1

2

3

4

Рис. 2. Петроглифы местонахождений Оглахты, Абрашкин лог и Оглахты, Большой лог.

1 – Оглахты, Абрашкин лог, прорисовка одной из композиций тагарской культуры; 2–4 – Оглахты, Большой лог, фотографии и прорисовка фрагментов разновременных композиций.

лись они фрагментарно и к тому же перекрыты более поздними антропоморфными изображениями (рис. 1, 2). Еще одна личина найдена на другом ярусе. Она выполнена краской красноватого оттенка, сохранилась тоже фрагментарно (из-за отслоения скальной корки) и частично

скрыта кальцитовыми натечками. Иконография ее иная, она определенно вписывается в ряд простых личин окуневской культуры: удается рассмотреть контур головы, две точки глаз, основания рогов (?) и горизонтальную линию, разделяющую верхнюю и нижнюю части «лица».

Возможно, это была не просто личина, а более сложная антропоморфная фигура, так как ниже сохранились фрагменты скальной корки, на которых тоже прослеживаются неясные линии краски. Другие найденные в Моховском логу петроглифы относятся к более поздним периодам, хотя датировка их не совсем ясна. Это схематические изображения людей, верблюдов, других животных.

Еще одно местонахождение обнаружено в логу под названием Большой (рис. 2, 2–4). Он располагается севернее Моховского и тянется на несколько километров с северо-запада на юго-восток. Северо-восточный борт лога имеет сложную структуру и состоит из цепочки отдельных возвышенностей, на каждой из которых несколькими ярусами расположены скальные выходы. Выборочное обследование нескольких таких возвышенностей показало, что отдельные петроглифы встречаются на всем протяжении Большого лога. На одном из участков выявлена большая компактно расположенная группа плоскостей. Изображения занимают несколько десятков граней, переходя с одной на другую. Они выполнены в технике выбивки, иногда с последующей шлифовкой или в сочетании с глубокой резьбой; есть также гравировки и шлифовки. Изображены всадники, человеческие фигуры с луками, с растопыренными пальцами, перевернутые вниз головой и т.д.; зооморфные фигуры тоже встречаются, но существенно реже, чем антропоморфные. Есть непонятные изображения, состоящие из переплетающихся извилистых линий, более всего похожие на «тесинские лабиринты» [Савинов, 1995]. Особенностью местонахождения является необычно большое количество изображений колец, концентрических кругов, спиралей, кругов с точкой, чертой или перекрестием внутри, сдвоенных кругов и других подобных знаков. Разнообразны и многочисленны также изображения тамг и тамговидных знаков. Предположительно основная часть петроглифов этого участка относится ко времени тесинской культуры; некоторые могут быть отнесены к эпохе средневековья и Новому времени. Одно изображение – зубастый хищник (см. рис. 2, 2) – отличается от всех других по стилю и технике и принадлежит, видимо, тагарской культуре. Полное обследование Большого лога, как и документирование обнаруженных петроглифов, будет продолжено.

Список литературы

Заика А.Л. Личины с каплевидным оформлением глаз в древнем искусстве Северной Азии (вопросы генезиса, хронологии, семантики) // Архаическое и традиционное искусство Сибири: Проблемы научной и художественной интерпретации. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. – С. 34–37.

Кызласов Л.Р. Отчет о работе Хакасской археологической экспедиции МГУ в 1973 г. – М., 1974. (Рукопись). – Архив ИА РАН, Р-1, № 5096.

Миклашевич Е.А., Бове Л.Л., Зоткина Л.В., Солодейников А.К., Тыхтерев А.С. Исследование петроглифов древнейшего пласта на береговых скалах Оглахты в 2014 г. // Вестн. КемГУ. – 2015. – Т. 3, № 1(61). – С. 55–65.

Савинов Д.Г. Тесинские «лабиринты» (по материалам могильника Есино III) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово: КемГУ, 1995. – С. 22–32.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенеисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: КемГУ, 1999. – С. 47–74.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Sher J. A., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D. Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. – Fascicule No. 1: Sibirie du Sud 1. – Paris: Diffusion de Boccard, 1994. –156 p.

References

Kyzlasov L.R. Otchet o rabote Khakasskoy arheologicheskoy ekspeditsii MGU v 1973 g. M., 1974. (Manuscript). Archive IA RAS, R-1, No. 5096. (In Russ.).

Miklashevich E.A., Bove L.L., Zotkina L.B., Solodnikov A.K., Tekhterev A.S. Issledovanie petroglifov drevneyshego plasta na beregovykh skalakh Oglakhty v 2014 g. // Vestn. KemGU. 2015. Vol. 3, No. 1(61). Pp. 55–65. (In Russ.).

Savinov D.G. Tesinskie «labirinty» (po materialam mogil'nika Esino III) // Drevnee iskusstvo Azii. Petroglify. Kemerovo: KemGU, 1995. Pp. 22–32. (In Russ.).

Sher Ya. A. Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii. M.: Nauka, 1980. 328 pp. (In Russ.).

Sher J.A., Blednova N., Legchilo N., Smirnov D. Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 1: Sibirie du Sud 1. Paris: Diffusion de Boccard, 1994. –156 pp. (In French).

Sovetova O.S., Miklashevich E.A. Khronologicheskie i stilisticheskie osobennosti sredneeneiseyskikh petroglifov // Arkheologiya, etnografiya i muzeynoe delo. Kemerovo: KemGU, 1999. Pp. 47–74. (In Russ.).

Zaika A.L. Lichiny s kaplevidnym оформлением глаз в древнем искусстве Северной Азии (вопросы генезиса, хронологии, семантики) // Архаическое и традиционное искусство Сибири: Проблемы научной и художественной интерпретации. Новосибирск, 2014. Pp. 34–37. (In Russ.).

Е.А. Миклашевич¹, Л.Л. Бове²¹Институт археологии и этнографии СО РАН²Кемеровский государственный университет

E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ В 2014–2015 ГОДАХ*

В статье обозначены проблемы изучения петроглифов, относящихся к самому раннему пласту наскального искусства Минусинской котловины, и представлены некоторые результаты полевых исследований, проведенных авторами на памятниках Оглахты, Усть-Туба и Майдашинская писаница. Культурно-хронологическая атрибуция древнейших петроглифов региона до сих пор не ясна (они несомненно древнее эпохи бронзы, но насколько древнее – неизвестно) и представляет собой одну из актуальных проблем южно-сибирской археологии. Авторы считают, что к решению проблемы можно приблизиться путем пополнения источниковой базы новыми данными. Их можно получить в результате проведения целенаправленных полевых и камеральных исследований, таких как выявление новых памятников и новых плоскостей на уже известных; уточнение опубликованных копий (детали, композиционные связи, последовательность перекрытия и т.д.); систематизация и классификация материала, сравнительный стилистический анализ; исследование техники нанесения изображений, включая трасологический анализ и определение инструментов, которыми наносились петроглифы; палеозоологический анализ зооморфных образов (изображенные животные относятся к вымершим или сменившим ареал видам); выявление антропоморфных образов, связанных с каждой группой изображений животных, и др. В результате проведенных в 2014–2015 гг. исследований по обозначенным направлениям серия наскальных изображений древнейшего пласта Минусинской котловины пополнилась новыми интересными композициями и образами, выявлены неизвестные ранее персонажи, стилистические, композиционные и технологические приемы.

Ключевые слова: наскальное искусство, Минусинская котловина, «минусинский стиль», Оглахты, Усть-Туба, Майдашинская писаница.

E.A. Miklashevich¹, L.L. Bove²¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS²Kemerovo State University

E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

INVESTIGATION OF THE EARLIEST ROCK ART IMAGERY IN THE MINUSINSK BASIN IN 2014–2015

An article denotes the problems in the study of petroglyphs, related to the earliest layer of the rock art in Minusinsk Basin, and presents some results of field research, provided by the authors at the sites of Oglakhty, Ust-Tuba, Madashinskaya carving. The cultural and chronological attribution of the most ancient regional petroglyphs is not clear yet (they are confidently older than Bronze Age, but we do not know just how old) and represents one of the actual problems of South Siberian archaeology. The authors suppose that the solution of this problem can be approached by the addition of new data that can be received in the course of purposeful field and labor research, such as search for new sites and new flats at the known sites; improvement of published replications (details, compositional association, sequence of overlapping, etc.). We mean material systematization and classification; comparative stylistic analysis; study of petroglyphic techniques, including the use-wear analysis and determination of tools for carvings; paleozoological analysis of zoomorphic images (the imaged animals are extinct or species with changed habitats); educing of the anthropomorphic images associated with every group of animal imagery; etc. In consequence of studes conducted in the denoted directions in 2014–2015, the series of rock imagery related to the earliest layer of the rock art in Minusinsk Basin was supplemented by new interesting compositions and images. We educed the previously unknown personages, stylistic, compositional and technological approaches.

Keywords: rock art, Minusinsk basin, "Minusinsk style", Oglakhty, Ust'-Tuba, Maidashinskaya carving.

*Работа выполнена по гранту РГНФ № 13-21-08002.

В наскальном искусстве Минусинской котловины достаточно достоверно выделены все культурно-хронологические группы, начиная с эпохи ранней бронзы, так как для этого есть надежные основания в виде изобразительных источников (мелкая пластика, изображения на плитах) из закрытых датированных комплексов. Предшествующий пласт наскального искусства выделяется тоже уверенно – но только по стилистическим отличиям от более поздних изображений. Хронология его не ясна и представляет собой одну из актуальнейших проблем южно-сибирской археологии. Исследователи сходятся во мнении, что это самые ранние наскальные изображения в регионе, но гипотезы об их возрасте различны: от эпохи камня, предположительно неолита, «не исключая и их верхнепалеолитического возраста» [Шер, 1980, с. 190–193; Пяткин, Мартынов, 1985, с. 118–121; Советова, Миклашевич, 1999, с. 53–55], до энеолитической афанасьевской культуры [Русакова, 2005; Есин, 2010] и поисков аналогий им в искусстве эпохи бронзы [Ковтун, 2001]. Надо признать, что на данном этапе можно говорить лишь о том, что эти изображения точно древнее окуневской культуры. Ни у сторонников отнесения их к каменному веку, ни у тех, кто предполагает их принадлежность к афанасьевской культуре, убедительных аргументов пока нет.

Пласт древнейших петроглифов неоднороден: в нем есть явно более древние изображения т.н. минусинского стиля [Подольский, 1973; Шер, 1980, с. 190–193] (именно по их поводу высказаны вышеприведенные мнения о датировке); возможно, более поздние (стилистически тяготеющие к окуневским) изображения т.н. ангарского стиля [Там же], а также очень представительная группа, обладающая признаками и первой, и второй. Пока неясно, как она соотносится с минусинским стилем: сменяет ли его хронологически или это разные художественные манеры одного периода. Неясно и то, есть ли временной разрыв между «минусинскими» и «ангарскими» изображениями и, если есть, насколько он значителен. Для решения этих вопросов исследование всех групп изображений следует проводить только в совокупности, объединив их под условным названием «древнейшие петроглифы Минусинской котловины». Подчеркнем, что все три группы рисунков встречаются на одних и тех же памятниках и часто на одних и тех же плоскостях. Изображения всех групп объединяют их высокие эстетические качества, реализм образов, прекрасное знание изображаемых животных и умение передать их наиболее характерные видовые признаки. Практически общим является и репертуар образов, хотя можно отметить преобладание оленя среди «минусинских» изображений,

быка и лошади – среди «переходных», лося – среди «ангарских».

Дискуссия о возрасте древнейших изображений основывается на весьма представительной базе опубликованных источников, однако, поскольку она фактически зашла в тупик, необходимо привлечение новых данных. Их можно получить в результате проведения целенаправленных полевых и камеральных исследований, таких как выявление новых памятников и новых плоскостей на уже известных; уточнение ранее опубликованных копий; систематизация и классификация материала, сравнительный стилистический анализ; исследование техники нанесения изображений (включая трасологический анализ и определение материала инструментов, которыми наносились петроглифы); палеозоологический анализ зооморфных образов (изображенные животные относятся к вымершим или сменившим ареал видам); выявление антропоморфных образов, связанных с каждой группой изображений животных, и др.

Особенность изучения изображений древнейшего пласта Минусинской котловины состоит в том, что большинство их связано с береговыми скалами Тубы и Енисея (Красноярского водохранилища) и очень значительная часть либо совсем утрачена, либо находится под водой, иногда появляясь при понижении уровня водохранилища. Другая, не менее значительная, часть находится на высоко расположенных неприступных плоскостях (во время создания этих изображений к ним были доступные подходы по нижележащим ярусам скального массива, но за тысячелетия произошли сильные изменения геологического характера и нижние ярусы отслоились и разрушились). Поэтому пополнение источниковой базы идет по двум направлениям: 1) сбор и систематизация материалов музейных коллекций и фотоархивов с целью реконструкции утраченных изображений; 2) полевые изыскания (в том числе поиск петроглифов с воды с использованием бинокля) и документирование с применением специальной фототехники (полноматричная камера и длиннофокусный объектив, позволяющие получать изображения высокого разрешения для дальнейшей камеральной обработки).

В 2014–2015 гг. исследование древнейших изображений проводилось нами на памятниках Оглахты (Республика Хакасия), Усть-Туба и Майдашинская писаница (юг Красноярского края).

В горном массиве Оглахты изображения древнейшего пласта документированы в нескольких пунктах. На юго-западных склонах на местонахождениях Оглахты IV и VI скопированы с помощью современных технологий ранее выявленные изображения (рис. 1, 1–3). На восточном склоне

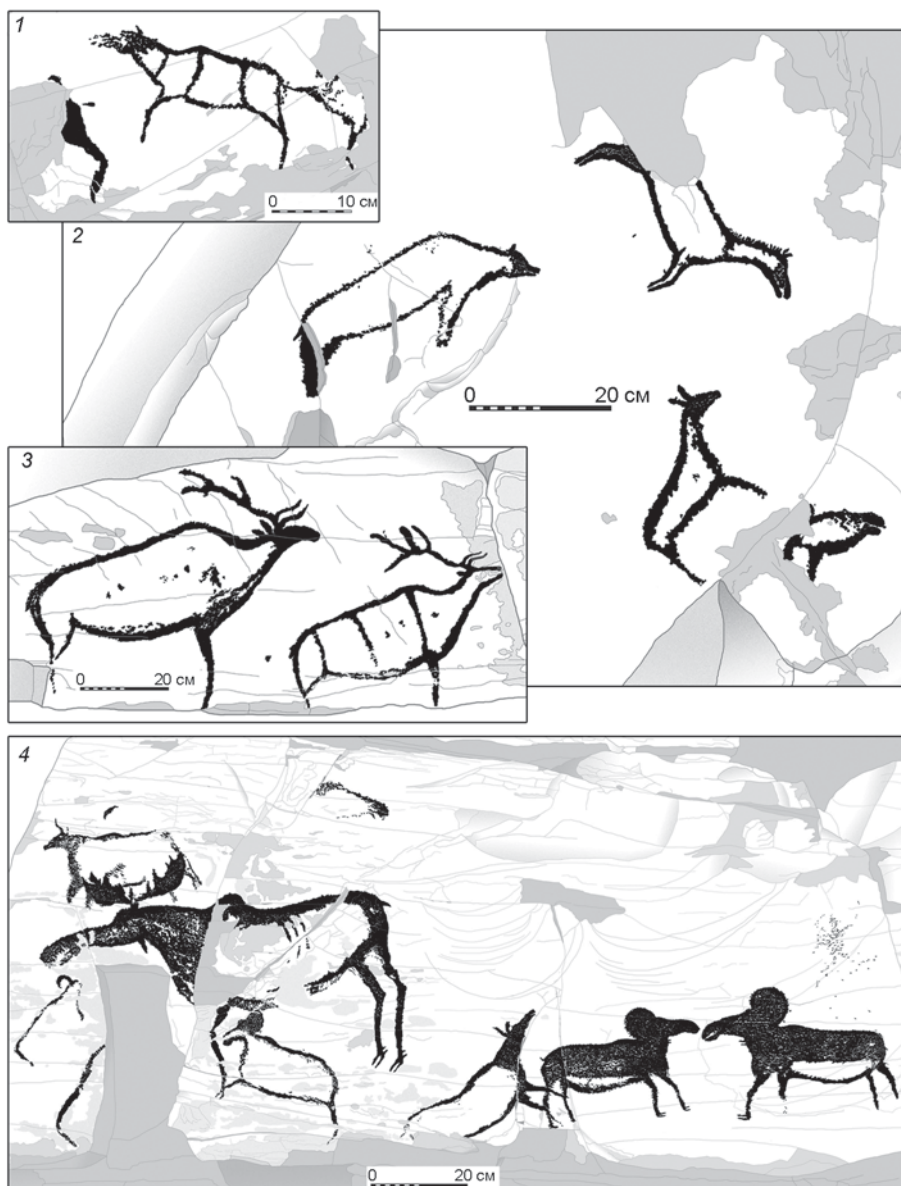

Рис. 1. Петроглифы древнейшего пласта на скалах Оглахты.
1, 2 – Оглахты VI; 3 – Оглахты IV, фрагмент; 4 – Оглахты IX. Прорисовки.

(вдоль береговой линии) документированы находящиеся выше уровня затопления плоскости местонахождений Оглахты I и VII; обнаружено несколько новых плоскостей на известном местонахождении Оглахты II; открыто новое местонахождение Оглахты IX, давшее целую серию прекрасных образцов наскального искусства древнейшего пласта [Миклашевич, Бове, Зоткина, 2015]. Среди них изображения оленей, дикого быка (бизона?), горных баранов (?) и лосей, выполненные в «каноническом» минусинском стиле; они были обнаружены на затопляемых скалах при понижении уровня воды. На более высоких ярусах склона, выше уровня затопления, найдены отдельные фигуры дикой лошади и лося, а также композиция с изображениями лосей, быка и про-

тивостоящих горных баранов (?), выполненные с удивительным мастерством (рис. 1, 4). Эти петроглифы имеют признаки и минусинского, и ангарского, отличаясь в то же время от классических образцов того и другого и демонстрируя устойчивый набор собственных стилистических и иконографических признаков. Наиболее близкие соответствия им можно найти на скалах Шалаболинской писаницы. Столь реалистичные изображения баранов и «геральдическая позиция» ранее среди древнейших петроглифов не встречались.

Новые материалы были получены и при исследовании известных местонахождений Усть-Туба I и III [Blednova, Francfort, Begtehilov et al., 1995] на скалах горы Тепсей на правом берегу р. Тубы в месте ее впадения в Енисей. Петроглифы Усть-

Тубы III большей частью затоплены, и многие из них утрачены. Однако несколько великолепных композиций и одиночных изображений, находившихся на высоко расположенных неприступных скалах, остались выше уровня затопления. Теперь их стало возможно документировать с помощью длиннофокусного объектива с воды, находясь в лодке. На одной из обнаруженных композиций (рис. 2, 1) выбиты фигуры лосей, косуль, горных баранов, быка, дикой лошади, демонстрирующие отличающуюся от ранее известных художественную манеру. Среди них просматриваются эскизы и полные фигуры, выполненные в технике шлифовки и гравировки, в частности пара горных козлов, стоящих «хвост к хвосту». Эта тех-

ника среди древнейших изображений нам ранее не встречалась (за несколькими исключениями на Шалаболинской писанице).

Майдашинская писаница находится на правом берегу Енисея под Минусинском. Некогда это был большой памятник, в том числе и с петроглифами древнейшего пласта, но он почти полностью утрачен в результате выломки камня. Сохранилось лишь несколько плоскостей (их нам показал Н.В. Леонтьев, за что выражаем ему искреннюю благодарность). На них выявлены фигуры козлерогов (или подобных животных), выполненные в классическом минусинском стиле (этот образ ранее не был отмечен среди изображений данного стиля), а также изображения быков, оленей и других животных. Есть также

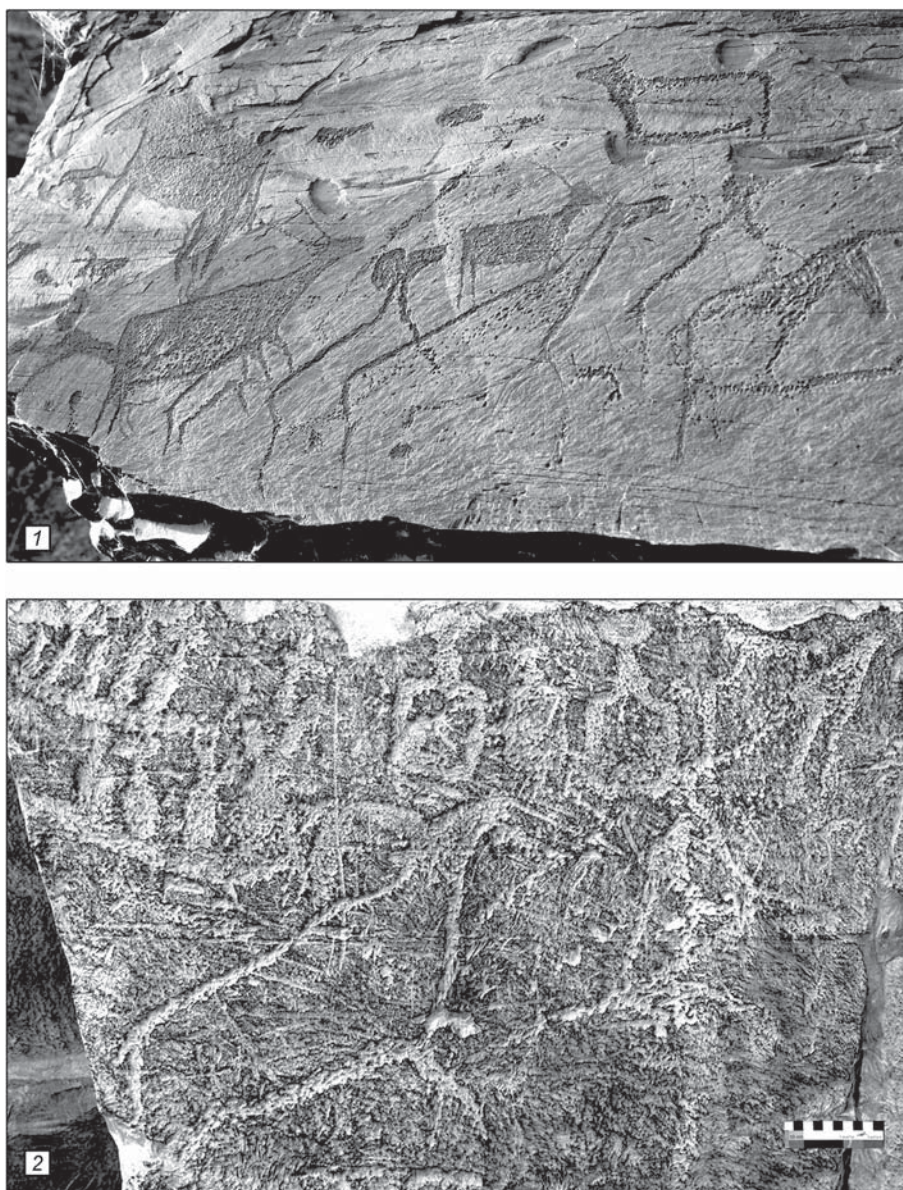

Рис. 2. Петроглифы древнейшего пласта на скалах Усть-Тубы (1) и Майдашинской писаницы (2).
Фотография фрагмента многофигурной композиции и микалентная копия.

более десятка лодок. Люди на некоторых из них изображены схематично, в виде черточек, на других же показаны необычным образом: в виде «кеглообразных» фигур с большими круглыми головами. Похожие антропоморфные фигуры с прямоугольными контурными «туловищами» изображены в ряд, но без лодки (рис. 2, 2). Подобные персонажи зафиксированы нами впервые. Они пересекаются с линиями фигуры животного в минусинском стиле. И хотя достоверно последовательность перекрытия установить не удалось из-за сильной выветренности камня, но, скорее всего, антропоморфные фигуры выполнены раньше изображения животного.

Таким образом, серия наскальных изображений древнейшего пласта Минусинской котловины пополнена новыми интересными композициями и образами, выявлены неизвестные ранее персонажи, художественные, композиционные и технологические приемы, что расширило наши представления о раннем этапе развития наскального искусства в данном регионе.

Список литературы

Есин Ю.Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 53–73.

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. – 184 с.

Миклашевич Е.А., Бове Л.Л., Зоткина Л.В., Солодейников А.К., Тихтерев А.С. Исследование петроглифов древнейшего пласта на береговых скалах Оглахты в 2014 г. // Вестн. КемГУ. – 2015. – Т. 3, № 1(61). – С. 55–65.

Подольский Н.Л. О принципах датировки наскальных изображений // СА. – 1973. – № 3. – С. 265–275.

Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. – Красноярск: КГПУ, 1985. – 192 с.

Русакова И.Д. К вопросу о хронологии древнейших петроглифов Минусинской котловины // Мир наскального искусства. – М.: ИА РАН, 2005. – С. 214–218.

Советова О.С., Миклашевич Е.А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: КемГУ, 1999. – С. 47–74.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Tepsei I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. – Fascicule No. 2. Sibérie du Sud 2. – Paris: Diffusion de Boccard, 1995. – 246 p.

Sher J.A., Blednova N., Legtchilo N., Smirnov D. Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. – Fascicule No. 1: Sibérie du Sud 1. – Paris: Diffusion de Boccard, 1994. – 156 p.

References

Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Tepsei I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 2. Sibérie du Sud 2. Paris: Diffusion de Boccard, 1995. 246 pp. (In French).

Esin Yu.N. Problemy vydeleniya izobrazheniy afanas'yevskoy kul'tury v naskal'nom iskusstve Minusinskoy kotloviny // Afanas'yevskiy sbornik. Barnaul: Azbuka, 2010. Pp. 53–73. (In Russ.).

Kovtun I.V. Izobrazitel'nye traditsii epokhi bronzy Tsentral'noy i Severo-Zapadnoy Azii. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2001. 184 pp. (In Russ.).

Miklashevich E.A., Bove L.L., Zotkina L.B., Solodeynikov A.K., Tikhterev A.S. Issledovanie petroglifov drevneyshego plasta na beregovykh skalakh Oglakhty v 2014 g. // Vestn. KemGU. 2015. Vol. 3, No. 1(61). Pp. 55–65. (In Russ.).

Podol'sky N.L. O printsipakh datirovki naskal'nykh izobrazheniy // SA. 1973. No. 3. Pp. 265–275. (In Russ.).

Pyatkin B.N., Martynov A.I. Shalabolinskie petroglify. Krasnoyarsk: KGPU, 1985. 192 pp. (In Russ.).

Rusakova I.D. K voprosu o khronologii drevneyshikh petroglifov Minusinskoy kotloviny // Mir naskal'nogo iskusstva. M.: IA RAN, 2005. Pp. 214–218. (In Russ.).

Sher Ya.A. Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii. M.: Nauka, 1980. 328 pp. (In Russ.).

Sher J., Blednova N., Legtchilo N., Smirnov D. Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule No. 1: Sibérie du Sud 1. Paris: Diffusion de Boccard, 1994. 156 pp. (In French).

Sovetova O.S., Miklashevich E.A. Khronologicheskie i stilisticheskie osobennosti sredneeniyskikh petroglifov // Arkheologiya, etnografiya i muzeynoe delo. Kemerovo: KemGU, 1999. Pp. 47–74. (In Russ.).

О.А. Митько¹, В.С. Панов², М.В. Селецкий¹, Е.В. Уханов¹

¹Новосибирский государственный университет

²Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: omitis@gf.nsu.ru

ЭЛЕМЕНТНЫЙ АНАЛИЗ ОСТАТКОВ СЕРЕБРЯНОГО ПОКРЫТИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЕНИСЕЙСКИХ КЫРГЫЗОВ*

В предмонгольское и монгольское время (XII–XIV вв. н.э.) одним из показательных этнокультурных маркеров енисейских кыргызов являлись художественные изделия из черного металла. Поясные накладки, конскую узду и детали седла украшали растительным и геометрическим орнаментом и декорировали покрытием из драгоценного металла, от которого после пребывания на погребальном костре оставались лишь мелкие фрагменты.

Для анализа металла покрытия было просмотрено ок. 300 предметов и отобрано 7 образцов из различных памятников енисейских кыргызов. По своему функциональному назначению они относятся к украшениям пояса и конской узды. Элементный анализ был проведен с помощью электронного микроскопа Hitachi TM 3000 (Япония) и однозначно идентифицировал металл на всех образцах как серебряный сплав с содержанием металла не менее 98,8 %. Столь высокое содержание серебра, характерное для высокохудожественных ювелирных изделий, позволило предположить, что основным методом покрытия железных изделий было амальгамирование. Погребальный костер, в который попадали предметы сопроводительного инвентаря, играл роль «окислительной плавки», в процессе которой происходило улетучивание и выгорание примесей, а серебро концентрировалось на поверхности железных изделий в виде мелких каплевидных фрагментов.

Ключевые слова: Южная Сибирь, енисейские кыргызы, средневековье, курганы, украшения пояса, конская узда, орнаментация, серебро.

O.A. Mitko¹, V.S. Panov², M.V. Seletskiy¹, E.V. Ukhanov¹

¹Novosibirsk State University

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: omitis@gf.nsu.ru

ELEMENTAL ANALYSIS OF SILVER PLATING REMAINS ON THE IRON ITEMS FROM THE ARCHAEOLOGICAL SITES OF YENISEI KYRGYZ

The ferrous metal artworks were one of the representative ethnocultural markers of the Yenisei Kyrgyz during the pre-Mongol and Mongol periods (12–13 centuries AD). The belt plaques, horse bridle and saddle parts were ornamented by floral and geometric ornaments, and decorated with a precious metal plating, which left behind only small fragments after the dwell in the funeral pile. We perused about 300 items and selected 7 samples from the various Yenisei Kyrgyz sites for analysis of metal plating. They belong to the belt ornaments and horse bridle According to their function. Elemental analysis was carried out by electron microscope Hitachi TM 3000 (Japan) and unambiguously identified metal in all samples like the silver alloy with metal content of not less than 98,8 %. Such a high silver content, typical of highly artistic items and jewelry. It is suggest that the main method of plating of iron items was amalgamation. Funeral pile, where the items of accompanying equipment had felt within, played the role of “oxidative melting”, when admixtures had escaped and burned up and silver had concentrated on the surface of the iron items in the form of small drop-shaped fragments.

Keywords: Southern Siberia, Yenisei Kyrgyz, Middle Ages, barrows, belt ornaments, horse bridle, ornamentation, silver.

*Исследование проведено в рамках проектной части государственного задания в сфере научной деятельности (задание № 33.702.2014/К).

В период развитого средневековья на территории Южной Сибири различные категории изделий из металла декорировались с помощью разнообразных технологий и технических приемов, среди которых литье, кузнечная ковка, штамповка, гравировка, инкрустация, золочение. Своеобразной «визитной карточкой» населения степной части Среднего Енисея служили предметы, изготовленные из черного металла и украшенные оригинальным растительным и геометрическим орнаментом. Л.А. Евтюхова отмечала, что кыргызские мастера по металлу владели разнообразными приемами работы «как над простым железом, так и над драгоценными металлами» [1948, с. 101]. Особое внимание уделялось поясной гарнитуре всадника и снаряжению коня. Благодаря кремации умерших большинство изделий из состава погребального инвентаря в процессе археологизации менее подвержено коррозии и хорошо сохраняет как свою форму, так и отдельные элементы орнамента. Однако представить их изначальный внешний вид можно лишь на основе гипотетических художественных реконструкций, поскольку в силу особенностей все того же погребального обряда теряется такой важный элемент декорирования, как инкрустация и покрытие железных предметов драгоценными металлами [Митько, 2010].

Характерной особенностью железных предметов из кыргызских погребений является наличие микрочастиц светлого металла, прикипевших к поверхности. Одним из первых исследователей, связавших их наличие с технологическими приемами кыргызских кузнецов и ювелиров, была Л.А. Евтюхова. Она отметила, что для создания инкрустированного рисунка на железном изделии сначала на его поверхность наносился узор, а затем в бороздки закладывалась узкая серебряная полоска. После этого поверхность заковывалась молотком, в результате чего края серебряной полоски зажимались железом [Евтюхова, 1948, с. 98].

Изучение предметных коллекций культуры енисейских кыргызов позволяет предположить, что данный технологический метод был не единственным. Различные способы серебрения железных изделий в этнографическое время зафиксированы у тюрко- и монголоязычных народов Сибири и Средней Азии. Для техники серебрения в Забайкалье характерны насечение поверхности пластины сеткой, обработка поверхности штампом, нанесение листового и ленточного серебра. В Тыве были распространены насечение квадратных углублений, насечение поверхности пластины сеткой, обработка поверхности штампом и покрытие листовым серебром. Близкие технические приемы использовали хакасские мастера, а казахские на-

ряду с этим умели закреплять серебряную проволоку на узоре, нанесенном на железный предмет [Павлинская, 1984].

Насколько нам известно, однозначное определение частиц светлого металла в качестве остатков серебра никем из исследователей не ставилось под сомнение, хотя отдельные публикации, посвященные качественному анализу микрочастиц серебра на типологически и функционально различных кыргызских железных изделиях, отсутствуют.

Для определения технологических приемов серебрения в изготовлении основных категорий конского снаряжения и поясных украшений из железа в качестве первого этапа исследования нами был проведен элементный анализ частиц серебра. Для этого были просмотрены более 300 артефактов из кыргызских могильников Эйдиктыр-кыр, Шигрей-1, Мутная-1, Коя-1, Кайбалы-1, расположенных в степной части Среднего Енисея и Усинской долины в Западных Саянах, а также случайные находки, обнаруженные на берегах р. Енисей. Из них были отобраны 52 изделия с однотипными визуально хорошо идентифицируемыми фрагментами светлого металла, имеющими округло-выпуклую форму. Для всех них характерно дисперсное расположение на поверхности, при этом максимальное количество может составлять от 5 до 10 на 1 см². Диаметр, как правило, менее 1 мм, лишь отдельные экземпляры имеют диаметр до 1 мм или чуть более. По функциональному назначению железные изделия представляют собой поясные фигурные бляхи, обоймы, накладки на луку седла, скобы для подвешивания седельных тороков и для подвесных ремней.

Элементный анализ образцов проводился в отделе геохронологии кайнозоя Института археологии и этнографии СО РАН с применением электронного микроскопа Hitachi TM 3000 (Япония) с энергодисперсионной приставкой Bruker Quantax 70 (Германия) методом элементного анализа на основе энергодисперсионной спектроскопии (ЭДС, EDX). Было проведено по одному измерению фрагментов металла на 7 предметах (образцы № 10, 40, 39, 37, 49, 59, 54). Предварительная обработка или полировка не проводились. Во всех случаях фрагменты металла однозначно идентифицировались как серебряные, содержание серебра не менее 98,8 %.

Таким образом, результаты элементного анализа подтверждают использование серебра для декорирования железных изделий из археологических памятников енисейских кыргызов. Результаты во многом ожидаемые, в отличие от более неожиданного высокого содержания серебра, соответствующего современной метрической 960-й пробе.

По качеству и механическим свойствам серебра на кыргызских изделиях не отличается от чистого серебра, используемого в настоящее время в ювелирном деле для изготовления высокохудожественных изделий.

Полученные данные позволяют выдвинуть следующие гипотезы: для серебрения железных изделий применялось серебро, очищенное и подготовленное по особой, не дошедшей до нас технологии; высокое содержание серебра может быть связано с тем, что во время кремации другие сопутствующие элементы, входящие в сплав, испарялись.

В подтверждение первой гипотезы можно привести результаты анализов серебра из археологических памятников юга Западной Сибири, которые показывают, что в его составе содержание Ag варьировалось в среднем от 80 до 90 %. При этом встречаются изделия с содержанием серебра 95–98 % [Бородовский, Оболенский, Бабич и др., 2005]. Однако для проанализированных кыргызских изделий эти данные вряд ли могут служить подтверждающим аргументом, поскольку все образцы происходят из разных археологических памятников и относятся к разным хронологическим периодам, включающим предмонгольское и монгольское время.

Вторая гипотеза логически не противоречива и в силу этого более предпочтительна. На погребальных кострах происходила своего рода «окислительная плавка», в результате которой на поверхности железных изделий концентрировался сплав с высоким содержанием серебра. При этом нужно иметь в виду, что температура плавления серебра составляет 960 °С, что намного превышает оптимальную температуру открытого костра. Поэтому можно предположить, что для декорирования серебром железных изделий наряду с методом тауширования могло применяться и амальгамирование. В Южной Сибири в период средневековья с помощью амальгамирования чаще всего покрывали золотом изделия из бронзы [Конькова, Король, 1999; Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2008]. Технология серебряного амальгамирования изучена еще недостаточно. Возможно, амальгама состояла не только из соединения ртути с серебром, но включала в себя и дополнительные компоненты, близкие к современной «классической» амальгаме, которые в процессе «окислительной плавки» улетучивались и приводили не к плавлению серебряного покрытия, а к концентрации входящего в его состав серебра в виде мелких каплевидных фрагментов. По сравнению с декорированием железных изделий механическим способом серебряное

амальгамирование, как и золотое, предполагает более сложную технологическую цепочку, требующую широкой кооперации, выходящей за рамки домашнего ремесла.

Список литературы

Бородовский А.П., Оболенский А.А., Бабич В.В., Борисенко А.С., Морцев Н.К. Древнее серебро Сибири (краткая история, состав металла, рудные месторождения). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 88 с.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Золотое амальгамирование в оформлении художественного металла сrostкинской культуры // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Азбука. 2008. – С. 168–172.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: Сов. Хакасия, 1948. – 111 с.

Конькова Л.В., Король Г.Г. Кочевой мир: развитие технологии и декора (художественный металл) // Этногр. обозрение. – 1999. – № 2. – С. 56–68.

Митько О.А. «Серебрянный пояс» в культуре усинских кыргызов // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 79–83.

Павлинская Л.Р. Художественный металл как источник для изучения этнокультурных контактов // Этнокультурные контакты народов Сибири. – Л.: Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1984. – С. 99–113.

References

Borodovsky A.P., Obolensky A.A., Babich V.V., Borisenko A.S., Mortsev N.K. Drevnee serebro Sibiri (krat-kaya istoriya, sostav metalla, rudnye mestorozhdeniya). Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2005. 88 pp. (In Russ.).

Evtukhova L.A. Arkheologicheskie pamyatniki yenisayskikh kyrgyzov (khakasov). Abakan: Sov. Hakasiya, 1948. 111 pp. (In Russ.).

Gorbunova T.G., Tishkin A.A., Khavrin S.V. Zolotoe amal'gamirovanie v oformlenii khudozhestvennogo metalla srostkinskoy kul'tury // Drevnie i srednevekovye kochevniki Central'noy Azii. Barnaul: Azbuka. 2008. Pp. 168–172. (In Russ.).

Kon'kova L.V., Korol' G.G. Kochevoy mir: razvitie tehnologii i dekora (khudozhestvennyi metall) // Etnogr. obozrenie. 1999. No. 2. Pp. 56–68. (In Russ.).

Mitko O.A. «Serebryanniy po yas» v kul'ture usinskikh kyrgyzov // Torevtika v drevnikh i srednevekovykh kul'turakh Evrazii. Barnaul: Azbuka, 2010. Pp. 79–83. (In Russ.).

Pavlinkskaya L.R. Khudozhestvennyi metall kak istochnik dlya izucheniya etnokul'turnykh kontaktov // Etnokul'turnye kontakty narodov Sibiri. L.: In-t etnografii im. N.N. Mikluho-Maklaya AN SSSR, 1984. Pp. 99–113. (In Russ.).

В.И. Молодин¹, И.А. Дураков², Л.С. Кобелева¹, М.А. Корусенко²

¹Новосибирский государственный университет

²Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКА РОСТОВКА БЛИЗ ОМСКА*

Публикация содержит информацию о новых исследованиях памятника Ростовка, расположенного на левом берегу р. Оми, в непосредственной близости от г. Омска, а в настоящее время – фактически в его пределах. Для раскопок были избраны небольшие свободные от застройки участки к югу от раскопок В.И. Матющенко. В результате исследования были обнаружены захоронение взрослого человека, изделия из камня и фрагменты керамики, которые, без сомнения, имели непосредственное отношение к изученному В.И. Матющенко комплексу.

Каменный инвентарь состоит из нескольких наконечников стрел, каменных ножей, обломков ножевидных пластин, заготовок изделий. Большинство предметов сделано из одного и того же каменного сырья и, несомненно, составляет единую группу. Абсолютные аналогии данному инвентарю мы находим в захоронениях кротовской культуры памятника Сопка-2/4Б, В.

Керамический комплекс представлен двумя группами посуды. К первой принадлежат фрагменты, имеющие непосредственное отношение к сейминско-турбинскому комплексу. Данная посуда может представлять некий синтез орнаментальных традиций, сочетающий в себе черты кротовской и петровской археологических культур, и, вероятно, связана с проникновением на данную территорию с юго-запада представителей северо-казахстанской группы петровской культуры.

Второй комплекс посуды, также обнаруженной нами в Ростовке, отнесен В.И. Матющенко и Г.В. Синицыной к более позднему периоду и датируется ими VIII–VI вв. до н.э. К сожалению, в настоящее время мы не можем однозначно подтвердить либо опровергнуть подобную хронологическую оценку, а также диагностировать его принадлежность к той или иной культуре. Таким образом, предлагается рассматривать данный керамический комплекс как некое специфическое культурное образование, культурно-хронологическую позицию которого еще предстоит обосновать.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Прииртышье, эпоха бронзы, ранний железный век, каменные орудия, керамика.

V.I. Molodin¹, I.A. Durakov¹, L.S. Kobeleva¹, M.A. Korusenko²

¹Novosibirsk State University

²Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

NEW RESEARCH OF ROSTOVKA SITE NEAR OMSK

The paper contains an information for new investigation Rostovka site, located on the left bank of the Om River in proximity of Omsk and now actually in the city of Omsk. For continuing excavation, we chose the small, vacancy area to the south from excavation area of V.I. Matyuschenko. In the course of study we found the burial of an adult, stone artifacts and ceramic fragments, which undoubtedly had a direct bearing on complex, studied by V.I. Matyuschenko. Lithic assemblage consist of a several arrowheads, stone knife, fragments of knife-shaped blades, tool blanks. Most of them are made of a single lithic raw material and, undoubtedly, compose a single group. We find the absolute analogies in the burials of Krotovo culture at the Sopka 2/4 Б, В. Ceramic complex consists of two groups of ware. The first includes fragments, directly related to the Seiminsko-Turbino complex. This pottery can be a sort of synthesis of ornamental traditions, bundling the features of Krotovo and Petrovo archaeological cultures, and probably associated with process when of representatives of North-Kazakhstan group of Petrovo culture penetrated into the territory from the south-west. We also obtained the second pottery complex, which was dated by V.I. Matyschenko and G.V. Sinitsyna to later period of 8th – 6th centuries BC. Unfortunately, we can not confidently confirm or refute this chronological determination, as well as detect its cultural attribution at the moment. Thus, we propose to consider this ceramic complex as some specific cultural constitution, and it is off to prove its cultural and chronological position.

Keywords: Western Siberia, Irtysh Region, Bronze Age, Early Iron Age, stone tools, ceramics.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

Выдающийся археологический памятник Ростовка, расположенный на левом берегу р. Оми, в непосредственной близости, а в настоящее время фактически в пределах города Омска, был исследован в 60-е гг. прошлого столетия видным сибирским археологом Владимиром Ивановичем Матюшенко. Замечательные материалы памятника сразу привлекли внимание научной общественности. В 1988 г. вышла монография, посвященная материалам Ростовки, написанная В.И. Матюшенко в соавторстве со своей ученицей Г.В. Синицыной (Ложниковой) [1988]. С тех пор прошло более четверти века, однако эта работа не утратила своей научной значимости. Напротив, памятник постоянно привлекает к себе внимание специалистов, занимающихся проблемами эпохи бронзы Сибири.

Известные события, случившиеся с нашей страной в конце прошлого тысячелетия, коснулись практически всех сфер нашей жизни, и нашей науки в том числе. Несовершенство законодательной базы привело к тому, что в России вдруг возник бизнес, связанный с продажей антиквариата, что привело к волне грабительских, несанкционированных раскопок, которые удалось приостановить (благодаря реорганизации законодательства) только в последние годы.

Как правило, грабители шли по следам археологов. Вооруженные георадарами, они вели свои поиски на поселениях и могильниках, выкапывая металлические предметы, частью поистине уникальные. Тем самым за кратчайший срок российской, а значит, и мировой археологии был нанесен колоссальный, невосполнимый ущерб.

Побывали вандалы и в хорошо известной Ростовке, а также, по-видимому, в ее окрестностях. Скорее всего, именно отсюда происходит уникальная коллекция сейминско-турбинских бронз, оказавшаяся у коллекционера в Тобольске и впоследствии, благодаря усилиям А.В. Нескорова, ставшая достоянием научного сообщества [Молодин, Нескоров, 2010].

Все эти события привели к мысли о необходимости специального осмотра места расположения Ростовки и проведения здесь максимально возможных работ с целью доисследования не раскопанных В.И. Матюшенко участков. К этому нас подталкивало еще и то обстоятельство, что именно из Ростовки происходит сейминско-турбинский наконечник копья, приобретенный перекупщиками у одного из жителей прилегающей к раскопкам В.И. Матюшенко усадьбы. Ориентируясь на классификацию Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых [1989], его можно отнести к разрядам КД-8 или КД-10 [Молодин, Нескоров, 2010. с. 59–60] (упомина-

ние об этой находке нашло отражение в сводке С.В. Кузьминых [2011]).

Такие исследования мы проводили дважды, в 2007 и 2010 гг. Полученные результаты были собраны в двух научных отчетах В.И. Молодина [2008, 2010]. Основные данные мы публикуем в данной статье.

Для раскопок были избраны небольшие свободные от застройки участки к югу от раскопок В.И. Матюшенко. Площадь первого раскопа составила 22 м², второй был заложен на территории приусадебного участка, где был обнаружен проданный «черным» археологам наконечник копья, о котором шла речь выше. Кроме того, по сообщениям местных жителей, при ежегодном возделывании огородов здесь находили фрагменты керамики и человеческие кости. Площадь данного раскопа составила 118 м². К сожалению, закладывать здесь еще какие-либо раскопы не представляется возможным.

Следует сразу сказать: проведенные раскопки однозначно показали, что культурный слой дошел до нас в переотложенном состоянии. Здесь почти ежегодно возделывался огород, по этой причине ожидать обнаружения каких-то потревоженных комплексов практически не приходилось. Тем не менее во втором раскопе, рядом с домом, было найдено захоронение человека (рис. 1, 1).

Погребенный – взрослый человек. От скелета сохранились череп, лежащий на правом боку, ключицы и кости рук, вытянутые вдоль туловища. Судя по положению рук, умерший лежал в вытянутом положении на спине, головой на юг. Справа от правой руки находилось скопление фрагментов костей, которые, скорее всего, являются частями ног погребенного. У окончания левой руки располагался керамический сосуд, который можно отнести к эпохе поздней бронзы (рис. 1, 2). Три фрагмента от него обнаружены под нижней челюстью животного (овца?), с левой стороны, в 0,17 м от черепа. Судя по уже опубликованным материалам, погребение это нетипично для могильника Ростовка [Матюшенко, Синицына, 1988]. Исходя из того, что В.И. Матюшенко в процессе раскопок был найден клад предметов, датируемых переходным от бронзы к железу временем, можно предположить, что обнаруженный нами погребальный комплекс маркируется этим же временем.

Кроме того, на обоих раскопах обнаружены изделия из камня и фрагменты керамики, которые, без сомнения, имели непосредственное отношение к изученному В.И. Матюшенко раннему комплексу эпохи бронзы (рис. 2).

Каменный инвентарь представлен несколькими наконечниками стрел, каменными ножами, облом-

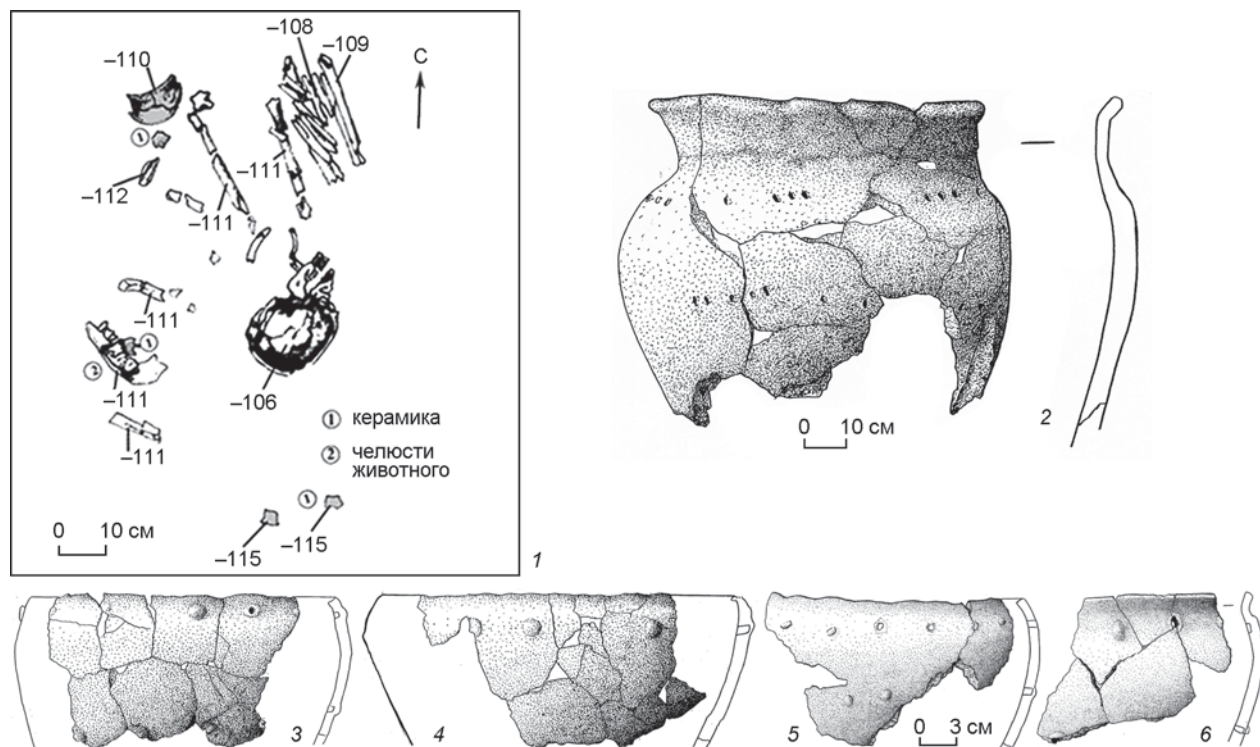

Рис. 1. Материалы эпохи поздней бронзы. Памятник Ростовка.

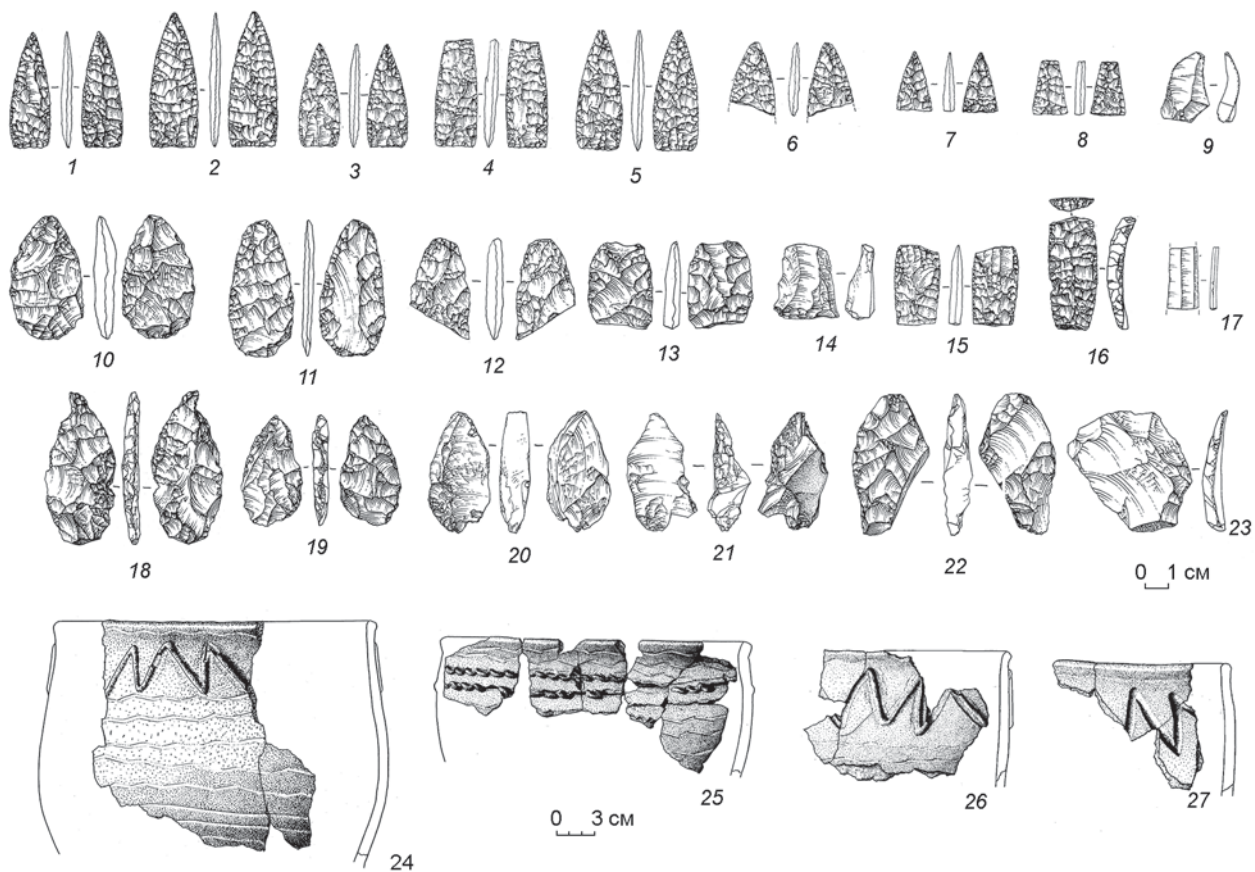

Рис. 2. Материалы эпохи бронзы. Памятник Ростовка.

ками ножевидных пластин, заготовками изделий (см. рис. 2, 1–23). Большинство предметов сделаны из одного вида камня и, несомненно, составляют единую группу.

Каменный инвентарь имеет полные аналогии с комплексом изделий, описанных В.И. Матющенко и Г.В. Сеницыной [1988, рис. 22, 25, 27, 1–4, 57, 58]. Абсолютные аналогии данному инвентарю мы находим в захоронениях кротовской культуры памятника Сопка-2/4 Б,В [Молодин, Гришин, 2016].

Керамический комплекс представлен двумя группами посуды. К первой принадлежат фрагменты, имеющие непосредственное отношение к сейминско-турбинскому комплексу. В нашей коллекции она представлена серией фрагментов горловин и стенок крупных емкостей, украшенных по шейке волнистыми и зигзагообразными налепными валиками и прочерченным волнообразным узором (см. рис. 2, 24–27).

В.И. Матющенко и Г.В. Сеницына отнесли такую посуду к керамике третьей группы в предлагаемой ими классификации [Матющенко, Сеницына, 1988, рис. 84]. От себя добавим, что морфологически близкая посуда встречается и во второй выделенной ими группе.

Уже приходилось отмечать [Молодин, Гришин, в печати], что данная посуда может представлять некий синтез орнаментальных традиций, сочетающий в себе кротовские и петровские черты, что, вероятно, связано с проникновением на данную территорию с юго-запада представителей северо-казахстанской группы [Зданович, 1988] петровской культуры. О вероятности такого проникновения на восток свидетельствуют два захоронения в скорченном положении на боку, обнаруженные в ростовкинском могильнике [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 64]. Захоронение петровской культуры было обнаружено одним из авторов настоящей работы на могильнике Сопка-2 [Молодин, 2010].

Таким образом, перед нами явные проявления культурного слоя раннего (кротовского в основе) погребального комплекса, зафиксированного В.И. Матющенко в Ростове.

Второй комплекс посуды, обнаруженный в Ростове и отнесенный В.И. Матющенко и Г.В. Сеницыной к более позднему периоду [1988, с. 99], также найден и нами (см. рис. 1, 3–6).

Керамика эта представлена фрагментами горловин и стенок так называемых бомбовидных (по терминологии В.И. Матющенко и Г.В. Сеницыной [Там же, с. 102]) емкостей. Это «закрытые» баночные сосуды с вогнутым внутрь венчиком, по-видимому плоскодонные, украшенные по невы-

раженной шейке и тулову рядами крупного «жемчужника» (по классификации В.И. Матющенко и Г.В. Сеницыной это керамика второго комплекса, третьей группы [Там же, с. 104, рис. 32–34]).

Кроме того, к данному комплексу следует отнести и несколько обнаруженных нами фрагментов горшковидной посуды, украшенной по шейке или плечикам «жемчужинами» либо крупными ямочными наколами. Такая посуда также выявлена при раскопках Ростова [Там же, с. 103, рис. 35].

Касааясь хронологической атрибуции данного керамического комплекса вместе с кладом бронзовых предметов, отличающихся во всех отношениях от раннего, с сейминско-турбинскими бронзами, В.И. Матющенко и Г.В. Сеницына склонны датировать и клад, и данный керамический комплекс VIII–VI вв. до н.э. [Там же, с. 125].

К сожалению, в настоящее время, спустя более полувека после масштабных раскопок В.И. Матющенко, проведенных в Ростове, мы не можем как-то однозначно либо подтвердить, либо опровергнуть связь клада с керамическим комплексом, а следовательно, и более надежно, хотя бы хронологически, диагностировать последний.

То же самое можно сказать и о его культурной диагностике. И это несмотря на то, что за истекшие полвека объем раскопок в Прииртышье и прилегающих территориях, давших весьма существенный материал эпохи поздней бронзы, переходного от бронзы к железу времени и раннего железного века, возрос по сравнению с концом 60-х – началом 70-х гг. прошлого века многократно.

Все вышесказанное позволяет нам сегодня видеть в рассматриваемом керамическом комплексе некое специфическое культурное образование, культурно-хронологическую позицию которого еще предстоит обосновать.

Список литературы

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – 184 с.

Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема: Новые материалы. – М.: Языки славянской культуры, 2011. – С. 240–263. – (КСИА; № 225).

Матющенко В.И., Сеницына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1988. – 136 с.

Молодин В.И. Отчет об археологических исследованиях сезона 2007 года в Венгеровском, Чановском районах Новосибирской области и в округе Ростовка г. Омска. – Новосибирск, 2008.

Молодин В.И. Отчет об археологических раскопках в округе Ростовка г. Омска Омской области в 2010 году. – Новосибирск, 2010.

Молодин В.И. Петровская культура в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 234–239.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры (в печати).

Молодин В.И., Нескоров А.В. Коллекция сейминско-турбинских бронз из Прииртышья (трагедия уникального памятника – последствия бугровщикства XXI века) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3 (43). – С. 58–71.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.

References

Chernykh E.N., Kuz'minykh S.V. Drevnyaya metallurgiya Severnoy Evrazii (seyminsko-turbinskiy fenomen). M.: Nauka, 1989. 320 pp. (In Russ.).

Kuz'minykh S.V. Seyminsko-turbinskaya problema: Novye materialy. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2011. Pp. 240–263. (KSIA; No. 225). (In Russ.).

Matyushchenko V.I., Sinitsyna G.V. Mogil'nik u derevni Rostovka vblizi Omska. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. un-ta, 1988. 136 pp. (In Russ.).

Molodin V.I. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyah sezona 2007 goda v Vengerovskom, Chanovskom rayonakh Novosibirskoy oblasti i v okruge Rostovka g. Omska. Novosibirsk, 2008. (In Russ.).

Molodin V.I. Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh v okruge Rostovka g. Omska Omskoj oblasti v 2010 godu. Novosibirsk, 2010. (In Russ.).

Molodin V.I. Petrovskaya kul'tura v Barabinskoy lesostepi // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2010. Vol. XVI. Pp. 234–239. (In Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2016. Vol. 4: Kul'turno-khronologicheskiy analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoy kul'tury (In press). (In Russ.).

Molodin V.I., Neskоров A.V. Kolleksiya seyminsko-turbinskiikh bronz iz Priirtysh'ya (tragediya unikal'nogo pamyatnika – posledstviya bugrovshchichestva XXI veka) // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2010. No. 3 (43). Pp. 58–71. (In Russ.).

Zdanovich G.B. Bronzovyy vek Urало-Kazakhstanskikh stepey (osnovy periodizatsii). Sverdlovsk: Izd-vo Ural. gos. un-ta, 1988. 184 pp. (In Russ.).

В.И. Молодин^{1, 2}, Л.Н. Мыльникова^{1, 2}, И.А. Дураков^{1, 3}, К.А. Борзых^{1, 2},
Д.В. Селин², М.С. Нестерова¹, Ю.Н. Ковыршина¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирский государственный университет

³Новосибирский государственный педагогический университет

E-mail: L.Mylnikova@yandex.ru

ПРОЯВЛЕНИЕ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКОГО ФЕНОМЕНА НА ПОСЕЛЕНИИ КРОВОТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕНГЕРОВО-2 (БАРАБИНСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ)*

Работа демонстрирует результаты изучения в полевой сезон 2015 г. поселения эпохи бронзы кротовской культуры Венгерово-2. Памятник расположен в Венгеровском р-не Новосибирской обл. Исследования велись в южной части поселка. Раскоп площадью 216 м² включал две конструкции: № 7 и 8. Котлованы жилищ имеют трапециевидные формы площадью 51,6 (№ 7) и 47,3 м² (№ 8), углублены в материк на 0,1–0,22 м. Длинными сторонами они ориентированы по линии северо-восток – юго-запад с небольшими отклонениями, перпендикулярно краю террасы. Стенки котлованов наклонные, редко – прямые. Пол ровный. Выход не фиксируется. В стенках жилищ прослежены ямы-ниши (или кладовые), нарушающие целостность стен и выходящие за пределы конструкции. Большая часть площади пола в строениях покрыта фрагментами керамики. В этих скоплениях встречались кости животных, изделия, выполненные из стенок сосудов (диски, «фишки», предметы неизвестного назначения, обломки форм для отливки простейших изделий), а также глиняные шарики и изделия из камня. В котловане жилища № 8 у юго-западной стенки обнаружен целый керамический сосуд кротовской культуры, стоящий в яме вверх дном. Изделие отремонтировано в процессе эксплуатации. Сосуд таких значительных размеров впервые обнаружен на поселении кротовской культуры. На полу жилища № 7 обнаружен in situ обломок каменной литейной формы для отливки кельта. По конструктивным особенностям и орнаментации находка близка к сейминско-турбинскому типу кельтов. Согласно классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, по основным признакам он относится к разряду К-12, хотя с учетом фрагментарности найденной формы она может быть створкой кельта разряда К-18. Находка имеет отношение к специализированному оборудованию и свидетельствует о массовом характере производства сейминско-турбинских кельтов на поселении Венгерово-2.

Ключевые слова: эпоха бронзы, кротовская культура, сейминско-турбинский феномен.

V.I. Molodin^{1, 2}, L.N. Mylnikova^{1, 2}, I.A. Durakov^{1, 3}, K.A. Borzykh^{1, 2},
D.V. Selin², M.S. Nesterova¹, Yu.N. Kovyrshina¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State University

³Novosibirsk State Pedagogical University

E-mail: L.Mylnikova@yandex.ru

DEMONSTRATION OF THE SEIMA-TURBINO PHENOMENON AT THE VENGEROVO 2 SETTLEMENT OF KROTOVO CULTURE (BARABA FOREST-STEPPE)

This article presents the results of 2015 excavation campaign at the VengeroVO 2 the settlement, associated with Krotovo culture of the Bronze Age. The site is situated in the VengeroVO district of Novosibirsk Region. The southern part of the settlement was been studied. The excavation area of 216 m² included two constructions, № 7 and 8. The house pits are trapezoidal in shape and 51,6 and 47,3 m² in square, respectively, and deepened to the natural ground for 0,1–0,22 m. Their long sides are oriented along NE – SW axis, with small deviations, and perpendicular to the edge of the terrace. The walls of the pits are oblique, or, rarely, straight. The floor is flat. The entrance is not fixed. There are niches (or storage), disturbed

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-01-18079е.

the integrity of the walls and outstepped the construction, in the walls of the house pits. Ceramic fragments covered the most part of the floor space in the constructions. These concentrations contained the animal bones, products made from the vessel walls (disks, "chips", objects of unknown purpose, fragments of molds for casting simple products), as well as the pottery beads and stone artifacts. The house pit №8 near southwestern wall contained the ceramic vessel of the Krotovo culture, standing in the pit upside down. The vessel was being refitted during the utilization. The vessel of such large size was being obtained in the settlement of Krotovo culture firstly. We found the fragment of stone mold for casting the celts in situ on the floor of the dwelling №7. Constructive features and ornamentation of this find close to Seima-Turbino type of celts.

According to the classification of E.N. Chernykh and S.V. Kuzminykh, by the main features it belongs to the category of K-12, but, in view of fragmentary of the found form, it can be a celt section of category K-18. This find relates to the specialized equipment and indicates the mass production of the Seima-Turbino celts at the Vengerovo 2 settlement

Keywords: Bronze Age, Krotovo culture, Seima-Turbino phenomenon.

Многолетние работы на памятнике Венгерово-2 (Венгеровский р-н Новосибирской обл.) показали, что научная информация, полученная в ходе раскопок, содержит принципиально новые данные, что предопределяет стратегию будущих исследований.

Работы полевого сезона 2015 г. проводились в южной части поселка. Раскоп площадью 216 м² позволил изучить две конструкции: № 7 и 8 (рис. 1, 1).

Котлованы жилищ имеют трапециевидные формы площадью 51,6 (№ 7) и 47,3 м² (№ 8), углублены

в материк на 0,10–0,22 м. Длинными сторонами они ориентированы по линии северо-восток – юго-запад, перпендикулярно краю террасы. Стенки котлованов наклонные, редко – прямые. Столбовые ямы диаметром 0,15–0,45 м и глубиной 0,08–0,42 м располагались внутри конструкций. Достаточно четко в обоих сооружениях они прослежены вдоль западной и восточной стенок. В котловане № 8 отмечаются их скопления в северо-западной и южной частях помещения. Второй ряд столбовых ям сосредоточен в центре построек. Пол ровный. Выход не фиксируется. В стенках жилищ прослежены ямы-ниши (или кладовые).

Большая часть площади пола в строениях № 7 и 8 была покрыта фрагментами керамики. В этих скоплениях встречались кости животных, изделия, выполненные из стенок сосудов, глины и камня (рис. 2). В котловане № 8 у юго-западной стенки обнаружен целый керамический сосуд, стоящий в яме вверх дном. Сосуд таких значительных размеров (см. рис. 1, 2) впервые обнаружен на поселении кротовской культуры.

Очажные устройства в исследованных жилищах поселения Венгерово-2 представляли собой подпрямоугольные ямы размерами 1,65 × 0,87 (№ 7) и 1,27 × 0,72–0,85 м (№ 8). Судя по находкам из их заполнения, они служили как для приготовления пищи, обогрева и освещения помещения, так и для производственных операций. В заполнении очага найдены фрагменты керамики, глиняный шарик и большое количество фрагментов горелых костей, которые служили топливом. Особенностью очага из котлована № 7 является то, что в конце существования жилища очаг не использовался на полную мощность, рабочей являлась только центральная часть.

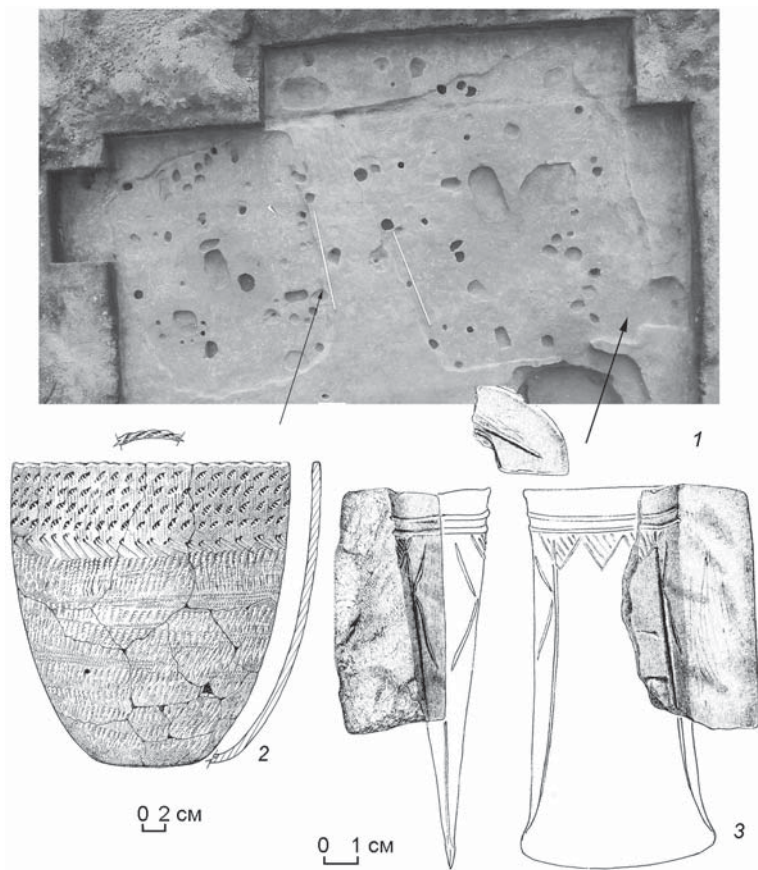

Рис. 1. Поселение Венгерово-2.

1 – раскоп (фото с квадрокоптера); 2 – целый керамический сосуд из жилища № 8; 3 – обломок формы для отливки кельта и реконструкция кельта.

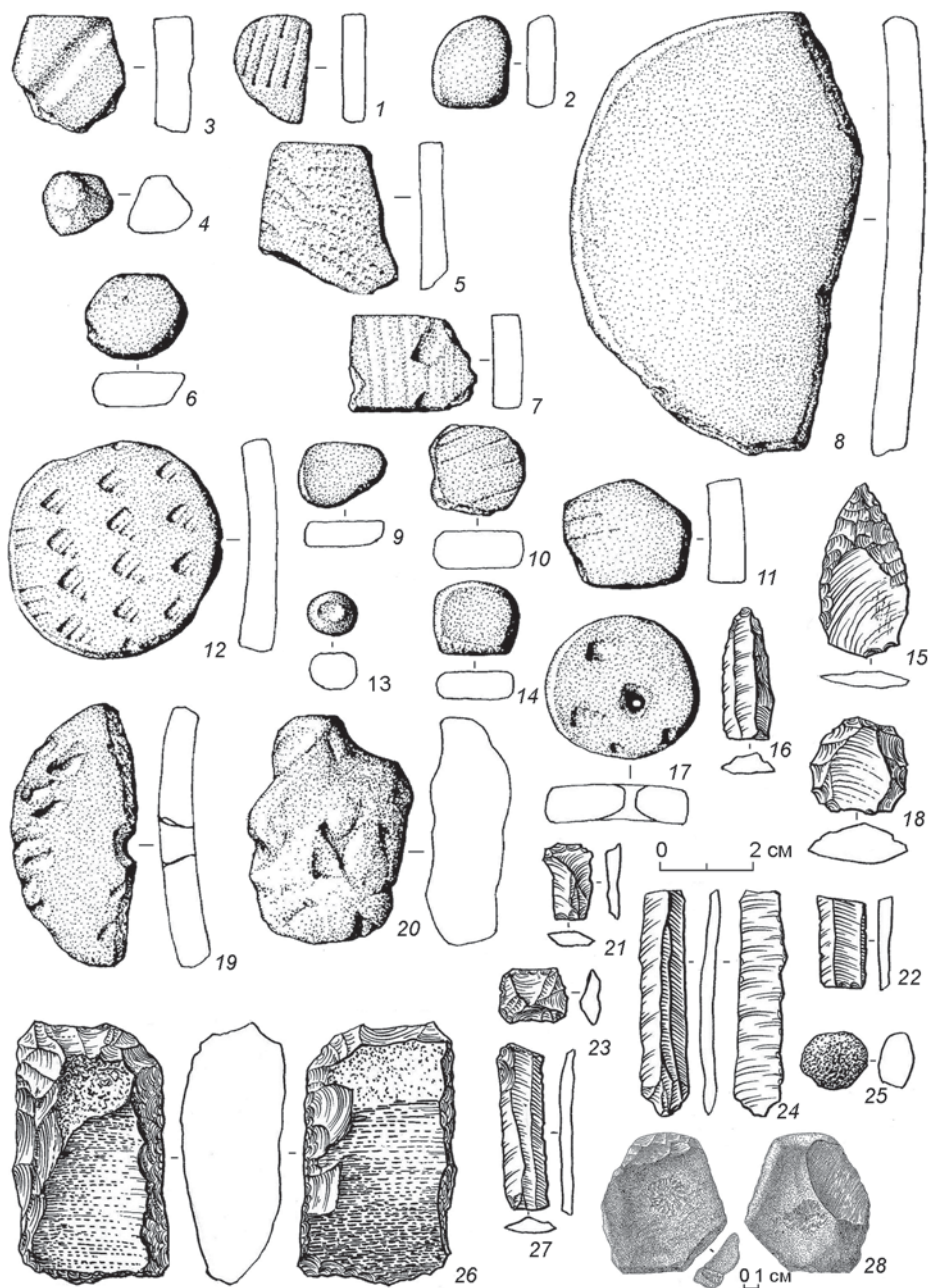

Рис. 2. Поселение Венгерово-2. Изделия из фрагментов керамики (1–12, 14, 17, 19), глины (13, 20) и камня (15, 16, 18, 21–28).

В этом жилище в производственный комплекс кроме очага входили еще три теплотехнических сооружения. Одно из них представляло собой небольшую яму, стенки которой были обмазаны толстым слоем глины, аналогично объектам из поселения Преображенка-3 [Молодин, 1985, с. 75]. В двух других ямах стенки были выложены фрагментами керамики. Кроме этого, в комплекс входили яма – место выгреба золы из очажных устройств, а также неглубокая яма подпрямоугольной формы (1,14 × 0,55–0,85 м), ориентированная по линии юго-запад–северо-восток, в которой на-

ходились керамика кротовской культуры и кости животных. Среди них – черепа двух канисовых и фрагменты челюстей еще трех особей, рог и камень, чешуя и кости рыб. Находки захоронений (в том числе ритуальных) черепов животных в кротовских жилищах Барабы встречались и ранее, например, в поселении Приображенка-3 были раскопаны две хозяйственные ямы, содержащие черепа медведей [Там же, с. 74].

На полу жилища № 7 обнаружен *in situ* обломок каменной литейной формы для отливки кельта (см. рис. 1, 3). Форма изготовлена из темно-серого

мягкого камня с включениями остатков ископаемой фауны. Сохранилась часть рабочей камеры и плоскость разреза створки. Все основные полосы формы сначала были намечены на выровненной поверхности заготовки в виде контура, после чего вырезаны ножом.

Рабочая камера имеет хорошо заметные следы использования в бронзолитейном производстве в виде слоя медной окалины темно-серого цвета. Следы термического воздействия в результате немногочисленных отливок бывают незначительны и со временем могут исчезнуть полностью [Coghlan, 1951], поэтому признаки воздействия расплавленного металла, прослеживаемые на форме из Венгерово-2, свидетельствуют об очень длительном ее использовании. Многократные заливки, возможно, и являлись причиной ее разрушения. После поломки фрагмент, видимо, некоторое время использовался в качестве скребка.

Судя по негативу рабочей камеры, отливаемый в форме кельт имел овально-уплощенную втулку и шестигранное сечение средней части, тулово, слегка расширяющееся к лезвийной части, с четко выраженной клиновидной конфигурацией профиля. Высота кельта не должна была превышать 12,5–12,7 см. Втулка по краю орнаментирована двумя тонкими рельефными валиками и пояском из свисающих штрихованных равнобедренных треугольников. Сохранившаяся на форме боковая грань кельта также украшена двумя глубокими прочерченными линиями, составляющими равнобедренный треугольник с основанием, обращенным к плоскости разреза формы. Лицевая плоскость отделена от боковых граней прочерченной линией, имитирующей ребро жесткости. Таким образом, по конструктивным особенностям и орнаментации находка из Венгерово-2 близка к сейминско-турбинскому типу кельтов [Косарев, 1970, с. 124, рис. 1, 6, 7]. Согласно классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, по основным признакам он относится к разряду К-12 [Черных, Кузьминых, 1989, с. 46, рис. 10, 7, 8]. Однако с учетом фрагментарности найденной формы она может являться створкой кельта разряда К-18 [Там же, с. 46–49, рис. 15, 1; 16, 4].

Найденная литейная форма имеет отношение к специализированному оборудованию и свидетельствует о массовом характере производства сейминско-турбинских кельтов на поселении Венгерово-2. По оценкам ряда исследователей, эксплуатационные возможности каменных форм позволяют им выдерживать до сотни отливок [Coghlan, 1968, р. 73; Бельтикова, 1993, с. 65].

Следует отметить, что каменные (из талька и песчаника) формы подобного типа найдены

в погребальных комплексах кротовской культуры Сопка-2/4Б, В и Тартас-1 [Молодин, 1983, рис. 4, 2, 5, 1; Молодин, Мыльникова, Новикова и др., 2009, с. 338, рис. 1, 3]. Готовая продукция сейминско-турбинского круга также встречается в погребениях кротовской культуры [Молодин, 1983, рис. 2, 1]. Однако на поселениях наряду с достаточно оригинальными тиглями для плавки металла [Молодин, Дураков, Мыльникова, Нестерова, 2012, с. 109–113, рис. 8–10] обнаруживались литейные формы лишь для отливки весьма примитивных изделий (рис. 2, 3). Обломки крупных литейных форм, найденные на этом поселении ранее, не содержали рабочих камер, вследствие чего определить характер отливаемой в них продукции было невозможно [Молодин, 1985, рис. 28, 7]. Этот парадокс нередко приводил к неверному толкованию культурно-исторических процессов на юге Западной Сибири (см., напр.: [Ткачева, Ткачев, 2008, с. 276]).

Таким образом, данная находка неопровержимо свидетельствует о собственном изготовлении носителями кротовской культуры изделий сейминско-турбинского облика, а не о привнесении последних какими-то мигрантами. При этом производство данных изделий было в значительной степени специализированным и технически развитым.

Список литературы

Бельтикова Г.В. Литейные формы иткульского очага металлообработки (VII–III вв. до н.э.) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. – Екатеринбург: УИФ Наука, 1993. – С. 38–75.

Косарев М.Ф. О хронологии и культурной принадлежности турбинско-сейминских бронз // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т, 1970. – С. 116–132.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-та, 1983. – С. 96–109.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерово-2 (Барабинская лесостепь) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 5. – С. 104–119.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьев А.И., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А. Этнокультурные процессы у населения Центральной Барабы в эпоху развитой бронзы (по материалам исследования могильника Тартас-1 в 2009 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных

территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 337–342.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья. – Новосибирск: Наука, 2008. – 303 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Coghlan H.H. Notes of the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in the Old World // Occasional Papers of Technology. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1951. – No. 4. – 131 p.

Coghlan H.H. A note on prehistoric casting moulds // Bull. of the Historical Metallurgy Group. – 1968. – Vol. 2, No. 2. – P. 73–74.

References

Bel'tikova G.V. Liteynye formy itkul'skogo ochaga metalloobrabotki (VII–III vv. do n.e.) // Znaniya i navyki ural'skogo naseleniya v drevnosti i srednevekov'ye. Ekaterinburg: UIF Nauka, 1993. Pp. 38–75. (In Russ.).

Chernykh E.N., Kuz'minykh S.V. Drevnyaya metallurgiya Severnoy Evrazii (seyminsko-turbinskiy fenomen). M.: Nauka, 1989. 320 pp. (In Russ.).

Coghlan H.H. Notes of the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in the Old World // Occasional Papers of Technology. Oxford: Oxford Univ. Press, 1951. No. 4. 131 p.

Coghlan H.H. A note on prehistoric casting moulds // Bull. of the Historical Metallurgy Group. 1968. Vol. 2, No. 2. Pp. 73–74.

Kosarev M.F. O khronologii i kul'turnoy prinadlezhnosti turbinsko-seyminskikh bronz // Problemy k khronologii i kul'turnoy prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamyatnikov Zapadnoy Sibiri. Tomsk: Tom. gos. un-t, 1970. Pp. 116–132. (In Russ.).

Molodin V.I. Pogrebenie liteyshchika iz mogil'nika Sopka-2 // Drevnie gornyaki i metallurgi Sibiri. Barnaul: Alt. gos. un-t, 1983. Pp. 96–109. (In Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985. 200 pp. (In Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Myl'nikova L.N., Nesterova M.S. Proizvodstvennyi kompleks krotovskoy kul'tury na poselenii Vengerovo-2 (Barabinskaya lesostep') // Vestnik Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya. 2012. Vol. 11, Iss. 5. Pp. 104–119. (In Russ.).

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Novikova O.I., Solov'yov A.I., Nagler A., Durakov I.A., Efremova N.S., Kobeleva L.S., Nenakhov D.A. Etnokul'turnye protsessy u naseleniya Central'noy Baraby v epokhu razvitoy bronzy (po materialam issledovaniya mogil'nika Tartas-1 v 2009 godu) // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2009. Vol. XV. Pp. 337–342. (In Russ.).

Tkacheva N.A., Tkachev A.A. Epokha bronzy Verkhnego Priirtysh'ya. Novosibirsk: Nauka, 2008. 303 pp. (In Russ.).

В.И. Молодин¹, Д.А. Ненахов¹, М.С. Нестерова¹,
И.А. Дураков^{1, 2}, С.К. Васильев¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирский государственный педагогический университет

E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС НА ПАМЯТНИКЕ ТАРТАС-1 (БАРАБИНСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ)*

Публикация посвящена уникальному производственному комплексу, открытому на многослойном памятнике Тартас-1. Он включает ямы для квашения рыбы и котлован каркасно-столбовой конструкции с очагом-коптильней. На уровне пола сооружения найдены несколько костяных орудий (гарпун, фрагмент вкладышевого орудия, роговое изделие), фрагменты керамики от двух толстостенных плоскодонных сосудов и значительное количество каменного инвентаря (173 экз.). Чрезвычайно важно, что комплексы были перекрыты двумя неповрежденными захоронениями андроновской (федоровской) культуры.

Входившие в комплекс ямы имели овальную форму с прямыми, почти отвесными стенками и ровным дном. Диаметр их изменяется от 1,4 до 2,1 м, глубина – от 1,74 до 2,37 м. Заполнение ям включало скопления рыбных костей и чешуи (карася и язя). В некоторых из них количество особей рыбы достигало 50–80. Все это позволяет интерпретировать данные ямы как производственно-хозяйственные сооружения, предназначенные для квашения рыбы.

В двух стратиграфически наиболее древних ямах помимо этого найдены: в одной (№ 911) – скелеты собаки в заполнении и росахи на уровне дна, в другой (№ 938) – скелет лисицы и кости трех особей горностая. В яме № 993 обнаружен шейный позвонок быка. Это позволяет предположить, что кроме хозяйственного назначения ямы имели и ритуальное, в сути которого еще предстоит разобраться.

Ключевые слова: Западная Сибирь, Барабинская лесостепь, эпоха неолита и бронзы, боборыкинская культура.

V.I. Molodin¹, D.A. Nenakhov¹, M.S. Nesterova¹,
I.A. Durakov^{1, 2}, S.K. Vasiliev¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State Pedagogical University

E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

THE UNIQUE PRODUCTION COMPLEX AT THE TARTAS 1 SITE (BARABA FOREST-STEPPE)

An article presents here the unique production complex, which was discovered at the multilayer site of Tartas 1. It includes a pit for fish souring and pit of carcasses-pillar construction with a fireplace-smokary. At the level of the floor of the construction, we found the several bone tools (harpoon, fragment of inset tool, antler item), ceramic fragments of two thick-walled flat-bottomed vessels and a significant number of stone artifacts (173 items). It is extremely important that the complexes were overlapped by two undisturbed burials of the Andronovo (Fedorovo) culture.

The pits of this complex had an oval shape with straight, almost plumb walls and a flat bottom. Their diameter varies from 1,4 to 2,1 m, depth from 1,74 to 2,37 m. The filling of the pits included concentrations of the fish bones and scales (carp and ide). Some of them contained the number of fish species around 50–80. It is allows interpreting these pits as the production and household constructions, intended for fish souring. In addition, two stratigraphically oldest pits (№ 991 and 938) contained: skeleton of a dog in filling and the skeleton of the wolverine at the bottom of the pit № 911, skeleton of fox and bones of three individuals of ermine in the other pit (№ 938). Cervical vertebra of a bull was found in the pit № 993. It suggests that in addition to the household function the pit had a ritual purpose, whose nature is off to come over.

Keywords: Western Siberia, Baraba forest-steppe, Neolithic and Bronze Age, Boborykino culture.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Исследования грандиозного комплекса – памятника Тартас-1, включающего разновременные и разнокультурные могильники, ритуальные сооружения и иные конструкции, в 2015 г. дали принципиально новые научные результаты.

При исследовании северо-восточной части террасы и ее склоновой части, вплотную примыкающей к пойме правого берега р. Тартас, уже в работах прошлых лет было выявлено несколько необычных объектов. Это округлые в плане ямы (№ 11, 214, 305) размером $2,1 \times 1,5$ и $2,1 \times 1,75$ м и глубиной от 0,65 до 0,85 м. На уровне дна их заполнение включало большое количество чешуи и костей рыбы (карася и язя), причем в каждом объекте зафиксировано значительное количество особей (50–80). Большая часть их принадлежала к очень крупным в возрасте 7, 9, 11 и 12 лет. Содержание и стратиграфия ям давали возможность квалифицировать их как производственные сооружения, предназначенные для квашения рыбы.

Продолженные на этом участке террасы исследования показали, что стоянка имела продолжение вдоль склона на восток. Были выявлены концентрации аналогичных ям, объединенных в конструктивные системы, и производственное сооружение, связанные со специализированной обработкой рыбы. Чрезвычайно важно, что комплексы были перекрыты двумя непотревоженными захоронениями (№ 618, 625) андроновской (федоровской) культуры, что делает относительную периодизацию объектов безупречной. В продолжение этой темы можно уверенно сказать, что находки явно одновременной керамики (причем, вероятно, только от двух (!) сосудов), а также многочисленной серии каменных орудий в заполнении, на полу конструкции и в ряде ям позволяют говорить об их одновременности и единокультурности. Вместе с тем ясно и то, что сооружение было построено уже тогда, когда часть ям № 938, 991 и, возможно, 992 активно не функционировала и была засыпана землей. Очевидно, что мы получили уникальную возможность проследить динамику функционирования стоянки.

Итак, наиболее древними на памятнике являются ямы № 968, 970, 990–992, объединенные общим углублением в единую систему (рис. 1, 1). При этом ямы № 990–992 были явно функциональны, что касается остальных, то их предназначение пока не вполне ясно. Одновременно функционировала и яма № 938. В описанную выше конструкцию было врезано довольно масштабное наземное сооружение со слегка углубленным котлованом. Важно, что одна из столбовых ям (№ 936) была сооружена в уже заполненной землей яме № 938. Вероятно, одновременно с сооружением функционировали

ямы № 939, 949, 993, в пользу чего свидетельствует их планиграфическая позиция – цепочкой вдоль юго-восточной стенки конструкции.

На уровне материка ямы читались в виде пятен подовальной и округлой формы серо-желтой супеси с крупными включениями белесого компонента. Ямы имели овальную форму с прямыми, почти отвесными стенками и ровным дном. Диаметр их варьирует от 1,4 до 2,1 м, глубина – от 1,74 до 2,37 м. Центральная часть ям засыпана желто-серой супесью, а в придонной части фиксируются частые темно-серые и серо-желтые дугообразные суглинистые прослойки. Последние, вероятно, связаны с периодом функционирования объектов.

Все характеризующие ямы (в том числе и обнаруженные в 2014 г.) сближает наличие (в большей или меньшей степени) рыбных костей и чешуи. Данное обстоятельство позволяет связывать их с особым способом приготовления рыбы у многих сибирских народов, о котором писал еще академик Г.Ф. Миллер [2009, с. 273]. Например, А.А. Саввин так описывает способ квашения рыбы у якутов: «...ее (рыбу) плотно набивали в яму. Сверху заваливали толстым слоем земли... Яму с квашеной рыбой поверх забрасывали ветками молодых зеленых лиственниц» [2005, с. 118]. Аналогичный способ ферментации рыбы в ямах глубиной до 1 м, засыпанных землей и травой, описан у кетов [Алексеев, 1967, с. 125].

Интерпретация этих комплексов как сооружений для квашения рыбы, что было, по-видимому, их главным предназначением, осложнена другими находками, которые представлены в заполнении некоторых из них. Так, в яме № 993 обнаружен шейный позвонок быка, в яме № 990 найдены каменный оселок, фрагмент керамики, скорлупа яиц, конкреции, чешуя рыбы. Ближе ко дну зафиксировано несколько скоплений костей птиц – длинные кости лап, кости крыльев в сочленении, два клюва. Однако если находки костей птиц могут свидетельствовать о том, что и водоплавающая дичь заготавливалась аналогично рыбе, то находки в ямах № 991 и 938 – стратиграфически наиболее древних – требуют особого объяснения. Так, на дне ямы № 991 найден скелет россомахи, которая какое-то время жила в ней (рис. 1, 2б). Об этом свидетельствуют копролиты и многочисленные «погрызы» костей овцы (козы), зубы волка, кости собаки (рис. 1, 2в). Скелет собаки найден в заполнении ямы несколько выше (рис. 1, 2а). В нижней части ямы № 938 обнаружены полный скелет молодой лисицы (кости черепа смещены) и кости таза взрослой особи. На дне ямы помимо рыбных костей обнаружены кости трех особей горностая. Перед нами, скорее всего, проявление

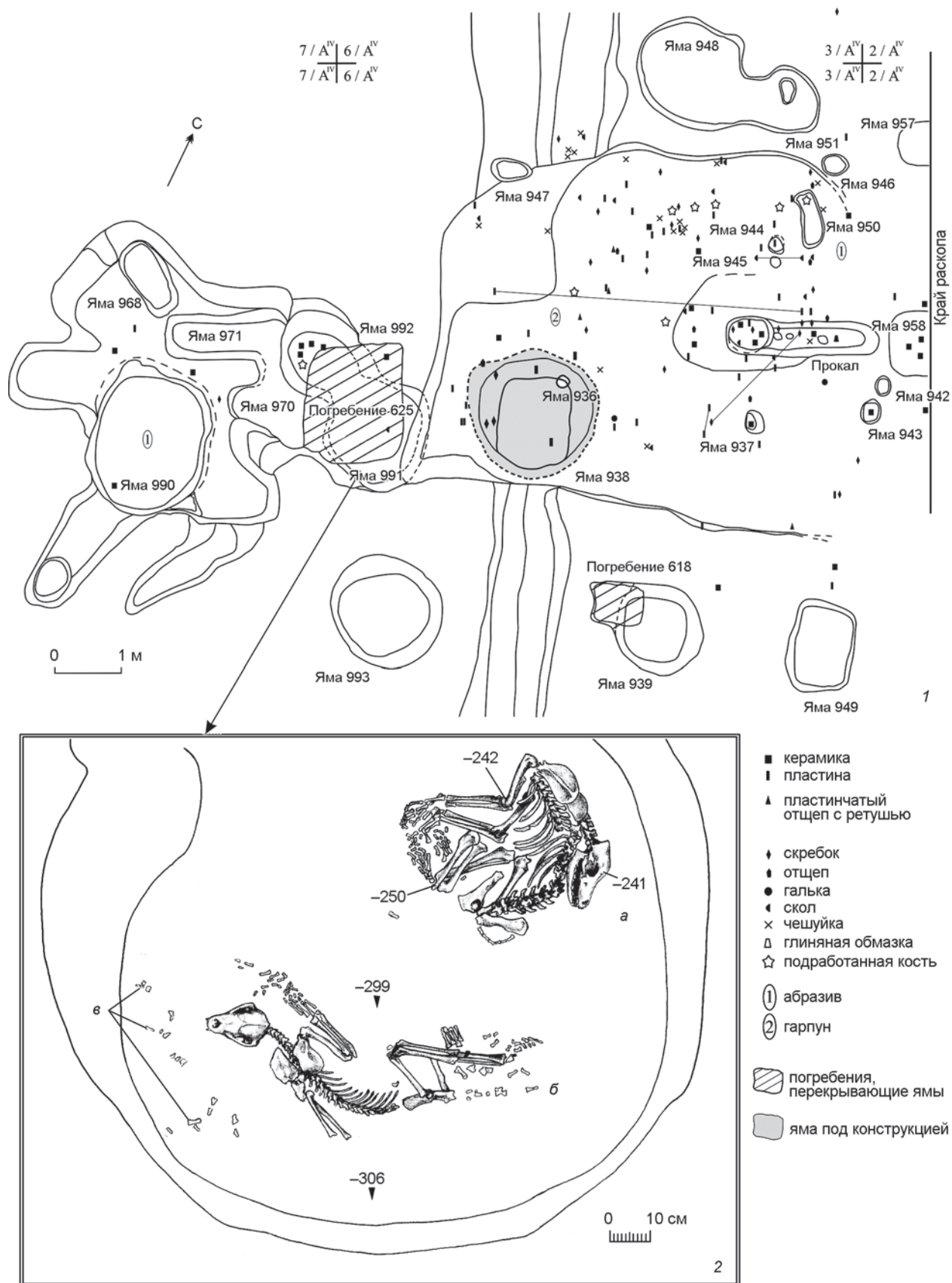

Рис. 1. Могильник Таргас-1. Траншеи № 260, 261.

1 – котлован каркасно-столбовой конструкции с комплексом ям (№ 938, 939, 990–993), общий план; 2 – участок ямы № 991, план: а – скелет собаки; б – скелет росомахи; в – «погрызы».

ритуальной практики, в сути которой еще предстоит разобраться.

Производственный комплекс представлен котлованом каркасно-столбовой конструкции с очагом-копильней, расположенным на краю террасы. Котлован имел подпрямоугольную форму с размытой северо-восточной стенкой. Размеры его – $5,44 \times 5,92$ м. Глубина камеры – $0,10-0,35$ м. По периметру котлована зафиксировано несколько столбовых ям (см. рис. 1, 1).

В восточной части конструкции обнаружено теплотехническое сооружение с пологими стенками, представляющее собой углубление размерами $2,7 \times 0,8$ м, включающее яму с прокалом и идущую от нее канаву. Очажная яма с отвесными стенками (в юго-западной части с отрицательным наклоном) и ровным дном, размерами $0,9 \times 0,55$ м, глубиной от уровня пола котлована до $0,10-0,20$ м, располагалась в юго-западной части углубления. По стенкам и на дне ее встречаются фрагменты

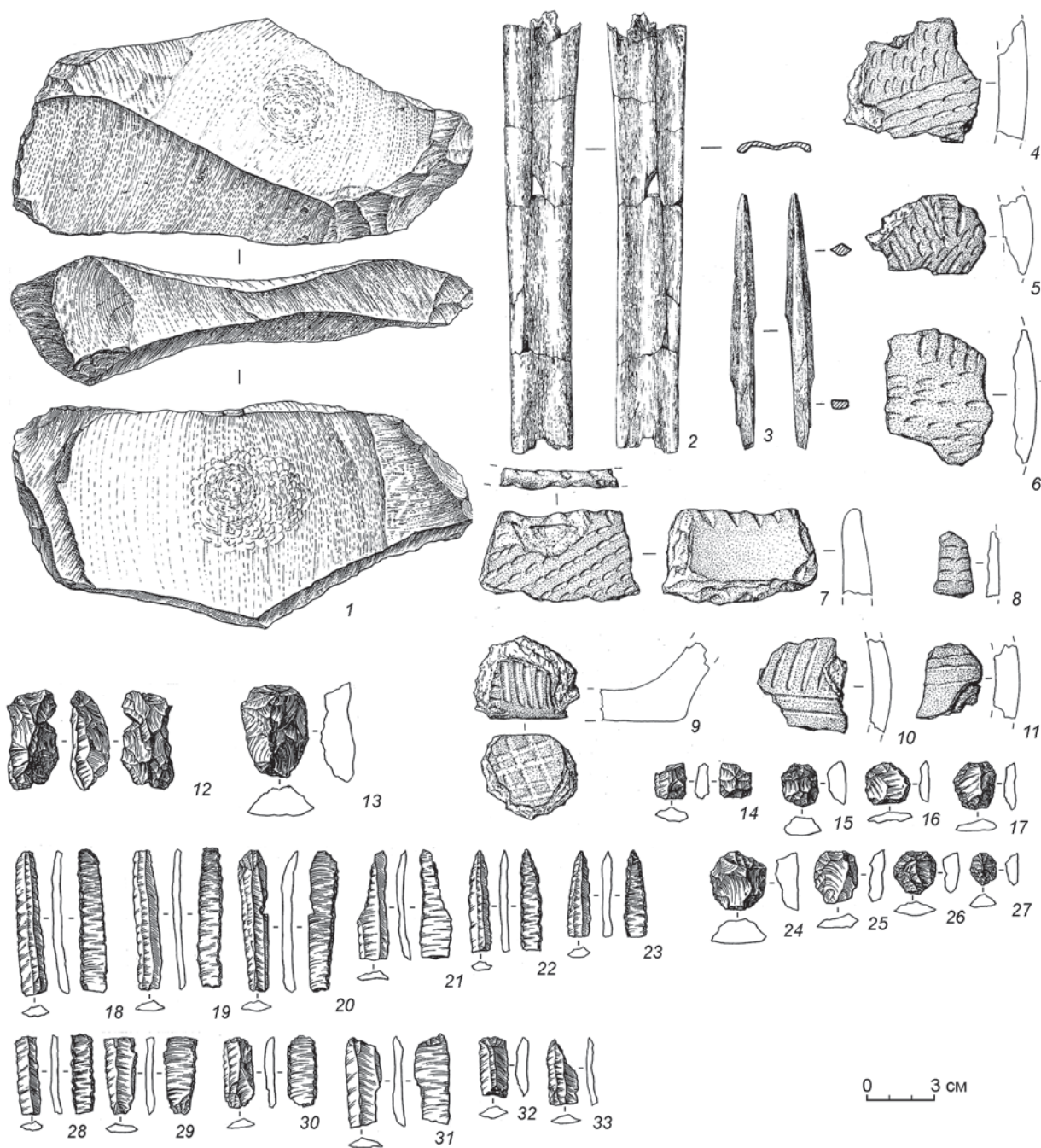

Рис. 2. Инвентарь. Могильник Тартас-1. Траншеи № 260, 261.

1–3, 5, 8, 12–33 – каркасно-столбовая конструкция; 4, 7, 10, 11 – очаг; 6 – яма № 943; 9 – над ямами № 991, 992.
1, 12–33 – камень; 2, 3 – кость; 4–11 – керамика.

глиняной обмазки, а также фиксируются линзы насыщенно-черной углистой супеси, свидетельствующие о неоднократном длительном и интенсивном температурном воздействии. Канава, отходящая от ямы, длиной 1,35 м, шириной от 0,4 до 0,6 м, ориентирована параллельно длинным стенкам сооружения и направлена к краю террасы. Заполнение ее представлено серой плотной супесью. Стенки канавы практически отвесные, на дне фиксируются три небольшие ямки, расположенные в ряд по длинной оси. В заполнении сооружения встречены фрагменты керамики, несколько каменных орудий.

Расположение конструкции, ее устройство и характер заполнения позволяют интерпретировать данный объект как простейшую коптильню, состоящую из основной камеры, где разводился огонь, и дымовыводящего канала, на конце которого, над уровнем пола, размещался продукт обработки. Такая конструкция предназначена для холодного копчения и обеспечивает поступление остывающего дыма из топки через довольно длинный канал в коптильню. Аналогии подобным сооружениям известны на памятниках различных культур эпохи бронзы Сибири [Ткачев, 2010, с. 301; Сидоров, Новикова, 2004; Матвеев, 1993]. Копчение рыбы в специальных ямах широко использовалось многими народами Сибири [Алексеев, 1967, с. 41; Федорова, 2000, с. 198; Янчев, 2010, с. 97; Тучкова, 2013, с. 155].

На уровне пола конструкции обнаружено несколько костяных орудий: гарпун, фрагмент вкладышевого орудия, роговое изделие, а также несколько подработанных костей животных (рис. 2, 2, 3). Орудия явно служили для добычи рыбы и ее обработки. Значительно количество каменного инвентаря (173 экз.). Среди орудий преобладают пластины (57 экз.), большая часть которых представлена вкладышами (проксимальными и медиальными фрагментами с вентральной крутой местами притупляющей ретушью) (рис. 2, 18–23, 28–33). Встречаются также концевые скребки на пластинах (6 экз.) (рис. 2, 29, 32). Представительна категория скребков на отщепах (28 экз.) (рис. 2, 13, 14–17, 24–27) полуокруглой, округлой, веерообразной формы. Присутствуют сколы с призматических нуклеусов (4 экз.) (рис. 2, 12), гальки (3 экз.), отщепы с ретушью и без вторичной обработки (25 экз.), технические сколы и чешуйки (42 экз.), сколы со шлифованных орудий (6 экз.), абразивы (2 экз.) (рис. 2, 1). Подобный набор инвентаря также в основном нацелен на обработку и разделку рыбы. Он соответствует каменной индустрии культур неолита и раннего металла региона (см. напр.: [Молодин, 1977]).

В заполнении котлована, коптильни, а также ям № 990, 992 обнаружены фрагменты керамики от двух толстостенных плоскодонных сосудов (рис. 2, 7, 4, 10, 11). Судя по оформлению венчиков, их морфология и орнаментация практически идентичны, за исключением орнамента среза венчика. Тулово орнаментировано разнонаправленными диагональными рядами вытянутых овальных вдавлений, формирующими взаимопроникающие зоны. Часть площади сосуда оставалась неорнаментированной, но тщательно заглаженной. Дно одного из сосудов украшено прочерченной сеткой. На изломе венчика зафиксирован каналчик от обвязочного шнура. Сосуды вылеплены в технике лоскутного налепа.

Ближайшие аналогии керамики и каменного инвентаря обнаружены на поселении Автодром-2/2, расположенном на левом берегу р. Тартас, в пределах видимости от исследованного нами объекта. Авторы раскопок связывают этот материал с боборыкинской культурой [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012]. Надо сказать, что, хотя культурная идентификация на сегодняшний день не представляется нам очевидной, тем не менее отнесение данных материалов к какой-то особой, еще неизвестной в регионе культуре эпохи неолита или раннего металла можно считать оправданным. В пользу этого говорят не только своеобразие инвентаря, но и недавно полученные даты по керамике Автодрома-2 – 5967 ± 100 (SPb-1277) [Мосин, 2015, с. 112]. Дальнейшие исследования, несомненно, прольют свет на данную проблему: так, кости животных с Тартасской стоянки сданы на радиоуглеродное датирование. Сегодня очевидным можно считать тот факт, что хронологически эти комплексы не могут быть моложе андроновской (федоровской) культуры.

Список литературы

- Алексеев Е.А.** Кеты. Историко-этнографические очерки. – Л.: Наука, 1967. – 266 с.
- Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю.** Поселение боборыкинской культуры Автодром-2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 3 (18). – С. 4–13.
- Матвеев А.В.** Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. – 180 с.
- Миллер Г.Ф.** Описание сибирских народов. – М.: Памятники исторической мысли, 2009. – 456 с. – (Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов; VIII, 1: Герард Фридрих Миллер. Этнографические труды. Ч. 1).
- Молодин В.И.** Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 171 с.

Мосин В.С. Неолит лесостепного Зауралья и Прииртышья: новейшие исследования и периодизация // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2015. – Т. 6, № 2 (62). – С. 108–113.

Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2005. – 376 с.

Сидоров Е.А., Новикова О.И. Неопубликованные материалы поселения Милованово-3 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – С. 104–124.

Ткачев А.А. Этапы освоения и культурные комплексы поселения Роза Ветров II // Культура как система в историческом контексте. – Томск: Аграф-Пресс, 2010. – С. 299–302.

Тучкова Н.А. Пища и домашняя утварь // Селькупы: Очерки традиционной культуры и селькупского языка. – Томск: Изд-во Том. политех. ун-та, 2013. – С. 153–166.

Федорова Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: Проблемы формирования культуры хантов и манси. – СПб.: Европейский дом, 2000. – 366 с.

Янчев Д.В. Жилые, промысловые, хозяйственные и ритуальные постройки негидальцев (середина XIX – XX в.) // Ойкумена. – 2010. – № 3. – С. 92–99.

References

Alekseenko E.A. Kety. Istoriko-etnograficheskie ocherki. L.: Nauka, 1967. 266 pp. (In Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Poselenie boborykinskoy kul'tury Avtodrom-2/2 (severozapadnye rayony Barabinskoy lesostepi) // Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii. 2012. No. 3 (18). Pp. 4–13. (In Russ.).

Fedorova E.G. Rybolovy i okhotniki basseyna Obi: Problemy formirovaniya kul'tury khantov i mansi. S. Petersburg: Evropeyskiy dom, 2000. 366 pp. (In Russ.).

Matveev A.V. Irmenskaya kul'tura v lesostepnom Priob'ye. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1993. 180 pp. (In Russ.).

Miller G.F. Opisanie sibirskikh narodov. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2009. 456 pp. (Istochniki po istorii Sibiri i Alyaski iz rossiyskikh arkhivov; VIII, 1: Gerard Friedrich Miller. Etnograficheskie trudy. Pt. 1). (In Russ.).

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya. Novosibirsk: Nauka, 1977. 171 pp. (In Russ.).

Mosin V.S. Neolit lesostepnogo Zaural'ya i Priirtysh'ya: noveyshie issledovaniya i periodizatsiya // Vestnik Kemer. gos. un-ta. 2015. Vol. 6, No. 2(62). Pp. 108–113. (In Russ.).

Savvin A.A. Pishcha yakutov do razvitiya zemledeliya (opyt istoriko-etnograficheskoy monografii). Yakutsk: IGI AN RS(Ya), 2005. 376 pp. (In Russ.).

Sidorov E.A., Novikova O.I. Neopublikovannyye materialy poseleniya Milovanovo-3 // Aridnaya zona yuga Zapadnoy Sibiri v epokhu bronzy. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2004. Pp. 104–124. (In Russ.).

Tkachev A.A. Etapy osvoeniya i kul'turnye komplekсы poseleniya Roza Vetrov II // Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste. Tomsk: Agraф-Press, 2010. Pp. 299–302. (In Russ.).

Tuchkova N.A. Pishcha i domashnyaya utvar' // Sel'kupy: Ocherki traditsionnoy kul'tury i sel'kupskogo yazyka. Tomsk: Izd-vo Tom. politekh. un-ta, 2013. Pp. 153–166. (In Russ.).

Yanchev D.V. Zhilye, promyslovye, hozyaystvennyye i ritual'nye postroyki negidal'tsev (seredina XIX – XX v.) // Oykumena. 2010. No. 3. Pp. 92–99. (In Russ.).

В.И. Молодин¹, С. Хансен², И.А. Дураков³, С. Райнхольд², Н.С. Ефремова¹,
Д.А. Ненахов¹, Ю.Н. Ковыршина¹, Л.Н. Мыльникова¹, М.С. Нестерова¹,
Л.С. Кобелева¹, К.А. Борзых¹, И.В. Сальникова¹, М.С. Демахина³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Германский археологический институт

³Новосибирский государственный педагогический университет

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ЭПОХИ РАЗВИТОЙ И ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ПАМЯТНИКЕ ТАРТАС-1: НОВЕЙШИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ*

Статья посвящена результатам полевых исследований памятника Тартас-1 (Венгеровский р-н Новосибирской обл.). Могильник занимает значительную площадь. Он включает в себя разновременные погребения и ритуальные объекты – от эпохи ранней бронзы до позднего средневековья. В полевом сезоне 2015 г. получен новый материал по погребально-поминальным комплексам, которые имеют определенные конструктивные особенности. Каждый комплекс включает погребение, окруженное разомкнутым рвом, здесь же часто располагаются ритуальные ямы. Находки в комплексах представлены преимущественно керамическими сосудами, облик и орнаментация которых позволяют отнести данные объекты к андроновской (федоровской) культуре.

Для исследованных погребально-поминальных комплексов подтверждены характерные особенности погребального обряда – существование двух устойчивых вариантов погребальной практики (трупосожжение и трупоположение), а также наличие биритуальных погребений, сочетающих оба варианта в рамках одного захоронения либо разные погребения в одном комплексе. Отмечено наличие в конструкции комплексов ритуальных ям, очевидно связанных с тризной или обрядами жертвоприношения. В представлениях о потустороннем мире важная роль, по-видимому, отводилась сопроводительной пище для погребенного, что подтверждается наличием практических в каждом захоронении керамической посуды, количество и размеры которой коррелируются с количеством погребенных в могиле (?) и их возрастом. Комплексы со рвом расположены на центральном участке некрополя, что свидетельствует о существовании у андроновцев (федоровцев) вариантов погребального обряда и имеет связь с этнокультурными процессами в регионе.

Впервые на могильнике Тартас-1 для эпохи финальной бронзы выявлен курганный погребальный памятник: в полевом сезоне 2015 г. полностью исследован курган восточного варианта пахомовской культуры, вероятно входящий в состав единого комплекса с однокультурными ритуальными сооружениями.

Ключевые слова: эпоха бронзы, пахомовская культура, андроновская (федоровская) культура, ритуальный комплекс, погребение.

V.I. Molodin¹, S. Hansen², I.A. Durakov³, S. Rajnchol'd², N.S. Efremova¹,
D.A. Nenakhov¹, Yu.N. Kovyreshina¹, L.N. Mylnikova¹, M.S. Nesterova¹,
L.S. Kobeleva¹, K.A. Borzykh¹, I.V. Salnikova¹, M.S. Demakhina³

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²German Archaeological Institute

³Novosibirsk State Pedagogical University

E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

ARCHAEOLOGICAL COMPLEXES OF THE DEVELOPED AND LATE BRONZE AGE AT THE TARTAS 1 SITE: THE NEWEST RESULTS

An article presents the results of field studies at the Tartas-1 site (Vengerovo district of the Novosibirsk Region). The burial ground is large in area. It includes the asynchronous burials and ritual objects – from the Early Bronze Age

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-01-18047.

to the Late Middle Ages. During the field season of 2015 we obtained a new material for a burial and commemorative complexes, which have certain structural features. Each complex includes the burial, surrounded by open ditch, ritual pits often locate in here. Findings in the complexes is mainly represented by ceramic vessels, their character and ornamentation permit to attribute these objects to Andronovo (Fedorovo) culture. Studied burial and commemorative complexes confirmed the typical features of the burial rite. It includes two constant variants in burial practice (cremation and inhumation), as well as the presence of bi-ritual burials, which bundled both variants in the frame of single burial or separate burials in single complex. It mentioned that constructions of complexes contain the ritual pits, obviously associated with funeral feast or sacrificial rites. Accompanying food for decedent took an important place in concept of afterworld that is supported by presence of the ceramic ware in almost every burial, and its number and size respected to the number of decedents in the grave and their age. Complexes with a ditch is located in the central area of the necropolis that indicated the existence of variants in burial rite of Andronovo (Fedorovo) bearers and connection with the ethnic and cultural processes in the region. For the first time for Final Bronze Age, the barrow burial site was educed at the Tartas 1 burial ground: during the field season of 2015 we completely investigated the barrow, related to the eastern variant of Pakhomovo culture and probably pulled into the single complex with monocultural ritual constructions.

Keywords: Bronze Age, Pakhomovo culture, Andronovo (Fedorovo) culture, ritual complex, burial.

Западно-Сибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН, в состав которого традиционно входили сотрудники Германского археологического института (г. Берлин), продолжил раскопки памятника Тартас-1, расположенного на второй надпойменной террасе правого берега р. Тартас, недалеко от места ее впадения в р. Омь, в 2,5 км к северу от с. Старый Тартас Венгеровского р-на Новосибирской обл. Памятник исследуется с 2003 г. К настоящему времени вскрыто более 19 тыс. м² его площади. В ходе работ было установлено, что памятник включает погребения практически всех эпох бронзового века Обь-Иртышской лесостепи [Молодин, Хансен, Мыльникова и др., 2010]. Выявлены погребения тюркского времени и позднего средневековья [Молодин, Хансен, Мыльникова и др., 2011, с. 210], а также ритуальные комплексы эпохи бронзы. Исследования 2015 г. велись на северо-западном, северном и северо-восточном участках занимаемой памятником террасы.

В 2015 г. общая исследованная площадь составила 2 172 м², изучено 28 могил и 137 ритуальных ям. У северо-западного края террасы закончено исследование части найденного ранее грандиозного по своим масштабам культового комплекса пахомовской культуры [Молодин, Наглер, Хансен и др., 2012; Молодин, Ефремова, Кобелева и др., 2013].

В полевом сезоне 2015 г. исследован ряд новых объектов андроновской (федоровской) культуры, известных на памятнике и ранее: погребально-поминальные комплексы, представляющие собой захоронения, имеющие отличительные особенности в форме организации сакрального пространства [Молодин, Ефремова, Кобелева и др., 2013]. Могильная яма в данных погребальных конструкциях окружена разомкнутым рвом, здесь же фиксируется наличие ритуальных ям. В этом году исследовано пять подобных комплексов (погребения № 611,

620, 623, 630, 631), всего же в настоящий момент на могильнике зафиксировано девять таких объектов. К сожалению, большинство захоронений было ограблено в древности. Этому, вероятно, способствовало то обстоятельство, что конструкции сопровождались земляными сооружениями, легко читаемыми на поверхности.

Наиболее информативным явилось погребение № 631 (погребально-поминальный комплекс № 8). Могильная яма подчетырехугольной, с закругленными углами формы размером 2,47 × 2,12 м, глубиной до 0,63 м от уровня материка; ориентирована продольной осью по линии северо-востока–юго-запад (рис. 1). На глубине от 0,44 м от уровня материка зафиксированы останки явно нескольких погребенных. Отмечено четыре скопления кальцинированных костей человека. Два из скоплений были расположены компактно; по-видимому, первоначально они находились в емкостях из органического материала (мешках?), не сохранившихся до настоящего времени. На одно из скоплений кальцинированных костей были помещены останки младенца. Идентифицированы длинные кости конечностей, фрагменты черепа, некоторые кости, вероятно, были разрублены. Локтевая и лучевая кости руки и несколько ребер залежали в анатомическом порядке. Здесь же обнаружен фрагмент бронзового стержня, по-видимому располагавшегося в руках погребенного (см. рис. 1). Остальные находки в захоронении представлены семью керамическими сосудами, которые планиграфически приурочены к концентрациям кальцинированных костей. Величина сосудов, несомненно, коррелируется с возрастом погребенных (рис. 2). Замечательно миниатюрное прямоугольное керамическое блюдо размером 7,0 × 8,5 см и высотой 3 см (рис. 2, 1). Блюдо орнаментировано рядами мелкозубчатого гребенчатого штампа. В верхней его части имеются два отверстия диаметром 0,3 см,

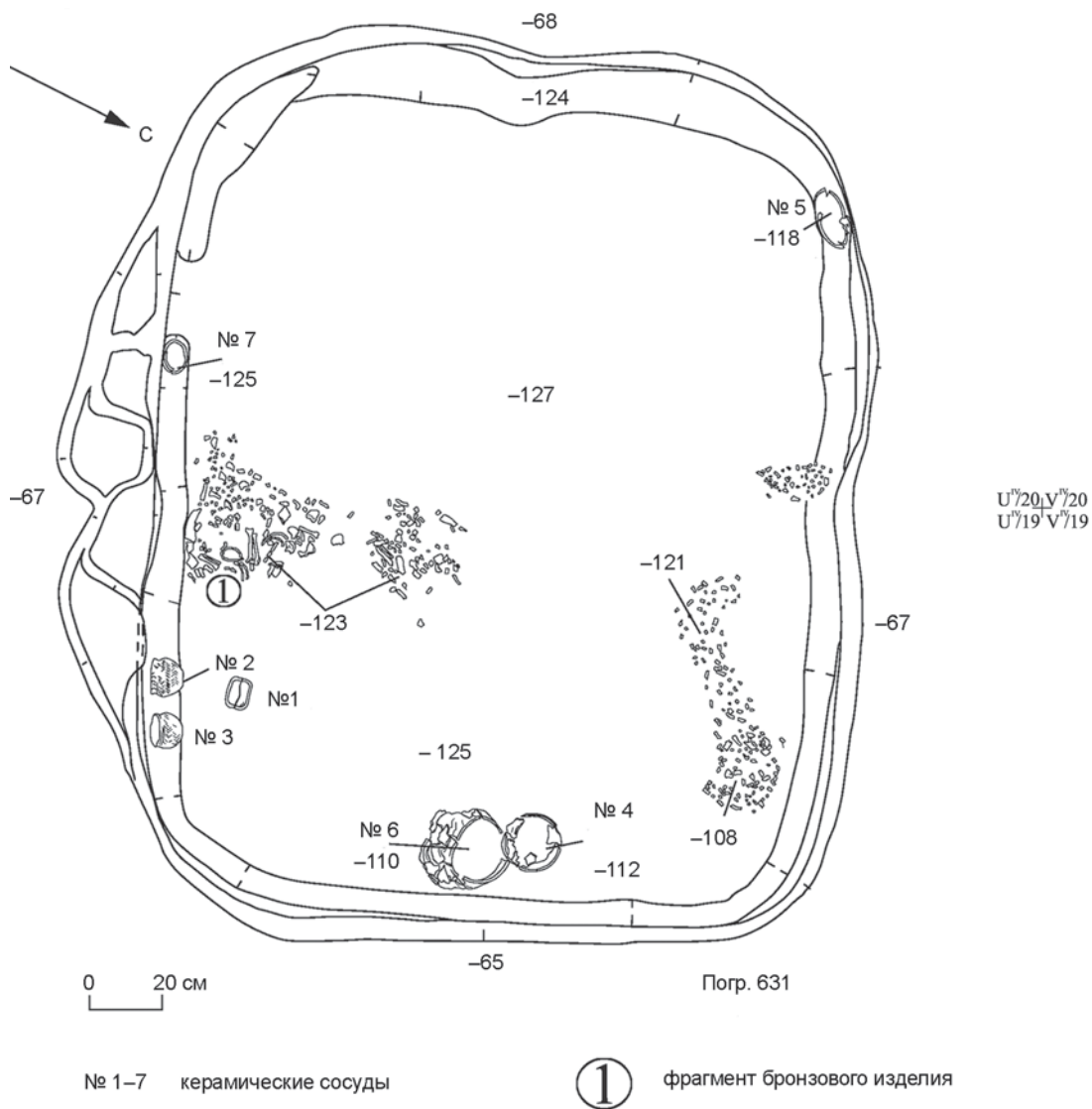

Рис. 1. Могильник Тартас-1. Погр. 631 (погребально-поминальный комплекс № 8).

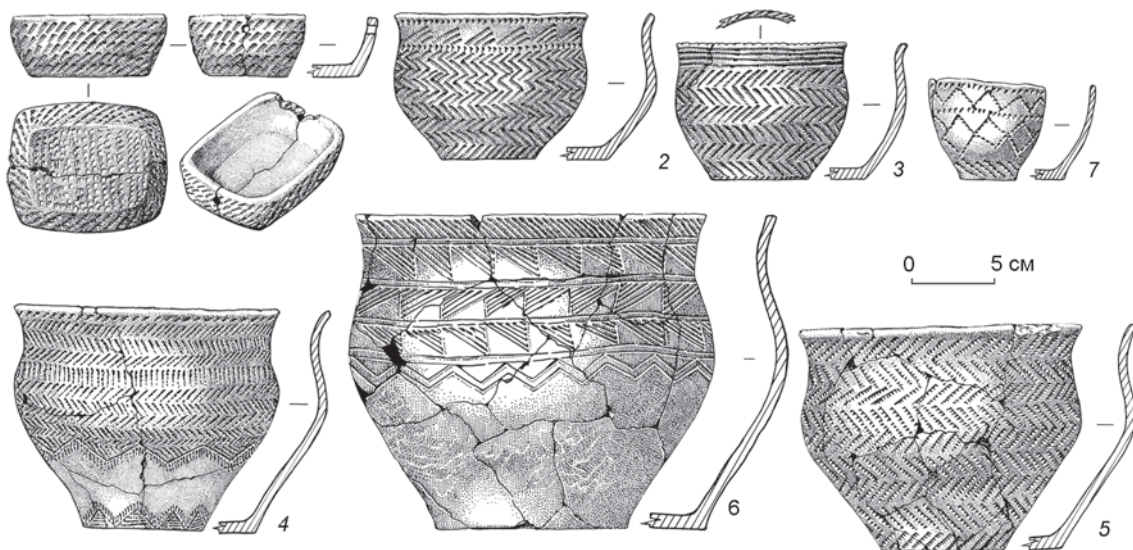

Рис. 2. Керамические сосуды из погр. 631 (погребально-поминальный комплекс № 8). Могильник Тартас-1.

вероятно служивших для подвешивания. Ближайшие аналогии на территории Западной Сибири найдены на поселении Каргат-6 и на могильнике Абрамово-4 [Молодин, 1985, с. 102]. Впрочем, на последнем памятнике блюдо было значительно большего размера. Керамические блюда прямоугольной формы больше известны в материалах западного варианта андроновской (федоровской) культуры, например в Зауралье [Стефанов, Днепров, Корочкова, 1983, с. 164–165], однако там они всегда имеют значительно большие размеры.

Остальные сосуды представляли собой профилированные горшки классических для андроновской (федоровской) культуры форм, орнаментированные горизонтальной елочкой, треугольниками и насечками, выполненными мелкозубчатым гребенчатым штампом (рис. 2, 2–7). Особенно необычен один из этих сосудов, высотой 5 см и диаметром по венчику 6,5 см. Он был обнаружен у юго-восточной стены могильной ямы стоящим на дне разомкнутого ровика, идущего по периметру дна погребения (см. рис. 2, 7). Сосуд имеет оригинальную орнаментальную композицию. Особенности погребального обряда и облик керамики позволяют отнести данный комплекс к андроновской (федоровской) культуре.

Особенностью комплексов со рвами, изученных в этом году, является то обстоятельство, что почти все погребения совершены по обряду трупосождения, тогда как известные на памятнике на настоящий момент захоронения андроновской (федоровской) культуры содержали как кремированные антропологические остатки, так и останки умерших, погребенных по обряду трупоположения; кроме того, имели место могилы, сочетающие оба варианта погребальной практики.

Согласно данным геофизического мониторинга, погребально-поминальные комплексы со рвами локализованы в центральной, исследуемой в настоящее время, части могильника. Это может свидетельствовать об определенной вариативности погребального обряда андроновцев (федоровцев), ограниченной достаточно узкими хронологическими рамками: погребения со рвами расположены на территории некрополя на достаточно компактном участке, на соседних же подобных объектов не зафиксировано.

На памятнике исследован еще один погребальный комплекс, включающий два погребения (№ 613, 614), ров и несколько ритуальных ям. Этот объект имел явные отличия от комплексов, рассмотренных выше. Фрагменты керамики и целый сосуд, обнаруженные в центральном погребении, позволили установить, что данный погребальный комплекс относится к периоду финальной

бронзы и оставлен носителями восточного варианта пахомовской культуры. Центральное погребение, совершенное по обряду трупоположения, было окружено мощным (глубиной до 0,52 м) разомкнутым рвом подчетырехугольной формы, на дне которого с юго-восточной стороны было обнаружено еще одно погребение-кремация, «вписанное» в ров по линии продольной оси. По-видимому, первоначально комплекс представлял собой курган диаметром более 13 м. Следует иметь в виду, что планиграфически курган располагался в непосредственной близости от исследованных на могильнике ритуальных сооружений переходного от эпохи бронзы к раннему железу времени, также относящихся к восточному варианту пахомовской культуры. Нельзя исключать, что данные объекты были семантически взаимосвязаны. Как бы то ни было, очевидно, что перед нами конструкция пахомовского некрополя, составляющая с погребальным сооружением № 588, исследованным ранее [Молодин, Ефремова, Кобелева и др., 2014], единый комплекс. Геофизические наблюдения позволяют допустить вероятность продолжения этого могильника.

Список литературы

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ковыршина Ю.Н., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Наглер А., Мыльникова Л.Н., Хансен С. Вариативность погребального обряда андроновской (федоровской) культуры на памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 260–264.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Ковыршина Ю.Н. Погребение пахомовской культуры на могильнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 219–222.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Наглер А., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Ненахов Д.А., Демахина М.С., Мыльникова Л.Н., Хансен С. Культовые комплексы восточного ареала пахомовской культуры на многослойном памятнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 265–269.

Молодин В.И., Наглер А., Хансен С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Мыльникова Л.Н., Васильев С.К., Васильева Ю.А., Ковыршина Ю.Н., Кудинова М.А., Мосечкина Н.Н., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Сальникова И.В. Ритуальные комплексы восточного ареала пахомов-

ской культуры на памятнике Тартас-1 (Обь-Иртышская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 231–236.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Ефремова Н.С., Новикова О.И., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н., Мосечкина Н.Н., Васильева Ю.А. Археологические исследования могильника Тартас-1 в 2011 году: основные результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 206–210.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Наглер А., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н., Нестерова М.С. Тартас-1: Открытия 2010 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 262–267.

Стефанов В.И., Днепров С.А., Корочкова О.Н. Курганы федоровского типа могильника Урефты // СА. – 1983. – № 1. – С. 155–166.

References

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985. 200 pp. (In Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Kovyrshina Yu.N., Nenakhov D.A., Demakhina M.S., Nagler A., Myl'nikova L.N., Hansen S. Variativnost' pogrebal'nogo obryada andronovskoy (fedorovskoy) kul'tury na pamyatnike Tartas-1 // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2013. Vol. XIX. Pp. 260–264. (In Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Myl'nikova L.N., Kovyrshina Yu.N.

Pogrebenie pakhomovskoy kul'tury na mogil'nike Tartas-1 // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. T. XX. Pp. 219–222. (In Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Myl'nikova L.N., Nagler A., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Efremova N.S., Novikova O.I., Nesterova M.S., Nenakhov D.A., Kovyrshina Yu.N., Mosechkina N.N., Vasil'eva Yu.A. Arkheologicheskie issledovaniya mogil'nika Tartas-1 v 2011 godu: Osnovnye rezul'taty // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2012. Vol. XVII. Pp. 206–210. (In Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Myl'nikova L.N., Nagler A., Novikova O.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Efremova N.S., Solov'ev A.I., Nenakhov D.A., Kovyrshina Yu.N., Nesterova M.S. Tartas-1: Otkrytiya 2010 goda // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2010. Vol. XVI. Pp. 262–267. (In Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Nagler A., Durakov I.A., Efremova N.S., Nenakhov D.A., Demakhina M.S., Myl'nikova L.N., Hansen S. Kul'tovye komplekсы vostochnogo areala pakhomovskoy kul'tury na mnogoslennom pamyatnike Tartas-1 // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2013. Vol. XIX. Pp. 265–269. (In Russ.).

Molodin V.I., Nagler A., Hansen S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Efremova N.S., Novikova O.I., Myl'nikova L.N., Vasil'ev S.K., Vasil'eva Yu.A., Kovyrshina Yu.N., Kudinova M.A., Mosechkina N.N., Nenakhov D.A., Nesterova M.S., Sal'nikova I.V. Ritual'nye komplekсы vostochnogo areala pakhomovskoy kul'tury na pamyatnike Tartas-1 (Ob'-Irtyshskaya lesostep') // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2012. Vol. XVIII. Pp. 231–236. (In Russ.).

Stefanov V.I., Dneprov S.A., Korochkova O.N. Kurgany fedorovskogo tipa mogil'nika Urefty // Sovetskaya arkheologiya 1983. No. 1. Pp. 155–166. (In Russ.).

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ СЕДЕЛЬНЫХ ДУЖЕК У ПАЗЫРЫКЦЕВ АЛТАЯ*

Статья посвящена междисциплинарному исследованию деревянных дужек седел у носителей пазырыкской культуры. На примере анализа результатов изучения технологии изготовления дополнительных формообразующих деревянных деталей для «мягкого» седла рассмотрены конструктивные составляющие важнейшего элемента сбруи коня кочевников скифского времени Алтая. Определена порода древесины, выявлены особенности отбора материала, установлены примерный состав инструментария, приемы и способы обработки дерева. Подтвержден тезис о формообразующей функции деревянных дужек для «мягкого» седла.

Упряжь коня – важный элемент традиционной культуры скотоводов-кочевников. В ее создании и совершенствовании ключевую роль сыграли кочевые народы скифского, гунно-сарматского и древнетюркского времени. Одна из массовых категорий археологических находок – детали конского снаряжения. Результаты комплексного анализа этих артефактов богатейшей кочевой цивилизации степей Евразии на примере археологических комплексов с погребениями коней дают дополнительную возможность для более целостного понимания этнической истории и культурогенеза народов этого обширного региона.

Одним из основных элементов сбруи коня кочевника является седло для верховой езды. «Мягкое» седло носителей пазырыкской культуры было усложненным, промежуточным вариантом между простейшими седлами и седлами-накидками причерноморских скифов и «полужесткими» седлами гуннов. Исследователи памятников носителей пазырыкской культуры в своих публикациях подробно описали его форму и основные составляющие, привели рисунки, фотографии, реконструкции.

Специальные исследования по технологии деревообработки при изготовлении деревянных составляющих «мягкого» седла пазырыкцев дают новые данные для более полного представления о предмете исследования.

Ключевые слова: Алтай, скифское время, конская сбруя, деревянные дужки для седел, технология.

V.P. Mylnikov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

PRODUCTION TECHNOLOGY OF SADDLE SHACKLES AMONG PAZYRYK PEOPLE OF ALTAI

The article is devoted to interdisciplinary research of wooden saddle shackles of Pazyryk culture bearers. We considered the constructive parts of an important element of the horse harness of nomads from Scythian Altai as exemplified by analysis of the research results of production technology of the additional shaping wood parts for the “soft” saddle. We determined the wood species, the peculiarities of the material selection, the approximate composition of tools, the techniques and methods of woodcarving. The thesis that wooden shackle had accomplished the forming function for the “soft” saddle was confirmed. The horse harness is an important element of the traditional culture of nomadic breeders. The key role in its formation and modification was played by nomadic peoples of the Scythian, Xiongnu-Sarmatian and ancient Turkic time.

One of the mass category of archaeological finds is the parts of horse harness. The results of the complex analysis of these richest sources of the nomadic civilization in the Eurasian steppes give an additional opportunity for a more general understanding of the ethnic history and cultural genesis of the peoples of this vast region in the terms of archaeological complexes with burials of horses. Saddle for riding is the one of the main elements of the horse harness of nomads. “Soft”

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

saddle Pazyryk nomads were intermediate, perplex variant between the simplest saddles and saddle-wraps of Black Sea Scythians and Xiongnu "semi-hard" saddles. Researchers, who had studied the sites of Pazyryk culture, have described in detail the form and main components, given the paintings, photographs, reconstructions in well-known publications. Special studies on woodworking technology of wooden components of Pazyryk "soft" saddles provide the new additional data, supplied the information about this source.

Keywords: *Altai, Scythian time, horse harness, wooden saddle shackle, technology.*

Седло для верховой езды – одна из важнейших составляющих сбруи коня кочевника. Оно вкупе со стремянами и уздой создает максимальное удобство для всадника, способствует выработке правильной посадки, достижению контакта с лошадью и умению воздействовать на нее во время езды. Седло защищает спину коня от постоянной тряски, трения и ударов от тела наездника. Существенное значение в этом плане имеет конструкция основы (каркаса) седла, которая может быть выполнена из дерева или других материалов [Мюзелер, 1980, с. 13; Боррис, 1998, с. 82–98].

Упряжь верхового коня – один из наиболее значимых элементов традиционной культуры скотоводов-кочевников. В ее создании и совершенствовании ключевую роль сыграли кочевые народы скифского, гунно-сарматского и древнетюркского времени. Детали конского снаряжения являются одной из массовых категорий археологических находок. Комплексный анализ источников и артефактов богатейшей кочевой цивилизации евразийских степей (Алтай, Саяны, Сибирь) на примере археологических комплексов с погребениями коней [Мыльников, Быков, Слюсаренко, 2010] предоставляет дополнительную информацию для более объективного понимания культурогенеза и этнической истории народов этого огромного региона.

Кожаные седла кочевников пазырыкской культуры с вырезанными из дерева, но не гнутыми седельными дужками и планками-распорками – важнейшее звено в генезисе упряжи коня. Они наглядно демонстрируют возникновение простейшего типа седла и его дальнейшую эволюцию. Седла такого типа обнаружены в курганах 1 и 2 могильника Пазырык и в кургане 1 могильника Туэкта [Руденко, 1960, с. 130–132].

Исследователи памятников носителей пазырыкской культуры подробно, во всех деталях, с этнографической точностью описывали форму и основные составляющие седла кочевников, справедливо названного ими «мягким». Оно представляло собой две плоские кожаные подушки, набитые шерстью оленя и соединенные между собой кожаными ремнями. По всей длине для прочности набивки подушки простеганы толстым шерстяным шнуром. Закругленные окончания каждой подушки спереди и сзади оформлены в виде валиков, на которые на-

шивались деревянные дужки (прообразы луков) различного профиля и кривизны изогнутости. С.И. Руденко в известной монографии уже прямо называет седельные дужки луками и указывает на то, что сверху они обшивались шерстяной тканью разных расцветок, тонкой кожей, покрывались красным лаком. Между парами дужек-луков большинства седел спереди и сзади были вставлены и вшиты резные и гнутые деревянные дощечки-распорки, которые «являлись первым зачатком будущей деревянной основы седла [1953, с. 165]. Снизу под «мягкое» кожаное седло кочевники скифского времени подкладывали мягкий войлочный потник, сверху седло покрывали чехлом из апплицированного войлока тонкой выделки. В известных публикациях приведены его многочисленные рисунки и фотографии, сделаны различные реконструкции [Грязнов, 1937, с. 13–15; 1950, с. 54–58, табл. VII, VIII, XI, XVI, XXII; Руденко, 1948, с. 14–15; 1953, с. 164–214; 1960, с. 128–132, табл. LXIII, 1–5; Вайнштейн, Крюков, 1984, с. 122; Ткаченко, 2003, с. 93–122; Кляшторный, Савинов, 2005, с. 189; Степанова, 2006, 2012].

Тем не менее эти подробнейшие описания нуждаются в некоторых дополнительных данных по технологии деревообработки, которые делают представление о предмете исследования более полным.

Технико-технологический анализ нескольких комплектов дужек для седел хорошей сохранности из кургана 1 могильника Туэкта дал следующие результаты. Внешние поверхности (боковые грани) всех дужек содержат только следы вторичной обработки (рис. 1). Все следы первичной обработки сохранились в углублениях выемок в основаниях дужек (рис. 2). По параметрам следов (размер, профиль, глубина) определены виды инструментов, применявшихся при их изготовлении: тонколезвийный нож, стамеска с полукруглым лезвием размером 5–7 мм, стамеска с прямым лезвием шириной 5 мм, сверло диаметром 1,5–2,0 мм.

По характеру расположения и направления следов лезвий инструментов выделены операции деревообработки. Первичные (основные) – резание, строгание (стружение), сверление. Вторичные (дополнительные) – скобление (шабрение), заглаживание (лощение). Конечно же, пазырыкские плотники всегда в качестве первого инструмента обработки при любой операции использо-

вали топор или тесло. Наверняка применялись они и при изготовлении заготовок для мелких предметов, но их следы удалось зафиксировать только на оборотной стороне деревянных украшений с художественной резьбой для сбруи коня.

Судя по прекрасной сохранности практически всех изделий, дужки изготовлены из материала, прошедшего полный цикл предварительной подготовки к обработке: заготовка древесины в наиболее благоприятное время; сушка до необходимого состояния влажности; правильный раскрой на заготовки и их тщательная обработка. Анализ рисунка годичных колец на боковых гранях седельных дужек свидетельствует о том, что заготовки для них изготовлены из тангенциальных частей ствола дерева.

Визуально в общей массе исследованные нами дужки различаются между собой по размерам, высоте и кривизне дуги, по профилю граней, по способу обработки углубленных выемок для прикрепления их к концевым валикам кожаных подушек.

По сечению в поперечном разрезе в середине дуги арки они подразделяются на два типа: 1) подтреугольного профиля (двугранные); 2) криволинейного профиля (фигурные). По форме изогнутости и высоты дуги: высокая, средняя и низкая арки. По форме и характеру обработки инструментами (ножом или стамеской) углубленной выемки по всей длине: двугранно-выемчатые и полукруглые.

Дужки подтреугольного в сечении профиля, разнообразные по длине и высоте арки, имели следующие параметры: длина по изогнутым окончаниям дуги 19–26 см; высота дуги 4,0–12,8 см; ширина боковых граней 1,2–2,4 см; ширина нижней грани с выемкой 2–3 см; глубина двугранной выемки 0,8–1,2 см; глубина полукруглой выемки 0,6–0,9 см.

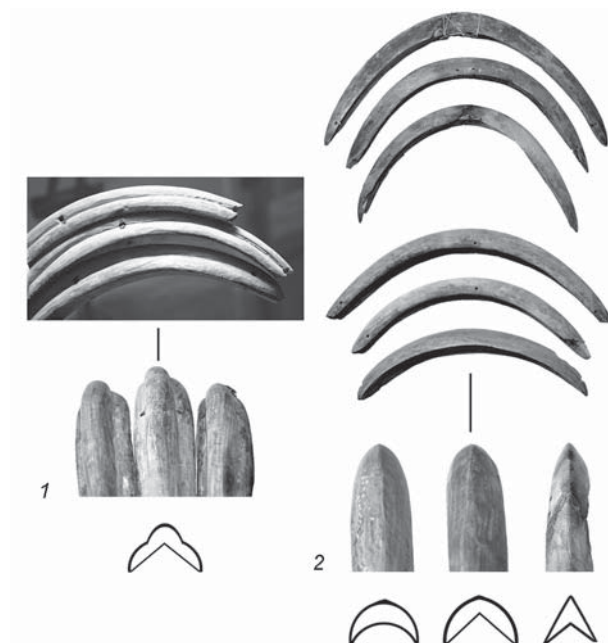

Рис. 1. Дужки для «мягких» седел носителей пазырыкской культуры (внешний вид, профиль, разрез). Могильник Туэкта, кург. 1.

1 – с криволинейным профилем (фигурные); 2 – с треугольным профилем (двуплоскостные).

Дужки криволинейного профиля более стандартизованы. Их длина 15,5–17,0 см; высота дуги 5,5–7,0 см; ширина нижней грани с выемкой 2,0–2,5 см; глубина двугранной выемки 0,6–0,9 см. Точную ширину боковых граней определить из-за криволинейного профиля сложно.

Для крепления дужек к валикам кожаного седла на их боковых гранях тонким сверлом-перкой проворачивались сквозные отверстия, по два сверху посередине и по два на концах дужек. Малый размер отверстий и их малое количество на дужках подтреугольного профиля побудили исследовате-

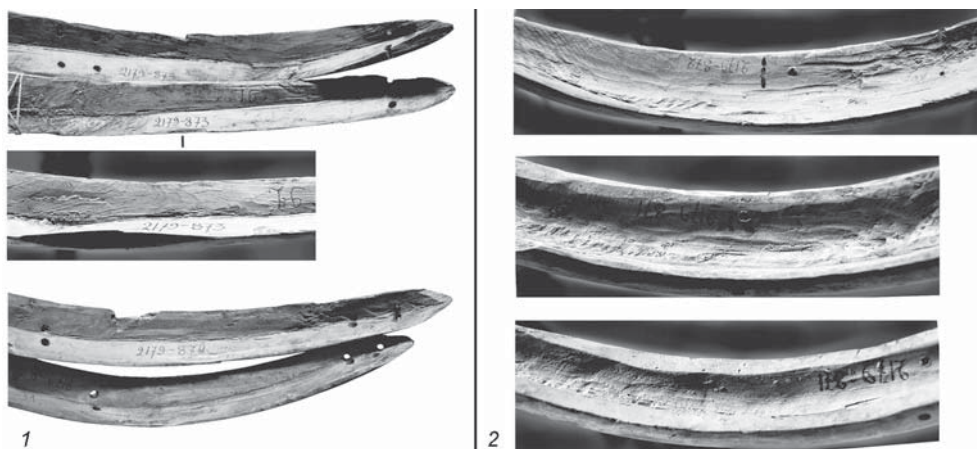

Рис. 2. Дужки для «мягких» седел носителей пазырыкской культуры. Могильник Туэкта, кург. 1.

1 – изготовление выемок под валики подушек седла ножом: следы тонкого прямого лезвия ножа; 2 – изготовление выемок под валики подушек седла стамеской: следы стамески с полукруглым лезвием.

лей высказать предположение об их исключительно ритуально-сакральном предназначении с признанием, что «основная конструкция их, несомненно, копирует настоящее рабочее седло и узду» [Грязнов, 1937, с. 14]. Дужки с криволинейным профилем имеют сверху, на полукруглом в сечении выступающем валике, дополнительные подквадратные сквозные отверстия 4 × 4 мм, прорезанные стамеской. Вероятное их назначение – прикрепление к ним с помощью кожаных ремешков тонкой войлочной покрышки поверх седла, о которой упоминает С.И. Руденко [1948, с. 15].

Сравнительно-типологический анализ архитектуры седел (форма, внешний вид), генезис составляющих конструкции и особенности изготовления каждого типа деревянной основы седел на протяжении скифского-древнетюркского времени показывают прогрессивное развитие и совершенствование этого центрального элемента снаряжения коня во времени и пространстве. Важнейшее звено в эволюции «мягкого» седла кочевника – изобретение деревянных дужек к простому, широко распространенному кожаному седлу, которые сформировали прообраз его будущей жесткой основы.

Список литературы

- Боррис А.** Снаряжение для лошадей и пони. – М.: Аквариум, 1998. – 125 с.
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В.** Седло и стремя // Сов. этнография. – 1984. – № 6. – С. 114–130.
- Грязнов М.П.** Пазырыкский курган. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – 44 с.
- Грязнов М.П.** Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1950. – 85 с.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.** Степные империи древней Евразии. – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2005. – 346 с.
- Мыльников В.П., Быков Н.И., Слюсаренко И.Ю.** Комплексный анализ деревянных предметов из кургана 1 могильника Ак-Алаха-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 273–279.
- Мюзелер В.** Учебник верховой езды. – М.: Прогресс, 1980. – 213 с.
- Руденко С.И.** Второй Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. – 73 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 359 с.

Степанова Е.В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // Археологические вести ИИМК РАН. – 2006. – № 13. – С. 102–150.

Степанова Е.В. Конское снаряжение кочевников Алтая скифского времени (по материалам курганов пазырыкской культуры) // Каталог выставки «Кочевники Евразии на пути к империи». – СПб.: Гос. Эрмитаж; АО «Славия», 2012. – С. 103–110.

Ткаченко И.Д. Упряжь и сбруя // Система научного описания музейного предмета. Классификация. Методика. Терминология. Справочник. – СПб.: Арт-Люкс, 2003. – С. 93–122.

References

- Borris A.** Snaryazhenie dlya loshadey i poni. Moscow: Akvarium, 1998. 125 pp. (In Russ.).
- Gryaznov M.P.** Pazyrykskiy kurgan. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1937. 44 pp. (In Russ.).
- Gryaznov M.P.** Pervyi Pazyrykskiy kurgan. Leningrad: Izd-vo Gos. Ermitazha, 1950. 85 pp. (In Russ.).
- Klyashtornyi S.G., Savinov D.G.** Stepnye imperii drevney Evrazii. St. Petersburg: Filol. fak-t SPbGU, 2005. 346 pp. (In Russ.).
- Mylnikov V.P., Bykov N.I., Slyusarenko I.Yu.** Kompleksnyi analiz derevyannykh predmetov iz kurgana 1 mogilnika Ak-Alakha-1 // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2010. Vol. XVI. Pp. 273–279. (In Russ.).
- Myuzeler V.** Uchebnik verkhovoy ezdy. M.: Progress, 1980. 213 pp. (In Russ.).
- Rudenko S.I.** Vtoroy Pazyrykskiy kurgan. Leningrad: Izd-vo Gos. Ermitazha, 1948. 73 pp. (In Russ.).
- Rudenko S.I.** Kultura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1953. 402 pp. (In Russ.).
- Rudenko S.I.** Kultura naseleniya Tsentralnogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1960. 359 pp. (In Russ.).
- Stepanova Ye.V.** Evolyutsiya konskogo snaryazheniya i otnositelnaya khronologiya pamyatnikov pazyrykskoy kultury // Arkheologicheskie vesti IIMK RAN. 2006. No. 13. Pp. 102–150. (In Russ.).
- Stepanova Ye.V.** Konskoe snaryazhenie kochevnikov Altaya skifskogo vremeni (po materialam kurganov pazyrykskoy kultury) // Katalog vystavki «Kochevniki Evrazii na puti k imperii». St. Petersburg: Gos. Ermitazh; AO «Slaviya», 2012. Pp. 103–110. (In Russ.).
- Tkachenko I.D.** Upryazh i sbruya // Sistema nauchnogo opisaniya muzeynogo predmeta. Klassifikatsiya. Metodika. Terminologiya. Spravochnik. St. Petersburg: Art-Lux, 2003. Pp. 93–122. (In Russ.).
- Vaynshteyn S.I., Kryukov M.V.** Sedlo i stremya // Sov. Etnografiya. 1984. No. 6. Pp. 114–130. (In Russ.).

В.П. Мыльников¹, А.А. Тишкин²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Алтайский государственный университет

E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru; tishkin@hist.asu.ru

ФУТЛЯРЫ-ХРАНИЛИЩА ДЛЯ ИНСТРУМЕНТОВ У КОЧЕВНИКОВ ГУННО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ НА АЛТАЕ

Комплекс стадий и операций по изменению формы материала с применением всех видов инструментов с режущими лезвиями составляет процесс обработки дерева резанием. Для изготовления каждого вида деревянных изделий деревообработчики использовали определенный состав (набор) инструментов, многие виды которых были по сути универсальными, так как могли применяться для выполнения нескольких операций. Первые специализированные наборы из десятков деревообрабатывающих инструментов для первичной и вторичной обработки материала выделены исследователями при анализе комплексов каменных орудий, происходящих из неолитических поселений Урала. Он выявил, что для «черновой» – первичной – обработки древесины применяли топоры, долота, скребла, пилы (видимо, пластины с зазубренными краями). Для вторичной – «производства беловых отделочных и гравировальных работ» – использовали струги, строгальные ножи, сверла, развертки, резчики, резцы. Столь широкий ассортимент орудий позволил исследователям оценить уровень развития деревообработки в эпоху развитого неолита и реконструировать основные операции первичной (рубка, отеска) и вторичной (грубое строгание, скобление-выравнивание, чистовое строгание, заглаживание и полировка, резьба и гравировка) обработки поверхности древесины.

Трудами наших предшественников по результатам трасологического анализа деревянных предметов со следами орудий обработки и данным этнографических наблюдений и экспериментальных разработок установлено, что у древних мастеров Северной и Центральной Азии бытовали следующие виды деревообрабатывающих инструментов: рубящие, ударные, комплексного действия, режущие и их разновидности.

Деревообработчики гунно-сарматского времени, как и современные мастера, для хранения инструментария изготавливали специальные хранилища-коробочки.

Ключевые слова: гунно-сарматское время, технология обработки дерева, футляры-хранилища для инструментария.

V.P. Mylnikov¹, A.A. Tishkin²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Altai State University

E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru; tishkin@hist.asu.ru

WALLET-STORAGE FOR EQUIPMENT AMONG THE NOMADS OF XIONGNU-SARMATIAN TIME IN ALTAI

The complex of stages and operations to change the shape of the material with using of all kinds of tools with cutting edges is the process of woodcarving. The woodworkers used the certain tool composition (kit) for the production of each kind of wooden items. Many types of these tools were universal, as might be used for several operations. Researchers educed the first specialized kits, consisted of tenth of woodworking tools for primary and secondary treatment during the analysis of stone tool complexes, originating from the Neolithic settlements of the Urals. They found that “rough” – primary – treatment of wood people had used the axes, chisels, scrapers, saws (apparently, the blades with denticulate edges).

The secondary treatment: “production of the clean finishing and engraving works” – was made by rabot scraper, planer knives, drills, reamers, cutters, burins. Such a wide range of tools permitted to estimate the development level of the Neolithic woodcarving and reconstruct the main operations of the primary (fell, rough hewing) and secondary (rough planing, scraping-abrasion, finish planing, smoothing and polishing, carving and engraving) treatment of wood surface.

The efforts of our predecessors, the results of the use-wear analysis of wooden items with traces of treatment by tools, data, received in the process of ethnographic observations and experimental works, permitted to establish that the ancient masters of North and Central Asia used such types of woodcarving tools as chopping, percussion, with complex functions, cutting and their varieties. Similar to modern masters, the woodworkers of Xiongnu-Sarmatian time produced the wallet-storage for tools.

Keywords: Xiongnu-Sarmatian time, woodcarving technology, wallet-storage for equipment.

Металлические деревообрабатывающие инструменты раннего железного века обладают худшей сохранностью по сравнению с каменными орудиями и к тому же очень редко встречаются при раскопках археологических памятников [Акишев А.К., 1984, с. 10; Моргунова, 1994, с. 167]. Чаще всего их находят вкладах, не «привязанных» к определенной культуре [Акишев К.А., Кушаев, 1963, с. 106–110; Popescu, Antonini, Baipakov, 1998, p. 262, fig. 389–396]. Вероятно, одним из объяснений этого может быть то, что древние мастера, как и их потомки, с особенным почтением относились к своим инструментам. Даже сломанные, пришедшие в негодность орудия они не выбрасывали, боясь, что инструменты (кормильцы и поильцы) могут лишить их мастерства и силы и наслать болезни на весь род за непочтительность по отношению к ним [Черных, 1972, с. 196]. Поэтому традиции бережного, может быть даже ритуального, отношения к инструментарию существовали во все времена у всех, кто работал с деревом. Наверное, и у кочевников Алтая бытовали подобные обычаи и ритуалы, и мастера для хранения своих драгоценных во всех смыслах инструментов (шила, иглы, ножи, стамески) создавали специальные футляры-коробочки.

В процессе исследования погребений на могильнике гунно-сарматского времени Яломан II на Алтае было обнаружено много деревянных предметов разной степени сохранности. Среди прочего в кургане № 31 была найдена небольшая прямоугольная коробочка с крышечкой, в которой лежал универсальный инструмент – шило с деревянной ручкой и бронзовым четырехгранным острием-лезвием. Рядом с шилом был найден металлический фрагмент сильно корродированного круглого в сечении заостренного стержня (верхний конец рабочей части железного орудия). Длина его – 10,2 см, диаметр – 0,8 см.

Технико-технологический анализ позволил идентифицировать коробочку как футляр для хранения инструментов [Тишкин, Мыльников, 2007, 2008].

Археологически целый предмет. Колл. 181 (рис. 1, 1) представляет собой выдолбленную (вы-

резанную) из фрагмента ствола дерева хвойной породы (предположительно кедра) коробочку, предназначенную для хранения неких предметов (мелких инструментов). Ее длина 33 см, ширина 8,7–8,9, высота 5,7–6,4 см. Сохранность древесины средняя, торцы пенала растрескались, покрылись глубокими щелями. На дне фиксируется большое отверстие с рваными краями – следы гниения или действия грибка. Одна длинная сторона пенала (лицевая) абсолютно целая, другая, подпорченная гнилью, посередине имеет поперечный излом.

На сохранившейся лицевой стороне (бортике) футляра, ниже края кромки на 1,6 см, фиксируются два сквозных отверстия диаметром 3 мм. Отверстия в плане подквадратные. Они прорезаны или прорублены стамеской с тонким плоским лезвием. На противоположной стороне с изломом посередине фиксируется только одно отверстие. Толщина стенок пенала – 5 мм, толщина дна 6–8 мм. Толщина торцов у дна – 10 мм, толщина торцов сверху – 2,5 см. У одного из торцов с внешней стороны от днища наклонно внутрь тела на расстоянии 1,2 см от края тонкой стамеской прорезано коническое сквозное отверстие квадратных очертаний размерами 7 × 7 мм. На выходе размеры отверстия составляют 4 × 4 мм.

Изнутри торцы обработаны лезвием небольшого тесла или долота. Движения инструмента, судя по расположению и характеру следов, были направлены сверху вниз, к днищу. Принципы обработки поверхности и выемки древесины изнутри для оформления полости практически те же, что и при изготовлении большой колоды, только исполнены в миниатюре. Каждый торец тела пенала равномерно приострен с четырех сторон к середине. Сверху пенал был закрыт тонкой крышкой, изготовленной из сосны кедровой сибирской. Крышка плоская (длиной 32 см, шириной 8 см, толщиной 0,6 см), полностью закрывает полость пенала. Торцы прямые, с наклонными гранями. На крышке просверлены три сквозных отверстия симметрично на уровне отверстий в теле пенала. Вероятно, там, где два отверстия, крышка крепилась жестко с помощью

сыромятных ремешков, а там, где одно отверстие, был какой-то замок (запор), возможно тоже в виде ремешка.

На плоскостях обеих сторон фиксируется множество перекрещивающихся в разных направлениях следов порезов тонким лезвием ножа. Такими же порезами испещрена верхняя плоскость крышки пенала. Вероятно, это следы многочисленных раскроев каких-то кожаных или берестяных изделий, при изготовлении которых мастер использовал плоскости пенала и крышку как маленькую столешницу. На бортиках пенала слабо различимы и какие-то плохо читаемые тончайшие узоры (следы) непонятного происхождения. Внутри на дне пенала был найден инструмент – металлическое шило, вставленное в деревянную рукоять. Ручка шила, круглая в сечении с округло-сферическим утолщением на конце, выполнена из березовой заготовки. Длина ее – 6,4 см, длина утолщения – 1,6 см, диаметр утолщения – 2,1 см. Заглаженная поверхность свидетельствует о частом применении этого инструмента для разного вида работ. Рабочая часть – железный стержень, корродированный, квадратный в сечении (4 × 4 мм). Сохранившаяся длина его составляет 1,8 см. Шило было вставлено в квадратное отверстие, прорезанное стамеской с тонким лезвием, и слегка вбито вовнутрь. Не исключено, что для «прорезания» глубокого отверстия использовался раскаленный на огне металлический пруток или сам стержень. Возможно, для дополнительной жесткости металлический стержень был посажен на клей.

Последующие междисциплинарные исследования, включавшие технологический, ксилотомический и дендрохронологический анализы, выявили множество мелких и крупных фрагментов деревянных изделий, которые удалось идентифицировать как части еще по крайней мере трех аналогичных пеналов – футляров для хранения мелкого инструментария плотников и резчиков по дереву. С помощью ксилотомии определено, что все пеналы сработаны из древесины березы и хвойных пород (кедр). Дендрохронология показала, что для их изготовления использовали заготовки, вырубленные из стволов дерева диаметром ок. 15–18 см, возрастом 30–50 лет. Технологические изыскания дали следующие результаты.

Футляр-коробочка для инструментов. Кург. 30. Колл. 621/113-116 (рис. 1, 2). Сохранность древесины очень плохая, поэтому коробочка расслоилась, распалась на несколько разрозненных частей. Ее примерная длина – ок. 32 см, ширина – 12 см, высота – 5,8 см. Толщина торцов

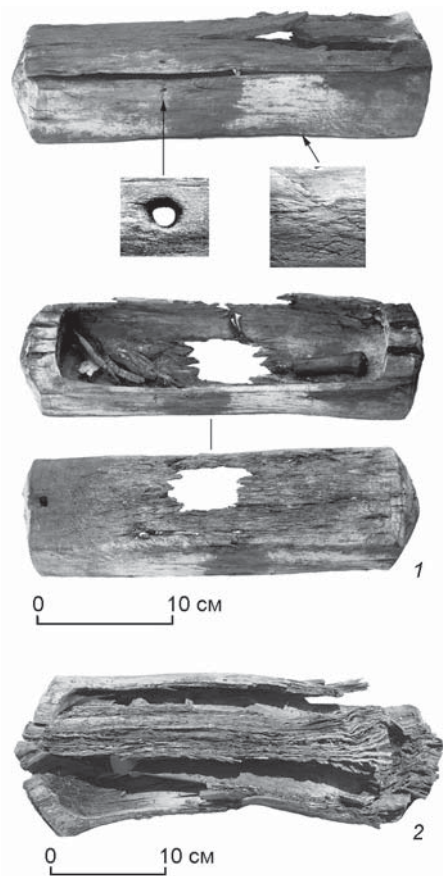

Рис. 1. Футляры-хранилища для мелких инструментов. Могильник Яломан II. Раскопки А.А. Тишкина. Фото В.П. Мыльникова.

1 – археологически целый футляр из кург. 31; 2 – футляр с истлевшей крышкой из кург. 30.

2,0–2,7 см. Толщина стенок – 0,5 см, толщина дна – 0,8 см. Коробочка прямоугольной формы, с овальными торцами, срезанными к центру под тупым углом. Зафиксированные следы первичной и вторичной обработки заготовки позволяют установить, что изделие изготовлено из фрагмента ствола дерева (чурки) хвойной породы при помощи тесла, стамесок и ножа. На днище сохранились следы вторичной операции – заглаживания. Пенал закрывала крышка, вероятно вырезанная по абрису емкости пенала. Она превратилась в большой аморфный фрагмент с истлевшей и расслоившейся структурой. Сохранность очень плохая. Длина уцелевшей части 27,5 см, ширина 5–6 см, толщина 0,8 см. По аналогии с целыми экземплярами крышка была вырезана из отдельной плашки, может быть сколотой с той же чурки, из которой была изготовлена коробочка. Материал – береза.

Фрагменты коробочки-футляра. Кург. 20. Колл. 613/100 (рис. 2, 1). Множество мелких

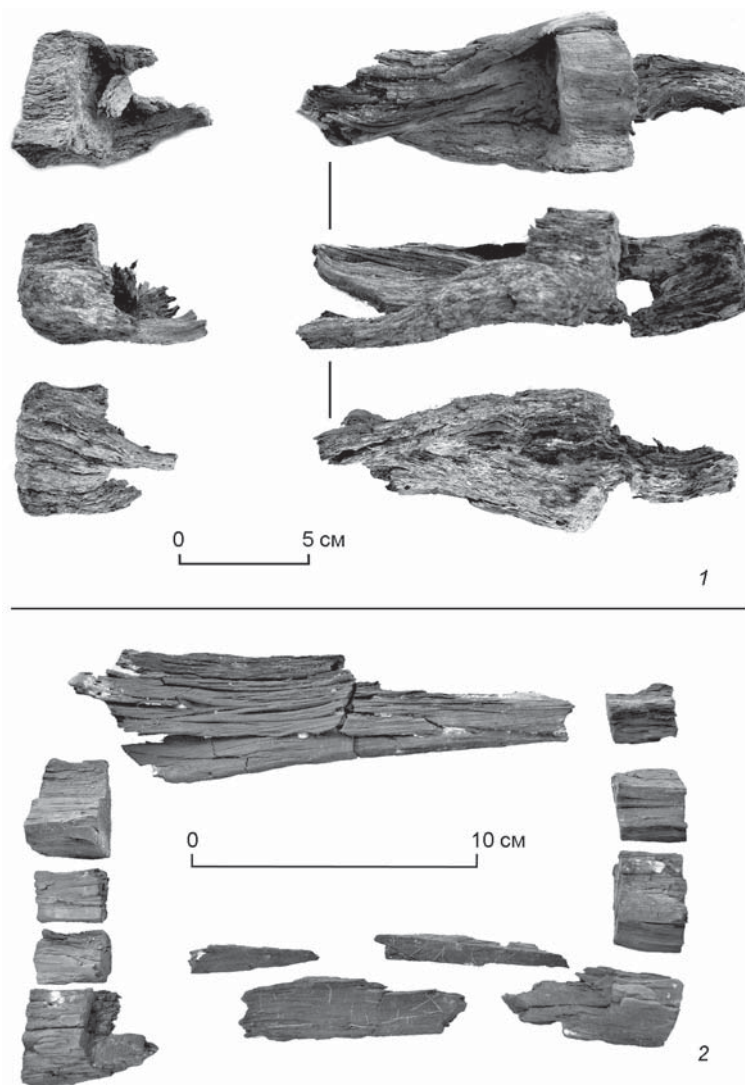

Рис. 2. Футляры-хранилища для мелких инструментов. Могильник Яломан II. Раскопки А.А. Тишкина. Фото В.П. Мыльникова.

1 – крупные фрагменты футляра (остатки музыкального инструмента) из кург. 20;
2 – фрагменты футляра из кург. 29.

фрагментов деревянной емкости разной конфигурации. Сохранность древесины очень плохая. Относительно удовлетворительно сохранились сплюснутые и потерявшие форму торцы коробочки. На одном – плоский с закруглениями выступ-прилив длиной 30 мм, шириной 22 мм, толщиной 5 мм. Примерная высота коробочки, судя по этому фрагменту, – 30 мм, ширина – 40 мм. Ширина торца – 18 мм, толщина бортиков – 3 мм, толщина дна – 3–4 мм. Другой торец сохранился хуже. Его ширина – 30 мм, высота – 26 мм, толщина – 13 мм. Материал – кедр.

Морфологический и сравнительно-типологический анализ крупных фрагментов предмета позволил выдвинуть предположение об ином функциональном назначении артефакта. Специально

вырезанный большой выступ на торце изделия, отличающий его от всех остальных футляров, дает основание отнести его к разряду музыкальных инструментов типа арфы, обнаруженных в кургане скифского времени Пазырык-2. К тому же остатки похожей коробочки лучшей сохранности с дополнительными деталями обнаружены в кургане 62.

Разрозненные фрагменты коробочки-футляра для инструментов. Кург. 29. Колл. 621/268 (рис. 2, 2). Нижнее, придонное ребро коробочки со сплюснутым профилем. Толщина дна – 8 мм, толщина стенок – 4 мм, толщина торцов 23–25 мм. На остатках плоскостей и плоских торцов сохранились слабо различимые косые и крестообразные следы порезов ножом. В коллекции много крупных и мелких обломков, по которым можно уточнить толщину стенок – 5 мм, торцов – 25 мм, дна – 8–10 мм. Материал – береза.

Таким образом, деревообработчики гунно-сарматского времени, как и современные мастера, очень бережно относились к своему инструментарию. Для его хранения и переноски они изготавливали специальные футляры-хранилища в виде коробочек с крышками. Судя по количеству таких коробочек в целом виде и во фрагментах практически в каждом исследованном погребении, это явление носило массовый характер, что косвенно может свидетельствовать

о высоком уровне развития деревообработки, в частности плотницкого ремесла.

Список литературы

- Акишев А.К.** Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Наука, 1984. – 175 с.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А.** Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. – 298 с.
- Моргунова Н.Л.** К вопросу об истоках сарматского элитарного погребального обряда: (По материалам эпохи бронзы Южного Приуралья) // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху: Мат-лы заседаний «круглого стола» (22–24 дек. 1994 г.). – СПб.: Изд-во ИИМК РАН; Гос. Эрмитаж, 1994. – С. 166–169.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Начало изучения комплекса деревянных изделий булан-кобинской культуры Алтая // Алтае-Саянская горная страна и история изучения ее кочевниками: сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 159–165.

Тишкин А.А., Мыльников В.П. Деревянные изделия из кургана 31 памятника Яломан II на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 1 (33). – С. 93–102.

Черных Е.Н. Металл – человек – время. – М.: Наука, 1972. – 208 с.

Popesku G.A., Antonini C.S., Baipakov K. L'oumo d'oro. La cultura delle steppe del Kazakhstan dall'età del bronzo alle grandi migrazioni. – Venezia, 1998. – 253 p.

References

Akischev A.K. Iskusstvo i mifologiya sakov. Alma-Ata: Nauka, 1984. 175 pp. (In Russ.).

Akischev K.A., Kushaev G.A. Drevnyaya kultura sakov i usuney doliny reki Ili. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1963. 298 pp. (In Russ.).

Chernykh Ye.N. Metall – chelovek – vremya. Moscow: Nauka, 1972. 208 pp. (In Russ.).

Morgunova N.L. K voprosu ob istokakh sarmatskogo elitarnogo pogrebalnogo obryada: (Po materialam epokhi bronzy Yuzhnogo Priuralya) // Elitnye kurgany stepey Evrazii v skifo-sarmatskuyu epokhu: Materialy zasedaniy «kruglogo stola» (22–24 dek. 1994 g.). St. Petersburg: Izd-vo IIMK RAN; Gos. Ermitazh, 1994. Pp. 166–169. (In Russ.).

Popesku G.A., Antonini C.S., Baipakov K. L'oumo d'oro. La cultura delle steppe del Kazakhstan dall'età del bronzo alle grandi migrazioni. Venezia, 1998. 253 pp.

Tishkin A.A., Mylnikov V.P. Nachalo izucheniya kompleksa derevyannykh izdeliy bulan-kobinskoy kultury Altaya // Altae-Sayanskaya gornaya strana i istoriya izucheniya eyo kochevnikami: sb. nauch. trudov. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007. Pp. 159–165. (In Russ.).

Tishkin A.A., Mylnikov V.P. Derevyannye izdeliya iz kurgana 31 pamyatnika Yaloman II na Altae // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2008. No. 1 (33). Pp. 93–102. (In Russ.).

Л.Н. Мыльникова

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: L.Mylnikova@yandex.ru

О МОДЕЛЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НОСИТЕЛЕЙ АВТОХТОННОЙ И ИНОКУЛЬТУРНЫХ ГОНЧАРНЫХ ТРАДИЦИЙ ЛЕСОСТЕПИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ БРОНЗОВОГО К ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ*

В работе представлены результаты анализа керамических комплексов лесостепи Западной Сибири времени перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку. Выделены два типа памятников: 1) с автохтонной керамической традицией; 2) многокомпонентные.

Анализ памятников второго типа позволил выделить три модели взаимодействия носителей автохтонной гончарной традиции с инокультурными:

1) механическая. Маркируется памятниками исключительно с «привозной» керамикой без признаков адаптации к местной среде (городище Чича-1, поселение Линево-1);

2) синкретичная. Фиксируется на памятниках, керамические коллекции которых демонстрируют не только приход нового населения, но и одновременное сосуществование разных культурных групп, их взаимовлияние и смешение в пределах одного комплекса. Результатом этих процессов является синкретичная керамика. Коллекции городища Чича-1 и поселения Линево-1 показывают многочисленные и разнообразные примеры контактов и наличия синкретичных комплексов керамики. Подобные процессы отмечают исследователи прииртышских и зауральских памятников, а также Ачинско-Маринской лесостепи, Томско-Нарымского Приобья;

3) опосредованная – как результат реализации второй модели. Связана с появлением населения, для которого синкретичная керамика становится «своей». Движение населения археологически регистрируется наличием керамики со смешанными чертами и отсутствием «первоначального» чистого компонента. Пример подобной модели демонстрируют материалы поселения Мыльниково, куда носители фигурно-штамповой традиции орнаментации посуды пришли уже с утраченными или смешанными техническими приемами и не повлияли на общую линию развития культуры.

Данные модели могут одновременно фиксироваться на одном памятнике. Как правило, в этом случае они принадлежат к разным керамическим традициям. Выделенные модели применимы для характеристики и других периодов истории, так как отражают общие закономерности взаимодействия разнотрадиционных керамических традиций.

Ключевые слова: гончарные традиции, модели взаимодействия.

L.N. Mylnikova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: L.Mylnikova@yandex.ru

ABOUT THE PATTERNS OF INTERACTION BETWEEN THE BEARERS OF AUTOCHTHONOUS AND INTRUSIVE CULTURAL POTTERY TRADITIONS DURING THE BRONZE TO IRON AGE TRANSITION IN THE WEST SIBERIAN FOREST-STEPPE

We presents here the results of analyzed ceramic complexes the Bronze to Iron Age transition in the West Siberian forest-steppe. We marked out two types of sites: 1 – with autochthonous ceramic tradition; 2 – multicomponent.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Analysis of the second type supposes three patterns of the interaction between the bearers of autochthonous and intrusive cultural pottery traditions.

1 – mechanical. It marks by exclusively “imported” pottery without the trace of adaptation to local environment (Chicha 1 hillfort, Linevo 1 settlement).

2 – syncretic. It is fixed at sites, where ceramic collections demonstrated not only the appearance of new population, but also the synchronous existence of the different cultural groups, their interaction and mixing in the frame of single complex. Syncretic pottery is a result of these processes. The collections of Chicha 1 hillfort, Linevo 1 settlement show the numerous and various examples of the contacts and presence of syncretic ceramic complexes. Researchers noticed such processes at the sites of Irtysh Region and Transurals, Achinsk-Mariinsk forest-steppe, Tomsk-Naryn Ob Region.

3 – mediate, as a result of realized second pattern. It is associated with appearance of population, who became the bearers of syncretic pottery. The movement of population is archaeologically fixed by the presence of ceramics with combined traits and absence of “primary” clean component. The example of such pattern is the material from Mylnikovo settlement, where the bearers of figured-stamp tradition of pottery ornamentation had appeared in refashion, with lost or mixed technics and had not influenced on the common line of cultural development.

These patterns can be fixed at the single site synchronously. Usually, in this case, they belong to different ceramic tradition. The deduced patterns are applied to characteristic of other historical periods, because they translate the common trends of interaction between heterocultural ceramic traditions.

Keywords: pottery tradition, patterns of interaction.

Анализ керамических коллекций памятников Западно-Сибирской лесостепи времени перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку демонстрирует неоднородность гончарных традиций. Вместе с тем общая их черта заключается в наличии инокультурных компонентов, проявляющихся в той или иной степени в технологических, морфологических и декоративных особенностях керамической посуды.

В поясе лесостепи Западной Сибири в означенное время фиксируются два типа памятников, различающиеся составом компонентов гончарных традиций.

1. Памятники с автохтонной керамической традицией (например, Омь-1, где комплекс демонстрирует единую эволюционную линию развития керамической традиции: ирменская – позднеирменская, теоретически – бархатовская позднебархатовская и т.д.).

2. Памятники многокомпонентные, в которых сочетаются автохтонный (как правило, главенствующий) и инокультурный(-е) компоненты.

Анализ объектов второго типа позволяет говорить о трех моделях взаимодействия носителей автохтонной гончарной традиции с инокультурными.

1. Механическая. Данную модель демонстрируют памятники, где зафиксирована чистая «инокультурная» гончарная традиция без признаков адаптации к местной среде (городище Чича-1, поселение Линево-1).

Так, на памятнике Чича-1 [Чича..., 2001, 2004, 2009] небольшая коллекция керамики по составу формовочных масс, общей морфологии, обработке поверхности (лощение), режиму обжига (полное науглероживание черепка как результат восста-

новительного режима), орнаментации (оттиски крестового штампа, разделенные рядами оттисков гребенки и ямок) четко выделяется среди массы другой посуды.

На поселении Линево-1 посуда самоделкин-ского типа по морфологическим, технологическим и орнаментальным характеристикам – также инокультурная, аналогичная материалам стоянок таежной части среднего Енисея и Нижнего Приангарья [Мандрыка, 2008]. Очевидно, движение этой группы населения на запад и юго-запад и фиксируют находки на поселении Линево-1.

2. Синкретичная. Модель маркируется памятниками, керамические коллекции которых позволяют говорить не только о приходе нового населения, но и об одновременном сосуществовании разных культурных групп, их взаимовлиянии и смешении в пределах одного комплекса. Результатом этих процессов является наличие синкретичной керамики, сочетающей традиции двух или нескольких культур. Например, коллекции городища Чича-1 [Молодин, Мыльникова, Дураков, Кобелева, 2009] и поселения Линево-1 демонстрируют многочисленные и разнообразные примеры контактов и наличия синкретичных комплексов керамики.

На памятнике Чича-1 выявленные керамические группы, связанные с культурами переходного от бронзы к железу времени – красноозерской, сузгунской, берликовской, находятся в различном соотношении с другими на разных участках объекта. Зафиксировано наличие синкретичных форм керамики, сочетающих на одном сосуде орнаментальные традиции основных выделяемых групп [Молодин, Мыльникова, Дураков, Кобелева, 2009; Чича..., 2001, 2004, 2009].

Керамический комплекс памятника Линево-1 также довольно синкретичен. Местные ирменско-позднеирменские традиции сочетаются здесь с привнесенными молчановскими. Это относится к рецептуре формовочных масс: в обоих комплексах есть рецепты и с шамотом (характерная черта керамики ирменской культуры), и с породными обломками гранитоидного состава. Сосуды, морфология которых близка молчановской (выпуклая горловина, высокие профилированные плечики, приплюснутое тулово), орнаментированы в рамках ирменско-позднеирменской традиции резной техникой. При этом есть изделия ирменского типа, на которых жемчужины и разрядка между ними выполнены крестовым штампом.

Подобные процессы отмечают и исследователи памятников времени перехода от эпохи бронзы к раннему железному веку сопредельных территорий [Бобров, 1999; Косарев, 1981; Матвеев, Аношко, 2009; Молодин, Мыльникова, 2011; Папин, Шамшин, 2005; Труфанов, 1990; Шерстобитова, 2008; и др.].

3. Опосредованная – результат реализации второй модели. Появляется население, для которого синкретичная керамика становится «своей». Движение этого населения археологически фиксируется наличием керамики со смешанными чертами и отсутствием «первоначального» чистого компонента. Пример подобной модели демонстрирует поселение Мыльниково. Характеристика технико-технологических особенностей изготовления керамики памятника отражает процесс формирования данного комплекса с участием по крайней мере трех компонентов [Папин, Шамшин, 2005]. Один из них, северный, фиксируется в смешанном рецепте формовочных масс, где одной из составляющих выступает дробленая порода; в морфологии – наличие оригинальной формы горловины «молчановского» облика; в декоре – применение фигурно-штамповой орнаментации. Но носители фигурно-штамповой традиции на поселение пришли уже с утраченными или смешанными техническими приемами и не повлияли на общую линию развития культуры. Подобные процессы фиксируются по керамике на памятниках Нижнего Притоболья. «Северная» гончарная традиция здесь прослеживается лишь по наличию в формовочной массе талька и оттисков струйчатого штампа в орнаментации, маркируя участие в генезисе носителей традиций гамаюнской культуры.

Выделенные три модели взаимодействия носителей автохтонных и инокультурных гончарных традиций одновременно могут фиксироваться на одном памятнике. Как правило, в этом случае они принадлежат к разным керамическим традициям.

Данные модели применимы для характеристики и других периодов истории, так как отражают общие закономерности взаимодействия населения с разнотипными гончарными традициями.

Список литературы

Бобров В.В. Комплексы керамики с фигурно-штамповой орнаментацией на юго-востоке Западной Сибири // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1999. – С. 32–43.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 279 с.

Мандрыка П.В. Самodelкинский тип керамики финального периода бронзового века на берегах Енисея // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 1 (33). – С. 79–84.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: бархатовская культура. – Тюмень: Тюмен. дом печати, 2009. – 416 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н. Северные традиции в керамическом производстве культур переходного от бронзы к железу времени лесостепного пояса Западной Сибири (как показатель миграционных потоков) // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2011. – Вып. 4. – С. 191–200.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Синкретичная керамика городища Чича-1 // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Издат. центр ЮУрГУ, 2009. – С. 73–78.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 202 с.

Труфанов А.Я. Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку в лесостепном Прииртышье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1990. – 17 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи (первые результаты исследования). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 240 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2. – 336 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – 248 с.

Шерстобитова О.С. Посуда со смешанными культурными признаками: К вопросу о специфике взаимодействия культур на территории Среднего Прииртышья в эпоху поздней бронзы // VII Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2008. – С. 129–137.

References

Bobrov V.V. Kompleksy keramiki s figurno-shtampovoy ornamentatsiey na yugo-vostoke Zapadnoy Sibiri // Arkheologiya, etnografiya i muzeynoe delo. Kemerovo: Kem. gos. un-t, 1999. Pp. 32–43. (In Russ.).

Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi (pervye rezul'taty issledovaniya. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2001. 240 pp. (In Russ.).

Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2004. Vol. 2. 336 pp. (In Russ.).

Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoy lesostepi. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2009. Vol. 3. 248 pp. (In Russ.).

Kosarev M.F. Bronzovyy vek Zapadnoy Sibiri. Moscow: Nauka, 1981. 279 pp. (In Russ.).

Mandryka P.V. Samodelkinskiy tip keramiki final'nogo perioda bronzovogo veka na beregakh Eniseya // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2008. No. 1 (33). Pp. 79–84. (In Russ.).

Matveev A.V., Anoshko O.M. Zaural'ye posle andronovtsev: barkhatovskaya kul'tura. Tyumen': Tyumen. dom pechaty, 2009. 416 pp. (In Russ.).

Molodin V.I., Myl'nikova L.N. Severnye traditsii v keramicheskom proizvodstve kul'tur perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni lesostepnogo poyasa Zapadnoy

Sibiri (kak pokazatel' migratsionnykh potokov) // Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv. Tyumen': IPOS SO RAN, 2011. Iss. 4. Pp. 191–200. (In Russ.).

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Durakov I.A., Kobeleva L.S. Sinkretichnaya keramika gorodishcha Chicha-1 // Etnicheskie vzaimodeystviya na Yuzhnom Urale. Chelyabinsk: Izdat. tsentr YuUrGU, 2009. Pp. 73–78. (In Russ.).

Papin D.V., Shamshin A.B. Barnaul'skoe Priob'ye v perekhodnoe vremya ot epokhi bronzy k rannemu zheleznomu veku. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2005. 202 pp. (In Russ.).

Trufanov A.Ya. Kul'tury epokhi pozdney bronzy i perekhodnogo vremeni k zheleznomu veku v lesostepnom Priirtysh'ye: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Kemerovo, 1990. 17 pp. (In Russ.).

Sherstobitova O.S. Posuda so smeshannymi kul'turnymi priznakami: K voprosu o spetsifike vzaimodeystviya kul'tur na territorii Srednego Priirtysh'ya v epokhu pozdney bronzy // VII Istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova. Omsk: Om. gos. un-t, 2008. Pp. 129–137. (In Russ.).

СОЦИАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ НОСИТЕЛЕЙ ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА ПАХОМОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (по материалам могильника Старый Сад)*

В работе представлены результаты изучения особенностей погребально-ритуальной практики носителей восточного варианта пахомовской культуры на памятнике Старый Сад и выявления на этой основе социальной иерархии. Выделены и апробированы перспективные критерии определения статуса для данного могильника (сложность и трудозатратность при возведении погребальной конструкции, количество и качество сопроводительного инвентаря, использование в погребальной практике керамической посуды). Зафиксировано наличие различных по статусу погребальных сооружений, выделены три условных ранга: «высокий», «средний», «низкий». Для каждого из рангов дано описание характерных черт погребальных конструкций. «Высокий»: сложность организации сакрального пространства, большое количество и качественное отличие сопроводительного инвентаря, использование в погребальной практике четырех и более единиц керамической посуды, размещение ее в нескольких контекстах. Для «среднего» ранга характерно наличие под одной насыпью погребения и одной или двух дополнительных конструкций (ров, яма, провал), использование более двух керамических сосудов в ритуальной практике. К «низкому» рангу отнесены сооружения, в которых присутствует только захоронение умершего, без дополнительных конструкций, не более двух сосудов. Планиграфическое исследование позволило зафиксировать взаимосвязь между расположением погребального сооружения на территории могильника и социальным статусом похороненного. В центральной части некрополя захоронены представители «высокого» и «среднего» рангов, на периферии (северо-восточная часть могильника) – «низкого». Отмечено, что земляные конструкции без погребений расположены на всей территории могильника.

Ключевые слова: археология, эпоха поздней бронзы, Барабинская лесостепь, восточный вариант пахомовской культуры, социальная иерархия, статусные захоронения.

L.N. Mylnikova, D.V. Selin
Новосибирский государственный университет
E-mail: L.Mylnikova@mail.ru

THE SOCIAL HIERARCHY AMONG THE POPULATION OF EASTERN VARIANT OF PAKHOMOVO CULTURE (materials of Stary Sad burial ground)

We present here the research results of special aspects in the burial-ritual practice among the population of the eastern variant of Pakhomo culture at the Stary Sad site and the identified social hierarchy.

We determined and approved the criteria, identified the status for this burial ground (complexity and labor-consuming aspect of the burial construction, the number and the qualitative difference of the accompanying equipment, the use of pottery in the burial practice). We fixed the presence of burial constructions with different status, and deduced three relative ranks: "high", "medium", "low". We described the characteristics of the burial structures for each of the ranks. "High": the complexity of the organization of sacred space, a large amount and qualitative difference of accompanying equipment, the use of burial practice of four or more units of pottery, the placing it in several contexts. "Medium" rank is characterized by the presence of the graves and one or /two additional structures (ditch, pit, proc), under the one earth mound

For the "average" grade is characterized by a single burial mound and one and / or two additional structures (ditch, pit, fire place), the use of more than two ceramic vessels in the ritual practice. The "low" rank includes the constructions, where there is only the burial of the deceased, without additional constructive features and two vessels at least. Planigraphic study permitted to fix the interrelation between the location of the burial construction at the territory of the burial ground and the social status of the buried. The representatives of the "high" and "medium" rank are buried in the central part of necropolis, the "high" rank – in the marginal northeastern part. We denoted that earth constructions without burials was situated in all area of the burial ground.

Keywords: archaeology, Late Bronze Age, Baraba forest-steppe, eastern variant of Pakhomovo culture, social hierarchy, status marker burials.

*Исследование проведено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

Круг работ, связанных с реконструкцией социальных структур древних обществ, обширен. Для решения этой задачи исследователи привлекают различные археологические источники, но основные данные получают при анализе погребальных памятников [Крадин, 2001; Волкова, 2010; Берсенева, 2011; и др.]. Большинство исследователей определяют следующие направления, в рамках которых может быть символизирован социальный ранг умершего:

- 1) количество и качество сопроводительного инвентаря;
- 2) трудозатратность при возведении погребальных сооружений;
- 3) наличие символов ранга;
- 4) особое обращение с телом и церемониальные различия;
- 5) структурные элементы погребений.

Данные признаки могут встречаться в различных сочетаниях или отсутствовать вовсе.

Работа по анализу данных направлений проведена на материалах некрополя Старый Сад. Памятник расположен в Венгеровском р-не Новосибирской обл., в 5 км к юго-западу от с. Венгерово. К настоящему времени он является наиболее полно изученным могильником населения восточного варианта пахомовской культуры [Молодин, Мыльникова, Нескоров, 2011, с. 197]. На памятнике зафиксированы 97 объектов, 74 из которых относятся к интересующей нас культуре.

Особенностью погребальной практики населения восточного варианта пахомовской культуры является высокая вариативность в способах организации сакрального пространства [Молодин, Мыльникова, Селин, Нескоров, 2014]. В основе классификации лежало взаимосочетание объектов (курганная насыпь, могила, яма, прокал и очаг, ров). В ходе анализа было определено 17 видов его организации, где 29 % (22 единицы) представлены курганом с погребальной камерой без сооружения дополнительных конструкций. Из общего числа выделяется несколько курганов (№ 57, 63, 67, 68), в которых присутствует максимально возможное сочетание и число элементов. От общего числа 19 % (15 единиц) составляют земляные конструкции без погребения умершего [Там же, с. 43].

Одним из наиболее показательных критериев символизации рангов умерших является количество энергозатрат на сооружение погребальной конструкции. В данной работе использована методика подсчета трудозатрат по выемке и насыпке грунта, апробированная при изучении больших майкопских курганов [Кореневский, 2010, с. 162–163]. Трудозатраты выражаются в количестве дней, необходимых для сооружения насыпи одним человеком.

Подсчеты условны, так как многие насыпи курганов частично или полностью разрушены. По результатам исследования определено, что самыми трудозатратными являются насыпи следующих курганов:

- № 6 (диаметр насыпи по линии С–Ю/З–В – 20/20 м, высота – 0,75 м, количество дней, необходимых для сооружения насыпи одним человеком, – 52);
- № 64 (диаметр насыпи по линии С–Ю/З–В – 18/18 м, высота – 0,76 м, количество дней, необходимых для сооружения насыпи одним человеком, – 43);
- № 67 (диаметр насыпи по линии С–Ю/З–В – 16,7/15 м, высота – 0,8 м, количество дней, необходимых для сооружения насыпи одним человеком, – 35);

– № 63 (диаметр насыпи по линии С–Ю/З–В – 19,5/13 м, высота – 0,7 м, количество дней, необходимых для сооружения насыпи одним человеком, – 31);

Самым трудозатратным сооружением (85 дней) является курган № 85, под которым захоронение человека отсутствует.

Все погребения совершены по обряду трупоположения, погребенные помещались в могилу скорченно на правом или левом боку (80 % от общего числа захоронений), никакой определенной корреляции не выявлено. Любопытным фактом является наличие в некоторых погребениях дополнительных конструктивных деталей, таких как подпрямоугольная канавка на дне погр. 1 кург. № 58, расположенная вдоль стенок камеры.

Предпринят анализ наличия сосудов на могильнике как возможного маркера социального статуса [Волкова, 2010]. Для погребальной практики населения восточного варианта пахомовской культуры характерно помещение под насыпью кургана одного-двух сосудов (47 %) или их отсутствие (42 %). Под насыпью кургана № 67 обнаружено пять, а № 14, 57, 65, 82 – по четыре сосуда.

Определялся также контекст расположения сосудов (в могиле, яме, рву, насыпи). Установлено, что для погребальной практики характерно помещение сосудов в одном (76 %), реже – в двух (22 %) объектах. Однако выделяется курган № 67, в котором сосуды были найдены в трех контекстах (ров, яма, могила).

В ходе анализа количества сопроводительного инвентаря учитывались находки, расположенные как в погребении, так и в других объектах (ров, яма). Исходя из этого погребальные сооружения распределились следующим образом: № 67 – 15 артефактов (13 в погребениях, 2 в прочих объектах); № 24 – 9 артефактов (все в погребениях); № 57 – 8 артефактов (6 в погребениях, 2 в прочих объектах); № 60 – 7 артефактов (4 в погребениях, 3 в прочих объектах). Первые два кургана (№ 67 и 24) явля-

ются потревоженными, в то время как большинство захоронений на могильнике были ограблены.

По количеству разных типов артефактов (сосуд, нож, бляшка и др.) выделяются захоронения из курганов № 67 (8 типов: 7 – в погребениях, 1 – в прочих объектах); № 24 (7 типов: все в погребениях); № 57 (6 типов: 4 – в погребениях,

2 – в прочих объектах); № 60 (5 типов: 3 – в погребениях, 2 – в прочих объектах).

Таким образом, можно предполагать наличие на могильнике Старый Сад статусных погребальных конструкций, символизирующих «высокий» социальный ранг умерших. К ним можно отнести курган № 67 (рис. 1, 2), где по центру насыпи

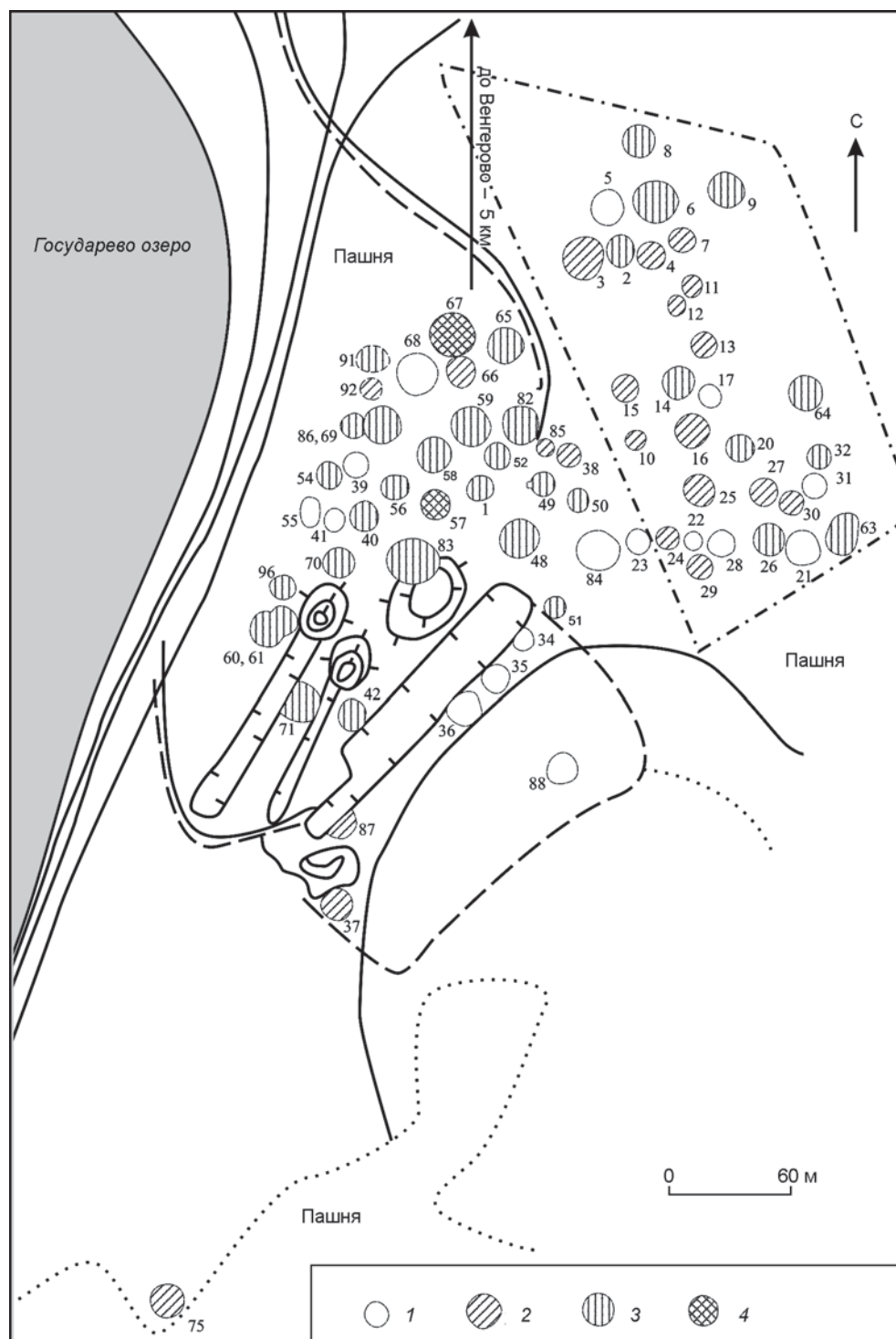

Рис. 1. Общий план памятника Старый Сад (сооружения восточного варианта пахомовской культуры).

1 – курганы без погребений умерших; 2 – курганы с погребениями представителей «низкого» ранга; 3 – курганы с погребениями представителей «среднего» ранга; 4 – курганы с погребениями представителей «высокого» ранга.

расположено погребение мужчины, за рвом – женское захоронение с девятью артефактами, а также погребения из кургана № 57. Для погребальных конструкций характерны следующие черты: сложность организации сакрального пространства, большое количество и качественное отличие сопроводительного инвентаря, использование в погребальной практике четырех и более единиц керамической посуды и помещение ее в нескольких контекстах.

Помимо условно статусных захоронений в общем массиве погребальных конструкций можно выделить сооружения, для которых характерны наличие под одной насыпью погребения и одной-двух дополнительных конструкций (ров, яма, провал), использование более двух керамических сосудов в ритуальной практике. В это число входят тридцать четыре сооружения (№ 14, 58, 63–65, 69 и др.). Их можно выделить в особую группу и определить как конструкции для захоронения лиц «среднего» ранга (см. рис. 1).

К третьей группе можно отнести курганы, в которых присутствуют только погребение и не более двух сосудов. В данную категорию попадает двадцать одна конструкция (№ 13, 16, 25, 27, 30 и др.), их можно интерпретировать как сооруженные для умерших «низкого» ранга.

Анализ планиграфической ситуации демонстрирует, что в центре могильника, у курганов № 57 и 67, концентрируются сооружения условно «среднего» ранга, комплексы «низкого» статуса здесь единичны. Северо-восточную часть могильника занимают сооружения «низкого» статуса, конструкции «среднего» класса оторваны друг от друга и составляют небольшую группу только в самой северной части некрополя (№ 2, 6, 8, 9). Исходя из этого можно предположить определенное разграничение территории кладбища. Следует отметить, что земляные сооружения без погребения умершего расположены в центральной зоне и в периферийных областях.

Таким образом, анализ особенностей погребально-ритуальной практики населения восточного варианта пахомовской культуры позволяет выявить некоторое различие статуса погребенных и наметить три условных уровня социальной иерархии: «высокий», «средний», «низкий».

Проведенное планиграфическое исследование дало возможность определить взаимосвязь между расположением погребального сооружения на территории могильника и социальным статусом похороненного.

Список литературы

Берсенева Н.А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. – Екатеринбург: УрО РАН, 2011. – 204 с.

Волкова Е.В. Новинковские могильники фатьяновской культуры. – М.: ИА РАН, 2010. – 248 с.

Кореневский С.П. Феномен больших майкопских курганов: социально-трудовой и культовый аспекты строительства // КСИА. – 2010 – № 224. – С. 149–170.

Крадин Н.Н. Империя Хунну. – М.: Логос, 2001. – 312 с.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нескоров А.В. Завершение исследований могильника Старый Сад эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 195–199.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В. Особенности организации сакрального пространства в эпоху поздней бронзы на могильнике Старый Сад // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 3 (59). – С. 29–45.

References

Berseneva N.A. Social'naya arkheologiya: vozrast, gender i status v pogrebeniyakh sargatskoy kul'tury. Ekaterinburg: UrO RAN, 2011. 204 pp. (In Russ.).

Korenevskiy S.P. Fenomen bol'shikh maykopskikh kurganov: social'no-trudovoy i kul'tovyye aspekty stroitel'stva // KSIA. 2010. No. 224. Pp. 149–170. (In Russ.).

Kradin N.N. Imperiya Khunnu. Moscow: Logos, 2001. 312 pp. (In Russ.).

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Neskоров A.V. Zaversheniye issledovaniy mogil'nika Stary Sad epohi pozdney bronzy // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2011. Vol. XVII. Pp. 195–199. (In Russ.).

Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Selin D.V., Neskоров A.V. Osobennosti organizatsii sakral'nogo prostranstva v yepokhu pozdney bronzy na mogil'nike Staryj Sad // Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2014. No. 3 (59). Pp. 29–45. (In Russ.).

Volkova E.V. Novinkovskie mogil'niki fat'yanovskoy kul'tury. Moscow: IA RAN, 2010. 248 pp. (In Russ.).

ПАМЯТНИК НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА БРОНЗОВОГО ВЕКА КЁДОН НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Настоящая статья вводит в научный оборот материалы памятника начального этапа бронзового века Кёдон в г. Каннын (пров. Канвондо Республики Корея). Данный объект археологического наследия представляет собой поселение, расположенное в центральной части Корейского полуострова на побережье Японского моря. В настоящее время это один из самых ранних объектов эпохи бронзы на территории Республики Корея (XVII–XVI вв. до н.э.). На поселении исследовано 6 жилищ, для которых характерны котлованы подквадратных или подпрямоугольных очертаний; столбовые ямки, расположенные вдоль стенок котлованов; очаги – «каменные ящики» или прокалы без дополнительных конструкций. Самая яркая черта инвентарного комплекса поселения – гладкостенные керамические сосуды со сферическим туловом, узким доньшком и рассеченным наlepным валиком на венчике. Облик жилищ и инвентаря поселения демонстрирует особенности, присущие памятникам Северо-Западной Кореи. В бассейне р. Тэдонган на северо-западе Корейского полуострова широко представлены поселения с аналогичными по конструкции жилищами, содержащими «волчковую керамику» – сосуды без орнамента со сферическим туловом, очень узким доньшком и украшенным насечками наlepным валиком на венчике. С другой стороны, находка в жилище 1 памятника Кёдон горшковидного сосуда с орнаментом в виде несквозных отверстий на венчике демонстрирует сходство с керамикой поселений Северо-Восточной Кореи. Также прослеживаются связи между материалами поселения Кёдон и комплексами ранней бронзы типа карагдон центральных и южных районов Кореи. Дальнейшее изучение памятников начального этапа бронзового века, аналогичных поселению Кёдон, даст ключ к решению вопроса о происхождении и дальнейшем развитии культуры бронзы Корейского полуострова в целом.

Ключевые слова: Корейский полуостров, бронзовый век, начальный этап, Канвондо, поселение, жилище, рассеченный наlepной валик, «волчковая керамика».

A.L. Nesterkina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

THE KJODON SITE OF INITIAL STAGE OF BRONZE AGE AT THE KOREA PENINSULA

This article introduces into scientific use the materials from the Kjodon site of initial stage of Bronze Age from the city of Kannyn (Gangwon-do province of Republic of Korea). This archaeological object represents a settlement, situated in the central part of the Korean peninsula, on the coast of the Sea of Japan. At this moment, it is one of the earliest sites of the Bronze Age on the territory of the Republic of Korea (17th – 16th centuries BC). Researchers studied 6 dwelling at this settlement, characterized by house pits of subrectangular or subsquare shares; pole pits along the walls of the house pits; hearths – “stone boxes” or fire places without additional structures. The most striking feature of the tool complex of the settlement is smooth-walled ceramic vessels with spherical body, narrow bottom and dissected bolster, glued on the rim. The character of the dwelling and equipment from this settlement demonstrates the features, characterized the sites of Northwestern Korea. The settlements with analogous construction of the dwellings, containing the “spin ceramics” – the non-ornamented vessels with a spherical body, very narrow bottom and bolster, glued on the rim and decorated by cutmarks are well presented in the Taedong River Basin in the north-west of the Korean peninsula. On the other hand, the pot-like vessel, with ornament in the form of unfair holes on the rim, from the dwelling 1 of Kjodon site demonstrates the similarities with pottery of settlements from the north-east of Korea. Also, we retraced the correlation between materials of Kjodon settlement and Early Bronze Age complexes of karagdon type from the central and southern areas of Korea. Further study of the sites, similar Kjodon site and dated to the initial stage of the Bronze Age will give the key to solving the problem of the origin and further cultural development in the Bronze Age on the Korean Peninsula in general.

Keywords: Korean Peninsula, Bronze Age, Initial stage, Gangwon-do, settlement, dwelling, dissected glued bolster, “spin ceramics”.

Вопрос о времени и обстоятельствах начала бронзового века – одна из дискуссионных проблем археологии Корейского полуострова. В настоящее время южно-корейскими археологами проводится работа по изучению комплексов типа *мисари*, названных по эпонимному объекту в черте г. Сеул. Эти комплексы относят к самому раннему этапу бронзового века Кореи. Основные признаки памятников типа *мисари* – наличие жилищ с котлованом подквадратной или подпрямоугольной в плане формы с очагами в виде «каменных ящиков» и керамики с рассеченным наlepным

валиком на венчике [Ким Джансок, 2007, с. 80; Ким Хёнсик, 2008, с. 2].

Памятник Кёдон относится к наиболее ранним объектам, обладающим признаками типа *мисари*. По образцам угля из жилища 1 получена абсолютная дата 3390 ± 60 л.н. (XVII–XVI вв. до н.э.) [Каннын Кёдон..., 2002, с. 129; Ким Хёнсик, 2008, с. 12]. Поселение расположено в пров. Канвондо Республики Корея (рис. 1). Пров. Канвондо занимает центральную часть Корейского полуострова. Данная территория представляет собой малоизученный, но при этом уникальный по географическому по-

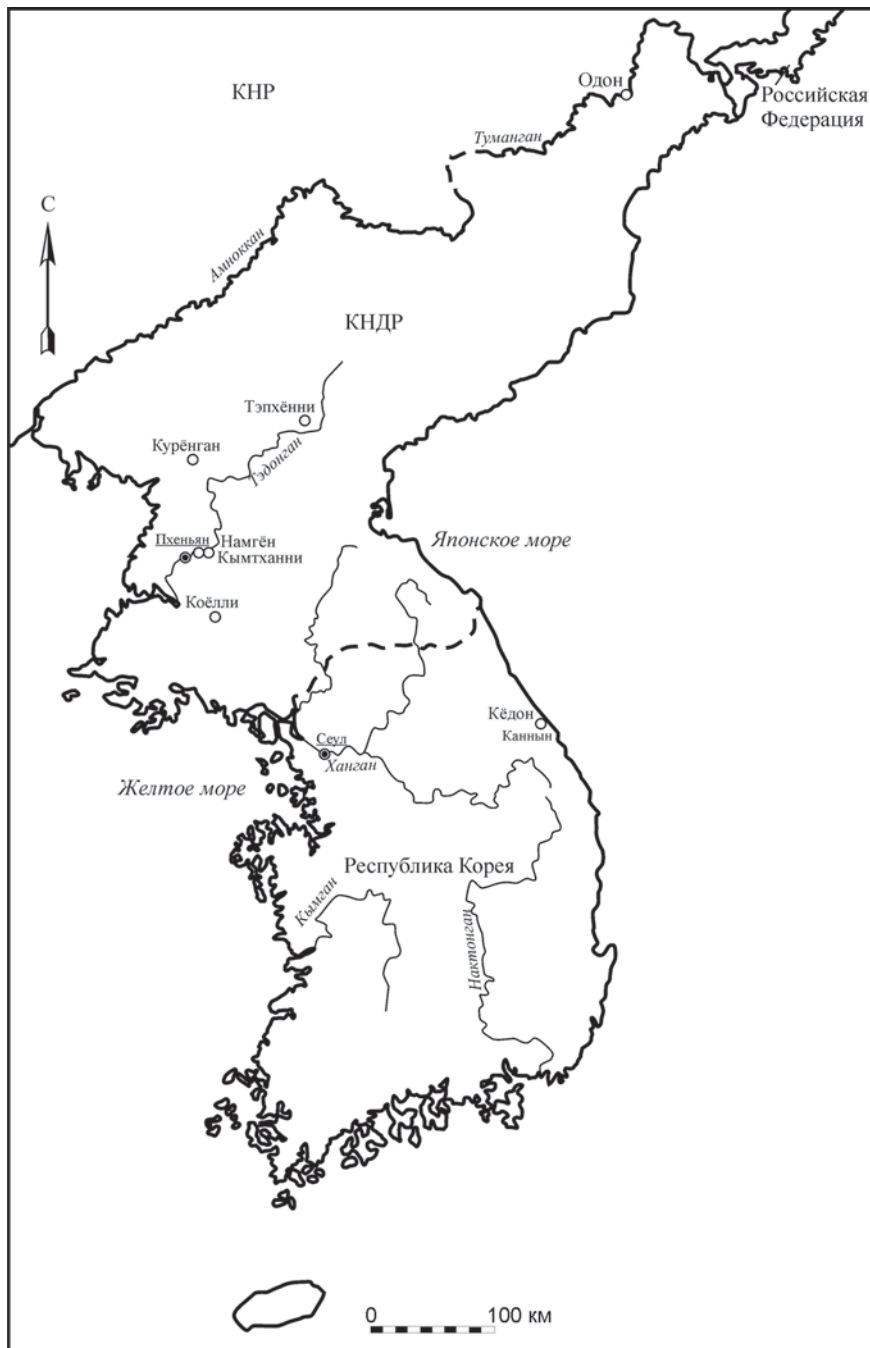

Рис. 1. Карта-схема расположения поселения Кёдон.

ложению регион. Она занимает промежуточное положение между северо-восточными и северо-западными районами Корейского полуострова, которые с древности входят в число основных центров культурогенеза в Восточно-Азиатском регионе. Это обстоятельство, безусловно, повлияло на развитие древних культур этой провинции.

Памятник Кёдон находится в северо-западной части г. Каннин. Он приурочен к двум невысоким (не более 50 м над ур.м.) песчаным дюнам, локализованным по берегам небольшого ручья, впадающего в оз. Кёнпхо. В 1994 г. отрядом Музея ун-та Каннин здесь проводилось археологическое обследование обширного участка, отведенного под землеустройство. В ходе работ выявлено пять местонахождений археологического материала, два из них датируются эпохой неолита, два – бронзовым веком и одно – этнографическим временем (остатки печи для обжига черепицы). В 1996–1997 гг. отрядом Музея ун-та Каннин на территории, содержащей материалы бронзового века, проводились спасательные археологические работы. В результате было изучено шесть жилищ, пять из которых приурочены к западному холму (жил. 1–5) и одно – к восточному (жил. 6) [Каннин Кёдон..., 2002, с. 14–16].

Исследованные конструкции располагаются в верхней части склонов, имеют котлованы подпрямоугольной (жил. 1, 4, 6) или подквадратной (жил. 2, 3, 5) в плане формы, ориентированные продольной осью перпендикулярно направлению склона. Глубина котлованов небольшая (0,15–0,60 м), площадь варьирует от 15 м² (жил. 5) до 89 м² (жил. 4). В расположении жилищ наблюдается следующая закономерность: большая по площади подпрямоугольная конструкция локализуется в непосредственной близости от меньшей по площади конструкции подквадратной в плане формы. Пол в жилищах сооружался в материковом грунте, выровнен и забутован суглинком. В нескольких местах на полу жилищ выявлены прокалы, часть которых могла выполнять функцию очагов без дополнительных конструкций, а остальные образовались в результате сожжения жилищ после прекращения их использования. О последнем свидетельствует также некоторое количество сгоревших деревянных плах – остатков стен и перекрытия крыши. Высота стенок котлованов неравномерная, в некоторых случаях южная стенка не выделяется. Конструкции типа входа не выявлено, предположительно вход в жилище размещался на южной стороне котлована. В пределах котлованов жилищ выявлены очаги, столбовые ямки, дренажные канавки и хозяйственные ямы-хранилища [Там же, с. 96–100].

В исследованных на памятнике жилищах обнаружены четыре очажные конструкции. В жил. 1

выявлен очаг – «каменный ящик» (рис. 2, 1, 2). Он расположен в средней части котлована, немного смещен к северу, представляет собой конструкцию подпрямоугольной в плане формы, сооруженную из поставленных на ребро каменных плиток. Южная и восточная стенки очага разрушены. В жил. 6 обнаружены три ямы без дополнительных конструкций с заполнением в виде прокаленного грунта, предположительно выполнявшие функцию очагов. Столбовые ямки выявлены в большинстве изученных жилищ (жил. 1–3, 5). Они располагались по периметру котлованов в непосредственной близости от стенок. Также практически во всех жилищах зафиксированы дренажные канавки, расположенные вдоль одной из стенок котлованов. Во всех изученных жилищах обнаружено по две-три ямы-хранилища. Большая часть таких ям выявлена в углах или возле стенок жилищ. В ямах и в непосредственной близости от них найдены керамические сосуды. Так, в юго-западном углу жил. 1 выявлена яма с керамическим сосудом, а в северо-восточном углу жил. 5 зафиксированы две ямы, в одной из которых находился сосуд баночной формы с рассеченным наlepным валиком, в другой – гладкостенный сосуд с горловиной, накрытый плоским камнем-крышкой [Там же, с. 24–26, 79–80, 99, 100].

Найденный в жилищах набор инвентаря типичен для бронзового века Корейского полуострова. Он включает неорнаментированную и красную лощеную керамику, изделия из камня и глины [Там же, с. 100–104]. Неорнаментированная керамика – один из главных материальных индикаторов бронзового века на Корейском полуострове. Ее находки в жилищах памятника Кёдон немногочисленны: удалось полностью реконструировать 10 сосудов. Большая часть находок целых сосудов связана с расположенными в пределах котлованов жилищ хозяйственными ямами. Самую многочисленную группу керамики составляют сосуды без горловины горшковидной формы со сферическим туловом и узким доньшком, венчик которых оформлен рассеченным, реже гладким, наlepным валиком (рис. 2, 4). На одном из горшков, обнаруженном в жил. 1, венчик слегка отогнут наружу и украшен сквозными отверстиями (рис. 2, 3) [Там же, с. 26–29]. Кроме них найдены также вазовидные сосуды с выделенной горловиной, сферическим туловом и прямым или слегка отогнутым наружу венчиком, чаши, миски. К категории красной лощеной керамики относятся вазовидный сосуд на поддоне из жил. 1 и три фрагмента поддонов от аналогичных сосудов или от кубков типа *доу* (жил. 1, 5 и 6) [Там же, с. 31–32, 102]. Каменный инвентарь памятника Кёдон включает типичные для бронзового века Корейского полуострова треугольные наконечники стрел с черешком или вы-

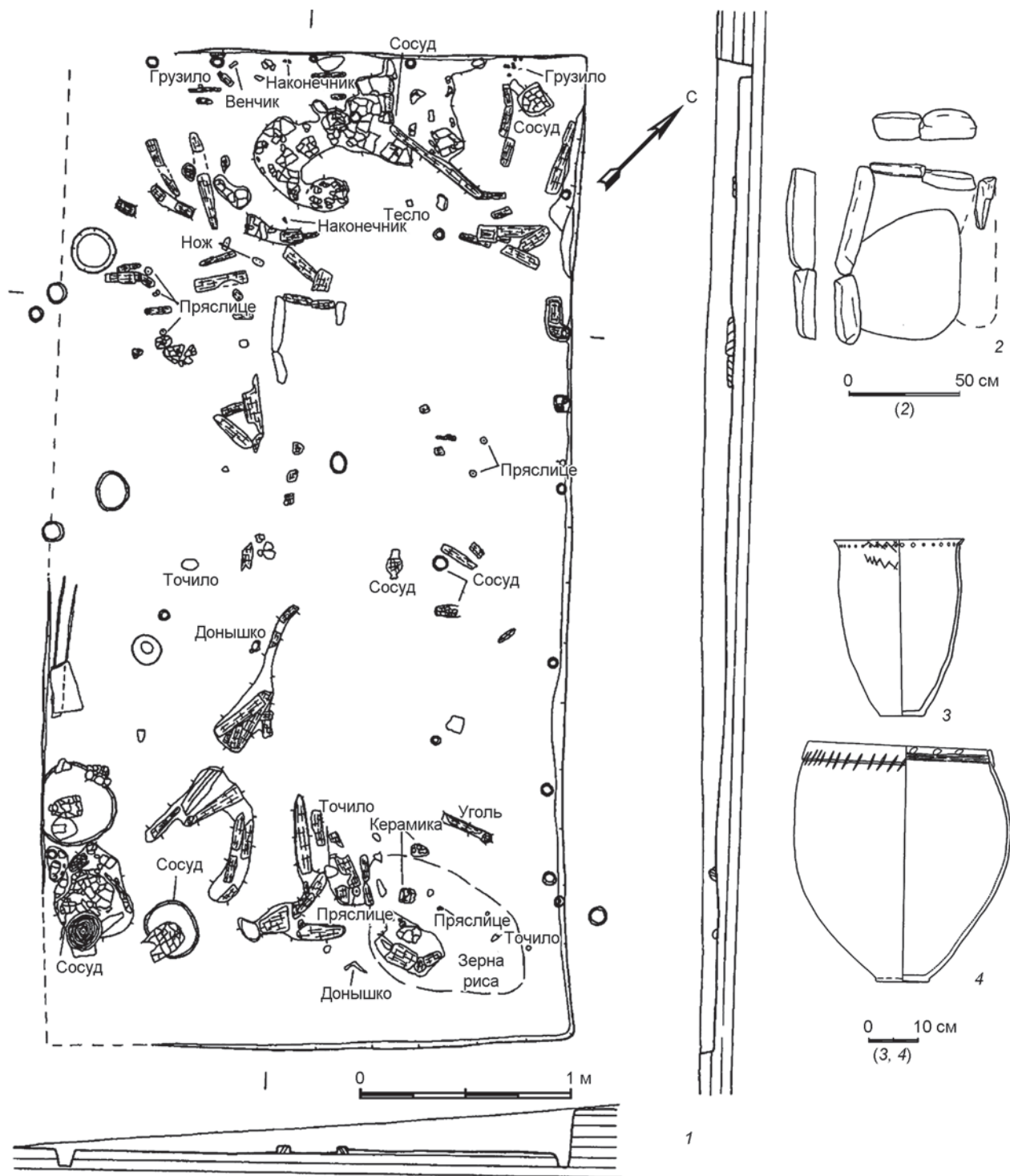

Рис. 2. Поселение Кёдон. Жилище 1.
1 – котлован; 2 – очаг; 3, 4 – керамические сосуды (по: [Каннын Кёдон..., 2002]).

емчатым основанием, полулунные ножи, дисковидные и конические пряслица, грузила из галек, топоры, точила. Керамические изделия памятника представлены пряслицами дисковидной и конической формы, шаровидными грузилами. На одном из конических пряслиц нанесен орнамент в виде радиальных лучей [Там же, с. 42–43, 103].

На полу жил. 1 памятника Кёдон, в его восточном углу в непосредственной близости от одной из хозяйственных ям-хранилищ найдены карбонизированные остатки зерен риса. В настоящее время это самая ранняя находка зерен риса на памятниках бронзового века Корейского полуострова [Там же, с. 115–126].

Облик поселения Кёдон демонстрирует сходство с памятниками северо-западных районов Корейского полуострова Коёлли, Курёнган, Тэпхённи, Кымтханни и Намгён, локализующимися в бассейне р. Тэдонган. На этих поселениях также найдены жилища с котлованами подпрямоугольной и подквадратной в плане формы, с расположенными вдоль стенок котлованов столбовыми ямками и очагами – «каменными ящиками» [Сок Гванджун, Ким Сонхён, 2003, с. 122–154; Сок Гванджун, Ким Джэён, 2003, с. 189–214; Пукхан мунхваюдждок..., 1999, с. 86–104, 203–210]. Для комплекса материальной культуры данных объектов характерно присутствие так называемой волчковой керамики – горшковидных сосудов со сферическим туловом, очень узким донышком и украшенным насечками налепным валиком на венчике [Хан Бёнсам, 1999, с. 75–76]. В жил. 1 с котлованом подпрямоугольной в плане формы и очагом – «каменным ящиком» на памятнике Кёдон найден сосуд, морфологические характеристики которого полностью соответствуют «волчковой керамике» Северо-Западной Кореи [Каннын тэхаккё..., 2002, с. 37]. С другой стороны, сосуд горшковидной формы со слегка отогнутым наружу венчиком, орнаментированным несквозными отверстиями, находит аналогии в материалах жилищ бронзового века памятника Одон северо-восточной части Корейского полуострова [То Юхо, 1960, с. 43]. Также наблюдается определенное сходство между керамическим материалом поселения Кёдон и керамикой типа *карагдон* ранней бронзы центральных и южных районов Корейского полуострова [Ким Джансок, 2007, с. 82].

Таким образом, по имеющимся в нашем распоряжении материалам можно предположить, что прилегающие к побережью Японского моря центральные районы Корейского полуострова в начале II тыс. до н.э. играли роль центра формирования культуры бронзы на Корейском полуострове. Дальнейшее накопление и обобщение данных по памятникам начального этапа бронзового века, аналогичным поселению Кёдон, поможет прояснить вопрос о происхождении и последующем развитии культуры бронзы Корейского полуострова в целом.

Список литературы

Каннын Кёдон чугоджи [Поселение Кёдон в г. Каннын] / Пэк Хонги, Чи Хёнбён, Пак Ёнгу. – Каннын: Музей ун-та Каннын, 2002. – 200 с. (на кор. яз.).

Каннын тэхаккё пакмульгван пальгуль юджок юмуль [Каталог археологических памятников и предметов из Музея ун-та Каннын]. – Каннын: Музей ун-та Каннын, 2002 (на кор. яз.).

Ким Джансок. Бронзовый век // Хангук когахак каный [Лекции по археологии Кореи]. – Сеул: Сахве пхённон, 2007. – С. 73–106 (на кор. яз.).

Ким Хёнсик. Историко-культурное осмысление начального – раннего бронзового века Южной Кореи // Кого кванджан [Археологическое обозрение]. – Пусан: Пусан когахак ёнгухве, 2008. – С. 1–34 (на кор. яз.).

Пукхан мунхваюдждок пальгуль кэбо [Сообщения о раскопках памятников культуры Северной Кореи]. – Сеул: Гос. ин-т культурного наследия Республики Корея, 1999. – 643 с. (на кор. яз.).

Сок Гванджун, Ким Джэён. Отчет о раскопках памятника Курёнган // Кананни, Коёлли, Курёнган юджок пальгульпого [Отчеты о раскопках памятников Кананни, Коёлли и Курёнган]. – Сеул: Пэксан чарёвон, 2003. – С. 160–263 (на кор. яз.).

Сок Гванджун, Ким Сонхён. Отчет о раскопках памятника Коёлли // Кананни, Коёлли, Курёнган юджок пальгульпого [Отчеты о раскопках памятников Кананни, Коёлли и Курёнган]. – Сеул: Пэксан чарёвон, 2003. – С. 66–159 (на кор. яз.).

То Юхо. Отчет о раскопках древнего памятника Одон в г. Хверён // Юджок пальгуль пого [Отчеты об археологических раскопках]. – Пхеньян: Сахве квахагвон чхульпханса, 1960. – Т. 7. – 71 с. (на кор. яз.).

Хан Бёнсам. Тхогива чхондонги [Керамика и бронзовые изделия]. – Сеул: Седжон тэван кинём саопхве, 1999. – 154 с. (на кор. яз.).

References

Kannyn Kjodon chugodzhi [Poselenie Kjodon v g. Kannyn] / Pek Hongi, Chi Hyonbyon, Pak Yongu. Kannyn: Muzej un-ta Kannyn, 2002. 200 pp. (In Kor.).

Kannyn tekhaekjo pakmul'gvan pal'gul' judzhok jumul' [Katalog arheologicheskikh pamjatnikov i predmetov iz Muzeja un-ta Kannyn]. Kannyn: Muzej un-ta Kannyn, 2002. (In Kor.).

Khan Byonsam. Thogiva chkhondongi [Keramika i bronzovye izdeliya]. Seoul: Sedzhon tevan kinjom saopkhve, 1999. 154 c. (In Kor.).

Kim Dzhangsok. Bronzovyj vek // Hanguk kogokhak kanyj [Lekcii po arheologii Korei]. Seoul: Sakhve pkhjonnon, 2007. Pp. 73–106. (In Kor.).

Kim Khjonsik. Istoriko-kul'turnoe osmyslenie nachal'nogo – rannego bronzovogo veka Yuzhnoy Korei // Kogo kvandzhan [Arheologicheskoe obozrenie]. Pusan: Pusan kogokhak jongukhve, 2008. Pp. 1–34. (In Kor.).

Pukhan munkhvajudzhdok pal'gul' kebo [Soobshcheniya o raskopkakh pamyatnikov kul'tury Severnoy Korei]. Seoul: Gos. in-t kul'turnogo naslediya Respubliki Koreya, 1999. 643 pp. (In Kor.).

Sok Gvanzhun, Kim Dzhyejon. Otchet o raskopkakh pamyatnika Kuryongan // Kananni, Koyolli, Kuryongan judzhok pal'gul'pogo [Otchety o raskopkakh pamyatnikov Kananni, Koyolli i Kuryongan]. Seoul: Peksan charyovon, 2003. Pp. 160–263. (In Kor.).

Sok Gvanzhun, Kim Sonkhjon. Otchet o raskopkakh pamyatnika Koyolli // Kananni, Koyolli, Kuryongan yudzhok pal'gul'pogo [Otchety o raskopkakh pamjatnikov Kananni, Koyolli i Kuryongan]. Seoul: Peksan charyovon, 2003. Pp. 66–159. (In Kor.).

To Juho. Otchet o raskopkakh drevnego pamyatnika Odon v g. Khveryon // Iudzhok pal'gul' pogo [Otchety ob arheologicheskikh raskopkakh]. Pyongyang: Sakhve kvakhagvon chkhul'pkhansa, 1960. Vol. 7. 71 pp. (In Kor.).

С.П. Нестеров

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru

КЕРАМИЧЕСКИЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЖИЛИЩА 3 ПОСЕЛЕНИЯ ОСИНОВОЕ ОЗЕРО

В 2012 г. на средневековом поселении Осиновое Озеро в Амурской области было исследовано жилище 3. На полу жилища обнаружено 10 скоплений разбитых и целых керамических сосудов. Лепные керамические горшки троицкой группы мохэ, в т. ч. и оригинальных форм – чаши-палы, крышки и сосуды с овальным дном, были продуктом домашнего ремесла или изготавливались группой лиц, специализирующихся на их производстве в пределах одного поселка либо ближайшего его окружения. Возможно, во время существования поселка на Осиновом озере в быту его жителей начала появляться гончарная посуда из ремесленных мастерских, но она могла нечасто попадать в их хозяйство, а потребность в ней была из-за ее высокого качества. Несколько фрагментов керамики из раскопок и сосуды из жилищ 2 и 3 свидетельствуют о том, что местные мастера, знакомые с гончарным кругом, делали горшки, похожие на гончарную посуду по составу теста и круговой обработке поверхности, придавая им различными способами серый или темно-серый окрас. Однако формовка таких сосудов ничем не отличалась от традиционной ручной лепки горшков. По углю из жилища 3 получена пока одна дата ^{14}C : 1535 ± 40 л.н. Она близка к дате по нагару с фрагмента троицкого сосуда из шурфа на низкой пойме берега Осинового озера (1495 ± 45 л.н.), но не соответствует серии дат для жилища 2 (последняя четверть VIII – IX в.).

Ключевые слова: раннее Средневековье, Амурская область, жилище 3, лепная, станковая керамика, гончарный круг.

S.P. Nesterov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru

CERAMIC ITEMS FROM THE OSINOVO OZERO SETTLEMENT

Expedition studied the dwelling 3 at the medieval settlement of Osinovo Ozero in the Amur Region in 2012. On the floor of the dwelling, we found 10 concentrations of broken and complete ceramic vessels. The moulded ceramic pots, which had included the special forms – peal bowl, covers and vessels with oval bottom, and associated with Troitsk group of Mohe, were the products of home craft, or made by primary group, who specialized in its production within single settlement or neighboring area. It is possible that the pottery became to emerge from the workshop, when the settlement had been on the Osinovo Lake, but it could not been introduce to their household, but requirement of it was high in view of high quality. A few ceramic fragments from the excavation area and vessels from the dwellings 2 and 3 evidenced that the local knew the pottery wheel and made the pots, similar to pottery according to composition of mixture and rotary work of the surface. They colored it in grey or dark grey color by different methods. However, the molding of such vessels did not differ from the traditional modeling of vessels. We get the radiocarbon date by charcoal from the dwelling 3: 1535 ± 40 ya. It is closed to the date of snuff on the fragment of Troitsk vessel from the test pit on the lower bottom-land of the Osinovo Lake (1495 ± 45 ya), but it does not correlate with series of dates from the dwelling 2 (last quarter of 8th – 9th centuries).

Keywords: Early Middle Ages, Amur Region, dwelling 3, moulded, easel ceramics, pottery wheel.

В 2012 г. на средневековом поселении Осиновое Озеро в Амурской обл. было исследовано жилище 3. Получены новые, отчасти оригинальные, материалы как по его конструкции, так и по кера-

мическому производству. В этнокультурном плане жилище 3 относится к троицкой группе мохэской культуры. Однако его конструкция, за исключением большой глубины котлована, в основном

соответствует домостроительной традиции бэй шивэй – носителей михайловской культуры [Несеров, 2015].

На полу жилища 3 обнаружено 10 скоплений разбитых и целых керамических сосудов: с северной (№ 5, 6, 9, 10), восточной (№ 2–4), южной (№ 1, 7) стороны интерьера и в северо-западном углу (№ 8) (рис. 1, 1).

Сосуд № 1 представлен придонной частью большой емкости, которая стояла в кв. Ж-4–5 (–248 см). Наружный диаметр дна 17 см, внутренний 14–15 см. Максимальная высота 20 см, минимальная – 9,4 см. Толщина стенок 7,2–9,5 мм, дна ~ 5 мм. Цвет внешней поверхности темно-серый со светло-коричневыми участками. Сосуд лепной, но доработан на круге (рис. 2, б).

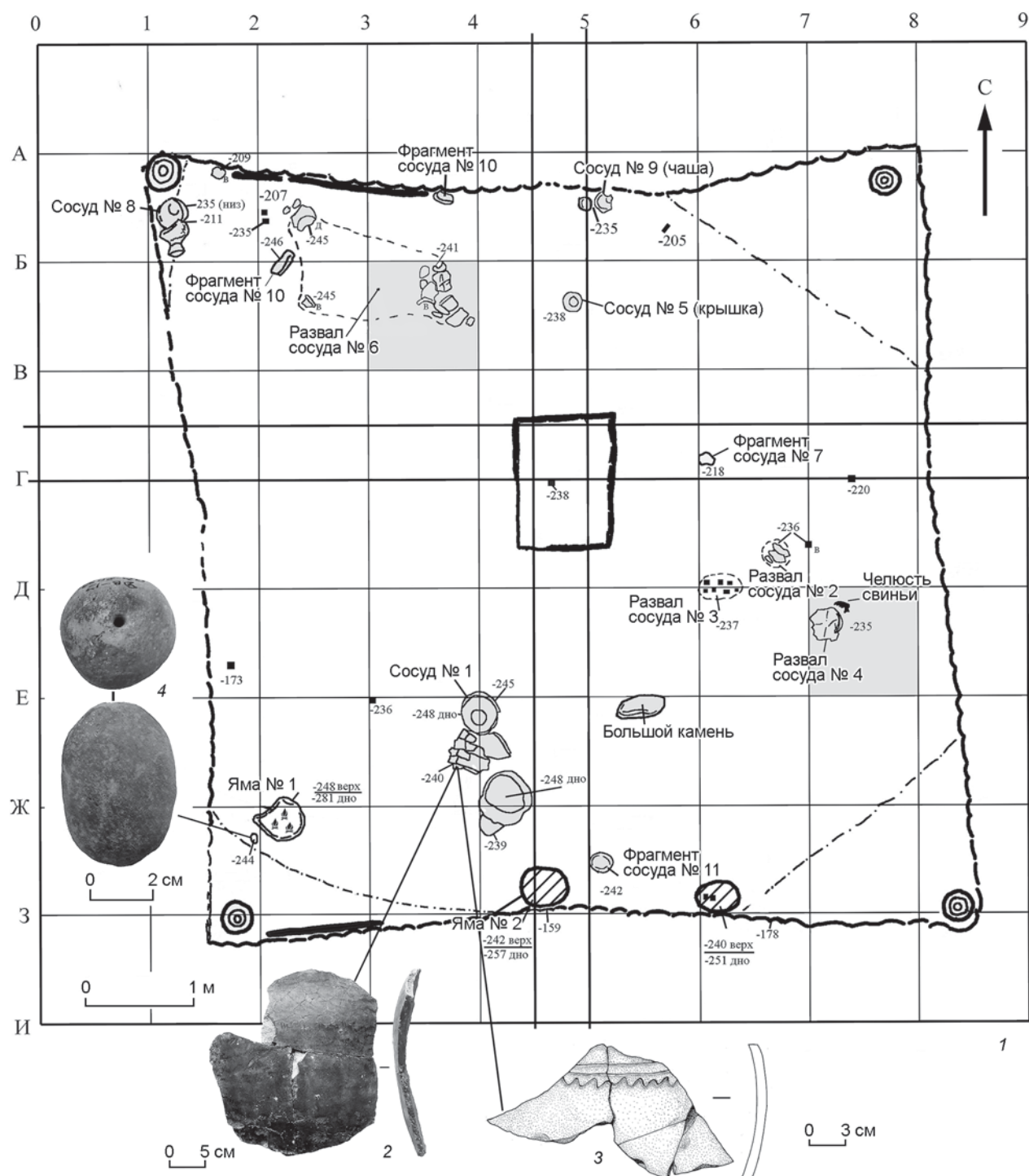

Рис. 1. Осиновое Озеро. План расположения находок на полу жилища 3 (1); фрагменты керамики, доработанной на круге (2–3); керамическое грузило (4).

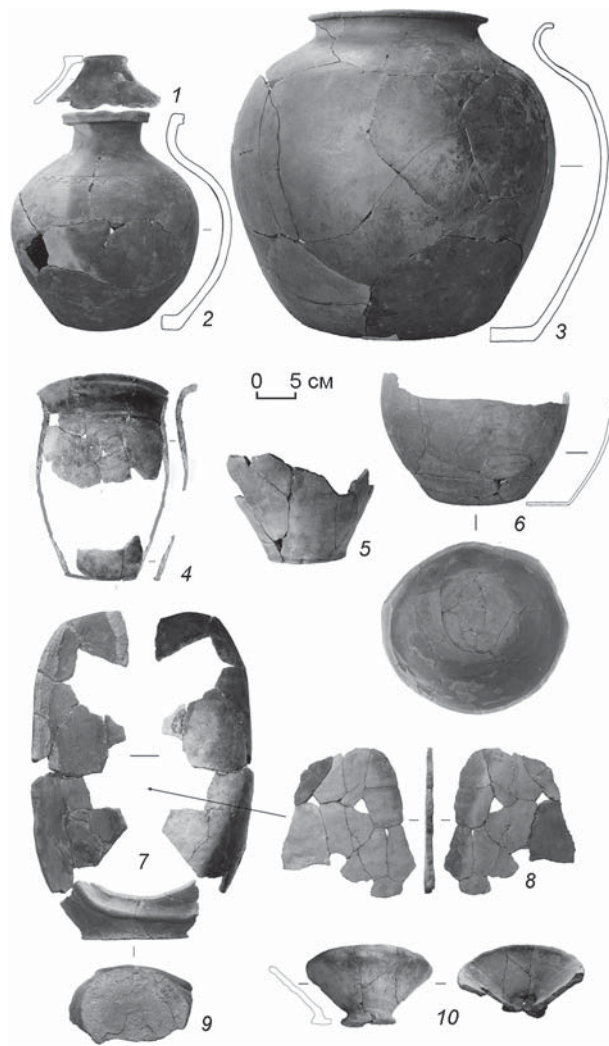

Рис. 2. Осиновое Озеро. Керамическая посуда из жилища 3:

1 – крышка (сосуд № 5); 2 – сосуд № 8; 3 – сосуд № 7; 4 – фрагмент сосуда № 6; 5 – фрагмент сосуда № 4; 6 – фрагмент сосуда № 1; 7–9 – фрагменты сосуда № 10 с косым устьем; 10 – чаша-пиала на поддоне (сосуд № 9).

Около данной емкости найден также *большой фрагмент сосуда* с темно-серой наружной поверхностью (кв. Ж-4, –248 см). Видны следы горизонтального лощения и доработки на гончарном круге. Толщина стенки 7–9 мм (см. рис. 1, 2). В этом же скоплении были еще 2 фрагмента доработанного на круге сосуда с врезным волнистым орнаментом (рис. 1, 3).

Сосуд № 2 – лепной, незначительное количество его фрагментов лежало в кв. Д-7 (–236 см) (см. рис. 1, 1).

Сосуд № 3. Мелкие обломки лепной емкости располагались также в кв. Д-7 в 30 см к юго-западу от сосуда № 2 (см. рис. 1, 1).

Сосуд № 4 – лепной, горшковидной формы. Его фрагменты найдены в кв. Е-8 (–235 см), в 50

и 70 см юго-восточнее развалов сосудов № 2 и 3. Горшок полностью не реставрируется. Диаметр его дна 9–9,2 см. Оно соединено с туловом встык и с внутренней стороны примазано дополнительным жгутом. Дно внутри сосуда светло-коричневого цвета, выше вокруг него – цвет черный с остатками пищевого нагара. Внешняя поверхность сосуда имеет серо-коричневый цвет (см. рис. 2, 5).

Рядом с развалом сосуда № 4, с северо-восточной стороны, лежала челюсть домашней свиньи.

Сосуд № 5 – крышка. Она лежала в кв. В-5 (–238 см) ручкой вверх. Не исключено, что в качестве крышки использовали чашу-пиалу на поддоне, у которой диаметр венчика равен 12,5 см, высота 5,5–5,8 см. Плоское дно диаметром 5–5,3 см имеет закраину (рис. 2, 1). На дне чаши имеется нагар, что дополнительно свидетельствует о том, что ее использовали как крышку сосуда во время приготовления пищи на очаге.

Сосуд № 6. Его обломки были рассредоточены в кв. Б-3 (–245 см), В-3 (–245 см) и В-4 (–241 см) (см. рис. 1, 1). Сосуд лепной, горшковидной формы. Диаметр венчика ~21,8 см, тулова ~19 см, дна ~10,5 см. Несмотря на большое количество фрагментов, полный профиль получить не удалось, поэтому общая высота его не определена. Можно только предположить, что, судя по другим параметрам, сосуд относится к средним (до 20 см). Венчик сосуда имеет В-образный профиль. Внутри под венчиком слой пищевого нагара. На горловине прикреплен гладкий валик. Толщина стенок тулова 3,5–4,5 мм, дна – 6,2 мм (см. рис. 2, 4).

Сосуд № 7 – развал большой емкости вазовидной формы, лепной, но доработанный на гончарном круге, находился рядом с сосудом № 1 в кв. Ж-3–5 (–240~–248 см) (см. рис. 1, 1). В реставрированном виде высота сосуда составила 44 см. Диаметр венчика 29–29,5 см, тулова – 47 см, дна снаружи –28,5 см, внутри – 27 см. Переход от тулова к дну внутри плавный. Толщина стенок 9,6–12 мм, дна – 1,5 см. Венчик сосуда отогнут наружу, овальный в разрезе. У основания горловины высотой 3 см проходит тонкий выглаженный валик. Цвет поверхности светло-коричневый (см. рис. 2, 3). Во время пожара, когда перекрытие рухнуло и раздавило данный сосуд, его большой черепок отбросило на 3,5 м в северо-восточном направлении (кв. Г-7, –218 см) (см. рис. 1, 1).

Сосуд № 8 – сломанный (две крупные части) большой сосуд вазовидной формы, лепной, доработанный на гончарном круге. Он лежал на боку горловиной на юг в кв. Б-2 (–235 см). Его общая высота 30,5 см, горловины – 4,5 см. Диаметр венчи-

ка равен 13 см, горловины – 9 см, тулова – 27,5 см, дна – 14 см. Первоначально внешняя поверхность имела светло-коричневый цвет. Во время пожара придонная часть и сегмент тулова от дна до венчика были закопчены. По верху тулова вазы имеется орнамент в виде врезной узкой полосы, которая в одном месте нанесена пунктирно. На другом участке длиной 16 см она раздваивается. Ниже горизонтальной полосы проходит врезная волнистая линия. В месте стыковки ее концов получился увод одного конца волны под другой на длину 6 см, который был исправлен так, что волна была замкнута, но при этом не был убран бракованный участок (см. рис. 2, 2).

Сосуд № 9 – чаша-пиала на поддоне. Она стояла у северной стены в кв. Б-6 (–235 см). Диаметр венчика 17,5 см, дна снаружи – 7,4 см, дна с внутренней стороны – 3,7 см. Высота чаши 7,5–7,8 см. Толщина стенок 7–9 мм, увеличивается ко дну. Толщина дна 8 мм (рис. 2, 10).

Сосуд № 10 – лепная емкость овальной в плане формы с глубоким вырезом на одной из широких сторон (с косым устьем). Сосуды подобной формы предположительно относят к совкам. Его овальное дно лежало вплотную к северной стене жилища 3 в кв. Б-4. Значительная часть боковой узкой стенки тулова сосуда располагалась в кв. Б-В-3 (–246 см). Остальные фрагменты данного сосуда были рассредоточены в пределах квадратов Б-В-3–4 вместе с обломками сосуда № 6 (см. рис. 1, 1). После частичной реставрации разрозненные черепки дали полный профиль изделия высотой 40 см (см. рис. 2, 7–9). Овальное дно (11 × ~8 см) первоначально было слегка вогнуто внутрь сосуда. В ходе эксплуатации часть дна с внешней стороны по окружности сильно стерлась, однако в середине остался округлый гладкий участок диаметром 5–6,5 см. Дно крепилось к тулову встык, поэтому имеет закраину. Нижний край выреза на широкой стороне емкости отстоит от дна на 4,3 см. В 1,5 см от края выреза и в 1,8 см от дна подлеплен гладкий валик, сохранившийся конец которого выклинивается в 5 см от края выреза на боковой узкой стенке. Ниже выреза есть небольшой наплыв (рис. 2, 9). Противоположная от выреза стенка сосуда практически плоская (рис. 2, 8). На ее внешней поверхности лощение частично стерто в результате какой-то работы. В тесто сосуда гончаром был добавлен отошитель в виде дробленых породных обломков. Изначальный цвет сосуда был светло-коричневый. Во время пожара его отдельные участки подверглись копчению до темного и черного цвета. Наличие в жилище 3 еще одного овального донышка го-

ворит о том, что таких сосудов было два. Среди находок из жилища 2 этого же поселения также есть фрагмент аналогичного сосуда, как и лепных горшков троичкой группы мохэ и сосудов, доработанных на гончарном круге [Деревянко, Ким Ён Вон, Нестеров и др., 2010; Мыльникова, Нестеров, 2011].

Кроме описанных сосудов на полу жилища 3 в кв. 3-6 (–242 см) обнаружен большой фрагмент лепного сосуда № 11. В 1,8 м от северо-восточного угла жилища 3 (кв. В-7, –219 см) среди обугленного дерева найден большой сломанный (две части) фрагмент станкового сосуда. В кв. В-3 обнаружен фрагмент лепной керамики со следами высокотемпературного воздействия в виде блестящего расплава черного цвета (см. рис. 1, 1).

Керамическое грузило овальной в плане формы (5,3 × 3,7–3,8 см) встречено в кв. 3-2 (–244 см), в юго-западном углу жилища 3. С узких концов овала проходит сквозное отверстие диаметром 3 мм (рис. 1, 4).

Лепные керамические горшки троичкой группы мохэ, в т. ч. и оригинальных форм – чаши-пиалы, крышки и сосуды с овальным дном, были продуктом домашнего ремесла или изготавливались группой лиц, специализирующихся на их производстве в пределах одного поселка либо ближайшего его окружения. Возможно, во время существования поселка на Осиновом озере в быту его жителей начала появляться станковая посуда из ремесленных мастерских, но она могла нечасто попадать в их хозяйство, а потребность в ней была из-за ее высокого качества. Несколько фрагментов керамики из раскопок и сосуда из жилищ 2 и 3 свидетельствуют о том, что местные мастера, знакомые с гончарным кругом, делали горшки, похожие на гончарную посуду по составу теста и круговой обработке поверхности, придавая им различными способами серый или темно-серый окрас. Однако формовка таких сосудов ничем не отличалась от традиционной ручной лепки горшков.

Согласно восьми датам ^{14}C из жилища 2, гончарный круг для доработки лепных сосудов использовался уже в последней четверти VIII – IX в. По углю из жилища 3 получена пока одна дата ^{14}C : 1535±40 л.н. (МТС-17573); кал. ±1δ 436–576 гг., ±2δ 427–604 гг. Она близка к дате по нагару с фрагмента троичского сосуда из шурфа на низкой пойме Осинового озера (1495±45 л.н., АА-27539, кал. – 446–640 гг.), но не соответствует серии дат для жилища 2. Возможно, в данном случае сказались «собственный» возраст дерева, использованного при строительстве жилища 3.

Список литературы

Деревянко А.П., Ким Ён Вон, Нестеров С.П., Юн Кван Джин, Ли Гю Хун, Хан Жи Сон, Мыльникова Л.Н., Лоскутова Я.Ю., Шеломихин О.А., Пак Джон Сон, Ли Кён Ха. Материалы и исследования Российско-Корейской археологической экспедиции в Западном Приамурье. – Тэджон: Изд-во Гос. исслед. ин-та культурного наследия Республики Корея, 2010. – Вып. III: Раскопки раннесредневекового поселения Осиновое Озеро в 2009 году. – 318 с.

Мыльникова Л.Н., Нестеров С.П. Раннесредневековый керамический комплекс поселения Осиновое Озеро в Западном Приамурье // Вестн. НГУ. – 2011. – Т. 10, вып. 5. – С. 197–211.

Нестеров С.П. Конструкция большого мохэского жилища из Западного Приамурья // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – Т. 22, № 2. – С. 70–75.

References

Derevianko A.P., Kim Yon Won, Nesterov S.P., Yoon Kwang Jin, Lee Kiu Hun, Han Ji Sun, Myl'nikova L.N., Loskutova Ya.Yu., Shelomikhin O.A., Park Jong Seong, Lee Kyung Ha. Materialy i issledovaniya Rossiysko-Koreyskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v Zapadnom Priamur'e. Tedzhon: Izd-vo Gos. issled. in-ta kul'turnogo naslediya Respubliki Koreja, 2010. Vol. III: Raskopki rannesrednevekovogo poseleniya Osinovoe Ozero v 2009 godu. 318 pp. (In Russ.).

Myl'nikova L.N., Nesterov S.P. Rannesrednekovyi keramicheskij kompleks poseleniya Osinovoe Ozero v Zapadnom Priamur'e // Vestn. NGU. 2011. Vol. 10, iss. 5. Pp. 197–211. (In Russ.).

Nesterov S.P. Konstruktsiya bol'shogo mokheskogo zhilishcha iz Zapadnogo Priamur'ya // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2015. Vol. 22, No. 2. Pp. 70–75. (In Russ.).

А.В. Новиков, Ю.Н. Гаркуша, О.И. Новикова, А.В. Кениг, М.В. Мороз

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: Novikov@archaeology.nsc.ru

ГОРОДИЩЕ УСТЬ-ВОЙКАРСКОЕ (ВОЙКАРСКИЙ ГОРОДОК): ПРОДОЛЖЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В 2015 ГОДУ*

Археологические памятники, расположенные в зоне вечной мерзлоты, являются уникальными объектами. В мерзлотных слоях сохраняются деревянные конструкции и многочисленные изделия из органического сырья. Особое место занимают поселенческие комплексы с сохранившейся архитектурой, представленной не только отдельными строениями, но и обширными по площади архитектурными комплексами. Городище Усть-Войкарское, находящееся в Приполярье (Шурышкарский р-н ЯНАО), является одним из таких памятников. По письменным источникам, оно соотносится с Войкарским городком, который в XVII – первой половине XIX в. был одним из населенных пунктов Обдорской волости. Стационарные исследования на памятнике ведутся с перерывами с 2003 г. Целью работ 2015 г. было продолжение изучения двух законсервированных объектов на участках раскопов предыдущих лет – жилых построек № 7 и 9. Данные постройки относятся к группе крупных по площади строений (с длиной стен более 5 м), которые отличаются масштабностью и планиграфическими деталями от объектов малоразмерной жилой застройки с длиной стен 2,5–3 м, изученных на городище ранее. Зафиксированы многочисленные технологические детали, позволяющие воссоздать процессы строительства и реконструкции жилых построек, особенности их архитектуры и внутренней планиграфии. Выявлены свидетельства ритуальных действий, связанных как со строительством жилищ, так и с их оставлением. Благодаря хорошо сохранившимся остаткам разнообразных деревянных конструкций значительно пополнена коллекция дендрохронологических образцов. Получена коллекция артефактов, включающая более 700 целых изделий и их фрагментов из дерева, бересты, кости, ткани, металла, глины.

Ключевые слова: Приполярье, Западная Сибирь, традиционная архитектура, мерзлота, деревянные постройки, северные ханты.

A.V. Novikov, Yu.N. Garkusha, O.I. Novikova, A.V. Kenig, M.V. Moroz

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: Novikov@archaeology.nsc.ru

UST-VOIKARSKOE THE HILLFORT (THE TOWNSHIP OF VOIKARSKIY): CONTINUE STUDY IN 2015

Situated in zone of permafrost the archaeological sites are the unique objects. The permafrost layers preserve the wooden constructions and numerous items made of organic materials. Settlement complexes take the special place with their preserved architecture, represented by not only individual constructions, but also vast in area architectural complexes. Ust-Voikarskoe the hillfort, which was located in the Subpolar region (Shuryshkary District of YaNAO) is one of these objects. According to written sources it relates to Voikarskiy township, which was one of the settlements of Obdorsk volost in 17th – the first half of the 19th century. Site is stationary studied since 2003 intermittently. The target of 2015 excavation campaign was the continue study of two preserve objects – the living constructions No. 7 and 9 in the area of previous excavations. These buildings belong to the group of large constructions (with a length of the walls more than 5 m), which differ in scale and planigraphic details from the objects of the small living development with a length of walls about 2.5–3 m, which were previously studied at the site. We fixed numerous technological details that permitted to reconstruct the processes of building and reconstruction of living constructions, peculiarities of their architecture and interior planigraphy. We retraced the evidences of ritual activity, associated with building of dwelling as well as with their abandonment. By virtue of well-preserved remains of various wooden constructions, the collection of dendrochronological samples was significantly supplemented. We obtained a collection of artifacts, including more than 700 complete items and their fragments made of wood, birchbark, bone, cloth, metal, clay.

Keywords: Subpolar Region, Western Siberia, traditional architecture, permafrost, wooden constructions, Northern Khanty.

*Исследования проведены по гранту РГНФ № 15-01-18095е.

Городище Усть-Войкарское, расположенное в приполярной зоне Западной Сибири, на западе Шурышкарского р-на ЯНАО, относится к памятникам, обладающим значительным потенциалом для изучения традиционной культуры аборигенного населения Нижнего Приобья. Стационарные археологические работы ведутся на памятнике с перерывами с 2003 г. Первыми исследователями он был отождествлен с известным по письменным источникам с рубежа XVI–XVII вв. Войкарским городком [Федорова, 2006]. С 2012 г. работы на данном объекте проводятся под руководством А.В. Новикова [Новиков, Слюсаренко, Швеи, Ломов, 2012; Новиков, Гаркуша, Шеин, 2014].

В 2015 г. исследования велись на двух раскопах общей площадью 145 м² и были сосредоточены на изучении двух объектов – построек № 7 и 9, которые относятся к группе строений с длиной стен более 5 м и отличаются от малоразмерной жилой застройки, выявленной в ходе предшествующих работ [Гаркуша, Новиков, 2014], иными планировочными решениями в оформлении интерьера.

Постройка №7. Ее изучение было начато в 2014 г., поэтому архитектурные особенности сооружения, отражающие последний этап его развития, уже были подробно освещены [Гаркуша, Новиков, 2015]. Это был сруб, рубленный «в чашу», с длиной стен ок. 7 м, сооруженный по периметру небольшого котлована. Внутрен-

няя планировка характеризуется устройством прямоугольной очажной конструкции в центре помещения, наличием одноуровневых деревянных покрытий пола в центре и вдоль стен. Обнаружены остатки внутренних бревенчатых перегородок, отделяющих места расположения настилов, идущих вдоль стен, от центральной части помещения.

Постройка претерпела ряд реконструкций, конечным результатом которых явилось появление срубной конструкции. Все изменения происходили в основном в границах, зафиксированных стенами сруба, при сохранении основных планировочных решений. Так, оставалось практически неизменным размещение очажной конструкции с выдерживанием ее основных параметров. Следовательно, не менялось и расположение входного проема. Неизменным являлось и наличие деревянного покрытия пола в центральной части помещения (не менее четырех уровней). К верхнему уровню относится настил из продольных жердей, размещенных на лагах; на предыдущих уровнях пол выстилался досками, также располагавшимися на лагах (рис. 1).

В процессе выборки заполнения постройки была достигнута глубина 0,5–0,6 м ниже уровня расположения 1-го венца. На этой глубине зафиксированы обрубки вертикальных столбов, изготовленных из бревен диаметром 17–20 см. Сохранив-

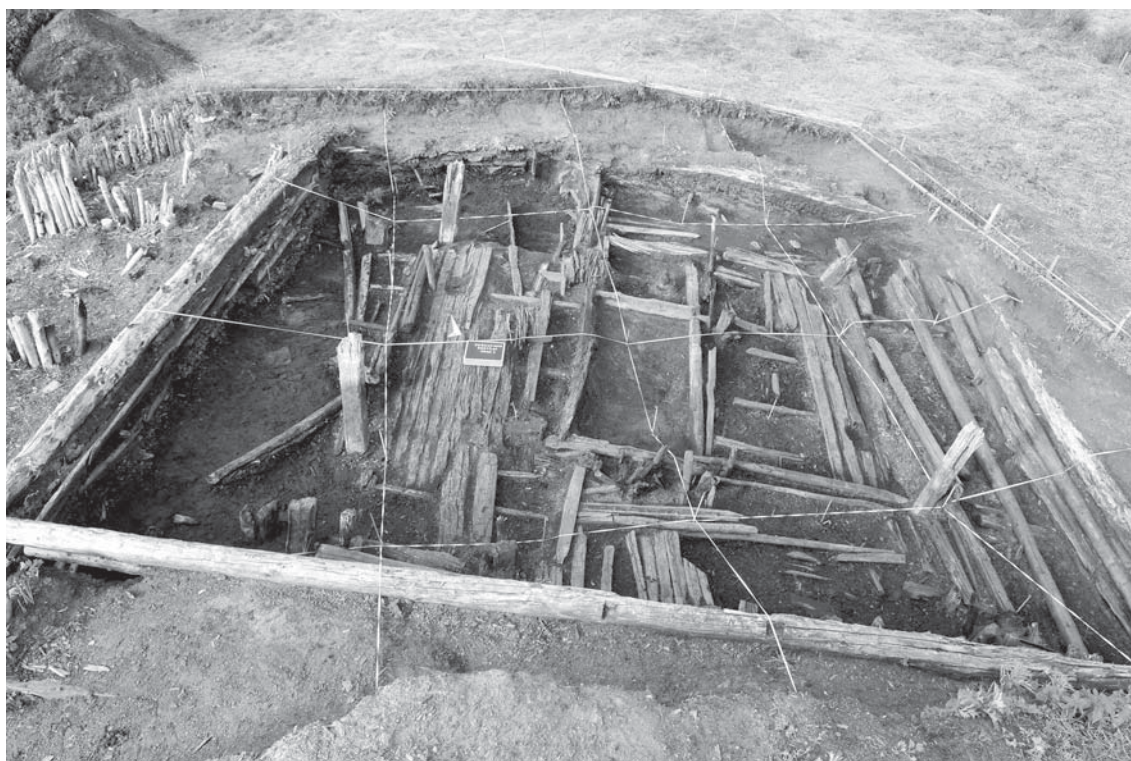

Рис. 1. Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок). Исследования 2015 г. Общий вид постройки № 7 на уровне пола.

шие столбы располагались в непосредственной близости от передней и задней стен сруба. Вероятно, их можно считать остатками ранней, каркасно-столбовой, конструкции жилища. Однако пока нет оснований считать ее исходной в развитии постройки: на этом уровне прослеживаются уходящие вглубь культурного слоя новые контуры деревянного настила пола.

Постройка №9. В 2004 г. были исследованы только северная стена этого сооружения (на тот момент строению был присвоен № 6) и небольшой участок помещения шириной до 1,4 м [Федорова, 2006, с. 14], затем объект был законсервирован. В связи с тем что основная часть постройки исследовалась в 2015 г., ей, в соответствии со сквозной нумерацией, присвоен № 9. Общие контуры объекта были выявлены после снятия 10–15 см верхних почвенных отложений. Состояние данного сооружения позволяет предположить, что оно не подвергалось преднамеренному разрушению, а было оставлено и разрушалось постепенно. Об этом свидетельствуют остатки восточной стены, представленной бревнами от пяти венцов: при сохранении в относительной целостности угловых сопряжений она была завалена по всей длине внутрь помещения. Южная и северная стены сохранились на высоту пяти (0,45–0,50 м) и трех венцов соответственно. Западная стена практически не сохранилась.

В целом архитектура и габариты объекта близки к конструкции постройки № 7: сруб с длиной стен ок. 6 м, центральным расположением аналогичной по устройству очажной конструкции открытого типа, деревянным покрытием пола вокруг очага и настилом вдоль боковых стен. Стены располагались по периметру неглубокого котлована. По наличию очага определено жилое назначение постройки (рис. 2).

Обнаружены элементы, свидетельствующие, на наш взгляд, об устройстве крыши. К таковым мы относим обработанные комлевые части ствола дерева с ответвлениями двух боковых корней. Внешне они напоминают «курицы» – крюки из корня дерева, используемые для удержания нижней части крыши, установленной под наклоном. В другом случае – это бревно с чашевидными вырубками, выполненными в одной плоскости и обработанными под углом окончаниями. Оно соответствует по облику «самцам» – образующим фронтоны поперечным бревнам, в которых закреплялись слегги. Наличие этих предметов позволяет предположить, что постройка имела двускатную самцово-слеговую конструкцию крыши.

Нам уже приходилось констатировать, что на первом этапе раскопок городища для части исследованных построек были некорректно определены типы угловых сопряжений [Гаркуша, Новиков, 2015, с. 56]. Ранее указывалось, что при монтаже

Рис. 2. Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок). Исследования 2015 г.
Общий вид постройки № 9 на уровне пола.

сруба использовался технический прием «в лапу» [Федорова, 2006, с. 14]. Однако после повторного осмотра стены можно однозначно утверждать, что сруб монтировался «в обло» и «в чашу» – окончания бревен выходили за пределы постройки, а замковые выруб-чаши были ориентированы вверх. Данный прием фиксировался и в других доступных для осмотра углах постройки.

В середине восточной стены находился входной проем. Его основание было выполнено в бревне 2-го венца (нумерация венцов соответствует порядку монтажа: снизу вверх) аналогично схеме, отмеченной в других постройках городища [Гаркуша, Новиков, 2014, с. 143]. Конструкция порога предусматривала наличие беспетельной двери, открывавшейся внутрь помещения.

Предвходовое пространство снаружи было оборудовано коридором, сооруженным из тонких плах и полубревен, уложенных между парами вертикальных столбов. Перед восточной стеной сруба были обнаружены остатки ограждения из горизонтально уложенных бревен.

Прямоугольная очажная конструкция в центре постройки была сложена из плах и имела размеры 3,4 × 1,0–1,1 м. Отделение непосредственно за очагом было заполнено небольшими валунами. Справа и слева от очажной конструкции пол был выстлан продольными длинными жердями, расположенными на поперечных лагах, и плотно уложенными поперечными досками. Остатки покрытия прослеживаются и перед очагом.

Вдоль боковых стен были устроены нары, возвышающиеся над уровнем пола на толщину бревен, использованных в качестве лаг (ок. 12–15 см). Вдоль северной стены нары были составлены из двух отдельных конструкций, стыкующихся у средней части стены. Отличия заключались в разнонаправленном размещении в них настила и лаг по отношению к боковой стене.

На данном уровне котлована, по его периметру был установлен одновенцовый сруб, рубленный «в чашу» из бревен диаметром 14–19 см. На торце одного из бревен был вытесан выступ, в котором выполнено сквозное отверстие. Вероятно, такие приспособления связаны с транспортировкой древесины к месту строительства. Данный сруб не являлся фундаментом для несущих стен: он располагался на удалении 6–8 см от них. Вместе с тем он служил опорой для древесины, образующей настил для нары.

Примеры других построек городка, в частности постройки № 7, позволяют предполагать, что исследованные конструктивные особенности постройки № 9 отражают последний этап в ее эволюции.

С постройкой № 9 связаны некоторые находки, отражающие ритуальные действия, которые сопровождали, вероятно, строительство жилища и его оставление. Под основанием северной стены сруба в разных местах были обнаружены часть керамического сосуда и верхняя часть черепа (предположительно оленя). В верхней части заполнения очага найдены ювелирные украшения (обломки двух перстней), а непосредственно на золистом заполнении располагались останки собаки, которые с большой вероятностью можно считать преднамеренно погребенными. Отметим, что погребения собак и ранее встречались на площади построек городища [Федорова, 2006, с. 14; Новиков, Слюсаренко, Швеи, Ломов, 2012, с. 263].

При предварительной оценке возраста исследованных объектов мы основываемся на дендрохронологической датировке образцов первого периода изучения памятника, происходящих из заполнения и северной стены постройки № 9. В этой серии был учтен только один образец, имеющий отношение непосредственно к конструкции (бревно венца северной стены). Полученные даты находятся в пределах второй половины XVII – первого десятилетия XVIII в. [Федорова, 2006, с. 14]. Считаем возможным на данном этапе исследований принять имеющиеся даты, доведя верхнюю границу до второй половины XVIII в. в качестве вероятного периода сооружения и функционирования рассмотренных построек.

В 2015 г. были взяты 85 дендропроб от исследованных построек. Образцы брались как из несущих элементов конструкции, так и из вспомогательных. Места отбора образцов указывались на соответствующих планах архитектурных конструкций. Были также взяты 15 проб из различных слоев раскопок на споропыльцевой анализ.

В процессе раскопок 2015 г. было обнаружено ок. 700 артефактов, большая часть которых изготовлена из органического сырья – дерева, бересты, ткани, кости. В условиях полевой камеральной лаборатории были приняты все необходимые меры по временной консервации предметов, извлеченных из слоя мерзлоты.

Список литературы

Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В. Некоторые особенности архитектуры и пространственной организации Войкарского городка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 142–145.

Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В. Об одном из типов деревянных построек городища Усть-Войкарское (Нижнее Приобье): архитектурные особенности, археолого-

этнографические параллели // Баландинские чтения: Сб. ст. науч. чтений памяти С.Н. Баландина. – Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2015. – Т. X, ч. 1. – С. 51–61.

Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Шейн А.Н. Продолжение археолого-геофизических исследований Войкарского городка в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 251–254.

Новиков А.В., Слюсаренко И.Ю., Швеиц О.Л., Ломов П.К. Предварительные результаты исследований на Войкарском городке в 2012 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 262–266.

Федорова Н.В. Войкарский городок. Итоги раскопок 2003–2005 гг. // Науч. вестн. – Салехард, 2006. – Вып. 4 (41). – С. 11–17.

References

Fedorova N.V. Voykarskiy gorodok. Itogi raskopok 2003–2005 gg. // Nauch. vestn. Salekhard, 2006. Iss. 4 (41). Pp. 11–17. (In Russ.).

Garkusha Yu.N., Novikov A.V. Nekotorye osobennosti arkhitektury i prostranstvennoy organizatsii Voykarskogo gorodka // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. XX. Pp. 142–145. (In Russ.).

Garkusha Yu.N., Novikov A.V. Ob odnom iz tipov derevyannykh postroek gorodishcha Ust'-Voykarskoe (Nizhnee Priob'ye): arkhitekturnye osobennosti, arkheologo-etnograficheskie paralleli // Balandinskie chteniya: Sb. statey nauch. chteniy pamyati S.N. Balandina. Novosibirsk: Novosib. gos. arkh.-khud. akad., 2015. Vol. X, pt. 1. Pp. 51–61. (In Russ.).

Novikov A.V., Garkusha Yu.N., Shein A.N. Prodolzhenie arkheologo-geofizicheskikh issledovaniy Voykarskogo gorodka v 2014 godu // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. XX. Pp. 251–254 (In Russ.).

Novikov A.V., Slyusarenko I.Ju., Shvec O.L., Lomov P.K. Predvaritel'nye rezul'taty issledovaniy na Voykarskom gorodke v 2012 g. // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2012. Vol. XVIII. Pp. 262–266. (In Russ.).

Д.В. Поздняков, А.В. Зубова, Т.А. Чикишева

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: dimolka@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ТИПЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ БАРАБЫ (по материалам памятника Преображенка-6)

Изучена небольшая серия представителей новосибирского варианта сrostкинской культуры, происходящая из могильника Преображенка-6 в Барабинской лесостепи. Сочетание признаков, характерное для всех исследованных индивидов, можно с уверенностью соотнести с морфологическими характеристиками современной южносибирской расы. Подобный комплекс, с незначительными вариациями, характерен для представителей всех локальных вариантов сrostкинской культуры, а также кимаков Казахстана. Особенностью описанной нами серии является несколько бо́льшая степень уплощенности горизонтального уровня лицевого скелета по сравнению со средними показателями этих параметров у представителей населения Южной Сибири и Казахстана VIII–X вв. Однако на индивидуальном уровне такие величины встречаются во многих территориальных группах.

Что касается компонентов, вошедших в состав изученного нами населения, то в данном случае можно еще раз указать на безусловное наличие существенной монголоидной примеси центральноазиатского происхождения. Другие морфологические комплексы, участвовавшие в формировании облика представителей кимако-кипчакского объединения, для каждой локальной территории, вероятнее всего, будут иметь свои местные корни. Это могли быть различные представители местного дотюркского населения, имевшие свои морфологические особенности. В случае с серией из могильника Преображенка-6 представляется возможным предполагать участие групп, близких по своей морфологии к представителям верхнеобской культуры.

Ключевые слова: краниология, одонтология, морфология, палеоантропологическая серия, эпоха раннего средневековья, сrostкинская культура.

D.V. Pozdnyakov, A.V. Zubova, T.A. Chikisheva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: dimolka@gmail.com

TO THE ANTHROPOLOGICAL TYPE OF EARLY-MEDIEVAL POPULATION IN THE BARABA (materials of Preobrazhenka 6 site)

We studied the small series of the individuals, related to the Novosibirsk group of Srostki culture. These series originated from Preobrazhenka 6 the burial ground in the Baraba forest-steppe. Combination of attributes, typical of all studied individuals, confidently correlates to morphological characteristics of modern South Siberian race. Such complex, with inconspicuous variations, is specific to representatives of all local variants of Srostki culture and Kimaks of Kazakhstan. Described series has a peculiarity: the horizontal level of facial skeleton is flatted a little more, than mean value of these parameters among the representatives of population from Southern Siberia and Kazakhstan in 8th – 9th centuries. However, such values rang in many territorial groups on personal level. In the case of components, included to studied population structure, we can point at implicit presence of significant mongoloid contaminant, originated in Central Asia. The sources of other morphological complexes, which also formed the characteristics of the representatives of Kimak-Kypchak community, would have the autochthonous roots for every local territory. It could be the various representatives of local pre-Turkic population with their personal morphological specifics. In the case of series from the Preobrazhenka 6 burial ground, it is possible to suppose the participation of the groups, morphologically close to representatives of Upper Ob culture.

Keywords: craniology, odontology, morphology, paleoanthropological series, Early Middle Ages, Srostki culture.

В 2004 году в результате археологических раскопок на памятнике Преображенка-6 в Барабинской лесостепи были исследованы четыре погребения эпохи раннего средневековья. Все они располагаются компактной группой и относятся к новосибирскому варианту сроткинской культуры. Наибольшее сходство по погребальному обряду и составу инвентаря обнаруживается с находящимся рядом памятником Преображенка-3 [Молодин, Чемякина, Позднякова, Гаркуша, 2005].

Три из четырех изученных погребений были парными. В захоронении 14 находились скелеты молодой женщины 18–20 лет (скелет 1) и ребенка 1 года $\pm$ 4 месяцев (скелет 2). Погребение 15 также содержало скелеты двух индивидов: женщины 45–50 лет (скелет 1) и мужчины такого же возраста (скелет 2). В погребении 16 был обнаружен скелет молодого (20–25 лет) мужчины. Индивидуальные данные измерений приведены в табл. 1, 2.

Погребение 14, скелет 1. Мозговой отдел черепа женщины (18–20 лет) средних размеров, мезокранный по указателю с плавными контурами и слабо выраженным рельефом. Лобная чешуя средней ширины, резко расширяющаяся к коронарному шву, выпуклая в сагиттальной плоскости. В горизонтальной плоскости она несколько уплощена, а величины, характеризующие ее горизонтальный профиль, находятся на границе европеоидных и монголоидных значений [Гохман, 1961].

Лицо высокое, широкое на всех уровнях, сильно уплощенное в горизонтальной плоскости. Орбиты высокие и широкие, мезоконхные по указателю. Высокое грушевидное отверстие оканчивается инфантильным нижним краем, а носовые косточки высокие, средней ширины. Верхняя челюсть узкая, о чем свидетельствуют малые и очень малые величины ширины альвеолярной дуги и нёба.

Таблица 1. Индивидуальные данные измерений мужских черепов из погребений тюркского времени могильника Преображенка-6

Признак	Порп. 15, ск. 2 (maturus 45–50)	Порп. 16 (adultus 20–25)	Средняя	Число наблюдений
1	2	3	4	5
1. Продольный диаметр	173	183	178	2
8. Поперечный диаметр	146	143	144,5	2
8:1. Черепной указатель	84,4	78,1	81,3	2
17. Высотный диаметр от базииона	133	–	133	1
17:1. Высотно-продольный указатель от базииона	76,9	–	76,9	1
17:8. Высотно-поперечный указатель от базииона	91,1	–	91,1	1
20. Высотный диаметр от пориона	112	115	113,5	2
20:1. Высотно-продольный указатель от пориона	64,7	62,8	63,8	2
20:8. Высотно-поперечный указатель от пориона	76,7	80,4	78,6	2
5. Длина основания черепа	100	–	100	1
9. Наименьшая ширина лба	99,4	98,5	99,0	2
10. Наибольшая ширина лба	128	129	128,5	2
9:10. Лобный указатель	77,7	76,4	77,0	2
9:8. Лобно-поперечный указатель	68,1	68,9	68,5	2
11. Ширина основания черепа	140	132	136	2
12. Ширина затылка	115	111	113	2
29. Лобная хорда	109,8	105,1	107,5	2
30. Теменная хорда	107	112	109,5	2
31. Затылочная хорда	91,5	91,5	91,5	2
26. Лобная дуга	124	123	123,5	2
27. Теменная дуга	120	125	122,5	2

1	2	3	4	5
28. Затылочная дуга	106	112	109	2
25. Сагиттальная дуга	350	360	355	2
26:25. Лобно-сагиттальный указатель	35,4	34,2	34,8	2
27:25. Теменно-сагиттальный указатель	34,3	34,7	34,5	2
28:25. Затылочно-сагиттальный указатель	30,3	31,1	30,7	2
28:27. Затылочно-теменной указатель	88,3	89,6	89,0	2
29:26. Указатель изгиба лба	88,5	85,4	87,0	2
h. Высота поперечного изгиба лба	18,2	17,2	17,7	2
h:9. Указатель поперечного изгиба лба	18,3	17,5	17,9	2
Угол поперечного изгиба лба	139,8	141,4	140,6	2
Sub.NB. Высота продольного изгиба лба	24	24	24	2
Sub.NB.:29. Указатель продольного изгиба лба	21,9	22,8	22,3	2
Высота изгиба затылка	19,5	23	21,3	2
45. Скуловой диаметр	150	150	150	2
9:45. Лобно-скуловой указатель	66,3	65,7	66,0	2
45:8. Горизонтальный фациоцеребральный указатель	102,7	104,9	103,8	2
40. Длина основания лица	101	–	101	1
40:5. Указатель выступания лица	101	–	101	1
48. Верхняя высота лица	78,4	78	78,2	2
48:17. Вертикальный фациоцеребральный указатель	58,9	–	58,9	1
47. Полная высота лица	124	127	125,5	2
43. Верхняя ширина лица	114	112	113	2
46. Средняя ширина лица	114,5	110	112,3	2
60. Длина альвеолярной дуги	54	54	54	2
61. Ширина альвеолярной дуги	69	66	67,5	2
61:60. Челюстно-альвеолярный указатель	127,8	122,2	125,0	2
62. Длина нёба	48	48	48	2
63. Ширина нёба	40	36,5	38,3	2
63:62. Нёбный указатель	83,3	76,0	79,7	2
55. Высота носа	54,4	58	56,2	2
54. Ширина носа	28	26	27	2
54:55. Носовой указатель	51,5	44,8	48,1	2
51. Ширина орбиты от mf.	47,3	44	45,7	2
51a. Ширина орбиты от d.	42,3	41	41,7	2
52. Высота орбиты	37	37	37	2
52:51. Указатель орбиты от mf.	78,2	84,1	81,2	2
52:51a. Указатель орбиты от d.	87,5	90,2	88,9	2
Бималлярная ширина	106,5	105,2	105,9	2
Высота назиона над бималлярной шириной	17	14	15,5	2
Зигомаксиллярная ширина	116,3	109	112,7	2
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	17,5	17,5	17,5	2
Назомаллярный угол	144,5	150,2	147,4	2

1	2	3	4	5
Зигомаксиллярный угол	146,4	144,3	145,4	2
SC. Симотическая ширина	11	11	11	2
SS. Симотическая высота	8,7	5,2	6,95	2
SS:SC. Симотический указатель	79,1	47,3	63,2	2
MC. Максиллофронтальная ширина	21,8	21,5	21,65	2
MS. Максиллофронтальная высота	6,6	7	6,8	2
MS:MC. Максиллофронтальный указатель	30,3	32,6	31,4	2
DC. Дакриальная ширина	27,5	23,3	25,4	2
DS. Дакриальная высота	13,4	11	12,2	2
DS:DS. Дакриальный указатель	48,7	47,2	48,0	2
FC. Глубина клыковой ямки (мм)	5,5	3,5	4,5	2
Высота изгиба скуловой кости (по Ву)	16,2	15,5	15,85	2
Ширина скуловой кости (по Ву)	65,8	59	62,4	2
Указатель изгиба скуловой кости	24,6	26,3	25,4	2
32. Угол профиля лба от назиона	79	83	81	2
GM/FH. Угол профиля лба от глабеллы	73	70	71,5	2
72. Общий угол профиля лица	83	80	81,5	2
73. Угол профиля средней части лица	86	84	85	2
74. Угол профиля альвеолярной части лица	75	77	76	2
75. Угол наклона носовых костей	60	56	58	2
75(1). Угол выступания носа	23	24	23,5	2
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	111	116	113,5	2
79. Угол ветви нижней челюсти	124	122	123	2
68. Длина нижней челюсти от углов	77	80	78,5	2
70. Высота ветви	70	72	71	2
71a. Наименьшая ширина ветви	36	41	38,5	2
65. Мыщелковая ширина	126	130	128	2
66. Угловая ширина	114	116	115	2
67. Передняя ширина	49	52	50,5	2
69. Высота симфиза	36,5	36	36,3	2
69(1). Высота тела	38	35	36,5	2
69(3). Толщина тела	—	14	14	1
C*. Угол выступания подбородка	68	65	66,5	2
Форма черепа в горизонтальной норме	сфероид.	эллипс.		
Форма черепа в латеральной норме	эллипс.	эллипс.		
Форма черепа в окципитальной норме	крышевид.	крышевид.		
Надпереносье (по Мартину, 1–6)	2	3	2,5	2
Надбровные дуги (1–3)	2	2	2	2
Наружный затылочный бугор (по Брока, 0–5)	4	4	4	2
Сосцевидный отросток (1–3)	2	2	2	2
Нижний край грушевидного отверстия	anthrop.	f.pr		
Передненосовая ость (по Брока, 1–5)	—	2	2	1

**Таблица 2. Индивидуальные данные измерений женских черепов из погребений тюркского времени
могильника Преображенка-6**

Признак	Погр. 14, ск. 1 (adultus 18–20)	Погр. 15, ск. 1 (maturus 45–50)	Средняя	Число наблюдений
1	2	3	4	5
1. Продольный диаметр	173	168	170,5	2
8. Поперечный диаметр	137	133	135	2
8:1. Черепной указатель	79,2	79,2	79,2	2
17. Высотный диаметр от базиона	–	136	136	1
17:1. Высотно-продольный указатель от базиона	–	81,0	81,0	1
17:8. Высотно-поперечный указатель от базиона	–	102,3	102,3	1
20. Высотный диаметр от пориона	–	114	114	1
20:1. Высотно-продольный указатель от пориона	–	67,9	67,9	1
20:8. Высотно-поперечный указатель от пориона	–	85,7	85,7	1
5. Длина основания черепа	–	103	103	1
9. Наименьшая ширина лба	93,5	86,5	90	2
10. Наибольшая ширина лба	118	112	115	2
9:10. Лобный указатель	79,2	77,2	78,2	2
9:8. Лобно-поперечный указатель	68,2	65,0	66,6	2
11. Ширина основания черепа	–	122	122	1
12. Ширина затылка	–	106	106	1
29. Лобная хорда	106,3	103,8	105,05	2
30. Теменная хорда	103	104	103,5	2
31. Затылочная хорда	-	93,6	93,6	1
26. Лобная дуга	123	117	120	2
27. Теменная дуга	115	114	114,5	2
28. Затылочная дуга	–	107	107	1
25. Сагиттальная дуга	–	338	338	1
26:25. Лобно-сагиттальный указатель	–	34,6	34,6	1
27:25. Теменно-сагиттальный указатель	–	33,7	33,7	1
28:25. Затылочно-сагиттальный указатель	–	31,7	31,7	1
28:27. Затылочно-теменной указатель	–	93,9	93,9	1
29:26. Указатель изгиба лба	86,4	88,7	87,6	2
h. Высота поперечного изгиба лба	18,5	17	17,75	2
h:9. Указатель поперечного изгиба лба	19,8	19,7	19,7	2
Угол поперечного изгиба лба	136,8	137	136,9	2
Sub.NB. Высота продольного изгиба лба	26,5	23,5	25	2
Sub.NB.:29. Указатель продольного изгиба лба	24,9	22,6	23,8	2
Высота изгиба затылка	–	21,8	21,8	1
45. Скуловой диаметр	–	131	131	1
9:45. Лобно-скуловой указатель	–	66,0	66,0	1
45:8. Горизонтальный фациocereбральный указатель	–	98,5	98,5	1
40. Длина основания лица	–	96	96	1

1	2	3	4	5
40:5. Указатель выступания лица	–	93,2	93,2	1
48. Верхняя высота лица	72	69	70,5	2
48:17. Вертикальный фациocereбральный указатель	–	50,7	50,7	1
47. Полная высота лица	107	122,3	114,7	2
43. Верхняя ширина лица	102,5	106	104,3	2
46. Средняя ширина лица	95	97	96	2
60. Длина альвеолярной дуги	–	50	50	1
61. Ширина альвеолярной дуги	58	59	58,5	2
61:60. Челюстно-альвеолярный указатель	–	118	118	1
62. Длина нёба	–	46	46	1
63. Ширина нёба	31,5	36,5	34	2
63:62. Нёбный указатель	–	79,3	79,3	1
55. Высота носа	51,5	52,2	51,9	2
54. Ширина носа	–	25,7	25,7	1
54:55. Носовой указатель	–	49,2	49,2	1
51. Ширина орбиты от mf.	40,5	44	42,3	2
51a. Ширина орбиты от d.	39	40,8	39,9	2
52. Высота орбиты	36	37,5	36,8	2
52:51. Указатель орбиты от mf.	88,9	85,2	87,1	2
52:51a. Указатель орбиты от d.	92,3	91,9	92,1	2
Бималлярная ширина	92,5	97,5	95	2
Высота назиона над бималлярной шириной	13	12,5	12,8	2
Зигомаксиллярная ширина	91,2	97,5	94,4	2
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	15	16,5	15,8	2
Назомаллярный угол	148,5	151,3	149,9	2
Зигомаксиллярный угол	143,5	142,6	143,1	2
SC. Симотическая ширина	8,7	7	7,9	2
SS. Симотическая высота	3,5	3	3,3	2
SS:SC. Симотический указатель	40,2	42,9	41,5	2
MC. Максиллофронтальная ширина	–	15,2	15,2	1
MS. Максиллофронтальная высота	–	4,5	4,5	1
MS:MC. Максиллофронтальный указатель	–	29,6	29,6	1
DC. Дакриальная ширина	–	19,3	19,3	1
DS. Дакриальная высота	–	8	8	1
DS:DS. Дакриальный указатель	–	41,5	41,5	1
FC. Глубина клыковой ямки (мм)	–	2	2	1
Высота изгиба скуловой кости (по By)	–	13	13	1
Ширина скуловой кости (по By)	–	57	57	1
Указатель изгиба скуловой кости	–	22,8	22,8	1
32. Угол профиля лба от назиона	–	86	86	1
GM/FH. Угол профиля лба от глабеллы	–	77	77	1
72. Общий угол профиля лица	–	86	86	1

1	2	3	4	5
73. Угол профиля средней части лица	—	88	88	1
74. Угол профиля альвеолярной части лица	—	70	70	1
75. Угол наклона носовых костей	—	68	68	1
75(1). Угол выступания носа	—	16	16	1
68(1). Длина нижней челюсти от мыщелков	97	108	102,5	2
79. Угол ветви нижней челюсти	117	118	117,5	2
68. Длина нижней челюсти от углов	73	84	78,5	2
70. Высота ветви	64	63	63,5	2
71a. Наименьшая ширина ветви	35 (прав.)	37	37	1
65. Мыщелковая ширина	—	125	125	1
66. Угловая ширина	—	103	103	1
67. Передняя ширина	47	49	48	2
69. Высота симфиза	33	31	32	2
69(1). Высота тела	30	29,5	29,8	2
69(3). Толщина тела	11	11	11	2
С*. Угол выступания подбородка	73	60	66,5	2
Форма черепа в горизонтальной норме	эллипс.	овоид.		
Форма черепа в латеральной норме	эллипс.	куполообр.		
Форма черепа в окципитальной норме	сводчат.	крышевид.		
Надпереносье (по Мартину, 1–6)	1	1	1	2
Надбровные дуги (1–3)	1	1	1	2
Наружный затылочный бугор (по Брока, 0–5)	—	0	0	1
Сосцевидный отросток (1–3)	1	1	1	2
Нижний край грушевидного отверстия	infant.	anthrop.		
Передненосовая ось (по Брока, 1–5)	—	2	2	1

Нижняя челюсть имеет высокие, вертикально поставленные ветви и широкое и высокое тело с умеренно выступающим подбородком.

Верхние медиальные и латеральные резцы имеют лопатообразную форму лингвальной поверхности, на клыках также присутствуют маргинальные гребни, но слабо развитые (балл 1). Маркеры архаики в их строении отсутствуют. Лингвальный бугорок на центральных резцах отсутствует, на латеральных выражен средне, на клыках имеет собственную вершину и крупные размеры. На обоих клыках присутствует дополнительный дистальный гребень. На первых премолярах вестибулярный бугорок намного крупнее лингвального, на вторых они сопоставимы по размерам. В первом случае в строении коронок присутствуют дополнительные мезиальные и дистальные бугорки. Первые верхние моляры не редуцированы, на левом зубе фиксируется начальная стадия формирования бугорка Карабелли (балл 1). Дополнительные

стилоидные бугорки отсутствуют, отмечен тип 3 борозды 1eo и вариант 1 соотношения точек впадения 1me и 1eo. На вторых молярах наблюдается начальная стадия редукции гипоконуса и метаконауса, на третьих оба бугорка сильно редуцированы. На первых и вторых молярах имеется выраженный затек эмали (балл 5).

На фронтальных зубах нижней челюсти отсутствуют лопатообразность и дополнительные гребни. Первые премоляры имеют форму 1, вторые сильно дифференцированы. Нижний левый первый моляр 6-бугорковый, с Y-узором. Дополнительные бугорки и дистальный гребень тригониды отсутствуют, отмечен вариант 2med(III), но о наличии коленчатой складки метагониды судить невозможно из-за стертости. Вторые моляры нижней челюсти имеют форму X5, дополнительные морфологические особенности и маркеры архаики в их строении отсутствуют. Третьи нижние моляры 4-бугорковые, с X-узором.

Погребение 15, скелет 1. Мозговая капсула округлая, со слабо выраженным рельефом, мезокранная по указателю. Продольный и поперечный диаметры малой величины, при этом у черепа высокий свод. Лобная чешуя имеет средний наклон, умеренно выпуклая в продольной плоскости, очень узкая в месте наибольшего сужения, при среднем коронарном диаметре. Так же как и на предыдущем черепе, параметры, описывающие горизонтальный изгиб лба, находятся в пограничном интервале между европеоидными и монголоидными значениями. Из сегментов сагиттальной дуги наибольшую протяженность имеет лобный отдел. Лобно-сагиттальный индекс (ЛСИ) находится на границе европеоидных и монголоидных величин, в то время как сочетание затылочно-теменного (ЗТИ) и высотно-продольного (ВПИ) указателей присуще монголоидным группам.

Лицевой отдел высокий, широкий, сильно уплощенный на горизонтальном уровне. По углам вертикальной профилировки, а также по указателю выступания лица – ортогнатный, с умеренно выступающим альвеолярным отделом. Орбиты высокие и широкие, имеют мезоконхные пропорции. Грушевидное отверстие мезоринное, высокое и широкое по абсолютным размерам, с острым нижним краем. Переносье узкое и низкое, Носовые кости средней высоты, узкие, слабо выступающие над общим профилем лица. Верхняя челюсть короткая, средней ширины, с узким нёбом.

Нижняя челюсть характеризуется крупными продольными и поперечными размерами, высокой, вертикально поставленной ветвью при средних параметрах тела и слабо выступающим подбородком.

У погребенной отсутствовал кариес, о наличии гипопластических поражений судить невозможно из-за сильной стертости фронтальных зубов. На всех зубах присутствовали отложения зубного камня и резорбция краев альвеолярных ячеек. На фронтальных зубах и премолярах верхней челюсти зафиксированы прижизненные сколы эмали.

Медиальный верхний резец сильно стерт. На латеральном отмечается лопатообразность лингвальной поверхности, отсутствие лингвальной ямки и лингвального бугорка. На верхнем первом премоляре вестибулярный бугорок заметно крупнее лингвального, на вторых зубах оба бугорка имеют схожие размеры, также здесь присутствуют дополнительные бугорки дистального края. Верхние первые моляры не редуцированы, бугорок Карабелли отсутствует. На вторых зубах данного класса наблюдается начальная стадия редукции гипоконуса, дополнительные бугорки отсутствуют. Нижние премоляры диффе-

ренцированы (балл 3 на первых зубах, 4 на вторых). Первый правый моляр имеет форму «Y5», *tam1*, протостилид, ямка протостилида, дистальный гребень тригониды на нем отсутствуют, так же как и маркеры архаики. Метаконид стерт. Второй левый моляр имеет 4-бугорковое строение, X-узор коронки. Оба третьих моляра также 4-бугорковые, с X-узором.

Погребение 15, скелет 2. Мозговой отдел черепа округлый с умеренно развитым рельефом, характеризуется малым продольным и большим поперечным диаметрами, что обуславливает его брахикранные пропорции. Диаметры высоты свода находятся в пределах средних (от базиса) и малых (от пориона) величин. Лобная чешуя широкая, наклонная, средне выпуклая в продольной и уплощенная в поперечной плоскости. Соотношения сегментов сагиттальной дуги (ЛСИ и ЗТИ) находятся в пределах вариаций, характерных для монголоидов.

Лицо очень широкое и очень высокое, с мезогнатным вертикальным профилем. Величины углов горизонтальной профилировки свидетельствуют о значительной уплощенности, особенно на уровне скуловых костей. Орбиты очень широкие и высокие, мезоконхные по указателю. Грушевидное отверстие хомеринное, высокое и широкое, с острым нижним краем. Носовые косточки широкие и очень высокие, при этом слабо выступающие над общим профилем лица. Переносье очень широкое и высокое. Верхняя челюсть очень широкая, средней длины, со среднешироким нёбом.

Нижняя челюсть характеризуется крупными размерами всех ее частей и средними величинами наклона ветви и выступания подбородка.

Сохранность одонтологического материала очень плохая. При жизни утрачен верхний правый второй премоляр и верхний правый третий моляр. Все зубы у погребенного сильно стерты, на всех присутствуют отложения зубного камня и резорбция края альвеолярных ячеек. На верхних и нижних первых молярах, нижнем левом втором премоляре отмечены прижизненные сколы эмали. У второго нижнего левого резца при жизни утрачена половина коронки, на нижних первых молярах наблюдается искусственная стертость коронки с вестибулярной стороны.

Погребение 16. Черепная коробка мезокранная, со средними величинами всех основных диаметров и умеренно выраженным рельефом. Лобная чешуя широкая, наклонная, со средним изгибом в продольном сечении, а в горизонтальной плоскости значительно уплощенная. Наибольшую протяженность имеет теменной участок сагиттальной дуги, что обуславливает европеоидное значение ЛСИ.

Лицевой отдел мезогнатный, очень высокий и очень широкий, сильно уплощенный на обоих уровнях горизонтального профиля. Орбиты мезоконхные, высокие и широкие. Носовое отверстие очень высокое, средней ширины, что обуславливает его лепторинные пропорции. Его нижний край оканчивается предносовыми ямками. Строение переносья характеризуется большой шириной и умеренным выступанием. Носовые косточки широкие, высокие, со средним углом выступления. Верхняя челюсть широкая, средней длины, с узким небом.

Нижняя челюсть очень крупная, высокая и широкая, со средним углом наклона ветвей и слабо выступающим подбородочным выступом.

У погребенного отсутствовали кариес, гипоплазия эмали, аномалии строения зубного ряда. Резорбция альвеолярного края присутствует в области моляров верхней челюсти и на всех зубах нижней, но не наблюдается на верхних резцах и клыках. На верхнем правом латеральном резце, верхнем правом клыке, первом и втором премоляре имеются прижизненные сколы эмали. На всех зубах отмечены отложения зубного камня.

Все фронтальные зубы верхней челюсти обладали лопатообразной формой лингвальной поверхности. На клыках присутствуют дополнительные дистальные гребни и слабо выраженный лингвальный бугорок. Верхние первые моляры не редуцированы, на вторых наблюдается умеренная степень редукции гипоконуса, на третьем зубе он уменьшен до размеров небольшого зернышка. Бугорок Карабелли на всех зубах отсутствует, но отмечены дополнительные дистальные бугорки. Нижние вторые премоляры сильно дифференцированы (балл 5). Первые нижние моляры 5-бугорковые, с Y-узором коронки. Вторые зубы асимметричны, на правом узор коронки X5, на левом – X4. Дополнительные бугорки отсутствуют, на левом первом моляре отмечен дистальный гребень тригониды.

Сочетание признаков, присущее всем индивидам из погребений сросткинской культуры могильника Преображенка-6, можно с уверенностью соотнести с морфологическими характеристиками современной южносибирской расы. Подобный комплекс, с незначительными вариациями, характерен для представителей всех локальных вариантов сросткинской культуры, а также кимаков Казахстана [Алексеев, 1958, 1974; Алексеев, Гохман, 1984; Алексеев, Мамонова, 1988, Багашев, 1988, Гинзбург, 1956, 1962, 1963; Чикишева, Ким, 1988]. Особенностью описанной нами серии является несколько бо́льшая степень уплощенности горизонтального уровня лицевого скелета по сравнению со средними показателя-

ми этих параметров у населения Южной Сибири и Казахстана VIII–X вв. Однако на индивидуальном уровне такие величины встречаются во многих территориальных группах.

В отношении происхождения компонентов, вошедших в состав данного населения, еще раз необходимо указать на безусловное наличие существенной монголоидной примеси центрально-азиатского происхождения. Что касается других морфологических комплексов, участвовавших в формировании облика представителей кимако-кипчакского объединения, то для каждой локальной территории это могли быть различные группы местного дотюркского населения, имевшие свои морфологические особенности [Поздняков, 2006]. В случае с серией из могильника Преображенка-6 представляется возможным предполагать участие групп, близких по своей морфологии к представителям верхнеобской культуры [Дремов, 1975].

Список литературы

Алексеев В.П. Палеоантропология Алтая эпохи железа // СА. – 1958. – № 1. – С. 45–50.

Алексеев В.П. К средневековой палеоантропологии Кузнецкой котловины // Изв. лаборатории археологических исследований. – 1974. – Вып. 5. – С. 112–118.

Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. – М.: Наука, 1984. – 208 с.

Алексеев В.П., Мамонова Н.Н. Палеоантропологические материалы последних веков до нашей эры и тюркского времени с территории Северо-Западного Алтая // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 3–21.

Багашев А.Н. Антропологический состав средневекового населения Среднего Прииртышья // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 22–54.

Беневоленская Ю.Д. Расовая дифференциация на территории Азии (по строению лобного отдела черепа) // Историческая динамика этнической и расовой дифференциации народов Азии. – М.: Наука, 1988. – С. 39–50.

Беневоленская Ю.Д. Признаки черепного свода как маркеры различных уровней дифференциации рас // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии. – СПб.: Наука, 1991. – С. 126–152.

Гинзбург В.В. Древнее население восточных и центральных районов Казахской ССР // ТИЭ. Антропол. сб. I. Нов. сер. – 1956. – Т. XXXIII. – С. 238–298.

Гинзбург В.В. Краниологические материалы из Северного Казахстана и вопрос о происхождении ранних тюркских кочевников // КСИЭ. – 1962. – Т. XXXVI. – С. 95–99.

Гинзбург В.В. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана // Сб. МАЭ. – 1963. – Т. XXI. – С. 297–337.

Гохман И.И. Угол поперечного изгиба лба и его значение для расовой диагностики // *Вопр. антропологии*. – 1961. – Вып. 8. – С. 88–98.

Дремов В.А. Антропологические материалы II–VIII вв. н.э. из могильников Уени // *Из истории Сибири*. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1975. – Вып. 16. – С. 94–129.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Позднякова О.А., Гаркуша Ю.Н. Результаты археологических исследований на памятнике Преображенка-6 // *Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий*. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 418–423.

Поздняков Д.В. Палеоантропология населения юга Западной Сибири эпохи средневековья (вторая половина I – первая половина II тыс. н.э.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 136 с.

Чикишева Т.А., Ким А.Р. Антропологический состав населения Обь-Иртышского междуречья в древнетюркское время // Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С. и др. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 129–163.

References

Alekseev V.P. Paleoantropologiya Altaya epokhi zheleza // *SA*. 1958. No. 1. Pp. 45–50. (In Russ.).

Alekseev V.P. K srednevekovoy paleoantropologii Kuznetskoy kotloviny // *Izv. laboratorii arkheologicheskikh issledovaniy*. 1974. Iss. 5. Pp. 112–118. (In Russ.).

Alekseev V.P., Gokhman I.I. Antropologiya Aziatskoy chasti SSSR. M.: Nauka, 1984. 208 pp. (In Russ.).

Alekseev V.P., Mamonova N.N. Paleoantropologicheskie materialy poslednikh vekov do nashey ery i tyurkskogo vremeni s territorii Severo-Zapadnogo Altaya // *Paleoantropologiya i arkheologiya Zapadnoy i Yuzhnoy Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 1988. Pp. 3–21. (In Russ.).

Bagashev A.N. Antropologicheskiy sostav srednevekovogo naseleniya Srednego Priirtysh'ya // *Paleoantropo-*

logiya i arkheologiya Zapadnoy i Yuzhnoy Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 1988. Pp. 22–54. (In Russ.).

Benevolenskaya Iu.D. Rasovaya differentsiatsiya na territorii Azii (po stroeniyu lobnogo otdela cherepa) // *Istoricheskaya dinamika etnicheskoy i rasovoy differentsiatsii narodov Azii*. M.: Nauka, 1988. Pp. 39–50. (In Russ.).

Benevolenskaya Yu.D. Priznaki cherepnogo svoda kak markery razlichnykh urovney differentsiatsii ras // *Novye kollektsii i issledovaniya po antropologii i arkheologii*. St. Peterburg: Nauka, 1991. Pp. 126–152. (In Russ.).

Chikisheva T.A., Kim A.R. Antropologicheskiy sostav naseleniya Ob'-Irtyshskogo mezhdurech'ya v drevnetyurkskoe vremya // Molodin V.I., Savinov D.G., Elagin V.S. et al. Novosibirsk: Nauka, 1988. Pp. 129–163. (In Russ.).

Dremov V.A. Antropologicheskie materialy II–VIII vv. n.e. iz mogil'nikov Ueni // *Iz istorii Sibiri*. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. un-ta, 1975. Iss. 16. Pp. 94–129. (In Russ.).

Ginzburg V.V. Drevnee naselenie vostochnykh i tsentral'nykh rayonov Kazakhskoy SSR // *TIE. Antropol. sb. I. Nov. ser.* 1956. Vol. XXXIII. Pp. 238–298 (In Russ.).

Ginzburg V.V. Kraniologicheskie materialy iz Severnogo Kazakhstana i vopros o proiskhozhdenii rannikh tyurkskikh kochevnikov // *KSIE*. 1962. Vol. XXXVI. P. 95–99. (In Russ.).

Ginzburg V.V. Materialy k antropologii drevnego naseleniya Severnogo Kazakhstana // *Sb. MAE*. 1963. Vol. XXI. Pp. 297–337. (In Russ.).

Gokhman I.I. Uгол poperechnogo izgiba lba i yego znachenie dlya rasovoy diagnostiki // *Vopr. antropologii*. 1961. Iss. 8. Pp. 88–98. (In Russ.).

Molodin V.I., Chemyakina M.A., Pozdnyakova O.A., Garkusha Yu.N. Rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy na pamyatnike Preobrazhenka-6 // *Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2005. Vol. XI, Pt. I. P. 418–423. (In Russ.).

Pozdnyakov D.V. Paleoantropologiya naseleniya yuga Zapadnoy Sibiri epokhi srednevekov'ya (vtoraya polovina I – pervaya polovina II tys. n.e.). Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2006. 136 pp. (In Russ.).

Н.В. Полосьмак¹, В.А. Трунова², В.В. Зверева², В.И. Кондратьев³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Институт неорганической химии им. А.В. Николаева СО РАН

³Институт ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН

E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

КОСЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ В 22-м НОИН-УЛИНСКОМ КУРГАНЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Статья посвящена результатам междисциплинарного исследования волос из 22-го ноин-улинского кургана. Обнаруженные в ноин-улинских курганах косы не принадлежали похороненным в них людям, и поэтому требовалось объяснение их появления в погребальных комплексах знатных хунну. Методом рентгеновской компьютерной томографии с высоким разрешением (СЦСТИ, ИЯФ СО РАН) было установлено, что древние волосы полые по всей длине и непригодны для генетического анализа. Наблюдения, сделанные в ходе раскопок трех больших курганов, позволили прийти к выводу о том, что многочисленные косы и пряди волос, найденные в коридорах между внутренней и внешней погребальными камерами, рядом с металлическими украшениями конской упряжи и деталями седел, были частью украшений конского снаряжения. Косы и пряди волос подвешивались к конской упряжи и служили своеобразным украшением коня и показателем статуса, доблести и воинской славы погребенного. Установление с помощью сканирующего электронного микроскопа с ЭДС (Hitachi S-3400N Type II) толщины древних волос и сравнение этих данных с результатами таких же исследований волос современных молодых людей (корейцев, китайцев) показало, что результаты в целом вполне сопоставимы, а разброс показателей внутри древней серии гораздо больше, чем в современной коллекции. На основании всестороннего анализа полученных результатов можно сделать вывод о том, что волосы из ноин-улинских курганов принадлежат представителям различных племен и народов из окружения хунну, вплоть до ханьцев.

Ключевые слова: хунну, ноин-улинские курганы, волосы, военные трофеи, рентгеновская компьютерная томография с высоким разрешением, сканирующая электронная микроскопия.

N.V. Polosmak¹, V.A. Trunova², V.V. Zvereva², V.I. Kondratiev³

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²A.V. Nikolaev Institute of Inorganic Chemistry SB RAS

³G.I. Budker Institute of Nuclear Physics SB RAS

E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

PLAITS FROM THE BURIAL OF 22th NOIN-ULA BARROW: RESULTS OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH AND INTERPRETATION

The article is devoted to the results of interdisciplinary research of hair from 22th Noin ULA barrow. The plaits, discovered in Noin Ula barrows, did not belong to people buried there and, therefore, it was required to explain their appearance in the burial complexes of the Xiongnu nobles. X-ray computer tomography with high resolution (Siberian Center of Synchrotron Emission of INP SB RAS) indicated that the ancient hair is hollow over the entire length and are not suitable for genetic analysis. Observations, made during the excavation of three large barrows, permit to conclude that numerous plaits and strands of hair, found in the corridors between the inner and outer burial chamber near metal ornaments of horse harness and details of saddles, were part of the decoration of horse equipment. Plaits and strands of hair hung to the horse harness, and used as a kind of decoration of the horse and as the status marks, valor and military glory of the buried. We deduced the thickness of the ancient hairs by a scanning electron microscope with EDS (Hitachi

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-00782.

S-3400N Type II) and compared these data with the results of the research of hairs, belonging to modern young people (Koreans, Chinese). It is showed that the results are relevant in general, and dispersion of indicators into the ancient series is significantly higher, than into the modern collection. In virtue of a comprehensive analysis of the results, it can be concluded that the hairs from Noin Ula barrows belong to representatives of different tribes and natives from the network of Xiongnu, up to Han Chinese.

Keywords: *Xiongnu, Noin Ula barrows, hairs, trophy of war, X-Ray computer tomography with high resolution, scanning electron microscopy.*

В ноин-улинских курганах, главным образом в 20-м и 22-м, в ходе исследований последних лет были обнаружены многочисленные косы и пряди волос [Полосьмак, Богданов, Цэвээндорж, 2011; Полосьмак, Богданов, 2015, с. 65–67]. Подобные находки из погребений Ноин-Улы известны еще со времен экспедиции П.К. Козлова. Они сразу же привлекли внимание исследователей. Во-первых, потому, что волосы являются очень редкой находкой в древних погребениях. Во-вторых, обнаруженные в ноин-улинских курганах косы не принадлежали похороненным в них людям, и поэтому требовалось объяснение их появления в погребальных комплексах знатных хунну. Существует несколько предположений. По одному из них, высказанному С.А. Теплоуховым, косы являлись знаком траура; по мнению А.Н. Бернштама, косы принадлежали сяньби и являлись приношением со стороны подчиненных племен хуннскому шаньюю [Руденко, 1962, с. 89], С.С. Миняев считает, что косы служили для создания погребальных кукол [Миняев, Сахаровская, 2010, с. 13–15], а С. И. Руденко не сомневается в их принадлежности хуннским женщинам и объясняет их присутствие в погребениях знати своего рода заменителем человеческих жертвоприношений [Руденко, 1962, с. 89–90].

В данной ситуации ясность в отношении того, кому могли принадлежать срезанные косы и волосы, способны внести генетические исследования. Но оказалось, что образцы волос из ноин-улинских погребений непригодны для генетического анализа. Методом рентгеновской компьютерной томографии с высоким разрешением (СЦСТИ, ИЯФ СО РАН) было установлено, что они полые по всей длине (рис. 1). Отсутствие внутренней части волоса ранее наблюдали и другие исследователи [Mansilla, Bosch, Menéndez et al., 2011]. Внутренняя часть обогащена липидами и поэтому разрушается в первую очередь, поскольку наименее устойчива к микробиологическому/химическому воздействию [Wilson, Dodson, Janaway et al., 2007; Bertrand, Doucet, Dumas et al., 2003; Kenney, 1981]. В отличие от липидов кератин хорошо сохраняется [Gillespie, 1970; Ryder, 1974], и мы, вероятнее всего, наблюдаем только оставшийся кератиновый каркас волоса. Надо отметить, что не у всех древних волос разрушается внутренняя часть, вследствие чего они становятся непригодными для генетического анализа. У волос, которые находились в мерзлоте, в погребении пазырыкской культуры (курган 3 могильника Верх-Кальджин-2) сохранилась середина (рис. 2), тогда как волосы из другого пазырыкского погребения кургана Кутургунтас, где мерзлота отсутствовала, ее не имели.

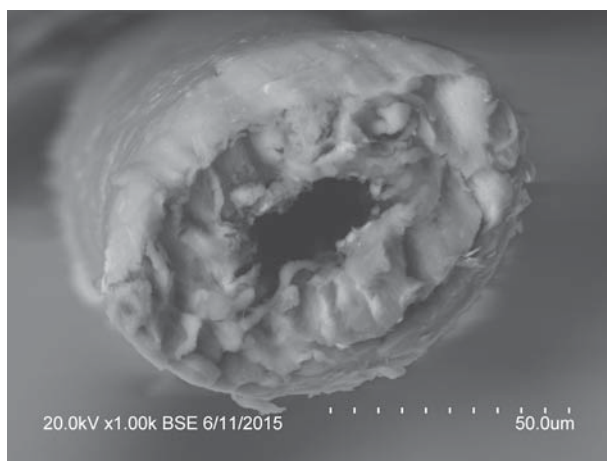

Рис. 1. Поперечный срез волоса из косы. Кург. 22, Ноин-Ула.

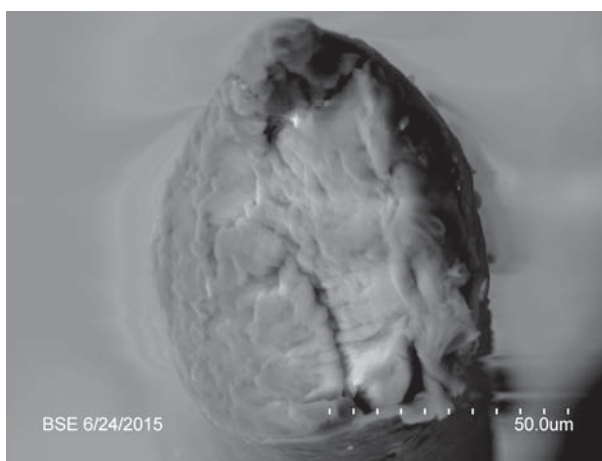

Рис. 2. Поперечный срез волоса из могильника Верх-Кальджин II, курган 3, в мерзлоте. Пазырыкская культура (IV–III вв. до н.э.).

**Таблица 1. Результаты определения толщины (мкм) волос из 15 кос.
Курган 22, Ноин-Ула (Северная Монголия)**

Признак	№ косы														
	14	15	16	17	19	20	22	23	24	25	26	27	32	37	38
$X_{\text{ср}}$ (толщина, мкм)	80	60	89	80	83	76	96	88	73	90	80	70	86,9	70	80
Sr % ($n = 3$)	23	16	4	15	5	3	3	3	13	14	11	17	1	17	28

Примечания. Из каждой косы ($n = 15$) произвольным образом было отобрано по три отдельных волоса ($n = 3$), для каждого из которых производилось по три измерения толщины на участке длиной порядка 1 см; $X_{\text{ср}}$ – среднее значение толщины для трех волос (мкм); Sr % – относительное стандартное отклонение (%).

Наблюдения, сделанные в ходе раскопок трех больших курганов, позволили сделать вывод о том, что многочисленные косы и пряди волос, найденные в коридорах между внутренней и внешней погребальными камерами, рядом с металлическими украшениями конской упряжи и деталями седел, были частью украшений конского снаряжения [Полосьмак, Богданов, 2015, с. 65–67]. Этот факт представляется надежно установленным. У кос лучшей сохранности, обнаруженных в ноин-улинских курганах экспедицией П.К. Козлова, всегда специальным образом был оформлен верхний край – в большинстве случаев он был закрыт шелковым футляром и тщательно перевязан либо простеган ниткой, а в нескольких случаях имелась специальная петля для подвешивания из витого шелкового шнура [Руденко, 1962, с. 90]. Очень многие косы были в одинаковых шелковых наконечниках, в том числе и несколько из найденных нами в 22-м кургане. Таким образом, видно, что обрезанные косы были специальным образом оформлены для того, чтобы их было удобно подвешивать. Если мы правы, то косы и пряди волос подвешивались к конской упряжи и служили своеобразным украшением коня и показателем статуса, доблести и воинской славы погребенного.

То, что мы узнали о назначении кос и прядей волос из ноин-улинских курганов, помогает отчасти ответить на вопрос о том, кому же они принадлежали. Это могли быть трофеи – волосы побежденных, плененных, убитых. Отрезанные коса или волосы во всех культурах, вплоть

до современности, означали моральную смерть человека. Уже визуальные наблюдения над вновь полученной коллекцией волос из ноин-улинских курганов показали, что они были неоднородны как по цвету, который изменялся от интенсивно черного до каштанового, так и по толщине и мягкости и способу плетения кос. В свое время С.И. Руденко собрал большую коллекцию волос представителей различных народов, которые были изучены им с целью сравнения их по толщине и по форме для сопоставления с археологическим материалом. Оказалось, что по этим показателям волосы из исследованных экспедицией П.К. Козлова ноин-улинских курганов близки к группе самых толстых и прямых волос – корейцев, бурят, монголов-халхасцев, алтайцев (Руденко ограничился сравнительным материалом из собственной коллекции [1962, с. 111]). Сергей Иванович провел сравнение волос из ноин-улинской коллекции с имеющимися у него образцами волос пазырыкцев из его раскопок «царских» курганов. Его вывод заключался в том, что волосы пазырыкцев значительно отличались от тех, что были обнаружены в ноин-улинских курганах, они были более тонкие и волнистые [Там же]. Такое же исследование было проведено с образцами волос из 22-го ноин-улинского кургана и волосами из пазырыкских погребений Укока. Определение толщины волос осуществлялось при помощи сканирующего электронного микроскопа с ЭДС (Hitachi S-3400N Type II) в ИЯФ СО РАН. Для каждого из исследуемых образцов были сделаны снимки поперечного сечения волоса, а также снимки при определении толщины. Толщина волос, обнаруженных в кургане 22 (табл. 1), варьирует в диапазоне от 60 до 96 мкм. С показателем 60 мкм, приближающимся к показателю волос у славян (55 мкм), есть только один образец, тогда как наибольшее количество образцов (8) имеет толщину, варьирующую в диапазоне от 80 до 89 мкм. К ним примыкают два образца очень толстых волос – с показателями 90 и 96 мкм. Еще одна группа волос (4 образца)

Таблица 2. Результаты определения толщины (мкм) волос представителей пазырыкской культуры (образец № 1 – Кутургунтас, № 3 – погр. 3 могильника Верх-Кальджин-2)

Признак	№ образца	
	1 (без мерзлоты)	3 (в мерзлоте)
$X_{\text{ср}}$ (толщина, мкм)	58	75
Sr % ($n = 3$)	7	3

Таблица 3. Результаты определения толщины волос современных людей

Признак	Корейцы (муж.)				Китайцы, хань (муж.)			Славяне (жен.)
Возраст (лет)	25	31	24	65	34	29	21	34
X_{cp} (толщина, мкм)	63	83	56	56	85	62	74	55
Sr % ($n = 3$)	2	3	2	19	1	2	2	6

имеет толщину от 70 до 76 мкм. Таким образом, в целом разброс показателей в этой коллекции волос достаточно велик и уже сам по себе может свидетельствовать о том, что это могли быть косы и пряди волос представителей разных племен и народов. Волосы пазырыкца из кургана Кутургунтас (табл. 2), в котором не было мерзлоты, более тонкие – 58 мкм, тогда как волосы из косы мужчины из кургана с мерзлотой (могильник Верх-Кальджин-2) по толщине не отличаются от одной из групп ноин-улинских – 75 мкм.

Интересно, что среди ноин-улинских кос есть свитые из двух прядей, так же как и у мужчины, похороненного в кургане 3 могильника Верх-Кальджин-2. Может быть, среди украшений конской упряжи хуннских военачальников были косы пазырыкцев? Сохранившиеся мумии Синьцзяна также демонстрируют наличие кос у мужчин [Malloy, Mair, 2000, p. 16] – темно-каштановых, свитых из двух прядей. Таким образом, косы – это то, что было присуще мужчинам из многих окружающих хунну народов и племен, и ханьцам, кстати, тоже, но не самим хунну. О мужчинах известно, что волосы они не заплетали. Про прически хуннских женщин мы ничего не знаем. Таким образом, по археологическим свидетельствам мы можем указать по крайней мере на трех соседей хунну, чьи косы могли быть их военными трофеями.

Итак, результаты сравнения волос древних и современных людей по толщине показали, что волосы современных молодых корейцев и китайцев* (табл. 3, рис. 3) не одинаковы в пределах нашей выборки, но разброс показателей толщины волос у современных представителей известных нам народов меньше, чем среди древних. Вероятно, набор кос и прядей, обнаруженных в ноин-улинских курганах, формировался из волос представителей разных племен и народов, среди которых, судя по археологическим свидетельствам, могли быть пазырыкцы, ханьцы, жители оазисов Тарима. Мы склонны предполагать, что косы и пряди

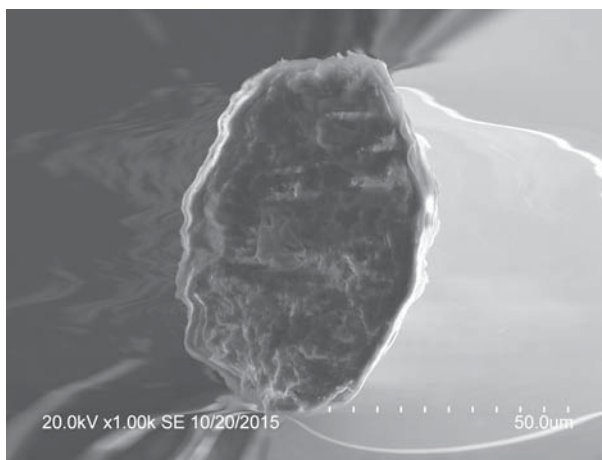

Рис. 3. Поперечный срез волоса молодого китайца (21 год, хань).

волос принадлежали представителям тех племен и народов, с кем доводилось воевать хунну, а таких, как мы знаем, было немало.

Благодарности. Выражаем глубокую благодарность аспиранту кафедры археологии и этнографии ГФ НГУ Паку Кюджину за помощь в сборе образцов волос современных людей.

Список литературы

- Миняев С.С., Сахаровская Л.М. Элитный гуннский курган в пади Царам // Вестн. истории, литературы и искусства. – М.: Собрание; Наука. – 2010. – Т. 7. – С. 7–18.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия). – Новосибирск: Инфолио, 2015. – Ч. 1. – 136 с.: ил.
- Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. – Новосибирск: Инфолио, 2011. – 184 с.; ил.
- Руденко С.И. Культура хуннов и ноин-улинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 204 с.
- Bertrand L., Doucet J., Dumas P., Simionovici A., Tsoucaris J., Walter P. Microbeam synchrotron imaging of hairs from Ancient Egyptian mummies // J. of Synchrotron Radiation. – 2003. – Vol. 10. – P. 387–392.
- Gillespie J.M. Mammoth hair: stability of alpha-keratin structure and constituent proteins // Science. – 1970. – Vol. 170. – P. 1100–1102.

*Возраст людей, чьи волосы брались для сравнительного анализа, имеет значение, так как с годами волосы становятся значительно тоньше.

Kenney D. X-ray diffraction studies of ancient hairs // *Cosmetics and Toiletries*. – 1981. – Vol. 96. – P. 121–122.

Mallorrry J.P., Mair V.H. The Tarim mummies. – London: Thames&Hudson, 2000. – 352 p.

Mansilla J., Bosch P., Menéndez M.T., Pijoan C., Flores C., López M.C., Lima E., Leboeiro I. Archaeological and contemporary human hair composition and morphology // *Cungara, Revista de Antropología Chilena*. – 2011. – Vol. 43. – P. 293–302.

Ryder M.L. Hair of the mammoth // *Nature*. – 1974. – Vol. 249. – P. 190–192.

Wilson A.S., Dodson H.I., Janaway R.C., Pollard A.M., Tobin D.J. Selective biodegradation in hair shafts derived from archaeological, forensic and experimental contexts // *British J. of Dermatology*. – 2007. – Vol. 154. – P. 450–457.

References

Bertrand L., Doucet J., Dumas P., Simionovici A., Tsoucaris J., Walter P. Microbeam synchrotron imaging of hairs from Ancient Egyptian mummies // *Journal of Synchrotron Radiation*. 2003. Vol. 10. Pp. 387–392.

Gillespie J.M. Mammoth hair: stability of alpha-keratin structure and constituent proteins // *Science*. 1970. Vol. 170. Pp. 1100–1102.

Kenney D. X-ray diffraction studies of ancient hairs // *Cosmetics and Toiletries*. 1981. Vol. 96. Pp. 121–122.

Mallorrry J.P., Mair V.H. The Tarim mummies. – London: Thames&Hudson, 2000. 352 pp.

Mansilla J., Bosch P., Menéndez M.T., Pijoan C., Flores C., López M.C., Lima E., Leboeiro I. Archaeological and contemporary human hair composition and morphology // *Cungara, Revista de Antropología Chilena*. 2011. Vol. 43. Pp. 293–302.

Minyaev S.S., Sakharovskaya L.M. Elitnyi gunnskiy kurgan v padi Tsaram // *Vestnik istorii, literatury i iskusstva*. Moscow: Sobranie; Nauka. 2010. Vol. 7. Pp. 7–18. (In Russ.).

Polos'mak N.V., Bogdanov E.S. Kurgany Sutszunkte (Noin-Ula, Mongoliya). Pt. 1. Novosibirsk: Infolio, 2015. 136 pp. (In Russ.).

Polos'mak N.V., Bogdanov E.S., Tseveendorzh D. Dvadcatyy noin-ulinskiy kurgan. Novosibirsk: Infolio, 2011. 184 pp. (In Russ.).

Rudenko S.I. Kul'tura hunnov i noin-ulinskie kurgany. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1962. 204 pp. (In Russ.).

Ryder M.L. Hair of the mammoth // *Nature*. 1974. Vol. 249. Pp. 190–192.

Wilson A.S., Dodson H.I., Janaway R.C., Pollard A.M., Tobin D.J. Selective biodegradation in hair shafts derived from archaeological, forensic and experimental contexts // *British Journal of Dermatology*. 2007. Vol. 154. Pp. 450–457.

Н.В. Полосьмак¹, Т.А. Чижишева¹, Е.С. Богданов¹, Н. Эрдене-Очир²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Институт археологии АН Монголии

E-mail: polosmaknatalia@gmail.com; nochiroo@yahoo.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВОИНСКОЙ ЭЛИТЫ ОКОЛО БАЛЛОДОВСКОГО КУРГАНА (НОИН-УЛА, МОНГОЛИЯ)*

В 2007 г. в ходе проведения разведочных работ в пади Цзурумтэ были обнаружены две цепочки западин в 30–40 м от восточной и западной стенок Баллодовского кургана, ориентированные по линии С–Ю. Восточная цепочка состояла из шести западин, в западной цепочке их было пять. Большие в Ноин-Уле таких погребальных комплексов зафиксировано не было, хотя сопроводительные погребения часто находят рядом с курганами знатных хунну на других могильниках. В 2007 г. российско-монгольской экспедицией было исследовано погребение № 1, а в 2015 г. – погребения № 2, 3 в восточной цепочке и № 9 в западной. Судя по значительным размерам исследованных погребальных сооружений, наличию в могилах каменных перекрытий из больших и средних камней, находкам лаковых и нефритовых изделий, а также железных предметов, в том числе и оружия, покрытых лаком, которые относятся к вещам китайского производства, в данных погребениях были похоронены представители воинской элиты, чье место было рядом с могилой шаньюя, которой, скорее всего единственной в этом могильнике, является Баллодовский курган. Небольшой антропологический материал, сохранившийся в ограбленных в древности могилах, показал, что похоронены были мужчины. Причины смерти, конечно, установить не удастся. Но, по археологическим свидетельствам, комплекс сопровождавших погребение шаньюя могил формировался постепенно, поэтому оснований говорить о жертвоприношениях людей, похороненных в т.н. сопровождающих могилах, нет.

Ключевые слова: хунну, Ноин-Ула, Баллодовский курган, погребения воинов, формирование могильников.

N.V. Polosmak¹, T.A. Chikisheva¹, E.S. Bogdanov¹, N. Erdene-Ochir²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Institute of Archaeology AS of Mongolia

E-mail: polosmaknatalia@gmail.com; nochiroo@yahoo.com

INVESTIGATION NEAR BALLODOVSKIY BARROW: THE BURIALS OF REPRESENTATIVES OF MILITARY ELITE (NOIN ULA, MONGOLIA)

Expedition obtained two chains of pits 30–40 m off the western and eastern walls of Ballodovskiy barrow, oriented along the line NS in the course of survey in the Jiurumte in 2007. Eastern chain consisted of six pits, and the western chain contained five. Such burial complexes was not fixed in Noin Ula, but accompanying burials are frequent near the barrows of Xiongnu nobles at the other burial grounds. Russian expedition investigated the burials from the eastern chain – № 1 in 2007, and burial № 2, № 3 in 2015, as well as burial № 9 from the western chain. We suppose that representatives of military elite were buried in these graves, whose place was near the burial of shanyu – the singular grave in this burial ground, probably associated with Ballodovskiy barrow. About the status of decedents we can went by the significant size of the investigated burial structures, the presence the stone slabs of the large and medium-sized stones in the graves, findings of lacquer and jade items, as well as iron items, including weapons, lacquered, which refer to items of Chinese production. The small in number anthropological material, preserved in the graves, robbed in the ancient time, show that buried were the men. Cause of death will not ascertained, of course. But, according to archaeological evidences, the complex of graves, accompanying the shanyu, have been formed gradually, and there is no reason to believe that people, buried in the accompanying graves, were sacrificed.

Keywords: Xiongnu, Noin Ula, Ballodovskiy barrow, military burials, formation of the burial grounds.

*Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 13-06-00782.

История исследования хуннских могильников в горах Ноин-Ула началась в 1912 г. с самого крупного кургана, расположенного в пади Цзурумтэ и получившего название Баллодовский по фамилии его первооткрывателя – техника золотопромышленного общества «Монголор» А.Я. Баллода [Юсупова, 2011, с. 10–11]. В 1925 г. экспедиция П.К. Козлова провела повторные раскопки этого захоронения [Руденко, 1962, с. 12–13]. Погребение изучалось с помощью узких шурфов по центру, часть деревянных конструкций от которых сохранились до настоящего времени. В 2007 г., проводя разведочные работы в пади Цзурумтэ, мы зафиксировали две цепочки западин в 30–40 м от восточной и западной стенок Баллодовского кургана, ориентированные по линии С–Ю (см. *рисунок*). Больше в Ноин-Уле погребений, выстроенных цепочками вдоль западной и восточной сторон основного погребения, обнаружено не было, хотя они нередко присутствуют рядом с курганами знатных хунну на других могильниках (см., например, исследования С.С. Миняева в пади Царам, Д. Эрдэнэ-Батора на памятнике Гол-Мод-2 [2015, с. 31], Б.К. Миллера на памятнике Талхит-Хотгор в Монгольском Алтае [2009, р. 301] и др.).

В 2007 г. российско-монгольской экспедицией было исследовано погребение № 1, а в 2015 г. – погребения 2, № 3 в восточной цепочке и № 9 в западной. Восточная цепочка состояла из шести западин, ее общая длина составляла 33 м. В западной цепочке было пять западин, ее длина – 26 м.

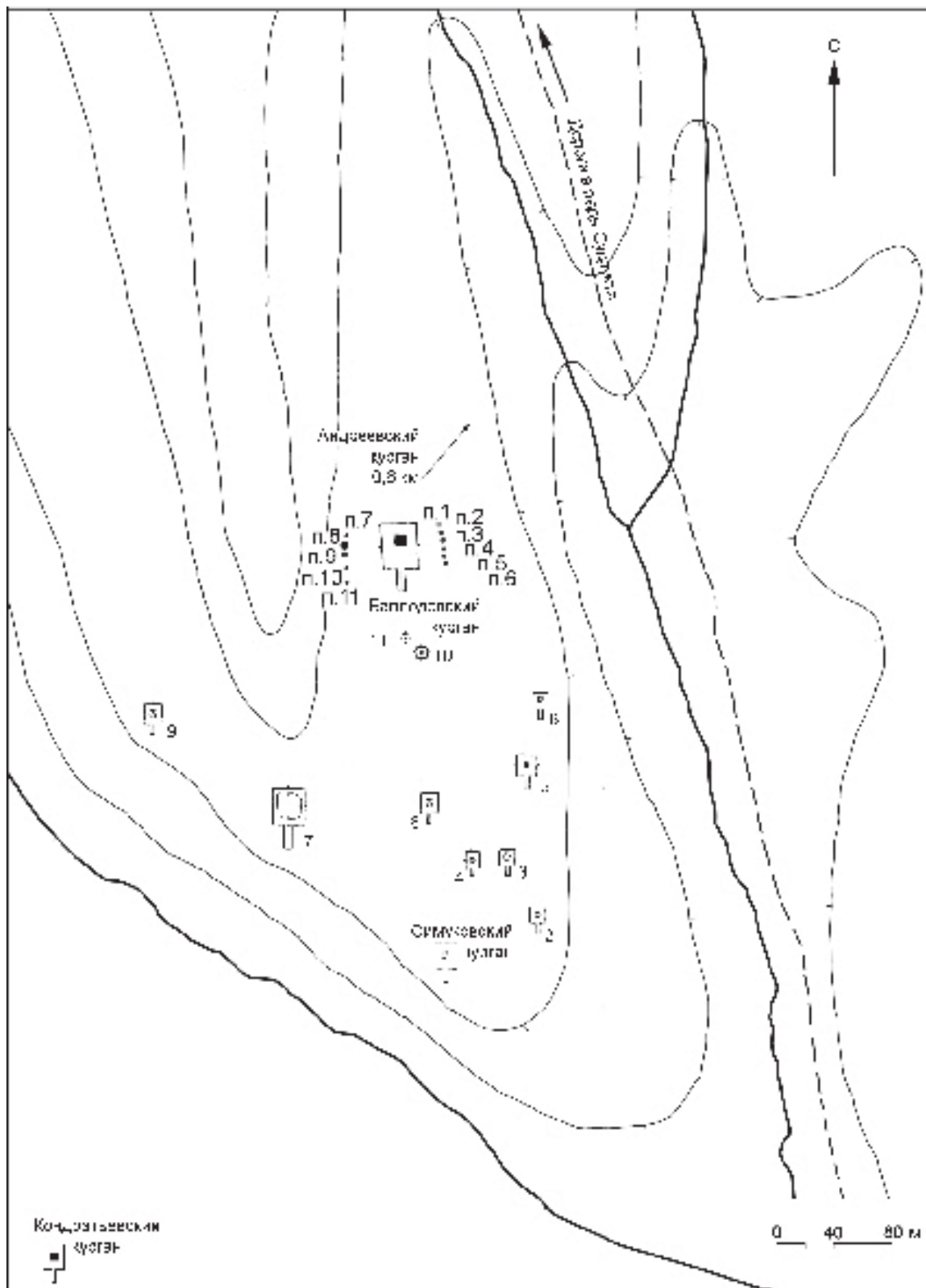
Глубина погребений, находящихся в непосредственной близости к кургану, – немногим больше 3 м, размеры могильных ям от $3,8 \times 2,2$ м до $3,1 \times 1,6$ м. Все они имели каменное перекрытие на уровне ок. 2 м. Камни, которые были зафиксированы на поверхности и наряду с западинами маркировали погребения, в основном были выкинуты из могил грабителями и лишь частично могли иметь отношение к наземной конструкции. Внутренние погребальные конструкции и останки погребенных в этих могилах практически не сохранились. Судя по значительным размерам исследованных погребальных сооружений, наличию в могилах каменных перекрытий из больших и средних камней, находкам лаковых и нефритовых изделий, а также железных предметов, в том числе и оружия, покрытых лаком, которые относятся к вещам китайского производства, данные захоронения далеко не рядовые. Исходя из того, что во всех четырех исследованных погребениях были найдены предметы вооружения, можно предположить, что рядом с шаньюем (а Балло-

довский курган, пожалуй, единственный в Ноин-Уле, который можно считать местом захоронения человека такого ранга) была похоронена воинская элита.

Следуя за письменными свидетельствами китайских источников, С.С. Миняев считает подобные погребальные комплексы жертвоприношениями, связанными с захоронением вождя. Анализируя раскопанные им погребения вокруг кургана 7 могильника Царам, Сергей Степанович находит доказательства (они связаны с состоянием костей скелета), по его мнению, насильственного характера смерти похороненных в этих погребениях людей – мужчин и детей [Миняев, Сахаровская, 2003, с. 111]. То, что какие-то из погребенных были убиты, совсем не означает, что они были принесены в жертву. Образ жизни хунну был таков, что чаще всего они находили смерть в боях, набегах, даже на охоте, и вряд ли многие из них умирали своей смертью. Это касается и детей и подростков. Делать же столь серьезный вывод о жертвоприношениях на материале потревоженных грабителями могил кажется, с нашей точки зрения, преждевременным. Зато другое предположение С.С. Миняева – о том, что вокруг центрального (самого крупного) кургана хоронили представителей «личной гвардии» вождя, находит подтверждение в материалах погребений, расположенных вокруг Баллодовского кургана.

Нашей задачей было установить, кто похоронен в курганах рядом с шаньюем. Как уже отмечалось, костных останков погребенных, достаточных для полноценного антропологического исследования, в этих могилах не сохранилось. Обнаружены лишь небольшие фрагменты человеческих костей и один череп. Тем не менее этот небольшой материал довольно плохой сохранности стал объектом тщательного антропологического изучения, поскольку в данном случае речь идет о впервые исследованных на этом могильнике т.н. сопроводительных, или, как их еще называют, «спутниковых» погребениях. Весь материал был подробно исследован д-ром ист. наук Т.А. Чикишевой, которая ранее уже анализировала одонтологический материал из двадцатого ноин-улинского кургана [Чикишева, Полосьмак Волков, 2009].

Череп мужчины 25–30 лет из погр. 1 имел визуально широкое, высокое и уплощенное лицо, ослабленное выступание переносья и носовых косточек в целом. Костная ткань очень плохой сохранности. Хорошо фиксируемая лопатообразность сохранившегося верхнего медиального

Карта-схема расположения курганов хунну в долине Цзурумтэ (Ноин-Ула).

Одонтологические параметры обследованных зубов

Признаки	P ²	M ₁	M ₂	M ₃
Форма коронки	4	У5	Х4	+5
Дополнительные бугорки	–	tam _i	–	–
Вестибулярный затек эмали	2	2	4	2
Мезиодистальный диаметр	8,8	11,8	10,5	10,5
Вестибуло-лингвальный диаметр	10,6	10,5	9,9	10,0
Модуль коронки	9,7	11,2	10,2	10,3
Массивность коронки	93,3	123,9	104,0	105,0
Индекс коронки	–	89,0	94,3	95,2

резца позволяет отнести данного индивида к представителям монголоидной расы.

Фрагмент левой половины нижней челюсти из погр. 2 представлен базальной частью на уровне M₂ – M₃, альвеолярной частью на уровне M₁ – M₃, ветвью без мышечкового отростка, с разрушенным задним краем, но сохранившимися вырезкой и венечным отростком. На фрагменте отсутствуют опорные точки, позволяющие определить хоть какие-нибудь антропометрические параметры, костная ткань крошится и пронизана корешками растений, что не дает возможности зафиксировать следы патологий, если они имелись. Основываясь на визуальном впечатлении, можно предположить, что челюсть в целом была массивной и принадлежала индивиду мужского пола. Возраст индивида достоверно устанавливается по степени изношенности сохранившихся зубов. Сохранились все три моляра левой половины нижней челюсти (M₁, M₂, M₃), которые прочно сидели в альвеолах, и изолированный нижний левый второй премоляр (P²). Наблюдаются сошлифованность поверхностей лингвальных бугорков всех зубов, вестибулярных бугорков M₂ и M₃, появление точки дентина на метакониде M₁ и полосы дентина на P². Основываясь на степени изношенности зубов, можно предположить, что возраст данного индивида находится в интервале 20–25 лет. В целом же совокупность одонтологических признаков, которые удалось зафиксировать у данного индивида, является нейтральной в диагностическом отношении (см. таблицу).

В погр. 9 сохранилась только бедренная кость – диафиз левой кости с множественными посмертными разрушениями поверхностного слоя компакты. Мощный рельеф задней поверхности предполагает, что данная кость принадлежит к мужскому скелету, возраст которого может быть отнесен к категории *Adultus* или *Maturus*, более точное определение невозможно. Можно

предполагать, что мышцы задней поверхности бедра были гипертрофированы в результате нагрузок на них. Комбинация движений мышц, имеющих места прикрепления в наиболее гипертрофированных отделах шероховатой линии бедра, заключается в приведении бедра, разгибании колена при вставании из сидячего положения и вращении его наружу при согнутом положении. Она в наибольшей степени ассоциируется с нагрузками при верховой езде при управлении движением лошади и балансировке в основном с помощью ног.

Таким образом, даже те небольшие материалы, которые позволяют судить о похороненных рядом с Баллодовским курганом индивидах, свидетельствуют о том, что это были молодые мужчины. Речь, вероятно, может идти о воинах, наиболее приближенных к шаньюю, которые были похоронены рядом с его могилой. Но ничто не говорит о том, что эти люди были принесены в жертву. Мы не знаем, каким образом формировался хуннский некрополь, такой, например, как ноин-улинский с более чем 200 зафиксированными погребениями. Но, очевидно, в его устройстве следовали правилам, принятым при жизни. И вокруг могил шаньюев, глав родов, выдающихся военачальников устраивались погребения членов семьи, воинов, зависимых людей.

Список литературы

- Миняев С.С., Сахаровская Л.М.** Сопроводительные захоронения «царского» комплекса № 7 в могильнике Царам // Археол. вестн. – СПб., 2003. – № 9. – С. 86–118.
- Руденко С.И.** Культура хуннов и ноин-улинские курганы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 203 с.
- Чикишева Т.А., Полосьмак Н.В., Волков П.В.** Одонтологический материал из кургана № 20 в Ноин-Уле (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – №. 3 (39). – С. 145–151.

Эрдэнэ-Батор Д. Исследования элитных погребений Гол-Мод-2. – Улан-Батор, 2015. – 256 с. (на монг. яз.)

Юсупова Т.И. История не совсем обычного археологического открытия // Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д. Двадцатый ноин-улинский курган. – Новосибирск: Инфолио, 2011. – С. 9–52.

Miller B.K. Elite xiongnu burials at periphery tomb complexes at Takhiltyn Khotgor. Mongolian Altai // Current archaeological research in Mongolia. – Bonn, 2009. – P. 301–313.

References

Chikisheva T.A., Polos'mak N.V., Volkov P.V. Odontologicheskii material iz kurgana No. 20 v Noin-Ule (Mongolia) // Arheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. 2009. Iss. 3 (39). Pp. 145–151. (In Russ.).

Erdene-Bator D. Issledovaniya elitnykh pogrebeniy Gol-Mod-2. Ulan-Bator, 2015. 256 pp. (In Mong.).

Miller B.K. Elite xiongnu burials at periphery tomb complexes at Takhiltyn Khotgor. Mongolian Altai // Current archaeological research in Mongolia. Bonn, 2009. Pp. 301–313.

Minyaev S.S., Sakharovskaja L.M. Soprovoditel'nye zakhoroneniya «tsarskogo» kompleksa No. 7 v mogil'nike Tsaram // Arkheol. vesti. 2003. No. 9. Pp. 86–118. (In Russ.).

Rudenko S.I. Kul'tura khunnov i noin-ulinskie kurgany. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1962. 203 pp. (In Russ.).

Yusupova T.I. Istoriya ne sovsem obychnogo arkheologicheskogo otkrytiya // Polos'mak N.V., Bogdanov E.S., Tseveendorzh D. Dvadsatyyi noin-ulinskiy kurgan. Novosibirsk: Infolio, 2011. Pp. 9–52. (In Russ.).

М.О. Сидорова¹, В.В. Баринов², З.Ю. Жарников², В.С. Мыглан²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Сибирский федеральный университет (Красноярск)

E-mail: mayasidorova12@gmail.com

ДАТИРОВКА АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДРЕВЕСИНЫ ИЗ ПАМЯТНИКА «МОГИЛЬНИК ГОРНОПРАВДИНСКИЙ»*

Статья посвящена вопросам применения метода дендрохронологического анализа для определения календарного времени заготовки древесины из захоронений археологического памятника «могильник Горноправдинский» (Ханты-Мансийский автономный округ, Западная Сибирь). Помимо коллекции археологической древесины для проведения перекрестной датировки и определения календарного времени сооружения были отобраны образцы (в виде поперечных спилов и кернов) с шести пробных площадей (PIC-1, PIC-2, PS-1, PS-2, PIN-1, PIN-2) в радиусе 30 км от пос. Горноправдинск и четырех историко-архитектурных памятников, расположенных по ул. Тюменская, 6, Ленина, 7 (две постройки), Таежная, 14. Полная дендрохронологическая коллекция составила 212 образцов. Первоначально по каждому объекту исследования была проведена графическая перекрестная датировка индивидуальных серий прироста, что позволило получить обобщенные хронологии по каждому памятнику. В последующем образцы археологической древесины были стандартизированы, датированы кросс-корреляционно между собой и календарно привязаны к абсолютной древесно-кольцевой хронологии по району исследования. В работе показано, что при изготовлении погребальных сооружений археологического памятника «могильник Горноправдинский» использовалась древесина сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.).

Проведенная перекрестная датировка позволила установить календарные даты заготовки древесины для сооружения археологических объектов в пос. Горноправдинск: гроб № 6 – не ранее 1850 г., гроб № 8 – не ранее 1860 г., детская колода «домовина» – не ранее 1827 г. Таким образом, результаты работы показали, что захоронения могильника Горноправдинский старше даты основания пос. Горноправдинский (1964 г.) и относятся к времени существования предшествовавшего ему с. Горнофилинское.

Ключевые слова: могильник Горноправдинский, археологическая древесина, дендрохронология.

М.О. Sidorova¹, V.V. Barinov², Z.Yu. Zharnikov², V.S. Myglan²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Siberian Federal University (Krasnoyarsk)

E-mail: mayasidorova12@gmail.com

DATING OF THE ARCHAEOLOGICAL WOOD SUBSTANCE FROM THE SITE OF GORNOPRAVDINSK BURIAL GROUND

The article is devoted to the application of the method of dendrochronological analysis for determining of calendar time when wood was being logged in the archaeological site of Gornopravdinsk burial (Khanty-Mansi Autonomous Region, Western Siberia). We sampled the wood from six plots (PIC-1, PIC-2, PS-1, PS-2, PIN-1, PIN-2) with a radius of 30 km from the township of Gornopravdinsk and four historical and architectural sites (located at 6 Tyumen street 6, Lenin street 7 (two buildings), Taiga street 14). These additional samples will be participate in cross-dating and determining of calendar time of studied construction together with samples of archaeological wood. The full dendrochronological collection consists of 212 samples. Primarily, we carried out the graphical cross-dating of individual series of increment for each research object. It gave the generalized chronology of each site. The samples of archaeological wood were standardized, cross-correlation dated between themselves and get the calendar links to absolute woody-ring chronology in the research area in the ensuing time. It was demonstrated in article that people had used the wood substance of the Scots pine (*Pinus sylvestris* L.) in production of burial constructions at the archaeological site of Gornopravdinsk

*Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-50-00036).

burial ground. As carried out cross-dating has made it possible to establish the calendar dates of wood logging for the construction of archaeological objects in the township of Gornopravdinsk: hearse № 6 – not older than 1850, the hearse № 8 – not older than 1860, children coffin “casket” – not older than 1827. Thus, research results indicated that the dates of Gornopravdinsk burial grounds are older, than foundation of Gornopravdinsk township (1964) and refer to the time of previously existed village of Gornofilinskoe.

Keywords: *Gornopravdinsk burial ground, archaeological wood substance, dendrochronology.*

В последние десятилетия опубликовано значительное количество работ, посвященных изучению истории крупных поселений Сибири, в то время как история малых городов и сел остается до сих пор слабоизученной. В первую очередь это связано с плохой сохранностью или отсутствием письменных источников. В этом случае для расширения наших знаний о прошлом могут быть привлечены косвенные источники, например древесина из археологических и архитектурных объектов. Как следствие, появляется возможность восстановить время сооружения исторических и археологических построек малых поселений [Шиятов, Кантемиров, 2000; Мыглан, Слюсаренко, Майничева, 2009, 2010; Мыглан и др., 2010; Горячев, Мыглан, Омурова, Кардаш, 2013; Жарников, Рудковская, Визгалов, Мыглан, 2014; и др.]. В нашем случае – восстановить забытые страницы истории пос. Горноправдинск.

Осуществление стандартной методики дендрохронологической датировки памятника, содержащего древесину, предполагает наличие двух составляющих – привязанной к календарной шкале обобщенной индексированной хронологии (абсолютной) по району исследования и построенной по памятнику древесно-кольцевой хронологии (плавающей). При этом длина кольцевых шкал (отражающих изменчивость прироста в районе исследования) должна превышать предполагаемое время сооружения датируемого объекта.

Основные объекты исследования расположены в пос. Горноправдинск (Западная Сибирь, ХМАО). За время археологических раскопок 2007–2015 гг. на археологическом памятнике «могильник Горноправдинский» для проведения дендрохронологического анализа была собрана коллекция археологической древесины из 53 фрагментов поперечных спилов [Зайцева, 2008, 2009; Кениг, Зайцева, 2012].

Для построения абсолютной хронологии и установления календарного времени сооружения археологических объектов в 2015 г. были проведены полевые работы по сбору кернов с живых деревьев и исторических построек. Образцы отбирались по стандартной методике с помощью возрастного и специального полого бура для сухой древесины. Таким образом, полная коллекция дендрохроно-

логического материала из пос. Горноправдинск составила 212 образцов.

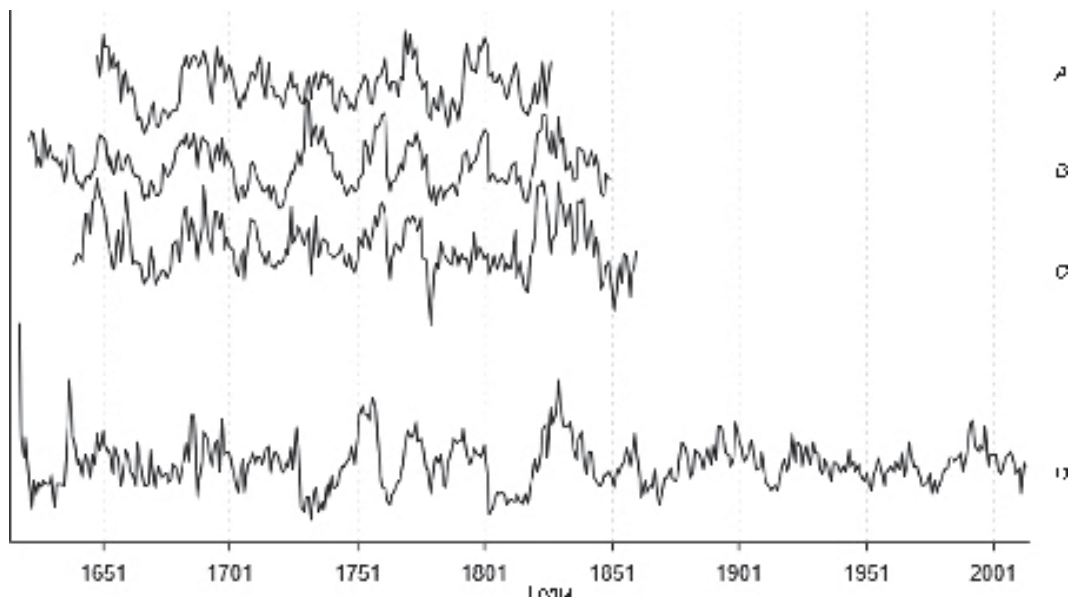
После камеральной обработки образцов измерения ширины годичных колец производились по стандартной методике на полуавтоматической установке «LINTAB» (с точностью 0,01 мм). Измеренные серии прироста датировались посредством сочетания графической перекрестной датировки [Douglass, 1919] и кросс-корреляционного анализа (в специализированном программном пакете для дендрохронологических исследований DPL [Holmes, 1983] и «TSAP system V3.5» [Rinn, 1996]).

Первоначально по каждому объекту исследования (гробы № 6, 8 и детская колода «домовина») была проведена графическая перекрестная датировка индивидуальных серий прироста, что позволило получить обобщенную хронологию по каждому памятнику. В последующем они были стандартизированы, датированы кросс-корреляционно между собой и календарно привязаны к древесно-кольцевым хронологиям по району исследования (см. рисунок). В результате проведенной работы из 53 образцов археологической древесины удалось датировать 30 (см. рисунок). Не датировались 23 образца, у которых длина индивидуальных серий прироста была менее 60 лет, имеются аномалии в приросте (крене́вая древесина) или они имеют плохую сохранность структуры древесины. Визуальный осмотр показал, что ни у одного образца подкоревое кольцо не сохранилось. По итогам ксилотомического анализа было установлено, что все образцы относятся к хвойной породе сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.).

Гроб № 6 (из парного погребения № 5). Из 21 образца датировались 18. Среднее значение межсерийного коэффициента корреляции стандартизованных серий прироста – 0,6. Результаты датировки показали, что древесина для захоронения была заготовлена не ранее 1850 г. (см. рисунок).

Гроб № 8. Из 8 образцов датировались семь. Среднее значение межсерийного коэффициента корреляции составило 0,63. Результаты датировки показали, что древесина для гроба была заготовлена не ранее 1860 г. (см. рисунок).

Детская колода. Захоронение представляет собой «домовину» – выдолбленную колоду. Все 5 образцов датировались относительно друг

Перекрестная датировка древесно-кольцевых хронологий: *A* – детская колода «домовина»; *B* – гроб № 6; *C* – гроб № 8; *D* – Gorn_p (398-летняя хронология по сосне обыкновенной).

друга. Среднее значение межсерийного коэффициента корреляции – 0,62. Исходя из наиболее поздней даты можно предположить, что дерево для сооружения домовины было срублено не ранее 1827 г. (см. рисунок).

В результате проведенного дендрохронологического исследования археологического памятника «могильник Горноправдинский» удалось определить годы заготовки древесины для сооружения двух гробов и колоды «домовины»: гроб № 6 – не ранее 1850 г., гроб № 8 – не ранее 1860 г., детская колода – не ранее 1827 г.

Полученные результаты показали, что захоронения на могильнике Горноправдинский старше даты основания пос. Горноправдинский (1964 г.) и относятся к более раннему времени существования с. Горнофилинское. Таким образом, можно утверждать, что история пос. Горноправдинск неразрывно связана с историей с. Горнофилинского, поэтому датой основания пос. Горноправдинск следует считать первую половину XVIII в.

Список литературы

Горячев В.М., Мыглан В.С., Омурова Г.Т. Определение возраста образцов древесины из строений Полуйского мысового городка по дендрохронологическому методу // Кардаш О.В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных. – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – С. 370–376.

Жарников З.Ю., Рудковская М.А., Визгалов Г.П., Мыглан В.С. Дендрохронологическая датировка построек центральной части посада Старотуруханского

городища // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 2. – С. 67–76.

Зайцева Е.А. Противоаварийные работы на могильнике Горноправдинский в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в полевом сезоне 2007 года (предварительные результаты) // Сохранение археологического наследия в условиях интенсивного хозяйственного освоения: Опыт, проблемы, решения: Сб. докл. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – С. 51–58.

Зайцева Е.А. Противоаварийные археологические раскопки на могильнике Горноправдинский в полевом сезоне 2008 года (предварительные результаты) // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2009. – Вып. 7. – С. 302–307.

Кениг А.В., Зайцева Е.А. Итоги археологических исследований в полевом сезоне 2012 года // Вестн. угро-ведения. – 2012. – Вып. 4 (11). – С. 156–161.

Мыглан В.С., Жарников З.Ю., Майничева А.Ю., Лыхин Ю.П. Результаты дендрохронологического обследования Братского острога // Российская археология. – 2010. – № 3. – С. 164–168.

Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю., Майничева А.Ю. Спасская церковь из Зашиверска: дендрохронологический аспект // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3. – С. 164–168.

Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю., Майничева А.Ю. Дендрохронологическое обследование башен Казымского острога // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 1 (41). – С. 61–66.

Шиятов С.Г., Хантемиров Р.М. Дендрохронологическая датировка древесины кустарников из археологического поселения Ярте VI на полуострове Ямал // Древности Ямала. – Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. – № 1. – С. 112–121.

Douglass A. E. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity // *Climatic Cycles and Tree-Growth*. – Wash.: Carnegie Inst., 1919. – Vol. 1. – P. 127.

Holmes R.L. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement // *TreeRing Bull.* – 1983. – Vol. 43. – P. 69–75.

Rinn F. TSAP V3.5. Computer Program for Tree-Ring Analysis and Presentation. – Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996. – 269 p.

References

Douglass A.E. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity // *Climatic Cycles and Tree-Growth*. Wash.: Carnegie Inst., 1919. Vol. 1. Pp. 127.

Goryachev V.M., Myglan V.S., Omurova G.T. Opre-delenie vozrasta obraztsov drevesiny iz stroeniy Poluyskogo mysovogo gorodka po dendrokronologicheskomu metodu // *Kardash O.V. Poluyskiy mysovoy gorodok knyazey Tayshinykh*. Ekaterinburg; Salehard: Magellan, 2013. Pp. 370–376. (In Russ.).

Holmes R.L. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement // *TreeRing Bull.* 1983. Vol. 43. Pp. 69–75.

Kenig A.V., Zaytseva E.A. Itogi arkheologicheskikh issledovaniy v polevom sezone 2012 goda // *Vestn. ugro-vedeniya*. 2012. Iss. 4 (11). Pp. 156–161. (In Russ.).

Myglan V.S., Slyusarenko I.Yu., Maynicheva A.Yu. Dendrokronologicheskoe obsledovanie bashen Kazym'skogo ostroga // *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2010. No. 1 (41). Pp. 61–66. (In Russ.).

Myglan V.S., Slyusarenko I.Yu., Maynicheva A.Yu. Spasskaya tserkov' iz Zashiverska: dendrokronologicheskiy aspekt // *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2009. No. 3. Pp. 164–168. (In Russ.).

Myglan V.S., Zharnikov Z.Yu., Maynicheva A.Yu., Lykhin Yu.P. Rezul'taty dendrokronologicheskogo obsledovaniya Bratskogo ostroga // *Rossiyskaya arkheologiya*. 2010. No. 3. Pp. 164–168. (In Russ.).

Rinn F. TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996. 269 pp.

Shiyatov S.G., Khantemirov R.M. Dendrokronologicheskaya datirovka drevesiny kustarnikov iz arkheologicheskogo poseleniya Yarte VI na poluostrove Yamal // *Drevnosti Yamala*. Ekaterinburg; Salekhard: UrO RAN, 2000. No. 1. Pp. 112–121. (In Russ.).

Zaytseva E.A. Protivoavariynnye raboty na mogil'nike Gornopravdinskiy v Khanty-Mansiyskom rayone Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga – Yugry v polevom sezone 2007 goda (predvaritel'nye rezul'taty) // *Sokhranenie arkheologicheskogo naslediya v usloviyakh intensivnogo khozyaystvennogo osvoeniya: Opyt, problemy, resheniya: Sb. dokl. Khanty-Mansiysk: Poligrafist*, 2008. Pp. 51–58. (In Russ.).

Zaytseva E.A. Protivoavariynnye arkheologicheskie raskopki na mogil'nike Gornopravdinskiy v polevom sezone 2008 goda (predvaritel'nye rezul'taty) // *Khanty-Mansiyskiy avtonomnyy okrug v zerkale proshlogo*. Ekaterinburg; Khanty-Mansiysk: Izd-vo Tom. gos. un-ta, 2009. Iss. 7. Pp. 302–307. (In Russ.).

Zharnikov Z.Yu., Rudkovskaya M.A., Vizgalov G.P., Myglan V.S. Dendrokronologicheskaya datirovka postroek central'noy chasti posada Staroturukhanskogo gorodishcha // *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2014. No. 2. Pp. 67–76. (In Russ.).

А.И. Соловьев, Е.А. Соловьева

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: easolovievy@mail.ru

«НОВАЯ» ГРУППА ТОПОРОВ ИЗ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В музеях Западной Сибири и в частных коллекциях присутствует серия предметов, представляющих собой случайные находки железных проушных топоров, любопытных изделий с нехарактерным для классических форм топоров асимметричным сечением, образовавшимся за счет полного уплощения одной из сторон бойка. Именно эта особенность бойка позволяет выделить данные изделия в самостоятельную группу со своим внутренним типологическим членением, насчитывающим три разновидности предметов. В настоящее время, в силу высокого совершенства и универсальности топоров, есть определенные затруднения при интерпретации этих изделий как оружия, за исключением случаев особых комбинированных форм с дополнительными поражающими элементами в виде выступающих, часто заостренных, шпеньков на их обушной части. Указанием на военное назначение такого древкового ударного орудия может служить также орнаментация предметов. Внешние характеристики рассматриваемых изделий: усиленный в ряде случаев дополнительными металлическими пластинами обух, приостренная, выдающаяся вперед передняя часть лезвия – носок; вырез в верхней кромке задней части тулова топора, позволяющий перехватывать древко вплотную к обуху и наносить в тесноте рукопашной схватки колющие удары острым носком; трубчатая втулка вокруг отверстия для крепления рукояти – проуха, усиливающая слабое место сочленения несущей и рабочей частей; орнаментация лицевой стороны изделий разнообразными насечками и, наконец, размеры одного из выделенных типов – позволяют исключить все эти изделия из круга рабочих топоров и отнести их к категории оружия. Будучи русским по происхождению, оно могло не только использоваться русскими служилыми людьми, но и попадать в руки вооруженных представителей аборигенных военных организаций.

Ключевые слова: топор, тип, группа, асимметричное сечение, рабочий инструмент, комбинированное оружие, война.

A.I. Solovyev, E.A. Solovyeva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: easolovievy@mail.ru

“NEW” GROUP OF AXES FROM WESTERN SIBERIA

The museums of Western Siberia and the private collections contain a series of items, represented by incidental findings of iron eyelet axes, which presented by curious items with uncharacteristic for classical forms the asymmetrical cross-section, formed by a complete flattening of one of the sides of the pin. These characteristics of the pin permitted to mark out these items in a separate group with its inner typological divisions, included three distinct varieties of items. At the present time, in virtue of the high perfection and omnitude of the axes, there are certain difficulties in the interpretation of these items as a weapon, excepting the cases of special combined forms with additional striking elements in the form of prominent, often spiky fork on their backed side. The ornamentation can indicate the military function of such stuff strike weapons. External characteristics of these items are the intense, sometimes with additional metal plates, back; pointed, protrusive frontal part of the blade – a sock; notch in the upper edge of the back part of the ax body, which makes it possible to intercept the shaft close to the back and slam the stabs by sharp sock in close fight. A tubular bolster around the hole for shafting – an eye – intensified the weak point where the carrier and working part jointed. The ornamentation of the frontal part of these items by various cutmarks, and finally, the size of one of the determined types, as well as the facts just cited, permit to exclude these items from the range of working axes and relate them to the category of weapons. According to its Russian origin, this item can be used by service class men as well as come to hand of weaponed representatives of aboriginal military structures.

Keywords: ax, type, group, asymmetrical cross-section, working tool, combined weapon, war.

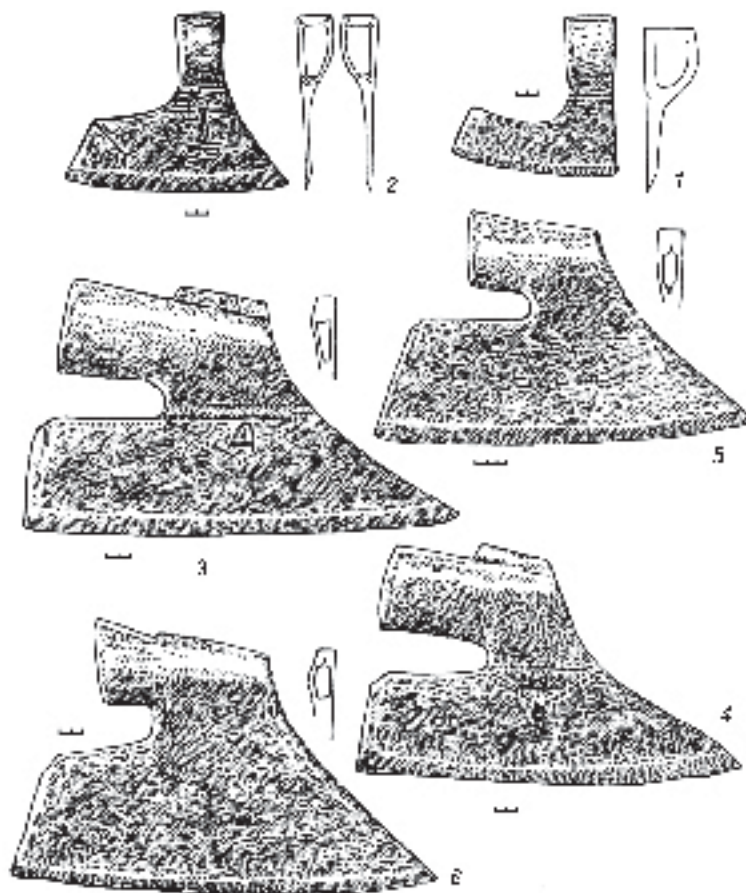
В музеях Западной Сибири, а теперь уже и в частных коллекциях сформировалась серия предметов, представляющих собой случайные находки железных проушных топоров. В этом нет ничего удивительного, ибо комбинация бойка и рукояти, прекрасно приспособленная для разного вида работ, связанных с возможностями расчленения массива материала, является одним из древнейших инструментов производственной и военной деятельности человека начиная с ранних этапов его истории. Вариантов соединения несущей и ударной частей орудия, при всем кажущемся их разнообразии, совсем не много. Фактически речь идет о втульчатом, проушном и комбинированном (через посредник, входящий одним концом во втулку бойка и имеющий на другом отверстие – проух – для соединения его с рукоятью) принципах. Крайне важным для использования древкового рубящего орудия оказывается пространственное взаимное расположение осей рукояти и бойка, превращающее предмет в топор либо тесло. В тех случаях, когда функциональная диагностика орудия затруднена (втульчатые образцы), важнейшее значение приобретает анализ продольного сечения ударной части. Не повторяя сказанного ранее [Соловьев, 1983], отметим, что ударной части топора присуща правильная клиновидная форма сечения в отличие от полуклиновидной у тесла. Вместе с тем в музейных коллекциях региона присутствует некоторая серия любопытных изделий с нехарактерным для классических форм топоров сечением, представляющим собой полуклин. И если бы не совершенно очевидное для этих орудий соотношение направлений осей рукояти и лезвия, задаваемое проухом, и форма рабочей части, производственная их диагностика могла бы вызвать определенные затруднения. Однако именно данная особенность бойка – полуклиновидное сечение за счет полного уплощения одной из сторон, – позволяет выделить эти изделия в самостоятельную группу со своим внутренним типологическим членением.

В настоящее время можно говорить о трех типах изделий.

Тип 1 – 1 экз. (см. рисунок, 1). Сравнительно небольшое массивное плоскообушное изделие со слабо выделен-

ным, практически прямым носком, длинным дуговым лезвием, оттянутой назад и приподнятой к рукояти пяткой, верхняя кромка которой дублирует контур нижележащего рабочего участка. Благодаря такой конструкции топор имеет длинную режуще-рубящую часть, с одной стороны значительно облегченную за счет этого самого «выреза», с другой – весьма массивную за счет толщины тела изделия. Бородка отсутствует. Заточка лезвия односторонняя – справа налево в сторону плоской стороны. Правая, «рельефная» часть топора ниже обушной части орнаментирована шестью параллельными «гребенчатыми» канавками и узкой дугообразной линией, параллельной верхней кромке «выреза», дополненной цепочкой небольших насечек. Размеры: высота – 140 мм, длина лезвия – 145 мм, ширина – 41 мм, максимальная толщина под обухом 17 мм, площадка обуха 45 × 45 мм.

Тип 2 – 1 экз. (см. рисунок, 2). Небольшой тонкостенный топор с острым носком, полукруглым лезвием, оттянутой назад приостренной пяткой и плавным вырезом верхней кромки тыла трапе-

Топоры с асимметричным сечением.

1 – тип 1; 2 – тип 2; 3, 4 – тип 3, узколезвийный вариант; 5, 6 – тип 3, широколезвийный вариант.

1, 3, 5 – Новосибирский областной краеведческий музей; 2 – археологический музей НГПУ; 4, 6 – Колпашевский краеведческий музей.

циевидной рабочей части. Бородака отсутствует. Декор «выпуклой» правой части выполнен серией тонких зубчатых линий в сочетании с полулунными насечками. Заточка односторонняя – справа налево. Торцевые части бойка декорированы у проуха серией коротких насечек. Размеры: высота – 155 мм, длина лезвия – 197 мм, ширина варьирует от 55 до 75 мм, максимальная толщина под обухом – 5 мм, площадка обуха – 45 × 45 мм, наибольшая толщина (верхняя площадка проуха) – 10 мм. Случайная находка в Северном р-не Новосибирской обл. [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980, с. 177, табл. XXVII].

Тип 3 – 5 экз. (см. рисунок, 3–6). Наиболее крупные массивные топоры, фактически уже секиры. Представляют собой «утюгообразные» бойки с широкой скругленной рубящей частью, выдвинутым вперед острым носком, оттянутой назад пяткой, трубчатым массивным проухом, с широким горлом и зауженным с передней стороны отверстием, массивной ударной площадкой обуха, усиленной наварной металлической пластиной. Заточка лезвия односторонняя – справа налево. Выделяются два варианта, различающиеся шириной и массивностью лезвия и длиной трубчатой втулки. Первый – узколезвийный (2 экз.) (см. рисунок, 3, 4), декорирован с выпуклой стороны насечками, формирующими зубчатые линии, которые создают ниже проуха треугольные фигуры с заполнением в виде серии насечек, образующих трапециевидную фигуру, или круглых граненых углублений. Наварная площадка обуха подчеркнута по основанию декоративной линией. Размеры: высота изделия 200–201 мм, длина лезвия 340–360 мм, ширина в районе пятки 90–95 мм, максимальная толщина под обухом 10–13 мм, площадка обуха – 16 × 71 мм. Длина «трубки» обуха – 85 мм, максимальная ширина втулки 68–70 мм.

Второй вариант – широколезвийный (3 экз.) (см. рисунок, 5, 6), отличается отсутствием декора, большей шириной рабочей части и короткой втулкой. Размеры: высота 210–230 мм, длина лезвия 366–367 мм, ширина в районе пятки 120–127 мм, максимальная толщина под обухом 14–16 мм, площадка обуха 16–25 × 60–87 мм.

Все эти изделия происходят из разных районов лесного Новосибирского, Томско-Нарымского Приобья и Васюганья. В целом принадлежность находок к кругу изделий русских ремесленников несомненна.

Определение назначения топоров, когда нет явных подсказок, почти всегда вызывает затруднения, особенно когда это касается западно-сибирских материалов. На фоне находок последнего

времени, явивших рынку древностей трудами «поисковиков» и «черных археологов» великолепные предметы средневекового вооружения, как клинкового, так и защитного, вопрос о военном использовании топоров как будто совсем утрачивает свою актуальность. Вместе с тем этот бесспорно выдающийся предмет, с каменного века использовавшийся не только для рубки деревьев, но и, особо подчеркнем, для надежного поражения живой силы неприятеля, имел своеобразную судьбу. Он, как и нож, был столь совершенен по механике действия, что не нуждался в особой модернизации. По меткому замечанию проф. Э. Окшотта – крупнейшего специалиста по западно-европейскому оружию, «...именно это задержало процесс дальнейшей специализации – обычный топор настолько хорошо подходил для любой работы, что его не скоро догадались приспособить для конкретных видов деятельности, а именно – для сражений» [Окшотт, 2004, с. 143].

Говоря об отличии боевых топоров от рабочих, следует обратить внимание на изменения в конструкции, связанные с увеличением поражающих возможностей орудия. К числу таковых относятся шпеньки на обухе, увеличение его массивности, позволяющие наносить удары тыльной частью бойка, увеличение длины лезвия, изменения в форме носка и пятки, направленные на возможность нанесения колющего удара и защиты руки при хвате оружия близ обушной части. Для оружия характерна тенденция к использованию декора, выполненного порой на высоком техническом уровне и превращающего предмет в произведение искусства. В наших случаях налицо ряд признаков, позволяющих отнести эти изделия к категории боевых. Это усиление обуха, особенно заметное у типа 3, проявившееся в «наваривании» дополнительных пластин. Противолежащее ему лезвие позволяло концентрировать силу удара на сравнительно небольшой площади, увеличивая поражающее действие этого редуцированного бойка. Далее, вытянутый вперед острый носок, нацеленный на «тычковое» колющее использование, оттянутая назад пятка, особая форма полуклиновидного сечения и, наконец, декор на лицевой части. Некоторые сомнения в этом плане может вызывать тип 1, лишенный острого носка, но и он при ближайшем рассмотрении может быть отнесен к категории оружия, тем более что богато декорированные боевые топоры с тупоугольной формой носка известны в европейском Средневековье. Поражающие возможности таких изделий перемещались в сферу взаимодействия на дистанции длины рукояти, позволяя, однако, расширить их

«фехтовальный» потенциал за счет возможности блокировки оружия противника участком между пяткой лезвия и рукоятью.

В целом рассматриваемые топоры – весьма удобное и эффективное оружие ближнего боя. Помимо рубящих и дробящих ударов оно позволяет наносить носком острия колотые раны; продольным движением лезвия – глубокие порезы; парировать встречные удары, закрывая кисть руки оттянутой назад пяткой лезвия; наносить тычки и удары деревянной рукоятью; отражать ею, например прижав к предплечью, атакующие выпады противника и т.д. Одним словом, по разнообразию травм, наносимых этим орудием, с ним мало что может сравниться.

Вопрос о том, кому могло принадлежать такое оружие, пока остается открытым. Условия случайного обнаружения, увы, не дают подсказок. Конечно, скорее всего, оно относилось к оснащению русских служилых людей. Однако не исключено использование его и в аборигенной среде. Указы русской администрации о запрещении продажи местному населению оружия, в т. ч. ножей и топоров, ясно указывают на существование подобной практики. К тому же они далеко не всегда исполнялись, о чем свидетельствует и археологический материал. Возникающий естественный вопрос о практическом использовании такого оружия в арсенале средневековых обско-угорских и самодийских военно-потестарных обществ и возможных интерпретациях свидетельств героического фольклора в рамках данной публикации решить затруднительно. Эта тема планируется

к рассмотрению в дальнейшем, тем более что сравнительно недавно появились работы [Рындина, Боброва, Ожередов, 2008], полностью отрицающие военную роль топоров для Западной Сибири.

Список литературы

Окшотт Э. Археология оружия. От бронзового века до эпохи ренессанса. – М.: Центрполиграф, 2004. – 398 с.

Рындина О.М., Боброва А.И., Ожередов Ю.И. Ханты салымского края: культура в археолого-этнографической ретроспективе. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – 412 с.

Соловьев А.И. О назначении «кельтов» // Археология эпохи камня и металла Сибири. – Новосибирск, 1983. – С. 132–142.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 184 с.

References

Okshott Ye. Arkheologiya oruzhiya. Ot bronzovogo veka do epokhi renessansa. M.: Centrpoligraf, 2004. 398 pp. (In Russ.).

Ryndina O.M., Bobrova A.I., Ozheredov Yu.I. Khanty Salymского края: kul'tura, v arkheologo-etnograficheskoy retrospektive. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2008. 412 pp. (In Russ.).

Solov'ev A.I. O naznachenii "kel'tov" // Arkheologiya epokhi kamnya i metalla Sibiri. Novosibirsk, 1983. Pp. 132–142. (In Russ.).

Troitskaya T.N., Molodin V.I., Sobolev V.I. Arkheologicheskaya karta Novosibirskoy oblasti. Novosibirsk: Nauka, 1980. 184 pp. (In Russ.).

Е.А. Соловьева, А.И. Соловьев

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: easolovievy@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЦИОНА ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЯПОНСКИХ ОСТРОВОВ ПЕРИОДА ДЖЁМОН (по материалам археологических памятников)*

Статья посвящена изучению рациона питания, стратегий существования, источников и способов добывания пищи населения Японских островов в период джёмон, что позволяет пролить свет на детали образа жизни, основ культуры и строения общества неолитической эпохи. В статье рассматриваются характерные особенности рациона питания на разных этапах существования культуры. Анализируются основные источники пищи неолитического населения Японских островов: морские животные, рыба, млекопитающие, птицы и т.д. Выделяются некоторые региональные особенности рациона питания древнейших обитателей Японских островов. Представлены данные исследований археологических памятников, таких как раковинные кучи, пещеры, поселения, особенно в заболоченной местности, позволяющие делать выводы о пищевых ресурсах и рационе питания древнейших жителей Японских островов: материалы раскопок демонстрируют наличие более шестидесяти видов животных, более трехсот пятидесяти видов моллюсков, около тридцати пяти видов птиц и пятидесяти пяти видов растений. Подчеркивается важная роль, которую для людей, особенно в среднем джёмоне, играли дельфиновые. Изучение характера поселений периода джёмон говорит в пользу перехода к постоянным, а не сезонным местам обитания и в целом к оседлости. Увеличение количества потребляемых в пищу видов животных позволяло не слишком кардинально влиять на их численность, сохраняя природный баланс. Делается вывод о том, что использование разнообразных пищевых ресурсов позволяло достигать стабильности в получении пищи, даже несмотря на сезонную доступность растений или животных. Кроме того, тесная связь неолитического населения Японских островов с природными условиями давала возможность поддерживать стабильное существование общества.

Ключевые слова: джёмон, Японские острова, неолит, пищевые ресурсы, рацион питания.

E.A. Solovyeva, A.I. Solovyev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: easolovievy@mail.ru

SPECIFICS OF THE FOOD RATION AMONG THE POPULATION OF THE JAPANESE ISLANDS IN JOMON PERIOD

The article is devoted to study of the food ration, subsistence strategies and food-capturing habit among the population of the Japanese islands in Jomon period that permits to highlight the detail of life, the ground of culture and social structure in the Neolithic time. The article considers the specifics of food ration at the different stages of culture existence. We analyzed the main food resources of Neolithic population on the Japanese islands: sea animals, fish, mammals, birds, and etc. We marked out some regional specifics in food ration of the most ancient inhabitants of the Japanese islands. The article presents the research data on the archaeological sites, such as shell-mounds, caves, settlements, especially in the boggy areas, which allow concluding about food resources and food ration of ancient people on the Japanese islands: excavation materials demonstrate the findings of more than 60 species of animals, more than 350 species of shells, about 35 species of birds and 55 species of plants. We underline the important role, which dolphins played for Jomon people, especially in Middle Jomon. The study of the Jomon settlements suppose the transition to permanent, not seasonal home area and settled lifestyle in general. The increased quantity of hunted species of animals permitted to influence on their number in a lesser degree and save the natural balance. We conclude that use of various food resources make possible to achieve stability in food procurement, in spite of seasonal availability of animals and plants. Close links of Neolithic population of Japanese islands with environment gave an opportunity to support the stable existence of society.

Keywords: Jomon, Japanese islands, Neolithic, food resources, Food ration.

*Работа выполнена по гранту РГНФ № 14-01-00017.

Понимание стратегий существования, источников и способов добывания пищи людей дзёмон позволяет пролить свет на детали образа жизни, основ культуры и строения общества неолитической эпохи. В течение периода *дзёмон* (13600–900 гг. до н.э.) [Kobayashi, 2004, p. 5] население Японских островов сохраняло традиции рыболовства, собирательства и охоты, применяя некоторые способы консервации и хранения пищи. Основными источниками пищи были рыба и орехи, в изобилии доступные в определенные периоды времени. Некоторые продукты, особенно рыба и мясо, являются скоропортящимися, поэтому для их более длительного хранения применялись такие способы, как копчение, засолка и содержание в специальных ямах [Такада, 2005, с. 45]. Систематическое применение подобных способов сохранения продуктов позволяло людям дзёмон жить в больших и достаточно постоянных поселениях.

Исследование таких археологических памятников, как раковинные кучи, пещеры, поселения, особенно в заболоченной местности, позволяет делать выводы о пищевых ресурсах и рационе питания древнейших жителей Японских островов. Материалы раскопок демонстрируют наличие более 60 видов животных, более 350 видов моллюсков, ок. 35 видов птиц, 55 видов растений [Watanabe, 1986, p. 175]. Наибольшую сложность представляет определение состава растительной пищи, поскольку это скоропортящиеся продукты и археологический контекст позволяет делать определенные выводы только в редких случаях.

При изучении поселений среднего дзёмона (3500–2500 гг. до н.э.) (например, Осава, преф. Ниигата) была обнаружена пыльца ямса, ликориса лучистого и других растений, употреблявшихся в пищу в этот период [Kobayashi, 2004, p. 74]. Способы употребления растений можно только предполагать. В начале прошлого века М. Сираи был подготовлен подробный обзор диких растений Японии и вариантов их использования в пищу. Автор анализирует более 500 видов растений, включая 65 видов грибов, и рассматривает способы поедания почек, листьев, стеблей, корней [Сираи, 1903, с. 134–147]. Вероятно, такие же способы употребления растений в пищу были доступны и людям периода дзёмон.

Перечень животных, костные останки которых обнаруживаются при изучении поселений и раковинных куч, показывает, что люди пытались максимально использовать пищевые ресурсы: енот, волк, медведь, дикий кабан, белка-летяга, горностай, куница, крыса, заяц. Материалы раковинных куч содержат также кости обезьян, что скорее нетипично для охотников и собирателей

[Watanabe, 1986, p. 177]. Употребление обезьян в пищу остается на сегодняшний день вопросом без ответа. Вкусовые предпочтения древних японцев формировались с течением времени, поэтому можно предполагать, что не все из 60 видов животных употреблялись в пищу постоянно или регулярно. Вполне возможно, что некоторые из них не соответствовали вкусам людей и быстро исчезали из рациона. Кроме того, существовали географические различия в использовании пищевых ресурсов. Например, медведи были более распространены в горных районах, на о-ве Хоккайдо олени эдзо встречаются чаще, чем дикие кабаны, что и определяло особенности питания.

Дзёмонские охотники в поисках крупной добычи могли оказываться достаточно далеко от поселений, так как эти животные старались избегать мест обитания человека. Это увеличивало территорию вероятной охоты. Можно было передвигаться вслед за добычей, перемещая и жилища, или расширять количество потребляемых видов животных, оставаясь жить на прежнем месте. Постоянный характер поселений периода дзёмон говорит в пользу выбора второго варианта действий. Увеличение количества потребляемых видов животных позволяло не слишком кардинально влиять на их численность, сохраняя природный баланс.

Используя в пищу разнообразные виды растений и животных, древнейшие жители Японских островов также употребляли в пищу более 70 видов рыб и других обитателей моря. Важную роль, особенно в среднем дзёмоне, играли дельфиновые. При раскопках поселения Маваки (преф. Исикава), расположенного на северном побережье п-ова Ното, неожиданно было обнаружено большое количество костей дельфиновых [Kobayashi, 2004, p. 77]. Зубатые киты, которые приближаются к островам в период с апреля по ноябрь, по всей видимости, становились добычей морских охотников. Кости китов обнаруживаются при исследовании археологических памятников периода дзёмон на территории всего Японского архипелага. Охота на крупных морских животных требовала определенных технологических изменений в изготовлении и использовании орудий. Такими орудиями могли быть гарпуны, опыт их применения при охоте на китов известен у современных айнов [Mori Ishino, Kobayashi, 1994]. В процессе раскопок обнаруживается большое количество предметов, изготовленных из китовой кости, включая сосуды-чаши из позвонков кита, найденные в раковинной куче Окура Минами (преф. Чика). Эти чаши могли использоваться в качестве неких прообразов гончарных кругов при изготовлении керамических сосудов. Собственно гончарный круг стал известен

в Японии с появлением культуры яёй на рубеже эр [Такада, 2005, с. 63]. При изучении археологических объектов, расположенных на тихоокеанском побережье, обнаруживаются также кости различных морских животных, часто морских львов.

Обнаружение на поселениях и в раковинных кучах костей рыб, обитающих не в прибрежных водах, свидетельствует о том, что люди дзёмон могли выходить достаточно далеко в открытое море, добывая отдельные виды рыб, такие как тунец или бонито. При раскопках раковинных куч в районе Токийского залива было найдено большое количество костей иглобрюхих рыб, которые являются ядовитыми [Kobayashi, 2004, p. 78]. По всей видимости, древнейшие жители Японских островов ценили вкусовые качества рыб данных пород и владели способами их приготовления, удаляющими опасные вещества. В отличие от жителей прибрежных территорий в глубине островов люди дзёмон часто употребляли в пищу лосося и сладкую речную рыбу аю [Watanabe, 1986, p. 172], что можно наблюдать и в современной Японии.

Существует предположение, что в период дзёмон активно употреблялись в пищу водоросли, которые являются важной составляющей японской диеты более поздней традиции. Следы водорослей *вакамэ* предположительно обнаружены в некоторых сосудах финального дзёмона в Камэгаока, но исследование еще не завершено, и точных данных пока нет [Дзёмондзин-но сёкубуцуриёи, 2014, p. 136]. Возможно, свидетельством использования водорослей может служить нахождение в раковинных кучах мелких раковин моллюсков в больших количествах. Мелкие моллюски вряд ли могли использоваться в качестве пищи, но они обычно живут на морских водорослях, чем и может объясняться их обнаружение на археологических объектах.

Птичьи кости обнаруживаются при изучении археологических объектов значительно реже и в небольших количествах. Самые распространенные – это кости фазана, гуся, утки. Встречаются также кости лебедя, орла, альбатроса, ястреба, воробья и др. Птичьи кости достаточно часто использовали в качестве материала для изготовления игл, булавок и бусин. Известно, что в период дзёмон на территории Японских островов были распространены несколько видов журавлей, но кости журавлей встречаются крайне редко. Возможно, журавли занимали особое положение и не употреблялись в пищу.

Использование разнообразных пищевых ресурсов позволяло достигать стабильности в получении пищи, несмотря на сезонную доступность растений или животных. Даже если наступал период, не отличавшийся изобилием пищи, у людей дзёмон была уверенность в его временном характере. Тесная связь неолитического населения Японских островов с природными условиями давала возможность поддерживать стабильное существование общества.

Список литературы

Дзёмондзин-но сёкубуцуриёи. New Perspectives on the Plant Use of Jomon People / Kudo Yuichiro and The National Museum of Japanese History. – Tokyo: Shinsensha, 2014. – 224 p.

Сирай М. Сэйкацусёкубуцу. – Токио: Судзанбо, 1903. – 186 с. (на япон. яз.).

Такада Я. Дзёмон-но из то мура-но фукуэй. Госёно исэки. – Токио: Коданся, 2005. – 96 с. (на япон. яз.).

Kobayashi T. Jomon Reflections. Forager Life and Culture in the Prehistoric Japanese Archipelago. – Oxford: Oxbow Books, 2004. – 240 p.

Mori K., Ishino H., Kobayashi T. The rich legacy of the Jomon period // Japan Echo. – 1994. – Vol. XXI, No. 2. – p. 76–83.

Watanabe H. Community Habitation and Food Gathering in Prehistoric Japan. An Ethnographic Interpretation of the Archeological Evidence // Windows on Japanese Past: Studies in Archeology and Prehistory. – Michigan, 1986. – 358 p.

References

Jomonjin-no shokubutsuriyei. New Perspectives on the Plant use of Jomon People / Kudo Yuichiro and The National Museum of Japanese History. Tokyo: Shinsensha, 2014. 224 pp.

Kobayashi T. Jomon Reflections. Forager Life and Culture in the Prehistoric Japanese Archipelago. Oxford: Oxbow Books, 2004. 240 pp.

Mori K., Ishino H., Kobayashi T. The rich legacy of the Jomon period // Japan Echo. 1994. Vol. XXI, No. 2. Pp. 76–83.

Shirai M. Seikatsushokubutsu. Tokyo: Suzanbo, 1903. 186 pp. (In Japan.).

Takada Y. Jomon-no ie to mura-no fukuei. Goshono iseki. Tokyo: Kodansha, 2005. 96 pp. (In Japan.).

Watanabe H. Community Habitation and Food Gathering in Prehistoric Japan. An Ethnographic Interpretation of the Archeological Evidence // Windows on Japanese Past: Studies in Archeology and Prehistory. Michigan, 1986. 358 pp.

ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ РАБОЧЕГО КРАЯ ЗУБЧАТЫХ ОРНАМЕНТИРОВ В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА - РАННЕЙ БРОНЗЫ В ГОРНОМ И ПРЕДГОРНОМ АЛТАЕ

Статья посвящена первичному обобщению результатов изучения оформления рабочего края инструментов для нанесения орнамента на керамике энеолита – ранней бронзы Горного и Предгорного Алтая. Отмечается, что орнамент наносился как зубчатыми, так и незубчатыми орудиями, но основную массу составляют оттиски гребенчатых штампов. Для решения вопросов взаимодействия населения, проблем относительной хронологии памятников наиболее актуальна информация о зубчатых инструментах. Определены основные признаки, характеризующие рабочий край зубчатых орнаментов (форма и размеры штампа, размеры и форма зубцов, их количество). Для афанасьевской культуры характерны инструменты с тонким прямым или округлым рабочим краем длиной 3–5 см, с мелкими округлыми или подпрямоугольными зубцами (от 15 до 25 шт.), для эпохи ранней бронзы Горного Алтая – с крупными прямоугольными и квадратными зубцами (от 5–6 до 10 шт.), для ирбинского типа керамики с мелкими зубцами, отделенными друг от друга (до 15 шт.). Большемысские инструменты разнообразны; часто оставляли отпечаток в виде дуги, иногда челюстями животных. Выделение этих признаков позволило обнаружить необычные для афанасьевской культуры инструменты, имеющие аналогии у населения эпохи ранней бронзы в Горном Алтае, а также выявить идентичные отпечатки на афанасьевских сосудах из Горного Алтая и с Енисея. Анализ полученных данных приводит к выводу о контактах разных групп населения в эпоху ранней бронзы, а также позволяет рассматривать вопросы относительной хронологии ряда памятников.

Ключевые слова: орнамент, керамика, афанасьевская культура, эпоха ранней бронзы, Горный, Предгорный Алтай.

N.F. Stepanova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: nstepanova10@mail.ru

SPECIAL ASPECTS OF WORKING EDGE TREATMENT OF THE DENTICULATE TOOLS FOR ORNAMENTS IN ALTAI MOUNTAINS AND ITS FOOTHILLS DURING ENEOLITHIC - EARLY BRONZE AGE

The article is devoted to primary generalizing of results, obtained during the study of treatment of tool working edge, which were used for ornamentation of Eneolithic – Bronze Age ceramics in the Altai Mountains and its foothills. It is mentioned that people ornamented by denticulate and non-denticulate tools, but the most numerous are comb stamp. The data on denticulate tools are particularly topical for the solution of the questions of interaction among the population, problems of relative chronology of the sites. We determined the main attributes, characterizing the working edge of the denticulate ornamenting tools (the shape and size of stamps, size, shape and quantity of barbs). Afanasievo culture is characterized by tools with thin straight or roundish working edge with length of 3–5 cm, with small roundish or subrectangular burbs (from 15 to 25). The tools with large rectangular and square burbs (from 5–6 to 10) are typical of Early Bronze Age in Altai Mountains, and tools with small barbs, separated from each other, are specific to Irbinskiy type of ceramics (not over 15). The Bolshemyssk tools are various. Often they left the stamp in the form of bow, sometimes made by chops of animals sometimes. The marking out of these attributes permitted to find the tools, unusual for the Afanasievo culture and analogous to the prints on ceramics of the Early Bronze Age in Mountain Altai. Also, it gave an opportunity to reveal the identical prints on the Afanasievo vessels from the Mountain Altai and Yenisei River. The analysis of the received data suppose the contacts between different groups of the population during the Early Bronze Age, and also permit to consider the questions of relative chronology of sites.

Keywords: ornament, ceramics, Afanasievo culture, Early Bronze Age, Altai Mountains, foothills of Altai.

Значение орнамента для изучения древней истории населения сложно переоценить. Однако, как правило, используется небольшая часть информации, которую можно получить при его изучении. Обычно обращают внимание на то, что можно выявить визуально, например композиционное построение узора, форму отпечатков, нанесенных гребенчатым (зубчатым) штампом, лопаточкой или палочкой. Находки орнаментов редки, поэтому исследование их отпечатков на керамике нередко является единственным источником информации о них. В последние десятилетия проводятся целенаправленные исследования для получения данных об инструментах и способах нанесения орнамента. Экспериментальным путем выявляется кинематика движения орудия, реконструируется рабочий край инструмента по его отпечаткам. В настоящее время можно считать установленным, что в древности для орнаментации керамики использовали как специально изготовленные инструменты из костей животных, раковин моллюсков, камня, глины, так и подходящие для этой цели природные материалы, в частности белемниты, аммониты и др. [Городцов, 1901; Калинина, Устинова, 1990; Калинина, Устинова (Гаджиева), 1995; Костылева, Калинина, 2002; Волкова, 1991, 1998; Калинина, 2009; Мыльникова, 1994; Дубовцева, 2008; Степанова, 2012; и др.].

В результате изучения орнамента ранних керамических комплексов Горного и Предгорного Алтая (неолит – ранняя бронза) выявлены традиции в оформлении рабочего края инструментов для ряда археологических культур. Орнамент наносился как зубчатыми, так и незубчатыми орудиями, но основную массу составляют оттиски гребенчатых штампов. Для решения вопросов взаимодействия населения, проблем относительной хронологии памятников наиболее актуальна информация о зубчатых инструментах.

Основными критериями для характеристики рабочего края орнамента служат его форма (прямой, округлый), длина штампа, размеры, количество и форма зубцов, а также форма самого инструмента – прямой или изогнутый. Сравнительный анализ показывает, что для керамики каждой археологической культуры прослеживаются свои традиции в оформлении рабочего края орнаментов.

Афанасьевская культура. Известны орнаменты с округлым или прямым рабочим краем, длиной от 1 до 6 см, с округлыми или прямоугольными зубцами, количество которых колеблется от 10 до 35 и более. Характерны короткий (ок. 1 см) и длинный (свыше 3 см), округлый и прямой рабочий край, размеры зубцов – от $0,5 \times 1,0$ до $0,5 \times 2,0$ мм (более крупные встречаются как исключение), их

количество – от 15 до 25. Преобладают инструменты с тонким рабочим краем с мелкими зубцами, с расстоянием между ними меньше размеров одного зубца (меньше 1 мм) и длиной рабочего края 3–5 см (см. рисунок, 4–8).

На керамике *ранней бронзы Горного Алтая* зафиксированы отпечатки инструментов с крупными прямоугольными или квадратными зубцами (ок. 3 мм), с расстоянием между ними 2–3 мм (см. рисунок, 1). Количество зубцов – от 5–6 до 10, но не более 15 шт. По глубине отпечатков можно сделать вывод, что зубцы были длиннее, чем у афанасьевских инструментов.

На керамике *ирбинского типа* (поселение Комарово-1) зафиксированы оттиски орнаментов с гладким и зубчатым рабочим краем. Длину рабочего края определить невозможно, так как есть отпечатки только части рабочей поверхности из-за того, что орнамент наносился, как правило, уголком штампа (см. рисунок, 3). Установлено, что рабочая часть превышала 1 см. Зубцы были небольших размеров (от 1–1,5 мм), четко отделены один от другого. Их количество может быть свыше 15 шт.

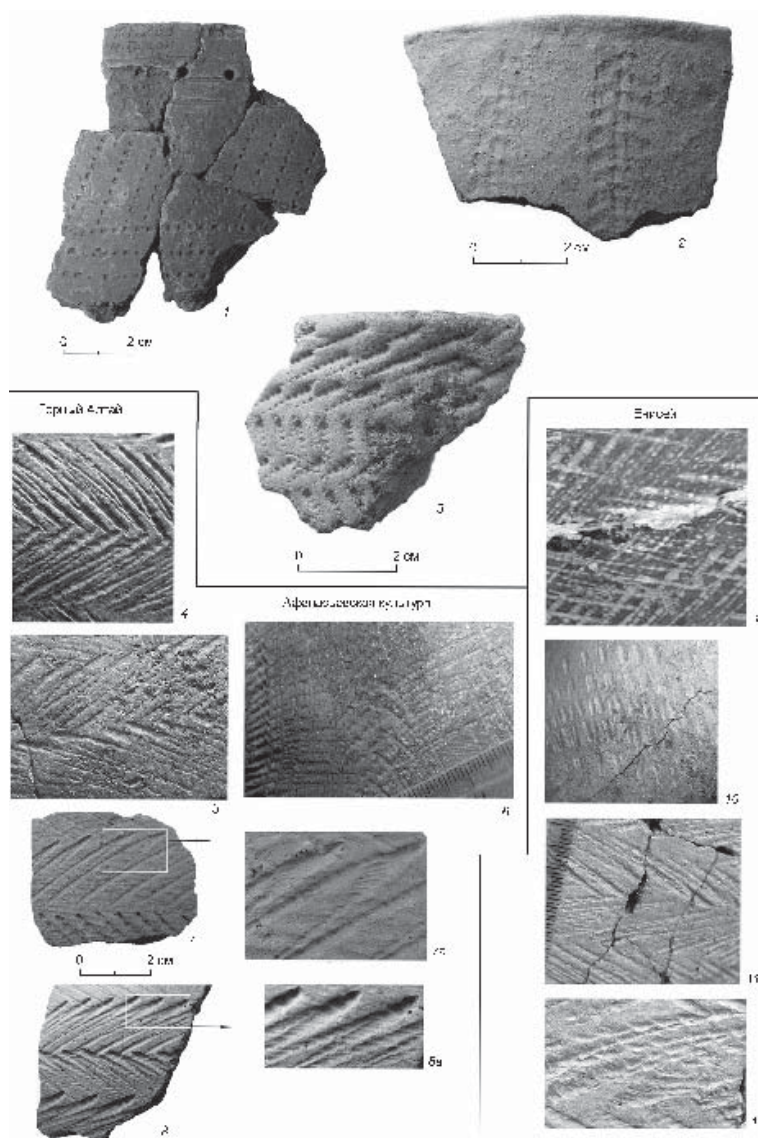
Для керамики *крохалевского типа* (поселения Комарово-1 и Костенкова Избушка) характерен орнамент, нанесенный ногтем и зубчатым штампом с длинным тонким рабочим краем (ок. 10 или больше прямоугольных зубцов) [Киришин, 2002, рис. 162, 1, 4–7; 163, 164].

Большемыецкие инструменты разнообразны, но о них получены лишь предварительные сведения, статистических данных нет. Большемыецкие орнаменты наиболее сложны для реконструкции рабочего края. В настоящее время можно отметить, что нередко использовались предметы, дающие отпечаток в виде дуги (см. рисунок, 2), что необычно для других культур. В отдельных случаях удалось определить, что использовались челюсти животных (отпечатки на большемыецкой керамике и на экспериментальных образцах, выполненных челюстями животных, аналогичны) [Абдулганеев, Степанова, 2007, с. 3].

В целом наблюдаются заметные отличия в оформлении рабочего края орнаментов перечисленных выше разнотипных керамических комплексов. По количеству сосудов изученной больше других остается керамика афанасьевской культуры, и результаты ее исследования наиболее показательны. К основным признакам, характеризующим оформление рабочего края афанасьевских орнаментов, относятся прямой или округлый тонкий рабочий край длиной до 5 см, мелкие зубцы (ок. 1–1,5 мм) и их количество (в среднем от 15 до 25). Выделение признаков, характерных для афанасьевских орнаментов, позволяет выявить

сосуды, украшенные необычными для этой культуры инструментами, например с отпечатками крупных прямоугольных зубцов длиной более 2,5 мм (3–4 мм) на могильнике Кара-Коба-1, огр. 3, с широким рабочим краем (до 4 мм) на Сальдьяре-1, к. 31. Как правило, необычный орнамент дополняется нетипичной формой изделия или другими чертами, например на могильнике Усть-Куюмский, мог. 14, погр. 2; м. 13 [Погожева, Рыкун, Степанова, Тур, 2006, рис. 49, 5; 54]. Появление у афанасьевцев инструментов с крупными зубцами, характерных для ранней бронзы Горного Алтая, видимо, не случайно и может быть связано с контактами групп населения, различающихся по этнографическим и другим признакам. Некоторые изделия украшены отпечатками совсем необычных инструментов, имеющих особое сходство, в частности, с зубцами, объединенными в группы, из могильников Бойтыгем-2, к. 9 и Сальдьяр-1, к. 37 (см. рисунок, 6). Керамика с этих памятников имеет и другие аналогии, в частности в формовочных массах отмечена самая высокая концентрация шамота для афанасьевской керамики Горного Алтая [Степанова, 2005]. Вероятно, выявленные черты свидетельствуют о хронологической близости памятников и непосредственных контактах населения.

Установлено, что отпечатки инструментов с рабочим краем одинаковой длины с мелкими зубцами на афанасьевских сосудах с большинства памятников Горного Алтая и Енисея аналогичны. Кроме того, выявлены отпечатки идентичных, но необычных для афанасьевской культуры инструментов на сосудах из Горного Алтая и с Енисея (см. рисунок, 4–8) [Поляков, Степанова, 2009; Степанова, 2015, рис. 3, 4]. Подобное сходство не может быть случайным. Из-за того, что даже самые прочные инструменты изнашивались или терялись, периодически изготавливались новые. Изготовление новых орнаментов со временем неизбежно вело к накоплению изменений в оформлении рабочего края и к изменению навыков в изготовлении инструментов. Традиции в оформлении орудий не могли сохраняться неизменными в течение многих столетий, а при отсутствии контактов афанасьевского населения

Керамика эпохи ранней бронзы из Горного Алтая (1), большемысской культуры и ирбинского типа из предгорий (2, 3), афанасьевской культуры из Горного Алтая (4–8) и с Енисея (9–11).

из Горного Алтая и с Енисея маловероятно появление новых одинаковых навыков. Вероятнее всего, связи между группами афанасьевского населения из Горного Алтая и с Енисея сохранялись какое-то время или датировка культуры должна определяться более коротким промежутком времени, чем принято считать в настоящее время.

Таким образом, с учетом консервативности традиций в гончарстве и того, что навыки труда передаются контактным путем, изучение оформления рабочего края орнаментов по их отпечаткам и выявление традиций в их оформлении крайне перспективны для решения вопросов взаимодействия населения разных этнографических групп и относительной хронологии памятников, что прослежено по материалам афанасьевской культуры.

- Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф.** Ранние керамические комплексы поселения Комарово-1 // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Мат-лы VIII Междунар. конф. – Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. – Т. 1. – С. 3–6.
- Волкова Е.В.** Историко-культурный подход к изучению орнаментов на древней глиняной посуде // Керамика как исторический источник. Подходы и методы изучения. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. ГПИ, 1991. – С. 31–34.
- Волкова Е.В.** Древняя глиняная посуда, изготовленная одним мастером (методика выделения и анализ) // Тверской археол. сб. – Тверь, 1998. – Вып. 3. – С. 135–146.
- Городцев В.А.** Русская доисторическая керамика. – М.: Моск. археол. об-во, 1901. – 101 с.
- Дубовцева Е.** Традиции декорирования неолитической керамики Западной Сибири (опыт экспериментального моделирования) // Українська керамологія. – 2008. – Кн. IV, т. 1. – С. 145–154.
- Калинина И.В.** Очерки по исторической семантике. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. – 272 с.
- Калинина И.В., Устинова Е.А.** Технологическая классификация орнаментов неолитическо-энеолитической керамики Уральского региона // АСГЭ. – Л.: Искусство. Ленингр. отд-ние, 1990. – Вып. 30. – С. 7–19.
- Калинина И.В., Устинова (Гаджиева) Е.А.** Использование челюстей животных для орнаментации древней керамики // РА. – 1995. – № 2. – С. 69–83.
- Киришин Ю.Ф.** Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул, 2002. – 294 с.
- Костылева Е.Л., Калинина И.В.** Использование костей животных для орнаментации ямочно-гребенчатой керамики // Тверской археол. сб. – Тверь: Изд-во ТГОМ, 2002. – Вып. 5. – С. 248–256.
- Мыльникова Л.Н.** Обработка поверхности неолитической нижнеамурской керамики (поселение Кондон-Почта) // Экспериментальная археология. – Вып. 3. – Тобольск: Изд-во Тобол. пед. ин-та, 1994. – С. 20–24.
- Погожева А.П., Рыкун М.П., Степанова Н.Ф., Тур С.С.** Эпоха энеолита и бронзы Горного Алтая. – Барнаул: Азбука, 2006. – Ч. 1. – С. 234.
- Поляков А.В., Степанова Н.Ф.** Исследования памятников афанасьевской культуры на озере Итколь (Республика Хакасия) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 377–381.
- Степанова Н.Ф.** Результаты исследований формовочных масс сосудов из афанасьевского могильника Сальдьяр-1 // Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. – Барнаул, 2005. – С. 155–159.
- Степанова Н.Ф.** Первые результаты изучения инструментов для нанесения орнамента по их отпечаткам на афанасьевской керамике (по материалам погребальных комплексов из Горного Алтая) // Игорь Геннадьевич Глушков: Сб. науч. ст. – Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2012. – С. 43–50.
- Степанова Н.Ф.** Роль керамики в изучении афанасьевской культуры // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. – М.: ИА РАН, 2015. – С. 269–277.
- Abdulganeev M.T., Stepanova N.F.** Rannie keramicheskie komplekсы poseleniya Komarovo-1 // Prirodnye usloviya, istoriya i kul'tura Zapadnoy Mongolii i sopredel'nykh regionov: Mat-ly VIII Mezhdunar. konf. Gorno-Altaysk: RIO GAGU, 2007. Vol. 1. Pp. 3–6. (In Russ.).
- Dubovtseva E.** Traditsii dekorirovaniya neoliticheskoy keramiki Zapadnoy Sibiri (opyt eksperimental'nogo modelirovaniya // Ukrains'ka keramologiya. 2008. Book IV, Vol. 1. Pp. 145–154. (In Russ.).
- Gorodtsev V.A.** Russkaya doistoricheskaya keramika. M.: Mosk. arkh. ob-vo, 1901. 101 pp. (In Russ.).
- Kalinina I.V.** Ocherki po istoricheskoy semantike. St. Petersburg: Izd-vo St. Petersburg. un-ta, 2009. 272 pp. (In Russ.).
- Kalinina I.V., Ustinova E.A.** Tekhnologicheskaya klassifikatsiya ornamentov neoliticheskoy-eneoliticheskoy keramiki Ural'skogo regiona // ASGE. L.: Iskusstvo, Leningr. otd-nie, 1990. Iss. 30. Pp. 7–19. (In Russ.).
- Kalinina I.V., Ustinova (Gadzhieva) E.A.** Ispol'zovanie chelyustey zhivotnykh dlya ornamentatsii drevney keramiki // RA. 1995. No. 2. Pp. 69–83. (In Russ.).
- Kiryushin Yu.F.** Eneolit i rannyya bronza yuga Zapadnoy Sibiri. Barnaul, 2002. 294 pp. (In Russ.).
- Kostyleva E.L., Kalinina I.V.** Ispol'zovanie kostey zhivotnykh dlya ornamentatsii yamochno-grebenchatoy keramiki // Tverskoy arkheolog. sb. Tver': Izd-vo TGOM, 2002. Iss. 5. Pp. 248–256. (In Russ.).
- Myl'nikova L.N.** Obrabotka poverkhnosti neoliticheskoy nizhneamurskoy keramiki (poselenie Kondon-Pochta) // Eksperimental'naya arkheologiya. Tobol'sk: Izd-vo Tobol. ped. in-ta, 1994. Iss. 3. Pp. 20–24. (In Russ.).
- Pogozheva A.P., Rykun M.P., Stepanova N.F., Tur S.S.** Epokha eneolita i bronzy Gornogo Altaya. Barnaul: Azbuka, 2006. Pt. 1. Pp. 234. (In Russ.).
- Polyakov A.V., Stepanova N.F.** Issledovaniya pamyatnikov afanas'yevskoy kul'tury na ozere It-kol' (Respublika Khakasiya) // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2009. Vol. XV. Pp. 377–381. (In Russ.).
- Stepanova N.F.** Rezul'taty issledovaniy formovochnykh mass sosudov iz afanas'yevskogo mogil'nika Sal'dyar-1 // Larin O.V. Afanas'yevskaya kul'tura Gornogo Altaya: mogil'nik Sal'dyar-1. Barnaul, 2005. Pp. 155–159. (In Russ.).
- Stepanova N.F.** Pervye rezul'taty izucheniya instrumentov dlya naneseniya ornamenta po ikh otpechatkam na afanas'yevskoy keramike (po materialam pogrebal'nykh kompleksov iz Gornogo Altaya) // Igor' Gennad'yevich Glushkov: Sb. nauch. st. Khanty-Mansiysk: Pechatnyy mir, 2012. Pp. 43–50. (In Russ.).
- Stepanova N.F.** Rol' keramiki v izuchenii afanas'yevskoy kul'tury // Sovremennye podkhody k izucheniyu drevney keramiki v arkheologii. M.: IA RAN, 2015. Pp. 269–277. (In Russ.).
- Volkova E.V.** Istoriko-kul'turnyy podkhod k izucheniyu ornamentov na drevney glinyanoy posude // Keramika kak istoricheskiy istochnik. Podkhody i metody izucheniya. – Kuybyshev: Izd-vo Kuybyshev. GPI, 1991. Pp. 31–34. (In Russ.).
- Volkova E.V.** Drevnyaya glinyanaya posuda, izgotovlennaya odnim masterom (metodika vydeleniya i analiz) // Tverskoy arkheolog. sb. Tver', 1998. Iss. 3. Pp. 135–146. (In Russ.).

КАМЕННЫЕ И ДЕРЕВЯННЫЕ ИЗВАЯНИЯ В КУЛЬТУРЕ МАНТЕНЬЯ-УАНКАВИЛКА, ЭКВАДОР

Культура мантенья-уанкавилка (650–1532 гг., по данным радиоуглеродного датирования) замыкает пеструю череду доиспанских предгосударственных образований в прибрежной части Эквадора (современные провинции Санта-Элена, Гуаяс, Манаби). Первые сведения об этой культуре были получены еще в начале XX в. (1906–1908 гг.) в ходе экспедиций американского археолога М. Савиля на памятниках Серро-Хабонсилло, Серро-де-Охас и Серро-Монтекристи, за этим последовала серия международных проектов на памятниках Агуа Бланка, Саланго, Лома-де-лос-Конгрехитос, Хокай и др. Помимо оригинальных технологий земледелия, гончарства и металлургии, а также сложных погребальных конструкций культуру мантенья-уанкавилка отличали развитое мореходство и уникальный комплекс монументальных изваяний из камня, ракушечного конгломерата (U-образные троны, алтари с зооморфной символикой, геометрические выкладки, идолы) и особо твердых пород дерева (тотемные столбы со сложными антропо- и зооморфными композициями). Подавляющее большинство этих изваяний расположено на вершинах гор, холмов и господствующих высот, выполняя одновременно роль ключевых ритуальных объектов и территориальных маркеров в «конфедерации мантенья». Анализ распределения этих маркеров по ареалу распространения культуры подтверждает наблюдающееся и в других категориях археологического инвентаря территориальное подразделение на «уанкавилка» и собственно «мантенья», что соответствует существованию нескольких вождейств в составе конфедерации. Каменные идолы культуры мантенья-уанкавилка и сегодня воспринимаются местным населением как носители особой магической силы, как посредники в общении с предками, устанавливаются на центральных площадях коммун и почитаются наравне с христианскими святынями.

Ключевые слова: Эквадор, культура мантенья-уанкавилка, каменные троны, алтари, идолы, территориальные маркеры.

A.V. Tabarev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: olmec@yandex.ru

STONE AND WOODEN STATUES IN MANTECA-HUANCAVILCA CULTURE, ECUADOR

Manteca-Huancavilca culture (650–1532 according to radiocarbon dates) round out the varied sequence of Prespian pre-state formations in coastal part of Ecuador (the modern Santa Elena, Guayas, Manabi provinces). M. Saville the american archaeologist had gotten the early records of this culture in the course of excavation at the Cerro Jaboncillo, Cerro de Ojas and Cerro Montecristi sites. The series of international projects at the Agua Blanca, Salango, Loma de los Congrejos, Jocay and others came after that. Besides the original agricultural technologies, pottery and metal manufactory, as well as complicated burial constructions, it was notable for developed seafaring and unique complex of monumental statues made of stone, shell rock (U-shape thrones, altars with zoomorphic insignia, geometrical bonds, idols) and dead-hard wood (totem poles with anthropomorphic and zoomorphic complex compositions). The overwhelming majority of these statues are located at the tops of mountains, hills and highest elevations in pursuance of function of the key ritual objects and territorial markers in «Manteca confederation» simultaneously. The analysis how the markers are allocated in the area of culture spreading supports that “Huancavilca” and “Manteca” distributed geographically. It is observed among the other categories of archaeological artifacts and accorded with co-existence of the several chiefdoms into confederation. The native population perceives the Manteca-Huancavilca stone statues as the bearers of special magic power, mediators between people and their ancestors, and mounts the statues on central squares of municipalities and holds sacred on a par with Christian relics.

Keyword: Ecuador, Manteca-Huancavilca culture, stone thrones, altars, idols, territorial markers.

Несмотря на небольшую территорию, Эквадор насыщен археологическими памятниками культур всех эпох – от первоначального заселения Южной Америки человеком до начала Конкисты. Многие из этих культур практически не знакомы отечественным специалистам, тогда как их характеристики (технологические, экономические, ритуальные) представляют исключительный интерес для межрегиональных археологических корреляций и теоретических моделей. Начиная с 2010 г. мы ведем систематическое изучение и описание культур тихоокеанского побережья Эквадора, уделяя особое внимание проблематике социо- и политогенеза в предгосударственных образованиях [Табарев, 2012, 2013].

Первые сведения о народах, проживавших в прибрежных районах Эквадора, содержатся в описаниях европейских конкистадоров и путешественников XVI в. (С. де Леон, Дж. Бензони, Т. де Мендоса, Х. де Самано-Херес и др.). Начало археологических исследований связано с экспедициями американского археолога М. Савиля в 1906–1908 гг. [Saville, 1907, 1910]. Вблизи от городка Пикоаса (пров. Манаби) он изучил и описал целую серию поселений с остатками оснований крупных сооружений (50 × 12 м), построенных из сырцовых кирпичей («коррали»), каменные «кресла», алтари с антропоморфными изображениями, каменные скульптуры, а также большое ко-

личество фрагментов керамики и колотого камня. Наибольшее количество каменных изваяний было зафиксировано на памятниках Серро-Хабонсильо, Серро-де-Охас и Серро-Монтекристи. Особенно эффектно выглядели каменные кресла с зооморфной (пумы, ягуары) символикой, которые были расположены группами на вершинах холмов как в пределах крупных конструкций, так и на открытых пространствах (рис. 1, 1).

В первой половине – середине XX в. поиск и изучение памятников в прибрежной зоне продолжали эквадорские и европейские археологи Х. Хихон-и-Кааманьо, М. Уле и Э. Эстрада [Estrada, 1957; Jijun y Saamaco, 1997]. Первый, кстати, и предложил для новой культуры термин «мантенья». Он также образно называл ее «Лигой торговцев» (по аналогии со средневековой «Ганзейской лигой» в Европе).

В последующий период раскопками памятников культуры мантенья занимались как эквадорские ученые (Х. Маркос, К. Севальос), так и археологи из США (Б. Меггерс, Д. Зидлер) и Европы (А. Местер, Р. Луннисс). Среди наиболее важных комплексов – Агуа Бланка, Саланго, Лома-де-лос-Кангрехитос, Хокай и др.

Сегодня данная культура имеет двойное название – «матненья-уанкавилка». Название «мантенья» относится к группам, существовавшим в границах современной пров. Манаби, а «уанкавилка» –

Рис. 1. Каменные изваяния культуры мантенья-уанкавилка. Фото автора.

1 – каменное U-образное кресло. Памятник Серро-Хабонсильо; 2 – идол Сан-Биритуте в коммуне Сакачун.

к группам, занимавшим территорию пров. Санта-Элена (одноименный полуостров), Гуаяс и южной части пров. Манаби. При этом если для уанкавилка прослеживается прямая преемственность с культурой гуангала (300–200 гг. до н.э. – 700 г. н.э.), то между мантенья и предшествовавшей ей на территории Манаби культурой баия (300 г. до н.э. – 500–650 гг. н.э.) существует некоторый пробел [Handbook..., 2008, р. 509–512]. Помимо хронологии специалисты также обращают внимание на некоторые отличия в экономике двух районов: для мантенья основу составляло земледелие, уанкавилка, кроме того, активно занимались охотой, добычей морепродуктов и прибрежной торговлей с соседними регионами.

Одним из заметных материальных отличий территории уанкавилка является практически полное отсутствие каменных кресел и алтарей. На п-ове Санта-Элена роль таких знаковых объектов выполняли каменные антропоморфные изваяния и деревянные тотемные столбы.

Так, одним из наиболее интересных примеров является скульптура «Сан-Биритуте»* – стилизованная мужская фигура высотой 2,35 м, выполненная из цельного конгломерата морского ракушечника и песка. Согласно описаниям 1869 г., она была найдена на вершине холма Лос-Негритос недалеко от селения Сакачун в окружении восьми каменных изваяний меньшего размера (их дальнейшая судьба неизвестна). Местные жители перенесли изваяние в селение и установили на центральной площади прямо рядом с католической церковью. По поверьям, Сан-Биритуте помогал рождению здоровых младенцев, а также приносил долгожданные осадки на маисовые поля. В 1952 г. статую перевезли в муниципальный музей г. Гуаякиль как объект культурного наследия, однако местное население продолжало приносить к ее подножию подарки и совершать обряды. В 2011 г. статуя была возвращена и торжественно установлена на прежнее место в коммуне Сакачун (рис. 1, 2).

В 2012–2013 гг. на заросших кустарником вершинах холмов и гор на территории п-ова Санта-Элена было найдено еще несколько каменных скульптур, среди которых «Мухерде-Хунтас» (женское изображение),

«Кирило-и-Кира» (двойное изображение), а также парный комплекс из двух скульптур в Лос-Серитос (мужское и женское изображения). К сожалению, все находки сделаны местными жителями, которые не фиксируют археологический контекст. Из устного сообщения эквадорских коллег нам известно, что в Лос-Серитос рядом со статуями были следы погребений.

Особый интерес представляют уникальные деревянные тотемы, выполненные из цельных стволов дерева гуасанго (*Loxopterigium huasango*), отличающегося исключительной твердостью. В пределах п-ова Санта-Элена они зафиксированы всего на двух памятниках. Самый известный обнаружен К. Севальосом на холме Лос-Сантос в 1934 г. Судя по описаниям, на холме сохранились остатки рукотворной платформы диаметром ок. 40 м, в центре которой находился ритуальный комплекс, состоящий из каменных и деревянных скульптур. Одна из каменных скульптур изображала существо с головой ягуара. Там же были найдены три деревянных столба. Два сохранились фрагментарно, а один целиком [Zevallos, 1995].

Он представляет собой вертикальную композицию высотой 8,5 м, состоящую из 32 человеческих фигур (мужских и женских) и двух крокодилов на верхушке. Тотем установлен в музее г. Гуаякиль. Другой реставрированный столб высотой ок. 4 м экспонируется в музее в г. Ла-Либерта (рис. 2).

Рис. 2. «Геральдический» тотемный столб культуры мантенья-уанкавилка в музее г. Ла-Либерта. Фото автора.

1 – тотемный столб; 2 – деталь столба с антропоморфным изображением.

*Возможно, искаженный вариант латинского «virtutis», указывающий на мужское начало.

Кроме того, фрагменты основания еще одного столба были найдены при раскопках памятника Лома-де-лос-Кангрехитос, его возможная высота – ок. 3 м. Эквадорские археологи образно называют их «геральдическими столбами» [Marcos, 2012].

Относительно основной роли и функций каменных и деревянных скульптур в культуре мантенья-уанкавилка существуют две точки зрения: южно-американские археологи считают их центральными элементами церемоний и ритуалов, отголоски которых сохранились до наших дней; североамериканские и европейские специалисты полагают, что таким образом местная элита маркировала подконтрольную территорию и одновременно создавала на господствующих высотах сакральные зоны для погребений, церемоний и астрономических наблюдений [Grabber, 2010; Lunniss, 2007].

Распространение территориальных маркеров хорошо согласуется с общей моделью политического устройства культуры мантенья-уанкавилка. Она предполагает существование в пределах прибрежных районов нескольких самостоятельных вождеств (конфедерации), объединенных одним этносом, языком, мифологией и, в случае необходимости, выступавших единым военным союзом. Эта система позволила, в частности, успешно противостоять двум мощным экспансиям инков в XV – начале XVI в. и сохранить свою независимость и самобытность вплоть до испанского вторжения.

Список литературы

Табарев А.В. Древние культуры тихоокеанского побережья Южной Америки: Тумако-Ла-Толита // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2012 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 283–287.

Табарев А.В. На странных берегах: археологические культуры Эквадора // Дальний Восток России и Эквадор // Тихоокеанская археология. – 2013. – Вып. 27. – С. 122–141.

Estrada V.E. Prehistoria de Manabi. – Guayaquil: Museo Victor Emilio Estrada, 1957. – 176 p. (на испан. яз.).

Grabber Y. Entre mar y tierra: desarrollo dual de las poblaciones prehispanicas del Manabi meridional, Ecuador // Bull. de l'Inst. Français d'Études Andines. – 2010. – Vol. 39 (3). – P. 603–621 (на испан. яз.).

Handbook of South American Archaeology. – N. Y.: Springer, 2008. – 1192 p. (на испан. яз.).

Jijyn y Caamaco J. Antropología prehispánica del Ecuador. – Quito: Museo Jacinto Jijón y Caamaño, [1952] 1997. – 387 p. (на испан. яз.).

Lunniss R. Vida y costumbres de los pobladores del Ecuador antiguo. – Guayaquil: Museo Presley Norton, 2007. – 149 p. (на испан. яз.).

Marcos J.G. La historia prehispánica de los pueblos Manteño Huancavilca de Chanduy. – Quito: Univ. Intern. del Ecuador, 2012. – 104 p. (на испан. яз.).

Saville M.H. The Antiquities of Manabi, Ecuador. A Preliminary Report // Contributions to South American Archaeology. The George G. Heye Expedition. – N. Y.: Heye Museum, 1907. – 135 p.

Saville M.H. The Antiquities of Manabi, Ecuador. Final Report // Contributions to South American Archaeology. The George G. Heye Expedition. – N. Y.: Heye Museum, 1910. – 284 p.

Zevallos C. Nuestras Raíces Huancavilcas. – Guayaquil: Casa de la Cultura Ecuatoriana Benjamín Carrión, Núcleo del Guayas, 1995. – 435 p. (на испан. яз.).

References

Estrada V.E. Prehistoria de Manabi. Guayaquil: Museo Victor Emilio Estrada, 1957. 176 pp. (In Span.).

Grabber Y. Entre mar y tierra: desarrollo dual de las poblaciones prehispanicas del Manabi meridional, Ecuador // Bull. de l'Inst. Français d'Études Andines. 2010. Vol. 39 (3). Pp. 603–621. (In Span.).

Handbook of South American Archaeology. N. Y.: Springer, 2008. 1192 pp.

Jijyn y Caamaco J. Antropología prehispánica del Ecuador. Quito: Museo Jacinto Jijón y Caamaño, [1952] 1997. 387 pp. (In Span.).

Lunniss R. Vida y costumbres de los pobladores del Ecuador antiguo. Guayaquil: Museo Presley Norton, 2007. 149 pp. (In Span.).

Marcos J.G. La historia prehispánica de los pueblos Manteño Huancavilca de Chanduy. Quito: Univ. Intern. del Ecuador, 2012. 104 pp. (In Span.).

Saville M.H. The Antiquities of Manabi, Ecuador. A Preliminary Report // Contributions to South American Archaeology. The George G. Heye Expedition. N. Y.: Heye Museum, 1907. 135 pp.

Saville M.H. The Antiquities of Manabi, Ecuador. Final Report // Contributions to South American Archaeology. The George G. Heye Expedition. N. Y.: Heye Museum, 1910. 284 pp.

Tabarev A.V. Drevnie kul'tury tikhookeanskogo poberezh'ya Yuzhnoy Ameriki: Tumako-La-Tolita // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: Mat-ly Itogovoy sessii In-ta arkheologii i etnografii SO RAN 2012 g. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2012. Vol. XVIII. Pp. 283–287. (In Russ.).

Tabarev A.V. Na strannykh beregakh: arkheologicheskie kul'tury Ekvadora // Dal'niy Vostok Rossii i Ekvador. Tikhookeanskaya arkheologiya. 2013. Iss. 27. Pp. 122–141. (In Russ.).

Zevallos C. Nuestras Raíces Huancavilcas. Guayaquil: Casa de la Cultura Ecuatoriana Benjamín Carrión, Núcleo del Guayas, 1995. 435 pp. (In Span.).

С.Ф. Татауров¹, М.Л. Черная²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН,

²Национальный исследовательский Томский государственный университет

E-mail: TatSF2008@rambler.ru

ТАРСКИЕ «ГОРОДНИ» (итоги раскопок исторического центра Тары в 2015 году)*

Статья посвящена итогам археологических исследований 2015 г. в острожной части исторического центра г. Тары. В ходе раскопок удалось выйти на фрагмент крепостной стены в районе соединения крепостных и острожных укреплений города. Впервые зафиксированы тарские «городни» – срубы, из которых состояла крепостная стена города. Тара – единственный город в Сибири, который имел подобную конструкцию крепостных стен. В письменных источниках неоднократно упоминаются эти «городни», но описание их отсутствует, и данные наших исследований позволили составить представление об этих конструкциях. Помимо этого в ходе раскопок получен весьма представительный материал по истории города, хозяйственным занятиям жителей, их быту и духовной культуре. Особенно следует отметить коллекцию кожаной обуви, которая свидетельствует о развитии этого ремесла в городе в XVII в., и большое количество обрезков слюды, что также является подтверждением изготовления слюдяных стекол непосредственно в Таре.

Полученные в ходе исследований 2015 г. материалы позволили определить общее положение крепостных стен и тем самым составить более точную схему расположения основных жилищных комплексов в острожной части города. В 2016 г. планируется исследовать участок крепостной стены в районе соединения крепостных и острожных укреплений и выйти на Пятницкую башню Тарской крепости. В результате проведенных исследований предполагается воссоздать подробную схему расположения крепостных сооружений города.

Ключевые слова: Сибирь, город, Тара, крепость, архитектура, культура.

S.F. Tataurov¹, M.L. Chernaya²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,

²Tomsk State University

E-mail: TatSF2008@rambler.ru

THE “GORODNI” OF TARA (results of excavation in the center of Tara in 2015)

The article is devoted to results of archaeological study in the prison part of historical center in the town of Tara in 2015. During the excavation, we reached the fragment of the rampart in the area where the rampart and prison fortifications of the town jointed. For the first time we fixed the Tara “Gorodni” – the cribs, which have being gone to make up the rampart. Tara – the single town in Siberia, which had such construction of the walls. Written sources repeatedly mention the “Gorodnya”. But there is no description, and our studies made it possible to form the vision of these constructions. In the course of excavation, we have gotten the very representative material on the history of the town, economic activities of habitants, their household life and spiritual culture in addition to fortified constructions. Collection of the leather footwear have to be noted particularly, because it evidences about the development of this craft in the city of the 17th century. There were many fragments of mica, supported the glasses production directly within Tara. The materials received during researches of 2015 year allowed to define the general position of fortifications and, thereby, to make more exacter scheme of an arrangement of the main housing complexes in prison's part of the city. We use to research the part of rampart in the area where the rampart and prison fortifications of the city jointed, and reached the Pyatnitskaya tower of Tara fortress. As a result of this research we plan to reconstruct the detailed disposition scheme of fortress constructions in the town.

Keywords: Siberia, town, Tara, fortress, architecture, culture.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-50-00036).

В 2015 г. экспедицией Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН при участии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского и Томского государственного университета были проведены работы по исследованию острожной части города в районе ее соединения с крепостной частью. Общая площадь раскопа составила 100 м². Целью раскопок были изучение территории города, непосредственно примыкавшей к укреплениям, и, по возможности, выход к внутренней части стены. Фортификации г. Тары неоднократно упоминаются в письменных источниках по истории города, и практически во всех документах есть упоминания о «городнях», из которых и состояли тарские крепостные стены. «И от той осьмиугольной башни до... стены пять городен мерою пол 10 сажени до напольной вестовой» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1339]. Следует отметить, что этот термин при описании фортификации других русских сибирских городов не употребляется [Крадин, 1988].

Однако в действительности никакого представления об этих «городнях» нет. В 2010 г. нами была полностью раскопана одна из башен Тарской крепости, по нашим предположениям, — Княжья.

Но все попытки обнаружить рядом с ней крепостную стену не увенчались успехом. Сейчас уже можно утверждать, что башня была построена перед линией укреплений, что позволяло вести с нее не только фронтальный, но и фланговый огонь. Этот вывод исходит из расположения крепостной стены, которую мы зафиксировали в этом сезоне и которая отстоит от края террасы на несколько метров.

Крепостная стена состоит из срубов размерами примерно 3,5 × 3,5 м, выполненных из тонкоствольной сосны (см. *рисунок*). Углы срублены «в лапу» с небольшими выпусками. Конструкции отстоят друг от друга на 0,4–0,5 м. В этих промежутках с внешней и внутренней стороны врыты массивные бревна диаметром 0,5 м. По всей вероятности, эти столбы придавали срубам большую прочность и не давали им перекосяться или рассыпаться в случае большой нагрузки. В ходе раскопок предыдущих лет нами были найдены похожие художественно оформленные балясины в виде остроконечного шлема. Вероятно, и данные столбы были оформлены подобным образом. В процессе расчистки конструкций нами неоднократно фиксировались следы ремонта срубов.

Раскоп 2015 г. в Таре. На заднем плане фрагмент крепостной стены; на переднем — жилищно-хозяйственный комплекс XIX в.

В одном случае сруб был заменен полностью, но внутреннюю его стену не разобрали, а обрубili две подходящие к нему стены, оставив от них 0,1–0,2 м и тем самым дополнительно укрепив новое сооружение. В другом случае было заменено одно из бревен сруба, вероятнее всего, пришедшее в негодность. Его частично удалили и вставили на это место коротыш в виде «заплатки». В пользу того, что срубы часто ремонтировали, свидетельствует и диаметр используемой древесины – не более 0,25 м. Для сравнения: на жилищные постройки брались стволы диаметром не менее 0,4 м, а для хозяйственных нужд – не менее 0,3 м, т.е. «городни» специально рубились из тонкоствольного леса.

После того как сруб был установлен, его на определенную высоту засыпали землей и сверху устанавливали настил. Защита стрельцов осуществлялась за счет более высокой внешней стены сруба. На то, что срубы не были полностью засыпаны, указывают находки в ходе их расчистки ружейных пуль и костяного наконечника стрелы.

К сожалению, крепостная стена частично разрушена более поздними постройками, в частности погребями, которые относились к усадьбе конца XVIII – начала XIX в. Однако, с другой стороны, это позволяет нам предварительно датировать срубы временем не позднее середины XVIII в. Впоследствии, в начале XIX в., крепостная стена острога была убрана и в надлежащем состоянии поддерживалась только Тарская крепость, которая была скрыта примерно в конце первого десятилетия XIX в. Более точную датировку стен мы сможем установить после проведения дендрохронологических определений.

Помимо крепостной стены в раскопе 2015 г. был исследован жилищно-хозяйственный комплекс конца XVIII – начала XIX в., который был представлен нижними венцами дома, вымощенным двором и двумя погребями – сухим, для хранения овощей и повседневных продуктов, и ледником. Оба погреба имеют одинаковую конструкцию – срубы, опущенные на глубину 1,5–2,0 м, и дно из толстых плах. Ледник имеет под полом камеру для льда (ок. 1 м), и ее дно также покрыто плахами, т.е. общая глубина этого сооружения составила ок. 3,5 м. В 2014 г. мы представили модель реконструкции усадьбы, которая располагалась внутри крепости [Татауров, Черная, 2014]. На основании этой модели можно утверждать, что жилищно-хозяйственные комплексы в Тарской крепости и остроге имели практически идентичную планиграфию. Они отличались только размерами – усадьба в крепости

располагалась на большей площади и состояла из большего количества построек. В обоих случаях это была отгороженная от остального города прямоугольная в плане территория, содержащая полный комплекс построек, необходимых для автономного существования. Имеется несколько отличий усадьбы в остроге от крепостной – в частности, отсутствие колодца. По всей вероятности, в остроге один колодец приходился на несколько усадеб. Также необходимо отметить, что площадь острожной усадьбы значительно меньше, чем находящейся в центре города. Фактически в этом комплексе мы не имеем открытой земли – весь двор замощен и закрыт крышей. Фактически вплотную к дому располагается сооружение, относящееся к другой усадьбе. Такая теснота и была основной причиной разрушительных пожаров, которые неоднократно приводили к уничтожению значительной части (а иногда и всего) города.

Полученные в ходе раскопок археологические коллекции по целому набору предметов отличаются от обнаруженных в центре города. Прежде всего это касается монет. Как ни удивительно, но в острожной части денег терялось в несколько раз больше, чем в центре. Возможно, это связано с тем, что центральную часть города убирали дворники, которые и собирали оброненные монетки. Значительное количество монет позволило нам более точно датировать строительные горизонты, особенно для XVIII и XIX вв. Также следует отметить наличие сельскохозяйственного инвентаря – фрагментов грабель, кос-горбуш, серпов и т.д. Это говорит о том, что жители данной части города занимались обработкой земли и скотоводством. О том, что тарчане занимались другими промыслами, свидетельствуют находки рыболовных принадлежностей – поплавков, грузил и крючков; на занятия охотой указывают капканы и насторожки от ловушек на пушных зверьков. Также были найдены несколько веретен с пряслицами и деталей ткацких станков, что свидетельствует о занятии населения прядением и ткачеством. Таким образом, можно утверждать, что вся хозяйственная и ремесленная жизнь города была сосредоточена в острожной части города. В крепости находились административные здания и склады военного и торгового назначения.

Сезон 2015 г. археологических исследований в г. Таре позволил расширить наши представления о фортификационной системе города, планиграфии жилищно-хозяйственных комплексов, материальной и духовной культуре горожан. Особенно

следует выделить фиксацию острожной крепостной стены, что даст нам в дальнейшем возможность провести полномасштабные исследования этой части фортификационной системы города.

В 2016 г. планируется исследовать значительную часть крепостной стены и попытаться выйти на место еще одной башни Тарской крепости – Пятницкой. Это позволит полностью воссоздать местоположение крепостных стен г. Тары и на этой основе создать карту-схему города для конца XVII в.

Список литературы

Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. – М.: Искусство, 1988. – 142 с.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1339. Л. 1–4.

Татауров С.Ф., Черная М.П. Усадьба на территории Тарской крепости: Итоги исследований 2011–2014 гг. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 288–291.

References

Kradin N.P. Russkoe derevyannoe oboronnoe zodchestvo. M.: Iskusstvo, 1988. 142 pp. (In Russ.).

RGADA. F. 214. Op. 1. D. 1339. L. 1–4. (In Russ.).

Tataurov S.F., Chernaya M.P. Usad'ba na territorii Tarskoy kreposti: Itogi issledovaniy 2011–2014 gg. // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. XX. Pp. 288–291. (In Russ.).

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОГО КОМПЛЕКСА XVII–XIX ВЕКОВ АНАНЬИНО I В 2015 ГОДУ

В статье представлены результаты раскопок 2015 г. на русском поселении XVII–XIX вв. Ананьино I, которое автор исследует с 2005 г. В ходе работ на основе построения ландшафтной модели памятника с помощью беспилотного летательного аппарата и археологических исследований были определены границы поселения и его площадь. Границы памятника маркирует высокая трава, преимущественно крапива и конопля. Благоприятные условия произрастания этих растений зависят от плодородности почвы, каковой в данном случае выступает культурный слой, состоящий из перегноя и навоза. На памятнике было заложено два раскопа. Первый раскоп, больший по площади, позволил выявить северо-восточную границу поселения. Находки представлены рыболовным инвентарем, бытовыми предметами, керамикой, костями животных; зафиксированы кирпичи с клеймами, которые можно датировать XIX в. Второй, меньший раскоп, разбитый посередине поселения, выявил артефакты, относящиеся ко второй половине XVII – XVIII в. Из находок представлены рыболовный инвентарь, в т. ч. комплект рыболовных крючков вместе с грузилом, орудие деревообработки, сапожная подкова. На базе экспедиции прошла международная полевая научная школа для молодежи. Продолжена работа над ландшафтной моделью территории, окружающей поселение, взяты образцы для построения хронологической шкалы по живым деревьям. Проведена разведка местонахождения мельницы, которая упоминается в письменных источниках.

Ключевые слова: археологические памятники, русские, раскопки, ландшафтная модель, границы памятника, датировки.

L.V. Tataurova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: Li-sa65@mail.ru

INVESTIGATION OF ANANJINO 1 THE RUSSIAN COMPLEX OF 17th – 19th CENTURIES IN 2015

The article presents the results of the excavations in the Ananjino 1 the Russian settlement of XVII–XIX centuries in 2015. Author explores this site since 2005. During the investigation, we identified the borders of the settlement and its area based on the landscape model, constructed with the use of air drone and data of archaeological studies. The high grass, especially the nettle and hemp, marks the boundaries of the sites. Supportive environment, needed for vegetation of these plants, depends on the soil fertility – the cultural layer, consisting of humus and manure in this case. Two excavation areas were organized at the site. The first larger excavation area permitted to reveal the north eastern boundary of the settlement. The findings are presented by fishery equipment, household items; pottery, animal bones. Also, we fixed the bricks with the stamps, which can be dated to the 19th century. A second excavation area, smaller in size, organized in the center of the settlement, revealed the artifacts, related to to the second half of 16th – 18th centuries. The findings are presented by fishery equipment, including a kit of fishing hooks with a sinker, a tool for woodworking, boot-shoe. We had organized international scientific field school on the basis of expedition. We continued the landscape modeling of the territory, surrounded the settlement, sampled from the living trees to construct a chronological scale. We have surveyed the mill, which had been noted in the written sources.

Keywords: archaeological sites, Russians, excavation, landscape modeling, borders of the site, dates.

В 2015 г. Изюмской археологической экспедицией под руководством автора было продолжено комплексное изучение археологического комплекса Ананьино I, расположенного на берегу

одноименного озера в Тарском р-не Омской обл. (открытый лист № 658). Деревня Ананьино была основана русскими стрельцами и казаками из «Тарского города» в начале XVII в., а закон-

чила свою историю в конце XIX в. [Будинский, 1999, с. 153; Татаурова, Крих, 2015, с. 480–481]. Раскопками предыдущих лет в юго-западной части памятника было исследовано пять жилищных комплексов, представленных избами-связями, построена ландшафтная модель памятника [Татаурова, Быков, Макаров, Орлов, 2014; Быков, Татаурова, Орлов и др., 2015]. Комплексность исследований в 2015 г. заключалась в продолжении работ по построению хронологической шкалы по живым деревьям для дендродатирования; сбору материалов для создания ландшафтной модели территории, окружающей поселение; проведении разведки по поиску на Пятой речке местонахождения мельницы, упоминание о которой есть в архивных документах [Татаурова, Крих, 2015, с. 480–481], но обнаружить ее следы пока не удалось.

В 2015 г. на базе экспедиции прошла IV Международная полевая научная школа для молодежи «Междисциплинарные исследования в археологии: антропология и генетика человека, этнология, дендрохронология, геодезическое обеспечение», которая собрала более 60 участников из Польши, Казахстана, Белоруссии, России.

Раскопанные в 2005, 2010–2014 гг. объекты относятся к середине и второй половине XVIII в. Они расположены на юго-западном краю деревни, ограниченном ручьем, за которым было кладбище, а с северо-запада – берегом озера. Однако осталась неясной северо-восточная граница поселения. На ландшафтной модели памятника, сделанной с помощью беспилотника, видно, что участок берега озера, где была построена деревня, у леса покрыт луговой травой, а у кромки берега – высокой коноплей и крапивой (см. *рисунок*). Было высказано предположение, что именно эта растительность маркирует наличие представленного перепревшим навозом культурного слоя, мощность которого достигает 60–80 см. Поэтому целей археологических исследований 2015 г. было две: выяснение северо-восточной границы поселения и определение датировки выявленных объектов; получение датировочных материалов в центральной части памятника. Для достижения поставленных целей было заложено два раскопа, привязанных друг к другу и к исследованной ранее площади в юго-западной части поселения, зафиксированы их координаты с помощью Глобальной навигационной спутниковой системы (ГНСС).

Ландшафтная модель археологического комплекса Ананьино I.

Первый раскоп заложен на северо-восточной окраине памятника, заросшей высокой травой. Чтобы выявить начало формирования культурного слоя, в раскоп, площадь которого составила 200 м², был включен небольшой участок с луговой растительностью.

В процессе раскопок выяснилось, что на участке с луговой растительностью в северо-восточной части раскопа культурного слоя под дерном не оказалось. Он появляется там, где начинается высокая трава. Однако в целом в этой части памятника он оказался небольшой мощности и слабо насыщен артефактами, которые обычно бывают массовыми (керамика, кости животных). Немного было зафиксировано и индивидуальных находок, всего 31, в т. ч. кованые гвозди, глиняные грузила разных форм, нателный медный крест, железные ножи, каменный оселок.

Из объектов на исследованной площади обнаружены остатки частокола, ориентированного по линии СВ – ЮЗ в юго-восточной половине раскопа, и скопление кирпича – в северо-западной. Кирпичи были сделаны вручную, о чем свидетельствует то, что в глиняном тесте присутствуют искусственные добавки довольно крупных включений шамота и песка; следы формовки в виде слоев глины, которые закладывали в форму, вероятно, с промежутками во времени, поэтому кирпичи развалились по этим стыкам; некачественный обжиг. Несколько кирпичей имели выпуклое клеймо в виде букв «ПК».

Анализ материалов раскопанной северо-восточной части памятника показал, что это был действительно край деревни, который, скорее всего, относится к XIX в. На это указывает находка клейменных кирпичей, хотя их назначение из контекста раскопа пока неясно. Кирпичи могли быть привезены в д. Ананьино из с. Екатерининское (Тарский р-н Омской обл.), которое расположено в 8 км от деревни. В 1813 г. здесь были построены «кирпичные сараи» при Екатерининском винокуренном заводе (основан в 1789 г.) и налажено кирпичное производство [Климова, 1993, с. 45]. Зафиксированные клейма нуждаются в исследовании, так как среди клейм на кирпичах из г. Тары такие не встречены [Порох, 2011].

Второй раскоп был заложен в 168,4 м к юго-западу от северо-восточной границы памятника. Площадь его составила 36 м².

В культурном слое зафиксирован массовый материал: керамика, кости животных, фрагменты стекла и фарфора, 26 индивидуальных находок – удила, глиняные грузила, в т. ч. одно вместе с четырьмя рыболовными крючками, железная сапожная подковка, железное тесло для обработки

дерева. Из объектов зафиксированы угол сруба, уходящий за пределы раскопа, и четыре столба, ограничивающие пространство ок. 4 м². Эту часть памятника, как и раскопанные ранее в юго-западном краю деревни объекты, по находкам китайского фарфора предварительно можно датировать второй половиной XVII – XVIII в.

Подводя итог, можно сказать, что поставленные цели были достигнуты. Определена северо-восточная граница памятника, хотя необходимо продолжить изучение центральной части поселения для выявления жилищных и хозяйственных комплексов и получения более точных дат их функционирования. По ландшафтной модели памятника, сделанной с беспилотного летательного аппарата, стало возможным определить площадь деревни, которая составила ок. 16 га. Подтвердилось и предположение о том, что специфическая растительность (крапива, конопля) может служить маркером культурного слоя на русских памятниках Нового времени. Такой же видовой состав растений зафиксирован и на других сельских комплексах XVII–XIX вв. в Омском Прииртышье – Изюк I (Большереченский р-н Омской обл.) и Бергамакский острог (Муромцевский р-н Омской обл.), которые ранее были исследованы автором. Этому есть и научное объяснение. Крапива коноплевидная требовательна к условиям произрастания. Хорошо растет она на плодородных почвах. Памятники, оставленные русским населением, которое содержало скот, как правило, имеют культурный слой, состоящий из перегноя. Кроме того, крапиву выращивали для получения растительного волокна, из которого ткали холсты [Глушкова, 2008]. После прекращения функционирования поселения растение одичало и, благодаря хорошей почве, заняло территорию деревни [Корона, Татаурова, 2011].

Список литературы

Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – Т. 1. – 328 с.

Быков Л.В., Татаурова Л.В., Орлов П.В., Анисимов А.Е., Бартенев С.В., Полухин Р.Л. Геодезические работы на археологическом памятнике XVII–XVIII века «Ананьино» // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2015. – Новосибирск: СГГА, 2015. – С. 64–68.

Глушкова Т.Н. Ткани XVII века из русских могильников Изюк I и Ананьино I // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Апелсин, 2008. – С. 326–333.

Климова Н.Ф. Екатерининский винокуренный завод // Изв. Ом. гос. ист.-краевед. музея. – Омск: ОГИКМ, 1993. – № 2. – С. 45–53.

Корона О.М., Татаурова Л.В. Хозяйственная деятельность населения русских памятников Омского Прииртышья по карпологическим данным // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск: Ом. ин-т (филиал) РГТЭУ, 2011. – С. 323–333.

Порох М.И. Тарский кирпич XVIII – начала XX в. (по результатам археологических исследований и визуального осмотра кладок зданий) // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. – Омск: Ом. ин-т (филиал) РГТЭУ, 2011. – С. 217–223.

Татаурова Л.В., Крих А.А. Система жизнеобеспечения сибирской деревни Ананьино в XVII–XVIII вв. (по археологическим и письменным источникам) // Былые годы. – 2015. – № 37, вып. 3. – С. 479–490.

Татаурова Л.В., Быков Л.В., Макаров А.П., Орлов П.В. Междисциплинарные исследования русского комплекса XVIII века Ананьино I в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 195–199.

References

Butsin'skiy P.N. Zasel'eniye Sibiri i byt pervykh eyo nasel'nikov. Tyumen': Izd-vo Yu. Mandriki, 1999. Vol. 1. 328 pp. (In Russ.).

Bykov L.V., Tataurova L.V., Orlov P.V., Anisimov A.E., Bartenev S.V., Polukhin R.L. Geodezicheskie raboty na arkheologicheskom pamyatnike XVII–XVIII veka

«Anan'ino» // Interekspo GEO-Sibir'-2015. Novosibirsk: SGGA, 2015. Pp. 64–68. (In Russ.).

Glushkova T.N. Tkani XVII veka iz russkikh mogil'nikov Izyuk I i Anan'ino I // Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh. Omsk: Apel'sin, 2008. Pp. 326–333. (In Russ.).

Klimova N.F. Ekaterininskiy vinokurennyy zavod // Izv. Om. gos. ist.-kraeved. muzeya. Omsk: OGIKM, 1993. No. 2. Pp. 45–53. (In Russ.).

Korona O.M., Tataurova L.V. Khozyaystvennaya deyatel'nost' naseleniya russkikh pamyatnikov Omskogo Priirtysh'ya po karpologicheskim dannym // Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii. Omsk: Om. in-t (filial) RGTEU, 2011. Pp. 323–333. (In Russ.).

Porokh M.I. Tarskiy kirpich XVIII – nachala XX v. (po rezul'tatam arkheologicheskikh issledovaniy i vizual'nogo osmotra kladok zdaniy) // Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii. Omsk: Om. in-t (filial) RGTEU, 2011. Pp. 217–223. (In Russ.).

Tataurova L.V., Bykov L.V., Makarov A.P., Orlov P.V. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya russkogo kompleksa XVIII veka Anan'ino-I v 2014 godu // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy: Novosibirsk, Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. XX. Pp. 195–199. (In Russ.).

Tataurova L.V., Krikh A.A. Sistema zhizneobespecheniya sibirskoy derevni Anan'ino v XVII–XVIII vv. (po arkheologicheskim i pis'mennym istochnikam) // Bylye gody. 2015. No. 37, Iss. 3. Pp. 479–490. (In Russ.).

К.Н. Тихомиров

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: ktikhomirov@gmail.com

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КУЛЬТУРЕ ТЮРКИЗИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОТАЕЖНОЙ ЗОНЫ СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ (XVI–XVIII ВЕКА)*

В статье представлены результаты исследований на грунтовом могильнике Сеитово IV в Тарском р-не и поселении Бергамак III в Муромцевском р-не Омской обл. Аварийно-спасательные работы на могильнике выявили три могилы и дали материалы погребального обряда тюркизированного населения, хоронившего здесь своих умерших в XVI–XVIII вв. Проведенные в 2015 г. работы позволили завершить исследование группы из трех могил (одной из которых явилась могила I, исследованная в 2013 г.). Данный комплекс датирован по найденным в 2013 г. московским монетам 1533–1547 гг., бронзовому перстню с изображением кентавра и бляхе с Георгием Победоносцем, поражающим змея. Перстень и бляха позволяют установить верхнюю границу существования могильника – середина XVIII в. Полученные материалы дают представление о погребальном обряде предков аялынской группы тарских татар указанного времени.

Одним из объектов работ по изучению материальной культуры предков аялынской группы тарских татар стала производственная площадка поселения Бергамак III, где в XVI–XVIII вв. проживало тюркизированное население. В 2015 г. раскапывалась техническая площадка, связанная с производством металла. Об этом свидетельствуют находки большого количества металлического шлака, обломков льячика, мелких металлических капель, крицы, на раскопанной площади отмечались следы термического воздействия разной интенсивности, спеченной глины. Наиболее достоверно данная часть интерпретируется как продолжение промышленной части поселения, раскопки которого ведутся с 1993 г.

Ключевые слова: предки тарских татар, аялынские татары XVI–XVIII вв., археология, погребальный обряд, производство металла.

K.N. Tikhomirov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: ktikhomirov@gmail.com

THE NEW DATA FOR CULTURE OF TURKICIZED POPULATION IN THE SOUTH TAIGA ZONE OF MIDDLE IRTYSH REGION (16th – 18th CENTURIES)

The article presents the result of investigation at the Seitovo 4 the ground burial complex in the Tarsk district and Bergamak 3 the settlement in the Muromtsevo district of Omsk Region. Rescue work at the burial ground educed 3 graves and gave the material of burial rite of the Turkicized population, who buried their decedents here in 16th – 18th centuries. Conducted in 2015, the work made it possible to finish the study of the groups of burials, which included three graves (one of them was a grave 1, investigated in 2013). This complex is dated by the Moscow coins of 1533–1547, found in 2013, the bronze signet ring with the image of a centaur and a plate with St. George the Conqueror, slaying the dragon. Signet ring and plate permit to relate the upper border of the existence of burial ground to the middle of the 18th century. These materials give the visions of the burial rite, which exist among the ancestors of Ayalynskaya group of Tara Tatars, lived in that time. We studied one more object of material culture, left behind by ancestors of Ayalynskaya group of Tara Tatars – the production area at the Bergamak 3 the settlement, where the turkicized people had lived during 16th – 18th centuries. In above-noted year the technical area was being excavated, which was associated with metal fabrication. It is evidenced by the findings of a large amount of metal slag, fragments of smelting ladle, small metal droplets, iron balls. We retraced the thermal effects of varying intensity, sintered clay on the excavated area. This part is most confidently interpreted as a continuation of the industrial part of the settlement, which have been excavated since 1993.

Keywords: ancestors of Tara Tatars, Ayalynskie tatars of 16th–18th centuries, archaeology, burial rite, metal fabrication.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

В течение 2015 г. были проведены работы на грунтовом могильнике Сеитово IV и поселении Бергамак III, расположенных в Тарском и Муромцевском р-нах Омской обл. Результатом исследований стало получение материалов о погребальном обряде и некоторых аспектах производственной деятельности группы предков тарских (аялыньских) татар в XVI–XVII вв.

Грунтовый могильник Сеитово IV расположен на правом берегу р. Иртыш между устьями рек Тара и Уй, на южной окраине д. Сеитово. В настоящее время могильник практически уничтожен хозяйственной деятельностью жителей деревни. С целью продолжения начатых в 2013 г. аварийно-спасательных работ на могильнике с южной и западной стороны был прирезан раскоп площадью 119 м². На указанной площади зафиксированы три могилы. Обряд погребения во всех могилах был одинаков: труположение вытянутое на спине, головой на ЗСЗ. В могиле 2 находились два медных наконечника стрел, выполненных на пластинках толщиной 5 мм. Один из них – одношпильный с отверстием в средней части, второй – вильчатый, с остатками деревянного насада. Кроме этих стрел у левого бедра погребенного находилось компактное скопление металлических и костяных наконечников стрел. Возможно, это была связка стрел. Также в могиле обнаружены железный проушный плоскообушный топор без бородки с треугольным проухом (у костей левой ступни, почти касаясь их), лезвием направленный к костям, железный нож (с правой стороны пояса) и железное пластинчатое кресало (под левым локтем).

В могиле 3 у костей левой ступни также был найден железный проушный плоскообушный топор. Обухом он был прислонен к стенке могилы, лезвие уходило под кости ступни и упиралось в дно ямы. Кроме него были обнаружены железный нож у пояса с правой стороны и два железных плоских ромбических наконечника стрел. Один из них, секторовидный, стоял у костей правой ступни, практически вертикально, острием в дно, а насадом опирался на стенку могилы. Второй, ромбический с вогнутыми плечиками, также лежал наклонно, острием к костям ступней в торце могильной ямы. Кроме того, в могиле с левой стороны от пояса погребенного было обнаружено скопление из четырех камней, предназначение которых осталось неизвестным.

Могила 2 и 3 образовывали группу с могилой 1 (раскопана в 2013 г. [Тихомиров, 2013, с. 346]). Полное количество могил в группе неизвестно, так как она частично разрушена карьером. Указанная группа имела свои отличительные черты. Могила находилась на приподнятой площадке,

выделявшейся своим цветом. Комплекс окружала единая система ровиков, образованная путем прирезки к уже существующей. Могильные пятна этой группы могил одинаковые – светло-серый суглинок, окаймленный узкой полосой черно-коричневого суглинка. Погребальный инвентарь могил находит аналогии среди комплексов туранского населения Западной Сибири эпохи позднего Средневековья.

Могила 4 находилась в стороне от указанного комплекса. Пятно на материке было заполнено коричнево-черным суглинком, что отличает ее от группы могил 1–3. Инвентаря в ней не обнаружено.

Вызывает интерес и находка на территории могильника в южной части раскопа орнитоморфной бронзовой полой подвески. Аналоги ей находятся в материалах X–XIII вв. (усть-ишимская культура). Ближайшие аналоги встречаются среди материалов курганного могильника Аргаиз I в Знаменском и могильника Имшегал в Тарском р-нах Омской обл. [Конилов, 2007, с. 457, рис. 288–292]. Отнести эту находку к какому-либо объекту на могильнике проблематично, так как она найдена в пахотном слое.

Датировка могильника не противоречит приведенной ранее [Тихомиров, 2013, с. 347] и находится в пределах XVI–XVIII вв. Предварительно указанный могильник можно отнести к археологическим памятникам, оставленным предками одной из групп тарских татар – айлыньских татар. В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что на картах С.У. Ремезова здесь указаны поселения, над обозначениями которых написано «аялыньцы» [Хорографическая чертежная книга..., 2011, л. 92]. В настоящее время, по мнению Н.А. Томилова, указанная территория входит в ареал освоения айлыньских татар [Томилов, 1980, с. 137–138].

Одним из направлений деятельности стало исследование поселения аялыньской группы тарских татар Бергамак III. Указанное поселение располагалось на правом берегу р. Тара в 80 км от ее устья и в 4 км от с. Бергамак Муромцевского р-на Омской обл. Данное поселение уже исследовалось в 1991, 1993, 1996 и 1997 гг. С.С. Тихоновым и С.Ф. Татауровым, в результате чего были получены данные о материальной культуре населения низовьев р. Тара эпохи позднего Средневековья [Археологическая карта..., 2000, с. 35]. Работы 2015 г. явились продолжением начатых автором в 2009, 2011 гг. на поселении Бергамак XX [Тихомиров, 2014, с. 115] и проводились с целью выяснения соотношения этих двух памятников и исследования хозяйственной деятельности населения низовьев р. Тара в XVII–XVIII вв. В результате раскопа, прирезанного к северной стенке раскопа

1997 г. на площади 68 м², были получены новые данные о быте предков тарских татар. Наиболее обоснованно часть поселения, которая попала в раскоп, можно интерпретировать как производственную площадку. Об этом свидетельствует то, что в раскоп не попало ни одного элемента производственных или жилищных построек. Этот факт примечателен тем, что в то же время зафиксировано несколько прокалов. О предназначении площадки свидетельствует и состав коллекции. Большую ее часть составляет керамика – орнаментированная таежного типа и неорнаментированная, аналогичная керамике «русского» производства. При этом не обнаружено ни одного развала сосуда. На площади раскопа встречались куски спеченного грунта, металлический шлак, крица. Планиграфия раскопа фиксировала многочисленные следы термического воздействия на грунт – как на значительной площади, так и компактные прокалы. О функциональной направленности площадки может свидетельствовать и находка льячика, оплавленного изнутри. Кроме того, на поселении найдены несколько железных ножей, металлические наконечники стрел, кованые гвозди, шилья.

Датировка и культурная принадлежность поселения определяется по составу керамики. Так, в коллекции присутствует и традиционная для Среднего Прииртышья таежная керамика XVI–XVIII вв., и купленная у русских или произведенная по их образцам примерно в равном соотношении. К первой следует отнести фрагменты круглодонных сосудов, орнаментированных концом палочки, оставившей каплевидные отпечатки. Ко второй – лепные неорнаментированные плоскодонные толстостенные сосуды. Это свидетельство контактов с подданными Московского царства. Граничащее с Бергамаком III поселение Бергамак XX в своих материалах содержит керамику, аналогичную описанной выше орнаментированной, а также более раннюю. Лепной плоскодонной керамики, получившей широкое распространение с освоением этих территорий пришельцами с европейской части России, на поселении нет, что доказывает его более ранний возраст.

Таким образом, работы 2015 г. позволили получить больше сведений о погребальном обряде и производственной деятельности аялынской группы тарских татар в период начала их контакта

с подданными Московского царства, что будет способствовать лучшему пониманию этнокультурных процессов, проходивших на данной территории.

Список литературы

Археологическая карта Муромцевского района Омской области. – Омск: Омск. гос. ун-т, 2000. – 132 с.

Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитии средневековья. – Омск: Изд. ОмГПУ; Издат. дом «Наука», 2007. – 466 с.

Тихомиров К.Н. Новые памятники коренного населения Среднего Прииртышья XVI–XVIII веков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 345–350.

Тихомиров К.Н. Новые материалы о строительстве у населения северных районов Среднего Прииртышья XVII–XVIII вв. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Мат-лы II Всерос. науч. конф. (Курган, 17–18 апр. 2014 г.). – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. – С. 115–117.

Томилов Н.А. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI – первой четверти XIX в. – Томск: Изд-во ТГУ, 1980. – 276 с.

Хорографическая чертежная книга С.У. Ремезова. – Тобольск, 2011. – 629 с.

References

Arkheologicheskaya karta Muromtsevskogo rayona Omskoy oblasti. Omsk: Om. gos. un-t, 2000. 132 pp. (In Russ.).

Khorograficheskaya chertezhnaya kniga S.U. Remezova. Tobol'sk, 2011. 629 pp. (In Russ.).

Konikov B.A. Omskoe Priirtysh'e v rannem i razvitom srednevekov'e. Omsk: Izd. OmGPU; Izdat. dom "Nauka", 2007. 466 pp. (In Russ.).

Tikhomirov K.N. Novye pamyatniki korennoho naseleniya Srednego Priirtysh'ya XVI–XVIII vekov // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2013. Vol. XIX. Pp. 345–350. (In Russ.).

Tikhomirov K.N. Novye materialy o stroitel'stve u naseleniya severnykh rayonov Srednego Priirtysh'ya XVII–XVIII vv. // Istoriya, ekonomika i kul'tura srednevekovykh tyurko-tatarskikh gosudarstv Zapadnoy Sibiri: Materialy II Vseros. nauch. konf. (Kurgan, 17–18 apr. 2014 g.). Kurgan: Izd-vo Kurgan. gos. un-ta, 2014. Pp. 115–117. (In Russ.).

Tomilov N.A. Tyurkoyazychnoe naselenie Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XVI – pervoy chetverti XIX v. Tomsk: Izd-vo TGU, 1980. 276 pp. (In Russ.).

С.С. Тихонов

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: st-57@mail.ru

АРХЕОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЪЕКТЫ ТАРЫ И ИХ КАРТОГРАФИРОВАНИЕ

В ходе раскопок Тарской крепости, ведущихся сотрудниками Омского филиала ИАЭТ СО РАН с 2007 г. по настоящее время, были получены материалы, которые позволяют осветить ряд вопросов, связанных с культурой первых русских сибиряков конца XVI – XVIII вв., а также разные аспекты их хозяйственной, политической, торговой и иной деятельности.

В данной работе рассмотрена возможность нанесения археолого-исторических комплексов, изученных в Таре, на современные карты. В дальнейшем это позволит корректно сопоставлять современную карту Тары с чертежами начала XVIII в. и историческими картами и планами города XVIII–XIX вв., что поможет выбирать места, перспективные для раскопок, и правильно интерпретировать изученные при раскопках объекты.

Автор статьи проанализировал места расположения исторических объектов г. Тары на современной карте и предварительно обозначил на ней территорию Тарской крепости, часть крепостных сооружений которой найдена. Как и предполагалось, в целом она соотносится с пл. Ленина, захватывая места расположения купеческих домов XIX в. С расположением Тарской крепости хорошо коррелируются Никольская церковь, мост через р. Аркарка и начало Старой Екатерининской дороги, а также Бухарская слобода, некоторые улицы и дороги.

Дальнейшее развитие исследований мы видим в широком применении архивных материалов, содержащих описания Тары, а также в анализе картографических материалов XVIII–XIX вв. В основе методики лежит сопоставление базовых точек на картах и планах разного времени, приведение их к одному масштабу и ориентации, что апробировано при изучении Первой Омской крепости.

Ключевые слова: Тара, русские, археолого-исторические объекты, картографирование, первые сибирские города.

S.S. Tikhonov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: st-57@mail.ru

ARCHAEOLOGICAL AND HISTORICAL OBJECTS OF TARA TOWN AND THEIR MAPPING

In a course of Tara fortress investigation team of Omsk department of IAET SB RAS get materials which allow to study a set of questions associated with a culture of the first Russian Siberians of XVI–XVIII centuries, as well as different aspects of their economic, political, commercial activity and etc.

This article considers the opportunity to refer to up-to-date maps the studied archaeological and historical Tara complexes. In future, it will allow to compare the up-to-date map of Tara town with plots of the early XVIII century and historical and urban maps of XVIII–XIX centuries and to interpret the function of studied excavated object correctly.

The author had analyzed where the historical objects are situated on the up-to-date map and previously mapped on it the territory of Tara fort, whose constructions were found partly. As expected totally it is relevant to Lenin Square including the placements of merchant houses of XIX century. Nikolsky church, the bridge across the Arkarka River and outset of the Old Catherine road as well as Bokharan quarter, some streets and roads bear a relationship to Tara fortress position.

The author gears the further development to wide use of archive recording contained Tara description and analysis of the cartographical materials of XVIII–XIX centuries. This method is based on correlation of the reference points on the asynchronous maps and plots, scaled down and oriented equally, and was tested during the First Omsk fortress study.

Keywords: Tara, Russian archaeological and historical objects, mapping, first Siberian towns.

В 2007 г. сотрудники сектора археологии Омского филиала ИАЭТ СО РАН начали раскопки на территории Тарской крепости, общее руководство которыми осуществляет С.Ф. Татауров. За годы исследований в раскопах были найдены остатки крепостных и жилых сооружений, хозяйственных построек, мостовых. В культурном слое обнаружены сотни предметов из дерева (детские игрушки, крышки, днища и клепки бочек и ушагов, чашки), бересты (поплавки на сети, туеса, детали обуви), кожи (обувь, чехлы для оружия и компаса, ножны), металла (ножи, наконечники стрел, гвозди), глины (грузила, детские игрушки) и многочисленные фрагменты керамической посуды (корчаг, крынок, чашек, блюдец, сковород и т.д.). Великолепной сохранности деревянных сооружений и предметов из органики способствовал мощный (до 4 м) слой влажной щепы и навоза. Материалы раскопок ежегодно вводились в научный оборот [Татауров, 2009–2011, 2013; Татауров, Черная, 2012, 2014]. В 2014 г. вышло несколько монографий, в которых были проанализированы некоторые результаты раскопок Тарской крепости [Алисов, Гончаров, Ивошин и др., 2014; Алферов, Алферова, Кудряшова, Татауров, 2014; Бережнова, Корусенко, Матвеев и др., 2014; Татаурова, Татауров С.Ф., Татауров Ф.С. и др., 2014]. Мы полагаем, что Тарская крепость становится одним из опорных археологических памятников при изучении вопросов освоения русскими Западной Сибири, материальной культуры первых сибиряков, механизмов их взаимодействия с аборигенами и т.д.

В настоящее время накоплены сведения, которые позволяют начать работы по реконструкции планировки Тары в разное время ее существования и показать места расположения археолого-исторических объектов на современных картах. Это даст возможность предварительно определить точки, где находятся пока не изученные объекты, а также с большей степенью достоверности интерпретировать изученные.

Раскопы в Таре располагались в разных местах, но преимущественно на территории Тарской крепости. Сейчас это место занимает площадь Ленина. На краю площади, который ближе к террасе, находятся здания гостиницы «Иртыш», районного суда, районной администрации, узла связи, почты и КДЦ «Север». По другую сторону площади стоят бывшие купеческие дома, которые в наши дни занимают РОВД, военкомат, аптека, музей, типография, редакция газеты, отдел архитектуры районной администрации и др. Сама площадь заасфальтирована, на ней имеются газоны. Неза-

строенные участки, пригодные для раскопок, имеются между террасой и административными зданиями, на газонах и во дворах купеческих домов (см. *рисунок*).

Можно выделить археолого-исторические объекты нескольких категорий.

Крепостные сооружения. К их числу, бесспорно, относятся раскопанные в 2009–2010 гг. нижние венцы восьмиугольной башни, носившей название «Княжья». Имеется устное сообщение о том, что во дворе дома на пл. Ленина 4/2 (угол ул. Дзержинского), где ныне находится церковная обитель, при копке ямы нашли остатки бревен сруба шести-или восьмиугольной формы, возможно, еще одной башни. В 2015 г. в раскопе на краю террасы близ Успенской улицы были расчищены срубы, которые могут быть городнями крепостной стены.

Церкви. Единственное сохранившееся церковное здание в Таре – это Спасская церковь (угол ул. Спасской и Карбышева), начало строительства которой относится к 1753 г. В 2010 г. был обнаружен фундамент Никольского собора, заложенного в 1771 г. (начало ул. Советской). В 2009 г. в разведочном шурфе найдены остатки фундамента Тихвинской церкви (1784 г.) на бывшем Тихвинском кладбище (ныне Комсомольский парк). Имеются сведения о местах расположения Казанской церкви и Успенского собора, но археологически они не обследованы.

Кладбища. При раскопках в разные годы в пяти местах были найдены погребения русских: возле Спасской церкви, Никольского собора, близ Княжьей башни, во дворах узла связи и почты. Наличие прицерковных кладбищ не вызывает удивления. Можно предположить, что погребения близ Княжьей башни могли относиться к Успенской церкви. Однако погребения во дворах узла связи и почты свидетельствуют о том, что были и другие кладбища. По словам местных жителей, постоянно посещавших раскопки, в 1970-х гг. при ведении земляных работ неоднократно находили погребения в колодах на пл. Ленина близ купеческих домов и по ул. Карбышева.

Дороги и улицы. Основанием для отождествления старых улиц и дорог с современными является то обстоятельство, что природно-географическая ситуация в болотистой таежной и северной лесостепной местности ограничивает возможности прокладки множества путей [Бережнова, Корусенко, Матвеев и др., 2014, с. 60]. Кроме того, известны сети путей сообщения, которые существуют столетиями и тысячелетиями. Это дороги Персии, Рима, государства инков, сохранившиеся до наших дней и до сих пор используемые.

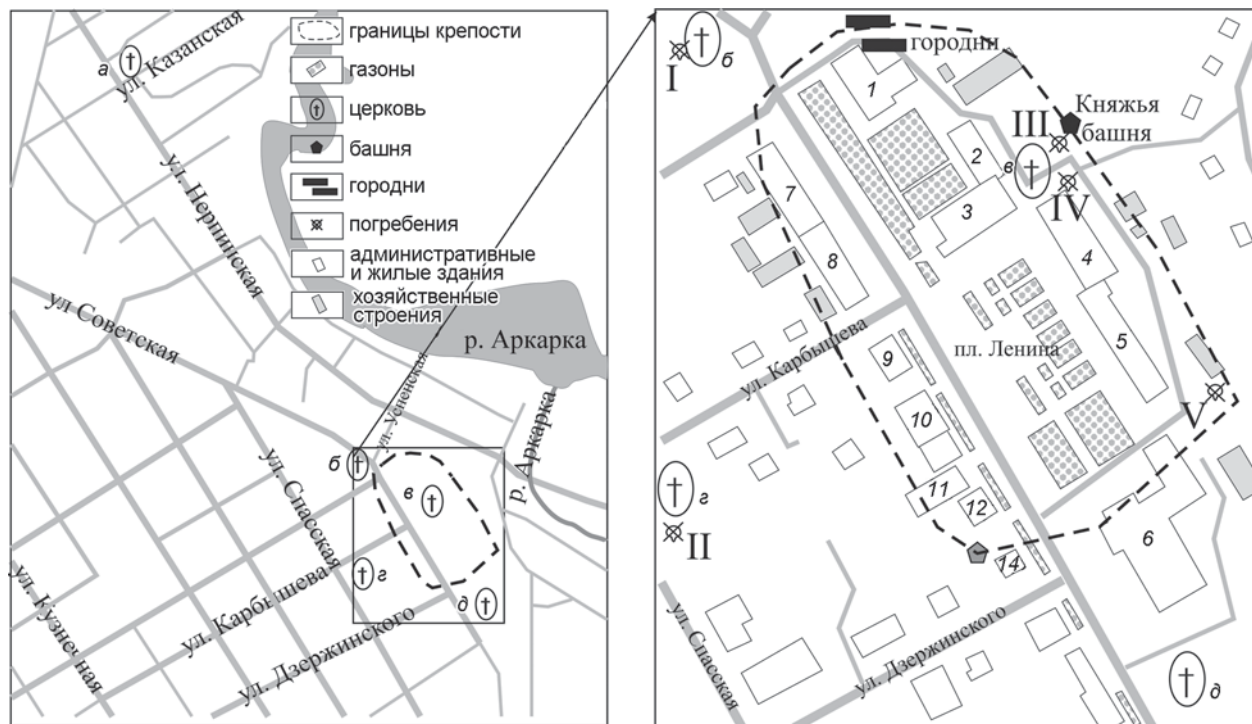

Схема расположения археолого-исторических объектов в г. Тара.

Церкви: а – Казанская; б – Никольская; в – Успенская; г – Спасская; д – Пятницкая.

Кладбища: I – у Никольской церкви; II – у Спасской церкви; III – у Успенской церкви; IV – во дворе узла связи; V – во дворе почты.

Административные здания: 1 – гостиница «Иртыш»; 2 – районный суд; 3 – районная администрация; 4 – узел связи; 5 – почта; 6 – КДЦ «Север»; 7 – райотдел УВД; 8 – военкомат; 9 – аптека; 10 – краеведческий музей; 11 – типография; 12 – редакция районной газеты; 13 – отдел архитектуры районной администрации.

На всех старых картах Тары показана дорога с мостом через Аркарку, идущая из крепости на восток к Иртышу и являющаяся продолжением ул. Нерпинской. Она ведет к месту переправы через Иртыш возле с. Екатерининского и проходит неподалеку от часовни в пойме Иртыша. На Старой Екатерининской дороге, прекратившей активное функционирование примерно в середине – конце 1980-х гг., когда построили новую дорогу в обход болот, также имеется мост через Аркарку, и она проходит мимо места, где была часовня. Возможно, на картах начала – середины XVIII в. была показана именно она.

Одна из улиц Тары носит название Кузнечной. На карте 1737 г. на окраине Тары обозначен ряд кузниц. Возможно, это одно и то же место.

Часть пл. Ленина является проезжей и переходит в ул. Советскую. Скорее всего, ее следует отождествить с дорогой на плане 1747 г., проходящей через всю крепость.

В любом случае есть возможность коррелировать современные и старые улицы и дороги.

Бухарская слобода. Так называли место, где останавливались караваны из Бухары. На карте С.У. Ремезова начала XVIII в. и карте 1747 г.

она была на правом берегу Аркарки. На рисунке Люрсениуса и гравюре П.А. Артемьева с рисунка И.-Х. Беркхана (1770 г.) на правом берегу Аркарки примерно в этом же месте находятся строения. В настоящее время на правом берегу речки есть только четыре жилых дома близ моста.

Места расположения описанных археолого-исторических объектов нанесены на современную карту Тары (см. рисунок). Следующий этап исследований – поиск архивных материалов с описаниями Тары и изучение всех полученных материалов.

Список литературы

Алисов Д.А., Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р., Матвеев А.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихомирова М.Н. Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. – Омск: Амфора, 2014. – 332 с.: ил.

Алферов С.А., Алферова О.А., Кудряшова Е.И., Татауров С.Ф. Храмы в крепостных стенах: конфессиональная история города Тары. – Омск: Издат. дом «Наука», 2014. – 230 с.: ил.

Бережнова М.Л., Корусенко С.Н., Матвеев А.В., Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихомиров К.Н.,

Тихонов С.С., Томилов Н.А. Этнографо-археологические комплексы народов Тарского Прииртышья: природная среда, этнос, источники. – Омск: Издат. дом «Наука», 2014. – 192 с.: ил. – (Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума; т. 13).

Татауров С.Ф. Археологические исследования исторического центра города Тара в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 396–400.

Татауров С.Ф. Археологические исследования города Тары в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 312–315.

Татауров С.Ф. Археологические исследования города Тары в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 239–242.

Татауров С.Ф. Тарский кремль (итоги исследований 2013 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 332–335.

Татауров С.Ф., Черная М.П. Археологические исследования в историческом центре города Тары в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 288–291.

Татауров С.Ф., Черная М.П. Усадьба на территории Тарской крепости: итоги исследований 2011–2014 годов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 292–294.

Татаурова Л.В., Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Тихомиров К.Н., Тихонов С.С. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI – XVIII веке (по материалам археологических исследований). – Омск: Издатель-Полиграфист, 2014. – 374 с.: ил.

sional'naya istoriya goroda Tary. Omsk: Izdat. dom «Nauka», 2014. 230 pp.: il. (In Russ.).

Alisov D.A., Goncharov Yu.M., Ivonin A.R., Matveev A.V., Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tikhomirov K.N., Tikhomirova M.N. Tara v XVI–XIX vekakh – rossiyskaya krepost' na beregu Irtysha. Omsk: Amfora, 2014. 332 pp.: il. (In Russ.).

Berezhnova M.L., Korusenko S.N., Matveev A.V., Tataurov S.F., Tataurova L.V., Tikhomirov K.N., Tikhonov S.S., Tomilov N.A. Etnografo-arkheologicheskie komplekсы narodov Tarskogo Priirtysh'ya: prirodnyaya sreda, etnos, istochniki. Omsk: Izdat. dom «Nauka», 2014. 192 pp.: il. (Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: problemy kul'tury i sotsiuma; vol. 13). (In Russ.).

Tataurov S.F. Arkheologicheskie issledovaniya istoricheskogo tsentra goroda Tara v 2009 godu // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2009. Vol. XV. Pp. 396–400. (In Russ.).

Tataurov S.F. Arkheologicheskie issledovaniya goroda Tary v 2010 godu // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2010. Vol. XVI. Pp. 312–315. (In Russ.).

Tataurov S.F. Arkheologicheskie issledovaniya goroda Tary v 2011 godu // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2011. Vol. XVII. Pp. 239–242. (In Russ.).

Tataurov S.F. Tarskiy kreml' (itogi issledovaniy 2013 goda) // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2013. Vol. XIX. Pp. 332–335. (In Russ.).

Tataurov S.F., Chernaya M.P. Arkheologicheskie issledovaniya v istoricheskom tsentre goroda Tary v 2012 godu // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2012. Vol. XVIII. Pp. 288–291. (In Russ.).

Tataurov S.F., Chernaya M.P. Usad'ba na territorii Tarskoy kreposti: itogi issledovaniy 2011–2014 godov // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. XX. Pp. 292–294. (In Russ.).

Tataurova L.V., Tataurov S.F., Tataurov F.S., Tikhomirov K.N., Tikhonov S.S. Adaptatsiya russkikh v Zapadnoy Sibiri v kontse XVI–XVIII veke (po materialam arkheologicheskikh issledovaniy). Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 2014. 374 pp.: il. (In Russ.).

References

Alferov S.A., Alferova O.A., Kudryashova E.I., Tataurov S.F. Khramy v krepostnykh stenakh: konfes-

Ю.С. Худяков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: khudjakov@mail.ru

СЛОЖНОСОСТАВНОЙ ЛУК ИЗ МОГИЛЬНИКА УЛУГ-ЧОЛТУХ В ГОРНОМ АЛТАЕ

В ходе раскопок могильника хунно-сяньбийской эпохи Улуг-Чолтух в долине р. Эдиган в Горном Алтае сотрудниками Южносибирского отряда Института археологии и этнографии СО РАН в полевом сезоне 2008 г. в мужском захоронении в кургане № 41 были обнаружены роговые накладки от сложносоставного лука, изучение которых дает возможность реконструировать форму данной находки. Среди найденных роговых деталей представлена концевая накладка на верхний конец лука. Она имеет закругленную верхнюю часть, ушко – арочный вырез для надевания петли тетивы – и приостренный нижний конец. Вторая, парная накладка на верхний конец кибити сохранилась не полностью. Накладки на нижний конец кибити лука уцелели фрагментарно. У этих накладок имеются полукруглые концы и арочный вырез для тетивы. Срединные боковые накладки лежали в могиле почти полностью. Срединная фронтальная накладка с расширенными концами состояла из двух частей. Судя по отмеченным конструктивным особенностям, изученный лук имел длинную кибить и симметричные плечи. Несмотря на то, что накладки уцелели не полностью, их сопоставление позволяет проследить развитие лука с роговыми накладками у древних кочевников Горного Алтая, которым принадлежали памятники айрыдашского типа. Луки такой конструкции были характерны для культур кочевников Средней Катунь в течение второй четверти I тыс. н.э. Судя по данной находке, древние номады Горного Алтая не только заимствовали у центрально-азиатских кочевников наиболее эффективные для того времени дальнобойные луки, но и пытались их модифицировать.

Ключевые слова: Улуг-Чолтух, Горный Алтай, древние кочевники, луки, роговые накладки, развитие.

Yu.S. Khudyakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk State University
E-mail: khudjakov@mail.ru

THE COMPLEX-COMPOSITE BOW FROM THE ULUG CHOLTUKH BURIAL GROUND IN THE MOUNTAINOUS ALTAI

The South Siberian team of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS found the antler brackets from the complex-composite bow in the male burial of the barrow №41 in the course of excavations at the Ulug Choltukh burial ground of the Xiongnu and Xianbei time in 2008. The site is situated in the Edigan River valley of Altai Mountains. These findings give an opportunity to reconstruct the shape of bow. Among them, the one is the ending bracket for the upper part of bow. It has the roundish upper limb, eyelet-arch gain for the loop of bowstring and acuminate lower limb. The second twin bracket for the upper tip of bowstave (kibit) preserved fragmentary. The brackets for the lower limb of bowstave preserved incompletely. These brackets have the roundish tips and arch gain for bowstring. The medial side-brackets laid in the grave almost entirely. The medial frontal bracket with expanded limb consisted of two part. According to denoted constructive features, this bow had an elongated bowstave and symmetric shoulders. Even though the brackets preserved incompletely, their comparison permits to retrace the development of bow with antler bracket among ancient nomads of Mountainous Altai, which left behind the sites of Airydash type. The bows of such construction were typical of nomadic culture of Middle Katun River during the second half of first millennium BC. Based upon this finding, the ancient nomads of Mountainous Altai not only adopted the effective for that time far-ranging bows from the Central Asian nomads, but also tried to modify it.

Keywords: Ulug Choltukh, Mountainous Altai, ancient nomads, bows, antler brackets, development.

Изучение луков с роговыми накладками из раскопок курганов на памятниках айрыдашского типа хунно-сяньбийской эпохи в Горном Алтае продолжается в течение нескольких последних десятилетий.

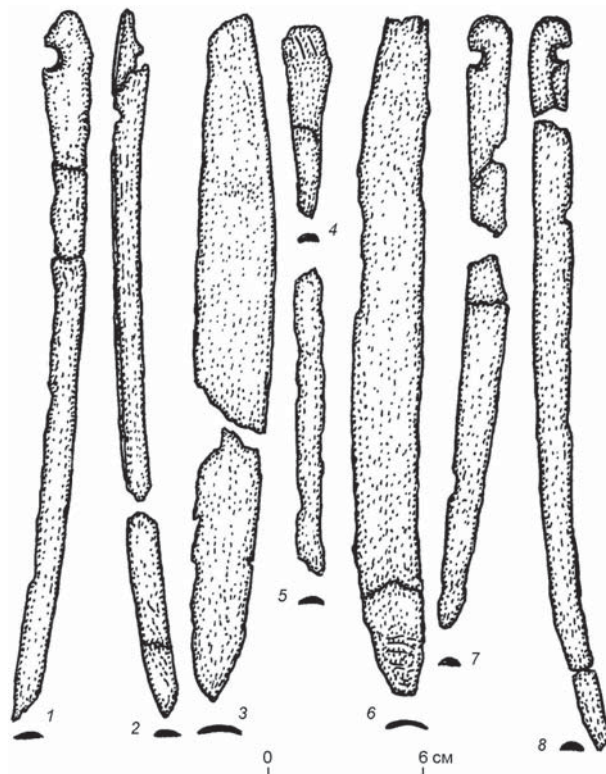
Данный тип археологических памятников был выделен в начале 1990-х гг. А.С. Суразаковым по материалам раскопок могильника Айрыдаш I, исследованного им на территории археологического микрорайона Средней Катуни в Чемальском р-не Горного Алтая. Этот исследователь предложил включить айрыдашский тип памятников в состав выделенной им кудыргинской археологической культуры [Суразаков, 1992, с. 92–97]. Однако это предложение вызвало ряд серьезных возражений у некоторых археологов, изучавших памятники первой половины I тыс. н.э. на территории Восточного Алтая [Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 32]. В последующие годы своеобразие археологических памятников айрыдашского типа было дополнено результатами раскопок на могильнике Улуг-Чолтух в долине р. Эдиган в Горном Алтае в течение первого десятилетия 2000-х гг. [Худяков, 2006, с. 104–110]. На протяжении этого периода были прослежены некоторые характерные особенности в айрыдашском комплексе оружия дистанционного боя, в т. ч. в конструкции сложносоставных луков и наборе железных и костяных наконечников стрел [Худяков, 2005, с. 47]. Однако, это направление в изучении военного дела древних кочевников хунно-сяньбийской эпохи в Горном Алтае нуждается в дальнейшей целенаправленной разработке. В этой связи должны представлять несомненный интерес результаты изучения сложносоставных луков с частично сохранившимися роговыми накладками из раскопок могильника Улуг-Чолтух, которые проводились автором настоящей статьи в предшествующие годы.

В числе находок остатков луков, обнаруженных во время раскопок могильника Улуг-Чолтух в полевом сезоне 2008 г., самостоятельный научный интерес могут представлять роговые накладки лука, обнаруженные в ходе раскопок кургана № 41. От этого лука в раскопанном погребении сохранились значительные части фрагментов от двух пар концевых накладок на верхний и нижний концы кибиты, определенные детали от пары срединных боковых накладок и фрагменты от срединной фронтальной накладки. Эти находки позволяют реконструировать первоначальную форму лука с полным набором роговых накладок.

Одна из концевых накладок на верхний конец кибиты лука сохранилась почти полностью. Это длинная, узкая, плавно изогнутая по длинной оси роговая пластина с закругленным верхним концом, полукруглым арочным вырезом – «уш-

ком» – для закрепления петли тетивы, постепенно сужающаяся к нижнему, приостроенному концу. Длина пластины – 28 см, ширина в верхней части, под «ушком» – 1,5 см, ширина в нижней части – 1 см. Она состоит из трех обломков разной длины. Вторая, парная пластина, которая также должна была крепиться к верхнему концу кибиты, разломана на четыре части. У нее полностью утрачено верхнее окончание и арочный вырез. Пластина плавно изогнута по длинной оси. Общая длина сохранившихся частей накладки – 27,7 см. Ширина пластины в верхней части – 1,4 см, в нижней части – 1 см. На внутренней поверхности пластин имеются следы косой нарезки для прочного приклеивания к деревянной основе кибиты (см. рисунок, 1, 2).

Накладки на нижний конец кибиты также сохранились фрагментарно. Одна из них состоит из четырех фрагментов, часть которых не соединяется вплотную между собой. Нижний конец накладки закруглен. На нем имеется полукруглый арочный вырез для надевания петли тетивы. Накладка плавно изогнута по длинной оси и заметно сужается к противоположному концу. Она сохранилась в длину на 22 см. Ширина накладки в области «ушка» 1,5 см, на противоположном конце – 0,7 см.

Накладки на лук из кургана № 41 в могильнике Улуг-Чолтух.

1, 2 – концевые боковые накладки на верхний конец кибиты; 3, 6 – срединные боковые накладки; 4, 5 – части срединной фронтальной накладки; 7, 8 – концевые боковые накладки на нижний конец кибиты.

Вторая накладка на нижний конец кибити также сохранилась не полностью. У нее полукруглый нижний конец и арочный вырез для тетивы. Эта часть накладки обломана. Она не соединяется вплотную с остальной частью накладки. Накладка плавно изогнута по длинной оси и плавно сужается к верхнему концу. Общая длина составленных фрагментов накладки составляет 31 см, ширина накладки в области ушка – 1,5 см, на противоположном конце – 0,7 см. На внутренней стороне накладок сохранились остатки косой нарезки для приклеивания к деревянной основе кибити (см. рисунок, 7, 8).

Срединные боковые накладки представляют собой длинные широкие роговые пластины, плавно сужающиеся с одной из сторон к концам. На внутреннюю поверхность накладок нанесена косая нарезка для приклеивания к деревянной основе кибити. Одна из них оказалась разломана на два неравных фрагмента. Концы разлома не соединяются. Общая длина двух фрагментов составляет 27,8 см, ширина в средней части – 2,6 см. Вторая срединная боковая накладка сохранилась в длину почти полностью. У нее оказался обломан один из приостренных концов. На внешней поверхности обломанного конца нанесена косая нарезка. Общая длина накладки – 26,5 см, ширина в средней части – 2,5 см (см. рисунок, 3, 6).

От срединной фронтальной накладки сохранилось два фрагмента. Один из них имеет трапецевидное расширение на одном из концов и пологий срез для приклеивания второй части данной накладки. Судя по наличию этого среза срединная фронтальная накладка была составной. На трапецевидном конце и внутренней стороне накладки имеется косая нарезка, нанесенная металлическим инструментом. Длина данной накладки – 8,4 см, ширина расширенного окончания – 1,5 см. Второй фрагмент значительно поврежден. Он сохранился в длину на 12 см, в ширину на 0,8 см. Расширение на одном из концов не сохранилось (см. рисунок, 4, 5).

Судя по расположению в могиле двух пар концевых, пары срединных боковых и срединной фронтальной накладки, кибить данного сложносоставного лука была помещена в могильную яму поверх тела умершего человека, вдоль левой стороны его туловища от ступней до средней части грудной клетки. Если учесть размещение концевых и срединных накладок в могиле, то общая длина кибити лука должна была составлять не менее, чем 120 см. С учетом того, что пары верхних и нижних концевых накладок имели почти одинаковую длину, а также ориентируясь на их расположение в могиле, можно высказать предположение, что данный сложносоставной лук был симметричным. Он имел гибкие плечи равной длины, довольно длинные негнущиеся части, середину и концы, к которым

были приклеены концевые боковые, срединные боковые и срединная фронтальная накладки.

По своим конструктивным особенностям сложносоставной лук из кургана № 41 могильника Улуг-Чолтух может быть отнесен к известной группе сложносоставных луков, которые были характерны для хуннов и других этнических групп древних кочевников Центрально-Азиатского историко-культурного региона в течение рассматриваемого хунно-сяньбийского исторического периода [Худяков, 2005, с. 47]. Однако некоторые отмеченные особенности данного лука, которые удалось выявить в процессе его исследования, могут свидетельствовать о том, что древние номады, населявшие район Средней Катуни во второй четверти I тыс. н.э., для обстрела противника не только использовали традиционные формы хуннских луков, заимствованные айрыдашскими кочевниками у центрально-азиатских номадов, но и предпринимали самостоятельные попытки их модификации.

Список литературы

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 224 с.

Суразаков А.С. Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (кудыргинская культура) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии): мат-лы Всерос. конф. – Омск: Изд. Омск. гос. ун-та, 1992. – С. 92–97.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских номадов в II–V вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2005. – С. 19–55.

Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири хунно-сяньбийской эпохи: учеб. пос. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. – 130 с.

References

Bobrov V.V., Vasyutin A.S., Vasyutin S.A. Vostochnyj Altaj v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (III–VII veka). Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2003. 224 pp. (In Russ.).

Khudyakov Yu.S. Vooruzhenie central'no-aziatskikh nomadov v II–V vv. n.e. // Voennoe delo nomadov Central'noj Azii v syan'bijskuyu epokhu. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 2005. Pp. 19–55. (In Russ.).

Khudyakov Yu.S. Arkheologiya Yuzhnoj Sibiri hunno-syan'bijskoj epokhi: uch. pos. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 2006. 130 pp. (In Russ.).

Surazakov A.S. Pamyatniki Gornogo Altaya pervoj poloviny i serediny pervogo tysyacheletiya (kudyrginskaya kul'tura) // Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnyh narodov Sibiri i sopredel'nyh territorij (po dannym arkheologii): mat-ly Vseros. konf. Omsk: Izd. Omsk. gos. un-ta, 1992. Pp. 92–97. (In Russ.).

Ю.С. Худяков, А.Ю. Борисенко

Новосибирский государственный университет
E-mail: khudjakov@mail.ru

БРОНЗОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ «РАРИТЕТ» В БИШКЕКЕ*

В статье анализируются бронзовые наконечники стрел из частного музея «Раритет». Предметы из этой коллекции классифицированы по формальным признакам. По имеющимся аналогичным находкам из раскопок определен исторический период, в течение которого они могли использоваться для стрельбы из лука древними кочевыми воинами на Тянь-Шане. Изученная коллекция бронзовых наконечников стрел должна датироваться ранним железным веком. Все наконечники можно отнести к сакской культуре. Стрелы из изучаемой коллекции были обнаружены на территории Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины Кыргызстана. Они также были классифицированы по формальным признакам. По материалу, из которого они изготовлены, все наконечники были включены в класс бронзовых. По способу насада – в отдел втульчатых. По поперечному сечению пера среди стрел изучаемой коллекции различаются несколько групп: двухлопастные, плоские, трехгранно-трехлопастные, трехгранные с выступающей или скрытой втулкой. По форме пера выделено несколько типов: наконечники с удлиненно-ромбическим, удлиненно-овальным, удлиненно-треугольным, вытянуто-пятиугольным пером с шипами или без шипов. В предшествующие годы некоторые из выделенных типов бронзовых наконечников стрел были обнаружены в ходе раскопок памятников сакской культуры на Памире, в долине Кетмень-Тюбе на Тянь-Шане и в Семиречье. Изученная коллекция бронзовых наконечников стрел позволяет существенным образом дополнить и расширить сложившиеся представления о разнообразии форм оружия дистанционного боя у древних сакских кочевников, населявших горные районы Тянь-Шаня в эпоху раннего железа.

Ключевые слова: бронзовые наконечники стрел, древние кочевники, всадники, лучники, ранний железный век, Тянь-Шань.

Yu.S. Khudyakov, A.Yu. Borisenko

Novosibirsk State University
E-mail: khudjakov@mail.ru

BRONZE ARROWHEADS FROM THE COLLECTION OF MUSEUM “RARITY” IN BISHKEK

We analyzed here the bronze arrowheads from the private museum “Rarity”. The items from this collection classified based on formal attributes. After available analogies from the excavation, we determined the historical period, when ancient nomads in the Tian Shan could use these items for archery. The studied collection of bronze arrowheads have to be dated to Early Iron Age. All of them relate to Sak culture. The arrows from this collection were found at the territory of Chuya valley and Issyk Kul Basin in Kyrgyzstan. They were classified based on formal attributes. In view of raw material used for their production, all arrows belong within class of bronze arrowheads. The arrowheads are socketed in accordance with type of hafting.

On the basis of cross-section, all of arrows divided into several groups: two-bladed, flat-bladed, trihedral – trilobate, trihedral with overhang or latent socket. A few types of arrows were deduced according to shape of arrowheads. There were determined the tips with elongated-rhombic, elongated-oval, elongated-triangular, prolonged-pentagonal feather, with or without barbs. Some of determined bronze arrowheads were found in the course of excavation at the occurrences of Sak culture in the Pamir and Ketmen-Tyube valley at the Tian Shan and Semirechye in the previous years. Studied collection of bronze arrowheads permits to significantly add and extend the prevailing concept of variety of forms among long-term weapons in the Iron Age culture of ancient Sak nomads, who have lived the regions of Tian Shan.

Keywords: bronze arrowheads, ancient nomads, horsemen, archers, Early Iron Age, Tian Shan.

Во время изучения предметов вооружения в музейных коллекциях и частных собраниях в Республике Кыргызстан в 2013–2015 гг. автора-

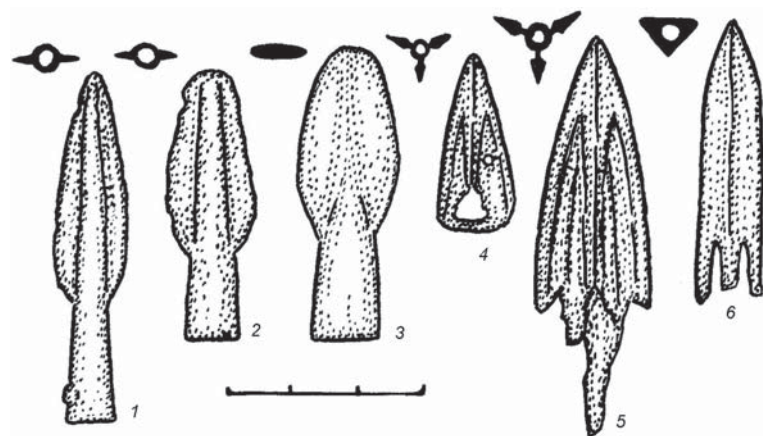
ми настоящей статьи были исследованы разнообразные бронзовые, железные и костяные изделия, относящиеся к оружию, воинскому и конскому

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

снаряжению древнего и средневекового населения Тянь-Шаня. Среди изученных археологических материалов имеется небольшая коллекция бронзовых втульчатых наконечников стрел, которая хранится в частном музее «Раритет» в г. Бишкеке, принадлежащем известному в Кыргызстане любителю старины, бизнесмену В.В. Кадырову. С любезного согласия владельца и сотрудников этого музея некоторые предметы вооружения, относящиеся к комплексу вооружения кыргызов Тянь-Шаня, ранее были изучены и частично введены авторами в научный оборот [Худяков, Борисенко, Орозбекова, 2013, с. 166–167; Худяков, Борисенко, 2015, с. 78].

В составе исследованной коллекции, однако, представлены не только предметы вооружения, которые могут относиться к оружейному комплексу кыргызских воинов эпохи позднего средневековья и нового времени, но и предметы вооружения древних сакских кочевников, населявших горы и долины Тянь-Шаня в раннем железном веке. К числу подобных предметов в собрании этого музея можно отнести несколько бронзовых втульчатых наконечников стрел.

По сведениям, полученным от сотрудников музея, эти наконечники были приобретены в течение последних лет у современных собирателей древностей, которые нашли их в Чуйской долине и Иссык-Кульской котловине на территории Кыргызстана. К сожалению, установить точные места этих находок не удалось. Сохранность наконечников не одинакова. Однако, несмотря на частичную поврежденность некоторых из них, она дает возможность их проанализировать и классифицировать по формальным признакам на отделы, группы и типы. Все исследуемые бронзовые наконечники стрел из коллекции музея «Раритет» по способу насада относятся к отделу втульчатых. По сечению пера в составе изученной коллекции бронзовых наконечников стрел выделяется несколько групп.

Бронзовые наконечники стрел из собрания музея «Раритет».

К первой из них относятся наконечники с двухлопастным пером. В составе изучаемой коллекции имеются два наконечника с двухлопастным пером и выступающей втулкой. По форме пера они относятся к одному типу.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. Включает 2 экз. Длина пера – 3 см, ширина пера – 1,3 см, длина втулки – 1,6 см. Наконечники стрелы с остроугольным острием, удлиненно-ромбическим пером, покатыми плечиками и выступающей втулкой. У одного из наконечников острие затуплено (см. *рисунк* 1, 2).

Ко второй группе относятся наконечники с плоским в сечении пером. В составе исследуемой коллекции есть один наконечник с плоским в сечении пером и выступающей втулкой. По форме пера он может быть выделен в самостоятельный тип.

Тип 1. Удлиненно-овальные. Включает 1 экз. Длина пера – 3 см, ширина пера – 1,6 см, длина втулки – 1,5 см. Наконечник стрелы с полукруглым острием, удлиненно-овальным пером, покатыми плечиками, выступающей втулкой (см. *рисунк* 3).

К третьей группе можно отнести наконечник с трехгранно-трехлопастным пером и скрытой втулкой. По форме пера это отдельный тип стрел.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Включает 1 экз. Длина пера – 2,8 см, ширина пера – 1,2 см. Наконечник стрелы с остроугольным трехгранным острием, трехлопастным пером, закругленными плечиками. На одной из лопастей пера имеется небольшое округлое отверстие. Лопастей пера повреждены. Вместо втульчатого насада в нижней части пера имеется отверстие с неровными краями (см. *рисунк* 4).

В четвертую группу можно выделить наконечник с трехгранно-трехлопастным пером и обломанной выступающей втулкой. По форме пера этот наконечник может быть выделен в отдельный тип.

Тип 1. Удлиненно-треугольные, шипастые. Включает 1 экз. Длина пера – 4,3 см, ширина пера – 2 см, длина сохранившейся части втулки – 2,5 см. Наконечник с остроугольным, трехгранным острием, трехлопастным пером, короткими шипами, вогнутыми плечиками. Втулка обломана. От нее сохранились три конца разной длины (см. *рисунк* 5).

К пятой группе необходимо отнести наконечник с трехгранным в сечении пером и скрытой втулкой. По форме пера его можно выделить в самостоятельный тип.

Тип 1. Вытянуто-пятиугольные, шипастые. Включает 1 экз. Длина пера с шипами – 4,5 см, ширина пера – 1 см. Наконечник с остроугольным острием, вытянуто-пятиугольным пером, вытянутыми шипами, скрытой втулкой (см. *рисунк* 6).

Стрелы из состава изучаемой коллекции довольно разнообразны по своим формальным признакам. Для определения возраста и культурной принадлежности этих находок необходимо проанализировать бронзовые наконечники стрел, которые были обнаружены в ходе раскопок археологических памятников сакской культуры на территории Тянь-Шаня и сопредельных районов Казахстана и Средней Азии.

В процессе полевых исследований в курганах сакской культуры на Тянь-Шане и Памире неоднократно обнаруживались бронзовые наконечники стрел, для которых характерны разные способы насада на деревянные древки, с различным сечением и формой пера. Втульчатые наконечники стрел из бронзы с двухлопастным, вытянуто-пятиугольным шипастым пером, наряду с черешковыми двухлопастными и трехгранно-трехлопастными стрелами, были найдены в сакских курганах, в свое время исследованных на Памире российской археологической экспедицией под руководством известного исследователя А.Н. Бернштама [1952, с. 310]. В курганах сакской культуры в долине Кетмень-Тюбе на Тянь-Шане, раскопанных кыргызскими археологами под руководством И.К. Кожомбердиева, были обнаружены бронзовые черешковые наконечники стрел с трехлопастным сечением пера, у которых продольный абрис имеет ромбическую форму [Кожомбердиев, 1975, с. 171]. Бронзовый втульчатый двухлопастной наконечник из Чуйской долины был отнесен Санкт-Петербургским археологом Ю.А. Заднепровским к культуре саков Семиречья и Тянь-Шаня [1992, табл. 27, 9]. Два бронзовых наконечника стрел с ромбическим в сечении пером и скрытой втулкой были случайно обнаружены в Чон-Кемине и введены в научный оборот кыргызским исследователем К.Ш. Табалдиевым [2007, с. 53, рис. 3, 2, 3]. Привлеченные для анализа бронзовые наконечники стрел из раскопок курганов древних кочевников раннего железного века на Тянь-Шане и в сопредельных районах Казахстана и Средней Азии наглядно свидетельствуют, что в эпоху раннего железа сакские воины использовали для поражения противников стрелы с различными по сечению и форме пера бронзовыми втульчатыми и черешковыми наконечниками. Судя по привлеченным аналогиям, бронзовые втульчатые наконечники с двухлопастным и плоским сечением пера должны относиться к раннему периоду сакской культуры, второй четверти I тыс. до н.э. Наконечники с трехгранно-трехлопастным и трехгранным в сечении пером, скрытой или выступающей

втулкой с шипами или без них могут относиться к классическому этапу развития культуры саков и датироваться третьей четвертью I тыс. до н.э.

Список литературы

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 346 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР; № 26).

Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Семиречья и Тянь-Шаня // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. – М.: Наука, 1992. – С. 73–87.

Кожомбердиев И. Саки Кетмень-Тюбе // Страницы истории и материальной культуры Кыргызстана. – Фрунзе: Илим, 1975. – С. 168–174.

Табалдиев К.Ш. Кинжалы и клад бронзовых изделий из Кыргызстана // Вооружение и военное дело кочевников Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2007. – С. 47–57.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Железные булавы из Чуйской и Таласской долин Кыргызстана (из коллекций музеев «Манас-Ордо» и «Раритет») // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2015. – Т. 14, вып. 3: Археология и этнография. – С. 76–82.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Наконечники копий кыргызов Тянь-Шаня из музейных собраний «Манас-Ордо» и «Раритет» в Кыргызстане // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 7: Археология и этнография. – С. 164–170.

References

Bernshtam A.N. Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tyan'-Shanya i Pamiro-Alaya. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952. 346 pp. (Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR; No. 26). (In Russ.).

Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu. Zheleznye bulavy iz Chuyskoy i Talasskoy dolin Kyrgyzstana (iz kollektsiy muzeev "Manas-Ordo" i "Raritet") // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya. 2015. Vol. 14. Iss. 3: Arkheologiya i etnografiya. Pp. 76–82. (In Russ.).

Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu., Orozbekova Zh. Nakonechniki kopiy kyrgyzov Tyan'-Shanya iz muzeynykh sobraniy "Manas-Ordo" i "Raritet" v Kyrgyzstane // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya. 2013. Vol. 12. Iss. 7: Arkheologiya i etnografiya. Pp. 164–170. (In Russ.).

Kozhombardiev I. Saki Ketmen'-Tyube // Stranitsy istorii i material'noy kul'tury Kirgizstana. Frunze: Ilim, 1975. Pp. 168–174. (In Russ.).

Tabaldiev K.Sh. Kinzhaly i klad bronzovykh izdeliy iz Kyrgyzstana // Vooruzhenie i voennoe delo kochevnikov Sibiri i Tsentral'noy Azii. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 2007. Pp. 47–57. (In Russ.).

Zadneprovsky Yu.A. Rannie kochevniki Semirech'ya i Tyan'-Shanya // Stepnaya polosa aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Arkheologiya SSSR. Moscow: Nauka, 1992. Pp. 73–87. (In Russ.).

Ю.С. Худяков^{1, 2}, А.Ю. Борисенко², Ж. Орозбекова^{1, 2}¹Институт археологии и этнографии СО РАН²Новосибирский государственный университет

E-mail: khudjakov@mail.ru

ИЗОБРАЖЕНИЯ ВСАДНИКОВ И ПЕШИХ ЛУЧНИКОВ НА ПЕТРОГЛИФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ В ДОЛИНЕ РЕКИ ТОН В ИССЫК-КУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ КЫРГЫЗСТАНА*

В статье анализируются наскальные рисунки, обнаруженные и обследованные на скалах, расположенных в окрестностях с. Туура-Суу в Исык-Кульской котловине сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН и Новосибирского государственного университета при содействии кыргызских археологов в полевом сезоне 2015 г. На изученных петроглифических памятниках анализируются изображения конных и пеших лучников с луками и стрелами в руках или подвешенными к поясу. Некоторые лучники изображены во время охоты на диких копытных животных. На петроглифическом памятнике Боз-Адыр, расположенном на горе Кызыл-Тоо, было изучено выбитое изображение всадника и горных козлов. У человека, сидящего верхом на лошади, за спиной показан лук в налучье. На памятнике Эркин-Тоо на поверхности скального выхода был обнаружен одиночный рисунок всадника, выполненный точечной выбивкой. На голове у всадника показаны развевающиеся по ветру волосы или башлык. За крупом лошади изображен лук с надетой тетивой, помещенный в налучье. На этом памятнике было выявлено изображение пешего лучника с луком и стрелой в руках. Он стреляет в горного козла. На поверхности скального выхода на горе Коондой было обнаружено изображение лучника с луком в руках. Стрелок показан во время охоты на горных козлов. В музее в с. Боконбаево экспонируется камень, на поверхности которого точечной выбивкой выполнено изображение охотника с луком и стрелой в руках. Рядом с ним выбиты изображения горных козлов, на которых лучник охотится. Похожие изображения сцен охоты лучников на горных козлов обнаружены на многих других петроглифических памятниках бронзового и раннего железного веков и средневековья в Центральной Азии.

Ключевые слова: наскальные рисунки, Исык-Кульская котловина, археологические памятники, изображения лучников, изображения животных.

Yu.S. Khudyakov^{1, 2}, A.Yu. Borisenko², Zh. Orozbekova^{1, 2}¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS²Novosibirsk State University

E-mail: khudjakov@mail.ru

IMAGES OF THE HORSEMEN AND DISMOUNT ARCHERS AT THE PETROGLYPHS FROM THE TON RIVER VALLEY IN ISSYK KUL REGION OF KYRGYZSTAN

We analyzed here the carvings, situated in the rock massifs near village of Tuura Suu in the Issyk Kul Basin. The employees of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS and Novosibirsk State University obtained and studied these objects in collaboration with Kyrgyz archaeologist in 2015 field season. We analyzed the images of the horse and dismount archers with bows and arrows in their hand or supported on the belt. Some archers have hunted the wild ungulates on the images. Boz Azyr the petroglyphic site on the Kyzyl Too Mountain contains the images of the horseman and wild goats, carved by the method of knocking out. Man who have set astride the horse is carved with a bow in the bow-cover behind his back. We found a single image of the horseman, carved by method of discrete-point knocking out on the surface of the rock outcrops at the Erkin Too site. The artist depicted windswept hairs on his head or hood, and the bow with bowstring in the bow-cover behind the rump. We obtained here the image of dismount archer with bow and arrow in his hand. He lets fly at wild goat. One more image of archer with bow in his hand were found on the surface of rock outcrop at the Koondoi Mountain. The archer is depict in the process of hunting the wild goats. In museum of Bokonbaevo village the stone is in display, on his surface there is an image of hunter with bow and arrow in the hands,

*Работа выполнена в рамках проекта «Изучение военного дела древних и средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии» по договору с РЕЛЕРО № 23/03/15.

which carved by method of discrete-point knocking out. By the side of it, there are the images of wild goats, hunted by that archer. The similar carvings with scenes of archers hunting the wild goats were obtained at the many other petroglyphic sites of Bronze and Iron Ages, and Middle Ages in Central Asia.

Keywords: carvings, Issy Kul Basin, archaeological sites, images of archers, images of animals.

В июне–июле 2015 г. группа сотрудников Института археологии и этнографии СО РАН и Новосибирского государственного университета – авторов настоящей статьи, выполняющих исследовательские работы по научному проекту «Изучение военного дела древних и средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии» по договору с Омским радиозаводом им. А.С. Попова, при конструктивном содействии кыргызских археологов – сотрудников Кыргызско-турецкого университета «Манас», обследовала ряд местонахождений наскальных рисунков на нескольких петроглифических памятниках, расположенных в окрестностях с. Туура-Суу в долине р. Тон в Тонском р-не Иссык-Кульской обл. Республики Кыргызстан. Эти работы явились продолжением экспедиционных исследований, которые ранее проводились участниками этого проекта на территории Иссык-Кульской котловины в полевом сезоне предшествующего, 2014 г. [Худяков, Табалдиев, Борисенко, 2014, с. 313]. Участниками проекта были осмотрены и обследованы наскальные рисунки, которые находятся на поверхности скальных выходов на некоторых горных вершинах, расположенных в долине р. Тон, к северу и западу от этого населенного пункта.

На петроглифическом памятнике Боз-Адыр, в составе которого кыргызскими археологами было раскопано несколько средневековых курганов, находящемся на горе Кызыл-Тоо к северу от с. Туура-Суу, на поверхности одного из скальных выходов было осмотрено скопление изображений горных козлов, среди которых был выявлен один рисунок со скачущим всадником. Вся композиция, в том числе и этот рисунок, выполнена техникой точечной выбивки. Рисунок представляет собой профильное изображение человека, сидящего верхом на лошади и показанного в движении слева направо. У всадника выделена округлая голова, прямая вертикальная линия туловища, согнутые в локтях, упертые в бока руки. Одна из ног человека изображена свисающей ниже брюха лошади. За спиной у всадника показан продолговатый предмет, расположенный наклонно по отношению к его туловищу. Вполне вероятно, что таким образом воспроизведен лук, помещенный в налучье и прикрепленный за спиной к поясу всадника. У лошади крупная голова, натянутые поводья, длинная тонкая шея, массивное туловище, передние и задние ноги и хвост (см. рисунок, 1). В целом рисунок выполнен довольно схематично, с минимальной проработкой отдельных деталей.

Каких-либо принадлежностей конской сбруи, кроме поводьев, не изображено.

На другом памятнике, Эркин-Тоо, расположенном на горе в центральной части долины р. Тон, к северо-западу от с. Туура-Суу, на поверхности скального выхода также был выявлен выполненный точечной выбивкой рисунок всадника. Фигура человека верхом на лошади выполнена в профиль, в движении справа налево. На голове у всадника показаны развевающиеся длинные волосы или башлык, а правая рука согнута в локтевом суставе. За крупом лошади изображен непропорционально крупный лук с надетой тетивой, помещенный в налучье. Чехол для лука треугольной формы. Лук в него помещен нижней половиной кибити с натянутой тетивой (см. рисунок, 2). Какие-либо иные изображения людей или животных на данном участке скального выхода отсутствуют.

По сведениям, полученным от кыргызских коллег, на этом памятнике ими было выявлено также изображение пешего лучника. Он показан с округлой головой. В правой руке держит лук, изображенный прямой вертикальной линией. В этой же руке показана настороженная стрела. Рука, вероятно, согнута в локтевом суставе. Ноги расставлены. Лучник изображен стреляющим в горного козла. Рисунок отличается схематизмом и выполнен техникой точечной выбивки.

На горе Коондой, расположенной к северу от с. Туура-Суу, среди многочисленных рисунков

Наскальные изображения у с. Туура-Суу. Иссык-Кульская котловина.

профильных фигур горных козлов есть изображение пешего лучника, выполненное с применением техники точечной выбивки. У человека выделены голова на длинной шее, разведенные в стороны руки и широко расставленные ноги. В левой руке он держит лук с выгнутыми плечами. Тетива лука и стрелы на этом рисунке не показаны (см. *рисунок, 3*). Лучник изображен во время охоты на горных козлов.

На других петроглифических местонахождениях, обследованных на правобережье р. Тон, к северу и западу от с. Туура-Суу, были обнаружены выбитые изображения горных козлов и благородных оленей с ветвистыми рогами, однако антропоморфных фигур с оружием не выявлено.

Еще два камня с выбитыми рисунками, на одном из которых изображена сцена охоты лучника на горных козлов, происходят с петроглифического местонахождения Толь-Баши. Камень с изображением человека с луком экспонируется в музее «Чудо в камне» в с. Боконбаево Тонского р-на Иссык-Кульской обл. Лучник изображен с округлой головой, луком с дуговидной кибитью и настороженной стрелой в руках, расставленными ногами. По форме кибити лука на этом рисунке можно предположить, что воспроизведен простой, а не сложносоставной лук. Слева от охотника выбито схематичное профильное изображение горного козла с двумя рогами, крупной головой, туловищем, хвостом, передними и задними ногами. Рядом еще две небольшие фигуры горных козлов. Рисунок выполнен с применением техники точечной выбивки (см. *рисунок, 4*).

Рассмотренные изображения находят аналогии среди других памятников наскального искусства в горах Тянь-Шаня, на которых выбиты фигуры всадников, пеших лучников и оленей [Шер, 1980, с. 94]. Силуэтные фигуры конных и пеших охотников с луками и стрелами в руках, охотящихся на горных козлов и оленей, воспроизведены на петроглифах Баян-Журека, расположенных на сопредельной территории в Южном Казахстане [Байпаков, Марьяшев, 2008, рис. 11, 24, 45]. Схожие по манере исполнения выбитые силуэтные рисунки охотников с луками и стрелами и горных козлов были исследованы и на территории Внутренней Монголии [Кашина, 1983, рис. 1, 14, 18].

Подобные рисунки горных козлов и схематичные фигуры охотников с луками и стрелами в руках очень широко распространены на петроглифических памятниках в пределах всего Центрально-Азиатского историко-культурного региона [Окладников, 1981, табл. 98, 3, 10; 103, 2].

Изображения пеших лучников и всадников с луками, налущьями и стрелами, так же как и диких копытных животных, выбитые на петроглифических

памятниках в долине р. Тон, могут принадлежать к разным кочевническим культурам и историческим эпохам. Выбитые рисунки диких копытных животных в составе композиций, где присутствуют фигуры охотников с оружием дистанционного боя, на петроглифических памятниках Центральной Азии датируются в широком хронологическом диапазоне в пределах бронзового и раннего железного века [Окладников, 1981, с. 81–82]. Учитывая распространение в долине р. Тон погребальных памятников древних кочевников сакской культуры раннего железного века, выбитые изображения пеших лучников можно отнести к данному периоду. Вероятно, часть антропоморфных рисунков, изображающих охотников с луками и стрелами в налущьях, могла появиться в к эпоху средневековья. К этому времени можно отнести выбитые изображения всадников с луками в налущьях.

Список литературы

Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы Баян-Журека. – Алматы: ИД «Credo», 2008. – 200 с.

Кашина Т. И. Петроглифы Лунных гор (о древнем искусстве кочевников-скотоводов Внутренней Монголии) // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 77–85.

Окладников А.П. Петроглифы Монголии. – Л.: Наука, 1981. – 228 с.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Борисенко А.Ю., Солтобаев О.А., Орозбекова Ж., Акматов К.Т. Изучение предметов вооружения из древних и средневековых памятников долины реки Нарын и Иссык-Кульской котловины // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 311–314.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

References

Baypakov K.M., Mar'yashev A.N. Petroglify Bayan-Zhureka. Almaty: ID "Credo", 2008. 200 pp. (In Russ.).

Kashina T.I. Petroglify Lunnykh gor (o drevnem iskusstve kochevnikov-skotovodov Vnutrenney Mongolii) // Plastika i risunki drevnikh kul'tur. Novosibirsk: Nauka, 1983. Pp. 77–85. (In Russ.).

Khudyakov Yu.S., Tabaldiev K.Sh., Borisenko A.Yu., Soltobaev O.A., Orozbekova Zh., Akmatov K.T. Izucheniye predmetov vooruzheniya iz drevnikh i srednevekovykh pamyatnikov doliny reki Naryn i Issyk-Kul'skoy kotloviny // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. XIX. Pp. 311–314. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Petroglify Mongolii. Leningrad: Nauka, 1981. 228 pp. (In Russ.).

Sher Ya.A. Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii. Moscow: Nauka, 1980. 328 pp. (In Russ.).

Ю.С. Худяков¹, Б.А. Сиражева²¹Институт археологии и этнографии СО РАН²Новосибирский государственный университет

E-mail: khudjakov@mail.ru

ОРНАМЕНТ НА ПОДПРУЖНЫХ ПРЯЖКАХ ИЗ КИМАКСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ*

В статье рассматриваются находки костяных подпружных пряжек из раскопок Ф.Х. Арслановой в кимакских курганах из Зевакинского могильника в Восточном Казахстане. На внешней поверхности двух пряжек нанесен гравированный орнамент. Одна из пряжек украшена циркульным узором. На другой пряжке нанесены резные линии, образующие спиральные узоры и вытянутые фигуры. Прослеживаются разные варианты орнаментации костяных предметов в культурах средневековых кочевников. Находки подпружных пряжек, украшенных различными узорами, в кимакских курганах, раскопанных на Зевакинском могильнике в Верхнем Прииртышье, могут свидетельствовать о том, что в культуре кимаков в конце I тыс. н.э. начала складываться и получила некоторое распространение своя собственная культурная традиция орнаментации подобных предметов. В культурах других тюркоязычных кочевых народов, в том числе у древних тюрок и енисейских кыргызов в Саяно-Алтае и Центрально-Азиатском историко-культурном регионе, подобная традиция не прослеживается, хотя в памятниках этих культур найдено много роговых и костяных предметов, украшенных различными вариантами орнаментации. В древнетюркских погребениях с лошадьми в Туве, Минусинской котловине, на Тянь-Шане были найдены берестяные колчаны, украшенные костяными накладками, орнаментированными циркульными и волнообразными узорами. Фрагменты таких костяных орнаментированных накладок от колчанов были обнаружены в курганах культуры енисейских кыргызов IX–X вв. в Туве. Появление орнаментированных подпружных пряжек в памятниках культуры кимаков в Верхнем Прииртышье может быть связано с развитием своей оригинальной традиции орнаментации роговых и костяных предметов – принадлежностей конского убранства.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, культура кимаков, раннее Средневековье, подпружные пряжки, орнамент.

Yu.S. Khudyakov¹, B.A. Sirazheva²¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS²Novosibirsk State University

E-mail: khudjakov@mail.ru

ORNAMENT ON THE BELLY BUCKLES FROM THE KIMAK BURIALS IN THE EASTERN KAZAKHSTAN

The article considers the findings of bone belly buckles from the excavations of the F.H. Arslanova at the Kimak barrows from the Zevakino burial ground in the Eastern Kazakhstan. The outer surfaces of the two buckles contained the engraved ornament. One of the buckles is decorated with circular ornament. Lines were carved on the other buckle and they form the spiral ornament and elongated figures. Various techniques of ornamentation are retraced on the bone items in the cultures of medieval nomads. Belly buckled with varied patterns were found in the Kimak barrows, excavated at the Zevakino burial ground in Upper Irtysh Region. It can evidence that in Kimak culture began to form spread their own cultural tradition of ornamentation in 1st millennium AD. Similar tradition is not retraced in cultures of other Turkic nomads, including ancient Turkic and Yenisei Kyrgyz in the Sayano-Altai and Central Asian historical and cultural region, but many antler and bone items with various ornaments were found at the sites of these cultures. The ancient burials with horses in Tuva, Minusinsk valley, Tien Shan contained the birchbark quivers, decorated by bone brackets with circular and value-shaped patterns. The fragments of such ornamented bone brackets for quivers were in the barrows of Yenisei Kyrgyz culture of 9th – 10th centuries in Tuva. Appearance of the ornamented belly buckles in the Kimak sites of Upper Irtysh Region can be associated with development of their own original tradition to ornament the antler and bone items – the elements of horse harness.

Keywords: Eastern Kazakhstan, Kimak culture, Earle Middle Ages, belly buckles, ornament.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Изучение археологических памятников на территории Верхнего Прииртышья, которые относятся к культуре кимаков и датируются эпохой раннего Средневековья, представляет большой интерес для исследователей кочевнических древностей не только Казахстана, но также Западной и Южной Сибири и других сопредельных районов Северной и Центральной Азии. Большой вклад в изучение археологических комплексов культуры кимаков на территории Северного и Восточного Казахстана внесли результаты раскопок археологических памятников, которые в течение нескольких десятилетий во второй половине XX в. проводила известная казахстанская исследовательница Ф.Х. Арсланова, которая много лет работала в Усть-Каменогорске. К настоящему времени ее основные работы, посвященные изучению памятников средневековых кочевников Верхнего Прииртышья, переизданы или впервые введены в научный оборот в Казахстане. В 2013 г. весьма значимый и информативный сборник ее научных статей и заметок по средневековой археологии Восточного Казахстана в очень хорошем полиграфическом исполнении был издан Филиалом Института археологии им. А.Х. Маргулана в Астане [Арсланова, 2013б]. В этом издании представлены как ранее опубликованные в различных сборниках, так и впервые изданные статьи этой исследовательницы, посвященные изучению памятников археологических культур кимаков и кыпчаков. В первой, развернутой и обстоятельной, статье этого сборника, посвященной анализу сопроводительного инвентаря из воинских захоронений кимаков, изученных Ф.Х. Арслановой в разные годы в Зевакинском могильнике, которая ранее, при жизни исследовательницы, не публиковалась, приведены сведения о предметах вооружения, воинского и конского снаряжения из этого памятника. Среди принадлежностей конской сбруи в этой статье приводятся краткие описания нескольких костяных подпружных пряжек из погребений кимакских воинов. Они воспроизведены на качественных цветных фотоиллюстрациях [Она же, 2013а, с. 30, 84–85]. В числе данных принадлежностей конской сбруи есть костяные подпружные пряжки с орнаментом, украшение которых заслуживает целенаправленного изучения. Одна из таких пряжек со «стреловидным» окончанием, боковыми вырезами с обеих сторон и прямоугольным щитком была обнаружена в кургане № 145 [Там же, с. 30–31; рис. 3, 7]. Еще одна подпружная костяная пряжка с «заостренным концом и слегка закругленным противоположным краем», у которой не сохранился подвижный язычок, была

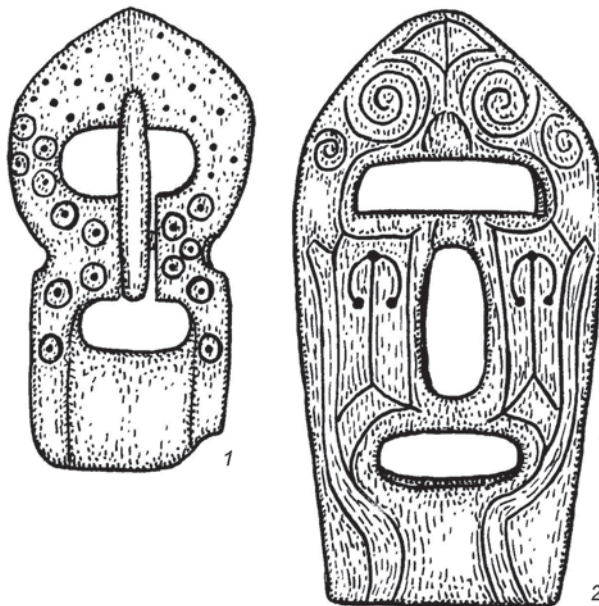
обнаружены в кургане № 254 [Там же, с. 42]. В составе сопроводительного инвентаря кимакских курганов, раскопанных в Зевакинском могильнике, было обнаружено еще несколько подпружных костяных пряжек, но без орнамента. Две отмеченные выше пряжки украшены различными вариантами орнаментации.

Одна из этих пряжек из кургана № 145 имеет дужку округлой формы, боковые вырезы и прямоугольный щиток. Она имеет проемы для закрепления и затягивания ремня и костяной подвижной язычок. Подобная форма пряжки является достаточно широко распространенной в культурах кочевников эпохи раннего Средневековья [Худяков, Табалдиев, 2009, рис. 21, 4]. Отличительной особенностью данной конкретной находки из Зевакинского могильника можно считать циркульный орнамент, которым покрыта внешняя поверхность пряжки, включая переднюю дужку и щиток, к которому крепился ремень. Некоторая часть изображений окружностей, нанесенных на поверхность пряжки, от времени стерлась. От циркульного узора остались только небольшие центральные округлые углубления (см. *рисунок*). Вероятно, эта пряжка использовалась для затягивания подпружного ремня в течение достаточно длительного периода. В составе опубликованной коллекции имеется еще две подобных подпружных пряжки с округлыми рамками и приостренными концами, снабженные железными подвижными язычками, но без какой-либо орнаментации [Арсланова, 2013а, с. 84].

Другая орнаментированная костяная подпружная пряжка из кургана № 254 несколько иной формы. Она имеет прямоугольную форму с треугольным окончанием [Там же, с. 85]. Трудно согласиться с утверждением, что конец пряжки, противоположный треугольному окончанию «закруглен». Такое определение нуждается в уточнении. Скорее следует указать, что он перпендикулярно срезан по отношению к боковым сторонам. У этой пряжки два перпендикулярно расположенных проема для ремней и продольно расположенное овальное отверстие, в которое должен был вставляться подвижной язычок, не обнаруженный в ходе раскопок. Вероятно, он не сохранился. На внешней поверхности пряжки нанесен гравированный орнамент. На окончание треугольного выступа нанесена резная фигура, которая напоминает шляпку гриба. Ниже, с обеих сторон на треугольном выступе, выгравировано по два не одинаковой величины спиральных узора, которые расположены парами. Резная линия окаймляет верхний проем пряжки.

На боковых сторонах пряжки нанесены вытянутые фигуры, состоящие из двух параллельных полос разной ширины. Внутри широких полос с обеих сторон пряжки имеются гравированные изображения. Они представляют собой линии, на одном конце которых имеется разветвление, а другой конец соединен с полукруглой дугой, напоминающей якорь (см. *рисунок*). В составе находок из Зевакинского могильника есть еще одна костяная пряжка аналогичной формы с подвижным костяным язычком, которая не украшена орнаментом [Там же, с. 84].

Рассматриваемые находки из Зевакинского могильника могут свидетельствовать о том, что в последние века I тыс. н.э. в кимакской культуре получила некоторое распространение традиция орнаментации отдельных костяных принадлежностей конского убранства, в том числе, подпружных пряжек, которая в это время не была характерна для культур других тюркоязычных и монголоязычных кочевников Центрально-Азиатского историко-культурного региона. Несмотря на то, что циркульный орнамент очень широко использовался для украшения различных костяных изделий номадами этого времени, древние тюрки и кыргызы не украшали им подпружные пряжки. В древнетюркских погребениях с конями в Туве обнаружены костяные накладки на колчан, украшенные циркульным орнаментом [Овчинникова, 2013, табл. XIII, 15–17]. Другие костяные и роговые изделия в составе предметного комплекса древнетюркских всадников, в том числе рукоять плети, кочедык и накладка на луку седла украшались волютообразным орнаментом [Трифонов, 2013, рис. 4, 6, 8]. Костяные накладки с полосами циркульного орнамента использовались для украшения горловины и приемника колчана кок-тюрьками в Минусинской котловине [Худяков, 1988, с. 60–61]. Обломки костяных предметов с циркульным орнаментом встречены в памятниках енисейских кыргызов в Туве [Нечаева, 1966, рис. 20, 4; 22, 5]. Возможно, что у древних тюрков, енисейских кыргызов и кимаков существовали разные предпочтения в выборе орнамента для костяных и роговых изделий, относящихся к воинскому и конскому снаряжению. В отличие от костяных изделий, украшенных циркульным орнаментом, проследить аналогии линейным, спиральным узорам и фигурам, похожим на якорь, в памятниках кочевнических культур эпохи раннего Средневековья в Центрально-Азиатском историко-культурном регионе не удалось. Вероятно, появление орнаментированных подпружных пряжек в составе конского убранства в культуре

Орнаментированные костяные подпружные пряжки из Зевакинского могильника.

кимаков может быть связано с развитием своей самостоятельной традиции орнаментации костяных и роговых изделий в предметном комплексе кочевых племен, входивших в состав Кимакского каганата, отличной от древнетюркской и кыргызской, которая сложилась у них в эпоху раннего Средневековья.

Список литературы

- Арсланова Ф.Х.** Воинские захоронения кимаков в Зевакинском могильнике // Арсланова Ф.Х. Очерки по средневековой археологии Верхнего Прииртышья. – Астана: Филиал Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2013а. – С. 28–92. – (Мат-лы и исслед. по археологии Казахстана; т. III).
- Арсланова Ф.Х.** Очерки по средневековой археологии Верхнего Прииртышья. – Астана: Филиал Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2013б. – 405 с. – (Мат-лы и исслед. по археологии Казахстана; т. III).
- Нечаева Л.Г.** Погребения с трупосожжением могильника Тора-Тал-Арты // Тр. Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – М.; Л.: Наука, 1966. – Т. II. – С. 108–142.
- Овчинникова Б.Б.** Погребально-поминальный комплекс древних тюрков на могильнике Даг-Аразы // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). – СПб.: ЭлекСис, 2013. – С. 139–172.
- Трифонов Ю.И.** Памятники древнетюркского времени в Центральной Туве // Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). – СПб.: ЭлекСис, 2013. – С. 13–114.

Худяков Ю.С. Древнетюркский орнаментированный колчан из могильника Терен-Кель // Изв. Сиб. отд-ния Акад. наук СССР. Сер. истории, филологии и философии. – 1988. – Вып. 3. – С. 59–61.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 292 с.

References

Arslanova F.H. Voinskie zahoroneniya kimakov v Zevakinskom mogil'nike // Arslanova F.H. Ocherki po srednevekovoj arheologii Verhnego Priirtysh'ya. Astana: Filial Instituta arheologii im. A.H. Margulana, 2013a. Pp. 28–92 (Mat-ly i issledovaniya po arheologii Kazahstana; Vol. 3). (In Russ.).

Arslanova F.H. Ocherki po srednevekovoj arheologii Verhnego Priirtysh'ya. Astana: Filial Instituta arheologii im. A.H. Margulana, 2013b. 405 pp. (Mat-ly i issledovaniya po arheologii Kazahstana; Vol. 3) (In Russ.).

Hudyakov Yu.S. Drevnetyurkskiy ornamentirovannyj kolchan iz mogil'nika Teren-Kel' // Izv. Sib. otd-niya Akad. nauk SSSR. Ser. Istorii, filologii i filosofii. 1988. Iss. 3. Pp. 59–61. (In Russ.).

Hudyakov Yu.S., Tabaldiev K.Sh. Drevnie tyurki na Tyan'-Shane. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2009. 292 pp. (In Russ.).

Nechaeva L.G. Pogrebeniya s truposozhzheniem mogil'nika Tora-Tal-Arty // Tr. Tuvinskoj kompleksnoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. Vol. II. Pp. 108–142. (In Russ.).

Ovchinnikova B.B. Pogrebal'no-pominal'nyj kompleks drevnih tyurok na mogil'nike Dag-Arazy // Drevnie tyurki v Central'noj Tuve (po materialam rabot Sayano-Tuvinskoj ekspedicii). St. Peterburg: ElekSis, 2013. Pp. 139–172. (In Russ.).

Trifonov Yu.I. Pamyatniki drevnetyurkskogo vremeni v Central'noj Tuve // Drevnie tyurki v Central'noj Tuve (po materialam rabot Sayano-Tuvinskoj ekspedicii). – St. Peterburg: ElekSis, 2013. Pp. 13–114. (In Russ.).

Ю.С. Худяков^{1, 2}, К.Ш. Табалдиев³, А.Ю. Борисенко², Ж. Орозбекова^{1, 2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирский государственный университет

³Кыргызско-турецкий университет «Манас»

E-mail: khudjakov@mail.ru

ИЗОБРАЖЕНИЕ ОРУЖИЯ НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЯХ ИЗ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЧАСТИ ИССЫК-КУЛЬСКОЙ КОТЛОВИНЫ*

В статье анализируются изображения оружия на древнетюркских каменных изваяниях, исследованных авторами статьи в юго-западной части Исык-Кульской котловины Кыргызстана. Одно из них было обнаружено около двух десятилетий назад во время полевых работ в окрестностях с. Ак-Сай. В настоящее время оно установлено во дворе местной сельской школы. К поясу, на передней части изваяния, подвешены сабля и кинжал, вложенные в ножны. На голове этой скульптуры показаны длинные, спускающиеся на спину до пояса, волосы, заплетенные в многочисленные косички. На передней части скульптуры показаны отвороты верхней одежды типа халата и чаши в согнутой в локте правой руке изображенного человека. Подобные изваяния исследователи ранее неоднократно находили на Тянь-Шане и в Семиречье, в Кыргызстане и Казахстане, в Синьцзян-Уйгурском автономном р-не Китая. Согласно сведениям средневековых источников, подобная прическа, состоявшая из большого количества кос, была характерна для представителей правящей элиты Западного Тюркского каганата. Два других каменных изваяния с изображением оружия находятся в музее с. Боконбаево. На передней части изваяния, у которого отколота голова, изображены треугольные отвороты халата, в правой руке показан сосуд. Левая рука лежит на рукояти клинкового оружия, подвешенного к поясу. На другом, также частично поврежденном изваянии на передней части показана сабля в ножнах, подвешенная к поясу, а на спине изображена булава, заткнутая за поясной ремень. Очень редко древнетюркские каменные изваяния сохраняются в местах своей первоначальной установки – на поминальных сооружениях. Одна такая скульптура была осмотрена в долине южнее горы Коондой. Собраны сведения о местонахождении каменных изваяний в окрестных горах.

Ключевые слова: каменные изваяния, западные тюрки, средневековые воины, длинные косы, наборные пояса, сабля, кинжал.

Yu.S. Khudyakov^{1, 2}, K.Sh. Tabaldiev³, A.Yu. Borisenko², Zh. Orozbekova^{1, 2}

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State University

³Kyrgyz Turkish Manas University

E-mail: khudjakov@mail.ru

IMAGE OF THE WEAPONS ON THE MEDIEVAL STONE STATUES FROM SOUTHWESTERN PART OF ISSYK KUL BASIN

We analyzed here the images of the weapons on the ancient Turkic stone statues, which the authors studied in the southwestern part of Issyk Kul Basin of Kyrgyzstan. One of them we obtained in the course of field research in the area near village of Ak Sai about 20 years ago. This statue mount in the yard of local school at a present moment. The ensheathed sable and dagger hang on the belt of statue, on the frontal side. On his head long hairs are let down on his back up to the waist and tied into numerous braids. On the frontal side of statue an artist depicted the rolls of outer garments like a wrapper and the bows in the right hand, bent at the elbow. Previously, researchers frequently found such statues in

*Работа выполнена в рамках проекта «Изучение военного дела древних и средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии» по договору с РЕЛЕРО № 23/03/15.

the Tian Shan, Semirechye, Kyrgyzstan, Kazakhstan, Sinkiang Uighur Autonomous Region of China. According to data of medieval sources, such hairdo with plenty of braids was peculiar to the representatives of ruling elite in the Western Turkic Kaganate. The other two stone statues with image of weapons are situated in the museum of Bokonbaevo village. The artist depict the triangular rolls of wrapper and vessel in the right hand on the frontal side of the statue. The head of statue hacked, left hand was depicted on the handle of bladed weapon, overhung on his belt. The ensheathed sable, overhung on the belt was depict on the frontal side of the other statue. The mace, plugged to waist-belt, was depict on the back of statue. The ancient Turkic stone statues are rarely preserved in place of their primary mounting, at the commemorative constructions. We surveyed the one in the valley to south from Koondoi Mountain and collected the data on the occurrences of such stone statues in the surrounding mountains.

Keywords: stone statues, western Turkic, medieval soldier, long braids, composing waistband, sable, dagger.

В период работы группы сотрудников Института археологии и этнографии СО РАН и Новосибирского государственного университета в Тонском р-не Иссык-Кульской обл. по реализации проекта «Изучение военного дела древних и средневековых народов Южной Сибири и Центральной Азии» в июне–июле 2015 г. было осмотрено и изучено несколько древнетюркских каменных изваяний с изображением оружия в южной части Иссык-Кульской котловины Кыргызстана. Сведения об одном из них были получены от проф. Кыргызско-турецкого университета «Манас» К.Ш. Табалдиева. Оно было найдено в ходе проведения оросительных работ на поле в окрестностях с. Ак-Сай и установлено во дворе местной сельской школы, где находится по настоящее время. В результате проведенных работ этот интересный памятник был зарисован и сфотографирован. В свое время фото лицевой стороны данной скульптуры было введено двумя авторами в научный оборот [Худяков, Табалдиев, 2009, рис. 133]. В настоящей статье приводится подробное описание и изображение всех плоскостей этого интересного памятника в графическом исполнении.

Изваяние изготовлено из зернистой гранитной породы светло-серого цвета. Оно возвышается над поверхностью основания из камней, на котором установлено, на высоту 175 см. Ширина изваяния 35 см, его толщина 28 см. В верхней части выделена крупная голова, на которой показаны волосы, зачесанные назад. Сзади они изображены заплетенными в мелкие косички, которые спускаются до пояса. Всего прослеживается семь кос, часть которых слегка сужается в нижней части и завершается округлым окончанием. На лицевой части скульптуры изображено крупное лицо усатого мужчины. У него выделены дуговидные брови, узкие глаза, прямой, расширенный книзу нос, большие окладистые усы с загибающимися кверху кончиками, выделенная полукруглая нижняя губа, массивный приостренный подбородок. На боковых сторонах лица барельефом обозначены уши с серьгами и шаровидными подвесками.

Голова отделена углублением, передающим короткую шею и глубокий вырез наплечной верхней одежды с двумя клиновидными отворотами с шаровидной застежкой и петлей на груди. Правая рука у мужчины изображена согнутой в локтевом суставе. Пальцы правой руки держат за миниатюрный конический поддон чашу со сферическим туловом и двумя приостренными боковыми выступами. Изображение тулова этого сосуда похоже на лежащий полумесяц. Левая рука слегка согнута в локтевом суставе. Ладонь левой руки на рукояти сабли. На окончаниях рукавов выделены узкие обшлаги. На животе халат перетянут поясным ремнем. Спереди к поясу крепится сабля в ножнах со слабоизогнутым клинком, рукоятью и дуговидным перекрестьем. Правее, поверх и рядом с саблей, показан подвешенный к поясу кинжал в ножнах, рукоять которого изогнута под тупым углом к клинку. На ножнах кинжала выделено две дуговидных петли, через которые продеты ремешки, свисающие с поясного ремня. С помощью этого ремешка кинжал крепился к поясу. К поясному ремню крепится также округлое кресало и прямоугольный чехол, в который, вероятно, помещен оселок. На тыльной стороне изваяния, помимо кос, прослеживается горизонтальная полоса, передающая очертания пояса (см. рисунок, 1).

Подобные изваяния с изображенными на голове и спине многочисленными мелкими косичками исследователи ранее неоднократно фиксировали в Семиречье и на Тянь-Шане, на территории современных Кыргызстана, Казахстана и Синьцзян-Уйгурского автономного р-на Китая [Арсланова, Чариков, 2013, с. 232, рис. 2, 6; Ермоленко, 2004, с. 26, рис. 49, 38, 69; Худяков, Табалдиев, 2009, с. 139]. Образы западных тюрок с длинными распущенными волосами и косами представлены на древнетюркских памятниках изобразительного и декоративно-прикладного искусства [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 1997, рис. 2]. Ориентируясь на имеющиеся аналогии, каменное изваяние из окрестностей с. Ак-Сай можно отнести к культуре западных тюрок и тюркешей и датировать

VII–VIII вв. н. э. [Шер, 1966, с. 42–44; Худяков, Табалдиев, 2009, с. 133]. Согласно изысканиям ряда исследователей, волосы, заплетенные в косы, носили среди западных тюрок представители служилой правящей элиты – «тарханы» – в отличие от рядовых, остальных воинов [Зуев, 2002, с. 263; Ермоленко, 2004, с. 26].

В музее «Чудо в камне» в районном центре Тонского р-на в с. Боконбаево перед входом в здание установлено несколько древнетюркских каменных изваяний, на двух из которых изображены предметы вооружения. По словам местных жителей, эти скульптуры были в разное время доставлены в музей из разных мест Тонского р-на.

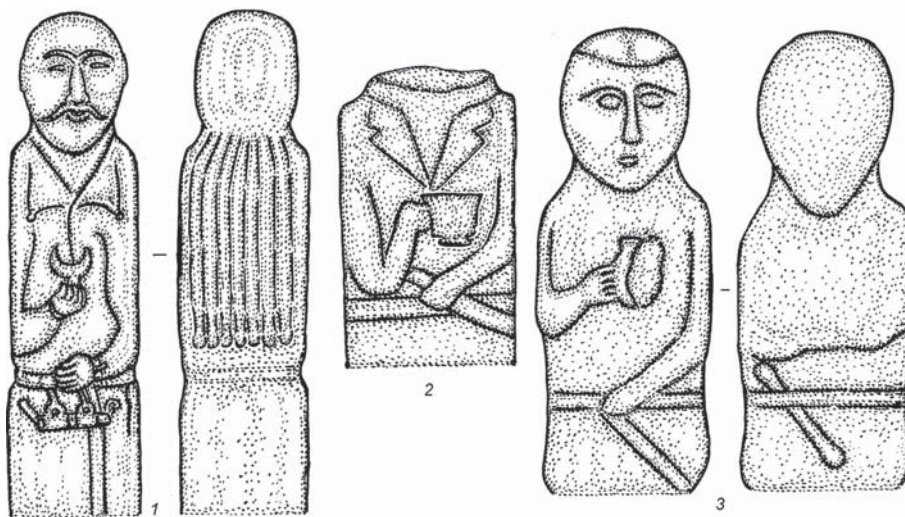
У первого из этих изваяний отколота голова, у которой частично повреждена лицевая часть. На груди изображены треугольные отвороты, которые должны относиться к верхней наплечной одежде типа халата. Правая рука у этой скульптуры согнута в локтевом суставе и приподнята к груди. В этой руке изображенный мужчина держит сосуд, который напоминает кубок на низком поддоне. Левая рука слегка согнута в локтевом суставе, ладонь сжимает рукоять клинкового оружия. На животе у скульптуры изображена горизонтально расположенная полоса. Вероятнее всего, это поясной ремень. Спереди к поясу прикреплен слабоизогнутый клинок с изогнутым перекрестьем и длинной, прямой рукоятью, без отчетливо выделенного навершия (см. рисунок, 2). Перед зданием этого музея установлена еще одна антропоморфная каменная скульптура. На лицевой части головы изображены дуговидные брови, миндалевидные глаза, а также сильно поврежденные усы, нижняя губа и подбородок. На голове изображены волосы, спускающиеся на шею. Правая рука показана

согнутой в локтевом суставе. Вероятно, в руке был изображен сосуд. Однако он почти полностью сколот, поэтому форму сосуда определить невозможно. Левая рука показана слегка согнутой в локтевом суставе. Ладонь левой руки трудно различима. К поясу спереди подвешен клинок в ножнах. Его детали трудно различимы. За спиной показана полоса, изображенная под углом к поясу. Вероятно, таким образом показана палица или нагайка, заткнутая за пояс (см. рисунок, 3).

Несмотря на значительные повреждения, реалии, изображенные на изваяниях, свидетельствуют, что они также должны относиться к культуре западных тюрок и тюркешей и датироваться VII–VIII вв. н. э. [Худяков, Табалдиев, 2009, с. 133].

К сожалению, до настоящего времени на обследованной территории долины р. Тон и Иссык-Кульской котловины Кыргызстана сохранилось очень мало средневековых каменных изваяний в местах своей первоначальной установки, рядом с поминальными оградками или выкладками. Большая часть каменных статуй в настоящее время установлена в музеях, школах, иногда в парках или в частных усадьбах местных жителей. По сведениям, полученным от местных жителей, одна из таких каменных скульптур находится в горах, расположенных к югу от с. Туура-Суу. Это каменное изваяние установлено на стойбище одного из местных скотоводов и используется в качестве коновязи.

В долине р. Тон было обнаружено только одно подобное каменное изваяние на месте своей первоначальной установки. Оно было выявлено и осмотрено участниками проекта в ходе поисковых маршрутов южнее горы Коондой, в открытой долине между горами и находилось на поверх-

Каменные изваяния из Тонского р-на Иссык-Кульской обл.

1 – скульптура из окрестностей с. Ак-Сай; 2, 3 – изваяния из музея в с. Боконбаево.

ности одиночной каменной выкладки. В прошлом выкладка была частично вскрыта и со временем задернована. На одной из сторон каменного изваяния изображена антропоморфная личина. У нее выделены узкие дуговидные брови, миндалевидные глаза, прямой нос, усы и овал лица. Данная находка может служить подтверждением того, что каменные изваяния, обнаруженные в долине р. Тон, также как и на Тянь-Шане и в Семиречье, входили в состав древнетюркских поминальных комплексов.

Список литературы

Арсланова Ф.Х., Чариков А.А. Каменные изваяния Верхнего Прииртышья // Арсланова Ф.Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. – Астана: Филиал Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. – С. 231–242. – (Мат-лы и исслед. по археологии Казахстана; т. III).

Ермоленко Л.Н. Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 132 с.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – 338 с.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 292 с.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрков на Тянь-Шане // Рос. археология. – 1997. – № 3. – С. 142–147.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 140 с.

References

Arslanova F.H., Charikov A.A. Kamennye izvayaniya Verhnego Priirtysh'ya // Arslanova F.H. Ocherki srednevekovoj arheologii Verhnego Priirtysh'ya. Astana: Filial In-ta arheologii im. A.H. Margulana, 2013. Pp. 231–242. (Mat-ly i issled. po arheologii Kazahstana; vol. III). (In Russ.).

Ermolenko L.N. Srednevekovye kamennye izvayaniya kazhastanskih stepej (tipologiya, semantika v aspekte voennoj ideologii i tradicionnogo mirovozzreniya). Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2004. 132 pp. (In Russ.).

Hudyakov Yu.S., Tabaldiev K.Sh. Drevnie tyurki na Tyan'-Shane. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2009. 292 pp. (In Russ.).

Hudyakov Yu.S., Tabaldiev K.Sh., Soltobaev O.A. Novye nahodki predmetov izobrazitel'nogo iskusstva drevnih tyurok na Tyan'-Shane // Rossijskaya arheologiya. 1997. No. 3. Pp. 142–147. (In Russ.).

Sher Ya.A. Kamennye izvayaniya Semirech'ya. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. 140 pp. (In Russ.).

Zuev Yu.A. Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii. Almaty: Dajk-Press, 2002. 338 pp.

Д.В. Черемисин^{1, 2}, Л.В. Зоткина², Х. Плиссон³, К. Кретан⁴,
Ж.-М. Женест³, Ж.-Ж. Деллануа⁵, Л. Раванель⁶, Ф. Делин⁵

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирский государственный университет

³Лаборатория «ПАСЕА – от древности до современности:
культура, окружающая среда, антропология», Франция

⁴Министерство культуры и коммуникации Франции

⁵Университет Савойя-Монблан, Франция

⁶Национальный центр научных исследований, Франция

E-mail: cheremis@archaeology.nsc.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕТРОГЛИФОВ РОССИЙСКОГО АЛТАЯ В 2015 ГОДУ*

Статья посвящена публикации результатов экспедиционных исследований, осуществленных в рамках продолжающегося международного проекта. Объектами изучения стали наскальные изображения на юге Российского Алтая – памятники Калгутинский Рудник и Джуралал. Петроглифы этих памятников выполнены на различных скальных субстратах – риолитах скальной возвышенности в верховьях долины р. Калгуты на Укоке и пати-нированных выходах сланцевых скал по правому берегу р. Карагем. Сравнительное изучение топографических, технологических, стилистических, хронологических аспектов двух комплексов позволяет сделать заключение о своеобразии и общих чертах в распространении традиций наскального искусства региона. На Укоке впервые проведены геоморфологические исследования, направленные на определение возраста архаических петроглифов памятника Калгутинский Рудник. Сделан вывод о довольно раннем (14–10 тыс. лет) сходе ледника и открытости скальных плоскостей в эпоху финального плейстоцена. Результаты датирования в лабораториях Франции полученных образцов скальных поверхностей должны в будущем объективизировать эти представления. Продолжены трасологические исследования архаических изображений Укока, позволившие сделать вывод о предварительной подготовке скальных поверхностей перед нанесением петроглифов. Произведена инвентаризация всех фигур комплекса, в том числе изображений, которые раньше не фиксировались. Произведены ГИС-картографирование, описание, фотофиксация изображений. На памятнике Джуралал, изучавшемся около 20 лет назад, применен комплекс современных методик документирования и исследования петроглифов. Произведены макрофотоъемка и фотограмметрия, трасологическое изучение и фиксация изображений на цифровую фотокамеру. Сделаны выводы о сохранении носителями традиционной культуры почитания священных скал с петроглифами.

Ключевые слова: геоморфология, петроглифы, трасология, фотограмметрия, эксперимент, Калгутинский Рудник, Джуралал.

D.V. Cheremisin^{1, 2}, L.V. Zotkina², H. Plisson³, C. Cretin⁴,
J.-M. Geneste³, J.-J. Dellanoy⁵, L. Ravanel⁶, Ph. Deline⁵

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State University

³PACEA: From Prehistory to Present time: Culture, Environment, Anthropology

⁴French Ministry of Culture and Communication

⁵Savoie-Mont-Blanc University

⁶CNRS: National Center for Scientific Research

E-mail: cheremis@archaeology.nsc.ru

STUDY OF PETROGLYPHS AT THE RUSSIAN ALTAI IN 2015

The article is devoted to publish of field research results, obtained in the course of on-going international project. The research objects were the rock carvings in the southern Russian Altai – the sites of Kalguty mine and Dzhuramal.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-21-08002.

Petroglyphs of these sites were pictured on the different rock substance: rhyolite of rock upland in the upper valley of Kalguty River at the Ukok Plateau, and patinated slaty rock outcrops on the right bank of Karagem River. Comparison study of topographic, technological, stylistic, chronological aspects of two complexes allows for the conclusions that regional rock art traditions were original and had the common traits in their distribution. Geomorphological study, aimed to age determination of archaic petroglyphs from the site of Kalguty mine was carried out at the Ukok Plateau for the first time. We conclude that the ice sheet went down quite early (14-10 kya) and rock surface were opened during the Final Pleistocene.

Obtained samples of rock surfaces were dated in the laboratories of France, and these results have to objectify these ideas in a future. The continue use wear research of archaic images from Ukok, allows for the conclusion of the preliminary preparation of rock surfaces before the carving of petroglyphs. We made an inventory of all the figures of the complex, including images that were not previously fixed. Also we carried out GIS mapping, description, photo- capturing of images. The complex of modern methods of petroglyphic documentation and study was applied at the Dzhuramal site, investigated around 20 years ago. We put into practice macrophotography and photogrammetry, use wear analysis, fixing the images by digital-skill camera and concluded that bearers of traditional culture had preserved the veneration of sacred rocks with petroglyphs.

Keywords: geomorphology, petroglyphs, use wear analysis, photogrammetry, experiment, Kalguty mine, Dzhuramal.

В 2015 г. международный коллектив исследователей продолжил полевое изучение памятников наскального искусства Алтая в рамках международного проекта РГНФ – Дома наук о человеке (Франция). Исследовались петроглифические памятники на юге Российского Алтая – Калгутинский Рудник на плоскогорье Укок и Джурамал в низовьях р. Карагем (Кош-Агачский р-н Республики Алтай). Основная задача, стоявшая перед авторами, заключалась в адаптации современных способов документирования и определения возраста петроглифов. Наибольший интерес представляла проблема раннего возраста петроглифов местонахождения Калгутинский Рудник на плоскогорье Укок [Черемисин, Зоткина, Миклашевич и др., 2013; Черемисин, Зоткина, Плиссон, Крестан, 2014].

Традиционные и новые методы фиксации наскальных изображений и определения возраста петроглифов (в том числе цифровая фотография и фотограмметрия для копирования и трасология для решения вопросов, связанных с техникой нанесения фигур на скальные поверхности), которые применялись в ходе экспедиционных работ в 2013 и 2014 гг., были существенно расширены. Коллектив исследователей пополнили специалисты в области геоморфологии ледниковых зон из лаборатории EDYTEM (Университет Савойи), геоморфологи и гляциологи.

Концепцию поздеплейстоценового возраста архаических петроглифов Укока В.И. Молодин и Д.В. Черемисин основывали на заключении российских гляциологов о том, что интенсивное таяние ледника и освобождение плоскогорья произошло 14–13 тыс. лет назад, когда скальные поверхности, отполированные и испещренные следами схода льда, были уже свободны [Редькин, 1998,

с. 12; Молодин, Черемисин, 1999, с. 86]. Французские коллеги начиная с первых совместных экспедиций всегда стремились составить собственные геоморфологические заключения и в 2015 г. провели свои работы. Объектами изучения были долина р. Калгуты и непосредственно скальные выходы, на которых зафиксированы выбитые фигуры.

В результате проведенных разведок и анализа спутниковых снимков долины р. Калгуты были выделены три моренных комплекса разного размера в верховьях реки и у входа в долину. Предварительно морены были датированы в пределах 14–10 тыс. лет. Для подтверждения данного заключения были собраны образцы пород, составляющих субстрат для нанесения рисунков. Основные породы, формирующие скальную возвышенность, определены как риолиты, возраст которых предполагается определить по космогенным радионуклидам в лабораториях Франции. Кроме риолитов взяты образцы из жил кварца и из гранитов, которые также могут быть датированы изотопным методом.

Что касается исследований скальных поверхностей, то в результате изучения следов, оставленных ледником на скале, были выявлены три зоны, в которых «шрамы», оставленные движущимся ледником, различаются по направленности. Различные по направлению следы на верхнем и среднем участках возвышенности связаны с разными потоками льда, спускавшимися в разное время, а в нижней зоне отмечается только одно направление, маркирующее самый последний сход льда. Геоморфологами высказано предположение о том, что в верхней и средней зонах плотность скальной поверхности выше, чем в нижней зоне, и поэтому последний сход моренно-ледниковой массы стер следы предыдущих, зафиксированных выше,

в других зонах. С этим феноменом может быть связана также наибольшая концентрация «архаических» петроглифов в нижней части возвышенности, так как здесь их было проще нанести на чрезвычайно прочные скальные поверхности.

Традиционные археологические методы документации петроглифов позволили завершить инвентаризацию всех фигур памятника. Была зафиксирована 61 плоскость со 120 изображениями в трех различных зонах. Проведено ГИС-картографирование фигур и их описание, включающее заключения о технике нанесения. Это известные ранее и вновь обнаруженные фигуры, наибольшее количество архаических фигур сконцентрировано внизу. При описании изображений отмечено сочетание различных техник нанесения изображений – выбивки, гравировки, шлифовки. В нижней зоне была обнаружена фигура, заметная только в очень специфических условиях освещения в определенные часы дня. При ее копировании на транспарант только с применением мощного

увеличительного стекла для фиксации каждого удара удалось получить прорисовку (рис. 1). Ранее подобные фигуры не были зафиксированы, хотя были увидены и определены как «фантомы».

Были продолжены опыты трасологического исследования архаических петроглифов Калгутинского Рудника, начатые в 2013 г. [Черемисин, Зоткина, Миклашевич и др., 2013; Черемисин, Зоткина, Плиссон, Кретан, 2014]. Только этим летом была выявлена серия новых следов, которые не удавалось зафиксировать ранее. По всей вероятности, они указывают на специфический способ обработки скальной поверхности. На некоторых участках изображений, выполненных в технике выбивки, были обнаружены тончайшие прерывистые гравированные линии. Такие следы располагаются как хаотично в одних случаях, так и систематически, параллельно выбитым линиям изображений – в других. Подобные следы фиксируются на экспериментальных образцах, выполненных в технике шлифовки при помощи

Рис. 1. Новое «архаическое» изображение. Калгутинский Рудник.
1 – общий вид; 2 – всестороннее обследование; 3 – выборочное обследование (предположение).

обломков риолита – основной породы местонахождения с петроглифами.

Образование подобных микрогравировок в ходе шлифовки объясняется следующим образом: гранулы фрагмента породы, служившего в качестве орудия, под давлением проскальзывали по поверхности скалы, нарушая целостность тончайшей корки, появившейся в результате движения ледника. Этим объясняется параллельное расположение линейных микроследов. Обнаруженные гравировки, скорее всего, указывают на особый способ предварительной подготовки поверхности перед нанесением изображений в технике пикетажа. Такая подготовка, вероятно, была необходима для того, чтобы выполнить последующую выбивку на чрезвычайно твердой заполированной ледником поверхности скалы.

Памятник наскального искусства Джурамал, расположенный в нижнем течении р. Карагем вблизи традиционной кочевой тропы на большой высоте над речной террасой, был исследован коллективом в ходе короткого посещения. Петроглифы здесь нанесены на горизонтальных и спускающихся к реке плоскостях серого сланца, покрытого коричневым, местами черным загаром. Опыт сравнительного изучения петроглифов, выполненных на ином, отличном от Укокского, субстрате, представляет явный интерес. Кроме того, такие методы фиксации изображений, как

цифровая фотосъемка и фотограмметрия, а также трасологические исследования, проведенные в 2015 г., были недоступны двадцать лет назад [Черемисин, 1995; Cheremisin, 1996].

С калгутинскими петроглифы Джурамала сближает расположение выбитых и выгравированных фигур на сильно заполированных горизонтальных скальных поверхностях. Представлены изображения животных – быков, лошадей, маралов, горных козлов, лосей, кабанов, верблюдов, хищников, а также антропоморфных персонажей в сценах охоты, вооруженных воинов или охотников, всадников, колесниц. Ранние петроглифы датируются эпохой развитой и поздней бронзы (середина – конец II тыс. до н.э.). Рубеж эпохи бронзы и раннего железного века отмечают петроглифы в стиле оленных камней. В числе редких сюжетов – композиция с лучником, направляющим стрелу в хищную птицу, и образ «солнцерового» оленя (рис. 2).

Ряд палимпсестов, зафиксированных на памятнике, позволяет судить об этапах заполнения скальных плоскостей, смене стилей. Часть петроглифов памятника подновлена, включена в контекст новых, современных сцен с воспроизведением реалий наших дней. На памятнике множество миниатюрных гравюр, фигур, при воспроизведении которых применялось сочетание различных технических приемов, чаще всего – выбивка по грави-

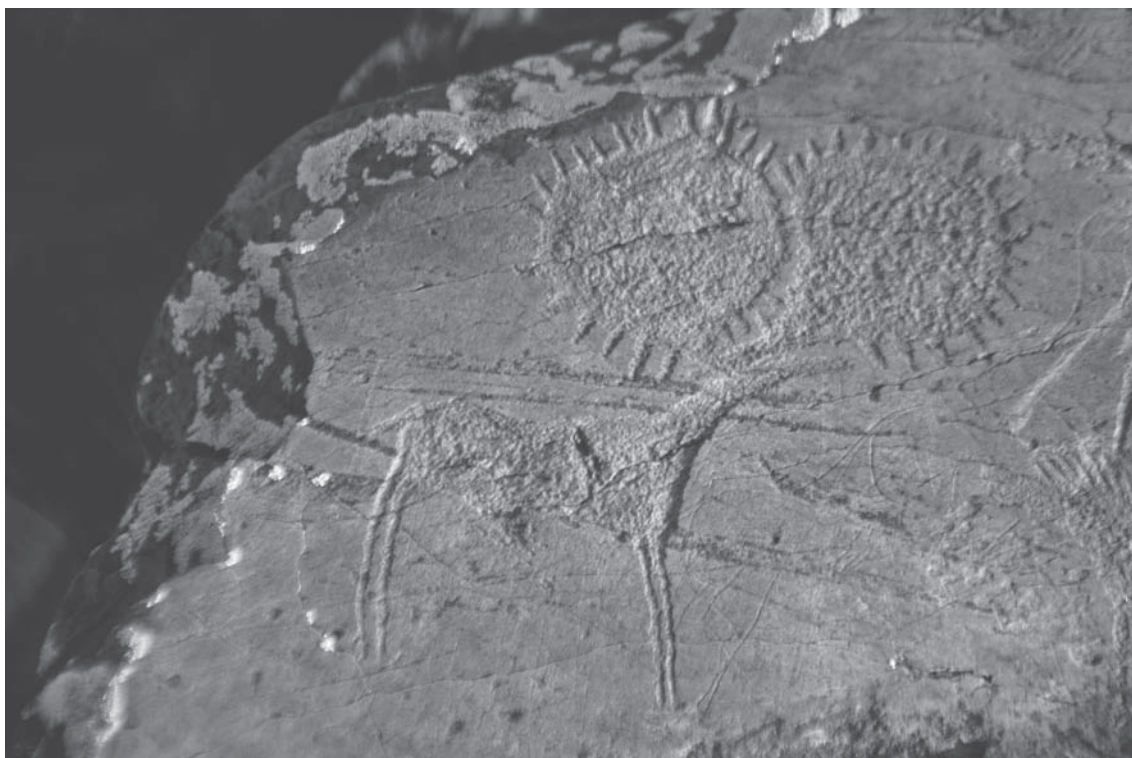

Рис. 2. Образ «солнцерового» оленя. Джурамал.

рованному эскизу. При помощи макрофотографии были зафиксированы миниатюры и технические приемы создания петроглифов. Мягкие сланцы как скальный субстрат, по сравнению с риолитами Укока, позволяли детализировать нанесенные на них фигуры.

Традиционно на вершине одного из скальных выходов с петроглифами над Карагемом местными охотниками устанавливается череп горного козла с огромными рогами. Ж.-М. Женестом собрана коллекция черепов копытных у подножия скалы. Зафиксированы современные рисунки, вырезанные на патинированных плоскостях, целый ряд подновленных рисунков, а также несколько композиций, в которых современные изображения включены в контекст древних сюжетов. Кроме того, на памятнике большое количество посетительских надписей, автографов, оставленных местными жителями.

Таким образом, в ходе полевых исследований в 2015 г. были собраны сравнительные материалы для дальнейшего изучения. Ряд методов был впервые применен при изучении петроглифов Российского Алтая.

Список литературы

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск: Наука, 1999. – 160 с.

Редькин А.Г. Природные условия плоскогорья Укок в позднем плейстоцене – голоцене: автореф. ... дис. канд. геол. наук. – Барнаул, 1998. – 21 с.

Черемисин Д.В. Наскальные изображения Джурамала (Горный Алтай) // Древнее искусство Азии. Петроглифы. – Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1995. – С. 75–81.

Черемисин Д.В., Зоткина Л.В., Миклашевич Е.А., Лбова Л.В., Женест Ж.-М., Плиссон Ю., Кретан К. Исследование технологических особенностей наскаль-

ных изображений Горного Алтая в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX – С. 362–368.

Черемисин Д.В., Зоткина Л.В., Плиссон Ю., Кретан К. Исследование петроглифов Калгутинского Рудника в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 314–317.

Cheremisin D.V. Les représentations rupestres de l'Altai du Sud // Dossiers d'Archéologie. – Dijon: Faton, 1996. – No. 212. – P. 66–73.

References

Cheremisin D.V. Naskal'nye izobrazheniya Dzhuramala (Gornyy Altai) // Drevnee iskusstvo Azii. Petroglify. Kemerovo: Kem. gos. un-t, 1995. Pp. 75–81. (In Russ.).

Cheremisin D.V. Les représentations rupestres de l'Altai du Sud // Dossiers d'Archéologie. Dijon: Faton, 1996. No. 212. Pp. 66–73.

Cheremisin D.V., Zotkina L.V., Miklashevich E.A., Lbova L.V., Geneste J.-M., Plisson H., Cretin C. Issledovanie tekhnologicheskikh osobennostey naskal'nykh izobrazheniy Gornogo Altaya v 2013 godu // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk, Izd-vo IAET SO RAN, 2013. Vol. XIX. Pp. 362–368. (In Russ.).

Cheremisin D.V., Zotkina L.V., Plisson H., Cretin C. Issledovanie petroglifov Kalgutinskogo rudnika v 2014 godu // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. XX. Pp. 314–317. (In Russ.).

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Drevnejshie naskal'nye izobrazheniya ploskogor'ya Ukok. Novosibirsk: Nauka, 1999. 160 pp. (In Russ.).

Red'kin A.G. Prirodnye usloviya ploskogor'ya Ukok v pozdnem pleystotsene – golotsene: avtoref. ... dis. kand. geol. nauk. Barnaul, 1998. 21 pp. (In Russ.).

Д.В. Черемисин^{1, 2}, В.В. Казаков^{2, 3}, В.С. Ковалев², М.В. Жарикова²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирский государственный университет

³Новосибирский государственный университет экономики и управления

E-mail: topsya@bk.ru

ОПЫТ ТРЕХМЕРНОГО СКАНИРОВАНИЯ НАСКАЛЬНЫХ РИСУНКОВ С ПОМОЩЬЮ ТЕХНОЛОГИИ СТРУКТУРИРОВАННОГО ПОДСВЕТА*

Методика изучения памятников наскального искусства постоянно развивается. Местонахождения петроглифов, нанесенных на скальные плоскости, содержат тысячи изображений, принадлежащих разным хронологическим пластам. Традиционные методы документирования фигур дополняют новые способы фиксации петроглифов, разработанные на основе цифровых информационных технологий. Методы 3D-сканирования позволяют получать модель петроглифа и его окружения в цифровом виде, пригодном для последующей машинной обработки и изучения. Трехмерные модели наиболее удобны для задач классификации и систематизации форм петроглифов, трасологических исследований, проведения широких сравнительных исследований, тиражирования копий и др. В статье описываются технология сканирования с помощью структурированного подсвета и возможности данного метода на примере использования оборудования RangeVision. Отмечаются особенности и преимущества представленного метода по сравнению с технологией фотограмметрии. Авторами статьи проанализирован опыт 3D-сканирования петроглифов, осуществленного в 2015 г. на археологическом памятнике Соок-Тыт (Республика Алтай). Опыт показал меньшую трудоемкость процесса получения 3D-моделей по сравнению с методом фотограмметрии. В статье рассмотрены этапы работ в полевых условиях – доставка и настройка оборудования, условия и время автономной работы, а также элементы постобработки в лаборатории, такие как склейка кадров в панораму, удаление шумов, наложение текстуры. Рассмотрены возможности визуализации полученных моделей, в том числе расстановка источников света, наиболее четко выявляющих рисунок. В результате работы получены модели многофигурных композиций с изображением колесниц бронзового века и сцены с оленями в стиле «олениных камней». Представлена визуализация – скриншоты трехмерных сцен с использованием программных фильтров, улучшающих отображение полученных композиций.

Ключевые слова: петроглифы, Алтай, 3D-сканирование, автоматическая классификация.

D.V. Cheremisin^{1, 2}, V.V. Kazakov^{2, 3}, V.S. Kovalev², M.V. Zharikova²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State University

³Novosibirsk State University of Economics and Management

E-mail: topsya@bk.ru

THE EXPERIENCE OF 3D STRUCTURED ILLUMINATION SCANNING OF ROCK IMAGES

The methods of rock art study constantly develop. The petroglyphic occurrences on the rock surfaces contain the thousands of images, related to different chronological spans. New approaches of petroglyphs fixation, based on digital-still information technology, added the traditional methods of documentation of the figures. The methods of 3D scanning permit to get the model of petroglyph and its surrounding in digital form, which can be applied for further computer processing and studying. The 3D models of petroglyphs are well-behaved for classification and systematization of the petroglyphic forms, use-wear research, extended comparison study, copying and etc. We present here the technology of 3D-structured illumination scanning and its possibilities as exemplified by the use of RangeVision outfit. We describe here the specifics and superiorities of this method in comparison with technology of photogrammetry. The authors of this study had analyzed the experience of 3D scanning of petroglyphs, carried out at the Sook Tyt the archaeological site (Republic

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-21-08002.

of Altai) in 2015. Experience has demonstrated that the creation of 3D model is less labour-intensive process than method of photogrammetry. The article considers the work stages in the field: moving-in and adjustment of equipment, conditions and time of autonomous battery life, and elements of post-processing in the lab, such as panorama merge, the noise effect removing, texture mapping. We consider the possibilities of model visualization, including the arrangement of illuminants, which the clearly marked out the image. As a result, we have gotten the models of multifigured compositions with images of the Bronze Age wains and hunting scenes with deer in the manner of deer stones. The authors present the screenshots of 3D scenes with use of software filters for enhanced visions of received compositions.

Keywords: *petroglyphs, Altai, 3D scanning, automatic classification.*

Наряду с традиционными методами документации наскальных изображений, такими как фотографирование объектов, производство эстампов и перевод изображений на прозрачные материалы, все большую популярность среди специалистов в области петроглифоведения приобретают методы трехмерного сканирования, которые позволяют получить модели скальных поверхностей с петроглифами.

Трехмерная модель, полученная при помощи 3D-сканирования, за счет наличия данных о рельефе позволяет сохранить в электронном виде наиболее точную и подробную информацию об оригинальном объекте, что дает возможность перенести часть исследований в лабораторию, а также применять вычислительные методы для решения задач петроглифоведения. Это касается документации, классификации и систематизации форм петроглифов [Seidl, Wieser, Alexander, 2015], трасологических исследований [Plisson, Zotkina, 2015], проведения широких сравнительных исследований, включающих технологию нанесения петроглифов из разных регионов мира, тиражирования копий и др. Одним из наиболее распространенных среди исследователей, археологов и музееведов методов получения 3D-моделей является фотограмметрия – технология, позволяющая строить трехмерные модели на основе набора цифровых фотографий, сделанных под разными углами относительно объекта. Такой метод прежде всего удобен тем, что из технического оснащения требует только наличия цифровой фотокамеры и компьютера со специализированным программным обеспечением. С помощью фотограмметрии можно получить относительно точные трехмерные модели предметов с автоматически сгенерированными текстурами (информацией о цвете точек модели). Однако фотограмметрия обладает и существенными недостатками: высокая трудоемкость процесса создания необходимого набора фотоснимков в полевых условиях, сложность визуальной оценки ожидаемого результата (качество работы может быть оценено только после окончания процесса фотографирования и работы программы построения модели).

В сравнении с фотограмметрией преимуществами метода трехмерного сканирования являются высокая скорость получения модели, непосредственный контроль качества трехмерных снимков в процессе работы, гарантированная точность на относительно больших поверхностях. При этом сканирование методом структурированного подсвета кроме навыков 3D-сканирования требует наличия специализированной аппаратуры и ее калибровки перед использованием. Для трехмерного сканирования требуются особые условия освещенности, компьютер и программное обеспечение для получения 3D-моделей. Принцип метода сканирования с использованием структурированного подсвета заключается в том, что при помощи видеопроектора в автоматическом режиме определенное количество образцов с полосками проецируется на объект. Камеры фиксируют объект с различных сторон (сверху, справа или слева от проектора). На основе преобразований образца полосок вычисляется 3D-сетка поверхности объекта.

Одной из задач, поставленных перед авторами, было получение 3D-моделей петроглифов для их дальнейшей обработки, автоматического анализа и классификации. Автоматизированная классификация петроглифов позволила бы организовать базу данных, а в дальнейшем найти новые связи и закономерности в развитии наскального искусства разных регионов. В настоящее время осуществляются проекты исследовательских групп по разработке компьютерных программ, распознающих и систематизирующих изображения наскальных рисунков в автоматическом и полуавтоматическом режиме [Seidl, Wieser, Alexander, 2015; Deufemia, Mascardi, Paolino et al., 2014]. В данных проектах применяются алгоритмы «компьютерного зрения» по отношению к двумерным изображениям, однако использование трехмерных данных позволяет углубить систематику и добиться более точных классификаций.

Для отработки технологии получения 3D-моделей петроглифов был выбран археологический памятник, расположенный на правом берегу р. Чеган. Местонахождение петроглифов включает

изображения разных эпох от бронзового века до современности, выполненных в различной технике [Окладникова, 1988; Черемисин, 2003, 2006; Черемисин, Миклашевич, Бове, 2013]. Для трехмерного сканирования был использован сканер российского производства RangeVision Standart с камерами 1,3 МП. Данный сканер является бюджетным решением в линейке RangeVision и обладает возможностью улучшения за счет установки камер и проектора с более высокой разрешающей способностью. В качестве источника питания служил бензиновый генератор либо герметичный аккумулятор. При сканировании использовалась зона сканирования № 2 из комплекта поставки. Параметры сканера и зоны сканирования:

- размер зоны сканирования: $300 \times 225 \times 225$ мм;
- точность 3D-точки (среднеквадратичное отклонение): 0,05 мм;
- 3D-разрешение: 0,23 мм;
- рабочее расстояние: 0,52 м;
- разрешение камер: 1,3 МП;
- разрешение проектора: 1280×800 р;
- минимальное время создания одного снимка: 7 с.

Сканирование проводилось в ночное время, так как опыт показал, что свет проектора на каменной поверхности достаточно хорошо разли-

чим только в темноте. Таким образом, днем выбирались объекты для сканирования и заносились на карту, а незадолго до заката группа исследователей уходила пешком или уезжала на автомобиле к изучаемому объекту. Полезный вес комплекта оборудования составлял: 5 кг – трехмерный сканер, 1 кг – ноутбук, 20 кг – аккумулятор или 15 кг – бензиновый генератор, 1 кг – провода, кабели и другие аксессуары. Данный комплект (с аккумулятором) на небольшие расстояния (до 1 км) может быть перенесен командой исследователей из двух человек.

Установка и подключение техники, а также ее калибровка занимали до 20 мин. После процедур настройки и калибровки сканирование одного фрагмента занимало ок. 30–60 с. Отклонение точки поверхности при сканировании составило не более 0,2 мм по любой из осей при ширине кадра 200 мм, что соответствует относительной точности 1/1000. За счет склейки композиции из 16 кадров была получена относительная точность 1/4000. Абсолютная точность представленного комплекта оборудования составила 0,23 мм, что не является пределом для данной технологии. Так, на данном оборудовании точность может быть доведена до 0,12 с помощью улучшения CMOS-камер. Предел относительной точности фотограмметрии

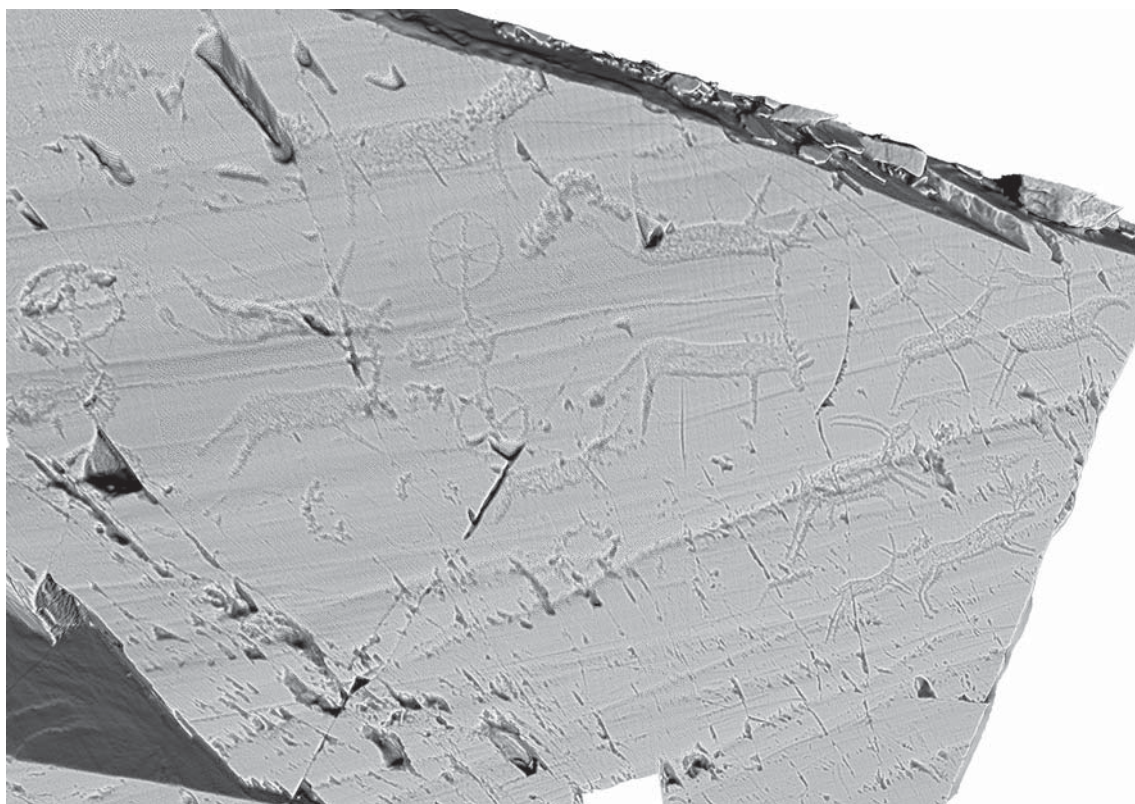

Рис. 1. Модель скальной плоскости с изображением колесниц и животных, полученная при обработке результатов сканирования с применением шейдера Radiance Scaling в приложении Meshlab.

сопоставим с технологией сканирования с помощью структурированного подсвета, но достигается значительно большими усилиями [Plisson, Zotkina, 2015].

Для сканирования были выбраны характерные петроглифы разных эпох – многофигурные композиции с изображением колесниц бронзового века (рис. 1), сцена с оленями в стиле «оленных камней» (рис. 2) и др. На некоторых из композиций использовалось питание от генератора, на других – от аккумулятора. Опыт показал, что данные источники питания способны обеспечить работу комплекта оборудования в течение более чем 2 ч.

Полученные в результате трехмерного сканирования группы 3D-снимков проходили последующую обработку в лабораторных условиях. Снимки фрагментов композиции соединялись в полуавтоматическом режиме с использованием приложений RangeVision ScanMerge и David Laserscanner, помехи убирались при помощи Pixologic ZBrush. При помощи этого же приложе-

ния на поверхность 3D-модели наносилась текстура на основе сделанных фотографий.

Особенностью визуализации полученных 3D-моделей и преимуществом перед традиционными методами съемки являются возможности изменения угла обзора и ручного изменения силы, цвета и положения источников освещения модели по желанию исследователя, а также применение различных программных фильтров для улучшения изображения и выделения сюжетов. На рис. 1. представлена модель, полученная с применением программного фильтра Radiance Scaling в приложении Meshlab, дополнительно подсвечивающего рельефные места трехмерного изображения. На рис. 2 представлен результат постобработки 3D-модели: при помощи маски выделены изображения фигур, произведена ретопология полигональной сетки, создана карта нормалей поверхности, настроены источники освещения, настроена камера и выполнен фотореалистичный рендеринг в приложении Blender.

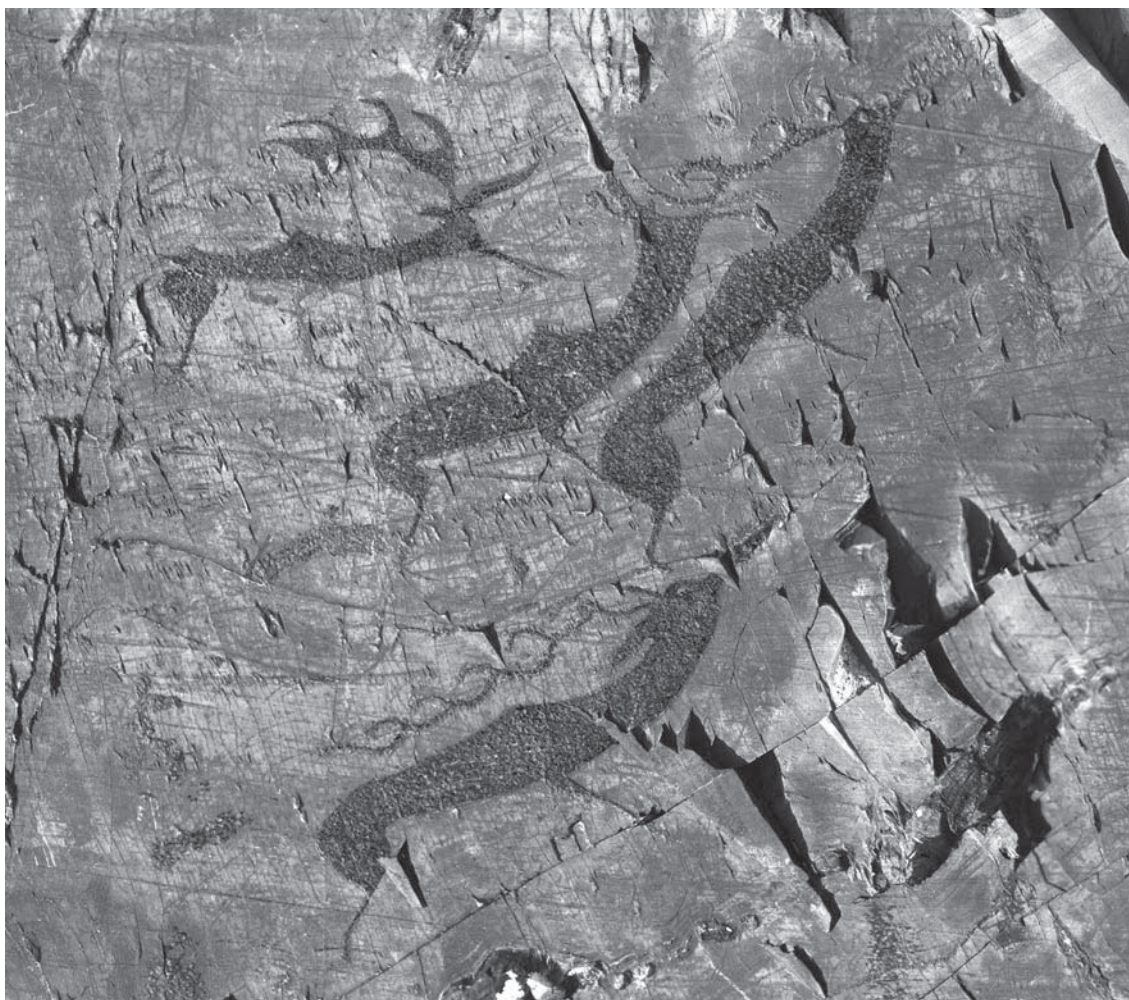

Рис. 2. Модель скальной плоскости с изображением оленей в стиле «оленных камней». Выделены изображения по маске. Рендеринг в Blender.

В результате впервые осуществленных на Алтае работ с применением сканера был получен уникальный опыт 3D-сканирования петроглифов методом структурированного подсвета. Выявлены недостатки и преимущества данного метода по сравнению с фотограмметрией и традиционными способами фиксации петроглифов. Материалы, полученные в виде 3D-моделей петроглифов, пригодны для систематизации и дальнейших исследований в области применения алгоритмов автоматического анализа и классификации петроглифов. Создан задел для дальнейшей работы в направлении междисциплинарных исследований первобытного искусства Евразии.

Список литературы

Окладникова Е.А. Граффити Кара-Оюка, Восточный Алтай // Материальная и духовная культура народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 140–158. – (Сб. МАЭ; т. XLII).

Черемисин Д.В. Наскальная композиция с изображением колесницы и «танцоров» из Чаганки (Кара-Оюка), Алтай // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2003. – № 4. – С. 57–63.

Черемисин Д.В. Исследование петроглифов Юго-Восточного Алтая в 2006 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XII, ч. I. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – С. 501–504.

Черемисин Д.В., Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Документирование наскальных изображений Юго-Восточного и Центрального Алтая в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 369–373.

Deufemia V., Mascardi V., Paolino L., Polese G., Lumley H. de A volunteered geographic information system for collecting and rating petroglyph data // J. of Visual Languages and Computing. – 2014. – Vol. 25.

Plisson H., Zotkina L.V. From 2D to 3D at macro- and microscopic scale in rock art studies // Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage. – 2015. – <http://dx.doi.org/10.1016/j.daach.2015.06.002i>

Seidl M., Wieser E., Alexander C. Automated classification of petroglyphs // Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage. – 2015. – Vol. 2. – P. 196–212.

References

Cheremisin D.V. Naskal'naya kompozitsiya s izobrazheniem kolesnitsy i «tancorov» iz Chaganki (Kara-Oyuka), Altai // Arkheologiya, etnografiya, antropologiya Evrazii. 2003. No. 4. Pp. 57–63. (In Russ.).

Cheremisin D.V. Issledovanie petroglifov Yugo-Vostochnogo Altaya v 2006 g. // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. 2006. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2006. Vol. XII, Pt. I. Pp. 501–504. (In Russ.).

Cheremisin D.V., Miklashevich E.A., Bove L.L. Dokumentirovanie naskal'nykh izobrazheniy Yugo-Vostochnogo i Tsentral'nogo Altaya v 2013 godu // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2013. Vol. XIX. Pp. 369–373. (In Russ.).

Deufemia V., Mascardi V., Paolino L., Polese G., Lumley H. de A volunteered geographic information system for collecting and rating petroglyph data // Journal of Visual Languages and Computing 2014. Vol. 25.

Okladnikova E.A. Graffiti Kara-Oyuka, Vostochny Altai // Material'naya i dukhovnaya kul'tura narodov Sibiri. Leningrad: Nauka, 1988. Pp. 140–158. (Sb. MAE; Vol. XLII). (In Russ.).

Plisson H., Zotkina L.V. From 2D to 3D at macro- and microscopic scale in rock art studies // Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage. 2015. <http://dx.doi.org/10.1016/j.daach.2015.06.002i>

Seidl M., Wieser E., Alexander C. Automated classification of petroglyphs // Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage. 2015. Vol. 2. Pp. 196–212.

Д.В. Черемисин, Е.А. МиклашевичИнститут археологии и этнографии СО РАН
E-mail: cheremis@archaeology.nsc.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕТРОГЛИФОВ ПАМЯТНИКА СООК-ТЫТ (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ АЛТАЙ) В 2015 ГОДУ*

В статье публикуются результаты исследования петроглифов местонахождения Соок-Тыт на юге Российского Алтая. Многочисленные наскальные изображения разных эпох соседствуют друг с другом на скалах в долине р. Чаган. Поздние рисунки на скалах зачастую перекрывают и дополняют петроглифы, нанесенные тысячелетиями ранее. Многие фигуры не раз подновлялись, включались в новые композиции. Изображения сконцентрированы на вершинах возвышенностей, которые несколькими рядами спускаются к реке. При помощи цифровой полноформатной фотокамеры была проведена фотофиксация скальных поверхностей с последующей графической прорисовкой плоскостей с изображениями, выполненными в разной технике. Применялись фотографирование по фрагментам и монтаж полученных снимков в единую «фотомодель», по размерам многократно превосходящую оригинал. Это позволило рассматривать детали на экране компьютера при сильном увеличении, а также осуществлять графическое цифровое воспроизведение на основе полученного «фотомонтажа». Полученные результаты демонстрируют продуктивность данной методики документирования петроглифов, особенно тончайших гравировок.

Публикуются прорисовки двух многофигурных композиций, относящихся к бронзовому веку, а также средневековые гравюры с одной из вершин. Представлены сюжеты охоты с луком и стрелами, объединенные общей семантикой. Детали изображений коня и оленей, а также оружие и экипировка охотника на этих композициях находят аналогии в петроглифах Монгольского Алтая. Рядом с фигурами, выбитыми на скале в эпоху бронзы, в раннем средневековье были выгравированы фигуры животных, пораженных стрелой, и лучника. Сюжеты, связанные с охотой, характерны для наскального искусства Алтая разных эпох – от бронзового века до современности.

Ключевые слова: Алтай, наскальное искусство, документирование петроглифов, пикетаж, гравировка, бронзовый век.

D.V. Cheremisin, E.A. MiklashevichInstitute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: cheremis@archaeology.nsc.ru

THE STUDY OF SOOK TYT THE PETROGLYPHIC SITE (SOUTHEASTERN ALTAI) IN 2015

We present here the results obtained in the course of study of Sook Tyt the petroglyphic occurrence in the south of Russian Altai/ The numerous asynchronous rock carvings are found side by side with each other on the rocks of Chagan River valley. Often the latest images overlap and add the earlier, carved thousands years ago. Many figures renewed time after time and were included to new composition. The images concentrate on the tops of highlands, which down to the river in the form of a few rows. We carried out the photo-fixation of the rock surfaces with use of digital-still full-frame format camera and, then graphically rendered the surfaces with images, made by different techniques. We applied the photography of separate fragments and further montage to the single "photo-model" whose size is many times as large, than original. It gave an opportunity to examine the details in computer, using the high magnification, and to carry out the graphical digital-still presentation on the ground of the received "photomontage". The received results demonstrate the productivity of this method for documentation of petroglyphs, especially superfine engravings.

We publish the draw of two multi-figured compositions, dated to Bronze Age, and medieval engravings from the one of the hilltops. It contains the subject of hunting with bow and arrows, united by common signifieds. Details of horse and deer images as well as weapon and hunting equipment are similar to petroglyphs of Mongolian Altai. The Early medieval animal figures, slain by an arrow, and archer were engraved near the figures, knocking out on the rock in Bronze Age. The hunting subjects are typical of Altaian rock art from Bronze Age to present time.

Keywords: Altai, rock art, documentation of petroglyphs, picketage, engraving, Bronze Age.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

В 2015 г. были продолжены полевые исследования петроглифов в бассейне р. Чаган на юго-востоке Горного Алтая (Кош-Агачский р-н Республики Алтай). Здесь располагается комплекс местонахождений наскального искусства, границы между которыми зачастую трудно определить, так как петроглифы покрывают практически все гладкие скальные выходы серого сланца, ставшего рыжеватым, коричневатым и черным от «пустынного загара» на всех возвышенностях вдоль р. Чаган. Памятники долины давно изучаются одним из авторов и частично опубликованы [Черемисин, 2004, 2005, 2011; и др.].

Одним из наиболее интересных объектов комплекса является местонахождение петроглифов в местности Соок-Тыт на правом берегу Чагана. Изображения разных эпох, от бронзового века до современности, нанесены здесь на горизонтальные и наклонные скальные выходы; одиночные образы и многофигурные сцены встречаются во всех направлениях, «ковром» покрывая любые пригодные для нанесения рисунков поверхности. Несмотря на лакуны, разломы, выветренные и разрушенные участки, сохранившиеся поверхности с петроглифами образуют единое «культурное пространство». Сюжетные темы, доминирующие образы причудливо перекликаются; композиции не имеют четких границ ни во времени, ни в пространстве: эпоха за эпохой они дополнялись, переосмысливались, подновлялись. Очень редко можно найти «чистую», однослойную композицию – чаще всего петроглифы ранних эпох перекрыты более поздними, многие фигуры подновлены, включены в новые сцены. Эта особенность памятника делает особенно трудными и в то же время интересными задачи его документирования, атрибуции и интерпретации.

Для нанесения изображений использованы разнообразные технические приемы создания петроглифов: пикетаж, глубокая и поверхностная гравировка, шлифовка, протир, процарапывание патины. Во многих изображениях эти техники искусно комбинируются. Размеры и детализация образов сильно варьируют: от крупных обобщенных фигур в технике пикетажа до таких миниатюрных гравировок, снабженных мельчайшими деталями, которые трудно рассмотреть невооруженным глазом и тем более скопировать традиционными методами. Качество скального субстрата не только позволило создать эти изображения тысячелетия назад, но и сохранило их видимыми для нас, несмотря на суровый климат Алтайских гор.

Особенности таких петроглифов (комбинированная техника, тонкие детали, палимпсесты, подновления) наилучшим образом можно выявить при

использовании современных цифровых методов документирования. Применялись фотографирование плоскости фрагментами на полнокадровую камеру и монтаж полученных снимков в единую «фотомодель», по размерам в несколько раз превосходящую оригинал. Это позволило рассматривать детали на экране компьютера при сильном увеличении, а также осуществлять графическое цифровое воспроизведение на основе полученного «фотомонтажа». О преимуществах данного метода в сравнении с традиционным переводением изображений на прозрачные материалы, особенно при документировании гравированных рисунков, мы неоднократно писали [Черемисин, 2004, 2011; Миклашевич, 2012; Черемисин, Миклашевич, Бове, 2013; и др.].

В качестве примера, характеризующего особенности памятника Соок-Тыт и представляющего результаты его документирования по описанной методике, рассмотрим две интересные композиции. Они расположены в нескольких метрах друг от друга на вершине одной из возвышенностей (рис. 1, 1). Композиция 1 (рис. 1, 2) представляет редкий сюжет: в центре ее изображен лучник, стреляющий в коня. Вокруг расположены другие фигуры – кони, собаки (?), хищник и неопределенные животные. Все они выполнены в технике пикетажа, прослеживаются и отдельные гравированные линии. Хвосты коней показаны с шарообразным окончанием. В наскальном искусстве Алтая и Казахстана эпохи бронзы так обычно показываются хвосты у быков. Но о том, что здесь изображены лошади, свидетельствуют характерные черты экстерьера, в том числе торчащая грива, переданная с помощью особых технологических приемов (редкие косые выбоины и гравированные штрихи). Аналогичный сюжет – охотник с собаками стреляет из лука в коня – известен в Монгольском Алтае (памятник Цагаан-Салаа IV) [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 262].

У центральной фигуры коня показаны не только линия, идущая к его морде от руки лучника (стрела и линия ее полета ?), но и непонятные «выросты» на груди и линия с треугольным окончанием, отходящая от живота вниз. Линии, идущие от груди и живота, изображены в этой композиции также еще на двух фигурах коней, одного из которых атакуют собаки. Подобный предмет с треугольным окончанием висит за спиной лучника. Видеть в нем стрелу с наконечником не позволяет ни способ его показа у лучника, ни то, как он изображен под брюхом коня. Значение этого атрибута и смысл всей сцены пока остаются загадкой.

Рис. 1. Общий вид одной из возвышенностей памятника Соок-Тыт с указанием расположения рассматриваемых композиций (1) и прорисовка композиции 1 (2).

Композиция 2 содержит одновременные изображения, объединенные общей темой охоты, хотя, вероятно, с разным смысловым наполнением (рис. 2). К эпохе бронзы относится сцена с изображением бегущих вправо оленей и стреляющего в них лучника. Фигуры оленей выполнены в технике пикетажа, частого и глубокого по контуру, более разреженно-

го внутри него. При увеличении фотоизображений отчетливо прослеживаются линии гравированных эскизов, по которым производилась выбивка. Рога у оленей выполнены в комбинированной технике: гравировка, шлифовка и пикетаж. Выбоины внутри контуров фигур шлифованы, что делает их светлыми и хорошо заметными на фоне камня.

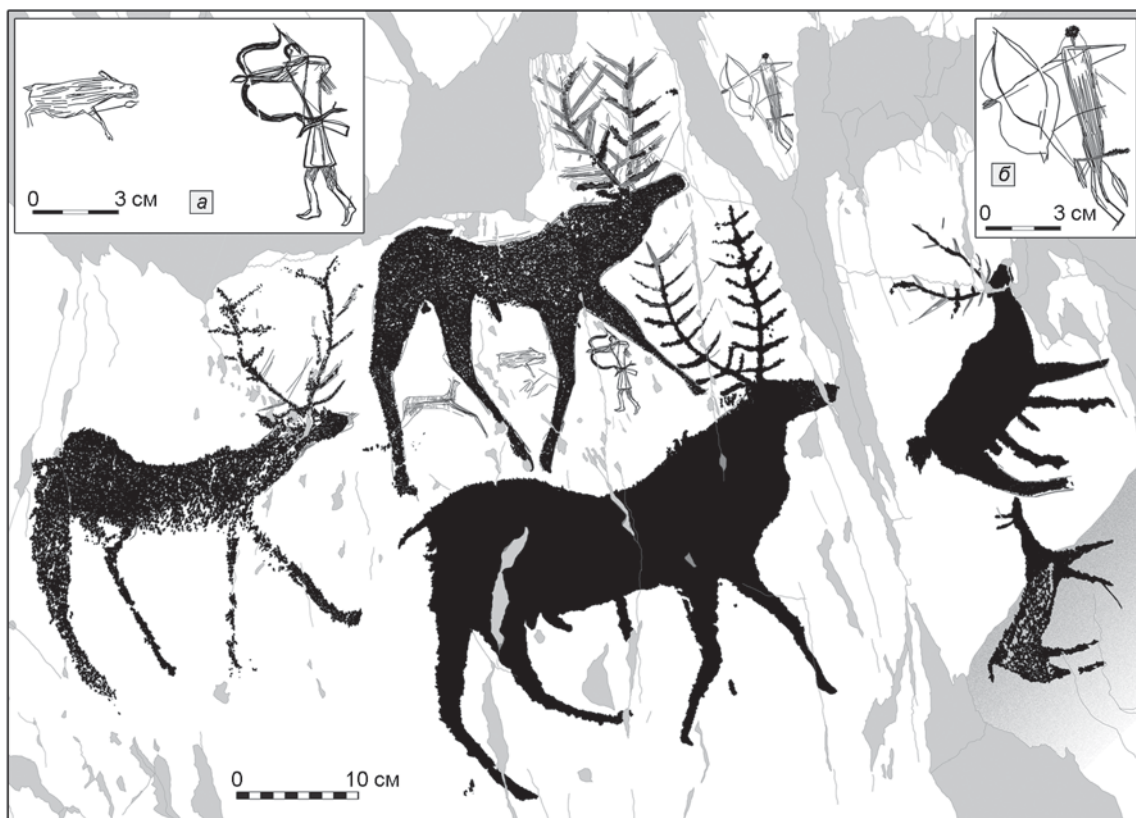

Рис. 2. Соок-Тыт, композиция 2: прорисовка (1) и увеличенные фрагменты с гравированными изображениями лучников (а, б), фотография фрагмента, показывающая использование разных технических приемов при создании образов (2).

Данный прием прослеживается не на всех изображениях и не по всей площади фигур; возможно, это более позднее подновление.

По нашему мнению, с оленями можно соотнести изображение лучника, выполненное в технике гравировки на отделенной трещинами небольшой

грани (рис. 2, 1, б) в верхней правой части. Лучник изображен с простым луком, на присогнутых ногах, со свисающим от пояса предметом – т.е. в позе и с атрибутами, характерными для персонажей «в грибовидных головных уборах», столь распространенных в наскальном искусстве Алтая эпохи

бронзы. Голова лучника выполнена пикетажем, как и колчан (?) на поясе. Очертания грибовидного головного убора проследить не удалось, возможно, он был намечен шлифовкой и сильно патинирован.

С композицией 1 эту сцену связывает то, что и здесь показаны странные «выросты», отходящие от живота животных, в данном случае оленей, а не коней. Эти непонятные «выросты» – не анатомическая деталь, так как половые признаки самцов-оленей тоже воспроизведены. Таким образом, значение отмеченного атрибута остается неясным, но повторение его в двух композициях с изображениями животных разного вида, выполненных в разных стилистических манерах (хотя и относящихся к одной эпохе), говорит о некоей значимой семантической нагрузке. Стоит отметить, что данный элемент присутствует также в петроглифах Монгольского Алтая (Хар-Салаа VII), и тоже в сцене охоты с собаками на лося [Кубарев, 2009, с. 267].

В древнетюркскую эпоху композиция, воспринятая как охота на оленей, была дополнена другой охотничьей сценой: между раскинутыми в беге ногами верхнего оленя вписаны выполненные в технике гравировки миниатюрные изображения оленя, пораженного стрелой кабана и лучника с натянутым сложным луком (рис. 2, 1, а; 2). У лучника изображены волосы, детали костюма и обуви, колчан и налучье на поясе. Судя по характерной изобразительной манере, эта сцена выгравирована тем же мастером, который нанес десятки документированных нами ранее подобных миниатюрных детализированных изображений на плоскости, располагающейся ниже описываемых [Черемисин, Миклашевич, Бове, 2013, рис. 1]. Характерно, что еще позже другой «соавтор» подновил фигуры обоих лучников: и того, который был выгравирован в эпоху бронзы, и древнетюркского, причем последнюю даже «подправил», нарисовав сложный лук вместо простого. Абрис подновлений прослеживается хорошо благодаря более слабой степени патинизации, но, к сожалению, он почти не дает возможности увидеть линии оригинальных рисунков.

Исследования памятника Соок-Тыт в 2015 г. показали продуктивность современных методов документирования петроглифов с использованием цифровой фотокамеры и последующим графическим воспроизведением деталей скальных поверхностей с изображениями. Возможности детализации фигур, разделения слоев в палимпсестах, воспроизведения тончайших гравировок и фактов подновления фигур, по нашему мнению, позволяют понять и раскрыть историю формирования памятника наскального искусства.

Список литературы

Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 420 с.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цаган-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.

Миклашевич Е.А. Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 157–202. – (Тр. САИПИ; вып. IX).

Черемисин Д.В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российской Алтая // Археология, этнография, антропология Евразии. – 2004. – № 1. – С. 40–51.

Черемисин Д.В. Исследование петроглифов Юго-Восточного Алтая в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 485–488.

Черемисин Д.В. Несколько наблюдений над граффити Горного Алтая // Древнее искусство в зеркале археологии: К 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 146–160. – (Тр. САИПИ; вып. VII).

Черемисин Д.В., Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Документирование наскальных изображений Юго-Восточного и Центрального Алтая в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 369–373.

References

Cheremisin D.V. Results of the most recent investigations into petroglyphs of the ancient turkic period in the southeastern russian Altai // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2004. No. 1. Pp. 39–49.

Cheremisin D.V. Issledovanie petroglifov Yugo-Vostochnogo Altaya v 2005 godu // Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk, 2005. Vol. XI, Pt. 1. Pp. 485–488. (In Russ.).

Cheremisin D.V. Neskol'ko nablyudeniy nad graffiti Gornogo Altaya // Drevnee iskusstvo v zerkale arkhologii. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011. Pp. 146–160. (In Russ.).

Cheremisin D.V., Miklashevich E.A., Bove L.L. Dokumentirovanie naskal'nykh izobrazheniy Yugo-Vostochnogo i Tsentral'nogo Altaya v 2013 godu // Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk, 2013. Vol. XIX. Pp. 369–373. (In Russ.).

Kubarev V.D. Petroglify Shiveet-Khayrkhana (Mongol'skiy Altai). Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2009. 420 pp. (In Russ.).

Kubarev V.D., Tseveendorzh D., Yakobson E. Petroglify Tsagan-Salaa i Baga-Oygura (Mongol'skiy Altai). Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2005. 640 pp. (In Russ.).

Miklashevich E.A. Tekhnika gravirovki v naskal'nom iskusstve skifskogo vremeni // Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Severnoy i Tsentral'noy Azii. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012. Pp. 157–202. (In Russ.).

Т.А. Чикишева, Д.В. Поздняков

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: chikisheva@ngs.ru

ДЛИНА ТЕЛА У НАСЕЛЕНИЯ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ ЭПОХИ БРОНЗЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПАМЯТНИКА СОПКА-2)*

В статье обобщены результаты изучения изменчивости антропологических особенностей костей посткраниального скелета в палеоантропологических сериях археологических культур эпох ранней и развитой бронзы, полученных из погребений на некрополе Сопка-2 в Барабинской лесостепи. Абсолютные размеры, пропорции, признаки моторной асимметрии отделов посткраниального скелета являются важным источником информации по адаптации популяций человека к окружающей среде. Особое внимание уделено длине тела – как генерализованному показателю продольных размеров костей скелета. Установлено, что пропорции тела во всех группах в целом мезоморфные, что характерно для адаптивного комплекса населения умеренных широт. В отношении длины тела обращает на себя внимание увеличение полового диморфизма за счет снижения длины тела в женских группах на двух культурно-хронологических комплексах – усть-тартасской и позднего этапа кротовской культуры. Таким образом, на протяжении эпохи бронзы на территории Барабы заметные и направленные изменения физического статуса скелета затрагивали женский контингент населения. Снижение длины тела при стабильности пропорций скелета у женщин усть-тартасской и позднего этапа кротовской культуры может объясняться комплексом факторов, приводящих к алиментарному стрессу. Данные наблюдения позволили сделать выводы о доминировании автохтонного антропологического компонента и максимальном участии в адаптогенезе эндогенного фактора автохтонного происхождения, а также о смягчении стрессогенной ситуации в эпоху развитой бронзы.

Ключевые слова: посткраниальный скелет, морфология, длина тела, популяция, палеоантропологическая серия, эпоха бронзы.

T.A. Chikisheva, D.V. Pozdnyakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: chikisheva@ngs.ru

HEIGHT AMONG POPULATION OF BARABA FOREST-STEPPE IN BRONZE AGE (AFTER MATERIALS OF SOPKA 2 SITE)

The article presents generalized results of study, devoted to variability of anthropological distinctions of postcranial bones in paleoanthropological series of archaeological culture, related to Early and developed Bronze Age and received in the burials of Sopka 2 necropolis in Baraba forest-steppe. Absolute quantity, proportions, marks of motor asymmetry of parts of postcranial skeleton are the important source of data on human adaptation to environment. We put a greater emphasis on the height as a generalized mark of longitudinal dimension of skeletal bones. It was determined that body proportions are generally mesomorphic in all group. It characterizes the adaptive complex of population in middle latitudes. From perspective of height, the sexual dimorphism come under notice, which increased over the shortening of bodies in female groups of two cultural chronological complexes – Ust-Tartas and late Krotovo culture. Thus, noticeable and directional changes in the physical status of the skeleton affected the female populations in the territory of Baraba during the Bronze Age. Complex of factors that led to alimentary stress, can explain the shortening of the body at the current proportions of the female skeletons in Ust-Tartas and late Krotovo cultures. These observations allow for the conclusions about the dominance of the indigenous anthropological component and maximal participation of endogenous factor of autochthonous origin in adaptogenesis, as well as about extenuation of stressful situation during developed Bronze Age.

Keywords: postcranial skeleton, morphology, height, population, paleoanthropological series, Bronze Age.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Оценка длины тела, являющейся генерализованным показателем продольных размеров скелета, дает разноплановую информацию как популяционного, так и индивидуального уровня, что делает ее одним из важных компонентов палеоантропологического исследования. Реконструировав длину тела, мы получаем более полную характеристику физического облика членов группы, каждый из которых занимал в ней определенное место (социальный статус), обусловленное в значительной мере особенностями и потенциальными возможностями телесной конституции, в которой рост человека имеет одну из ведущих позиций. На трансформацию длины тела в популяции в пределах ее генетически детерминированного лимита (эндогенного фактора) оказывает влияние окружающая среда, как природная (климато-ландшафтные условия и диктуемые ими стратегии жизнеобеспечения), так и социальная (особенности внутривидовой гендерной и возрастной структуры, межпопуляционные взаимоотношения, способствующие отбору индивидов с теми или иными качествами физического развития). Человечество на протяжении всей истории своего существования подвержено также временным флуктуирующим изменениям размеров и формы тела, в основе которых лежит сложная система причинно-следственных связей, в которую вовлечены внутривидовые эволюционные механизмы, нейрогуморальная регуляция процессов роста, эпидемические стрессы пищевые и психологические установки и стрессы и многие другие факторы. В современной антропологии одним из лидирующих аспектов изучения длины тела становится исследование связи этого биологического параметра популяций с трансформациями в их социокультурной сфере [Stulp, Barrett, 2014].

Особый интерес представляют исследования, целью которых является изучение эпохальной изменчивости параметров скелета и длины тела в локальной историко-географической области, где происходила многократная смена археологических культур. В отечественной антропологии такой подход в отношении древнего населения Южной Сибири был использован М.Б. Медниковой, сопоставившей скелетные размеры популяций в хронологическом диапазоне, охватывающем более двух тысячелетий (от эпохи энеолита до раннего железного века включительно), в локальном районе этого региона – на территории Минусинской котловины [Медникова, 1995]. Обнаруженный характер изменений продольных размеров скелета интерпретирован в данном

исследовании в контексте циклических колебаний увлажненности климата, воздействующих на морфологические особенности популяций Минусинской котловины опосредованно, через смену хозяйственной деятельности и миграции населения.

Что касается длины тела, то при простоте и легкости получения этого параметра в современных популяциях для древних групп населения (палеопопуляций) его реконструкция, опирающаяся на изолированные кости посткраниального скелета, сопряжена с целым рядом методологических и методических трудностей и в большинстве исследований российских антропологов не производится или имеет иллюстративное значение [Ражев, 2009]. Для палеоантропологических исследований Д.И. Пежемским предложена концепция остеологической конституции, суть которой сводится к описанию особенностей телосложения через категории остеометрических признаков костей посткраниального скелета без использования процедуры восстановления соматологических характеристик [Пежемский, 2011].

Тем не менее длина тела остается важнейшим морфологическим признаком, и в нашем исследовании мы предпринимаем попытку использования информационного потенциала, который может заключать в себе этот параметр, математически реконструированный на палеопопуляционном уровне.

Наше исследование направлено на обобщение данных по длине тела, реконструированной для палеоантропологических серий, полученных из погребений некрополя Сопка-2 в Барабинской лесостепи, относящихся к нескольким сменявшим друг друга в этом локальном районе Западно-Сибирского региона археологическим культурам эпохи бронзы – усть-тартасской, одиновской, кротовской и позднекротовской.

Усть-тартасская культура выделена В.И. Молодиным на основе погребальных комплексов Сопка-2/3 и Сопка-2/3А [Молодин, 2001]. Она существовала в лесостепном междуречье Оби и Иртыша в IV – первой половине III тыс. до н.э., но «ее начало можно искать в конце V тыс. до н.э.» [Там же, с. 117].

Сменившая усть-тартасскую одиновская культура представлена на некрополе погребальным комплексом Сопка-2/4А [Молодин, 2012; Молодин, Марченко, Гришин, Орлова, 2010]. Памятники одиновского типа распространены в лесостепной зоне Восточного Зауралья и Западной Сибири, время существования этой культуры – первая половина III тыс. до н.э. [Молодин, 2008,

2010; Молодин, Парцингер, Марченко и др., 2008]. Радиоуглеродные даты для погребального комплекса Сопка-2/4А лежат в хронологическом интервале XXIX–XXVII вв. до н.э. [Молодин, Марченко, Гришин, Орлова, 2010; Молодин, Марченко, Орлова, Гришин, 2012].

Генезис кротовской культуры протекал во второй половине III – первой половине II тыс. до н.э. на лесостепных пространствах Верхнего Приобья и Обь-Ирышья, в том числе и в Барабинской лесостепи [Молодин, 1977, 1985, 2010]. Кротовский пласт захоронений некрополя Сопка-2 подразделяется на два этапа. Первый, или классический, этап (погребальный комплекс Сопка-2/4Б) датируется второй половиной III тыс. до н.э., второй, или поздний, этап (Сопка-2/4В) – первой половиной II тыс. до н.э. [Молодин, Пилипенко, Чикишева, 2013]. Для ряда погребений первого этапа кротовской культуры имеются даты, относящие их к первой половине III тыс. до н.э., т.е. синхронизирующие их с одиновскими погребениями [Молодин, Марченко, Гришин, Орлова, 2010], что подтверждает, по мнению исследователей, гипотезу В.И. Молодина [2010] о сосуществовании в Барабинской лесостепи в первой половине III тыс. до н.э. двух линий развития культур. На втором этапе развития кротовской культуры наблюдаются изменения, связанные сначала с опосредованными, а затем с непосредственными контактами кротовского населения с пришедшими в Обь-Иртышскую лесостепь племенами андроновской (фёдоровской) культуры [Молодин, Пилипенко, Чикишева, 2013].

Чрезвычайно редко в силу тафономических условий археологических захоронений при реконструкции длины тела может быть использован анатомический метод, в основе которого лежит использование всех элементов скелета, формирующих рост человека. Поэтому в палеоантропологических исследованиях в основном применяется так называемый математический метод, основанный на уравнениях регрессии, описывающих связь длины тела с размерами длинных костей скелета в современных популяциях.

Для реконструкции длины тела мы использовали несколько формул, построенных по уравнениям регрессии для проксимальных и дистальных сегментов верхней и нижней конечности, вошедших в руководство по остеометрии В.П. Алексеева [1966]. Отобранные В.П. Алексеевым способы из множества разработанных физическими антропологами и судебными медиками к середине XX в. являются наиболее адекватными остеологическому материалу с территории Евразии.

В их основу положены исследования репрезентативных серий, разных расовых групп современного населения, и они учитывают разные типы пропорций тела (долихоморфные, мезоморфные, брахиморфные). Мы использовали следующие способы реконструкции длины тела при мезоморфных его пропорциях: 1) К. Пирсона и А. Ли; 2) С. Дюпертюи и Д. Хеддэна; 3) Л. Мануврие; 4) А. Тельккя. Также мы использовали способ, предложенный сравнительно недавно М. Фельдсманом с соавторами [Feldsman, Kleckner, Lundy, 1990], в основу которого положено обнаруженное ими постоянство отношения длины бедренной кости к длине тела, которое может рассматриваться как константа и составляет при незначительных колебаниях 2,74.

Как известно, наибольший вклад в длину тела вносит нижняя конечность. Однако палеоантропологические серии иногда не оставляют исследователю выбора, и для реконструкции данного параметра используется тот материал, который сохранился в достаточной степени. На репрезентативной коллекции из некрополя Сопка-2 была возможность проверить соответствие длины тела, реконструированной по сегментам верхней и нижней конечностей. Мы проанализировали распределение реконструированной длины тела в каждой группе (см. *таблицу*).

Установлено, что пропорции тела во всех группах в целом мезоморфные, что характерно для адаптивного комплекса населения умеренных широт. В отношении длины тела обращает на себя внимание увеличение полового диморфизма за счет снижения длины тела в женских группах на двух культурно-хронологических комплексах – усть-тартасской и позднего этапа кротовской культуры. Таким образом, на протяжении эпохи бронзы на территории Барабы заметные и направленные изменения физического статуса скелета затрагивали женский контингент населения. Снижение длины тела при стабильности пропорций скелета у женщин усть-тартасской и позднего этапа кротовской культуры может объясняться комплексом факторов, приводящих к алиментарному стрессу. Теоретически увеличение уровня полового диморфизма должно быть сопряжено с уменьшением стресса, так как процесс роста у мужчин испытывает большее влияние стресса, чем у женщин. Данные наблюдения позволили сделать выводы о доминировании автохтонного антропологического компонента и максимальном участии в адаптогенезе эндогенного фактора автохтонного происхождения, а также о смягчении стрессогенной ситуации в эпоху развитой бронзы.

Показатели длины тела у населения культур эпохи бронзы по материалам могильника Сопка-2

Сегмент	Реконструкция по	Культура			
		Усть-тартасская		Одиновская	
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1	2	3	4	5	6
Плечевая кость	Пирсон, Ли	164	153	164	158
	Дюпертюи, Хэдден	170	158	170	163
	Мануврие	164	153	164	155
	Тельккя	166	154	166	153
Локтевая кость	Мануврие	172	162	161	159
	Тельккя	171	150	171	156
Лучевая кость	Пирсон, Ли	169	158	167	160
	Дюпертюи, Хэдден	173	162	171	163
	Мануврие	169	160	168	159
	Тельккя	174	157	175	158
Бедренная кость	Пирсон, Ли	166	155	165	159
	Дюпертюи, Хэдден	170	159	168	162
	Мануврие	165	154	164	153
	Тельккя	166	154	164	155
	Фельдсман и др.	169	158	166	155
Большая берцовая кость	Пирсон, Ли	166	156	166	159
	Дюпертюи, Хэдден	169	160	169	163
	Мануврие	165	157	165	156
	Тельккя	169	157	168	157
Малая берцовая кость	Мануврие	163	152	163	153
	Тельккя	166	152	166	155

Окончание таблицы

Сегмент	Реконструкция по	Культура			
		Кротовская		Позднекротовская	
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1	2	7	8	9	10
Плечевая кость	Пирсон, Ли	163	157	162	159
	Дюпертюи, Хэдден	169	162	168	165
	Мануврие	162	154	162	157
	Тельккя	165	152	164	155
Локтевая кость	Мануврие	170	159	169	166
	Тельккя	170	157	170	161
Лучевая кость	Пирсон, Ли	166	157	166	163
	Дюпертюи, Хэдден	170	160	169	166
	Мануврие	167	155	167	163
	Тельккя	170	156	170	160
Бедренная кость	Пирсон, Ли	165	159	162	153
	Дюпертюи, Хэдден	169	161	165	162
	Мануврие	164	151	160	154
	Тельккя	165	154	162	154
	Фельдсман и др.	166	154	161	155
Большая берцовая кость	Пирсон, Ли	165	159	166	158
	Дюпертюи, Хэдден	169	163	169	162
	Мануврие	165	155	165	154
	Тельккя	168	157	168	156
Малая берцовая кость	Мануврие	161	152	163	153
	Тельккя	164	154	167	155

Список литературы

Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. – М.: Наука, 1966. – 249 с.

Медникова М.Б. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. – М.: Изд-во ИА РАН, 1995. – 216 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1977. – 173 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Молодин В.И. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: Мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 20-летию Ин-та истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург, 2008. – С. 9–13.

Молодин В.И. Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее и будущее. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 61–76.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Орлова Л.А. Новые данные по радиоуглеродной хронологии погребальных комплексов могильника Сопка-2 эпохи ранней – развитой бронзы // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 240–246.

Молодин В.И., Марченко Ж.В., Орлова Л.А., Гришин А.Е. Хронология погребальных комплексов одиновской культуры памятника Сопка-2/4а (лесостепная полоса Обь-Иртышского междуречья) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. – Кн. 2. – С. 237–242.

Молодин В.И., Парцингер Г., Марченко Ж.В., Пиецонка Х., Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Гришин А.Е. Первые радиоуглеродные даты погребений эпохи бронзы могильника Тартас-1 (попытка осмысления) // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. I. – С. 325–328.

Молодин В.И., Пилипенко А.С., Чикишева Т.А., Ромашенко А.Г., Журавлев А.А., Поздняков Д.В., Трапезов Р.О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи IV–I тыс. до н.э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – 220 с.

Пежемский Д.В. Изменчивость продольных размеров трубчатых костей человека и возможности реконструкции особенностей телосложения: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – М., 2011. – 24 с.

Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. – Екатеринбург: УрО РАН, 2009. – 492 с.

Feldesman M.R., Kleckner J.G., Lundy J.K. Femur stature ratio and estimates of stature in mid- and late-Pleistocene fossil hominids // Am. J. Phys. Anthr. – 1990. – Vol. 83, No. 3. – P. 359–372.

Raxter M.H., Auerbach B.M., Ruff Ch.B. Revision of the fully technique for estimating statures // Am. J. Phys. Anthr. – 2006. – Vol. 130. – P. 374–384.

Stulp G., Barrett L. Evolutionary perspectives on human height variation // Biological Reviews. – Cambridge: Philosophical Society, 2014.

References

Alekseev V.P. Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy. Moscow: Nauka, 1966. 249 pp. (In Russ.).

Feldesman M.R., Kleckner J.G., Lundy J.K. Femur stature ratio and estimates of stature in mid- and late-Pleistocene fossil hominids // Am. J. Phys. Anthr. 1990. Vol. 83. No. 3. Pp. 359–372.

Mednikova M.B. Drevnie skotovody Yuzhnoy Sibiri: paleoekologicheskaya rekonstruktsiya po dannym antropologii. Moscow: Izd-vo IA RAN, 1995. 216 pp. (In Russ.).

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtys'ya. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1977. 173 pp. (In Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, Sib. otd-nie, 1985. 200 pp. (In Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi (kul'turno-khronologicheskiy analiz pogrebal'nykh kompleksov neolita i rannego metalla). Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2001. Vol. 1. 128 pp. (In Russ.).

Molodin V.I. Odiновskaya kul'tura v Vostochnom Zaural'e i Zapadnoy Sibiri. Problema vydeleniya // Rossiya mezhdu proshlym i budushchim: istoricheskiy opyt natsional'nogo razvitiya: Materialy Vseros. nauch. konf., posvyashch. 20-letiyu In-ta istorii i arkheologii UrO RAN. Ekaterinburg, 2008. Pp. 9–13. (In Russ.).

Molodin V.I. Sovremennye predstavleniya ob epokhe bronzy Ob'-Irtys'skoy lesostepi (k postanovke problemy) // Arkheologicheskie izyskaniya v Zapadnoy Sibiri: proshloe, nastoyashchee i budushchee. – Novosibirsk: Izd-vo Novosib. gos. ped. un-ta, 2010. Pp. 61–76. (In Russ.).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi: kul'turno-khronologicheskiy analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoy kul'tury. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2012. Vol. 3. 220 pp. (In Russ.).

Molodin V.I., Marchenko Zh.V., Grishin A.E., Orlova L.A. Novye dannye po radiouglerodnoy khronologii pogrebal'nykh kompleksov mogil'nika Sopka-2 epokhi ranney – razvitoй bronzy // Problemy arkheologii, etnografii

i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAETSORAN, 2010. Vol. XVI. Pp. 240–246. (In Russ.).

Molodin V.I., Marchenko Zh.V., Orlova L.A., Grishin A.E. Khronologiya pogrebal'nykh kompleksov odinovskoy kul'tury pamyatnika Sopka-2/4a (lesostepnaya polosa Ob'-Irtyskogo mezhdurech'ya) // Kul'tury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami. Book 2. St.Petersburg: IIMK RAN; Periferiya, 2012. Pp. 237–242. (In Russ.).

Molodin V.I., Parcinger G., Marchenko Zh.V., Pieconka H., Orlova L.A., Kuz'min Ya.V., Grishin A.E. Pervye radiouglerodnye daty pogrebeniy epokhi bronzy mogil'nika Tartas-1 (popytka osmysleniya) // Tr. II (XVIII) Vseros. arkheol. s'ezda v Suzdale. Moscow: IA RAN, 2008. Vol. I. Pp. 325–328. (In Russ.).

Molodin V.I., Pilipenko A.S., Chikisheva T.A., Romashchenko A.G., Zhuravlev A.A., Pozdnyakov D.V.,

Trapezov R.O. Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya nasele-niya Barabinskoy lesostepi IV–I tys. do n.e.: arkheologicheskiy, paleogeneticheskiy i antropologicheskiy aspekty. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2013. 220 pp. (In Russ.).

Pezhemskiy D.V. Izmenchivost' prodol'nykh razmerov trubchatykh kostey cheloveka i vozmozhnosti rekonstruktsii osobennostey teloslozheniya: avtoref. dis. ... kand. biol. nauk. Moscow, 2011. 24 pp. (In Russ.).

Raxter M.H., Auerbach B.M., Ruff Ch.B. Revision of the fully technique for estimating statures // Am. J. Phys. Anthr. 2006. Vol. 130. Pp. 374–384.

Razhev D.I. Bioantropologiya naseleniya sargatskoy obshchnosti. Ekaterinburg: UrO RAN, 2009. 492 pp. (In Russ.).

Stulp G., Barrett L. Evolutionary perspectives on human height variation // Biological Reviews. Cambridge: Philosophical Society, 2014.

Д.П. Шульга

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: danilo_petrovich@yahoo.com

ИССЛЕДОВАНИЕ «СЕВЕРНЫХ ВАРВАРОВ» КИТАЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Проблемы хронологической и культурной атрибуции карасукской культуры и культуры хунну, хотя их и разделяет более полувек, актуальны не только для эпохи поздней бронзы и поздней древности соответственно. Они непосредственно касаются и проблематики скифо-сибирского мира. Во-первых, многие исследователи не оставляют попыток найти в карасукской культуре истоки скифского искусства, что вполне естественно, поскольку последнее следует непосредственно за «карасуком» во времени и на той же территории. Во-вторых, по изображениям оружия, ножей и других предметов на оленных камнях Монголии было установлено, что эти предметы изготавливали с эпохи поздней бронзы и почти весь раннескифский период (т.е. с IX до конца VII в. до н.э.). В-третьих, было сделано предположение, что некоторые вещи карасукского облика продолжали производиться в Монголии и Северном Китае и в скифское время. Мнение Н.Л. Членовой о ножах и кинжалах не подтвердилось, но некоторые украшения действительно сохранялись на указанной территории от Забайкалья до Северного Китая даже в V в. до н.э. Культуры гунно-сяньбийского времени заменили собой скифоидные общности. Две эпохи, обрамляющие ранний железный век, не могут быть полностью изучены без привлечения материалов китайской археологии. Именно с попытки привлечения аналогий во многом началось активное изучение древностей КНР, которое уже на данном этапе достигло существенных успехов.

Ключевые слова: *номады, ранний железный век, историография, Северный Китай.*

D.P. Shulga

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: danilo_petrovich@yahoo.com

STUDY OF THE CHINESE “NORTHER BARBARIAN”: MATERIALS OF RUSSIAN RESEARCHERS

The half of century portions out the Karasuk and Xiongnu cultures, but the problems of their chronological and cultural attribution are relevant not only to the Late Bronze Age and Late Antiquity, respectively. They are immediately related to the problems of the Scythian-Siberian world. First, many researchers persevere in their attempts to find the sources of the Scythian art in Karasuk culture. It is no wonder, because this style of art follows by “Karasuk” in time and in the same area. Secondly, according to the images of weapons, knives and other objects on deer stones of Mongolia, it was purposed that these items were made since the Late Bronze Age, and during almost all of the Early Scythian period (i.e. from 9th to the end of 7th century BC). Thirdly, we suggested that some items of Karasuk character were continued to be produced in Mongolia, Northern China in the Scythian time. Opinion of N.L. Chlenova about the knives and daggers was not confirmed, but some ornaments really preserved at the territory from Transbaikial to Northern China even in the 5th century BC. The cultures of Xiongnu-Xianbei time took the place of Scythian communities. Two epochs on the boundaries of Iron Age can not be completely studied without materials of Chinese archaeology. Searching for analogies gave a life to intensive investigation of Chinese antiquities, which had fared quite well in that stage.

Keywords: *nomads, Early Iron Age, historiography, Northern China.*

Российские исследователи древностей еще в середине XX в. заметили, что вещи карасукского типа лишь незначительно распространяются к западу от места их основного скопления – Минусинской котловины. Однако они в относительно

большом количестве фиксировались в Забайкалье, Монголии и Северном Китае вплоть до Хуанхэ (Аньян). С.В. Киселев, на основании имевшихся археологических материалов и мнения антрополога Г.Ф. Дебеца, предполагал, что карасукская

культура Минусинской котловины сформировалась в результате прихода значительных масс населения из Северного Китая [Киселев, 1951, с. 115, 142–143]. В ходе дальнейших антропологических исследований это не подтвердилось [Козинцев, 1977; и др.]. Однако наличие связей (вероятно, опосредованных) между указанными территориями сомнений не вызывает. Особенно близкими они должны были быть у населения Минусинской котловины с культурой плиточных могил (КПМ) Монголии, для которой характерны как изделия «карасукского» облика, так и сходные надмогильные оградки из плит с угловыми камнями. Так или иначе, сходство инвентаря «карасукского» типа вызвало большой интерес к материалам Северного Китая, сохраняющийся по сей день.

Значимое предположение о связи Забайкалья и Монголии с Северо-Восточным Китаем в первой половине I тыс. до н.э. было сделано известным Китаеведом В.Е. Ларичевым, отметившим наличие в КПМ характерных для Китая триподов и сходство погребального обряда с культурами Дунбэя (Северо-Восточного Китая). По его мнению, КПМ в Монголии и Забайкалье сложилась при участии мигрантов из Дунбэя [Ларичев, 1959]. Эта точка зрения впоследствии была оспорена некоторыми исследователями [Волков, 1967, с. 44]. Между тем с накоплением материалов близость памятников Забайкалья и юга Маньчжурии и наличие связей между ними в раннем Чуньцю (VIII–VII вв. до н.э.) становятся все более заметными [Коновалов, 1996, с. 58–60; Комиссаров, 1987, с. 42; Шульга, 2010; и др.].

Заметным стимулом к изучению древностей Северного Китая скифского времени послужила и проблема происхождения хунну, хотя на территории России большая часть памятников хунну значительно моложе скифских и они слабо соотносятся между собой. По китайским легендам, возникновение этого народа было связано с переселением в среду «варваров» знатных выходцев из Китая еще в XI в. до н.э. Археологические материалы, по мнению многих зарубежных (в том числе китайских) специалистов, также указывают на довольно раннее формирование хунну [Bunker, 1997; Чжун Кань, Хань Кунхэ, 1985]. С ними связывается культура маоцингоу V–III вв. до н.э. (в непосредственной близости к Ордосу), в свою очередь восходящая к культуре юйхуанмяо VII–VI вв. до н.э. Поэтому многие занимающиеся хунну специалисты обращаются к материалам Северного Китая скифского времени. В этом отношении показательны статьи о происхождении хунну А.А. Ко-

валева, а также авторов сборника, посвященного 100-летию гуннской археологии, обратившихся к археологии Северного Китая скифского времени [Ковалев, 2002; Постнова, 1996; Коновалов, 1996] и даже эпохи бронзы [Варёнов, 1996].

Целенаправленно к китайским древностям обратились после раскопок курганов пазырыкской культуры, в том числе собственно в урочище Пазырык, где впервые были обнаружены импортные вещи из Китая: зеркало с «Т-образным» знаком, шелковые ткани и лаковые изделия [Киселев, 1951; и др.]. Однако по причине языкового барьера и затрудненного доступа к китайской литературе значительных исследований не проводилось.

Ситуация существенно стала меняться только с начала 90-х гг. XX в. Одним из первых было исследование Е.И. Лубо-Лесниченко, где найденные в Пазырыке импортные изделия рассматривались с привлечением доступных ему китайских источников. Е.И. Лубо-Лесниченко пришел к выводу, что зеркала и шелковые ткани поступали на Алтай и в Минусинскую котловину в IV–III вв. до н.э. из южнокитайского государства Чу по Западному Меридиональному пути и его ответвлению – Кыргызскому пути [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 222]. Чуть раньше вышел тематический сборник статей американских археологов, посвященный датировке импортных изделий из Пазырыка, где Э. Банкер привела близкие данные, но с опорой на археологическую литературу [Bunker, 1991]. Именно после выхода этого сборника в России началась длительная работа по пересмотру хронологии пазырыкской культуры в сторону ее омоложения. Начало этому процессу было положено статьей К.В. Чугунова [1993].

Собственно археологические материалы (как правило, из могильников «варваров», обитавших на границах китайских царств от Ганьсу до Маньчжурии) иностранные и русские ученые начали анализировать также довольно поздно – с 90-х гг. XX в. Причина в том, что систематические и достаточные крупные раскопки скифоидных памятников «варваров» начались в Китае сравнительно недавно – в 70–80-х гг. XX в., и только в 80–90-х гг. их начали публиковать. Значительная часть этих материалов была представлена в объемном сборнике «Ордосские бронзы» [Тянь Гуанцзинь, Го Сунсинь, 1986, с. 227–315, 342–371]. По нему в 1992 г. группа немецких специалистов издала на немецком языке публикацию об одном из наиболее ярких скифоидных памятников – могильнике Маоцингоу V–III вв. до н.э. Из зарубежных работ особо следует отметить монографию вышеупомянутой американской исследовательницы Э. Банкер на англ-

лийском языке [Bunker, 1997], подготовленную как своеобразное предисловие к описанию обширной коллекции бронзовых изделий из Северного Китая А. Саклера.

Из российских специалистов с археологическими материалами Северного Китая наиболее последовательно начиная с 1980-х гг. работали новосибирские востоковеды А.В. Варёнов и С.А. Комиссаров. Занимаясь культурами эпохи бронзы, они касались и более поздних периодов. В частности, статью С.А. Комиссарова по культуре верхнего слоя Сяцзядянь IX–VII вв. до н.э. можно считать первой достаточно крупной сугубо археологической работой по памятникам Северного Китая данного периода [Комиссаров, 1987]. Одну из первых статей с использованием материалов Северного Китая написала Н.В. Полосьмак, предположив участие тасмолинской культуры Центрального Казахстана в формировании культуры хунну [Полосьмак, 1990]. Вскоре это предположение было справедливо пересмотрено [Полосьмак, 1994]. В 1990-е гг. на скифоидные культуры Северного Китая обращают внимание и археологи из Санкт-Петербурга [Савинов, 1994; Хаврин, 1994]. А.А. Ковалевым была издана подборка изображений в зверином стиле, имеющих аналогии на Саяно-Алтае [Ковалев, 1999]. Важной вехой в долгом споре об аналогиях из Китая для бронзового века Сибири стала работа С.А. Комиссарова и А.И. Соловьева под руководством В.И. Молодина [Молодин, Комиссаров, Соловьев, 2005].

Как видим, начиная с 1990-х гг. материалы из Китая в русскоязычной (как и в зарубежной) археологической литературе фигурируют довольно часто, однако работы эти не очень велики по объему. С накоплением материалов в последнее десятилетие стало очевидно, что скифоидные культуры Южной Сибири были тесно связаны с культурами Китая и Монголии, а потому для понимания историко-культурной ситуации в регионе и решения вопросов датирования необходимо изучать и вводить в научный оборот материалы по скифоидным культурам Китая.

Список литературы

Варёнов А.В. Датировка оружия, изображенно-го на оленных камнях монголо-забайкальского типа и проблема археологических памятников ранних Сюнну // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. – Улан-Удэ, 1996. – Ч. I. – С. 3–6.

Варёнов А.В. Погребальные памятники скифо-сакского времени на юге Внутренней Монголии // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2010. – Т. 9, вып. 4: Востоковедение. – С. 39–46.

Волков В.В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. – 148 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.

Ковалев А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 75–82.

Ковалев А.А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ; Чита: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2002. – С. 103–131.

Козинцев А.Г. Антропологический состав и происхождение населения тагарской культуры. – Л.: Наука, 1977. – 144 с.

Комиссаров С.А. Комплекс вооружения культуры верхнего слоя Сяцзядянь // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 39–53.

Коновалов П.Б. О происхождении и ранней истории Хунну // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. – Улан-Удэ, 1996. – Ч. I. – С. 58–63.

Ларичев В.Е. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сборник. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. – Т. I. – С. 63–73.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути (Шелк и внешние связи Древнего и раннесредневекового Китая). – М.: Наука: Издат. фирма «Вост. литература», 1994. – 326 с.: ил.

Молодин В.И., Комиссаров С.А., Соловьев А.И. Еще раз о китайских источниках по эпохе бронзы и необходимости критического к ним отношения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 394–399.

Полосьмак Н.В. Некоторые аналогии погребения в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 101–107.

Полосьмак Н.В. Пазырыкская культура // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 137–144.

Постнова Т.А. К проблеме хронологии культуры хунну // 100 лет гуннской археологии. Номадизм: прошлое, настоящее в глобальном контексте и исторической перспективе. – Улан-Удэ, 1996. – Ч. I. – С. 55–58.

Савинов Д.Г. Могильник Бертек-33 // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 39–49.

Тянь Гуанцзинь, Го Сусинь. Оэрдосы ши цинтунци (田广金, 郭素新. 阿鲁柴登发现的金银器 // 鄂尔多斯式铜器) [Бронзы ордосского стиля]. – Пекин: Вэньу, 1986. – 402 с.

Хаврин С.В. Карасукская проблема? // Петербургский археологический вестник. – СПб., 1994. – Вып. 8. – С. 104–113.

Чжун Кань, Хань Кунлэ. Нинсяннаньбучуньцючжаньгошици дэ цинтунвэньхуа (钟侃, 韩孔乐. 宁夏南部春秋战国时期的青铜文化) [Бронзовая культура пе-

риода Чуньцю-Чжаньго в южной части Нинся]. – Пекин: Вэньучубаньшэ, 1985. – 253 с.

Чугунов К.В. Датировка Больших Пазырыкских курганов – новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1993. – Ч. I. – С. 167–169.

Шульга П.И. О хронологии и культурной идентификации памятников VIII–VI вв. до н.э. Забайкалья и Северного Китая // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы Междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 135–140.

Bunker E.C. The Chinese artifacts among the Pazyryk finds // Source. Notes in the History of Art. – 1991. – Vol. X, No. 4. – P. 20–24.

Bunker E.C. Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. – New York: Arthur M. Sackler Foundation, 1997. – 373 p.

References

Bunker E.C. The Chinese artifacts among the Pazyryk finds // Source. Notes in the History of Art. 1991. Vol. X, No. 4. Pp. 20–24.

Bunker E.C. Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes. New York: Arthur M. Sackler Foundation, 1997. 373 pp.

Chugunov K.V. Datirovka Bol'shikh Pazyrykskikh kurganov – novyy vitok staroy diskussii // Okhrana i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya. Barnaul, 1993. Pt. 1. Pp. 167–169. (In Russ.).

Khavrin S.V. Karasukskaya problema? // Peterburgskiy arkhologicheskiy vestnik. St. Petersburg, 1994. Iss. 8. Pp. 104–113. (In Russ.).

Kiselyov S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1951. 642 Pp. (In Russ.).

Komissarov S.A. Kompleks vooruzheniya kul'tury verkhnego sloya Syatszyadyan' // Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoy Azii. Novosibirsk: Nauka, 1987. Pp. 39–53. (In Russ.).

Konovalov P.B. O proiskhozhdenii i ranney istorii hunnu // 100 let gunnskey arkhologii. Nomadizm: proshloe, nastoyashchee v global'nom kontekste i istoricheskoy perspektive. Ulan-Ude, 1996. Pt. 1. Pp. 58–63. (In Russ.).

Kovalyov A.A. O svyazyah naseleniya Sayano-Altaya i Ordosa v V–III vekakh do n.e. // Itogi izucheniya skifskoy epokhi Altaya i sopredel'nykh territoriy. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 1999. Pp. 75–82. (In Russ.).

Kovalyov A.A. O proiskhozhdenii hunnu // Tsentral'naya Aziya i Pribaykal'ye v drevnosti. Ulan-Ude; Chita: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2002. Pp. 103–131. (In Russ.).

Kozintsev A.G. Antropologicheskiy sostav i proiskhozhdenie naseleniya tagarskoy kul'tury. Leningrad: Nauka, 1977. 144 pp. (In Russ.).

Larichev V.E. O proiskhozhdenii kul'tury plitochnykh mogil Zabaykal'ya // Arkheologicheskiy sbornik. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1959. Vol. 1. Pp. 63–73. (In Russ.).

Lubo-Lesnichenko E.I. Kitay na Shelkovom puti (Shelk i vneshnie svyazi drevnego i rannesrednevekovogo Kitaya). Moscow: Nauka. Izdat. firma "Vost. literatura", 1994. 326 pp. (In Russ.).

Molodin V.I., Komissarov S.A., Solov'ev A.I. Eshche raz o kitayskikh istochnikakh po epokhe bronzy i neobhodimosti kriticheskogo k nim otnosheniya // Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2005. Vol. XI, Pt. I. Pp. 394–399. (In Russ.).

Polos'mak N.V. Nekotorye analogii pogrebeniyam v mogil'nikе u derevni Daodun'tszy i problema proiskhozhdeniya syunnuskoy kul'tury // Kitay v epokhu drevnosti. Novosibirsk: Nauka, 1990. Pp. 101–107. (In Russ.).

Polos'mak N.V. Pazyrykskaya kul'tura // Drevnie kul'tury Bertekskoy doliny. Novosibirsk: Nauka, 1994. Pp. 137–144. (In Russ.).

Postnova T.A. K probleme khronologii kul'tury hunnu // 100 let gunnskey arkhologii. Nomadizm: proshloe, nastoyashchee v global'nom kontekste i istoricheskoy perspektive. Ulan-Ude, 1996. Pt. 1. Pp. 55–58. (In Russ.).

Savinov D.G. Mogil'nik Bertek-33 // Drevnie kul'tury Bertekskoy doliny (Gornyy Altai, ploskogor'ye Ukok). Novosibirsk: Nauka, 1994. Pp. 39–49. (In Russ.).

Shul'ga P.I. O khronologii i kul'turnoy identifikatsii pamyatnikov VIII–VI vv. do n.e. Zabaykal'ya i Severnogo Kitaya // Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri: materialy Mezhdunar. nauch. konf. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta, 2010. Pp. 135–140. (In Russ.).

Tian Guangjin, Guo Suxin. Aoerduosi shi qingtongqi (田广金, 郭素新. 阿鲁柴登发现的金银器 // 鄂尔多斯式铜器) [Ordos-style bronzes]. Beijing: Wenwu, 1986. 402 pp. (In Chin.).

Varyonov A.V. Datirovka oruzhiya, izobrazhyonnogo na olennykh kamnyakh mongolo-zabaykal'skogo tipa i problema arkhologicheskikh pamyatnikov rannikh Syunnu // 100 let gunnskey arkhologii. Nomadizm: proshloe, nastoyashchee v global'nom kontekste i istoricheskoy perspektive. Ulan-Ude, 1996. Pt. 1. Pp. 3–6. (In Russ.).

Varyonov A.V. Pogrebal'nye pamyatniki skifo-sakskogo vremeni na yuge Vnutrenney Mongolii // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istoriya, filologiya. 2010. Vol. 9, Iss. 4: Vostokovedenie. Pp. 39–46. (In Russ.).

Volkov V.V. Bronzovyy i ranniy zheleznyy vek Severnoy Mongolii. Ulan-Bator: Izd-vo AN MNR, 1967. 148 pp. (In Russ.).

Zhong Kan, Han Kongle. Ningxia nanbu chunqiu zhanguoshiqide qingtongwenhua (钟侃, 韩孔乐. 宁夏南部春秋战国时期的青铜文化) [Bronze Age culture of Warring States and Spring and Autumn periods (southern part of Ningxia)]. Beijing: Wenwu chubanshe, 1985. 253 pp. (In Chin.).

П.И. Шульга, Д.П. Шульга

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: shulgapi55@yandex.ru; danilo_petrovich@yahoo.com

СКИФОИДНЫЕ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ КИТАЯ В VII–III ВЕКАХ ДО Н.Э. И ИХ СВЯЗИ С НОМАДАМИ САЯНО-АЛТАЯ

В статье характеризуются основные скифоидные культуры на территории Китая и рассматриваются вопросы их взаимодействия с древними культурами Казахстана и Южной Сибири. Полученные в последнее время в Синьцзяне и Северном Китае богатые археологические материалы подтверждают предположение о существовании в VIII–IV вв. до н. э. западной и восточной историко-культурных общностей. К западной общности относились культуры европеоидов Синьцзяна, Казахстана, Алтая, Тувы и Западной Монголии, а к восточной – культуры монголоидов Северного Китая, Монголии и Забайкалья. В Минусинской котловине прослеживается влияние обеих общностей.

Культурные контакты в основном осуществлялись в рамках общностей и имели меридиональную направленность, что хорошо прослеживается по импорту и особенностям конского снаряжения. В западной части с VII до III в. до н.э. основополагающим было влияние саков Казахстана, распространявшееся до Джунгарии (Синьцзян) и Тувы включительно. В восточной части общность устанавливается раньше, с эпохи поздней бронзы (карасукские бронзы), от Северного Китая до Забайкалья и Минусинской котловины. С VII по III в. до н.э. контакты между культурами общностей осуществлялись на территории Западной Монголии и Южной Сибири, и только со второй половины III в. до н.э., по-видимому, через Синьцзян. В VII–IV вв. до н.э. определяющим было влияние со стороны «варваров» Северного Китая на племена Южной Сибири вплоть до Верхнего Приобья и Минусинской котловины, хорошо прослеживаемое по проникновению на север и запад деталей конской и по-ясной фурнитуры, характерных для культур юйхуанмяо, маоцингоу, янлан и шацзин. В конце IV – II в. до н.э. эта направленность сохраняется, но уже в виде поставок зеркал, шелковых и лаковых изделий – товаров, производимых в царствах Китая.

Ключевые слова: Южная Сибирь, Синьцзян, Северный Китай, историко-культурная общность, археологические культуры юйхуанмяо, маоцингоу, янлан и шацзин.

P.I. Shulga, D.P. Shulga

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: shulgapi55@yandex.ru; danilo_petrovich@yahoo.com

SCYTHIAN-LIKE CULTURES WITHIN CHINA'S TERRITORY IN THE 7th-3d CENTURIES B.C. AND THEIR CONNECTIONS WITH NOMADS OF SAYAN AND ALTAI MOUNTAINS

The article characterizes main Scythian-like cultures within China Territory and considers the issues of their interaction with ancient cultures of Kazakhstan and Southern Siberia. Rich archaeological materials found recently in Xinjiang and Northern China confirm the supposition about Western and Eastern historical-cultural entities existing in the 8th-6th centuries B.C. The Western group included Caucasian cultures of Xinjiang, Kazakhstan, Altai, Tuva and Western Mongolia; the Eastern group – Mongoloid cultures of Northern China, Mongolia and Transbaikalia. In the Minusinsk Basin influences of the both groups can be traced. Cultural contacts were mostly made within the groups and in North-South direction and backwards, which can be traced by both import and characteristics of horse equipment. In the Western part from the 7th to 3d centuries B.C. the Saka of Kazakhstan had the main influence, which spread up to Dzungaria and Tuva. In the Eastern part the entity was established earlier – since the Late Bronze Epoch (Karasuk Bronze) from the Northern China to Transbaikalia and the Minusinsk Basin. From the 7th to 3d centuries B.C. contacts between the cultures were made within the territory of the

Western Mongolia and Southern Siberia, and only since the second half of the 3d century B.C. apparently through Xinjiang. The influence of North Chinese "Barbarians" was the responsible for South Siberian tribes, including territory of Upper Ob Region and Minusinsk Basin in 7–4 centuries BC. It retraces in penetration of the details harness and belt furniture, characterizing the culture of Yu Huang Mao, Mao Qing Gou, Yang Lan and Shajing to the north and west. This direction last for the period of 4th–3d centuries BC in the form of supplies of mirrors and varnished items, made in kingdoms of China.

Keywords: Sothern Siberia, Northern China, historical-cultural community, archaeological cultures of Yu Huang Mao, Mao Qing Gou, Yang Lan and Shajing.

Материалы по скифоидным культурам VIII–III вв. до н.э., выделенным в современных границах Китая, имеют особое значение для изучения вопросов происхождения, развития и угасания скифского мира. В ходе проводимой в последние годы работы с археологическими и письменными источниками были получены данные, подтверждающие предположение о существовании в это время западной и восточной историко-культурных общностей на территории Казахстана, Южной Сибири, Монголии и Китая [Савинов, 1994, с. 160, Шульга, 2012]. К западной общности отнесены культуры европеоидов Казахстана, Синьцзяна, Алтая, Тувы и Западной Монголии, а к восточной – культуры монголоидов Северного Китая, Монголии и Забайкалья. Граница между ними проходила примерно по западной части Ганьсуйского коридора и Центральной Монголии. В Минусинской котловине с эпохи поздней бронзы прослеживается влияние обеих общностей. Предыстория их сложения существенно различается. Восточная общность складывается значительно раньше – с поздней бронзы (карасукские бронзы) на территории от Северного Китая до Забайкалья и Минусинской котловины. В силу относительной замкнутости культурные изменения происходили там постепенно, что демонстрируется стабильностью погребальной обрядности и сохранением некоторых карасукоидных черт в инвентаре и украшениях до VI–V вв. до н.э. Контакты в рамках общности осуществлялись в меридиональном направлении. По имеющимся данным, освоение лошади под верховую езду, появление всадничества и черт скифской культуры в Монголии и Минусинской котловине относятся к значительно более раннему времени, чем в Горном Алтае и Казахстане. Если принять предлагаемую дату кургана Аржан-1 (ок. 800 г. до н.э.), то в конце IX в. до н.э. под влиянием этих двух центров скифоидная культура в узнаваемом виде формируется в Туве, а затем (предположительно) распространяется на запад.

На территории западной общности переход от культур поздней бронзы к раннескифским произошёл за более короткий период времени и позже,

чем на востоке. Показательно, что подавляющее число исследованных там раннескифских захоронений датируется в рамках VII – начала VI в. до н.э., т.е. практически все они типологически позже Аржана-1. Вместе с тем в VII в. начинается мощное движение отдельных групп скотоводов из казахстанских степей в предгорья Горного Алтая (май-эмирская культура), в Джунгарию (могильник Саэнсаи) и Туву (Аржан-2 и др.).

Большинство исследованных скифоидных памятников Синьцзяна расположено в южной части Джунгарии вдоль протянувшейся с запада на восток окруженной пустынями цепи гор Тянь-Шаня, где для VIII–III вв. до н.э. выделены три основные археологические культуры – чауху, субэйси и яньбулакэ [Шульга, 2010]. Большая часть инвентаря (за исключением керамики) в чауху и других культурах Синьцзяна VII–V вв. до н.э. относится к типам, широко распространенным в Южной Сибири и Казахстане. Погребальный обряд исследованных там памятников совершенно иной, за исключением захоронений проникавших в Синьцзян пазырыкцев и родственных им племен [Там же]. В последнее время в Китае опубликованы и данные о захоронениях, имеющих явное сходство с более ранней тасмолинской культурой Казахстана. Речь идет о группе погребений на могильнике Саэнсаи, исследованном в 68 км к юго-востоку от г. Урумчи. Наиболее характерными чертами погребальной обрядности этих подкурганных захоронений являются положение человека на спине, вытянуто, головой в северо-западный сектор, в сопровождении взнузданной головы лошади со шкурой, уложенной у ног или между пяток, мордой в юго-восточный сектор. Дополнительно сбоку от умершего помещались черепа мелкого рогатого скота, а в головах ставился керамический сосуд. Ближайшие аналогии этому обряду находятся в тасмолинской культуре Центрального Казахстана. В Саэнсаи мы как бы наблюдаем тасмолинский обряд, дополненный местными традициями совершения парных и коллективных захоронений и помещения в могилу расписной керамики. Помимо этого, на севере Джунгарии, в предгорьях Алтая,

недавно исследованы захоронения раннескифского времени в каменных ящиках с западной ориентацией умерших, по описанию близкие к бийкенской культуре Горного Алтая [Цзянцзюн Ю, Цзян Ма, 2013]. Несмотря на территориальное соседство, в Синьцзяне не выявлено ни одного представительного погребального комплекса VIII–IV вв. до н.э., относящегося к культурам Северного Китая и Ганьсу. Судя по инвентарю и антропологическим данным, в VIII–III вв. до н.э. в Синьцзяне проживало преимущественно европеоидное население, относившееся к кругу культур Казахстана и Южной Сибири. Особый погребальный обряд и керамика однозначно указывают на местное и независимое формирование основных известных культур (чауху, субэйси, яньбулакэ).

В Северном Китае к северу от Хуанхэ для IX–III вв. до н.э. выявлены три последовательно существовавшие преемственные скифоидные культуры. Наиболее ранней является культура «верхнего слоя Сяцзядянь» («наньшань-гэнь») на территории к северо-востоку от Пекина в IX–VII (VI) вв. до н.э. Заметных связей между ее носителями и племенами Южной Сибири не прослеживается, но к середине VII в. до н.э. часть племен культуры «верхнего слоя Сяцзядянь» уходит примерно на 300 км к западу, где встречается и смешивается с пришедшими северными кочевниками. На этой основе формируется культура юйхуанмяо (вторая половина VII – VI в. до н.э.), представленная могильниками, расположенными в 250–300 км западнее, в 50–80 км от г. Пекина, на месте которого в VII – VI в. до н.э. располагалась столица царства Янь. Носители культуры юйхуанмяо находились в мирных отношениях с Янь и, вероятно, служили своего рода буфером, прикрывавшим живших на равнине земледельцев от внезапных нападений других кочевников. Наиболее ярким и представительным является эпонимный могильник Юйхуанмяо с прослеживаемой относительной хронологией, где было скрыто 400 погребений VII–VI вв. до н.э. и найдено более 18 тыс. бронзовых изделий, включая кочевническую сбруйную и поясную фурнитуру, кинжалы, «северные» наконечники стрел, а также собственно китайские сосуды и оружие из Средней Хуанхэ. Материалы Юйхуанмяо демонстрируют близость с дворцовой культурой, плиточными могилами Забайкалья, «культурой оленных камней» и Минусинской котловины. Вместе с тем культура Юйхуанмяо является связующим звеном между памятниками ранне- и среднескифского времени.

Во второй половине VI в. до н.э. земледельческое население царства Янь постепенно ассимилирует и вытесняет «варваров» культуры юйхуанмяо, часть которых уходит на 250–300 км западнее к Ордосу, в район оз. Дайхай близ г. Хух-Хото. На этой основе в конце VI – начале V в. до н.э. там формируется культура маоцингоу. В V–IV вв. до н.э. на эту же территорию с юго-запада, из-за р. Хуанхэ, приходят группы населения культур янлан и шацзин. От первоначального места обитания (возможно, также под давлением земледельческого населения) им пришлось уйти на 700–800 км к северо-востоку. Еще больше (не менее 900 км) нужно было пройти представителям культуры шацзин из центральной части Ганьсу. Время их прихода в район оз. Дайхай не вполне ясно, но в опубликованных погребениях нет достоверно ранних изделий VI в. до н.э. Время исчезновения культуры маоцингоу традиционно определяется III в. до н.э. Однако, по мнению Ян Цзяньхуа, во второй половине IV в. до н.э. территория культуры маоцингоу вошла в состав государства Чжао, что, как она считает, должно было положить конец данной культуре. В пользу этого как будто говорит отсутствие в Маоцингоу характерных для III в. до н.э. поздних изделий и образов типа копытных конегрифонов при наличии бабочковидных бляшек даже в погребениях позднего этапа. Поздние элементы, в том числе хуннского облика, встречаются в собственно Ордосе в переходных погребениях, относимых к так называемой культуре таохунбала.

Многие исследователи, исходя из факта длительного существования «шелкового пути» через Синьцзян, связывавшего Древний Китай и государства Средней Азии, полагают, что движение народов и отдельных групп населения в восточном и западном направлениях происходило через Ганьсуйский коридор уже с эпохи развитой бронзы. Однако имеющиеся материалы этого не подтверждают. Достоверные контакты Китая и соседствовавших с ним «варваров» с культурами запада и Южной Сибири начиная с проникновения колесниц в эпоху бронзы и до II в. до н.э., по-видимому, происходили в обход Синьцзяна через Монголию. С VII по III в. до н.э. контакты между культурами общностей осуществлялись на территории Западной Монголии и Южной Сибири и только со второй половины III в. до н.э., по-видимому, через Синьцзян. В VII–IV вв. до н.э. определяющим было влияние со стороны «варваров» Северного Китая на племена Южной Сибири вплоть до Верхнего Приобья и Минусинской котловины, хорошо прослеживаемое по про-

никновению на север и запад деталей конской и поясной фурнитуры, характерных для культур юйхуанмяо, маоцингоу, янлан и шацзин. В конце IV – III в. до н. э. эта направленность сохраняется, но уже в виде поставок зеркал, шелковых и лаковых изделий, производимых в царствах Китая.

Список литературы

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 1994. – 208 с.

Цзянцзюнь Ю, Цзян Ма. Алтай и соседние регионы в период около VIII в. до н.э. (по данным курганов Восточного Талейда) // Тр. филиала Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. – Астана: Издат. группа ФИА, 2013. – Т. II. – С. 78–86.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. тех. ун-та, 2010. – 238 с.

Шульга П.И. Особенности расположения оружия на оленных камнях и в погребениях могильника Юйхуанмяо (Северный Китай) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – Вып. 3. – С. 298–306.

Шульга П.И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Мартянова). – Новосибирск: РИЦ НГУ, 2013. – 149 с.

References

Savinov D.G. Olennye kamni v kul'ture kochevnikov Evrazii. St. Petersburg: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 1994. 208 pp. (In Russ.).

Shul'ga P.I. Sin'tszyan v VIII–III vv. do n.e. (Pogrebal'nye komplekсы. Khronologiya i periodizatsiya). Barnaul: Izd-vo AltGTU, 2010. 238 pp. (In Russ.).

Shul'ga P.I. Osobennosti raspolozheniya oruzhiya na olennykh kamnyah i v pogrebeniyakh mogil'nika Yuykhuanmyao (Severnyy Kitay) // Drevnie kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri. Ulan-Bator: Izd-vo Mong. gos. un-ta, 2012. Iss. 3. Pp. 298–306. (In Russ.).

Shul'ga P.I. Konское snaryazhenie rannikh kochevnikov Minusinskoy kotloviny (po materialam Minusinskogo muzeya im. N.M. Mart'yanova). Novosibirsk: RITs NGU, 2013. 149 pp. (In Russ.).

Tszyantszyun Yu, Tszyan Ma. Altai i sosednie regiony v period okolo VIII v. do n.e. (po dannym kurganov Vostochnogo Taleйда) // Tr. filiala In-ta arkheologii im. A.Kh. Margulana v g. Astana. Astana: Izdat. gruppa FIA, 2013. Vol. II. Pp. 78–86. (In Russ.).

М.В. Шуньков¹, В.А. Ульянов^{1, 2}, М.Б. Козликин¹, А.М. Чеха¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: kmb777@yandex.ru

НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОЛОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ В ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЕ

В 2015 г. в центральном зале и восточной галерее Денисовой пещеры были изучены небольшие участки голоценовых отложений. В результате работ получены новые данные по стратиграфии, литологии и условиям осадконакопления голоценовой толщи пещеры, а также коллекция археологических материалов. Голоценовая толща образовалась за относительно короткий по геологическим меркам срок, для которого характерна небольшая по сравнению с природными изменениями плейстоцена амплитуда региональных ландшафтно-климатических флуктуаций. При этом доминирующим фактором формирования основной части голоценовых осадков в пещере являлась хозяйственная деятельность человека. Интенсивность накопления отдельных горизонтов, возникновение седиментационных перерывов и постседиментационных нарушений, а также особенности диагенетического преобразования вещества определялись не столько природными, сколько антропогенными факторами. Основной массив археологических материалов представлен фрагментами керамики без орнамента и продуктами раскалывания камня. Орнаментированная керамика и редкие изделия из кости соотносятся с несколькими крупными культурно-хронологическими этапами. Афанасьевская культура представлена фрагментами толстостенной керамики с наклонными оттисками гладкого или гребенчатого штампа, шагающей гребенкой и глубоко прочерченными линиями. К переходному времени от бронзового века к железному относится керамика с композицией из оттисков гребенчатого штампа и «жемчужин». Фрагменты венчиков без орнамента или с рядом «жемчужин», а также костяные втульчатые и черешковые наконечники стрел относятся к раннему железному веку. Гунно-сарматское время представлено наконечниками стрел из кости с раздвоенным насадом или выступающей втулкой-свистунком.

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова пещера, голоцен, стратиграфия, керамика, бронзовый век, ранний железный век.

M.V. Shunkov¹, V.A. Ulianov^{1, 2}, M.B. Kozlikin¹, A.M. Chekha¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²M.V. Lomonosov Moscow State University

E-mail: kmb777@yandex.ru

NEW RESULTS OF THE HOLOCENE DEPOSIT RESEARCH IN DENISOVA CAVE

The small areas with Holocene sediments were studied in the central and eastern galleries of Denisova Cave in 2015. This has resulted in new data acquisition in the field of stratigraphy, lithology and depositional conditions into the Holocene stratum and archaeological collection. The Holocene sediments of Denisova Cave had been forming for very short period on a geology scale. This time span is characterized by rather small range of the regional landscape-climatic fluctuations in compare with natural changes during the Quarter. Moreover, the human economic activity was the dominant factor, which formed the most part of the Holocene sediments in Denisova Cave. Not so much natural as the anthropogenic causes determined the intensity of the scattered horizon sedimentation, the appearance of the sedimentological hiatus and post-sedimentological disturbances, the special aspects of the diagenetic matter transformation. Not ornamented pottery fragments and products of stone flaking are the most part of the archaeological materials. Ornamented pottery and rare bone tools are relevant to the several long-term cultural chronological periods. Afanasievo culture is presented by fragments of the thick-walled pottery with the flat or combed slant stamps, step comb and deep scribed lines. The pottery with comb stamps and «pearls» design is related to the Bronze to Iron Age transition. As the rim fragments without ornament or ornamented by series of «pearls» well as socketed and stemmed arrowheads are divided up into the Early Iron Age. The bone spearheads with a bifurcate base or protruding socket present the Hun-Sarmatian time.

Keywords: Mountain Altai, Denisova Cave, Holocene, stratigraphy, pottery, Bronze Age, Early Iron Age.

В полевом сезоне 2015 г. было продолжено изучение голоценовых отложений в центральном зале (сектор IV) и восточной галерее (сектор VI) Денисовой пещеры. В центральном зале на площади квадратов Ж-9, -10, З-9, -10 и И-10, К-10 был разобран участок, расположенный у входа в восточную галерею. В галерее голоценовая толща была изучена в наиболее удаленной от входа части полости на площади квадратов Ж-2–4.

При выделении литологических слоев за основу было принято строение отложений в южной и восточной галереях пещеры, где голоценовая толща разделена на слои 0–8. В разрезе 2015 г. в центральном зале были выделены только слои 2–8, верхняя часть отложений на данном участке не сохранилась.

Слои 2, 3 и верхняя часть слоя 4 нарушены антропогенным углублением, заполнение которого представляет собой перемес этих отложений. Ненарушенная часть разреза имеет следующее строение.

Слой 2. Переслаивающаяся толща суглинков легких, ярко-белесого цвета, насыщенных фрагментами пережженных костей, мощностью 1–2 см, и суглинков легких, темно-серых мощностью от 2 до 5 см. Отмечены включения линзовидных прослоев черно-коричневого цвета, обогащенных сажистым детритом. Нижняя граница условно проведена по кровле черно-коричневого прослоя, в котором появляются признаки слабых инволюционных деформаций. Мощность слоя составляет 30 см.

Слой 3. Пачка легкосуглинистых отложений, представляющих собой линзы кострового материала мощностью 1–3 см, с ярко-белым и светло-серым слабо уплотненным мучнистым заполнителем, насыщенным фрагментами пережженных костей и древесного угля. Костровые линзы переслаиваются тонкими (0,5–1,5 см) невыдержанными по простиранию лентами темно-коричневого и коричнево-черного легкого суглинка. Отмечены редкие включения копролитов мелкого рогатого скота интенсивного черного цвета с непрочной структурой.

Характерным признаком слоя 3 является развитие инволюционных деформаций в виде фестончатой гофрировки, постепенно затухающих по направлению от центрального зала к восточной галерее. Ширина гофра от 3 до 10–15 см, вертикальная амплитуда не превышает 2–3 см. Вероятно, они связаны с промерзанием и оттаиванием сезонно-деятельного слоя. Местами инволюции вызваны пожаром костров на поверхности насыщенного влагой и промерзшего грунта. Нижняя граница слоя 3 условно проведена по кровле маломощного (1–2 см) прослоя суглинков легких, пылеватых,

пепельно-серых с сизоватым оттенком. Мощность слоя составляет 20–22 см.

Слой 4 ранее в галереях был разделен на три горизонта: 4.1–4.3. В описываемом разрезе выделены только горизонты 4.2 и 4.3.

Горизонт 4.2. Переслаивающаяся толща суглинков легких, светло-серых с сизым оттенком и серо-коричневых с линзами суглинков легких, черно-коричневых. Мощность сероцветных и светло-палевых прослоев не выдержана по простиранию, составляет от 2 до 5 см. Черно-коричневые прослои выдержаны хорошо, прослеживаются по всему разрезу, несмотря на относительно малую мощность (от 0,5 до 2,0 см). Светло-палевые прослои сосредоточены преимущественно в нижней половине слоя. Палевый оттенок обусловлен включениями (до 40–50 % проективной площади) копролитов мелкого рогатого скота светло-коричневого цвета. Нижняя граница горизонта 4.2 условно проведена по тонкому (0,5–1,0 см), но хорошо выдержанному по всему разрезу черно-коричневому сажистому прослою. Мощность горизонта составляет 20–22 см.

Горизонт 4.3. Пачка слабо сцементированных прослоев суглинков легких, белесых, с невыдержанными по простиранию (от 5 до 30 см) маломощными (1–2 см) линзовидными прослоями суглинков светло-серых с сизоватым оттенком. Отличительными признаками слоя является цементация осадка, а также включения характерных только для этого слоя прочных недеформированных копролитов мелкого рогатого скота палево-коричневого цвета, умеренно реагирующих с HCl. Условно нижняя граница проведена по тонкому (0,5–1,0 см), но хорошо выдержанному по всему разрезу прослою рыхлого коричнево-черного сажистого легкого суглинка. Мощность горизонта составляет 20 см.

Слой 5. Суглинок легкий, серого и коричнево-серого цвета, рыхлый, пористый, с тонкими (до 1 см) прослоями суглинков легких, сажистых, коричнево-черных. Характерны включения непрочных копролитов черно-коричневого цвета. Нижняя граница слоя четкая, неровная, деформирована просадочными процессами в нижележащих отложениях, проведена по кровле цементированного фосфатным (?) цементом щебнистого горизонта и подчеркивается резким изменением химического состава отложений – заполнитель слоя 5 активно реагирует с HCl, заполнитель подстилающих отложений не реагирует совсем. Мощность слоя составляет 15 см.

Слой 6. Щебнистый горизонт с легкосуглинистым заполнителем преимущественно базального типа. Щебнистый материал концентрируется в двух

прослоях: прикровельный бронирующий горизонт щебня таблитчатой формы, плотно сцементированного светло-серым и белесым (фосфатным?) супесчаным заполнителем, и приподошвенный горизонт субгоризонтально ориентированного уплотненного щебня, неравномерно сцементированный белесым мучнистым легкосуглинистым заполнителем. Средне- и мелкозернистый щебень, изначально представлявший собой обломки известнякового состава, почти полностью преобразован в белесые фосфатные стяжения, не реагирующие с HCl.

Щебнистые горизонты разделены прослоем легкосуглинистого заполнителя с сильно деформированной линзовато-слоистой текстурой, сформированной неоднородными включениями суглинков белесых, серых, палевых оттенков, а в нижней части слоя – с включениями деформированных линз суглинков охристо-красного, розового и малинового оттенков, характерных для осадка подстилающего слоя 7. Фрагменты красноцветных суглинков попали в слой 6 при биогенном выбросе вещества слоя 7 в результате деятельности землероев.

Нижняя граница слоя 6 условно проведена по хорошо выдержанному по всей площади раскопа черно-коричневому сажистому прослою мощностью от 2 до 3 см. Мощность слоя составляет от 20 до 25 см в соответствии с неровностью кровли.

Слой 7. Суглинки легкие, пылеватые, характерных ярко-белесых и светло-розовых оттенков. Структура пылеватая, текстура аморфно-пятнистая, вследствие сильной пораженности землероями – до 50–60 % проективной площади. В слое наблюдаются признаки перемешивания вещества в сухом состоянии. Нижняя граница проведена по исчезновению яркого бело-малинового окраса заполнителя и переходу к черно-коричневому сажистому прослою в кровле слоя 8.

Слой 8. Супеси и суглинки легкие, пылеватые, тонкого механического состава. Представлен двумя горизонтами, хорошо выдержанными по простирацию. Верхний горизонт – супесь черно-коричневая сажистая, пылеватая, однородная. Сильно, до 50 % проективной площади, поражен землероями. Нижний горизонт – суглинок легкий, темно-коричневого и буро-коричневого цвета, тонкий (пылеватый), пачкающий руки. Мощность темно-коричневого прослоя от 2 до 4 см. Нижняя граница слоя четкая, проводится по резкому изменению цвета заполнителя при переходе к палевым и светло-палевым лессовидным суглинкам плейстоценового возраста.

Голоценовые отложения в дальней части восточной галереи сильно редуцированы и повреждены антропогенными нарушениями и деятельностью землероев. На исследованном участке

выделены только слои 4–6, которые в целом соответствуют описанным выше аналогам из центрального зала.

Большинство находок в раскопе центрального зала было получено из перемешанных отложений антропогенного углубления. По немногочисленным фрагментам орнаментированной керамики и изделиям из кости коллекцию можно разделить на несколько культурно-хронологических этапов.

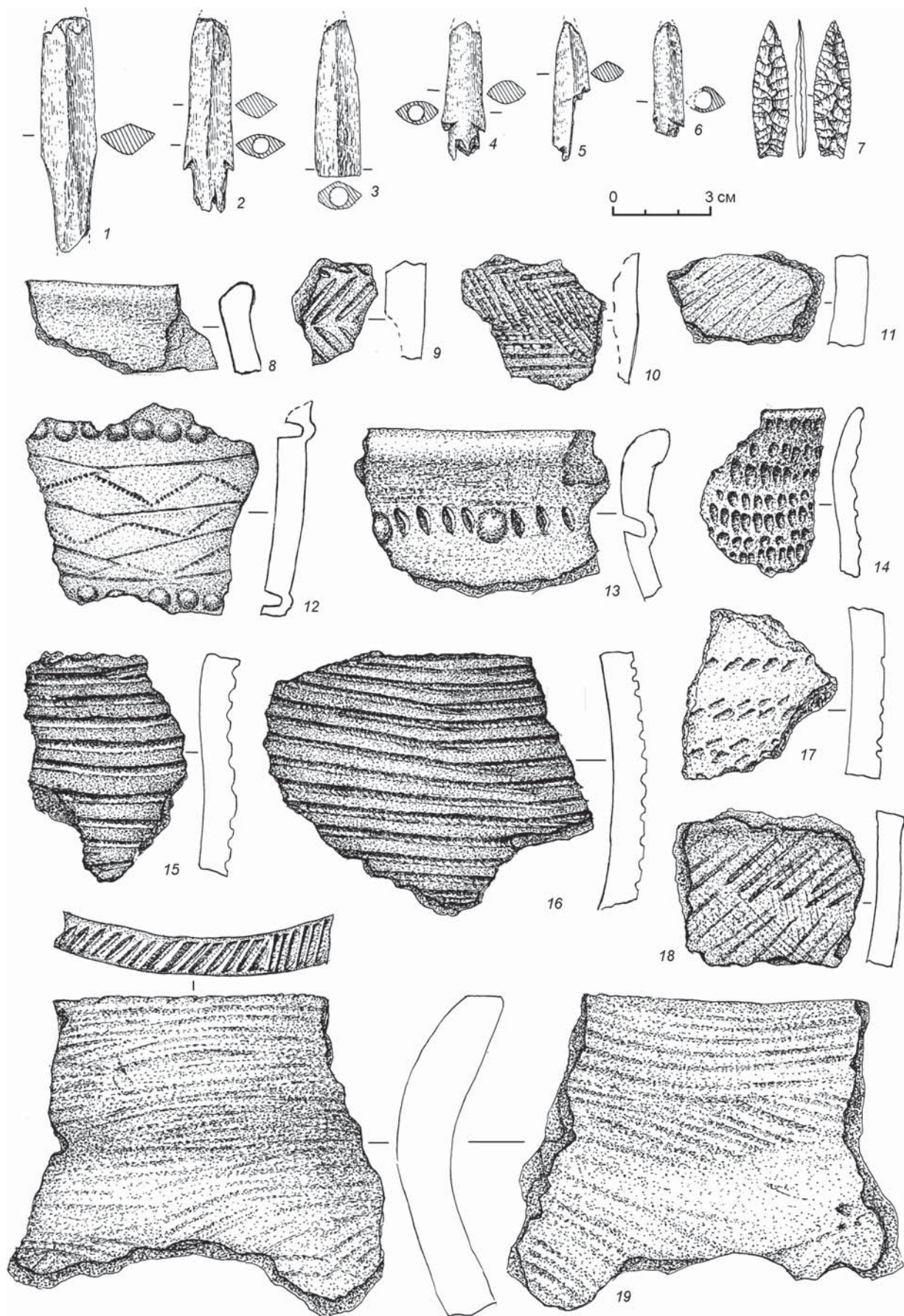
Толстостенная керамика с примесью дробленой породы, орнаментированная косо-поставленным гребенчатым (см. *рисунок, 10, 18*) или гладким (см. *рисунок, 9*) штампом, а также оттисками шагающей гребенки (см. *рисунок, 11*), относится к афанасьевской культуре.

К переходному времени от бронзового к железному веку относится фрагмент керамики, орнаментированный горизонтальными прочерченными линиями, между которыми заключен зигзаг, нанесенный гребенчатым штампом. В композицию входят также ряды «жемчужин» (см. *рисунок, 12*).

К раннему железному веку относятся неорнаментированные фрагменты венчиков с округлым срезом (см. *рисунок, 8*), а также фрагмент венчика с рядом жемчужин, разреженных оттисками уголка лопаточки (см. *рисунок, 13*). К этому же периоду относятся четыре костяных наконечника стрел, аналоги которым были ранее найдены в центральном зале [Деревянко, Молодин, 1994, с. 101–105]. Два экземпляра неполной сохранности имеют ромбическое сечение и выступающую втулку (см. *рисунок, 5, 6*). Одним экземпляром представлен четырехгранный наконечник со скрытой втулкой (см. *рисунок, 3*). Последний наконечник – ромбический, черешковый, черешок и боек сломаны (см. *рисунок, 1*).

К гунно-сарматскому времени относятся три костяных наконечника стрел. Одним экземпляром представлен четырехгранный наконечник с ромбовидным в сечении пером, намеченными жальцами оперения и раздвоенным основанием. Два наконечника четырехгранные, удлиненно-треугольные с выступающей втулкой-свистунком. Втулка и боек на обоих изделиях повреждены (см. *рисунок, 2, 4*).

В ненарушенной части слоя 4 был обнаружен фрагмент венчика афанасьевского сосуда, орнаментированного рядами оттисков гладкого штампа (см. *рисунок, 14*), а также несколько отщепов, обломков и плитка сланца. В пределах слоев 5 и 6 найдены несколько отщепов, обломков и колотых галек. В слое 7 обнаружен каменный наконечник стрелы (см. *рисунок, 7*), который, скорее всего, относится к афанасьевскому комплексу, однако может иметь и более древний, неолитический, возраст.

Наконечники стрел (1–7) и керамика (8–19) из голоценовых слоев Денисовой пещеры.

Среди материалов из нарушенных отложений в восточной галерее достаточно четко выделяется только комплекс афанасьевской керамики. В его составе крупный фрагмент верхней части толсто-стенного сосуда, внутренняя и внешняя поверхности которого были обработаны щепой. Срез венчика орнаментирован поперечными насечками (см. *рисунок, 19*). Два фрагмента тулова орнаментированы плотно прилегающими друг к другу горизонтальными линиями, оставленными отступающе-протасенной лопаточкой (см. *рисунок, 15, 16*). Один фрагмент орнаментирован рядами косо поставленной двузубой гребенки (см. *рисунок, 17*).

В целом в результате работ 2015 г. были уточнены особенности стратиграфии и литологии го-

лоценовых отложений Денисовой пещеры, а также получена коллекция археологических материалов, относящихся к широкому культурно-хронологическому диапазону от III тыс. до н.э. до первых веков н.э.

Список литературы

Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – Ч. 1. – 262 с.

References

Derevjanko A.P., Molodin V.I. Denisova peschera. Novosibirsk: Nauka, 1994. Pt. 1. 262 pp. (In Russ.).

ЭТНОГРАФИЯ

И.Ю. АксеноваИнститут археологии и этнографии СО РАН
E-mail: tradition.aksenova@gmail.com

ЛЕТНИЕ ПРАЗДНИКИ У ПОТОМКОВ ЮЖНОРУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ АЛТАЯ В 1950–1970-х ГОДАХ*

Статья посвящена анализу бытования среди потомков южнорусских переселенцев в 1950–1970-е гг. летних календарных праздников, наиболее крупными из которых являются Святая Троица (Пятидесятница), день Ивана Купалы (Купала), Петров день (Петровка), Ильин день. В статье автор дает характеристику традициям летних календарных праздников (подготовка внутреннего убранства, приготовление традиционных яств, оформление конкретных предметов к празднованию, ход самого празднования и др.). Выявлена специфика некоторых традиционных праздников у конкретных этнокультурных переселенческих групп (курских, рязанских, украинских переселенцев). В фокусе наших исследований также находится категория запретов относительно некоторых летних календарных праздников. Автором приводятся материалы, которые дают представление о трансформации праздника Троицы, различных нововведениях (разного рода архивная документация – отчеты о внедрении в практику новых гражданских обрядов и праздников в селах, постановления районных органов власти). В результате активной деятельности советских работников культуры, антирелигиозной пропаганды в 1960–1970-х гг., Троица приобретает статус общественного культурного мероприятия, носящего название «праздник Русской березки» (более подробно ход праздника «Русской березки» записан со слов информантов, участников мероприятий тех лет). Основой для написания статьи послужили собственные полевые исследования в 2012–2015 гг. на территории ряда сел Мамонтовского, Романовского, Алейского, Чарышского, Шипуновского, Поспелихинского, Курынского р-нов Алтайского края, материалы, собранные методом включенного наблюдения, а также интервью с сельскими жителями разных возрастов (методистами, работниками районных и сельских Домов культуры, учителями).

Ключевые слова: Летние праздники, идентичность, православные традиции, интеграция, переселенческая культура, неотрадиционализм.

I.Yu. AksenovaInstitute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: tradition.aksenova@gmail.com

SUMMER CEREMONIES AMONG THE DESCENDANTS OF SOUTH RUSSIAN SETTLERS AT THE ALTAI IN 1950–1970s

We present here the analysis findings of summer calendar ceremonies among the descendants of South Russians settlers in 1950–1970s. Among them, the main ceremonies were Holy Trinity (Pentecost), the day of Ivan Kupala (Midsummer), Peter's Day (Petrovka), Iliyah's Day. The author characterizes the tradition of the summer calendar ceremonies (preparation of interior decoration, cooking traditional food, the decoration of specific items for the celebration, the course of the celebration, etc.). Author marked out the some specificity of the traditional holidays among the particular ethnic and cultural groups (Kursk, Ryazan, Ukrainian settlers). In addition, we focused on category of interdiction, associated with some of summer ceremonies. Author gives the materials, which outline the concept of the transformation of the feast of the Trinity, the various innovations (various kinds of archival records - records of the introduction of new civil ceremonies and festivals in the villages, the decision of district authorities). Activity of the Soviet cultural workers and anti-religious propaganda in 1960–1970s delivered the results that Trinity had got the status of a public cultural event, called the "holiday of Russian birches" (the course of the festival "Russian birch" is written according to informants, the event participants at that time). In present study author based on personal field research at the territory of several village in Mamontovo, Romanovsk, Aleysk, Charysh, Shipunovo, Pospelikha, Kuriya districts of Altai territory in 2012–2015s and as materials, which were got by method of overt observation, well as interview with age-diverse country people (educators, workers of district and country Cultural Centers, teachers).

Keywords: Summer ceremonies, identity, Orthodox tradition, integration, emigrant culture, neo-traditionalism.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-01-00343а.

Изучение летних календарных праздников особенно важно, т.к. сегодня мы можем наблюдать явление неотрадиционализма – активного обращения к этническим традициям людей, знакомящихся с собственной традиционной культурой посредством СМИ, различных книг, на разного уровня мероприятиях с участием фольклористов-практиков и пр. Возрастает интерес к календарным праздникам со стороны работников культуры, учителей, а также педагогов дополнительного образования, которые включают исследовательские материалы в образовательные и культурные программы (к примеру, деятельность А.В. Головина, руководителя ЧДНТ в с. Чарышское); организуются различные выставки, форумы и фестивали с вектором возрождения национальных корней. Ввод в научный оборот новых источников по данной проблеме (этнографические экспедиции 2012–2015 гг., архивные материалы) позволяет выявить специфику традиций летнего календаря середины XX в., трансформацию отдельных праздников в 1960–1970-е гг. (Троица).

Троица (Пятидесятница). Семицко-троицкие обычаи и обряды представляли собой начало летнего цикла календарных праздников. По воспоминаниям информантов, приготовление к празднованию Святой Троицы включало в себя уборку, соответствующее оформление интерьера дома. Так, к примеру, развешивание рушников на окнах и украшение красного угла мы фиксируем у потомков украинских переселенцев; разложение трав («богородская трава», «марьины коренья», «огоньки») – у потомков рязанских и курских переселенцев; закладка березовых веточек за иконы, установление молодых берез по углам внутри дома или во дворе, а также приготовление калачей, пива к праздничному столу было широко распространено среди южнорусских переселенцев. Отметим, что в семицко-троицкий комплекс входило поминание удушеников и утопленников в субботу перед Троицей, что отмечается повсеместно.

Одним из обязательных компонентов Троицкой недели были ритуальные обходы дворов ряжеными: «Например, я, баба, наряжусь мужиком, маску надену... хоть черта! Давали и водку, и вино, и хлеб, сала кусок, яйца! А работать в те дни грешно было...» (курские переселенцы, А.Р. Тимофеева, с. Гуселетово, Романовский р-н). В южнорусских областях Европейской России на Троицу делали «кукушку» [Славянские древности, 2012, с. 321]. По рассказам потомков курских переселенцев (с. Комариха Шипуновского р-на), этот обряд включал в себя украшение молодой березы лентами (чаще всего березу называли «кукушкой» – птицей), приготовление яичницы, молодежные гуляния с пением песен, играми: «Кукушку наряжать» – собирались и наряжали всякой тряпочкой, ленточ-

кой. Там бабушка яичницу нажарит. Мы – в кусты, накроемся все и сидим. Потом по улице ходили с этой березкой, песни пели, на воду ее спускали» (курские переселенцы, М.С. Ивлева, с. Комариха, Шипуновский р-н). Большинство информантов отмечают бытование этого обряда до 1950-х гг. Завивание венков, кумление с обменом вещей (платков, венков, яиц) также было характерно для южнорусских переселенцев.

В 1960-х гг. постепенно вводятся в череду культурных мероприятий «новые гражданские праздники и обряды». В ряде писем и документов районных архивов встречается информация о введении «гражданских праздников», в числе которых и праздник «Русской березки» (Троицы): «Новые праздники и обряды в нашем районе проводятся с сентября месяца 1964 года... В 1966 году работа по внедрению значительно улучшилась» [АОАПРАК. Ф. Р–67. 1978 г. Оп. 1. Д. 16. Л. 8]. Систематическое проведение праздника «Русской березки» закрепилось с 1970-х гг.: «Регулярно проводить русские праздники и обряды: проводы «Русской Зимы» (Масленицы. – **И.Ю.**), «Русской березки» (Троицы. – **И.Ю.**), праздники урожая, т.д.» [АОАПРАК. Ф. Р–67. 1978 г. Оп. 1. Д. 61. Л. 6–7]. Культурное мероприятие «праздник Русской березки» теперь включал в себя концертную программу, соревнования, др.: «Помню, в футбол играли, концерт был на праздник-то «Березки». А рядом и палатки ставили с торговлей, женщины на траве сидели да песни пели!» (рязанские переселенцы, Л.В. Жукова, учительница в с. Хлопуново, Шипуновский р-н). Рассматривая деятельность культурно-просветительных учреждений во второй половине XX в., отметим, что праздник Троицы подвергался серьезной трансформации.

Иван Купала, 7 июля (24 июня). У некоторых переселенческих групп мы отмечаем запреты на купание в водоемах до дня Ивана Купалы (курские, рязанские переселенцы), особо строгих запретов на работу в этот день не было зафиксировано. В некоторых селах происходили молодежные бесчинства. Так, по рассказам некоторых сельских жителей с. Гуселетово Романовского р-на, потомков южнорусских переселенцев, нормой в 1960–1970-х гг. являлись разгулы молодых людей в «ночь Творилы»: «Лавочки ребятишки переворачивали, калитки срывали» (украинские переселенцы, Г.Ф. Копытова).

Отмечали праздник массовыми обливаниями взрослых и детей: «Это мы уже, когда у бригаде были, девок дак прям у колоду клали, да поливали холодной водой. С котелками бегали, с ведрами... Обязательно на Иван Купалу должен быть дождь, помню» (рязанские переселенцы, П.Ф. Путилина, с. Гилев-Лог, Романовский р-н). В купальский день заботились и о сельскохозяй-

ственных огородных культурах: «На Ивана Купалу полить надо все до солнца в огородах, чтоб хорошо росло. А вот венки, на которые гадали, мы затем на капусту клали, чтоб от вреда всякого» (украинские переселенцы, О.Н. Власенко, с. Гилев-Лог, Романовский р-н).

Петров день, 12 июля (29 июня). Петров день, по времени недалеко стоящий от Иванова дня, вошел в единый с Купалой праздничный цикл [Фролова, 2010, с. 24]. По традициям, бытовавшим у южнорусских переселенцев, Петров день «встречали» угощениями с нового урожая: «Уже зеленые листочки пойдут, так борщ варят: вот свекольный листочек, вот капустный, картошечку подкапывали, вареники с ягодой делали» («россейские» переселенцы, А.А. Глушенко, с. Гилев-Лог, Романовский р-н).

Конкретные отличительные черты в праздновании Петрова дня мы можем рассматривать у потомков курских переселенцев в с. Комариха Шипуновского р-на. «Раньше они собирались все на Петров-то день, «на лошадь» (на телегу. – **И.Ю.**) ставили стол с едой и по деревне ехали. Сами песни поют, на косах – ленты повесят, играют на косах-то, кто на ведре играет, кто на пиле двухрядной!» (курские переселенцы, М.С. Ивлева). После Петровок начинался сенокос и сбор ягод. Традиционные погодные условия на Петров день нашли свое отражение в поговорке: «Паршивому поросенку у Петровки холодно», т.е. на Петров день должна быть «жара всегда».

Ильин день 2 августа (20 июля). По поверьям селян, Ильин день – один из грозных праздников, когда запреты на работу строго соблюдались. Нельзя было также топить баню, купаться в водоемах, что объяснялось частыми случаями утопления. С этим днем были связаны и некоторые приметы: «Мама нас учила всегда: нужно рано утром в Ильин день подойти к капусте, затронуть ее и сказать: «Ильин денек, завертнй вилок!» (украинские переселенцы, Г.Ф. Копытова, с. Гуселетово, Романовский р-н).

Нередко информанты вспоминают названия шедших за Ильиным днем праздников, в которые нельзя было работать: «Илия, Полия (упрощенное название праздника Св. Пантелеймона, 9 августа (27 июля). – **И.Ю.**), Смолия (упрощенное название праздника Смоленской иконы Божьей матери, 10 августа (28 июля). – **И.Ю.**). Это три праздника, которые друг за другом идут. Там работать нельзя никак, а то, говорили, сено погорит все» (украинские переселенцы, В.П. Голоденко, с. Гилев-Лог, Романовский р-н). Подобным рассказам присуща мистическая окраска, которая подчеркивалась фактом «безусловного» сгорания стога сена [Фурсова, 2003, с. 80]. Были частыми и обращения к святому Илье за помощью в уборке урожая.

Таким образом, рассматривая праздничные календарные традиции потомков южнорусских переселенцев в 1950–1970-е гг., мы отмечаем праздничную специфику, характерную для исследуемых сел Алтайского края. Традиционный семицко-троицкий комплекс состоял из «подготовительных дней» (четверг, пятница); дня поминания умерших не своей смертью (субботнее утро); а также сбор цветов и веток различных деревьев и кустарников, оформление растительностью дома и дворовых построек (суббота или воскресенье), празднование Пятидесятницы (воскресенье). Заметим, что на протяжении второй половины XX столетия шел процесс трансформации традиционной обрядности, что скорректировало основы некоторых летних праздников в ритуально-смысловом отношении. Произошло изменение смысла праздника Троицы под влиянием советской антирелигиозной пропаганды и превращение религиозного праздника в культурное мероприятие «праздника Русской березки».

Сегодня мы можем наблюдать процессы актуализации традиционных праздников, чему способствуют такие факторы, как распространение информации о праздничных днях в СМИ, организация и проведение работниками ДК дня Ивана Купалы (Поспелихинский р-н), фольклорных фестивалей на Петров день (Чарышский р-н), поздравление священнослужителей с днем Святой Троицы, др. В результате летние праздники славянского календаря имеют общественный статус, наряду с сохранением семейных обычаев и обрядов.

Список литературы

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. – М.: Междунар. отношения, 2012. – Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). – 736 с.

Фролова А. Русский праздник. Традиции и инновации в праздниках Архангельского Севера XX – начала XXI века. – М.: Феория, 2010. – 152 с.

Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Ч. 2. – 268 с.

References

Frolova A. Russkij prazdnik. Tradicii i innovacii v prazdnikah Arhangel'skogo Severa XX – nachala XXI veka. Moscow: Feorija, 2010. 152 pp. (In Russ.).

Fursova E.F. Kalendarnye obychai i obrjady vostochnoslavjanskikh narodov Novosibirskoj oblasti kak rezul'tat mezhjetniceskogo vzaimodejstvija. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2003. Pt. 2. 268 pp. (In Russ.).

Slavjanskije drevnosti: Etnolingvisticheskij slovar': v 5 t. – Moscow: Mezhdunar. otnoshenija, 2012. Vol. 5: S (Skazka) – Ja (Jashherica). 736 pp. (In Russ.).

Ш.К. Ахметова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: ack-sholpan@yandex.ru

РОЛЬ ЭЛИТ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЗАХОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

В данной работе на материалах казахских археолого-этнографических экспедиций Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН 2011, 2013–2014 гг. рассматривается роль мусульманских миссионеров и их потомков в формировании религиозной и этнической идентичности казахов Западной Сибири. Состоявшие из разрозненных родов и племен, турки тяжело обращались в ислам. Процесс исламизации занял несколько веков. Большую роль в этих процессах сыграли миссионеры – выходцы из различных регионов Средней Азии, интегрировавшиеся в тюркскую среду. Большая их часть попала в Западную Сибирь в XVI–XVIII вв. Миссионеры и их потомки вели образ жизни и воспитывали детей в соответствии с мусульманским вероучением. Смысл своей жизни они видели в пропаганде и внедрении в казахские массы ислама, обучая их арабской грамоте, шариату, чтению Корана, снабжая их мусульманскими талисманами и амулетами. Без них не обходилось ни одно семейное мероприятие от именнаяречения младенца, обряда обрезания, обряда мусульманского венчания – неке – до проведения курмалдыков и погребально-поминальной обрядности. Своим образом жизни и высоким статусом в обществе они оказывали сильное влияние на неопитов.

Распространение ислама запустило механизм внутренних и внешних консолидационных процессов. Развитие религиозной идентичности ускорило процессы формирования этничности казахов. Деятельность миссионеров и их потомков вызвала трансформацию традиционной культуры в связи с формированием этнической культуры. Они приняли самое активное участие в конструировании этничности казахов Среднего жуза, переписав казахские шежире.

Ключевые слова: мусульманские миссионеры, этничность, этническая идентичность, казахи Западной Сибири.

Sh.K. Akhmetova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: ack-sholpan@yandex.ru

THE ROLE OF ELITE IN THE FORMATION OF ETHNIC IDENTITY AMONG THE KAZAKHS OF WESTERN SIBERIA

This article considers the role of Muslim missionaries and their descendants in the formation of religious and ethnic identity of the Kazakhs of Western Siberia. Investigation bases on materials of the Kazakh archeological ethnographic expeditions of Omsk Department of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS in 2011, 2013–2014. Consisting of scattered kins and tribes, the Turks submitted to Islam hardly. The process of Islamization took several centuries. The missionaries played an important role in these processes. They were of Middle Asia descent, who integrated to the Turkic community. Most of them immigrated to Western Siberia in 16–18 centuries. Missionaries and their descendants led the Islamic lifestyle and brought up children in an appropriate manner. They have seen the reason to live in advocacy of Islam and its introduction to Kazakh community and have taught them the Arabic script, Sharia, recitation and Islamic mascot supply. No one family event didn't happen without them: from the name nomination, rite of genital mutilation, the Muslim wedding rite – Neka, to realization of kurmaldyk and funeral rites. Their way of life and a social cachet influences over neophytes. The spread of Islam got underway a mechanism for internal and external consolidation processes. The development of religious identity hastened a process, which formed the Kazakh ethnicity. Activity of missionaries and their descendants generated the transformation of traditional culture associated with the formation of ethnic culture. They had been fully engaged in the development of ethnicity in Kazakh Middle Zhuz and had rewritten the Kazakh shezhire.

Keywords: Muslim missionaries, ethnicity, ethnic identity, Kazakhs of Western Siberia.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

В период ранней исламизации тюрки состояли из разрозненных родов и племен. Родоплеменная структура была разобщающим фактором как между чуждыми, так и родственными племенами, в которых доминировала традиционная культура. Общины такого типа могли занимать значительные ареалы, но, в любом случае, они были локальными, замкнутыми сами на себя. Выход индивида или какой-либо группы за пределы замкнутого коллектива людей, живущих в рамках традиционного-культурного социума, означал начало «размышления» традиционной культуры [Селезнев, 2004б]. Распространение ислама запустило механизм внутренних и внешних консолидационных процессов. В результате контактов и взаимодействия носителей разных видов традиционной культуры возникла основа этнического самосознания. Но в формировании этничности важная роль принадлежит людям, сконструировавшим представления об этничности и этнической культуре. Процесс конструирования этнической культуры занимает продолжительный период времени, в течение которого господствующее положение занимает традиционная культура, и завершается, как правило, мощным социальным катаклизмом. Только тогда этническая идентичность и этническая культура выступают в оформленном и завершенном виде [Селезнев, 2004а]. Большую роль в этих процессах сыграли миссионеры – выходцы из Средней Азии, интегрировавшиеся в тюркскую среду. Их миссии в формировании этнической идентичности казахов Западной Сибири посвящена данная работа, в которой использованы материалы казахских археолого-этнографических экспедиций Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН 2011, 2013–2014 гг.

История прихода первых миссионеров начинается с конца XIV в., когда Тимур, преследуя Токтамышша, вторгся во внутренние пределы Сибири. На обратном пути он отправил для распространения веры и искоренения шаманства миссионеров. Возможно, это была первая волна, когда в ислам была обращена какая-то часть предков современных казахов и татар.

Следующий поток миссионеров был связан с формированием улуса кочевых узбеков во главе с провозглашенным ханом Абу-л-Хайром и с центром в Чимги-Туре (Тюмени) в 1428–1429 гг. [Селезнев, Селезнева, Белич, 2009, с. 28]. Среди тех, кто присутствовал на церемонии провозглашения Абу-л-Хайра ханом, упоминаются высокопоставленные лица из таких родоплеменных образований, вошедших позднее в Средний жуз, как найман, конрат, курлаут, таймас [Материалы..., 1969, с. 144]. Родовые подразделения кыпчаков курлеут и таймас в настоящее время проживают в Нововар-

шавском, Черлакском и Русско-Полянском р-нах Омской обл.

Интенсивное развитие ислама в Западной Сибири связано с бухарцами. Под этим этнонимом подразумеваются выходцы из различных регионов Средней Азии: сарты, узбеки, таджики, уйгуры. В Западную Сибирь они переселились преимущественно в XVI–XVIII вв. и не только с религиозной целью [Томилов, 1992, с. 122–124]. В отличие от местного населения они были более образованны. Бухарцы были единственными носителями мусульманской книжной культуры в Западной Сибири в XVI–XVII вв. [Селезнев, Селезнева, Белич, 2009, с. 50–51]. В Сибири XVII–XVIII вв. они относились к особому торгово-землевладельческому сословию, наделенному большими правами и привилегиями [Бустанов, Корусенко, 2010, с. 98; 2014, с. 139; Корусенко, 2011, с. 20–24; Селезнев, Селезнева, Белич, 2009, с. 50; Frank, 2012, pp. 45–50]. Своим образом жизни и высоким статусом в обществе они оказывали сильное влияние на неофитов.

Обращенные в ислам, руководители казахских родоплеменных объединений привозили их специально для обучения мусульманским правилам и чтению Корана. В одном из айтысов (песенное состязание) приводятся исторические данные, относящиеся к начальным этапам исламизации казахов. Состязание между двумя известными акынами Жолдыбаем из рода керей и Баймагамбетом из рода кожа Омского уезда Акмолинской обл. состоялось в 1914 г. В айтысе говорится о том, что предки кожа Баймагамбета ведут род от сарта Ашми Кызата из Коканда. Он напомнил, что 400 лет назад сыновья братьев-близнецов Есеналы и Есбола привезли его предков из далекого Туркестана. При этом упоминаются Кудайберды с Кудасом как сыновья Есеналы, а Бурас и Курман как сыновья Есбола [Кабульдинов, 2001, с. 160–161]. Керей, проживающие и поныне в Таврическом и Одесском р-нах Омской обл. и Валихановском р-не Северо-Казахстанской обл. Республики Казахстан, относятся к родовым подразделениям кудайберды, кудас, бурас, курман. В их шежере Есеналы и Есбол значатся как предки, от которых они ведут свой род.

Позиции ислама укрепились среди тюркского населения Западной Сибири лишь в XVII–XIX вв. Родоплеменная структура многих мусульманских народов России определила отношение русской власти к исламу. Вера в единого бога не только способствовала консолидации внутри этноса, но и сближала с другими народами мусульманского мира. Российские власти относились настоятельно к миссионерам из Средней Азии. С целью ограничения фанатизма со стороны влиятельных

духовных центров Бухары, Хорезма и Коканда власть поддержала менее радикальный адатный ислам [Ярков, 2014, с. 134].

Тем не менее, влияние со стороны среднеазиатских духовных центров продолжалось. Согласно нашим полевым материалам, наибольшей популярностью пользовалось медресе в Бухаре, где традиционно проходили обучение на имамов казахские и татарские служители культа вплоть до Октябрьской революции и позднее. Оттуда они привозили с собой много богословской литературы. В казахском роде курман кереев был широко известен Ахмет Жусупов, обучавшийся в Бухарском медресе в конце XIX – начале XX в. Он прославился своими красноречивыми проповедями и оккультными познаниями. По словам родственников, у него был большой сундук с книгами, привезенными из Бухары. После его смерти в 1955 г. книги были розданы муллам и старикам, исполняющим намаз.

Предки рода кожа из аула Қаскат Исилькульского р-на Омской обл. прибыли из Туркестана на территорию Северного Казахстана в XVIII в. в поисках лучшей жизни. Здесь они открыли мечети и мектебы (школы), обучая местное казахское население тюркскому письму на арабской графике и Корану. Затем перевезли из Туркестана своих родственников. Кочуя с казахскими родами, они дошли до своего нынешнего места проживания в Омской обл. [Ахметова, 2013, с. 13]. Тастембек кожа делал не только обрезания, но и лечил душевно больных людей, детские болезни и женское бесплодие. Ежедневно ранним утром он поднимался на крышу своего дома с Кораном в руках и читал азан. Двоюродные братья Мажит кожа и Тастембек кожа отчитывали больных по Корану. Предки их деда Азамата вели свое происхождение от солдата, попавшего с арабским войском в VIII в. в Туркестан. В семье сына Мажита хранится Коран, оставшийся от дальних предков. В годы советской власти жители аула Қаскат и прилегающих селений скрывали своих мулл из рода кожа, не выдавали их репрессивным органам. Принадлежавшие им книги Корана закапывали в определенных местах в ауле Мукаш, где детям не разрешали играть.

Конструируя этничность казахов Среднего жуза, кожа переписали казахские шежире, в которых появились имена мифических предков казахов с тюркскими именами и мусульманскими приставками. Одну из таких шежере мы записали в Баян-Аульском р-не Павлодарской обл. в 2003 г. Согласно ему, от родоначальника Среднего жуза Қотанбая родились шесть кожа: Дайыр кожа, Кара кожа, Актан кожа, Қосым кожа, Қосман кожа и Смагул кожа. От Дайыр кожа родился Қонрат,

от Кара кожа – Арғын, от Актан кожа – Қыпшак, от Қосым кожа – Найман, от Қосман кожа – Уак и от Смагул кожа – Керей. Об этом свидетельствуют и генеалогия аргынов. От первой жены Арғына родился Мейрам-сопы, от которого получили пространство «бес Мейрам». От второй жены родились 7 сопы: Ақ-сопы, Қара-сопы, Сары-сопы, Надір-сопы, Арық-сопы, Орақ-сопы, Дара-сопы [Ахметова, 2004, с. 96–97].

В советские времена мусульмане Западной Сибири продолжали поддерживать в своей этнической среде религиозные традиции. Большую роль в этом сыграли миссионеры и их потомки, составившие неформальную элиту общества. Их деятельность способствовала формированию этнической идентичности казахов.

Список литературы

Ахметова Ш.К. Аргыны: опыт этнологического исследования // Олкетану. – Павлодар: Науч.-изд. центр Павлодар. гос. ун-та им. С. Торайгырова, 2004. – № 3. – С. 95–101.

Ахметова Ш.К. Кожа в этнической истории казахов Западной Сибири // Казанская наука. – 2013. – № 4. – С. 12–14.

Бүстанов А.К., Корусенко С.Н. Родословные сибирских бухарцев: Имьяминовы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 2 (42). – С. 97–105.

Бүстанов А.К., Корусенко С.Н. Родословные сибирских бухарцев: Имьяминовы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4 (60). – С. 134–145.

Кабульдинов З.Е. Фольклор казахов Западной Сибири как исторический источник // Исторический ежегодник. Спец. вып., посвящ. 60-летию проф. Н.А. Томилова. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2001. – С. 158–163.

Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII в. – Омск: Изд. дом «Наука», 2011. – 248 с.

Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). – Алма-Ата: Наука КазССР, 1969. – 651 с.

Селезнев А.Г. Культурология традиционных сообществ: к выделению научной субдисциплины // Культурологические исследования в Сибири. – 2004а. – № 1 (12). – С. 123–134.

Селезнев А.Г. Традиционная культура: к характеристике объектной сферы исследования // Перекресток культур: Междисциплинарные исследования в области гуманитарных наук. – М., 2004б. – С. 287–302.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсально-го. – М.: Изд. дом Марджани, 2009. – 216 с.

Томилов Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1992. – С. 122–124.

Ярков А.П. Ислам в жизни тюркского населения Западной Сибири и Северного Казахстана в XVII–XIX вв. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: мат-лы II Всерос. науч. конф. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2014. – С. 132–136.

Frank A.J. Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, Education, and the Paradox of Islamic Prestige. – Leiden, Boston: Brill, 2012. – 215 p.

References

Ahmetova Sh.K. Argyny: opyt etnologicheskogo issledovaniya // Olketanu. Pavlodar: Nauch. izd. centr Pavlodar. gos. un-ta im. S. Torajgyrova, 2004. No. 3. Pp. 95–101. (In Russ.).

Ahmetova Sh.K. Қозһа в етническој исторії казахов Западној Сибірі // Kazanskaja nauka. 2013. No. 4. Pp. 12–14. (In Russ.).

Bustanov A.K., Korusenko S.N. Rodoslovnye sibirskih buharcev: Im'jaminovy // Arheologija, etnografija i antropologija Evrazii. 2010. No. 2 (42). Pp. 97–105. (In Russ.).

Bustanov A.K., Korusenko S.N. Rodoslovnye sibirskih buharcev: Im'jaminovy // Arheologija, etnografija i antropologija Evrazii. 2014. No. 4 (60). Pp. 134–145. (In Russ.).

Frank A.J. Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, Education, and the Paradox of Islamic Prestige. Leiden, Boston: Brill, 2012. 215 pp.

Jarkov A.P. Islam v zhizni tjurkskogo naselenija Zapadnoj Sibiri i Severnogo Kazahstana v XVII–XIX vv. // Istorija, ekonomika i kul'tura srednevekovyh tjurko-tatarskih gosudarstv Zapadnoj Sibiri: mat-ly II Vseros. nauch. konf. Kurgan: Izd-vo Kurgan. gos. un-ta, 2014. Pp. 132–136. (In Russ.).

Kabul'dinov Z.E. Fol'klor kazahov Zapadnoj Sibiri kak istoricheskij istochnik // Istoricheskij ezhegodnik. Spec. iss., posvjashh. 60-letiju prof. N.A. Tomilova. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2001. Pp. 158–163. (In Russ.).

Korusenko S.N. Sibirskie buharcy v nachale XVIII v. Omsk: Izd. dom «Nauka», 2011. 248 pp. (In Russ.).

Materialy po istorii kazahskih hanstv XV–XVIII vekov (izvlecheniya iz persidskih i tjurkskih sochinenij). Alma-Ata: Nauka KazSSR, 1969. 651 pp. (In Russ.).

Seleznev A.G. Kul'turologija tradicionnyh soobshhestv: k vydeleniju nauchnoj subdiscipliny // Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri. 2004. No. 1 (12). Pp. 123–134. (In Russ.).

Seleznev A.G. Tradicionnaja kul'tura: k karakteristike ob'ektnoj sfery issledovaniya // Perekrestok kul'tur: Mezhdisciplinarnye issledovaniya v oblasti gumanitarnyh nauk. Moscow, 2004. Pp. 287–302. (In Russ.).

Seleznev A.G., Selezneva I.A., Belich I.V. Kul't svjatyh v sibirskom islame: specifika universal'nogo. Moscow: Izd. dom Mardzhani, 2009. 216 pp. (In Russ.).

Tomilov N.A. Etnicheskaja istorija tjurkojazychnogo naselenija Zapadno-Sibirskoj ravniny konca XVI – nachala XX v. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. gos. un-ta, 1992. Pp. 122–124. (In Russ.).

А.А. Бадмаев^{1, 2}, В.А. Бурнаков^{1, 2}, Д.Ц. Цыденова²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирский государственный университет

E-mail: badmaevaa@ngs.ru; venariy@ngs.ru

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ В МИРОВОЗЗРЕНИИ И РИТУАЛЕ БУРЯТ И ХАКАСОВ

Авторы настоящей статьи рассматривают тему традиционного костюма в мировоззренческом и обрядовом поле культуры таких южносибирских народов, как буряты и хакасы. Опираясь на литературные и полевые источники, они выделяют связанные с данной темой общие и специфические черты в культурах упомянутых выше народов.

В традиции бурят и хакасов социальный статус человека оценивался, в частности, по состоянию костюма (его целостность и внешний вид). Элементы традиционного костюма у обоих народов выступали универсальным средством дарообмена (особенно это проявлялось в свадебной обрядности). Они играли важную роль и в основных обрядах жизненного цикла. Во время родильных обрядов буряты обычно укутывали новорожденного в овечью шкуру или старую тканевую рубашку, а хакасы – в пеленку из ткани. В их костюме, прежде всего в женском одеянии, получали отражение возрастные различия (отдельно выделяются костюмы девушек и замужних женщин). Некоторые элементы погребального костюма у бурят и хакасов выполняли функцию магической защиты живых от воздействия умершего. В традиционном мировоззрении особыми сакральными свойствами наделялись отдельные элементы повседневного костюма: они в определенных ситуациях применялись в магико-лечебных, прогностических, охранительных, жертвенных и иных целях. Особенностью культуры хакасов было то, что сакрализация костюма у них способствовала возведению отдельных его элементов в ранг фетишей – төс'ов (например, Чара / Шага төс).

Проведенное исследование показало, что в традиционном мировоззрении и обрядности у бурят и хакасов обнаруживаются схожие символика и семантика народного костюма и его элементов. В то же время у каждого из рассматриваемых народов имелись отличительные особенности.

Ключевые слова: традиционный костюм, традиционное мировоззрение, обрядность, буряты, хакасы, межкультурное взаимодействие.

A.A. Badmaev^{1, 2}, V.A. Burnakov^{1, 2}, D.Ts. Tsydenova²

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State University

E-mail: badmaevaa@ngs.ru; venariy@ngs.ru

THE TRADITIONAL COSTUME IN THE WORLDVIEW AND RITE OF BURYATS AND KHAKASSES

The authors of this article consider the theme of the traditional costume in worldview and ritual culture field among such South Siberian native peoples as Buryat and Khakasses. Basing on literary sources and field study they mark out the general and specific traits, associated with this theme, in the cultures of the peoples mentioned above. The social status in the Buryat and Khakass tradition was weigh in the balance on such criteria as a condition of the costume (his good condition and looks) in particular. Both native peoples used the elements of traditional costume as the one-size-fits-all means of reciprocal exchange (it came in full force in wedding ritualism). They were instrumental in the main rites of the life cycle. Buryats tucked a lambskin or an old textile shirt round a newborn, Khakasses used a textile shroud aborning. The age differences were reflected in their costume, especially female (the girls and married women had the different costumes). Some elements of the Buryats and Khakass mourning costume act as a magical protection of alive from the effects of dead.

The traditional worldview endowed with sacral qualities the individual elements of the casual costume: they could be used for healing, prognostic, protective, sacrificial and other goals in some cases. The sacral significance of the costume was a specific trait of Khakass culture, which conduced to bring the individual elements to the level of fetish – tös (for example, Chage/Shaga tös). This study showed that Buryat and Khakass traditional worldview and ritualism has the similar symbols and semantics of native costume and its elements. At the same time, each of this native people had distinctive features.

Keywords: *traditional costume, traditional worldview, ritualism, Buryats, Khakasses, intercultural influence.*

Народный костюм является одним из важных культурных достижений человечества. В нем отражен многовековой опыт развития культуры, адаптации человека к природной среде, а также результат межкультурного взаимовлияния разных этнических групп. Традиционный костюм содержит информацию об историческом пути, пройденном обществом. Вследствие этого он всегда был и остается одним из главных маркеров культуры народа. При этом он выступает ярким знаковым явлением, демонстрирующим не только этническую, но еще и социальную, конфессиональную и иную принадлежность его обладателя. Так, например, исходя из анализа одеяния, выявляется статус человека в обществе, его материальное положение, возраст, половая принадлежность, а также конкретные психологические особенности, эстетические предпочтения и т.д.

В культуре хакасов и бурят костюм и его подobaющее состояние являлись ключевым символом полноценного и общественно-значимого человека. Отношение к нему точно отражает некоторые важные элементы традиционной системы ценностей хакасов. Так, в текстах благопожеланий (*алгыс*), произносимых во время главных событий в жизни человека и зачастую имеющих практическое нормативно-поведенческое значение, буквально приведены следующие слова: «Пешему человеку предлагай своего коня! Голому человеку дай свою одежду!» [Катанов, 1907, с. 235].

Внешним признаком материального, а значит, и социального благополучия человека, является его выходной костюм. В этой связи показательно отмечаемое в исторических источниках середины XIX в. стремление бурят Западного Забайкалья одеваться подобно представителям управляющей этнической элиты [Бадмаев, 2009]. Вероятно, этот феномен следует рассматривать не только как результат влияния моды на народные массы, но и как оформившийся запрос части бурят субрегиона на изменение своего общественного статуса. Между тем, у предбайкальских бурят, на культуру которых имела заметное влияние русская культура, та же тенденция выразилась во второй половине XIX в. в предпочтительном ношении их родоначальниками русского чиновничьего костюма.

Пошивочный материал (кожа, меха, войлок, ткани) и готовые изделия из него играли важную

роль в соционормативной практике бурят и хакасов. Наряду с другими предметами они служили универсальным средством дарообмена. Традиционный костюм либо его отдельные элементы обладали особым знаковым содержанием. По этой причине они часто выступали объектом дарения. Это происходило в различных жизненных ситуациях: во время знакомства (особенно с родственниками), в процессе установления между людьми дружеских связей и контактов, в качестве знака расположения или как жест благодарности за оказанную услугу и помощь в чем-либо. Особо стоит отметить свадебную обрядность, в ходе которой совершались акты дарения одежды и головных уборов. Например, у предбайкальских бурят полагалось, чтобы обе брачные стороны подносили сватам шубы или рубашки [Хангалов, 1958, с. 260]; во время свадебной церемонии жених и невеста дарили друг другу шубу, халат, рубашку, штаны и платок.

Будучи важнейшим компонентом системы жизнеобеспечения человека, костюм, как известно, выполняет утилитарную функцию – защищает организм человека от неблагоприятных условий природной среды (холода, жары, ветра, дождя и т.д.). В то же время некоторые его элементы наделялись сакральной функцией оберега от воздействия злых чар и потусторонних сил. Здесь нужно отметить, что традиционный костюм у бурят и хакасов был неразрывно связан с духовной сферой и хранил в себе глубинный мировоззренческий пласт. Поэтому он исполнял существенную роль в обрядовой практике упомянутых выше южносибирских народов.

На протяжении всей своей жизни, начиная с момента рождения и заканчивая смертью, человек был неразрывно связан с костюмом. У хакасов новорожденного после проведения всех необходимых процедур и обрядов заворачивали в тканевую пеленку, предварительно окурившую *ирбен*-ом – богородской травой. По сути, она являлась первой одеждой ребенка. В отношении нее действовала особая система табу. В XIX – начале XX в. буряты, как и другие монгольские народы, в данном качестве чаще всего использовали выделанную или свежеснятую овечью шкуру (у буддистов ламы-астрологи определяли животное, шкурой которого следовало обернуть новорожденного), реже – по-

ношенную тканевую рубашку [Кирилов, 1897, с. 90]. Как известно, обертывание в шкуру только что убитого животного практиковалось у монгольских народов в лечебных целях, вероятно, с тем же намерением это проделывали и с младенцем. Пеленание же ребенка в старую отцовскую рубашку можно объяснить бытованием народных представлений о ее особых охранительных свойствах (в том числе защиты от болезней).

В костюме, прежде всего в женском его варианте, получали отражение возрастные различия, например, достижение девушкой половой зрелости (инициация у буряток сопровождалась пришиванием специальной вставки из красной ткани на верхнюю одежду, плетением волос во множество косичек и др.) или выход ее замуж. Костюм и в особенности такой его элемент, как платок, являлся одним из ключевых символических предметов в ритуалах свадебного цикла хакасов [Кастрен, 1999, с. 213] и бурят [Потанин, 2005, с. 32]. Сама по себе церемония облачения жениха и невесты в специально пошитую для свадьбы одежду была связана у обоих народов с определенной семантикой.

Одеянию придавалось большое значение и в похоронной обрядности. Ритуальное облачение выступало неизменным атрибутом проводов человека в последний путь. В числе символических функций ткани и изделий из нее была так же и защита от вредоносного воздействия покойного [Катанов, 1907, с. 353]. Поэтому у бурят-буддистов, в соответствии с предсказаниями лам-астрологов, строго регламентировался цвет ткани, которым обертывали лицо и руки усопшего. А вот предбайкальские буряты ограничивались завязыванием платком глаз и рта покойника [Потанин, 2005, с. 37].

Большая значимость костюма в ритуалах жизненного цикла человека выявляет тот факт, что в традиционном сознании он и его элементы наделялись особыми сакральными свойствами. У хакасов до сих пор бытует представление о том, что с рождения каждый человек обладает *хуйах*'ом (куяком) – своеобразной защитной аурой, «доспехом» [Бутанаев, 1999, с. 193–194; Бурнаков, 2006, с. 108–109]. Кроме того, верили, что в процессе носки костюм также «вбирает» в себя свойства *хуйах*, т. е. получает охранительную функцию. Отметим, что существование таких воззрений у бурят исследователями не отмечается.

Отметим, что в традиции бурят и хакасов повседневный костюм, как мужской, так и женский, в определенной ситуации мог применяться в магико-лечебных, прогностических, охранительных, жертвенных и др. целях. В число сакрализованных вещей у хакасов обычно входили мужские головной убор (*nörik*), верхняя одежда (*кин*),

штаны (*ыстан*), пояс (*хур*), рубаха (*көгенек*), рукавицы (*мелей*), а также женские платок (*плат*), платье (*көгенек*) и др. Рассматриваемое этнокультурное явление имеет свою особенность, которая проявляется в том, что ритуальные действия с одеждой мог совершать как непосредственно шаман, так и обычный человек, обладающий необходимыми познаниями в этой области. Такие же воззрения и связанная с ними обрядовая практика наблюдалась и у бурят Предбайкалья, что не может не указывать на общие истоки в культуре соседних народов.

Спецификой культуры хакасов является то, что сакрализация костюма у них способствовала возведению отдельных его элементов в ранг фетишей – *төс*'ов. Так, большое распространение в народе получил *Чага / Шага төс* – почитаемый дух, материальным воплощением которого могли выступать: мужская рубаха, женское или детское платье. Он считался одним из самых высокочтимых домашних духов-охранителей и покровителей скота. Верили также и в его магическую силу, способную облегчить страдания при заболеваниях сердца и живота. В отношении него была сформирована особая обрядность, выражающаяся в кормлении, жертвоприношении и посвящении ему животных – *ызых*'ов [Клеменц, 1892, с. 29; Адрианов, 1909, с. 523].

Таким образом, в традиционном мировоззрении бурят и хакасов обнаруживается как общий пласт представлений о костюме, а в их обрядности – связанный с ним схожий круг ритуальных действий, так и этническая специфика.

Список литературы

- Адрианов А.В. Айран в жизни минусинского инородца // Зап. Имп. рус. геогр. об-ва по отд. «Этнография», 1909. – Т. 34. – С. 489–524.
- Бадмаев А.А. Одежда бурят в первой половине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2009. – № 3. – С. 47–49.
- Бурнаков В.А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 197 с.
- Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан: УПП «Хакасия», 1999. – 240 с.
- Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. – 352 с.
- Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. – СПб.: [б.и.], 1907. – 640 с. – (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым; т. 9).
- Кирилов Н. Об акушерстве у забайкальских инородцев в связи с некоторыми особенностями их быта // Вестн. общественной гигиены, судебной и практической ме-

дицины, издаваемый Медицинским департаментом. – СПб.: [Тип. МВД], 1897. – Кн. IV: Апрель. – С. 84–91.

Клеменц Д.А. Заметка о тюсях // Изв. Вост.-сиб. отд. Имп. рус. геогр. об-ва, 1892. – Т. XXIII. – № 4/5. – С. 23–35.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. – Вып. IV: Материалы этнографические. – 1026 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – Т. 1. – 551 с.

References

Adrianov A.V. Airan v zhizni minusinskogo inorodtsa. Zap. Imp. rus. geogr. ob-va po otd. “Etnografija”, 1909. Vol. 34. Pp. 489–524. (In Russ.).

Badmaev A.A. Odezhda burjat v pervoi polovine XIX v. // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2009. No. 3. Pp. 47–49. (In Russ.).

Burnakov V.A. Duhi Srednego mira v traditsionnom mirovozzrenii hakasov. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2006. 197 pp. (In Russ.).

Butanaev V.Ja. Hakassko-russkij istoriko-etnograficheskiy slovar'. Abakan: UPP «Hakasija», 1999. 240 pp. (In Russ.).

Hangalov M.N. Sobranie sochinenij. Ulan-Ude: Burjat. kn. izd-vo, 1958. Vol. 1. 551 pp. (In Russ.).

Kastren M.A. Puteshestvie v Sibir'. Tjumen': Izd-vo Ju. Mandriki, 1999. 352 pp. (In Russ.).

Katanov N.F. Narechija urjanhajcev (sojotov), abakanskih tatar i karagasov. St. Peterburg [s.n.], 1907. 640 pp. (Obrazcy narodnoj literatury tjurkskih plemen, izdannye V.V. Radlovym; vol. 9). (In Russ.).

Kirillov N. Ob akusherstve u zabajkal'skih inorodcev v svjazi s nekotorymi osobennostjami ih byta // Vestn. obshhestvennoj gigieny, sudebnoj i prakticheskoy mediciny, izdavaemyj Medicinskim departamentom. St. Peterburg: Tip. MVD, 1897. B. IV: Aprel'. Pp. 84–91. (In Russ.).

Klemenc D.A. Zаметка о тјусјах // Изв. Вост.-сиб. отд. Имп. рус. геогр. об-ва, 1892. Vol. XXIII. No. 4/5. Pp. 23–35. (In Russ.).

Potанин G.N. Oчерки Северо-Западной Монголии. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. Iss. IV: Materialy etnograficheskie. 1026 pp. (In Russ.).

А.В. Бауло

Новосибирский государственный университет
E-mail: bau194@yandex.ru

КУЛЬТОВЫЕ АТТРИБУТЫ СЕВЕРНЫХ ХАНТОВ ИЗ ДЕРЕВНИ СТАРЫЕ ПОСЛОВЫ*

Статья посвящена описанию культовых атрибутов северных хантов, которые были зафиксированы в ходе экспедиционных работ Приполярного этнографического отряда Института археологии и этнографии СО РАН в 2014–2015 гг. в Шурьшкарском р-не ЯНАО на территории бывшей д. Старые Пословы. Данные атрибуты отражают достаточно типичные черты религиозно-обрядовой практики, присущие северным группам обских угров (манси и хантов): культ Небесного всадника Мир-сусне-хума, представление о реинкарнации души (иттарма), роль русского боевого и церемониального холодного оружия (чиновничья шпага, сабля), промысловую магию (ворожба, гадание на сабле) и др. Вместе с традиционно оформленными предметами культа (жертвенное покрывало с семью фигурами всадников, иттарма – временноеместилище души умершего человека) здесь также бытовали и специфически выполненные изделия (сукожные «богатырские» пояс, шлем) с характерным волнистым («речным») орнаментом, а также шлем с соллярными знаками, фигурами всадника и птиц.

Среди атрибутов культа выделяется приемник бронзовой пряжки с изображением медведя в т.н. священной позе, что подтверждает ранее высказанное положение об органичном бытовании древних бронзовых и серебряных изделий в современных культовых комплексах обских угров. К редким предметам можно отнести двухсоставное изображение духа-покровителя: свинцовая фигурка отлита и сохранена в деревянной антропоморфной форме.

Ключевые слова: ханты, шлем, покрывало, жертвоприношение, традиция, шпага.

A.V. Baulo

Novosibirsk State University
E-mail: bau194@yandex.ru

THE CULTIC ATTRIBUTES OF NORTHERN KHANTY FROM THE VILLAGE OF STARYE POSLOVY

An article describes the cultic attributes of Northern Khanty. These objects were fixed in the course of expedition, provided by Subpolar ethnographic team of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS onsite lonely village of Starye Poslovy in Shuryshkarskiy district of YNAO in 2014–2015. These attributes reflects the quite typical features of religious and ceremonial practices of Ob-Ugric northern groups (Khanty and Mansi): cult of Mir-susne-hum the Heavenly rider, the concept of soul reincarnation (ittarma), the role of Russian military and ceremonial melee weapons (official sword, sabre), cropping magic (sortilege, sabre divination) and etc. In addition to the traditionally decorated cultic objects (the sacrificial towel with seven figures of rider, ittarma – temporary home for the soul of the deceased) there were the specifically made items (the cloth belt and helmet of «bogatyrs») with a distinctive ribbed (riverine) ornament as well as the helmet with solar sign, figures of the rider and birds. Among the cultic attributes, there is a detail of the bronze buckle with image of the bear seated in the so-called sacred position. It is supported the previous deliverance that the ancient bronze and silver items occur to a limit extent in the modern Ob-Ugric cultic complexes. Two-part image of guardian spirit relates to the unique items: lead-cast figure saved in the wooden anthropomorphic mould.

Keywords: Khanty, helmet, towel, oblation, tradition, sword.

В ходе работ Приполярного этнографического отряда ИАЭТ СО РАН в 2014–2015 гг. в Шурьшкарском р-не Ямало-Ненецкого автономного округа

были обследованы постройки бывшей д. Старые Пословы (здесь проживали ханты Носкины и Шульгины), расположенной между левым берегом Малой

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

Оби и правым берегом Пословской (Лоровской) протоки. На площади около 200 кв. м видны остовы двух домов, сарая и нескольких амбарчиков; кроме них лицом к протоке стоит жилой дом, в котором сохраняется мебель, утварь и бытовые вещи.

Один остов дома оказался пустым, в углу второго под завалами крыши в правом дальнем от входа углу были обнаружены остатки большого деревянного сундука с железной окантовкой, какие бытовали на рубеже XIX–XX вв. Можно предполагать, что ранее сундук стоял на чердаке дома у задней стены. К сожалению, сундук развалился на фрагменты, поэтому выяснить расположение атрибутов в нем не удалось; содержимое сундука было перемешано с землей, какие-либо ткани и шкуры пушных зверей сгнили.

Сохранились монеты выпуска 1950-х гг., несколько медных колокольчиков рубежа XIX–XX вв. (скорее всего, они были пришиты к углам жертвенного покрывала), одно изделие из бронзы и два из дерева.

Приемник массивной бронзовой пряжки, размеры 5 × 5 см (рис. 1). В основе – изображение медведя в так называемой священной позе (в данном случае – голова и разведенные в стороны лапы); перед медведем показаны две головы неких зверьков с длинными ушами. Пряжки с подобными приемниками достаточно часто встречаются на севере Западной Сибири, время их изготовления относят к X–XI вв. [Зыков и др., 1994, кат. 86–87; Древние бронзы, 2000, кат. 6]. Об органичном бытовании древних бронзовых и серебряных изделий в современных культовых комплексах обских угров уже приходилось высказываться ранее [Бауло, Маршак, 2001; и др.]; представляется, что главным

для хантов в данном случае было изображение на пряжке медведя в священной для них позе.

К деревянным изделиям относятся две антропоморфные фигурки (рис. 2); поскольку их одежда не сохранилась, то трудно судить – это фигуры домашних духов-покровителей или *иттарма* (временное вместилище души умершего; по размерам, скорее, это все же *иттарма*). Длина первой фигурки 5 см, руки в виде коротких обрубков, нижняя часть напоминает широкую женскую юбку. Длина второй фигурки 6 см: изначально это форма для свинцовой антропоморфной отливки (длина 5,5 см); последняя после литья из формы вынута не была. Таким образом, перед нами довольно нестандартная ситуация, когда деревянное изделие выполняет сразу две функции: формы для отливки и сложносоставной фигуры духа-покровителя.

Близкой аналогией можно считать известное сообщение В.Н. Чернецова об оформлении фигуры мансийского регионального духа-покровителя *Чохрынь-ойки* в середине 1920-х гг. на его святилище около д. Усть-Тапсуй (бассейн Северной Сосьвы). Туловище божества было выполнено из дерева и обернуто платками и кусками разноцветных материй. Однако по рассказам манси, главной святыней являлось не это изображение, а другое, металлическое, которое находилось внутри деревянного. В вырубленную нишу вкладывали свинцовую, серебряную или золотую фигурку [Чернецов, 1927, с. 23]. По материалам И.Н. Гемуева и А.М. Сагалаева, на мансийском святилище *Хонт-Тору* была встречена небольшая деревянная фигурка: на ее тулове был вырезан продольный паз, в который уложена литая свинцовая фигурка человека [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 75, рис. 69].

Рис. 1. Приемник бронзовой пряжки.

Рис. 2. Деревянные антропоморфные изображения.

В жилом доме священные семейные атрибуты располагались в двух местах: на чердаке и в комнате.

На чердаке у задней стены в правом углу на деревянном помосте стояли два небольших деревянных сундука, в которых основное место занимали различной расцветки жертвенные платки с завязанными в углах монетами. В одном из сундуков лежал *шлем* конусообразной формы с плоским верхом. Он выполнен из сукна красного и синего цвета, нижний и верхний края тульи, а также плоский верх оторочены мехом красной лисы, хвост которой пришит к середине задней части шлема. Высота изделия 35 см. Тулья подшита подкладом из ткани свекольного цвета. Для украшения шлема использована узкая полоска серебряного позумента. В работе применялись сухожильные нити.

На передней верхней красной части шлема вшит синий солярный знак с семью короткими лучами, на лучи сухожильными нитками нашиты царские серебряные монеты достоинством 10, 15 и 20 коп. «орлом» вверх; из них 20 коп. монета выпуска 1907 г. Такой же солярный знак (но без монет) вшит в верхней задней части изделия. Солярные знаки чередуются с небольшими птицевидными фигурами. К одной «птице» пришиты маленькие медные колокольчик и шаркунец на низках крупного черного и синего бисера, а также на красно-белых тесемках большой медный колокольчик и завязанные в узел обрезки от шитья. К другой птице также пришиты колокольчик и шаркунец, а на тесемках – шаркунец и большой колокольчик.

На задней части тульи под лисьим хвостом в красное сукно вшита фигура всадника из синего сукна, справа и слева от него вшиты птицевидные фигуры. Шлемы с подобным составом и расположением фигур ранее у обских угров не встречались.

Время изготовления шлема определить сложно, поскольку дореволюционные монеты, колокольчики, позумент нередко использовались для оформления при шитье подобных предметов вплоть до конца XX в. Более точным является такой признак как сукно и нити; можно предполагать датировку в рамках 1920–1930-х гг. Шлем был сшит в честь известного божества *Лован ху* (*Мир-лярты-хо* «Мир объезжающий человек», *Сорни пох* «Золотой сынок», *Урт ики* «Богатырь мужчина») и возлагался во время церемонии на спину жертвенного оленя или лошади.

Рядом с указанными выше сундуками лежала чиновничья шпага в ножнах и с темляком образца 1855 г. К ее рукояти прикреплены десятки платков красной и белой расцветки с завязанными в углах монетами, медные кольца и шаркунцы. Не имея точной информации, можно предполагать использование холодного оружия либо как

фигуры семейного духа-покровителя (или его воинского атрибута), либо как инструмента для шаманской ворожбы.

В жилой комнате в правом дальнем от входа углу на высоте ок. 150 см устроена священная полка, в обычное время закрытая пестрой занавеской. За ней лежит небольшой чемодан, за которым стоит массивная фигура семейного духа-покровителя, представляющая собой надетые друг на друга халат и рубахи; какого-либо центрального вложения нет. Самая ранняя монета, обнаруженная в одежде, достоинством в 20 коп. выпуска 1869 г. Можно предполагать создание атрибута в конце XIX в. и функционирование его до настоящего времени.

Здесь же лежит русская сабля в ножнах рубежа XIX–XX вв., на рукояти и ножнах закреплен длинный красный шерстяной шнур с медным кольцом; обычно с помощью такого шнура саблю подвешивали на палец при ворожбе.

В чемодане главное место занимал комплект жертвенной атрибутики в честь *Мир-лярты-хо*, состоявший из покрывала, пояса и шлема.

Жертвенное покрывало с семью фигурами всадников изготовлено из сукна зеленого и красного цвета, края оторочены лисьим мехом, включая шкурки с головы и лап животного. Размеры 82 × 58 см. К углам покрывала и серединам сторон подшиты на тесемках и низках капсюлей разного размера медные и жестяные колокольчики. Вместе с покрывалом лежал и восьмой квадрат с изображением всадника.

Изображение всадника достаточно сильно стилизовано, на ряде квадратов видны уголки, обычно изображающие птиц. Ранее были опубликованы покрывала из близлежащих деревень – Пословы и Овагорт, среди них также попадались стилизованные изображения подобного типа [Гемуев, Бауло, 2001, кат 101, 141], что может говорить об отнесении данных экземпляров к работе одной и той же неизвестной нам мастерицы 1950–1970-х гг.

Над фигурами всех всадников нашиты никелевые монеты выпуска 1950–1960-х гг. Изготовление покрывала можно отнести к 1960–1970-м гг.

Пояс сшит из сукна красного и зеленого цвета, оторочен мехом лисы, к середине одной из сторон пришит лисий хвост, к углам – тесемки и железный колокольчик. Подклад из красной ткани в белый горошек. Лицевая сторона пояса состоит из десяти чередующихся прямоугольников, различающихся по ширине. Два широких прямоугольника украшены орнаментом в виде четырех волнистых линий, на трех других прямоугольниках под кусочками белой ткани зашиты монеты. Семантика волнистого орнамента непонятна, возможно, это стилизованная передача воды, что может быть связано

с основным видом хозяйственного промысла местного населения – рыбной ловлей.

Размеры пояса 201 × 30 см, что реально подчеркивает его статус «богатырского». Ранее поясов такого размера и оформления у обских угров не встречалось. Изделие предположительно выполнено в 1960–1970-х гг.

Шлем конусообразной формы выполнен из сукна красного и зеленого цвета, по нижнему краю оторочен лисьим мехом; здесь же пришит лисий хвост, узкие полоски красного и зеленого сукна, маленькие колокольчики на низках капсюлей. Высота шлема 28 см. В одном месте на сукно пришита монета достоинством в 15 коп. выпуска 1955 г. Основная часть шлема украшена орнаментом в виде поперечных волн. Поверх шлема пришит кусок белой хлопчатобумажной ткани, закрывающий значительную часть священного орнамента. Изделие предположительно выполнено в 1960–1970-х гг.

Пояс и шлем по отдельности были завернуты в платки. Во время жертвенной церемонии на спину оленя или коня сначала укладывали покрывало лицевой стороной вниз, на него – пояс и шлем в свертках; таким образом священные узоры на атрибуте были недоступны взорам присутствующих женщин и чужаков.

Подводя итоги рассмотрению культовых атрибутов, обнаруженных на территории бывшей д. Старые Пословы, следует подчеркнуть, что они отражают типичные черты религиозно-обрядовой практики северных групп обских угров: культ Небесного всадника, представление о реинкарнации души (*уттарма*), роль холодного оружия (шпага, сабля), магию (ворожба, гадание на сабле) и др. Вместе с традиционно оформленными предметами культа (жертвенное покрывало, *уттарма*) здесь бытовали и специфически выполненные изделия (пояс, шлем) с характерным волнистым орнаментом, а также шлем с соляными знаками.

Список литературы

Бауло А.В., Маршак Б.И. Серебряный ритон из хантыйского святилища // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 133–141.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 160 с.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 190 с.

Древние бронзы Оби. Коллекция бронз IX–XII вв. из собрания Сургутского художественного музея. – Сургут: Изд-во Сургут. худож. музея, 2000. – 28 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского ун-та. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.

Чернецов В.Н. Жертвоприношение у вогулов // Этнограф-исследователь. – Л., 1927. – № 1. – С. 21–25.

References

Baulo A.V., Marshak B.I. Serebrjanyj riton iz hantyskogo svjatilishha // Arheologija, etnografija i antropologija Evrazii. 2001. No. 3. Pp. 133–141. (In Russ.).

Chernecov V.N. Zhertvoprinoshenie u vogulov // Etnograf-issledovatel'. Leningrad, 1927. No. 1. Pp. 21–25. (In Russ.).

Drevnie bronzy Obi. Kollekcija bronz IX–XII vv. iz sobranija Surgutskogo hudozhestvennogo muzeja. Surgut: Izd-vo Surgut. hudozh. muzeja, 2000. 28 pp. (In Russ.).

Gemuiev I.N., Baulo A.V. Nebesnyj vsadnik. Zhertvennye pokryvala mansi i hantov. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2001. 160 pp. (In Russ.).

Gemuiev I.N., Sagalaev A.M. Religija naroda mansi. Kul'tovye mesta XIX – nachala XX v. Novosibirsk: Nauka, 1986. 190 pp. (In Russ.).

Zykov A.P., Koksharov S.F., Terehova L.M., Fedorova N.V. Ugorskoe nasledie. Drevnosti Zapadnoj Sibiri iz sobranij Ural'skogo un-ta. Ekaterinburg: Vneshtorgizdat, 1994. 159 pp. (In Russ.).

БЕРЕЗА В КАЛЕНДАРНОЙ КУЛЬТУРЕ И ТРАДИЦИОННЫХ ВЕРОВАНИЯХ НАРОДОВ СИБИРИ

В статье рассмотрены традиционные верования и обряды народов Сибири и восточных славян, связанные со священным деревом – березой, почитание которой было тесно связано с культурой народного календаря, прежде всего в циклах умирающей и возрождающийся природы. Культ березы особо характерен для восточных славян, но она же является священным деревом у многих сибирских народов. В данной работе отражены только отдельные факты почитания березы, в которых очень наглядно прослеживается миропонимание разных народов Восточной Европы и Северной Азии, демонстрирующих через восприятие березы, через завивание венков акт породнения людей с природой.

Особое почитание березки у русских Сибири мы наблюдаем в период недели зеленых святок, которая называется семицко-троицкой, и была седьмой неделей после Пасхи. У ряда народов Северной Азии существовало табу. Березу нельзя было называть своим именем, а называли ее подставным словом «трудноименная». У хакасов береза – священное дерево, ее без хозяйственной необходимости запрещалось рубить или ломать. Береза у сибирских народов стала символом «народа Белого царя», а именно русского народа. Почти все народы Северной Азии от Урала до Тихого океана связывают появление березы в Сибирских лесах с появлением здесь русских людей. Сущность березы в представлениях народов Сибири амбивалентна: с нею радость, с нею смерть. Таким образом, в народном мировоззрении народов Сибири сохраняется значительный пласт верований языческой старины.

Ключевые слова: народы Сибири, традиционная культура, народный календарь, береза, обряды, традиционное мировоззрение.

F.F. Bolonev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: bolonev@rambler.ru

THE BIRCH IN THE CALENDAR CULTURE AND TRADITIONAL BELIEFS OF THE SIBERIAN PEOPLES

The article explores the traditional beliefs and practices of peoples from Siberia and Eastern Slavs, associated with a sacred tree – the birch, the veneration of which was closely associated with the culture of the folk calendar, especially in cycles of dying and reviving nature. The cult of the birch is especially characteristic of the Eastern Slavs, but it is also a sacred tree among many Siberian peoples. In this article we report only some facts of the veneration of the birch, which are very clearly shown the world Outlook of different Nations of Eastern Europe and Northern Asia, showing through the birch and through the Curling wreaths of the act of twinning people with nature.

Special veneration of the birch trees in Russian Siberia we observe in the period of the week of Trinity Sunday, which is called Semitsky Trinity, and was the seventh week after Easter. Among some peoples of Northern Asia there was taboo. Birch was not his name, and called her a dummy word trudeaumania.

In Khakassia the birch is a sacred tree, without her household was forbidden to cut or break.

Birch Siberian peoples became the symbol of the “people of the White Tsar”, namely the Russian people.

Most peoples of Northern Asia from the Urals to the Pacific Ocean associated the appearance of birch trees in the Siberian forests with arrival of the Russian people. The essence of the birch in the views of the Siberian peoples is ambivalent: her joy with her death.

Thus, in the folk worldview of the Siberian peoples remains a significant body of beliefs of pagan antiquity.

Keywords: the peoples of Siberia, traditional culture, folk calendar, birch, ceremonies, traditional worldview.

Существенную часть традиционной культуры восточных славян и коренных народов Сибири составлял народный календарь. У европейских народов календарные праздники знаменовали смену времен года, занятий и концентрировались вокруг зимнего и летнего солнцестояний, весеннего и осеннего равноденствий. У народов Сибири созданы свои народные календари, в которых названия месяцев отражают климатические особенности, основные хозяйственные занятия, обрядовые действия и мифологические представления.

Традиционные верования тюркоязычных народов Сибири (алтайцев, хакасов, якутов, шорцев, тувинцев, тофаларов) подробно изучены и обобщены Н.А. Алексеевым. По его мнению, ареалы расселения этих народов отделены тысячами километров, но в их традиционных верованиях прослеживается определенное единство: «Всеобщим почитанием» у них «пользовалась береза» [Алексеев, 1980, с. 302, 306].

Цель настоящей статьи – показать некоторые традиционные знания и представления разных народов Сибири, связанные с символическим деревом – березой, почитание которой тесно связано с культурой народного календаря, особенно в циклах умирающей и возрождающейся природы.

В весенние праздники растениям уделялось особое внимание. Оживление растительного мира, появление на растениях почек, сережек вербы, листы, цветов радовало душу человека. Этому придавалось особое значение как расцвету жизни, как наступлению нового цикла в природе, накоплению в растениях целебных сил, и эти силы человек старался использовать в целях благотворного влияния на новый урожай, на сохранность скота. Особенно ярким весенним праздником молодой растительности у русских (восточных славян) является Троица. А любимым деревом русских песен, обрядов, преданий остается береза.

В.Я. Пропп видит «исключительность» березы в том, что она первая одевается в нарядную зелень, отсюда и представление об особенной силе ее роста. Средоточием ее силы считаются ее верхушка и ветви, и эту силу надо использовать [Пропп, 1963, с. 59. Болонев, 1978, с. 150].

Береза является священным деревом у многих народов Сибири. Отношение к ней как к необычному, священному дереву определялось не только тем, что она ранее других деревьев распускает почки, из которых выходят смолистые листья, дающие особый здоровый дух, но и тем, что является источником древесины и бересты для всевозможных хозяйственных и бытовых нужд. Не менее важным было поклонение березе и посвящение ей праздников и обрядов.

У славян священные рощи назывались гай-бог, божницами и божелесьем. По поверьям, в лесах обитают вещие духи, и девушки ходят в лес слушать духа, который шелестом листьев прорицает будущее.

Кульť березы, ее почитание, характерен для восточных славян. Но она же является священным деревом для многих сибирских народов. Об этом свидетельствуют работы этнографов, в которых отражено отношение к лесу, к отдельным деревьям и, в частности, к березе. В данной работе мы отразим только некоторые факты этого примечательного явления, в котором очень наглядно и ярко прослеживается миропонимание разных народов, демонстрирующих через восприятие березы, через завивание венков акт породнения людей с Природой с целью перенесения сил Природы на сельское общество, на судьбы людей, на плодородие полей и плодovitость скота.

Мы завьем веночки
На годы добрые,
На жито густое,
На ячмень колосистый,
На овес росистый,
На гречку черную,
На капусту белую...

Семицкие празднества русских, несомненно, имеют дохристианское происхождение. В их основе лежало поклонение природе, они сохранились и после принятия христианства, хотя церковь осуждает эти языческие обряды. «В челобитной Нижегородских священников 1636 года читаем следующее: в седьмой четверток по Пасце собираются жены и девицы под древа, под березы и приносят яко жертвы пироги и каши и яичницы, и поклонясь березам, оучнут походя песни сатанинския приплетая пети и дланми плескати, и всяко бесятся» [Гальковский, 1916].

У русских Сибири неделя зеленых святок называлась семицко-троицкой, так как была седьмой неделей после Пасхи. Она была связана с представлением о расцветающей, набирающей силу растительности. И вот эту ее силу и старались использовать в своих обрядах девушки. В центре всего этого весеннего празднества была береза. Велика ее роль и в хозяйственном быту, но этот вопрос требует особого исследования.

Многие культовые изделия изготавливали из бересты: святочные рожи или личины, маски для медвежьего праздника. В погребальной обрядности многих народов береста играла значительную роль. Ею обертывали покойников, ее использовали в качестве подстилки в местах погребения. Ханты завертывали лодку с покойником в берестяные

«маты», русские под голову покойнику клали подушечку с листьями березы и т.д.

Не случайно береза окружена ореолом священного дерева. У многих народов Северной Азии березу нельзя называть своим именем. Г.Н. Потанин сообщает, что монголы, находясь на горе Байтык-богдо, растущую там березу называют подставным словом: трудноименная, *кэцюнэртай*. Значит, существует табу [Потанин, 1881, с. 93].

В засушливый год алтайцы просили дождь у хозяина священной горы следующим образом: «...брали березовую веточку с ленточками синего, белого и красного цветов. Веточкой махали и говорили: “Суг пир!” – “Дай воды”. Хозяин горы Солон всегда давал воду». Береза считалась священным деревом хакасов. Ее без хозяйственной необходимости запрещалось рубить или ломать.

Раньше проводили тайги. К почитаемому священному дереву, обычно березе, привязывали ленточки – чалама. После этого все молились небу, чтобы люди не болели и не умирали. По поверью хакасов, «распустилась белая береза, родился народ Белого царя» [Бурнаков, 2006, с. 43, 175, 176].

Действительно, в стоустой молве и преданиях сибирских народов береза стала символом «народа Белого царя», а именно русского народа. Почти все народы Северной Азии от Урала до Тихого океана связывают появление в сибирских лесах березы с появлением здесь русских людей.

В Архиве Географического общества мне удалось обнаружить рукопись Иннокентия Шаврова «О современном состоянии народного сибирского творчества» за 1889 г. Автор, уроженец Томска, собирал образцы народного творчества в Томской губ. В 1876 г. он познакомился с Н.В. Иллигичевым, потомком остяцкого богатыря Иллигеча, воевавшего вместе с Кучумом. Он поведал: «Все остяцкие богатыри при приближении русских, о чем им возвестила белая береза, закопались в землю. Свидетелями этого события остались курганы, до сего времени никем не тронутые» (АГО. Р. 55. Оп. 1. № 110. Л. 4–5).

У эвенков р. Чикоя, притока Селенги, в Забайкалье тоже сохранилось предание: «Однажды шаманы и старейшины заметили, что на открытых местах стало расти белое дерево-береза. “Худо будет нашему народу, – сказали шаманы, – придет белый человек и покорит нас. Заставит добычу отдавать ему, завладеет и нашими женами...” И когда люди прослышали, что действительно приближается этот белый человек со стреляющими огнем палками, то часть племени покинула Чикой, не ожидая прихода русских, а оставшиеся, подрубив опоры в землянках, за-

хоронили себя заживо со своими семьями». Далее автор, П. Матвеев, продолжает: «Раньше, когда на Солонцах около Красного Чикоя была степь, то на ней действительно виднелись подобия обвалившихся землянок, а на них крупные камни» [Матвеев, 1970].

Своеобразный комплекс представлений, связанных с основными деревьями тайги, зафиксирован этнографами у селькупов. Береза, по их верованиям, – дерево жизни всей общины. А «основной триадой» деревьев-символов являются кедр, береза и лиственница. Кедровая роща символизирует мир мертвых, береза всегда связывает события с исцелением или рождением; когда в их сказаниях речь идет о лиственнице, слышатся высокие птичьи мотивы. Очищением служит окуривание березовой чагой или смолой лиственницы, знаком движения «вниз» – упоминание кедровой колоды. А.В. Головнев, изучавший культуру самодейцев, пишет: «Сам человек приходит в мир и уходит из него “через дерево”» [Головнев, 1995, с. 184].

Береза для шаманов – средоточие жизненной силы. «Она как жертвенное дерево с обрубленным корнем имеет отношение не только к Верхнему миру, но и к заупокойному. Дерево, по поверьям селькупов, обозначает те пути и связи, которыми человек (как живой, так и мертвый) приобщен к Земле. Дерево служит “мостом” между двумя сторонами Земли (верхней и нижней) и между различными земными мирами – домашним людским и диким медвежьим» [Там же, с. 192]. У тувинцев береза – вместилище души умершего ребенка. В обско-угорском «земном пантеоне, первым богом (духом) является *Полум Торума*, который “заведует птицей и зверем” и принимает облик семивершинной березы. Женщины приносят в жертву *Торуму* (верховному богу) на березу или лиственницу семь белых халатиков (старухи) или семь пар белой обуви (молодые женщины). На посвященном еще одному из главных божеств обских угров *Мир-суснэ-хуму* женском жертвенном месте растет семь священных берез» [Там же, с. 446, 449]. В верованиях хантов и манси семичисленность почти беспредельна.

Сущность березы амбивалентна: с нею радость, с нею смерть. Завитый венок считался эмблемой любви и брака, бессмертия, целование через него – заключением союза между девушками, а вообще венок является переходением души на небо и союзом мертвых людей с живыми [Калинский, 1990, с. 191].

В народном мировоззрении сохраняется значительный пласт верований глубокой языческой старины, что мы наглядно увидели из представ-

ленных выше обрядов и обычаев, преданий многих народов сибирского региона. Представления разных народов о дереве-символе березе в «универсальной концепции мира» занимают одно из важных мест. Береза содержит в себе все три сферы мироздания и является одним из основных объектов почитания в традиционных верованиях народов Сибири.

Список литературы

Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1980. – 318 с.

Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1978. – 160 с.

Бурнаков В.А. Духи среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 208 с.

Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. – Харьков, 1916. – Т. 1. – 316 с.

Головнев А.В. Самодийцы и угры Западной Сибири: комплексы традиционных культур: дис. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 1995. – 184 с.

Калинский И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. – М.: Худ. лит., 1990. – 191 с.

Матвеев П. Первопроходцы на Чикое // Знамя труда: районная газета. 1970. 23 июля.

Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. – Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1963. – 143 с.

Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб., 1881. – Т. 2. – 93 с.

References

Alekseev N.A. Rannie formy religii tjurkojazychnyh narodov Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 1980. 318 pp. (In Russ.).

Bolonev F.F. Narodnyj kalendar' semejskih Zabajkal'ja (vtoraja polovina XIX – nachalo XX v.). Novosibirsk: Nauka, 1978. 160 pp. (In Russ.).

Burnakov V.A. Duhi srednego mira v tradicionnom mirovozzrenii hakasov. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2006. 208 pp. (In Russ.).

Gal'kovskij N.M. Bor'ba hristianstva s ostatkami jazychestva v Drevnej Rusi. Har'kov, 1916. Vol. 1. 316 pp. (In Russ.).

Golovnev A.V. Samodijcy i ugry Zapadnoj Sibiri: komplekсы tradicionnyh kul'tur: dis. ... d-ra ist. nauk. Ekaterinburg, 1995. 184 pp. (In Russ.).

Kalinskij I.P. Cerkovno-narodnyj mesjaceslov na Rusi. Moscow: Hud. lit., 1990. 191 pp. (In Russ.).

Matveev P. Pervoprohodcy na Chikoe // Znamja truda: rajonnaja gazeta. 1970. 23 ijulja. (In Russ.).

Propp V.Ja. Russkie agrarnye prazdniki. Leningrad: Izd-vo Leningrad. gos. un-ta, 1963. 143 pp. (In Russ.).

Potanin G.N. Oчерki Severo-Zapadnoj Mongolii. St. Peterburg, 1881. Vol. 2. 93 pp. (In Russ.).

С.В. Будаева, Л.В. Крикау, И.В. Октябрьская, Р.А. Полянская

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: siem405@yandex.ru

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МУЗЕЙНЫЕ СОБРАНИЯ КАРАСУКСКОГО РАЙОНА НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ: ОБЩАЯ ОЦЕНКА*

По переписи 2010 г. в Карасукском р-не Новосибирской обл. проживало 46 262 чел., при значительном преобладании русских. В настоящее время, помимо русских, украинцы, немцы и казахи составляют наиболее значимые этнические сообщества. Историю и культуру многонационального сообщества отражают музейные собрания. Первые музейные краеведческие уголки стали создаваться в школах Карасукского р-на НСО в конце 1960-х гг. Особенно активно музеефикация проходила в 1970–1980-е гг. В настоящее время на его территории действуют 25 музеев. Ведущим является Карасукский краеведческий музей. Важное место в нем занимают историко-этнографические комплексы, характеризующие народонаселение региона в процессе его формирования с XVIII в. до современности. Включенные в единый исторический контекст освоения района, музейные (русский, украинский, немецкий) комплексы позволяют воссоздать образ единого полиэтнического сообщества Карасукского р-на НСО. Они служат основой для широкой популяризаторской, выставочной и экскурсионной работы. Совокупный музейный фонд Карасукского р-на НСО составляет около 30 тысяч единиц хранения. Ряд коллекций обладает историко-культурной значимостью в региональном масштабе. Интерес к прошлому, к этническим традициям и памяти предков становится здесь заметным общественным трендом. С 1990-х гг. местные музеи превратились в общественно значимые образовательно-просветительские центры. Благодаря поддержке Карасукского краеведческого музея они существуют и развиваются как единая система.

Ключевые слова: Кулундинская степь, Карасукский район Новосибирской области, краеведение, сельские музеи, этнографические коллекции.

S.V. Budaeva, L.V. Krikau, I.V. Oktyabrskaya, R.A. Polyanskaya

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: siem405@yandex.ru

GENERAL VIEW ON MUSEUM ETHNOGRAPHIC COLLECTIONS OF KARASUK DISTRICT IN NOVOSIBIRSK REGION

46 262 people live in the Karasuk district of Novosibirsk region according to the census of 2010th. Russians significantly predominate. At this moment, Ukrainians, Germans, Kazakhs presents the most significant ethnic communities in addition to Russians in this district. Museum local collections reflect the history and culture of multi-ethnic community. The first museum rooms of local history were organized in schools of Karasuk district in late 1960es. Museumification took course intensively in 1970–1980es. Presently there are 25 museums in its territory. Karasuk museum of local history is lead.

Historical and ethnographic complexes are an integral part of it, and characterize the regional population and the process of its formation from the 18 century to the present. Included to the historical context of the district exploitation, the museum (Russian, Ukrainian, German) complexes permit to reconstruct the image of a unified multi-ethnic community in Karasuk district of Novosibirsk region. They are the basis of a wide popularization, exhibition and excursion activity. The total museum fund of Karasuk district is about 30,000 units in number. Some of this collections have historical and cultural significance in the regionally. The interest in ethnic tradition and reminiscence of ancestors becomes a significant social trend in Karasuk district of Novosibirsk region. Local museums have become socially significant educational and awareness centers since 1990es. They exist and develop as a unified system with the support of Karasuk museum of local history.

Keywords: Kulunda steppe, Karasuk district of Novosibirsk region, local history, country museums, ethnographic collections.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-11-54002.

По переписи 2010 г. в Карасукском р-не Новосибирской обл. (НСО) проживало 46262 чел., при значительном преобладании русских. Украинцы, немцы и казахи составляли наиболее значимые этнические сообщества района. Историю и культуру этого многонационального сообщества отразили музейные собрания.

К 2015 г. на территории района действовали 25 музеев: ведомственных, школьных и муниципальных. Ведущим является Карасукский краеведческий музей.

Музеефикация района началась в 1960-е гг. Особенно активно она проходила в 1970–1980-е гг., когда вслед за укрупнением деревень, административной реструктуризацией и технической модернизацией аграрного производства началась трансформация культуры жизнеобеспечения. Из повседневного обихода сельчан исчезали модельная мебель, инструменты и утварь, старая (этнически акцентированная) одежда. Унификация быта была оборотной стороной роста благосостояния местных жителей. Выведенные за пределы повседневной культуры, вещи приобретали символический характер, превращались в знаки этнической идентичности, пополняли музейные коллекции.

Первые музейные краеведческие уголки стали создаваться в школах Карасукского р-на НСО еще в конце 1960-х гг. В контексте развития массового краеведческого движения в г. Карасуке при Доме пионеров был организован кружок, которым руководили Д.П. Стремоухов, а затем А.Т. Кравченко. В поисковой группе кружка в разные годы работало более 20 человек. Школьники проводили широкую собирательскую работу; благодаря их целеустремленности музейный уголок пополнялся все новыми и новыми материалами. В 1988 г. по решению райисполкома этот центр был преобразован в музей, который возглавила бывший учитель истории, пенсионер А.А. Ахиллова.

Первоначально районный краеведческий музей находился при Доме пионеров. Затем он получил собственное здание. После полной реконструкции в одной из бывших школ г. Карасука разместились отделы «Краеведение» и «Картинная галерея», но долгое время его экспозиция сохраняла структуру и стилистику школьного музея.

С приходом нового директора, учителя истории С.В. Будаевой, начиная с 2010-х гг. музей начал менять свой облик. Экспозиция приобрела целостный характер, была подчинена проблемно-хронологическому принципу: последовательно отразила историю заселения и освоения севера Кулундинской степи в границах современного Карасукского р-на НСО и этнокультурное многообразие этой земли.

К настоящему времени важное место в экспозиции Карасукского краеведческого музея заняли историко-этнографические комплексы, характеризующие народонаселение региона в процессе его формирования с XVIII в., когда Кулундинскую степь стали активно осваивать казахи Среднего жуза; тогда же здесь появились первые русские поселения. Активная земледельческая колонизация этой зоны проходила на протяжении XIX в.; в этот процесс были втянуты выходцы из различных, в том числе южных, регионов России; украинцы составляли большинство в переселенческом потоке рубежа XIX–XX вв.

В конце XIX в. в Кулундинской степи стала формироваться группа сибирских немцев. Репрессии 1930–1940-х гг. существенно изменили этнодемографическую структуру региона. Депортированные немцы Поволжья, Украины, Крыма стали одним из его многочисленных сообществ. В послевоенные годы состав народонаселения менялся в ходе целинной кампании, трудовых и этнических миграций. Обозначилась тенденция смены идентичности славянского (украинского) населения – украинцы стали называть себя русскими. В постсоветский период массовый характер приобрела миграция немцев в Германию. В результате сложилась современная ситуация, которую характеризуют полиэтничность (при значительном преобладании русских), высокий уровень межэтнической интеграции, толерантность и активность этнокультурных центров.

Участниками всех наиболее значимых культурных акций Карасукского р-на НСО становятся местные музеи, которые с 1990-х гг. превратились в общественно значимые образовательно-просветительские центры. Благодаря поддержке Карасукского краеведческого музея они существуют и развиваются как единая система. Музейный фонд района составляет около 30 тысяч единиц хранения. Ряд коллекций обладает историко-культурной значимостью в региональном масштабе. Значительное место среди них занимают этнографические материалы.

Русская коллекция Карасукского краеведческого музея насчитывает 117 ед. (сельскохозяйственный инвентарь, инструменты прядения и ткачества, включая ткацкий стан, домашняя утварь и посуда, одежда, вышивка и т.д.). Экспозиция музея часто используется как площадка для проведения мастер-классов и фольклорных праздников. Одним из постоянных партнеров музея является Центр русской культуры с. Хорошее.

Украинская коллекция Карасукского краеведческого музея включает 55 предметов. Она скомплектована на основе экспедиционных сборов

разных лет в селах Карасукского р-на НСО (преимущественно в с. Белое и Ирбизино, где и сегодня компактно проживают украинцы) и пожертвований жителей района. В ее составе – одежда, вышивки, предметы домашнего быта и проч.

Казахская коллекция музея, насчитывающая 41 ед. (юрта, предметы одежды, домашняя утварь, ковры, украшения), была сформирована поступлениями из аула Карасарт – одного из двух компактных поселений казахов Карасукского р-на.

В немецкой коллекции музея 22 предмета: мебель, «шпрухи» – вышитые изречения, наряд невесты, предметы быта и убранство дома. Большая часть вещей происходит из с. Октябрьское (вначале XX в. – Гофенталь), которое до сих пор является местом компактного расселения немцев. В с. Октябрьское, также как в с. Новоивановка, Павловка (бывшее Шёнефельд), Студеное, Морозовка и в г. Карасуке, действуют Центры немецкой культуры, аккумулирующие архивные, фото и этнографические материалы.

Включенные в единый исторический контекст освоения района, музейные русский, украинский, немецкий комплексы позволяют воссоздать образ единого полиэтнического сообщества Карасукского р-на НСО. Они служат основой для широкой популяризаторской, выставочной и экскурсионной работы. Разрабатывая цикл историко-этнографических экскурсий по Кулундинской степи, сотрудники Карасукского краеведческого музея активно используют «этнографические ресурсы» сельских (школьных) музеев.

Самым большим этнографическим собранием района является фонд музея средней школы с. Белое, в котором находится 2314 предметов. Музей был открыт в 1983 г. и разместился в 2 комнатах общей площадью 44 кв. м. в здании школы. Традиционную культуру представляют в нем 184 экспоната, на основе которых сформирована экспозиция «Украинская горница». Музей возник на основе пожертвований местных жителей, которые передавали в школу «устаревшую» утварь: «и выбросить её жалко, и в хозяйстве от неё никакого прока». Теперь, приходя в школу, люди спрашивают о вещах; с гордостью говорят «это еще моей бабушки ...». Наряду с фольклорными практиками села музейная экспозиция «Украинская горница» является одной из основных форм трансляции этничности в современных условиях.

Фонды казахской культуры хранятся в музеях основных образовательных школ аулов Нижнебаяновка и Карасарт, которые имеют моноэт-

ничный характер. Музей в ауле Нижнебаяновка был открыт в 1994 г., первоначально размещался на 15 кв. м. в школьном кабинете истории. В его основном фонде сегодня учтено 350 ед. хранения: архивные документы, фотографии, наградные документы, предметы военного времени, предметы быта, книги, одежда. Музей Карасартской школы поддерживается Центром казахской культуры и насчитывает 550 единиц хранения.

Этнографические – русские, украинские, немецкие – коллекции также представлены во многих школах района. Интересно собрание музея Ирбизинской средней школы. Он был открыт в 2006 г.; количество экспонатов основного фонда составило 931 ед. хранения. Это собрание характеризует культуру казахов, украинцев, русских, немцев сибирского села. Оно возникло на месте казахского аула, унаследовав его имя; формировалось в ходе переселения русских и украинцев в конце XIX – начале XX вв.; в 1941 г. в селе были размещены депортированные немцы Поволжья. Этническая структура села менялась в ходе миграций 1990-х гг., но оно сохранило полиэтнический характер при доминировании украинцев. В настоящее время именно в с. Ирбизино действует Центр украинской культуры.

В целом предметы истории и культуры представлены в краеведческих уголках многих школ и Домах культуры Карасукского р-на НСО. Наиболее многочисленными являются этнографические собрания Благодатской, Калиновской, Морозовской, Студёновской, Троицкой, Шилово-Курьинской, Кукаринской, Чернокурьинской средних школ, Калачинской основной образовательной и Кучугурской начальной школ.

В последние годы в районе возникают частные коллекции. Проблема сохранения культурного наследия становится заботой не только административных, просветительных и образовательных структур, но и широких слоев населения. В г. Карасуке действует Народный университет и Краеведческое общество, которые активно сотрудничают с Краеведческим музеем.

В Карасукском р-не, как и в других сельских сообществах НСО, которые в настоящее время переживают процесс глубинных социальных и культурных трансформаций, интерес к прошлому, к традициям и памяти предков становится заметным общественным трендом. Лидером краеведения новой волны становятся местные музеи, к числу которых относится Краеведческий музей г. Карасука.

ОХОТНИЧИЙ ФЕТИШ КИНЕН ТӨС В ОБРЯДОВОЙ ПРАКТИКЕ ХАКАСОВ (конец XIX – середина XX века)*

Статья посвящена изучению фетиша Кинен төс у хакасов. На основе обширного круга источников, как опубликованных, так и впервые вводимых в научный оборот – архивных материалов, проанализированы место и роль этого культового объекта в духовной жизни народа. Детально рассмотрены его внешние характеристики. Выявлены вариации его символического оформления. Рассмотрены сакральные функции и способы обрядового взаимодействия с этим сакральным предметом.

Культ төс'ов – одно из проявлений культуры хакасов, отражающее систему взаимоотношений человека и природы. Данный феномен мог возникнуть и существовать в традиционной среде, где форма отношений между миром видимым (рациональным) и невидимым (иррациональным) характеризуется отсутствием жестких непреодолимых границ. Более того, в религиозно-мифологическом сознании этого народа красной линией проходит идея непосредственного пересечения этих миров, как результат, их постоянное взаимовлияние друг на друга. В данном процессе особое место отводилось фетишам.

Особое положение среди культовых изделий данного типа у хакасов занимал охотничий фетиш Кинен төс. В представлениях верующих он был одним из влиятельных семейно-родовых духов-покровителей и охранителей людей и их хозяйства. Помимо того, как полагали, он обладал целительными способностями, в связи с чем пользовался особой популярностью в народе. Кинен төс имел разнообразные варианты внешнего оформления, неизменным оставался только основной элемент – вильчатая палка. В отношении фетиша была сформирована особая обрядность, включавшая периодическое проведение ритуалов кормления и чествование, а также шаманское камлание с посвящением ему специальных животных ызых'ов – рыжего коня и барана. Хакасы были убеждены, что во многом от его благосклонности и расположения зависит успех в добывающем промысле, скотоводстве, сохранение здоровья людей и благополучие их жизни.

Ключевые слова: хакасы, традиционное мировоззрение, обрядность, охота, фетиш, Кинен төс, шаманизм, ызых, народная медицина.

V.A. Burnakov

Novosibirsk State University

E-mail: venariy@ngs.ru

THE HUNTING FETISH “KINEN TÖS” IN KHAKASS CEREMONIAL PRACTICE (late 19th – middle of 20th centuries)

The article presents the study of the Khakass fetish Kinen töс. We analyse the place and role of this cultic object in spiritual life on the basis of the wide range of sources, as published, well as firstly introduced into scientific use – archival materials. A detailed analysis focuses on its external characteristics. Variations of symbolic decoration were studied. We considered its sacred ceremonial functions and means of communication with this sacred object. Tös cult is one of the Khakass cultural elements, which reflects the system of relations between human and nature. This phenomenon could arise and exist in a traditional environment, where the form of the relationship between visible (rational) and invisible (irrational) world does not have the high-impedance contrast.

Moreover, the religious-mythological consciousness of the people is marked by concept that these worlds directly intersected and as a result, interacted with each other. The fetishes took a special place in this process.

The hunting fetish Kinen töс holds an unique position among the cultic items of this type. It was the one of the most influential familial spirit and protectors of economy in Khakass belief. They believed that he possessed healing power hence

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

he had a great popularity among the people. He had a various decorations, including such element as a Y-shaped stick. Special customs existed in respect of stick and included the regular feeding rituals and celebration, as well as shamanistic rite, when special zzykh animals had been devoted to him - the red horse and sheep. In general, Khakasses were convinced that the success in the crafts, cattle breeding, human health and well-being of their lives depended from his favor.

Keywords: *Khakasses, traditional worldview, ritualism, hunting, fetish, Kinen tös, shamanism, zzykh, native medicine.*

В культуре хакасов охота была и продолжает оставаться одним из значимых традиционных занятий. Эта промысловая деятельность на протяжении столетий выступала важнейшей составляющей системы жизнеобеспечения народа. Она является одной из форм адаптации людей к среде обитания, в связи с чем несет в себе многовековой опыт тонких и глубоких наблюдений за природой и постоянного взаимодействия с ней. Полученный навык основывался как на рациональных знаниях, так и на иррациональных воззрениях.

В традиционном сознании хакасов красной нитью проходит мысль о том, что для успешной охоты необходимо тонко чувствовать природу, разгадывать ее самые сокровенные тайны. Передаваемый из поколения в поколение богатый опыт и многолетняя практика вырабатывали у местных охотников феноменальную чувствительность, глубокую интуицию и тонкое чутье. Известно, что традиционная охота очень часто проходила в условиях высокого психофизического напряжения. Это выражалось в частых экстремальных ситуациях, продолжительной изолированности от родных и близких, а подчас и в вынужденном одиночестве. Добывающий промысел нередко сопровождался работой до полного изнеможения. Нередки были случаи, когда, несмотря на имеющийся опыт и хорошую подготовку, промысловая деятельность все же завершалась неудачей. В восприятии охотников факт невезенья чаще интерпретировался иррационально, например, как наказание духов и божеств за нарушение человеком каких-либо традиционных социальных норм или устоявшихся способов взаимодействия с природой. Данное обстоятельство во многом способствовало тому, что в охотничьей практике сформировалась особая система воззрений и обрядности, направленная на достижение успеха в ней. Большое внимание при этом уделялось ритуалам жертвоприношений и всевозможным формам магического воздействия на окружающий мир. Значительное место в этом мифо-ритуальном комплексе отводилось специальным охотничьим фетишам – *tös'am*. Рассмотрению данного мировоззренческого феномена на примере одного из них – *Кинен tös'a* – и посвящена данная статья.

В мировоззрении и обрядности хакасов большое распространение получили такие культовые

изделия, как *tös'ы*, олицетворяющие различных сверхъестественных существ. Из их числа выделялись духи-покровители, духи предков, тотемы, а также зловредные духи. Каждый из них обладал индивидуальной функциональной направленностью. В целом же они были призваны обеспечивать благоприятные условия жизни верующих, например, успех в хозяйственной деятельности, защиту от злой силы, сохранение здоровья и др. Специфика каждого фетиша символически выражалась локализацией, самой его структурой, формой и материалом, из которого он изготавливался. Данное обстоятельство содействовало тому, что верующие в отношении одного и того же *tös'a* могли использоваться различные названия, выделяющие его характерные черты. Эти культовые предметы могли располагаться как в самом жилище, так и за его пределами. В отношении каждого из них были сформированы специальные правила обращения. Особенность охотничьих *tös'ов* заключалась в том, что они кроме своей прямой обязанности – оказания мистической помощи в добывающих промыслах еще выполняли покровительствующие и охранительные функции, а также, согласно верованиям, обладали способностью избавлять людей и домашний скот от различных болезней, несчастий и др.

Культовые изделия, как правило, изготавливались по рекомендации шамана. Ему же и принадлежало право их «освящения» – одухотворения (ГАКК. Ф. 667. Оп. 1. Д. 44. Лл. 11–11 об.). Вместе с тем, обыденная обрядовая практика в отношении *tös'ов* с различной периодичностью непосредственно совершалась самими домохозяевами. Следует обратить внимание на то, что фетиши подразделялись на мужские и женские. Данная реалья выражалась в их соответствующей пространственной локализации – на южной или северной половине юрты. Этим же и определялся факт того, кто конкретно занимался отправлением ритуалов их чествования. Однако подобное деление отнюдь не означало того, что почитаемый мужчинами *tös* обязательно должен быть соответствующего пола. Встречались и женские духи, чтимые представителями сильной половины и наоборот. Отметим, что у различных субэтнических групп хакасов, например сагайцев (*сагайлар*) и кызыльцев (*хызылар*), были свои специфические охотничьи фетиши

с отличающимися наименованиями. Помимо того, своеобразие отдельных *тӧс’ов* и ритуальной практики в отношении их нередко проявлялось еще и на локальном уровне.

Одним из самых распространенных и почитаемых охотничьих фетишей у хакасов, главным образом среди сагайцев, был *Кинен тӧс*. Подобно другим культовым изделиям, его заводили по рекомендации шамана и с его непосредственным участием. На данную реалию обратил внимание Н.Ф. Катанов, писавший, что «сначала этого божка ставит шаман, он же и шаманит ему, но благословляет его тот мужчина, который отправляется на охоту; кормит божка “кинэн” и тот, кто идет стрелять птиц» [1897, с. 101].

Исследователи представили разнящиеся сведения относительно его внешних параметров [Катанов, 1897, с. 101; Яковлев, 1900, с. 63; Адрианов, 1909, с. 520–521; и др.]. Вместе с тем, все авторы были едины в том, что основным структурообразующим элементом *Кинен тӧс’а* все же была вильчатая палка. Так, Н.Ф. Катанов сообщал о том, что к деревянной развилке пришивали кусочек шкурки дикой козы и привязывали с двух сторон «косички», сплетенные из сухожилий этого же животного, взятых со спины [1897, с. 101] (см. рисунок). Е.К. Яковлев уточняет отдельные сведения и дает описание несколько иного оформления фетиша. Так, он отмечает, что высота этого *тӧс’а* составляла 22 см. При этом к его основной конструкции вместо шкурки привязывался отрезок красной ткани, заполняющий пространство между двумя концами палки. К ним же крепилось несколько маховых перьев крыла рябчика или куропатки [1900, с. 53]. Кроме того, в материалах исследователя описывается еще один вариант *Кинен тӧс’а*. Он имел следующий вид. К березовой рогатине с двух сторон прикреплялись лапки собольего меха и пряди жил, полученные из правой задней ноги дикой козы (АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 664. Л. 33). Аналогичное же описание этого божка встречается и в исследовании А.А. Кузнецовой [Кузнецова, 1898, с. 132]. Оригинальные сведения о данном фетише встречаются и в работе А.В. Адрианова [1909, с. 520]. По замечанию ученого, *Кинен тӧс* представлял собой вильчатую тальниковую палку длиной около 40 см. К ее двум концам прикреплялись полоски из белой козлины, отрезок красной ткани и пучки жил со спины дикой козы [Там же]. Материалы о рассматриваемом *тӧс’е* представлены также и в книге В.Я. Бутанаева [2003, с. 125].

Кинен тӧс подобно всем охотничьим был мужским фетишем, в связи с чем его располагали исключительно на южной стороне под крышей юрты, чаще – над полками со шкатулками – *абды-*

Один из вариантов *Кинен тӧс’а*. Реконструкция. Художник Д.Ц. Цыденова.

ра или за сундуками [Катанов, 1897, с. 101; Кузнецова, 1898, с. 132; Адрианов, 1909, с. 520; Яковлев, 1900, с. 53]. Женщины не имели права к нему прикасаться. В верованиях хакасов он считался одним из самых могущественных духов-покровителей охотников и промысловой деятельности. Как отмечали исследователи, «Божок, который помогает зверям и звероловам, есть “кинэн”» [Катанов, 1897, с. 100]; «Кинэн – один из самых больших *тӧс’ей* у сагаев – он покровитель охотников» [Адрианов, 1909, с. 520–521]. Данная специализация способствовала появлению такого альтернативного его наименования, как *атыгчы тӧс* – «стреляющий фетиш» [Бутанаев, 2003, с. 126].

Перед каждым отправлением на охоту, а также после ее успешного завершения *Кинен тӧс’а* необходимо было чествовать и делать ему подношение в виде пищи. С этой целью закалывали ягненка или молодого козла. Куски отваренного мяса преподносились божку. При этом, как отмечал Н.Ф. Катанов, «подносят (мясо) так, что пар касается божка (“кинэн”)» [1897, с. 101]. Помимо этого, фетиша окропляли молоком и аракой, а также угощали табаком [Адрианов, 1909, с. 520].

Согласно традиционным представлениям хакасов, помимо помощи в добывающем промысле, он еще покровительствовал лошадям рыжей масти и овцам [Катанов, 1907, с. 594–595; АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 664. Л. 33]. В шаманской поэзии его образ представлен в виде божества, едущего верхом на рыжей кобыле [Катанов, 1897, с. 101–102; Яковлев, 1900, с. 53]. Поэтому верующие регулярно посвящали ему *ызых’а* – рыжего коня или лошадь, которые считались носителями счастья и успеха в хозяйстве. Обряд носил семейно-родовой характер и проводился шаманом в летний период на новолуние. Для этого избранного животного приводили к юрте и совершали обряд его очищения: хозяин обмывал коня молоком и окуривал *ирбен’ом* – богородской травой. К гриве и хвосту

привязывали ритуальные ленты *чалама* (красную и белую). В самом же жилище на южной стороне устанавливали березу. К ней также подвязывали *чалама* тех же цветов. В жертву *Кинен тӧс* у приносили молодого козла. Необходимо заметить, что состав ритуальной пищи в данном случае несколько отличался от обычных подношений. Кроме мяса, молока и араки фетиш «угощали» легкими и сердцем обозначенного животного, семью лепешками, приготовленными из не квашенного теста, рыбой (ленком), корнями кандыка и сараны. По окончанию обряда *ызых* а отпускали на волю, а березу помещали на крышу двора или относили в лес и устанавливали ее в таком месте, «где не ступает человеческая нога» [Катанов, 1907, с. 594–595].

Помимо рыжего коня *Кинен тӧс* у ставился еще и овечий *ызых* (АМКМ. Ф.1. Оп. 1. Д. 664. Л. 33), который, как верили, способствовал благополучию и удаче в разведении этих животных. Наряду с покровительствующими и охранительными функциями он еще использовался в лечебных целях. Были убеждены, что он помогает при головных болях и при заболевании сосков у коров [Катанов, 1907, с. 594; Адрианов, 1909, с. 521].

Таким образом, представленный материал позволяет сделать вывод о том, что в мировоззрении и обрядности хакасов фетишу *Кинен тӧс* у отводилось особое место. Он обладал высоким семиотическим статусом. Это позволяло верующим использовать его во многих сферах их духовной жизни, хозяйственной деятельности и народной медицине.

Список литературы

Адрианов А.В. Айран в жизни минусинского инородца // Зап. Импер. рус. геогр. об-ва по отд. «Этнография». – 1909. – Т. 34. – С. 489–524.

Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2003. – 260 с.

Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. – Казань: [Типо-Лит. Импер. Казан. ун-та], 1897. – 104 с.

Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. – СПб.: [б.и.], 1907. – 640 с. – (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым; т. 9).

Кузнецова А.А. Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев // Минусинские и ачинские инородцы. – Красноярск: [Тип. Енис. губ. упр.], 1898. – С. 105–213.

Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. – Минусинск: [Тип. В.И. Корнакова], 1900. – Вып. IV. – 212 с.

References

Adriyanov A.V. Airan v zhizni minusinskogo inorodtsa [Aiyran in life of the Minusinsk foreigner] // Zap. Imp. rus. geogr. ob-va po otd. «Etnografiya» [The bulletin of the Imperial Russian Geographical Society in the department of ethnography]. 1909. Vol. 34. Pp. 489–524. (In Russ.).

Butanaev V.Ya. Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya [Burkhanism Turks Sayano-Altai]. Abakan, Khakas. gos. un-t Publ., 2003. 260 pp. (In Russ.).

Katanov N.F. Otchet o poezdke, sovershennoi s 15 maya po 1 sentebrya 1896 g. v Minusinskii okrug Enisseiskoi gubernii [Trip Report, Done from May 15 to Sept. 1. 1896 Minusinsk District Yenisei Province]. Kazan': [Tipo-Lit. Imp. Kazan. Univ.]. 1897. 104 pp. (In Russ.).

Katanov N.F. Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov. St.-Peterburg [s.n.], 1907. 640 pp. (Obraztsy narodnoi literatury tyrkskikh plemen, izdannye V.V. Radlovym; vol. 9). (In Russ.).

Kuznetsova A.A. Zhilishche, odezhdha i pishcha minusinskikh i achinskikh inorodtsev [Housing, clothing and food Minusinsk and Achinsk natives]. Minusinskie i Achinskies inorodtsy [Minusinsk and Achinsk natives]. Krasnoyarsk: [Yenisei provincial management Publ.], 1898. Pp. 105–213. (In Russ.).

Yakovlev E.K. Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i ob'yasnitelnyi katalog etnograficheskogo otdela muzeya. Opisanie Minusinskogo muzeya [Ethnographic Overview on Native Population South Yenisei Valley and Explanatory Catalog Ethnographic Department of the Museum. Description Minusinsk Museum]. Minusinsk: [V.I. Kornakov Publ.], 1900. Vol. IV. 212 pp. (In Russ.).

О.В. Голубкова

Институт археологии и этнографии СО РАН
E-mail: golubkova@archaeology.nsc.ru

СВЯТОЧНЫЕ ОБРЯДЫ ОБСКИХ КОМИ (по полевым материалам 2000-х годов)

У обских коми – этнолокальной группы коми-ижемцев, проживающих на севере Западной Сибири, – как у большинства христианских народов, Святки (период от Рождества до Крещения) входили в число основных праздников годового цикла. Святочная обрядность обских коми во многом совпадала с календарной обрядностью русских и ряда других народов, но существовали и различия. С одной стороны, обские коми придерживались народно-православных традиций: посещали церковь, соблюдали пост, на Рождество дети ходили по улицам с рождественской звездой, славил Иисуса Христа, в день Крещения освящали воду. С другой стороны, совершались языческие обряды, гадания и маскарады. Святки считались временем особенной активности нечистой силы, поэтому в этот период большое внимание уделяли магической защите людей и жилищ, соблюдали табу на некоторую работу. Запрещалось заниматься определенными видами рукоделия, крутить, вертеть, набирать воду и выносить мусор после заката солнца, работать с металлом, издавать «деревянный» шум в темное время суток. Семантика этих табу связана с представлениями о рождении солнца, обновлении космоса, контактах людей с представителями нижнего мира. Существовавший у северных коми обряд «топтанья чудов» на Ижеме совершался в день Крещения и был логичным завершением святочного периода, символизируя изгнание нечистой силы. У обских коми аналогичный обряд происходил в первый день нового года – в то время, когда святочные духи (чуды) только появлялись (вылезали из под земли или из воды), и, вероятно, носил превентивный характер.

Ключевые слова: Обские коми, коми-ижемцы, Святки, календарная обрядность, табу, «топтанье чудов», нечистая сила.

O.V. Golubkova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: golubkova@archaeology.nsc.ru

CHRISTMASTIDE CUSTOMS AMONG OB KOMMIS (field materials of 2000s years)

The Ob Komi the local ethnic group of Komi-Izhemts living in the north of Western Siberia considered the Christmastide (the period from Christmas to Epiphany) as the one of the major holidays of the annual cycle. Ob Komi Christmastide rites much of it is align with the calendar ritualism of Russian and other nations, but there are differences. On the one hand, Ob Komi kept the native Orthodox traditions: attended the church, made fasts, children paraded the streets with Christmas star on Christmas, caroled, consecrated water at the Day of Epiphany. On the other hand, they heathenized, told fortunes and organized a masked ball. Christmastide time was considered as a time, when evil spirits were especially active, hence people laid emphasis on the magical protection of people and homes, observed a taboo on some work. It was impossible to do some kind of needlework, twist, twirl, take in water and take out the garbage after sunset, work with metal, do “wooden” noise at night. The semantics of these taboos associated with concepts of the birth of the sun, renewal of space, contacts between people and representatives of the lower world. Existed among the northern Komi from the Izhma River the ceremony of “trample of “chudy”” was practiced on the Epiphany Day, and it was the logical conclusion of the Christmastide period and symbolized the exorcism. The same ritual of Ob Komi took place on the first day of the New Year, at that time, when the Christmastide spirits (chudy) has just appeared (get out of the ground or water), and probably was a precaution.

Keywords: Ob Komi, Komi-Izhemts, Christmastide, calendar ritualism, taboo, “trample of chudy”, evil.

Святки – период от Рождественского сочельника до Крещения – в культуре исповедующих христианство народов был одним из основных праздников

годового цикла. С одной стороны, Святки связаны с солнцеворотом – астрономическим началом увеличения светового дня, которое в народном понима-

нии расценивалось как победа светлых (божественных, природных, космических) сил над темными, возрождение солнца и новой жизни, обновление мира. С другой стороны, под влиянием христианства, Святки слились с важнейшими датами церковного календаря – Рождеством и Крещением, что способствовало сближению древних дохристианских обрядов календарного цикла с церковными.

Святочная обрядность у коми (см.: [Дукарт, 1978; Конаков, 1993]) во многом совпадала с календарной обрядностью зимнего праздничного цикла русских и ряда других народов. Однако существовали отличия, обусловленные этнической спецификой и локальными особенностями различных групп коми.

У обских коми – этнолокальной группы коми-ижемцев, проживающих в бассейне нижнего течения Оби (в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО Тюменской обл.), – как у большинства православных, первым днем святочного праздничного цикла было Рождество (*Рöштво*). Канун праздника, 6 января (24 декабря ст. ст.) – Рождественский сочельник – обычно был посвящен подготовке к торжеству. Хозяйки пекли шаньги, пироги с мясом, рыбой, ягодами, готовили мясные блюда для праздничного стола. Одним из названий сочельника у коми было *куття лун* («день кутьи»). Во многих семьях обских коми в *куття лун* соблюдали пост, ели кутью из ячменя или пшеницы, пили только воду. Праздник начинался 7 января (25 декабря ст. ст.). В советский период, когда многие храмы были закрыты и верующие люди не могли присутствовать на церковной службе, рождественское утро начиналось с домашней молитвы всех членов семьи перед иконами. *«В нашей семье все верующие. Отец был партийный, а в Бога верил, только тайно, не разрешал иконы в доме на виду держать. Раньше было время такое. Мама иконы прятала от посторонних, а в праздник доставала, все иконы ставила на полку, учила нас молиться. На Пасху, на Рождество иконы всегда были на божнице»* (ПМА: п. Саранпауль, 2011). После молитвы собирались за столом всей семьей, ходили в гости к родственникам. Дети и подростки обычно не засиживались подолгу за праздничным столом. Собираясь небольшими группами (по 5 – 10 человек) ходили по селу из дома в дом, носили рождественскую звезду, накануне сделанную из соломы, ткани или цветной бумаги, прикрепленную на палку. Заходя в дома, пели тропари, духовные стихи, прославлявшие Христа. *«Раньше, когда мы еще были ребятами, на Рождество ходили по домам. К соседям заходили, к родственникам. Пели божественные песни, а хозяева угощали нас стряпней и конфетами»* (ПМА:

с. Шурышкары, 2011). *«До войны в Рождество ходили по улицам дети, Христа славили, несли звезду на палке. Звезду делали из тряпок, набивали соломой и привязывали на длинную палку, далеко было видно»* (ПМА: с. Мужы, 2006).

У обских коми, как у других групп коми и у русских, святочный период был временем гаданий и «деревенских маскарадов». Однако, в отличие от русских (а также ряда других народов и этнолокальных групп), у обских коми гадания и маскарады в Рождественский сочельник не практиковались, они начинались с вечера перед днем святого Василия (*Васильев лун*), т.е. 13 января (31 декабря ст. ст.), в канун Нового года. *«Особенный день в году наступает, называется Васильев лун. Только в этот день можно свою судьбу узнать. Единственный день в году, когда можно, в другое время грех. В ночь перед Васильев лун сны загадывали – хороший или плохой сон приснится, таким весь год будет»* (ПМА: п. Восяхово, 2006). *«Рöштво лун – большой праздник, в этот день Иисус Христос родился, радость всему христианскому миру. На Рождество Богу молились, ходили в гости. Веселились, но не так, чтобы забавлялись, не маскарадничали, это грех. Это потом уже, на Васильев лун по всякому забавлялись, рядились в разных зверей и в нечистую силу. Тоже грех, но в этот день прощается»* (ПМА: п. Ямгорт, 2004). *«В Васильев лун маскировались. Шубу надевали наизнанку, надевали мамин сарафан. Лицо закрывали марлей, чтобы никто не узнал. Девки у дома кричат: “Пришли маски, принимайте!” А парни озорничали, их боялись пускать. В дома пускали только девочек, им дарили конфеты, печенье»* (ПМА: п. Овгорт, 2004). Способы гаданий были разнообразными (смотрели в зеркало, в кольцо, в воду; бросали валенок; ходили на перекресток слушать лай собак; загадывали сны), преобладали гадания девушек о будущих женихах, о своей судьбе.

Святочный период у обских коми делился на «святые» (от Рождества до Нового года) и «страшные» (от кануна Васильева дня до Крещенского сочельника) вечера. Подобная градация святок была широко известна у русских [Любимова, 2004, с. 114; Фурсова, 2002, с. 94–95 и др.]. Однако представления о том, чем отличаются «святые» вечера от «страшных» нередко были размытыми, гадания и маскарады могли проводиться на протяжении всего святочного периода, начиная с Рождественской ночи. «Святочный период обозначается у коми термином *вежа дыр*, <...> может означать как святое, так и нечистое время. Амбивалентность понятий обусловлена, очевидно, обозначенным термином потустороннего, загробного,

которое может означать как святое, так и нечистое время» [Лимеров, 1998, с. 106].

На протяжении всего святочного периода обские коми большое значение придавали запретам на некоторые виды работы. *«В святки нельзя было прясть. Страшный грех. Особенно страшно что-то крутить, чтоб колесо прялки, веретено крутилось. Вережки нельзя крутить»* (ПМА: п. Восяхово, 2006). *«Девушкам на вечерках можно шерсть теребить, шить, плести пояса. Вязать можно только дома. Накануне праздника вечером ничего нельзя крутить, веревки скручивать, веретено крутить нельзя. Вот говорят, кто крутит-вертит, тому на том свете покоя не будет. А если у кого родители умерли, так это значит, что их беспокоить»* (ПМА: п. Овгорт, 2004). *«Перед праздником нельзя вертеть, чтобы что-то круглое крутилось»* (ПМА: п. Саранпауль, 2011). Очевидно, эти табу были связаны с архаическими представлениями о рождении солнца, нового мира, времени, в которых колесо и действия «кручения» символизировали космогонические процессы, которым человек мог помешать.

У северных коми существовали запреты на работу, связанную с использованием острых металлических предметов (ножниц, ножа, топора) в определенные дни (церковные праздники, по воскресениям и пятницам), а в течение всего святочного периода – в темное время суток. *«Как стемнеет, в руки нельзя металл брать, он потом против тебя обернется. Если что-то топором рубить, то отрубишь себе ногу или руку. Одна женщина вечером в Васильев лун стала хлеб резать, а нож как отскочил, порезал палец прямо до кости. Если заранее не подготовил, лучше сидеть в холоде, да в голоде, чем в святые вечера грешишь»* (ПМА: п. Овгорт, 2004). Существовали также запреты, связанные со стуком и треском («деревянным шумом») – стучать веретеном, щепить, ломать лучину, бросать дрова, поскольку считалось, что такого рода шум может пробудить нечистую силу (святочных духов). *«Деревянный стук интерпретируется как вызов, как некий язык вхождения в контакт с самими святочными духами»* [Панюков, 2012, с. 91].

Представления об опасных, «хаотических» свойствах святочного периода отразились в поверьях коми о *вежа куття* – святочном злом духе и подводных существах *чудах*, выходящих на сушу в Новый год и вплоть до Крещения пугающих по ночам людей [Несанелис, 2006, с. 52]. *«Вечерами ничего нельзя делать, ни воду носить, ни сор вытаскивать. Мама говорила, что можно с водой принести в дом куля. Он из воды в ведро как прыгнет! Ты и не заметишь, принесешь. Оттого и нечисть в доме заводится»* (ПМА: п. Ов-

горт, 2004). *«После захода солнца нельзя за водой ходить, а в святые вечера совсем страшно. В это время по земле чуды гуляют, веселятся. Так Богом заведено, он им дал шесть дней по земле гулять. Остальное время чуды эти под водой сидят, солнечного света боятся, только ночью могут вылезти»* (ПМА: с. Мужы, 2004).

У северных коми существовал святочный обычай «топтанье чудов», зафиксированный на Ижме в 1850-е гг. известным этнографом С.В. Максимовым. «Между другими остатками старины следует обратить внимание на обычай зырян в день Богоявления, после освящения воды, кататься с криком и возможно быстрее на лошадях и оленях кругом селения Ижмы и по улицам его. Этим, как говорят, прогоняют они злого духа, побежденного святым церковным обрядом» [Максимов, 1984, с. 421]. Воспоминания о проведении аналогичных обрядов (относящиеся к 1930–40-м гг.) сохранились в памяти старшего поколения обских коми. Однако на Сибирском Севере «чудов топтали» не в день Крещения, а в первый день нового года. *«В Васильев лун мама нам маленьким говорила: “Идите чудов топтать”. Мы бежали по деревне, играли, в снегу валялись, друг друга упикивали. А кто такие чуды – не знаю»* (ПМА: п. Овгорт, 2004). *«Помню, что в Васильев лун народ на лошадях ездил, а кто без лошади, так ногами снег топтали. Всем селом выходили топтать чудов. Все смеются, ребятишки толкаются в снег»* (ПМА: там же). *«На старый новый год раньше чудов топтали. Чтобы не вылазили, их в снег утапывали»* (ПМА: с. Мужы, 2006).

В Крещенский сочельник вечером проводили обряды изгнания нечистой силы: угольком или мелом рисовали крестики на дверях, оконных рамах, по углам дома, в хлеву; дома и в пригоне кропили святой водой, окуривали можжевельником (у северных коми считалось, что нечистая сила не выносит можжевельного запаха). Завершались святки днем Богоявления, 19 (6 ст. ст.) января, в который, согласно православной традиции, происходило освящение воды, очищение от грехов. Освященную крещенскую воду хранили в течение года, ее по капельке добавляли в воду для питья, в тесто; использовали для освящения жилища и в народной магии.

Таким образом, святочные обряды обских коми, во многом соответствуя общим православным и, одновременно, дохристианским традициям, имели ряд специфических особенностей. Кроме универсальных табу святочного периода – заниматься определенными видами рукоделия, «крутить», «вертеть», набирать воду и выносить мусор после захода солнца – у обских коми существовали запреты на работу

с металлом и «деревянный» шум в вечернее время. Семантика этих табу связана с верованиями о нечистой силе, которая активизируется в святочный период, а также с представлениями о рождении солнца, обновлении космоса, контактах людей с представителями иномира. Существовавший у северных коми обряд «топтанья чудов» на Ижме совершался в день Богоявления и был логичным завершением святочного периода, символизируя изгнание (заплатывание в снег) нечистой силы. У обских коми аналогичный обряд происходил в первый день нового года – в то время, когда святочные духи, согласно местным верованиям, только появлялись (вылезали из под земли или из воды) и, очевидно, носил превентивный характер.

Список литературы

Дукарт Н.И. Святочная обрядность коми конца XIX – начала XX века // Традиционная культура и быт народа коми. – Сыктывкар, 1978. – С. 91–103. – (Тр. ИЯЛИ АН СССР; вып. 20).

Конаков Н.Д. От святок до сочельника: коми традиционные календарные обряды. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. – 127 с.

Лимеров П.Ф. Мифология загробного мира. – Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1998. – 128 с.

Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX – начало XX века. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 240 с.

Максимов С.В. Год на Севере. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. – 605 с.

Несанелис Д.А. Традиционные формы символического поведения народов Европейского Севера России. – Архангельск: Поморский ун-т, 2006. – 153 с.

Панюков А.В. Образ мороза в календарной мифологии коми-зырян // Изв. Коми науч. центра УрО РАН. – Сыктывкар, 2012. – Вып. 1 (19). – С. 89–92.

Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). Ч. I: Обычаи и обряды зимне-весеннего периода. – Новосибирск: Агро, 2002. – 286 с.

References

Dukart N.I. Svjatochnaja obrjadnost' komi konca XIX – nachala XX veka // Tradicionnaja kul'tura i byt naroda komi. Syktyvkar, 1978. (Tr. IJaLI AN SSSR; iss. 20). Pp. 91–103. (In Russ.).

Fursova E.F. Kalendarnye obychai i obrjady vostochnoslavjanskih narodov Novosibirskoj oblasti kak rezul'tat mezhetnicheskogo vzaimodejstvija (koniec XIX – nachalo XX v.). Pt. I. Obychai i obrjady zimne-vesennego perioda. Novosibirsk: Agro, 2002. 286 pp. (In Russ.).

Konakov N.D. Ot svjatok do sochel'nika: komi tradicionnye kalendarnye obrjady. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 1993. 127 pp. (In Russ.).

Limerov P.F. Mifologija zagrobnogo mira. Syktyvkar: Komi SC UrO RAN, 1998. 128 pp. (In Russ.).

Ljubimova G.V. Vozrastnoj simbolizm v kul'ture kalendarnogo prazdnika russkogo naselenija Sibiri. XIX – nachalo XX veka. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2004. 240 pp. (In Russ.).

Maksimov S.V. God na Severe. Arhangel'sk: Sev.-Zap. kn. izd-vo, 1984. 605 pp. (In Russ.).

Nesanelis D.A. Tradicionnye formy simbolicheskogo povedenija narodov Evropejskogo Severa Rossii. Arhangel'sk: Pomorskij un-t, 2006. 153 pp.

Panjukov A.V. Obraz moroza v kalendarnoj mifologii komi-zyrjan // Izv. Komi nauch. centra UrO RAN. Syktyvkar, 2012. Iss. 1 (19). Pp. 89–92. (In Russ.).

В.В. Лыгденова, О.Б. Дашинамжилов

Новосибирский государственный университет

E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

МЕЖТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1960-е ГОДЫ*

В статье на примере западносибирских городских населенных пунктов рассматриваются интенсивность, а также комплекс причин и факторов межтерриториальных перемещений населения после окончания послевоенного восстановительного периода. Обнаружено, что неблагоприятные природно-климатические условия, недостаточно высокий уровень жизни и сравнительно невысокие темпы социально-экономического и индустриального развития привели к тому, что из Западной Сибири начался отток населения, который непосредственно отразился на динамике роста ее городского населения. Показаны масштабы и специфика миграционных связей Западной Сибири с экономическими районами и республиками Советского Союза, выявлено ее место в системе межрайонных перемещений населения. Выявлено, что трансформация переселенческих потоков, которая наметилась на рубеже 1960–1970-х гг., выразившаяся в постепенном снижении оттока населения в трудоизбыточные районы и в повышении интенсивности притока в восточные и центральные регионы РСФСР, еще слабо затронула Западную Сибирь. Масштабы убыли населения, по-прежнему, несмотря на строительство ЗГСНК, достигали высоких значений, в особенности на Украину и в республики Средней Азии. В результате, выявлено, что в 1960-е гг. города Западной Сибири в межрайонном распределении демографических ресурсов проигрывали многим другим экономическим районам РСФСР, а для большинства союзных республик они стали одним из источников квалифицированных рабочих и инженерных кадров. Сдвиг производительных сил на восток не позволил западносибирским городам в должной мере аккумулировать значительные демографические ресурсы, который высвобождала деревня в этот период.

Ключевые слова: Западная Сибирь, город, население, миграция, экономический район.

V.V. Lygdenova, O.B. Dashinamzhilov

Novosibirsk State University

E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

INTER-TERRITORIAL MIGRATIONS IN THE WESTERN SIBERIAN TOWNS IN 1960s

The article considers the intensity and causes and factors range of inter-territorial population movements after the end of the post-war reconstruction period on the example of the West Siberian towns. Authors obtained that adverse climatic conditions, low social standard of living, and relatively low rates of socio-economic and industrial development have led to the situation, when population had left the Western Siberia. It had an impact on the dynamics of the urbanization. Authors show the scale and specificity of migrational connections between Western Siberia and economical regions and republics of Soviet Union, educed its place in the system of inter-regional population movements. It was determined that the transformation of migration stream slightly affected the Western Siberia. This process emerged in 1960–1970s boundary and reside in as a gradual decrease in the movement to the regions with excess working population, well as increase of migrational streams to the eastern and central regions of the Russian Federation. The percentage of decline in population was still high values, particularly in the Ukraine and the Central Asian Republics, in spite of the ZGSNK construction.

As a result, authors revealed that Western Siberian towns compare poorly with many other economic regions of the Russian Federation in interregional distribution of demographic resources in 1960s. They have become a source of skilled professionals and engineers for most of the union republics. The shift of the productive forces to the east did not gave to Western Siberian cities an opportunity to accumulate the significant demographic urban resources during this period.

Keywords: Western Siberia, city, population, migration, economical region.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

Специфика межтерриториальных миграций определялась комплексом различных факторов. Размах социально-экономического развития в советское время являлся главной причиной, влияющей на баланс пространственных перемещений населения. Вместе с тем, существенную роль играли и другие моменты. Сибирские регионы в контексте многих других экономических районов Советского Союза отличалась неблагоприятными природно-климатическими условиями. Именно поэтому привлечь население в города из других регионов и республик было довольно сложно. Одновременно с этим, мягкий и теплый климат центральных и южных районов страны, хорошо влияющий на здоровье и косвенно способствующий улучшению продовольственного обеспечения семей, всегда притягивал жителей суровых зауральских территорий. По ряду показателей уровня жизни Западная Сибирь отставала от других экономических районов СССР.

В 1960-е гг. по темпам социально-экономического и индустриального развития Российская Федерация уступала общесоюзным показателям, а Западная Сибирь незначительно отличалась от других экономических районов РСФСР. В этой связи, совокупный баланс ее обмена населением становится отрицательным. Механическая убыль населения Западной Сибири (для городов и сельской местности) в 1959–1969 гг. достигла 765,7 тыс. чел. [Лыгденова, Дашинамжилов, 2014, с. 181]. Подобная динамика пространственных перемещений непосредственно отразилась и на объемах количественного роста горожан. Если в СССР в целом численность городских контингентов за 1959–1970 гг. увеличилась на 36,0 %, в РСФСР – на 31,4 %, то в Западной Сибири – только на 29,8 %.

Сальдо миграции городов Западной Сибири в обмене с центральными районами России (к которым нами отнесены Северо-Западный, Центральный, Волго-Вятский и Центрально-Черноземный районы) в конце 1950-х гг. складывалось положительно, хотя отток населения из них снизился. Согласно данным за 1959 г. совокупное положительное сальдо Западной Сибири в обмене населением с ними образовало довольно существенную цифру – 22,6 тыс. чел. Однако уже в ближайшие годы его размеры снизились (в 1960 г. (без Новосибирской обл.) – 7,5 тыс. чел., в 1965 г. (без НСО) – только 2,7 тыс. чел.).

К регионам-донорам первой половины 1960-х гг. следует также отнести и Урал. Почти на всем протяжении 1960-х гг. уральские регионы несли

потери с большинством экономических районов РСФСР [Миграция..., 1973, с. 38]. В 1959 г. чистый приток из них в Западную Сибирь достиг 7,0 тыс. чел., а в 1965 г. даже без учета Новосибирской области – 9,1 тыс. чел. Довольно большой приток мигрантов в конце 1950-х гг. наблюдался также и из Дальнего Востока (3,7 тыс. чел.). Однако к 1965 г. прирост населения Западной Сибири за счет дальневосточных территорий постепенно снизился (0,8 тыс. чел. без НСО).

Чистый нетто-прирост в демографическом взаимодействии с восточносибирскими регионами у Западной Сибири в 1959 г. составил 3,3 тыс. чел. Рост промышленного производства у восточного соседа в 1960-е гг. был выше, чем у Западной Сибири и республики в целом. Вероятно, результат демографического взаимодействия Западной Сибири с Восточной Сибирью (и городов и сельской местности) в этот период складывался неблагоприятно из-за высокого выбытия из села (1965 г. – 2,0 тыс. чел. без НСО). Индустриальное развитие Поволжского экономического района в 1950–1960-е гг. протекало интенсивно. Данные по миграционному взаимодействию Западной Сибири и регионов Поволжья выглядели довольно противоречиво. Так, в 1959 г. приток населения из них достиг 5,4 тыс. чел., однако он был почти полностью направлен в города Кузбасса. В то же время в 1960 г. положительное сальдо (без учета НСО) снизилось сразу до 134 чел. В 1965 г. произошел значительный, несколько выпавший из общего тренда, приток населения, особенно из Башкирской (2065 чел.) и Татарской АССР (1448 чел.), который полностью пришелся на Тюменскую область (4758 чел.). На начальной стадии освоения тюменского севера из этих автономных республик, по всей видимости, прибыло значительное количество специалистов-нефтяников. Наибольшее число мигрантов из городов Западной Сибири в РСФСР в 1960-е гг. привлекал Северокавказский экономический район, в частности, Краснодарский и Ставропольский края.

Теперь переходим к рассмотрению межреспубликанских миграционных связей. Среди них особое место занимало демографическое взаимодействие с Украинской ССР. Выбытие населения в эту союзную республику в 1960-е гг. достигло высоких показателей. Западносибирских горожан привлекали ее благоприятные природно-климатические условия, высокий уровень социально-экономического развития, многоотраслевая структура промышленного производства. Образовавшееся отрицательное сальдо городов Западной Сибири было

высоким (1959 г. – 1,9 тыс., 1960 г. (без НСО) – 4,1 тыс., 1965 г. (без НСО) – 5,2 тыс. чел.). Несмотря на довольно слабые миграционные связи, прирост численности жителей западносибирских городов первоначально происходил также благодаря Белорусской ССР (1959 г. – 2,4 тыс., 1960 г. (без НСО) – 1,2 тыс. чел.).

Географическое соседство и экономические связи предопределили тесное взаимодействие населения регионов Западной Сибири и Казахской ССР. Внешние демографические «заимствования» играли очень весомую роль в миграционном обороте этой республики. При этом специфика Казахстана (как и республик Средней Азии) заключалась в широком привлечении внешних трудовых ресурсов, так как местная база пополнения рабочих кадров была довольно слабой. Из городских поселений Западной Сибири было отмечено большое количество выбытий в Казахскую ССР, которое в 1959 г. составило 3,9 тыс. чел. (1960 г. (без НСО) – 4,1 тыс., 1965 г. – 2,8 тыс. чел.).

В пополнении трудовых коллективов предприятий и организаций республик Среднеазиатского экономического района, куда входили Узбекская, Киргизская, Таджикская и Туркменская ССР, внешние миграции также играли важную роль. Сибиряков привлекали благоприятные климатические условия (короткая зима и долгий летний период), наличие широкой сферы приложения труда из-за дефицита местных квалифицированных кадров, изобилие овощей и фруктов. В 1960 г. потери пяти регионов Западной Сибири достигли 5,0 тыс. чел., в 1965 г. – 4,9 тыс. чел. Миграционные связи Западной Сибири с Прибалтикой и Закавказьем из-за географической отдаленности последних были очень слабыми. В 1960 г. в направлении прибалтийских республик из западносибирских городов (без НСО) выбыло 0,5 тыс., а в 1965 г. – 0,6 тыс. чел. Значение Закавказского экономического района в миграционном обороте Западной Сибири также было весьма ограниченным. Согласно данным за 1960 и 1965 гг. административные образования Западной Сибири во взаимодействии с республиками Закавказья понесли небольшие потери.

В межрайонном перераспределении населения страны на рубеже 1960–1970-х гг. начинают происходить некоторые изменения, действие которых в Западной Сибири будет ощущаться позднее. Трансформация направлений миграций сопровождалась, с одной стороны, постепенным снижением оттока населения в трудоизбыточные районы, с другой – повышением интенсивнос-

ти притока в восточные и центральные регионы РСФСР, которые прежде являлись главными поставщиками мигрантов [Зайончковская, 1985, с. 93]. В Западной Сибири становление нефтедобывающей промышленности на тюменском севере также создало хорошие предпосылки для привлечения внешних демографических ресурсов. Вместе с тем, анализ статистических материалов за 1970 г. показывает, что демографическое взаимодействие западносибирских городов с другими экономическими районами и республиками страны происходило в основном по прежнему сценарию, а влияние новых тенденций было пока слабым.

Сальдо миграции городов Западной Сибири в обмене с центральными районами в 1970 г. принимает небольшие отрицательные значения (–0,4 тыс. чел.). Уральский экономический район продолжал оставаться одним из главных миграционных доноров западносибирских городов (1970 г. – 6,7 тыс. чел.). Приток населения из Восточной Сибири к 1970 г. снизился до 74 чел. В 1970 г. города Западной Сибири стали отдавать, хотя и в небольших количествах, свое население Дальневосточному экономическому району. Довольно существенные миграционные потери образовались и во взаимодействии с Поволжским экономическим районом (1,2 тыс. чел.). По-прежнему высоким был отток населения в регионы Северного Кавказа (1970 г. – 4,3 тыс. чел.).

На рубеже 1960–1970-х гг. высокая убыль, как и прежде, образовалась в результате взаимодействия с Украиной (1970 г. – 4,4 тыс. чел.). Отрицательным становится сальдо миграции во взаимодействии и с Белорусской ССР (0,6 тыс. чел.). В конце 1960-х гг. Казахская ССР превращается в донора мигрантов. В 1970 г. города Западной Сибири по-прежнему теряли свое население в обмене с Казахской ССР, но объемы оттока существенно снизились (до 0,4 тыс. чел.). Оставался значительным отток в Среднеазиатские республики (в 1970 г. – 4,7 тыс. чел.). Не ослабевало выбытие населения в Литву, Латвию и Эстонию. Положительный баланс перемещений у городов Западной Сибири образовался за счет Закавказских республик (в 1970 г. – 107 чел.).

Таким образом, в 1960-е гг. в условиях относительно устойчивого хозяйственного роста города Западной Сибири в межрайонном распределении демографических ресурсов проигрывали многим другим экономическим районам РСФСР, а для большинства союзных республик они стали одним из источников квалифицированных рабо-

чих и инженерных кадров. Сдвиг производительных сил на восток, который первоначально почти не затронул Западную Сибирь, не позволил ее городам в полной мере аккумулировать огромные демографические ресурсы, который высвобождала деревня в этот период, благодаря чему темпы повышения численности местных городских контингентов оказались ниже, чем в среднем по стране и Российской Федерации.

Список литературы

Зайончковская Ж.А. Зачем и как прогнозировать миграцию // Поиск ведут демографы. – М.: Мысль, 1985. – С. 88–96.

Лыгденова В.В., Дашинамжилов О.Б. Особенности миграций населения Западной Сибири в различных категориях городских поселений (1960–1980-е гг.) //

Модернизация Сибири в человеческом измерении. Опыт XX столетия: сб. науч. тр. – Новосибирск: Манускрипт, 2014. – С. 179–206.

Миграция населения РСФСР. – М.: Статистика, 1973. – 167 с.

References

Lygdenova V.V., Dashinamzhilov O.B. Osobennosti migracij naselenija Zapadnoj Sibiri v razlichnyh kategorijah gorodskih poselenij (1960–1980-e gg.) // Modernizacija Sibiri v chelovecheskom izmerenii. Opyt XX stoletija. Sb. nauch. tr. Novosibirsk: Manuscript, 2014. Pp. 179–206. (In Russ.).

Migracija naselenija RSFSR. Moscow: Statistika, 1973. 167 pp. (In Russ.).

Zajonchkovskaja Zh.A. Zachem i kak prognozirovat' migraciju // Poisk vedut demografy. Moscow: Mysl', 1985. Pp. 88–96. (In Russ.).

А.А. Люцидарская

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: lucid@ngs.ru

РЫБНЫЙ ПРОМЫСЕЛ СИБИРИ В XVII ВЕКЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПИЩЕВОГО РАЦИОНА, СОГЛАСНОГО С ПРАВОСЛАВНЫМ МИРОВОЗЗРЕНИЕМ

Сибирские реки являлись не только важными транспортными артериями, но и значительным продовольственным ресурсом. Для аборигенного населения региона рыба была значимой, если не основной пищей. Русские переселенцы также активно начали использовать ресурсы, предоставленные природой. Православная религия требовала от верующих соблюдать многие посты, ограничивая употребление мясной пищи. Богатые рыбой реки восполняли этот пробел. Все слои переселенческого населения Сибири добывали рыбу, которую потребляли в разной степени обработки. Особенно ценно было то, что этот продукт в соленом, копченом и вяленом виде мог длительное время храниться. Мобильные отряды сибирских казаков запасались рыбой во время своих передвижений. Потребность населения в этом продукте стимулировала организацию рыбных промыслов различного масштаба и развитие активной торговли. Рыбу и икру из ценных пород рыб добывали как для личного, индивидуального пользования, так и на продажу. Со временем набирали силу перекупщики, которые скупали рыбу у добытчиков и поставляли на рынки. Организация рыбного промысла в широких масштабах требовала наличия определенных средств для закрепления отдельных территорий на реках, где ставились сети, достигавшие 400 м. Для таких промыслов требовалась рабочая сила: дворовые люди либо наемные работники, преимущественно свободные «гулящие люди». Кроме того требовались поставщики улова на рынок и непосредственно продавцы. Поэтому крупными рыбными хозяйствами, как правило, занимались представители местной администрации, обеспеченные служилые люди, зажиточные представители податного населения и некоторые священнослужители. Архивные документы показывают, что рыбный промысел успешно развивался на всей территории Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, водные ресурсы, рыбный промысел, переселенцы, казаки, податное население, рынок, торговля, православные посты, пища колонистов.

A.A. Lyutsydarskaya

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: lucid@ngs.ru

SIBERIAN FISHERY AND FOOD RESOURCE PROCUREMENT, CONFORMED TO THE ORTHODOX WORLDVIEW IN 18 CENTURY

Siberian rivers was not only important transport corridor, but also significant food resources. Fish was the significant, probably main meal for aboriginal population in the region. Russian immigrants also have begun to intensively use the resources, provided by nature. Orthodox religion demanded to observe the many fasting-days, limited the consumption of meat protein. Finny rivers filled this gap. All social groups of Siberian emigrant population fished and ate fish in varying degrees of processing. It was particularly valuable that this salty, smoke, sun-dried product was long-preserved. The mobile Siberian Kazak units laid in stores of fish during movements. The importance of this product stimulated the organization of fishery in various wedge volumes and development of active fish trade. Fish and roe of valuable fish species fished for personal use and for sale. Eventually speculators gained ground and bought fish from the fishermen and sold to the markets. The extensive fishery organization demanded the presence of certain assets to fix certain areas in the rivers, where fishers put the flues up to 400 meters. These crafts needed the workforce: house serfs or work-hands, mostly free "walk people." Besides, fishery needed the suppliers of haul to the market and the sellers. Therefore, the large fisheries usually were under control of local administration provided service people, the haves service class people, well

of section of the tax-paying population and some priests. Archival documents show that fishery successfully developed at the the entire territory of Siberia.

Keywords: Siberia, water resources, fishery, settlers, Kazaks, tax-paying population, market, trade, Orthodox fasting-days, food of colonists.

Реки Сибири имели огромное значение в жизни ее обитателей – местного коренного населения и колонистов-переселенцев. Реки являлись не только транспортными артериями, но и источников рыбных продуктов, которые при надлежащей обработке можно было заготавливать впрок. В значительных количествах на продажу поставлялась и икра ценных пород рыб. Рыбу разных сортов употребляли не только в вареном, печеном и жареном виде, но и солили, вялили и коптили, и это позволяло брать с собой рыбные припасы в дорогу, что было немаловажно при постоянном перемещении отрядов служилых казаков. Кроме того, православное сообщество соблюдало многочисленные посты, во время которых иногда разрешалось восполнять рацион белковой рыбной пищей. Постов старались придерживаться и зачастую время отсчитывали от одного поста до другого. В официальных документах даты определяли например так: «...перед масляным заговением» [Люцидарская, 1992, с. 161]. Испытывавшие постоянные физические нагрузки, казаки таким образом постоянно могли пополнять свой пищевой рацион полноценным сытным питанием. Не слишком крепкие в вере, они все же, может, подсознательно, ощущали свою вину перед нарушением привычных православных канонов, употребляя во время постов мясо, особенно это касалось мяса диких животных. Довольно часто в отписках служилых людей встречаются сетования на нехватку продовольствия во время длительных походов: «Души поганили», – писали они по поводу вынужденного употребления неуютной, «нечистой» пищи. Обилие рыбы в сибирских реках смягчало подобные противоречия. Рыбные продукты, таким образом, являлись важнейшей пищей населения Сибири, как новопоселенцев, так и коренных жителей обширного сибирского пространства.

Для промысловой ловли рыбы в Западной Сибири ставились сети на Оби, Томи и их многочисленных притоках. Промышляли рыбу как в крупных масштабах, то есть для торговли, так и для личного пользования семей переселенцев. Для становления значительного рыбного промысла требовались территориальные ресурсы и материальные средства для привлечения рабочей силы, задействованной в добыче и реализации улова. Рыбу необходимо было не только выловить и доставить на рынки сбыта, но и продать.

Поэтому организацией крупных рыбных хозяйств занимались люди обеспеченные, коими являлись в своем большинстве представители высших слоев служилого сословия.

В Томске на рубеже веков, к 1703 г. сибирский дворянин, сын боярский Осип Качанов владел 5 рыбными местами, так называемыми тонями, на Оби. Из них 2 тони активно использовались совместно с зажиточным сыном боярским Иваном Середининым. На этих рыбных угодьях были поставлены неводы в 150 и 100 сажень. Вышеупомянутый И. Серединин имел в собственности рыбные места на Оби вместе со своими братьями Федором и Петром, а их общий невод имел размер 200 сажень. Оброк в казну с их рыбного хозяйства составлял 2 рубля в год.

Представитель томской администрации сын боярский Иван Гречанин совместно с подьячим и протопопом имел на Томском устье рыбные угодья, с использования которых платил налог в размере полтины. Неводы значительных размеров (100 и более сажень) имелись у сынов боярских В. Жуковского, А. Круглина, подьячего А. Колесникова, конных казаков М. Саломатова, Ф. Брагина, Д. Селиванова. Томская городская элита, судя по всему, охотно занималась рыбным промыслом, имея для этого необходимые ресурсы. Только у высших служилых чинов и представителей духовенства к началу XVII в. насчитывалось около 20 рыбных мест. Менее обеспеченная часть служилого люда, а также иные слои населения ловили рыбу «про свою нужду», имея неводы размеров от 10–15 до 30 сажень. Они не облагались налогом, а зачастую примыкали к уже организованным промыслам. В качестве примера можно привести рыбное хозяйство пешего казака Гаврила Усова, в документах оно представлено так: «Рыбная тоня на Оби, на насыпном песке на середыше... вообще с сыном боярским Иваном Середининым с товарищи». Их общий невод насчитывал 150 сажень. Это достаточно типичный случай использования рыбных ресурсов на реках Западной Сибири (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1371. Л. 1-124).

Укоренившись на новых территориях, колонисты ловили рыбу для потребления своей семьи, используя навыки аборигенного населения. В зимнее время преимущественно «били язей» и ловили рыбу изготовленными из веток ловушками, мордами, используя технические при-

емы коренных жителей (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1371. Л. 160б.).

По данным книг, фиксирующих обложение промыслов налогом, так называемой десятой деньгой, в 1668–1669 гг. в Томске официально добычей рыбы занимались 18 человек преимущественно из среды конных и пеших казаков. Кроме того был в ходу промысел, связанный с изготовлением сетей, «неводный промысел». Таким образом, в этот период из всех жителей Томска, занятых в торговле и промысловой деятельности, 20 % составляли те, кто был связан с добычей рыбы (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 594. Л. 194-204об.).

В данном контексте г. Томск взят в качестве образца, поскольку здесь выявлено больше материалов по изучению этого вопроса. Все сибирские города возводились вблизи водных артерий, по которым в период навигации курсировали суда и суденышки различного назначения, а реки и речушки изобиловали пищевыми ресурсами. Те же процессы, связанные с добычей рыбы, происходили во всех населенных пунктах региона, естественно, в различных масштабах. Судить о состоянии рыбного промысла можно по таможенным книгам и иным фискальным документам. В Томске в 1620-е гг. отмечено поступление рыбы на местный рынок мелкими и крупными (на 4 руб.) партиями. Продавцами были люди из самых различных слоев населения: новокрещены, гулящие и служилые люди. Есть вероятность, что гулящие люди занимались к добытчикам для доставки и продажи улова на рынке. Подобная картина наблюдалась и в иных городах Западной Сибири. На Верхотурье в 1673–1674 гг. было продано 5 возов рыбы. Привезли рыбу на продажу тюменские служилые люди. В этот же время подгородный крестьянин привез на рынок на лошади мелкую рыбу, а стрелецкий сын доставил на продажу на 4-х лошадях мелкую и крупную рыбу на значительную сумму в 16 рублей.

В Пелыме, расположенном на р. Тавде, притоке р. Тобола, рыба являлась востребованным продуктом питания для местного коренного угорского населения и пришлых русских поселенцев. По таможенным записям 1676–1677 гг. пелымский пашенный крестьянин явил на продажу 7 возов рыбы, свежих щук, язей и сорог, оцененных в 7 рублей 16 алтын, другой крестьянин заявил 4 воза рыбы, а уже упомянутый выше верхотурский стрелецкий сын доставил воз щук и язей на 1,5 рубля. В последующие годы рыба также поступала на пелымский рынок в значительном количестве. Так, в 1678–1679 гг. верхотурский пашенный крестьянин И. Трубин вез из Пелыма на Верхотурье 2 воза мелких щук, язей и сорог,

оцененных в 3 руб., а пелымский стрелец Ф. Дворников направился в Верхотурье с 60-ю язями.

Отложив свои служебные и сельские дела, переселенцы торговали рыбой, пополняя свои доходы. Особенно казаки городов, расположенных на крупнейшем водном пути, р. Оби, охотно занимались этим видом торговли. В 1674–1675 гг. они являли свой товар в таможене на сумму около 7 руб. [Таможенные книги..., 1997, с. 96–109; 1999, с. 77–83; 2000, с. 54–57; 2001, с. 107].

В Кузнецком остроге, возведенном на богатой рыбой р. Томи, где преобладала в основном мелкая (по меркам XVII в.) рыба: щучки, окуни, хариусы, плотва, – бойко шла рыбная торговля. Только по местным фискальным документам 1705 г. 62 человека платили оброк с рыбного промысла. Среди них были дети боярские, пятидесятники, священники и конные, а также пешие казаки и 3 крестьянина. Активно в рыбном промысле были задействованы казачьи дети. Для занятий рыболовством местные жители создавали артели, в которых участвовали на долевых началах. Кузнецкая рыбная продукция обеспечивала преимущественно сам город и ближайшую округу [Каменецкий, 2005, с. 174–175].

Жители восточной и «срединной» Сибири, имеются в виду районы Красноярска и Енисейска, также занимались рыбной ловлей. По данным А.Н. Копылова, рыбным промыслом и реализацией своей продукции занималось в основном посадское население Енисейска. В течение 1692–1699 гг. десятков жителей, зачисленных в посад, появлялись на енисейском рынке в качестве «белорыбцев». Они создавали бригады, которые ежегодно отъезжали на рыбные промыслы. Перепись 1669 г. отметила в Енисейском посаде пять рыбопромышленников и трех рыботорговцев, а «описная книга» рыбных ловель начала XVIII в. отметила в уезде рыбные оброчные угодья у 223 чел.: 23 городских и 200 деревенских жителей [Копылов, 1965, с. 183–185].

Неисчисляемые пушные богатства Сибирского региона, сохраняемые до XVIII столетия, приносили казне, купцам, перекупщикам и самим добытчикам ценных мехов баснословные прибыли. Поэтому рыбное хозяйство Сибири учитывалось, но оставалось неприоритетным для исследования этой отрасли пищевой продукции. Между тем, в период, когда сельскохозяйственные отрасли производства, такие как хлебопашество и скотоводство, испытывали свое становление, для которого требовалось прежде всего время, рыболовство являлось значимым подспорьем для обеспечения питанием новопоселенцев всех слоев населения новых территорий.

Список литературы

Каменецкий И.П. Русское население кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII в. – Омск: [Тип. ИП Долгов], 2005. – 337 с.

Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII в. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1965. – 296 с.

Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. – Новосибирск: Наука, 1992. – 195 с.

Таможенные книги сибирских городов XVII века. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1997. – Вып. 1: Сургут и Тара. – 126 с.

Таможенные книги сибирских городов XVII века. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1999. – Вып. 2: Туринск, Кузнецк, Томск. – 124 с.

Таможенные книги сибирских городов XVII века. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2000. – Вып. 3: Верхотурье, Красноярск. – 146 с.

Таможенные книги сибирских городов XVII века. – Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2001. – Вып. 4: Тюмень и Пелым. – 147 с.

References

Kameneckij I.P. Russkoe naselenie kuzneckogo uezda v XVII – nachale XVIII v. Omsk: [Tip. IP Dolgov], 2005. 337 pp. (In Russ.).

Kopylov A.N. Russkie na Enisee v XVII v. Novosibirsk: Izd-vo SO AN SSSR, 1965. 296 pp. (In Russ.).

Ljucidarskaja A.A. Starozhily Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 1992. 195 pp. (In Russ.).

Tamozhennye knigi sibirskih gorodov XVII veka. Novosibirsk: RIPEL plus, 1997. Iss. 1. Surgut i Tara. 126 pp. (In Russ.).

Tamozhennye knigi sibirskih gorodov XVII veka. Novosibirsk: RIPEL plus, 1999. Iss. 2. Turinsk, Kuzneck, Tomsk. 124 pp. (In Russ.).

Tamozhennye knigi sibirskih gorodov XVII veka. Novosibirsk: RIPEL plus, 2000. Iss. 3. Verhotur'e, Krasnojarsk. 146 pp. (In Russ.).

Tamozhennye knigi sibirskih gorodov XVII veka. Novosibirsk: RIPEL plus, 2001. Iss. 4. Tjumen' i Pelym. 147 pp. (In Russ.).

ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГУМАНИТАРНЫХ, НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ И ГЕНЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ: НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ*

Новыми направлениями в изучении этносоциальных аспектов поведения людей стали отрасли знания, появившиеся на основе нейробиологии. В статье показаны перспективы развития междисциплинарных исследований фундаментальной проблемы объяснения поведенческих стратегий, основанных на интеграции гуманитарных и естественных наук, медицины и математики. Особое место отводится этнографии, традиционно занимающейся проблемами этнической специфики в поведенческих стратегиях, трансляции и воспроизведения культурных стереотипов, способов коммуникаций в различных этнических сообществах. Роль этнографии может заключаться в формировании блоков знаний, например, о видах и типах агрессии и традиций примирения, условий появления и погашения конфликтов у представителей различных этнических групп и пр. Томографический метод и математическая обработка данных необходимы для оценки полученных данных. Исследования этнографией принципов этнопедагогики, межпоколенной и социальной трансляции этнического культурного опыта могут быть востребованы для определения специфики ценностей и убеждений, становления картины мира и образа Я и особенностей межличностного взаимодействия, что является предметом изучения социальной нейронауки. Полезны данные этнографии и для исследований в рамках культурной нейронауки, поскольку она имеет дело с нейробиологической деятельностью человеческого мозга в определенных социокультурных обстоятельствах, определяет наличие или отсутствие биологической основы общности культур. Новаторским направлением, сочетающим в изучении взаимосвязь мозговой деятельности и культурные явления, является нейроискусствоведение, разработанное в 2005–2008 гг. британским историком искусства Джоном Онайансом (John Onians) (Университет Восточной Англии, Норвич, Великобритания). Он продолжил развитие «нейронаправления» в гуманитарных науках и конкретизировал нейроэстетику в области истории искусства так же, как другие исследователи выделили нейроархеологию в отдельную область знания. Применяя подходы нейроискусствоведения, можно перейти к исследованиям искусства с точки зрения этнографии, т.е. к анализу этноспецифических предметов и объектов искусства – архитектуры, произведений декоративно-прикладного искусства, костюма, украшений.

Ключевые слова: этносоциальное поведение, нейробиология, нейронаука, этнография, культура, генетика, нейроискусствоведение.

A.Yu. Mainicheva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: annmaini@gmail.com

THE STUDY OF ETHNO-SOCIAL ASPECTS OF HUMAN BEHAVIOR BY HUMANE, NEUROPHYSIOLOGICAL AND GENETIC APPROACHES: DIRECTIONS AND PERSPECTIVES

Neurobiology gave the new directions in the study of ethno-social aspects of human behavior. Article shows the perspectives in multi-disciplinary research of behavioral strategies, which based on integrated humane, scientific, medical and mathematical approaches. Ethnography takes a special place: it takes up the problems of ethnic specificity in behavioral strategies, translation and reconstitution of the cultural stereotypes, ways of communication in various ethnic communities. The role of ethnography can be in the formation of blocks of knowledge, such as the kinds and types of

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

aggression and reconciliation traditions, conflict nature and resolution among different ethnic groups, etc. Tomographic methods and mathematical data processing serve to evaluate the data. Principles of ethnopedagogics, intergenerational and social translation of cultural experience may serve to determine the specifics of values and ideas, becoming of worldview and image of ego as well as characteristics of interpersonal interaction that is the subject matter of the social neuroscience. Ethnographical data are useful in cultural neuroscience, because it studied the neurobiological human activity in sociocultural circumstances and determine the presence or absence of biological background in cultural community. The neuroscience of art history is the new direction, combining with interaction of cerebration and cultural events and developed by British art historian John Onians in 2005-2008s (University of Eastern England, Norwich, Great Britain). He continued to develop the "neurodirection" in humane sciences and concretized the neuroesthetics in history of art in the same manner as other researches spun off the neuroarchaeology into a separate knowledge area. Neuroscience of art history can study the art ethnographically, in other words, analyze the ethno-specific items and art objects – architecture, arts and crafts, costume, ornaments.

Keywords: *ethnosocial behavior, neurobiology, neuroscience, ethnography, culture, genetics, neuroscience of art.*

Этносоциальные аспекты поведения людей традиционно изучаются в рамках широкого спектра гуманитарных наук. Вместе с тем, все чаще приходится задаваться вопросом, существуют ли какие-либо внесоциальные и внекультурные предпосылки для разного рода поведенческих стратегий человека. Развитие нейробиологии, т.е. науки о нервной системе, включая ее генетику, физиологию, биохимию, привело к тому, что одним из ее разделов стало изучение поведения живых существ. Неудивительно, что достижения и находки нейробиологии стали использовать в тех отраслях науки, которые традиционно были связаны с поведенческими особенностями, например, в психологии. Обстоятельный обзор имеющейся научной литературы по этому вопросу был дан в статье М.В. Фаликман и М. Коула [Фаликман, Коул, 2014, с. 4–18]. Вместе с тем, за рамками обсуждения остался ряд направлений, которые также требуют описания и осмысления перспектив их развития. Задачей данной статьи является восполнение в некоторой части этого пробела.

Фундаментальность поставленной проблемы – оценки этносоциального поведения человека – вызвала необходимость комплексных междисциплинарных исследований, основанных на интеграции гуманитарных и естественных наук, медицины и математики, использующих свойственные им подходы и методики. Приобретение культурного опыта изучается не только в рамках когнитивных наук, благодаря которым стало возможным появление культурной и социальной нейронауки, но и историческими дисциплинами, такими как история, культурология, этнография, причем некоторые направления последней традиционно концентрируются на вопросах трансляции и воспроизведения культурных стереотипов, поведенческих традиций, способов коммуникаций в различных этнических сообществах. В данном случае термин «этнография» используется в его российском широкоохватном понимании как «наука о на-

родах и их культуре», что лишь частично совпадает с термином, принятом на западе, – «культурная антропология», где под этнографией понимают описание народов, находящихся на первобытной стадии развития. Указанная специализация с учетом этнических особенностей дает возможности нового импульса развития. Причем, речь может идти не только о существующих ныне этнических группах и сообществах, но и о реконструкции исторических стереотипов, нашедших отражение в различных коммуникационных стратегиях, например, сибирских казаков-первопроходцев или отдельных этнических групп, что было уже отчасти выполнено (см., напр., [Березиков, Люцидарская, 2013; Березиков, Люцидарская, 2015; Люцидарская, Майничева, 2012; Бадмаев, 2012; Майничева, Рыговский, 2014; Охотников, 2013]). Видимо, роль этнографии может заключаться в формировании блоков знаний, например, о видах и типах агрессии и традиций примирения, условий появления и погашения конфликтов у представителей этнических групп и пр. Выявление групп, различных по степени агрессивности, критерии которой также еще требуют разработки, позволят проводить дальнейшие исследования в области нейрофизиологии и генетики. Томографический метод и математическая обработка данных необходимы для оценки полученных результатов [Науменко, Кожемякина, Плюснина, Попова, 2013; Витяев, Неупокоев, 2012]. Шаги в указанном направлении уже сделаны в рамках выполнения интеграционного проекта СО РАН «Исследование эндофенотипических нейрофизиологических и молекулярно-генетических индикаторов реализации психологических и эмоциональных личностных свойств у людей с особенностями социальных коммуникаций и представителей различных этнических и социальных групп».

Исследования этнографией принципов этнопедагогтики, межпоколенной и социальной трансляции этнического культурного опыта могут быть

востребованы для определения специфики ценностей и убеждений, становления картины мира и образа Я и особенностей межличностного взаимодействия, что является предметом изучения социальной нейронауки, которая ориентирована на определение механизмов эффективного взаимодействия индивидуума с обществом. Полезны данные этнографии и для исследований в рамках культурной нейронауки, поскольку она имеет дело с нейробиологической деятельностью человеческого мозга в определенных социокультурных обстоятельствах, определяет наличие или отсутствие биологической основы общности культур.

Еще одним новым направлением, изучающим взаимосвязь мозговой деятельности и культурных явлений, является такая пока еще не имеющая адекватного русского перевода отрасль знания, как «Neuroarthistory» дословно – «нейро-история искусства», возможный вариант названия – нейроискусствоведение, которое будет использоваться в статье далее. Разработал и обосновал ее в 2005–2008 гг. британский историк искусства Джон Онайанс (John Onians) (Университет Восточной Англии, Норвич, Великобритания). Поскольку в России эта отрасль науки практически неизвестна, остановлюсь на ее сути подробнее, что стало возможным не только благодаря публикациям, но и личному знакомству и проведенным совместным дискуссиям. По задумке проф. Онайанса нейроискусствоведение использует подход, который касается нейробиологического исследования мозговой деятельности художников, как современных, так и прошлых эпох, путем анализа их произведений. Совместная работа Дж. Онайанса с Семуром Зеки (Semur Zeki), профессором нейробиологии Колледжа Университета Лондона и разработчиком теории «нейроэстетики» [Zeki, 1999], была посвящена визуализации нейробиологических процессов у палеолитических художников на примере рисунков пещеры Шове. Дж. Онайанс показал механизмы мозговой деятельности, благодаря изучению которых можно пересмотреть принципы взаимодействия чувственного и рационального в изобразительном искусстве, автор указывает на генетическую наследственность способности восприятия и воспроизведения в форме произведений изобразительного искусства [Onians, 2008]. Фактически Джон Онайанс продолжил развитие «нейронаправления» в гуманитарных науках и конкретизировал нейроэстетику в области истории искусства так же, как другие исследователи (см. напр., [Malafouris, 2009]) выделили нейроархеологию в отдельную область знания. Очевидно, что, применяя подходы нейроискусствоведения, можно перейти к исследованиям искусства с точки

зрения этнографии, т.е. к анализу этноспецифических предметов и объектов искусства – архитектуры, произведений декоративно-прикладного искусства, костюма, украшений и пр.

Таким образом, новейшие исследования в области изучения этносоциальных аспектов поведения человека привели к появлению новаторских направлений, что стало возможным благодаря междисциплинарным подходам, сочетающим гуманитарную, нейрофизиологическую и генетическую составляющие. Одним из перспективных направлений исследования может стать работа с учетом этнографического подхода.

Список литературы

Бадмаев А.А. К вопросу о «дикости» ольхонских бурят в XIX веке // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 322–325.

Березиков Н.А., Люцидарская А.А. Социально-экономическая обстановка в Сибири XVII в. как стрессогенный фактор // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 414–417.

Березиков Н.А., Люцидарская А.А. Спонтанные конфликты и их последствия в бытовой культуре первопоселенцев Сибири XVII в. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – 2015. – Т. 14, № 5. – С. 90–96.

Витяев Е.Е., Неупокоев Н.В. Формальная модель восприятия и образа как неподвижной точки предвосхищений // Нейроинформатика. – 2012. – № 1 – С. 28–41.

Люцидарская А.А., Майничева А.Ю. Судные дела Томской съезжей избы как источник для исследований этносоциальных аспектов поведения человека // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 370–373.

Майничева А.Ю., Рыговский Д.С. Механизмы контроля социально-психологической напряженности в сообществах старообрядцев белокриницкого согласия (по материалам Западной Сибири) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 378–380.

Науменко В.С., Кожемякина Р.В., Плюснина И.З., Попова Н.К. Агрессия и реакция акустического рефлексва вздрагивания у генетически предрасположенных к агрессии и неагрессивных молодых крыс // Журн. высшей нервной деятельности. – 2013. – Т. 63 (4). – С. 479–485.

Охотников А.Ю. Социальные конфликты в традиционной сибирско-немецкой культуре в период кол-

лективизации (на материалах Нейфельдского национального сельского совета) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 504–507.

Фаликман М.В., Коул М. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. – 2014. – Т. 10, № 3. – С. 4–18.

Malafouris L. “Neuroarchaeology”: exploring the links between neural and cultural plasticity // Cultural Neuroscience: Cultural Influences on Brain Function. – 2009. – Vol. 178. – P. 253–261.

Onians J. Neuroarthistory: From Aristotle and Pliny to Baxandall and Zeki. – Yale Univ. Press, 2008. – 680 p.

Zeki S. “Art and the Brain” / J. of Consciousness Studies. – 1999. – No. 6 (7). – P. 76–97.

References

Badmaev A.A. K voprosu o «dikosti» ol'honskih burjat v XIX veke // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: mat-ly Itogovoj sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2012. Vol. XVIII. Pp. 322–325. (In Russ.).

Berezikov N.A., Ljucidarskaja A.A. Social'no-ekonomicheskaja obstanovka v Sibiri XVII v. kak stressogennyj faktor // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: mat-ly Itogovoj sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo IAET, 2013. Vol. XIX. Pp. 414–417. (In Russ.).

Berezikov N.A., Ljucidarskaja A.A. Spontannye konflikty i ih posledstvija v bytovoj kul'ture pervoposelencev Sibiri XVII v. // Vestnik Novosib. gos. un-ta. 2015. Vol. 14, No. 5. Pp. 90–96. (In Russ.).

Falikman M.V., Koul M. «Kul'turnaja revoljucija» v kognitivnoj nauke: ot nejronnoj plastichnosti do geneticheskikh mehanizmov priobretenija kul'turnogo

opyta // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2014. Vol. 10, No. 3. Pp. 4–18. (In Russ.).

Ljucidarskaja A.A., Majnicheva A.Ju. Sudnye dela Tomskoj s'ezzhej izby kak istochnik dlja issledovanij etnosocial'nyh aspektov povedenija cheloveka // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: mat-ly Itogovoj sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2012. Vol. XVIII. Pp. 370–373. (In Russ.).

Majnicheva A.Ju., Rygovskij D.S. Mehanizmy kontrolja social'no-psihologicheskoy naprjazhennosti v soobshhestvah staroobradcev belokrinickogo soglasija (po materialam Zapadnoj Sibiri) // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. XX. Pp. 378–380. (In Russ.).

Naumenko V.S., Kozhemjakina R.V., Pljusnina I.Z., Popova N.K. Agressija i reakcija akusticheskogo refleksa vzdragivaniya u geneticheski predispolozhennyh k agressii i neagressivnyh molodyh krys // Zhurn. vysshej nervnoj dejatel'nost. 2013. Vol. 63(4). Pp. 479–485. (In Russ.).

Malafouris L. “Neuroarchaeology”: exploring the links between neural and cultural plasticity // Cultural Neuroscience: Cultural Influences on Brain Function. 2009. Vol. 178. Pp. 253–261.

Ohotnikov A.Ju. Social'nye konflikty v tradicionnoj sibirsko-nemeckoj kul'ture v period kollektivizacii (na materialah Nejfel'dskogo nacional'nogo sel'skogo soveta) // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: mat-ly Itogovoj sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2013. Vol. XIX. Pp. 504–507. (In Russ.).

Onians J. Neuroarthistory: From Aristotle and Pliny to Baxandall and Zeki. Yale University Press, 2008. 680 pp.

Vitjaev E.E., Neupokoev N.V. Formal'naja model' vosprijatija i obraza kak nepodvizhnoj točki predvoshishhenij // Nejroinformatika. 2012. No. 1. Pp. 28–41. (In Russ.).

Zeki S. “Art and the Brain”. Journal of Consciousness Studies. 1999. No. 6 (7). Pp. 76–97.

А.Ю. Майничева, Е.И. Глухих, Д.С. Рыговский

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: annmaini@gmail.com

ЖИЛИЩЕ В КУЛЬТУРЕ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ РУССКИХ ХАКАССКО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Полевые исследования авторов старожильческих поселений Хакасско-Минусинской котловины 2015 г. позволили получить новые материалы, благодаря которым выявлены особенности жилищ русских. Обследование велось по вопросам, составленным согласно авторским программам исследования жилищ русских в Сибири. Обследованные села были основаны в период раннего освоения сибирских территорий русскими. Выявлены сохранившиеся жилые дома второй половины XIX в. Наиболее часто встречаются пятистенные срубные жилые дома. Наряду с домом для всей семьи в усадьбе могли ставить отдельные «избушки» для старших членов семьи – стариков. Кроме срубных домов строили саманные. Возводили временные («временки») и сезонные жилища – срубные избушки лесников. Преобладали традиционные технологии строительства, сопровождавшиеся приметами и обрядами, характерными для строительной культуры русских: в заготовке леса, при установке печи, во время новоселья. Дома строили преимущественно из сосны при помощи топора. Заготавливали лес обычно зимой после крещенских морозов, когда приостанавливалось сокодвижение, рубили лес в новолуние или на убывающую луну. На постройку дома созывали помощь («помочь») в лице родственников или соседей. Родители возводили дома всем своим сыновьям по старшинству, младший сын оставался в доме со стариками. Печи в домах делали глинобитными по опалубке. После первой топки устраивали угощение. Считалось, что, если хозяева не угодили печнику, в отместку он может навредить. На новоселье («влязины») новоселам было принято дарить подарки, которые могли пригодиться в хозяйстве. Установлено, что многоаспектность роли жилища в культуре жизнеобеспечения русских обследованного региона включает как материальную, так и мировоззренческую составляющую, которая проявляется преимущественно в традициях возведения и обживания дома.

Ключевые слова: культура жизнеобеспечения, русские, Сибирь, Хакасско-Минусинская котловина, жилище, строительная обрядность, мировоззрение.

A.Yu. Mainicheva, E.I. Glukhikh, D.S. Rygovskiy

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: annmaini@gmail.com

A HOUSE IN A RUSSIAN SUBSISTENT CULTURE OF KHAKASS-MINUSINSK HOLLOW: THE NEW MATERIALS

Field studies of the old resident settlements in Khakass-Minusinsk hollow provided the new material in 2015, which permitted to educe the peculiarities of Russian houses. The exploration was conducted by questionnaire, prepared in accordance with the authors research programs of Siberian Russian houses. Russians founded studied Siberian villages during the early occupation of the Siberian territories. Authors revealed the preserved houses of the second half of the XIX century. The most common building is the blockhouse with five walls. Sometimes people built the separate huts for the older family members along with the house for familiar living. They constructed the sun-dried brick houses along with blockhouses. Russians built the temporary and seasonal houses – the forester blockhouse. Traditional construction technology dominated, accompanied by signs and rituals, characterized of Russian building culture: in logging, setting the oven, during the housewarming. Russians built houses mainly in pine trees with an ax. They lumbered in a winter, after the hard frosts, when the sap flow had stopped, and hewed down trees in the dark of the moon or on the old moon. The folks and neighbors helped to build the house. Parents constructed the houses for their sons in order of precedence, but the youngest stayed in the familiar house. The ovens had the wattle-and-doub casing. When people had stoked a fire at first, they did the honors of the table. It was believed that if the owners have not pleased stove-setter, in retaliation, he can

do harm. Housewarming ("vlaziny") settlers were given the gifts that they could use in the household. It was found that the multidimensional role of the house in the culture of the subsistence culture of Russians in the explored region includes both material and worldview component, which occurs mainly in the tradition of construction and settling in house.

Keywords: subsistence culture, Russians, Siberia, Khakass-Minusinsk hollow, house, building ritualism, worldview.

Жилище является существенным компонентом культуры жизнеобеспечения русских, который требует глубокого изучения и установления его характерных черт в различных регионах. Полевые исследования русских старожильческих поселений Хакасско-Минусинской котловины (сс. Лугавское, Знаменка Минусинского р-на Красноярского края), проведенные авторами в 2015 г., позволили получить новые материалы, благодаря которым можно выявить особенности жилищ русских как части культуры жизнеобеспечения, включая ее мировоззренческий аспект. Обследование велось по вопросам, составленным согласно авторским программам исследования жилищ русских в Сибири [Майничева, 2009; Майничева, 2013; Майничева, Глухих, Рыговский, 2015].

Обследованные села были основаны в период раннего освоения сибирских территорий русскими. С. Знаменка отметило свой 200-летний юбилей, а с. Лугавское – 300-летний. В Лугавском сохранились жилые дома второй половины XIX в. Наиболее часто встречаются пятистенные срубные жилые дома («пятистенки»). Местные жители пояснили: «Пятистенник так назывался не потому, что у дома пять стен, а потому, что внутри четырехстенного дома была капитальная перегородка из бревна». Несущая бревенчатая стена внутри такого дома разделяла помещение на горницу (теперь называют «зал/а/») и кухню (местн. «изба»). Горница считалась парадным помещением. Старожилы вспоминают: «Был один дом на краю деревни, где вход был через горницу, жила там Агафья, так к ней заходишь в этот дом через сени и сразу видишь высокую и богато убранную кровать. На этой кровати всегда было четыре подушки с вязаными прошивами, сама кровать застилалась с подзором. Во всех горницах были такие кровати» (здесь и далее – ПМА, 2015, если не указано другое). Красный угол с иконами («божничкой») в старых домах называли «угольником» или «уголок», его всегда украшали вязаной скатертью. Дома-пятистенки были разного вида и имели разные названия: «дом на связи» или «крестовый дом» – это пятистенник, конструкция четырехскатной крыши которого представляла собой особое соединение бревен в замок, носящее название «крестовая связь»; «дом на две

половины» – это пятистенный дом с четырехскатной крышей на две семьи: «В каждой половине пятистенка, отделенной бревенчатой стеной, имеются кухня и горница, сени в таких домах являются общими, а крыльцо у каждой семьи свое». В домах на две половины сени не отделяли одно жилое помещение от другого, а примыкали сбоку в отличие от «домов со связью», в которых сени располагались между жилыми помещениями. Сени в крестовом доме занимали большую площадь, чем жилые комнаты, в них обычно располагалась кладовая (местн. «кладовка»). Крыши домов были сделаны из теса на два или на четыре ската по стропилам с широкими карнизами и резными «ливневками», т.е. водостоками. Двухскатные крыши называли «по-амбарному».

Дома строили из сосны при помощи топора. Заготавливали лес, как правило, зимой после крещенских морозов, когда приостанавливалось сокодвижение, рубили лес в новолуние (некоторые жители с. Лугавское утверждают, что лес рубили на убывающую луну). Местные старожилы отмечают: «Для собственных нужд лес раньше заготавливали всегда, хотя специальных лесных угодий здесь не было, разве что Знаменское лесничество (рядом с с. Знаменка). У нас-то одни богатства – песок, да гравий, леса мало. Когда появились лесхозы, землю выделяло государство, на общественном совете решали, где кому постройся, и лес не рубили, где придется». Лес на постройку дома заготавливали так: «Валили деревья в тайге зимой, обрубали с них на месте сучки, а увозили на лошадях к реке только весной, там снимали шкуру, а затем сплавляли на плотах с р. Сизой. Чтобы досушить лесину, ее нужно было сложить треугольником, а чтобы засмолить – переворачивать («перекладывать») при этом на три раза, тогда дерево будет крепнуть». Бревна перед началом строительства должны были лежать около трех лет. Местные старожилы поясняют: «Срубили сруб, крышу поставили, накрыли ее и на два года забыли про этот сруб. Пока он не устоится, весь не усохнет, до тех пор никаких работ внутри не ведется». На постройку дома созывали помощь (местн. «помочь») в лице родственников или соседей. Родители строили дома своим сыновьям: «Если в семье четверо сыновей, то родители строили дом сначала для стар-

шего сына, затем для двух средних, а младший сын со своей женой оставался в доме родителей, чтобы за ними присматривать. Этот дом был на две половины».

На основание дома укладывали камень-плитняк или устанавливали по его периметру стойки (местн. «стулья», «чурки»), изготовленные из лиственницы, на которые «улаживали» окладной венец, а затем все остальные. В нижнем бревне делали желоб, куда укладывали мох, который брали с болот. Мох заворачивали в кудель (вычесанную коноплю), чтобы тот не раскрошился. Между бревен стен также прокладывали мох утепления.

Оконные наличники хозяева делали, как правило, самостоятельно из сосны (кедра), рамы были двойные. Когда бывали сильные морозы и промерзали окна, между рам также укладывали мох.

Пол в домах часто был двухслойным. Сначала из полубревен делали «черновой» нижний пол, а затем сверху укладывали распиленные плахи толщиной по 6–7 см – «чистый» пол. Стены в домах, по рассказам местных жителей, штукатурили: «Лили в глину воду, добавляли конский навоз, затем босые женщины, бегая по кругу с песнями, дружно месили глину на специально отведенной площадке. Этой глиной обмазывали стены». Всегда для тепла в доме делали завалинки: «Приходило бабье лето к началу октября, бабы стирали, а мужики завалинки делали – копали землю и присыпали ею снаружи дом». О старых домах местные старожилы говорят: «Если дом старый разобрать – гвоздей не обнаружишь, а между бревен ни одной щелочки нет. Если дом хорошо просушен – долго простоит. Всякий старый дом – ровный».

Наряду с домом для всей семьи в усадьбе могли ставить отдельные «избушки» для старших членов семьи – стариков. Кроме срубных домов строили «топанухи» или «саманухи» (при постройке такого дома говорили «самануху стоптали»), глинобитные дома бедняков, для стен которых глину, перемешанную с конским навозом, топтали босыми ногами. Часто к таким работам привлекали детей. Саманухи сохранялись в селе до 1960-х гг.

Наряду с постоянными жилищами строили временные («временки») и сезонные жилища (местн. «ка/о/рдоны») – срубные избушки лесников.

Печи в домах были глинобитными, «их делали в опалубку». Раньше специально толкли стекло, а затем вбивали его в глину, «чтобы печь была горячее» («в топку»). Печь затапливали и обжигали. Старожилы говорят: «Первый дымок запустил – все идет на магарыч», т.е. когда печь первый раз

затапили, то нужно было отпраздновать это событие. Рядом с печью в избе устраивались полати, раньше это было место стариков, место же молодых было в горнице. Считалось, что если хозяева не угодили печнику, т.е. не помогли ему в работе, ничем не отблагодарили, он печь разбирать не будет, но сделает небольшую нишу («нишку») и положит в нее яйцо. Как только хозяева печь затопят, дом наполнится крайне неприятным запахом, «и ведь никто кроме печника этой нишки не знает, а в доме жить нельзя. В кирпичные дома подкладывали бутылку, и стены начинали гудеть, хоть весь дом разбирай, а кроме мастера никто не знал в чем причина». У бедных бань не было, а хозяева ставили в доме большие печи, в которых они обычно мылись. Рядом с русской печью в сильные морозы ставили железную печь с трубой, для которой в русской печи было специальное отверстие.

На новоселье («влазины») новоселам было принято дарить подарки, которые могли пригодиться в хозяйстве: «Несли скалки, ложки, маслобойку, ступку. Все, что было необходимо, пока свое имущество новые хозяева не нажили, но никогда не дарили платки, простыни».

В поселениях до раскулачивания было много домов зажиточных хозяев, но внешне они мало отличались от бедных. Богатство дома раньше определялось так: «Там, где богатая семья – там богатый хлев, богатые погреба». В с. Лугавском все дома были одноэтажные, однако в 1870 г. был построен единственный двухэтажный дом на высоком подклете, который принадлежал офицеру И.И. Лыткину. В домах делали глубокие подполья, где часто держали пчел. Местные жители рассказывают: «Под домом была бревенчатая неотопливаемая стайка (местн. «ом/в/шанник») для пчел. Строить было негде, да и зимы холодные, поэтому держали пчел в подполье». В бедных домах лари с пшеницей стояли в сенях домов, и только у зажиточных людей были собственные амбары.

Дома второй половины XIX в. сохранились, но претерпели изменения: имеют пластиковые окна, обшиты сайдингом, перепланированы. В избах не сохранились русские печи, но часто встречаются печи из кирпича.

Новые материалы показали, что многоаспектность роли жилища в культуре жизнеобеспечения русских Хакасско-Минусинской котловины включает как материальную, так и мировоззренческую составляющую, которая преимущественно проявляется в традициях возведения и обживания дома.

Список литературы

Майничева А.Ю. Программы этнографического обследования недвижимых объектов культурного наследия // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2009 г.: Археология, этнография, устная история. – Барнаул, 2009. – С. 130–133.

Майничева А.Ю. Методические основы этнографических исследований объектов деревянного зодчества // Баландинские чтения. – Новосибирск, 2013. – № 1. – С. 257–263.

Майничева А.Ю., Глухих Е.И., Рыговский Д.С. Полевые исследования жилищного комплекса как одной из частей культуры жизнеобеспечения русских старожилов Хакасско-Минусинской котловины // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае: мат-лы X Междунар. науч.-практ. конф. – Барнаул, 2015. – С. 131–134.

References

Mainicheva A.Ju. Programmy etnograficheskogo obsledovaniya nedvizhimyh ob"ektov kul'turnogo nasledija // Polevye issledovaniya v Verhnem Priob'e i na Altae. 2009 g.: Arheologiya, etnografija, ustnaja istorija. Barnaul, 2009. Pp. 130–133. (In Russ.).

Mainicheva A.Ju. Metodicheskie osnovy etnograficheskikh issledovanij ob"ektov derevjannogo zodchestva // Balandinskie chtenija. Novosibirsk, 2013. No. 1. Pp. 257–263. (In Russ.).

Mainicheva A.Ju., Gluhih E.I., Rygovskij D.S. Polevye issledovaniya zhilishhnogo kompleksa kak odnogo iz chastej kul'tury zhizneobespechenija russkikh starozhilov Hakassko-Minusinskoj kotloviny // Polevye issledovaniya v Priirtysh'e, Verhnem Priob'e i na Altae: mat-ly X Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Barnaul, 2015. Pp. 13–134. (In Russ.).

КОНТУРЫ СОВРЕМЕННОГО САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА АМУРСКИХ НАНАЙЦЕВ*

Статья акцентирует внимание на мировоззренческих установках нанайцев, определяющих построение их современного культурного ландшафта. Частью его являются образы, имеющие отношение к этническому наследию и рожденные в контексте шаманских традиций. Маркеры Мифического Космоса «граница», «дорога» соотносятся с границами жилого пространства, маршрутами промысловиков и проходом, соединяющим мир живых и мертвых. В современном культурном пространстве нанайцев они служат константами, на которые наслаиваются конструкции, порожденные изменениями в обществе. Такая модификация одушевленной среды выражается в переосмыслении и новой интерпретации топонимов, исполнявших роль локусов Мифического Космоса, в использовании новых средств воздействия и приемов в установлении контактов с духовным миром. В современной концепции одушевленного ландшафта изъята промысловая составляющая, являвшаяся стержнем традиционного мироустройства и пластом архаического наследия; в связи с гонениями на амурских шаманов в период советской власти утрачен ритуальный шаманский элемент. Сегодня масс-медийное пространство выступает одним из главных факторов, формирующих новые подходы и установки в осмыслении локальной истории, углубляя ее до археологического прошлого и объясняя некоторые явления с позиции теософских концепций. В настоящее время информационное поле выступает и источником появления новых мест поклонения, табуированных зон на карте Хабаровского края.

В основу статьи положены полевые сведения автора, собранные в среде амурских нанайцев. Часть из них составляют наблюдения и рассказы информаторов Нанайского района Хабаровского края.

Ключевые слова: современное сакральное пространство, нанайцы, шаманизм, границы, дорога, поселение, медийные источники.

O.V. Maltseva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: olymals@gmail.com

CONTOUR OF THE MODERN SACRED SPACE OF THE AMUR NANAIS

The study focuses on the Nanai worldviews, determining the construction of their modern cultural landscape. A part of it is the images, related to the ethnic heritage and born in the context of shamanic traditions. Such markers of the Mythic space as a "border", "road" correspond with the boundaries of living space, craft routes and passage, connecting the world of the living and the dead. The modern Nanai cultural space they are constants, which overlaying structures, generated by social changes. This modification of animated environment is expressed in rethinking and a new interpretation of placenames, played the role of Mythic Cosmos loci; in the use of new levers and the approaches to connect with the spiritual world. The modern concept of an animated landscape retrieve the craft component – the core of the traditional world order and the part of the archaic heritage; in connection with the persecution of the Amur shamans in the Soviet period the shamanic ritual element was lost. Today, the mass media space is one of the main factors, which formed the new approaches to gain a better local history understanding, deepened it to the archaeological past and explained some events from a position of theosophical concepts. At this time, the informational field is the source of new places of worship, taboo areas on the map of Khabarovsk territory. The article is based on the authors

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 15-01-00453.

Keywords: *modern sacred space, Nanais, shamanism, borders, way, settlement, mass-media sources.*

Начиная с XX в. сакральное пространство амурских нанайцев подверглось значительной трансформации. Обновление контуров, структуры и состава культурного ландшафта малочисленной группы было обусловлено влиянием на ее среду обитания промышленного строительства и социально-бытовых изменений.

Исследования последних лет показывают, что столь существенные сдвиги в восприятии нанайцами окружения связаны с переосмыслением ими традиционного культурного наследия, пропущенного через призму личностных установок, оценок, духовных ценностей, выработанных в советское и постсоветское время. В рассказах нанайских информаторов заметна нотка ценностной дезориентации и поиска путей достижения баланса с внешним миром. В настоящее время в низовьях Амура цементирующим элементом возрождающихся традиций выступает шаманизм, утративший ритуальную значимость, но сохранивший идейную основу. На этой платформе происходит конструирование современного сакрального пространства, выполняющего функцию «охраны, ограждения», «земного пути», «дороги, прохода между мирами».

В этом плане жители ряда нанайских сел обращение к шаманским традициям рассматривают как гарант защиты своих селений. До начала XX в. шаман в нанайской среде не только излечивал физические недуги, но и отвечал за психическое равновесие своего окружения, боролся с общественными «болезнями» – пьянством, воровством, пресекал ссоры между людьми и убийства на почве зависти, неприязни, устанавливая контроль над вредоносными для человека силами. Период массовых репрессий, борьбы с религиозными пережитками обернулся не только искоренением шаманизма на Амуре как явления, но и потерей селениями своих духовных «хранителей». Именно шаман следил за границей жилого пространства, препятствуя проникновению извне сущностей, влекущих смертоносные болезни, человеческие пороки. С начала XX в. появившиеся в нанайских селах случаи психических заболеваний, пьянства, семейных ссор, драк, убийств многие информаторы связывают с кознями «распустившихся» бесконтрольных духов [Широкогоров, 1919, с. 99]; (ПМА, Найхин, У.Г. Киле, 28.08.2011; С.С. Бельды, 30.08.2011; Верх. Нерген, А.Е. Гайда, 11.09.2011).

Попытка разрешить эту проблему привела уже в постсоветское время к конкретным шагам в виде возвращения шаманов как «хранителей» жизненного пространства людей.

Так, в 2010 г. по инициативе жителей сел Верхний Нерген, Найхин был призван бурятский шаман, миссия которого заключалась в работе с местными «неоткрытыми» шаманами – претендентами на звание опекунов поселений. Шаман выбрал преемников, проведя камлание в зданиях сельских администраций, но «открыть» их (т.е. сделать действующими) он мог только по согласию избранных. В с. Найхин в числе неофитов оказалась студентка 2-ого курса института. На момент сбора информации жители населенного пункта сетовали, что пока избранник молодой, «граница села остается открытой, не защищенной от проникновения различных бедствий» (ПМА, Найхин, С.С. Бельды, 30.08. 2011; Верх. Нерген, А.Е. Гайда, 11.09. 2011).

С уходом фигуры шамана из обустройства жилой зоны коренное население связывает и утрату ориентиров в поисках коридоров из мира живых в мир мертвых. Согласно традиционному миропониманию нанайцев, в зонировании бытовой территории учитываются не только особенности местности и жизненно важные потребности общества, но и фактор присутствия духовных «соседей». У амурских нанайцев планировка островных стойбищ и селений на берегу Амура выполняла как практическую функцию, выраженную в защите от ветра, наводнения, обеспечении свободного доступа к промысловым угодьям, так и сакральную. Членов территориально-соседской общины с миром предков связывали различные дороги, по которым родовые шаманы увозили души умерших в зависимости от их фамильной принадлежности – на оленях, медведе или собаках. Дорога в *бун*и (загробный мир) пролегла через «проходы», расположенные внутри человеческого поселения и чаще представлявшие собой нежилые сегменты – пустыри или заросшие лесной растительностью участки. В годы советской власти активное строительство привело к тому, что табуированные участки совпали с улицами, новостройками, частью которых стали колхозные дома, здания сельской администрации, культурно-досуговой и образовательной сферы. Уплотнение бытового пространства побудило

жителей Найхина «перенести» проходы в *бун* в уголки, лишённые присутствия человеческой жизни, когда среди сельских застроек просто выбирались места, ассоциировавшиеся с инобытием. К примеру, в настоящее время умершие рода Киле «уходят» в *бун* через улицу Колхозную, на которой раньше размещались колхозные предприятия, в постсоветское время этот проулок обрел черты заброшенного уголка, соответствующего параметрам входа в иной мир (ПМА, с. Найхин, Р.А. Бельды, 29.08.2011).

Одна жительница с. Найхин поведала сон, в котором она в поисках своей покойной матери (из рода Киле) увидела картину загробного существования бывших сельчан.

«Иду по какой-то улице и с правой стороны иду, попадаю в тупик. Улица закрыта трехэтажным зданием. Дверь открывается, заходишь и спускаешься вниз по ступенькам. А там открывается ровное, вычищенное поле и костры повсюду. Я подбегаю к одному костру. Встает белый, худой дед и говорит: “Девочка, ты куда?”. Я говорю, что маму ищу. “Как фамилия мамы?”. Я говорю, что Киле. Он отвечает, что здесь одни Бельды. Иду к следующему костру... Полная женщина отвечает, что здесь Гейкеры. Побежала дальше, а там Закоры, Гейкеры...» (ПМА, с. Найхин, С.С. Бельды, 30.08.2011).

В этом сновиденческом пространстве проглядывают архетипические черты сознания нанайцев, когда души умерших разными путями попадают в *бун*, прибываясь к кострам своих родов. Согласно традиционному миропониманию нанайцев, дорога между мирами или в земной проекции служит отрезком, пройдя который можно вступить в диалог с духовными сущностями, отвечающими за благополучие человека, его рода, поселения.

За пределами жилой территории траектория священного маршрута проходит по руслу Амура. На нем располагаются локусы Мифического Космоса и владения духов стихий, отвечающих за перемещение по водной глади промысловиков, речных судов. Согласно традиционным представлениям нанайцев, очертания реки напоминают тело водного дракона *Луймура* [Переверзева, 2004]. В низовьях Амура ряд прибрежных скальных выступов, скопление базальтовых валунов, горные массивы воплощают образы *Старика* и *Старухи*, управляющих ветром и этим помогающим в речной навигации [Соболевская, 1996, с. 60–61].

К примеру, по поверьям нанайцев на протоке Эморон находятся каменные изваяния «Бабушки» и «Дедушки», покровительствующие путнику.

Детские воспоминания о посещении этих мест составили основу рассказов современных жителей Найхина.

«Я училась в 5-м классе. Ездили туда за черемшой. Уезжать, а ветра нет. Тяжело на лодке четырехвесельной вверх (против течения) уезжать. Бабушка говорит: “Пойдемте на сопку, там Бабушка с Дедушкой окаменели, это святое место”. Пошли туда, кашку наварили, водку поставили. Поговорили с ними, попросили ветер. Стали собираться домой. Поехали по протоке Эморон. Было жарко. До половины Амура доехали и ветер поднялся. Мы стали поднимать паруса. Паруса надулись. Мы поехали счастливые. Для отдыха заехали на середину Амура, где недалеко от Сикачи-Алян находится Дёлхса Мама (Каменная старуха). Бабушка ужин сварила, отблагодарила, накормила ее» (ПМА, с. Найхин, С.С. Бельды, 30.08.2011).

Однако сегодня участок Среднеамурской равнины от Найхина до Сикачи-Альяна, наиболее насыщенный топонимическими легендами, изменил духовную базу. На нем дороги и локусы Мифического Космоса утратили прежний смысловой оттенок, связанный с промысловой деятельностью. Что характерно, для нанайцев село Сикачи-Алян остается важным культурным центром, но популяризация его археологического наследия в форме рисунков на прибрежных валунах определяет новые конструкции сакральных территорий. Образы, запечатленные на камнях, оживают в декоративно-прикладном искусстве и в массовом сознании выступают «загадочными знаками», «проявлением неведомых сил, энергий». Медийные источники способствуют раскручиванию «легендарности» мест, внося коррективы в массовое сознание.

Автор статьи стал невольным участником процесса зарождения нового сакрального центра в Нанайском р-не Хабаровского края, когда рядовое нанайское село Дада превратилось в часто посещаемый уголок и заставило по-новому интерпретировать культурное наследие нанайцев. Поводом этому стал в 2011 г. созревший в огороде у одной из местных жительниц арбуз со «странным узором», напоминающим сикачи-альянский петроглиф или рисунок на одежде шамана (см. *рисунок*). Эта новость по мобильной связи вышла за пределы села и обрела популярность. Впоследствии сюжет об этом арбузе, показанный на «5 канале» поднял рейтинг села, превратив его в центр паломничества среди нанайцев [В нанайском селе Дада].

Можно констатировать, что современное сакральное пространство нанайцев обнаруживает чер-

Карта поселений амурских нанайцев с обозначением пункта, где вырос «загадочный арбуз».

ты архаической модели мира, в котором «границы» и «дороги» вписываются в традиционные рамки представлений. На эти архетипические пласты наслаиваются конструкты, порожденные новыми мировоззренческими установками под воздействием реалий настоящего времени. Преобразовательная деятельность человека, постоянно меняющееся информационное поле корректируют священную топографию, делая ее динамичной системой и наполняя ее новым содержанием.

Список литературы

В нанайском селе Дада арбузы с загадочными иероглифами. Репортаж. 11.09.2011. – URL: <http://www.5-tv.ru/news/45109/>

Переверзева О.В. Центрированное и линейное освоение этнокультурного ландшафта (сравнительный анализ случаев Русского Поморья и Нижнего Амура) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. X, ч. 2. – С. 111–116.

Соболевская Н.И. Мифы и памятники культурного пространства среднеамурской равнины // Проблемы изучения и популяризации традиционной культуры ко-

ренных народов Дальнего Востока России. – Хабаровск: Изд-во ХККМ, 1996. – С. 55–62.

Широкогоров С.М. Опыт исследования шаманства у тунгусов // Учен. зап. ист.-филол. факультета в г. Владивостоке. – Владивосток: [Тип. Обл. зем. упр.], 1919. – Т. 1. – С. 47–108.

References

Pereverzeva O.V. Centrirovannoe i linejnoe osvoenie etnokul'turnogo landshafta (sravnitel'nyy analiz sluchaev Russkogo Pomor'ja i Nizhnego Amura) // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij: mat-ly Itogovoi sessii In-ta arheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2004. Vol. X, pt. 2. Pp. 111–116. (In Russ.).

Shirokogorov S.M. Opyt issledovaniya shamanstva u tungusov // Uchenye zapiski istoriko-filologicheskogo fakul'teta v g. Vladivostoke. Vladivostok: [Tip. Obl. zem. upr.], 1919. Vol. 1. Pp. 47–108. (In Russ.).

Sobolevskaja N.I. Mify i pamjatniki kul'turnogo prostranstva sredneamurskoj ravniny // Problemy izuchenija i popularizacii tradicionnoj kul'tury korenyh narodov Dal'nego Vostoka Rossii. Habarovsk: Izd-vo HKKM, 1996. Pp. 55–62. (In Russ.).

V nanajskom sele Dada arbuzy s zagadochnymi ieroglifami. Reportazh. 11.09.2011. – URL: <http://www.5-tv.ru/news/45109/> (In Russ.).

ЭТНИЧЕСКИЕ ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ МЕТАЛЛА В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИИ В 2000–2010-х ГОДАХ*

В статье предпринята попытка охарактеризовать развитие феномена женских этнических украшений из металла в Республике Хакасия в первое десятилетие XXI в. в соотношении с общими тенденциями развития художественного металла в Саяно-Алтайском регионе. На основании авторских полевых материалов освещаются вопросы восстановления и актуализации этого ремесла с точки зрения роста интереса к теме историко-культурного наследия в Хакасии. Рассмотрена история развития ювелирного дела хакасов на протяжении XX в., на основании чего сделан вывод о его неразвитости к рубежу веков. Восстановление ремесла обработки металла в первое десятилетие XXI в. осуществляется в структурах высшего профессионального образования на кафедре декоративно-прикладного искусства ХГУ, а также энтузиастами мастерами-ювелирами. Начиная с 2000-х гг. и до настоящего времени наблюдается стойкий интерес к этническим украшениям, их использование в праздничной и презентационной одежде. Мастера-ювелиры адаптируют традиционные формы металлических украшений для использования в повседневном костюме, что подтверждается стабильными заказами на их изготовление и открытием специализированного салона этнических серебряных украшений. Особым явлением на рынке ювелирных украшений в этническом стиле в Хакасии первого десятилетия XXI в. стало появление якутских украшений из серебра и их творческого переосмысления в хакасском стиле. Можно сделать вывод, что в настоящее время в Хакасии формируется новый стиль этнических украшений, созданный на основе авторских поисков мастеров-ювелиров, традиционного ювелирного дела и влияния более развитых ювелирных центров Сибири.

Ключевые слова: Хакасия, этнический костюм, ювелирное дело, женские украшения, современность, этника.

M.V. Moskvina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: marg.moskvina@gmail.com

ETHNIC METAL JEWELRY FROM REPUBLIC OF KHAKASSIA IN 2000–2010s

This study presents the attempt to characterize a developing of female ethnic metal ornaments in Republic of Khakassia during the first decade of 21 century through the correlation with common development tradition of metal art in Sayan-Altai region. Based on the authors field data this study highlights the issues of renewal and actualization of this craft from the position of the increased interest in historical and cultural heritage in Khakassia. We considered the history of Khakass jewelry throughout the 20 century, and concluded that this sphere had not been development to the turn of the century. Renewal of the crafts metal treatment in the first decade of the 21 century is carried out in the structures of higher education in the department of arts and crafts KSU and by enthusiasts-jewelers. Since 2000s to present time author observes the enduring interest in ethnic ornaments and their use in festal dress. Jewelers adapt traditional forms of metal ornaments for use in everyday costume, that evidenced by stable orders for production and the new specialized salon of the ethnic silver jewelry. Yakut silver ornaments and their creative rethinking in Khakassia style was a special event in the market of jewelry in ethnic style in Khakassia in the first decade of the 21 century. We can conclude that a new Khakass style of ethnic jewelry, created on the basis on the work of local jewelers, traditional jewelry and the influence of the more developed jewelry centers of Siberia at present time.

Keywords: Khakassia, ethnic costume, jewelry, female ornaments, modern time, ethnics.

Современные социо-культурные процессы, происходящие в Саяно-Алтайском регионе, направлены на актуализацию этнической составляющей

в мировоззрении населения. Конструирование современной этнической культуры происходит через обращение к традиции, в завершённом виде оформ-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-31-01258.

мившейся к концу XIX – началу XX вв. При большом внимании к нематериальному культурному наследию, религиозной и обрядовой стороне культуры, также получают развитие и осмысление ее вещественные стороны. Важная роль в этом принадлежит восстановлению национального костюма и внедрению его в повседневную жизнь и презентационные практики.

Изготовление женских украшений хакасов в традиции связано с обработкой драгоценных металлов и ювелирным ремеслом. При этом широкого распространения этот промысел не получил, сохраняясь в начале XX в. как домашнее ремесло. Программы советского времени по развитию промыслов в Сибири мало способствовали развитию ювелирного дела в Хакасии. Основной акцент в 1930-х гг. был сделан на развитие женских рукоделий – изготовления костюма, костюмных вышивок и пр., а в конце 1970-х гг. художественный металл изготавливался в формах панно на темы достижений социализма. В конце XX в. изготовление традиционных ювелирных изделий не имело широкого распространения. Отдельные мастера работали на основе частных заказов – изготавливали реплики, часто упрощенные, старинных украшений [Москвина, Павлова, 2014].

Рост интереса к этнике, адаптированной для современной повседневной жизни, возникает в начале XXI в. Это вызвало закономерные трансформации в комплексе этнического костюма и украшений.

В связи с практическим отсутствием живой традиции в ювелирном деле, подготовка мастеров ведется в рамках высшего профессионального образования на Кафедре декоративно-прикладного искусства Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.

С 2000-х гг. кафедра занимается подготовкой специалистов для проектирования и производства изделий с региональной и этнической спецификой. Их проектные разработки были организованы на базе российских фабрик и мастерских художественных и сувенирных изделий. В программу обучения специалистов включены музейные практики. Эта работа продолжается и в настоящее время [Павлова, 2012, с. 112]. Однако отсутствие специализированной мастерской ограничивает возможности подготовки мастеров, поэтому обучение носит скорее общий теоретический характер.

Одним из выпускников кафедры стал мастер-ювелир Михаил Вальков. Уже укрепившись в статусе мастера и имея практические навыки работы с металлом и доступную мастерскую, он пришел получить на кафедре высшее художественное образование. М. Вальков стремится ориентироваться на эстетику традиционных украшений, чтобы «она передавалась последующим поколениям», при этом отмечая, что заказы на хакасскую тему идут ста-

бильно. Заказывают подобные украшения преимущественно хакасские женщины и девушки, иногда туристы. Точные реплики старинных украшений заказывают коллекционеры.

Интерес к хакасским украшениям стимулируется в рамках презентационных мероприятий. Мастер участвовал в выполнении подарочных украшений по заказу Министерства культуры Республики Хакасия для проведения Форума по историко-культурному наследию «Сибирь Ил». Было изготовлено несколько комплектов в этническом хакасском стиле в составе серег, перстня, мини-пого и браслета.

Украшения становятся стилизованными, облегченными, их заказывают как дополнение к национальному и повседневному костюму жители Хакасии, некоторые изделия можно найти в сувенирных магазинах. Используя современные технологии, мастера продолжают развивать традицию изготовления украшений. Популярностью пользуются ювелирные украшения в этническом стиле, сделанные на заказ и малыми партиями – перстни с большим щитком и серьги с коралловыми инкрустациями, подвески на шею различных форм.

Материалы для исполнения и техники современных мастеров приближены к традиции, но допускают вариации. Мастера-ювелиры используют как серебро, так и более доступные металлы – мельхиор и другие «белые» сплавы. Практически не используется при изготовлении техника литья, так как она стала затратной по материалу. Детали украшений вырезаются из листа металла толщиной в 2–5 мм, их края шлифуются, поверхность украшается гравированным орнаментом, в глухой напаянный каст закрепляется вставка-инкрустация. При окончании изделие полируется. Иногда мастер может использовать техники филигранны с инкрустацией камнями. Для вставок применяется традиционный коралл, а также бирюза, сердолик или разноцветные стразы. Основными формами щитков перстней стали круглые и овальные, прямоугольные со скругленными углами. Когда-то распространенная сердцевидная форма не нашла отклика у современных заказчиков и покупателей. Серьги изготавливаются сложносоставные, с подвесками круглой, овальной, каплевидной форм. Популярностью пользуются луновидные серьги. В орнаментации применяются археологические мотивы и мотивы традиционной хакасской вышивки. В своих изделиях мастера используют близкие к традиционным формы и орнаменты, стараясь выработать понятные мотивы и удобные в использовании современному человеку формы (ПМА, г. Абакан, 2008, 2015 гг.).

Мастера много работают со стилизацией и авторскими импровизациями, прислушиваются к пожеланиям заказчика, давая новое современное прочтение архаики. Сохраняются традиционные формы

с тенденцией к минимизации размера. При ярко выраженной стилизации происходит развитие технологий изготовления и реинтерпретации канона. Перстни с инкрустациями, преимущественно с кораллами, в традиционной культуре характерные только для женского костюма, становятся популярными среди мужчин.

Особым явлением на рынке ювелирных украшений в этническом стиле в Хакасии первого десятилетия XX в. стало появление якутского серебра и адаптация его под хакасский стиль. Используя каноническое сочетание серебра с кораллом и бирюзой и традиционные формы украшений (овал, сердце), мастера добавляют ажурность якутского металла (ПМА, г. Абакан, 2008-2015 гг.). Это направление развития ювелирного дела обозначилось с организацией салона ювелирных украшений «Этностиль» в Абакане.

Идея салона, специализирующегося на продаже женских серебряных украшений, принадлежит известной в Хакасии семье Чарковых. Сергей Чарков – народный мастер (Чон Узы) Республики Хакасия по изготовлению народных музыкальных инструментов, исполнитель традиционных песен. В этой семье уважение и интерес к традиционной культуре сохраняется из поколения в поколение. Жена Сергея – из Якутии, сын – один из известных якутских ювелиров, обучавшийся некоторое время у якутских мастеров. Концепцией и продвижением занимается дочь Сергея, Юлия Чаркова – руководитель салона.

Основная направленность салона – эксклюзивное женское серебро – определилась сразу. Юлия рассказывает, что, бывая на различных культурных мероприятиях вместе с отцом, обратила внимание на малочисленность украшений в женском хакасском костюме. Имея представление о многочисленных украшениях в якутской культуре, она решила на основе якутской ювелирной традиции создать хакаские украшения, преимущественно для повседневной носки. Поэтому ювелирный салон представляет украшения мастеров Якутии, работающих малыми партиями, также при салоне действует мастерская, в которой работают брат и муж Юлии. Совместно с ними ведутся поиски оптимального образа для современного женского комплекса хакасских украшений из серебра. Также остается возможность делать вещи по специальному заказу в Якутии. Дополнительно в салоне представлены этническая одежда, услуги по оформлению свадеб в этническом стиле, фотосессии. Среди клиентов салона есть хакаские артистки, покупающие и заказывающие комплекты украшений как для выступлений, так и для повседневной жизни, титульные фигуры, хакаские женщины, а также туристы. Салон успешно развивается, о чем свиде-

тельствует появление второго магазина в Красноярске, а также участие в ярмарке мастеров на Форуме по историко-культурного наследия «Сибирь Ил» (ПМА, г. Абакан, Республика Хакасия, 2015 г.).

Мастера, занимающиеся изготовлением подобных украшений, пришли к этнической теме, уже имея опыт ювелирной работы, а также собственные мастерские. Сведения о традиционной культуре они приобретают в процессе получения высшего профессионального образования. С опорой на якутскую традицию работают в салоне и мастерской «Этностиль». Взяв за основу традиционный якутский ювелирный промысел, они создают современную версию хакасских украшений из серебра в более легком ажурном стиле.

В современном ювелирном деле у тюркских народов Саяно-Алтая наблюдается тенденция тяготения к развитым центрам ювелирного ремесла – Бурятии, Якутии и Туве. На комплексной основе археологического и этнографического наследия региона вместе с авторскими поисками мастеров идет складывание современного стиля в ювелирном искусстве и художественном металле тюркских народов в Сибири. В Хакасии ювелирное дело развивается в форме стилизованных женских украшений – по мотивам традиционных, но приспособленных к повседневной носке. Можно говорить, что в настоящее время в Хакасии промысел художественного металла и изготовления ювелирных украшений находится в стадии становления, но мастера активно ищут пути его восстановления и дальнейшего развития в условиях современного общества.

Список литературы

Москвина М.В., Павлова Е.Ю. Художественный металл в народных промыслах тюрков Южной Сибири. Опыт возрождения традиций // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 390–392.

Павлова Е.Ю. Народные художественные промыслы Саяно-Алтая в контексте этнокультурного развития России (конец XIX – начало XXI века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 276 с.

References

Moskvina M.V., Pavlova E.Ju. Hudozhestvennyy metall v narodnyh promyslakh tjurkov Juzhnoj Sibiri. Opyt vozrozhdenija tradicij // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. XX. Pp. 390–392. (In Russ.).

Pavlova E.Ju. Narodnye hudozhestvennye promysly Sajano-Altaja v kontekste etnokul'turnogo razvitiya Rossii (koniec XIX – nachalo XXI veka). Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2012. 276 pp. (In Russ.).

КУМАНДИНЦЫ СУЗОПСКОГО СЕЛЬСОВЕТА ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА*

Статья посвящена характеристике последствий Великой Отечественной войны для демографической структуры кумандинцев. Влияние войны на демографическую сферу коренных народов Сибири и Севера, как и в целом на этнокультурные процессы, оказалось вне исследовательского интереса отечественных этнографов. Исследование опирается на материалы хозяйственных книг Сузопского сельсовета за начало 1950-х гг. По материалам «Книг памяти» можно определить численность погибших кумандинцев на фронтах Великой Отечественной войны (ок. 400 чел.), в том числе сузопских кумандинцев (52 чел.). Безвозвратные потери и возросшая смертность коренного населения вследствие ухудшения условий жизни в тылу привели к трансформации демографической сферы кумандинцев. Анализ половозрастной и семейной структур позволяет говорить о кризисном положении этнолокальной группы кумандинцев в начале 1950-х гг. Отмечается половая диспропорция в пользу женщин, регрессивный тип возрастной структуры рассматриваемого населения, малочисленность мужчин репродуктивного возраста, преобладание малодетных семей, архаизация семейных форм организации, превалирование домохозяйств, состоящих из супружеских пар с детьми, матери и детей, бездетных супружеских пар, одиноких женщин. Полученные выводы по сузопским кумандинцам в той или иной степени можно распространить на кумандинцев в целом, а также на другие сообщества коренного населения региона. Изменение демографических показателей зависит от размеров безвозвратных потерь в годы Великой Отечественной войны тех или иных групп автохтонного населения. В целом демографические последствия войны сопоставимы по всем коренным народам Сибири и Севера.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, коренное население Сибири, кумандинцы, этнодемография.

V.V. Nikolaev

Novosibirsk State University
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

KUMANDINS OF THE SUZOP LOCAL COUNCIL AFTER THE GREAT PATRIOTIC WAR: DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS

We present here the consequences of the Great Patriotic War for the demographic structure of Kumandins. The war impact on the demography of the indigenous peoples of Siberia and the North and on the ethno-cultural processes was not of research interest among native ethnographers. The study bases on the materials of household books from Suzop local council for the early 1950s. Materials of the "Book of condolence" permit to determine the number of Kumandins killed in battles of Great Patriotic War (approximately 400 men), including Suzop Kumandins (52 men). Irrecoverable losses and increased mortality among indigenous people in consequence of deterioration of living condition in the rear led to transformation of Kumandin demography. An analysis of the population makeup according to sex and age as well as familiar structure suppose the crisis of ethno-local Kumandin group in early 1950s. There are gender disparity in favor of women, the regressive type of age structure of the population concerned, the small number of men of reproductive age, the prevalence of small families, archaism of familiar organization, the prevalence of households, consisting of married couples with children, or mother and children, or childless couples or single women. Conclusions about Suzop Kumandins can be applied to entire Kumandins and other indigenous people in this region. Correlation of demographic

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

markers depends on the size of irrecoverable losses in the Great Patriotic War among the one or another group of the autochthonous population. In general, the demographic consequences of the war are comparable for all indigenous peoples of Siberia and the North.

Keywords: Great Patriotic War, indigenous people of Siberia, Kumandins, ethno-demography.

Великая Отечественная война привела к катастрофическим демографическим потерям Советского государства. Последствия войны отразились и на демографической сфере коренных малочисленных народов Сибири и Севера. До настоящего времени в специальной литературе представлены лишь приблизительные их подсчеты. Авторы одной из публикаций предположили, например, что «...народы Сибири... понесли боевые потери в размере, превышающем общесоюзный уровень, внеся тем самым максимально возможный для себя вклад в достижение победы» [Москаленко, Скобелев, 2001]. Более точно были рассчитаны потери среднеобских селькупов по материалам «Книг памяти» [Тучков, 2012, с. 100].

Данное исследование ориентировано на выявление последствий Великой Отечественной войны для демографической структуры кумандинцев. Работа основана на материалах похозяйственных книг Сузопского с/с Солтонского р-на Алтайского края на начало 1950-х гг. и «Книг памяти». Выбор Сузопского с/с обусловлен его удаленностью, что позволяет исключить миграцию из числа факторов, влиявших на численную и половозрастную динамику этнолокальной группы кумандинцев. Сохранность архива похозяйственных книг позволяет осуществить необходимые демографические расчеты.

В материалах «Книги памяти» Алтайского края указано 205 солтонских кумандинцев, погибших в годы войны, в том числе 51 чел. был призван с территории Сузопского с/с. Вне «Книг памяти» оказался «уроженец с. Чебачевка Камзараков Д.К., помощник командира взвода, Герой Советского Союза, погиб в 1944 г.» [Солтонский район..., 2012, с. 438]. Кроме того, не вернулось с полей сражений 113 кумандинцев, призванных в Старобардинском (совр. Красногорском) р-не [Книга памяти, 1993, с. 187–294; 1994, с. 447–557; 1996, с. 232–239; 393–396]. Количество горно-алтайских кумандинцев, погибших в годы войны, выявить сложно, так как все коренное население в местных «Книгах памяти» было записано алтайцами. В итоге в годы войны безвозвратные потери кумандинцев могли составить около 400 чел.

Численность сузопской группы кумандинцев по данным похозяйствен-

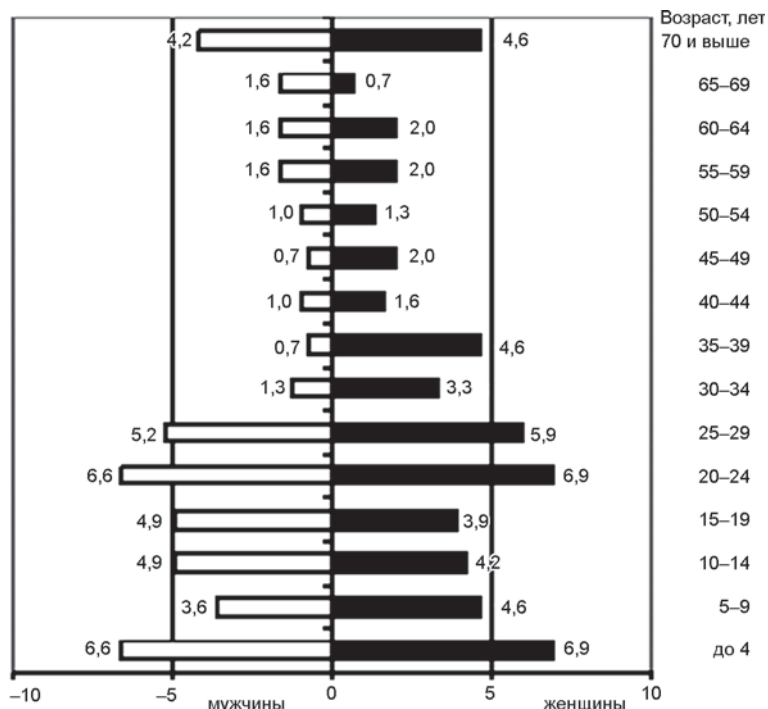
ного учета населения к 1953 г. составляла 296 чел. За годы войны безвозвратные потери сузопских кумандинцев составили 52 чел. (табл. 1). Большая часть потерь пришлось на наиболее многочисленные возрастные группы 1917–1921 и 1922–1926, а также 1902–1906 гг. рождения, подлежавшие призыву в армию. Половозрастная структура населения отражает влияние Великой Отечественной войны на демографическую сферу этнолокальной группы кумандинцев. В начале 1950-х гг. доля мужчин-кумандинцев в Сузопском с/с составила 45,5 % (см. рисунок). В средней и старшей возрастных группах отмечается существенное преобладание женщин в возрасте от 30 до 49 лет.

Вследствие войны трансформировалась и возрастная структура населения. В начале 1950-х гг. доля детей составила 30,8 %, взрослых – 54,5 %, пожилых – 14,7 %. В соответствии со шкалой демографического старения Ж. Божё-Гарнье – Э. Россета, сузопская группа кумандинцев к 1950-м гг. оказалась на среднем уровне демографической старости. Таким образом, сокращение количества мужчин репродуктивного возраста в годы войны обусловило снижение уровня рождаемости (доля возрастных групп 5–9, 10–14, 15–19-летних уступает 0–4 и 20–24-летним), незначительно компенсированное ростом числа деторождений в конце 1940 – начале 1950-х гг. Наибольший спад уровня рождаемости пришелся на 1943 г. В этом году родился (точнее, дожил до 1953 г.) только 1 ребенок.

Таблица 1. Численность мужчин и женщин по возрастным группам в Сузопском сельсовете по данным на 1953 г. и безвозвратные потери в годы ВОВ*

Возрастные группы, г.р.	1953 г., кол-во		Погибшие в годы ВОВ (только мужчины)
	Муж.	Жен.	
1892–1896	5	5	3
1897–1901	3	6	4
1902–1906	3	4	10
1907–1911	4	8	0
1912–1916	1	8	4
1917–1921	1	11	15
1922–1926	9	20	15
1927	4	1	1
Итого	30	63	52

*Составлена по данным похозяйственных книг, по: [Книга памяти, 1994, с. 447–557; Солтонский район..., 2012, с. 438].

Распределение коренного населения Сузопского сельсовета по полу и возрасту в начале 1950-х гг. (в % от общего числа мужчин и женщин).

Показателем и уровнем детности кумандинских семей, составлявший 1,6, а в смешанных семьях – 1,9 (табл. 2). Обращает на себя внимание наличие большой доли семей с 1 ребенком (65 %), и это при сохранении установки на мно-

годетность и отсутствию устоявшихся практик ограничения рождаемости у кумандинцев.

События военных лет отразились на семейной структуре этнолокальной группы кумандинцев. Доля полных (простых и сложных) семей составляла 56 % (табл. 3). При этом фиксируется архаизация семейной структуры в результате объединения двух семей из-за потери кормильцев. Несомненным следствием демографических потерь в годы войны стала заметная доля неполных семей (32 %) и одиноких (8 %). В результате доминирующими типами семьи в сузопской группе кумандинцев к 1950-м гг. стали домохозяйства, состоящие из супружеских пар с детьми (29 %), матери и детей (19 %), бездетных супружеских пар (8 %), одиноких женщин (7 %).

В целом, одним из последствий Великой Отечественной войны стала трансформация демографической сферы населения страны и в том числе кумандинцев Сузопского с/с, связанная с безвозвратными потерями и возросшей смертностью коренного населения из-за ухудшений условий жизни в тылу. Половозрастная структура кумандинцев приобрела кризисные показатели к нача-

Таблица 2. Детность однородных и смешанных семей кумандинцев Сузопского сельсовета в начале 1950-х гг.*

Тип семьи		Кол-во детей в семье					
		1	2	3	4	5	Среднее
Однородный	кол-во	37	13	5	2	0	1,6
	%	65	23	9	3	0	–
Смешанный	кол-во	6	5	1	0	1	1,9
	%	46	38	8	0	8	–

*Составлена по данным похозяйственных книг.

Таблица 3. Семейный состав коренного населения Сузопского сельсовета (начало 1950-х гг.)*

Тип семьи	Семей		Членов семей		Средний размер семьи
	всего	%	всего	%	
1	2	3	4	5	6
Полные семьи простые, в т.ч.:	33	37	129	39	3,9
супружеская пара с детьми	26	29	115	35	4,4
супружеская пара без детей	7	8	14	4	2
Полные семьи сложные, в т.ч.:	17	19	97	30	5,7
три супружеские пары с детьми	1	1	8	2,4	8
две супружеские пары с детьми	2	2	11	3	5,5

1	2	3	4	5	6
супружеская пара с детьми и внуками	4	5	27	8,2	6,8
супружеская пара с детьми и родителем	2	2	13	4	6,5
супружеская пара с детьми и родственниками	4	5	21	6,4	5,3
супружеская пара с детьми, родителем и родственником	1	1	7	2	7
супружеская пара с одним из родителей	1	1	3	1	3
супружеская пара с родственниками	1	1	3	1	3
супружеская пара с родителем и родственником	1	1	4	1	4
Неполные семьи простые, в т.ч.:	22	24	61	19	2,8
мать с детьми	17	19	50	15	2,9
отец с детьми	3	3	6	2	2
женщина с внуками	2	2	5	2	2,5
Неполные семьи сложные, в т.ч.:	10	11	33	10	3,3
мать (отец) с детьми и внуками	3	3	11	3,4	3,7
мать (отец) с детьми и родственниками	5	6	17	5	3,4
родственники	1	1	2	0,6	2
братья, сестры	1	1	3	1	3
Одинокое, в т.ч.:	8	9	8	2	1
мужчины	2	2	2	0,6	1
женщины	6	7	6	1,4	1
<i>Всего</i>	90	100	328	100	3,6

*Составлена по данным похозяйственных книг.

лу 1950-х гг.: сложилась диспропорция в пользу женщин; большую долю в общей структуре населения составили люди старших возрастов; существенно уменьшилась численность мужчин репродуктивного возраста; преобладающими стали малодетные семьи; произошла архаизация семейных форм организации; отмечаются заметные доли неполных семей и домохозяйств, состоящих из одного человека.

Полученные выводы по сузопской этнолокальной группе кумандинцев в той или иной степени можно распространить на кумандинцев в целом. Корреляция демографических показателей среди других сообществ коренного населения региона может быть связана только с разными параметрами безвозвратных потерь в годы Великой Отечественной войны. В целом демографические последствия войны сопоставимы по всем автохтонным народам Сибири.

Список литературы

Книга памяти. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1993. – Т. 3. – 783 с.; 1994. – Т. 5. – 825 с.; 1996. – Т. 9, дополнительный. – 599 с.

Москаленко С.В., Скобелев С.Г. Влияние заболеваемости на динамику численности коренного населения Сибири в XVII–XX вв. // Сибирская заимка. – 2001. – № 2. – URL: zaimka.ru/to_sun/moskalenko1.shtml (дата обращения: 01.03.2015).

Солтонский район: Время. События. Люди. 1924–2004 / авт.-сост. Г.Д. Сивкова. – Солтон; Бийск: Бия, 2012. – 210 с.

Тучков А.Г. «Большая война» и демографическая ситуация у среднеобских селькупов // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2012. – № 9. – С. 100–106.

References

Kniga pamjati. Barnaul: Alt. kn. izd-vo, 1993. Vol. 3. 783 pp.; 1994. Vol. 5. 825 pp.; 1996. Vol. 9, dopolnitel'nyj. 599 pp. (In Russ.).

Moskalenko S.V., Skobelev S.G. Vlijanie zaboлеваemosti na dinamiku chislennosti korenного naselenija Sibiri v XVII – XX vv. // Sibirskaja zaimka. 2001. No. 2. URL: zaimka.ru/to_sun/moskalenko1.shtml (data obrashhenija: 01.03.2015). (In Russ.).

Soltonskij rajon: Vremja. Sobytiya. Ljudi. 1924–2004 / avt.-sost. G.D. Sivkova. Solton; Bijsk: Bija, 2012. 210 pp. (In Russ.).

Tuchkov A.G. «Bol'shaja vojna» i demograficheskaja situacija u sredneobskih sel'kupov // Vestn. Tom. gos. ped. un-ta. 2012. No. 9. Pp. 100–106. (In Russ.).

В.В. Николаев, Е.В. СамушкинаНовосибирский государственный университет
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru; khakassie@yahoo.com

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У КУМАНДИНЦЕВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ*

Статья посвящена этнополитической самоорганизации кумандинцев Алтайского края. Внимание исследователей привлекали этнонациональные движения на территории Республики Алтай, в то время как кумандинцы Алтайского края оставались вне поля зрения специалистов. Исследование основано на полевых материалах авторов. На начало 1990-х гг. приходится период мобилизации этничности в России, актуализировавший в том числе и кумандинскую идентичность. История кумандинского этнополитического движения в Алтайском крае начинается с создания в 1993 г. в г. Бийске «Общества возрождения кумандинского народа». В последующем количество этнонациональных объединений существенно увеличилось, охватив и сельскую местность, но наиболее интенсивно организационные процессы протекали в городской среде. Несмотря на разнообразие организаций, их цели и задачи во многом схожи и сводятся к защите, возрождению и развитию кумандинского народа, его культуры и языка. К 2010 г. окончательно оформилась этнополитическая самоорганизация кумандинцев Алтайского края. На первый план выдвинулось «Объединение кумандинцев Алтая», г. Бийск, а также районные общины «Тореен Чер» из с. Красногорского и «Айрычак» из с. Солтон, проводящие совместные спортивные и праздничные мероприятия при поддержке региональных органов власти. Административно-территориальное деление и географическая удаленность обусловили отстраненность кумандинцев Алтайского края от дискуссии о единстве алтайского народа. Этнонациональные движения кумандинцев Алтайского края во многом копируют формы этнического самоопределения у соседних народов Республики Алтай: проведение или конструирование праздников, написание «новой» этнической истории, уходящей в глубину веков.

Ключевые слова: кумандинцы, мобилизация этничности, общины, этнонациональные движения.

V.V. Nikolaev, E.V. SamushkinaNovosibirsk State University
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru; khakassie@yahoo.com

ETHNO-POLITICAL PROCESS AMONG KUMANDINS OF ALTAI TERRITORY (BOUNDARY OF 20-21th CENTURIES)

We present here the ethno-political Kumandins self-organization at the Altai Territory. Attention of the researches focused on ethno-national movements in the territory of the Altai Republic, while Kumandins of Altai territory were outside the purview of specialists. This study is based on field materials of the authors. The early 1990s were marked by period of ethnical mobilization in Russia, including Kumandin identity. The history of Kumandin ethno-political movement in the Altai region started from creation "Community of Kumandin revival" in Biysk in 1993. Subsequently, the number of ethno-national communities significantly increased and covered the countryside, but the most intensively organizational process took place in an urban environment. Despite the variety of organizations, their targets and objectives are very similar and come down to the protection, restoration and development of Kumandin people, their culture and language. The ethno-political Kumandin self-organization was formed by 2010. The "Community of Kumandin revival" from Biysk came to the fore, as regional communities "Toreen Cher" from Krasnogorsk village and "Airychag" from Solton village. They organized the common sport and celebratory festivals, supported by regional government. Administrative-territorial division and geographical remoteness are the consequences why Kumandins of

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

Altai territory isolated from a discussion about the unity of the Altai people. Ethno-national movements of Kumandins largely replicate the forms of ethnic self-determination among the neighboring peoples of Republic of Altai: construction of holidays, the “new” ethnic history writing, dated back to the depth of time.

Keywords: *Kumandins, ethnic mobilization, communities, ethno-national movements.*

В 1990-е гг. в условиях мобилизации этничности в России произошла актуализация кумандинской идентичности. Среди коренного населения возрос интерес к собственной культуре и родному языку. Включение кумандинцев Постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. в «Официальный единый перечень коренных малочисленных народов России» отразилось на этнополитических процессах. В частности, уже в июне 2000 г. прошел II Съезд коренных малочисленных народов Республики Алтай, в котором приняли участие и кумандинцы Алтайского края.

Тема этнополитической самоорганизации коренных малочисленных народов Алтая привлекла исследователей только в 2000–2010-е гг. В первую очередь, стоит отметить монографию А.П. Чемчиевой [2012], в которой дана характеристика этнополитическому движению алтайских субэтносов. Внимание исследователей привлекали этнополитические процессы на территории Республики Алтай, в то время как кумандинцы Алтайского края оставались вне поля зрения. Исключением стала работа А. П. Чемчиевой [2014], в которой представлены сведения о деятельности общественной организации красногорских кумандинцев, а также статья И.И. Назарова [2015], посвященная этнокультурному возрождению кумандинцев Алтайского края.

Кумандинцы проживают в трех субъектах РФ: Алтайском крае, Кемеровской области и Республике Алтай. Наиболее многочисленная группа кумандинцев аккумулирована на юго-востоке Алтайского края (по данным на 2010 г. – 1401 чел. из 2892 чел.), что и обусловило выбор объекта и территории исследования. Целью работы является рассмотрение современных этнополитических процессов у кумандинцев Алтайского края на основе полевых материалов, собранных в Красногорском и Солтонском р-нах и г. Бийске Алтайского края в 2015 г.

Начало этнополитического движения у кумандинцев Алтайского края связано с созданием в 1993 г. в г. Бийске «Общества возрождения кумандинского народа», правопреемницей которого стала Алтайская краевая общественная организация «Ассоциация кумандинского народа», созданная в 1998 г. В последующем круг объединений существенно расширился, охватив и сель-

скую территорию. Так, в д. Шатобал Солтонского р-на была организована Кумандинская национальная сельская администрация, закрытая в 2010 г., а в с. Солтон – Территориально-соседская община коренного малочисленного народа кумандинцев «Айрычак». В начале 2000-х гг. в с. Красногорское существовала община кумандинского народа «Чилгай», на смену которой в 2010-е гг. пришла Красногорская территориально-соседская община кумандинцев «Тореен Чер» (Родина).

Наиболее интенсивно организационные процессы протекали в городской среде. В 2002 г. появилась Барнаульская городская общественная организация «Кардаш». Целая группа общественных организаций образовалась в г. Бийске в конце 1990–2000-х гг.: Алтайская региональная общественная организация кумандинцев «Исток»; Бийская община коренного малочисленного народа кумандинцев; Община (территориально-соседская) коренных малочисленных народов кумандинцев «Самзар»; Общественная организация «Ассоциация кумандинского народа» Алтайского края; Алтайская региональная общественная организация «Объединение кумандинцев Алтая». Кроме того, кумандинцы Алтайского края организуют съезды, в период между которыми руководящим органом является совет.

Несмотря на разнообразие организаций, их цели и задачи во многом схожи: защита национально-культурных интересов кумандинцев; содействие их духовному, культурному, социальному и экономическому возрождению; изучение кумандинской истории и культуры; разработка и реализация государственных программ возрождения и развития кумандинского народа; правовая защита кумандинцев. Но есть и некоторые различия. В частности, руководители «Тореен Чер» в том числе ориентированы на сохранение традиционных видов деятельности и развитие этнотуризма в районе, а в уставе общины «Айрычак» в качестве первоочередной задачи зафиксировано развитие хозяйственной деятельности.

Наличие большого количества объединений обусловило конкуренцию между ними. Так, по результатам II Съезда кумандинского народа (2007 г.) была нивелирована роль «Ассоциации кумандинского народа» в кумандинском национальном движении. В результате в 2008 г. была создана

новая организация «Объединение кумандинцев Алтая», которую возглавила В.М. Кастаракова, ставшая по итогам III Съезда кумандинского народа (2010 г.) председателем Совета уполномоченных кумандинского народа Алтайского края.

Таким образом, к 2010 г. окончательно оформилась этнополитическая самоорганизация кумандинцев Алтайского края. По сути, на роль центральной организации, представляющей интересы этнической группы, стало претендовать «Объединение кумандинцев Алтая» во главе с В.М. Кастараковой, находящееся в тесном контакте с районными общинами «Тореен Чер» и «Айрычак», Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, а также местными органами власти.

В 2013 г. был открыт Центр традиционной культуры кумандинцев в с. Красногорское. «Объединение кумандинцев Алтая», «Тореен Чер» и «Айрычак» только за текущий год организовали совместно с региональными органами власти целый комплекс мероприятий, посвященных Международному дню родного языка и Дню коренных народов мира, праздники «Шолак-колак» и «Коча Кан», зимнюю и летнюю спартакиады национальных видов спорта кумандинского народа «Ойн Куманды калык», а также приняли участие в X Международной выставке-ярмарке «Сокровища Севера» и X Фестивале культур народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации «Кочевье Севера» (г. Москва).

Со стороны краевых властей осуществляется грантовая поддержка кумандинских объединений. В частности, был поддержан проект «Возрождение и развитие кумандинской культуры в Алтайском крае», разработанный представителями «Объединения кумандинцев Алтая». Кроме того, кумандинские организации взаимодействуют с международными структурами. В 2010 г. был организован «Детский этнокультурный лагерь: культура и традиции коренных народов Алтая», который финансировался Европейским Союзом и Советом Европы, а также Министерством регионального развития РФ.

Расположение исследуемой группы кумандинцев в соседнем с Республикой Алтай регионе обусловило некоторую отстраненность от дискурса о единстве алтайского народа, но в тоже время они были вовлечены в общеалтайские этнополитические процессы. В частности, кумандинцы Алтайского края, как и коренные народы Республики Алтай, возродили традиции проведения праздников (Жилгаяк, Коча-кан и др.) или обратились к конструированию их на основе современ-

ного мифотворчества («Шолак-колак» – «Журчание и гудение рек во время Великого Потопа»). По аналогии с Эл-Ойыном кумандинцы проводят в разных районах ежегодный фестиваль «Байрам», приуроченный к всемирному дню коренных малочисленных народов.

Одной из форм этнического самоопределения является конструирование этнической истории. Так, Е.В. Самушкиной было отмечено: «Актуализация связи с сибирскими скифами, выступающими в качестве «престижных предков» по отношению к другим народам, проживающим на Алтае, направлена на символическое повышение статуса современных алтайцев путем наделяния их «культурным капиталом» [2009, с. 88]. «Конструируя» прошлое, кумандинская интеллигенция (напр. М.В. Кастарак, «Белые кони духов») преследует аналогичные цели, выводя кумандинцев из среды динлинов [Происхождение кумандинцев], или связывает их появление на Алтае с временами всемирного потопа [Тукмачев-Соболеков, 2001]. В 2010-е гг., опираясь на научные данные, представители кумандинской общественности заговорили о скифах (пазырыкская археологическая культура) как предках Алтая (напр., В.М. Кастаракова). Появилась публикация общественного кумандинского деятеля В. Асямова «Общие предки» [2012].

Таким образом, у кумандинцев сложилось три основных центра возрождения этнической культуры: г. Бийск (п. Нагорный), с. Красногорское Красногорского р-на и с. Солтон / д. Шатобал в Солтонском р-не Алтайского края. Проживающие в Алтайском крае кумандинцы не участвуют в дискуссиях о единстве алтайского народа в силу административного фактора и географической удаленности. Наиболее актуальным для них является проблема утраты этнической специфики в условиях модернизационных процессов, а также угроза исчезновения кумандинского народа. Однако формы и методы воспроизводства и актуализации этничности в программах этнонациональных организаций коренных малочисленных народов Алтайского края и Республики Алтай совпадают.

Список литературы

- Асямов В. Общие предки // Восход. – 2012. – № 153–156. – С. 2.
- Назаров И.И. Современный праздник и традиционная культура кумандинцев Алтайского края (по материалам этнографических исследований 2013 и 2014 гг.) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. – Барнаул: Алт. гос. пед. акад., 2015. – С. 148–153.

Происхождение кумандинцев [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bigpi.biysk.ru/altay/viewpage.php> (22.05.2010).

Самушкина Е.В. Символические и социо-нормативные аспекты современного этнополитического движения республик Алтай, Тыва, Хакасия (конец XX – начало XXI в.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 274 с.

Тукмачев-Соболеков Л.М. У истоков древнего Алтая. – Бийск: Кедр, 2001. – 195 с.

Чемчиева А.П. Алтайские субэтнотыпы в поисках идентичности. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 254 с.

Чемчиева А.П. Этническая культура кумандинцев Красногорского района Алтайского края: современные реалии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 422–424.

References

Asjamov V. Obshhie predki // Voshod. 2012. No. 153–156. 2 pp. (In Russ.).

Chemchieva A.P. Altajskie subetnosy v poiskah identichnosti. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2012. 254 pp. (In Russ.).

Chemchieva A.P. Etnicheskaja kul'tura kumandincev Krasnogorskogo rajona Altajskogo kraja: sovremennye realii // Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. XX. Pp. 422–424. (In Russ.).

Nazarov I.I. Sovremennij prazdnik i tradicionnaja kul'tura kumandincev Altajskogo kraja (po materialam etnograficheskikh issledovanij 2013 i 2014 gg.) // Polevye issledovanija v Priirtysh'e, Verhnem Priob'e i na Altae. Barnaul: Alt. gos. ped. akad., 2015. Pp. 148–153. (In Russ.).

Proishozhdenie kumandincev [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.bigpi.biysk.ru/altay/viewpage.php> (22.05.2010). (In Russ.).

Samushkina E.V. Simvolicheskie i socio-normativnye aspekty sovremennogo etnopoliticheskogo dvizhenija respublik Altaj, Tyva, Hakasija (konec XX – nachalo XXI v.). Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2009. 274 pp. (In Russ.).

Tukmachev-Sobolekov L.M. U istokov drevnego Altaja. Bijsk: Kedr, 2001. 195 pp. (In Russ.).

И.В. Октябрьская

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: siem405@yandex.ru

ОБРАЗ «ПУТИ» В КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ АЛТАЯ*

Концепт пути занимает одно из значимых мест в традиционных картинах мира кочевников Евразии. Кодифицированный эпосом и мифом путь превращается в одну из «культурных матриц» тюркского мира, которая сохраняет свое значение вплоть до современности в мировоззрении, в обрядах жизненного цикла и в повседневных практиках. В мировоззренческих системах тюркских народов, в том числе казахов, путь служит обобщенным выражением жизни человека. Этот образ имеет большое значение в современной культуре казахов-мусульман Алтая. Открытый путь – символ благополучия человека в их представлениях, сложившихся в рамках народного ислама. Начало жизненного пути младенца отмечает обряд «разрезания пут». Гарантией удачного пути взрослого служит милостыня – саадака – и благословение – бата. Путь в открытое пространство, в будущее – это путь мужчины. Только в честь мужчин, юношей, мальчиков казахи Алтая устраивают праздничные застолья, проводя их на учебу, в армию, в паломничество. Ритуализированные проводы и встречи маркируют жизненный путь. Настаивая на непрерывности движения, казахская культура акцентирует начало и конец пути, что является признаком его измеряемости, а значит реальности. Ритуализированные, включенные в религиозный контекст проводы и встречи делают сопричастным личному пути семью, род, сельскую общину и умму.

Ключевые слова: народный ислам, казахи Алтая, ритуалы проводов и встреч, образ «пути».

I.V. Oktyabrskaya

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: siem405@yandex.ru

THE CONCEPT OF THE “WAY” IN THE CULTURE OF ALTAI KAZAKHS

The concept of the “way” universally lay the one of the most important places in the traditional worldview of the Eurasian nomads. Codified by epic and myth the way becomes the one of the “cultural matrix” of the Turkic world, which conserved its significance in the worldview, rites of the life cycle and daily practice up to the present. The way is a generalized expression of a personal life in the worldview systems of the Turkic peoples, including Kazakhs. This image is of great importance in the modern culture of the Kazakhs - Moslems Altai. The clear way is a symbol of human well-being in their views, developed in the course of native Islam. A start in life of a newborn marked by rite of “way cutting”. Alm – sadaqa and blessing – the baht is the guarantee of a successful way for adults. The way of man is the way to the open space in the future. Altai Kazakhs arrange the ceremonial feasts, when saw the men and boys to school, army, on a pilgrimage. Ritualized seeing and meeting marked life way. Enforcing on the continuity of the movement, the Kazakh culture emphasizes the beginning and end of the way that is a sign of its measurability and reality. Ritualized and included in the religious context, the seeng and meeting associate a personal way with the family, kin, village community and the “ummah”.

Keywords: native Islam, Altai Kazakhs, rites of seeng and meeting, concept of the “way”.

В кочевых традициях движение, являясь ключевой характеристикой бытия, определяет временные и пространственные параметры описания судьбы человека. В культуре казахов Алтая вплоть до современности сохраняются ритуалы, отмечающие начало «жизненного пути», обозначающие наиболее важные его моменты.

Чтобы сделать будущий путь легким, младенцу, делающему первые шаги, пестрым шнуром (изначально бараньими кишками или черно-белой волосяной веревкой) перевивают ноги, а затем «разрезают путы». Право перерезать веревку дают «легкому на ногу», бойкому, удачливому человеку. «Открывая путь» протезе, он

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

в формате ритуала передает ему свои качества и берет на себя обязательства поддержки. В результате формируются потестарно-клиентарные отношения, сохраняющие свое значение на протяжении всей жизни. Традиционный праздник разрезания пут – тусау кесу – разворачивается в социо-культурном и сакральном измерении. Он имеет охранительный характер. Считается, что, перешагнув через пестрые веревки, ребенок перешагивает через зло и обман. Путь без видимых и иллюзорных препятствий прогнозируется как ценность, которая соотносится с ценностями народного ислама.

Согласно традиции, к пророку пришел однажды его последователь и попросил указать ему путь, ведущий в Рай. Мухаммед посоветовал ему убирать помехи с дорог людей – это самый простой способ обрести благодать. Построить мост, восстановить разрушенную дорогу, указать заблудившемуся путь – все это благие деяния, которые сулят прощение грехов. Устранение препятствий приравнивается к саадака – милостыне, открывающей путь.

Среди казахов Алтая саадака до сего дня остается обязательной при сборах в дорогу; особенно если дорога должна привести к переменам жизни. Рассказывают, что прежде человек перед новым жизненным этапом или перед тем, как отправиться в долгий и сложный путь, должен был обратиться к самому обездоленному из соседей, встать перед ним на колени, подать саадака и попросить бата – благословения. Современные церемонии по поводу предстоящего отъезда сильно упрощены, но саадака и бата сохраняют свое место в культуре. Слова, произнесенные в обмен на милостыню, обладают большой силой. Жертва пути объединяет дающего и получающего.

Сборы в дорогу среди казахов Алтая сопровождается дастархан – коллективное застолье. Посетить отъезжающего, так же, как пригласить к себе приехавшего издалека, люди считают обязательным. Особенно, если речь идет об отъезде или возвращении мужчины. Проводы сыновей на учебу, в армию, в паломничество, в чужие края предполагают угощение для родных и соседей. Родственники стараются финансово поддержать отъезжающего. Но, помимо реальной помощи на жизненном пути, также важны их благопожелания, которые сопровождают застолье как отправную точку движения.

Смысл церемоний проводов в целом заключается в том, чтобы обеспечить удачу в пути и спрогнозировать возвращение. С этой целью отъезжающему дают откусить хлеб или печенье, прикурить сигарету, а потом прячут начатое, чтобы человек

вернулся к незаконченному им делу. Возвращение также сопровождается угощением.

Согласно традиции, застолья сопровождают все виды станствий: ерулік (приглашение старожилками вновь прибывших), айрылысар коже (приглашение по поводу расставания после пребывания на зимней или летней стоянке). Гостевое угощение жолаяк (буквально «дорога-нога») имеет характер благопожелания с целью благополучного возвращения [Октябрьская, Сураганова, 2012, с. 80]. Во время его проведения важны символические действия – например, с бараньей лопаткой. Когда мясо бывает съедено, казахи дочиста очищают баранью лопатку – каждая ее часть символична; широкий край связан с дорогой и судьбой: желая человеку счастливого пути, хозяева надсекают его, «открывая дорогу».

Ритуализированные проводы и встречи делают сопричастным личному пути весь социум. Они акцентируют начало и конец пути, определяя его качественные характеристики. Благой путь может быть начат в среду. Это удачный день для всякого рода начинаний.

Неудачным временем для отправления в дорогу считают четверг, особенно вторую его половину, когда солнце переваливает зенит. С этого времени в мир живых приходят аруаки – духи-предки. Пятница – джума – это день, когда их принято вспоминать и угощать. Угощение аруаков имеет символический характер – достаточно запаха масла, на котором жарят лепешки – чилпек. При этом пятничное застолье – «джума-чай» – обязательно для живых; его стараются устраивать каждую пятницу в течение года после смерти близкого. Полагают, что до года душа покойного (в статусе аруака-предка) остается рядом с людьми. Пересечение дорог аруаков неблагоприятно, хотя их пристанища – могилы – почитаются как места благие. Проходя или проезжая мимо старых могил, казахи совершают молитву. Верят, что могила и ее обитатели способны защитить путника. Если в пути есть выбор – где провести ночь: в пустом доме или на могиле – выбирают могилу.

Предки-аруаки становятся покровителями живых в их странствиях, если праведно завершают свой путь. Ритуалы, включающие символическое списание долгов покойного, раздачу его вещей по истечению года, поминальные тризны, определяют достойный конец. Порвав все связи с земным и бренным, аруаки обретают большую силу. Казахи Алтая говорят: «Если покойные недовольны, живые не богатеют». Когда-то имена аруаков (родовых предков) кричали во имя победы на конских скачках; их произносили при трудных родах. Аруаки открывают потомкам путь к жизни, счас-

тью, богатству, обеспечивают защиту. Сегодня аруаков вспоминают по пятницам и юбилейным датам. Аруаки – гости среди живых. Уважение к ним – обязательная часть гостевого этикета.

Реальные гости приходят в дом издалека. Согласно традиции, они имеют право на щедрое покровительство хозяев. Известно, что в прежние времена нежданного гостя казахи называли «кудайы конак», буквально «божий гость». Считали, что он приносит вести из того мира, где теряется грань между реальным и потусторонним. По отношению к нему употребляли выражение «кырыктын бірі Кыдыр» – «один из сорока Кыдыр», напоминающее, что он может оказаться святым Кыдыром/Хызыром [Октябрьская, Сураганова, 2012, с. 79]. Мифический персонаж Кыдыр у казахов был известен как покровитель путников и податель удачи.

По мнению А.Г. Селезнева и И.А. Селезневой, в народном исламе этот образ имел архаичный характер. Он также был известен татарам-мусульманам Сибири. Хазыр-Ильяс или Казыр-ата в татарской мифологии выступал предсказателем будущего, помощником заблудившихся путников, спасителем утопающих, покровителем дома [Селезнев, Селезнева, 2003, с. 50–51]. Этикетные нормы казахов, таким образом, были неразрывно связаны с верой, что гость выступает посланцем из мира предков, богов и духов.

Путники и гости приносили милость и благо. Принимающий путника рано или поздно сам становится путником и гостем. Судьба вела его из дома в открытый мир, освоение которого определяла, кроме прочего, сеть дорог, по которым прошли когда-то его предки.

Знание жизненных дорог рассматривалось как одна из традиционных ценностей в кочевых культурах. Оно было канонизировано в рамках архаичных мифологических картин мира и закреплено в системе ритуалов жизненного цикла. В казахской культуре сакрализация пути поддерживалась исламом в его канонической и народной версиях. И хотя в настоящее время система культурных ценностей недавних кочевников Алтая переживает процесс трансформации, многие из них сохраняют свое значение по сей день. Путь, связывающий предков и потомков, членов рода, соседской общины и уммы, пространство дома с внешним миром, реальное с потусторонним, остается одним из ключевых образов культуры казахов Алтая.

Список литературы

Октябрьская И.В., Сураганова З.К. Гостеприимство в культуре казахов в контексте престижного потребления. Традиции и современность // Гуманитарные науки в Сибири. – 2012. – № 2. – С. 78–83.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Занге-ата и Хазыр-Ильяс: исторические и этнические аспекты распространения ислама в Сибири // Этнографическое обозрение. – 2003. – № 6. – С. 41–56.

References

Oktyabrskaya I.V., Suraganova Z.K. Gostepriimstvo v culture kazahov v kontekste prestignogo potrebleniya. Tradizii i sovremennost // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2012. No. 2. Pp. 78–83. (In Russ.).

Seleznnev A.G., Selezneva I.A. Zange-ata i Khazyr-Ilyas: istoriceskie i ethniceskie aspekty rasprostraneniya islama v Sibiri // Etnographiceskoe obozrenie. 2003. No. 6. Pp. 41–56. (In Russ.).

Е.Ю. Павлова, М.В. Москвина

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: Elena@ngs.ru

ПРОГРАММЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАРОДНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОМЫСЛОВ*

В статье на основе полевых материалов авторов представлен анализ актуального состояния народных художественных промыслов и ремесел Республики Хакасия. Особое внимание уделяется практикам изготовления национального костюма и национальных украшений. Задача возрождения и развития традиционных художественных промыслов и ремесел рассматривается в контексте сохранения историко-культурного наследия региона и как ресурс для инновационного развития туризма, культуры и образования. Ведущим центром по организации методической, информационной, экспозиционной работы с мастерами народных художественных промыслов является сектор декоративно-прикладного и изобразительного искусства Республиканского центра культуры и народного творчества им. С.П. Кадышева (г. Абакан). Интервью с методистами сектора, а также с мастерами позволяет сделать вывод об основных тенденциях развития художественных ремесел в республике. Наиболее яркими и востребованными можно назвать такие направления, как резьба по дереву, изготовление национального костюма, хакасская национальная вышивка, керамика, войлоковалание, изготовление сувенирных национальных кукол и этнических изделий из серебра. Общим для всех направлений является ориентация мастеров на изготовление сувенирной продукции, в которой была бы отражена народная культура, история и этническая самобытность региона. В связи с ростом туризма назначение национальных сувениров – стать брендом региона. Пошив национального костюма и аксессуаров к нему, в особенности нагрудного украшения «пого», остается важным явлением в хакасском народном искусстве. В результате стилизации национальный костюм и традиционные украшения из атрибута преимущественно праздничных практик все больше превращаются в элементы повседневной жизни. Региональный компонент, основанный на изучении национальных художественных традиций, поддерживается в системе подготовки специалистов по декоративно-прикладному искусству в Институте искусств ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Деятельность преподавателей, студентов и выпускников ИИ ХГУ во многом определяет перспективы формирования художественно-эстетической среды региона.

Ключевые слова: народные художественные промыслы, традиции, новации, национальный костюм, национальные украшения.

E.Yu. Pavlova, M.V. Moskvina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: Elena@ngs.ru

THE PROGRAMS OF KHAKASS CULTURAL HERITAGE PRESERVATION AND PERSPECTIVES ON DEVELOPMENT OF NATIVE ART HANDICRAFT

We analyzed here the current state of native arts and crafts of the Republic of Khakassia on the ground of authors field data. We focus on the manufacturing of national costume and national ornaments. Author consider the issue of revival and development of traditional arts and crafts in the context of the regional historical and cultural heritage and as a resource for innovative development of tourism, culture and education. The lead center for organization of

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-31-01258.

methodological, informational, expository work with folk art crafters is the department of the decorative and applied art and visual art in S.P. Kadyshchev Republican Center of culture and native art (Abakan). Interview with educators as well as crafters permit to conclude about the main trends in the development of republican arts and crafts. The most prominent and popular art areas are woodcarving, making of national costume, Khakass national embroidery, ceramics, felting, making national souvenir dolls and production of ethnic silver jewelry. The common feature is the orientation to making the souvenir products, reflected the native culture, history and ethnic identity in the region. Under condition of touristic development the national souvenirs aims to be a regional brand. The important event in Khakass folk art is the sewing of national costume and accessories, especially the breast ornament "Pogo". As the result of period look, national costume and traditional ornaments increasingly become the part of everyday life, not only the attribute of ceremonial practices. The regional component, based on the study of national art traditions is supported in the system of art and craft specialist training in the Art Institute of N.F. Katanov KSU. The activities of teachers, students and graduates of AI KSU mainly determines the perspectives on the formation of art- aesthetic community in the region.

Keywords: *native art crafts, traditions, innovations, national costume, national ornaments.*

Одно из крупнейших событий в культурной жизни Хакасии последних лет – Международный культурно-туристический форум «Историко-культурное наследие как ресурс социокультурного развития». С 2014 г. форум получил имя «Сибирь Ил» («Страна мастеров»). Главная задача форума – сохранение археологического, природного, нематериального наследия Хакасии, которое является частью мировой культуры. В рамках форума народные художественные промыслы Республики Хакасия рассматриваются как особая культурно-историческая ценность, национальное достояние и предмет гордости региона, ресурс для инновационного развития туризма, культуры и образования. Ежегодно одна из площадок форума – выставка мастеров декоративно-прикладного искусства. В 2015 г. на форуме впервые состоялся круглый стол для мастеров, посвященный проблеме возрождения и развития традиционных художественных промыслов и ремесел.

Деятельность по сохранению национальной культуры Хакасии проводится в Республиканском центре культуры и народного творчества им. С.П. Кадышева (РЦКНТ, г. Абакан). Согласно данным, собранным сотрудниками сектора декоративно-прикладного и изобразительного искусства, в 2014 г. количество самодеятельных художников и мастеров декоративно-прикладного искусства в республике составило 826 человек (ПМА 2015 г., г. Абакан. Материалы РЦКНТ).

По оценке заведующей сектором С.С. Патачковой среди наиболее востребованных направлений народных художественных промыслов и ремесел в республике в 2014-2015 гг. выделяются: резьба по дереву, хакасская национальная вышивка, керамика, войлоковаляние, изготовление сувенирных национальных кукол и этнических изделий из серебра (ПМА 2015 г., г. Абакан. Материалы РЦКНТ).

Одним из направлений работы Центра является экспозиционно-выставочная деятельность,

в которой принимают участие мастера из районов и городов республики. В среднем в год проходит около восьми-деяти крупных республиканских выставок изделий народных художественных промыслов. Также ремесленные выставки-ярмарки – часть программы национальных праздников «Чыл пазы», «Чир ине», «Уртун тойы» и др.

Главным направлением работы мастеров Хакасии является создание сувенирной продукции. Критерием для ее оценки становится не только высокий художественный и технологический уровень, глубокое чувство материала, но и оригинальность изделия, раскрытие национального колорита и национальных особенностей (ПМА 2015 г., г. Абакан. Материалы РЦКНТ).

На ежегодной республиканской выставке-конкурсе на лучшую сувенирную продукцию «Ремесла Хакасии» мастера представляют изделия, в которых должна быть отражена народная культура, история и этническая самобытность. В связи с ростом туризма назначение национальных сувениров – стать брендом региона.

В 2015 г. конкурс проводился по четырем номинациям: «Сувениры с государственной символикой Республики Хакасия», «Этно-сувенир», «Сувенир массового производства», «Представительский сувенир». По решению жюри (профессиональных художников, искусствоведов) была включена дополнительная номинация – «Стилизованная народная одежда». Одним из победителей стала Зульфия Тодыкова – мастер по пошиву этно-одежды на основе традиционного национального костюма (ПМА 2015 г., г. Абакан. Материалы РЦКНТ).

Всего по официальным данным за 2015 г. во всех районах республики 519 мастеров занимаются изготовлением изделий из бисера, выполненных в традициях хакасского народного искусства, кукол в национальных костюмах, изготовленных ручным способом с применением традиционных видов вышивки, аппликации, изделий лоскутного

шитья, национального костюма; изделий из войлока (ПМА 2015 г., г. Абакан. Материалы РКЦНТ).

Ежегодно проводится выставка национально-го костюма «Ай кун сустары» в целях выявления и поддержки талантливых мастеров, занимающихся созданием национальных костюмов и рукотворных кукол в национальных костюмах.

Пошив национального костюма и аксессуаров к нему, в особенности нагрудного украшения «пого», остается важным явлением в хакасском народном искусстве. Высоким статусом в Республике Хакасия обладают мастерицы, занимающиеся изготовлением национального костюма и украшений. Работы народных умелиц представляют культуру республики как на региональных, так и на зарубежных мероприятиях.

Одной из первых реконструкцией национальных костюмов и украшений начала заниматься Елизавета Григорьевна Чаптыкова. Сохраняя традиционные узоры и покрой, Елизавета Григорьевна предложила современный подход в использовании народной одежды, например, надевать сигдек (женскую безрукавку) поверх платья или брюк наподобие жилета, что стало востребованным в повседневной жизни.

Известны в республике и за ее пределами вышитые пого Валентины Ивановны Тодышевой. Традиционной вышивкой и женскими украшениями занимается Эльвира Константиновна Тудоякова. Также ее работа – это историческая реконструкция хакасской народной одежды: повседневных и праздничных платьев, нагрудных украшений «пого», шерстяных пальто (сикпен) и безрукавок (сигдек), мужских кисетов и мешочков для сладостей – нанчих.

Хакасский костюм из атрибута преимущественно праздничных практик превращается в элемент повседневной жизни, при этом также стираются различия девичьего и женского костюма; нивелируются субэтнические различия и возникают общезнаковые формы.

В комплексе современных украшений доминирует нагрудник «пого». Как отмечают Е.В. Курбижекова, директор Аскизского краеведческого музея им. Н.Ф. Катанова, и А.М. Сагалакова, заведующая Усть-Есинской сельской библиотекой, «пого сейчас носят все, во время праздников и в будни, как маленькое нагрудное украшение. Оно стало терять свою сакральную значимость». На хакасских свадьбах им одаривают молодоженов как семейным оберегом [Пого..., 2007, С. 24, 47].

Изготовление женских украшений также связано с ювелирным ремеслом. Производством изделий из серебра, цветных металлов и сплавов, в том числе с полудрагоценными камнями, выполненных

в технике ювелирной монтировки, филигрании, зерни, скани, а также изделий, выполненных посредством литья с ручной декоративной обработкой металла занимается в республике пять мастеров в Аскизском районе и в Абакане (ПМА 2015 г., г. Абакан. Материалы РКЦНТ).

Современные ювелиры развивают традицию изготовления украшений, например, перстней и серег с коралловыми инкрустациями. Но при этом ювелирные украшения в этническом стиле становятся все более упрощенными. Их заказывают как дополнение к национальному и повседневному костюму жители Хакасии, некоторые изделия можно найти в сувенирных магазинах.

Практики восстановления и бытования женских украшений в Хакасии связаны с общими процессами актуализации темы народной культуры. Изготовление украшений неотделимо от пошива народного костюма и других ремесел. Мастера занимаются не столько ремеслом, сколько сохранением традиций и восстановлением традиционного костюма.

Деятельность в этом направлении привлекают не только мастеров декоративно-прикладного искусства, но и творческие коллективы центров и домов детского творчества, театров и студий моды, дизайнеров, художников-модельеров, работающих в учреждениях дополнительного образования.

С целью повышения профессионального уровня мастеров, а также руководителей кружков, студий по декоративно-прикладному искусству на базе РКЦНТ проводятся семинары и мастер-классы. Одна из тем семинаров: «Проектирование изделий декоративно-прикладного искусства и народных художественных ремесел с региональным компонентом». Наиболее популярны мастер-классы по составлению хакасского орнамента, изготовления хакасской сумочки «нанчих» и нагрудного женского украшения «пого».

Для проведения семинаров, а также в качестве членов жюри на конкурсах приглашаются преподаватели и выпускники кафедры декоративно-прикладного искусства и народных промыслов Института Искусств ХГУ им. Н.Ф. Катанова.

Приоритетными направлениями научных исследований преподавателей и студентов кафедры являются темы «Теоретические и практические аспекты разработки и производства изделий декоративно-прикладного искусства с региональной тематикой», «Профессиональная подготовка студентов, художников и художественных руководителей студий декоративно-прикладного творчества как субъектов сохранения и развития культурных традиций народов Сибири», «Использование этнографических и культурно-историче-

ских сюжетов в проектировании и производстве сувенирной продукции с региональной тематикой», «Национально-региональный компонент в этнохудожественном образовании и воспитании». Эти исследования проводятся совместно с ГУК «Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», Минусинским региональным краеведческим музеем им. Н.М. Мартянова (ПМА, 2015, г. Абакан, Материалы ИИ ХГУ им. Н.Ф. Катанова).

По инициативе кафедры в Республика Хакасия проводятся научно-практические конференции, в том числе международная конференция «Традиционная культура и современное образование: проблемы, традиции, инновации». В результате работы был обобщен опыт возрождения традиционных технологий народных художественных ремесел и промыслов и обозначены возможности

сотрудничества в этой сфере Центров народного искусства, научных и образовательных учреждений, музеев региона, туристических организаций и административных структур. Деятельность искусствоведов, художников, педагогов определяет перспективы развития декоративно-прикладного искусства и художественных ремесел в Хакасии в рамках формирования художественно-эстетической среды региона.

Список литературы

Пого: древность и современность: сб. мат-лов районного семинара. – Аскиз: [б.и.], 2007.

References

Pogo: drevnost' i sovremennost'. Sb. mat-lov rajonnogo seminar. Askiz: [s.n.], 2007. (In Russ.).

И.В. Сальникова

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: salnikovair@rambler.ru

К ВОПРОСУ О САКРАЛЬНОСТИ СТРЕЛ (ритуальные стрелы из священных мест)

В статье поднимается вопрос о традиционной обрядовой культуре обских угров. Автор приводит примеры устойчивой практики олицетворения духов-покровителей через предметы вооружения, в частности через наконечники стрел, украшенные материей, и связки стрел, объединенные полосками ткани или опоясанные тканым шнурком. Подобные комплексы со шлемовидными головными уборами символизировали духа предка – воина – богатыря. Данные наблюдения являются итогом полевых исследований Приполярного этнографического отряда ИАЭТ СО РАН 2014–2015 гг., в составе которой был автор. Экспедиция под руководством д-ра ист. наук А.В. Бауло проводила мониторинг традиционных сакральных мест в Березовском р-не ХМАО – Югры и Шурышкарском р-не ЯНАО. В статье автор дает развернутую характеристику набора ритуальных стрел с культовых мест манси и хантов, сравнивает два комплекса, включая типологическую характеристику и хронологию памятников. Анализ материалов дает возможность сделать заключение о том, что памятники имеют различную датировку, традиция почитания оружия остается постоянной у обских угров, но на смену подлинным предметам, которые использовались в хозяйственной практике, приходит их имитация. Это явление трансформации духовной культуры наблюдается в тех культовых местах, которые посещаются автохтонным населением, следовательно, традиция почитания предков остается устойчивой рефлексией у северных манси, тогда как набор ритуальных стрел более архаичен в культовых комплексах хантов.

Ключевые слова: обские угры, священное место, культовые комплексы, наконечники стрел, оружие как олицетворение божества.

I.V. Salnikova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: salnikovair@rambler.ru

TO THE SACRED MEANING OF THE ARROWS (ritual arrows from the sacred sites)

We take up the question about traditional sacral culture of the Ob Ugres in this study. The author gives the examples of steady practices when the guardian spirits were personified through the arm items, especially arrowheads, decorated by textile, and bunches of arrows, united by textile stripes or belted by woofed cord. Such complexes, together with helmet-like head-dresses, symbolized the spirit of ancestor-soldier-bogatyry. This observation is the result of field research, provided by Subpolar ethnographic expedition of IAET SB RAS in 2014-2015s, where the author had participated. Expedition realized the monitoring of sacral places in Berezhovo district of KhMAD – Yugra and Shuryshkary district of YNAD under the direction of doctor of historical sciences A.V. Baulo. The author gives the detailed characteristics of the ritual arrow kit from the Khanty and Mansi cultic place and compare two complexes, including the typological characteristics and chronology of the sites. Analysis of material permit to conclude that sites are asynchronous, tradition of the veneration of the weapon stays stable among Ob Ugres, but the original items, which were used in household, interchange by their imitation. This transformation of spiritual culture is observed in that cultic place, where autochthonous people took in. The tradition of ancestor veneration is the steady reflection among Northern Mansi, while the ritual arrow kit is more archaic in the Khanty cultic complex.

Keywords: Ob Ugres, sacred place, arrowhead, weapons as a personification of deity.

В 2014–2015 гг. продолжил исследовательскую и собирательскую работу Приполярный этнографический отряд ИАЭТ СО РАН под ру-

ководством д-ра ист. наук А.В. Бауло, в составе которого был автор. Одной из задач экспедиции был мониторинг священных мест северных манси

и хантов на территории Березовского р-на ХМАО – Югры, Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого автономного округа. Было обследовано шесть святилищ северных манси и одно хантыйское. В традиционный набор культовых предметов часто входят стрелы и древки стрел, обмотанные тканью, или целые пучки стрел, перевязанные шнурком. Стрела или пучок стрел может символизировать фигуру воина-«богатыря» – мифического предка территориальной группы почитание которой сохранилось в период сложения военно-протестарной системы [Гемуев, Сагалаев, 1986. с. 35].

По свидетельству исследователей, «это пупыг – нял – стрела покровителей духов (стрела, принесенная духам в жертву)» [Бауло и др., 2001, с. 121]. Данная традиция зафиксирована на священном месте Семи менквов у северных манси и священном месте Белого орла у хантов. Первое культовое место расположено на правом берегу Северной Сосьвы, недалеко от д. Нижнее Нильдино, второе – недалеко от д. Послово Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого округа. Цель данного сообщения – в сравнении комплекса ритуальных стрел обских угров: хантов – рыболовов, и манси – представителей таежного населения, основой жизнеобеспечения которых была охота.

Остановимся подробнее на характеристике комплексов ритуальных стрел. Священное место Семи менквов – лесных духов – расположено на правом берегу Северной Сосьвы, недалеко от бывшего п. Нижнее Нильдино. На культовом месте три амбарчика, один разрушен временем, два разновременные. В одном, построенном, судя по

Рис. 1. Деревянные стрелы – модели. Священное место Семи менквов. Северные манси. ХМАО – Югра.

монетам-вложениям, в 90-е гг. XX в., обнаружено 16 стрел (рис. 1). При этом одна стрела снабжена железным плоским наконечником подтреугольной формы, древко обмотано тканью. Остальные стрелы изготовлены из дерева, верхняя часть – имитация наконечника, стрелы длиной от 63 до 70 см. В пользу имитации говорит тот факт, что представлены различные формы наконечников: граненые, долотовидные, подтреугольные. Можно предположить, что только одна стрела с шишковидным окончанием может быть условно отнесена к охотничьим, поскольку стрелы данного типа могли использовать для охоты на пушного зверя, в частности на белку [Федорова, 2000, с. 68].

Во втором амбарчике, который сооружен в 50-е гг. XX в., обнаружено 38 стрел, их длина колеблется от 68 до 74 см, все они имеют железные наконечники. Наконечники стрел нескольких типов: плоские вильчатые; плоские подтреугольной формы; плоские с трапециевидным окончанием; плоские ланцетовидные с четырьмя шипами на боковых гранях; граненые, долотовидные [Соловьев, 1987, с. 181] Выявлен один наконечник острожного типа с двумя жальцами, и один наконечник изготовлен из гвоздей с приплюснутыми головками (рис. 2). Необходимо подчеркнуть, что большая часть наконечников выполнена из металла изделий, уже бывших в употреблении – из лезвия ножа, расплюснутых гвоздей, части капкана (сохранились кольца от изделия), все они выполнены небрежно, методом резки и насечки. Древки стрел отличаются массивностью, имеют утолщение в верхней части, широкое ушко для тетивы (1,0–1,3 см), что предполагает тетиву большого диаметра. Исходя из этого, можно сделать предварительный вывод, что если данные стрелы и использовались на охоте на крупных животных, то только для самострелов, а не для луков, тогда понятно и логично наличие шипов на наконечнике, такой наконечник застревал в теле животного [Федорова, 2000, с. 69]. Древки стрел обмотаны однотонной и цветной хлопчатобумажной тканью, что свидетельствует об их ритуальном назначении. Бесспорно, что огнестрельное оружие вытеснило лук и стрелы, тем не менее, до 40–50-х годов XX в. самострелы активно использовались для охоты. Вильчатые стрелы применялись для самострелов на лося [Там же, с. 56]. Наши наблюдения показали, что большая часть ритуальных стрел изготовлена специально для культового обряда, и эта тенденция имеет продолжение, поскольку в новом амбарчике практически отсутствуют стрелы с железными наконечниками, подобные

настоящим. Данный факт можно назвать устойчивой рефлексией традиции поклонения духам.

Второе сакральное место – Священное место Белого орла – расположено возле бывшей д. Овагорт, в междуречье Малой Оби. При обследовании амбарчика обнаружено большое количество стрел. Многие из них соединены в единое изделие обмоткой шерстяной тканью, закрепленной поверх шнурком красного цвета, изготовленного ручным способом. Несколько стрел были обернуты тканым поясом шириной 6 см (рис. 3). Типы железных наконечников более разнообразны – все они относятся к группе плоских, по форме – вильчатые разных размеров, подтреугольные с ярко выраженными плечиками, подтреугольные вытянутые без плечиков.

На некоторых стрелах прикреплены кольца, изготовленные из цветного металла. Это дает основание считать их прикладами духам, а сами стрелы – олицетворение духов. В этом случае скрепленные в пучки стрелы являются прообразами духов, шлемовидный головной убор, надетый на наконечники стрел, и обмотка тканью и пояском символизируют одежду духа.

На одном из таких примеров необходимо остановиться подробнее. Пучок содержит 21 стрелу. При разборе этого сооружения выяснилось, что в него входят 8 древков, которые не имеют наконечников, размеры – от 61 до 78 см, из них четыре с оперением, которое крепится к древку сухожильной нитью. Семь древков имеют расщепленный насад глубиной от 3,5 до 5 см, одно – неглубокий поперечный надрез. В нижней части древков оформлено прямоугольное ушко для тетивы, шириной 0,5 см, часть изделий обернута красным шнуром, в некоторых случаях берестой и полосками однотонной ткани – шерстяного сукна грязно-зеленого цвета, иногда шнур завязан на узел. В одном случае две стрелы с небольшими вильчатыми наконечниками скреплены вместе полоской шерстяного сукна. Наконечники следующих форм: плоский овальный, плоский подтреугольный, вильчатые различных размеров – от 11 см длиной пера до 3,5 см. К одной стреле прикреплено два бронзовых перстня с выемками для вставок, которые отсутствуют. Центральной частью композиции является цельная железная стрела, выполненная из трех соединенных проковкой прутьев, длиной 45,2 см, перо плоское, овальной формы, стержень-древко перекручен возле наконечника и в нижней части, стержень раздваивается на конце и заканчивается двумя петлями, к которым прикреплены по два железных кольца. Центральная часть стрелы обернута

Рис. 2. Стрелы с железными наконечниками. Священное место Семи менквов. Северные манси. ХМАО – Югра.

Рис. 3. Стрелы с железными наконечниками. Священное место Белого орла. Ханты. ЯНАО.

красным шнуром, к которому привязано овальное плоское бронзовое кольцо. Семь стрел имеют оперенье, которое крепится к древку сухожильными нитями. Поверх наконечников, скрепленных в двух местах шнурком красного цвета, надета шапка конусовидной формы (рис. 4). Шапка сшита из двух подпрямоугольных кусков сукна красного цвета, по бокам вставлены два треугольных клина оливкового цвета, низ декорирован опушкой. Цвета неяркие. В данном случае наблюдается устойчивая традиция обских угров: обозначение фигуры духов-покровителей с помощью стрел, где остов фигуры духа составляет

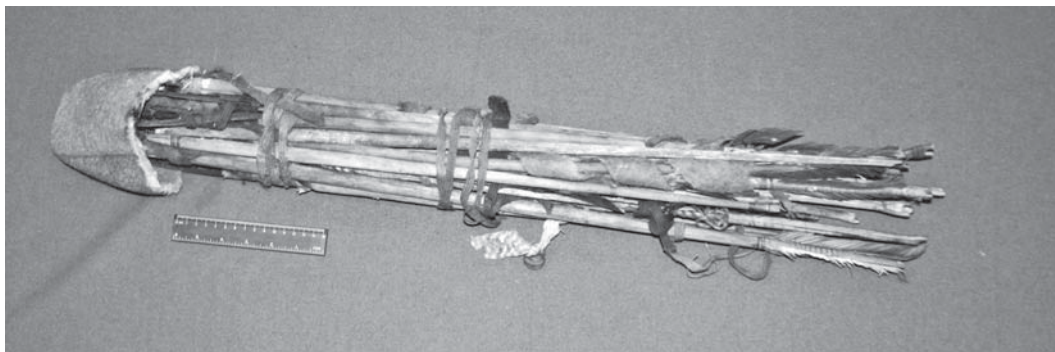

Рис. 4. Фигура духа-покровителя в шапке, с основой из 21 стрелы. Священное место Белого орла. Ханты. ЯНАО.

связка стрел [Бауло, 2004, с. 111; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 98]. Подобная связка стрел зафиксирована в селькупской коллекции Колпашевского краеведческого музея и опубликована в каталоге музея, предмет из сборов П.И. Кутафьева, найден на р. Тым в 1940 г. [Пихновская, 2007, с. 170].

Священное место Белый орел более раннее, чем священное место Семи менков, о чем свидетельствуют и состояние амбарчика и культовых предметов, и материал, который использовался для обертывания или скрепления стрел, в первом случае это хлопчатобумажная ткань типа ситца или штапеля фабричного производства, во втором – это тканый пояс, тканый шнурок и толстое сукно типа шинельного. Стрелы, положенные в амбарчик, не сделаны «по памяти», а могли действительно использоваться на охоте. Кроме того, обращает на себя внимание и необычная цельнометаллическая стрела, аналогий которой нам не удалось найти, но «почитание предметов вооружения широко представлено на святилищах, кроме того, они могли выступать в роли фетишей» [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 49]. Тем не менее, наличие стрел и фигур, остовами которых являются стрелы, иллюстрирует традиционное для обских угров единство представления об оружии как олицетворении божества [Бауло, 2004, с. 112].

Список литературы

Бауло А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 158 с.

Бауло А.В., Гемуев И.Н., Люцидарская А.А., Сагалаев А.М., Соколова З.П., Солдатова Г.Е. Мифология манси // Энциклопедия уральских мифологий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. II. – 196 с.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1986. – 192 с.

Пихновская А.А. Селькупская этнографическая коллекция. Колпашевский краеведческий музей. – Томск: Ветер, 2007. – 279 с.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1987. – 192 с.

Федорова Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. – СПб.: ООО «Европейский Дом», 2000. – 367 с.

References

Baulo A.V. Atributika i mif: metall v obrjadah obskih ugrov. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2004. 158 pp. (In Russ.).

Baulo A.V., Gemuev I.N., Ljucidarskaja A.A., Sagalaev A.M., Sokolova Z.P., Soldatova G.E. Mifologija mansi // Enciklopedija ural'skih mifologij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2001. Vol. II. 196 pp. (In Russ.).

Fedorova E.G. Rybolovy i ohotniki bassejna Obi: problemy formirovanija kul'tury hantov i mansi. St. Peterburg: ООО "Evropejskij Dom", 2000. 367 pp. (In Russ.).

Gemuev I.N., Sagalaev A.M. Religija naroda mansi. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 1986. 192 pp. (In Russ.).

Pihnovskaja A.A. Sel'kupskaja etnograficheskaja kolekcija. Kolpashevskij kraevedcheskij muzej. Tomsk: Veter, 2007. 279 pp. (In Russ.).

Solov'ev A.I. Voennoe delo korenного naselenija Zapadnoj Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 1987. 192 pp. (In Russ.).

КОНСТРУИРОВАНИЕ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

Статья посвящена анализу процессов конструирования этничности в современном общественно-политическом дискурсе Республики Алтай. На основе программ культурного развития, концепций сохранения историко-культурного наследия, проектов создания туристической инфраструктуры выявляются элементы этнической идентичности коренного тюркоязычного населения региона. Особое внимание уделяется изучению религиозных аспектов в формировании образа этнической группы. Формулируя этнонациональную идею, интеллигенция Республики Алтай широко использует традиционные духовные ценности, мобилизуя не только этническое, но и религиозное сознание. Сохранение священных мест, проведение обрядов в сакральном локусе, по мысли интеллектуальной элиты, способствуют поддержанию этнической специфики, а также формируют систему ценностей регионального цивилизационного уровня. Предметы традиционной материальной культуры, объекты археологического наследия региона, экологические практики коренного населения становятся символами алтайцев при воспроизводстве этничности. Возвращение к традиционной религии, по мысли научных и творческих кругов республики, является гарантией успешного развития аборигенных этнических групп и всего региона в будущем. С опорой на материальные следы памяти – памятники археологии, элементы этнокультурного ландшафта региона, объекты материальной традиционной культуры и объекты нематериального наследия – в этнонациональных дискурсах республики конституируется культурная преемственность носителей различных археологических культур с современными алтайцами. На основе образов прошлого аборигенного населения формируется список сакральных мест, обладающих высоким семиотическим статусом. Анализируя практики описания этничности общественно-политического дискурса Республики Алтай начала 2000-х гг., можно сделать вывод, что обращение к этнополитическим проблемам перешло в символическую плоскость.

Ключевые слова: этническая идентичность, образы прошлого, сакральные места, историко-культурное наследие, неоязычество, этнонациональная интеллигенция.

E.V. Samushkina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: Khakassie@yahoo.com

THE CONSTRUCTION OF SACRED SPACE IN THE MODERN SOCIAL AND POLITICAL DISCOURSE OF THE REPUBLIC OF ALTAI

This study analyzes the ethnical constructing in present political discourse of the Altai Republic. We identified the elements of ethnic identity among the indigenous Turkic-speaking people on the ground of the program reviews of cultural development, the concepts of preservation of historical and cultural heritage, the projects of tourism infrastructure development. The study of religious perspectives in formation of the ethnic group image is in focus. The clerisy of the Altai Republic extensively use the traditional spiritual values, mobilizing not only ethnic, but also religious consciousness in formulation of the ethno-national idea. The sacred place preservation, ritual activity support the ethnic specificity and form the system of values on the regional and civilization level in sacred locus, according to the symbolic elites. The objects of traditional material culture, objects of regional archaeological heritage and the environmental practices of indigenous peoples become the symbols of Altai in the reproduction of ethnicity. Coming round to the traditional religion is the guarantee of successful development of the indigenous ethnic groups of the region in the future, according to scientific and artistic clerisy. The ethno-national republican discourse state the cultural continuation of various archaeological culture in modern Altaian. They bases on the material traces – archaeological sites, elements of ethno-cultural regional landscape, objects of material culture and the traditional intangible heritage. Starting out from images of the aboriginal

past they generate a list of sacred places with high semiotic status. The author analyzed the practices to describe the ethnicity socio-political discourse of the Altai Republic since early 2000s., and conclude that an appeal to the ethno-political problems turned into a symbolic space.

Keywords: *ethnic identity, image of the past, sacred places, historical and cultural heritage, Neo-Paganism, ethno-national clerisy.*

Согласно современным исследованиям, понятие родной земли в националистическом дискурсе является одной из центральных категорий. Родина «предстает сущностным вместилищем нации, обеспечивающим неразрывную связь поколений в бесконечной реке истории;... она одновременно формирует “народ” и формируется им, ее ландшафт определяет “национальный характер” и “народный дух” [Мейлахс, 2006]. Представители этносимволического направления, в частности Э. Смит, отмечают, что связь с родиной является одной из составляющих этнической общности. Места проживания, святыне места служат мощными дифференциальными элементами и напоминаниями об уникальной культуре и судьбе этнического сообщества [Смит, 2004, с. 348–349]. Этнические лидеры «мечтают только о земле своих предполагаемых предков и священных местах, по которым ходили их герои и ученые мужи, где они сражались и учительствовали. Другими словами, данная территория должна быть превращена в «этноландшафт», поэтический ландшафт, который служит продолжением и выражением характера этнического сообщества, воспеваемый сам по себе в стихах и песнях» [Смит, 2004, с. 125].

В общественно-политическом дискурсе Республики Алтай тема сакральных мест, этнокультурного ландшафта является одной из центральных. В документах, посвященных проблемам развития культуры региона, отмечается, что регион является уникальным историко-ландшафтным заповедником, описанным Н. Рерихом как легендарное Беловодье (Шамбала). Здесь происходило становление и развитие евразийской цивилизации. Именно уникальная природная и духовная обстановка способствует сохранению духовного и материального наследия алтайцев, казахов и русских-старообрядцев [ГАРА. Ф. Р–190. Д. 20. Л. 61.]. Так, в документе «Проблемы сохранения и приоритеты развития культуры Республики Алтай» отмечается, что «Алтай является местом становления и развития древних культур и этносов, распространившихся затем на обширные пространства Евразийского материка, местом взаимодействия индоевропейских, тюркских и тунгусо-маньчжурских народов» [ГАРА. Ф. Р–190. Д. 20. Л. 103–104]. Делая акцент на особенности культуры региона, основанной на синтезе раз-

личных духовных учений и элементов различных цивилизаций, авторы документов приходят к выводу, что сохранение, изучение и пропаганда исторического и культурного наследия Горного Алтая имеет не только республиканское, но и общегосударственное, международное значение [ГАРА. Ф. Р–190. Д. 20. Л. 61.].

«Золотые горы Алтая», включенные в список природного и культурного наследия ЮНЕСКО, как отмечает в своих многочисленных выступлениях спикер Государственного Собрания – Эл Курултай И. И. Белеков, являются стратегическим местом для сохранения генофонда народов и первозданной природы. По мнению представителя этнонациональной интеллигенции, Алтай признан во всем мире не только как место сенсационных археологических открытий, но и как территория, где народы стремятся сохранить археологические памятники в нетронutom виде. Будущее назначение республики заключается в сбережении и реконструкции ценностей прошлых кочевых культур. Благодаря этому многие расценивают республику в качестве «прародины», «колыбели» человечества.

Наряду с идеологемой «Алтай – прародина человечества», в общественно-политическом дискурсе можно выделить представление о том, что данная территория является прародиной всех тюрков, а алтайцы – хранителями древней Родины. Согласно разработкам научной интеллигенции, определен сакральный локус – символическая долина, расположенная в месте слияния р. Чуи и р. Катунь, где будет установлена Стела Общности. Впоследствии здесь предполагается возведение комплекса «Тюрк кабай» («Колыбель тюрков»), центральным объектом которого будет служить «пещера предков». Ему предлагается придать статус сакрального места, где, согласно нормам тенгрианства, будут проводиться обряды. Разработчики программы хотят сделать комплекс одним из центров мирового паломничества для тюрков, распространить норму, согласно которой каждый представитель тюркского сообщества должен раз в жизни побывать в этом месте. Важно отметить, что в проекте предлагается приостановить деятельность представителей всех мировых религий на территории данного комплекса. [Алтай..., 2011, с. 24–26].

Особым направлением в деятельности Правительства Республики Алтай является разработка законодательства, связанного с приданием некоторым территориям статуса сакральных мест. Региональным Министерством культуры в 2011 г. была разработана «Концепция по сохранению и развитию сакральных мест (священных земель), природно-культовых объектов Республики Алтай». Причиной появления данного документа, по мнению его авторов, является необходимость охраны объектов культурно-исторического наследия, представляющих аборигенное население, от вандализма. Так же разработчики Концепции хотят оградить традиционные сакральные места алтайцев от нарушений их целостности знаками и символами, принадлежащими культурным традициям других религий.

Согласно тексту документа, условиями устойчивого развития Алтая являются сохранение культовых мест коренного населения в первозданном виде, трансляция экологических знаний последующим поколениям. В Концепции дается определение «сакральных мест» (священные земли), под которыми понимаются почитаемые аборигенным населением элементы ландшафта (горы, перевалы, целебные источники и пр.), святилища, места обрядовых молений и исторических событий, родовые территории. При этом отмечается, что данные объекты являются элементами культурного наследия, которые сохранились предками, обладающими сакральными знаниями. Дополняют этот список природно-культовые объекты, под которыми понимаются культовые сооружения и скопления археологических памятников (петроглифы, курганы, каменные изваяния), и которые использовались предками в качестве мест, где совершались обрядовые действия.

Разработчики документа предлагают целый ряд мер для сбережения историко-культурного и географического ландшафта, среди которых «сохранение традиционно сложившейся самобытной культуры населения, представляющей уникальный природно-этнокультурный комплекс; развитие традиционных форм природопользования на основе духовно-культурного наследия народов Республики Алтай; проведение паспортизации сакральных объектов (священных земель); составление муниципально-территориальной этнокарты сакральных объектов (священных земель), природных культовых объектов; ...ограждение от коммерческого использования и разрушения естественного состояния сакральных объектов; содействие восстановлению традиционного почитания сакральных объектов коренным населением, посетителями сакральных мест (священных земель), природно-культовых объектов Республики Алтай, используя

методы экологического образования и просвещения; развитие культурного туризма».

В Концепции прописан и «режим функционирования» священных локусов, согласно которому выделяют три зоны с учетом природных особенностей и степени ценности в историко-культурном плане, статуса территории в обрядовых практиках алтайцев. Зона заповедного режима (А) предназначена только для совершения ритуальных действий, для посещения с целью совершения обрядов. Любая хозяйственная, рекреационная деятельность в данной местности запрещена. Зона с ограниченным режимом (Б) пользования подразумевает, наряду с совершением обрядов, занятие традиционными видами хозяйства с некоторыми ограничениями. В зоне развития (В) допускается ведение регулируемой экскурсионной, туристической деятельности и традиционного вида хозяйствования с соблюдением охранных зон памятников и режима сакральных мест (священных земель), природно-культовых объектов. Оговариваются и права местных жителей, под которыми понимаются, прежде всего, представители коренного тюркоязычного населения. Как гласит текст документа, местное население должно принимать участие в управленческих решениях по всем видам деятельности на данной территории, проводить экологические, этнографические экспертизы, привлекаться для работы в сфере туризма, сохранять традиционный вид занятости. Местные власти, по мысли разработчиков Концепции, регламентируют количество мигрантов, ведут учет посещения сакральных мест приезжающими. Отдельно прописан пункт о запрете на установку символов и знаков представителей других религий.

Инициативы местной власти по определению и кодификации сакральных мест поддержали и общественные деятели. Так, лидер религиозного движения «Ак Тянь» («Белая вера») Акай Кине (С.К. Кыныев) разработал программу «Алтай сакральный» на 2008–2012 гг. Она предусматривала разработку единого видения «духовно-мировоззренческого комплекса» республики, кодификацию ряда мер по сохранению священных территорий. Необходимым условием гармоничного развития региона являлось конструирование единого образного пространства, «выражающего дух Алтая как сакрального места с его тысячелетними традициями и культурой».

Т.о., анализируя практики описания этничности общественно-политического дискурса Республики Алтай начала 2000-х гг., можно сделать вывод, что обращение к этнополитическим проблемам перешло в символическую плоскость. Именно объекты археологического наследия, историко-

культурного ландшафта становятся той ценностью, которая консолидирует этническую группу, призвана связать прошлое, настоящее и будущее поколение. При этом, обращаясь к практикам традиционных алтайских верований, этнонациональная интеллигенция формирует многоуровневую идентичность: цивилизационную, региональную и этническую. При этом религиозные практики модифицируются сообразно современной социально-политической обстановке, приобретая характеристики неоязычества.

Список литературы

Алтай – прародина тюрков. – Горно-Алтайск: ИП С. Кыдыев, 2011. – 38 с.

Мейлахс П. Отдавая «родине» должное: опыт этно-символического анализа случая турок-месхетинцев

Центральной России // Ab imperio. – 2006. – № 2. – URL: <http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state=showa&idart=1638&idlang=2&Code=>

Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М.: Праксис, 2004. – 466 с.

References

Altaj – prarodina tjurkov. Gorno-Altajsk: IP S. Kydyev, 2011. 38 pp. (In Russ.).

Mejlaks P. Otdavaja «rodine» dolzhnoe: opyt etnosimvolicheskogo analiza sluchaja turok-meshetincev Central'noj Rossii // Ab imperio. 2006. No. 2. URL: <http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state=showa&idart=1638&idlang=2&Code=> (In Russ.).

Smit E. Nacionalizm i modernizm. Kriticheskij obzor sovremennyh teorij nacij i nacionalizma. Moscow.: Praksis, 2004. 466 pp. (In Russ.).

**ГОРОЖАНЕ ВНЕ ГОРОДА:
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ НОВЫХ ЭКОПОСЕЛЕНИЙ
НА ТЕРРИТОРИИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ
(по материалам экспедиции 2015 года)***

В статье излагаются материалы проведенного Среднеиртышской этнографической экспедицией Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН этнографического обследования двух типов новых экопоселений, получивших распространение на территории Омской обл. Один тип возник на основе возрождения (изобретения) славянской языческой («славяно-ведической») культуры, второй – на базе широко распространенного в России нового религиозного движения «Звенящие кедры России» или «Анастасия». Объединяет оба движения их экологическая направленность. Полевые работы проводились в экопоселениях на урочище Юрт-Бергамак Муромцевского р-на Омской обл. и Азь Градь Омского р-на Омской обл. (в основе этих поселений лежит идея возрождения «древнеславянских» традиций), а также в анастасиевских поселениях Черноозерье (Имбирень) Саргатского р-на Омской обл., Березовка (Обережное) Горьковского р-на Омской обл. В статье изложена история возникновения поселений, их культурная специфика. Основная структурная единица поселений – родовое поместье. Обычно в рамках поместья проектируют строительство дома, ремесленной мастерской, различных хозяйственных построек. Иногда жилища имеют нестандартные архитектурные формы (например, сферические, призматические, конусообразные) и детали декора, отражающие культурно-религиозную специфику. Во всех поместьях получило развитие разведение огородных культур. Применяются модные технологии, например пермакультура Зеппа Хольцера. Анастасиевцы высаживают на территории поселений и в окрестных лесах огромное количество экзотических для лесостепной зоны Сибири деревьев: кедры, дубы и т.п. Животноводство, в основном, развивается в форме разведения коз с целью получения молока. Развита сбор дикоросов и даже бортничество. Содержание ритуальной и праздничной обрядности зависит от идейно-религиозных воззрений членов общины. Для сторонников возрождения славянских древностей важнейшими являются праздники Перуна и Солнцестояние. Анастасиевцы отмечают День Земли и проводят «брачные слеты», на которых молодые люди ищут «половинки» из своей среды. В заключение делается вывод о том, что поселенцам не удалось достичь полного разрыва с городской средой. Порожденная этим обстоятельством двойственность положения части городского социума представляет собой, вероятно, наиболее важный аспект феномена новых экопоселений.

Ключевые слова: новые религиозные движения, экопоселения, Омская область, этнографическая экспедиция.

A.G. Seleznev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: seleznev@myttk.ru

**CITY PEOPLE OUT THE CITY:
ETHNOGRAPHIC STUDY OF THE NEW ECOVILLAGES
AT THE TERRITORY OF OMSK REGION
(2015 expedition campaign)**

Middle Irtysh Ethnographic expedition of Omsk department of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS explored two types of new eco-settlements, spread on Omsk region. We present here the obtained data.

One type originated from the revival (the invention) Slavic pagan ("Slavic-Vedic") culture, the second – from the new spiritual movements "Ringing Cedars of Russia" and "Anastasia", widespread in Russia. Environmental orientation

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

combines both movements. We explore the ecovillages at the Yurt-Bergamak slow of Muromtsevo district and Az Grad slow of Omsk district in Omsk region. The basis of these settlements is the idea to revive the “ancient Slavic” tradition. Also, we surveyed the Anastasievo settlements: Chernoozerie (Imbiren) of Sargat district Berezovka (Oberezhnoe) of Gorki district in the Omsk region. We present here the history of settlement foundation and their cultural specificity. The main unit of the village is familiar house, which usually included living house, craft workshop, various outbuildings. Sometimes houses have unusual architectural forms (for example, spheroid, prismatic, conical) and details of decor, reflecting the cultural and religious specificity. People handraise and cattle farming – the goat breeding for milk mainly. They gather the wild harvests and keep wild bees. The content of the ritual and ceremonial rituals depends on the ideological and religious beliefs of the community members. The supporters of the revival of Slavic antiquities attach importance the holidays of Perun and Solstice. Anastasievo people celebrate the Earth Day and organize “marriage jamborees”, where young people are looking for their “half”. We conclude that the settlers did not achieve a complete break with the urban environment. Generated by this circumstance duality of the urban people position is probably the most important aspect of the phenomenon of new ecovillages.

Keywords: *New religious movements, ecovillage, Omsk region, ethnographic expedition.*

В 2015 г. участниками Среднеиртышской этнографической экспедиции Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН при финансовой поддержке РНФ было проведено этнографическое обследование двух типов новых экопоселений, получивших распространение на территории Омской обл. Один тип возник на основе возрождения (изобретения) славянской языческой («славяно-ведической») культуры, второй – на базе широко распространенного в России нового религиозного движения «Звенящие кедры России» или «Анастасия». Идеология движения изложена в художественных книгах Вл. Мегре о мистической таежной женщине Анастасии. Объединяет оба движения их экологическая направленность.

Полевые работы проводились в экопоселениях на урочище Юрт-Бергамак Муромцевского р-на Омской обл. и Азь Градь Омского р-на Омской обл. (в основе этих поселений лежит идея возрождения «древнеславянских» традиций), а также в анастасиевских поселениях Черноозерье (Имбирень) Саргатского р-на Омской обл., Березовка (Обережное) Горьковского р-на Омской обл. Экспедиция была призвана отразить современную тенденцию расширения исследовательского пространства полевой этнографии, ее сдвиг в сторону изучения городских культур, новых религиозных движений, изобретаемых традиций и обрядности эпохи постмодерна и постиндустриального общества.

Обследованные в текущем году поселения весьма различны и по размерам, и по времени и обстоятельствам их образования. Основу их структуры составляют так называемые родовые поместья.

Анастасиевское поселение Имбирень образовалось в 2002 г. рядом с д. Черноозерье и в настоящее время состоит из 45 родовых поместий площадью приблизительно по 1 га. В поселении есть общий дом, своя школа, площадки для общих праздников и церемоний. Около 15 семей поселенцев живут здесь постоянно в течение всего года. Поселение

строится по общему плану, поместья образуют форму пчелиных сот. Как пояснили информаторы, такая форма обусловлена тем, что прямые и острые углы угнетающе действуют на психику.

Поселение Обережное возникло 3–4 года назад рядом с д. Березовка. Оно относительно невелико, всего 15 поместий, при этом постоянно здесь живут лишь несколько человек. Тем не менее в деревне есть общий дом, а на территории самого поселения довольно обширная площадка для детских игр и проведения праздников.

Урочище Юрт-Бергамак расположено на месте ныне не существующей одноименной деревни. Рядом в 1,5 км находится д. Окунево, где в течение последних двух с лишним десятков лет возник мощный сакральный центр [Селезнев, 2014; Селезнева, 2014]. Новый проект в Юрт-Бергамаке задумывался как сугубо антиконсюмеристский и экологически ориентированный. Будущее поселение было тщательно спроектировано (рис. 1). Поместья должны были располагаться по окружности, в центре предполагалось возвести величественный храм, посвященный славянским богам. Здесь же должны были быть установлены их статуи (чуры). Главной сакральной зоной поселения стало обширное, около 30 м в диаметре капище, отражающее местные мифологические представления об устройстве культовых сооружений славян языческой поры [Селезнев, 2014, с. 50–52]. Фактически в настоящее время в поселении продолжается строительство только на двух поместьях. Идеология поселенцев базируется на принципах независимости от каких-либо социальных (а тем более государственных) объединений и на почитании древнеславянских богов.

«Новая русская деревня» Азь Градь – это в основном личная инициатива омского предпринимателя Андрея Никитенко. Замысел проекта возник в 2008 г., активное строительство началось в 2012 г. В настоящее время Азь Градь, пожалуй,

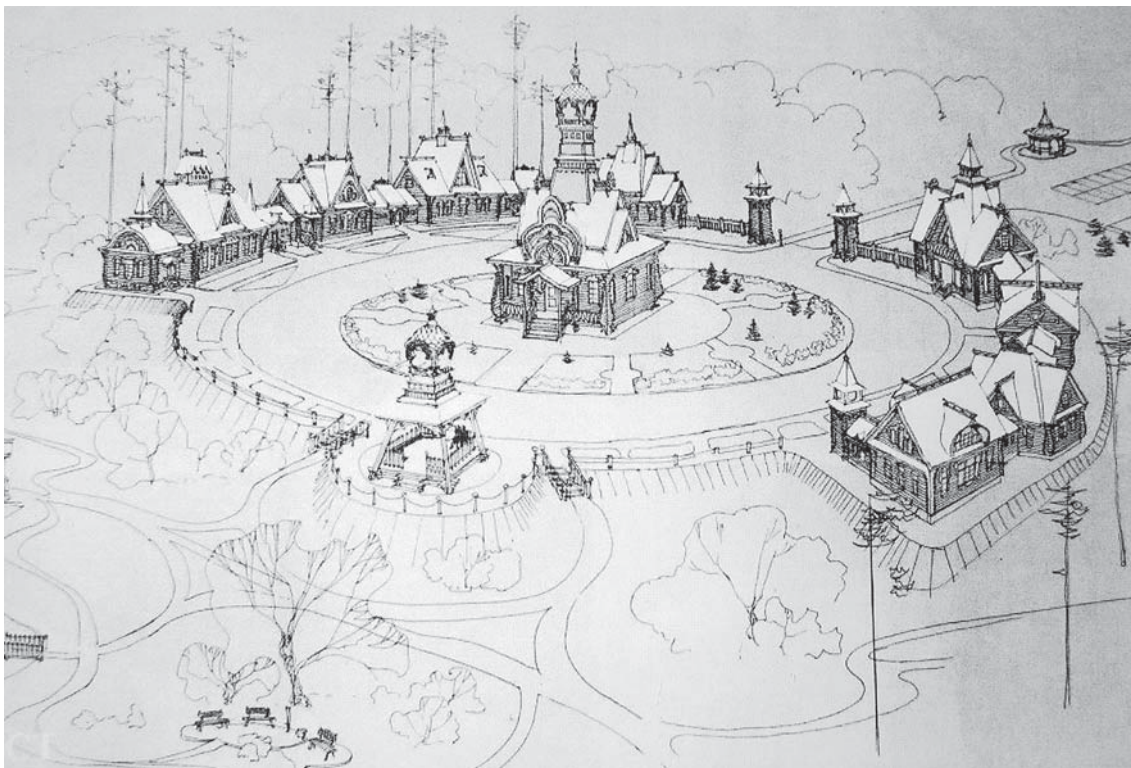

Рис. 1. Образ идеального поселения по версии сторонников возрождения «славяно-ведической» культуры. Урочище Юрт-Бергамак Муромцевского р-на Омской обл., 2015 г.

самое масштабное в Омской обл. предприятие, направленное на создание гармоничного экологического поселения. Площадь поселения – около 100 га, и оно создано в лесу, вне какой-либо привязки к существующим населенным пунктам. Построено большое количество жилых и общественных сооружений, в том числе, обширная трапезная с кухней, столовой, несколькими залами для праздничных ритуалов и других общественных мероприятий; гостиница на несколько номеров; Музей топора. При строительстве жилых и хозяйственных сооружений применены разнообразные архитектурные приемы, например, дома выполнены в сферической и призматической формах, построена избушка на «курьих ножках» (на свайных опорах) и т.д. Используются оригинальные строительные технологии сооружения стен и мебели из прессованной соломы (правда, поселенцы признавали, что такая технология не совсем себя оправдала в условиях суровой сибирской зимы). Применяются новые технологии кладки печей и выпечки бездрожжевого хлеба. В поселении есть общественные сооружения – игровые и спортивные площадки и даже «контактный зоопарк», в котором живет только одна обитательница – зубриха Маня.

Поселение не имеет выхода к водным источникам, однако на нем создана обширная сеть прудов

и каналов в соответствии с учением о пермакультуре известного австрийского фермера Зеппа Хольцера. При поселении создана Русская Академия Знаний, Умений, Мастерства (РАЗУМ), в которой приглашенные учителя («профессора») учат «студентов» различным ремеслам: печному, строительному, кузнечному и пр. Проведено уже несколько образовательных сессий Академии.

Идеология поселенцев строится на неотрадиционалистских ценностях родовых поместий, апелляции к «русскости» и ведической природе исконной славянской культуры. Весь проект носит коммерческий характер. Въезд, экскурсии, развлекательные услуги (например, катание на тройке) платные. Взимается плата и за обучение в РАЗУМе.

Вне зависимости от времени основания, все рассматриваемые поселения находятся в стадии строительства. Обычно в рамках поместья проектируют строительство дома, ремесленной мастерской, различных хозяйственных построек. Иногда жилища имеют нестандартные архитектурные формы (например, сфероидные) и детали декора, отражающие культурно-религиозную специфику. Андрей из Обережного уже второй год (включая зиму) живет в конической каркасной постройке, которую все называют чумом (рис. 2). Данное жилище он считает вполне комфортным. Практически все интервью содержат мотив преодоления по-

Рис. 2. «Чум» – жилище в анастасиевском поселении Обережное у д. Березовка Горьковского р-на Омской обл. 2015 г. Фото автора.

селенцами сложных природных условий Сибири, готовности к радикальной смене образа жизни.

Растениеводство, точнее разведение огородных культур, получило развитие практически во всех поместьях. Основу технологии земледелия выражает афоризм: «меньше копать – больше мульчировать». Применяются модные для такого рода общин технологии, вроде уже упоминавшейся пермакультуры. В хозяйстве Степана и Ирины из Имбирени выкопаны пруды, вода используется для полива и в пищу. Продукты огородничества в большом количестве заготавливаются на зиму. Обширные, добротные выполненные погреба являются обязательным элементом поместий с круглогодичным проживанием. Анастасиевцы высаживают на территории поселений и в окрестных лесах огромное количество экзотических для лесостепной зоны Сибири деревьев: кедры, дубы и т.п. Церемония посадки деревьев практикуется в ходе коллективных общинных праздников.

В предтаежной зоне (Юрт-Бергамак) развит сбор и приготовление иван-чая. Сырье подвергается глубокой обработке, применяется несколько

стадий его ферментации. Реализация иван-чая составляет солидную статью дохода поселенцев. Повсеместно развит сбор дикоросов – грибов, ягод, трав. Нынешний год был богат на ягоды и грибы. Степан из Имбирени занялся бортничеством. По его словам, при изготовлении колод и сборе меда он применил технологию, описанную в книгах об Анастасии.

Большинство наших информаторов сознательно ограничивают потребление мяса, а многие являются вегетарианцами. При этом все подчеркивают, что никаких специально предписанных пищевых запретов не существует, ограничения носят сугубо добровольный характер. Крупный рогатый скот и лошадей мы видели только в поместье в Азь Граде. Глава поместья в Юрт-Бергамаке Максим мечтает завести коня: «Он и в хозяйстве пригодится и для езды. И, вообще, какой казак без коня?...». В хозяйствах анастасиевцев разводят домашнюю птицу и коз. Последние являются источником молочных продуктов. Вообще освоению земли в идеологии новых культурно-религиозных движений придается особая роль. В ходе одной из бесед мы записали оригинальную интерпретацию известного афоризма:

«Русская деревня возрождаться будет эзотерической молодежью».

Хозяйственные занятия сопровождаются изобретением причудливых мифологических мотивов. В Юрт-Бергамаке нам с энтузиазмом излагали широко распространенный неотрадиционалистский миф о древнеславянском чудо-хлебе из муки амаранта. Содержащаяся в любом источнике информация о происхождении этой зерновой культуры из Америки такому мифотворчеству ни в коей мере не препятствует.

Содержание ритуальной и праздничной обрядности зависит от идейно-религиозных воззрений членов общины. Поселенцы Юрт-Бергамака проводят языческие ритуалы на капище и участвуют в праздниках, которые устраиваются славянской общиной в Окуне. Важнейшими из них являются праздник Перуна и Солнцестояние (Купала). Ход этих праздников обрастает мифологическими сюжетами. Нам рассказали об эпизоде, имевшем место во время праздника Перуна в июле 2015 г. В момент, когда пламя ритуального костра взмыло вверх, на небе появилась тучка и блесну-

ла яркая молния. «*Это Дед (Перун. – А.С.) явил нам знак своего могущества*», – заключили наши собеседники.

Обрядность приверженцев движения «Анастасия» находится в стадии формирования и варьирует в зависимости от принадлежности к той или иной общине. Общим для всех участников движения является установленный Анастасией День Земли – 23 июля (это же и день рождения Вл. Мегре). Важное место в обрядности анастасиевцев имеют так называемые «брачные слеты», на которых молодые люди ищут «половинки» из своей среды. Наблюдается тенденция к созданию своеобразной внутриобщинной эндогамии.

Отношение к городу и городскому образу жизни неоднозначно. Город воспринимается как темное мертвое пространство, где ростки жизни задушены бетоном и асфальтом. В то же время радикальный разрыв с городом невозможен. Живущий в «чуме» Андрей является математиком по образованию и по Интернету получает задания на разработку компьютерных программ. У других наших собеседников в городе остался бизнес

или есть доход от сданной в аренду квартиры. Двойственность положения части городского социума, порвавшего с городской средой, представляет собой, вероятно, наиболее важный аспект феномена новых экопоселений.

Список литературы

Селезнев А.Г. Новая мифология истории: архетип «древних цивилизаций» и сакральный центр в районе деревни Окунево // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 5. – С. 41–59.

Селезнева И.А. Сакральный центр и внешний мир: проблемы взаимодействия // Этнографическое обозрение. – 2014. – № 5. – С. 59–73.

References

Seleznnev A.G. Novaja mifologija istorii: arhetip “drevnih civilizacij” i sakral’nyj centr v rajone derevni Okunevo // Etnograficheskoe obozrenie. 2014. No. 5. Pp. 41–59. (In Russ.).

Selezneva I.A. Sakral’nyj centr i vneshnij mir: problemy vzaimodejstvija // Etnograficheskoe obozrenie. 2014. No. 5. Pp. 59–73. (In Russ.).

Е.Ф. Фурсова

Новосибирский государственный университет

E-mail: mf11@mail.ru

ПОЛИТИКА «НОВОГО БЫТА» И ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА СИБИРСКИХ КРЕСТЬЯН В 1920-х ГОДАХ*

В статье на основе полевых материалов подвергнуты анализу результаты политики «нового быта» советского государства 1920-х гг. в отношении традиционных форм одежды сибиряков-старожилов. Данные интервью свидетельствуют о том, что уникальные разработки дизайнеров нового советского государства при отделе Наркомпроса не проникали в жизнь сибирской деревни. Усилия СМИ 1920-х гг. были направлены на активное вытеснение традиционного крестьянского костюма как не соответствовавшего идеалам «нового быта» на государственном уровне. В 1920-х гг. в этнокультурных и конфессиональных группах русских Западной Сибири еще сохранялись особенности традиций одежды, поэтому процессы трансформаций у старожилов, старообрядцев и переселенцев протекали по-разному. Мода на мужские просторные рубахи с кокеткой («бунтарские», «толстовки») и высокими, выше колен, сапогами пропагандировалась и переносилась в деревню госчиновниками, работниками культуры из города, а также агитбригадами, ставившими пропагандистские постановки (ср. актерский коллектив «синеглазчиков»). Женская крестьянская одежда во многих чертах была по-прежнему символична и выполняла этноразделительную, полоразделительную и пр. функции. Совершенно очевидно, что предлагавшиеся «геометризированные» формы, укороченная длина платьев с заниженной талией не имели распространения в сибирской деревне первого десятилетия советской власти. Причин тому было много, однако, важнейшей было несоответствие нового образа традиционным представлениям о женской красоте и, в целом, многовековой культуре костюма.

Ключевые слова: традиционная сибирская одежда, модные нововведения, ценности «нового быта».

E.F. Fursova

Novosibirsk State University

E-mail: mf11@mail.ru

“NEW EVERY DAY LIFE” POLITICS AND TRADITIONAL DRESS OF THE SIBERIAN PEASANTS IN 1920s

We analyzed the results of the policy of the “new life” of the Soviet State in relation to the traditional forms of Siberian old-timer dress in 1920s on the ground of the field material. The interview evidences that the unique design, created by designers of Soviet People’s Commissariat of State at the Department did not penetrate to the life of Siberian country. In 1920s the mass-media efforts were aimed to active displacement of traditional peasant costume, it does not conform to the ideals of the “new life” at the state level. At that period the Russians ethno-cultural and religious groups in Western Siberia still conserved features of traditional dress, so the transformation have differently happened among the old timers, the Old Believers, and immigrants. The vogue of man baggy shirt with yoke (“rebellious”, “smock”) and high overknee boots was propagandized and transferred to the country by government officials, cultural city workers, as well as propaganda team with the propaganda performances (cast group “Blue Blouses”). Female peasant dress was still symbolic and had the ethno-, gender-divisionary etc. functions in many ways. It is obvious that the proposed “geometrized” forms, shorter length of dresses with low waist had not spread in the Siberian country during the first decade of Soviet State. There were many reasons, but the most important was discrepancy of new image to traditional view on female beauty and, in general, the centuries-long dress culture.

Keywords: traditional Siberian dress, the fancy innovation, the value of “new every day life”.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045).

Госорганы советского государства в 1920-е гг. закладывали краеугольный камень «нового советского быта». В бесплатных приложениях к журналу «Красная сибирячка» освещался т.н. культурный поход в быт. На страницах издания крестьянкам рассказывали, как наводить образцовую чистоту в избах, организовать пропагандистские рейды «на грязь» и пр. Здесь же приводились в качестве образцов ранее неизвестные для деревни орнаменты кружев, вышивок, публиковались фотографии девушек в одежде нового вида и с короткими стрижками [Листок рукоделия, 1929, с. 2].

Новому человеку требовался новый костюм. Совершенно очевидно, что эстетический идеал красоты 1920-х гг. – женщина с мальчишеской фигурой, без талии, с плоской грудью был нововведением и не укладывался в народные представления о женской красоте. Стараясь приблизить модный образ «инфантильной девушки» к народным вкусам, художники журнала «Новости моды» разрабатывали фасоны платьев, которые по силуэту и конструктивным линиям, расположению вышивок, напоминали крестьянские рубахи поликового покроя [Горина, 1974, с. 43; Новости моды, 1922, № 2]. О попытках создавать новую одежду по мотивам народного костюма можно узнать со страниц журнала «Ателье», первого советского журнала мод. Художник Н.П. Ламанова с первых дней советской власти включилась в работу по созданию костюма «для нового человека». По ее инициативе при отделе Изоискусства Наркомпроса была организована опытная лаборатория бытового костюма, разработки которой на базе народных принципов костюма не имели аналогов в мире [Горина, 1974, с. 43; Ателье, 1923, с. 1, 35, 42].

Однако в сельской местности, даже в молодежной среде, мало кто имел возможность, а подчас и желание ознакомиться с модными журналами. По этой причине приходящие из города новации отвоевывали себе место с трудом: они то видоизменяли традиции, то вытесняли их. Часть населения, прежде всего пожилые люди и старообрядцы, вообще игнорировали такое явление как мода и придерживались знакомых с детства форм одежды.

В 1920-х гг. в этнокультурных и конфессиональных группах русских Западной Сибири еще сохранялись особенности традиций одежды (и в целом культуры костюма), поэтому процессы трансформаций у старожилов, старообрядцев и переселенцев протекали по-разному. Условия жизни диктовали формы одежды и качество материалов: в послевоенные 1920-е гг. значительная часть населения обнищала, как рассказывали информанты, «опять перешли на холсты». Ко второй

половине десятилетия, когда немного поднялись крестьянские хозяйства и появилась возможность покупать дешевые ткани и украшения, модные тенденции не только не вдохновляли сельских жителей, но многим из них так и оставались не известны. Полевые этнографические материалы свидетельствуют о том, что модные для того времени платья-рубашки можно было увидеть в основном на молодых женщинах из городской среды. На некоторых фотографиях 1920-х гг. женщины изображены в таких платьях и надетых поверх пиджаках, курках, саках, что, конечно, не предполагалось художниками-разработчиками носить вместе (рис. 1). Короткие платья до колен и немного ниже можно видеть на фотографиях, однако, согласно данным интервью, последовательниц такой длины одежды находилось мало. Вышедшие из-под воли отца и родительского авторитета девушки могли стричься «под мальчика», но отклонение от традиционной женской прически осуждалось старшим поколением, к мнению которого еще прислушивались*.

Рис. 1. Семейная пара. Сибкрай. 1929 г. ПМА.

*Материалы собраны Восточнославянским этнографическим отрядом, организованным Институтом археологии и этнографии СО РАН, в 1988–2014 гг. (руководитель – автор).

Рис. 2. Из семейного альбома, подпись: «Новосельцевы». Алтайский край. 1920-е гг. ПМА.

Основной женской одеждой селянок являлись кофты с юбками, под которые по праздникам надевали нижнюю юбку (*подъюбник*) из белого ситца. Кофты шили с плечевыми швами или на кокетке свободного силуэта. Юбки сохранялись, как и в прежние годы, бористые, сделанные из нескольких прямых полотен тканей. Однако в это время из-за экономии их стали шить менее пышными, т.е. из меньшего числа отрезков ткани. Нередко инициаторами небрежения стародавними семейными обычаями в первой трети XX в. становились мужчины, особенно в тех случаях, когда это касалось, с их точки зрения, нелепой «бабьей» затеи, смысл которой им был неясен. Из полевых материалов разных районов Южной Сибири становится очевидным, что, вольно или невольно препятствуя раскрепощению женщин в том виде, как его понимала новая советская власть (общественная работа, просвещение и пр.), мужчины поддерживали тенденцию отказа от ношения многослойных женских головных уборов (напр., с *шапмурой*) [Васеха, 2013, с. 43; Фурсова, 2014, с. 110].

Для хозяйствования по дому в межсезонье женщинам хватало *стеженок кофт*. Известны были

пальто, *пальтишки*, которые шили сами или заказывали шить портнихам из самотканой шерсти и льна. Стеганные на шерсти с воротником-шалькой и застежкой на пуговицы, они считались зимней женской одеждой для улицы. Постепенно у женщин также распространились стеганные на вате *маринаки*, плюшевые *жакетки*.

Зимний гардероб, ранее включавший в основном шубы, пополнился городского вида пальто с отложным меховым воротником и застежкой на ряд пуговиц. Молодые женщины из сельской интеллигенции, носившие пальто, покрывали головы глубоко надвинутыми на голову шляпами *колоколами*, которые полностью закрывали волосы, крестьянки покрывали голову *шалями* и *платками*.

В 1920-х гг. мужской комплекс одежды составляли рубахи с плечевыми швами (разрезанными в плечевой области), сохранявшие, однако, по традиции воротник-ошейник и *столбик-застежку*. Старожилы, которые и в начале XX в. мало украшали одежду вышивками, теперь почти отказались от этого вида орнаментации. Сохранялся косой левый разрез ворота, наряду с новым – прямым, по центру. Рубахи носили как заправленными (молодые и среднего возраста), так и навыпуск, подпоясываясь поясом или ремнем. Пришедшие с войны солдаты донашивали форменную одежду – гимнастерки. На фотографиях того времени можно увидеть мужчин в рубахах на кокетке, которые однако отличались от вышитых рубах начала XX в. отложным воротником, прямой застежкой и выраженной «форменностью» (рис. 2). Мода на длинные рубахи с кокеткой пропагандировалась и переносилась в деревню госчиновниками, работниками культуры из города, актерскими группами, агитбригадами, ставившими постановки на темы нового быта (ср. актерский коллектив «синеглазочников»).

Штаны с узкими штанинами городского покрова, т.е. с поясом и застежкой на пуговицы спереди носили с сапогами или пимами (вместо обуви и чирков). Нередко старожилы надевали новые одежды городского вида в комплекте со старыми, например, рубахи из покупных материалов носили с домоткаными штанами и пиджаками. На смену сапогам *гармошкой* из города пришли сапоги из мягкой кожи длиной выше колен, которые первыми стали носить деревенские власти (см. рис. 2).

В 1920-х гг. *шабуры* и *понитки* остались в качестве рабочей одежды в основном в костюме пожилых людей. Присутственной одеждой молодых мужчин считались *куртки* или *пинжаки*, которые шили из суконной или полусуконной ткани (самопряденной или покупной). Они бывали немно-

го ниже пояса, однобортными или двубортными с отложным воротником. Прически под горшок сменились короткими стрижками.

Неизменными оставались зимние виды одежды как наиболее удобные и проверенные временем – шубы, полушубки. С 1910–1920-х гг., видимо, под влиянием российских переселенцев и привезенных ими образцов одежды стали распространяться *борчатки* – отрезные и соборенные по талии полушубки. На отдельных людях, особенно госслужащих, можно было увидеть пальто. В дальнюю дорогу утеплялись тулупами, собачьими дохами. Летними головными уборами мужчин оставались картузы, зимой носили папахи, кубанки, меховые шапки с длинными (*долгоушки*) или короткими ушами. Распространение *папах* и *кубанок* из черных, белых, рыжих мерлушек и прочих мехов было связано с влиянием казаков, у которых такие уборы были известны ранее.

Таким образом, мода в руках дизайнеров нового советского государства развивалась своим путем, жизнь сибирской деревни и ее бытовое наполнение – своим. Это был период активного вытеснения традиционного костюма крестьян как не соответствовавшего идеалам нового быта на государственном уровне. В 1920-х гг. традиционная крестьянская одежда была по-прежнему символична и выполняла этноразделительную, полоразделительную и пр. функции. Совершенно очевидно, что укороченная длина платьев с заниженной талией не имели распространения в сибирской деревне первого десятилетия советской власти. Причин тому было много, однако, важнейшей было несоответствие нового образа традиционным представлениям о женской красоте и, в целом, многовековой культуре костюма. Если традиционная одежда сибирячек была натуралистична, приближена к фигуре женщины или мужчины, то предлагаемые образцы одежды 1920-х гг. были основаны на «чистой геометрии» [Кибалова, Гербенова, Ламарова, 1966, с. 307]. Очевидно, что такие поиски в области дизайна костюма не могли найти понимания у основной массы сельского населения. Мужская одежда 1920-х гг., хотя в определенной степени еще сохраняла традиционные черты в виде косовороток, картузов, сапог и пр.,

все же заметно изменилась, что особенно было характерно для молодых людей, исполнявших должностные обязанности. Уменьшилось разнообразие верхней одежды, особенно ее названий (ушли *азям*, *поддевка*, *пониток*, *армяк* и пр.), появились городского вида пальто, которые первоначально можно было увидеть на госслужащих, сельской интеллигенции.

Список литературы

- Ателье.** – 1923. – № 1. – Модели № 1, 35, 42.
- Васеха М.В.** Вовлечение женщин в процесс строительства советского общества в 1920-е гг. // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2013. – Т. 2, № 4 (80). – С. 43–46.
- Горина Г.С.** Народные традиции в моделировании одежды. – М.: Легкая индустрия, 1974. – 43 с.
- Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М.** Иллюстрированная энциклопедия моды. – Прага: Арттия, 1966. – 308 с.
- Листок рукоделия:** прил. к журн. «Красная сибирячка». – 1929. – № 5. – С. 2.
- Новости моды.** – 1922. – № 2. – Обложка.
- Фурсова Е.Ф.** Гендерные различия в подходах к изменениям семейно-свадебных традиций русских сибиряков первой трети XX в. // Пол. Политика. Поликультурность: гендерные отношения и гендерные системы в прошлом и настоящем. – М.: ИЭА РАН, 2014. – С. 110–114.

References

- Atel'e.** 1923. No. 1. Modeli № 1, 35, 42. (In Russ.).
- Fursova E.F.** Gendernye razlichija v podhodah k izmenenijam semejno-svadebnyh tradicij russkikh sibirjakov pervoj treti XX v. // Pol. Politika. Polikul'turnost': gendernye otnoshenija i gendernye sistemy v proshlom i nastojashem. Moscow.: IEA RAN, 2014. Pp. 110–114. (In Russ.).
- Gorina G.S.** Narodnye tradicii v modelirovanii odezhdy. Moscow: Legkaja industrija, 1974. 43 pp. (In Russ.).
- Kibalova L., Gerbenova O., Lamarova M.** Illjustrirrovannaja enciklopedija mody. Praga: Artija, 1966. 308 pp. (In Russ.).
- Listok rukodelija.** Pril. k zhurn. «Krasnaja sibirjachka». 1929. No. 5. 2 pp. (In Russ.).
- Novosti mody.** 1922. No. 2. Oblozhka.
- Vaseha M.V.** Vovlechenie zhenshhin v process stroitel'stva sovetского obshhestva v 1920-e gg. // Izv. Alt. gos. un-ta. 2013. Vol. 2, No. 4 (80). Pp. 43–46. (In Russ.).

А.П. ЧемчиеваИнститут археологии и этнографии СО РАН
E-mail: arjana@ngs.ru

ТУВИНЦЫ-ТОДЖИНЦЫ В КОНТЕКСТЕ ИНДИГЕННОГО ДВИЖЕНИЯ*

В представленной статье рассматриваются актуальные проблемы, стоящие перед тувинцами-тодджинцами – коренным малочисленным народом Российской Федерации, сохраняющим традиционную систему жизнеобеспечения. В рамках статьи дается краткий обзор процесса законодательного закрепления за тувинцами-тодджинцами статуса коренного малочисленного народа. Отмечается, что впервые тувинцы-тодджинцы были признаны малочисленным народом Севера в 1991 г., но из-за распада СССР так и не воспользовались своими правами. В этой связи в 1990-е годы тувинцы-тодджинцы пережили серьезные социально-экономические потрясения. Статус коренного малочисленного народа тувинцев-тодджинцев был заново подтвержден в 2000 г.

В статье показаны пути самоорганизации тувинцев-тодджинцев – создание их первых общин и общественных организаций. Отмечается, что устремления тувинцев-тодджинцев, их общин и ассоциации во многом схожи с чаяниями других коренных малочисленных народов. Обращается внимание, что тувинцы-тодджинцы озабочены своим тяжелым положением, характеризующимся высоким уровнем безработицы, низкой продолжительностью жизни, спадом традиционных отраслей хозяйства. В статье указывается, что тувинцы-тодджинцы в последние годы сосредотачивают свое внимание на защите своих индигенных прав и переносят акцент с вопросов возрождения культуры на решение социально-экономических и политических проблем. Прежде всего, тувинцы-тодджинцы как коренной малочисленный народ, живущий на своей родной земле, считают важнейшей задачей закрепить свои права на исконные земли. Также они ратуют за возрождение оленеводства и стремятся обладать правом практиковать традиционный образ жизни во всей возможной полноте.

Ключевые слова: тувинцы-тодджинцы, коренные малочисленные народы, индигенное движение, Республика Тыва.

A.P. ChemchievaInstitute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: arjana@ngs.ru

TUVINIANS-TODZHU IN THE CONTEXT OF INDIGENOUS MOVEMENT

We consider here the current actual problems, facing to Tuvinians-Todzhu – the indigenous peoples of the Russian Federation with the traditional life-support system. We present the short review of the process of reservation the indigenous people status for Tuvinians-Todzhu. We noticed that, at the first time, Tuvinians-Todzhu was recognized small indigenous group of the North in 1991, but they did not take advantage of their rights due to the collapse of the Soviet Union. In this regard, Tuvinians-Todzhu experienced severe social and economic turmoil in 1990s. Tuvinians-Todzhu again confirmed the status of small indigenous group in 2000. The article shows the ways of Tuvinians-Todzhu self-organization: the creation of the first communities and social organizations. It is noted that the Tuvinians-Todzhu aspirations, of their communities and associations have many similarities with the aspirations of other indigenous populations. We attend that Tuvinians-Todzhu concerned about their tight situation, characterized by high unemployment, low living standards, the decline of traditional economics.

We indicate that Tuvinians-Todzhu focus on the protection of their indigenous rights and shift from the revival of cultural issues to solutions of the socio-economic and political problems for the last years. First of all, Tuvinians-Todzhu as indigenous peoples who lived in their native land, consider the securing of their rights to their ancestral lands as the most important target. They also call for the revival of reindeer breeding and aim to can practice a traditional way of life in all possible completeness.

Keywords: Tuvinians-Todzhu, small indigenous group, indigenous movement, Republic of Tuva.

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

12 декабря 1991 г. Правительство РСФСР издало распоряжение об отнесении тувинцев-тоджинцев к малочисленным народам Севера и включении в перечень районов проживания народностей Севера следующих территорий Республики Тува: Шынаанского сельсовета Кызылского р-на; Азасского, Ийского, Сыстыг-Хемского и Чазыларского сельсоветов Тоджинского р-на. Распоряжение предусматривало государственную поддержку и защиту тувинцев-тоджинцев как малочисленного народа, проживающего в экстремальных экологических условиях и ведущего традиционное промыслово-оленоводческое хозяйство.

Однако тувинцам-тоджинцам было не суждено в то время воспользоваться статусом малочисленного народа Севера. По стечению обстоятельств включение тувинцев-тоджинцев в перечень коренных малочисленных народов Севера хронологически точно совпало с днем ратификации Верховным Советом РСФСР «Беловежского соглашения», прекратившего существование СССР. Распад СССР и последовавшие годы реформ повлекли за собой резкое сокращение государственной помощи северным регионам и малочисленным народам на данных территориях.

В 1990-е годы тувинцы-тоджинцы, как и многие другие малочисленные народы Севера, пережили серьезные социально-экономические потрясения. Тувинцы-тоджинцы столкнулись с ликвидацией советских хозяйственных структур (совхозы, колхозы, промхозы) и прекращением государственного медицинского, торгового и транспортного обслуживания маршрутов производственной деятельности оленеводов и промысловиков. С переходом к рыночным отношениям уровень и качество жизни тувинцев-тоджинцев резко снизились, многие из них остались без работы и были вынуждены жить за счет натурального хозяйства. Традиционное занятие тувинцев-тоджинцев, оленеводство, постепенно пришло в упадок. Поголовье оленей в регионе, насчитывавшее в 1980 г. 14500 голов, к 2000 г. сократилось до 1200 голов [Юбилейный статистический сборник..., 2014, С. 160].

В 2000-е годы статус малочисленного народа тувинцев-тоджинцев был заново подтвержден. В 2000 г. тувинцы-тоджинцы были включены в «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации», а в 2006 г. в «Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Наряду с этим были уточнены территории проживания тувинцев-тоджинцев. В 2009 г. в «Перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации» были по Республике Тыва включены

Монгун-Тайгинский муниципальный р-н (сельские поселения Моген-Буренский, Тоолайлыг), Тере-Хольский муниципальный р-н (сельские поселения Шынаанский, Каргынский, Балыктыгский, Эми), Тоджинский муниципальный р-н (сельские поселения Азасский, Ийский, Сыстыг-Хемский, Чазыларский) и Эрзинский муниципальный р-н (сельское поселение Бай-Дагский).

Между тем наделение тувинцев-тоджинцев статусом коренного малочисленного народа не сразу вовлекло их в общероссийское общественное движение коренных малочисленных народов. Малочисленный народ, проживающий в труднодоступных и изолированных поселениях, а частью на оленеводческих стоянках, не был готов незамедлительно самоорганизоваться и начать диалог с государственными и местными властями о своих правах и нуждах. В этой связи первая община коренных малочисленных народов была зарегистрирована в Республике Тыва только в 2009 г. Это была община «Хам-Сыра-Алдын-Иви», организованная оленеводом С.А. Демкиной из с. Хамсара Тоджинского р-на.

В течение последующих лет в Республике Тыва было зарегистрировано еще несколько общин тувинцев-тоджинцев: «Эми» (с. Кунгуртуг, Тере-Хольский р-н) и «Моген-Бурен» (с. Кызыл-Хая, Монгун-Тайгинский р-н) в 2010 г.; «Узю» (с. Ий, Тоджинский р-н) и «Балыктыг» (с. Тал, Тере-Хольский р-н) в 2011 г.; «Кара-Доот» (с. Ий, Тоджинский р-н) и «Оо-Хем» (с. Адыр-Кежиг, Тоджинский р-н) в 2012 г.; «Дзун-Саян» (с. Тоора-Хем, Тоджинский р-н) в 2013 г.; «Кара-Балык» (с. Адыр-Кежиг, Тоджинский р-н) в 2015 г. Отметим, что в соответствии с российским законодательством представители коренных малочисленных народов могут объединяться в общины по кровнородственному (семья, род) и/или территориально-соседскому признакам. В Республике Тыва все зарегистрированные общины являются территориально-соседскими.

В 2010 г. в качестве главной организации тувинцев-тоджинцев была зарегистрирована «Ассоциация общин коренного малочисленного народа Сибири тувинцев-тоджинцев “Тос Чадыр” (Берестяной Чум)». Основной целью ассоциации является отстаивание экономических, социальных, политических и культурных интересов тувинцев-тоджинцев.

Устремления тувинцев-тоджинцев, их общин и ассоциации во многом схожи с чаяниями других коренных малочисленных народов страны. Как и другие малочисленные народы они озабочены своим тяжелым положением, характеризующимся высоким уровнем безработицы, низкой продолжительностью жизни, спадом традиционных отраслей хозяйства. В этой связи для тувинцев-тоджинцев

все большую важность приобретает проблема социальной справедливости. В последние годы тувинцы-тоджинцы сосредотачивают свое внимание на защите своих индигенных прав и переносят акцент с вопросов возрождения культуры на решение социально-экономических и политических проблем.

Прежде всего, тувинцы-тоджинцы как коренной малочисленный народ, живущий на своей родной земле, считают важнейшей задачей закрепить свои права на исконные земли. В настоящее время Земельный кодекс РФ предусматривает две формы владения земельными ресурсами: на основе собственности или аренды. Характер владения тувинцев-тоджинцев сельскохозяйственными землями не отвечает современным законам, их пастбища никак не оформлены. В то же время, в связи с тем, что земля все больше приобретает коммерческую ценность, тувинцы-тоджинцы желают оформить права на свои угодья. Однако сталкиваются с тем, что межевание пастбищных угодий требует больших материальных затрат, которые многим из них не под силу. В сложившихся условиях они возлагают большие надежды на создание на своих землях ТТП (территории традиционного природопользования), проект которой обсуждается в Правительстве Республики Тыва.

Тувинцы-тоджинцы не согласны с тем, что властные органы, принимая решения по вопросам использования земель, не консультируются с коренным населением и игнорируют интересы общин. Они видят, что их земли оказываются под угрозой широкомасштабных правительственных программ развития, таких как разработка месторождений полезных ископаемых, добыча золота. Так, в наши дни на территории Тоджинского р-на работают российская «Голевская горнорудная компания» и китайская горнодобывающая компания ООО «Лунсин». Тувинцы-тоджинцы опасаются сокращения пастбищ и промысловых угодий из-за промышленного освоения территорий. Также их тревожит, что промышленное освоение территорий их проживания будет иметь негативные экологические последствия и снизит продуктивность их охотничьих и рыболовных угодий, оленьих пастбищ. В связи с этим тувинцы-тоджинцы хотели бы иметь гарантии на получение компенсаций от хозяйствующих субъектов за причиненный ущерб.

Лидеры и общественные деятели тувинцев-тоджинцев сходятся во мнении, что на сегодняшний день еще одной важнейшей задачей является поддержание и дальнейшее развитие оленеводческого хозяйства. С начала 2000-х гг. поголовье оленей в Республике Тыва постепенно растет и в 2013 г. составило 2500 голов [Юбилейный статистический сборник..., 2014, с. 160]. Рост поголовья оленей в регионе произошел благодаря протекционистской

политике Правительства Республики Тыва, взявшего отрасль под контроль.

Следует отметить, что на сегодняшний день оленеводство существует у тувинцев-тоджинцев в частной и государственной формах собственности. Так, в Тоджинском районе в 1990-е гг. в результате приватизации часть оленей, ранее принадлежавшая совхозам, перешла в частные руки. Другая часть оленей была передана коллективному долевому хозяйству, позже преобразованному в муниципальное унитарное предприятие (МУП) «Одуген».

Положение частных оленеводов и единственного государственного оленеводческого предприятия в Республике Тыва различается по объему государственной финансовой поддержки. Так, на содержание одного оленя в регионе один раз в год из республиканского бюджета выделяется субсидия в размере 1200 рублей. Еще столько же денег на одного оленя выделяет Фонд поддержки оленеводов Республики Тыва, основанный в 2012 г. и аккумулирующий спонсорские взносы от крупных инвесторов, работающих в регионе. Кроме того, дополнительные финансовые средства поступают из федерального бюджета, но эти деньги получает только МУП «Одуген» за ведение племенной работы. В этой связи оленеводы-частники выступают за распространение федеральной помощи и на свои хозяйства, поскольку считают, что также занимаются племенной работой и сохраняют поголовье местного подвида оленя.

Тувинцы-тоджинцы ратуют за возрождение оленеводства и стремятся обладать правом практиковать традиционный образ жизни во всей возможной полноте. Восстановление и развитие оленеводческих хозяйств они связывают с принятием регионального закона об оленеводстве и поддержкой нелегкого труда оленеводов.

Резюмируя сказанное отметим, что в наши дни тувинцы-тоджинцы испытывают большие трудности социально-экономического развития. Однако законодательное закрепление за ними правового статуса коренного малочисленного народа способствовало изменению их социального положения и самоощущения. В этой связи тувинцы-тоджинцы все чаще берут на себя инициативу и стремятся отстаивать свои права и интересы.

Список литературы

Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы. – Кызыл: Тывастат, 2014. – 208 с.

References

Jubilejnyj statisticheskij sbornik k 100-letiju edinenija Rossii i Tuvy. Kyzyl: Tyvastat, 2014. 208 pp. (In Russ.).

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

А.В. Выборнов^{1, 2}, И.А. Грачев³, И.Д. Зольников^{1, 2, 4}, А.А. Картозия^{2, 4},
Г.И. Марковский¹, В.С. Славинский¹, С.М. Слепченко⁵, А.А. Цыбанков¹

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирский государственный университет

³Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

⁴Институт геологии и минералогии СО РАН

⁵Институт проблем освоения Севера СО РАН

E-mail: vb.anton@gmail.com

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА МЕСТОНАХОЖДЕНИИ РЯБЧИКОВ КЛЮЧ-1 ПОД ГОРОДОМ КАНСКОМ В 2015 ГОДУ*

В ходе спасательных археологических работ под г. Канском в Иланском р-не Красноярского края исследовано местонахождение Рябчиков Ключ-1. Оно было открыто в 2011 г. и является частью Анжевского комплекса археологических памятников. Местонахождение занимает наклонную площадку острогребневого рельефа. Его формирование связано с неотектоническими процессами. В раскопе стратиграфически выделены два основных уровня залегания археологического материала. С верхним (первым) уровнем связаны находки Средневековья – этнографической современности. Каменная индустрия в основном представлена отщепами без вторичной обработки, обломками сырья местного происхождения, простыми нуклеидными формами. Обнаружен нуклеус, связываемый с неолитическими традициями. Найдены фрагменты керамических сосудов и археологически целые сосуды. Металлические изделия в слое соотносятся с периодом этнографической современности. Второй культурно-стратиграфический уровень ассоциируется с периодом бронзы – раннего железного века. Каменная индустрия демонстрирует полную утрату навыка получения заготовок устойчивых форм в сочетании со средним или даже высоким уровнем вторичной обработки сколов. Керамическая посуда представлена фрагментами лепных сосудов в основном открытых форм, профилированных, с отогнутым венчиком, предположительно круглодонных. Наиболее показательные структуры археологического объекта – два позднесредневековых погребения (девушка и ребенка), в которых обнаружены предметы, позволяющие соотносить их создателей с позднекочевническим культурным типом. Среди элементов погребального инвентаря захоронения девушки найдены бусины из стекловидной пасты, кашенная бусина, браслет из раковин каури, ажурный бронзовый диск с фигурами драконов, фрагмент железного изделия, железный черешковый нож, хвостовые позвонки коровы. В погребении ребенка обнаружены чечевицеобразные бусины бирюзового цвета и два глиняных лепных сосуда серого цвета.

Ключевые слова: Канско-Рыбинская котловина, река Кан, Анжевский комплекс археологических памятников, местонахождение Рябчиков Ключ-1, эпоха бронзы, ранний железный век, позднее Средневековье, спасательные раскопки.

A.V. Vybornov^{1, 2}, I.A. Grachev³, I.D. Zolnikov^{1, 2, 4}, A.A. Kartoziya^{2, 4},
G.I. Markovskiy¹, V.S. Slavinskiy¹, S.M. Slepchenko⁵, A.A. Tsybankov¹

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State University

³Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS

⁴V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS

⁵Institute of Problem of Development of the North

E-mail: vb.anton@gmail.com

RESCUE ARCHAEOLOGICAL EXCAVATION AT THE RYABCHIKOV KLYUCH 1 SITE NEAR KANSK IN 2015

We investigated the Ryabchikov Klyuch 1 occurrence in the course of rescue archaeological excavation near Kansk in the Ilan district of the Krasnoyarsk territory. The occurrence forms part of Anzhevsk complex of sites and is known

*Исследование проведено в рамках выполнения государственного задания в сфере научной деятельности (№ 33.702.2014/К).

since 2011. The occurrence occupies a slope area of the sharp rigged relief. Its formation is associated with neotectonic processes. We divided two main stratigraphic levels of archaeological material bedding. The upper (first) level is associated with materials of Middle Ages – the ethnographic present. Stone industry mainly includes the unretouched flakes, chunks of local raw materials, and simple core form, Neolithic core and fragmental and complete ceramic vessels. Metal items are confined in the layer to period ethnographic present. The second cultural and stratigraphic level is associated with Bronze Age – Early Iron Age. Stone industry demonstrates the lack of persistent blank form production, accompanying well or even high level of secondary treatment. Pottery is presented by fragmental molded vessels: mainly opened forms, profiled, with deflected rim and, probably, round bottoms. The most presentable structures of this archaeological objects are two medieval burials, which contained the items, associated with late nomadic cultural type. The female burial includes the beads made of vitreous paste, colored bead, cowrie bracelet, bronze disk with dragon images, fragment of iron item, iron stemmed knife, cow caudal vertebra. The child burial contained the lenticular beads of turquoise color and two clay molded vessels of grey color.

Keywords: Kansk-Rybinsk Hollow, Kan River, Anzhevsk complex of archaeological sites, Ryabchikov Klyuch 1 site, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Age, rescue excavation.

Местонахождение Рябчиков Ключ-1 расположено юго-восточнее г. Канска Красноярского края, на правом берегу р. Кан и включено в Анзевский комплекс археологических памятников. Значительная часть этого комплекса смежных памятников была исследована в ходе спасательных археологических раскопок в 2015 г. (см. статью в настоящем сборнике). Местонахождение Рябчиков Ключ-1 имеет характерные черты ландшафта, стратиграфии и культурных отложений, выделяющие его на фоне смежных памятников – стоянок Нефтепровод-1 и Нефтепровод-2, а также местонахождения Рябчиков Ключ-2.

Памятник был открыт в 2011 г. и в дальнейшем исследовался экспедицией Сибирского федерального университета под руководством Е.В. Князевой и П.В. Мандрыки. Границы объекта, согласно результатам предшествующих работ, представляют собой вытянутый четырехугольник, включающий наклонную площадку и часть склона надпойменного террасовала от восточного склона лога безымянного ручья до склона высокой поймы. В учетной документации отмечается, что археологический материал был переотложен в результате современной антропогенной деятельности и склоновых процессов.

Раскоп расположен на геоморфологически сложной площадке с каменными россыпями, а стратиграфия показала значительное разнообразие подстилающих культурным слоям отложений. Геоморфологическая характеристика участка демонстрирует его острогребневый характер. На склонах его гряд отмечено плащеобразное скопление щебней и отломов, представленных породами палеозойского фундамента. При этом на более высоких гипсометрических уровнях скальные выходы в радиусе нескольких километров отсутствуют. Следует особо подчеркнуть, что острогребневые гряды этого геоморфологического сегмента представляют собой две пластины, кото-

рые являются расщепленными фрагментами плосковершинной гряды (горста) соседнего геоморфологического сегмента. При этом само расщепление и сброс, по всей видимости, были обусловлены сейсмическим событием и носили быстротекущий характер, что подтверждается большим оползнем и провалом между плосковершинной грядой и острогребневыми грядами. Соответственно скопления обломочного материала представляют собой сейсмодерупций (спровоцированные землетрясением обвальные отложения). Обломки были сброшены с более высоких участков на более низкие в ходе резкого опускания блоков. О высокой вероятности такой интерпретации свидетельствует отсутствие четвертичных отложений на части поверхности островершинных гряд и близкогребневые фрагментарные выходы палеозойских пород.

В целом, на раскопе стратиграфически и содержательно выделяются два культурных горизонта, связанных с широкими хронологическими отрезками: эпоха бронзы – ранний железный век (при этом основная масса материала относится к позднейшим периодам) и Средневековье – этнографическая современность. С первым связаны находки каменных орудий и редких фрагментов керамических сосудов. К слою раннего железного века – Средневековья относится большинство фрагментов керамики и основные структуры. Во всех слоях отмечено присутствие костей животных. Наиболее крупные скопления костей связаны со вторым культурным горизонтом.

Уровень 1. Хронологически основную массу находок первого уровня можно предварительно датировать периодом Средневековья – этнографической современности. К позднему Средневековью следует отнести и обнаруженные в западной части раскопа захоронения.

Каменная индустрия в основном представлена отщепами без вторичной обработки, обломками сырья местного происхождения, простыми нук-

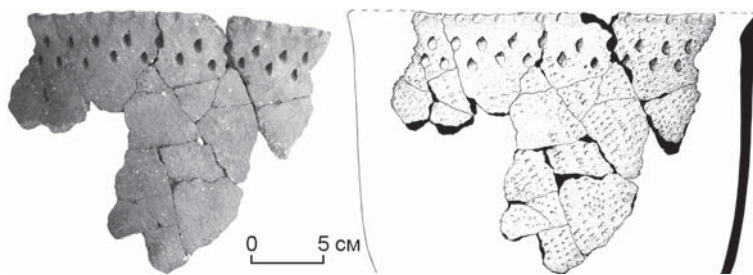
левидными формами. Отдельно стоит отметить обнаружение конического нуклеуса для пластин и микропластин, который сильно выбивается из индустрии не только первого, но и подстилающего второго уровня. Возможно, это единственная находка, уверенно ассоциируемая с неолитическим периодом, при этом перемещенная в стратиграфически более поздние отложения. Каменные орудия представлены преимущественно скребками и ножами разных форм и степеней вторичной обработки: от покрывающей субпараллельной ретуши до мелких зубчатых краевых сколов.

Керамика представлена в основном фрагментами лепных сосудов преимущественно открытых форм различной профилировки, с прямым или отогнутым профилем венчика (см. *рисунок*). В орнаментации использовались следующие элементы и мотивы: отдельные налепы с внешней стороны под срезом венчика или налепной валик, ряды вдавлений круглой палочкой под срезом венчика или сквозные отверстия, вертикальные прочерченные параллельные линии в верхней части сосуда; косые пересекающиеся прочерченные линии; наклонные ряды вдавлений, перемежающиеся с горизонтальными линиями вдавлений; косые ряды зубчатого штампа.

Металлические находки обоих уровней немногочисленны и относятся к самым поздним археологическим периодам, а также к этнографической современности: подковы и их фрагменты, кованый гвоздь, бронзовая пуговица.

Уровень 2. Хронологически основную массу находок второго уровня можно предварительно датировать периодом бронзы – раннего железного века.

Каменная индустрия представлена в первую очередь отщепами и обломками без вторичной обработки, находки пластин единичны. Это связано с попытками создания заготовок и орудий из местного сырья – твердого и хрупкого, близкого по параметрам к халцедонам. Нуклевидные формы крайне просты, преобладают одноплощадочные ядрища с ударными площадками прямыми естественными или подготовленными одним сколом. Фронт скалывания таких нуклеусов несет на себе негативы не более трех-четырех снятий, и может быть как плоским, так и сильно выпуклым. Даже более или менее оформленные ядрища по принципу скалывания постоянно тяготеют к аморфным. Все сколы с нуклевидных форм получены при помощи ударной техники. В категории орудий следует отметить изделия с бифасиальной обработкой

Местонахождение Рябчиков Ключ-1. Фрагмент керамического сосуда из первого культурного уровня, часть раскопа 13А.

(бифасы листовидной формы, вкладыш, наконечник стрелы, заготовки и фрагменты орудий). Также встречаются тщательно оформленные скребки каплевидной формы с покрывающей обработкой дорсальной поверхности и вентральной подтеской. В целом каменная индустрия демонстрирует полную утрату навыка получения заготовок устойчивых форм в сочетании со средним или даже высоким уровнем вторичной обработки сколов.

Керамика представлена фрагментами лепных сосудов в основном открытых форм, профилированных, с отогнутым венчиком, предположительно круглодонных. В орнаментации использовались следующие элементы и мотивы: наклонные вдавления зубчатого штампа или овальные наклонные вдавления, формирующие ряд по срезу венчика, по тулову сосуда сразу от внешней кромки венчика; горизонтальные ряды вдавлений палочкой, идущие под разным наклоном и формирующие «ёлочку»; сплошные горизонтальные ряды ногтевидных вдавлений по поверхности сосуда.

Особый интерес на раскопе местонахождения представляют позднесредневековые объекты, из которых выделяются два погребения.

Погребения располагались в линию вдоль края западного возвышения гребня. До начала раскопок на уровне современной дневной поверхности никаких следов или признаков погребений не наблюдалось. Могильные ямы были обнаружены после снятия дернового слоя (0,2 м от уровня современной дневной поверхности). Форма могильных ям подпрямоугольная; ориентированы длинной осью по линии запад – восток, вверх по течению реки. Глубина могил 0,35 и 0,55 м. В заполнении фиксировались комья плотного суглинка светло-желтого цвета, перемежающиеся гумусированной серой супесью. В кровле погребений фиксировались незначительные следы деревянных плашек и бересты, перекрывавших могильную яму поперек ее длинной оси. Могильные ямы по периметру были оформлены прямоугольным срубом или рамой из небольших жердей. На дне ям располагались

кости погребенных. Останки в первой могиле принадлежат женщине 14–16 лет, во второй – ребенку 5–6 лет. В составе погребального инвентаря женщины находились белые бочкообразные бусины из стекловидной пасты, крупная кашенная бусина бежевого цвета, низка из 6 ракушек каури, ажурный литой бронзовый двусторонний диск с фигурами двух драконов, фрагмент железного изделия (сильно корродирован), железный черешковый нож. Обнаружены в сочленении два хвостовых позвонка коровы (определение С.К. Васильева). В погребении ребенка найдены 25 чечевицеобразных бусин бирюзового цвета, изготовленных из стекловидной пасты. В ногах погребенного находились два глиняных лепных сосуда серого цвета.

Описанными погребениями явно ограничивается могильная группа на изученной территории. Характер погребального инвентаря, формы и состояние погребений свидетельствуют о поздне-средневековом периоде их сооружения. Прямая аналогия бронзовому диску с драконами известна в погребальных комплексах Северного Приангарья [Сенотрусова, Мандрыка, Тишкин, 2014, с. 73]. Мы предполагаем, что погребения имеют широкую датировку XIV–XVII вв. Первичная интерпретация позволяет говорить о принадлежности погребенных к местной группе поздних кочевников Канской лесостепи, археологические источники по которым крайне скупы, а этнографические ограничиваются консолидированной информацией на карте Б.О. Долгих.

Таким образом, материалы, полученные в ходе спасательных археологических работ на местонахождении Рябчиков Ключ-1, позволили сформировать корпус источников по освоению территории, которая представляет окраину археологического микрорайона (Анжевского комплекса археологических памятников). Наиболее ранние периоды заселения эпохи бронзы связаны с использованием местного сырья из консолидированных пород в сейсмодерупциях, проявляемых в скоплениях каменных изделий, которые рассматриваются как производственные площадки. Материалы раннего железного века и Средневековья содержат остатки охотничьей и скотоводческой деятельности. С поздним Средневековьем и этнографической современностью связаны погребальные и хозяйственные структуры.

Список литературы

Сенотрусова П.О., Мандрыка П.В., Тишкин А.А. Находки китайских изделий в средневековых памятниках нижнего течения Ангары // Теория и практика археологических исследований. – 2014. – № 2 (10). – С. 72–78.

References

Senotrusova P.O., Mandryka P.V., Tishkin A.A. Nakhodka kitajskikh izdelij v srednevekovykh pamjatnikakh nizhnego techenija Angary // Teorija i praktika arkeologicheskikh issledovanij. 2014. No. 2 (10). Pp. 72–78. (In Russ.).

**А.В. Выборнов^{1, 2}, В.С. Славинский¹, А.А. Цыбанков¹, И.А. Грачев³,
Ю.А. Гревцов⁴, С.П. Журавков⁴, Д.Н. Лысенко⁵, Н.П. Макаров⁶,
Г.И. Марковский¹, В.Е. Матвеев⁵, И.В. Стасюк^{1, 7}, Е.А. Томилова^{1, 7}, С.М. Фокин⁶**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирский государственный университет

³Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

⁴ООО «Красноярская археология новостроек»

⁵ООО «Красноярская геоархеология»

⁶Красноярский краевой краеведческий музей

⁷Красноярский государственный педагогический университет

E-mail: vb.anton@gmail.com

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ ПОД ГОРОДОМ КАНСКОМ В 2015 ГОДУ

В 2015 г. проведены спасательные археологические раскопки в рамках выполнения мероприятий по сохранению объектов культурного наследия при строительстве автодороги у г. Канска, Красноярский край. Три изученных археологических объекта расположены на правом берегу р. Кан, выше по течению и юго-восточнее г. Канска и включаются в Анжеевский комплекс памятников. Геолого-структурный контроль и неотектоника предопределили специфику формирования четвертичных отложений района. Археологические материалы из раскопок стоянок Нефтепровод-1 и Нефтепровод-2 принципиально распределяются по трем основным культурно-стратиграфическим уровням. Первый уровень связан с периодом раннего железного века – Средневековья. К этому времени относятся отдельные погребения, деревянная конструкция, металлические изделия (в т.ч. зеркало), каменные артефакты и фрагменты керамических сосудов. Второй уровень определяется периодом неолита – палеометалла и отличается серией погребений, разнообразными находками металлических и костяных артефактов, фрагментов керамических сосудов. Большая часть погребений выполнена по обряду трупоположения: умершие захоронены вытянуто, головой на восток (вверх по течению реки). Часть скелетов в неполном и нарушенном анатомическом состоянии. В составе погребального инвентаря – металлические и каменные орудия, бронзовые украшения. В числе находок из слоя – бронзовые кельты, антропоморфная фигурка, коленчатый кинжал карасукского облика. Третий уровень, содержащий исключительно каменные артефакты и кости животных, вероятно, связан с отложениями позднего плейстоцена – раннего голоцена. Аналоги материалов находятся на территории Среднего Енисея, Северного Приангарья и Прибайкалья. Результаты раскопок существенно дополняют известные построения по археологии Канско-Рыбинской котловины.

Ключевые слова: Канско-Рыбинская котловина, река Кан, Анжеевский комплекс археологических памятников, неолит, эпоха бронзы, ранний железный век, Средневековье, спасательные раскопки.

**A.V. Vybornov^{1, 2}, V.S. Slavinskiy¹, A.A. Tsybankov¹,
I.A. Grachev³, Yu.A. Grevtsov⁴, S.P. Zhuravkov⁴, D.N. Lysenko⁵, N.P. Makarov⁶,
G.I. Markovskiy¹, V.E. Matveev⁵, I.V. Stasyuk^{1, 7}, E.A. Tomilova^{1, 7}, S.M. Fokin⁶**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State University

³Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS

⁴LLC "Krasnoyarsk Archaeology of the Newbuilds"

⁵LLC "Krasnoyarsk Geoarchaeology"

⁶Krasnoyarsk Regional Museum of Local History

⁷V.S. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University

E-mail: vb.anton@gmail.com

RESCUE ARCHAEOLOGICAL EXCAVATION NEAR KANSK IN 2015

The rescue archaeological excavation were conducted in terms of measures for archaeological heritage preservation in the area of highway engineering near Kansk in 2015. Three studied objects are located on the right bank of the Kan

River, upstream and to the southeast of the Kansk in the Krasnoyarsk region, and form part of Anzhevsk complex of sites. Geological and structural control and neotectonics predetermined specificity of Quaternary deposit formation in the area. Archaeological materials of the Nefteprovod 1 and 2 sites are distributed in three main cultural and stratigraphic levels. The first level is associated with Early Iron Age – Middle Ages and characterized by separate burials, wooden construction, metal items, including the mirror, lithic artifacts and fragments of ceramic vessels. The second level is related to Paleomethal and characterized by burial series, various metal and bone artifacts, and the fragments of ceramic vessels. The most of burials presents the body position on the back, headlong to the east and upstream. Some skeletons are partial or in disrupted anatomical condition. The burial assemblage includes the metal and stone tools, bronze ornaments. The level contained the socketed bronze axe, anthropomorphic figurine, cranked dagger of Karasuk character. Third level includes the lithic artifacts and faunal bones only and probably associates with Late Pleistocene – Early Holocene deposits. Analogical material can be found at the territory of Middle Yenisei River, Northern Angara region, Cis-Baikal. This research results significantly add the archaeological scheme of Kansk-Rybinsk Hollow.

Keywords: Kansk-Rybinsk Hollow, Kan River, Anzhevsk complex of archaeological sites, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Age, rescue excavation.

В полевой сезон 2015 г. Канским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН проведены спасательные археологические раскопки на территории, подлежащей освоению при строительстве обхода г. Канска автодороги М-53 «Байкал». В истории исследования и выделения границ изучаемых объектов имеются расхождения в их наименовании и локализации. В учетной документации памятники обозначены как «Анжевка. Стоянка Нефтепровод-2 (Новосмоленка-2)», «Анжевка. Стоянка Нефтепровод-1 (Смоленка)», «Карапсель. Местонахождение Рябчиков Ключ-1». Археологические объекты расположены на правом берегу р. Кан в административных пределах Иланского муниципального р-на Красноярского края.

Первые документированные археологические исследования в этой местности связаны с работой Н.А. Савельева в составе Канского отряда Комплексной археологической экспедиции Иркутского университета в 1972 г. Позднее, в 1989 г., памятники паспортизировались Л.Ю. Блейнисом. В 2011–2015 гг. на археологических объектах южнее урочища Рябчиков Ключ проводились исследования Сибирского федерального университета под управлением Е.В. Князевой и П.В. Мандрыки. Ими были открыты местонахождения Рябчиков Ключ-1 и Рябчиков Ключ-2, погребения на стоянке Нефтепровод-2, предложена схема границ памятников и характеристики культурного слоя, обоснован проект сохранения объектов культурного наследия при строительстве автодороги и мостового перехода через р. Кан. В полевом сезоне 2015 г. были организованы раскопки на трех археологических объектах, на площади более 25 тыс. м², получены материалы по археологии от эпохи палеолита до этнографической современности.

Согласно геоморфологическому районированию территории по материалам геологической съемки, рельеф исследуемого района подразделяется на два типа: эрозионно-аккумулятивный

и структурно-денудационный. К эрозионно-аккумулятивному типу относится южная часть местности, на которой располагается долинно-террасовый комплекс р. Кан. Структурно-денудационный тип рельефа занимает правый борт долины р. Кан, приподнятый и разбитый на неотектонически дифференцированные по разным гипсометрическим уровням блоки. Стоянки Нефтепровод-1 и Нефтепровод-2 занимают поверхности полого-волнисто-равнинного и грядово-оползневого сегментов рельефа, местонахождение Рябчиков Ключ-1 – остро-гребенчатый расчлененный. Это несколько площадок первого и второго террасовалов от уреза р. Кан, отличающихся гипсометрически, видами и порядком рыхлых отложений и коренных пород. Основное распространение археологического материала, связанное со стоянками Нефтепровод-1 и Нефтепровод-2, заключается между двумя ручьями в глубоких логах. Местонахождение Рябчиков Ключ-1 располагается восточнее, на полого наклонной гряде надпойменного террасовала.

Раскопы стоянок Нефтепровод-1 и Нефтепровод-2 имеют общую границу и представляют относительно единый комплекс источников. Обзор полевых исследований местонахождения Рябчиков Ключ-1 представлен в отдельной статье сборника.

На раскопе стоянок Нефтепровод-1 и Нефтепровод-2 стратиграфически и содержательно выделяются три культурных уровня, связанных с широкими хронологическими отрезками: поздний плейстоцен – ранний голоцен, неолит – эпоха бронзы и ранний железный век – Средневековье. С первым связано обнаружение каменных изделий с характерным известковым налетом и отличающихся пластинчато-отщеповой технологией сколов. Со вторым связаны находки каменных орудий и фрагментов керамических сосудов. К уровню раннего железного века – Средневековья относятся фрагменты керамики и металлические предметы. Во всех слоях отмечено присутствие костей животных.

Уровень 1. Хронологически основную массу находок первого уровня можно предварительно датировать периодом раннего железного века – Средневековья. К этому времени относятся отдельные захоронения и деревянные конструкции. Наиболее яркой находкой, определенно датируемой эпохой Средневековья, является зеркало, имеющее аналоги на территории Минусинской котловины X–XIII вв.

Каменная индустрия в основном представлена отщепами без вторичной обработки, обломками сырья местного происхождения, простыми нуклеидными формами. Каменные орудия представлены преимущественно скребками и ножами разных форм, нередко выполненными в бифасиальной манере обработки. Они целиком и полностью подчинены форме заготовок, стандартизация которых в данный период сходит на нет, а качество падает.

Керамика представлена фрагментами лепных сосудов в основном открытых форм различной профилировки, с прямым или отогнутым профилем венчика. В орнаментации использовались следующие элементы и мотивы: налепы и налепной валик с внешней стороны под срезом венчика, наклонные ряды вдавлений круглой палочкой, вертикальные и наклонные прочерченные линии в верхней части сосуда; ряды насечек по срезу венчика и по внешней стороне сосуда, ряды «жемчужин» в верхней части сосуда, насечки орнаментом с неровным концом по всей поверхности, ряды проташенной зубчатой лопатки, лопаточки с прямым краем или палочки с круглым концом. Зачастую орнаментировалась лишь верхняя треть сосуда или только венчик. Тесто фрагментов керамических сосудов из первого уровня содержит большое количество включений: песок, дресву, шамот. Сосуды сильно различаются по плотности теста.

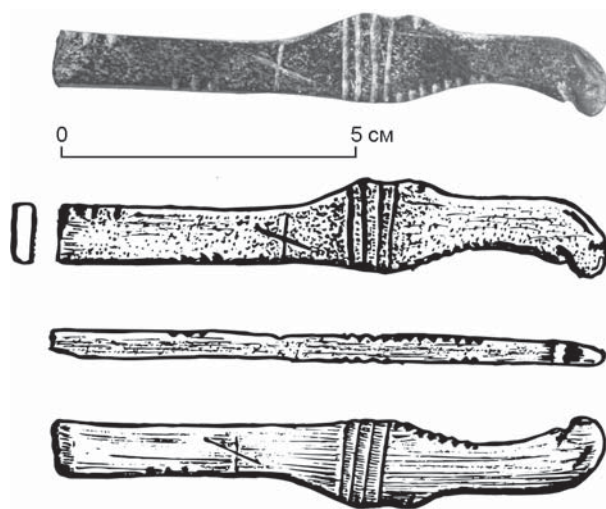
Уровень 2. Хронологически основную массу находок второго уровня можно предварительно датировать периодом неолита – бронзового века. К финалу этого периода относится большая часть погребений, сосредоточенных в двух локациях на площадке первого и бровке второго террасовалов. Основная группа погребений выполнена по обряду труположения: умершие были захоронены вытянуто на спине, головой на восток (вверх по течению реки). Некоторые захоронения маркируются однослойными каменными выкладками. В отдельных погребениях зафиксированы металлические и костяные орудия и украшения, каменные орудия. В части погребений скелеты в нарушенном и неполном анатомическом состоянии.

К периоду поздней бронзы – времени создания большей части погребений – относятся находки изделий, из которых выделяются бронзовые ко-

ленчатые кинжалы, бронзовые кельты, костяная мотыга, бронзовая антропоморфная фигурка и голова лося, выполненная на сланцевой пластинке (см. рисунок).

Каменная индустрия представлена в первую очередь отщепами и пластинами без вторичной обработки. На этом уровне залегания археологического материала фиксируется максимальное разнообразие сырья. Нуклеидные формы различны – от традиционных одноплощадочных монофронтальных нуклеусов до призматических и торцовых. Целевыми заготовками выступали отщепы разных пропорций, пластины и микропластины. Каменные орудия многочисленны и разнообразны: скребки, ножи, скребла, проколки, ретушированные отщепы и пластины, выемчатые орудия. Шлифованные орудия представлены теслами с узким рабочим краем, а также фрагментами лошил-выпрямителей. Следует отметить большое число изделий, в основе которых лежит двусторонняя обработка: бифасы различных форм и размеров, вкладыши, долотовидные орудия, наконечники стрелы и дротиков, ножи, скребки. Многие из них были оставлены на стадии изготовления в результате поломки или дефекта сырья, некоторые представлены фрагментами готовых орудий, сломанных в процессе использования. Так или иначе, но бифасиальные орудия и заготовки являются отличительным признаком рассматриваемой каменной индустрии. В процессе изготовления бифасиальных изделий оставалось большое количество мелких отщепов и осколков, концентрации которых часто фиксируются в границах второго уровня.

Керамика представлена фрагментами лепных сосудов в основном закрытых форм, слабо профи-

Стоянка Нефтепровод-1. Каменное изображение лося из второго условного уровня, № 477.

лированных, с прямым профилем венчика. В орнаментации использовались следующие элементы и мотивы: наклонные оттиски лопаточки с круглым гладким или зубчатым концом, формирующие ряды по внутренней кромке венчика, по срезу венчика и сразу под его внешней кромкой; ряды вдавлений круглой палочкой в верхней части сосуда; ряды оттисков уголка плоской лопаточки по всей поверхности сосуда; наклонные ряды гребенчатого штампа; прямые или зигзагообразные линии, выполненные отступающей протасненной палочкой или узкой лопаточкой; оттиски палочки с круглым концом, поставленной под углом, или орнамента с неровным краем, покрывающие всю поверхность сосуда; текстильные оттиски. Отличительным признаком керамической посуды из второго уровня является почти полное отсутствие в тесте сосудов включений, особенно крупных фракций.

Уровень 3. Хронологически находки из третьего уровня предварительно можно датировать позднелепесточным – раннеголоценовым периодом. Анализ материалов этого культурного слоя посвящена отдельная статья в сборнике.

Результаты планиграфических, стратиграфических исследований памятника, а также анализа предметного комплекса подтверждают предположение о постоянном и активном заселении территории террасовалов на правом берегу Кана в районе небольших ручьев (Рябчиков Ключ и безымянные) в период неолита – Средневековья. Зафиксированы погребальные объекты, металлургическое производство, стояночные комплексы, следы разделки туш животных. Материалы Анжеевского комплекса археологических памятников свидетельствуют о связях населения Канско-Рыбинской котловины с Прибайкальской Сибирью, Приангарьем, Средним Енисеем и являются важ-

ным дополнением к известным теоретическим конструкциям по археологии региона [Тимошенко, Савельев, 2013; Бочарова, Тимошенко, Савельев, 2014; Тимошенко, 2014].

Список литературы

Бочарова Е.Н., Тимошенко А.А., Савельев Н.А. Переход от мезолита к неолиту: хронологические границы и степень культурной преемственности (по материалам многослойного местонахождения Казачка I) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. – С. 125–134.

Тимошенко А.А. Хронология и периодизация каменного века Канско-Рыбинской котловины // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 10. – С. 27–49.

Тимошенко А.А., Савельев Н.А. Бронзовый век Канско-Рыбинской котловины (современное состояние проблемы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 5: Археология и этнография. – С. 19–27.

References

Bocharova E.N., Timoshchenko A.A., Savel'ev N.A. Perekhod ot mezolita k neolitu: khronologicheskie granicy i stepen' kul'turnoj preemstvennosti (po materialam mnogoslajnogo mestonakhzhdenija Kazachka I) // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istorija, filologija. 2014. Vol. 13, iss. 5: Arkheologija i etnografija. Pp. 125–134. (In Russ.).

Timoshchenko A.A. Khronologija i periodizacija kamennogo veka Kansko-Rybinskoj kotloviny // Izv. Irkut. gos. un-ta. Ser.: Geoarkheologija. Etnologija. Antropologija. 2014. Vol. 10. Pp. 27–49. (In Russ.).

Timoshchenko A.A., Savel'ev N.A. Bronzovyy vek Kansko-Rybinskoj kotloviny (sovremennoe sostojanie problemy) // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Ser.: Istorija, filologija. 2013. Vol. 12, iss. 5: Arkheologija i etnografija. Pp. 19–27. (In Russ.).

**А.В. Выборнов^{1, 2}, В.С. Славинский¹, А.А. Цыбанков¹, Г.И. Марковский¹,
И.А. Грачев³, Ю.А. Гревцов⁴, С.П. Журавков⁴, Э.Н. Киргинеков⁵,
И.Д. Зольников^{1, 2, 6}, А.А. Картозия^{2, 6}, В.П. Леонтьев¹**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирский государственный университет

³Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

⁴ООО «Красноярская археология новостроек»

⁵Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова

⁶Институт геологии и минералогии СО РАН

E-mail: vb.anton@gmail.com

ДРЕВНЕЙШИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ОТЛОЖЕНИЯ НА АНЖЕВСКОМ КОМПЛЕКСЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ: ОБЗОР СПАСАТЕЛЬНЫХ РАСКОПОК 2015 ГОДА

В 2015 г. проведены спасательные археологические раскопки в рамках выполнения мероприятий по сохранению объектов культурного наследия при строительстве автодороги у г. Канска. На стоянках Нефтепровод-1 и Нефтепровод-2 зафиксирован культурный слой, стратиграфическое положение которого и обнаруженные археологические предметы свидетельствуют о том, что он относится к древнейшим этапам заселения этой территории. Сложная геоморфология участка работ и характер четвертичных отложений определили различные условия залегания следов ранней жизнедеятельности. Археологические вскрытия показали различную стратиграфию оползневых тел, покрытых в целом единым субэкральным комплексом. Глубина залегания увеличивается на участках тылового шва между различными оползневыми телами. Наибольшее углубление участков культурного слоя наблюдается в тыловом шве у подошвы второго террасовала – наиболее высокого и крутого склона в пределах археологического раскопа. На большей части залегание древнейшего культурного слоя связано с контактом слоев темно-бурой супеси и серовато-коричневых песков, подстилающих слой неолита-бронзы, насыщенный фрагментами керамической посуды. Ряд признаков позволяет ассоциировать найденные здесь каменные изделия с материалами позднего палеолита. Самой многочисленной категорией в каменной индустрии являются отщепы и пластины без вторичной обработки. На архаичность индустрии указывает выпуклая, иногда двугранная форма остаточных ударных площадок. Обнаруженные нуклеусы большей частью представлены ядрищами – одноплощадочными, моно- и бифронтальными. Орудийный набор представлен продольными скребками, скребками, угловыми резцами, ножами, орудиями с двусторонней обработкой. Особое внимание уделяется предварительному ремонту каменных изделий, обнаруженных в скоплении с костями северного оленя.

Ключевые слова: Канско-Рыбинская котловина, река Кан, Анжевский комплекс археологических памятников, поздний плейстоцен, ранний голоцен, каменный век, палеолит, мезолит, спасательные раскопки.

**A.V. Vybornov^{1, 2}, V.S. Slavinskiy¹, A.A. Tsybankov¹, G.I. Markovskiy¹,
I.A. Grachev³, Yu.A. Grevtsov⁴, S.P. Zhuravkov⁴, E.N. Kirginekov⁵,
I.D. Zolnikov^{1, 2, 6}, A.A. Kartoziya^{2, 6}, V.P. Leontiev¹**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State University

³Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS

⁴LLC "Krasnoyarsk Archaeology of the Newbuilds"

⁵L.R. Kyzlasov Khakass National Museum of Local History

⁶V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS

E-mail: vb.anton@gmail.com

THE MOST ANCIENT CULTURAL DEPOSITS AT THE ANZHEVSK COMPLEX OF ARCHAEOLOGICAL SITES: REVIEW OF 2015 RESCUE EXCAVATION CAMPAIGN

The rescue archaeological excavation were conducted in terms of measures for archaeological heritage preservation in the area of highway engineering near Kansk in 2015. Sites Nefteprovod-1 and Nefteprovod-2 fixed cultural stratum,

stratigraphic position and archaeological objects, which indicates that it belongs to the earliest stages of this territory occupation. The complex geomorphology of the studied area and the nature of the Quaternary sediments define the different conditions in bedding of human activity remains. Archaeological excavations have revealed different stratigraphy landslide bodies, covered a single subaerial complex. The depth of the artifact bedding increases in the areas of backing commissure between landslide bodies. A small recessed portions of the cultural layer is observed in the rear seam at the base of the second altiplanation terrace – the most high and steep slope within an archaeological excavation. Most of the artifact bedding in the oldest cultural layer connected to the contact layers of dark brown sandy loam and dun sands, the underlying layer of the Neolithic, Bronze Age, rich fragments of pottery. A number of features allows associate the stone artifacts found here with the materials of the Late Paleolithic. The largest category in the stone industry is flakes and unretouched blades. Sometimes we fixed a convex dihedral platforms of the flakes in archaic industry. Obtained cores mostly represented the unidirectional forms with one or two flaking surface. The tool assemblage contains a single side-scrapers, end-scrapers, angle burins, knives and bifacial tools. The focus is on applications of stone artifacts, found with the reindeer bones.

Keywords: Kansk-Rybinsk Hollow, Kan River, Anzhevsk archaeological remains, Late Pleistocene, Early Holocene, the Stone Age, Paleolithic, Mesolithic, rescue excavations.

Спасательные археологические раскопки под г. Канском Красноярского края в 2015 г. представили уникальные материалы по истории населения среднего течения р. Кан от раннего голоцена до этнографической современности (см. статью в настоящем сборнике). В ходе работ на большей площади раскопа фиксировался слой, содержащий исключительно каменные артефакты и фрагменты костей. Обзору и предварительной интерпретации данного слоя посвящена настоящая статья.

Поиски древнейших археологических материалов на территории среднего течения р. Кан имеют весьма представительные результаты [Тимошенко, 2014]. В числе прочего экспедициями Иркутского государственного университета были открыты стоянки Смоленка-1 и Смоленка-2 (Нефтепровод-1 и Нефтепровод-2), на которых Н.А. Савельевым отмечался слой с материалами раннего голоцена [Савельев и др., 1992]. В трех километрах ниже по течению Кана, на высоком правом берегу иркутскими исследователями проводились плодотворные раскопки стоянки Стрижовая Гора.

На стоянках Нефтепровод-1 и Нефтепровод-2 древнейшие археологические материалы залегают в различных условиях, что связано со сложной геоморфологией участка работ. Согласно геоморфологическому описанию местности основной тип рельефа расположения стоянок структурно-денудационный, занимающий правый борт долины р. Кан, приподнятый и разбитый на неотектонически дифференцированные по разным гипсометрическим уровням блоки. Участок, на котором выделяется глубокое залегание культурного слоя, располагается на территории грядово-оползневой сегмента. Рельеф сегмента отличается асимметричными грядами, сформированными разноразмерными асеквентными, делясивными оползнями, которые надвинуты на поверхность первой надпойменной террасы. Все тыловые швы и бровки оползней па-

раллельны и ориентированы диагонально – с северо-запада на юго-восток. Северо-восточные склоны – более пологие и широкие, представляют собой фрагменты водораздельной поверхности, опущенные и «задравшиеся» по плоскостям оползневых сместителей – юго-западным склонам, более коротким и крутым. Три крупных оползня осложнены мелкими. Таким образом, на поверхности первого террасовала читается серия разноразмерных оползневых тел, отсаженных с южной границы водораздельной равнины.

Археологические вскрытия показали различную стратиграфию оползневых тел, покрытых в целом единым субэральным комплексом. Согласно наблюдениям в ходе раскопок сплошной площадью в этом комплексе залегает культурный слой в среднем на глубине до 1 м от современной дневной поверхности. Глубина залегания увеличивается на участках тылового шва между различными оползневыми телами. Шурфы и сплошное вскрытие показало наибольшее углубление участков культурного слоя в тыловом шве у подошвы второго террасовала – наиболее высокого и крутого склона в пределах археологического раскопа.

На большей части залегание древнейшего культурного слоя связано с контактом слоев темно-бурой супеси и серовато-коричневых песков, подстилающих слой неолита-бронзы, насыщенный фрагментами керамической посуды. Ряд признаков позволяет ассоциировать найденные здесь каменные изделия с материалами позднего палеолита. И предварительно мы датировем условный уровень – культурный слой 3 периодом позднего плейстоцена – ранним голоценом.

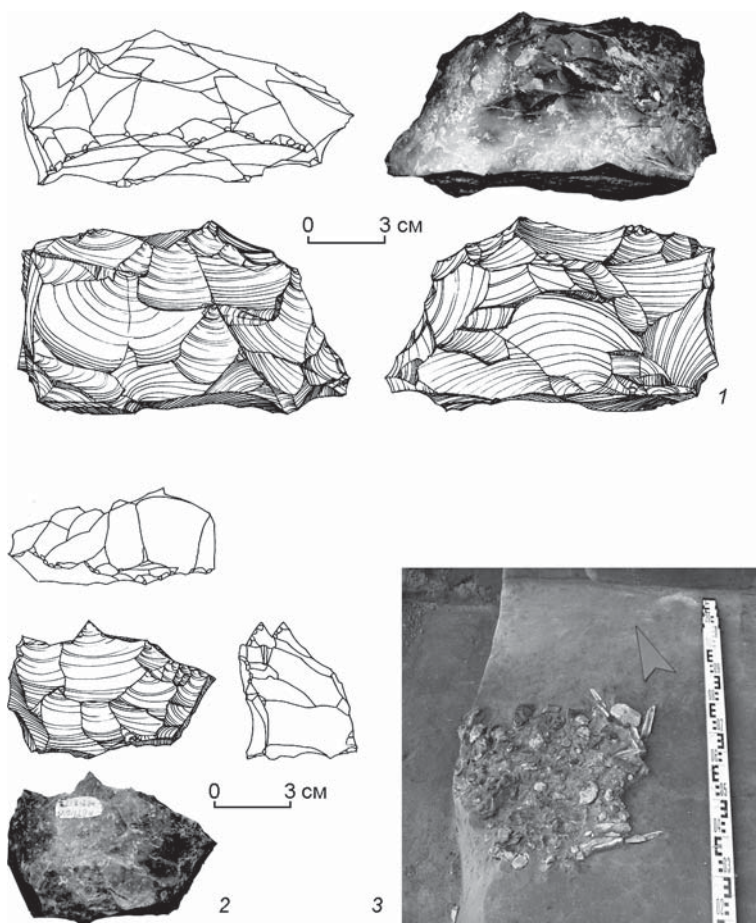
Самой многочисленной категорией в каменной индустрии являются отщепы и пластины без вторичной обработки. На архаичность индустрии указывает гладкая, иногда двугранная форма остаточных ударных площадок. Расщепление было

нацелено на получение заготовок разных форм, в т.ч. на сколы удлиненных пропорций (пластины, пластинчатые отщепы). Обнаруженные нуклеусы большей частью представлены ядрищами – одноплощадочными, моно- и бифронтальными. Количество призматических нуклеусов невелико, однако пластинчатые заготовки получали с обоих типов нуклеусов, о чем свидетельствуют негативы сколов на фронтах. Расщепление производилось при помощи ударной техники. Орудийный набор представлен продольными скреблами, скребками, угловыми резцами, ножами, орудиями с двусторонней обработкой. Скребла имеют размер до 100 мм и оформлены крутой, крупной и мелкой краевой ретушью, иногда с вентральной подтеской в зоне рабочего края; скребки разнообразны по формам, но все имеют округлый выпуклый рабочий край, вентральная подтеска встречается и на этом типе орудий; резцы многократно подновлялись, ресурс рабочего края истощен; ножи имеют двустороннюю обработку рабочего края и аккомодационную притупляющую в зоне обушка; орудия с двусторонней обработкой оформлены крупными сколами, аморфны или имеют близкую к округлой форму, краевая ретушь эпизодическая, морфологически близки к плоским нуклеусам конвергентного принципа скалывания.

Особый интерес представляют результаты полевых вскрытий на западной окраине раскопа, центральной части стоянки Нефтепровод-2. В частях раскопов № 216-233 и 217-234 у подошвы склона второго террасовала, на глубине 2,7 м от современной дневной поверхности в кровле темно-серых плотных супесей с пятнами карбонатов было зафиксировано скопление костей животных и каменных артефактов верхнепалеолитического облика (см. рисунок). Палеозоологические фрагменты принадлежат северному оленю (определение С.К. Васильева). Костные остатки переданы на радиоуглеродное датирование.

Каменная индустрия данного скопления представлена в подавляющем большинстве продуктами дебитаж в виде отщепов разных размеров. Как правило, редки пластины мелкого (7–10 мм шириной) и среднего (11–20 мм шириной) размера. Нуклеусы представлены преимущественно истощенными для отщепов, имею-

щих иногда пластинчатые пропорции. Несмотря на «отщеповой» облик индустрии, результаты ремонта крупного скопления – площадки мастерской по утилизации нуклеусов – указывают на пластинчатый характер комплекса, где результатом расщепления ядрищ являлись пластины мелкого и среднего размера, получаемые, видимо, с помощью удара жесткого отбойника без предварительной подготовки края ударной площадки (крайне редки следы подправки путем снятия карниза и редуцирования площадки). Преобладание в коллекции разноразмерных отщепов и технических сколов объясняется внутренней неоднородностью и трещиноватостью местного кремневого сырья (халцедоновидная порода в виде крупных аморфно овальных конкреций) и особенностями применяемой древним человеком или людьми на стоянке техники расщепления камня. Судя по восстановленной серии расщепленных нуклеусов, здесь применялся способ получения пластин с применением техники реберчатого скола, с большой начальной обработкой

Стоянка Нефтепровод-2. Скопление артефактов и костей животных на условном уровне 9 части раскопа № 217-234.

1 – каменный нуклеус № 101/1; 2 – каменный нуклеус № 101/294; 3 – фотография зачистки скопления.

ядрища – декортикация, удаление внутренних дефектов, оформление плоскости ударной площадки и фронта. Непосредственному скалыванию серии пластинчатых заготовок предшествует снятие реберчатого скола. Следующие серии снятия заготовок прерываются подправками боковых краев рабочей плоскости путем скалывания продольных краевых, зачастую поперечно подправленных технических сколов. На завершающей стадии утилизации нуклеуса часто видны попытки переоформления в виде разнонаправленных негативов отщепов, в результате чего истощенный нуклеус приобретает многоплощадочный многофронтальный тип. Это создает иллюзию использования на стоянке техники получения отщепов путем использования в качестве фронтов максимального количества плоскостей.

Следует указать, что метод ремонта пока использовался в границах одного, хоть и самого массового по наличию артефактов, скопления, являющегося, по сути, продуктом «одних рук», т.е. результатом труда одного мастера. Соответственно мы, возможно, имеем не весь арсенал применявшихся на стоянке технических средств. Завершенную картину мы увидим после окончательного всестороннего анализа коллекции. Полученные результаты являются предва-

рительными; раскопки 2015 г., как и обработка материала на стоянках Нефтепровод-1 и Нефтепровод-2, продолжаются.

Список литературы

Савельев Н.А., Генералов А.Г., Абдулов Т.А., Дзюбас С.А. Археологические памятники Канской лесостепи (к своду памятников Красноярского края) // Пробл. археологии, этнографии, истории и краеведения Приенисейского края: Сб. науч. тр. – Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 1992. – Т. 1. – С. 90–93.

Тимошенко А.А. Хронология и периодизация каменного века Канско-Рыбинской котловины // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 10. – С. 27–49.

References

Savel'ev N.A., Generalov A.G., Abdulov T.A., Dzjubas S.A. Arkheologicheskie pamjatniki Kanskoj lesostepi (k svodu pamjatnikov Krasnojarskogo kraja) // Probl. arkheologii, etnografii, istorii i krajevedenija Prijenisejskogo kraja: Sb. nauch. tr. Krasnojarsk: Krasnojarsk. gos. un-t, 1992. Vol. 1. Pp. 90–93. (In Russ.).

Timoshchenko A.A. Khronologija i periodizacija kamennogo veka Kansko-Rybinskoj kotloviny // Izv. Irk. gos. un-ta. Ser.: Geoarkheologija. Etnologija. Antropologija. 2014. Vol. 10. Pp. 27–49. (In Russ.).

П.К. Ломов, И.А. Батаргина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирский государственный университет
E-mail: lomov90@mail.ru

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ 2015 ГОДА НА ТЕРРИТОРИИ СУРГУТСКОГО РАЙОНА ХМАО - ЮГРЫ

В полевой сезон 2015 г. отрядом отдела охранно-спасательной археологии Института археологии и этнографии СО РАН проведена археологическая разведка на территории Сургутского р-на Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В ходе работ была обследована местность вокруг с. Сытомино Сургутского р-на ХМАО – Югры, работы были сосредоточены на участке береговой линии проток Большая и Малая Быкова, протоки Нижняя (бассейн р. Оби): к востоку от с. Сытомино до бывшей д. Кушиково. Характерной чертой данного участка является труднодоступность: с трех сторон участок окружают труднопроходимые грядово-мочажинные и грядово-озерковые талые олиготрофные болота; территория, затронутая разведкой, расположена вдали от основных коридоров коммуникаций. При обследовании были выявлены ранее неизвестные памятники: приуроченный к протоке Большая Быкова археологический объект – городище Сытоминское-4; к протоке Малая Быкова – поселение Малая Быкова-1; к протоке Нижняя – городище Сайма-1 и могильник Сайма-2. Городище Сайма-1 представляло собой укрепленный город с развитой фортификационной системой. В ходе археологической разведки были выявлены разрушения памятников, нарушения культурного слоя, описано современное состояние объектов археологического наследия, а также составлены подробные топографические планы выявленных памятников. При осмотре местности получена коллекция подъемного материала, что позволило датировать вновь выявленные памятники эпохой раннего железного века и Средневековьем.

Ключевые слова: Сургутское Приобье, археологическая разведка, ранний железный век, Средневековье, поселение, городище, могильник.

P.K. Lomov, I.A. Batargina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk State University
E-mail: lomov90@mail.ru

2015 SURVEY CAMPAIGN AT THE TERRITORY OF SURGUT DISTRICT IN KHMAD-YUGRA: PRELIMINARY RESULTS

Department of Rescue Archaeology of Institute of Archeology and Ethnography SB RAS conducted archaeological survey in Surgut district of Khanty-Mansiysk Autonomous District in 2015 field season. We explored the area near Sytomino village and focused on the bank lines of Bolshaya and Malaya Bykova, Nizhnyaya creeks (Ob River basin), to the east from Sytomino village to old Kushnikovo village. A characteristic feature of this area is hardness. Three sides of this area are surrounded by heavy going hummock-ridge and hollow-pool oligotrophic bogs. The exploration territory is far from the main communication corridors. The survey obtained the previously unknown archaeological sites: Sytominsk 4 hillfort, confined to Bolshaya Bykova creek, Saima 1 hillfort and Saima 2 burial ground near Nizhnyaya creek. Saima 1 settlement is the defensible town with developed fortification. Archaeological survey educed the destruction of the sites, cultural layer disturbance and described the current condition of the archaeological heritage objects. In terms of exploration, we mapped the found archaeological objects on the topographic plan. In studies of this area, we collected the surface material that permitted to interpret and dated these objects to Early Iron Age and Middle Ages.

Keywords: Surgut Ob Region, archaeological survey, Early Iron Age, Middle Ages, settlement, hillfort, burial ground.

В полевой сезон 2015 г. отрядом Института археологии и этнографии СО РАН была проведена археологическая разведка на территории Сургутского р-на Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

В археологическом плане Сургутский р-н благодаря интенсивности хозяйственного освоения, связанного с нефтедобычей и прокладкой сопутствующих коммуникаций (ЛЭП, трубопроводы и т.п.), является наиболее изученным в ХМАО – Югра. Так, на 31 декабря 2014 г. на территории района выявлено и поставлено на учет 2 202 объекта культурного наследия, и каждый год открываются десятки новых памятников.

Целью разведки был поиск новых археологических памятников в тех районах, где хозяйственное освоение мало затрагивает территорию. В связи с отдаленностью от основных месторождений и коридоров коммуникаций, а также значительной труднодоступностью участок, выбранный для разведки, ранее практически не обследовался. Исключения составили археологические памятники в районе бывшей д. Кушниково, а также с. Сытомино. Так, в районе с. Сытомино известно на сегодняшний день 3 поселения (Сытоминское I–III); в районе бывшей д. Кушниково – 22 археологических памятника, по мнению исследователей, представляющих собой разновременный археологический комплекс, включающий группу поселений, городищ и приуроченных к ним могильников [Погодин, 2004].

Территория, на которой проводились разведочные работы, расположена в бассейне проток Большая и Малая Быкова и протоки Нижняя (правый берег р. Оби). С ландшафтно-климатической стороны район археологической разведки представлял собой Кондинско-Сургутско-Вахскую средне- и южнотазовую область Назымско-Ляминской провинции. Данная область объединяет территории площадного заболачивания – полесья. Исследуемая провинция состоит преимущественно из плоских болотно-тазовых равнин, где средние высоты поверхности составляют 100–110 м, а максимальные отметки рельефа на западе и севере достигают 125–131 м. Около 50 % территории этой провинции занимают грядово-мочажинные и грядово-озерковые талые олиготорфные болота [Зайцева, 2013]. Пригодные для проживания ландшафты составляют в данной провинции ок. 20 % территории. Тем самым перспективный в археологическом плане участок был ограничен труднопроходимыми болотами с севера, востока и запада.

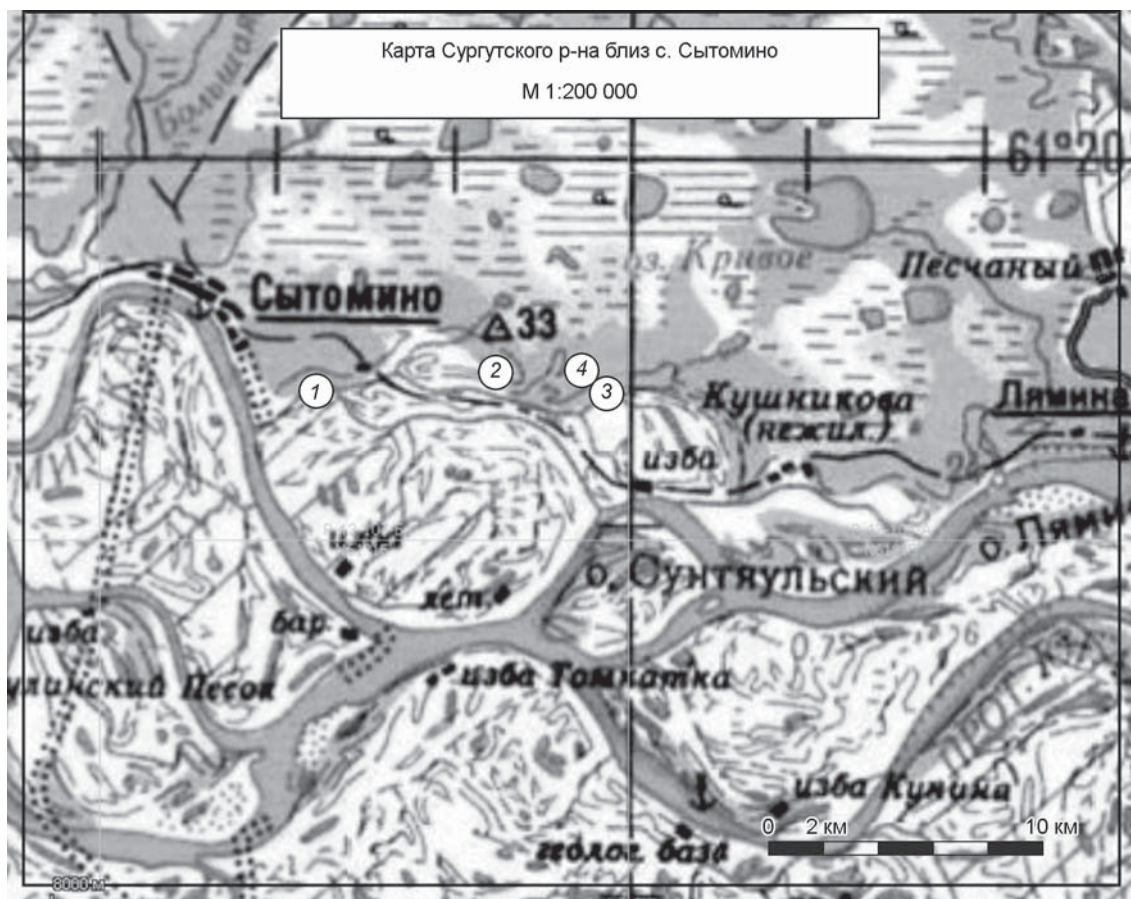
В ходе произведенных работ было выявлено 4 археологических памятника (см. *рисунок*). Непосредственную помощь в определении их местоположения оказал В.А. Чирухин, руководитель

краеведческого кружка при Сытоминской общеобразовательной школе.

Городище *Сытоминское-4*. Археологический памятник расположен на правом берегу протоки Большая Быкова (р. Обь) в месте впадения безымянного ручья, образующего мыс, в 4 км от с. Сытомино. Высота берега рядом с городищем составляет 2 м. Территория памятника покрыта смешанным сосново-березовым лесом, на поверхности произрастает шиповник. Городище вписано в высокую часть мыса. Система обороны замкнутая, состоит из ярко выраженного в рельефе рва шириной 2 м, глубиной 0,75 м и небольшого вала. На площадке городища фиксируются 4 впадины подпрямоугольной формы, имеющие средние размеры 3 × 3 м и глубину 0,5 м. Часть рва и вала используются местными жителями как удобные съезды к воде. По словам В.А. Чирухина, вблизи памятника жители с. Сытомино отдыхают и проводят праздники. На городище встречены остатки костров, современных сооружений рыбаков и охотников. Сохранность археологического объекта удовлетворительная. Общая площадь памятника составляет 6 700 м². На осыпающемся берегу были обнаружены фрагменты орнаментированной керамики, предварительно датированные эпохой раннего железного века.

Поселение *Малая Быкова-1*. Археологический памятник расположен на правом берегу протоки Малая Быкова, рядом с местом впадения безымянного ручья, в 7 км от с. Сытомино. Высота берега рядом с поселением ок. 2 м от уреза воды. Территория памятника покрыта смешанным сосново-березовым лесом. Поселение представлено шестью подпрямоугольными впадинами размерами от 4,5 × 5,0 до 9 × 9 м, глубиной от 0,4 до 0,8 м. Часть памятника в половодье уходит под воду, о чем свидетельствуют следы уровня воды на деревьях. В период большой воды местность, на которой располагается памятник, представляет собой остров, со всех сторон окруженный водой. Сохранность археологического объекта удовлетворительная. Площадь памятника составляет 8 690 м². Вдоль берега был собран подъемный материал, который позволил предварительно отнести памятник к эпохе Средневековья.

Городище *Сайма-1*. Объект расположен на высокой террасе правого берега протоки Нижняя, в 7 км от с. Сытомино, в непосредственной близости от природного объекта, отмеченного на карте как «Урочище Высокий мыс». Высота берега рядом с поселением ок. 4 м от уреза воды. Территория памятника покрыта смешанным сосновым лесом. Городище имеет многоугольную форму, с юга ограничено протокой, с севера, вос-

Карта с указанием археологических памятников, выявленных разведкой 2015 г. на территории Сургутского р-на Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

1 – городище Сытоминское-4; 2 – поселение Малая Быкова-1; 3 – городище Сайма-1; 4 – могильник Сайма-2.

тока и запада имеются оборонительные сооружения, представленные рвом и валом (глубина рва от 1,5 до 2,2 м). На территории городища выявлено 30 впадин размерами от $4,5 \times 5,0$ до 6×8 м, глубиной от 0,4 до 0,8 м. Особый интерес представляет планиграфия памятника. В ходе визуального осмотра было выявлено два вида оборонительных сооружений: внутренний вал и ров (глубина 1,5 м), кольцом опоясывающие остатки археологизированных конструкций, а также два выносных объекта (глубина рва ок. 2 м), южной стороной примыкающие к основному рву и валу. Общая площадь городища составляет $11\,456\text{ м}^2$, в нее включаются также примыкающие к укрепленному городищу 10 жилищных впадин, средние размеры которых от 5×6 до 9×9 м, глубина от 0,4 до 0,6 м. Поселение и городище в целом можно отнести к единому комплексу – городищу Сайма-1. Состояние памятника удовлетворительное. Нарушениями культурного слоя можно считать несколько троп, проходящих по памятнику. На городище и примыкающем к нему поселении не было обнаружено подъемного материала.

Могильник *Сайма-2*. Примерно в 900 м к северу от городища вглубь леса был обнаружен разграбленный могильник. Формально причиной поиска данного объекта послужила жалоба местных жителей на регулярное посещение данных мест незнакомыми людьми с металлоискателями. Так, сотрудниками отряда, со слов В.А. Чирухина, было установлено, что «грабителями» могильника являются любители т.н. «приборного поиска», в свободное от работы время занимающиеся поиском монет и других ценных предметов. Масштабы развернутой «деятельности» потрясли своими объемами: участниками археологической разведки было насчитано более 100 могил, 80 из которых были подвергнуты разграблению. Средние размеры сохранившихся могильных впадин от 1,6 до 2,2 м в длину, от 0,4 до 0,8 м в ширину, глубина от 0,2 до 0,4 м. Ориентированы могилы преимущественно по береговой линии. Площадь памятника буквально усеяна фрагментами древних человеческих останков. По территории могильника проходит старая просека, а также несколько троп. Суммарная площадь археологического объекта составила

12 320 м². Нетронутым участком можно считать группу могильных впадин, расположенных в непосредственной близости от береговой линии. Однако данный участок подвергается природному воздействию, связанному с обрушением береговой линии. В целом, из-за постоянного антропогенного и природного воздействия стоит признать состояние могильника аварийным и рекомендовать провести мероприятия с целью его сохранения.

По итогам осмотра сотрудниками отряда в кратчайшие сроки было направлено письмо в службу государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО – Югры.

Таким образом, разведочные работы 2015 г. в Сургутском р-не Ханты-Мансийского автономного округа – Югры позволили обнаружить 4 ранее неизвестных памятника, а также провести осмотр и мониторинг имеющихся на учете и охране объектов. Намечены перспективные участки для планомерных научных исследований.

Список литературы

Зайцева Е.А. Археологическая карта Сургутского Приобья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 199 с.

Погодин А.А. Отчёт о НИР «Аварийные археологические работы в зоне строительства автодороги Сытомино – Песчаный в Сургутском районе ХМАО в 2003 году». Екатеринбург, 2004 // Арх. АУ ЦОКН. Инв. № 4895. Д. 104а–г. (рукопись).

References

Pogodin A.A. Otchjot o NIR «Avarijnye arkhologicheskie raboty v zone stroitel'stva avtodorogi Sytomino – Peschanyj v Surgutskom rajone KХMAO v 2003 godu». Ekaterinburg, 2004 // Arkh. AU COKN. Inv. No. 4895. D. 104a–g. (In Russ.).

Zajtseva E.A. Arkheologicheskaja karta Surgutskogo Priob'ja. – Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2013. 199 pp. (In Russ.).

Г.И. Марковский¹, Э.Н. Киргинеков², И.А. Грачев³, А.А. Цыбанков¹,
В.С. Славинский¹, А.В. Выборнов^{1, 4}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Хакасский национальный краеведческий музей им. Л.Р. Кызласова

³Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

⁴Новосибирский государственный университет

E-mail: markovskyy@gmail.com

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА КАРАСУКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДКУНИНСКИЙ-1 В РЕСПУБЛИКЕ ХАКАСИИ

В 2015 г. проведены спасательные археологические раскопки могильника Подкунинский-1 в рамках выполнения мероприятий по сохранению объектов культурного наследия при строительстве автодороги «Енисей» у г. Черногорска. Могильник был открыт К.Г. Котожековым в 1997 г. и до начала спасательных работ на нем были изучены более двадцати погребений карасукской культуры, в т.ч. одно погребение, уверенно связываемое с каменоложским этапом. Могильник Подкунинский-1 состоит из погребальных конструкций с каменными оградами и внутренними камерами. Большая часть погребений представляет собой каменные ограды прямоугольной или трапецевидной формы со средними размерами в плане 3 × 4 м и высотой до 0,3 м, сделанные из вертикально установленных плиток песчаника. Умершего помещали на дне каменного ящика вытянуто на спине вдоль длинной оси могилы головой на запад. Вместе с погребенным в могилу клали керамические сосуды, изделия из бронзы, кости и камня, а также части туш домашних животных. Каменный ящик перекрывался массивными плитами песчаника. На всех структурах встречаются следы постпогребальных нарушений, «разграблений». Проявляются они и в состоянии останков погребенных и погребального инвентаря. В заполнении всех погребальных камер встречаются мелкие неопределимые фрагменты костей. Изделия из металла крайне редки. Обнаружены керамические сосуды и их фрагменты, элементы украшений из карбонатной пасты. В межмогильном пространстве зафиксированы ямы, грунт из которых использовался для засыпки ящиков или оград. Особое внимание привлекает погребение № 10, в котором обнаружены остатки сопроводительной пищи на деревянном блюде и следы бронзового погребального инвентаря.

Ключевые слова: Минусинская котловина, река Енисей, Подкунинские горы, карасукская культура, эпоха поздней бронзы, могильник, спасательные раскопки.

G.I. Markovskiy¹, E.N. Kirginekov², I.A. Grachev³, A.A. Tsybankov¹,
V.S. Slavinskiy¹, A.V. Vybornov^{1, 4}

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²L.R. Kyzlasov Khakass National Museum of Local History

³Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS

⁴Novosibirsk State University

E-mail: markovskyy@gmail.com

RESCUE EXCAVATION OF PODKUNINSKY-1 THE KARASUK BURIAL GROUND IN THE REPUBLIC OF KHAKASSIA

Archaeological excavation of the burial ground Podkuninsky-1 was realized as part of the measures for the conservation of cultural heritage at the territory of the “Yenisei” road construction near Chernogorsk in 2015. K.G. Kotozhekov discovered this burial ground in 1997. Before the rescue excavation more than 20 Karasuk burials have been studied Karasuk culture, including the one burial, confidently associated with Kamenolozhsky stage. Burial ground Podkuninsky-1

consists of burial constructions with the stone walls and inner burial chambers. The most of the burials represented the stone wall. Their mean sizes are 3 × 4 m in plan and about 0,3 m high. They are made of vertically mounted sandstone tiles. The walls are quadrilateral or trapezoidal in shape. Decedent laid on his back, headlong to the west at the bottom of the stone box. He was accompanied by ceramic vessels, bronze, bone and stone items, and partial carcasses of domestic animals. The stone box was covered by massive sandstone slabs. We retraced the post-burial disturbances and "plunder" in the all structures. The small nondefinable bone fragments were found in the fillings of all burial chambers. In contrast, the metal items are rare. We obtained the ceramic vessels and their fragments, elements of carbon paste ornaments. Pits were fixed in the space between the graves. Soil from them was used for back filling of the boxes or walls. The special focus is on the burial No. 10, where we found the remains of an accompanying food on a wooden platter, and traces of the burial bronze assemblage.

Keywords: Minusinsk Hollow, Yenisei River, Podkuninsky Mountains, Karasuk culture, Late Bronze Age, burial ground, rescue excavations.

Могильник Подкунинский-1 расположен в Усть-Абаканском р-не Республики Хакасия, в 4 км к северу от г. Черногорска, в южной части возвышенности с названием Подкунинские горы. Выявлен в 1997 г. в ходе полевых археологических работ под руководством К.Г. Котожекова. Было изучено свыше двух десятков погребений карасукской культуры (XII–VIII вв. до н.э.) и одно погребение каменоложского этапа карасукской культуры (IX–VIII вв. до н.э.). Выявленный объект не был изучен полностью. В 2012 г. в ходе проведения научно-изыскательских работ Хакасским отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры на объекте выявлены 15 неисследованных погребальных конструкций. В том же году археологический объект получил название – могильник Подкунинский-1. В апреле 2015 г. исследование объекта было продолжено отрядом Института археологии и этнографии СО РАН. В ходе изысканий зафиксированы признаки более тридцати не учтенных ранее захоронений, составлена их общая нумерация, уточнены границы могильника. В процессе раскопчных работ исследованы 12 погребений и 5 углублений антропогенного происхождения.

Могильник Подкунинский-1 состоит из погребальных конструкций с каменными оградками и внутренними камерами. Исследованные ранее погребальные конструкции представляли собой каменные ограды со средними размерами в плане 3 × 4 м и высотой до 0,3 м, сделанные из вертикально установленных плиток песчаника. В центре прямоугольной или трапециевидной ограды располагалось захоронение. Умершего помещали на дне каменного ящика вытянуто на спине вдоль длинной оси могилы головой на запад. Вместе с погребенным в могилу клали керамические сосуды, изделия из бронзы, кости и камня, а также части туш домашних животных. Каменный ящик перекрывался массивными плитами песчаника.

Размеры каменной ограды колеблются от 2,6 × 2,5 м до 6,5 × 6,0 м. Сооружение имеет 4 стен-

ки, которые сложены из плиток девонского красноватого песчаника, установленных вертикально в специально подготовленные канавки. Стенки ориентированы по сторонам света, чаще всего с небольшим смещением против часовой стрелки на 15–20°. В плане ограды имеют прямоугольную или трапециевидную форму. Зачастую плитки оград сильно повреждены в процессе сельскохозяйственного использования территории могильника. Чаще всего плиты ограды наклонены наружу (в противоположную сторону от центра конструкции); возможно, это обусловлено использованием ограды как крепицы, сдерживающей насыпь внутри конструкции. В некоторых случаях зафиксированы продления северной или южной стенки (или обеих) в восточном направлении за периметр ограды на расстояние в среднем от 0,4 до 0,8 м. Предположительное назначение этого элемента конструкции – основа для пристройки к основной оградке.

Погребальную конструкцию можно назвать пристройкой, если она в процессе возведения присоединялась к более ранней. Пристройки зафиксированы только с восточной стороны от основных оград. Они также сохраняют все черты основной конструкции, но чаще всего имеют меньший размер, за исключением двух погребений. Разница размеров пристройки и основной конструкции, возможно, объясняется различным возрастом погребенных, т.к. размер могильных камер в пристройках меньше. Это объясняет и «равенство» в паре погребений, где могильные камеры имеют примерно одинаковый размер и принадлежат взрослым членам общины. Зафиксирован единственный случай установки в составе ограды погребения (в юго-восточном углу) углового камня, который, вероятно, выполнял функции маркирующего элемента. Использование угловых камней-стел зафиксировано как в карасукской культуре, так и иных синхронных ей культурах.

Каменный ящик чаще всего располагался в центральной части конструкции с небольшим смеще-

нием. Ориентирован по оси ЮЮЗ – ССВ. Имеет в плане форму близкую к прямоугольнику или трапециевидную. Размеры ящиков от $0,7 \times 0,4 \times 0,3$ м до $1,95 \times 1,10 \times 0,70$ м. Чаще всего ящик сложен из цельных плит (2 поперечные и 2 продольные), но в погребениях № 1 и № 4 зафиксированы иные технические решения (2 поперечные и 4 продольные). Следует отметить подготовку плит для ящиков, а именно ретуширование краев. Чаще всего ретушь идет по верхнему краю плит, выпрямляя и выравнивая его для более плотного прилегания плит перекрытия. После разбора ящика на некоторых плитах была зафиксирована ретушь в нижней и боковых частях. Чаще всего восточная плита ящика немного выше остальных и характеризуется более тщательной обработкой по периметру. Наиболее распространена двусторонняя обработка краев плит одно- или двухрядной крутой разнофасеточной ретушью, однако на отдельных плитах количество рядов, как и качество обработки, может варьироваться.

Отдельные плитки или группы в заполнении пространства между ящиком и оградой могут быть остатками перекрытий ограды и могильной камеры, известных по материалам раскопок 1997 г. В ходе работ 2015 г. ни одного целого перекрытия зафиксировано не было. Их отсутствие может быть результатом смещения плит при разграблении погребений, а также сельскохозяйственной эксплуатации территории.

Обкладка каменного ящика состоит из плит песчаника, расположенных горизонтально и плотно подогнанных торцами друг к другу. Плиты прилегают с внешней стороны к стенкам каменного ящика по всему периметру. Зафиксированная максимальная дальность распространения плит от стенки ящика – ок. 1 м. Не исключено, что изначально все, или почти все, пространство между каменным ящиком и стенками ограды было выложено плитняком. Помимо эстетического или ритуального значения обкладка могла являться важным конструктивным элементом. Благодаря ей плиты перекрытия погребальной камеры покоились не только на узких торцах стенок каменного ящика, но также на плитках обкладки. Таким образом увеличивалась площадь опоры плит перекрытия, что делало конструкцию более устойчивой и долговечной, а погребальную камеру более герметичной.

В заполнении всех без исключения погребальных камер встречаются мелкие неопределимые фрагменты костей. Степень их фрагментированности и сохранности, на наш взгляд, зависит от интенсивности вмешательства в пространство камеры в процессе «разграбления». Заполнен-

ность грунтом на момент вторжения также влияет на сохранность костей, поскольку при копке их легко повредить. При незаполненной камере кости перемешиваются и смещаются почти в одной плоскости. Следует отметить, что в процессе «разграбления» большинство костей выбрасывалось из могильной камеры при любой степени ее заполненности грунтом. Изделия из металла крайне редки, и, судя по всему, были извлечены из погребений еще в древности. Более частыми находками являются керамические сосуды и их фрагменты. На целостность сосудов влияют те же факторы, что и на сохранность остеологического материала. В нескольких погребениях встречены элементы украшений из карбонатной пасты (бусины, имитации раковин каури), которые чаще всего располагались в юго-восточных углах могильных камер, там, где традиционно для карасукской культуры покоилась голова умершего. В большинстве погребений зафиксированы мелкие сколы с плит песчаника, попавшие в камеру в процессе ретуширования краев плит каменного ящика.

После «разграбления» все погребения были засыпаны грунтом вперемешку с небольшими плитами. В заполнении шести погребений присутствует плотная материковая супесь, которая могла попасть туда исключительно при засыпке камер, как и плиты песчаника. Изначальная могильная конструкция не восстанавливалась. Временной промежуток между вскрытием могил и их засыпкой установить не представляется возможным. Однако по некоторым признакам можно предположить, что разграбление и засыпка на территории могильника происходили в период функционирования могильника в древности. В межмогильном пространстве были зафиксированы ямы разных размеров и форм, расположенные в непосредственной близости от погребальных конструкций. Можно предположить, что грунт из этих углублений использовался для засыпки ящиков или оград.

Следует отдельно отметить погребальную конструкцию № 10, отличающуюся размерами и количеством каменных плит во внутреннем пространстве ограды. В погребении зафиксированы человеческий костяк, керамические сосуды, костные останки животных. В заполнении камеры обнаружены неопределимые фрагменты костей, перемещенные фаланги пальцев, лучевая кость левой руки, крупная кость конечности крупного рогатого скота. Также в заполнении зафиксированы каменные плиты размерами $0,10\text{--}0,35$ м, залегавшие субгоризонтально дну погребальной камеры. Грунт в заполнении содержал множество мелких фрагментов каменных плит и был неоднороден. Останки животных в основном располо-

жены в северо-западной четверти погребальной камеры. Судя по мелким кусочкам дерева, сопроводительная трапеза покойного была помещена на деревянном блюде на дне камеры возле северной стенки. На блюде лежали кости молодого барашка. Многочисленные кости, принадлежавшие взрослому барану и представителю крупного рогатого скота, зафиксированы в этой же части погребения. На ребрах барашка и на перемещенных костях погребенного (лучевая кость правой руки и фаланги пальцев) зафиксирован зеленоватый окисел бронзы, однако никаких бронзовых предметов в погребении не обнаружено.

Можно предположить, что после захоронения умершего и завершения формирования погребальной конструкции в могильную камеру было осуществлено проникновение. На момент повторного вскрытия каменный ящик был еще не заполнен грунтом, и «грабителям» не пона-

добилось раскапывать камеру. Из захоронения были извлечены бронзовые предметы, о присутствии которых свидетельствуют зеленые окислы на костях. В процессе изъятия предметов были перемещены и извлечены некоторые кости рук. После «разграбления» ящик был засыпан грунтом вперемешку с небольшими плитами. Изначальная могильная конструкция не была восстановлена. Перед засыпкой (или в процессе засыпки) в могилу были положены части взрослого барана и крупного рогатого скота в качестве дополнительной погребальной трапезы.

Могильник Подкунинский-1 является характерным и репрезентативным археологическим памятником карасукской культуры (XIII–IX вв. до н.э.). Дальнейшее исследование этого памятника даст новые, актуальные в научном плане материалы для изучения эпохи поздней бронзы на территории Хакасии.

А.В. Постнов^{1, 2}, И.Д. Зольников^{1, 2}, К.Н. Назаров¹,
С.А. Гладышев¹, А.Ю. Скоробогатова³

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирский государственный университет

³ООО «НПО Северная археология-1»

E-mail: postnov@ya.ru

СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ СЫРОЙ АГАН-1

В статье рассматриваются результаты спасательных раскопок поселения Сырой Аган-1, расположенного в таежной части Среднеобской низменности. Раскопами общей площадью ок. 2 тыс. м² была вскрыта вся площадь памятника. Анализ планиграфического расположения находок позволил сделать вывод о трех зонах интенсивности хозяйственного освоения территории поселения: сильной, средней и слабой (или эпизодической). Основную массу полученной коллекции находок составляет керамика, принадлежащая разным периодам эпохи палеометалла: атлымской (поздняя бронза), кулайской, белоярской и калинкинской культурам (ранний железный век). Особого внимания заслуживает скульптурное изображение лося, выполненное из обожженной глины. Каменная индустрия представлена довольно слабо: сильно сработанный нуклеус, несколько скребловидных изделий и ряд шлифованных предметов с просверленными отверстиями, либо с неудачными попытками сверления, назначение которых пока неясно. Также доказывается, что поселение Сырой Аган-1 не является городищем, как предполагали предыдущие исследователи. Анализ стратиграфического разреза предполагаемого вала и рва свидетельствует о том, что все изгибы слоев на памятнике имеют природное происхождение в результате оттаивания грунтов после последнего максимума похолодания (LGM). Слои, подстилающие отложения с археологическим материалом, деформированы постседиментационными нарушениями. Зафиксированные деформации являются следствием деградации подземной льдистости на рубеже позднего плейстоцена – голоцена. Кроме того, выделенный на поселении слой палеопочвы также не имеет нарушений, связанных с деятельностью человека.

Поселение Сырой Аган-1 изучено полностью, вскрыта вся площадь памятника и проведены точные границы распространения культурного слоя. Предположение предыдущих исследователей об интерпретации данного памятника как городища полностью опровергается, т.к. «археологические» ров и вал, не являются объектами антропогенного происхождения, а представляют собой естественный рельеф, сформированный в результате геологических процессов, которые протекали в период, предшествующий моменту появления человека на данной территории.

Ключевые слова: поселение Сырой Аган-1, атлымская культура позднего бронзового века, археологические культуры раннего железного века, мелкая пластика.

A.V. Postnov^{1, 2}, I.D. Zolnikov^{1, 2}, K.N. Nazarov¹,
S.A. Gladyshev¹, A.Yu. Skorobogatova³

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State University

³LCC "SDC Northern Archaeology-1"

E-mail: postnov@ya.ru

THE RESCUE EXCAVATION OF THE SYROY AGAN 1 SETTLEMENT

We present here the results of rescue excavation at the Syroy Agan settlement, situated in the taiga of Middle Ob lowland. The general excavated area amount to 2000 m². Planigraphic analysis permitted to conclude that there were three zones of intensive activity in exploited territory of the settlement: high, medium and episodic. The most of collection consist of ceramics: Atlym (Late Bronze Age), Kulayskaya, Beloyarskaya and Kalinkino cultures (Early Iron Age). The moose sculpture made of baked clay is worth noticing. Stone industry is not numerous and presented by utilized core, a few scraper-like tools and a series of polished artifacts with complete or fizzled drilled holes and unclear functions. We proved that Syroy Agan 1 settlement is not fort, as it supposed previously. Stratigraphic

analysis of assumed wall and ditch evidences that folding of layer naturally originated as the result of ground melting after the last glacial maximum (LGM). The sediments underlying the archaeological layers are deformed by post-sedimentological disturbances. These deformations are the consequence of underground ice fraction degradation in the Late Pleistocene – Holocene boundary. Paleosol, marked at the settlement, was not disturbed by human activity. Syroy Agan 1 settlement was studied completely, the entire site area was uncovered, and precise borders of cultural layer were educed. The previous researchers interpreted this site as the fort. We disprove this case, because the “archaeological” ditch and wall were not anthropogenic objects: it is the natural relief formed in consequence of geological process before human occupation at this territory.

Keywords: *Syroy Agan 1 settlement, Atlym culture of Bronze Age, archaeological cultures of Early Iron Age, small plastic art.*

В 2015 г. отрядом Отдела охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН проводились археологические раскопки поселения Сырой Аган-1, которое находится на левобережье р. Оби в Нефтеюганском р-не ХМАО – Югры. Поселение расположено на мысу, омываемом с западной, южной и юго-восточной сторон старицей протоки Сырой Аган. Поверхность мыса постепенно повышается от его оконечности с 2 до 5 м от уреза воды в старице Сырого Агана. В средней части фиксировался дугообразный вал шириной ок. 2 м и высотой до 0,2 м.

Поселение Сырой Аган-1 было обнаружено в 1993 г. Г.П. Визгаловым и К.Г. Карачаровым. В этом же году его обследование с шурфовкой продолжено Л.В. Ивасько и О.В. Кардашем [Ивасько, 1994]. В 1997 г. памятник изучался в рамках проведения историко-культурной экспертизы территории Южно-Сургутского лицензионного участка под руководством Г.П. Визгалова. На памятнике было заложено 2 шурфа. Поселение было отнесено к атлымской культуре позднего бронзового века (XIII–XI вв. до н.э.) [Визгалов, 1998]. В 2001 г. раскопки поселения Сырой Аган-1 были возобновлены В.А. Арефьевым. Было вскрыто ок. 180 м² в юго-западной части памятника, а в центральной и северной частях заложены две траншеи [Арефьев, 2002]. В результате этих исследований был сделан вывод, что фактически памятник является городищем, относящимся к эпохе раннего железного века и частично перекрывающим более раннее поселение эпохи бронзы. Данное предположение базировалось на анализе стратиграфии северной траншеи 2001 г. и обнаруженных в ней фрагментах керамического сосуда белоярского типа.

Целью охранно-спасательных раскопок 2015 г. было полное изучение памятника. Общая площадь раскопок составила 1 926 м². Все раскопы были заложены с учетом конфигурации и ориентировки раскопов предыдущих лет, а также с учетом расположения предполагаемых археологических конструкций, выявленных предыдущими исследователями. По концентрации артефактов в раскопе территорию памятника можно условно разделить

на три участка, отличающихся интенсивностью хозяйственного освоения мыса в древности.

Участок интенсивного использования территории располагается на оконечности мыса (в юго-западной части) и характеризуется высокой концентрацией археологического материала. Именно здесь была обнаружена основная часть артефактов (ок. 70 %).

Зона умеренного использования занимает центральную часть мыса. Для этого участка характерна гораздо более низкая концентрация и меньшее количество археологического материала (ок. 30 %).

Северо-восточная часть мыса – зона низкого либо эпизодического использования, включает в себя дугообразный вал, описанный выше, и территорию за ним. Данный участок характеризуется единственным обнаруженным развалом керамического сосуда атлымской культуры, который фактически маркирует границу памятника.

Всего в культурных отложениях поселения обнаружено более 2 700 артефактов. Самый массовый материал – керамика – сильно фрагментирована. На части фрагментов поверхность затертая, скорее всего, это результат пребывания в воде. На некоторых фрагментах с внутренней стороны фиксируется нагар. Цвет черепков от красно-коричневого до серо-коричневого. Структура черепков плотная. Стенки сосудов хорошо заглаживались как снаружи, так и изнутри. В тесте, кроме шамота, визуально прослеживается примесь песка или дресвы. Абсолютное большинство найденных венчиков – от горшков с дугообразно выгнутой шейкой. Верхние срезы венчиков в основном округлые, изредка приострены снаружи, орнаментированы косыми оттисками струйчатого штампа. Большинство днищ плоские, неорнаментированные, при этом содержали элементы орнамента (наклонные оттиски струйчатого штампа и столбики из конических ямочек) в зоне перехода от стенки к днищу. Это указывает на то, что орнамент, скорее всего, покрывал всю внешнюю поверхность сосудов. Основные элементы орнамента: коническая ямка, косой крест и струйчатый штамп. Орнамент наносился в технике штампования или проката. Орнаментальные

композиции представлены поясками, выполненными из двух–четырёхрядных оттисков косого креста, чередующихся наклонных оттисков струйчатого штампа и «столбиков» из ямок, горизонтальных рядов прокатанного струйчатого штампа и меандровидных фигур. В качестве разделителя орнаментальных зон используются ряды частых ямок и пояски в виде сетки, образованной частыми оттисками крестового штампа (рис. 1, 4, 5).

Керамика такой формы и с аналогичным орнаментом встречается в культурном слое атлымских памятников на территории Сургутского Приобья [Чемякин, Карачаров, 1999; Чемякин, 2008, с. 224; Арефьев, 2000; Пархимович, 2008]. По декоративно-морфологическим признакам данная керамика относится ко второму типу атлымской посуды и датируется X–VIII вв. до н.э. [Васильев, 1982, с. 9–13].

Небольшой процент составляют фрагменты сосудов, относящиеся к кулайской (рис. 1, 6), белоярской и калинкинской культурам раннего железного века.

Каменная индустрия представлена довольно слабо. Это сильно сработанный нуклеус, несколько скребловидных изделий и ряд шлифованных изделий с просверленными отверстиями, либо с неудачными попытками сверления, назначение которых пока неясно (рис. 1, 3).

Обнаружены и артефакты, подтверждающие наличие у древнего населения этой территории металлопроизводства: литейная форма (рис. 1, 1), фрагменты льячек и, собственно, фрагменты изделий из бронзы, интерпретация которых крайне затруднительна из-за очень плохой сохранности.

Особого внимания заслуживает скульптурное изображение лося, выполненное из обожженной

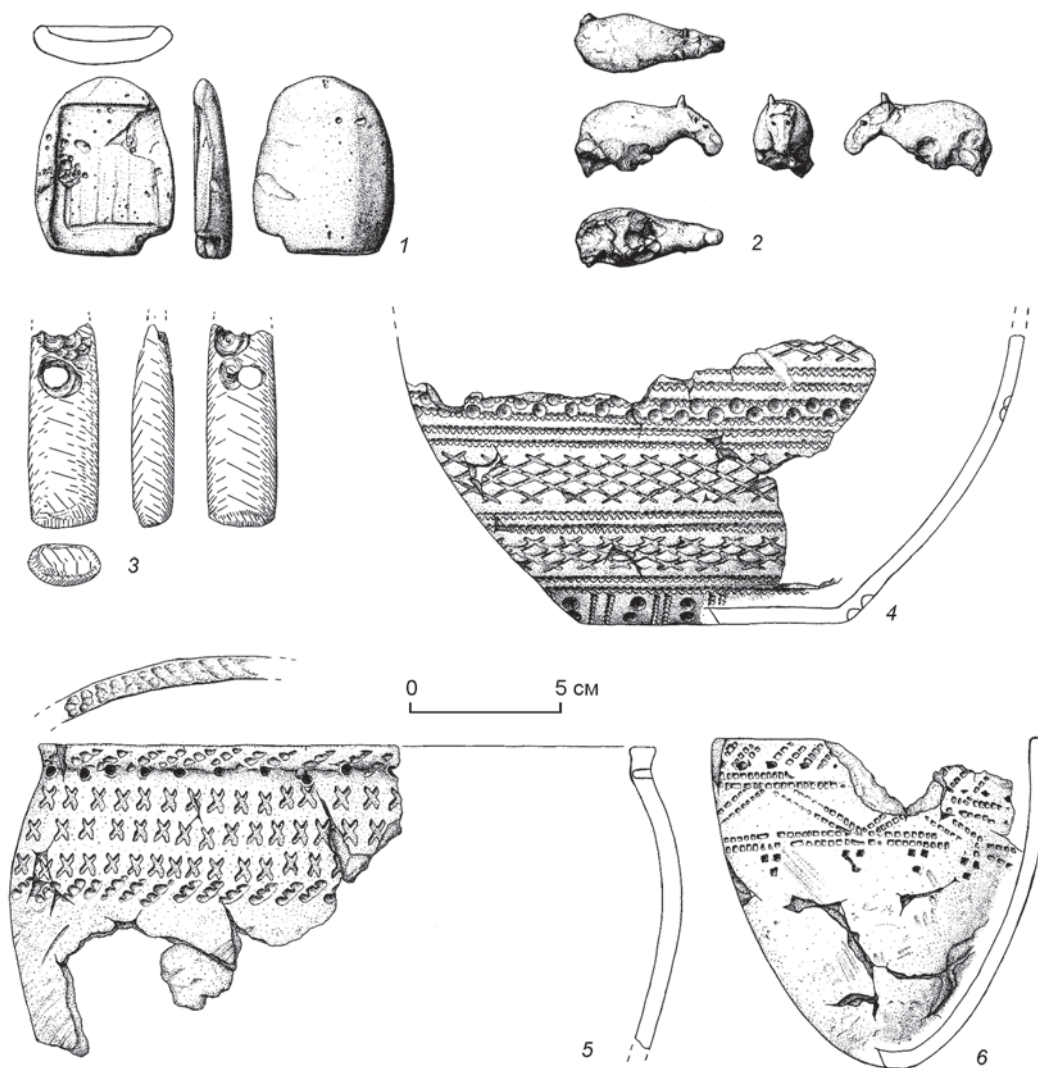

Рис. 1. Археологические находки с поселения Сырой Аган-1.

1 – форма для бронзового литья; 2 – фигурка лося из обожженной глины; 3 – шлифованный каменный брусок с просверленным отверстием; 4, 5 – керамика атлымской культуры (поздняя бронза); 6 – фрагмент сосуда кулайской культуры (ранний железный век).

глины (рис. 1, 2). Судя по цвету обжига и составу теста его, скорее всего, нужно также относить ко времени обитания на поселении представителей атлымской культуры.

В раскопах не было зафиксировано остатков жилищных или хозяйственных сооружений из-за сильной мерзлотной деформации палеопочвы, к которой привязана основная часть находок. Все впадины, фиксируемые на дневной поверхности, не содержали комплексов, подтверждающих их антропогенное происхождение. Судя по планиграфии остатков это место посещалось эпизодически, возможно, для рыбной ловли, и поэтому не содержало вкопанных долговременных конструкций.

Особое внимание было уделено тем участкам раскопа, где, по мнению В.А. Арефьева, располагались вал и ров (главные аргументы в пользу интерпретации памятника как городища). Верхне-четвертичный субаэральный покров исследуемого участка сложен лессовидными супесями и неслоистыми золовыми песками. Сверху он перекрыт маломощными голоценовыми отложениями, также имеющими преимущественно субаэральный генезис за исключением заболоченных участков местности и протока Оби. Возраст этих субаэральных отложений достигает 50–60 тыс. лет.

Наиболее представительная стратиграфическая последовательность голоценовых отложений вскрыта в раскопе № 38 (западная стенка). Она демонстрирует поперечный разрез предполагаемых вала и рва (рис. 2). На палео-бурой лессовидной легкой супеси видимой мощностью до 30–40 см (слой 4) залегает аналогичная по гранулометрическому составу и текстурным особенностям лессовидная супесь (слой 3), отделенная от нижележащего слоя ожеженным прослоем, который деформирован постседиментационными нарушениями как дизъюнктивного, так и пликативного характера. Район находится сегодня на южной границе зоны островной мерзлоты; причем в изученных раскопах мерзлоты и подзем-

ной льдистости не наблюдалось. Это позволяет предположить, что зафиксированные деформации являются следствием деградации подземной льдистости (вероятно, сегрегационных льдов и льда-цемента в супесчаных осадках) на рубеже позднего плейстоцена – голоцена. Палевая супесь, залегающая выше этой границы, варьирует по мощности от полуметра до полного выклинивания и в прикровельной части содержит слабо выраженные солифлюкционные текстуры, свидетельствующие об очередном потеплении в середине голоцена. Именно к этой зоне с признаками медленного оплывневое течения грунта приурочены находки артефактов эпохи бронзы. На последующее более глубокое потепление указывает залегающая в кровле слоя достаточно хорошо развитая лесная палеопочва толщиной от 5 до 10–15 см. К кровле палеопочвы приурочены находки, датируемые эпохой поздней бронзы и ранним железным веком. Выше залегает очередной супесчаный покров без явной слоистости, который имеет четко выраженное облекающее залегание по отношению к палеопочве. Это позволяет уверенно судить о его природном (субаэральном), а не антропогенном происхождении. В противном случае непрерывность залегания палеопочвы была бы нарушена. Толщина верхнего покрова участками достигает 25–35 см, а на некоторых участках он выклинивается. Венчается разрез маломощной (до 15–20 см) современной лесной почвой (слои 1, 2).

Таким образом, объект культурного наследия поселение Сырой Аган-1 изучено полностью: вскрыта вся площадь памятника и проведены точные границы распространения культурного слоя. Мнение В.А. Арефьева о существовании здесь городища не подтверждается. Предполагаемые вал и ров имеют природное происхождение, не связанное с деятельностью человека. Они представляют собой естественный рельеф, сформированный в результате геологических процессов позднего плейстоцена – голоцена.

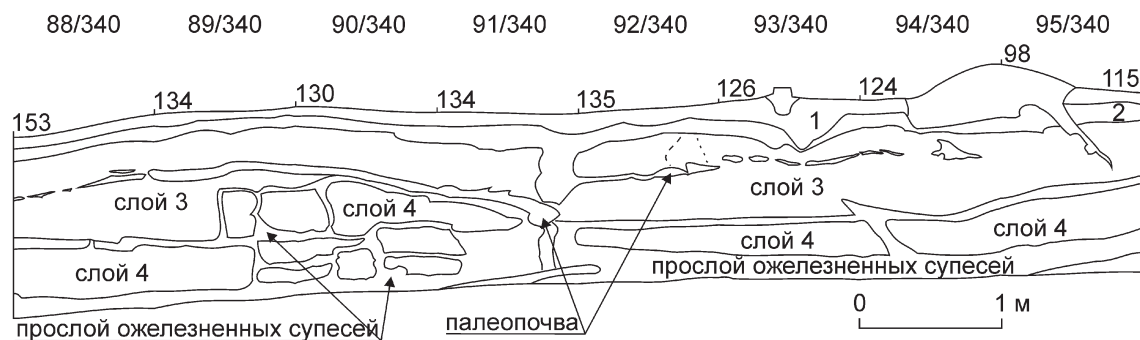

Рис. 2. Фрагмент стратиграфического разреза западной стенки раскопа № 38 по линии квадратов 88/340 – 95/340.

Список литературы

Арефьев В.А. Отчет о НИР Исследование поселения Сырой Аган 5 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского АО в 2000 году. Арх. НПО Северная археология-1. № 46, науч. 107 с.

Арефьев В.А. Отчет о НИР «Исследование городища Сырой Аган 1 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа в 2001 году». Нефтеюганск, 2002.

Васильев Е.А. Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы // Археология и этнография Приобья. – Томск: ТГУ, 1982. – С. 3–14.

Визгалов Г.П. Отчет о НИР Историко-культурная экспертиза территории Солкинского, Южно-сургутского и Восточно-сургутского лицензионных участков НГДУ «Юганскнефть» ОАО «Юганскнефтегаз» (этап предварительной, камеральной экспертизы). Нефтеюганск, 1998. 112 с.

Ивасько Л.В. Отчет об археологической разведке в Нефтеюганском районе Тюменской области в бассейне реки Юганская Обь летом 1993 года. Екатеринбург, 1994.

Пархимович С.Ю. Отчет о НИР Исследование поселения Сырой Аган 5 в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского АО в 2008 году Сырой Аган. Арх. НПО Северная археология-1. № 261.1-2, науч.

Чемакин Ю.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. – Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008. – 224 с.

Чемакин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). – Екатеринбург: Тезис, 1999. – С. 9–66.

References

Aref'ev V.A. Otchet o NIR Issledovanie poselenija Syroj Agan 5 v Neftejuganskom rajone Khanty-Mansijskogo AO v 2000 godu. Arkh. NPO Severnaja arkheologija-1. No. 46 nauch. 107 pp. (In Russ.).

Aref'ev V.A. Otchet o NIR "Issledovanie gorodishcha Syroj Agan 1 v Neftejuganskom rajone Khanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga v 2001 godu". Neftejugansk, 2002. (In Russ.).

Chemjakin Ju.P. Barsova Gora: ocherki arkheologii Surgutskogo Priob'ja. Drevnost'. Surgut; Omsk: Omskij dom pečati, 2008. 224 pp. (In Russ.).

Chemjakin Ju.P., Karacharov K.G. Drevnjaja istorija Surgutskogo Priob'ja // Oчерки tradicionnogo zemlepol'zovanija khantov (materialy k atlasu). Ekaterinburg: Tezis, 1999. Pp. 9–66. (In Russ.).

Ivas'ko L.V. 1994. Otchet ob arkheologičeskoj razvedke v Neftejuganskom rajone Tjumenskoj oblasti v bassejne reki Juganskaja Ob' letom 1993 goda. Ekaterinburg, 1994. (In Russ.).

Parkhimovich S.Ju. Otchet o NIR Issledovanie poselenija Syroj Agan 5 v Neftejuganskom rajone Hanty-Mansijskogo AO v 2008 godu Syroj Agan. Arh. NPO Severnaja arkheologija-1. No. 261.1-2, nauch. (In Russ.).

Vasil'ev E.A. Severotaezhnoe Priob'e v epokhu pozdnej bronzy // Arkheologija i etnografija Priob'ja. Tomsk, 1982. Pp. 3–14. (In Russ.).

Vizgalov G.P. Otchet o NIR Istoriko-kul'turnaja ekspertiza territorii Solkinskogo, Juzhno-surgutskogo i Vostochno-surgutskogo licenzionnykh uchastkov NGDU "Juganskneft'" ОАО "Juganskneftegaz" (etap predvaritel'noj, kameral'noj ekspertizy). Neftejugansk, 1998. 112 pp. (In Russ.).

А.А. Цыбанков, С.В. Колонцов, А.А. Присекайло

Институт археологии и этнографии СО РАН

E-mail: tsybankov@yandex.ru

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ НА ОСТРОВАХ И В ПРИБРЕЖНЫХ ЗОНАХ НОВОСИБИРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА И РЕКИ ОБИ В 2015 ГОДУ

В полевой сезон 2015 г. отрядом Отдела охранно-спасательной археологии Института археологии и этнографии СО РАН была проведена археологическая разведка на островах и прибрежных зонах Новосибирского водохранилища в Искитимском, Ордынском, Сузунском р-нах Новосибирской обл. и в Каменском и Крутихинском р-нах Алтайского края. Целью работ стало выявление новых археологических объектов на побережье и островах Новосибирского водохранилища и р. Оби, планирование и проведение мероприятий по спасению археологических объектов, находящихся в аварийном состоянии. Так, в ходе работ обследован участок от д. Тула до с. Мереть. Протяженность маршрута составила более 200 км. В результате работ была дана оценка состояния известных археологических объектов, расположенных на о-ве Борок Новосибирского водохранилища в Крутихинском р-не Алтайского края, – грунтового могильника Крутиха V и поселения Крутиха VI. Выявлено два новых археологических объекта – одиночный курган Кукуй-1 (Каменский р-н Алтайского края) и Малышевская слобода (Сузунский р-н Новосибирской обл.), основанная в 1722 г. и играющая важную роль в системе Колывано-Кузнецкой укрепленной линии и в жизни местного населения. Также произведены сборы палеонтологического материала в осыпях Тарадановского яра. На территории Малышевской слободы заложена траншея площадью 10 м², разрезающая остатки оборонительного сооружения (рва и вала). Получен археологический материал, соотносящийся со временем существования слободы. В целом, разведочные работы 2015 г. позволили обнаружить несколько новых объектов археологического наследия и наметить наиболее перспективные участки для дальнейших исследований.

Ключевые слова: Новосибирская область, Алтайский край, Обское водохранилище, археологическая разведка, курган, слобода, мониторинг.

A.A. Tsybankov, S.V. Kolontsov, A.A. Prisekailo

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

E-mail: tsybankov@yandex.ru

PRELIMINARY RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL SURVEY ON THE ISLANDS AND COASTAL AREAS OF NOVOSIBIRSK RESERVOIR AND OB RIVER IN 2015

Department of Rescue Archaeology of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS conducted archaeological survey on the islands and the coastal areas of the Novosibirsk reservoir in Iskitim, Orda, Suzun districts of the Novosibirsk region, Kamensky and Krutikhinsky District of the Altai territory in 2015 field season. We aimed to find the new archaeological objects on the islands and the coastal areas of the Novosibirsk reservoir and Ob River, plane and realize the measures, preserving the archaeological sites under the critical conditions. Thus, we explored the area from Tula to Meret villages for more than 200 km. As a result, we estimated the known archaeological objects on a Borok island of Novosibirsk reservoir in Krutikhinsky district of Altai territory: ground burial complex Krutikha 5 and Krutikha 4 settlement. Two new archaeological sites were revealed: a single Kukui 1 barrow (Kamensky district of the Altai Territory) and Malyshevo Sloboda (Suzun district of the Novosibirsk Region), founded in 1722 and played a significant role in the Kolyvan-Kuznetsk fortified barrier and lives of local people. We collected the paleontological material in the taluses of the Taradanovo ravine. Expedition opened a trench in area 10 m², cutting the remains of defensive construction in ditch and wall, at the territory of Malyshevo Sloboda (quarter) the archaeological site. We obtained the archaeological material, correlated with chronology of Sloboda. Generally, the 2015 exploration work permitted to find the several new objects of archaeological heritage and identify the most perspective areas for further research.

Keywords: Novosibirsk region, Altai territory, Ob reservoir, archaeological survey, barrow, quarter, monitoring.

В полевой сезон 2015 г. отрядом Отдела охранно-спасательной археологии Института археологии

и этнографии СО РАН была проведена археологическая разведка на островах Обского водохрани-

лища и р. Оби в Искитимском, Ордынском, Сузунском р-нах Новосибирской обл., а также в Каменском и Крутихинском р-нах Алтайского края.

История изучения археологических памятников данных районов связана, в первую очередь, с охранными археологическими работами, сопряженными со строительством Новосибирской ГЭС в 50–60-х гг. XX в. И только в последующие годы проводились изыскания, связанные с научной деятельностью ИАЭТ СО РАН, НГПУ, АГУ и др.

Так, в 2014 г. сотрудниками ООСА ИАЭТ СО РАН в рамках научно-исследовательских работ была проведена археологическая разведка на островах Новосибирского водохранилища и прибрежной зоны р. Оби, которая показала перспективность исследования данной территории. Было обследовано 17 островов в Ордынском р-не от с. Кирза до с. Завьялово, в ходе чего выявлено четыре объекта археологического наследия, датированных железным веком (Остров Каменский-1–4), и два – эпохи Средневековья (поселения Красноярский Борок-1–2) [Цыбанков и др., 2014, с. 443]. Таким образом, в результате проведенной разведки к четырем уже известным памятникам островов Новосибирского водохранилища добавилось еще шесть объектов археологического наследия.

Для проведения археологических разведок использовалось маломерное судно КС-110-35 «Беркут».

Разведка 2015 г. является продолжением начатых исследований, основной целью которых стало выявление новых археологических объектов на побережье и островах Обского водохранилища и р. Оби, планирование и проведение мероприятий по спасению археологических объектов, находящихся в аварийном состоянии.

Так, в ходе археологической разведки был обследован участок Новосибирского водохранилища от д. Тула до г. Камня-на-Оби и участок р. Оби от г. Камня-на-Оби до с. Мереть. В результате работ выявлено два объекта археологического наследия – одиночный курган Кукуй-1 (о. Кукуй, Каменский р-н Алтайского края) и Малышевская слобода (близ д. Малышево, Сузунский р-н Новосибирской обл.). Также был собран палеонтологический материал (кости ископаемой лошади), обнаруженный на осыпях Тарадановского яра, и обследовано два известных памятника археологии, находящихся на о-ве Борок в Крутихинском р-не Алтайского края, – грунтовый могильник Крутиха V и поселение Крутиха VI.

Одиночный курган Кукуй-1 был обнаружен при обследовании достаточно крупного о-ва Кукуй (2,6 км в длину и 1 км в ширину), расположенного на территории Новосибирского водохранилища в Каменском р-не Алтайского края, в 3 км на юго-юго-восток от с. Соколово. Объект архео-

логического наследия занимает крайнюю позицию в самой широкой части острова, в 80 м к западу от современного берега острова. Абсолютные отметки поверхности, на которой расположен курган, составляют 115–116 м. Высота над урезом воды 5–6 м. Объект находится на относительно субгоризонтальной площадке. Курган представляет собой хорошо читаемую задернованную насыпь (высотой 1 м) овальной формы, без каких-либо видимых нарушений (грабительских проникновений, пахоты). Диаметр кургана составляет 9 м. Датировка и культурная принадлежность неизвестны.

На о-ве Борок (длина острова – 1,3 км, ширина – 0,9 км), расположенном в акватории Обского водохранилища в Крутихинском р-не Алтайского края, в 1,6 км на восток от административного центра с. Крутиха, было обследовано два ранее известных памятника – грунтовый могильник Крутиха V и поселение Крутиха VI.

Грунтовый могильник ранней бронзы Крутиха V находится в 2,5 км к юго-востоку от с. Крутиха и занимает южное положение среди археологических объектов острова, на берегу изголовья. Абсолютные отметки поверхности, на которой расположен объект, составляют 110–111 м. Высота над урезом воды 5–7 м. Объект находится на субгоризонтальной площадке второй-третьей надпойменной террасы р. Оби, сложенной эоловыми песками с мелкобугристым грядовым рельефом. Памятник обнаружен в 1970 г. Т. Фоминых и А. Чупрасовым. В 1971 г. обследовался М.А. Деминым [Кирюшин, 1990]. В 1974 г. из-за сильной эрозии берега острова были проведены спасательные раскопки В.И. Молодиным [Молодин, 1977]. На данный момент памятник находится в аварийном состоянии. Раскоп 1974 г. сохранился частично, большая часть его обрушилась. Также были зафиксированы следы обрушения грунтового могильника. Обнаружены в экспонированном состоянии бедренная кость и фрагмент позвоночника.

Поселение Крутиха VI находится в 500 м к северо-востоку от грунтового могильника Крутиха V и имеет такую же геоморфологическую ситуацию. Объект археологического наследия открыт в 1974 г. В.И. Молодиным [Кирюшин, 1990]. Абсолютные отметки поверхности, на которой расположен объект, составляют 118–119 м. Высота над урезом воды 4–5 м. На относительно ровной поверхности хорошо читаются шесть жилищных западин овальной формы, глубиной от 0,3 до 0,6 м, длиной от 4 до 6 м, шириной от 3 до 4 м. Памятник находится в удовлетворительном состоянии.

В ходе обследования осыпей Тарадановского яра, находящегося на правом берегу р. Оби, в 2,4 км на юго-запад от с. Тараданово Сузунского р-на Новосибирской обл., были собраны остатки крупных

млекопитающих в верхней части отмели, в 600 м выше по течению от известного местонахождения.

Тарадановское местонахождение является одной из наиболее значительных локализаций остатков крупных млекопитающих среди известных на территории Западной Сибири. Исследования этого вторичного, переотложенного аллювиального местонахождения проводятся и по сей день. В ходе наблюдений в разные годы (2004, 2005, 2008, 2010, 2011) было выяснено, что количество собранных в те или иные промежутки времени костных остатков напрямую зависело от интенсивности и продолжительности весенне-летних паводков, а также от уровня воды в осеннюю межень. Костеносный горизонт Тарадановского яра находится на несколько метров ниже меженного уреза воды. Наиболее тяжелые крупные кости оседают, как правило, в верхней по течению части костеносной отмели. В средней по течению части пляжа преобладают самые крупные костные остатки, а в нижней – остатки

среднего и мелкого размерного класса. Фаунистический материал представлен в основном костными останками лошади, бизона, шерстистого носорога, сайгака, архара, зоргелии, малого пещерного медведя, оленя, мамонта [Васильев, 2011].

В результате обследования территории вблизи с. Малышево Сузунского р-на Новосибирской обл. была обнаружена сохранившаяся часть оборонительных сооружений (ров, вал) бывшей Малышевской слободы (ныне с. Малышево). Объект археологического наследия расположен на высоком яру р. Оби, в 120 м от его обрыва, в 360 м от села. Абсолютные отметки поверхности, на которой расположен памятник, составляют 131–135 м. Высота над урезом воды 8–10 м.

На выположенной площадке хорошо видно одиннадцать западин округлой формы глубиной до 70 см. В юго-юго-западной и юго-восточной частях выявленного объекта обнаружены частично сохранившиеся ров и вал (рис. 1). На территории

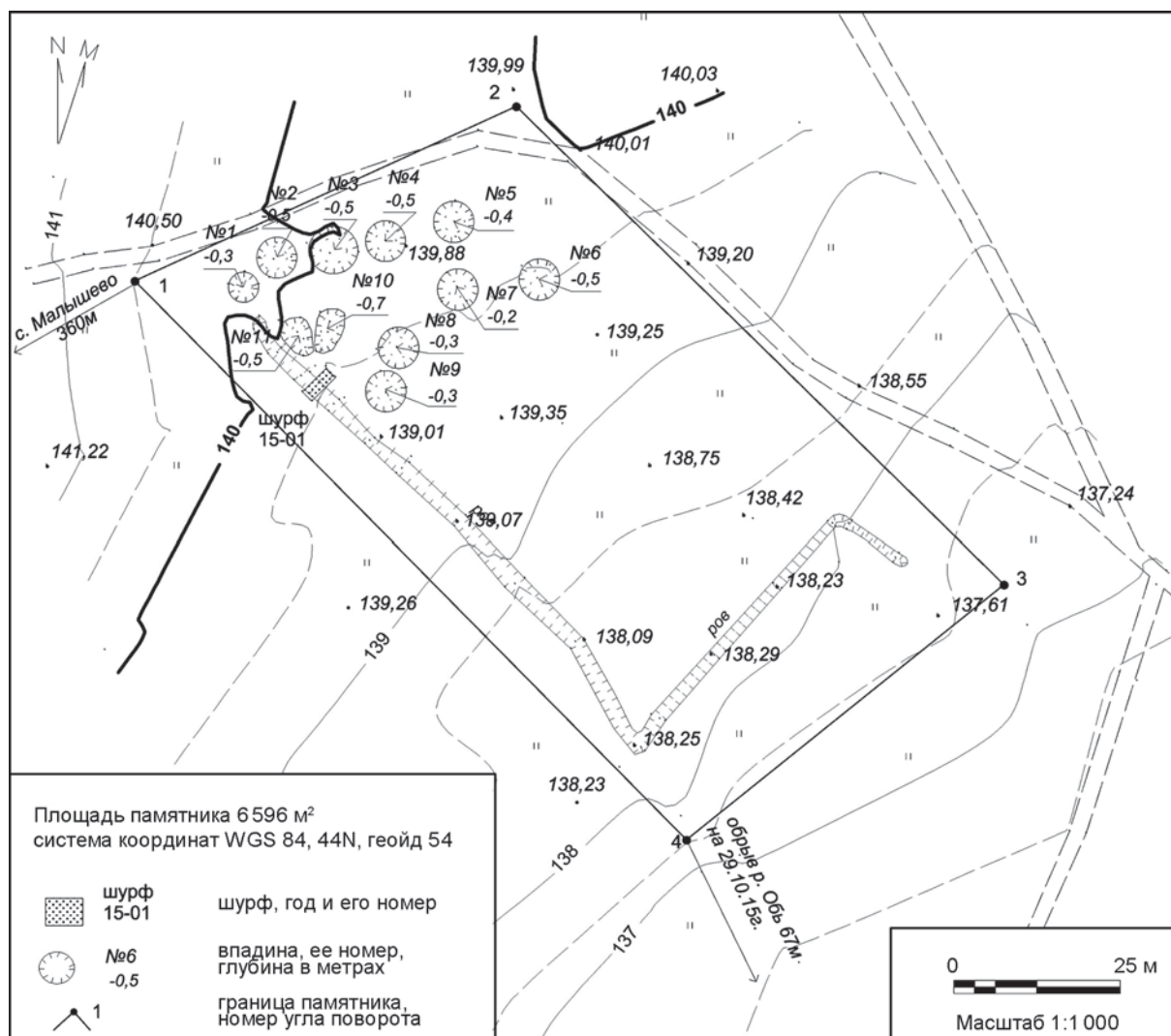

Рис. 1. Археологическая разведка 2015 г. Топографический план выявленного объекта археологического наследия Малышевская слобода.

памятника имеются техногенные нарушения, вызванные существованием с. Малышево, которые, по-видимому, и привели к разрушению части оборонительных сооружений.

В ходе обследования, с целью определения хронологической и культурной принадлежности, была заложена траншея 5×2 м, разрезающая ров и вал.

Архивные данные и полученный в ходе разведочных работ археологический материал (кованые гвозди (2 экз.), шлак (1 экз.), обломки кирпичей, фрагмент русской керамики (1 экз.)), позволяют

считать, что выявленный археологический объект является Малышевской слободой.

Малышевская слобода основана в 1722 г. по просьбам живших в этой местности крестьян из-за большой удаленности от Бердского острога, где в тот момент находился приказчик. По их просьбе им был дозволен собственный приказчик, но при условии возведения своими силами укрепительных сооружений и последующего их содержания. В результате силами крестьян была возведена Малышевская слобода, которая рас-

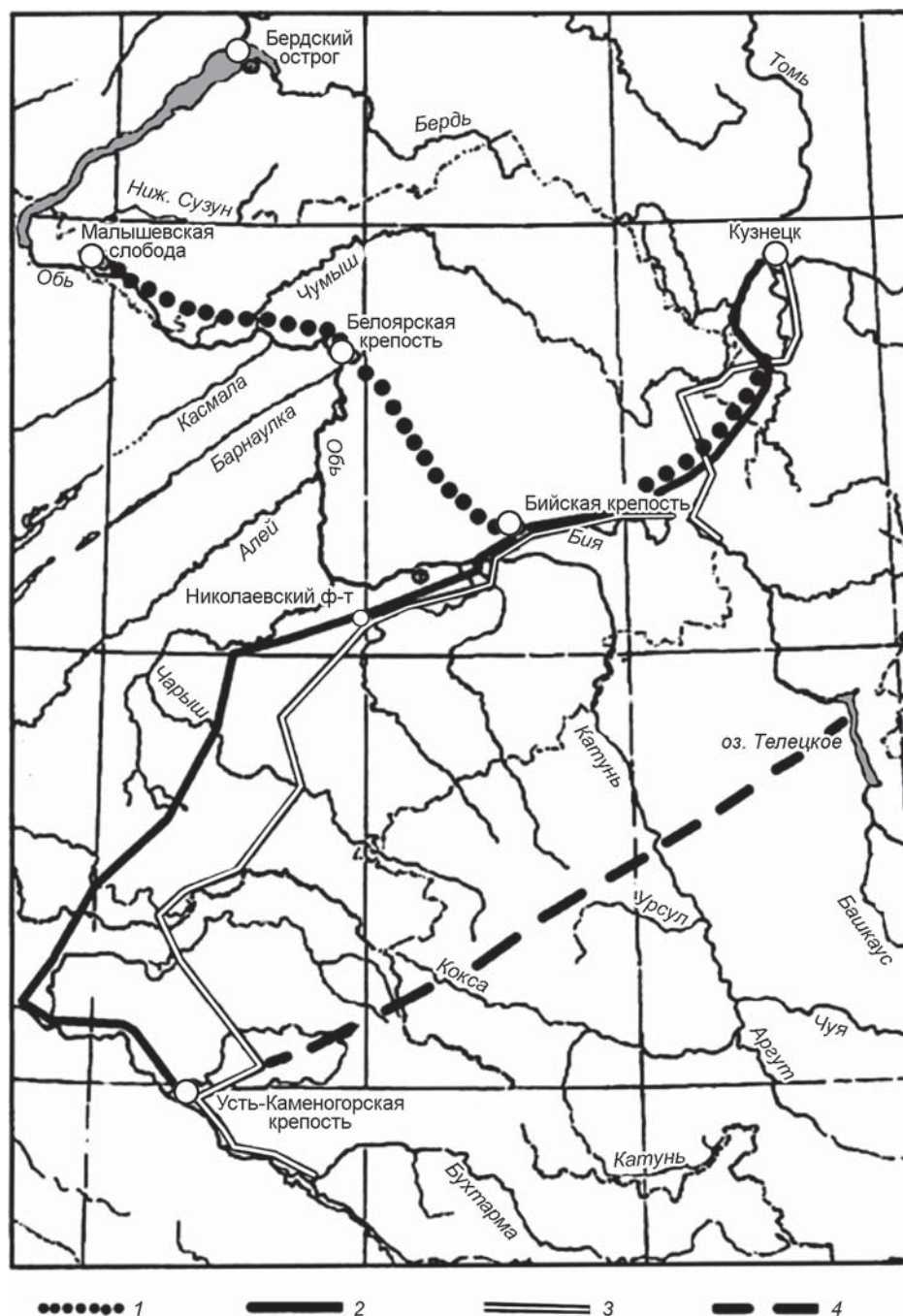

Рис. 2. Кузнецкая линия (от Кузнецка до Николаевского форпоста) с обозначением этапов ее существования. 1 – I этап; 2 – II этап; 3 – III этап; 4 – проект линии инженер-капитана С. Плаутина [Огурцов, 2007].

положилась в 60 верстах ниже устья р. Чумыш на северо-восточном берегу Оби. Свое название она получила от деревни, которая стояла на этом месте и была основана крестьянином Малышевым [Элерт, 1996].

Согласно путевым описаниям Г.Ф. Миллера, укрепление слободы обеспечивалось обводной деревянной стеной из бревен и кольев, которая была проведена к берегу реки в форме полумесяца. Также были возведены три боевые башни: одна проезжая и две глухие. Вокруг был выкопан ров, а в промежутки между линейными опорными пунктами установлены рогатки и надолбы. Внутри укрепления находился дом приказчика, судная изба, магазины и несколько частных домов. Остальные частные жилища располагались снаружи защитного сооружения. Артиллерия была представлена одной трехфунтовой пушкой [Там же].

Вскоре после постройки Малышевское укрепление было перенесено в глубь яра, т.к. часть строений обрушилась в связи с береговой эрозией [Там же].

В последующие годы к дистрикту слободы была присоединена 21 деревня. Деревни располагались как выше, так и ниже слободы вдоль северо-восточного берега Оби и на впадающих в нее маленьких речках, что говорит о немалой значимости данного поселения в системе Колывано-Кузнецкой укрепленной линии (рис. 2).

В целом, разведочные работы 2015 г. позволили обнаружить несколько новых объектов археологического наследия и наметить наиболее перспективные участки для дальнейших исследований.

Список литературы

Васильев С.К. Некоторые итоги изучения Тардановского аллювиального местонахождения позднеплейстоценовой мегафауны // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных

территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 20–25.

Киришин Ю.Ф. Памятники истории и культуры северо-западного Алтая. – Барнаул: ВООПИИК, 1990. – 131 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 173 с.

Огурцов А.Ю. На Кузнецкой линии // Кузнецкая старина. – Новокузнецк, 2007. – Вып. 9. – С. 40–67.

Цыбанков А.А., Колонцов С.В., Постнов А.В., Марковский Г.И., Присекайло А.А. Результаты археологической разведки на островах Новосибирского водохранилища в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 442–445.

Элерт А.Х. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – Сер.: История Сибири. Первоисточники. Вып. VI. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 310 с.

References

Cybankov A.A., Kolontsov S.V., Postnov A.V., Markovskij G.I., Prisekajlo A.A. Rezultaty arkheologicheskoy razvedki na ostrovakh Novosibirskogo vodokhranilishcha v 2014 godu // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2014. Vol. XX. Pp. 442–445. (In Russ.).

Elert A.X. Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera Ser.: Istoriya Sibiri. Pervoistochniki. Iss. VI. Novosibirsk: Sibirskij khronograf, 1996. 310 pp. (In Russ.).

Kiryushin Ju.F. Pamyatniki istorii i kultury severozapadnogo Altaya. Barnaul: VOOPPIK, 1990. 131 pp. (In Russ.).

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtyshya. Novosibirsk: Nauka, 1977. 173 pp. (In Russ.).

Ogurtsov A.Ju. Na Kuzneckoj linii // Kuzneckaja starina. Novokuznetsk, 2007. Iss. 9. Pp. 40–67. (In Russ.).

Vasilyev S.K. Nekotorye itogi izucheniya Taradanovskogo allyuvialnogo mestonahozhdeniya pozdneplejstocenovoj megafauny // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2011. Vol. XVII. Pp. 20–25. (In Russ.).

**А.А. Цыбанков¹, С.П. Нестеров¹, А.А. Дудко¹, С.В. Алкин¹,
В.В. Ахметов¹, О.А. Шеломихин², Р.К. Першин¹**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Благовещенский государственный педагогический университет

E-mail: a-dudko9@mail.ru

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАБОТ В ЗОНЕ ЗАТОПЛЕНИЯ НИЖНЕБУРЕЙСКОЙ ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИИ В 2015 ГОДУ (АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ)

В 2015 г. в зоне затопления Нижнебурейской ГЭС Отделом охранно-спасательной археологии Института археологии и этнографии СО РАН были изучены памятники Безумка, Безумка-Плавильня и Букинский Ключ-1 на территории Бурейского р-на Амурской обл. На стоянке Безумка была вскрыта площадь 243 м². Археологические артефакты (всего 2 100 экз.) представлены в основном развалами сосудов, а также продуктами расщепления камня. Наибольшая концентрация археологического материала связана с самой возвышенной частью рёлки. Представленный комплекс предметов относится к раннему железному веку (урильская и талаканская культура) и раннему Средневековью (михайловская культура и троицкая группа мохэской культуры). На памятнике Безумка-Плавильня спасательные раскопки проводились на площади 310 м². Было найдено 146 артефактов, среди которых фрагмент железного изделия и обломок кресала. В культурном отношении они относятся к урильской и позднему этапу мохэской культуры троицкой группы (XI–XII вв. н.э.). На памятнике Букинский Ключ-1 был заложен раскоп в 102 м², в процессе исследования найдены два котлована жилищ михайловской культуры. Коллекция находок включает более 650 предметов, в основном представлена фрагментами керамических сосудов михайловской культуры. В результате работ 2015 г. были проведены спасательные археологические раскопки памятников Безумка и Безумка-Плавильня, а также дополнительные исследования на стоянке Букинский Ключ-1. Это позволило получить новые данные по планиграфии и стратиграфии объектов, в т.ч. их периферийных участков, а также археологический материал, уточняющий культурно-хронологическую схему заселения долины р. Буреи.

Ключевые слова: Амурская область, археологические раскопки, ранний железный век, Средневековье.

**A.A. Tsybankov¹, S.P. Nesterov¹, A.A. Dudko¹, S.V. Alkin¹,
V.V. Akhmetov¹, O.A. Shelomikhin², R.K. Pershin¹**

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Blagoveshchensk State Pedagogical University

E-mail: a-dudko9@mail.ru

THE PRELIMINARY RESULTS OF 2015 ARCHAEOLOGICAL EXPLORATION IN INUNDATION AREA OF LOWER BUREYA HYDRO-ELECTRIC POWER STATION (AMUR REGION)

Department of Rescue Archaeology of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS investigated the Bezumka, Bezumka-foundry and Bukinsky Klyuch 1 sites in inundation area of Lower Bureya HEP at the territory of the Bureya district of the Amur region. The excavation area of the Bezumka site amounted to 243 m². The archaeological collection (2100 in number) mainly includes the destroyed vessels and products of stone flaking. The highest concentration of archaeological material is associated with the most elevated part of the wide hill. This artificial complex relates to Early Iron Age (Urilsk and Talakansk cultures) and Early Middle Ages (Mikhailovo and Troitsk groups of Mohe culture). The area 310 m², contained 146 artifacts, was uncovered at the Bezumka-foundry during the rescue excavation. Their cultural attribution is Urilsk and Late Mohe cultures of Troitsk group (11–12th centuries). Expedition excavated the Bukinsky Klyuch in area 102 m² and studied two house pits of Mikhailovo culture. Collection consists of more than 650 artifacts, mainly fragments of ceramic vessels of Mikhailovo culture. The result of 2015 excavation campaign is the complete study of the area, purposed by government agreement for explorations in inundation area of Lower Bureya HEP, and realization of

additional work at the Bukinsky Klyuch 1 site. It permitted to obtain the new data on as planigraphy and stratigraphy of the objects, including their marginal areas, well as archaeological material, which make clear the cultural chronological scale of the Bureya River valley occupation.

Keywords: Amur Region, archaeological excavation, Early Iron Age, Middle Ages.

В 2015 г. Отделом охранно-спасательной археологии Института археологии и этнографии СО РАН были проведены стационарные исследования памятников Безумка, Безумка-Плавильня и Букинский Ключ-1 на территории Бурейского р-на Амурской обл., в зоне затопления Нижнебурейской ГЭС.

Памятник *Безумка* дислоцирован на правобережье р. Буреи, в 400 м севернее впадения в нее р. Безумки (левый рукав современной дельты р. Большие Симичи), на узкой (ок. 15 м), но длинной рёлке. Она представляет собой возвышенность останца первой надпойменной террасы (или палеоостров) и отделена от коренного берега узким и глубоким руслом древней протоки. Общий перепад высот от современной дневной поверхности рёлки до уреза воды в р. Бурее составляет 7–8 м.

Стоянка в устье р. Безумки впервые была обнаружена А.И. Мазиным в 1978 г. В 1989 г. С.П. Нес-

теровым, А.В. Гребенчиковым и А.И. Логиновым здесь были произведены дополнительные исследования и в результате обнаружен культурный слой, отнесенный к раннему железному веку. В 1997 г. на памятнике проведены стационарные исследования (65 м²), в ходе которых выявлены три культурных слоя: два – с материалами урийской культуры, один – с артефактами талаканской и михайловской культур [Нестеров, Алкин, Богданов, 1997; Древности Буреи, 2000, с. 30].

В 2015 г. стационарные раскопки памятника Безумка были продолжены на площади в 243 м². Раскоп примыкал к раскопу 1997 г.: с юга и севера – траншеями по 3 м шириной, с запада – прямоугольником размерами 11 × 15 м. Общая стратиграфия памятника представляет собой последовательное чередование слоев (сверху вниз). Слой 1 – дерново-гумусный горизонт. Слой 2 –

стерильный песок, мощностью до 1 м. Слой 3 – первая погребенная почва, содержащая археологический материал талаканской и михайловской культур. Однако на ее поверхности впервые обнаружен развал сосуда троичской группы мохэской культуры (рис. 1, 4). Слой 4 – стерильный песок. Слой 5 – вторая погребенная почва (в виде линз), которая содержит материал урийской культуры. Слой 6 – стерильный песок. Слой 7 – третья погребенная почва, содержащая археологический материал урийской культуры. Ниже слоя 7 залегают стерильные слои пойменного аллювия.

Археологический материал распространен по всей площади, но неравномерно. Наибольшая его концентрация связана с самой возвышенной частью рёлки. Археологические артефакты (всего 2 100 экз.) представлены, в основном, развалами сосудов, а также продуктами расщепления камня. Керамический комплекс (2 066 экз.) включает фрагменты: венчиков (106 экз.), стенок сосудов (1 914 экз.), доньшек (46 экз.) Продукты первичного расщепления камня (30 экз.) – отщепы (27 экз.), обломки (2 экз.), галечный нуклеус. Кроме того, найдены камен-

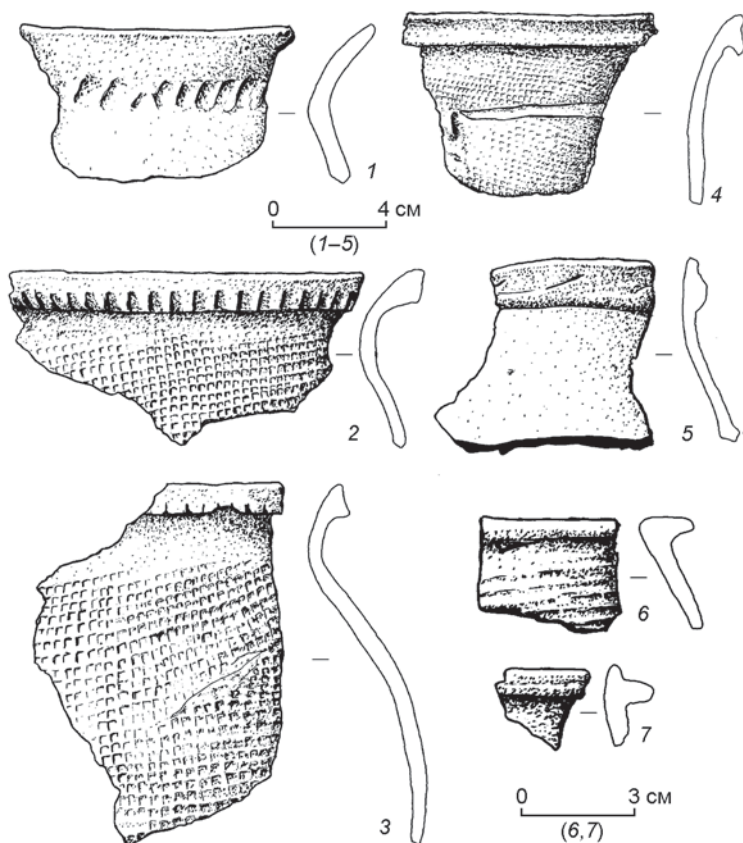

Рис. 1. Фрагменты керамических сосудов с памятников Букинский Ключ-1 (1–3), Безумка (4, 5), Безумка-Плавильня (6, 7).

1, 6 – урийская культура; 2, 3 – михайловская культура; 4, 7 – троичская группа мохэской культуры; 5 – талаканская культура.

ное ложило, скребок, тесло и отщеп с ретушью. По всей изученной толще отложений зафиксированы разрозненные гальки и колотые гальки – 574 экз. Представленный комплекс предметов относится к раннему железному веку (урильская и талаканская культуры) (рис. 1, 5; 2) и раннему Средневековью (михайловская культура и троицкая группа мохэской культуры) (рис. 1, 4).

В 1997 и 1999 гг. в 200 м севернее памятника Безумка, на противоположном берегу сухого русла древней протоки, у подножия сопки были обнаружены и обследованы две западины [Там же, с. 32]. В поставленном шурфе была найдена часть сопла или обмазки железоплавильной печи, поэтому памятник получил название *Безумка-Плавильня*. Площадка, на которой расположены западины, сильно залесена. Она имеет уклон в направлении с севера на юг (перепад до 1,66 м). Терраса незначительно понижается с востока на запад (на 30 см). Общий перепад высот от современной дневной поверхности площади памятника до уреза воды в р. Бурее составляет 8–10 м.

Западина 1 – подчетыреугольной в плане формы. Ее размеры по внешней границе ямы 4,28–4,56 м (север – юг) и 4,2–4,4 м (запад – восток); по краю обваловки – до 7,36 м (север – юг) и 7,92 м (запад – восток). Глубина западины до 60 см от уровня обваловки.

Западина 2 – подчетыреугольной в плане формы. Ее размеры по внешней границе ямы 4,20–4,36 м (север – юг) и 3,96–4,16 м (запад – восток); по краю обваловки – до 7,36 м (север – юг) и до 7,2 м (запад – восток). Глубина западины до 63 см от уровня обваловки. Расстояние между западинами менее 1 м.

В 2015 г. на памятнике Безумка-Плавильня проведены спасательные раскопки на площади 310 м². В раскоп были включены западины 1 и 2 и прилегающее к ним пространство, а также западина 3, которая была обнаружена в этом же году, но оказалась естественного происхождения. Общая стратиграфия объекта представляет собой последовательное чередование слоев (сверху вниз). Слой 1 – дерново-гумусный горизонт. Слой 2 – дресва коричневого цвета мощностью до 40 см, в которой залегают археологические находки. Слой 3 – дресва желтого цвета без археологического материала.

Археологический материал в раскопе был распространен по всей площади, но неравномерно. Его наибольшая концентрация была в юго-восточной части исследованной площадки, и в меньшей степени связана с заполнением западин. Всего в результате работ 2015 г. на памятнике Безумка-Плавильня найдено 146 артефактов. Черепки сосудов (всего 85 экз.) представлены фрагментами венчиков (10 экз.), стенок тулова (74 экз.) и одним доньшком. В культурном отношении они относятся к урильской (рис. 1, 6) и позднему этапу троицкой группы мохэской культуры (XI–XII вв. н.э.) (рис. 1, 7). Среди каменных предметов (всего 59 экз.) имеются отщепы (9 экз.), обломки (2 экз.), осколки, чешуйки (2 экз.), орудие с выемкой, пластинчатый отщеп с ретушью, скребки (4 экз.), наковаленка, гальки и колотые гальки (38 экз.). Были найдены фрагмент железного изделия и обломок кресала.

Явных следов железоделательного производства, как это предполагалось ранее, на памятнике

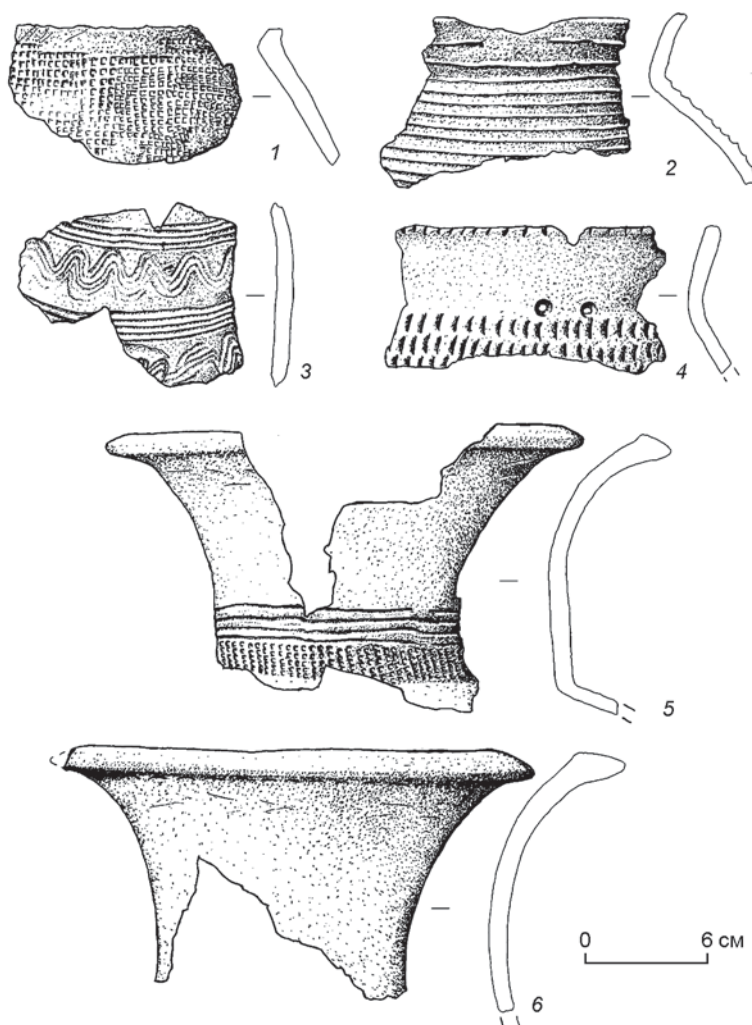

Рис. 2. Фрагменты керамических сосудов урильской культуры с памятника Безумка.

Безумка-Плавильня не обнаружено. В западинах 1 и 2 присутствовали отдельные угольки, на дне западины 2 найдены фрагменты урильского сосуда; очаги отсутствовали. Совокупность полученных данных свидетельствует о том, что исследованные западины 1 и 2 являются искусственными конструкциями, но их назначение на данный момент остается неясным.

Памятник *Букинский Ключ-1* расположен на правом берегу р. Буреи в 11 км вверх по течению от бывшего с. Бахирево, в 150–200 м ниже впадения в Бурею Букинского ключа. Участок высокой поймы в этом месте (4–7 м над урезом воды в период меженного стояния) с севера и с юга ограничен двумя перпендикулярными к руслу реки сухими водотоками.

В ходе работ 1997, 1999 и 2001 гг. было исследовано 372 м² площади поселения. Изучены комплексы раннего железного века (урильской культуры) и три жилища раннесредневековой михайловской культуры [Нестеров, Шеломихин, 2002; Нестеров, Дураков, Шеломихин, 2008].

В 2015 г. на памятнике был заложен раскоп в 102 м², который примыкал к западной стенке раскопа предыдущих лет. В процессе исследования обнаружены котлованы подквадратной формы с остатками двух построек. Судя по стратиграфическому разрезу, фрагментам деревянных конструкций, найденным артефактам, это были жилища 4 и 5 михайловской культуры.

В том же культурном горизонте имелись три ямы, которые, скорее всего, использовались в хозяйственных целях.

Обобщенная стратиграфия памятника представляет собой последовательное чередование слоев (сверху вниз). Слой 1 – современный дерново-гумусовый горизонт, в некоторых местах имеющий поддерновый прослой. Слой 2 – стерильный песок. Слой 3 – первая погребенная почва; в ней были обнаружены находки в небольшом количестве. Слой 4 – серо-желтая супесь (4.1) с лежащими под ней прослоями дресвы (4.2), образованными, вероятнее всего, в результате выбросов при рытье котлованов для жилищ. Слой 5 – вторая погребенная почва, которая содержала находки михайловской культуры. Слой 6 – стерильный песок. Слой 7 – третья погребенная почва. Слой 8 – плотный серо-желтый суглинок с прослоями дресвы.

Коллекция находок включает более 650 предметов, в основном представлена фрагментами керамических сосудов (641 экз.), большей частью михайловской культуры (широкогорлые открытые горшки). Кроме того, были найдены два железных изделия: фрагмент лезвийной части ножа (в жилище в южной части раскопа) и латная пластина

(в межжилищном пространстве). Каменные артефакты представлены отщепами и наконечником стрелы с бифасиальной обработкой (найден на полу жилища в северной части раскопа). В южной части раскопа, в западине, отмечены мелкие фрагменты костей, в т.ч. кальцинированные, а также зубы животного.

В результате работ 2015 г. были проведены раскопки памятников Безумка и Безумка-Плавильня и Букинский Ключ-1. Это позволило получить новые данные по планиграфии и стратиграфии объектов, в т.ч. их периферийных участков, а также археологический материал, уточняющий культурно-хронологическую схему заселения долины Буреи.

Список литературы

Древности Буреи / С.П. Нестеров, А.В. Гребенщиков, С.В. Алкин, Д.П. Болотин, П.В. Волков, Н.А. Кононенко, Я.В. Кузьмин, Л.Н. Мыльникова, А.В. Табаров, А.В. Чернюк. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.

Нестеров С.П., Алкин С.В., Богданов Е.С. Исследования на памятниках Букинский ключ-1 и Безумка // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V Годовой итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – Т. III. – С. 258–264.

Нестеров С.П., Дураков И.А., Шеломихин О.А. Ранний комплекс урильской культуры с Букинского ключа на реке Бурее // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 4 (36). – С. 32–42.

Нестеров С.П., Шеломихин О.А. Общее и особенное в конструкции жилищ памятника Букинский Ключ-1 // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002. – С. 71–77.

References

Drevnosti Burei / S.P. Nesterov, A.V. Greben-shchikov, S.V. Alkin, D.P. Bolotin, P.V. Volkov, N.A. Kononenko, Ja.V. Kuz'min, L.N. Myl'nikova, A.V. Tabarev, A.V. Chernjuk. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2000. 352 pp. (In Russ.).

Nesterov S.P., Alkin S.V., Bogdanov E.S. Issledovaniya na pamjatnikakh Bukinskij kljuch-1 i Bezumka // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij: Materialy V Godovoj itogovoj sessii In-ta arkheologii i etnografii SO RAN. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 1997. Vol. III. Pp. 258–264. (In Russ.).

Nesterov S.P., Durakov I.A., Shelomikhin O.A. Rannij kompleks uril'skoj kul'tury s Bukinskogo kljucha na reke Buree // Arkheologija, etnografija i antropologija Evrazii. 2008. No. 4 (36). Pp. 32–42. (In Russ.).

Nesterov S.P., Shelomikhin O.A. Obshchee i osobennoe v konstrukcii zhilishch pamjatnika Bukinskij Kljuch-1 // Rossiya i Kitaj na dal'nevostochnykh rubezhakh. Blagoveshchensk: Izd-vo AmGU, 2002. Pp. 71–77. (In Russ.).

А.А. Цыбанков¹, А.В. Постнов^{1, 2}, А.В. Кениг^{1, 3}, П.К. Ломов^{1, 2},
К.Н. Назаров¹, И.А. Батаргина^{1, 2}

¹Институт археологии и этнографии СО РАН

²Новосибирский государственный университет

³Сургутский государственный университет

E-mail: postnov@ya.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ, ВЫЯВЛЕННЫХ ПРИ ОБСЛЕДОВАНИИ ТЕХНИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ОАН В СУРГУТСКОМ РАЙОНЕ ХМАО – ЮГРЫ

В полевой сезон 2015 г. археологическим отрядом Отдела охранно-спасательной археологии Института археологии и этнографии СО РАН обследовано техническое состояние объектов археологического наследия на территории Сургутского р-на Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В статье рассмотрены основные методические проблемы, связанные с обработкой сведений, необходимых для поиска и идентификации памятников археологии на местности. Даны методические рекомендации для археологов, существенно упрощающие мероприятия по сохранению культурного наследия в будущем. Авторами рекомендовано использовать комплексную методику, состоящую из спутниковых (навигационных) методов позиционирования (включая определение и учет деформации в Государственной геодезической сети (ГГС) на участке работ) и наземных инструментальных (точных) геодезических измерений. Рекомендовано избегать привязки к берегам рек и озер, отдельно стоящим деревьям и кустарникам, заброшенным постройкам, дорогам, а также к объектам, имеющим нечеткий контур на карте (граница леса, берега водоемов и т.д.). Рекомендовано направление до объектов привязки указывать не в буквенном (СВ, ЮЮЗ), а цифровом значении азимута, поскольку погрешность хотя бы в 5° может увеличить зону поиска памятника до нескольких километров. Желательно указывать тип азимута и метод его получения, а градусы с десятичными долями.

Ключевые слова: Сургутское Приобье, инвентаризация, ОАН, поиск памятников, атрибуция, картографирование, учетная документация.

A.A. Tsybankov¹, A.V. Postnov^{1, 2}, A.V. Kenig^{1, 3}, P.K. Lomov^{1, 2},
K.N. Nazarov¹, I.A. Batargina^{1, 2}

¹Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

²Novosibirsk State University

³Surgut State University

E-mail: postnov@ya.ru

THE PROBLEMS IN APPROACHES TO ARCHAEOLOGICAL HERITAGE PRESERVATION: EVIDENCE FROM ESTIMATION OF ITS TECHNICAL CONDITION IN SURGUT DISTRICT OF KHMAD – YUGRA

Department of Rescue Archaeology of Institute of Archeology and Ethnography SB RAS retraces the technical condition of archaeological heritage objects at the territory of Surgut district, Khanty-Mansiysk Autonomous District – Yugra in 2015 field season. This study describes the main methodological problems, associated with the manipulation of data, which are necessary for the search and identification of archaeological sites in the local area. We gives some testimonials to archaeologists, aimed to greatly easing the preservation of cultural heritage in the future. The authors recommend to use a complex approach, consisting of the methods of satellite (navigation) localization (including the

identification and accounting of deformation in the State Geodetic Network (SGN) on the research area) and onshore precise geodetic measurements. We recommend to avoid the references to river banks, the isolate trees and shrubs, forsaken constructions, roads and objects, which have the unclear edges on a map (forest borders, banks and others). We do not recommend to litter the direction to referenced objects (SE, SSW), it will be better to use the figures of bearing bar, because the azimuth error at least 5° enlarges the prospective area. We recommend to give the type of bearing bar, the method, and degrees with their tenths.

Keywords: Surgut Ob Region, inventory, objects of archaeological heritage, site search, attribution, mapping, accounting records.

В полевой сезон 2015 г. археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН было обследовано техническое состояние сорока двух объектов археологического наследия (ОАН) на территории Сургутского р-на ХМАО – Югры, согласно условиям Государственного контракта № 15 на «Обследование технического состояния и установления границ территорий объектов археологического наследия, расположенных в Сургутском и Нефтеюганском р-нах ХМАО – Югры».

Целью работ было уточнение сведений о сохранности ОАН, определение их границ и культурно-хронологическая атрибуция. Основными задачами являлись: сбор и анализ информации об ОАН; определение современного состояния и описание историко-культурной ценности, включая характеристику каждого видимого объекта на памятнике; создание подробного топографического плана с определением координат характерных точек границ объектов и их обоснованием.

Одной из ключевых проблем стал поиск точного расположения выявленных ранее ОАН. На подготовительном этапе работ анализировались все основные источники информации. Оказалось, что для одних и тех же ОАН по-разному были указаны административные и географические ориентиры: различались ландшафтно-гидрографические привязки, а также расстояния и направления.

В случае явной противоречивости информации о местонахождении ОАН источники данных были ранжированы по достоверности следующим образом: 1) учетная документация; 2) подзаконные акты о постановке на учет в органы охраны памятников; 3) отчетная документация отдельных исполнителей археологических работ (НИР, НТО и пр.); 4) научные публикации; 5) устные сообщения археологов, принимавших участие в исследовании объектов; 6) прочие публикации, включающие и неофициальные Интернет-ресурсы.

Согласно ст. 18 Закона № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г. «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», «Федеральный орган охраны объектов культурного наследия и органы испол-

нительной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченные в области охраны объектов культурного наследия, осуществляют работы по выявлению и учету объектов, представляющих собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и рекомендуемых для включения в реестр». Кроме этого, «данные об объектах, представляющих собой историко-культурную ценность, вносятся в специальные документы. Перечень таких документов, формы их ведения и рекомендации по заполнению определяются Положением о едином государственном реестре объектов культурного наследия народов Российской Федерации». Федеральным законом, при внимательном прочтении, снимаются существенные противоречия между органами, ответственными за охрану ОАН и исследователями-первооткрывателями: ОАН считаются выявленными со дня их обнаружения, а информация о выявленном объекте археологического наследия направляется соответствующим органом охраны объектов культурного наследия собственнику земельного участка, на котором обнаружен ОАН. В законе описана следующая процедура: сначала археолог-исследователь в десятидневный срок направляет в федеральный орган государственной власти в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия письменное уведомление о вновь выявленном ОАН, прикладывая сведения о местоположении объекта: далее этот орган создает учетную документацию – учетную карточку, паспорт. Данные документы являются бессрочными (№ 73-ФЗ, ст. 18, п. 3), и, поскольку конкретный ОАН охраняется государством именно в тех границах, которые стоят на учете в Госоргане охраны, то информацию, изложенную в учетном документе, необходимо считать приоритетной.

Подзаконные акты о постановке на учет ОАН в органы охраны памятников использовались в случаях отсутствия подробной информа-

ции в учетных документах, поскольку они, как правило, несут очень краткую характеристику местоположения и описание объекта. Научные публикации как вид источника, в основном, сосредоточены на интерпретации материала, и сведения о местонахождении ОАН очень краткие, а в связи с выходом приказа Министерства культуры № 2328 от 01 сентября 2015 г. будут отсутствовать вовсе.

Отчетные документы, выполненные конкретными исполнителями, являются одним из наиболее информативных, но противоречивых видов источников. В их тексте их часто содержатся ошибки и неточности в описаниях местонахождений, направлений и расстояний от административных привязок, перепутаны правые и левые берега водотоков. Возможно, эти неточности связаны с изменениями ландшафтно-географической ситуации, возможно, — с кратковременным пребыванием исследователей на памятнике. Уточнить противоречивую информацию в отчетах помогает обращение к устным сообщениям отдельных археологов, проводивших ранее работы на конкретных объектах. Этот источник слабо верифицируется. Дополнением к устным сообщениям можно считать информацию из сети Интернет, в которой можно найти воспоминания и фотографии участников исследований (рабочих, студентов, аспирантов и т.д.).

Учитывая все неточности в указании месторасположений ОАН в учетной и отчетной документации, предлагаются следующие методические рекомендации для описания местоположения ОАН. Рекомендуется использовать комплексную методику, состоящую из спутниковых (навигационных) методов позиционирования (включая определение и учет деформации ГГС на участке работ) и наземных инструментальных (точных) геодезических измерений [Вергунов, Постнов, 2003; Постнов, Вергунов, 2003а, б; Вергунов, Постнов, 2005а, б]. Переход от карт к спутниковым определениям не является на современном уровне чем-то экзотическим. Малоточные спутниковые навигаторы уже вмонтированы в большинство моделей сотовых телефонов и работают без доступа к сотовой связи. Система WGS-84, в которой работают спутниковые малоточные приборы, не является секретной. Простые навигаторы и навигаторы со встроенной функцией барометрического нивелирования имеют «бюджетную» цену. Спутниковые снимки с разрешением 30 и 15 м, и точнее, покрывающие весь земной шар, находятся в свободном доступе в сети Интернет; есть огромный выбор бесплат-

ного программного обеспечения. Переход на комплексную методику, основанную на спутниковых определениях, продиктован двумя тенденциями: бурным ростом спутниковых технологий и стремительным падением актуальности карт в связи с интенсивным хозяйственным освоением и изменениями рельефа [Постнов, Вергунов, 2002; Вергунов, Крейдун, Постнов, 2004; Постнов, Вергунов, 2006]. При этом необходимо не только указывать географические координаты, но и способ их получения. Особое внимание надо обращать на продолжительность сеанса связи, условия приема (указываемая погрешность прибором при данном положении спутников, условия местности и погода), а также указывать марку прибора и количество измерений при осреднении.

Исследователям, независимо от того, используют они карту или спутниковый снимок, рекомендуется указывать географические координаты памятника с точностью не менее чем до десятых долей минуты (110–185 м в зависимости от широты). При этом нужно текстом описывать способ получения этих координат: масштаб и год издания использовавшейся карты, модель и характеристики применяемых приборов и т.д.

Осуществляя измерения от удаленных объектов до объекта археологического наследия, в первую очередь, следует отдавать предпочтение точечным объектам, имеющим на карте отдельный условный знак или ясно читаемым на снимке: таким, как пункт ГГС, мост и т.п. Избегать привязки к берегам рек и озер, отдельно стоящим деревьям и кустарникам, заброшенным постройкам, дорогам, а также к объектам, имеющим нечеткий контур на карте (граница леса, берега водоема и т.д.). При указании расстояния до населенного пункта указывать расстояние не до города, а до городской администрации, почтамта, школы или других объектов, имеющих точный адрес; в случае с естественными объектами — не до берега озера, а до места впадения в него какого-либо водотока. Направление до объектов привязки указывать не в буквенном (СВ, ЮЮЗ), а в цифровом значении азимута, поскольку погрешность хотя бы в 5° уже может увеличить зону поиска памятника до нескольких километров. Желательно указывать тип азимута, метод его получения, а градусы с десятичными долями.

Таким образом, применение исследователями описанных выше методических рекомендаций позволят существенно оптимизировать работы по выполнению необходимых мероприятий, направленных на сохранение культурного наследия Российской Федерации.

Список литературы

Вергунов Е.Г., Крейдун Ю.А., Постнов А.В. Информационное обеспечение полевых археологических и этнографических исследований методами археологической геодезии // Ползуновский вестн. – 2004. – № 3. – С. 42–51.

Вергунов Е.Г., Постнов А.В. Разработка методики измерений в специальных геодезических работах с помощью клинометра и дальномера на Усть-Канском геодезическом полигоне // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. II. – С. 178–182.

Вергунов Е.Г., Постнов А.В. Вопросы методики применения малоточных спутниковых измерений при создании специализированных ГИС с археологическими данными // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2005а. – Т. XI, ч. II. – С. 208–212.

Вергунов Е.Г., Постнов А.В. Подготовка специализированных ГИС для археологии // Методика археологических исследований Западной Сибири. – Омск: Фаворит, 2005б. – С. 57–64.

Постнов А.В., Вергунов Е.Г. Создание полигона для отработки методики применения спутниковой навигационной аппаратуры в специальных геодезических работах // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 185–189.

Постнов А.В., Вергунов Е.Г. Основы геодезического обеспечения археологических исследований с применением спутниковых навигационных приемников. – Новосибирск: Свет, 2003а. – 160 с.

Постнов А.В., Вергунов Е.Г. Применение спутниковых навигационных приемников при проведении археологических исследований // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2003б. – Вып. 5. – С. 67–99.

Постнов А.В., Вергунов Е.Г. Геодезические работы при археологических исследованиях с применением GPS-навигатора (теория и методика): Учеб.-метод. пособие. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2006. – 74 с.

References

Postnov A.V., Vergunov E.G. Sozdanie poligona dlja otrabotki metodiki primeneniya sputnikovoj navigatsionnoj apparatury v spetsial'nykh geodezicheskikh rabotakh // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2002. Vol. VIII. Pp. 185–189. (In Russ.).

Postnov A.V., Vergunov E.G. Osnovy geodezicheskogo obespechenija arkheologicheskikh issledovanij s primeneniem sputnikovykh navigatsionnykh priemnikov. Novosibirsk: Svet, 2003a. 160 pp. (In Russ.).

Postnov A.V., Vergunov E.G. Primenenie sputnikovykh navigacionnykh priemnikov pri provedenii arheologicheskikh issledovanij // Informatsionnye tehnologii v gumanitarnykh issledovanijakh. Novosibirsk: Novosibirskij gos. un-t, 2003b. Iss. 5. Pp. 67–99 (In Russ.).

Postnov A.V., Vergunov E.G. Geodezicheskije raboty pri arkheologicheskikh issledovanijakh s primeneniem GPS-navigatora (teorija i metodika): Ucheb.-metod. posobie. Novosibirsk: Novosib. gos. un-t, 2006. 74 pp. (In Russ.).

Vergunov E.G., Krejdun Ju.A., Postnov A.V. Informacionnoe obespechenie polevykh arheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanij metodami arkheologicheskij geodezii // Polzunovskij vestn. 2004. No. 3. Pp. 42–51. (In Russ.).

Vergunov E.G., Postnov A.V. Razrabotka metodiki izmerenij v special'nykh geodezicheskikh rabotakh s pomoshch'ju klinometra i dal'nomera na Ust'-Kanskom geodezicheskom poligone // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2003. Vol. IX., Pt. II. Pp. 178–182. (In Russ.).

Vergunov E.G., Postnov A.V. Voprosy metodiki primeneniya malotochnykh sputnikovykh izmerenij pri sozdanii specializirovannykh GIS s arkheologicheskimi dannymi // Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij. – Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN. 2005a. Vol. XI, pt. II. Pp. 208–212. (In Russ.).

Vergunov E.G., Postnov A.V. Podgotovka specializirovannykh GIS dlja arkheologii // Metodika arkheologicheskikh issledovanij Zapadnoj Sibiri. Omsk: Favorit, 2005b. Pp. 57–64. (In Russ.).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ, АлтГУ	– Алтайский государственный университет (г. Барнаул)
АН	– Академия наук
АН РУз	– АН Республики Узбекистан
АО	– Археологические открытия
АОИКМ	– Акмолинский областной историко-краеведческий музей
АУ ЦОКН	– Автономное учреждение «Центр охраны культурного наследия»
БНЦ СО АН СССР	– Бурятский научный центр СО АН СССР
ВООПИИК	– Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГГС	– Государственная геодезическая сеть
ЗИН РАН	– Зоологический институт РАН (г. Санкт-Петербург)
ИА РАН (АН СССР)	– Институт археологии РАН (АН СССР) (г. Москва)
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск)
ИГ СО РАН	– Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск)
ИГиГ СО АН СССР	– Институт геологии и геофизики СО АН СССР (г. Новосибирск)
ИГУ	– Иркутский государственный университет
ИИАЭ АН КазССР	– Институт истории, археологии и этнографии АН КазССР
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург)
ИИФиФ СО РАН	– Институт истории, филологии и философии СО РАН (г. Новосибирск)
ИНГГ СО РАН	– Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН (г. Новосибирск)
ИПОС СО РАН	– Институт проблем освоения Севера СО РАН (г. Тюмень)
ИЭА РАН	– Институт этнологии и антропологии РАН (г. Москва)
ИЯЛИ АН СССР	– Институт языка, литературы и искусства АН СССР
КГПУ	– Красноярский государственный педагогический университет
КемГУ	– Кемеровский государственный университет
КККМ	– Красноярский краевой краеведческий музей
Коми НЦ УрО РАН	– Коми научный центр УрО РАН
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
ЛОИА АН СССР	– Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии
МБОУ	– муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
НГПУ	– Новосибирский государственный педагогический университет
НИР	– научно-исследовательская работа
НПЦ	– научно-производственный центр
НТО	– научно-технический отчет
ОАН	– объект археологического наследия
ОГИКМ	– Омский государственный историко-краеведческий музей
ООСА ИАЭТ СО РАН	– Отдел охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН
ПИН АН СССР	– Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка АН СССР (г. Москва)

ПМА	– полевые материалы автора
РА	– Российская археология
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РЕЛЕРО	– Омское производственное объединение «Радиозавод им. А.С. Попова»
РИЦ НГУ	– Редакционно-издательский центр Новосибирского государственного университета
РК	– Республика Казахстан
РК ВКП(б)	– районный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
СА	– Советская археология
САИПИ	– Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СНК ЯАССР	– Совет народных комиссаров Якутской Автономной Советской Социалистической Республики
СО РАН (АН СССР)	– Сибирское отделение РАН (АН СССР)
СПбФ АРАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ТГУ	– Томский государственный университет
ТИЭ	– Труды Института этнографии
ТНИИЯЛИ	– Тувинский научно-исследовательский институт языка и литературы
УИФ	– Уральский инвестиционный форум
УрГУ	– Уральский государственный университет
УрО РАН	– Уральское отделение РАН
ХГУ	– Хакасский государственный университет
ХККМ	– Хабаровский краевой краеведческий музей
ХМАО – Югра	– Ханты-Мансийский автономный округ – Югра
ЦГМРК	– Центральный государственный музей Республики Казахстан
ЯНАО	– Ямало-Ненецкий автономный округ

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

Агаджанян А.К., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Новые материалы по мелким позвоночным из восточной галереи Денисовой пещеры.....	7
Акимов Е.В., Харевич В.М., Елистратов Д.С., Чашина Н.А., Чебыкин А.А. Изучение памятников рубежа плейстоцена–голоцена в северной зоне Красноярского водохранилища	11
Анойкин А.А., Борисов М.А. Каменная индустрия верхнего комплекса артефактов с местонахождения Рубас-1 (по материалам раскопок в 2015 году)	15
Белоусова Н.Е. О методе сырьевых единиц	19
Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Исследования поселенческих и погребальных комплексов эпохи неолита на памятнике Автодром-1 в Барабинской лесостепи в 2015 году	23
Болиховская Н.С., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Палиностратиграфия и предварительная реконструкция природных обстановок во время формирования верхней части плейстоценовой толщи в восточной галерее Денисовой пещеры	28
Васильев С.К., Рыбин Е.П., Нохрина Т.И. Фаунистические остатки из отложений пещеры Бийка-1 и грота Бийка-2 (Горный Алтай) и их археологический контекст	31
Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И., Слюсаренко И.Ю., Козликин М.Б., Чеха А.М. Сборы палеотериологического материала на реке Чумыш (Алтайский край) и на реке Обь в районе поселка Бибиха (Новосибирская область) в 2015 году	36
Волков П.В., Гладышев С.А., Нохрина Т.И. Технология изготовления украшений из скорлупы яиц страуса и камня (по материалам пещеры Чихэн, Монголия)	41
Гирченко Е.А. Некоторые результаты технико-типологического анализа неолитической керамики КНР	45
Деревянко А.П., Булатович Л., Ульянов В.А., Павленок К.К., Козликин М.Б., Кандыба А.В., Анойкин А.А., Чулович Г. Стратиграфия отложений скального навеса Биоче (Черногория)	49
Деревянко А.П., Павленок К.К., Шнайдер С.В., Кот М., Шимчак К., Крайцарж М., Лазарев С.Ю., Раджабов А., Хужаназаров М. Новый индустриальный вариант среднего палеолита в Западном Тянь-Шане	53
Деревянко А.П., Рыбалко А.Г., Девятова А.Ю. Исследование раннего палеолита Западного Прикаспия (по материалам памятника Дарвагчай-залив-4)	58
Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г., Дудко А.А., Присекайло А.А., Кандыба А.В., Павленок К.К., Харевич В.М., Исаков Г.Т., Мамиров Т.Б. Предварительные результаты разведочных работ в 2015 году на береговых линиях древних озер в Павлодарской области (Северный Казахстан)	62
Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Рыбалко А.Г., Анойкин А.А., Павленок К.К., Харевич В.М., Дудко А.А., Кандыба А.В., Присекайло А.А., Исаков Г.Т., Мамиров Т.Б. Разведочные исследования в среднем течении реки Шидерты (Павлодарская область Республики Казахстан)	67
Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Чеха А.М. Характер палеолитических комплексов Денисовой пещеры: раскопки в 2015 году	71
Деревянко А.П., Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г., Дудко А.А., Кандыба А.В., Павленок К.К., Присекайло А.А., Харевич В.М., Исаков Г.Т., Мамиров Т.Б. Археологическая разведка на территории Северного Казахстана в 2015 году	75

Казанский А.Ю. Новые данные по обоснованию возраста среднепалеолитического комплекса стоянки Дарвагчай-залив-1 (Юго-Восточный Дагестан)	78
Кандыба А.В., Григорьев С.Е., Тихонов А.Н., Никольский П.А., Обадэ Т.Ф., Чепрасов М.Ю., Макаров В.С., Новгородов Г.П. Полевые исследования на острове Большой Ляховский (российская Восточная Арктика)	82
Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Новый археологический объект среднего палеолита Дарвагчай-карьер-2 (Республика Дагестан)	86
Кандыба А.В., Федоров С.Е., Дмитриев А.И., Протодяконов К.И. Местонахождение Сылах – новый археологический объект позднего неоплейстоцена Сибирской Арктики	90
Кривошапкин А.И., Виола Б., Колобова К.А., Чаргынов Т., Бакчиев Д. Возобновление исследования пещеры Сельунгур (Кыргызстан)	94
Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Шалагина А.В., Рудая Н.А. Характеристика верхней пачки отложений пещеры Страшной по материалам раскопок в 2015 году	99
Лбова Л.В., Панов В.С., Зенин В.Н., Барков А.В. Новые данные о радиоуглеродном возрасте местонахождения Малая Сыя	103
Медведев В.Е., Филатова И.В. Современный взгляд на неолитические комплексы поселений у села Казакевичево (по материалам исследований в 1959–1960 годах)	107
Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б. Новые данные о раннем гончарстве в малышевской неолитической культуре Дальнего Востока	112
Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Ненахов Д.А. Открытие грунтовых погребений неолитического могильника Венгерово-2А в Барабинской лесостепи (археолого-геофизические исследования)	116
Новиков А.Г., МакКензи Х., Горюнова О.И., Ливерс А. Российско-канадские археологические исследования в Приольхонье (западное побережье озера Байкал)	121
Новосельцева В.М. Новые палеолитические комплексы в долинах рек Оса и Обуса (Иркутская область)	125
Нохрина Т.И., Смычагина Д.В., Лбова Л.В. Опыт построения пространственных моделей культурных горизонтов пещеры Бийка-1 (Горный Алтай)	129
Оводов Н.Д. Когда и почему в Сибири появился современный заяц-беляк?	133
Оводов Н.Д., Клементьев А.М., Мартынович Н.В. Первая находка канадской речной выдры в плейстоцене Сибири	138
Павленок К.К., Павленок Г.Д., Лазарев С.Ю., Шнайдер С.В., Раджабов А. Новые данные о каменном веке Узбекистана. Стоянка-мастерская Гыштсай-1 в долине реки Ахангаран	142
Рыбалко А.Г., Девятова А.Ю. Корреляция стратиграфических разрезов памятника Дарвагчай-залив-1 по геохимическим данным	148
Рыбин Е.П., Звинс Н., Гунчинсүрэн Б., Хаценович А.М., Харевич В.М., Болорбат Ц., Анойкин А.А., Одсурэн Д., Павленок Г.Д., Шелепаев Р.А. Исследования многослойной палеолитической стоянки Толбор-21 (Северная Монголия)	152
Ульянов В.А., Козликин М.Б., Шуньков М.В. Строение разреза плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры (по данным раскопок в 2015 году)	157
Хаценович А.М., Рыбин Е.П. Геометрические изделия в позднем верхнем палеолите Монголии	161
Хаценович А.М., Рыбин Е.П., Павленок Г.Д., Анойкин А.А., Харевич В.М., Гунчинсүрэн Б., Болорбат Ц., Одсурэн Д., Кулик Н.А., Попов А.Ю. Заключительный этап полевых исследований многослойного палеолитического памятника Харганын-Гол-5 в Северной Монголии	166
Чеха А.Н. К вопросу о выделении Усть-Кутарейского археологического микрорайона в Северном Приангарье	171

Шнайдер С.В., Абдыканова А., Кривошапкин А.И. Результаты археологических раскопок памятника Обишир-5 в 2015 году	174
Шуников М.В., Белоусова Н.Е. Среднепалеолитическая составляющая каменной индустрии из слоев 8–11 стоянки Усть-Каракол-1 (по данным планиграфического анализа)	179
Шуников М.В., Таймагамбетов Ж.К., Павленок К.К., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г., Харевич В.М. Стоянка-мастерская Курчум – новый палеолитический памятник на Южном Алтае	183

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ахметов В.В., Алкин С.В. Укрепленное поселение Сивачи в составе шилкинской системы средневековых городищ	189
Бобров В.В., Моор Н.Н. Результаты исследования памятника Ложка-6 в 2015 году	193
Бобров Л.А., Кушкumbaев А.К., Филиппович Ю.А. О некоторых особенностях конструкции и боевого применения центрально-азиатских кольчатых панцирей XVI–XVIII веков (результаты эксперимента в контексте междисциплинарных исследований)	197
Бородавский А.П., Деев Е.В., Зольников И.Д., Олещак Л., Кузьмин Я.В., Ван дерПлихт Й., Кромпец М. Археолого-геологические исследования террас горной долины Нижней Катунь (Горный Алтай)	201
Выборнов А.В., Скобелев С.Г., Худяков Ю.С. Новые материалы из раскопок позднесредневекового могильника на горе Унюк (правый берег Енисея)	206
Герасимов Ю.В., Корусенко М.А. Могильник финальной бронзы на территории Омска	210
Гирченко Е.А., Варенов А.В. Бронзовые «священные алтари» и «святотилища духов» из жертвенных ям Саньсиндуя	214
Гнездилова И.С. Конструктивные особенности курганов эпохи кофун Японии	220
Деревянко Е.И. Мохэ – тунгусы	224
Дроздов Н.И., Макулов В.И. Наскальные рисунки торгалыкской впадины в Южной Туве	228
Жилич С.В., Рудая Н.А., Назарова Л.Б., Палагушкина О.В., Кривоногов С.К. Изменения озера Чаны и окружающих ландшафтов во второй половине голоцена	232
Забияко А.П. Олень-солнце на петроглифах Сянлушань	237
Иванова Д.А., Табаров А.В., Табарева Ю.В. Конструктивные особенности жилищ культуры дзёмон: от Хоккайдо до Окинавы	241
Кениг А.В., Зайцева Е.А. Результаты археологических исследований могильника Горноправдинский в полевом сезоне 2015 года	246
Киришин К.Ю. Ранняя керамика поселения Бойниха-1 (проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности)	249
Киришин К.Ю., Ситников С.М., Шабанова О.Н. Материалы второго горизонта жилища № 2 поселения Новоильинка VI (предварительные итоги исследования)	253
Киришин Ю.Ф., Киришин К.Ю., Платонова С.Г., Иванов А.П. Петрографическое описание и экспресс-анализ элементного состава каменных артефактов поселения Новоильинка VI (предварительные итоги исследования)	258
Киришин Ю.Ф., Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Фролов Я.В. Археологические исследования в степном Алтае в 2015 году	263
Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Демахина М.С. Комплексные исследования городища Сергино-2 на реке Оми	267
	609

Ковыршина Ю.Н. К 70-летию Великой Победы. Вклад ученых в победу над фашизмом. А.П. Окладников	272
Комиссаров С.А., Войтишек Е.Э. О происхождении народа туцзя	276
Комиссаров С.А., Соловьев А.И., Кудинова М.А. Об особенностях погребальной архитектуры Китая эпохи классического средневековья (династия Тан)	280
Крупочкин Е.П., Слюсаренко И.Ю. Геоархеологический анализ памятников скифского времени долины реки Юстыт (Юго-Восточный Алтай): отработка методики и первые результаты	284
Кубарев Г.В. Исследования на Калбак-Таше II	289
Лабецкий В.П. Влияние политики и идеологии на методы археологических исследований Восточной Азии во второй половине XIX века на примере работ Н.М. Пржевальского и М.В. Певцова	293
Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Кишкурно М.С., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Новые данные по памятникам Крохалёвского археологического микрорайона (Новосибирское Приобье)	297
Миклашевич Е.А. Новые местонахождения наскального искусства в горном массиве Оглахты (Хакасия)	303
Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Исследование древнейших наскальных изображений Минусинской котловины в 2014–2015 годах	308
Митько О.А., Панов В.С., Селецкий М.В., Уханов Е.В. Элементный анализ остатков серебряного покрытия железных изделий из археологических памятников енисейских кыргызов	313
Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Корусенко М.А. Новые исследования памятника Ростовка близ Омска	316
Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Борzych К.А., Селин Д.В., Нестерова М.С., Ковыршина Ю.Н. Проявление сейминско-турбинского феномена на поселении кротовской культуры Венгерово-2 (Барабинская лесостепь)	321
Молодин В.И., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Дураков И.А., Васильев С.К. Оригинальный производственный комплекс на памятнике Тартас-1 (Барабинская лесостепь)	326
Молодин В.И., Хансен С., Дураков И.А., Райнхольд С., Ефремова Н.С., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Борzych К.А., Сальникова И.В., Демахина М.С. Археологические комплексы эпохи развитой и поздней бронзы на памятнике Тартас-1: новейшие результаты	332
Мыльников В.П. Технология изготовления седельных дужек у пазырыкцев Алтая	337
Мыльников В.П., Тишкин А.А. Футляры-хранилища для инструментов у кочевников гунно-сарматского времени на Алтае	341
Мыльникова Л.Н. О моделях взаимодействия носителей автохтонной и инокультурных гончарных традиций лесостепи Западной Сибири в переходное время от бронзового к железному веку	346
Мыльникова Л.Н., Селин Д.В. Социальная иерархия носителей восточного варианта пахомовской культуры (по материалам могильника Старый Сад)	350
Нестеркина А.Л. Памятник начального этапа бронзового века Кёдон на Корейском полуострове	355
Нестеров С.П. Керамические изделия из жилища 3 поселения Осинное Озеро	360
Новиков А.В., Гаркуша Ю.Н., Новикова О.И., Кениг А.В., Мороз М.В. Городище Усть-Войкарское (Войкарский городок): продолжение исследований в 2015 году	365

Поздняков Д.В., Зубова А.В., Чикишева Т.А. К вопросу об антропологическом типе раннесредневекового населения Барабы (по материалам памятника Преображенка-6)	370
Полосьмак Н.В., Трунова В.А., Зверева В.В., Кондратьев В.И. Косы из погребения в 22-м ноин-улинском кургане: результаты междисциплинарного исследования и интерпретация	380
Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Богданов Е.С., Эрдене-Очир Н. Исследование погребений представителей воинской элиты около Баллодовского кургана (Ноин-Ула, Монголия)	385
Сидорова М.О., Баринов В.В., Жарников З.Ю., Мыглан В.С. Датировка археологической древесины из памятника «могильник Горноправдинский»	390
Соловьев А.И., Соловьева Е.А. «Новая» группа топоров из Западной Сибири	394
Соловьева Е.А., Соловьев А.И. Особенности рациона питания населения Японских островов периода дзёмон (по материалам археологических памятников)	398
Степанова Н.Ф. Особенности оформления рабочего края зубчатых орнаментов в эпоху энеолита – ранней бронзы в Горном и Предгорном Алтае	401
Табарев А.В. Каменные и деревянные изваяния в культуре мантилья-уанкавилка, Эквадор	405
Татауров С.Ф., Черная М.Л. Тарские «городни» (итоги раскопок исторического центра Тары в 2015 году)	409
Татаурова Л.В. Исследования русского комплекса XVII–XIX веков Ананьино I в 2015 году	413
Тихомиров К.Н. Новые данные о культуре тюркизированного населения южнотаяжской зоны Среднего Прииртышья (XVI–XVIII века)	417
Тихонов С.С. Археолого-исторические объекты Тары и их картографирование	420
Худяков Ю.С. Сложносоставной лук из могильника Улуг-Чолтух в Горном Алтае	424
Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Бронзовые наконечники стрел из собрания музея «Раритет» в Бишкеке	427
Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Изображения всадников и пеших лучников на петроглифических памятниках в долине реки Тон в Иссык-Кульской области Кыргызстана	430
Худяков Ю.С., Сиражева Б.А. Орнамент на подпружных пряжках из кимакских захоронений в Восточном Казахстане	433
Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Борисенко А.Ю., Орозбекова Ж. Изображение оружия на средневековых каменных изваяниях из юго-западной части Иссык-Кульской котловины	437
Черемисин Д.В., Зоткина Л.В., Плиссон Х., Кретан К., Женест Ж.-М., Деллануа Ж.-Ж., Раванель Л., Делин Ф. Исследование петроглифов Российского Алтая в 2015 году	441
Черемисин Д.В., Казаков В.В., Ковалев В.С., Жарикова М.В. Опыт трехмерного сканирования наскальных рисунков с помощью технологии структурированного подсвета	446
Черемисин Д.В., Миклашевич Е.А. Исследование петроглифов памятника Соок-Тыт (Юго-Восточный Алтай) в 2015 году	451
Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Длина тела у населения Барабинской лесостепи эпохи бронзы (по материалам памятника Сопка-2)	456
Шульга Д.П. Исследование «северных варваров» Китая по материалам отечественных исследователей	462
Шульга П.И., Шульга Д.П. Скифоидные культуры на территории Китая в VII–III веках до н.э. и их связи с номадами Саяно-Алтая	466
Шуныков М.В., Ульянов В.А., Козликин М.Б., Чеха А.М. Новые результаты исследования голоценовых отложений в Денисовой пещере	470
	611

ЭТНОГРАФИЯ

Аксенова И.Ю. Летние праздники у потомков южнорусских переселенцев Алтая в 1950–1970-х годах	477
Ахметова Ш.К. Роль элит в формировании этнической идентичности казахов Западной Сибири	480
Бадмаев А.А., Бурнаков В.А., Цыденова Д.Ц. Традиционный костюм в мировоззрении и ритуале бурят и хакасов	484
Бауло А.В. Культовые атрибуты северных хантов из деревни Старые Пословы	488
Болонев Ф.Ф. Береза в календарной культуре и традиционных верованиях народов Сибири	492
Будаева С.В., Крикау Л.В., Октябрьская И.В., Полянская Р.А. Этнографические музейные собрания Карасукского района Новосибирской области: общая оценка	496
Бурнаков В.А. Охотничий фетиш <i>Кинен тös</i> в обрядовой практике хакасов (конец XIX – середина XX века)	499
Голубкова О.В. Святочные обряды обских коми (по полевым материалам 2000-х годов)	503
Лыгденова В.В., Дашинамжилов О.Б. Межтерриториальные перемещения населения в городах Западной Сибири в 1960-е годы	507
Люцидарская А.А. Рыбный промысел Сибири в XVII веке и обеспечение пищевого рациона, согласного с православным мировоззрением	511
Майничева А.Ю. Исследования этносоциальных аспектов поведения человека с использованием гуманитарных, нейрофизиологических и генетических подходов: направления и перспективы	515
Майничева А.Ю., Глухих Е.И., Рыговский Д.С. Жилище в культуре жизнеобеспечения русских Хакасско-Минусинской котловины: новые материалы	519
Мальцева О.В. Контуры современного сакрального пространства амурских нанайцев	523
Москвина М.В. Этнические ювелирные украшения из металла в Республике Хакасии в 2000–2010-х годах	527
Николаев В.В. Кумандинцы Сузопского сельсовета после Великой Отечественной войны: демографическая характеристика	530
Николаев В.В., Самушкина Е.В. Этнополитические процессы у кумандинцев Алтайского края (на рубеже XX–XXI веков)	534
Октябрьская И.В. Образ «пути» в культуре казахов Алтая	538
Павлова Е.Ю., Москвина М.В. Программы сохранения культурного наследия Республики Хакасии и перспективы развития народных художественных промыслов	541
Сальникова И.В. К вопросу о сакральности стрел (ритуальные стрелы из священных мест)	545
Самушкина Е.В. Конструирование сакрального пространства в современном общественно-политическом дискурсе Республики Алтай	549
Селезнев А.Г. Горожане вне города: этнографическое изучение новых экопоселений на территории Омской области (по материалам экспедиции 2015 года)	553
Фурсова Е.Ф. Политика «нового быта» и традиционная одежда сибирских крестьян в 1920-х годах	558
Чемчиева А.П. Тувинцы-тоджинцы в контексте индигенного движения	562

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Выборнов А.В., Грачев И.А., Зольников И.Д., Картозия А.А., Марковский Г.И., Славинский В.С., Слепченко С.М., Цыбанков А.А. Спасательные археологические раскопки на местонахождении Рябчиков Ключ-1 под городом Канском в 2015 году	567
--	-----

Выборнов А.В., Славинский В.С., Цыбанков А.А., Грачев И.А., Гревцов Ю.А., Журавков С.П., Лысенко Д.Н., Макаров Н.П., Марковский Г.И., Матвеев В.Е., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Фокин С.М. Спасательные археологические раскопки под городом Канском в 2015 году	571
Выборнов А.В., Славинский В.С., Цыбанков А.А., Марковский Г.И., Грачев И.А., Гревцов Ю.А., Журавков С.П., Киргинеков Э.Н., Зольников И.Д., Картозия А.А., Леонтьев В.П. Древнейшие культурные отложения на Анжевском комплексе археологических памятников: обзор спасательных раскопок 2015 года	575
Ломов П.К., Батаргина И.А. Предварительные результаты разведочных работ 2015 года на территории Сургутского района ХМАО – Югры	579
Марковский Г.И., Киргинеков Э.Н., Грачев И.А., Цыбанков А.А., Славинский В.С., Выборнов А.В. Спасательные раскопки могильника карасукской культуры Подкунинский-1 в Республике Хакасии	583
Постнов А.В., Зольников И.Д., Назаров К.Н., Гладышев С.А., Скоробогатова А.Ю. Спасательные раскопки поселения Сырой Аган-1	587
Цыбанков А.А., Колонцов С.В., Присекайло А.А. Предварительные результаты археологической разведки на островах и в прибрежных зонах Новосибирского водохранилища и реки Оби в 2015 году	592
Цыбанков А.А., Нестеров С.П., Дудко А.А., Алкин С.В., Ахметов В.В., Шеломихин О.А., Першин Р.К. Предварительные результаты археологических работ в зоне затопления Нижнебурейской гидроэлектростанции в 2015 году (Амурская область)	597
Цыбанков А.А., Постнов А.В., Кениг А.В., Ломов П.К., Назаров К.Н., Батаргина И.А. Методические проблемы сохранения объектов археологического наследия, выявленных при обследовании технического состояния ОАН в Сургутском районе ХМАО – Югры	601
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	605

CONTENTS

ARCHAEOLOGY OF STONE AGE. PALEOECOLOGY

A.K. Agadjanian, M.B. Kozlikin, M.V. Shunkov. The New Data on Small Vertebrate Fauna from Eastern Gallery of Denisova Cave	7
E.V. Akimova, V.M. Kharevich, D.S. Elistratov, N.A. Chaschina, A.A. Chebykin. Study of the Sites dated to Pleistocene–Holocene Boundary in the Northern Area of Krasnoyarsk Water Reservoir	11
A.A. Anoykin, M.A. Borisov. Stone Industry of the Upper Artificial Complex from the Rubas-1 Site (Based on the Excavated Materials of 2015)	15
N.E. Belousova. About the Method of Raw Material Units	19
V.V. Bobrov, A.G. Marochkin, A.Yu. Yurakova. Neolithic Settlement and Burial Complex Research at the Avtodrom-1 Site of Baraba Forest-Steppe in 2015	23
N.S. Bolikhovskaya, M.B. Kozlikin, M.V. Shunkov. Plalynostratigraphy and Preliminary Reconstruction of Environmental Conditions in Forming the Upper Part of Pleistocene Section in Eastern Gallery of Denisova Cave	28
S.K. Vasiliev, E.P. Rybin, T.I. Nokhrina. Faunal Remains from Deposits of Biyka-1 and Biyka-2 Caves (Mountain Altai) and their Archaeological Context	31
S.K. Vasiliev, M.A. Serednyov, K.I. Milyutin, I.Yu. Slyusarenko, M.B. Kozlikin, A.M. Chekha. Collecting of the Theriofaunal Materials at the Rivers Chumysh (Altai Region) and Ob near Bibikha Village (Novosibirsk Region) in 2015	36
P.V. Volkov, S.A. Gladyshev, T.I. Nokhrina. Processing Technology of the Ostrich Eggshell and Stone Ornaments (Materials from Chikhen Cave, Mongolia)	41
E.A. Girchenko. Technical Typological Analysis of Neolithic Ceramics from PRC: Some of Results	45
A.P. Derevianko, L. Bulatovich, V.A. Ulianov, K.K. Pavlenok, M.B. Kozlikin, A.V. Kandyba, A.A. Anoykin, G. Chulovich. Sediment Stratigraphy of Bioche Rockshelter (Montenegro)	49
A.P. Derevianko, K.K. Pavlenok, S.V. Shneider, M. Kot, C. Szymczak, M. Krajcarz, S.Yu. Lazarev, A. Radzhabov, M. Khuzhanazarov. A New Variant of Middle Paleolithic Industry in the Western Tian Shan	53
A.P. Derevianko, A.G. Rybalko, A.Yu. Devyatova. The Lower Paleolithic Investigation in Western Caspian Region (Materials of Darvagchai-Zaliv-4 Site)	58
A.P. Derevianko, Zh.K. Taymagambetov, A.A. Anoykin, A.G. Rybalko, A.A. Dudko, A.A. Prisekaylo, A.V. Kandyba, K.K. Pavlenok, V.M. Kharevich, G.T. Iskakov, T.B. Mamirov. The Preliminary Results of 2015 Survey Campaign at the Coastline of the Ancient Lakes in Pavlodar Region (Northern Kazakhstan)	62
A.P. Derevianko, Zh.K. Taymagambetov, A.G. Rybalko, A.A. Anoykin, K.K. Pavlenok, V.M. Kharevich, A.A. Dudko, A.V. Kandyba, A.A. Prisekaylo, G.T. Iskakov, T.B. Mamirov. The Exploration on the Middle Shiderty River (Pavlodar Region of the Republic of Kazakhstan)	67
A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, M.B. Kozlikin, A.M. Chekha. Characteristics of the Paleolithic Complexes from Denisova Cave (Records of 2015)	71
A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, Zh.K. Taymagambetov, A.A. Anoykin, A.G. Rybalko, A.A. Dudko, A.V. Kandyba, K.K. Pavlenok, A.A. Prisekaylo, V.M. Kharevich, G.T. Iskakov, T.B. Mamirov. Archaeological Survey at the Territory of Northern Kazakhstan in 2015	75
A.Yu. Kazanskiy. The New Data on Chronology Support of Middle Paleolithic Complex from Darvagchai-Zaliv-1 Site (South Eastern Dagestan)	78

A.V. Kandyba, S.E. Grigoriev, A.N. Tikhonov, P.A. Nikolskiy, T.F. Obade, M.Yu. Cheprasov, V.S. Makarov, G.P. Novgorodov. Field Research on the Bolshoy Lyakhovskiy Island (Eastern Russian Arctic Region)	82
A.V. Kandyba, A.G. Rybalko. A New Middle Paleolithic Object Darvagchai-Karier-2 (the Republic of Dagestan)	86
A.V. Kandyba, S.E. Fedorov, A.I. Dmitriev, K.I. Protodiakonov. A New Late Neo-Pleistocene Archaeological Object Syalakh Site in the Russian Arctic Region	90
A.I. Krivoshapkin, B. Viola, K.A. Kolobova, T. Chargynov, D. Bakchiev. The Renewed Research of the Sel-Ungur Cave (Kyrgyzstan)	94
A.I. Krivoshapkin, K.A. Kolobova, A.V. Shalagina, N.A. Rudaya. Characteristics of the Upper Unit from Strashnaya Cave Deposits: Materials of the 2015 Excavation Campaign	99
L.V. Lbova, V.S. Panov, V.N. Zenin, A.V. Barkov. The New Data for the Radiocarbon Age of the Malaya Syya Site	103
V.E. Medvedev, I.V. Filatova. The Current Focus on the Neolithic Complexes from the Settlements Near Kazakevichevo Village (1959–1960 Excavation Campaign)	107
V.E. Medvedev, Yu.B. Tsetlin. A New Data on the Early Pottery of the Malyshevo Neolithic Culture in the Far East	112
V.I. Molodin, L.N. Mylnikova, M.S. Nesterova, D.A. Nenakhov. The Discovery of Ground Graves at the Neolithic Burial Complex Vengerovo-2A in Baraba Forest-Steppe (Archaeological and Geophysical Research)	116
A.G. Novikov, H. MacKenzie, O.I. Goryunova, A. Livers. Russian Canadian Archaeological Research in Olkhon Region (Western Coast of Baikal Lake)	121
V.M. Novoseltseva. New Paleolithic Complexes in the Osa and Obusa River Valleys (Irkutsk Region) ..	125
T.I. Nokhrina, D.V. Smychagina, L.V. Lbova. The Spatial Modeling of the Cultural Horizons from Biyka-1 Cave (Mountain Altai)	129
N.D. Ovodov. When and Why Did the Modern White Hare Appear in Siberia?	133
N.D. Ovodov, A.M. Klementiev, N.V. Martynovich. The First Find of Canadian Otter in Pleistocene of Siberia	138
K.K. Pavlenok, G.D. Pavlenok, S.Yu. Lazarev, S.V. Shnaider, A. Radzhabov. The New Data on Stone Age of Uzbekistan: the Gyshtsai-1 Workshop-Camp in the Akhangaran River Valley	142
A.G. Rybalko, A.Yu. Devyatova. Correlation on Geochemical Evidence of the Stratigraphic Profiles at the Darvagchai-Zaliv-1 Site	148
E.P. Rybin, N. Zwyns, B. Gunchinsuren, A.M. Khatsenovich, V.M. Kharevich, Ts. Bolorbat, A.A. Anoykin, D. Odsuren, G.D. Pavlenok, R.A. Shelepaev. The Investigations of Tolbor 21 Multilayered Paleolithic Site (Northern Mongolia)	152
V.A. Ulianov, M.B. Kozlikin, M.V. Shunkov. Stratigraphic Profile of the Pleistocene Deposits in the Eastern Gallery of Denisova Cave (2015 Excavation Campaign)	157
A.M. Khatsenovich, E.P. Rybin. The Geometric Tools in the Late Upper Paleolithic of Mongolia	161
A.M. Khatsenovich, E.P. Rybin, G.D. Pavlenok, A.A. Anoykin, V.M. Kharevich, B. Gunchinsuren, Ts. Bolorbat, D. Odsuren, N.A. Kulik, A.Yu. Popov. The Final Field Research of Kharganyyn Gol 5 the Multilayer Paleolithic Site in Northern Mongolia	166
A.N. Chekha. To The Singling Out of Ust-Kutarey Archaeological Area in Northern Angara Region	171
S.V. Shnayder, A. Abdykanova, A.I. Krivoshapkin. The Results of 2015 Excavation Campaign at the Archaeological Site Obishir-5	174
M.V. Shunkov, N.E. Belousova. Middle Paleolithic Component of the Stone Industry from the Layers 8–11 of Ust-Karakol Site (Basing on the Spatial Analysis)	179
M.V. Shunkov, Zh.K. Taymagambetov, K.K. Pavlenok, A.A. Anoykin, A.G. Rybalko, V.M. Kharevich. Kurchum Workshop: a New Paleolithic Site at the Southern Altai	183
	615

ARCHAEOLOGY OF PALEOMETAL AND MIDDLE AGE

V.V. Akhmetov, S.V. Alkin. Sivachi the Fortified Settlement in the Shilka System of Medieval Hillforts	189
V.V. Bobrov, N.N. Moor. Research Results of the Lozhka-6 Site in 2015	193
L.A. Bobrov, A.K. Kushkumbayev, Yu.A. Filippovich. About Some Design Features and Combat Use of the Central Asian Ringed Carapace in the 16th–18th Centuries (Experimental Results in the Context of Interdisciplinary Research)	197
A.P. Borodovsky, E.V. Deev, I.D. Zolnikov, L. Oleszczak, Ya.V. Kuzmin, J. van der Plicht, M. Krompets. Archaeological Geological Study of Terrace of Lower Katun River Mountain Valley (Mountain Altay)	201
A.V. Vybornov, S.G. Skobelev, Yu.S. Khudyakov. New Materials of Excavated Late Medieval Burial ground on Mountain Unyuk (Right Bank of the Yenisei River)	206
Yu.V. Gerasimov, M.A. Korusenko. The Final Bronze Age Burial Ground at the Territory of Omsk ...	210
E.A. Girchenko, A.V. Varenov. Bronze “Sacred Altars” and “Spirit Sanctuaries” from the Sacrificial Pits of Sanxingdui	214
I.S. Gnezdilova. The Barrows of Kofun Epoch in Japan: the Constructive Specifics	220
E.I. Derevianko. Mohe – Tunguses	224
N.I. Drozdov, V.I. Makulov. Petroglyphs of the Torgalyk Depression in Southern Tuva	228
S.V. Zhilich, N.A. Rudaya, L.B. Nazarova, O.V. Palagushkina, S.K. Krivonogov. Changes in Chany Lake and Surrounding Landscape in the Second Half of Holocene	232
A.P. Zabiyako. Sun-Deer in the Xianlushan Petroglyphs	237
D.A. Ivanova, A.V. Tabarev, Yu.V. Tabareva. The Constructive Features of Jomon Dwellings: from Hokkaido to Okinawa	241
A.V. Kenig, E.A. Zaitseva. Results of Archaeological Study at the Gornopravdinsk Burial Ground in 2015 Field Season	246
K.Yu. Kiryushin. The Early Ceramics of the Boinikha-1 Settlement (Problems of Chronology, Periodization and Cultural Attribution)	249
K.Yu. Kiryushin, S.M. Sitnikov, O.N. Shabanova. Materials from the Second Horizon of the Dwelling No. 2 at the Novoil’inka VI Settlement (Preliminary Results)	253
Yu.F. Kiryushin, K.Yu. Kiryushin, S.G. Platonova, A.P. Ivanov. Lithic Artifacts from Novoil’inka VI Settlement: Petrographic Description and Express Analysis of Elemental Composition (Preliminary Results)	258
Yu.F. Kiryushin, D.V. Papin, A.A. Rednikov, A.S. Fedoruk, Ya.V. Frolov. Archaeological Investigation in the Steppe Altai in 2015	263
L.S. Kobeleva, I.A. Durakov, V.I. Molodin, M.S. Demakhina. The Complex Study of the Seregino-2 Hillfort on the Om River	267
Yu.N. Kovyreshina. To the 70th Anniversary of the Great Victory. The Contribution of the Scientists to the Victory over Fascism. A.P. Okladnikov	272
S.A. Komissarov, E.E. Voytishchik. About the Tujia People Origin	276
S.A. Komissarov, A.I. Soloviev, M.A. Kudinova. The Special Aspects of the Burial Architecture in China during the High Middle Age (Tang Dynasty)	280
E.P. Krupochkin, I.Yu. Slyusarenko. Geoarchaeological Analysis of the Sites Dated to Scythian Time from the Yustyt River Valley (South-Eastern Altai): Testing of Methodology and First Results ...	284
G.V. Kubarev. Kalbak Tash 2 Investigation	289
V.P. Labetsky. Ideological and Political Influence on the Methods of East Asian Archaeology in the Second Half of 19 Century: Works of N.M. Przhevalsky and M.V. Pevtsov	293

Zh.V. Marchenko, A.E. Grishin, M.S. Kishkurno, G.I. Galyamina, L.V. Nazarova. New Data for the Sites of Krokholevo Archaeological Area (Novosibirsk Ob Region)	297
E.A. Miklashevich. New Rock Art Sites in the Mountainous Massif of Oglakhty (Khakassia)	303
E.A. Miklashevich, L.L. Bove. Investigation of the Earliest Rock Art Imagery in the Minusinsk Basin in 2014–2015	308
O.A. Mitko, V.S. Panov, M.V. Seletskiy, E.V. Ukhanov. Elemental Analysis of Silver Plating Remains on the Iron Items from the Archaeological Sites of Yenisei Kyrgyz	313
V.I. Molodin, I.A. Durakov, L.S. Kobeleva, M.A. Korusenko. New Research of Rostovka Site near Omsk	316
V.I. Molodin, L.N. Mylnikova, I.A. Durakov, K.A. Borzykh, D.V. Selin, M.S. Nesterova, Yu.N. Kovyrshina. Demonstration of the Seima-Turbino Phenomenon at the Vengerovo 2 Settlement of Krotovo Culture (Baraba Forest-Steppe)	321
V.I. Molodin, D.A. Nenakhov, M.S. Nesterova, I.A. Durakov, S.K. Vasiliev. The Unique Production Complex at the Tartas 1 Site (Baraba Forest-Steppe)	326
V.I. Molodin, S. Hansen, I.A. Durakov, S. Rajnchol'd, N.S. Efremova, D.A. Nenakhov, Yu.N. Kovyrshina, L.N. Mylnikova, M.S. Nesterova, L.S. Kobeleva, K.A. Borzykh, I.V. Salnikova, M.S. Demakhina. Archaeological Complexes of the Developed and Late Bronze Age at the Tartas 1 Site: the Newest Results	332
V.P. Mylnikov. Production Technology of Saddle Shackles among Pazyryk People of Altai	337
V.P. Mylnikov, A.A. Tishkin. Wallet-Storage for Equipment among the Nomads of Xiongnu-Sarmatian Time in Altai	341
L.N. Mylnikova. About the Patterns of Interaction between the Bearers of Autochthonous and Intrusive Cultural Pottery Traditions during the Bronze to Iron Age Transition in the West Siberian Forest-Steppe	346
L.N. Mylnikova, D.V. Selin. The Social Hierarchy among the Population of Eastern Variant of Pakhomovo Culture (Materials of Stary Sad Burial Ground)	350
A.L. Nesterkina. The Kjudon Site of Initial Stage of Bronze Age at the Korea Peninsula	355
S.P. Nesterov. Ceramic Items from the Osinovo Ozero Settlement	360
A.V. Novikov, Yu.N. Garkusha, O.I. Novikova, A.V. Kenig, M.V. Moroz. Ust-Voikarskoe the Hillfort (the Township of Voikarskiy): Continue Study in 2015	365
D.V. Pozdnyakov, A.V. Zubova, T.A. Chikisheva. To the Anthropological Type of Early-Medieval Population in the Baraba (Materials of Preobrazhenka 6 Site)	370
N.V. Polosmak, V.A. Trunova, V.V. Zvereva, V.I. Kondratiev. Plaits from the Burial of 22th Noin-Ula Barrow: Results of Interdisciplinary Research and Interpretation	380
N.V. Polosmak, T.A. Chikisheva, E.S. Bogdanov, N. Erdene-Ochir. Investigation near Ballodovskiy Barrow: the Burials of Representatives of Military Elite (Noin Ula, Mongolia)	385
M.O. Sidorova, V.V. Barinov, Z.Yu. Zharnikov, V.S. Myglan. Dating of the Archaeological Wood Substance from the Site of Gornopravdinsk Burial Ground	390
A.I. Solovyev, E.A. Solovyeva. “New” Group of Axes from Western Siberia	394
E.A. Solovyeva, A.I. Solovyev. Specifics of the Food Ration among the Population of the Japanese Islands in Jomon Period	398
N.F. Stepanova. Special Aspects of Working Edge Treatment of the Denticulate Tools for Ornamenting in Altai Mountains and its Foothills during Eneolithic – Early Bronze Age	401
A.V. Tabarev. Stone and Wooden Statues in Manteca-Huancavilca Culture, Ecuador	405
S.F. Tataurov, M.L. Chernaya. The “Gorodni” of Tara (Results of Excavation in the Center of Tara in 2015)	409
L.V. Tataurova. Investigation of Ananjino 1 the Russian Complex of 17th – 19th Centuries in 2015	413
	617

K.N. Tikhomirov. The New Data for Culture of Turkicized Population in the South Taiga Zone of Middle Irtysh Region (16th – 18th Centuries)	417
S.S. Tikhonov. Archaeological and Historical Objects of Tara Town and Their Mapping	420
Yu.S. Khudyakov. The Complex-Composite Bow from the Ulug Choltukh Burial Ground in the Mountainous Altai	424
Yu.S. Khudyakov, A.Yu. Borisenko. Bronze Arrowheads from the Collection of Museum “Rarity” in Bishkek	427
Yu.S. Khudyakov, A.Yu. Borisenko, Zh. Orozbekova. Images of the Horsemen and Dismount Archers at the Petroglyphs from the Ton River Valley in Issyk Kul Region of Kyrgyzstan	430
Yu.S. Khudyakov, B.A. Sirazheva. Ornament on the Belly Buckles from the Kimak Burials in the Eastern Kazakhstan	433
Yu.S. Khudyakov, K.Sh. Tabaldiev, A.Yu. Borisenko, Zh. Orozbekova. Image of the Weapons on the Medieval Stone Statues from Southwestern Part of Issyk Kul Basin	437
D.V. Cheremisin, L.V. Zotkina, H. Plisson, C. Cretin, J.-M. Geneste, J.-J. Dellanoy, L. Ravanel, Ph. Deline. Study of Petroglyphs at the Russian Altai in 2015	441
D.V. Cheremisin, V.V. Kazakov, V.S. Kovalev, M.V. Zharikova. The Experience of 3D Structured Illumination Scanning of Rock Images	446
D.V. Cheremisin, E.A. Miklashevich. The Study of Sook Tyt the Petroglyphic Site (Southeastern Altai) in 2015	451
T.A. Chikisheva, D.V. Pozdnyakov. Height among Population of Baraba Forest-Steppe in Bronze Age (after Materials of Sopka 2 Site)	456
D.P. Shulga. Study of the Chinese “Norther Barbarian”: Materials of Russian Researchers	462
P.I. Shulga, D.P. Shulga. Scythian-like Cultures within China’s Territory in the 7th-3d Centuries B.C. and Their Connections with Nomads of Sayan and Altai Mountains	466
M.V. Shunkov, V.A. Ulianov, M.B. Kozlikin, A.M. Chekha. New Results of the Holocene Deposit Research in Denisova Cave	470

ETHNOGRAPHY

I.Yu. Aksenova. Summer Ceremonies among the Descendants of South Russian Settlers at the Altai in 1950–1970s	477
Sh.K. Akhmetova. The Role of Elite in the Formation of Ethnic Identity among the Kazakhs of Western Siberia	480
A.A. Badmaev, V.A. Burnakov, D.Ts. Tsydenova. The Traditional Costume in the Worldview and Rite of Buryats and Khakasses	484
A.V. Baulo. The Cultic Attributes of Northern Khanty from the Village of Starye Poslovy	488
F.F. Bolonev. The Birch in the Calendar Culture and Traditional Beliefs of the Siberian Peoples	492
S.V. Bugaeva, L.V. Krikau, I.V. Oktyabrskaya, R.A. Polyanskaya. General View on Museum Ethnographic Collections of Karasuk District in Novosibirsk Region	496
V.A. Burnakov. The Hunting Fetish “ <i>Kinen Tös</i> ” in Khakass Ceremonial Practice (Late 19th – Middle of 20th Centuries)	499
O.V. Golubkova. Christmastide customs among Ob Kommis (field materials of 2000s years)	503
V.V. Lygdenova, O.B. Dashinamzhilov. Inter-Territorial Migrations in the Western Siberian Towns in 1960s	507
A.A. Lyutsydarskaya. Siberian Fishery and Food Resource Procurement, Conformed to the Orthodox Worldview in 18 Century	511
A.Yu. Mainicheva. The Study of Ethno-Social Aspects of Human Behavior by Humane, Neurophysiological and Genetic Approaches: Directions and Perspectives	515

A.Yu. Mainicheva, E.I. Glukhikh, D.S. Rygovskiy. A House in a Russian Subsistent Culture of Khakass-Minusinsk Hollow: the New Materials	519
O.V. Maltseva. Contour of the Modern Sacred Space of the Amur Nanais	523
M.V. Moskvina. Ethnic Metal Jewelry from Republic of Khakassia in 2000–2010s	527
V.V. Nikolaev. Kumandins of the Suzop Local Council after the Great Patriotic War: demographic characteristics	530
V.V. Nikolaev, E.V. Samushkina. Ethno-Political Process among Kumandins of Altai Territory (Boundary of 20–21st Centuries)	534
I.V. Oktyabrskaya. The Concept of the “Way” in the Culture of Altai Kazakhs	538
E.Yu. Pavlova, M.V. Moskvina. The Programs of Khakass Cultural Heritage Preservation and Perspectives on Development of Native Art Handicraft	541
I.V. Salnikova. To the Sacred Meaning of the Arrows (Ritual Arrows from the Sacred Sites)	545
E.V. Samushkina. The Construction of Sacred Space in the Modern Social and Political Discourse of the Republic of Altai	549
A.G. Seleznev. City People out the City: Ethnographic Study of the New Ecovillages at the Territory of Omsk Region (2015 Expedition Campaign)	553
E.F. Fursova. “New Every Day Life” Politics and Traditional Dress of the Peasants in 1920s	558
A.P. Chemchieva. Tuvinians-Todzhu in the Context of Indigenous Movement	562

RESCUE ARCHEOLOGY

A.V. Vybornov, I.A. Grachev, I.D. Zolnikov, A.A. Kartoziya, G.I. Markovskiy, V.S. Slavinskiy, S.M. Slepchenko, A.A. Tsybankov. Rescue Archaeological Excavation at the Ryabchikov Klyuch 1 Site near Kansk in 2015	567
A.V. Vybornov, V.S. Slavinskiy, A.A. Tsybankov, I.A. Grachev, Yu.A. Grevtsov, S.P. Zhuravkov, D.N. Lysenko, N.P. Makarov, G.I. Markovskiy, V.E. Matveev, I.V. Stasyuk, E.A. Tomilova, S.M. Fokin. Rescue Archaeological Excavation near Kansk in 2015	571
A.V. Vybornov, V.S. Slavinskiy, A.A. Tsybankov, G.I. Markovskiy, I.A. Grachev, Yu.A. Grevtsov, S.P. Zhuravkov, E.N. Kirginekov, I.D. Zolnikov, A.A. Kartoziya, V.P. Leontiev. The Most Ancient Cultural Deposits at the Anzhevsk Complex of Archaeological Sites: Review of 2015 Rescue Excavation Campaign	575
P.K. Lomov, I.A. Batargina. 2015 Survey Campaign at the Territory of Surgut District in KHMAD – Yugra: Preliminary Results	579
G.I. Markovskiy, E.N. Kerginekov, I.A. Grachev, A.A. Tsybankov, V.S. Slavinskiy, A.V. Vybornov. Rescue Excavation of Podkuninsky-1 the Karasuk Burial Ground in the Republic of Khakassia	583
A.V. Postov, I.D. Zolnikov, K.N. Nazarov, S.A. Gladyshev, A.Yu. Skorobogatova. The Rescue Excavation of the Syroy Agan 1 Settlement	587
A.A. Tsybankov, S.V. Kolontsov, A.A. Prisekailo. Preliminary Results of Archaeological Survey on the Islands and Coastal Areas of Novosibirsk Reservoir and Ob River in 2015	592
A.A. Tsybankov, S.P. Nesterov, A.A. Dudko, S.V. Alkin, V.V. Akhmetov, O.A. Shelomikhin, R.K. Pershin. The Preliminary Results of 2015 Archaeological Exploration in Inundation Area of Lower Bureya Hydro-Electric Power Station (Amur Region)	597
A.A. Tsybankov, A.V. Postnov, A.V. Kenig, P.K. Lomov, K.N. Nazarov, I.A. Batargina. The Problems in Approaches to Archaeological Heritage Preservation: Evidence from Estimation of Its Technical Condition in Surgut District of KHMAD – Yugra	601
LIST OF ABBREVIATIONS	605

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ, АНТРОПОЛОГИИ СИБИРИ
И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

Материалы Итоговой сессии
Института археологии и этнографии СО РАН 2015 года

Том XXI

Корректоры *Е.В. Кузьминых, В.В. Игнатьева, Д.В. Снытникова, А.В. Коненко*

Переводчик *А.М. Хаценович*

Технический редактор *Т.А. Клименкова*

Дизайнер *А.А. Фурсенко*

Подписано в печать 00.00.15 г. Бумага офсетная. Формат.
Усл. печ. л. . Уч.-изд. л. . Тираж экз. Заказ № .

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17.